ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В.,

1876.

Исторія какого либо народа есть изображеніе его прошлой жизни. Постепенное развитіе этой жизни, свѣтлыя и темныя стороны его быта, счастливыя и бѣдственныя эпохи имъ испытанныя, многообразная внѣшняя и внутренняя борьба, которую онъ велъ, перевороты, которымъ онъ подвергался—все это составляетъ задачу исторіи. По отношенію къ исполненію своему ея задача распадается на двѣ стороны, впрочемъ неразрывно между собою связанныя: съ одной стороны она наука, съ другой искусство. Изученіе источниковъ и пособій, ихъ взаимная провѣрка или критическое къ нимъ отношеніе, возстановленіе событій въ ихъ истинномъ видѣ, разъясненіе ихъ причинъ и слѣдствій, опредѣленіе естественныхъ и общественныхъ условій и различныхъ вліяній, вѣрная, по возможности безпристрастная, оцѣнка дѣятелей и обстоятельствъ и т. п. — вотъ научная приуготовительная сторона историческаго труда. За выполненіемъ этой стороны слѣдуетъ работа, такъ сказать, творческая. Изобразить событія, обстоятельства и лица такими, какими онѣ представляются воображенію самаго историка; при чемъ соблюсти историческую перспективу, т. е: выдвинуть на передній планъ важное и существенное; не быть подавлену матеріаломъ, а наоборотъ овладѣть имъ и подчинить его себѣ; дать каждой части свое мѣсто; найти всему соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ; усвоить своему изложенію достойный высокой задачи, благородный стиль, и согрѣть это изложеніе своимъ собственнымъ теп-

лымъ участіемъ, своею любовью къ предмету — вотъ тотъ художественный идеалъ, къ которому долженъ стремиться историческій писатель.

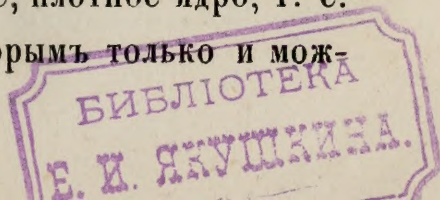
Говорятъ, исторія прошлаго есть великая наставница и поучительница для новыхъ поколѣній. Совершенно вѣрно. Но историкъ не имѣетъ въ виду писать поученіе. Послѣднее вытекаетъ само собою, если его трудъ хорошо исполненъ. Ближайшая его цѣль заключается въ томъ, что бы, возсоздавая въ словѣ прошедшія вѣка своего народа, способствовать развитію народнаго самопознанія.

Исторія разсматриваетъ человѣческое общество; она стремится раскрыть самые законы и основанія, на которыхъ это общество существуетъ и развивается. Единственная доселѣ извѣстная форма, въ которой совершались общественная жизнь и общественное развитіе, это форма государственнаго быта, весьма разнообразная въ своемъ приложеніи. Историческими являются только тѣ народы, которые усвоили себѣ эту форму. Народы же, неусвоившіе ея, остались на степени дикарей. Отсюда естественная и неразрывная связь исторіи какого либо народа съ движеніемъ его государственнаго быта. Но свою жизнь и движеніе народъ проявляетъ въ своихъ представителяхъ. Вотъ почему исторія по преимуществу имѣетъ дѣло съ лицами, стоящими во главѣ народа и вообще съ тѣми дѣятелями, посредствомъ которыхъ онъ проявляетъ себя въ разныхъ сферахъ общественнаго развитія. Народная масса есть ничто иное какъ этнографическая почва, которая выдѣляетъ изъ себя дѣйствующія лица. Эта почва или этотъ этнографическій организмъ съ его своеобразными, характерными чертами также долженъ быть по возможности оттѣненъ въ историческомъ изложеніи и приведенъ въ тѣсную связь съ

событіями и лицами. Но отъ историческаго писателя несправедливо было бы требовать, что бы онъ уловилъ и изобразилъ всѣ возможныя стороны, всѣ возможныя проявленія общественной или народной жизни. Это превышало бы силы одного человѣка и сдѣлало бы изъ исторіи нѣчто необъятное, безконечное. Историкъ не долженъ расплываться въ мелочныхъ обозрѣніяхъ бытовыхъ сторонъ и теряться въ чрезвычайной сложности историческаго матерьяла; повторяю, онъ долженъ найти и оттѣнить наиболѣе важное, наиболѣе существенное.

Я конечно далекъ отъ увѣренности осуществить въ задуманномъ трудѣ всѣ эти pia desideria; но почту себя исполнившимъ свой долгъ и счастливымъ, если мнѣ удастся сколько нибудь приблизиться къ своему идеалу и сдѣлать что либо на томъ поприщѣ, на которомъ мы уже имѣемъ великіе труды Карамзина и Соловьева и кромѣ того замѣчательное начало Русской исторіи Бестужева Рюмина.

Послѣдовательное изложеніе Отечественной исторіи я начинаю съ того момента, когда Русскій народъ выступилъ на широкое историческое поприще и заставилъ громко говорить о себѣ иноземныхъ писателей, пока еще не имѣлъ своихъ собственныхъ. Я беру его великимъ, туземнымъ народомъ Восточной Европы, не приходившимъ откуда-то изъ за моря въ IX вѣкѣ и не призывавшимъ къ себѣ чужеземныхъ властителей, а имѣвшимъ своихъ собственныхъ племенныхъ князей. Доказательства этого положенія собраны мною въ особой книгѣ („Разысканія о началѣ Руси"), куда и отсылаю желающихъ съ ними познакомиться. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основу нашей національности и нашего государства положено крѣпкое, плотное ядро, т. е. могучее Славянорусское племя, которымъ только и мож-



но объяснить замѣчательную живучесть и прочность нашего государственнаго организма.

Не возлагаю на себя никакихъ точныхъ обязательствъ относительно выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ частей предпринятаго труда. Могу только обѣщать, что буду работать надъ ними по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Тѣмъ менѣе дерзаю расчитывать на благополучное достиженіе конца. Ars longa, vita brevis.

Москва. 1876 г. 9 апрѣля.

I.

РУСЬ ПОДЪ ЦАРЬГРАДОМЪ.

Положеніе Константинополя. Его дворцы и храмы. Состояніе имперіи. Михаилъ III и Василій Македонянинъ. Нападеніе Руси въ 865 г. Осада и патріархъ Фотій. Первое крещеніе Руси. Происхожденіе русскаго государственнаго быта. Кіевъ и объединеніе восточныхъ Славянъ. Торговля съ Греціей. Договоры Олега. Мирныя и враждебныя сношенія съ мусульманскимъ востокомъ. Печенѣги.

Когда Константинъ Великій задумалъ перенести на востокъ столицу Римской имперіи, онъ долго искалъ для нея наилучшаго мѣста. Вниманіе его останавливалось на разныхъ городахъ. Ему нравилось положеніе древнихъ Сардъ на берегахъ золотоноснаго Паткола; привлекала его также и богатая Ѳессалоника; приходило ему на умъ построить столицу на мѣстѣ столь прославленной Трои, или выбрать для нея виѳинскій городокъ Халкедонъ; но онъ не повторилъ ошибки, въ которую впалъ основатель этого городка. Халкедонъ возникъ полутора столѣтіями ранѣе чѣмъ лежащая въ виду его Византія. Говорятъ, персидскій царь Дарій во время своего похода въ Скиѳію, осмотрѣвъ берега Ѳракійскаго Воспора, сказалъ объ основателѣ Халкедона, что онъ былъ слѣпъ, потому что не выбралъ такой превосходной мѣстности, какую занимала Византія. Во время Константина этотъ послѣдній городъ представлялъ печальныя развалины, будучи разрушенъ лѣтъ за сто передъ тѣмъ въ эпоху междоусобныхъ войнъ, раздиравшихъ имперію. На немъ то великій императоръ остановилъ свой выборъ, и основалъ здѣсь другой Римъ, другой вѣчный городъ.

Изъ Чернаго моря въ Мраморное ведетъ узкій проливъ, который змѣею извивается между гористыми берегами. Со стороны Чернаго моря берега эти круты, мѣстами обнажены, скалисты и представляютъ довольно дикій видъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ очерки ихъ болѣе и болѣе смягчаются, и особенно живописнымъ является болѣе возвышенный европейскій берегъ. Довольно богатая растительность покрываетъ его вершины и скаты; тутъ между прочимъ красуются широковѣтвистые платаны и кедры и привлекаютъ своею темною зеленью рощи пирамидальныхъ кипарисовъ. Тамъ, гдѣ проливъ или т. наз. Боспоръ Ѳракійскій сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ отъ себя вѣтвь, которая далеко врѣзывается въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій заливъ еще у древнихъ носилъ названіе Керасъ, т. е. рогъ, такъ какъ къ концу онъ нѣсколько загибается и напоминаетъ бычачій рогъ. Впослѣдствіи ему дали названіе Золотаго Рога. Полуостровъ или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, а съ другой Золотымъ Рогомъ, и упирающійся своею вершиною въ Боспоръ, есть то мѣсто, на которомъ раскинулся дивный городъ.

Константинополь подобно древнему Риму расположенъ на семи холмахъ, и подобно ему былъ раздѣленъ на четырнадцать частей. Эти семь холмовъ представляютъ гребень, который перещепывается долинами. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города или Византійскій акрополь. Здѣсь сосредоточивались важнѣйшія и наиболѣе великолѣпныя постройки; такъ какъ почти весь этотъ холмъ былъ занятъ императорскимъ дворцомъ и примыкавшими къ нему храмами и площадями. Дворецъ представлялъ цѣлый лабиринтъ роскошныхъ залъ, покоевъ, портиковъ, перистилей, храмовъ, часовенъ, внутреннихъ двориковъ, термъ, садовъ и т. п. Основанный Константиномъ Великимъ, онъ потомъ постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которыя совершены разными императорами. Внутренности залъ и покоевъ были изукрашены золотомъ и мозаичными изображеніями; галлереи и площадки пред-

ставляли пріятную перспективу своими мраморными колоннадами разныхъ цвѣтовъ, а также мраморными и бронзовыми статуями. Разныя отдѣленія этого дворца-лабиринта носили разныя названія. Укажемъ нѣкоторыя.

На самомъ берегу моря, гдѣ Боспоръ сливается съ Пропонтидой, рядомъ съ императорской гаванью стоялъ особый замокъ или укрѣпленный дворецъ, называвшійся Вуколеонъ. Названіе это сообщила ему находившаяся на его набережной мраморная группа, которая изображала быка, схваченнаго львомъ. Этотъ замокъ нерѣдко служилъ настоящимъ жилищемъ императоровъ. Далѣе за нимъ на возвышенности холма находилась слѣдующая группа дворцовыхъ зданій, между которыми первое мѣсто по своимъ размѣрамъ и украшеніямъ занималъ Хризотриклиній или Золотая палата (собственно Золотое ложе). Онъ представлялъ восьмиугольную ротонду, т. е. каждая изъ осьми его сторонъ заканчивалась полукруглымъ абсидомъ. Это была украшенная мозаиками главная тронная зала, въ которой совершались важнѣйшія церемоніи и пріемы иностранныхъ пословъ. За тѣмъ слѣдовали другія отдѣленія: напр. Магнаура или Большой дворецъ, Халкійскій или Мѣдный и Дафнійскій. Халкійскій получилъ свое названіе отъ бронзовыхъ воротъ искусной работы, а Дафнійскій вѣроятно отъ статуи Дафны, украшавшей одну изъ галлерей этого отдѣленія.

Извнѣ къ дворцовымъ зданіямъ примыкали Ипподромъ и Форумъ Августеонъ. Ипподромъ представлялъ выровненную продолговатую площадь, обведенную стѣнами, украшенную посрединѣ рядомъ нѣсколькихъ громадныхъ колоннъ и обелисковъ. При началѣ Ипподрома находился особый дворецъ, съ эстрады котораго императоръ и его дворъ смотрѣли на ристанія. Форумъ Августеонъ, т. е. Священный, представлялъ площадь, окруженную галлереей изъ аркадъ; по срединѣ онъ имѣлъ четырехъугольную тріумфальную арку съ большимъ крестомъ на верху, по бокамъ котораго стояли фигуры Константина и его матери Елены. Изъ числа статуй и колоннъ, красовавшихся на этомъ форумѣ, особенно замѣчательна колос-

сальная конная статуя императора Юстиніана, изображеннаго въ видѣ Ахиллеса.

Одною своею стороною форумъ Августеонъ примыкалъ къ первому святилищу Византіи, къ храму св. Софіи. Въ оградѣ императорскаго дворца заключалось много изящныхъ храмовъ и базиликъ; но всѣ они далеко уступали св. Софіи, которая служила вмѣстѣ и придворнымъ императорскимъ храмомъ и главною соборною церковью всей столицы.

Какое перо въ состояніи изобразить красоту Софійскаго храма! Извнѣ съ трехъ сторонъ его окружали величественные закрытые портики или притворы; а внутри онъ представляетъ чрезвычайно пріятную перспективу: это продолговатый оvалъ, по бокамъ обрамленный двухъярусной колоннадой. Нижніе ряды колоннъ поддерживаютъ верхнюю галлерею, которая идетъ вокругъ стѣнъ внутри всего храма, за исключеніемъ абсида или алтарной части. Эта галлерея составляла обычную принадлежность византійскихъ церквей и называлась гинекеемъ, потому что назначалась для женскаго пола, который у Грековъ слушалъ богослуженіе отдѣльно отъ мужскаго. Надъ срединною частью зданія возвышается обширный куполъ, очень мало выпуклый, у основанія своего имѣющій многочисленные просвѣты, а потому кажущійся необыкновенно легкимъ. По гармоніи частей, изящной простотѣ и выдержанности стиля Софійскій храмъ и въ настоящее время представляетъ первое зданіе въ мірѣ; римскій соборъ св. Петра далеко уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ храмъ своими внутренними украшеніями, т. е. разноцвѣтными мраморами и роскошными мозаиками, которые покрывали его стѣны! Строитель Софіи Юстиніанъ I имѣлъ полное право въ день освященія храма воскликнуть: „Слава Всевышнему, который удостоилъ меня совершить это дѣло. Я превзошелъ тебя, Соломонъ!“ (Со времени мусульманскаго ига внутреннія украшенія скрыты подъ густымъ слоемъ штукатурки, а снаружи зданіе обезображено разными пристройками).

Греки любили давать своимъ храмамъ имена въ честь божественныхъ свойствъ и добродѣтелей. Такъ неподалеку отъ св. Софіи или Премудрости Божіей находился храмъ св. Ирины, т. е. храмъ Мира или Согласія, построенный Константиномъ В. (Въ настоящее время это самый древній изъ дошедшихъ до насъ византійскихъ храмовъ. Турки обратили его въ арсеналъ). Далѣе къ западу на IV-мъ холмѣ находился величественный храмъ св. Апостоловъ, въ которомъ погребались византійскіе императоры. (Турки выбросили изъ него богатые мраморные саркофаги съ ихъ останками, разрушили церковь и на мѣстѣ ея воздвигли мечеть, извѣстную подъ именемъ Могамедіе). Многіе замѣчательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальныя колонны и статуи были разсѣяны по обширной Византіи. Было еще и нѣсколько особыхъ дворцовъ. Изъ послѣднихъ назовемъ Гебдомонъ съ храмомъ Іоанна Предтечи. (Остатки какого то красиваго зданія, уцѣлѣвшіе въ сѣверозападномъ углу города подлѣ Большихъ стѣнъ, считаются именно за остатки дворца Гебдомонъ). Не подалеку отъ него въ томъ же углу, ближе къ Золотому Рогу, въ части города называвшейся Влахернами, находился Влахернскій дворецъ съ термами и знаменитымъ храмомъ Богородицы.

Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями; но особенною крѣпостью и массивностію отличались Большія стѣны, защищавшія его съ сухаго пути; онѣ были двойныя и упирались однимъ концомъ въ Золотой Рогъ, а другимъ въ берегъ Мраморнаго моря. Изъ многихъ воротъ, заключавшихся въ этихъ Большихъ стѣнахъ, наиболѣе знамениты Золотыя, названныя такъ по своимъ украшеніямъ; они прилегали къ сторонѣ Мраморнаго моря. Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, внутри города на VII-мъ холмѣ, расположенъ былъ Студійскій монастырь Іоанна Крестителя, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ монастырей цареградскихъ. Монастырь этотъ замѣчателенъ для насъ по своему послѣдующему вліянію на русское монашество и на русскую письменность.

За Большими стѣнами лежало Пегійское предмѣстье съ

загороднымъ дворцомъ и храмомъ Богородицы. Пегійскимъ онъ названъ по источникамъ, тамъ находившимся. За тѣми же стѣнами расположены были и другія селенія и монастыри. Между прочимъ на берегу Золотаго Рога за Влахернами лежало предмѣстье съ монастыремъ св. мученика Мамы. Въ этомъ предмѣстьѣ обыкновенно проживали русскіе торговцы, приходившіе въ Константинополь на своихъ лодкахъ однодеревкахъ. Золотой Рогъ служилъ превосходною гаванью, въ которой находили себѣ удобную стоянку многочисленныя торговыя и военныя суда. На другой сторонѣ этого залива, тамъ гдѣ онъ соединяется съ Боспоромъ, лежало предмѣстье Галата, носившее прежде названіе Сике, т. е. Смоковницы. Отъ этого предмѣстья къ оконечности Константинопольскаго полуострова, въ случаѣ надобности, протягивались желѣзныя цѣпи, которыя запирали входъ въ Золотой Рогъ. На противуположной сторонѣ Боспора лежало другое большое предмѣстье или пригородъ Константинополя, Хризополисъ, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Скутари. Затѣмъ по обоимъ берегамъ Боспора разсѣяны были селенія, монастыри, загородныя виллы и т. п. ([1])

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Византія только что успокоилась отъ внутреннихъ смутъ, причиненныхъ иконоборческой ересью. Ѳеодора, супруга императора Ѳеофила, одного изъ ревностныхъ иконоборцевъ, послѣ его смерти получила въ свои руки верховную власть по малолѣтству своего сына Михаила III. Первымъ ея дѣломъ было возстановленіе иконопочитанія, которое и утверждено созваннымъ ею духовнымъ соборомъ 842 года. Съ возобновленіемъ иконопочитанія вновь оживились и нѣкоторыя отрасли искусствъ. Имперія представила свое обычное явленіе. Сколько разъ во время смутъ, мятежей и непріятельскихъ нашествій она казалась близка къ разложенію или къ совершенному упадку. Но едва наступало затишье или на престолѣ появлялась умная, энергичная личность, какъ опять обнаруживались признаки могущества и процвѣтанія. Столько было еще жизненныхъ силъ въ этомъ съ виду ненадежномъ организмѣ и въ этой образованности, представлявшей замѣчательное сочетаніе христіан-

скихъ началъ съ классическими воспоминаніями, эллинизма съ варварствомъ, неограниченнаго самодержавія съ республиканскими преданіями. Но что особенно служило для Византійской имперіи неистощимымъ источникомъ ея процвѣтанія, ея блеска и обаянія въ глазахъ варварскихъ народовъ, это замѣчательное развитіе ея промышленности и искусствъ. Въ Царьградъ конечно стекались изъ провинцій наиболѣе искусные ремесленники и художники; вообще здѣсь искали себѣ счастья и богатства наиболѣе энергичные, даровитые и предпріимчивые люди. Изобиліе товаровъ, художественныхъ произведеній и всякаго рода услугъ развивали сильную роскошь въ средѣ столичныхъ обитателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживали въ ней привязанность къ веселой жизни, къ зрѣлищамъ и другимъ удовольствіямъ. Сюда собирались торговцы почти изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, чтобы мѣнять свои сырыя произведенія на греческія издѣлія. Но наиболѣе роскошныя издѣлія, напримѣръ самыя дорогія шелковыя ткани (паволоки), византійское правительство даже запрещало вывозить изъ имперіи для того, чтобы варвары и въ самой одеждѣ своей не могли сравняться съ Греками; а къ варварамъ они причисляли и западные, т. е. латинскіе, народы того времени.

Имперія не долго пользовалась благоразумнымъ и бережливымъ управленіемъ Ѳеодоры. Сынъ ея Михаилъ едва достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, какъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и устранилъ свою мать отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Это былъ образецъ тиранническаго властителя, преданнаго пьянству и другимъ порокамъ. Своимъ характеромъ и наклонностями онъ напоминалъ римскаго Нерона, съ тою разницею, что имѣлъ вкусы еще болѣе грубые. Неронъ, играя передъ публикою на цитрѣ, добивался славы великаго артиста; а Михаилъ III страстно любилъ лошадей и главное свое достоинство почиталъ въ искусствѣ ристанія. Циркъ или ипподромъ — это любимое зрѣлище византійцевъ — при немъ оживился и получилъ значеніе болѣе важное чѣмъ всѣ государственныя дѣла. Въ одеждѣ возницы изъ партіи Голубыхъ Михаилъ самъ принималъ дѣятельное уча-

стіе въ конномъ бѣгѣ, и добивался побѣды надъ соперниками, которую они конечно уступали ему очень легко. Расказываютъ, будто бы однажды, когда императоръ стоялъ на колесницѣ и ожидалъ сигнала къ начатію бѣга, главный сановникъ привелъ къ нему гонца, который только что прибылъ изъ Малой Азіи съ извѣстіемъ о вторженіи Арабовъ. „Несчастный! — воскликнулъ Михаилъ—и въ такую критическую минуту ты приходишь меня безпокоить!“ На возвышенныхъ пунктахъ Малой Азіи устроены были сигнальные огни, что бы извѣщать о непріятельскомъ вторженіи; Михаилъ велѣлъ ихъ уничтожить; такъ какъ эти огни иногда тревожили жителей столицы и отвлекали ихъ вниманіе отъ ристаній цирка. Подобно своимъ предшественникамъ онъ воздвигъ нѣсколько храмовъ и другихъ изящныхъ или полезныхъ зданій; но главную свою заботу посвятилъ постройкѣ великолѣпныхъ дворцовыхъ конюшенъ; мраморъ и порфиръ украшали ихъ стѣны; онѣ были снабжены кромѣ того роскошными водоемами. Расказываютъ, что однажды, показывая кому то свои конюшни, Михаилъ выразилъ надежду, что это зданіе сдѣлаетъ безсмертнымъ его имя. „Государь, получилъ онъ въ отвѣтъ, Юстиніанъ построилъ и изукрасилъ св. Софію, и однако о немъ болѣе не говорятъ; а ты надѣешься пріобрѣсти безсмертіе этимъ вмѣстилищемъ навоза“. Правдивый отвѣтъ былъ награжденъ ударами бича.

Подтверждая указы объ иконопочитаніи и выставляя себя опорою православія, Михаилъ въ тоже время предавался разнаго рода кощунству и иногда публичному. Ѳеодора возвела на патріаршій престолъ Игнатія, человѣка строгаго и твердаго характера. Разумѣется, онъ сдѣлался непріятенъ Михаилу, и послѣдній позволялъ себѣ иногда самые недостойные поступки. Напримѣръ, во время торжественной процессіи, когда патріархъ шелъ во главѣ клира, на встрѣчу ему вдругъ появилась другая процессія: то былъ Михаилъ съ толпою своихъ любимцевъ, одѣтыхъ на подобіе митрополитовъ и епископовъ; одинъ изъ нихъ, по имени Гриллъ, изображалъ патріарха; причемъ съ акомпаниментомъ цитры онъ пѣлъ непри-

стойныя пѣсни. Поступокъ почти невѣроятный въ столицѣ православія, хотя о немъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые византійскіе историки. Дядя императора, по имени Варда, старавшійся поддерживать порочныя наклонности племянника съ цѣлью проложить себѣ путь къ престолу, особенно возненавидѣлъ патріарха за его смѣлыя обличенія. Онъ убѣдилъ наконецъ императора свергнуть Игнатія и поставить другаго патріарха. Выборъ Варды палъ на одного свѣтскаго сановника, дальняго родственника царствующей фамиліи, человѣка знаменитаго громадною ученостію и литературными трудами, но не отличавшагося высокими нравственными доблестями. Это былъ Фотій. Въ нѣсколько дней онъ прошелъ духовныя степени, и былъ посвященъ въ патріархи. Но такъ какъ Игнатій ни зачто не соглашался отречься отъ своего сана, и за него стояла значительная часть духовенства, то Фотій обратился въ Римъ къ папѣ Николаю съ просьбою объявить низложеніе Игнатія и подтвердить избраніе его, Фотія. Это обращеніе, сдѣланное въ личныхъ видахъ, оказалось великою политическою ошибкою со стороны Константинополя. Папа воспользовался случаемъ принять рѣшающій тонъ въ дѣлахъ всей христіанской церкви. Онъ не призналъ избранія Фотія, и потребовалъ возстановленія Игнатія. Отсюда возникла великая распря, сопровождаемая взаимными отлученіями; началось явное раздѣленіе церкви на Восточную и Западную.

Между тѣмъ при Византійскомъ дворѣ вокругъ безпечнаго и погруженнаго въ свои развлеченія Михаила III кипѣла неусыпная крамола; злые ковы и заговоры скрещивались и перепутывались между собою. Варда, носившій титулъ цезаря, приготовлялся занять мѣсто своего племянника; но противъ него уже дѣйствовала рука болѣе искусная и умъ болѣе изворотливый. То былъ новый любимецъ Михаила, Василій Македонянинъ, знаменитый основатель Македонской династіи. Впослѣдствіи, по воцареніи этой династіи, не замедлили сложиться легенды, которыя украсили исторію ея основателя. Родъ его начали производить съ отцовской стороны отъ армянскихъ Арзакидовъ, а съ матерней отъ Константина Великаго. Уже дѣтство его будто бы сопро-

вождалось чудными знаменіями и предсказаніями великой будущности. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей, и молодымъ человѣкомъ пришелъ пѣшкомъ изъ родной Македоніи въ столицу искать счастья въ службѣ какого нибудь вельможи. Наступила уже ночь, когда Василій подошелъ къ Золотымъ воротамъ. Усталый отъ долгаго пути, не имѣя гдѣ преклонить голову, онъ прилегъ на ступеняхъ у входа въ монастырь св. Діомеда. Здѣсь нашелъ его монастырскій вратарь, сжалился надъ нимъ и далъ ему пріютъ. Молодой человѣкъ былъ уменъ, статенъ и обладалъ замѣчательною физическою силою; онъ умѣлъ нравиться и пріобрѣтать покровителей. Благодаря пособію монастырскаго начальства, онъ дѣйствительно вступилъ въ службу одного вельможи, двоюроднаго императорскаго брата Ѳеофила, и скоро своею ловкостью и усердіемъ сдѣлался его любимцемъ. Однажды былъ пиръ у сына помянутаго Варды. Въ числѣ приглашенныхъ находились и болгарскіе послы; они хвастались силою одного изъ своихъ слугъ, котораго дотолѣ никто еще не могъ одолѣть въ единоборствѣ. Ѳеофилъ велѣлъ позвать Василія; послѣдній схватился съ Болгариномъ, и, съ помощью своей ловкости, тотчасъ бросилъ его на землю. Этотъ подвигъ заставилъ много говорить о немъ въ столицѣ, и сдѣлалъ его извѣстнымъ самому императору. Потомъ Василію удалось однажды во время охоты укротить царскаго коня, съ которымъ не могли справиться царскіе конюхи. Тогда Михаилъ взялъ его въ свою службу, и Василій быстро началъ возвышаться. Онъ дистигъ важной должности *паракимомена* (начальникъ внутреннихъ покоевъ) вмѣстѣ съ званіемъ патриція, и, чтобъ еще болѣе угодить Михаилу, женился на бывшей его любимицѣ, отославъ отъ себя свою первую супругу.

Къ этой то эпохѣ относится первое, извѣстное въ исторіи, появленіе нашихъ предковъ подъ стѣнами Константинополя. Михаилъ III, пожелавшій вдругъ отличиться военными подвигами, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ и приближенныхъ отправился въ Малую Азію, въ походъ противъ Сарацинъ, куда увелъ съ собою византійскіе легіоны; а начальство въ столицѣ поручилъ патрицію Никитѣ, прозваніемъ Орифа. Послѣдній носилъ еще званіе

друнгарія флота, и хотя до того времени не отличился никакими особыми заслугами на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, но повидимому былъ человѣкъ не безъ достоинствъ.

Послѣдующее событіе происходило приблизительно въ маѣ 865 года.

День склонялся къ вечеру, когда въ Царьградъ явились бѣглецы изъ селеній, расположенныхъ по берегамъ Ѳракійскаго Воспора, и принесли страшную вѣсть: многочисленные корабли варварскаго народа Рось вошли въ Боспоръ и плывутъ прямо къ столицѣ. Эта неожиданная вѣсть поразила жителей цареградскихъ, которые дотолѣ безпечно предавались своимъ занятіямъ и своимъ удовольствіямъ. Вмигъ брошены всѣ мелкія заботы и попеченія, всѣ забавы и суетныя помышленія; повсюду распространились ужасъ и смятеніе.

Варвары очевидно имѣли вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствіи императора съ легіонами и почти беззащитномъ положеніи столицы. Дѣло въ томъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ Русскимъ народомъ и допустило избить многихъ русскихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; ссора съ ними возникла изъ за какого-то незначительнаго долга. Тщетно Русь требовала удовлетворенія за обиду. Византійцы не обращали вниманія на эти требованія, и вотъ теперь, когда они ничего не ожидали, варвары воспользовались удобнымъ временемъ и внезапно нагрянули на Византію, прежде нежели корсунскіе или синопскіе Греки могли извѣстить столицу объ ихъ походѣ. Они конечно надѣялись не только отомстить за смерть товарищей, но и обогатиться несмѣтною добычею, которую сулило взятіе такого богатаго и великаго города каковъ былъ Константинополь.

Впечатлительные Византійцы легко переходили изъ одной крайности въ другую; ихъ высокомѣріе и презрѣніе къ варварамъ тотчасъ смѣнились робостью и страхомъ близкой смерти или жестокаго плѣна. Между тѣмъ Орифа и его помощники, по всѣмъ признакамъ, приняли зависящія отъ нихъ мѣры: они заперли городскія ворота, раз-

ставили по башнямъ находившуюся въ ихъ распоряженіи стражу и поспѣшили отправить гонцовъ къ императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу и смятеніе въ городѣ. Наиболѣе робкимъ умамъ ежеминутно представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ, — и настадъ всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣялся, вѣтеръ утихъ, морскіи волны улеглись, и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которые обступали Константинополь со стороны Боспора и Пропонтиды. Варвары, держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, грозили ими городу и испускали дикіе крики. Это были большею частію статные люди съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми, острыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатые подстриженные кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюду-острымъ лезвеемъ; а щиты, съуживающіяся къ низу, были такъ длинны, что закрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, Руссы высадились на берегъ, и по обычаю своему начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ тоже время часть ихъ разсѣялась по беззащитнымъ предмѣстьямъ и окрестностямъ Константинополя; они съ большою свирѣпостью принялись опустошать селенія и монастыри, истребляя огнемъ и мечемъ нивы, жилища, людей и скотъ, не щадя при этомъ ни младенцевъ, ни стариковъ, не смягчаясь никакими воплями и мольбами. Между прочимъ они захватили островокъ Теревинѳъ съ его монастыремъ, въ который былъ сосланъ патріархъ Игнатій, лишенный своего престола. Варвары разграбили здѣсь церковные сосуды и всю утварь; патріархъ какъ то спасся; но они схватили двадцать два человѣка изъ его монаховъ и слугъ, и всѣхъ изрубили топорами на кормѣ ладьи.

Въ отчаяніи своемъ жители Византіи обратились къ

тому, о чемъ они легко забывали въ дни мира и веселія, т. е. къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны и всенощныя бдѣнія; отверстые храмы были наполнены молящимся народомъ; при чемъ наиболѣе кающіеся стояли на колѣняхъ, били себя въ грудь, плакали и стенали. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій въ эту торжественную минуту явился вполнѣ достойнымъ своего сана и обнаружилъ замѣчательную силу слова. Съ Софійской каѳедры онъ яркими красками изображалъ варварское нашествіе какъ кару, ниспосланную Господомъ за тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе. При этомъ, смотря по теченію своихъ мыслей, онъ то называлъ варваровъ грозными и неодолимыми, и иногда выражался словами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, что бы дойти до втораго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья; онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его какъ шумъ моря", и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которымъ подверглась Византія. „О градъ, царь едва не всей вселенной! — восклицалъ онъ — Какое воинство ругается надъ тобою какъ надъ рабою: необученное и набранное изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычею многихъ народовъ, что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу! Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя". „Походъ этихъ варваровъ—замѣчаетъ онъ— схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить, и мы услыхали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря".

Патріархъ призывалъ къ покаянію, но не наружному только, а глубокому и искреннему. „Не вопите и не шумите. Перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны" — повторялъ онъ, и обѣщалъ заступленіе Божіе, если грѣшники имѣютъ твердое намѣреніе исправиться отъ своихъ беззаконій и поступать согласно съ заповѣдями Господними. „Было что посмотрѣть тогда!"—

говорилъ послѣ тотъ же Фотій. „Гордые смирились; сластолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ; жестокосердый сталъ милостивъ; преданный пьянству обѣщалъ не пить во всю жизнь; преданный чувственности добровольно далъ обѣтъ цѣломудрія, и вообще каждый всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и обѣщался впередъ исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно". Каялись жители Византіи также и въ нарушеніи договоровъ съ варварами и въ обидѣ имъ причиненной.

Между тѣмъ осада продолжалась; валъ, насыпаемый непріятелями, постепенно возрасталъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. „Наконецъ, возлюбленные, проповѣдывалъ Фотій, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней, единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатайницею передъ сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и сподручницею обѣтовъ нашихъ".

Главные византійскіе храмы изобиловали священными предметами; особымъ поклоненіемъ пользовались конечно тѣ предметы, которые въ народномъ вѣрованіи были связаны съ земною жизнію Спасителя и Богородицы. Напримѣръ, въ Софійскомъ соборѣ показывали вѣрующимъ пелены младенца Христа, золотые сосуды, принесенные ему въ даръ волхвами, копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и т. д. Во Влахернскомъ храмѣ хранились поясъ Богоматери и ея риза, т. е. какая либо часть одежды. Эта святыня чтилась въ особенности какъ надежная защита во время опасности, и вообще жители Царьграда почитали Богородицу главною заступницею и покровительницею своего города. Патріархъ взялъ ея ризу, и съ молитвенными пѣснопѣніями обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города. Вслѣдъ за тѣмъ непріятели поспѣшно сняли осаду, сѣли на свои корабли и покинули Боспоръ, обогащенные награбленною на его берегахъ добычею. Источники не даютъ намъ ближайшихъ объясненій этого поспѣ-

шнаго отступленія Руссовъ. Безъ сомнѣнія въ это именно время достигло до нихъ извѣстіе о приближеніи византійскихъ легіоновъ и кораблей; ибо Михаилъ III тотчасъ повернулъ назадъ, какъ только услыхалъ о нападеніи Руси на его столицу (2).

Русь ушла отъ Царьграда; но византійское правительство должно было озаботиться защитою отъ нея своихъ Черноморскихъ областей, особенно Херсонеса и другихъ греческихъ городовъ, находившихся въ Тавридѣ по сосѣдству съ таманскими и таврическими владѣніями Руси. Въ этой войнѣ союзницей Грековъ явилась христіанская религія: греческіе проповѣдники склонили часть варваровъ къ принятію крещенія. Тотъ же патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, обращенномъ къ восточнымъ епископамъ, извѣщаетъ ихъ, что не только племя Болгарское перемѣнило свое древнее нечестіе на вѣру во Христа; но тоже сдѣлало и племя Русское. „Народъ, столь часто многими превозносимый—пишетъ Фотій—и превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію и кровожадностію, т. е. Россы, которые, покоривъ окрестные народы, возгордились, и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя какъ преданные друзья; хотя не задолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе“ (т. е. нападеніе на самый Царьградъ).

Но Фотій очевидно преувеличивалъ размѣры обращенія и преданности со стороны Руси. Только новому императору, Василію Македонянину, который въ слѣдующемъ 867 году воцарился на мѣстѣ убитаго имъ Михаила III, удалось богатыми дарами изъ золота, серебра и шелковыхъ тканей склонить русскихъ вождей къ миру и возобновить съ ними торговые договоры. Тогда и обращеніе варваровъ въ христіанство сдѣлало еще болѣе успѣховъ, такъ что Игнатій, снова возстановленный на патріаршемъ престолѣ, назначилъ особаго архіепископа для этой крещеной Руси.

Такому обращенію варваровъ много способствовалъ при-

мѣръ ихъ соплеменниковъ Болгаръ. Около этого времени Азовско-Днѣпровская Русь подчинила себѣ то Болгарское племя, которое жило на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма и которое Русь освободила отъ Хазарскаго ига. Часть этихъ такъ наз. Черныхъ Болгаръ уже исповѣдывала христіанскую религію, проникшую къ нимъ изъ сосѣднихъ греческихъ городовъ, Херсонеса, Сугдіи, Боспора и др. Крещеные таврическіе Болгаре уже имѣли Евангеліе и нѣкоторыя другія священныя книги на родномъ языкѣ. Отъ нихъ то, по всей вѣроятности, знаменитые солунскіе братья, Кириллъ и Меѳодій, заимствовали церковнославянское письмо и начатки переводовъ Св. Писанія, которые и перенесли потомъ къ Славянамъ Дунайскимъ. Тоже церковнославянское письмо облегчило путь христіанской проповѣди и въ среду Русскаго народа, не задолго утвердившаго свое владычество на берегахъ Киммерійскаго Боспора въ городахъ *Корчево и Тмутракани*; такъ у мѣстныхъ Славянъ назывались древнія греческія колоніи, Пантикапея или Боспоръ и Ѳанагорія или Таматарха, откуда Русь вытѣснила Хазаръ.

Итакъ, первое громкое предпріятіе Руси, заставившее говорить о ней другіе народы, т. е. нападеніе на самый Константинополь, это предпріятіе совпадаетъ по времени съ началомъ Русскаго христіанства. Но вообще только незначительная часть Русскаго народа пока приняла крещеніе; а большинство хранило обычаи предковъ, и продолжало ревностно приносить кровавыя жертвы своимъ старымъ богамъ: Перуну, Волосу, Дажбогу, Стрибогу и проч. (3).

Какъ посреди ночной мглы иногда внезапный блескъ молніи прорѣзываетъ тучи и на мгновеніе озаряетъ окрестность; такъ нападеніе 865 года на Константинополь является для насъ яркимъ лучомъ свѣта на горизонтѣ начальной Русской исторіи, покрытой густымъ туманомъ. Басни и домыслы нашихъ старинныхъ книжниковъ только усилили этотъ туманъ и дали ложное направленіе тѣмъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ, которые пытались разъяснить древнѣйшія судьбы Русскаго народа.

Нападеніе 865 года и современныя о немъ свидѣтель-

ства неоспоримо указываютъ на многочисленное, воинственное племя Русь, которое издавна обитало въ юго-восточной Европѣ, именно въ странахъ Приазовскихъ и Приднѣпровскихъ, появляясь въ исторіи предыдущихъ вѣковъ подъ именами Роксаланъ и Антовъ, а иногда скрываясь подъ болѣе общими названіями Скиѳовъ и Сарматъ. Много перемѣнъ испытало это племя, много борьбы и усилій должно было оно вынести, прежде нежели успѣло окрѣпнуть и создать могучее ядро, изъ котораго развилась русская государственная жизнь и русская національность. Народы пришлые и туземные, чуждые и родственные поперемѣнно тѣснили Славянорусское племя, иногда подчиняли его себѣ, отрывали отъ него ту или другую вѣтвь, но никогда не могли его сломить. Нѣмецкіе Готы, финскіе Гунны и Угры, славянскіе Болгаре, черкесскіе Авары и Хазары, одни за другими или въ союзѣ другъ съ другомъ наступали на Антовъ — Русь, и угнетали ее. Но все вынесло, все преодолѣло это упругое племя, пока пробилось на широкую дорогу своей исторической жизни. Эта трудная и долгая школа закалила его характеръ и подготовила его къ послѣдующимъ испытаніямъ.

Изъ всѣхъ способностей, которыми природа щедро одѣлила Славянорусское племя, наиболѣе драгоцѣнными являются конечно его предпріимчивость, мужество и способность созидательная. Послѣдняя въ особенности необходима для самобытнаго развитія, и передовые историческіе народы обыкновенно обладаютъ ею въ высокой степени. Нужно имѣть значительный запасъ изобрѣтательности, трудолюбія и терпѣнія — особенно жителю сѣверныхъ странъ, — чтобы устроить свое жилище и оградить себя отъ суровыхъ вліяній климата, промыслить пропитаніе, и т. п. Но еще въ большей степени требуются тѣже качества, чтобы устроить свой общественный бытъ и охранить его отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Исторія показываетъ, что Славянскіе народы далеко не были лишены способности сосредоточивать свои силы и созидать государства; но въ ихъ характерѣ были и другія черты, которыя много мѣшали прочности такихъ со-

зиданій. Это излишняя впечатлительность, излишняя подвижность; она обусловливала даровитость Славянскаго племени; но она служила также источникомъ нѣкотораго непостоянства, нѣкоторой неустойчивости. Можно смѣло сказать, что даровитостью своею Славянское племя, напримѣръ, превосходитъ племя Нѣмецкое; но оно уступаетъ ему въ качествѣ болѣе драгоцѣнномъ, въ устойчивости и сосредоточенности, въ томъ, что называется силою характера. Къ счастію Россаланское или Русское племя въ этомъ отношеніи замѣтно выдвигается изъ своей Славянской семьи; уже съ самаго начала своей исторіи оно обнаруживаетъ терпѣніе и твердость, съ помощью которыхъ его творческая способность могла получить широкое развитіе на поприщѣ общественнаго и государственнаго быта. Этими чертами, т. е. сравнительно меньшею степенью впечатлительности и непостоянства, оно обязано какъ вліянію окружающей природы, такъ и своей исторической школѣ. и отчасти перекрещенію съ другими народностями, а именно съ готскими и финскими племенами, которые издревле обитали рядомъ съ нимъ въ Восточной Европѣ. Главная его вѣтвь издавна утвердилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю оно построило себѣ крѣпкіе города и положило начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей. Здѣсь Русь развила свою способность къ государственной жизни. Отсюда посредствомъ своихъ дружинъ она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпріимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечемъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ въ IX и X вѣкахъ сдѣлали громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Превосходство Русскаго племени съ особою силою выразилось въ его объединительныхъ стремленіяхъ, въ постепенномъ и неуклонномъ собираніи воедино своихъ широко раскинувшихся вѣтвей. Объединеніе совершалось подъ предводительствомъ того княжескаго рода, который утвердился въ Кіевѣ. Въ Кіевской области сосредоточилось наиболѣе энергичное, наиболѣе предпріимчивое россаланское племя Поляне или *Рось* въ тѣсномъ смыслѣ. Оно продолжало сохранять свою любовь къ судоходству и свои связи съ берегами Азовскаго моря, бывшими колыбелью этого племени. Тамъ еще жили значительныя его поселенія. Дружины Полянъ-Руси ходили почти во всѣ стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, налагая дани на своихъ сосѣдей. На восточной сторонѣ Днѣпра они объединили ближайшую свою вѣтвь россаланское племя Сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и имѣвшихъ своимъ средоточіемъ города Черниговъ и Любечъ. Подвигаясь къ сѣверу, пользуясь Днѣпромъ и его притоками, они подчинили себѣ на одной сторонѣ племя Радимичей, на другой Дреговичей. На верхнемъ Днѣпрѣ они утвердились въ Смоленскѣ, городѣ Кривичей. Постепенно углубляясь далѣе на сѣверъ, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладѣла берегами озера Ильменя, и водворилась въ главномъ средоточіи ильменскихъ Славянъ, въ знаменитомъ Новгородѣ, при истокѣ рѣки Волхова. Отсюда по Волхову, Ладожскому озеру и по рѣкѣ Невѣ она открыла себѣ путь для сношеній съ народами Скандинавіи. Другой водный путь въ Балтійское море пролегалъ по Западной Двинѣ. Ключомъ къ этому пути служилъ городъ Полоцкъ, и онъ къ началу X вѣка находился уже во владѣніи русскихъ князей.

Русь не довольствовалась днѣпровскими и ильменскими Славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, и здѣсь посреди Финскихъ народцевъ основала свои поселенія и свое владычество, укрѣпясь преимущественно въ Муромѣ на возвышенномъ берегу Оки, и въ Ростовѣ на низменныхъ берегахъ Ростовскаго озера. Но между тѣмъ какъ распространеніе Русскаго господства на сѣверѣ принимало такіе обширные размѣры, на югѣ и

2*

югозападѣ оно подвигалось съ трудомъ. Здѣсь въ области Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра жили хотя и родственные народы, но уже другой Славянской отрасли, не Россаланской, а Болгарской: Угличи, Тиверцы и отчасти Древляне или Волыняне. Покорить эти народы было нелегко, и у русскихъ лѣтописцевъ мы находимъ отголоски упорной борьбы, кипѣвшей когда-то между ними и властолюбивою Русью. Перевѣсъ остался за послѣднею, которая успѣла сосредоточить и развить свои силы въ то время, какъ означенные народы были раздроблены на многія владѣнія и общины. Легче подчинилась Руси та часть Тиверцевъ или Тавроскиѳовъ, которая обитала въ древнихъ своихъ жилищахъ на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма, и называлась иначе Черными Болгарами. Съ VI по IX столѣтіе эти Болгары были угнетены владычествомъ Хазаръ. Послѣдніе представляли народъ смѣшанный изъ пришлыхъ Турокъ завоевателей съ покоренными туземцами Хазарами или Черкесами. Русскіе князья вступили въ дѣятельную борьбу съ турко-хазарскими каганами, мало по малу освободили отъ ихъ ига Черныхъ Болгаръ, и утвердили собственное владычество на берегахъ Воспора Киммерійскаго, т. е. въ Корчевѣ и Тмутракани. Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, кіеворусскіе князья распространили свое господство отъ Ильменя до Тамани.

Дружины русскія приходили на устье Кубани изъ Кіевской области слѣдующимъ судовымъ путемъ: изъ Днѣпра въ его притокъ съ лѣвой стороны Самару; изъ Самары въ ея притокъ Волчью Воду; а отсюда небольшимъ волокомъ или вешнею полою водою ладьи входили въ Міусъ или Калміусъ, и такимъ образомъ достигали Азовскаго моря. Завладѣвъ берегами Киммерійскаго Воспора, Русь получила возможность развивать свое судоходство и по самому Черному морю, т. е. посѣщать берега его въ качествѣ торговцевъ и пиратовъ, и даже, какъ мы видѣли, сдѣлать набѣгъ на самый Царьградъ.

Для сношеній съ Византіей и Дунайскими Болгарами существовалъ другой путь въ Черное море, именно Днѣпромъ до самаго его устья; онъ былъ очень затрудните-

ленъ по причинѣ цѣлаго ряда огромныхъ пороговъ; но Русь умѣла преодолѣвать препятствія. Этотъ болѣе прямой путь особенно предпочитали торговые караваны. Обыкновенно зимою жители лѣсныхъ мѣстъ, прилегавшихъ къ верхнему и среднему Днѣпру, валили большія деревья и приготовляли изъ нихъ лодки — однодеревки, которыя при весеннемъ половодьѣ сплавляли по Днѣпру въ Кіевъ. Сюда собирались торговцы изъ разныхъ русскихъ городовъ, изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и другихъ. Они покупали однодеревки, оснащивали ихъ, снабжали всѣмъ нужнымъ для плаванія, нагружали товаромъ, и выступали въ путь. У города Витичева, лежавшаго на Днѣпрѣ немного ниже Кіева, караванъ останавливался дня на два, на три, чтобы дать время собраться всѣмъ судамъ. Затѣмъ онъ направлялся къ порогамъ.

Къ югу отъ устья Самары Днѣпръ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней, которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью; отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменныхъ острововъ. Рѣка шумными, кипящими волнами стремится сквозь пороги, и дѣлаетъ плаваніе чрезвычайно опаснымъ. Достигнувъ какого либо большаго порога — а ихъ въ тѣ времена насчитывали до семи, — Русскіе принимали разныя предосторожности и употребляли разные способы. Гдѣ это было возможно, они просто пускали свои ладьи по быстрой волнѣ; на иныхъ порогахъ гребцы сходили въ воду и проводили лодки подлѣ самаго берега по мелкому каменистому дну; а гдѣ высокое паденіе воды и острые камни представляли неизбѣжную гибель, тамъ они выгружали товары, высаживали невольниковъ, предварительно связавъ ихъ другъ съ другомъ, и на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ шаговъ тащили ладьи берегомъ. Такъ поступали они, достигнувъ четвертаго и самаго опаснаго порога, который назывался по славянорусски Айфаръ, а по славяноболгарски Неясыть; это названіе дано было ему по множеству неясытей или пеликановъ, гнѣздившихся въ скалахъ этого порога. Миновавъ пороги и вступивъ

въ область тихаго, широкаго теченія, усѣяннаго островами, Русь приставала къ одному Днѣпровскому острову, и здѣсь подъ огромнымъ дубомъ совершала благодарственныя жертвоприношенія своимъ богамъ. Между прочимъ она по жребію приносила въ жертву живыхъ птицъ, и съѣдала ихъ жертвенное мясо, а тѣхъ, которымъ выпадалъ счастливый жребій, отпускала на волю. Подъ дубомъ она втыкала свои стрѣлы, и раскладывала куски мяса, хлѣба или другія вещи, которыя оставляла въ даръ богамъ. Затѣмъ караванъ продолжалъ плаваніе до Днѣпровскаго лимана, и приставалъ къ острову св. Ѳѳерія. Здѣсь Руссы останавливались дня на два или на три; исправляли снасти, ставили мачты, паруса и вообще снаряжали свои ладьи для морскаго плаванія. Изъ лимана они выходили въ море, и, держась береговъ, направлялись къ устью Днѣстра, потомъ къ устью Дуная и такъ далѣе до самаго Царьграда ([4]). Сюда Русь привозила на продажу невольниковъ и разныя сырыя произведенія своей земли, каковы: мѣха, кожи, воскъ, медъ и т. п. А изъ греческихъ областей она вывозила различныя ткани, вино, плоды, дорогое оружіе, посуду и другія металлическія издѣлія.

Черноморская торговля снабжала Русь произведеніями высоко развитой греческой промышленности, и знакомила ее съ обстановкой утонченной гражданственности, съ обстановкой, которая всегда такъ обаятельно дѣйствуетъ на свѣжіе варварскіе народы, особенно народы богато одаренные духовными силами. Такъ Латинскій міръ дѣйствовалъ на Германцевъ, а Греческій на Славянъ. Торговыя и другія сношенія Русскаго народа съ Греческимъ міромъ, а слѣдовательно и вліяніе послѣдняго начались съ незапамятныхъ временъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Понта, гдѣ были разсѣяны богатыя греческія колоніи. Здѣсь въ числѣ другихъ скиѳскихъ народовъ и Россалане обмѣнивали скотъ и другія сырыя произведенія на греческія издѣлія; а иногда добывали ихъ разными услугами, или просто грабежемъ. Могильные курганы князей и вообще знатныхъ людей Россаланскаго племени, разсѣянные въ странѣ Приднѣпровской и Приазовской, обилуютъ греческими издѣліями и служатъ нагляднымъ памятникомъ

минувшихъ сношеній нашихъ предковъ съ Эллинскимъ міромъ (5).

Понятно, что русскіе князья весьма дорожили торговлею своего народа съ Греками и для ея обезпеченія охотно вступали въ договоры съ греческимъ правительствомъ. Последнее, какъ видно изъ договоровъ, цѣнило мирныя сношенія съ Русью, и старалось привязать ее разными льготами, которыя предоставляло русскимъ посламъ и гостямъ въ своей столицѣ. Когда начались подобные договоры, мы не знаемъ въ точности; по крайней мѣрѣ они уже существовали до 865 года, ибо и самое нападеніе Руси въ этомъ году имѣло своимъ поводомъ ихъ нарушеніе со стороны Грековъ. Первые дошедшіе до насъ договоры относятся къ началу X вѣка, т. е. къ совмѣстному царствованію Льва VI Философа и его брата Александра; а именно, мы имѣемъ договорную грамоту 911 года и отрывокъ изъ такой же грамоты 907 г. Эти договоры представляютъ и первые письменные Славянскіе источники для Русской исторіи, потому что дошли до насъ не въ греческомъ подлинникѣ, а въ славянскомъ переводѣ. Любопытно ихъ содержаніе.

Вопервыхъ, русскіе *гости*, т. е. торговцы, приходящіе въ Константинополь, должны останавливаться на житье въ отведенной имъ части, именно въ предмѣстьѣ св. Мамы. Здѣсь греческіе приставы записывали ихъ имена и въ теченіе полугода выдавали имъ помѣсячно опредѣленное количество хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей. Гости могли даромъ мыться въ публичныхъ баняхъ. На обратный путь ихъ снабжали изъ царской казны съѣстными припасами, якорями, парусами, канатами и прочими потребными вещами. При выдачѣ мѣсячнаго содержанія наблюдался порядокъ по старшинству городовъ: прежде получали гости кіевскіе, за ними черниговскіе, потомъ переяславскіе, полоцкіе, ростовскіе, любецкіе и пр. Тѣ Руссы, которые приходили въ Константинополь не для торговли, т. е. безъ товару, не получали содержанія отъ греческаго правительства. Въ самый городъ Русь могла входить только одними извѣстными воротами, притомъ неболѣе какъ въ числѣ 50 человѣкъ, безъ оружія и въ сопровожденіи цар-

скаго пристава. А въ окрестностяхъ Царьграда Русскимъ запрещалось буйствовать по селамъ и обижать жителей. Въ столицѣ русскіе гости могли покупать все безъ пошлины. Далѣе слѣдуютъ статьи о разныхъ случаяхъ столкновеній между Русью и Греками. Напримѣръ, если Русинъ убьетъ Грека или Грекъ Русина, то убійца долженъ быть казненъ на мѣстѣ преступленія; если же онъ убѣжитъ, то имущество его отдается родственникамъ убитаго. За рану, нанесенную мечемъ или другимъ орудіемъ „по закону Русскому“ платится пять литръ серебра; у несостоятельнаго въ такомъ случаѣ берется все что онъ имѣетъ, даже снимается съ него послѣдняя одежда. Воръ долженъ отдать втрое большую сумму, чѣмъ стоило украденное; пойманный на мѣстѣ кражи, онъ можетъ быть убитъ въ случаѣ сопротивленія. Если Русь случится недалеко отъ греческаго корабля, прибитаго бурею къ чужому берегу, то она должна помочь ему и проводить его до безопаснаго мѣста. Плѣнныхъ, проданныхъ въ рабство, обѣ стороны выкупаютъ по ихъ цѣнѣ. Руссы вольны, если пожелаютъ, наниматься въ службу къ греческимъ царямъ. Послѣднее условіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ византійскими извѣстіями о русскихъ дружинахъ, которыя встрѣчаются въ тѣ времена въ императорскомъ войскѣ, и преимущественно во флотѣ.

Договоры скрѣплялись взаимною присягою сторонъ; причемъ императоры цѣловали крестъ, а русскій князь и его дружина клялись своимъ оружіемъ и своими богами, Перуномъ и Волосомъ. Договоры 907 и 911 гг. драгоцѣнны для насъ еще въ томъ отношеніи, что сообщаютъ намъ первыя историческія имена князя Кіевскаго и его бояръ, а также намекаютъ на отношенія къ нему другихъ русскихъ князей. Въ Кіевѣ княжилъ въ то время *Олегъ*, а русскіе мужи или бояре, отправленные въ Константинополь для заключенія договора, были: Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Велемудъ, Рулавъ, Стемидъ, Рюяръ, Гуды и пр. Послы эти заключили договоръ отъ имени не одного Олега, но и всѣхъ „свѣтлыхъ князей русскихъ“, которые находились „подъ рукою Олега“. Такимъ образомъ владѣтель Кіевскій является только верховнымъ княземъ Рус-

ской земли; а по другимъ важнѣйшимъ городамъ, т. е. въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и т. д., сидѣли князья отъ него зависѣвшіе. По всей вѣроятности это были отчасти его младшіе родичи, а отчасти потомки мѣстныхъ княжескихъ родовъ, силою оружія принужденные признать его старшинство и давать ему вспомогательныя дружины (6).

Второе мѣсто послѣ византійской торговли занимала торговля съ мусульманскимъ востокомъ, которая велась при посредствѣ двухъ приволжскихъ народовъ, Хазаръ и Камскихъ Болгаръ. Руссы ходили къ этимъ народамъ изъ Азовскаго моря Дономъ до того мѣста, гдѣ онъ сближался съ Волгою и гдѣ стояла хазарская крѣпость Саркелъ, построенная съ помощью византійскихъ зодчихъ. Тутъ Русь переволакивалась изъ Дона въ Волгу, и затѣмъ отправлялась или внизъ по этой рѣкѣ въ столицу хазарскаго царства Итиль, или вверхъ до города Великіе Болгары.

Итиль лежалъ на обоихъ берегахъ Волги недалеко отъ ея устьевъ. Здѣсь на одномъ изъ острововъ находился дворецъ хазарскаго кагана, окруженный стѣнами. Каганъ, его дворъ и нѣкоторая часть народа исповѣдывали еврейскую религію; остальные жители Хазаріи были частію мусульмане, частію христіане, а болѣе всего язычники. Только на зиму обитатели Итиля собирались въ этотъ городъ; а лѣтомъ большинство ихъ расходилось по окрестнымъ равнинамъ, и жило въ палаткахъ, занимаясь скотоводствомъ, садами и земледѣліемъ. Главную пищу ихъ составляли сарачинское пшено и рыба. Въ столицу Хазарскую стекались купцы даже изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи. Между прочимъ здѣсь была цѣлая часть города, занятая русскими и вообще славянскими торговцами. Пріѣзжавшіе сюда русскіе гости обыкновенно платили въ пользу кагана десятину или десятую часть своихъ товаровъ. Многіе изъ Руссовъ служили также наемниками въ его войскахъ. Между Хазаріей и Камской Болгаріей лежала страна Буртасовъ, въ которой русскіе торговцы вымѣнивали мѣха пушныхъ звѣрей, особенно мѣха куньи.

Камская Болгарія имѣла своимъ средоточіемъ городъ Великіе Болгары, который лежалъ немного ниже Камскаго

устья на лѣвой сторонѣ Волги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самой рѣки. Здѣсь жилъ Болгарскій царь, который принялъ съ своимъ народомъ мусульманскую вѣру, и съ тѣхъ поръ этотъ край вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія съ мусульманской Азіей. Сюда приходили не только арабскіе купцы, но и разнаго рода ремесленники, между прочимъ зодчіе, которые помогли Болгарамъ построить каменныя мечети, царскіе дворцы и городскія стѣны. Любимою пищею Болгаръ служили конина и просо. Источники не бросаютъ почти никакого луча свѣта на происхожденіе этого царства. По всей вѣроятности оно было основано подвинувшеюся сюда съ юга небольшою частью великаго Славяноболгарскаго племени. Эта горсть Славянъ, послѣдующими народными движеніями совершенно оторванная отъ своихъ соплеменниковъ, мало по малу смѣшалась съ туземными обитателями Финскаго и Турецкаго корня. Но она долго оживляла этотъ край своимъ предпріимчивымъ, торговымъ характеромъ; а въ X вѣкѣ повидимому еще сохраняла отчасти и свою народность; по крайней мѣрѣ арабскій путешественникъ Ибнъ Фадланъ иногда Камскихъ Болгаръ именуетъ Славянами (7).

Арабы, посѣщавшіе Итиль и Великіе Болгары, оставили намъ любопытные расказы о Руссахъ, которыхъ они тамъ встрѣчали. Особенно занимательны расказы Ибнъ Фадлана, который находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ багдадскимъ халифомъ къ Альмасу, царю Камскихъ Болгаръ, въ первой четверти X вѣка. Онъ описываетъ Руссовъ людьми высокаго роста, статными, свѣтлорусыми, съ острымъ взоромъ; они носили короткій плащъ, наброшенный на одно плечо, сѣкиру, ножъ и мечъ съ широкимъ, волнообразнымъ клинкомъ *франкской* работы, и были очень склонны къ крѣпкимъ напиткамъ. Жены ихъ носили на груди металлическія украшенія (сустуги?) съ кольцомъ, на которомъ висѣлъ ножъ, а на шеѣ составленныя изъ монетъ (преимущественно арабскихъ) золотыя и серебряныя цѣпи, число которыхъ опредѣлялось состояніемъ мужа; но особенно онѣ любили ожерелья изъ зеленыхъ бусъ (доселѣ любимое украшеніе великорусскихъ женщинъ).

Приплывъ къ Болгарской столицѣ, Руссы прежде всего направлялись къ своимъ идоламъ, которые имѣли видъ столбовъ или болвановъ съ человѣчьими головами; подходили къ самому высокому изъ нихъ (конечно къ Перуну), падали ницъ, молили его о помощи въ торговлѣ и клали передъ нимъ свои приношенія, состоявшія изъ съѣстныхъ припасовъ, каковы мясо, хлѣбъ, молоко, лукъ, и кромѣ того изъ горячихъ напитковъ, т. е. меда или вина. Затѣмъ они строили себѣ на берегу Волги большія деревянныя помѣщенія, и располагались въ нихъ по 10 или по 20 человѣкъ съ своими товарами, которые преимущественно состояли изъ пушныхъ мѣховъ и невольницъ. Если продажа идетъ туго, купецъ въ другой и въ третій разъ несетъ подарки главному идолу; въ случаѣ продолжающейся неудачи онъ кладетъ приношенія передъ меньшими идолами, которые изображали женъ и дѣтей главнаго бога, и проситъ ихъ о ходатайствѣ. Когда же торговля пойдетъ удачно, то русскій купецъ убиваетъ нѣсколько воловъ и овецъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, а остальное кладетъ передъ идолами въ знакъ своей благодарности. По ночамъ приходятъ собаки и пожираютъ это жертвенное мясо; а язычникъ думаетъ, что сами боги удостоили съѣсть его приношеніе.

Замѣчательны погребальные обычаи Руссовъ по описанію того же Ибнъ Фадлана. Бѣднаго покойника они просто сожигали въ маленькой лодкѣ, а богатаго съ разными церемоніями. Фадлану удалось присутствовать при погребеніи одного знатнаго и богатаго Русина. Покойника сначала положили въ могилу, гдѣ оставили его на десять дней, а между тѣмъ занялись приготовленіями къ торжественному погребенію или къ тризнѣ. Для этого наличное имущество его раздѣлили на три части: одну треть отдѣлили семьѣ, другую на погребальныя одежды, а третью на вино и вообще на погребальное пиршество (отъ этой третьей части названное *тризною*). Такъ какъ у каждаго Русина, а особенно у богатаго, было по нѣскольку женъ или наложницъ, то обыкновенно одна изъ нихъ вызывалась умереть вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ попасть въ рай, который представлялся языческой

Руси прекраснымъ зеленымъ садомъ. Въ день, назначенный для погребенія, вытащили изъ воды ладью покойнаго и поставили ее на четырехъ столбахъ; въ ладьѣ устроили ложе съ подушками, покрытое коврами и греческою парчею. Затѣмъ вынули мертвеца изъ могилы; надѣли на него шаровары, сапоги, куртку и кафтанъ изъ греческой парчи съ золотыми пуговицами, а на голову парчевую шапку съ собольимъ околышемъ; посадили его на ложе и подперли подушками. Въ ладью положили благовонныя растенія, плоды, вино, собаку, разсѣченную на двѣ части, двухъ коней и двухъ быковъ, разрубленныхъ на куски, а также зарѣзанныхъ пѣтуха и курицу; обокъ съ покойникомъ положили и все его оружіе. Когда день сталъ близиться къ закату, какая-то старуха, называемая „ангеломъ смерти", ввела въ ладью невольницу, вызвавшуюся умереть вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, съ помощью нѣсколькихъ мущинъ начала душить ее веревкой и докончила ножемъ. Въ это время другіе мужчины, стоя подлѣ ладьи, ударяли въ свои щиты, чтобы не было слышно криковъ дѣвушки. Тогда ближайшій родственникъ покойнаго взялъ зажженную лучину, задомъ приблизился къ ладьѣ и зажегъ сложенныя подъ нею дрова. Затѣмъ и другіе начали бросать туда же дрова и горящія лучины. Огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, быстро охватилъ судно, и превратилъ его въ пепелъ вмѣстѣ съ трупами. На томъ мѣстѣ Руссы насыпали курганъ и поставили на немъ столпъ, на которомъ начертали имя покойника и имя русскаго князя (8).

Волжская торговля, свидѣтельствуя о богатствѣ и роскоши мусульманскихъ странъ, возбуждала предпріимчивыхъ, жадныхъ къ добычѣ Руссовъ попытать иногда счастья на берегахъ Каспійскаго моря. По извѣстію арабскаго писателя Масуди, въ 913 году собралась на Азовскомъ морѣ русская судовая рать, заключавшая въ себѣ будто бы до 500 ладей и до 50.000 человѣкъ. Рѣкою Дономъ Руссы поднялись до волока, около котораго находилась хазарская крѣпость (вѣроятно Саркелъ), и послали къ хазарскому кагану просить пропуска въ Каспійское море, обѣщая отдать ему половину всей будущей добычи.

Каганъ согласился. Тогда Русь перебралась на Волгу, спустилась въ море, и разсѣялась по его югозападнымъ берегамъ, убивая жителей, грабя ихъ имущество и забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Народы, тамъ обитавшіе, пришли въ ужасъ; имъ съ давняго времени не случалось видѣть непріятелей; только купцы да рыболовы посѣщали ихъ берега. Наконецъ собралось большое ополченіе изъ сосѣднихъ странъ: оно сѣло на лодки и направилось къ островамъ, лежавшимъ противъ Нефтяной земли (Бакинская область), на которыхъ Русь имѣла сборное мѣсто и прятала награбленную добычу. Руссы устремились на это ополченіе и большую часть его избили или потопили. Послѣ того они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ свободно распоряжались на каспійскихъ берегахъ, пока такая жизнь имъ не наскучила. Тогда они поплыли обратно въ Волгу, и послали хазарскому кагану условленную часть добычи. Хазарское войско состояло отчасти изъ мусульманъ. Послѣдніе сильно озлобились на Руссовъ за пролитую ими мусульманскую кровь, и испросили у кагана позволеніе отомстить за нее; а можетъ быть они желали отнять и другую половину добычи. Враги собрались въ числѣ 15.000, загородили дорогу Руссамъ и принудили ихъ выдти на берегъ. Послѣ трехдневной битвы большая часть Руси была избита; только 5000 ушли на судахъ вверхъ по Волгѣ, и тамъ были окончательно истреблены Буртасами и мусульманами изъ Камской Болгаріи ([9]).

Этотъ набѣгъ Руси на Каспійскіе берега былъ не первый; но по своей опустошительности онъ сдѣлалъ ея имя грознымъ между восточными народами, и писатели арабскіе стали часто упоминать о ней съ этого времени; подобно тому, какъ со времени нападенія на Константинополь въ 865 г. заговорили о Руси писатели византійскіе.

Около той же эпохи, именно въ концѣ IX вѣка, въ степяхъ Южной Россіи поселились новыя кочевыя орды, которыя стали безпокоить своими набѣгами всѣ сосѣдніе народы. Это было турецкое племя Печенѣговъ, издавна обитавшихъ въ странѣ между Ураломъ и Волгою. Чтобы уда-

лить отъ своихъ границъ такихъ безпокойныхъ сосѣдей, Хазары заключили союзъ съ ихъ соплеменниками Узами, которые кочевали далѣе къ востоку. Узы потѣснили Печенѣговъ и заняли ихъ мѣста; а Печенѣги въ свою очередь двинулись на западъ, и напали на Угровъ, которые обитали въ степяхъ Азовскихъ и Днѣпровскихъ. Угры не выдержали ихъ напора и перешли въ Дунайскую равнину или древнюю Паннонію, гдѣ они въ союзѣ съ Нѣмцами разрушили Славяно-Моравскую державу и основали свое Венгерское королевство. А Печенѣги между тѣмъ захватили огромное пространство отъ нижняго Дуная до береговъ Дона. Они дѣлились въ то время на восемь большихъ ордъ, состоявшихъ подъ управленіемъ родовыхъ князей. Четыре орды поселились на западъ отъ Днѣпра, а остальныя четыре на востокъ. Они заняли также степную часть Таврическаго полуострова, и стали такимъ образомъ сосѣдями греческихъ владѣній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Чтобы удержать ихъ отъ нападеній на эти области, византійское правительство старалось быть съ ними въ мирѣ и посылало богатые подарки ихъ старшинамъ. Кромѣ того съ помощью золота оно вооружало ихъ противъ другихъ сосѣднихъ народовъ, когда послѣдніе грозили опасностію сѣвернымъ предѣламъ имперіи, именно противъ Угровъ, Дунайскихъ Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Въ мирное время Печенѣги помогали торговымъ сношеніямъ Руси съ Корсунскою областью, нанимаясь перевозить товары; изобилуя скотомъ, они продавали Руси большое количество коней, быковъ, овецъ и пр. Но въ случаѣ враждебныхъ отношеній Печенѣги много мѣшали сообщеніямъ Руси съ ея владѣніями Азовскими и Таврическо-Таманскими, а также и торговымъ сношеніямъ съ Греками. Особенно они пользовались Днѣпровскими порогами, что бы нападать и грабить русскіе караваны. Кромѣ того эти хищные наѣздники врывались иногда въ самую Кіевскую область и опустошали ее. Кіевская Русь обыкновенно не могла предпринимать дальнихъ походовъ, если она находилась во враждѣ съ Печенѣгами. Поэтому кіевскіе князья должны были или вступать въ упорную борьбу съ этимъ народомъ, или при-

влекать его къ своему союзу и въ случаѣ войны съ сосѣдями нанимать вспомогательныя печенѣжскія дружины. Русь пользовалась и тою враждою, которая существовала между Печенѣгами и ихъ восточными сосѣдями Узами: послѣдніе своими нападеніями на Печенѣговъ нерѣдко отвлекали силы послѣднихъ въ другую сторону, и тѣмъ доставляли Кіевской Руси свободный путь къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей (10).

Вторженіе многочисленныхъ турецкихъ кочевниковъ въ южную Россію имѣло для нея важныя послѣдствія. Они особенно потѣснили жилища славяноболгарскихъ племенъ, т. е. Угличей и Тиверцевъ. Часть этихъ народовъ была оттѣснена въ область верхняго Днѣпра и Буга, гдѣ примкнула къ своей Карпатской или Древляно-Волынской вѣтви; а другая часть, оставшаяся въ Черноморьѣ и отрѣзанная Печенѣгами отъ Днѣпровской Руси, мало по малу потомъ исчезаетъ изъ исторіи. Истребляя греческія и славянскія поселенія, уничтожая нивы, сожигая остатки лѣсовъ, Печенѣги расширили область степей и внесли въ эти края еще большее запустѣніе, которому начало положили преимущественно народы Угорскаго племени, т. е. Гунны и Мадьяры.

II.

ИГОРЬ, ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВЪ.

Походъ Игоря на Грековъ въ 941 г. Мирный договоръ. Судьба Игоря. Усмиреніе Древлянъ. Путешествіе Ольги въ Царьградъ. Торжественный, но холодный пріемъ. Характеръ Святослава. Тмутракань. Борьба съ Хазарами. Завоеваніе Дунайской Болгаріи. Цимисхій. Битвы подъ Дористоломъ. Отчаянная оборона. Миръ. Гибель Святослава.

Первый кіевскій князь, который заставилъ говорить о себѣ иноземныхъ писателей, былъ *Игорь*.

Около 940 года между Греками и Русью возникли непріязненныя отношенія. Что было ихъ причиною, не извѣстно. Поводомъ къ столкновенію могли послужить несоблюденіе Греками договоровъ или дѣла Дунайской Болгаріи, гдѣ въ то время происходили междоусобія, вызывавшія вмѣшательство Грековъ и Руси. Столкновеніе могло произойти и въ Тавридѣ, гдѣ русскія владѣнія соприкасались съ греческими. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 941 года Кіевскій князь съ флотомъ въ нѣсколько сотъ ладей присталъ къ берегамъ Виѳиніи. Руссы разсѣялись по окрестнымъ областямъ и распространили свои опустошенія до самаго Боспора Ѳракійскаго. Какъ и въ первое свое нападеніе на Константинополь, Русь опять выбрала такое время, когда греческій флотъ былъ въ отсутствіи, въ походѣ противъ Сарацинъ. Очевидно она имѣла вѣрныя извѣстія о томъ, что происходило въ Византіи.

Управленіе имперіей находилось въ рукахъ Романа Лакапина, который захватилъ власть въ малолѣтство законнаго наслѣдника, Константина Багрянороднаго. Романъ нѣсколько ночей провелъ безъ сна, изыскивая способы

обезпечить столицу отъ варваровъ и отразить ихъ нашествіе. Въ гавани Цареградской нашлось десятка полтора старыхъ, брошенныхъ хеландій. Романъ былъ прежде самъ однимъ изъ начальниковъ флота и хорошо зналъ морское дѣло. Онъ велѣлъ исправить хеландіи, снабдить ихъ огнеметательными снарядами, извѣстными у насъ подъ именемъ „греческаго огня", и вмѣстѣ съ другими случившимися подъ рукою кораблями послалъ ихъ подъ начальствомъ протовестіарія (хранителя царскихъ одеждъ) Ѳеофана, чтобы загородить входъ въ Боспоръ. Игорь попытался было уничтожить эту преграду; но греческій огонь произвелъ такое опустошеніе въ его флотѣ, что онъ снова удалился къ берегамъ Виѳиніи, гдѣ Руссы продолжали свои грабежи и разоренія. Византійскіе историки говорятъ при этомъ объ ихъ чрезвычайной свирѣпости, о сожженныхъ ими селеніяхъ и монастыряхъ и варварскомъ умерщвленіи плѣнныхъ. Три мѣсяца они провели такимъ образомъ. Между тѣмъ противъ нихъ начали собираться византійскія войска и истреблять отряды Руссовъ, разсѣявшихся для грабежа. Приближалось зимнее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ наступалъ и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной странѣ. Игорь собралъ свой флотъ и снова напалъ на византійскіе корабли. Но Ѳеофанъ, получившій подкрѣпленія, съ помощью греческаго огня нанесъ Руссамъ совершенное пораженіе; такъ что Игорь, какъ разсказываютъ, только съ десятью кораблями успѣлъ добраться до Боспора Киммерійскаго, т. е. до Корчева и Тмутраканя. Говорятъ, что всѣ Руссы, захваченные въ плѣнъ, были торжественно обезглавлены въ Константинополѣ по приказу императора Романа, возгордившагося своею побѣдою ([11]).

Война продолжалась еще года три. Очень вѣроятно, что опасность, которой подвергались со стороны воинственнаго и сильнаго русскаго князя греческіе города въ Тавридѣ, каковы Херсонъ, Сугдея и пр., заставили Грековъ предложить миръ, который и былъ наконецъ заключенъ въ 944 году.

Игоревъ договоръ съ Греками въ сущности есть подтвержденіе Олеговыхъ договоровъ. Но въ немъ мы встрѣ-

пусть получитъ возмездіе отъ Бога Вседержителя и осуждена будетъ на погибель въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Мирный договоръ заключался на вѣчныя времена или какъ выражается грамота „доколѣ сіяетъ солнце и стоитъ міръ". Послѣ того Игорь одарилъ греческихъ пословъ чѣмъ былъ богатъ, т. е. мѣхами, невольниками, воскомъ, и отпустилъ ихъ. А греческіе цари дарили русскихъ пословъ конечно золотыми деньгами, дорогими паволоками и прочими произведеніями византійской промышленности. Свидѣтельству Игорева договора о томъ, что значительная часть Руси была уже крещена, совершенно соотвѣтствуетъ свидѣтельство Констинтина Багрянороднаго. Въ своемъ сочиненіи „Объ обрядахъ Византійскаго двора", онъ описываетъ торжественный пріемъ пословъ эмира Тарсійскаго, и говоритъ, что въ числѣ наемной дворцовой стражи при этомъ находились крещеные Руссы, которые были вооружены щитами и мечами и держали въ рукахъ знамена.

Договоръ Игоревъ, также какъ и Олеговъ, сохранилъ намъ имена русскихъ пословъ, которые на этотъ разъ были довольно многочисленны. Главою посольства былъ Иворъ, представитель великаго князя Игоря. Затѣмъ встрѣчаемъ особыхъ пословъ: отъ Игорева сына Святослава (Вуефастъ), отъ супруги Игоря Ольги (Искусеви), отъ племянника Игорева, также Игоря (Слуды), отъ другаго его племянника Акуна (Прастѣнъ). Кромѣ Ольги видимъ пословъ и отъ другихъ княгинь, вѣроятно родственницъ Игоревыхъ, именно отъ Предславы (Каницаръ) и Сфандры, жены какого то Улѣба (Шихбернъ). Затѣмъ идутъ послы отъ другихъ князей и знатныхъ людей русскихъ: Владислава, Турда, Фаста, Свирька, Войка, Аминода, Берна и пр. Въ числѣ пословъ упоминаются и нѣкоторые гости или *купцы* (Адунъ, Ингивладъ, Гомолъ, Моны, Гунастръ, Алданъ, Синко, Боричъ и пр.), какъ представители отъ „всѣхъ людей Русской земли", а въ особенности конечно отъ русскихъ торговцевъ, для которыхъ главнымъ образомъ и былъ важенъ заключенный договоръ ([12]).

Договоры Олега и Игоря заставляютъ насъ предполагать, что въ Русской землѣ уже въ тѣ времена господствовало

дѣленіе на удѣлы между членами княжескаго рода и что князья русскіе подчинялись старшему изъ нихъ, сидѣвшему на Кіевскомъ столѣ. Впрочемъ въ числѣ этихъ князей можетъ быть встрѣчаются и такіе, которые не принадлежали собственно къ роду Кіевскаго великаго князя, а были потомки мѣстныхъ родовъ, признававшіе надъ собою его верховенство. Въ такомъ случаѣ у кіевскихъ князей конечно существовало стремленіе при первомъ удобномъ случаѣ посадить на мѣстѣ этихъ вассальныхъ владѣтелей кого либо изъ своихъ родичей; въ чемъ главнымъ образомъ и состояло объединеніе Славянорусской земли. Удѣлы давались не только князьямъ, но и княгинямъ. Такъ, по словамъ лѣтописи нашей, супруга Игоря Ольга получила себѣ въ удѣлъ Вышгородъ, расположенный верстахъ въ двѣнадцати выше Кіева на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра.

Тѣже договоры указываютъ и на тѣсную связь русскаго князя съ его дружиною. Между тѣмъ какъ съ греческой стороны присягаютъ одни цари, облеченные неограниченною властію, съ русской стороны вмѣстѣ съ княземъ присягаютъ и его мужи, т. е. его „дружина". Очевидно безъ нея князь не можетъ дѣлать никакого важнаго дѣла, не можетъ принять на себя никакого обязательства, касающагося цѣлой Русской земли. Рядомъ съ дружиною мы видимъ въ Игоревомъ договорѣ и земское начало: въ заключеніи мира участвуютъ и купцы, хотя ясной границы между военнымъ и торговымъ сословіемъ въ то время еще не существовало; торговцы при случаѣ обращались въ воиновъ и наоборотъ; однако означенные купцы, отправленные изъ разныхъ городовъ русскихъ, все таки могутъ считаться представителями уже болѣе земскаго, нежели дружиннаго начала.

Обязанности подчиненныхъ племенъ къ Кіевскому князю конечно выражались данью, которую они ему платили; князь за то давалъ имъ судъ и расправу, и защищалъ отъ нападенія сосѣднихъ народовъ. Эти взаимныя отношенія представляли первобытный видъ того государственнаго порядка, который развился впослѣдствіи на Русской землѣ. По словамъ Константина Багрянороднаго (Объ

управ. имперіи), съ наступленіемъ зимы въ ноябрѣ мѣсяцѣ князья русскіе, въ сопровожденіи своихъ дружинъ, отправлялись изъ Кіева въ земли Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ, Угличей и прочихъ подвластныхъ Славянъ. Тамъ они проводили зиму, собирая дани, творя судъ и расправу между жителями. Это пребываніе ихъ называлось тогда *полюдьемъ*. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда Днѣпръ освобождался ото льда и плаваніе становилось свободнымъ, русскіе дружинники спускали свои ладьи, нагруженныя разными произведеніями областей, по Припети, Днѣпру и Деснѣ въ Кіевъ, и здѣсь приготовляли судовой караванъ для отправки въ Византію. Кромѣ названныхъ Константиномъ племенъ, обитавшихъ по обѣ стороны верхняго и средняго Днѣпра, владѣнія Руси при Игорѣ простирались съ одной стороны на юговостокѣ до Кавказа и Таврическихъ горъ; на что указываетъ статья его договора относительно Корсуня и Черныхъ Болгаръ. А съ другой они достигали на сѣверѣ до береговъ Волхова; о чемъ свидѣтельствуетъ Константинъ, говоря, что при жизни Игоря въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Святославъ; ясно, что этотъ городъ онъ получилъ себѣ въ удѣлъ отъ отца.

Во время одного изъ упомянутыхъ выше полюдій погибъ знаменитый Игорь. По словамъ русской лѣтописи этотъ смѣлый, предпріимчивый князь сдѣлалъ оплошность. Пребывая въ землѣ Древлянъ на Волыни, онъ отправилъ въ Кіевъ большую часть своей дружины съ собранной данью; а самъ остался съ небольшимъ числомъ людей и продолжалъ производить поборы, не обращая вниманія на враждебное расположеніе туземцевъ. Тогда жители города Коростена собрались подъ начальствомъ своего князя Мала, напали на Игоря и убили его. А одинъ византійскій историкъ (Левъ Діаконъ) сообщаетъ, что Древляне варварски умертвили великаго князя: они привязали его къ верхушкамъ двухъ нагнутыхъ другъ къ другу деревьевъ, а потомъ пустили ихъ, и онъ былъ разорванъ ([13]).

Возмущеніе Древлянъ не могло остаться безнаказаннымъ со стороны могущественнаго племени Руссовъ; а

убіеніе великаго князя требовало кровной мести со стороны его родственниковъ. Лѣтописецъ украшаетъ эту месть баснословными сказаніями. Но достовѣрно то, что сынъ и преемникъ Игоря на Кіевскомъ столѣ Святославъ вмѣстѣ съ своей матерью Ольгой усмирилъ Древлянъ, взялъ и сжегъ городъ Коростенъ, главное гнѣздо возмущенія: часть его населенія по обычаю того времени была обращена въ рабство и раздѣлена между княземъ и его дружиною. Жители Коростена были обложены еще болѣе тяжкими поборами чѣмъ прежде. Двѣ трети этихъ поборовъ опредѣлены на Кіевъ, т. е. великому князю и его мужамъ; а одна треть на Вышгородъ, т. е. матери Святослава и ея дружинѣ; ибо княгини русскія также имѣли свои дружины. Послѣ усмиренія Древлянъ отправлена была тризна по Игорѣ на самой его могилѣ. Если погребеніе знатнаго Русина сопровождалось такими обрядами, какіе описалъ Ибнъ Фадланъ, то понятно, какою торжественностію и пышностію обставлялась тризна по великомъ князѣ. На могилу Игоря прибыла вся дружина Святослава и его матери; мѣстные жители должны были наварить потребное количество крѣпкаго меду. Многіе плѣнные Древляне принесены были въ жертву богамъ и погребены вокругъ Игоревой могилы; а надъ нею насыпанъ обширный курганъ. Затѣмъ совершились поминальное торжество и воинственныя игры въ честь покойнаго, согласно съ обычаями и обрядами языческой Руси.

Вдова Игоря Ольга является первою крещеною княгинею на Руси. Ея мужъ при всей своей воинственности очевидно отличался вѣротерпимостію, и вѣра христіанская при немъ сдѣлала большіе успѣхи въ средѣ Русскаго племени. Да иначе не могло и быть при дѣятельныхъ, постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіей, которая всегда усердно заботилась о проповѣди между народами Кавказскими, Черноморскими и другими, сосѣдними съ имперіей. Кромѣ религіознаго усердія, одушевлявшаго греческихъ проповѣдниковъ, христіанство служило наилучшимъ средствомъ смягчить нравы варварскихъ народовъ, ослабить ихъ опустошительные набѣги на греческія области и еще крѣпче подчинить ихъ греческому вліянію.

Греки не упускали удобнаго случая дѣйствовать на воображеніе язычниковъ красотою храмовъ и дворцовъ, великолѣпіемъ богослуженія и другими сторонами своей богатой гражданственности. Такъ они любили показывать посламъ варварскихъ князей замѣчательныя зданія своей столицы, особенно большой императорскій дворецъ съ его роскошными залами и галлереями и чудный храмъ св. Софіи, блиставшій своими разноцвѣтными мозаиками. Многіе изъ тѣхъ Руссовъ, которые пріѣзжали въ Константинополь по торговымъ дѣламъ или служили въ императорскихъ войскахъ, конечно поддавались обаянію христіанства и греческой образованности, и принимали крещеніе; а, воротясь въ отечество, убѣждали къ тому же и своихъ близкихъ. Расказы пословъ и гостей о богатствахъ и чудесахъ греческой столицы и подарки, привозимые оттуда, въ свою очередь вызывали и въ другихъ стремленіе побывать въ этомъ чудномъ городѣ. Между варварскими вождями уже издавна встрѣчаются примѣры такихъ князей, которые для принятія крещенія отправлялись въ Царьградъ, и здѣсь самъ императоръ былъ ихъ воспреемникомъ; а высшіе греческіе сановники воспринимали бояръ и ихъ женъ. Богато одѣленные подарками, а иногда и титуломъ патриція, новокрещеные князья возвращались въ свою землю, и ревностно принимались за распространеніе и утвержденіе новой религіи. Таково, напримѣръ, было крещеніе двухъ болгарскихъ князей, приходившихъ изъ Тавриды въ Царьградъ, одного при Юстиніанѣ I, другаго при Иракліѣ; первый изъ нихъ за свою ревность къ христіанству былъ убитъ возмутившимися язычниками. Распространеніе новой религіи усилилось между Руссами въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ они утвердились въ землѣ Таврическихъ или Черныхъ Болгаръ, часть которыхъ, живя въ сосѣдствѣ съ Корсунемъ, уже давно исповѣдывала греческую вѣру.

Была ли Ольга окрещена уже въ Кіевѣ, и отправилась въ Константинополь собственно поклониться цареградскимъ святынямъ, получить благословеніе отъ патріарха и знаки вниманія отъ императоровъ Константина и его сына Романа, или она, подобно упомянутымъ князьямъ

Черныхъ Болгаръ, желала принять крещеніе изъ рукъ самого патріарха и имѣть своимъ воспреемникомъ императора — въ точности неизвѣстно. Замѣчательно однако, что въ числѣ ея спутниковъ мы находимъ священника Григорія. Какъ бы то ни было, въ 957 году Ольга совершила на корабляхъ путешествіе въ Константинополь; ее сопровождала большая свита, въ числѣ которой находились послы отъ Кіевскаго и другихъ русскихъ князей ([14]).

Когда русская княгиня вступила въ Золотой Рогъ, то ее повидимому подвергли всѣмъ обычнымъ порядкамъ, существовавшимъ въ Византіи для кораблей, приходившихъ изъ Руси, т. е. свидѣтельству княжескихъ грамотъ и печатей, перепискѣ людей, груза и т. п., и только по выполненіи всѣхъ правилъ позволили ей сойти на берегъ. Вообще Ольгѣ пришлось долго ждать, прежде чѣмъ она была допущена къ императорскому двору. Константинъ VII Багрянородный извѣстенъ своею склонностію къ мирной семейной жизни и къ занятіямъ книжнымъ. Онъ извѣстенъ также своими стараніями соблюдать во всей точности многочисленные обряды, которыми отличался дворъ Восточной Римской имперіи и которые почитались необходимою принадлежностію императорскаго величія. Онъ написалъ даже особое большое сочиненіе „Объ обрядахъ Византійскаго двора". Въ этомъ Обрядникѣ Константинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ торжественный пріемъ русской княгини Ольги.

Сентября 9 въ среду княгиня прибыла во дворецъ; за нею слѣдовали сопровождавшіе ее родственницы, знатныя русскія боярыни, послы русскихъ князей, ея собственные мужи и русскіе гости. Княгиню остановили на томъ мѣстѣ, гдѣ логоѳетъ (канцлеръ) обыкновенно вопрошаетъ иностранныхъ пословъ, допущенныхъ къ императорскому пріему. Здѣсь она удостоилась видѣть самого императора, возсѣдавшаго на тронѣ и окруженнаго придворными чинами. Затѣмъ длиннымъ рядомъ великолѣпныхъ покоевъ провели ее въ портикъ той части дворца, который назывался Августеонъ, гдѣ она могла присѣсть на нѣсколько минутъ. Послѣ того ее ввели въ такъ наз. Юстиніанову палату, чтобы представить императрицѣ.

Въ этой палатѣ находилось возвышеніе, покрытое пурпуровыми тканями, а на немъ „тронъ императора Феофила“ и золотое сѣдалище. На тронѣ возсѣдала императрица; подлѣ нея на золотомъ сѣдалищѣ помѣстилась ея невѣстка, т. е. супруга молодаго императора Романа. По бокамъ ихъ стояли чины императрицы, а далѣе ея придворныя женщины, раздѣленныя по степенямъ ихъ знатности. Когда назначенный для того сановникъ привѣтствовалъ Ольгу отъ имени императрицы, княгиню и ея свиту отвели опять въ особый покой, гдѣ позволили присѣсть. А императрица между тѣмъ удалилась въ свое отдѣленіе. Когда сюда пришелъ императоръ съ своими дѣтьми и внуками, то позвали и княгиню, и тутъ только она получила позволеніе сѣсть въ его присутствіи и говорить съ нимъ сколько угодно.

Въ тотъ же день происходилъ торжественный обѣдъ въ Юстиніановой палатѣ. Обѣ императрицы опять сидѣли на томъ же возвышеніи. Когда ввели сюда русскихъ боярынь, онѣ сдѣлали низкій поклонъ; но русская княгиня только слегка наклонила голову. Ее посадили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ трона за тѣмъ столомъ, за которымъ сидѣло первое отдѣленіе византійскихъ дамъ (такъ наз. *зосты*). Во время стола пѣвчіе пѣли стихотворенія, сочиненныя въ честь императорскаго дома, а придворные плясуны увеселяли присутствующихъ своимъ искусствомъ. Въ тоже время въ Золотой палатѣ былъ другой столъ, за которымъ обѣдала мужеская часть Ольгиной свиты, т. е. ея племянникъ, священникъ Григорій, переводчикъ, послы Святослава и другихъ русскихъ князей, а также русскіе гости. Всѣмъ имъ роздали въ подарокъ золотыя и серебряныя монеты, смотря по степени ихъ значенія. Послѣ обѣда императорское семейство вмѣстѣ съ Ольгою изъ Юстиніановой палаты перешло въ другой покой, гдѣ приготовлены были разныя сласти, разложенныя на блюдахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. На подобномъ же блюдѣ поднесли Русской княгинѣ въ подарокъ 500 милліарезій, шести ея ближнимъ боярынямъ по 20, а осемнадцати другимъ по 8 каждой.

18 октября, въ Воскресенье, устроенъ былъ другой пиръ

для Руссовъ въ Золотой палатѣ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ. А Русскую княгиню угощали въ палатѣ св. Павла, гдѣ присутствовала императрица съ своими дѣтьми и невѣсткою. На этотъ разъ Ольгѣ поднесли 200 милліарезій, и нѣсколько сотъ опять роздали ея свитѣ.

Вотъ все что сообщаетъ намъ Константинъ Багрянородный о пріемѣ Ольги. По всѣмъ признакамъ она не вполнѣ осталась довольна этимъ пріемомъ. Она должна была испытать все высокомѣріе византійскаго правительства и пройти всѣ степени придворныхъ церемоній, которыми Византійскій дворъ ясно давалъ понимать великое разстояніе, отдѣлявшее княгиню сѣверныхъ варваровъ отъ царствующаго дома великолѣпной Византіи. Не могли ее конечно удовлетворить и десятка два или три червонцевъ, поднесенныхъ ей въ замѣнъ дорогихъ мѣховъ и другихъ товаровъ, которые она привезла въ подарокъ императорскому двору. По словамъ того же Константинова Обрядника, незадолго до пріѣзда Ольги Византійскій дворъ съ тѣми же церемоніями чествовалъ пословъ одного незначительнаго арабскаго эмира; при чемъ послы и ихъ свита получили въ подарокъ большее количество червонцевъ, чѣмъ русская княгиня и ея спутники. А подобное обстоятельство конечно не осталось неизвѣстнымъ для Руссовъ.

Можетъ быть не безъ связи съ нѣкоторымъ недовольствомъ, которое Ольга возъимѣла противъ византійскаго правительства, состоялось посольство, отправленное ею къ императору Оттону I. Слава этого знаменитаго государя конечно достигла въ то время и до береговъ Днѣпра. Западные лѣтописцы повѣствуютъ, что въ 959 году послы русской княгини Елены (христіанское имя Ольги) прибыли къ Оттону, и просили у него епископа и священниковъ для своего народа. Императоръ отправилъ къ нимъ монаха Адальберта; но послѣдній вскорѣ воротился, будучи прогнанъ язычниками и потерявъ убитыми нѣкоторыхъ своихъ спутниковъ. Въ этомъ извѣстіи очевидно скрывается какое либо недоразумѣніе. Можетъ быть, цѣль русскаго посольства была отчасти политическая, отчасти религіозная; а нѣмецкій императоръ спѣшилъ воспользо-

ваться случаемъ, что бы подчинить католицизму возникавшую Русскую церковь. Съ помощью церкви онъ конечно думалъ утвердить нѣмецкое вліяніе и у Восточныхъ Славянъ подобно тому, какъ оно утверждалось у Западныхъ. Вотъ съ какихъ поръ начались попытки Латинской церкви подчинить себѣ Россію и оторвать ее отъ духовнаго единенія съ Византіей ([15]).

Ольга употребляла конечно всѣ усилія склонить къ принятію крещенія своего сына Святослава; но тщетно. Религія христіанская, проповѣдующая миръ и любовь, была не по нраву молодаго воинственнаго князя; онъ мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ совершалъ свои походы на легкѣ и ходилъ быстро, подобно барсу. Онъ не тащилъ за собой обоза, не бралъ ни шатра, ни посуды; спалъ на конскомъ потникѣ, съ сѣдломъ въ головахъ; мяса не варилъ въ котлахъ, а, изрѣзавъ на куски конину, звѣрину или говядину, пекъ на угольяхъ, и ѣлъ. Такова была и вся его дружина. Усмиривъ Древлянъ, Святославъ обратился противъ другаго славянскаго племени, Вятичей, обитавшихъ на верхней Окѣ и дотолѣ не платившихъ дани русскимъ князьямъ. Но подчиненіе этого племени удалось окончить только преемникамъ Святослава.

Для его неукротимой отваги представилось широкое поле на востокѣ въ борьбѣ съ народами, обитавшими на Волгѣ и въ странахъ Прикавказскихъ. Тамъ еще стояла сильная Хазарская держава, съ которою Руссы вели значительную торговлю, а иногда вступали въ жестокую борьбу. Причиной столкновенія, во первыхъ, служили владѣнія въ Тавридѣ и на Тамани. Кіевская Русь успѣла уже освободить большую часть жившихъ тамъ Черныхъ Болгаръ отъ хазарскаго владычества и основать особое русское княжество, извѣстное подъ именемъ Тмутракани. Но на Таврическомъ полуостровѣ продолжали еще существовать вассальныя хазарскія владѣнія; а со стороны Кавказа Тмутраканская Русь терпѣла отъ набѣговъ косожскихъ или кабардинскихъ князей, которые также считались вассалами верховнаго хазарскаго кагана, жившаго въ Итилѣ. Вовторыхъ, Русь, проживавшая въ этомъ городѣ

и приходившая сюда для торговли, по всей вѣроятности терпѣла иногда разныя обиды и притѣсненія, за которыя она всегда готова была платить кровавымъ возмездіемъ. Наконецъ, хазарская твердыня Саркелъ на Дону и самъ столичный городъ Итиль на Волгѣ препятствовали Руси пробираться на своихъ судахъ въ Каспійское море и грабить его югозападныя прибрежья, изобильныя богатыми городами и селеніями. Послѣ похода Руси въ Каспійское море въ 913 году, восточные писатели упоминаютъ о другомъ подобномъ походѣ въ 944 году. На этотъ разъ Русь изъ Каспійскаго моря вошла въ рѣку Куру, захватила и разграбила городъ Берду, считавшійся въ то время однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Арабскаго халифата. Но изъ этого похода, также какъ изъ перваго, только немногимъ Руссамъ удалось воротиться въ отечество.

Святославъ вступилъ въ упорную борьбу съ Хазарами, и побѣдилъ ихъ. Онъ взялъ и разорилъ Саркелъ или Бѣлую Вежу, какъ его называетъ наша лѣтопись. Онъ побѣдилъ также хищныя племена Касоговъ и Ясовъ (Аланъ), и тѣмъ упрочилъ съ этой стороны существованіе русской Тмутракани. Съ раззореніемъ Саркела для Руси открылся свободный путь изъ Дона въ Волгу, которые раздѣлены небольшимъ волокомъ, и она не замедлила нанести рѣшительные удары враждебнымъ ей государствамъ, Болгарскому и Хазарскому. По извѣстіямъ восточныхъ писателей въ 968 году Руссы по Волгѣ поднялись до столицы Камскихъ Болгаръ, и сильно разорили этотъ торговый городъ. Потомъ они спустились внизъ по рѣкѣ, опустошили страну Буртасовъ (Мордвы), и напали на Итиль, обширную и богатую столицу хазарскихъ кагановъ. Большая часть ея жителей разбѣжалась уже при первомъ извѣстіи о приближеніи Руси. Ограбивъ Итиль, Русь берегомъ Каспійскаго моря достигла другаго богатаго хазарскаго города, Семендера (близъ Тарку), который былъ столицею особаго князя, зависимаго отъ верховнаго кагана и также исповѣдующаго іудейскую религію. Этотъ городъ обиловалъ мечетями, церквами и синагогами, такъ какъ здѣсь жили вмѣстѣ христіане, мусульмане и евреи; однихъ виноградниковъ онъ имѣлъ до 4000. Русь разгра-

била и разорила его, подобно Булгару и Итилю. Долго послѣ того на востокѣ со страхомъ и ужасомъ вспоминали о нашествіи свирѣпаго, неукротимаго народа Руссовъ. Хазарской державѣ этой войной нанесенъ былъ такой сильный ударъ, что она уже не могла болѣе оправиться и снова стать грозною для своихъ сосѣдей ([16]).

Около того времени на Балканскомъ полуостровѣ случились обстоятельства, которыя отвлекли вниманіе Руси отъ Волги и Каспійскаго моря на Дунай и Черное.

Высоко поднялось могущество Болгарскаго государства во время знаменитаго царя Симеона, который распространилъ его предѣлы на западъ и югъ, и едва не овладѣлъ самою Византіей. Но послѣ его смерти могущество это оказалось непрочно. Вожди Дунайскихъ Болгаръ не успѣли сплотить воедино южныхъ или Балканскихъ Славянъ, такъ какъ это совершили князья Русскіе по отношенію къ Славянамъ Восточнымъ. Главнымъ препятствіемъ тому послужило слишкомъ близкое сосѣдство Византіи, съ ея искусною, дальновидною политикою. За принятіемъ греческой религіи послѣдовало быстрое пересажденіе въ Болгарію и греческой образованности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внесены были и нѣкоторыя начала разложенія. Излишнее подражаніе византійской роскоши со стороны высшихъ классовъ и заимствованіе многихъ византійскихъ порядковъ часто вызывали народное неудовольствіе. Особенно сильное противодѣйствіе возникло со стороны народныхъ вѣрованій и обычаевъ противъ греческаго клира, водворившагося посреди Болгаръ. Противодѣйствіе это выразилось въ извѣстной ереси Богомиловъ, которая породила многіе смуты и мятежи, раздиравшіе Болгарію въ X вѣкѣ. Византійская политика напрягала всѣ усилія подорвать Болгарскую силу, захватившую многія греческія области и неразъ угрожавшую самой столицѣ имперіи. Она постоянно возбуждала противъ Болгаріи ея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, насылала на нее Печенѣговъ, Угровъ, и подавала помощь Славянамъ, возстававшимъ противъ Болгарскаго владычества, напримѣръ Сербамъ.

Сынъ и преемникъ Симеона Петръ не былъ способенъ бороться съ тѣми затрудненіями, которыя его окружа-

ли, и его долголѣтнее царствованіе представляетъ эпоху быстраго политическаго упадка Болгаріи. Хотя онъ и былъ женатъ на греческой царевнѣ, однако греческая политика вполнѣ пользовалась его слабостью и неспособностію для своихъ цѣлей. Между болгарскимъ царемъ Петромъ и византійскимъ императоромъ Никифоромъ Фокою возникли неудовольствія: по однимъ извѣстіямъ изъ за дани, которую будто бы болгарскій царь потребовалъ отъ Византіи, а по другимъ изъ за Угровъ, которыхъ Болгаре пропускали черезъ свои земли, позволяя имъ врываться въ предѣлы имперіи. Никифоръ, занятый дѣлами на востокѣ, прибѣгъ къ обычной византійской политикѣ: вооружать сосѣдніе варварскіе народы другъ противъ друга, такимъ образомъ ослаблять ихъ и отклонять отъ замысловъ противъ имперіи. Въ 967 году онъ поручилъ патрицію Калокиру, сыну херсонскаго намѣстника, вступить въ переговоры съ русскимъ княземъ Святославомъ и склонить его къ нападенію на Дунайскихъ Болгаръ. Надобно полагать, что Святославъ находился тогда въ своихъ таврическихъ владѣніяхъ, т. е. по сосѣдству съ Херсономъ. Переговоры, подкрѣпленные со стороны Грековъ значительнымъ количествомъ золота и разными льстивыми обѣщаніями, увѣнчались полнымъ успѣхомъ ([17]). Князь призвалъ къ оружію храброе русское юношество, и въ слѣдующемъ 968 году съ сильною ратью вступилъ на своихъ ладьяхъ въ Дунай. Тщетно болгарское ополченіе собралось на берегу этой рѣки и пыталось помѣшать высадкѣ Руссовъ. Болгаре были разбиты; затѣмъ покорены и разграблены многіе дунайскіе города, въ томъ числѣ Малая Преслава или Переяславецъ и сильно укрѣпленный Дористолъ. Побѣда досталась легко потому, что значительная часть Болгаръ отложилась отъ своего царя и вѣроятно дѣйствовала за одно съ соплеменною ей Русью. Старый Петръ во время этихъ событій отъ огорченія получилъ паралицный ударъ, и умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Бориса и Романа. Легкость завоеванія, пріятность климата, а также выгодное торговое положеніе Болгаріи между Византіей и Придунайскими странами такъ привлекли

Русскаго князя, что онъ уже не желалъ разстаться съ завоеванною землею, и, если вѣрить нашей лѣтописи, вмѣсто роднаго Кіева задумалъ утвердить свой столъ въ Переяславцѣ. „Сюда—говорилъ онъ—сходится все благое: отъ Грековъ золото, паволоки, вина и разныя овощи, отъ Чеховъ и Угровъ серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники". Поэтому весною 969 года Святославъ только на короткое время отправился въ Кіевъ, и съ свѣжими силами вернулся на берега Дуная. Тогда онъ завладѣлъ самою столицею Болгарскаго царства Великою Преславою, захватилъ въ свои руки сыновей Петра, и, признавая царскій титулъ за старшимъ изъ нихъ, Борисомъ, въ сущности сдѣлался настоящимъ государемъ Болгаріи, по крайней мѣрѣ ея восточной половины.

Никифоръ Фока съ ужасомъ увидѣлъ свою ошибку: сосѣдство съ такимъ могучимъ и предпріимчивымъ племенемъ, какова была Русь, подвергало имперію великимъ опасностямъ. Доходили до него также слухи и о замыслахъ коварнаго Калорика. Этотъ грекъ съумѣлъ пріобрѣсти дружбу Святослава и поощрялъ его желаніе утвердиться въ Болгаріи, съ условіемъ получить отъ него помощь для достиженія византійскаго престола. Послѣднее намѣреніе въ тѣ времена нисколько не казалось страннымъ; ибо мятежи и перемѣны правителей сдѣлали престолъ императорскій обычною цѣлью отважныхъ честолюбцевъ, и самъ Никифоръ достигъ его незаконнымъ путемъ. Онъ началъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ Руссами, и въ тоже время вошелъ въ сношенія съ Болгарами: послѣдніе, будучи христіанскимъ народомъ, конечно съ неудовольствіемъ переносили господство языческой Руси, и особенно были раздражены произведенными ею разореніями и свирѣпствами. Между прочимъ, говорятъ, будто Святославъ, завладѣвъ Филиппополемъ, посадилъ на колъ до 20.000 плѣнныхъ, и тѣмъ навелъ такой страхъ, что заставилъ себѣ покориться и другіе города. Поэтому неудивительно, что многіе Болгаре съ радостію встрѣтили предложеніе Никифора общими силами воевать противъ Руси, и по его просьбѣ охотно отправили въ Византію двухъ дѣвицъ изъ своего царскаго рода, чтобы соединить ихъ бракомъ съ сыновьями покой-

(*клисуры*), ведущія изъ Өракіи въ Болгарію, не были заняты Руссами. Этихъ проходовъ болѣе всего опасались Греки, вспоминая о пораженіяхъ, которыя они понесли здѣсь въ прежнихъ своихъ войнахъ съ Болгарами. Русь повидимому не ожидала такого ранняго движенія со стороны Грековъ: наступало время пасхи; а это время императоры обыкновенно проводили въ столицѣ, исполняя всѣ обряды великаго праздника, являясь народу на торжественныхъ выходахъ во всемъ блескѣ своего сана, устраивая пиршества и увеселяя толпу ристаніями или другими зрѣлищами. Какъ бы то ни было, но Русь показала большую безпечность и допустила захватить себя врасплохъ. Императоръ поспѣшно прошелъ ущелья, и явился на сѣверномъ склонѣ Балканъ подъ Преславой. Неожиданность нападенія помогла ему овладѣть столицею Болгаріи. Стоявшій тамъ русскій отрядъ сначала бился въ открытомъ полѣ передъ городомъ; потомъ защищался въ его стѣнахъ; вытѣсненный изъ города, онъ сосредоточился въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдѣльномъ возвышеніи и окруженъ особою стѣною. Когда Греки, не смотря на всѣ усилія, не могли взять этого замка, они начали съ разныхъ концовъ бросать въ него огонь; тогда Руссы покинули пылавшее зданіе, и, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями, были истреблены послѣ отчаянной обороны. Только начальникъ ихъ Сфенкелъ съ немногими успѣлъ спастись, и ушелъ къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Дористолѣ. Въ Преславѣ Греки плѣнили молодаго болгарскаго царя Бориса съ его семействомъ. Іоаннъ, какъ искусный политикъ, обошелся съ нимъ ласково, заявляя, что онъ ведетъ войну не съ Болгарами, а только съ Русью. Не теряя времени, императоръ двинулся къ Дористолу.

По всей вѣроятности не одна оплошность Руссовъ была причиною ихъ неудачъ съ самаго начала войны и ихъ оборонительнаго, а не наступательнаго образа дѣйствій. Очевидно наемныя полчища Угровъ и Печенѣговъ покинули Святослава въ самое нужное время, вѣроятно склоненные къ тому греческимъ золотомъ. Значительная часть Болгаръ возстала противъ Руси и начала помогать Грекамъ. Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ из-

вѣстіемъ, что Святославъ, рѣшаясь защищаться въ Дористолѣ, поспѣшилъ обезпечить себя со стороны жителей слѣдующею жестокою мѣрою: онъ собралъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ гражданъ и велѣлъ до трехъ сотъ человѣкъ обезглавить, а остальныхъ заключить въ оковы и содержать въ темницахъ.

Первая битва Цимисхія и Святослава подъ Дористоломъ была весьма упорна. Руссы, сомкнувъ свои щиты и копья, стояли стѣной передъ городомъ, когда Іоаннъ повелъ на нихъ свои стройные легіоны. Грековъ одушевляли недавніе успѣхи и присутствіе ихъ искуснаго мужественнаго вождя; а Руссы, гордые своими завоеваніями и побѣдами надъ сосѣдними народами, считали пораженіе для себя невыносимымъ бѣдствіемъ; они дрались съ неукротимою яростію и съ дикимъ крикомъ поражали непріятелей. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Наконецъ Іоаннъ выдвинулъ всю свою конницу и велѣлъ ей стремительно ударить на варваровъ. Послѣдніе не выдержали этого натиска, отступили, и заключились въ городѣ. Императоръ немедленно устроилъ укрѣпленный лагерь на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; Греки окопались и поставили свои шатры. Въ то же время греческій флотъ вошелъ въ Дунай, и отрѣзалъ Руссамъ отступленіе въ отечество. Флотъ этотъ былъ страшенъ для нихъ своими огнеметательными снарядами. Они еще живо помнили разсказы отцевъ о томъ, какъ этотъ огонь истребилъ суда Игоря. Русь собрала свои ладьи, и держала ихъ подъ самыми стѣнами Дористола, не смѣя приблизиться къ греческимъ судамъ. Итакъ съ прибытіемъ греческаго флота она была окружена непріятелемъ. Началась знаменитая осада, которая по своему упорству и подвигамъ, совершеннымъ съ обѣихъ сторонъ, напоминаетъ нѣсколько баснословную осаду Трои, прославленную древними поэтами.

Геройская борьба Святослава съ Цимисхіемъ описана довольно подробно въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ византійскихъ историковъ. Не всѣ они согласуются между собою въ изложеніи ея подробностей; но нисколько не разногласятъ относительно ея характера и главныхъ событій ([18]).

наго греческаго императора Романа II, предшественника Фоки.

. Но посреди этихъ приготовленій Никифоръ Фока, снискавшій себѣ уваженіе многими заслугами и строгимъ своимъ правленіемъ, погибъ жалкою смертію.

Прекрасная наружностью, но крайне испорченная нравомъ, императрица Феофано отравила своего перваго мужа Романа II, чтобы вмѣстѣ съ своею рукою доставить престолъ Никифору Фокѣ. Теперь она приготовила туже участь и второму своему мужу. Изъ числа византійскихъ полководцевъ этого времени особенно выдвигался Іоаннъ Цимисхій, родомъ армянинъ; а прозваніе Цимисхій на армянскомъ языкѣ значило „Малорослый". Онъ приходился родственникъ Никифору, и былъ его сподвижникомъ на поляхъ битвъ; но по своему смѣлому честолюбивому характеру возбудилъ противъ себя подозрѣнія, лишенъ начальства надъ восточными легіонами и нѣкоторое время жилъ въ уединеніи. Ѳеофано выпросила ему позволеніе явиться въ столицу. Никифоръ очень ее любилъ и не могъ отказать ея просьбамъ. Но Іоаннъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ для того, чтобы вмѣстѣ съ вѣроломною Ѳеофано устроить заговоръ противъ Никифора. Она тайно ввела въ свое отдѣленіе дворца вооруженныхъ людей, и скрывала ихъ до удобнаго случая. Въ одну глухую ночь Цимисхій на лодкѣ подплылъ къ дворцу со стороны моря, и на веревкахъ былъ поднятъ на кровлю Вуколеона ожидавшими его соумышленниками. Онъ немедленно ворвался съ ними въ царскую спальню, и безчеловѣчно умертвилъ спящаго Никифора. Цимисхій былъ провозглашенъ императоромъ; но Ѳеофано ошиблась въ своихъ расчетахъ: первымъ дѣломъ новаго императора была ссылка ея на одинъ изъ острововъ Мраморнаго моря.

Умный, дѣятельный, отважный Цимисхій спѣшилъ великими дѣяніями и хорошимъ управленіемъ загладить пятно своего преступленія (если только оно могло быть заглажено). Во всѣхъ дѣлахъ имперіи почувствовалась новая сила, новая энергія. Одною изъ первыхъ его заботъ было удаленіе Руссовъ изъ Болгаріи. Сначала онъ пытался

склонить къ тому Святослава переговорами, и предлагалъ вознаградить его на основаніяхъ договора, заключеннаго съ Никифоромъ. Но Русскій князь предъявилъ условія неисполнимыя: онъ потребовалъ огромнаго выкупа за всѣ завоеванные города, за всѣхъ плѣнныхъ, и вообще далъ такой гордый отвѣтъ, что война сдѣлалась неизбѣжною. Не ограничиваясь собственною ратью, Святославъ вооружилъ вспомогательное войско изъ покоренныхъ Болгаръ; кромѣ того нанялъ конныя толпы Угровъ и Печенѣговъ, и послалъ ихъ разорять Ѳракію. Подъ стѣнами Адріанополя эти хищники потерпѣли пораженіе отъ мужественнаго, искуснаго византійскаго полководца Варды, по прозванію *Склира* (крѣпкаго). Но такъ какъ этотъ военачальникъ вслѣдъ за тѣмъ былъ отправленъ въ Малую Азію для усмиренія мятежа, поднятаго тамъ Фокою, племянникомъ убитаго императора Никифора, то отряды варваровъ распространили свои набѣги и опустошенія по Ѳракіи и Македоніи. Зимнее время прошло безъ важныхъ событій. Но Іоаннъ не терялъ времени. Сдѣлавъ Адріанополь опорнымъ пунктомъ для будущихъ военныхъ дѣйствій, онъ приготовлялъ тамъ склады оружія и съѣстныхъ припасовъ; а между тѣмъ снаряжалъ многочисленный флотъ изъ мелкихъ судовъ для дѣйствій на Дунаѣ, и усердно обучалъ свои полки военному искусству; при чемъ составилъ особый отрядъ тѣлохранителей, набранный изъ храбрѣйшихъ молодыхъ людей и названный „Безсмертнымъ". Къ веснѣ приготовленія были окончены, мятежъ Фоки усмиренъ, и восточные легіоны переправились въ Европу, имѣя во главѣ побѣдоноснаго Варду Склира.

Выступленіе императора въ походъ противъ Руссовъ сопровождалось большою торжественностію. Онъ всенародно молился въ знаменитѣйшихъ храмахъ столицы, сначала въ церкви Спасителя, находившейся въ Халкійскомъ отдѣленіи дворца, потомъ въ соборѣ св. Софіи и во Влахернскомъ храмѣ Богоматери. Онъ сдѣлалъ смотръ и примѣрное сраженіе своего флота въ Золотомъ Рогѣ передъ отплытіемъ его въ Дунай, и затѣмъ направился съ легіонами въ Адріанополь. Отсюда онъ послалъ развѣдать о положеніи непріятеля, и съ удивленіемъ узналъ, что Балканскія тѣснины

чивъ своего коня, понесся на Икмора, и поразилъ его прямо въ шею съ такою мощью, что голова русскаго богатыря упала на землю вмѣстѣ съ правою рукою. Увидавъ его паденіе, Руссы подняли отчаянные вопли; а Греки ободрились, ударили съ новою энергіей, и заставили своихъ непріятелей уйти въ городъ.

Съ паденіемъ Икмора уныніе и отчаяніе проникли въ среду неукротимой русской рати. Святославъ созвалъ на совѣтъ воеводъ и старшую дружину, и спросилъ, что дѣлать. Нѣкоторые предлагали выбрать глухую ночь, и, сѣвъ на суда, спасаться бѣгствомъ; но другіе, указывая невозможность пройти мимо огненосныхъ греческихъ кораблей, совѣтовали заключить миръ съ императоромъ. Тогда князь сталъ напоминать товарищамъ славу непобѣдимаго русскаго оружія, которое покорило цѣлыя страны. „И къ чему послужитъ намъ жизнь, спасенная бѣгствомъ или униженіемъ? — говорилъ онъ. Насъ будутъ презирать тѣ самые народы, которые доселѣ трепетали передъ нами. Нѣтъ, если не можемъ добыть побѣды, то добудемъ себѣ славной смерти“. Конечно византійскіе историки, влагая подобныя рѣчи въ уста своихъ героевъ, слѣдовали въ этомъ отношеніи классическимъ образцамъ; но несомнѣнно, что въ такомъ смыслѣ Святославъ говорилъ своей дружинѣ, и дѣйствительно съумѣлъ вдохнуть въ нее новое мужество и новыя силы. Опять послѣдовали отчаянныя битвы. Во время одной изъ нихъ и самой упорной, Анемасъ, усмотрѣвъ Святослава, примѣромъ своимъ одушевлявшаго русскіе полки и сильно тѣснившаго Грековъ, вздумалъ повторить тотъ же ударъ, который ему удался противъ Икмора. Мечемъ своимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ русскому князю, и поразилъ его въ самую ключевую кость. Ударъ былъ такъ силенъ, что Святославъ упалъ съ коня; но крѣпкая кольчуга и щитъ охранили его. Окруженный непріятелями, Анемасъ многихъ побилъ; но наконецъ палъ подъ ударами русскихъ копій. Смерть его ободрила Руссовъ и опечалила Грековъ. Послѣдніе начали отступать. Императоръ, видя крайнюю опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, и самъ съ копьемъ въ рукѣ, во главѣ своего отряда

безсмертныхъ, понесся на русскія дружины. Греки возобновили битву; на помощь къ нимъ явилась внезапная буря, которая понесла облака пыли на русское войско, и заслѣпила ему глаза. Между тѣмъ особый греческій отрядъ, предводительствуемый Вардою Склиромъ, зашелъ въ тылъ Русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города. Тогда Руссы поспѣшно отступили. Самъ Святославъ, израненный и истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна. Впослѣдствіи у Грековъ сложилась легенда, что на полѣ битвы явился какой-то воинъ на бѣломъ конѣ, который чудеснымъ образомъ поражалъ Руссовъ и разстроивалъ ихъ ряды: то былъ никто иной какъ мученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ, котораго сама Богородица послала на помощь императору Іоанну.

Наконецъ, когда всѣ средства для борьбы были истощены и въ Дористолѣ насталъ ужасный голодъ, Святославъ рѣшился просить мира. Цимисхій охотно согласился: хотя Греки не имѣли ни въ чемъ недостатка и получали подкрѣпленія; однако и они были утомлены такою отчаянною обороною и они сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнниковъ, сдать Дористолъ и уйти изъ Болгаріи. Онъ обязывался и впредь не помышлять о войнѣ съ Греками, не нападать на греческія владѣнія въ сѣверномъ Черноморьѣ, именно на Корсунскую область, а также на страну Дунайскихъ Болгаръ, и не только самому не нападать, но препятствовать въ томъ и другимъ непріятелямъ Грековъ. Обязательства эти Русь должна была подтвердить обычною клятвою на своемъ оружіи, Перуномъ и Волосомъ. Съ своей стороны императоръ давалъ Руси свободный путь для возвращенія въ отечество; а также согласился по прежнему допускать русскихъ торговцевъ въ Византію и обходиться съ ними подружески. Договоръ заключенъ синкеломъ Ѳеофиломъ, отъ имени Цимисхія и двухъ молодыхъ императоровъ, братьевъ Василія и Константина. А съ русской стороны въ грамотѣ, писанной подъ Дористоломъ, кромѣ Святослава упоминается только одинъ воевода Свенельдъ, по всей вѣроятности занимавшій теперь первое мѣсто послѣ князя.

Отрѣзанные отъ родины, не получая ни откуда помощи ни людьми, ни припасами, Руссы защищались съ удивительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. Они не прятались за городскими стѣнами, и рѣдкій день не выходили на битву съ непріятелемъ. Русь, приплывшая на судахъ, составляла собственно пѣшую рать, за исключеніемъ предводителей и знатныхъ людей. Видя, какое превосходство даетъ Грекамъ ихъ броненосная конница, Руссы въ началѣ осады попытались и съ своей стороны выставить конное войско; но ни лошади, набранныя у туземцевъ, не годились къ бою, ни сами всадники, непривыкшіе къ конному строю, не могли соперничать съ хорошо обученной конницей Цимисхія. Да и лошади конечно мало по малу были съѣдены, когда наступило истощеніе запасовъ. Обыкновенно русская, кольчужная рать, выступивъ изъ города и закрывшись своими длинными, до самыхъ ногъ, щитами, стѣною шла на непріятеля и сокрушала все передъ собою до тѣхъ поръ, пока Цимисхій и его полководцы клинообразнымъ построеніемъ своей пѣхоты, неожиданными нападеніями съ боковъ, съ тыла или стремительными ударами конницы успѣвали разстроить сомкнутую русскую фалангу и принудить ее къ отступленію, но не къ бѣгству: ибо Руссы шли назадъ медленно, закинувъ за спину свои огромные щиты. По ночамъ они выходили иногда въ поле, собирали тѣла павшихъ товарищей и сожигали ихъ на разложенныхъ кострахъ; при чемъ закалали своимъ богамъ многихъ плѣнниковъ, а также по извѣстному славянскому обычаю убивали и женщинъ (вѣроятно принадлежавшихъ болѣе знатнымъ покойникамъ); кромѣ того приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ опускали въ Дунай. Эти погребальные обряды они сопровождали дикимъ воемъ и плачемъ въ честь покойниковъ. Нерѣдко Греки, снимая доспѣхи съ убитыхъ непріятелей, открывали между ними трупы женщинъ, которыя въ мужской одеждѣ слѣдовали за своими господами и на поле сраженія.

Цимисхій устроилъ метательные снаряды, которые бросали камни въ городъ, и убивали многихъ осажденныхъ. Русь однажды сдѣлала нечаянную вылазку, чтобы сжечь

эти машины; но подоспѣвшая конница спасла ихъ отъ истребленія. Въ этомъ дѣлѣ Руссамъ удалось убить одного греческаго военачальника въ доспѣхахъ изъ позолоченныхъ бляхъ; они приняли его за самаго императора, и, вонзивъ на конецъ копья отрубленную его голову, выставили ее на городской стѣнѣ. Но оказалось, что то былъ магистръ Іоаннъ, родственникъ императора, начальствовавшій осадными машинами. Въ другой разъ, Святославъ, выбравъ темную, бурную ночь, съ 2000 воиновъ сѣлъ въ ладьи, и, незамѣченный греческими судами, собралъ въ ближнихъ селеніяхъ, сколько можно было захватить, муки, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ осажденные терпѣли крайнюю нужду. На обратномъ пути онъ успѣлъ еще истребить цѣлый греческій отрядъ, безпечно разсыпавшійся для водопоя и для рубки дровъ въ лѣсу. Императоръ сильно досадовалъ на начальниковъ своего флота за ихъ оплошность, и грозилъ имъ смертною казнію, если подобная вылазка повторится. Съ этого дня Греки еще тщательнѣе начали оберегать всѣ пути, ведущіе въ Дористолъ, и лишили осажденныхъ всякой возможности промышлять себѣ припасы. Одинъ византійскій писатель (Кедренъ) говоритъ, будто Іоаннъ Цимисхій, весьма искусный во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, во время этой осады предлагалъ Святославу не продолжать излишняго кровопролитія, а рѣшить дѣло ихъ единоборствомъ; но Святославъ будто бы отвѣчалъ: „Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать; если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться; пусть выбираетъ любой“.

Осада длилась уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Русскій князь потерялъ большую часть своей дружины и лучшихъ своихъ воеводъ. Въ числѣ павшихъ находился и Сфенкелъ. Съ его смертію первое мѣсто въ войскѣ послѣ Святослава занялъ Икморъ, не столько по своему происхожденію, сколько по своимъ подвигамъ, необычайной силѣ и росту. Въ вылазкѣ 20 іюля онъ съ особою яростію поражалъ Грековъ во главѣ отборнаго отряда. Тогда одинъ изъ конныхъ тѣлохранителей Цимисхія, по имени Анемасъ, родомъ критянинъ, отличавшійся также большимъ мужествомъ и силою, разгоря-

дѣла находились въ большомъ разстройствѣ, или тамъ не имѣли точныхъ свѣденій о положеніи князя. Помощь ни откуда не приходила. На весну Святославъ рѣшился оружіемъ пробиваться въ отечество. Съ остаткомъ своей рати онъ поплылъ въ ладьяхъ по нижнему Днѣпру; но около пороговъ Русь должна была выдти на берегъ и идти степью; такъ какъ на ладьяхъ невозможно было пройти пороги противъ теченія. Тогда то подстерегавшія Руссовъ печенѣжскія орды окружили ихъ, конечно въ удобномъ для себя мѣстѣ. Произошла отчаянная сѣча. Святославъ палъ, и только немногіе Руссы успѣли воротиться въ Кіевъ съ воеводою Свенельдомъ (972 г.). Въ Русской лѣтописи сохранилось извѣстіе о какомъ то упрямствѣ князя, который не послушалъ совѣта Свенельдова, не пошелъ въ Кіевъ окольнымъ путемъ, а съ свойственною ему отвагою хотѣлъ пробиться сквозь Печенѣжскую орду. Таже лѣтопись прибавляетъ, что печенѣжскій князь Куря велѣлъ черепъ Святослава оковать металломъ, и на пирахъ пилъ вино изъ этой чаши — обычай существовавшій не только у дикихъ турецкихъ кочевниковъ, но даже у германскихъ и славянскихъ народовъ во времена ихъ варварства.

Такъ погибъ знаменитый Русскій князь, котораго излишняя отвага и жажда къ завоеваніямъ завлекли слишкомъ далеко.

III.

ВЛАДИМІРЪ ВЕЛИКІЙ И ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА.

Сыновья Святослава. Варяги помогаютъ Владиміру добыть Кіевъ. Войны съ сосѣдями. Язычество. Гоненіе на христіанъ. Взятіе Корсуня. Крещеніе Владиміра и утвержденіе христіанства на Руси. Удѣлы. Борьба съ Печенѣгами. Дружина Владиміра. Католическіе миссіонеры. Отношенія польскія, греческія и варяжскія. Ингигерда и отложеніе новогородскаго князя. Кончина Владиміра Великаго.

Мы знаемъ, что у Святослава были двоюродные братья, а можетъ быть и родные. Братья эти конечно имѣли свои удѣлы; но наши источники молчатъ объ ихъ судьбѣ. По извѣстію Русской лѣтописи, Ольга скончалась за три года до гибели Святослава; а послѣ него осталось три сына, рожденные отъ разныхъ матерей; такъ какъ Святославъ, подобно другимъ русскимъ князьямъ, держался языческаго обычая многоженства. Великіе князья кіевскіе очевидно старались имѣть своими намѣстниками въ областяхъ собственныхъ сыновей и другихъ родственниковъ, чтобы крѣпче связать съ Кіевомъ подвластныя племена и вытѣснять мѣстные княжескіе роды. Во время пребыванія Святослава въ Болгаріи старшій сынъ Ярополкъ заступалъ его мѣсто въ Кіевѣ; другой, по имени Олегъ, княжилъ въ землѣ Древлянской, т. е. на Волыни и въ Полѣсьѣ; а младшему, Владиміру, отецъ отдалъ Новгородъ, въ которомъ самъ княжилъ при жизни Игоря. Въ остальныхъ русскихъ областяхъ вѣроятно сидѣли другіе родственники. Произошло обычное явленіе, которое неразъ повторялось послѣ того, повторялось конечно и прежде. Кіевскій князь не хотѣлъ ограничиваться только званіемъ старшаго князя, но стремился быть дѣйствитель-

Цимисхій велѣлъ раздать голодающей Руси хлѣбъ, по двѣ мѣры на человѣка. Византійскій историкъ Левъ Діаконъ говоритъ, что изъ 60.000 приведенныхъ Святославомъ въ Болгарію, насчитали теперь только 22.000. Но и изъ этого числа едва ли болѣе половины оставалось способныхъ къ бою. При заключеніи договора Святославъ попросилъ о личномъ свиданіи съ императоромъ, и получилъ согласіе. Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ; за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ. А Святославъ подъѣхалъ къ берегу въ ладьѣ; при чемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ прочими гребцами. Греки съ любопытствомъ разсматривали наружность русскаго князя. Онъ былъ средняго роста, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей; имѣлъ голубые глаза и густыя брови, носъ немного плоскій, подстриженную бороду и длинные усы. Съ его оголенной головы спускался на бокъ локонъ волосъ, по обычаю знатныхъ русскихъ людей. Въ одномъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу, украшенную рубиномъ и двумя жемчужинами. Выраженіе его лица показалось Грекамъ суровымъ и мрачнымъ. На немъ былъ наброшенъ бѣлый плащъ, такой же какъ и у всѣхъ его товарищей. Не выходя изъ ладьи, онъ черезъ переводчика поговорилъ немного съ императоромъ, и отъѣхалъ назадъ. По всему вѣроятію при этомъ свиданіи Святославъ просилъ императора, чтобы онъ потребовалъ отъ Печенѣговъ свободнаго пропуска Руссовъ въ отечество. Цимисхій обѣщалъ.

Когда Русь сѣла на свои суда и удалилась, императоръ занялъ Дористолъ и другія дунайскія крѣпости, а затѣмъ воротился въ столицу. Побѣда надъ такимъ храбрымъ непріятелемъ, какова была Русь, и избавленіе имперіи отъ грознаго Святослава покрыли Цимисхія громкою славою. Патріархъ, епископы, сенаторы и огромная толпа византійскихъ гражданъ встрѣтили его за стѣнами города съ побѣдоносными пѣснопѣніями и поздравленіями. Ему поднесли скипетры и золотые вѣнцы, и подвели тріумфальную колесницу, запряженную бѣлыми конями. Императоръ принялъ вѣнцы и скипетры, но отказался сѣсть на тріум-

фальную колесницу, и велѣлъ поставить на нее взятую въ Болгаріи икону Богородицы; самъ же слѣдовалъ за нею на своемъ быстромъ конѣ, увѣнчанный діадимою. Столица принимала его, изукрашенная лавровыми вѣтвями, коврами и другими разноцвѣтными тканями. Прежде всего императоръ отправился въ св. Софію, гдѣ совершилъ благодарственное моленіе, и посвятилъ храму дорогой вѣнецъ болгарскихъ царей. Затѣмъ онъ вступаетъ на форумъ Августеонъ, сопутствуемый плѣннымъ болгарскимъ царемъ Борисомъ, и здѣсь въ присутствіи народной толпы приказываетъ ему снять съ себя царскіе знаки, т. е. шитую золотомъ и осыпанную жемчугомъ шапку, багряный плащъ и красную обувь. Вмѣсто нихъ Борисъ получилъ достоинство римскаго магистра. Такимъ образомъ знаменитое царство Дунайскихъ Болгаръ, сломленное руками единоплеменной имъ Руси, объявлено простою областью Византійской имперіи.

Между тѣмъ пользуясь отсутствіемъ русскаго князя и войска, хищныя печенѣжскія орды до того усилились, что во время пребыванія Святослава въ Болгаріи напали на самый Кіевъ и едва не овладѣли русскою столицею. Посольство, отправленное Цимисхіемъ къ этимъ кочевникамъ, предложило имъ вступить въ союзъ съ Греками; при чемъ потребовало, чтобы они не переходили Дунай для опустошенія Болгаріи и не препятствовали возвращенію Руссовъ въ отечество. Печенѣги согласились на первое; но въ послѣднемъ требованіи отказали. Такъ повѣствуютъ византійскіе историки. Сомнительно, чтобы Греки искренно хлопотали о безопасности Руссовъ. Вѣроятнѣе, что они дѣйствовали при этомъ не безъ лукавства, и не прочь были погубить такого предпріимчиваго, опаснаго сосѣда, какимъ былъ Святославъ.

Узнавъ, что Печенѣги заступили дорогу, русскій князь зазимовалъ въ Бѣлобережьѣ, гдѣ-то около Днѣпровскаго устья. Здѣсь русская рать принуждена была терпѣть страшную нужду въ пищѣ и питалась кониною; но и та была такъ дорога, что приходилось платить по полугривнѣ за конскую голову. Князь конечно поджидалъ помощи изъ Кіева. Но очевидно или въ Русской землѣ въ то время

предложеніямъ Владиміра, онъ отправился въ его ставку; но у входа въ нее былъ убитъ двумя варягами, спрятанными въ засадѣ (19). Такимъ то способомъ младшій изъ сыновей Святослава возстановилъ единство Русскихъ областей.

Жадные варяжскіе наемники, окружавшіе Владиміра, смотрѣли на Кіевъ какъ на собственное завоеваніе; по словамъ лѣтописи, они потребовали отъ Кіевлянъ окупа по двѣ гривны съ человѣка (вѣроятно съ каждаго главы семейства). Владиміръ обѣщалъ исполнить это требованіе. Но онъ успѣлъ выиграть время и принять свои мѣры противъ безпокойныхъ союзниковъ; послѣ чего сбросилъ съ себя личину. Тогда Варяги попросили его отпустить ихъ въ Грецію. Князь выбралъ лучшихъ мужей, которыхъ оставилъ въ своей службѣ; а остальныхъ отправилъ съ русскимъ судовымъ караваномъ въ Византію. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ потомъ въ числѣ греческихъ наемныхъ войскъ отряды изъ *Варанговъ*; начало этихъ отрядовъ вѣроятно и было положено тѣми Норманнами, которыхъ отпустилъ Владиміръ.

Гибель многочисленной русской рати вмѣстѣ съ самимъ Святославомъ и послѣдующія за тѣмъ междоусобія его сыновей, естественно, должны были нанести сильный ударъ возраставшему могуществу Руси. Часть покоренныхъ племенъ отложилась, т. е. перестала платить дань; а нѣкоторые сосѣди спѣшили пользоваться обстоятельствами, чтобы грабить Русь или увеличить на ея счетъ собственные предѣлы. Пришлось вновь покорять первыхъ и укрощать послѣднихъ; что и было съ успѣхомъ исполнено, благодаря великому человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточились тогда судьбы Руси. Почти все княженіе Владиміра, особенно первая его половина, было наполнено удачными походами и битвами. Такъ на востокѣ усмирены Вятичи и Радимичи. Послѣднихъ, по словамъ лѣтописи, побѣдилъ воевода Владиміровъ, по прозванію Волчій Хвостъ, на рѣкѣ Пищанѣ. Отсюда Русь будто бы впослѣдствіи корила Радимичей поговоркою: „Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ". На югѣ шла жестокая борьба съ Печенѣгами, дерзость и грабежи которыхъ значительно

усилились послѣ гибели Святослава. На западѣ Владиміръ отражалъ набѣги дикаго лѣснаго племени Ятвяговъ, и воевалъ подкарпатскихъ Славянъ или Бѣлыхъ Хорватовъ, сосѣднихъ съ Волынью. Къ тому же времени относится первое исторически извѣстное столкновеніе Руси съ другою юною Славянскою державою, съ Поляками. Столкновеніе ихъ произошло въ области тѣхъ же подкарпатскихъ Славянъ. По словамъ лѣтописи, Владиміръ въ 981 году пошелъ на Ляховъ, и отвоевалъ у нихъ нѣкоторые города, въ томъ числѣ Перемышль и Червень. Послѣдній стоялъ на рѣчкѣ Гучвѣ (недалеко отъ Холма), и отъ него то вся эта страна получила названіе Червонной Руси.

Подъ 985 годомъ лѣтопись помѣщаетъ походъ Владиміра на Камскихъ Болгаръ. Въ той сторонѣ лежалъ Ростовско-Суздальскій край, составлявшій владѣнія русскихъ князей. Находимые въ этомъ краю клады съ арабскими монетами и разными металлическими вещами восточной работы указываютъ на довольно дѣятельныя торговыя сношенія его съ сосѣднею Камскою Болгаріей, при помощи судоваго пути Волжскаго и Окскаго. Новый походъ на Болгаръ могъ произойти вслѣдствіе нарушенія договоровъ и притѣсненія русскихъ купцовъ; притомъ Русь побуждаема была вѣроятно желаніемъ вновь поживиться добычею въ зажиточныхъ болгарскихъ городахъ, а можетъ быть надѣялась принудить ихъ къ постоянной дани. Въ этомъ походѣ въ первый разъ упоминаются Торки, кочевое племя сосѣднихъ степей: русская рать по своему обычаю ходила на судахъ, а торкская конница шла берегомъ. Лѣтопись украшаетъ Болгарскій походъ слѣдующимъ преданіемъ. Добрыня осмотрѣлъ плѣнныхъ Болгаръ, и, увидавъ на нихъ сапоги, сказалъ Владиміру: „нѣтъ, эти не будутъ давать намъ дани; поищемъ лучше лапотниковъ". Заключенъ былъ миръ, и обѣ стороны будто бы при этомъ поклялись хранить его до тѣхъ поръ, пока камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть.

Возстановивъ русское господство въ Восточной Европѣ, Владиміръ рѣшился вступить въ борьбу съ Византіей: Русь конечно не могла еще забыть пораженіе Святослава и потерю Дунайской Болгаріи. Война началась тамъ,

нымъ господиномъ всей Русской земли. Слѣдовательно, едва только начинаетъ проясняться Русская исторія, мы уже видимъ борьбу единодержавія съ удѣльнымъ порядкомъ, и въ то же время борьбу сѣвера съ югомъ, Новгорода съ Кіевомъ. Лѣтопись объясняетъ возникшія послѣ Святослава междоусобія внушеніями нѣкоторыхъ бояръ, именно Свенельда, который былъ главнымь совѣтникомъ Ярополка, и Добрыни, который приходился Владиміру дядею по матери и руководилъ своимъ юнымъ племянникомъ. Въ междоусобіи Ярополка съ Олегомъ послѣдній былъ убитъ, и Кіевскій князь завладѣлъ его удѣломъ. Но и Владиміръ съ Добрынею не теряли времени, что бы увеличить свою область. Главнымъ средствомъ для того послужили наемныя варяжскія дружины.

Извѣстно, что на Скандинавскихъ островахъ и полуостровахъ въ IX и X вѣкахъ совершался важный переворотъ. Тамъ слагались три сильныя королевства: Швеція, Норвегія и Данія; при чемъ многіе мелкіе владѣтели, не желая сдѣлаться простыми подданными королей, начали уходить изъ отечества съ своими друзьями и слугами. Они искали счастья въ иныхъ странахъ, или въ качествѣ завоевателей, если собирались въ значительномъ числѣ и находили себѣ достойныхъ вождей, или просто въ качествѣ наемниковъ. Отсюда возникло знаменитое движеніе норманскихъ дружинъ. Главное, именно завоевательное, движеніе направилось на западъ, преимущественно въ Англію и Сѣверную Францію. Между тѣмъ на востокѣ, на Балтійскомъ поморьѣ и на Руси, которую они называли землею Гардовъ (Гардарикія), Норманны появляются въ качествѣ наемныхъ отрядовъ. Первая норманская дружина на Руси встрѣчается въ Новгородѣ. Граждане новгородскіе издревле отличались предпріимчивымъ, свободолюбивымъ нравомъ, и кіевскіе князья, подчинивъ себѣ этотъ край, что бы держать его въ повиновеніи, водворили въ Новгородѣ наемную варяжскую дружину, которую должны были содержать сами же Новгородцы. По крайней мѣрѣ, лѣтопись русская говоритъ, что еще Олегъ уставилъ ежегодную дань съ Новгорода въ 300 гривенъ на плату варяжскому

гарнизону, „мира дѣля“ какъ она выражается, т. е. ради порядка и спокойстія. Сношенія Руссовъ съ Норманнами постепенно умножались; князья наши нерѣдко заключали дружественныя и родственныя связи съ скандинавскими державцами. Значеніе варяжскихъ наемныхъ дружинъ на Руси особенно усилилось вслѣдствіе междоусобій возникшихъ въ потомствѣ Игоря: онѣ явились сильнымъ орудіемъ въ рукахъ наиболѣе предпріимчивыхъ властолюбивыхъ князей.

Владиміръ и Добрыня искусно воспользовались Варягами для своихъ замысловъ. Судя по лѣтописи, Владиміръ самъ отправлялся куда то за море, гдѣ и нанялъ значительное варяжское войско. Онъ началъ свои завоеванія съ Полоцкаго или Кривскаго края. Въ томъ краю княжилъ Рогволодъ. Неизвѣстно, принадлежалъ ли онъ къ роду собственно кіеворусскихъ князей, или къ мѣстнымъ кривскимъ владѣтелямъ; послѣднее вѣроятнѣе. Лѣтопись говоритъ, что онъ отказалъ Владиміру отдать ему въ замужство свою дочь Рогнѣдь, предпочитая другаго ея жениха, кіевскаго князя Ярополка. Новогородскій князь пошелъ на Рогволода, и побѣдилъ его; причемъ послѣдній погибъ съ двумя своими сыновьями; а Рогнѣдь силою принуждена была сдѣлаться женою побѣдителя. Затѣмъ послѣдовала неизбѣжная борьба Владиміра съ Ярополкомъ. Съ помощью тѣхъ же наемныхъ Варяговъ меньшій братъ остался побѣдителемъ, и завладѣлъ Кіевомъ. Лѣтопись повѣствуетъ при этомъ объ измѣнѣ боярина Блуда, который повидимому сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Ярополка по смерти Свенельда. Но приведенная ею причина предательства не совсѣмъ вѣроятна: Владиміръ обѣщалъ воздать ему большую честь и „имѣть его въ отца мѣсто“. Для чего же Блуду нужно было искать перваго мѣста при младшемъ братѣ, когда онъ уже занималъ это мѣсто при старшемъ и когда въ отца мѣсто служилъ Владиміру его дядя Добрыня, который конечно не уступилъ бы никому этого мѣста? Достовѣрно только одно, что Ярополкъ, вытѣсненный изъ Кіева и осажденный въ городѣ Роднѣ, на устьѣ Роси, такъ былъ стѣсненъ, особенно наступившимъ здѣсь голодомъ, что склонился на преговоры. Довѣряя мирнымъ

гдѣ русскія владѣнія соприкасались съ греческими, т. е. въ Тавридѣ, въ странѣ Черныхъ Болгаръ. Очень можетъ быть, что Греки, надмѣнные своею побѣдою, пытались вытѣснить Русь изъ той страны и воротить подъ свою державу область Боспора Киммерійскаго. А Русскій князь въ свою очередь задумалъ присоединить къ своимъ землямъ и послѣдній остатокъ греческихъ владѣній въ Тавридѣ, т. е. область Корсунскую и такъ наз. Климаты (Готія или южный берегъ). Эта война съ Греками получила великое значеніе въ нашей исторіи: она повлекла за собою крещеніе Владиміра и окончательное водвореніе христіанства на Руси.

Отечественные и иноземные источники равно указываютъ на двѣ отличительныя черты Русскаго князя: вопервыхъ, наклонность къ разгулу при необыкновенномъ женолюбіи, а вовторыхъ, жестокость, соединенную съ ревностнымъ идолопоклонствомъ. Языческіе обычаи Руси допускали многоженство и наложничество. Женщина вообще стояла довольно низко въ русскомъ обществѣ: она была рабою; а понятія мужъ и господинъ не раздѣлялись между собою. Но Владиміръ очевидно перешелъ всѣ предѣлы, дозволенные обычаемъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ Рогнѣди онъ имѣлъ многихъ женъ, между прочимъ взялъ за себя одну гречанку, плѣненную Святославомъ и бывшую уже женою старшаго брата Святополка. Кромѣ того онъ содержалъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлыя сотни наложницъ. Такъ, по извѣстію лѣтописи, въ селѣ Берестовѣ подъ Кіевомъ у него было ихъ 200, въ Вышгородѣ 300, въ Бѣлгородѣ тоже 300—числа почти невѣроятныя. Недовольствуясь тѣмъ, онъ не оставлялъ въ покоѣ всякую понравившуюся ему дѣвицу или замужнюю женщину ([20]). Едва ли народъ, особенно такой подвижной какъ Кіевляне, равнодушно относился къ столь крайнему выраженію самовластія, и, если князь могъ презирать народнымъ неудовольствіемъ, то конечно не безъ помощи наемныхъ Варяговъ и собственныхъ щедро награждаемыхъ дружинниковъ.

Кромѣ женолюбія, Владиміръ въ первую эпоху своего самовластія отличался усердіемъ къ идолослуженію. Еще знаменитый византійскій писатель VI вѣка, Про-

копій, замѣтилъ о русскихъ Славянахъ (которыхъ онъ называетъ Антами), что они поклоняются богу, производящему молнію, закалаютъ ему быковъ и другихъ животныхъ, почитаютъ рѣки, нимфъ и иныя существа; что они дѣлаютъ своему богу обѣты въ случаѣ опасности или какой нужды, по избѣжаніи ея приносятъ ему обѣщанныя жертвы, и совершаютъ по своимъ жертвамъ гаданія. Въ IX и X вв. мы находимъ у Руссовъ тоже поклоненіе богу огня или грома и молніи, котораго они именовали *Перуномъ*. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, русскіе Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и всѣ стихіи представляли себѣ особыми божествами. Съ понятіемъ объ огнѣ и теплѣ тѣсно связано понятіе и о солнечномъ свѣтѣ. Солнце пользовалось обоготвореніемъ весьма распространеннымъ у восточныхъ Славянъ. Оно чтилось подъ разными именами, каковы: *Хорсъ*, *Дажбогъ*, *Волосъ*, *Яръ* (у западныхъ Славянъ: Яровитъ, Святовитъ, Сварожичъ, Радегастъ и др.). Въ непосредственной связи съ разными поворотами солнца, какъ благодѣтельнаго божества, находящагося въ постоянной борьбѣ съ тьмою и холодомъ, находились главные славянскіе праздники. Такъ поворотъ съ зимы на весну былъ отмѣченъ праздникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Коляды* или *Асеня*; а въ ту пору, когда все ожило и разцвѣло подъ благотворнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, т. е. въ концѣ весны, происходило празднество *Купала* или *Ярила*, которое сопровождалось веселыми играми, прыганьемъ черезъ горящіе костры, собираніемъ цѣлебныхъ травъ и таинственныхъ цвѣтовъ.

Поклоняясь огню и солнцу, восточные Славяне въ тоже время были усердными водо-поклонниками. Они почитали рѣки за отдѣльныхъ боговъ, и нѣкоторыя изъ нихъ даже называли просто *Богъ* (по польскому произношенію Бугъ). Другое не разъ встрѣчающееся для рѣкъ названіе было *Рось*, которое перешло и на самый Русскій народъ. Это слово заключало въ себѣ понятіе свѣта, а также влаги, *росы*. Отсюда произошло и названіе *русалокъ*, тѣхъ игривыхъ женскихъ существъ, которыми воображеніе Славянъ населяло водное царство (подъ именемъ нимфъ у Прокопія

разумѣлись конечно славянскія русалки или вилы). Къ воднымъ божествамъ вѣроятно принадлежала и богиня *Мокошь*, упомянутая въ лѣтописи. Купала и особенно Дажьбогъ служили связью въ поклоненіи солнцу и водѣ; именемъ послѣдняго обозначалась и влага, падающая съ неба (дождь). Священное значеніе воды ясно, между прочимъ, изъ обычая совершать около нея „умыканіе", т. е. похищеніе дѣвицъ юношами; что у нѣкоторыхъ племенъ замѣняло брачный обрядъ. Водѣ также приносили въ жертву животныхъ и другіе предметы; особенно дѣлали это во время какого либо труднаго плаванія. Обожая солнце и воду, Славяне почитали и землю живымъ существомъ, и боготворили ее подъ именемъ „Матери сырой земли". Властителемъ вѣтровъ они называли *Стрибога*.

Русскіе Славяне вѣрили въ загробную жизнь; но имѣли о ней такія же земныя представленія какъ и большая часть другихъ языческихъ народовъ. Загробное существованіе по ихъ понятіямъ было какъ бы продолженіемъ настоящей жизни. Рай они воображали себѣ какимъ-то цвѣтущимъ, зеленымъ садомъ; но онъ принадлежитъ собственно людямъ свободнымъ; а женщины и рабы должны тамъ по прежнему служить своимъ господамъ. Конечно въ связи съ такимъ понятіемъ господствовалъ у древнихъ Славянъ обычай при погребеніи покойника убивать одну изъ его женъ, а съ знатнымъ человѣкомъ погребать еще и нѣсколько рабовъ. По словамъ одного византійскаго историка (Льва Діакона) Руссы предпочитали лучше пронзить себя собственнымъ мечемъ, чѣмъ сдаться живыми непріятелю; ибо они страшились рабства, думая, что оно продолжается и за гробомъ. Объ адѣ Славяне имѣли самыя неопредѣленныя представленія. Обычай сожженія труповъ основанъ былъ на томъ вѣрованіи, что душа, очищенная огнемъ, немедленно могла войти въ рай; чему способствовали и жертвы, приносимыя на могилѣ покойниковъ. Но душа человѣка недостойнаго, повидимому, должна была мучиться въ какомъ то преисподнемъ огнѣ (*пекло*), прежде чѣмъ очистится отъ грѣховъ. Поклоненіе предкамъ, столь обычное у языческихъ народовъ, существовало и у Славянъ, которые чтили ихъ подъ именами ***Рода*** и ***Рожаницы***, ***Чура***

или *Щура* (пращуръ), и также приносили имъ жертвы. Вообще вся видимая природа въ ихъ воображеніи населена была множествомъ мѣстныхъ божествъ или геніевъ, то добрыхъ и благосклонныхъ, то злыхъ и враждебныхъ, каковы: домовой, водяной, лѣшій и пр.

Упомянутые боги не вездѣ у восточныхъ Славянъ имѣли одинакое значеніе и почитаніе; оно видоизмѣнялось по разнымъ племенамъ и отчасти по характеру окружающей природы. Но главнымъ народнымъ божествомъ собственно Русскаго племени всегда оставался громовникъ Перунъ. Его имя Русь употребляла въ самыхъ торжественныхъ клятвахъ; при чемъ рядомъ съ нимъ ставила только одного Волоса. Послѣдній, будучи первоначально солнечнымъ богомъ, является потомъ покровителемъ земледѣлія, охранителемъ табуновъ и стадъ, вдохновителемъ пѣвцовъ и гусляровъ, и вообще сохраняетъ въ понятіи народа свой свѣтлый образъ. Что же касается Перуна, то это было божество грозное, дѣятельное и воинственное; отъ него зависѣла не только удача вообще, но, главное, онъ давалъ побѣду надъ врагами. Перунъ по преимуществу является выраженіемъ той стороны въ характерѣ древней Руси, которая отмѣчена неукротимою энергіей, отвагой и предпріимчивостію. Чтобы умилостивить своего верховнаго бога или возблагодарить его за побѣду, Русь закалала ему въ жертву не только коней, быковъ или другихъ животныхъ, но даже и людей, послѣднихъ конечно въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Впрочемъ религіозное чувство Славяноруссовъ, способное къ сильнымъ порывамъ, не отличалось вообще мрачнымъ или угрюмымъ настроеніемъ. Это видно уже изъ самаго представленія ихъ о раѣ, какъ о свѣтломъ, зеленомъ садѣ (не похожемъ на скандинавскую Валгаллу). Тоже показываютъ ихъ любовь къ частымъ праздникамъ и пѣсни въ честь бога *Лада* или *Леля*, какъ источника любви и веселья. Самыя жертвоприношенія богамъ обыкновенно заключались веселымъ пиромъ и шумными игрищами. Эти жертвоприношенія совершались передъ идолами или человѣкообразными истуканами, сдѣланными преимущественно изъ дерева. Надобно полагать, что мѣсто, гдѣ стояли идолы, окружалось

заборомъ, вообще оградою, и составляло святилище. Самые идолы ставились вѣроятно подъ тѣнью липы или дуба (дерева посвященнаго Перуну); а въ зажиточныхъ городахъ безъ сомнѣнія надъ ними воздвигалась кровля или шатеръ; передъ ними же устроивался родъ жертвенника. Такъ надобно разумѣть тѣ *капища* и *требища*, о которыхъ упоминаютъ наши древніе писатели. Былъ у восточныхъ Славянъ и родъ жреческаго сословія, обозначаемый именами волхвовъ, кудесниковъ и людей вѣщихъ. Они занимались жертвоприношеніями, врачествомъ, гаданіями, священными пѣснопѣніями; почитались служителями боговъ и пользовались уваженіемъ въ народѣ. Но при довольно сильномъ развитіи княжеской власти у Русскаго племени, жреческое сословіе не получило опредѣленнаго, іерархическаго устройства и большаго вліянія на общественныя дѣла. По всѣмъ признакамъ, князь былъ не только военачальникъ и судья въ своемъ племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его верховный жрецъ, а слѣдовательно и главная опора старой религіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Кіевѣ со времени Ольги шла оживленная борьба между язычествомъ и христіанствомъ. Ревнители старой религіи съ неудовольствіемъ смотрѣли на постоянно возраставшее число христіанъ и на ихъ молитвенныя собранія. Есть извѣстіе, что Святославъ послѣ одного неудачнаго похода поднялъ гоненіе на христіанъ и разорилъ ихъ храмы; при чемъ были мученики, въ числѣ которыхъ погибъ и собственный братъ Святослава Глѣбъ. Тоже извѣстіе говоритъ, что Ярополкъ отличался вѣротерпимостью и при немъ христіанство вновь стало рости и укрѣпляться. ([21]) Все это довольно вѣроятно. Подобно своему отцу Владиміръ былъ воспитанъ на сѣверѣ, гдѣ крѣпче сохранялись языческіе нравы; да и въ Кіевѣ онъ, можетъ быть, утвердился не безъ поддержки со стороны наиболѣе ревностной языческой партіи. Во всякомъ случаѣ, при немъ идолослуженіе отправлялось здѣсь съ особымъ усердіемъ и нерѣдко сопровождалось кровавыми, человѣческими жертвоприношеніями. Лѣтопись говоритъ, что на холмѣ Перуна князь поставилъ новый деревянный идолъ этого бога съ серебряною головою и золотыми усами. Кромѣ Перуна воздвигнуты были новые идолы и другимъ бо-

гамъ, а именно: Хорсу, Дажбогу Стрибогу, Мокоши и еще какому то Симарглу. Этимъ идоламъ Кіевляне приводили на закланіе своихъ сыновей и дочерей, избираемыхъ по жребію. Добрыня, бывшій посадникомъ въ Новгородѣ, воздвигъ и тамъ кумиръ Перуну, которому также приносилъ человѣческія жертвы. Христіане подверглись новому гоненію, и многіе изъ нихъ принуждены были скрывать свою религію.

Гоненіе это имѣло своихъ мучениковъ, и вотъ что расказываетъ о нихъ лѣтопись.

Послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ Владиміръ, чтобы возблагодарить боговъ, велѣлъ принести имъ человѣческую жертву. Кіевляне бросили жребій на своихъ дѣтей. Жребій упалъ на сына одного Русина, который по причинѣ службы или торговли бывалъ въ Греціи и принялъ тамъ христіанскую вѣру, но по видимому содержалъ ее въ тайнѣ. Отецъ отказалъ выдать сына посланнымъ отъ городскихъ старѣйшинъ. Тогда народная толпа схватила топоры, окружила его домъ и съ крикомъ требовала у него сына. Христіанинъ стоялъ на высокихъ сѣняхъ, и смѣло обличалъ мерзость идольскаго служенія, называя единымъ богомъ того, кому поклоняются Греки. Разсвирѣпѣвшіе язычники подрубили столбы, на которыхъ держались сѣни, и убили отца вмѣстѣ съ сыномъ (22).

Но эти кровавыя жертвы были послѣднею вспышкою язычества въ Кіевѣ. Обращеніе Владиміра въ христіанство сдѣлалось достояніемъ народной легенды, занесенной въ нашу лѣтопись. Она повѣствуетъ о посольствахъ въ Кіевъ отъ разныхъ народовъ, каждаго съ предложеніемъ своей вѣры, и потомъ о посольствѣ кіевскихъ мужей въ разныя страны для знакомства съ ихъ богослуженіемъ. Но Русь давно уже была знакома съ этими народами, съ ихъ пропагандой (мусульманскіе Болгаре, хазарскіе Евреи, латинскіе Нѣмцы и Греки). Окончательное торжество греческой религіи совершилось просто и естественно. Несмотря на гоненія, восточное христіанство продолжало дѣйствовать неотразимо. Нетолько въ народѣ, но и въ дружинѣ, въ самомъ семействѣ князя были христіане. Наиболѣе усерднымъ проводникомъ новой религіи на Руси, какъ и вез-

дѣ, были женщины. Въ числѣ Владиміровыхъ женъ упоминаются чехиня, болгарыня и гречанка, которыя безъ всякаго сомнѣнія были усердными миссіонерами въ семьѣ русскаго князя и продолжали дѣло бабки Владиміровой Ольги. Особенно важны были для успѣха новой религіи постоянныя связи Кіева съ Тмутраканскимъ краемъ или страною Черныхъ Болгаръ. Послѣдняя лежала въ сосѣдствѣ съ греческимъ Корсунемъ, и заключала въ себѣ такіе города какъ Боспоръ и Таматарха, давно имѣвшіе своихъ особыхъ епископовъ. Сами Черные Болгаре были частію христіане. Мало того, они имѣли уже начатки переводовъ Св. Писанія на свой языкъ. Есть основаніе думать, что именно эти начатки были найдены въ Корсуни знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, и принесены ими въ Моравію; откуда ученики ихъ распространили такъ наз. Кирилловское письмо и въ самой Дунайской Болгаріи ([23]).

Итакъ Русскій князь, окруженный отчасти христіанами и имѣвшій въ своемъ владѣніи цѣлую христіанскую область, уже былъ вполнѣ приготовленъ къ перемѣнѣ религіи, когда возникла у него война съ Греками въ Тавридѣ, и не одинъ онъ: къ той же перемѣнѣ были приготовлены его бояре и главные дружинники, безъ совѣта съ которыми князья не предпринимали никакого важнаго дѣла. Владиміръ осадилъ Корсунь. Онъ высадился около этого города, и сначала сталъ отъ него на разстояніи перелета стрѣлы. Корсунцы мужественно встрѣтили непріятелей, и на требованіе сдачи отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Владиміръ придвинулся къ самымъ стѣнамъ, и, по обычаю Руси, велѣлъ вокругъ нихъ насыпать валъ. Лѣтопись говоритъ, что граждане сдѣлали подкопъ, и по ночамъ уносили въ городъ землю, насыпанную Руссами; но едва ли они могли уносить ея достаточное количество. Владиміръ рѣшилъ взять городъ во что бы ни стало, и грозилъ употребить для того хотя бы три года. Измѣна помогла ему въ этомъ дѣлѣ. Какой то грекъ Анастасъ увѣдомилъ князя, что ему легко принудить къ сдачѣ Корсунцевъ: стоитъ только переняТь трубы, проведенныя изъ источниковъ, протекавшихъ на вос-

токъ отъ города. Корсунь лежала на каменистомъ плоскомъ берегу моря, и получала прѣсную воду при помощи подземныхъ водопроводовъ, въ устройствѣ которыхъ Греки были очень искусны. Русскій князь исполнилъ совѣтъ, велѣлъ перекопать водопроводъ, и городъ, томимый жаждою, сдался. Лѣтописное преданіе прибавляетъ, будто князь заранѣе далъ обѣтъ креститься, если возметъ городъ. Въ исторіи христіанства это не первый примѣръ того, что языческій вождь даетъ обѣтъ крещенія въ случаѣ побѣды. Очевидно въ числѣ окружавшихъ князя были люди, склонявшіе его къ принятію крещенія и обѣщавшіе ему за то Божью помощь въ его предпріятіяхъ. Теперь оставалось только исполнить свой обѣтъ.

Естественнымъ является стараніе Владиміра придать возможно болѣе торжественности своему крещенію. Если онъ для того не отправлялся лично въ Царьградъ, какъ это прежде него дѣлали нѣкоторые языческіе князья Восточной Европы, то, можетъ быть, гордость побѣдителя или недовѣріе къ коварнымъ Грекамъ, или продолжавшаяся еще война мѣшали ему лично явиться въ ихъ столицѣ. Владиміръ очевидно желалъ держать себя на равной ногѣ съ византійскимъ правительствомъ; онъ имѣлъ въ виду примѣръ западныхъ государей, и однимъ изъ условій мира поставилъ руку царевны Анны, сестры византійскихъ императоровъ Василія и Константина. Имперія находилась тогда въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе возстанія Болгаръ и новаго мятежа Варды Фоки (того самаго, который выступилъ при Цимисхіѣ). Однако, сохраняя свое достоинство, византійское правительство отвѣчало русскому князю, что оно не отдаетъ греческихъ царевенъ за языческихъ князей. Тогда Владиміръ далъ знать, что онъ готовъ принять крещеніе; пусть Анна прибудетъ для того съ цареградскими священниками. Братья уговорили сестру ради выгоднаго мира и умноженія Христова стада исполнить требованіе могущественнаго русскаго князя. Анна прибыла въ Корсунь со свитою, состоявшею изъ гражданскихъ сановниковъ и духовенства. Корсунскій епископъ вмѣстѣ съ прибывшими священниками преподалъ наставленіе въ вѣрѣ Русскому князю и его бо-

ярамъ. Крещеніе совершено было въ церкви св. Василія, которая стояла на Корсунской торговой площади. Подлѣ этой церкви находились палаты, въ которыхъ тогда жили русскій князь и прибывшая византійская царевна. Новокрещеному князю дано было христіанское имя Василія,—вѣроятно въ честь Святаго, въ церкви котораго совершено было крещеніе, а можетъ быть и въ честь старшаго изъ двухъ братьевъ императоровъ: весьма возможно, что послѣдній былъ нареченъ и воспреемникомъ, какъ это обыкновенно происходило при крещеніи языческихъ князей. Вмѣстѣ съ княземъ крестились его бояре и вся языческая часть его дружины.

За крещеніемъ послѣдовало брачное торжество. Послѣ того Владиміръ оставался еще нѣкоторое время въ Корсуни, и успѣлъ соорудить здѣсь новую церковь, на томъ холмѣ, который образовала земля, уносимая осажденными изъ русскаго вала. Въ это же время, благодаря родственному союзу, Греки заключили выгодный миръ съ Русскимъ княземъ: они получили обратно Корсунскую область. Льготы, которыми пользовались русскіе торговцы въ Константинополѣ, конечно были подтверждены. Повидимому обѣ стороны обязались кромѣ того обоюдно помогать войсками противъ внѣшнихъ враговъ; по крайней мѣрѣ это можно заключить изъ ихъ послѣдующихъ отношеній. Покидая Корсунь, князь взялъ съ собою упомянутаго Анастаса и нѣсколькихъ священниковъ съ мощами или вѣроятнѣе съ частію мощей папы римскаго Климента (сосланнаго сюда императоромъ Траяномъ и здѣсь утопленнаго), а также ученика его Фива. Онъ увезъ съ собою многіе сосуды и иконы для будущихъ кіевскихъ храмовъ, кромѣ того двѣ мѣдныя статуи и четыре мѣдныхъ коня для украшенія своей столицы. (24)

По возвращеніи въ Кіевъ Владиміръ окрестилъ все свое семейство, и началъ ревностно вводить новую религію въ Русской землѣ. Онъ сокрушалъ идоловъ и предавалъ огню тѣхъ, которые были сдѣланы изъ дерева. А Перуна, по словамъ лѣтописи, онъ велѣлъ привязать къ конскому хвосту, подъ ударами палокъ стащить его съ холма по Боричеву взвозу и бросить въ Днѣпръ. Особые воины

приставлены были, чтобы отталкивать Перуна отъ берега, и они будто бы проводили его до самыхъ пороговъ. Когда по Боричеву тащили идола, его сопровождала народная толпа, которая плакала, смотря на поруганіе того, кого она привыкла чтить своимъ верховнымъ божествомъ. Невидно, чтобы Кіевскій народъ рѣшился на какое либо враждебное дѣйствіе для защиты старой религіи: такъ христіанство было уже сильно въ Кіевѣ, и воля князя при этомъ переворотѣ опиралась конечно не на одну вооруженную силу. Между тѣмъ священники неутомимо наставляли въ вѣрѣ и крестили язычниковъ. Чтобы разомъ покончить съ остальными, князь велѣлъ собрать ихъ на берегу Днѣпра, и здѣсь совершить надъ ними общій обрядъ.

Въ Кіевѣ началась дѣятельная постройка храмовъ. По обычаю христіанскаго духовенства храмы воздвигали въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы, чтобы освятить эти мѣста свѣтомъ истинной религіи и изгладить самое воспоминаніе о прежнемъ идолопоклонствѣ. На Перуновомъ холмѣ князь поставилъ церковь во имя своего святаго, т. е. Василія. Но самый великолѣпный храмъ, и притомъ каменный, Владиміръ воздвигъ въ честь Успенія Богородицы, особое почитаніе которой незамедлило перейти къ Русскимъ отъ Грековъ. Для построенія этого храма князь призвалъ греческихъ мастеровъ. Онъ сооруженъ по образцу корсунскихъ храмовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погибли упомянутые выше христіанскіе мученики, отецъ съ сыномъ. Въ немъ помѣщены были мощи, иконы и церковная утварь, привезенныя изъ Корсуня; а попеченіе о немъ ввѣрено Анастасу и корсунскимъ священникамъ. Храмъ этотъ строился въ теченіе пяти или шести лѣтъ; освященіе его сопровождалось великими пирами, которые князь давалъ своей дружинѣ и гражданамъ, а также богатою раздачею милостыни нищимъ и убогимъ. Князь назначилъ на содержаніе храма и его причта десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ доходовъ; отъ чего онъ и сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Десятиннаго.

Между тѣмъ дѣло крещенія усердно подвигалось впередъ и по другимъ городамъ Русской земли. Первоначально

христіанская религія распространилась конечно въ той полосѣ, которая лежала на торномъ водяномъ пути отъ Кіева до Новгорода. Проповѣдь священниковъ поддерживалась княжескою дружиною; такъ какъ дѣло крещенія во многихъ мѣстахъ не обходилось безъ противодѣйствія и мятежа со стороны язычества. На югѣ борьба съ нимъ непредставляла большой трудности; ибо тамъ почва для новой религіи была уже давно подготовлена. Но въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ проповѣдники не разъ встрѣчали упорное сопротивленіе. Особенно сильна была языческая партія въ Новгородѣ; есть извѣстіе, что она вооружилась для защиты своихъ идоловъ и подняла мятежъ, который былъ усмиренъ посадникомъ Добрынею съ большимъ кровопролитіемъ; при чемъ часть города сдѣлалась добычею пламени. Послѣ того идолы были истреблены; новогородскій Перунъ брошенъ въ Волховъ, и въ этой рѣкѣ многіе Новогородцы были окрещены подобно тому какъ Кіевляне въ Днѣпрѣ. Добрынѣ помогъ при усмиреніи мятежа тысяцкій Путята съ ростовскою дружиною; чѣмъ и объясняли старую новогородскую поговорку: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“ (25).

Судя по лѣтописи, одновременно съ утвержденіемъ на Руси христіанства, и можетъ быть не безъ связи съ этимъ событіемъ, произошло размѣщеніе Владиміровыхъ сыновей по разнымъ областямъ, т. е. окончательная раздача имъ удѣловъ. Лѣтопись насчитываетъ ихъ до 12; но это число вѣроятно поставлено ради своего священнаго значенія. Несомнѣнно, что при необычайномъ многоженствѣ русскаго князя семья его была гораздо многочисленнѣе. Назовемъ наиболѣе извѣстныхъ изъ его сыновей. Отъ Рогнѣды Владиміръ имѣлъ Изяслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода, отъ чехини Вышеслава, отъ гречанки (принадлежавшей прежде Ярополку) Святополка, отъ болгарыни Бориса и Глѣба, еще отъ неизвѣстной намъ женщины Святослава, и т. д. Изъ всѣхъ его женъ только Рогнѣда сдѣлалась предметомъ народнаго преданія, занесеннаго въ лѣтопись. Преданіе это повѣствуетъ, будто она, живя подъ Кіевомъ въ селѣ Предславинѣ, однажды задумала умертвить соннаго Владиміра за его измѣны

и избіеніе ея родичей. Владиміръ внезапно проснулся и хотѣлъ казнить ее, но былъ остановленъ маленькимъ сыномъ ея Изяславомъ. Тогда по совѣту бояръ своихъ онъ отдалъ этому Изяславу и его матери удѣлъ его дѣда Рогволода, т. е. Полоцкую область, и послѣдняя навсегда осталась за потомствомъ Изяслава, который умеръ прежде своего отца.

Старшему сыну своему Вышеславу Владиміръ далъ въ удѣлъ Новгородъ, Святополку Туровъ, Ярославу Ростовъ; Мстислава посадилъ на Боспорѣ Киммерійскомъ, т. е. въ области Тмутраканской; а Древлянскую или Волынскую землю раздѣлилъ между Святославомъ и Всеволодомъ, предоставивъ послѣднему Владиміръ Волынскій, и т. д. Когда же Вышеславъ умеръ, то отецъ перевелъ въ Новгородъ Ярослава, а его Ростовскій удѣлъ передалъ Борису; сосѣдній съ нимъ край Муромскій отдалъ Глѣбу. Этотъ раздѣлъ Русскихъ земель между сыновьями кіевскаго князя былъ не первымъ въ исторіи. Мы видѣли его при Святославѣ; конечно онъ происходилъ и ранѣе, потому что истекалъ изъ обычнаго въ то время понятія, общаго не однимъ Славянамъ, но и нѣкоторымъ другимъ народамъ,—понятія о томъ, что города и области должны дѣлиться между сыновьями и родственниками князей какъ и всякое другое имущество. Еще не было на Руси представленія о Русской землѣ какъ о единомъ нераздѣльномъ государствѣ. Единство сохранялось только подчиненіемъ всѣхъ русскихъ князей старшему, т. е. великому князю Кіевскому. Дотолѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ по всѣмъ признакамъ существовали еще мѣстные князья, только признававшіе надъ собою зависимость отъ Кіевскаго; а въ иныхъ краяхъ, гдѣ не было мѣстнаго князя, управляли посадники, присланные изъ Кіева. Но племена славянскія, особенно тѣ, которыя имѣли уже значительные города, какъ напримѣръ Новгородъ Великій, неохотно подчинялись кіевскимъ посадникамъ, и большею частію желали имѣть собственнаго князя, хотя бы и зависимаго отъ Кіева. Владиміръ, размѣщая повсюду своихъ сыновей и родственниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно устранялъ отъ управленія или ослаблялъ значеніе многихъ мѣстныхъ князей и старѣй-

шинъ. Онъ несомнѣнно подвинулъ впередъ объединеніе разныхъ племенъ и областей подъ властію одного княжескаго рода, т. е. подъ властію Игоревичей. Размѣщеніе сыновей, окруженныхъ своими совѣтниками и дружинами, представляло также значительныя удобства для сбора дани, суда, расправы и для внѣшней защиты этихъ областей. Вотъ почему князья кіевскіе обыкновенно еще при жизни своей раздавали волости сыновьямъ и родственникамъ. Изъ своего стольнаго города великій князь надзиралъ за ихъ управленіемъ, снабжалъ ихъ отчасти боярами и ратными людьми, и требовалъ отъ нихъ исправной присылки слѣдующихъ ему даней. Онъ оставался верховнымъ судьей и военачальникомъ для всѣхъ областей.

Въ личномъ своемъ управленіи и попеченіи Владиміръ удержалъ конечно область Кіевскую. На югъ эта область граничила съ степями, въ которыхъ кочевали хищные Печенѣги. Своими набѣгами и опустошеніями варвары эти не давали покоя Русскому народу, и въ дѣятельной борьбѣ съ ними Владиміръ провелъ почти всю вторую половину своего княженія. Чтобы преградить имъ доступъ къ самому Кіеву, онъ окружалъ послѣдній рядомъ укрѣпленныхъ мѣстъ; обновлялъ старые города (Корсунь, Бѣлгородъ) и строилъ новые по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ (Васильевъ, Городецъ и пр.), наполняя ихъ переселенцами изъ другихъ областей. Построенные на границѣ степей городки и сторожевые курганы Владиміръ связывалъ между собою обычнымъ въ тѣ времена валомъ и частоколомъ; на извѣстныхъ пунктахъ въ этомъ валу находились свободныя для проѣзда мѣста или ворота, оберегаемыя заставами изъ ратныхъ людей. Такимъ образомъ онъ едва ли не первый изъ русскихъ князей устроилъ непрерывныя укрѣпленныя линіи, защищавшія предѣлы Руси отъ кочевниковъ. Русь пользовалась при этомъ случаѣ безчисленными курганами, которые со временъ еще Скиѳскихъ насыпались надъ могилами вождей и знатныхъ мужей.

Но валъ и частоколъ не всегда были надежною защитою отъ хищныхъ степныхъ ордъ, и онѣ нерѣдко врывались въ Кіевскіе предѣлы. Лѣтопись сообщаетъ нѣко-

торыя отчасти баснословныя сказанія изъ этой борьбы съ кочевниками. Такъ во время одной встрѣчи съ ними на Трубежѣ, около Переяславля, отличился какой то русскій юноша, который одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго великана. Въ другой разъ, подъ Васильевымъ, Владиміръ съ малою дружиною вышелъ противъ Печенѣговъ, былъ разбитъ и укрылся подъ какимъ то мостомъ. Въ этотъ день случился праздникъ Преображенія, и князь далъ обѣтъ построить въ его честь храмъ въ Васильевѣ, если спасется. Онъ исполнилъ свой обѣтъ, и, построивъ храмъ, цѣлые 8 дней праздновалъ его освященіе великими пирами, которые задавалъ своей дружинѣ и гражданамъ. Воротясь въ Кіевъ, онъ устроилъ такіе же пиры и для кіевскихъ гражданъ. Въ третій разъ, когда Владиміръ находился на сѣверѣ въ Новогородской области, Печенѣги воспользовались его отсутствіемъ, осадили Бѣлгородъ и думали взять его голодомъ. Сказаніе говоритъ, будто граждане по совѣту одного мудраго старца обманули дикарей, показавъ имъ два колодезя, одинъ съ медвяною сытой, а другой съ киселемъ (для устройства которыхъ собрали по горсти разнаго хлѣба и взяли изъ княжей медуши лукно меду); чѣмъ и принудили непріятелей отступить отъ города.

Постоянныя войны съ Печенѣгами заставили Кіевскаго князя содержать значительныя дружины, свои и наемныя; послѣднія состояли преимущественно изъ Варяговъ. По поводу издержекъ на ратныхъ людей лѣтопись сообщаетъ краткое, но выразительное преданіе. По ея словамъ, Владиміръ послѣ принятія христіанства изъ князя суроваго и мстительнаго сдѣлался такъ кротокъ и милостивъ, что, опасаясь грѣха, не хотѣлъ строго наказывать и тяжкихъ преступниковъ, ограничиваясь взиманіемъ виры, т. е. денежной пени; отчего умножились на Руси разбои. Тогда епископы сказали ему, что онъ поставленъ на казнь злымъ и на милость добрымъ и что разбойниковъ должно казнить. Князь послушался, отмѣнилъ виры и началъ казнить убійцъ и грабителей. Но впослѣдствіи, когда усилились войны съ Печенѣгами, епископы и старцы посовѣтовали князю возобновить виры, чтобы употребить ихъ на коней и оружіе, и князь снова послушалъ ихъ совѣта.

Трудна была въ тѣ времена служба ратныхъ людей. Они должны были постоянно сторожить границы и всегда быть готовыми къ отпору степныхъ ордъ, а въ тоже время держать въ повиновеніи племена, подвластныя Кіевской Руси. Извѣстно также, что введеніе христіанства во многихъ мѣстахъ не обошлось безъ сильныхъ мятежей и возстаній со стороны языческаго населенія. Владиміръ цѣнилъ военныя заслуги; по словамъ лѣтописи, онъ очень любилъ свою дружину, постоянно совѣтовался съ нею о земскихъ и ратныхъ дѣлахъ, щедро награждалъ и часто пировалъ съ нею въ своей гридницѣ. Лѣтопись прибавляетъ, будто княжескіе гриди, т. е. дружинники, разъ какъ то подпивъ за столомъ, возроптали на деревянныя ложки, и Владиміръ велѣлъ наковать для нихъ серебряныя; причемъ замѣтилъ, что съ дружиною онъ добудетъ серебро и золото также какъ его отецъ и дѣдъ. Извѣстно, что Владиміръ и его богатыри сдѣлались героями былевыхъ народныхъ пѣсенъ на востокѣ Европы, подобно тому какъ Карлъ Великій и его паладины на западѣ. Народъ далъ ему названіе „ласковаго князя" и „краснаго солнышка". Но пѣсенный Владиміръ конечно далекъ отъ Владиміра историческаго. Въ пѣсняхъ смѣшаны преданія о разныхъ эпохахъ и событіяхъ и отнесены къ одному Владиміру. Пѣсенные богатыри, окружающіе Владиміра (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и пр.) суть лица вымышленныя народной фантазіей; хотя нѣкоторые пытались открыть въ нихъ лица историческія, и ссылались на лѣтописи, въ которыхъ упоминаются, напримѣръ, Рагдай Удалой и Александръ Поповичъ. Но послѣдніе встрѣчаются только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, куда занесены очевидно изъ баснословныхъ преданій и народныхъ былинъ ([26]).

Продолжая упорныя войны со степными варварами, Русь во вторую половину Владимірова княженія наслаждалась почти непрерывнымъ миромъ со своими западными сосѣдями: Поляками, Уграми и Чехами. Вниманіе и силы знаменитаго польскаго короля Болеслава Храбраго въ то время были отвлечены борьбою съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II, который требовалъ отъ Польши вас-

сальной зависимости. Владѣнія чешскія при Болеславѣ II распространились на Моравію и Силезію; въ сѣверныхъ Карпатахъ, т. е. въ странѣ Бѣлохорватской, онѣ сходились съ владѣніями Русскими. Впрочемъ послѣ смерти Болеслава II (999) въ Чешской землѣ наступили смуты, и области эти были утрачены Чехами. Въ Униахъ современникомъ Владиміра былъ король Стефанъ, точно также знаменитый утвержденіемъ христіанства въ своемъ народѣ. Всѣ эти сосѣдніе народы, не исключая и Угровъ, первоначально приняли христіанство по восточному или греческому обряду; но стараніями латинскихъ миссіонеровъ, при помощи нѣмецкаго вліянія, были привлечены къ Западной или Римской церкви. Послѣдняя тоже самое пыталась сдѣлать и съ Русскимъ народомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что латинскіе миссіонеры въ теченіе X вѣка проникали въ Кіевъ и склоняли русскихъ князей къ принятію крещенія по католическому обряду. На это намекаетъ между прочимъ извѣстное сказаніе о томъ, какъ къ Владиміру приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своей вѣры; причемъ были и послы отъ Нѣмцевъ, предлагавшіе вѣру Римскую. Но связи съ Византіей и вообще греческое вліяніе были слишкомъ сильны, чтобы не взять верха надъ домогательствами Римской куріи.

Когда восточное православіе окончательно утвердилось въ Россіи вмѣстѣ съ крещеніемъ Владиміра, папы все таки не оставили своихъ попытокъ. Этимъ попыткамъ благопріятствовали дружескія отношенія Руси къ Германской имперіи, а также родственныя связи Владиміра съ князьями Чешскимъ и Польскимъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ рядъ посольствъ и миссій. Во время Ольги русскіе послы встрѣчаются при дворѣ Оттона I; а за тѣмъ, какъ сказано выше, послѣдовала неудачная миссія нѣмецкаго епископа Адальберта. При Ярополкѣ, по извѣстію одного лѣтописнаго свода (Никоновскаго), въ Кіевъ приходили послы отъ папы Римскаго; что не одинъ разъ повторилось и при Владимірѣ. Послѣдній повидимому благодушно принималъ этихъ пословъ и миссіонеровъ, хотя и не показывалъ ни малѣйшей склонности перемѣнить греческій обрядъ на латинскій. Впрочемъ въ тѣ времена

раздѣленіе церквей, хотя и обозначилось, но еще не совершилось окончательно, и еще не было той жестокой вражды, которая обнаружилась впослѣдствіи.

Одинъ изъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, приходившихъ въ Россію, оставилъ намъ любопытное извѣстіе о своемъ пребываніи въ ней. То былъ Брунъ, впослѣдствіи, подобно Войтеху, получившій мученическій вѣнецъ въ странѣ Литовцевъ, къ которымъ онъ отправился проповѣдывать христіанскую вѣру. Въ 1006 году Брунъ прибылъ въ Кіевъ, былъ радушно принятъ княземъ, и провелъ здѣсь мѣсяцъ. Отсюда онъ рѣшилъ идти для проповѣди къ Печенѣгамъ. Тщетно Владиміръ отклонялъ гостя отъ его намѣренія, представляя ему всѣ опасности, которыя неминуемо постигнутъ его посреди этого дикаго и свирѣпаго народа. Наконецъ онъ уступилъ просьбамъ Бруна, и самъ съ военнымъ отрядомъ проводилъ его въ степь. Они шли два дня до южныхъ предѣловъ Кіевскаго княжества, которые были ограждены крѣпкимъ тыномъ или частоколомъ. Пройдя пограничную заставу князь съ боярами сошелъ съ коней и сталъ на одномъ курганѣ; между тѣмъ какъ Брунъ съ своими спутниками стоялъ на другомъ, держа въ рукахъ крестъ и возглашая молитвы. Здѣсь они разстались. Цѣлые пять мѣсяцевъ Брунъ провелъ въ Печенѣжскихъ степяхъ, подвергаясь побоямъ и всякимъ лишеніямъ, и неоднократно былъ близокъ къ мученической смерти, но спасенъ отъ нея старшинами варваровъ. Изъ четырехъ печенѣжскихъ ордъ, обитавшихъ на западъ отъ Днѣпра, онъ обошелъ три орды, а изъ четвертой приходили къ нему вѣстники отъ старѣйшинъ. Ему удалось окрестить 30 человѣкъ. Повидимому Бруну помогало то обстоятельство, что онъ явился къ Печенѣгамъ какъ бы примирителемъ ихъ съ великимъ княземъ Русскимъ. Варвары охотно склонялись на миръ, и будто-бы обѣщали даже всѣ принять христіанство, если этотъ миръ съ Русскимъ княземъ будетъ проченъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ Брунъ по возвращеніи въ Кіевъ. По его просьбѣ Владиміръ отправилъ къ Печенѣгамъ въ заложники одного изъ собственныхъ сыновей, съ которымъ отправился и одинъ изъ спутниковъ Бруна, посвященный имъ во епископа

Печенѣжскаго. Но очевидно христіанство не успѣло утвердиться въ средѣ степныхъ дикарей. Только нѣкоторые изъ знатныхъ Печенѣговъ, попавшіе въ плѣнъ или искавшіе въ Кіевѣ убѣжища отъ своихъ соперниковъ, приняли крещеніе и вступили въ службу Русскаго князя.

Но католическое духовенство по характеру своему не могло ограничиться одними дружескими сношеніями съ Русью, и еще при Владимірѣ успѣло обнаружить свои неуклонные виды на присоединеніе Русской церкви къ Риму. Поводомъ къ тому послужилъ родственный союзъ Русскаго княжескаго дома съ Польскимъ. Владиміръ женилъ одного изъ своихъ сыновей, Святополка Туровскаго, на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго. Польская княжна прибыла на Русь въ сопровожденіи Рейнберна, епископа Колобрежскаго (Кольбергскаго). Послѣдній, по всѣмъ признакамъ, началъ склонять къ переходу въ латинство Туровскаго князя и его приближенныхъ, и не безъ успѣха. Такъ какъ Святополкъ въ это время имѣлъ старшинство между сыновьями Владиміра, то ему принадлежало право на великое княженіе Кіевское по смерти отца, и слѣдовательно католицизму открывалась возможность съ его помощью и всю Русь отторгнуть отъ Греческой церкви. Замыслы эти втайнѣ поддерживалъ тесть Святополка король Болеславъ. Послѣдній повидимому желалъ, что бы зять его захватилъ великое Кіевское княженіе, не дожидаясь смерти Владиміра; при чемъ онъ конечно надѣялся воспользоваться смутами, чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ Руси. По крайней мѣрѣ, Владиміръ узналъ о какихъ то замыслахъ Святополка, и заключилъ его въ темницу вмѣстѣ съ его женою и епископомъ Рейнберномъ. Окончаніе этого дѣла неизвѣстно; но Святополкъ вѣроятно успѣлъ оправдаться; такъ какъ во время Владиміровой кончины мы видимъ его на свободѣ ([27]).

Самыя живыя и непрерывныя сношенія Руси при Владимірѣ были конечно съ Византіей. Отсюда юная Русская церковь получала иконы, священную утварь и мастеровъ для сооруженія храмовъ, а также пастырскія наставленія и самихъ епископовъ. Но сношенія эти не ограничивались церковными дѣлами и торговлей, которая безъ сомнѣнія

усилилась еще болѣе сравнительно съ прошлымъ временемъ. Между Кіевомъ и Царьградомъ установился тѣсный политическій союзъ. Со времени своего брака съ царевной Анной Владиміръ до конца жизни оставался самымъ вѣрнымъ союзникомъ Византіи, и усерднымъ помощникомъ ея противъ внѣшнихъ враговъ. Знаменитый императоръ Василій II Болгаробойца искусно пользовался русскою помощью и былъ обязанъ ей многими своими успѣхами. Кажется, еще во время своего пребыванія въ Корсуни Владиміръ отправилъ на помощь зятю значительный отрядъ войска; ибо Василій, благодаря русской дружинѣ, уже въ 989 году успѣлъ подавить опасное возстаніе Варды-Фоки. Затѣмъ мы встрѣчаемъ шеститысячный русскій отрядъ въ войскахъ Василія II во время его похода въ Арменію (1000 г.). Въ продолжительной борьбѣ Василія съ возставшими противъ Грековъ Дунайскими Болгарами, съ ихъ энергичнымъ вождемъ Самуиломъ и его преемниками русскія вспомогательныя войска также принимали дѣятельное участіе. Въ этой помощи снова сказалось превосходство высоко развитой государственной политики Византійцевъ надъ политикою ихъ славянскихъ сосѣдей: Русь сама способствовала новому уничтоженію возраждавшейся независимости своихъ Дунайскихъ соплеменниковъ. Сообща съ Русью дѣйствовали Греки и тамъ, гдѣ ихъ владѣнія соприкасались и имѣли общаго непріятеля, т. е. въ Тавридѣ, противъ Хазаръ. Въ рукахъ послѣднихъ еще оставалась здѣсь небольшая область. Около времени Владиміровой кончины императоръ послалъ флотъ и войско, съ которымъ соединились Русскіе. Эти соединенныя силы взяли въ плѣнъ самого хазарскаго князя, по имени Георгія Чула, и завоевали остатокъ хазарскихъ владѣній въ Тавридѣ ([28]).

Во времена Владиміра усилилось на Руси значеніе варяжскихъ наемныхъ дружинъ. Извѣстно, что съ ихъ помощью онъ завоевалъ себѣ Кіевское княженіе; съ тѣхъ поръ наемные Варяги въ значительномъ числѣ присутствуютъ не только на сѣверѣ, въ Новгородѣ, но также и въ Кіевѣ на службѣ великаго князя. Кромѣ платы и почестей наиболѣе заслуженные или наиболѣе знатные Нор-

манны награждаемы были иногда намѣстничествомъ въ русскихъ городахъ; нѣкоторые изъ нихъ навсегда поселились въ Россіи. Русскіе князья нерѣдко вступали въ дружескія и родственныя связи съ Норманскими конунгами. При частыхъ междоусобіяхъ и борьбѣ за королевскій престолъ въ самой Скандинавіи, обиженные, угнетенные противною стороною принцы Скандинавскіе иногда искали пріюта на востокѣ, въ странѣ Гардовъ. Такъ, по извѣстію исландскихъ сагъ, Олавъ, сынъ норвежскаго короля Тригвія, гонимый врагами, еще въ отроческихъ лѣтахъ нашелъ убѣжище на Руси. Въ числѣ бояръ Владиміровыхъ онъ встрѣтилъ даже роднаго дядю Сигурда, брата своей матери Астриды. Олавъ воспитался при Кіевскомъ дворѣ; потомъ отличился своими подвигами на службѣ Владиміра, и сдѣлался однимъ изъ его военачальниковъ. Но его возвышеніе и любовь къ нему великаго князя возбудили ревность и нареканія русскихъ бояръ. Тогда Олавъ покинулъ Россію. Впослѣдствіи онъ принялъ крещеніе; послѣ многихъ превратностей и приключеній завладѣлъ норвежскимъ престоломъ, и усердно началъ вводить христіанство въ своемъ королевствѣ. Между тѣмъ изгнанный имъ изъ Норвегіи ярлъ Эрикъ собралъ дружину, и напалъ на сѣверозападные предѣлы Руси. Онъ захватилъ городъ Ладогу, четыре года грабилъ отсюда сосѣднія Новогородскія волости и воевалъ съ Владиміромъ; но наконецъ принужденъ былъ удалиться.

Городъ Ладога (Альдейгаборгъ Скандинавскихъ сагъ) вообще служилъ главнымъ пристанищемъ для тѣхъ Варяговъ, которые плавали въ Новогородскій край или, какъ они его называли, въ Гольмгардъ. Здѣсь они вели торговлю съ Новогородцами, покупали у нихъ дорогіе мѣха и разныя ткани, привозимыя въ Россію съ востока изъ мусульманскихъ странъ или съ юга изъ Византіи. По крайней мѣрѣ въ сагахъ не однажды встрѣчаются раскасы о скатертяхъ, коврахъ, златотканныхъ одеждахъ и другихъ драгоцѣнныхъ товарахъ, которые покупались варяжскими торговцами въ Гольмгардѣ для скандинавскихъ конунговъ. Изъ Ладоги многіе Варяги отправлялись въ Новгородъ, особенно по зимнему пути; такъ какъ плава-

ніе вверхъ по Волхову было затруднительно по причинѣ пороговъ. Весною, со вскрытіемъ водъ, они возвращались въ Ладогу, исправляли свои суда и отплывали на родину или отправлялись на морской разбойничій промыселъ. Одни и тѣже люди, смотря по обстоятельствамъ, занимались торговлею или нанимались въ русскую военную службу; а при случаѣ тѣже Варяги обращались въ пиратовъ, и грабили русскіе предѣлы; какъ это показываетъ война Эрика съ Владиміромъ. Восточные берега Балтійскаго моря, т. е. страны Кареловъ, Эстовъ и Куроновъ, въ особенности служили поприщемъ столкновенія между русскими князьями и норманскими конунгами; ибо и тѣ и другіе хотѣли собирать дани въ этихъ странахъ. Кромѣ двухъ водяныхъ путей въ Восточную Европу, Нево-Ладожскаго и Западно-Двинскаго, Норманны проложили морской путь къ самымъ сѣвернымъ краямъ Восточной Европы: ихъ торговцы и пираты огибали Норвегію, входили въ Бѣлое море и приставали къ берегамъ Сѣверной Двины. Здѣсь, по извѣстію исландскихъ сагъ, лежала обширная Біармія, которую эти баснословные расказы изображаютъ богатою страною, изобилующею мѣхами, серебромъ и золотомъ ([29]).

По нѣкоторымъ признакамъ, Владиміръ Великій подъ конецъ своего княженія уже не такъ ласкалъ Варяговъ и покровительствовалъ имъ какъ въ началѣ, когда онъ съ ихъ помощью утверждалъ свою власть. Съ одной стороны надменность и жадность этихъ наемниковъ, съ другой неудовольствіе на ихъ возвышеніе, обнаруженное коренными русскими боярами и дружинниками, охладили къ нимъ Владиміра во вторую половину его княженія. Но Варягамъ скоро представился новый случай показать свою силу и свое значеніе на Руси. Не безъ связи съ варяжскими отношеніями, какъ надобно полагать, возникло неповиновеніе одного изъ сыновей Владиміра, отравившее отцу послѣдніе дни его жизни.

Трудно, почти невозможно было Кіевскому князю удержать въ полномъ подчиненіи всѣ русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Карпатскихъ и Кавказскихъ горъ. Раздача этихъ

областей въ намѣстничество членамъ одного рода хотя и подвинула впередъ дѣло объединенія Восточной Европы подъ владычествомъ Русскаго племени; но въ тоже время имѣла своимъ послѣдствіемъ неизбѣжныя междоусобія. Энергія и могучая воля Владиміра поддерживали согласіе въ его семьѣ до тѣхъ поръ, пока онъ бодро стоялъ во главѣ своихъ дружинъ, всегда готовый строго наказать всякую попытку неповиновенія. Физическія наслажденія, которымъ онъ предавался особенно въ молодости, а также тяжелые походы и великіе труды подточили его организмъ, и безъ того не отличавшійся богатырскимъ сложеніемъ (о чемъ свидѣтельствуетъ латино-нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ). Болѣзни начали удручать его.

Первая попытка къ отложенію отъ Кіева произошла тамъ, гдѣ всего естественнѣе было ея ожидать, т. е. въ Новгородѣ. При своей отдаленности, при подвижномъ, промышленномъ характерѣ своего населенія, Новгородскій край всегда тяготился зависимостью отъ южной Руси и большими данями, которыми обложилъ его великій князь Кіевскій. Со времени введенія христіанства вражда къ югу усилилась; такъ какъ въ Новгородѣ еще жила многочисленная языческая партія, только по наружности принявшая крещеніе. Мы знаемъ, что великіе князья кіевскіе содержали въ Новгородѣ наемную варяжскую дружину, что бы обуздывать безпокойную сѣверную Русь. Но эта наемная сила въ рукахъ честолюбиваго новогородскаго намѣстника или удѣльнаго князя увеличивала средства для борьбы съ самимъ великимъ княземъ Кіевскимъ; что на самомъ себѣ испыталъ Владиміръ въ молодости. По его стопамъ пошелъ и сынъ его Ярославъ. Находясь въ постоянномъ общеніи съ Норманнами, Ярославъ пріобрѣлъ себѣ друзей между ихъ вождями, и связи свои съ Скандинавіей скрѣпилъ женитьбою на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олава Скёткокунга. Исландскія саги расказываютъ, что переговоры объ этомъ бракѣ длились довольно долго, и невѣста согласилась на него только послѣ разныхъ условій. Между прочимъ она вытребовала себѣ въ вѣно городъ Альдейгаборгъ или Ладогу. Ингигерда отправилась въ Гольмгардъ съ большою свитою,

во главѣ которой поставила своего родственника ярла Рагенвальда; послѣдній и получилъ отъ нея въ управленіе Альдейгаборгъ съ его областью. Саги изображаютъ Ингигерду женщиной гордой, умной и рѣшительной: она не замедлила пріобрѣсти большое вліяніе на своего мужа Ярослава. Очень вѣроятно, что не безъ этого вліянія послѣдній еще при жизни отца задумалъ отложиться отъ Кіева и сдѣлаться независимымъ, самостоятельнымъ государемъ обширной Новогородской области. Его поддерживали въ этомъ намѣреніи стремленіе самихъ Новогородцевъ къ независимости отъ Кіева, а также надежда на варяжскую помощь. Обстоятельства благопріятствовали ему и въ другомъ отношеніи: вниманіе и силы Кіевской Руси были отвлекаемы къ южнымъ предѣламъ почти постоянною борьбою съ Печенѣгами. Какъ бы то ни было, Ярославъ вдругъ отказался платить великому князю установленную съ Новгорода ежегодную дань въ 2000 гривенъ.

Владиміръ весьма разгнѣвался на сына, и велѣлъ исправлять пути для своего войска, которое хотѣлъ вести лично. Съ обѣихъ сторонъ начались ратныя приготовленія. Но силы измѣнили старому князю: онъ такъ заболѣлъ, что слегъ въ постель. Въ то же время пришло извѣстіе о новомъ нападеніи Печенѣговъ. Владиміръ отправилъ противъ нихъ кіевскую рать подъ начальствомъ сына Бориса. Послѣднему хотя и была назначена въ удѣлъ Ростовская область; но отецъ очень его любилъ и держалъ при себѣ, также какъ и Глѣба Муромскаго, единоутробнаго Борису. Вслѣдъ за тѣмъ старый князь скончался, не достигши еще глубокой старости, но переживъ многихъ своихъ женъ, сыновей, даже внуковъ, въ томъ числѣ и христіанскую свою супругу, греческую царевну Анну. Любимымъ мѣстопребываніемъ Владиміра Великаго было загородное село Берестово, гдѣ и застигла его кончина лѣтомъ 1016 года. Бояре проломали полъ въ теремѣ; завернули тѣло князя въ коверъ, спустили внизъ на веревкахъ, и отвезли его въ кіевскій Десятинный храмъ Богородицы. Здѣсь оно было заключено въ мраморную гробницу, устроенную по образцу византійскихъ саркофаговъ, которая и была поставлена въ церкви рядомъ съ гробницею супру-

ги его Анны. Лѣтописецъ повѣствуетъ о безчисленномъ стеченіи народа при погребеніи знаменитаго князя; всѣ плакали и стенали отъ боярина до послѣдняго простолюдина. Нѣтъ сомнѣнія, что печаль была непритворная; ибо хоронили государя щедраго, ласковаго, даровавшаго народу долголѣтній внутренній миръ и побѣду надъ внѣшними врагами, а главное, распространившаго свѣтъ христіанской религіи. Это былъ поистинѣ великій человѣкъ. Печаль народа усиливалась неопредѣленнымъ положеніемъ, въ которомъ оставалась Русская земля, опасеніемъ кровавыхъ раздоровъ и бѣдствій, которыя скоплялись надъ нею (30).

IV.

ЯРОСЛАВЪ I И ВОДВОРЕНІЕ УДѢЛЬНАГО ПОРЯДКА.

Святополкъ. Убіеніе Бориса и Глѣба. Ярославъ въ Кіевѣ. Вмѣшательство Болеслава Храбраго. Торжество Ярослава. Мстиславъ Чермный. Единодержавіе Ярослава. Послѣдній морской походъ на Византію. Тѣсныя связи съ Норманнами. Устроеніе церковное. Дѣленіе на удѣлы. Изяславъ и другіе сыновья Ярослава. Ростиславъ Тмутраканскій и Всеславъ Полоцкій.

Услыхавъ о кончинѣ Владиміра, Святополкъ Туровскій прискакалъ немедленно въ Кіевъ, и сѣлъ на великокняжескомъ столѣ какъ старшій въ родѣ. Онъ началъ щедро одѣлять подарками знатнѣйшихъ гражданъ, что бы привлечь Кіевлянъ на свою сторону. Но они обнаруживали колебаніе. Имъ хорошо была извѣстна нелюбовь Владиміра къ Святополку; можетъ быть, покойный князь и не прочилъ его на Кіевскій столъ. Притомъ кіевская рать находилась тогда въ походѣ съ Борисомъ, и граждане не знали еще, признáютъ ли Борисъ и войско Святополка великимъ княземъ. Послѣдній послалъ къ брату гонцовъ съ вѣстію о смерти отца и съ лестными предложеніями, т. е. съ обѣщаніями увеличить его удѣлъ. Но опасенія съ этой стороны оказались напрасными. Борисъ не встрѣтилъ Печенѣговъ, и, возвращаясь назадъ, сталъ лагеремъ недалеко отъ города Переяславля на рѣчкѣ Альтѣ, впадающій въ Трубежъ. Этотъ добродушный, благочестивый князь былъ опечаленъ смертію родителя, и не питалъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Нѣкоторые дружинники изъявили желаніе посадить его на Кіевскій столъ; но Борисъ отвѣчалъ, что не подниметъ ру-

ки на брата старѣйшаго, котораго считаетъ себѣ „въ отца мѣсто". Тогда войско, повидимому недовольное его уступчивостію, разошлось по домамъ, и онъ остался на берегу Альты съ немногими отроками.

Захвативъ въ свои руки великое княженіе, Святополкъ спѣшилъ не только обезпечить его за собою, но и по возможности завладѣть удѣлами другихъ братьевъ, т. е. возстановить единодержавіе. Средства, которыя онъ избралъ для этого, были согласны съ его вѣроломнымъ, свирѣпымъ характеромъ. Такимъ образомъ почти съ самыхъ первыхъ страницъ нашей исторіи мы видимъ на Руси постоянно возобновлявшуюся борьбу двухъ началъ: единодержавнаго и удѣльнаго, борьбу, которая происходила тогда и у другихъ Славянскихъ народовъ. Кромѣ примѣра самаго Владиміра Великаго, Святополкъ имѣлъ предъ глазами еще подобные же примѣры: въ Чехіи, гдѣ Болеславъ Рыжій пытался истребить своихъ братьевъ, и въ Польшѣ, гдѣ тесть Святополка, Болеславъ Храбрый, дѣйствительно успѣлъ частію изгнать, частію ослѣпить братьевъ и такимъ образомъ сдѣлаться единовластителемъ. Очень можетъ быть, въ своихъ замыслахъ Святополкъ былъ ободряемъ собственнымъ тестемъ, который надѣялся теперь не только захватить часть русскихъ земель, но и угодить Римской церкви введеніемъ католичества въ Россіи при помощи своего зятя.

Не полагаясь на кіевскую дружину, Святополкъ отправился въ ближній Вышгородъ, и склонилъ вышегородскихъ бояръ помочь ему въ его намѣреніяхъ. Здѣсь нашлось нѣсколько злодѣевъ, которые взяли на себя избавить его отъ Бориса; то были Путша, Талецъ, Еловичъ и Ляшко, частію не русскаго (м. б. ляшскаго) происхожденія, если судить по ихъ именамъ. Съ отрядомъ вооруженныхъ людей они отправились на Альту, ночью напали на шатеръ Бориса и убили его вмѣстѣ съ нѣсколькими его отроками. Любопытно, что въ числѣ его убійцъ упоминаются два варяга, подобно тѣмъ двумъ варягамъ, которые убили Ярополка. Эти продажные люди играли немаловажную роль въ русскихъ междоусобіяхъ того времени, и нерѣдко служили орудіемъ разна-

го рода злодѣйствъ. Не смѣя показать тѣло Бориса Кіевлянамъ, Святополкъ велѣлъ отвезти его въ Вышегородскій замокъ и похоронить тамъ подлѣ церкви св. Василія. Почти въ одно время съ Борисомъ погибъ и младшій его братъ Глѣбъ, котораго Владиміръ по его молодости держалъ при себѣ въ Кіевѣ. При первыхъ признакахъ опасности юный князь сѣлъ съ нѣсколькими отроками въ ладью, и поспѣшилъ изъ Кіева въ свой Муромскій удѣлъ. Но Святославъ послалъ за нимъ погоню по Днѣпру. Она настигла Глѣба около Смоленска; отроки молодаго князя оробѣли, и собственный его поваръ, родомъ Торчинъ, по приказанію Горясѣра, начальника погони, зарѣзалъ Глѣба. Тѣло его было заключено между двумя колодами (т. е. выдолбленными обрубками), и зарыто въ лѣсу на берегу Днѣпра. Точно также Святополку удалось погубить еще одного брата, Святослава Древлянскаго. Послѣдній думалъ спастись бѣгствомъ къ Угорскому королю; погоня настигла его гдѣ то около Карпатскихъ горъ и умертвила ([31]). Но съ нимъ окончилось злодѣйское истребленіе братьевъ. Отпоръ дальнѣйшимъ предпріятіямъ Святополка долженъ былъ послѣдовать съ сѣвера отъ сильнаго Новогородскаго князя.

Средства, собранныя для борьбы съ отцомъ, Ярославъ употребилъ на борьбу съ Святополкомъ. Онъ и его супруга Ингигерда слишкомъ потакали наемнымъ Варягамъ. Послѣдніе своею жадностію, высокомѣріемъ и разнаго рода насиліями, особенно въ отношеніи женскаго пола, возбуждали противъ себя ненависть и иногда кровавое возмездіе со стороны Новогородцевъ. Князь въ такихъ случаяхъ принималъ сторону наемниковъ, и казнилъ многихъ гражданъ. Однако Новогородцы не отказали ему въ помощи деньгами и войскомъ, лишь бы не подчиниться Кіевскому князю, не платить ему тяжкихъ даней и не принимать къ себѣ его посадниковъ. Около этого времени къ Ярославу прибыли съ небольшою дружиною два норвежскихъ витязя, Эймундъ и Рагнаръ; они вступили въ его службу на извѣстный срокъ, выговоривъ себѣ, кромѣ обильнаго снабженія съѣстными припасами, еще извѣстное количество серебра на каждаго воина; по

недостатку серебра эта наемная плата могла быть выдана имъ дорогими мѣхами, бобровыми и собольими. По словамъ хвастливой исландской саги, Эймундъ съ своими товарищами будто бы игралъ первую роль въ успѣшной борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ ([32]).

Встрѣча сѣвернаго ополченія съ южнымъ произошла на берегахъ Днѣпра подъ Любечемъ. Святополкъ кромѣ собственной рати привелъ съ собою наемныя полчища Печенѣговъ. Долго два ополченія стояли на противуположныхъ берегахъ рѣки, не рѣшаясь перейти ее. Иногда, по обычаю того времени, они осыпали другъ друга насмѣшками и бранью. Напримѣръ, южные ратники кричали Новогородцамъ: „Эй вы плотники! Что пришли съ своимъ хромцемъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!" Наступили морозы, Днѣпръ сталъ покрываться льдомъ, начинался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Изворотливый Ярославъ между тѣмъ пріобрѣлъ себѣ пріятелей въ лагерѣ Святополка, отъ которыхъ получалъ вѣсти. Однажды ночью онъ переправился черезъ Днѣпръ, и напалъ на противника въ то время, когда тотъ не ожидалъ. Сѣверные ратники имѣли головы перевязанныя убрусами, чтобы отличать своихъ отъ непріятелей. Сѣча была упорная. Печенѣги, стоявшіе гдѣ то за озеромъ, не могли приспѣть во время. Къ утру Святополкъ былъ совершенно разбитъ и обратился въ бѣгство. Ярославъ вступилъ въ Кіевъ, и занялъ великокняжескій столъ; послѣ чего щедро наградилъ Новогородцевъ, и отпустилъ ихъ домой (1017 г.). Но это было только начало борьбы. Святополкъ нашелъ убѣжище и помощь у своего тестя Болеслава Храбраго. Болеславъ былъ радъ случаю вмѣшаться въ дѣла Руси и воспользоваться ея смутами; но онъ находился тогда въ войнѣ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II. Императоръ также хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и предложилъ Ярославу напасть на ихъ общаго врага, короля Польскаго. Ярославъ дѣйствительно началъ войну съ Поляками, но почему то велъ ее вяло и нерѣшительно. Недовольный имъ, Генрихъ II заключилъ миръ съ Болеславомъ. Тогда послѣд-

ній поспѣшилъ напасть на Русскаго князя, ведя съ собою кромѣ польской рати еще дружины Нѣмцевъ, Угровъ и Печенѣговъ. Ярославъ встрѣтилъ его на берегахъ Буга. По словамъ лѣтописи, воевода Ярослава Будый, глумясь надъ противникомъ, кричалъ Болеславу: „Вотъ мы проткнемъ трескою (копьемъ) чрево твое толстое". Польскій король былъ очень тученъ, такъ что едва могъ сидѣть на конѣ. Именно эта брань будто бы побудила его стремительно переплыть рѣку и напасть на Ярослава. Послѣдній былъ разбитъ и ушелъ опять на сѣверъ, въ свой Новгородъ. Кіевъ послѣ непродолжительной осады сдался Болеславу, который возстановилъ зятя на великокняжескомъ престолѣ. Здѣсь Польскій король захватилъ часть Ярославова семейства и его сестеръ, изъ которыхъ одну, именно Предиславу, сдѣлалъ своей наложницей, изъ мести: онъ когда то просилъ ея руки, но получилъ отказъ по различію вѣроисповѣданія.

Часть польской рати была размѣщена по русскимъ городамъ. Пребываніе ея вскорѣ сдѣлалось большою тягостью для жителей. Самъ Святополкъ очевидно былъ недоволенъ тестемъ, который распоряжался на Руси какъ завоеватель. По городамъ начались кровавыя столкновенія жителей съ Поляками и избіеніе послѣднихъ. Тогда Болеславъ покинулъ Кіевъ и ушелъ, обремененный огромною добычею и множествомъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были и сестры Ярослава. Онъ удержалъ за собою нѣкоторыя пограничныя области, напримѣръ, Червенскіе города.

Между тѣмъ Ярославъ не терялъ времени въ Новгородѣ, и собиралъ новыя силы. Лѣтопись говоритъ, что послѣ своего пораженія онъ хотѣлъ даже бѣжать за море къ Варягамъ; но Новгородцы съ своимъ посадникомъ Коснятинымъ, сыномъ Добрыни, не пустили его, изрубивъ приготовленныя имъ ладьи. Они изъявили готовность снова биться за Ярослава и жертвовать имуществомъ для найма воиновъ, лишь бы не покориться Святополку. Начали собирать деньги: простые граждане были обложены взносомъ на войско по 4 куны, старосты по 10 гривенъ, а бояре по 18 гривенъ. Призвали изъ за моря новыя дружины

Варяговъ. Но успѣху Ярослава болѣе всего помогъ упомянутый раздоръ Святополка съ Болеславомъ. Когда сѣверное ополченіе снова пошло на Кіевъ, Святополкъ, нелюбимый Кіевлянами, искалъ помощи у Печенѣговъ, и нанялъ многочисленныя ихъ толпы. Онъ встрѣтилъ Ярослава на берегу Альты, уже знаменитой убіеніемъ Бориса. Лѣтопись говоритъ, что сѣча была злая и возобновлялась три раза, и что кровь обильно текла по удольямъ. Дрались цѣлый день, и только къ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ *Окаянный* бѣжалъ на западъ, къ Чехамъ; но умеръ гдѣ то на дорогѣ. По всѣмъ признакамъ это былъ злодѣй далеко недюженный ([33]).

Только послѣ смерти Святополка Ярославъ прочно утвердился на Кіевскомъ столѣ, и, какъ выражается лѣтопись, „утеръ пота съ своей дружиной". Но междоусобія въ семьѣ Владиміра еще не кончились. Обширныя владѣнія Ярослава возбуждали зависть въ остальныхъ его родственникахъ. Въ Полоцкѣ княжилъ въ то время племянникъ его Брячиславъ Изяславичъ. Онъ объявилъ притязанія на часть новогородскихъ областей; получивъ отказъ, напалъ на Новгородъ, взялъ его и разграбилъ (1021 г.). Вѣсть о приближеніи Ярослава съ войскомъ побудила Брячислава удалиться изъ Новгорода; но онъ захватилъ съ собою большое количество плѣнниковъ и заложниковъ. Въ Псковской области на рѣкѣ Судомѣ Ярославъ нагналъ Полоцкаго князя, поразилъ его, и освободилъ новогородскихъ плѣнниковъ. Послѣ того они заключили миръ, по которому Ярославъ увеличилъ Полоцкое княженіе городомъ Витебскомъ съ его волостью.

Едва окончилась война съ Полоцкимъ княземъ, какъ выступилъ другой соперникъ, борьба съ которымъ оказалась гораздо труднѣе. То былъ младшій братъ Ярослава, Мстиславъ Черный, князь Тмутраканскій, успѣвшій прославить себя богатырскими подвигами въ борьбѣ съ Таврическими и Кавказскими Черкесами, извѣстными въ лѣтописяхъ подъ именами Козаръ и Касоговъ. Между прочимъ лѣтописецъ нашъ сохранилъ преданіе о его войнѣ съ сосѣднимъ касожскимъ княземъ Редедею. По обычаю того времени общее сраженіе замѣнялось иногда еди-

ноборствомъ. Подобное единоборство сильный Редедя предложилъ Мстиславу. Они схватились. Мстиславъ одолѣлъ, бросилъ противника на землю и закололъ его ножомъ. По условію онъ взялъ семейство Редеди и все его имѣніе, а Касоговъ обложилъ данью. По возвращеніи въ Тмутракань князь построилъ церковь Богородицы, исполняя обѣтъ, который далъ въ трудную минуту своего поединка. Этотъ-то воинственный князь объявилъ притязанія на раздѣлъ русскихъ земель по ровну, и пошелъ на Кіевъ во главѣ своей болгаро-русской дружины и черкесской конницы. Встрѣтивъ мужественное сопротивленіе со стороны Кіевлянъ, Мстиславъ обратился на Черниговъ, взялъ его и сдѣлалъ своимъ стольнымъ городомъ. Ярослава въ то время не было въ Кіевѣ. Онъ находился на сѣверѣ, и усмирялъ мятежъ въ Суздальской землѣ. Тамъ случился сильный голодъ, и волхвы возмутили народъ, который еще былъ преданъ своей старой языческой религіи. Суевѣрные люди бросились избивать старухъ, которыя по словамъ волхвовъ причиняли голодъ своимъ колдовствомъ. Ярославу удалось схватить многихъ волхвовъ, и частію казнить ихъ, частію заточить. А между тѣмъ изъ Камской Болгаріи купцы навезли много жита; тогда голодъ прекратился, и мятежъ утихъ. Это было въ 1024 году.

Въ Новгородѣ великій князь собралъ рать противъ Мстислава, и призвалъ изъ за моря наемныхъ Варяговъ. Они пришли подъ начальствомъ знатнаго витязя Якуна (т. е. Гакона), который обратилъ на себя вниманіе Русскихъ своею красивою наружностію и златотканою лудою или верхнею одеждою. Мстиславъ встрѣтилъ сѣверную рать недалеко отъ Чернигова у мѣстечка Листвена, и напалъ на нее въ темную бурную ночь, когда свирѣпствовала сильная гроза съ дождемъ. Въ челѣ сѣверной рати стояла Варяжская дружина; Мстиславъ выставилъ противъ нея Черниговское или Сѣверское ополченіе. Объ это мужественное ополченіе разбилась неукротимая храбрость Норманновъ. Тмутраканскій князь остался побѣдителемъ; Ярославъ и Якунъ спаслись бѣгствомъ; при чемъ послѣдній потерялъ свою золотую луду. Осматривая поутру поле битвы, Мстиславъ выразилъ особую радость тому, что

наибольшее число павшихъ пришлось на долю Сѣверянъ и Варяговъ; а его собственная тмутраканская дружина осталась цѣла. Ярославъ снова удалился въ свой вѣрный Новгородъ. Побѣдитель послалъ сказать ему, что признаётъ его старшинство и ненамѣренъ добиваться Кіева. Однако Ярославъ не довѣрялъ брату, и воротился въ Кіевъ только во главѣ вновь собраннаго на сѣверѣ сильнаго ополченія. Тогда между братьями состоялся договоръ, по которому они раздѣлили между собою Русскую землю, назначивъ границею рѣку Днѣпръ: области, лежавшія на восточной сторонѣ Днѣпра, были уступлены Мстиславу (1025 г.).

Съ того времени братья жили дружно между собою, и общими силами воевали внѣшнихъ враговъ. Между прочимъ они вмѣстѣ ходили на Ляховъ. Въ тотъ годъ, когда братья помирились, скончался Болеславъ Храбрый, вскорѣ послѣ своего торжественнаго коронованія королевскимъ вѣнцомъ. Преемникъ его Мечиславъ II не былъ способенъ удержать завоеванія отца и внушить уваженіе сосѣдямъ. Со всѣхъ сторонъ поднялись на него сосѣдніе народы, которые хотѣли воротить ту или другую отнятую у нихъ землю, а именно: Чехи, Угры, Нѣмцы и Русь. Ярославъ въ свою очередь воспользовался обстоятельствами; вмѣстѣ съ братомъ онъ повоевалъ пограничную Польскую землю, и воротилъ Руси Червенскіе города. Братья привели изъ польскаго похода большое число плѣнниковъ; часть ихъ, доставшуюся на долю Ярослава, онъ поселилъ по рѣкѣ Роси въ городкахъ, построенныхъ для защиты отъ степныхъ варваровъ. Взаимное согласіе братьевъ продолжалось до самой смерти Мстислава Чермнаго, который однажды на охотѣ сильно заболѣлъ, и вскорѣ умеръ (1036). Лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ отличался тучностію, румянымъ лицомъ и большими глазами, былъ очень храбръ и ласковъ къ своей дружинѣ, для которой не щадилъ ни имѣнія, ни питія, ни брашна. Онъ не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, и всѣ его земли достались Ярославу. Въ томъ же году послѣдній засадилъ въ порубъ, т. е. въ темницу, брата своего Судислава Псковскаго, неизвѣстно по какой причинѣ, вѣроятно за его притязанія на раздѣлъ

земель. Такимъ образомъ великій князь Кіевскій еще разъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія области, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла, и сталъ властителемъ единодержавнымъ. Это единовластіе дало Русской землѣ тишину внутри и силу противъ внѣшнихъ враговъ.

Въ самый годъ Мстиславовой смерти, когда великій князь отлучился въ Новгородъ, Печенѣги воспользовались его отсутствіемъ и въ большомъ числѣ подступили къ Кіеву. Получивъ о томъ извѣстіе, Ярославъ поспѣшилъ на помощь стольному городу съ Варягами и Новогородцами. Онъ далъ рѣшительную битву варварамъ подъ самыми стѣнами Кіева. Въ центрѣ его войска стояли Варяги, на правомъ крылѣ Кіевляне, на лѣвомъ Новогородцы. Послѣ упорной сѣчи Печенѣги потерпѣли полное пораженіе; во время бѣгства много ихъ перетонуло въ Сѣтомли и въ другихъ ближнихъ рѣчкахъ. Со времени этой великой битвы лѣтопись уже не упоминаетъ болѣе о печенѣжскихъ набѣгахъ на Кіевскую область.

При Ярославѣ Русь увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и данниковъ, особенно на сѣверѣ въ странѣ Финскихъ племенъ. Между прочимъ Ярославъ, еще при жизни Мстислава, ходилъ на Чудь, обитавшую на западной сторонѣ Чудскаго озера, и, чтобы утвердить здѣсь свое господство, построилъ городъ, который назвалъ Юрьевымъ въ честь своего ангела; ибо христіанское его имя было Юрій или Георгій (1031). А, спустя лѣтъ 10 или 11, онъ посылаетъ въ туже сторону своего сына Владиміра Новогородскаго для завоеванія сосѣдняго съ Чудью финскаго народца Ямь, жившаго около Финскаго залива. Походъ хотя и былъ побѣдоносенъ; но дружина Владиміра воротилась почти безъ коней, вслѣдствіе постигшаго ихъ сильнаго падежа. О русскихъ походахъ на сѣверовостокъ къ Уральскому хребту свидѣтельствуетъ извѣстіе о какомъ то Улѣбѣ, который въ 1032 году ходилъ изъ Новгорода за такъ наз. Желѣзныя ворота, безъ сомнѣнія на лодкахъ по рѣкамъ; но въ этомъ походѣ потерялъ большую часть своей дружины ([34]).

На западныхъ предѣлахъ Руси Ярославъ долженъ былъ укрощать своихъ безпокойныхъ сосѣдей, Литву и Ятвя-

говъ. По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ о его предпріятіяхъ въ ту сторону, вызванныхъ вѣроятно набѣгами этихъ племенъ. Кромѣ того онъ совершилъ нѣсколько судовыхъ походовъ въ Мазовію. Въ Польшѣ по смерти Мечислава II (1034) наступили жестокія смуты: вельможи изгнали его сына Казиміра, и начали самовольствовать. Чехи спѣшили воспользоваться этою анархіей, чтобы увеличить свои предѣлы на счетъ Поляковъ. Наконецъ Казиміръ съ помощью Нѣмцевъ воротилъ свой престолъ; онъ прекратилъ анархію; но не могъ усмирить нѣкоего Моислава, который захватилъ Мазовію и хотѣлъ быть ея независимымъ властителемъ. Казиміру въ этомъ случаѣ помогъ родственный союзъ съ Ярославомъ. Послѣдній выдалъ за польскаго короля свою сестру Марію (1043), которая потомъ перешла въ католичество и извѣстна у Поляковъ подъ именемъ Доброгнѣвы. Казиміръ вмѣсто вѣна, т. е. брачнаго подарка, возвратилъ Кіевскому князю 800 русскихъ плѣнниковъ, которые были взяты въ прежнихъ войнахъ. А Ярославъ помогъ ему усмирить Мазовію, куда онъ ходилъ два или три раза; при послѣднемъ походѣ Моиславъ былъ убитъ (1047). Союзъ съ Польшею былъ еще скрѣпленъ женитьбою Ярославова сына Изяслава на сестрѣ Казиміра ([35]).

Ярославово княженіе, между прочимъ, ознаменовалось послѣднимъ большимъ походомъ русскаго флота на Византію.

Послѣ Владиміра Русь нѣкоторое время еще оставалась вѣрною союзницею Византіи, и вспомогательныя русскія дружины не разъ встрѣчаются въ ея войнахъ. Дружественныя связи поддерживались взаимными торговыми выгодами: русскіе гости проживали въ Константинополѣ, греческіе приходили въ Кіевъ. Со времени крещенія Руси къ военнымъ и торговымъ сношеніямъ прибавились и дѣятельныя сношенія церковныя. Эти дружескія связи нарушены были въ 1043 году. Въ Константинополѣ изъ за чего то произошелъ споръ съ нѣкоторыми русскими торговцами; отъ спора дѣло дошло до драки, и одинъ изъ почетнѣйшихъ русскихъ гостей былъ убитъ. Отсюда возникло неудовольствіе между обоими правительствами. На

византійскомъ престолѣ въ то время сидѣлъ Константинъ Мономахъ, третій супругъ императрицы Зои. Извѣстно, что Зоя и ея незамужняя сестра Θеодора, дочери Константина IX и племянницы Василія II Болгаробойцы, были послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой Македонской династіи. Константинъ Мономахъ, государь безпечный и преданный своимъ удовольствіямъ, повидимому не спѣшилъ дать Руси необходимое удовлетвореніе за обиду. Ярославъ снарядилъ большой ладейный флотъ, и послалъ его подъ начальствомъ своего старшаго сына Владиміра Новогородскаго съ воеводою Вышатой. Въ этой судовой рати находились и наемные Варяги. Византійскіе историки преувеличиваютъ ея число до 100.000. По извѣстію нашей лѣтописи, Русь хотѣла высадиться на Дунаѣ, вѣроятно съ намѣреніемъ поднять Болгаръ противъ Грековъ; но Варяги увлекли Владиміра далѣе. Флотъ подошелъ къ Боспору, и готовился напасть на самый Царьградъ. Между тѣмъ императоръ велѣлъ заключить подъ стражу всѣхъ русскихъ купцовъ и воиновъ, находившихся въ Константинополѣ и другихъ городахъ. Онъ не одинъ разъ отправлялъ къ Владиміру пословъ съ мирными предложеніями; но тотъ предъявлялъ слишкомъ высокія требованія (византійцы говорятъ, будто онъ потребовалъ по три фунта золота на каждаго воина). Этими переговорами Греки конечно желали выиграть время, чтобы приготовиться къ отпору. Дѣйствительно они успѣли собрать и снарядить флотъ, который подъ начальствомъ самого императора загородилъ входъ въ Боспоръ; а на берегахъ его расположились конные отряды. Послѣдовали битвы на морѣ.

Мелкія русскія суда старались держаться ближе къ берегу; тутъ съ помощью огнеметательныхъ снарядовъ Грекамъ удалось сжечь часть нашего флота и привести въ замѣшательство остальную. Многія русскія ладьи сильнымъ волненіемъ были брошены на береговыя скалы и потерпѣли крушеніе. Самъ Владиміръ едва не погибъ; его спасъ одинъ изъ воеводъ, Иванъ Творимірич, взявъ на свой корабль. Часть Русской рати, спасшаяся на берегъ послѣ крушенія своихъ судовъ, собралась тамъ въ числѣ шести тысячъ человѣкъ. Они рѣшили пробиваться въ отечество

сухимъ путемъ. Вышата не захотѣлъ оставить ихъ безъ воеводы. „Живъ ли буду, такъ съ ними, а если и погибну, такъ съ дружиною", сказалъ онъ; сошелъ на берегъ, и самъ повелъ ихъ къ Дунаю. Императоръ съ торжествомъ воротился въ столицу, отрядивъ 24 корабля для преслѣдованія отступавшаго Владиміра. Эти корабли были окружены русскими ладьями и почти всѣ погибли; причемъ Русскіе взяли многихъ плѣнниковъ, и такимъ образомъ имѣли хотя небольшой успѣхъ въ своемъ походѣ. Но рать, предводимая Вышатой, большею частію истреблена превосходными силами Грековъ; оставшіеся въ живыхъ отведены плѣнниками въ Константинополь, гдѣ императоръ велѣлъ многихъ изъ нихъ ослѣпить. Спустя три года, миръ былъ возобновленъ, и плѣнные обоюдно возвращены. Миръ этотъ скрѣпленъ бракомъ одного изъ сыновей Ярослава, его любимца Всеволода, съ греческой царевной, но неизвѣстно, съ дочерью или съ другой какой родственницей Константина Мономаха ([46]).

Время Ярослава было также эпохою самыхъ дѣятельныхъ и дружескихъ связей съ Норманнами Скандинавіи, извѣстными у насъ подъ именемъ Варяговъ. Бракъ съ шведскою принцессою и помощь, оказанная варяжскими дружинами при завоеваніи Кіевскаго княженія, еще болѣе возвысили ихъ значеніе при дворѣ и въ войскѣ великаго князя Русскаго. Мы видимъ, что почти во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ варяжская дружина занимаетъ чело русской рати. Мы видимъ знатныхъ людей, даже королей и принцевъ скандинавскихъ, которые находятъ пріютъ у Русскаго князя, нерѣдко вступаютъ въ его службу, становятся его совѣтниками и помощниками въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней защиты. Варяжскіе наемники и торговцы безъ сомнѣнія пользовались на Руси особымъ покровительствомъ великой княгини Ингигерды (въ православіи Ирины), которая имѣла большое вліяніе на своего супруга. Еще будучи новогородскою княгинею, она, какъ извѣстно, доставила своему родственнику Рагенвальду городъ Ладогу, въ качествѣ удѣльнаго княжества. Впослѣдствіи мужъ ея сестры норвежскій король Олавъ Святой, лишенный своего престола датскимъ

королемъ Канутомъ Великимъ, нашелъ убѣжище и почетъ при Кіевскомъ дворѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Магнусомъ. Конечно не безъ помощи Кіевскаго князя онъ снарядилъ дружину, чтобы воротить себѣ утраченный престолъ, и высадился на берега Норвегіи; но погибъ въ битвѣ при Стиклестадѣ (1030 г.). Сынъ Олава Магнусъ, прозванный *Добрымъ*, оставался на попеченіи Ярослава и воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда смуты въ Норвегіи и угнетенія, испытанныя отъ Датчанъ, заставили многихъ норвежскихъ вельможъ сожалѣть объ изгнаніи собственнаго королевскаго дома, Магнусъ съ русскою помощью воротился въ отечество и занялъ наслѣдственный престолъ.

Младшій братъ Олава Святаго, Гаральдъ Смѣлый (Гардрада) послѣ битвы при Стиклестадѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, также нашелъ убѣжище при Кіевскомъ дворѣ, и нѣкоторое время служилъ въ варяжской дружинѣ великаго князя. Гаральдъ полюбилъ старшую дочь Ярослава и Ингигерды, Елизавету, и просилъ ея руки. Предложеніе изгнаннаго принца, не имѣвшаго ни земли, ни богатства, на первое время встрѣтило отказъ, но повидимому не безъусловный. Гаральдъ послѣ того отправился въ Царьградъ, и сдѣлался тамъ начальникомъ такой же варяжской дружины. Именно около этого времени византійскіе историки впервые упоминаютъ о наемномъ отрядѣ *Варанговъ* на византійской службѣ. Онъ возникъ вѣроятно по примѣру тѣхъ отрядовъ, которые служили Русскимъ князьямъ, и отчасти изъ тѣхъ Варяговъ, которые покидали Русь, что бы искать еще болѣе выгодной службы въ богатой Греческой имперіи. Наемные Варанги, по своей храбрости и вѣрности принятымъ на себя условіямъ, сдѣлались въ послѣдствіи любимымъ войскомъ у византійскихъ императоровъ, и между прочимъ занимали самое видное мѣсто въ ихъ гвардіи. Сага о Гаральдѣ Смѣломъ расказываетъ баснословные примѣры его отваги и остроумія, а также его романтическія приключенія во время византійской службы. По ея словамъ, онъ воевалъ, одерживалъ побѣды и бралъ для Грековъ непріятельскіе города въ Азіи, Африкѣ и Сициліи; ходилъ въ Іерусалимъ;

но не забывалъ о своей привязанности къ русской княжнѣ, и, будучи самъ поэтомъ, въ честь ея сложилъ пѣсню. Въ этой пѣснѣ онъ говоритъ объ отчаянныхъ битвахъ, объ опасностяхъ, которыя преодолѣлъ, и сѣтуетъ на пренебреженіе, оказанное ему русскою дѣвою. Между тѣмъ награды и добыча, награбленная во время походовъ, сдѣлали его богатымъ человѣкомъ. Онъ могъ теперь бросить жизнь изгнанника, искателя приключеній и воротиться въ отечество, гдѣ царствовалъ его племянникъ Магнусъ. Гаральдъ опять пріѣхалъ въ Кіевъ, получилъ наконецъ руку Елизаветы, и отправился въ Норвегію, гдѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, наслѣдовалъ своему племяннику, погибшему въ битвѣ съ врагами (1047). Впослѣдствіи и самъ Гаральдъ Смѣлый, какъ извѣстно, также палъ во время своей отчаянной высадки на берега Англіи (1066) (37).

Мы видѣли, что Владиміръ подъ конецъ жизни пересталъ возвышать Варяговъ; но Ярославъ, кажется, до конца оставался ихъ другомъ, отчасти подъ вліяніемъ Ингигерды, а отчасти потому, что Варяги, какъ и всякіе наемники, въ рукахъ великаго князя были надежнымъ орудіемъ для поддержки его самовластія. Незамѣтно также, чтобы Ярославъ послѣ услугъ, оказанныхъ Новогородцами въ борьбѣ его съ Святополкомъ, освободилъ ихъ отъ варяжскаго гарнизона. По крайней мѣрѣ лѣтопись говоритъ, что Новгородъ до самой смерти Ярослава ежегодно платилъ Варягамъ количество гривенъ, установленное еще Олегомъ. Новогородскимъ намѣстникомъ при Ярославѣ былъ его старшій сынъ Владиміръ, который, судя по извѣстію нѣкоторыхъ сѣверныхъ лѣтописей, былъ также какъ и отецъ его женатъ на какой то норманской принцессѣ. Ладога и Новгородъ продолжали служить главными пристанищами для Варяговъ, приходившихъ на Русь въ качествѣ гостей или ищущихъ службы, а также и для варяжскихъ принцевъ, отправлявшихся къ Кіевскому двору. Былъ и другой путь изъ Скандинавіи въ Россію, по Западной Двинѣ. Несомнѣнно, что торговцы и наемники варяжскіе посѣщали Полоцкъ; но послѣдній тогда началъ выдѣляться изъ об-

щаго состава Руси подъ владѣніемъ своихъ мѣстныхъ князей.

Здѣсь, въ этихъ родственныхъ, дружескихъ связяхъ Игорева дома съ Варягами, въ томъ положеніи, которое эти иноземцы заняли на Руси при Владимірѣ Великомъ и особенно при сынѣ его Ярославѣ, въ происхожденіи последующихъ кіевскихъ князей, по матери, отъ Скандинавскаго королевскаго дома, въ частыхъ призывахъ варяжскихъ дружинъ и въ громкой славѣ, которою пользовались тогда норманскіе викинги, — здѣсь и надобно искать зародышъ той басни, которая впослѣдствіи такъ распространилась и укрѣпилась. Извѣстно, что эта басня весь русскій княжескій родъ начала вести отъ варяжскихъ принцевъ, которые будто бы были когда то призваны въ Новогодскую землю для водворенія въ ней порядка.

Кромѣ родственныхъ связей съ государями Византіи, Польши и Скандинавіи, Ярославъ вступалъ въ такія же связи и съ другими европейскими владѣтелями. Такъ вторая его дочь Анна была выдана за Генриха I, короля Французскаго, а третья, Анастасія, за короля венгерскаго Андрея I. Были также и родственныя связи съ владѣтелями Германіи: нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ о бракѣ двухъ германскихъ принцессъ съ князьями русскими (можетъ быть, съ Вячеславомъ и Игоремъ, младшими сыновьями Ярослава). Все это указываетъ на дружескія сношенія Кіевскаго двора почти со всѣми важнѣйшими дворами сѣверной и средней Европы. Есть даже извѣстіе о родственномъ союзѣ русскаго княжескаго дома съ королями Англіи и пребываніи въ Россіи двухъ англійскихъ принцевъ, искавшихъ убѣжища при дворѣ Ярослава ([38]). Очевидно Русь того времени занимала не последнее мѣсто въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и жила общею европейскою жизнію.

Великое значеніе Ярослава I въ Русской исторіи впрочемъ основано не столько на его удачныхъ войнахъ и внѣшнихъ связяхъ, сколько на его трудахъ по внутреннему устроенію Русской земли. Въ этомъ отношеніи пер-

вое мѣсто принадлежитъ его дѣятельности на пользу христіанской церкви.

Владиміръ Великій вмѣстѣ съ христіанствомъ утвердилъ въ Россіи и порядокъ греческой іерархіи. Русская церковь составила особую митрополію, зависимую отъ патріарха Константинопольскаго. Зависимость эта выражалась въ особенности поставленіемъ высшаго духовнаго сановника, т. е. Кіевскаго митрополита, а въ началѣ и другихъ іерарховъ или епископовъ. Мы не имѣемъ точныхъ несомнѣнныхъ свѣденій о первыхъ кіевскихъ митрополитахъ. Позднѣйшіе лѣтописные своды называютъ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаила, прибывшаго съ Владиміромъ изъ Корсуня. Преемникомъ его они именуютъ Леонтія; за Леонтіемъ слѣдовалъ Іоаннъ, управлявшій церковью во второй половинѣ княженія Владиміра и въ первой Ярослава; Іоанну былъ преемникомъ Ѳеопемтъ. Эти митрополиты, поставленные константинопольскимъ патріархомъ, назначались изъ духовенства Греческой имперіи; но весьма вѣроятно, что они были происхожденія Болгарскаго или по крайней мѣрѣ имѣли свѣденія въ Славянскомъ языкѣ; безъ чего дѣятельность ихъ на Руси была бы очень затруднительна. Извѣстно, что вмѣстѣ съ христіанствомъ Русь получила богослуженіе и Священное писаніе на языкѣ Славяноболгарскомъ. Вмѣстѣ съ митрополитами первые наши епископы и многіе священники были также по всей вѣроятности изъ Болгаръ. Они приносили съ собою богослужебныя книги и другіе болгарославянскіе переводы.

Духовенство, какъ прибывавшее изъ Византійской имперіи, такъ и прежде существовавшее въ Кіевской крещеной Руси, могло удовлетворить только первой необходимости. Но съ распространеніемъ христіанства и построеніемъ храмовъ въ русскихъ областяхъ сильно возрастала и потребность въ своихъ собственныхъ служителяхъ церкви, въ наставникахъ вѣры, близкихъ къ народу, вполнѣ ему понятныхъ и способныхъ бороться съ язычествомъ, которое было сильно даже въ населеніи, считавшемся христіанскимъ; не говоримъ о дальнихъ областяхъ, коснѣвшихъ еще въ грубомъ идолопоклонствѣ. Уже Владиміръ при-

казывалъ брать дѣтей и отдавать ихъ въ книжное ученіе, вѣроятно для того, что бы приготовить изъ нихъ священнослужителей. Лѣтописецъ прибавляетъ любопытную черту: матери этихъ дѣтей плакали по нимъ какъ по мертвецамъ, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ. Ярославъ продолжалъ дѣло своего отца и поручалъ церковнослужителямъ обучать грамотѣ дѣтей; а въ Новгородѣ, по извѣстію лѣтописи (позднѣйшихъ сводовъ) онъ устроилъ училище, состоявшее изъ 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ.

На Руси повторилось почти тоже, что мы видимъ въ Дунайской Болгаріи. Тамъ христіанство окончательно было введено княземъ Богорисомъ; а сынъ его Симеонъ произвелъ уже эпоху процвѣтанія Болгарской словесности. Такъ и у насъ Ярославъ, сынъ князя, утвердившаго на Руси христіанство, отличался особою приверженностію къ дѣлу книжному. Онъ собиралъ писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей; причемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго или исправлять болгарскіе переводы. Изъ словъ лѣтописи можно заключить, что онъ даже самъ списалъ нѣкоторыя священныя книги и принесъ ихъ въ даръ созданному имъ храму св. Софіи. При Ярославѣ и съ его поощренія начали распространяться на Руси и монашескія общины; а однимъ изъ главныхъ занятій монастырскихъ въ Средніе вѣка, какъ извѣстно, было списываніе книгъ.

Ярославъ не щадилъ издержекъ на внѣшнее благолѣпіе церкви, которое такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе юнаго, мало развитаго общества, еще не окрѣпшаго въ вѣрѣ. Самыя великолѣпныя постройки, совершенныя имъ, конечно принадлежали стольному Кіеву, и произведены съ помощью греческихъ мастеровъ. Вопервыхъ, онъ обвелъ городъ новыми каменными стѣнами. Однѣ изъ воротъ въ этихъ стѣнахъ названы были Золотыми, въ подражаніе такимъ же воротамъ Цареградскимъ; а надъ ними построена церковь въ честь Благовѣщенія. Новыя стѣны были обширнѣе прежнихъ; между прочимъ онѣ обнимали часть поля, на которомъ происходила выше упомянутая послѣдняя битва съ Печенѣгами, окончивша-

яся ихъ совершеннымъ пораженіемъ. Въ память этой битвы и на ея мѣстѣ Ярославъ въ слѣдующемъ 1037 году заложилъ знаменитый соборный храмъ св. Софіи. Храмъ съ тѣмъ же именемъ существовалъ въ Кіевѣ уже при Владимірѣ Великомъ, но только на другомъ мѣстѣ; по крайней мѣрѣ о немъ упоминаетъ нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ, по поводу вступленія въ Кіевъ Болеслава Храбраго. Во время междоусобныхъ войнъ Святополка съ Ярославомъ этотъ храмъ сгорѣлъ; вмѣсто него Ярославъ построилъ новый, и въ болѣе великолѣпномъ видѣ. Онъ былъ украшенъ фресковою живописью и роскошными мозаиками или, какъ тогда называлось, мусіею. Кромѣ того Ярославъ построилъ въ Кіевѣ монастырь св. Георгія, въ честь своего ангела, и монастырь св. Ирины (вѣроятно въ честь своей супруги). Вообще древнѣйшіе и главные храмы Кіева строились большею частію въ подражаніе цареградскимъ и носили ихъ имена, каковы св. Софія, св. Ирина, а также храмы въ честь Богородицы, столь распространенные въ Византіи (начиная съ знаменитаго Влахернскаго). По образцу Кіева и въ другихъ главныхъ городахъ Руси встрѣчаемъ соборные храмы преимущественно или Софійскіе, или Богородичные (Рождественскіе и Успенскіе). Такъ почти въ одно время съ Кіевской Софіей создана была и славная Софія Новогородская. По свидѣтельству лѣтописей, сначала эта Софійская церковь была деревянная о тринадцати верхахъ, построенная первымъ епископомъ Новгорода Іоакимомъ на берегу Волхова; но она сгорѣла. Тогда сынъ Ярослава Владиміръ, удѣльный князь Новогородскій, вмѣстѣ съ епископомъ Лукою Жидятою въ 1045 году заложилъ новый Софійскій соборъ, уже каменный и нѣсколько на другомъ мѣстѣ, хотя тоже на берегу Волхова. Этотъ храмъ построенъ и украшенъ фресковою живописью также съ помощью греческихъ художниковъ. Строитель его, Владиміръ Ярославичъ, спустя нѣсколько лѣтъ, скончался и былъ въ немъ погребенъ ([33]).

Такимъ образомъ построеніе христіанскихъ храмовъ повело за собою пересажденіе въ Россію изящныхъ искусствъ изъ Византіи. При Ярославѣ, по извѣстію лѣтописей, пріѣхали къ намъ изъ Греціи церковные пѣвцы,

которые научили Русскихъ осьмогласному или такъ наз. демественному пѣнію.

Признавая русскую іерархію въ зависимости отъ цареградскаго патріарха, Ярославъ въ тоже время допускалъ эту зависимость только до извѣстной степени. Онъ ревниво оберегалъ княжескую власть въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ, и оставлялъ за собою рѣшеніе іерархическихъ вопросовъ. Такъ въ концѣ его княженія нужно было поставить новаго митрополита, а между тѣмъ великій князь находился въ разладѣ съ византійскимъ правительствомъ. Тогда онъ созвалъ соборъ изъ русскихъ епископовъ, и велѣлъ имъ поставить на митрополію священника изъ села Берестова, Иларіона, отличавшагося книжною ученостію и бывшаго однимъ изъ первыхъ нашихъ духовныхъ писателей. Этотъ Иларіонъ является такимъ образомъ первымъ кіевскимъ митрополитомъ русскаго происхожденія. Соборнымъ поставленіемъ его однако не была нарушена связь Русской церкви съ Греческой, и по возобновленіи дружественныхъ сношеній возобновились почтительныя, сыновнія отношенія кіевскаго митрополита къ цареградскому патріарху. Первые христіанскіе князья наши, т. е. Владиміръ и Ярославъ, воздвигая храмы и полагая начало духовному сословію, вмѣстѣ съ тѣмъ старались обезпечить матеріальными средствами существованіе и дальнѣйшее развитіе этого сословія. По примѣру византійскихъ императоровъ, они дарили извѣстную часть изъ княжихъ доходовъ на содержаніе храмовъ и ихъ причта, надѣляя ихъ землями и разными угодьями. Кромѣ того они опредѣлили въ пользу духовенства часть доходовъ съ судопроизводства, подчинивъ епископамъ разбирательство нѣкоторыхъ тяжебныхъ дѣлъ и проступковъ. Ярославъ пользуется въ исторіи славою нашего перваго законодателя: ему приписывали древнѣйшій сводъ русскихъ узаконеній, извѣстный подъ именемъ Русской Правды.

Онъ соединилъ въ своемъ владѣніи почти всѣ русскія земли. Но это единовластіе было личное и временное. Подобно Владиміру Великому, онъ возстановилъ единство русскихъ земель только для того, чтобъ укрѣпить ихъ за своимъ собственнымъ семействомъ, а не для того, чтобы вод-

ворить на Руси единодержавіе. Нравы и понятія восточныхъ Славянъ того времени были слишкомъ далеки отъ подобной мысли; никакія распоряженія, никакія завѣщанія въ этомъ смыслѣ не могли оказаться дѣйствительными. Понятіе о Руси какъ о единомъ, нераздѣльномъ владѣніи, о единомъ *государствѣ*, еще не сложилось. Если бы Кіевскій князь вздумалъ всю Русскую землю отдать одному сыну, то остальные сыновья и родственники не признали бы такого распоряженія, и общими силами подняли бы противъ него оружіе. Государственное начало и единеніе Русскихъ земель, повторяемъ, поддерживались только тѣмъ, что онѣ находились во владѣніи одного княжескаго рода и что князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, считался старѣйшиной всѣмъ князьямъ Русскимъ.

Ярославъ, подобно отцу, дѣду и прадѣду, еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управленіе или въ намѣстничество свои земли. Старшій его сынъ Владиміръ, по установившемуся обычаю, былъ намѣстникомъ въ сѣверномъ Новгородѣ. Онъ скончался за два года до смерти отца, и тогда въ Новгородъ былъ переведенъ изъ Турова Изяславъ, оставшійся теперь старшимъ. Лѣтопись раскасзываетъ, что Ярославъ передъ смертью распорядился областями такимъ образомъ: Изяславу онъ назначилъ Кіевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ Волынскій и Вячеславу Смоленскъ. При этомъ онъ увѣщевалъ ихъ жить въ любви и согласіи между собою и дружно дѣйствовать противъ враговъ; въ противномъ случаѣ предрекалъ гибель Русской землѣ, которую ихъ отцы и дѣды стяжали великими трудами. Онъ внушалъ имъ слушаться старшаго брата, имѣя его „въ отца мѣсто"; а старшему завѣщалъ не давать въ обиду никого изъ братьевъ и помогать обиженному. Но подобныя увѣщанія составляютъ общее мѣсто; ихъ конечно дѣлалъ почти каждый попечительный отецъ своимъ дѣтямъ. Лѣтописецъ впрочемъ тутъ же сообщаетъ, что во время кончины Ярослава Изяславъ былъ въ Новгородѣ, Святославъ во Владимірѣ Волынскомъ, а въ Кіевѣ оставался только Всеволодъ, котораго отецъ очень любилъ и всегда держалъ при себѣ. (40) Во всякомъ случаѣ сыновья Ярослава должен-

ствовали быть тѣснѣе связаны между собою, нежели сыновья Владиміра: послѣдніе рождены въ язычествѣ отъ разныхъ женъ и наложницъ; тогда какъ Ярославичи были плодомъ брака, освященнаго церковью, были дѣти нетолько одного отца, но и одной матери.

Ярославъ дожилъ до глубокой старости: смерть застигла его на 76 году отъ роду въ ближнемъ Вышгородѣ, въ февралѣ 1054 года. Всеволодъ распорядился погребеніемъ: тѣло покойнаго князя возложили на сани, съ молитвами и церковными пѣснопѣніями привезли въ Кіевъ, и опустили въ мраморную гробницу, которая поставлена въ одномъ изъ придѣловъ воздвигнутаго имъ Софійскаго собора.

Младшіе его сыновья, Игорь и Вячеславъ, скоро послѣдовали за своимъ отцомъ, и удѣлы ихъ достались старшимъ, преимущественно Изяславу. Такимъ образомъ послѣдній, удержавъ за собою Новгородъ, владѣлъ землями Кіевскою и Волынскою, т. е. почти всею страною на западъ отъ Днѣпра. Святославъ, кромѣ Чернигова, захватилъ себѣ всю область Сѣверянъ, Вятичей, Рязань, Муромъ и Тмутракань, слѣдовательно всѣ земли на востокъ отъ Днѣпра. Всеволодъ помѣстился въ южномъ Переяславлѣ на рѣкѣ Трубежѣ; но къ этому удѣлу онъ еще получилъ почти все верхнее Поволжье, т. е. земли Ростовскую, Суздальскую и Бѣлозерскую. Затѣмъ каждый изъ трехъ братьевъ въ своихъ удѣлахъ раздавалъ города и волости въ управленіе или намѣстничество членамъ собственнаго семейства. Еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Владиміра Великаго, Судиславъ, заключенный Ярославомъ въ порубъ. По старшинству своему онъ теперь имѣлъ право занять великокняжескій Кіевскій столъ; но, просидѣвъ болѣе 20 лѣтъ въ заключеніи, старикъ не думалъ уже о своихъ правахъ. Племянники освободили его, взявъ съ него присягу не искать княженія, и онъ вскорѣ умеръ чернецомъ.

Послѣ Ярослава недолго продолжался внутренній миръ на Руси, хотя три его сына жили пока въ согласіи между собою. Но у нихъ нашлись родственники, которые не хотѣли помириться съ ихъ львиными частями при раздѣлѣ земель, и вотъ мало по малу открылся долгій, непре-

рывный рядъ княжескихъ междоусобій изъ за удѣловъ или волостей.

Первый примѣръ междоусобія на этотъ разъ подалъ родной племянникъ Ярославичей, Ростиславъ, сынъ ихъ старшаго брата Владиміра Новогородскаго. Былъ ли онъ совершенно обдѣленъ дядями или получилъ отъ нихъ слишкомъ незначительную волость, въ точности неизвѣстно. Мы видимъ только, что этотъ предпріимчивый князь обратился въ Новгородъ, гдѣ еще живы были воспоминанія объ его отцѣ, который повидимому пользовался народною любовью. Здѣсь Ростиславъ набралъ себѣ вольную дружину. Въ числѣ его товарищей упоминаются и знатные новогородскіе люди, Порѣй и Вышата. Послѣдній былъ сынъ Изяславова посадника Остроміра, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ погибъ въ одномъ походѣ на Чудь. Ростиславъ удалился въ Тмутраканскій край, манившій къ себѣ своимъ отдѣльнымъ положеніемъ, торговыми связями съ промышленнымъ Корсунемъ и сосѣдствомъ съ воинственными Кавказскими народами, гдѣ легко было набирать вспомогательные наемные отряды. Этимъ краемъ въ то время управлялъ Глѣбъ, старшій сынъ Святослава Ярославича. Ростиславъ вытѣснилъ изъ Тмутраканя своего двоюроднаго брата. Отецъ послѣдняго Святославъ явился на помощь сыну, и воротилъ ему удѣлъ. Но едва Святославъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова изгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань (1064 г.), гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Ростиславъ скоро сдѣлался грозенъ для своихъ сосѣдей, т. е. для корсунскихъ Грековъ и кавказскихъ Касоговъ. Послѣдніе принуждены были платить ему дань; а Греки, тяготясь сосѣдствомъ такого воинственнаго князя, рѣшились его извести. Лѣтопись наша расказываетъ, что какой то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому князю, подольстился къ нему и потомъ отравилъ его во время пира, когда князь пилъ здоровье своего гостя. Онъ погребенъ въ томъ каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Чермнымъ. Послѣ смерти Ростислава граждане Тмутра-

каня послали въ Черниговъ просить Святослава, чтобы онъ снова отпустилъ къ нимъ на княженіе своего сына Глѣба: очевидно послѣдній пользовался ихъ любовью. Святославъ исполнилъ ихъ просьбу. Памятникомъ Глѣбова управленія на этомъ концѣ древней Руси служитъ извѣстный Тмутраканскій камень, представляющій плиту, на боковой сторонѣ которой высѣчена надпись. Эта надпись свидѣтельствуетъ, что князь Глѣбъ въ 1068 году мѣрилъ по льду проливъ между городами Корчевомъ и Тмутраканемъ, и насчиталъ 14.000 сажень.

Почти въ одно время съ Ростиславомъ противъ Ярославичей поднялся другой племянникъ, впрочемъ двоюродный. Это былъ полоцкій князь Всеславъ, сынъ Брячислава (умершаго въ 1044 году). Своимъ предпріимчивымъ и безпокойнымъ характеромъ онъ не уступалъ Ростиславу. Лѣтопись изображаетъ его княземъ хитрымъ и жестокимъ. У него отъ природы была на головѣ какая то язвина, вслѣдствіе чего онъ носилъ повязку, и суевѣрные люди приписывали этой повязкѣ особое волшебное значеніе. Всеславъ, по всей вѣроятности, питалъ неудовольствіе за то, что его ограничивали одною Полоцкою областью и не давали ему части въ другихъ русскихъ земляхъ. Подобно отцу своему, онъ обнаружилъ притязанія на Новогородскій край или по крайней мѣрѣ на ближнія новогородскія волости. Сначала онъ пытался осаждать Псковъ, но безъ успѣха; затѣмъ явился съ войскомъ подъ самымъ Новгородомъ, ворвался въ него и сжегъ часть города; при чемъ ограбилъ храмъ св. Софіи, снявъ самые колокола и паникадила. Тогда Ярославичи соединенными силами отправились воевать Полоцкую землю. Они взяли городъ Минскъ, и съ свойственною тому времени жестокостію избили мужеское населеніе, а женъ и дѣтей роздали въ рабство своимъ дружинникамъ. Всеславъ встрѣтилъ дядей не далеко отъ этого города на берегахъ рѣчки Немизы. Дѣло происходило въ мартѣ мѣсяцѣ, и земля была еще покрыта глубокимъ снѣгомъ. Послѣ упорной битвы Ярославичи побѣдили; но очевидно борьба съ такимъ противникомъ оказалась нелегкою; такъ какъ они пред-

почли прибѣгнуть къ вѣроломству. Князья съѣхались для переговоровъ гдѣ то около Смоленска, и расположились лагеремъ на противоположныхъ берегахъ Днѣпра. Ярославичи пригласили Всеслава переѣхать на ихъ сторону, и поцѣловали крестъ, т. е. присягнули въ его безъопасности. Но едва Изяславъ ввелъ его въ свой шатеръ, какъ Полоцкаго князя схватили, отвезли въ Кіевъ, и засадили въ порубъ вмѣстѣ съ двумя его сыновьями ([41]).

Такое вѣроломство, по словамъ лѣтописца, не замедлило вызвать Божье наказаніе на князей-клятвопреступниковъ. Русскую землю посѣтили новые враги иноплеменники. То были Половцы, народъ одного корня съ Печенѣгами, но еще болѣе дикій и многочисленный.

V.

ПОЛОВЦЫ И ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Торки и Куманы. Двукратное изгнаніе Изяслава. Святославъ Черниговскій и его сыновья. Всеволодъ Переяславскій. Святополкъ II. Олегъ Святославичъ и междоусобія за Черниговъ. Любецкій съѣздъ. Ослѣпленіе Василька и споры за Волынь. Съѣздъ Витичевскій. Ожесточеніе на Половцевъ. Соединенные походы князей въ степи. Владиміръ Мономахъ въ Кіевѣ. Поученіе дѣтямъ. Усмиреніе непокорныхъ князей. Плѣнъ Володаря. Столкновеніе съ Греками на Дунаѣ. Политика Владиміра.

Послѣ извѣстнаго пораженія Печенѣговъ подъ самымъ Кіевомъ въ 1036 году наша лѣтопись уже не упоминаетъ объ ихъ нашествіяхъ на Русскую землю. Упорная, побѣдоносная борьба съ ними Владиміра и Ярослава очевидно ослабила ихъ силу; окончательно ихъ сломили собственныя междоусобія и другіе кочевники, надвигавшіе съ востока. Въ IX вѣкѣ, какъ извѣстно, Печенѣговъ оттѣснили изъ за Дона ихъ единоплеменники Узы въ союзѣ съ хазарскими каганами. Когда Печенѣги разсѣялись въ Черноморскихъ степяхъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Узы заняли ихъ кочевья въ степяхъ Задонскихъ. Не всѣ Печенѣги ушли изъ прежнихъ своихъ степей; часть ихъ осталась между Узами, отъ которыхъ, по словамъ Константина Багрянороднаго, она отличалась болѣе короткимъ платьемъ, достигавшимъ только до колѣнъ и неимѣвшимъ рукавовъ. Въ первой половинѣ X вѣка, по извѣстію того же Константина, пустынное пространство въ пять дней ѣзды отдѣляло Печенѣговъ отъ Узовъ. Но послѣдніе недолго оставались въ покоѣ на новыхъ мѣстахъ. Въ свою

очередь тѣснимые другими кочевниками, они перешли на западную сторону Дона и стали подвигать свои кочевья къ степямъ Днѣпровскимъ, гдѣ снова столкнулись съ Печенѣгами. Подобно Печенѣгамъ, Узы были туркотатарскій народъ, дѣлившійся на разныя орды подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ или хановъ. Русскіе князья въ борьбѣ съ Печенѣгами пользовались иногда ихъ враждою съ Узами. Изъ послѣднихъ, также какъ изъ первыхъ, они при случаѣ нанимали вспомогательную конницу для войны съ сосѣдями. Мы видѣли, что уже Владиміръ Великій въ походѣ противъ Камскихъ Болгаръ имѣлъ у себя конныхъ *Торковъ*. Этимъ именемъ русская лѣтопись называетъ Узовъ.

Печенѣги еще храбро держались противъ Узовъ. Но въ послѣдніе годы Ярославова княженія между печенѣжскими ордами возникли жестокія междоусобія. Поводомъ къ нимъ послужила вражда самаго сильнаго изъ печенѣжскихъ хановъ Тураха противъ Кегена, который изъ простыхъ людей возвысился въ число главныхъ старѣйшинъ, благодаря своимъ подвигамъ въ войнахъ съ Узами. Тѣснимый соперникомъ, Кегенъ убѣжалъ съ частью Печенѣговъ за Дунай, и отдался подъ покровительство императора Константина Мономаха съ обязанностію защищать греческіе предѣлы отъ набѣговъ собственныхъ соплеменниковъ. Тогда Узы окончательно взяли верхъ надъ Печенѣгами, которые оставались въ степяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ; что побудило послѣднихъ къ новымъ переходамъ за Дунай, гдѣ они получали отъ византійскаго правительства земли для поселенія, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ Болгаріи, которыя запустѣли послѣ истребительныхъ войнъ Василія II Болгаробойцы.

Но и Узы или Торки не долго господствовали въ степяхъ Приднѣпровскихъ и грабили Русскіе предѣлы. Вскорѣ съ сѣвера ихъ потѣснили русскіе князья; а съ востока по ихъ собственнымъ слѣдамъ надвинулись на нихъ орды Кумановъ, которые извѣстны въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Половцевъ*. Первое упоминаніе о Половцахъ встрѣчается вскорѣ по смерти Ярослава. Именно въ 1055 году князь переяславскій Всеволодъ побѣдоносно воевалъ

съ Торками, и въ томъ же году заключилъ миръ съ Половцами, которые приходили съ своимъ ханомъ Болушемъ. Очень вѣроятно, что Русскій князь заключилъ союзъ съ болѣе отдаленными варварами или съ Половцами, противъ сосѣднихъ враговъ или Торковъ. Спустя пять лѣтъ послѣ того, мы видимъ, что русскіе князья рѣшили общими силами ударить на послѣднихъ. Не только собрались вмѣстѣ Ярославичи, т. е. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ; но съ ними соединился и Всеславъ Полоцкій. Многочисленная русская рать, конная и судовая, пошла на Торковъ, и произвела между ними такой погромъ, что тѣ бѣжали далѣе на югъ. Тамъ повидимому ихъ доканали Куманы. Угнетенные ими, Узы или Торки, вслѣдъ за Печенѣгами, цѣлыми ордами начали переходить за Дунай въ предѣлы Византійской имперіи. Кромѣ того большія толпы ихъ, захваченныя въ плѣнъ русскими князьями, были поселены на южныхъ предѣлахъ Кіевской и Переяславской области, для защиты этихъ предѣловъ отъ другихъ степняковъ. Въ послѣдующей исторіи того края играли не маловажную роль полукочевые потомки этихъ Торковъ или такъ наз. Черные Клобуки.

Русь ничего не выиграла съ паденіемъ Печенѣговъ и Узовъ. Ихъ мѣсто въ степяхъ заняли ближайшіе ихъ соплеменники, еще болѣе свирѣпые и многочисленные Куманы или Половцы, которые не замедлили начать свои опустошительныя вторженія и сильно потѣснили южнорусскія области (42).

Уже въ слѣдующемъ году послѣ погрома Торковъ Половцы пришли грабить Переяславскую область, и разбили Всеволода. Въ 1068 году они явились снова. Братья Ярославичи соединили свои дружины, и дали имъ битву на берегахъ рѣчки Альты, слѣдовательно почти подъ самымъ Переяславлемъ; но были разбиты и побѣжали, Святославъ въ Черниговъ, а Изяславъ со Всеволодомъ въ Кіевъ. Послѣ того Половцы во всѣ стороны распустили свои загоны для грабежа. Кіевляне были сильно недовольны поведеніемъ своего князя и его дружинниковъ. Они своевольно собрались на вѣче на торговой площади въ нижнемъ городѣ, т. е. на Подолѣ, и оттуда

послали сказать великому князю: „дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ Половцами". Великій князь отказался уступить этому шумному требованію. Тогда граждане подняли мятежъ. Они бросились въ верхній городъ, сначала къ дому кіевскаго тысяцкаго, т. е. главнаго воеводы, Коснячка; но тотъ успѣлъ скрыться. Отсюда одна часть мятежниковъ направилась къ тюрьмѣ, чтобы выпустить колодниковъ и Всеслава Полоцкаго; а другая ко двору княжескому. Изяславъ въ это время сидѣлъ съ дружиною на сѣняхъ своего терема. Нѣкоторые бояре совѣтовали ему убить поскорѣе Всеслава. Но великій князь ни на что не рѣшался; наконецъ потерялъ голову, покинулъ Кіевъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, и бѣжалъ въ Польшу къ своему родственнику королю Болеславу. Кіевляне между тѣмъ освободили Всеслава и поставили его своимъ княземъ. Дворъ и имущество Изяслава были при этомъ разграблены мятежною черныо.

То, чего тщетно требовали Кіевляне отъ Изяслава, т. е. новой битвы съ Половцами, разсѣявшимися для грабежа, исполнилъ мужественный Святославъ Черниговскій. Онъ вышелъ съ трехтысячной дружиной противъ варваровъ, которые свирѣпствовали около Чернигова, и столкнулся съ ихъ главнымъ двѣнадцати тысячнымъ отрядомъ на берегахъ рѣки Сновы. „Уже намъ некуда дѣваться. *Потягнемъ!*" закричалъ князь своей дружинѣ; ударилъ на Половцевъ, разбилъ ихъ, и взялъ въ плѣнъ самого предводителя.

Цѣлые семь мѣсяцевъ Всеславъ занималъ столъ великокняжескій. Король польскій Болеславъ II, по прозванію Смѣлый, находился въ двойномъ родствѣ съ Изяславомъ; такъ какъ онъ былъ двоюроднымъ братомъ кіевскому князю по своей матери, и въ тоже время деверемъ по своей сестрѣ, супругѣ Изяслава. Воинственный Болеславъ радушно принялъ бѣглеца, и охотно выступилъ въ походъ для возвращенія ему Кіевскаго стола. Кіевляне пошли ему навстрѣчу подъ начальствомъ Всеслава. Но послѣдній въ Бѣлгородѣ ночью тайкомъ покинулъ кіевскую рать и убѣжалъ въ свой Полоцкъ. Кіевляне воротились домой, и на вѣчѣ рѣшили послать къ братьямъ великаго князя съ просьбою придти и защитить Кіевъ отъ Поляковъ и

отъ мести Изяслава. „Если не поможете намъ—говорили они,—то зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю". Святославъ и Всеволодъ дѣйствительно вступились за нихъ, и велѣли сказать старшему брату: „Не води Ляховъ на Кіевъ; если же хочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола". Изяславъ послушался, но не вполнѣ. Сынъ его (Мстиславъ), вошедшій въ городъ съ передовою дружиною, многихъ гражданъ избилъ, а другихъ ослѣпилъ, мстя за освобожденіе Всеслава Полоцкаго. Болеславъ съ Ляхами прогостилъ въ Кіевѣ цѣлую зиму (1069). Онъ конечно не даромъ помогъ Изяславу: кромѣ богатыхъ подарковъ, по извѣстію нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописцевъ, на обратномъ пути онъ занялъ часть Червонной Руси съ крѣпкимъ городомъ Перемышлемъ, который впрочемъ былъ взятъ имъ послѣ мужественной обороны ([43]).

Съ возвращеніемъ Изяслава въ Кіевъ, казалось, ничто не нарушало согласія между тремя братьями. Согласіе это продолжалось около 18 лѣтъ послѣ смерти ихъ отца. Благодаря ихъ единодушію, Всеславъ Полоцкій нѣкоторое время былъ лишенъ своего удѣла; а его новое нападеніе на Новгородъ отбито Новогородцами подъ предводительствомъ Глѣба Святославича. Въ 1072 году происходило перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ изъ старой деревянной церкви въ новую каменную, построенную Изяславомъ. Братья съѣхались на торжество съ своими боярами, и послѣ литургіи пировали всѣ вмѣстѣ „съ любовью великою", какъ выражается лѣтописецъ. А въ слѣдующемъ году между ними уже идетъ к о т о р а, т. е. распря. Лѣтописецъ не говоритъ ясно о ея причинахъ; нетрудно догадаться, что возникъ споръ о волостяхъ. Поводомъ къ нему повидимому послужилъ все тотъ же неугомонный Всеславъ Полоцкій, который успѣлъ снова воротить себѣ наслѣдственный удѣлъ и вступилъ въ какіе то переговоры съ великимъ княземъ, возбудившіе неудовольствіе Святослава Черниговскаго. Послѣдній подговорилъ Всеволода, и они вмѣстѣ изгнали Изяслава изъ Кіева. По всей вѣроятности

граждане кіевскіе питали неудовольствіе на Изяслава и за его мщеніе, совершенное съ помощью Ляховъ, и за его небреженіе о защитѣ Руси отъ хищныхъ Половцевъ; тогда какъ мужественный Святославъ имѣлъ за собою славу побѣдителя на берегахъ Сновы.

Изяславъ, успѣвшій увести съ собою много цѣннаго имущества, вторично обратился къ своему родственнику Болеславу Смѣлому за помощью. Но польскій король на этотъ разъ не изъявлялъ охоты вооружиться за его права, хотя и присвоилъ себѣ большую часть привезеннаго имъ имущества. Изгнанникъ поѣхалъ въ Германію, гдѣ у русскихъ князей того времени были также родственныя связи съ владѣтельными лицами. Онъ обратился къ императору Генриху IV, признавая его судьею въ своемъ дѣлѣ съ братьями и подкрѣпляя свои просьбы подарками. Но Генрихъ былъ слишкомъ занятъ собственными дѣлали и борьбою съ мятежными вассалами, что бы предпринять вооруженное вмѣшательство въ дѣла отдаленной Россіи. Онъ ораничился отправленіемъ посольства въ Кіевъ съ требованіемъ, что бы этотъ городъ былъ возвращенъ старшему брату. Святославъ почтительно принялъ посольство, и отпустилъ его съ такими богатыми дарами, которые возбудили удивленіе между Нѣмцами. По крайней мѣрѣ одинъ изъ ихъ лѣтописцевъ говоритъ, что „никогда мы не видали столько золота, серебра и дорогихъ тканей“. Не добившись ничего отъ Генриха IV, Изяславъ обратился къ его знаменитому противнику, къ папѣ Григорію VII. Онъ отправилъ въ Римъ своего сына, чтобы просить папу о заступленіи и принести жалобу на вѣроломство короля польскаго. Изгнанникъ даже готовъ былъ повидимому признать папскую власть надъ Русскою церковью, лишь бы добиться своего личнаго удовлетворенія. Хотя и отвлекаемый въ то время важнѣйшими дѣлами, Григорій VII не упустилъ удобнаго случая показать свое верховенство надъ земными владыками. Онъ прислалъ двѣ грамоты, одну милостивую Изяславу, а другую укорительную Болеславу, котораго упрекалъ за неправедно присвоенное имущество Русскаго князя (44). Въ это именно время мы находимъ польскаго

короля въ союзѣ съ братьями Изяслава: такъ въ слѣдующемъ 1076 году юные сыновья ихъ, Олегъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ (Мономахъ), ходили съ русскою дружиною на помощь Болеславу противъ Чеховъ. Но въ томъ же году великій князь Святославъ скончался, и обстоятельства вновь измѣнились въ пользу Изяслава. Польскій король внялъ наконецъ его просьбамъ и далъ ему вспомогательное войско, съ которымъ тотъ пошелъ на Всеволода, занявшаго Кіевъ. Всеволодъ не упорствовалъ и поспѣшилъ помириться съ старшимъ братомъ. Изяславъ снова сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, а младшему брату отдалъ Черниговскую область. Но эта передача въ свою очередь послужила источникомъ большихъ междоусобій, потому что дѣти Святослава считали Черниговъ своимъ наслѣдственнымъ удѣломъ, своею отчиною.

Святославъ оставилъ пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. Одна любопытная рукопись сохранила намъ изображеніе этихъ князей вмѣстѣ съ ихъ родителями. Святославъ, подобно отцу своему Ярославу, былъ книголюбецъ, и заставлялъ переписывать для себя славяноболгарскія рукописи. До насъ дошелъ въ подлинникѣ, переписанный для него въ 1073 году, сборникъ разныхъ статей преимущественно религіознаго содержанія. Къ этому Святославову Сборнику приложенъ рисунокъ, который изображаетъ князя и его семейство, состоящее изъ супруги и пяти упомянутыхъ сыновей. Всѣ они представлены въ цвѣтныхъ кафтанахъ, спускающихся ниже колѣнъ и подпоясанныхъ золотнымъ кушакомъ. У кафтановъ золотые воротники и узкіе рукава съ золотными поручами. На головахъ сыновей шапки или клобуки съ мѣховой опушкой и синимъ закругленнымъ верхомъ. Клобукъ самаго Святослава имѣетъ верхъ болѣе низкій и повидимому золотой. Кромѣ того на немъ наброшенъ верхній плащъ (япанча или корзно), зеленый съ золотою каймою, застегнутый на правомъ плечѣ пряжкою съ дорогимъ камнемъ. Сапоги у всѣхъ изъ цвѣтнаго сафьяна. Сыновья всѣ безбородые; а отецъ, обладающій круглымъ красивымъ лицемъ, имѣетъ густые усы и подстриженную бороду. У княгини вокругъ головы обернутъ платокъ или фата,

спускающаяся однимъ концомъ на правую сторону. На ней надѣто длинное верхнее платье съ широкимъ, отложнымъ воротникомъ, золотымъ поясомъ и широкими рукавами, подъ которыми замѣтны золотые поручи нижняго кафтана.

Старшій изъ Святославичей Глѣбъ, какъ мы видѣли, снискалъ себѣ извѣстность своимъ управленіемъ въ Тмутракани. Затѣмъ встрѣчаемъ его княземъ Новогородскимъ, побѣдителемъ Всеслава Полоцкаго и усмирителемъ народнаго мятежа. Уже 80 лѣтъ минуло съ той поры, когда Добрыня съ Путятой огнемъ и мечемъ сокрушили идолослуженіе въ Новгородѣ Великомъ; но сѣверная Русь все еще помнила о своей старой религіи, и здѣсь все еще была сильна языческая партія. Въ 1071 году, по словамъ лѣтописи, тамъ явился какой то волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіанскую вѣру. Новогордская чернь подняла мятежъ, и хотѣла убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу, и сказалъ: „Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ—слѣдуетъ за мною". Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собралась большая народная толпа. Глѣбъ спряталъ топоръ подъ скутомъ (т. е. подъ плащемъ), подошелъ къ волхву и спросилъ: „Знаешь ли, что будетъ завтра"? „Знаю", отвѣчалъ онъ. „А знаешь ли, что будетъ сегодня?" „Я сотворю великія чудеса". Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ, и толпа разошлась по домамъ.

Послѣ смерти отца Глѣбъ вскорѣ погибъ въ какомъ то походѣ на Заволочьѣ, т. е. въ странѣ сѣверной Чуди. Братья его Олегъ и Романъ были посажены отцомъ, первый во Владимірѣ Волынскомъ, а второй въ Тмутракани. Но дядья вывели Олега изъ Владиміра, и повидимому рѣшили оставить за дѣтьми Святослава только отдаленныя Муромо-Рязанскія земли и Тмутракань. Съ такимъ рѣшеніемъ не могли помириться предпріимчивые Святославичи и особенно самый безпокойный изъ нихъ, Олегъ. Онъ не поѣхалъ въ свой Муромскій удѣлъ, а отправился къ Роману въ Тмутракань,

и тамъ соединился еще съ однимъ обдѣленнымъ племянникомъ Ярославичей, съ Борисомъ Вячеславичемъ. Средства для борьбы съ старшими князьями оказались подъ рукою; это были половецкія дружины, всегда готовыя за плату или за добычу помогать кому угодно. Олегъ и Борисъ наняли Половцевъ и пошли къ Чернигову на Всеволода. Послѣдній былъ разбитъ на рѣкѣ Сожицѣ; при чемъ пали многіе знатные бояре русскіе, между прочимъ Иванъ Жирославичъ, Тукы, братъ Чудиновъ, и Порѣй.

Изгнанный изъ Чернигова, Всеволодъ обратился за помощью въ Кіевъ къ старшему брату. Изяславъ старался утѣшить его, напоминалъ о собственномъ двукратномъ изгнаніи изъ Кіева, и выражалъ готовность положить свою голову за обиду братнюю. Онъ собралъ большое войско, и двинулся со Всеволодомъ противъ мятежныхъ племянниковъ. Сынъ Всеволода Владиміръ Мономахъ, княжившій въ Смоленскѣ. также поспѣшилъ на помощь отцу. Ярославичи осадили Черниговъ, граждане котораго, кажется, были преданы Святославову семейству: они мужественно оборонялись, хотя пхъ молодые князья находились въ отсутствіи. Но Олегъ и Борисъ скоро явились съ новыми наемными толпами Половцевъ. Тогда Ярославичи оставили осаду города и пошли на встрѣчу племянникамъ. Въ виду неравныхъ силъ, Олегъ желалъ уклониться отъ битвы; но пылкій Борисъ хвалился выдти на бой съ одною собственною дружиною. Гдѣ то недалеко отъ Чернигова на мѣстѣ, которое въ лѣтописи названо Нѣжатиной нивой, произошла жаркая битва. Борисъ палъ въ этой сѣчѣ. Изяславъ стоялъ посреди своихъ пѣшихъ полковъ, когда какой то непріятельскій всадникъ наскакалъ на него, и поразилъ его копьемъ. Великій князь упалъ мертвымъ. Сраженіе окончилось побѣдою Всеволода. Разбитый Олегъ опять ушелъ въ Тмутракань. Тѣло Изяслава отвезли въ Кіевъ, и положили въ мраморной гробницѣ въ Десятинной церкви (1078 г.). Смерть за младшаго брата въ глазахъ народа искупила отчасти воспоминаніе о слабыхъ сторонахъ Изяславова княженія. Это мы видимъ изъ тѣхъ теплыхъ словъ, которыми лѣтописецъ сопровождаетъ расказъ о его погребеніи: онъ особенно ста-

витъ современнымъ князьямъ въ примѣръ братнюю любовь Изяслава.

Старшимъ княземъ на Руси оставался теперь послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ. Онъ занялъ Кіевскій столъ; а Черниговъ передалъ своему сыну Владиміру Мономаху. Сыновей своего старшаго брата Изяслава онъ щедро наградилъ удѣлами: Ярополку Изяславичу отдалъ область Волынскую; а Святополка Изяславича посадилъ въ Новгородѣ. Но Святославичи, Романъ и Олегъ, а также Давидъ Игоревичъ и три сына умершаго Ростислава Тмутараканскаго, Рюрикъ, Василько и Володарь, считали себя обдѣленными, и продолжали оружіемъ добиваться волостей; средства къ тому доставляли Половцы, Хазаро-Черкесы и вольныя русскія дружины. Романъ и Олегъ, изъ своего Тмутараканя снова ходили съ половецкою и черкесскою конницею добывать Черниговъ; во время этого похода Романъ былъ убитъ самими Половцами; а Олегъ, схваченный тмутараканскими Хазарами, выданъ Грекамъ, которые заточили его на островъ Родосъ (45).

Ростиславичи, такіе же воинственные, безпокойные князья какъ ихъ отецъ, получили въ удѣлъ Червенскіе города, которые хотя и были захвачены Болеславомъ Смѣлымъ, но вновь возвращены Русью, благодаря смутамъ, наступившимъ въ Польшѣ. Недовольствуясь этими городами, Ростиславичи старались отнять у Ярополка часть Волынской земли. Давидъ Игоревичъ добился нѣкоторыхъ волостей въ той же землѣ. Между тѣмъ и неугомонный Всеславъ Полоцкій также продолжалъ свои непріязненныя дѣйствія. Тщетно Всеволодъ пытался смирять непокорныхъ родственниковъ и посылалъ на нихъ своего сына Владиміра Мономаха: междоусобія, потушенныя въ одномъ мѣстѣ, съ новою силою возникали въ другомъ. Русь страдала при немъ и отъ частыхъ половецкихъ набѣговъ; а Кіевское населеніе терпѣло еще обиды отъ княжескихъ тіуновъ. Удрученный старостію и болѣзнями, Всеволодъ самъ мало занимался главными обязанностями князя, т. е. судомъ и расправою, и предоставлялъ дѣла своимъ тіунамъ: народныя жалобы на ихъ грабительства и неправды проникли и въ самую лѣтопись, обыкновенно столь благо-

склонную къ роду Мономаха. Сверхъ того княженіе Всеволода ознаменовалось и другими бѣдствіями, каковы чрезвычайный моръ, истребившій много народу, и страшная засуха, сопровождаемая лѣсными пожарами.

Въ 1093 году Всеволодъ умеръ, и былъ погребенъ въ великомъ Софійскомъ храмѣ, тамъ же гдѣ и отецъ его Ярославъ, любившій его болѣе другихъ дѣтей. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Владиміра Мономаха и Ростислава, и нѣсколькихъ дочерей. Изъ послѣднихъ Анна или Янка, какъ называетъ ее лѣтопись, отличавшаяся приверженностію къ церкви, дѣвицей постриглась въ монахини, и основала женскій монастырь при храмѣ св. Андрея. По смерти митрополита Іоанна, извѣстнаго своею ученостію и своими сочиненіями, Янка предпринимала путешествіе въ Царьградъ, и оттуда привезла въ Кіевъ новаго митрополита, именемъ также Іоанна, мужа неученаго, притомъ еще скопца. Послѣдній не понравился народу, который, смотря на его блѣдное лице, называлъ его мертвецомъ (навье); впрочемъ онъ и дѣйствительно скоро умеръ. Другая дочь Всеволода, Евпраксія, имѣла замѣчательную судьбу. Сначала она была выдана за мужъ за одного нѣмецкаго маркграфа. Оставшись вдовою, въ 1089 году она вступила въ новый бракъ съ императоромъ Генрихомъ IV, успѣвшимъ также овдовѣть. Но послѣдній бракъ былъ самый несчастный. Много пришлось ей вытерпѣть насилій и всякаго рода оскорбленій отъ жестокаго и развратнаго супруга. Она даже была лишена свободы; но успѣла бѣжать, и нашла убѣжище у знаменитой Тосканской маркграфини Матильды, съ помощью которой хлопотала о разводѣ передъ папою Урбаномъ II. Потомъ она воротилась на родину, въ Кіевъ; здѣсь постриглась, скончалась въ 1109 году, и погребена въ Печерскомъ монастырѣ. Янка пережила ее четырьмя годами ([46]).

Со смертію послѣдняго изъ сыновей Ярослава великокняжеское достоинство должно было перейти къ одному изъ его внуковъ. По родовымъ понятіямъ того времени старшинство принадлежало Святополку Изяславичу, т. е. сыну старшаго изъ Ярославичей, занимавшихъ Кіевскій столъ. Хотя Кіевляне и выражали желаніе имѣть княземъ

мужественнаго Владиміра Мономаха, который призванъ былъ своимъ умирающимъ отцомъ въ Кіевъ и присутствовалъ при его погребеніи; но Владиміръ не хотѣлъ нарушить права Святополка и навлекать междоусобную войну. Онъ послалъ за нимъ въ Туровъ звать его на великокняжескій столъ; а самъ отправился въ свой Черниговскій удѣлъ. Не даромъ Кіевляне желали обойти Святополка: онъ скоро обнаружилъ свою неспособность внушить уваженіе младшимъ родичамъ и страхъ внѣшнимъ врагамъ Россіи.

Половцы шли воевать Русскую землю въ то время, когда до нихъ достигла вѣсть о смерти Всеволода; они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, сопровождая это предложеніе конечно разными требованіями. Святополкъ, не внимая совѣтамъ опытныхъ кіевскихъ бояръ, служившихъ его отцу и дядѣ, послушалъ своихъ дружинниковъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Турова, и велѣлъ заключить подъ стражу половецкихъ пословъ. Тогда Половцы принялись опустошать русскіе предѣлы и между прочимъ осадили Торческъ, городъ находившійся на рѣкѣ Роси, на границѣ со степью, и населенный преимущественно плѣнными Торками. Святополкъ спохватился, отпустилъ половецкихъ пословъ, и самъ предлагалъ миръ; но теперь уже трудно было остановить орду. Имѣя у себя не болѣе 800 отроковъ, великій князь по совѣту неразумныхъ людей хотѣлъ выступить противъ варваровъ; однако послушалъ наконецъ старыхъ бояръ, и послалъ просить помощи у Владиміра Мономаха. Послѣдній не замедлилъ придти изъ Чернигова, а своего младшаго брата Ростислава призвалъ изъ Переяславля. Но силы собрались недостаточныя. Когда князья пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, Владиміръ совѣтовалъ остановиться, и, угрожая отсюда Половцамъ, войти съ ними въ переговоры. Но Святополкъ отважился на битву, которой требовало и пылкое кіевское юношество. Рѣка Стугна находилась тогда въ разливѣ. (Дѣло происходило въ маѣ мѣсяцѣ). Войска переправились черезъ нее, миновали городъ Треполь и вышли за валъ, насыпанный Русью для защиты отъ степняковъ. Тутъ встрѣтила Русскихъ Половецкая орда, и ударила прежде всего на дружину Святополка; послѣдняя не выдер-

жала и побѣжала; за тѣмъ варвары сломили дружины Владиміра и Ростислава. Святополкъ бросился съ своими людьми въ ближній городъ Треполь; а Черниговцы и Переяславцы побѣжали къ Стугнѣ и пошли черезъ нее въ бродъ; при чемъ Ростиславъ утонулъ. Владиміръ, хотѣвшій подхватить брата, самъ едва не пошелъ ко дну. Онъ потерялъ въ этой битвѣ значительную часть своей дружины со многими боярами, и очень печаленъ воротился въ Черниговъ. А Святополкъ въ туже ночь изъ Треполя убѣжалъ въ Кіевъ. Тогда Половцы, распустивъ свои загоны по Русской землѣ, безпрепятственно принялись грабить и брать полонъ. Загоны ихъ доходили до Вышгорода, т. е. къ сѣверу отъ Кіева. Святополкъ попытался снова сразиться съ варварами, и опять былъ разбитъ на голову. Между тѣмъ осажденный Торческъ болѣе девяти недѣль мужественно оборонялся; наконецъ, томимый голодомъ и жаждою, отворилъ ворота. Варвары зажгли городъ, а жителей его раздѣлили между собою, и увели въ свои вежи вмѣстѣ съ огромнымъ полономъ, захваченнымъ въ другихъ городахъ и селахъ. Въ слѣдующемъ 1094 году Святополкъ заключилъ миръ съ Половцами, и, чтобы скрѣпить его, женился на дочери сильнѣйшаго изъ половецкихъ хановъ Тугоркана. Но эта война была только началомъ тѣхъ бѣдствій и междоусобныхъ браней, которыми ознаменовалось княженіе Святополка—Михаила.

Причиной междоусобій, происходившихъ при Святополкѣ II, было продолженіе споровъ съ одной стороны за Черниговъ, съ другой за Волынь. Олегъ Святославичъ, заточенный греческимъ правительствомъ на островъ Родосъ, пробылъ тамъ два года. Но съ восшествіемъ на византійскій престолъ знаменитаго Алексѣя Комнена обстоятельства измѣнились. Русскій князь не только получилъ свободу, но, кажется, и помощь, съ которою воротилъ себѣ Тмутраканскій столъ (въ 1083 г.); при чемъ строго наказалъ крамольныхъ тмутраканскихъ Хазаръ, и казнилъ главныхъ виновниковъ своей ссылки. Около десяти лѣтъ Олегъ сидѣлъ смирно въ Тмутракани; но по смерти Всеволода онъ въ 1094 году явился съ толпами Половцевъ подъ Черниговомъ, что бы завоевать

свой наслѣдственный удѣлъ. Владиміръ Мономахъ, еще не оправившійся отъ пораженія на берегахъ Стугны, на этотъ разъ не былъ готовъ къ борьбѣ. Когда непріятели начали выжигать монастыри и села, лежащія около Чернигова, онъ послѣ осьмидневной обороны помирился съ Олегомъ, сдалъ ему городъ; а самъ съ своимъ семействомъ подъ прикрытіемъ небольшой дружины прошелъ сквозь половецкія толпища, и удалился въ свой наслѣдственный Переяславль. Однако Олегъ не вдругъ утвердился въ Черниговской области. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ пригласили его идти вмѣстѣ съ ними на Половцевъ; но онъ уклонился отъ войны съ бывшими союзниками. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали звать Олега въ Кіевъ, чтобы сообща разсудить о защитѣ Русской земли отъ варваровъ и подумать о томъ совокупно съ епископами, игумнами, боярами и городскими старцами. Олегъ далъ гордый отвѣтъ: „не пристало судить меня епископамъ, игумнамъ и смердамъ“. „Такъ ты нейдешь ни на поганыхъ съ нами, ни на совѣтъ къ намъ; а замышляешь поганымъ помогать противъ насъ“— велѣли сказать ему Святополкъ и Владиміръ, и, соединясь, пошли на Олега. Послѣдній былъ изгнанъ изъ Чернигова; но вмѣсто Тмутраканя онъ удалился теперь въ другой наслѣдственный удѣлъ Святославичей, въ землю Муромо-Рязанскую.

Не задолго до того времени одинъ изъ сыновей Владиміра Мономаха, Изяславъ, выгналъ изъ Мурома посадниковъ Олега и завладѣлъ этимъ городомъ. Олегъ съ Рязанцами пришелъ къ Мурому, и подъ его стѣнами разбилъ Изяслава; послѣдній палъ въ этой битвѣ; а его ростовскіе и бѣлозерскіе дружинники были взяты въ плѣнъ и заключены въ оковы. Недовольствуясь возвращеніемъ Муромскаго удѣла, Олегъ въ свою очередь захватилъ сосѣднія волости Ростовскую и Суздальскую, наслѣдственныя въ семьѣ Мономаха, размѣстилъ тамъ своихъ посадниковъ и началъ собирать дани. Тогда противъ Олега выступилъ его крестникъ, старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ. Онъ явился въ Суздальской области и выгналъ оттуда Олеговыхъ посадниковъ.

Скромный Мстиславъ послѣ того предложилъ крестному отцу миръ. „Я моложе тебя,—велѣлъ онъ сказать Олегу— пересылайся съ моимъ отцомъ, возврати захваченную дружину; а я во всемъ тебя послушаю". Къ тому же времени вѣроятно относится сохраненное въ лѣтописи письмо Мономаха къ Олегу. Не смотря на печаль о потерѣ младшаго сына, Владиміръ однако склоняется на миролюбивыя убѣжденія Мстислава; онъ обращается къ своему врагу съ словами примиренія, и въ трогательномъ посланіи къ нему изливаетъ свои чувства отца и христіанина. Но коварный Олегъ желалъ переговорами только выиграть время, чтобы приготовить силы и напасть врасплохъ. Была первая недѣля великаго поста. Мстиславъ въ Суздалѣ однажды сидѣлъ за обѣдомъ, когда къ нему пришла вѣсть, что Олегъ уже появился на Клязьмѣ. Молодой князь успѣлъ собрать свою дружину, состоявшую изъ Новогородцевъ, Ростовцевъ и Бѣлозерцевъ, поспѣшилъ на встрѣчу Олегу, и разбилъ его на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей въ Клязьму. Преслѣдуя своего крестнаго отца и дядю въ глубь Рязанской области, Мстиславъ велѣлъ ему сказать: „Не бѣгай, а пошли лучше къ братьямъ съ просьбою; они не лишатъ тебя Русской земли (т. е. удѣла въ южной Руси); я также попрошу за тебя своего отца". Олегъ наконецъ послѣдовалъ его совѣту, и на этотъ разъ мирные переговоры повели къ знаменитому Любецкому съѣзду, который прекратилъ жестокія междоусобія за Черниговъ.

Въ 1097 году въ Любечѣ на берегахъ Днѣпра собрались старшіе князья, внуки Ярослава, Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Олегъ съ братомъ своимъ Давидомъ, кромѣ того племянникъ ихъ Василько Ростиславичъ. „Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами;—говорили они другъ другу—а Половцы радуются нашимъ междоусобнымъ бранямъ и разносятъ нашу землю; будемъ отнынѣ за одно, и пусть каждый владѣетъ своею отчиною". Вслѣдствіе того порѣшили, чтобы Святополкъ по прежнему держалъ Кіевъ, а Владиміръ Мономахъ земли Переяславскую и Ростовскую, Давидъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи Черниговскую и Муромо-Рязанскую, Давидъ Игоревичъ Владиміро-Волынскую; Ростислави-

чамъ оставлены города, которые назначены были еще Всеволодомъ, именно, Володарю Перемышль, а Васильку Теребовль. Князья поцѣловали крестъ, т. е. присягнули на этомъ рѣшенiи, и обязались вооружиться всѣмъ на того, кто вздумаетъ нарушить согласiе. Затѣмъ они разъѣхались. Такимъ образомъ Черниговъ былъ возвращенъ Святославичамъ.

Любецкiй съѣздъ имѣетъ то значенiе въ нашей исторiи, что на немъ ясно высказалось стремленiе Руси къ раздробленiю на отдѣльныя земли (отчины), т. е. къ закрѣпленiю этихъ земель за извѣстными вѣтвями Русскаго княжескаго дома, а слѣдовательно къ нѣкоторому ихъ обособленiю. Постановленiе этого съѣзда легло въ основу почти всѣхъ послѣдующихъ междукняжескихъ отношенiй.

Но едва утихла междоусобная брань со стороны Чернигова, какъ она быстро и неожиданно возникла съ другой стороны: за Черниговскимъ выступилъ вопросъ Волынскiй, сопровождаемый дѣлами еще болѣе кровавыми и драматическими. Прежде нежели перейти къ дальнѣйшимъ событiямъ, необходимо упомянуть объ одномъ случаѣ, имѣющемъ съ ними тѣсную связь. Выше сказано, что въ княженiе Всеволода племянникъ его Ярополкъ Изяславичъ получилъ въ удѣлъ Владимiро-Волынскую область, и что съ нимъ враждовали его сосѣди Ростиславичи: послѣднiе желали увеличить свои удѣлы на счетъ Волынской земли. Однажды Ярополкъ Изяславичъ ѣхалъ изъ Владимiра въ свой червенскiй Звенигородъ и лежалъ на возу. Вдругъ одинъ изъ дружинниковъ, его сопровождавшихъ, по имени Нерадецъ, улучивъ минуту, вонзилъ князю въ бокъ свой мечъ, и ускакалъ. Убiйца бѣжалъ въ Перемышль къ старшему изъ Ростиславичей Рюрику; поэтому на нихъ и пало подозрѣнiе въ подговорѣ къ злодѣянiю, которое повидимому осталось безнаказаннымъ. Послѣ того удѣлъ Владимiро-Волынскiй достался Давиду Игоревичу.

За Давидомъ утверждена Волынь и на Любецкомъ съѣздѣ, исключая нѣкоторой ея части, прилежавшей къ Червенскимъ городамъ и отданной двумъ Ростиславичамъ, Васильку и Володарю (старшiй ихъ братъ Рю-

рикъ уже умеръ). Коварный, завистливый Давидъ тяготился сосѣдствомъ Ростиславичей. Неизвѣстно, хотѣлось ли ему владѣть всею Волынскою землею безраздѣльно, или онъ не считалъ себя безъопаснымъ съ ихъ стороны; но дѣло въ томъ, что онъ послушалъ нѣкоторыхъ злыхъ совѣтниковъ и рѣшился погубить Василька; а для этого воспользовался старымъ, темнымъ дѣломъ о смерти Ярополка Изяславича. Изъ Любеча волынскій князь вмѣстѣ съ Святополкомъ прибылъ въ Кіевъ, и началъ внушать ему, будто Владиміръ Мономахъ и Василько Ростиславичъ сговорились дѣйствовать за одно: первый хочетъ завладѣть Кіевомъ, а второй Владиміромъ. Обстоятельства какъ бы подтверждали его навѣты: Василько дѣйствительно собиралъ силы, звалъ къ себѣ Берендеевъ и Торковъ, и готовился къ войнѣ. Великій князь сначала выражалъ недовѣріе къ словамъ Давида; но послѣдній напомнилъ ему объ участи его старшаго брата Ярополка, прямо утверждая, что тотъ погибъ отъ Ростиславичей. Напоминаніе это подѣйствовало на слабодушнаго Святополка; онъ сдѣлался доступенъ внушеніямъ Давида, который твердилъ: „пока не схватимъ Василька, ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ“.

Между тѣмъ Василько, возвращаясь изъ Любеча, также прибылъ къ Кіеву. 4-го ноября онъ переправился съ своимъ обозомъ черезъ Днѣпръ у Выдубецкаго монастыря; вечеромъ ужиналъ въ монастырѣ, и потомъ ночевалъ въ своемъ лагерѣ. Поутру Святополкъ — Михаилъ прислалъ просить, что бы онъ погостилъ въ Кіевѣ до имянинъ его, великаго князя, т. е. до 8-го ноября. Василько отказывался, говоря, что нужно спѣшить домой, что ему грозитъ рать отъ Поляковъ. Новый поводъ для злыхъ внушеній Давида Святополку: „смотри, онъ совсѣмъ не почитаетъ тебя за старѣйшаго, и вотъ увидишь, какъ вернется домой, такъ и захватитъ твои волости Туровъ и Пинскъ, и Берестье“. Святополкъ послалъ сказать Васильку, что бы тотъ побывалъ къ нему хотя на короткое время. Василько сѣлъ на коня, и съ нѣкоторыми слугами поѣхалъ въ Кіевъ. По словамъ лѣтописи, какой то отрокъ, т. е. изъ младшихъ дружин-

никовъ, предупреждалъ его объ опасности, но тщетно; князь не повѣрилъ, вспоминая недавнее крестное цѣлованіе въ Любечѣ, и сказалъ: „Воля Господня да будетъ". Въ гридницѣ у Святополка онъ встрѣтился съ Давидомъ; между тѣмъ какъ хозяинъ разговаривалъ съ гостемъ, Давидъ сидѣлъ молча, потупивъ взоры, Святополкъ вышелъ подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ; вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василько тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. Дѣло было очень важное; поэтому Святополкъ на другой день собралъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ кіевскими старѣйшинами и сообщилъ имъ слышанное отъ Давида: будто Василько сговорился съ Владиміромъ Мономахомъ убить великаго князя и завладѣть его городами. Бояре и старцы недоумѣвали, вѣрить этому или не вѣрить, и дали отвѣтъ уклончивый: „ты, князь, долженъ беречь свою голову, и, если обвиненіе справедливо, Василько подлежитъ наказанію; но, если Давидъ молвилъ неправду, то пусть отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ". Узнавъ о томъ, игумены монастырей поспѣшили ходатайствовать за Василька передъ великимъ княземъ. Тогда Давидъ удвоилъ свои усилія запугать послѣдняго и склонить его на ослѣпленіе узника; Святополкъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился.

Въ туже ночь Ростиславича привезли въ Звенигородъ, мѣстечко верстахъ въ десяти отъ Кіева, и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Тутъ Василько увидалъ княжаго пастуха, родомъ Торчина, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. Дѣйствительно, вошли два конюха, одинъ Святополковъ, другой Давидовъ, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; послѣдній, хотя и связанный, отчаянно оборонялся; позвали еще двоихъ. Василька повалили, положили ему на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; кости несчастнаго захрустѣли. Тогда Торчинъ съ звѣрскою жестокостью совершилъ ослѣпленіе. Замертво положили князя на телѣгу, и повезли во Владиміръ Волынскій. Когда проводники остановились обѣдать въ мѣстечкѣ Здвиженьѣ, они сняли съ Василька сорочку, и отдали вымыть попадьѣ. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадья

начала плакать по немъ какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, и, ощупавъ грудь, сказалъ: „зачѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть бы я умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею предсталъ предъ Богомъ“. Во Владимірѣ Давидъ посадилъ плѣнника подъ стражу, и приставилъ къ нему 30 воиновъ съ двумя княжими отроками, Уланомъ и Колчею. Сидя въ заключеніи, Василько, въ минуту смиренія, говорилъ, что Богъ конечно наказалъ его за гордость. Не было у него и помышленія на Святополка или Давида; но были у него обширные замыслы. Онъ собиралъ войско и призывалъ Берендеевъ и Торковъ съ Печенѣгами, что бы идти на Ляховъ. Онъ думалъ сказать Давиду и брату своему Володарю: „дайте мнѣ младшую свою дружину, а сами пейте и веселитесь; я же пойду въ землю Ляшскую, возьму ее и отомщу за землю Русскую“. Потомъ онъ хотѣлъ захватить какую то часть Дунайскихъ Болгаръ и поселить ихъ у себя; а послѣ того намѣренъ былъ проситься у Святополка и Владиміра на Половцевъ и тамъ или добыть себѣ славы, или сложить свою голову за Русскую землю. „Я уже возвеселился душою, слыша, что ко мнѣ идутъ Берендичи; но Богъ низложилъ меня за мое высокоуміе“ — заключилъ узникъ.

Вѣсть объ ослѣпленіи Василька привела въ ужасъ другихъ князей; „никогда такого дѣла не было въ родѣ нашемъ“, говорили они. Владиміръ Мономахъ немедленно призвалъ къ себѣ Святославичей, Давида и Олега, и вмѣстѣ съ ними пошелъ къ Кіеву. На упреки, обращенные къ великому князю, послѣдній оправдывался тѣмъ, что говорилъ ему Давидъ Игоревичъ о замыслахъ Василька. „Нечего тебѣ ссылаться на Давида, — отвѣчали ему братья — не въ Давидовомъ городѣ былъ взятъ и ослѣпленъ Василько“. Владиміръ и Святославичи готовились уже переправиться за Днѣпръ, что бы изгнать Святополка изъ Кіева, когда къ нимъ явились послами отъ Кіевлянъ мачиха Владиміра и митрополитъ Николай. Они умоляли князей не губить Руси новою междоусобною бранью и не радовать тѣмъ Половцевъ; послѣдніе придутъ и возьмутъ землю Русскую, которую ста-

рые князья стяжали своею храбростію и своими великими трудами. Владиміръ былъ тронутъ этими увѣщаніями; онъ чтилъ супругу своего отца, чтилъ и санъ святительскій, и согласился на миръ, но съ тѣмъ, чтобы самъ Святополкъ шелъ на Давида Игоревича и наказалъ бы его за гнусную клевету. Святополкъ обѣщалъ. Между тѣмъ Володарь Ростиславичъ уже началъ войну съ Давидомъ, и соглашался на миръ только подъ условіемъ выдачи своего ослѣпленнаго брата. Давидъ дѣйствительно выдалъ ему Василька; но миръ былъ непродолжителенъ. Слѣпой Василько жаждалъ мести; кромѣ того былъ споръ о нѣкоторыхъ городахъ, и война возгорѣлась снова. Ростиславичи осадили Давида въ самомъ Владимірѣ, и послали сказать гражданамъ, что они не хотятъ разорять городъ, а требуютъ только выдачи своихъ злодѣевъ Туряка, Лазаря и Василя, которые подговаривали Давида на ослѣпленіе Василька. Граждане заставили князя выдать Лазаря и Василя (Турякъ успѣлъ бѣжать въ Кіевъ). Ростиславичи повѣсили ихъ, и отступили отъ города. Примѣръ этихъ людей показываетъ, какое дѣятельное участіе въ смутахъ того времени имѣли бояре и дружинники княжескіе, и какъ они подчиняли своему вліянію князей недальновидныхъ или слабодушныхъ.

Святополкъ медлилъ исполнить обѣщаніе, данное Владиміру Мономаху и Святославичамъ. Только въ 1099 г. онъ собрался наконецъ и пошелъ на Давида. Послѣдній обращался съ просьбою о помощи къ союзнику своему польскому королю Владиславу Герману; но и Святополкъ тоже предлагалъ Владиславу свой союзъ и послалъ ему богатые дары. Осажденный во Владимірѣ и не получая помощи отъ Поляковъ, Давидъ принужденъ былъ сдать городъ Святополку и довольствоваться небольшою оставленною ему волостью. Но междоусобія этимъ не кончились. Великій князь, поощренный успѣхомъ, вздумалъ теперь выгнать и Ростиславичей изъ Волынской земли, что бы владѣть ею сполна. Еще слишкомъ жива была память о могуществѣ Кіевскаго государя, господствовавшаго надъ всѣми русскими землями, и даже такой непредпріимчивый князь какъ Святополкъ II (конечно не безъ

вліянія кіевскихъ бояръ) обнаруживаетъ попытку если не къ объединенію, то къ возможно-бо́льшему захвату земель въ свои руки. А въ подобныхъ случаяхъ благодатная Волынская земля, какъ ближайшая къ Кіевской и не отдѣленная отъ нея никакими естественными преградами, обыкновенно служила первымъ предметомъ кіевскихъ домогательствъ. Борьба съ храбрыми братьями однако была неудачна. Тогда великій князь призвалъ на помощь угорскаго короля Коломана. Но на этотъ разъ общая опасность помирила Ростиславичей съ Давидомъ: онъ соединился съ ними противъ Святополка, что бы воротить себѣ Владиміръ. Давидъ привелъ наемную половецкую помощь. Съ нимъ пришелъ знаменитый половецкій ханъ Бонякъ, и они рѣшили напасть на Угровъ, которые стояли около Перемышля на рѣкѣ Вагрѣ и были гораздо многочисленнѣе Половцевъ. Лѣтописецъ нашъ по этому поводу сообщаетъ любопытныя подробности о Бонякѣ. Въ ночь передъ битвою онъ выѣхалъ изъ своего стана въ поле, и началъ выть по волчьи; ему откликнулся сначала одинъ волкъ, потомъ завыли и многіе. Бонякъ воротился въ станъ и сказалъ Давиду: „завтра намъ будетъ побѣда надъ Уграми". Поутру онъ раздѣлилъ войско на три части: впередъ пустилъ своего воеводу Алтунопу, Давида поставилъ назади подъ стягомъ, т. е. подъ знаменемъ, съ его русскою дружиною; а самъ съ остальными Половцами устроилъ засаду по сторонамъ. Угры стояли заставами; Алтунопа напалъ на первую заставу, и, пустивъ стрѣлы, обратился въ притворное бѣгство. Угры дались въ обманъ и начали его преслѣдовать; когда они миновали засады, Бонякъ вышелъ и напалъ на нихъ съ тыла; Алтунопа повернулъ имъ въ лице; подоспѣлъ и Давидъ. Бонякъ, по выраженію лѣтописи, сбилъ Угровъ въ мячъ, „какъ соколъ сбиваетъ галокъ". Угры бросились спасаться бѣгствомъ; при чемъ много ихъ перетонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ.

Война Давида и Ростиславичей съ Святополкомъ продлилась до слѣдующаго 1100 года; въ августѣ этого года князья собрались на новый съѣздъ, который на сей разъ происходилъ подлѣ Витичева ([47]). Святополкъ, Владиміръ

Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи въ сопровожденіи своихъ дружинниковъ съѣхались, что бы разсудить дѣло Давида Игоревича, и, кажется, по его собственной жалобѣ. Онъ также явился на съѣздъ. „Ну вотъ ты сидишь теперь съ нами на одномъ коврѣ; — сказали братья Давиду — говори, въ чемъ твоя жалоба". Давидъ былъ смущенъ, и отвѣчалъ, что они сами его призвали. Братья встали, сѣли на коней, и каждый подъѣхалъ къ своей дружинѣ, что бы посовѣтоваться съ нею. Давидъ между тѣмъ сидѣлъ въ сторонѣ и ждалъ рѣшенія. Переговоривъ съ боярами и между собою, братья отрядили своихъ мужей, Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогостя и Ратибора, Давидъ и Олегъ Святославичи какого то Торчина, и велѣли сказать Давиду Игоревичу слѣдующее:

„Не даемъ тебѣ стола Владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами, и сдѣлалъ то, чего никогда не бывало въ Русской землѣ. Мы тебя не подвергаемъ заключенію, и не дѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла; ступай, садись въ Бужскѣ и Острогѣ; Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ, Владиміръ двѣсти гривенъ, Давыдъ и Олегъ также двѣсти гривенъ".

Опальный князь долженъ былъ подчиниться рѣшенію братьевъ. Владиміръ Волынскій остался за Святополкомъ; послѣдній далъ еще Давиду городъ Дорогобужъ, гдѣ тотъ впослѣдствіи и умеръ.

Какъ Любецкій съѣздъ порѣшилъ споръ о Черниговѣ, такъ Витичевскій съѣздъ прекратилъ междоусобія за Волынскую область. Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владиміра Мономаха и соединенными силами обратились теперь на своихъ общихъ враговъ, т. е. на дикихъ Половцевъ. Борьба Руси съ этими кочевниками около того времени принимаетъ ожесточенный, упорный характеръ. Столь же коварные какъ и хищные, половецкіе ханы часто заключали миръ съ русскими князьями; при чемъ брали дары и клялись не нападать на русскія земли; но вслѣдъ за тѣмъ забывали о своихъ клятвахъ и вновь приходили жечь, грабить и уводить въ плѣнъ русское населеніе. Такое вѣроломство ожесточило русскихъ людей, и только этимъ общимъ

ожесточеніемъ можно объяснить слѣдующій поступокъ Владиміра Мономаха, наиболѣе уважавшаго клятвы и договоры, наиболѣе рыцарственнаго изъ русскихъ князей того времени.

Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, пришли къ Владиміру въ Переяславль для заключенія мира. Итларь съ своими людьми вошелъ въ самый городъ, и расположился на дворѣ Ратибора; а Китанъ сталъ за городомъ между валами, взявъ къ себѣ въ заложники одного изъ сыновей Владиміровыхъ, Святослава. Ратиборъ былъ старый, знатный бояринъ, служившій воеводою еще отцу Мономаха. Этотъ бояринъ и его семья почему то особенно злобились на Половцевъ, и задумали вѣроломнымъ образомъ перебить своихъ гостей. Въ тоже время въ Переяславлѣ находился кіевскій бояринъ Словята, присланный отъ Святополка съ какимъ то порученіемъ (очевидно относившимся къ тѣмъ же Половцамъ). За одно съ нимъ Ратиборовичи начали уговаривать Владиміра на истребленіе Половцевъ. Князь колебался, говоря: „какъ можно это сдѣлать послѣ только что данной присяги?". Дружина успокоивала его совѣсть словами: „нѣтъ въ томъ грѣха; Половцы всегда даютъ клятву сохранять миръ и всегда ее нарушаютъ, безпрестанно проливая кровь христіанскую". Владиміръ, хотя и неохотно, но далъ свое согласіе. Въ туже ночь Словята съ отрядомъ изъ Русскихъ и Торковъ подкрался къ стану Китана: сначала выкрали молодаго Святослава; а потомъ бросились на Половцевъ и всѣхъ перебили вмѣстѣ съ ханомъ. Итларь съ своими людьми между тѣмъ ночевалъ на дворѣ Ратибора, ничего не зная объ участи Китана. Поутру его пригласили въ избу, чтобы позавтракать и обогрѣться; такъ какъ дѣло было въ концѣ февраля. Но едва ханъ и его свита вошли въ избу, какъ ихъ заперли, вскрыли потолокъ, и оттуда первый Ольбегъ Ратиборичъ угодилъ стрѣлою прямо въ сердце Итларя; затѣмъ избили и всѣхъ его людей. Такое вѣроломство конечно не принесло никакой существенной пользы Русской землѣ. Оно только еще болѣе ожесточило обѣ стороны. Вслѣдъ за тѣмъ Святополкъ и Владиміръ соединенными силами предприняли походъ въ степи, ра-

зорили нѣкоторыя половецкія вежи и воротились съ большою добычею, состоявшею изъ челяди, коней, верблюдовъ и прочаго скота. Это былъ тотъ походъ, отъ участія въ которомъ уклонился Олегъ Святославичъ. Половцы въ томъ же году отомстили нашествіемъ на кіевскіе предѣлы; они долго осаждали городъ Юрьевъ, на рѣкѣ Роси, и наконецъ сожгли его, послѣ того какъ онъ былъ оставленъ своими жителями. Этихъ выходцевъ изъ Юрьева Святополкъ поселилъ на мѣстѣ древняго Витичева, на высокомъ холму праваго Днѣпровскаго берега, и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ своимъ именемъ *Святополчъ*.

Въ слѣдующемъ 1096 году, когда великій князь и Владиміръ были заняты междоусобною войною съ Олегомъ Святославичемъ, Половцы воспользовались удобнымъ временемъ и усилили свои набѣги. Свирѣпый ихъ ханъ Бонякъ разорялъ правый берегъ Днѣпра до самаго Кіева; причемъ опустошилъ окрестности столицы и обратилъ въ пепелъ загородный великокняжескій дворъ на Берестовѣ; а другой ханъ, Куря, свирѣпствовалъ на лѣвой сторонѣ около Переяславля. Пришелъ тесть Святополка Тугорканъ, и осадилъ самый Переяславль, въ отсутствіе Владиміра. Тогда Святополкъ и Владиміръ, соединясь, переправились за Днѣпръ у Заруба и неожиданно для Половцевъ явились подъ Переяславлемъ. Варвары были разбиты на голову. Въ числѣ убитыхъ былъ и Тугорканъ; великій князь велѣлъ его какъ своего тестя отвезти въ столицу и погребсти у Берестова. Но между тѣмъ какъ князья еще находились въ Переяславлѣ, Бонякъ пользуясь отсутствіемъ войска, явился опять около Кіева и едва не ворвался въ самый городъ. Онъ сжегъ нѣсколько монастырей и селъ, въ томъ числѣ и красный княжескій дворъ, построенный Всеволодомъ на Выдубецкомъ холму. При этомъ неожиданномъ нашествіи пострадала и знаменитая Печерская обитель. Варвары съ дикими криками напали на нее въ тотъ часъ, когда иноки послѣ заутрени спали по своимъ кельямъ. Вырубивъ монастырскія ворота, они принялись грабить, поджигать храмъ Богородицы и рыскать по пустымъ кельямъ, изъ которыхъ мо-

нахи успѣли спастись бѣгствомъ. Услыхавъ объ этомъ нашествіи, Святополкъ и Владиміръ спѣшили ударить на Боняка; но онъ съ такою же быстротою ушелъ въ степи, съ какою пришелъ. Русскіе князья погнались за нимъ, но не могли настичь.

Подобныя нападенія Половцевъ повторялись почти ежегодно; русскимъ князьямъ иногда удавалось во́время собрать силы и поразить ту или другую толпу варваровъ. Нерѣдко князья съѣзжались вмѣстѣ съ половецкими ханами, заключали съ ними миръ, скрѣпляли его взаимными клятвами и даже браками съ ихъ дочерьми. Но ничто не могло прекратить губительныхъ половецкихъ набѣговъ. Оборонительная война оказывалась слишкомъ недостаточною; надобно было повести борьбу болѣе энергичную и дружную, что бы отбить движеніе степи на Южную Русь. Благодаря усиліямъ Владиміра Мономаха, такую именно наступательную борьбу повели русскіе князья въ началѣ XII вѣка. Это наступленіе восточноевропейскаго народа на своихъ турецкихъ сосѣдей совпало по времени съ такимъ же движеніемъ западноевропейскихъ народовъ противъ другой части тогоже Турецкаго племени, которая вышла изъ тѣхъ же Закаспійскихъ степей и, объединясь подъ знаменемъ Сельджукидовъ, распространила свое господство почти на всю Переднюю Азію. Славные русскіе походы въ глубь половецкихъ степей совпали съ началомъ Крестовыхъ походовъ для освобожденія Святой земли. Владиміръ Мономахъ и Готфридъ Бульонскій, это два вождя-героя одновременно подвизавшіеся на защиту христіанскаго міра противъ враждебнаго ему востока.

Въ 1103 г. Владиміръ пригласилъ Святополка весною вмѣстѣ выступить въ походъ на Половцевъ; но дружинники отсовѣтывали походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ князья съѣхались недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра у Долобскаго озера, и сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своей дружиной. Владиміръ первый прервалъ молчаніе:

„Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?"

Святополкъ отвѣчалъ:

„Братъ лучше ты начни".

„Какъ же мнѣ говорить!—возразилъ Владиміръ—Противъ меня и моя и твоя дружина: скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ, и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ то вы не подумаете"?

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

„Я готовъ идти съ тобою", сказалъ Святополкъ.

„Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ", замѣтилъ Владиміръ.

Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей. Олегъ отговорился болѣзнію, но братъ его Давидъ пошелъ. Кромѣ этихъ старшихъ князей въ походъ отправилось нѣсколько ихъ младшихъ родственниковъ съ своими дружинами, въ томъ числѣ и одинъ изъ сыновей незадолго умершаго Всеслава Полоцкаго. Князья двинулись съ конною и пѣшею ратью; послѣдняя плыла на лодкахъ по Днѣпру, а вторая вела своихъ коней берегомъ. Миновавъ пороги, лодки остановились у острова Хортицы; пѣхота вышла на берегъ, всадники сѣли на коней, и, соединясь, пошли въ степь. Послѣ четырехдневнаго похода Русь достигла непріятельскихъ кочевьевъ. Приготовляясь къ битвамъ, князья и воины усердно молились, и творили разные обѣты: одинъ обѣщалъ раздать щедрую милостыню, другой сдѣлать пожертвованіе на монастырь.

Между тѣмъ половецкіе ханы, заслышавъ о русскомъ походѣ, также собрались на съѣздъ, и начали совѣщаться. Старшій изъ нихъ, Урусоба, совѣтовалъ просить мира. „Русь будетъ крѣпко съ нами биться, ибо много зла надѣлали мы Русской землѣ", говорилъ онъ. Но болѣе молодые предводители не хотѣли его слушать, и хвалились, избивши Русь, идти въ ея землю и взять ея города. По-

ловцы выслали впередъ Алтунопу, который славился у нихъ своимъ мужествомъ. Онъ столкнулся съ сторожевымъ русскимъ отрядомъ, былъ окруженъ, побитъ и самъ палъ въ этой сѣчѣ. Ободренные первымъ успѣхомъ, русскіе полки смѣло ударили на главныя силы Половцевъ. Варвары подобно густому бору покрывали широкое поле; но не было въ нихъ бодрости; по словамъ нашей лѣтописи, и всадники, и кони стояли въ какой то дремотѣ. Половцы недолго выдерживали стремительное нападеніе Руси, и побѣжали. Битва происходила 4-го апрѣля. Въ ней пало до двадцати половецкихъ князей, въ томъ числѣ и Урусоба. Одинъ изъ сильнѣйшихъ хановъ, Бельдюзъ былъ взятъ въ плѣнъ, и началъ предлагать великому князю за себя выкупъ, обѣщая много золота, серебра, коней и всякаго скота. Святополкъ отослалъ его къ Владиміру. „Сколько разъ клялись вы не воевать Русской земли?“ сказалъ ему Мономахъ. „Зачѣмъ не удерживалъ своихъ сыновей и родичей, что бы они не нарушали клятвы и не проливали христіанской крови?“ — и велѣлъ изрубить его на части. Русскіе разорили многія вежи половецкія и взяли большую добычу плѣнниками, конями, верблюдами и прочимъ скотомъ. Они захватили также нѣкоторыя вежи Печенѣговъ и Торковъ, соединившихся съ Половцами. Съ великою честью и славою воротились князья въ свои города.

Но сила кочевниковъ далеко не была сломлена этимъ блистательнымъ походомъ. На слѣдующіе годы варвары отомстили Руси новыми набѣгами. Еще были живы свирѣпый Бонякъ и старый Шаруканъ. Однажды они вмѣстѣ пришли на Русь, и остановились подъ городомъ Лубно на берегахъ Сулы. Святополкъ и Владиміръ соединились на этотъ разъ съ Олегомъ Черниговскимъ. Они ударили на Половцевъ такъ неожиданно, что тѣ неуспѣли „и стяга поставить“, и были разбиты на голову. На Успеньевъ день, въ храмовой праздникъ Печерскаго монастыря, Святополкъ воротился изъ похода и отправился прямо въ обитель благодарить за побѣду. Русскіе князья заключили миръ съ половецкими ханами; при чемъ на дочери одного изъ этихъ хановъ, Аепы, Влади-

міръ женилъ своего младшаго сына Юрія, знаменитаго впослѣдствіи Долгорукаго. Олегъ Святославичъ женилъ своего сына Святослава на дочери другаго хана, который также назывался Аепа. Но эти мирные договоры и брачные союзы, по обыкновенію, не прекратили враждебныхъ дѣйствій и набѣговъ половецкихъ. Тогда Мономахъ убѣдилъ русскихъ князей совершить новый большой походъ общими силами, что бы разгромить половецкія вежи и въ самыхъ степяхъ Задонскихъ.

Во главѣ соединеннаго ополченія снова стали Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославичъ. На этотъ разъ князья выступили еще въ болѣе раннее время чѣмъ прежде, именно въ концѣ февраля, что бы совершить походъ до наступленія лѣтняго зноя, столь тягостнаго въ южныхъ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ надобно было бросить сани. Оно постепенно миновало Псёлъ, Ворсклу, Донецъ я прочія рѣки; а на шестой недѣлѣ во вторникъ достигло береговъ Дона. На этихъ берегахъ находились осѣдлыя становища главныхъ половецкихъ хановъ. Русь облеклась въ брони, которыя во время похода обыкновенно складывались на воза. Полки устроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись къ городу хана Шарукана; по распоряженію Владиміра священники шли впереди войска съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ. Шаруканцы вышли на встрѣчу Руси съ поклономъ, съ рыбою и виномъ; чѣмъ и спасли свои жилища отъ разоренія. Слѣдующій за тѣмъ городокъ хана Сугра былъ сожженъ. Въ четвергъ русская рать отъ Дона пошла далѣе. На другой день, 24 марта, она встрѣтилась съ половецкою ордою. Русскіе остались побѣдителями, и праздновали свою побѣду вмѣстѣ съ днемъ Благовѣщенія. Главная битва произошла въ страстной понедѣльникъ, на берегахъ Сала. Враги были очень многочисленны, и опять подобно густому бору окружили русскую рать. Упорная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своего полка не рѣшилъ побѣду. По словамъ лѣтописной легенды Половцы оправдывали свое пораженіе чудесною помощью, которую оказывали хри-

стіанамъ какіе то свѣтлые воины, носившіеся надъ русскими полками. Снова съ огромнымъ количествомъ плѣнниковъ и всякаго скота воротились Русскіе изъ похода. Лѣтописецъ прибавляетъ, что слава этихъ побѣдъ далеко разнеслась между другими народами, какъ то: Греками, Уграми, Ляхами, Чехами, и дошла до самаго Рима (48).

Въ апрѣлѣ 1113 года скончался великій князь Святополкъ-Михаилъ на пути около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, который былъ имъ самимъ основанъ. Ближайшее право на великокняжскій столъ имѣли Святославичи, Давидъ или Олегъ; впрочемъ старшинство ихъ было спорное; такъ какъ ихъ отецъ Святославъ насильно отнялъ Кіевскій столъ у своего старшаго брата Изяслава и умеръ еще при его жизни. Вопросъ о старшинствѣ рѣшенъ голосомъ народнымъ, который единодушно указывалъ на Владиміра Мономаха, въ дѣйствительности уже давно стоявшаго во главѣ русскихъ князей; а Святославичи были нелюбимы, особенно за свою дружбу съ Половцами и многія разоренія, причиненныя ими Русской землѣ. Граждане кіевскіе собрались на вѣче, и послали въ Переяславль къ Владиміру просить его на столъ отцовскій и дѣдовскій. Владиміръ медлилъ: можетъ быть, старшинство Святославичей приводило его въ раздумье. Между тѣмъ въ Кіевѣ, при отсутствіи княжеской власти, начались безпорядки. Чернь бросилась на дворы нелюбимыхъ сановниковъ, именно тысяцкаго Путяты и нѣкоторыхъ соцкихъ, и разграбила ихъ; потомъ пограбила дворы Жидовъ, которые купили себѣ разныя льготы у Святополка II, и по обыкновенію своему многихъ повергли въ нищету въ качествѣ жадныхъ ростовщиковъ. Тогда лучшіе граждане послали сказать Владиміру: „князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а, если не придешь, то знай, что поднимется большое зло; уже не соцкихъ и не Жидовъ только будутъ грабить, а пойдутъ на вдовую княгиню, на бояръ и монастыри, и ты будешь отвѣчать передъ Богомъ, если разграбятъ монастыри". Владиміръ послѣ того не медлилъ болѣе и поспѣшилъ въ Кіевъ. Его встрѣтили митрополитъ и епископы со всѣмъ народомъ, и онъ торжественно сѣлъ

на столѣ своего отца и дѣда. Мятежъ утихъ; настало твердое, умное правленіе Мономаха. Онъ достигъ уже шестидесятилѣтняго возраста, когда занялъ великокняжескій столъ.

Владиміръ Мономахъ написалъ для своихъ дѣтей знаменитое Поученіе, которое вмѣстѣ съ упомянутымъ письмомъ къ Олегу служитъ нагляднымъ памятникомъ его ума, благочестія, начитанности и грамотности. Оно служитъ также яркимъ изображеніемъ его неутомимой дѣятельности. Судя по этому изображенію, большую часть жизни своей онъ провелъ внѣ дома, значительную часть ночей спалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту и т. д. „Всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ не упомню; съ Половцами заключалъ миръ 19 разъ; до сотни князей ихъ отпустилъ на свободу, а болѣе двухъ сотъ изрубилъ и потопилъ. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней заразъ по 10 и 20; дважды туръ металъ меня на своихъ рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; одна лось топтала меня, а другая бодала, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь схватилъ зубами подкладъ у колѣна, лютый звѣрь (барсъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ коня вмѣстѣ со мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ". Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ даетъ имъ между прочимъ слѣдующія наставленія: „Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни; на войнѣ не полагайтесь на воеводъ, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти; стараго человѣка почитайте какъ отца, а молодаго какъ брата; строго наблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ, ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу. Что знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой и дома сидя научился пяти языкамъ; въ этомъ бываетъ честь отъ другихъ земель" ([49]).

Вообще лѣтопись изображаетъ намъ Владиміра Мономаха идеаломъ русскаго князя: онъ миритъ враждующихъ,

свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятія о великокняжеской власти; младшіе родичи повиновались ему какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести распри, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирѣли.

Однако и при этомъ великомъ князѣ было двѣ междоусобныя войны, одна въ Полоцкой землѣ, другая на Волыни. Какая была причина войны между Мономахомъ и старшимъ изъ полоцкихъ князей, Глѣбомъ Всеславичемъ, въ точности неизвѣстно. Лѣтопись объясняетъ ее враждою, которую потомки Рогнѣды питали къ другимъ потомкамъ Ярослава. Очевидно полоцкіе князья, не получая доли въ остальныхъ русскихъ земляхъ, старались отдѣлиться, не хотѣли признавать надъ собою старшинство кіевскаго князя, слушаться его какъ отца, ѣздить къ нему на поклонъ и по его требованію являться на помощь съ своими дружинами. А Глѣбъ Всеславичъ Минскій кромѣ того, подобно отцу своему, нападалъ еще на нѣкоторыя сосѣднія волости, конечно съ цѣлью увеличить свой наслѣдственный удѣлъ. Владиміръ два раза ходилъ на Глѣба; во второй разъ онъ взялъ Минскаго князя въ плѣнъ, и привелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ вскорѣ. Во Владимірѣ Волынскомъ сидѣлъ сынъ Святополка-Михаила Ярославъ, женатый на внучкѣ Мономаха, на дочери его старшаго сына Мстислава. Неизвѣстно также, изъ за чего собственно Ярославъ разсорился съ Мономахомъ, и отослалъ отъ себя свою супругу, а его внучку. Угрожаемый великимъ княземъ, Ярославъ убѣжалъ къ своему союзнику и родственнику, королю польскому Болеславу Кривоустому, женатому на его сестрѣ Сбыславѣ. Польскіе короли почти всегда охотно поддерживали междоусобія въ Русской землѣ, и помогали младшимъ князьямъ противъ старшихъ, чтобы не дать усилиться послѣднимъ. Кромѣ Поляковъ, венгерскій король Стефанъ II на просьбу Ярослава о помощи нетолько не отказалъ ему, но и лично привелъ свои полки. Такимъ образомъ Ярославъ съ многочисленнымъ ополчені-

емъ изъ Угровъ, Поляковъ и Русскихъ явился подъ стѣнами Владиміра Волынскаго, въ которомъ сидѣлъ одинъ изъ сыновей Мономаха, мужественный Андрей Владиміровичъ. Великій князь началъ собирать войско, что бы идти на помощь сыну; но помощь оказалась излишнею. Однажды Ярославъ подъѣхалъ близко къ городскимъ стѣнамъ и угрожалъ гражданамъ жестокой местью, если они не отворятъ ему ворота и не выдутъ къ нему съ поклономъ. Но въ то время, какъ онъ разъѣзжалъ около города, изъ послѣдняго незамѣтно вышли два наемные ляха, и спрятались въ засадѣ; а когда Ярославъ возвращался въ лагерь, они внезапно бросились на него и нанесли ему смертельный ударъ копьемъ (1123 г.). Тогда и всѣ союзники его принуждены были разойтись по домамъ ([50]). Въ числѣ послѣднихъ находились на этотъ разъ извѣстные братья Ростиславичи, Володарь и Василько. Причина, почему они пристали къ врагамъ Мономаха была слѣдующая.

Воинственные Ростиславичи много зла сдѣлали своимъ сосѣдямъ Ляхамъ, съ которыми постоянно имѣли споры о границахъ. Володарь, князь Перемышля, нерѣдко съ наемными Половцами разорялъ сосѣднія польскія области. Тщетно король Болеславъ Кривоустый пытался смирить Володаря; послѣдній особенно былъ страшенъ тѣмъ, что дѣйствовалъ противъ Польши въ союзѣ съ другими ея врагами, съ языческими Пруссами и Поморянами. Усердіе и ловкость одного изъ вельможъ польскихъ помогли Болеславу освободиться отъ этого опаснаго непріятеля. Нѣкто Петръ Властъ, родомъ датчанинъ, вызвался захватить Володаря хитростью. Этотъ новый Зопиръ съ тридцатью вѣрными слугами отправился въ Перемышль, выдалъ себя за человѣка, обиженнаго польскимъ королемъ, вступилъ въ службу Володаря и вкрался въ его довѣренность. Однажды на охотѣ въ лѣсу, когда дружина Володаря разсѣялась въ погонѣ за звѣремъ, Петръ съ своими слугами напалъ на князя, схватилъ его и умчалъ въ Польшу. Сынъ Володаря Владимірко и братъ Василько вступили въ переговоры съ королемъ, и только за огромный выкупъ удалось имъ освободить князя. Они собрали все что могли, и отправили въ Польшу на возахъ и на вер-

блюдахъ множество золота и серебра, драгоцѣнныхъ сосудовъ и греческихъ тканей; такъ что, по выраженію одного латинскаго лѣтописца, отъ этого выкупа „обѣдняла вся Русь" (конечно Червонная). Кромѣ выкупа Володарь принужденъ былъ дать обязательство не только отступиться отъ союза съ врагами Польши, но и помогать противъ нихъ Полякамъ ([51]).

Прежними своими походами и подвигами Владиміръ Мономахъ на столько обезопасилъ предѣлы Руси, что во время своего княженія онъ уже не ходилъ лично на сосѣдей, а посылалъ своихъ мужественныхъ сыновей. Такъ старшій сынъ его Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ, совершилъ съ Новогородцами и Псковичами большой походъ за озеро Пейпусъ въ землю Ливонской Чуди и взялъ ея городъ Оденпе или Медвѣжью Голову (1116 г.). Другой его сынъ Юрій (Долгорукій), посаженный отцомъ въ Ростовской землѣ, ходилъ на судахъ Волгою въ землю Камскихъ Болгаръ, и возвратился съ большимъ плѣномъ и добычею (1120 г.). Третій сынъ Мономаха Ярополкъ и одинъ изъ сыновей черниговскаго князя Давыда по слѣдамъ своихъ отцовъ ходили съ ихъ войсками за Донъ, гдѣ погромили Половцевъ и Ясовъ или Аланъ (1116 г.). Ярополкъ въ этомъ походѣ плѣнилъ одну красивую аланскую княжну, на которой и женился. Вѣроятно не безъ связи съ этимъ погромомъ часть Хазаръ, а также нѣкоторыя орды Печенѣговъ и Торковъ, порабощенныя Половцами, возстали противъ своихъ притѣснителей; однако послѣ кровопролитной борьбы были побѣждены, бѣжали въ русскіе предѣлы, и поселены великимъ княземъ на свободныхъ земляхъ. Впрочемъ часть Печенѣговъ и Торковъ вмѣстѣ съ Берендеями вскорѣ была изгнана изъ Руси, конечно за свои мятежи и разбои.

Ко времени Владиміра Мономаха относится еще одно столкновеніе Руси съ Греками.

По примѣру отцовъ и дѣдовъ, великіе князья кіевскіе продолжали заключать родственные союзы съ разными государями европейскими, именно польскими, угорскими, нѣмецкими, скандинавскими и греческими. Мономахъ, какъ извѣстно, былъ сынъ греческой царевны; самъ онъ всту-

палъ въ бракъ три раза, и первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда, павшаго въ битвѣ при Гастингсѣ; а старшій сынъ его Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля ([52]). Одна изъ дочерей Мономаха, Евѳимія, сдѣлалась супругою угорскаго короля Коломана (впрочемъ старый и ревнивый мужъ потомъ отослалъ ее къ отцу); а другая его дочь, Марія, находилась замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ. Этотъ царевичъ былъ сыномъ злополучнаго византійскаго императора Романа Діогена, который попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ и лишился престола. Леонъ въ 1116 году появился на Дунаѣ съ войскомъ, набраннымъ вѣроятно изъ Руси и Половцевъ, и завладѣлъ нѣкоторыми болгарскими городами. Знаменитый византійскій императоръ Алексѣй Комненъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ соперника съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Онъ подослалъ двухъ сарацинъ, которые пришли въ Дористолъ къ Леону съ предложеніемъ своихъ услугъ, и, улучивъ минуту, убили его. Тогда Владиміръ Мономахъ, желая отомстить за смерть зятя или вѣрнѣе вступаясь за права его маленькаго сына, а своего внука Василія, отправилъ на Дунай войско подъ начальствомъ Ивана Войтишича, который и размѣстилъ въ дунайскихъ городахъ русскихъ посадниковъ. Но Дористолъ вскорѣ былъ захваченъ Греками. Владиміръ послалъ для взятія этого города одного изъ своихъ сыновей, Вячеслава, съ воеводою Ѳомою, сыномъ извѣстнаго боярина Ратибора; но и они не могли взять Дористола. А потомъ и остальные дунайскіе города снова перешли въ руки Грековъ, вѣроятно по мирному договору съ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ подъ конецъ Мономахова княженія мы видимъ его опять въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей; въ 1122 г., уже по смерти Алексѣя Комнена при его сынѣ Іоаннѣ Комненѣ, онъ выдаетъ свою внучку, дочь Мстислава, замужъ за какого то греческаго царевича. А несчастный его внукъ Василій Леоновичъ воспитывался при Кіевскомъ дворѣ, и впослѣдствіи погибъ въ одной битвѣ Мономаховичей съ Ольговичами ([53]).

Какъ и всѣ великіе государственные люди, Владиміръ

Мономахъ славенъ не одними военными доблестями; онъ былъ замѣчателенъ и на поприщѣ мирной, гражданской дѣятельности. На его заботы о правосудіи указываетъ Русская Правда, которую онъ дополнилъ новыми статьями. Владиміръ любилъ также строиться, и ему принадлежало нѣсколько замѣчательныхъ сооруженій. Между прочимъ лѣтопись упоминаетъ о мостѣ, устроенномъ черезъ Днѣпръ (вѣроятно мостъ судовой, разводный). Въ его княженіе были расширены укрѣпленія Новгорода Великаго, а городъ Ладога обведенъ каменною стѣною. Ему приписываютъ основаніе города Владиміра въ Ростовско-Суздальской землѣ, въ которую онъ предпринималъ довольно частыя поѣздки. По примѣру дѣда и прадѣда, онъ много заботился о созиданіи храмовъ; при немъ довершенъ въ Вышгородѣ каменный храмъ Бориса и Глѣба, куда и были перенесены останки этихъ мучениковъ. Памяти послѣднихъ онъ оказывалъ особое уваженіе, и въ честь ихъ создалъ „прекрасную" церковь на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса.

Великое княженіе Мономаха впрочемъ ознаменовалось и нѣкоторыми обычными бѣдствіями, посѣщавшими древнюю Русь, каковы засуха и землятрясеніе (на югѣ), наводненіе (въ Новгородѣ) и пожары. Особенно страшный пожаръ разразился въ Кіевѣ въ 1124 году. Онъ продолжался два дня, 23 и 24 іюня, обратилъ въ пепелъ Подолъ и часть Верхняго города; однихъ церквей, по словамъ лѣтописи, сгорѣло будто бы до 600. Погорѣло и Жидовское предмѣстье. Были вѣроятно и другія бѣдствія, не занесенныя въ лѣтопись, напримѣръ саранча, которая тучами налетала на южную Русь изъ странъ прилежащихъ къ Дунаю и Черному морю; она пожирала все, что встрѣчала на своемъ пути: хлѣбъ, траву, древесныя листья и пр. Судя по нашей лѣтописи, особенно опустошительные набѣги саранчи происходили въ княженіе предшественника Владимірова Святополка Михаила.

При всемъ своемъ стремленіи къ единству русскихъ земель подъ верховною властью кіевскаго князя, Владиміру Мономаху не могла и въ голову придти мысль объ уничтоженіи удѣльнаго порядка, который вполнѣ сроднил-

ся съ духомъ и понятіями того времени. Подобно своему дѣду и прадѣду, онъ хлопоталъ только о томъ, что бы соединить какъ можно болѣе областей въ рукахъ своихъ и своего потомства. Черниговскіе Святославичи, галицкіе Ростиславичи и отчасти полоцкіе Всеславичи отстояли свои наслѣдственные удѣлы; но за то Владиміру, въ качествѣ великаго князя Кіевскаго, оружіемъ и ловкой политикой удалось еще разъ собрать подъ владѣніемъ одного дома почти всѣ остальныя русскія области.

Владиміръ Мономахъ скончался на 74-мъ году отъ рожденія, 19 мая 1125 года, во время своей поѣздки въ родной Переяславль. Тамъ онъ наблюдалъ за окончаніемъ упомянутой выше „прекрасной" церкви Бориса и Глѣба, которую соорудилъ на берегу Альты, недалеко отъ самого города. Сыновья, внуки и бояре перенесли его въ Кіевъ и погребли въ Софійскомъ соборѣ, рядомъ съ отцомъ его Всеволодомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что весь народъ и всѣ люди плакали по немъ, какъ „дѣти по отцѣ или по матери". По его выраженію, это былъ „братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Руссую землю", о которомъ слава прошла по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ „поганымъ", т. е. Половцамъ.

VI.

ПЕЧЕРСКІЕ ПОДВИЖНИКИ.

Начало почитанію Бориса и Глѣба. Троекратное перенесеніе мощей. Происхожденіе Печерскаго монастыря. Антоній. Варлаамъ. Ѳеодосій. Студійскій уставъ. Покровительство великихъ князей. Построеніе Успенскаго храма. Процвѣтаніе обители. Ея подвижники. Ея вліяніе.

Прежде нежели перейдемъ къ дальнѣйшему обозрѣнію главныхъ событій, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ древней русской жизни, и преимущественно на той сторонѣ, которая со временъ Владиміра Святославича получила столь великое значеніе: посмотримъ на важнѣйшія явленія юнаго русскаго христіанства при Ярославѣ, его сыновьяхъ и внукахъ.

Вмѣстѣ съ обрядами и уставами Русская церковь приняла отъ Греческой ея праздники и почитаніе ея святыхъ. Русскіе еще удерживали свои языческія имена; но сверхъ того при крещеніи получали наименованіе въ честь какого либо святаго; отсюда мы видимъ у нашихъ князей почти всегда двойное имя: одно мірское, русское, другое христіанское, греческое. Дни своихъ святыхъ князья отличали особымъ празднествомъ, и въ честь ихъ нерѣдко создавали храмы, начиная съ Владиміра-Великаго, который построилъ нѣсколько церквей во имя св. Василія. Иногда они устроивали для этого цѣлые монастыри; такъ въ Кіевѣ были основаны монастыри: Георгіевскій Ярославомъ-Георгіемъ, Димитріевъ Изяславомъ-Димитріемъ, Михайловскій Златоверхій Святополкомъ—Михаиломъ и т. д. Но кромѣ греческихъ святыхъ Русская церковь рано начала прославлять память и своихъ собственныхъ подвижниковъ, устроять въ честь ихъ

празднества и даже воздвигать имъ храмы. Между ними первое мѣсто по времени и почитанію принадлежитъ двумъ братьямъ мученикамъ Борису и Глѣбу. Они еще прежде великаго отца своего торжественно причтены къ лику святыхъ изволеніемъ русскихъ князей и греко-русскихъ іерарховъ.

Вотъ что повѣствуютъ о томъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, служившія однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія въ древней Руси и потому дошедшія до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Сказанія эти любопытны и въ томъ отношеніи, что сообщаютъ нѣкоторыя живыя черты изъ данной эпохи.

Тѣло Бориса, убіеннаго на Альтѣ, по приказу Святополка Окаяннаго было отвезено въ Вышгородъ и погребено возлѣ церкви св. Василія. Между тѣмъ останки Глѣба, заключенные между двумя колодами, въ теченіе нѣскольких лѣтъ пребывали въ лѣсу на берегу Днѣпра, недалеко отъ мѣста его убіенія. Ярославъ, утвердясь окончательно въ Кіевѣ, велѣлъ перевезти ихъ въ Вышгородъ и похоронить рядомъ съ Борисомъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ населеніи Вышегородскомъ начала ходить молва о разныхъ знаменіяхъ, которыя совершались на мѣстѣ погребенія двухъ братьевъ. Расказывали между прочимъ, что однажды иноземцы Варяги пришли въ Вышгородъ; одинъ изъ нихъ нечаянно ступилъ на это святое мѣсто; вдругъ изъ земли вышло пламя и опалило ему ноги. Пономарь св. Василія разъ послѣ утрени забылъ погасить свѣчу, горящую гдѣ то вверху храма; произошелъ пожаръ; церковную утварь успѣли вынести, но деревянный храмъ сгорѣлъ до тла. Это событіе приняли какъ знаменіе того, что на мѣстѣ стараго храма должно воздвигнуть новый, въ честь Бориса и Глѣба. Вышегородскія власти донесли Ярославу о знаменіяхъ и народной молвѣ; „нелѣпо такимъ свѣтильникамъ быти сокровенными подъ землею"—говорили они. Ярославъ внялъ этому голосу. Великій князь, бояре, митрополитъ Іоаннъ и духовенство, въ сопровожденіи народной толпы, со крестами отправились въ Вышгородъ. Съ молитвами и пѣніемъ псалмовъ вырыли гробы братьевъ изъ земли, и на

время поставили ихъ въ часовнѣ, устроенной на мѣстѣ сгорѣвшей церкви. Вскорѣ повелѣніемъ великаго князя здѣсь былъ воздвигнутъ деревянный храмъ о пяти верхахъ или главахъ и украшенъ иконною живописью; на видномъ мѣстѣ поставили икону съ изображеніемъ князей-мучениковъ. Когда все было приготовлено, Ярославъ и духовенство опять отправились съ крестнымъ ходомъ въ Вышгородъ. Митрополитъ Іоаннъ освятилъ храмъ во имя свв. Бориса и Глѣба; ихъ раки перенесены сюда и поставлены на правой сторонѣ. Торжество происходило 24 іюля, въ день убіенія Бориса, и на этотъ день установлено было ежегодное празднество въ память свв. мучениковъ. Ярославъ въ теченіе цѣлыхъ осьми дней угощалъ въ Вышгородѣ бояръ, духовенство и жителей. Митрополитъ поставилъ священниковъ и дьяконовъ для новой церкви, назначилъ имъ старѣйшину (протоіерея), и уставилъ ежедневное служеніе заутрени, вечерни и св. литургіи; а великій князь отдѣлилъ десятую часть Вышегородской дани на содержаніе храма и священнослужителей. Молва о чудесахъ, совершавшихся у гробовъ мучениковъ, постепенно распространилась по Русской землѣ, и сюда начали приходить богомольцы изъ другихъ областей. Русскіе князья съ особымъ усердіемъ чтили память Бориса и Глѣба, видя въ нихъ заступниковъ и покровителей всего своего рода.

Прошло лѣтъ двадцать послѣ упомянутаго празднества. Церковь Бориса и Глѣба стала приходить въ ветхость, и преемникъ Ярослава, Изяславъ, велѣлъ близъ старой соорудить новую церковь, также деревянную, но объ одной главѣ. Въ маѣ 1072 года происходило торжественное перенесеніе въ нее св. мощей. Намѣстникомъ княжимъ въ Вышгородѣ былъ тогда знатный кіевскій бояринъ Чудинъ. Къ этому торжеству пріѣхали сюда братья Изяслава, Святославъ Черниговскій и Всеволодъ Переяславскій, съ своими дѣтьми и боярами. А вокругъ митрополита Георгія собрались епископы изъ ближнихъ эпархій, каковы Неофитъ Черниговскій, Петръ Переяславскій, Никита Бѣлогородскій, и Михаилъ Юрьевскій, а также игумены кіевскихъ монастырей съ своими чернецами; въ чи-

слѣ игуменовъ находился и знаменитый Ѳеодосій Печерскій. Когда новая церковь была освящена, приступили къ перенесенію мощей изъ старой церкви. Сначала взяли Бориса. Князья сами подняли на свои рамена его деревянную раку, и понесли ее, предшествуемые митрополитомъ и духовенствомъ, которое шло со свѣчами и кадилами. Въ новой церкви раку Бориса открыли, приложились къ его мощамъ, и переложили ихъ въ каменную гробницу. Потомъ взяли Глѣба. Такъ какъ онъ уже лежалъ въ тяжеломъ каменномъ гробу, то его поставили на сани, и повлекли ихъ веревками. Въ дверяхъ гробница остановилась, и только послѣ многократно возглашеннаго всѣмъ народомъ „Господи помилуй" она тронулась. Когда ее поставили на мѣсто, князья приложились къ мощамъ Глѣба. При этомъ митрополитъ взялъ его руку, и благословилъ ею всѣхъ троихъ князей-братьевъ. Святославъ попросилъ приложить руку святаго къ своему вереду, который былъ у него на шеѣ, потомъ къ глазамъ и къ темени. Когда начали пѣть литургію, этотъ князь обратился къ своему боярину Берну съ словами: „что то колетъ меня въ голову", и снялъ свой клобукъ. Бернъ нашелъ у него на головѣ ноготь отъ руки св. Глѣба, взялъ его и подалъ князю, который сохранилъ у себя эту святыню. Сказаніе прибавляетъ еще, что митрополитъ Георгій, родомъ грекъ, не вѣрилъ чудесамъ русскихъ мучениковъ; но когда онъ открылъ раки святыхъ и нашелъ ихъ тѣлеса нетлѣнными и благоухающими, то его объялъ страхъ, и онъ всенародно молился объ отпущеніи своего грѣха. Послѣ литургіи князья устроили веселый пиръ, и роздали богатую милостыню нищимъ и убогимъ.

Когда Святославъ захватилъ великое княженіе Кіевское, онъ началъ строить въ Вышгородѣ каменную церковь во имя Бориса и Глѣба. Она была возведена уже на 50 локтей въ вышину при кончинѣ Святослава; братъ и преемникъ его Всеволодъ довершилъ ея построеніе; но вслѣдъ затѣмъ въ одну ночь верхъ ея обрушился. Подобные случаи съ каменными храмами были въ тѣ времена нерѣдки на Руси; очевидно Русскіе еще не успѣли хорошо усвоить себѣ отъ Грековъ искусство дѣлать своды и при-

готовлять доброкачественную известь. Послѣ того дѣло о построеніи каменнаго храма пришло было въ нѣкоторое забвеніе, особенно въ бурное время слѣдующаго великаго князя Святополка—Михаила. Между тѣмъ и вторая деревянная церковь Бориса и Глѣба стала приходить въ ветхость. Тогда Олегъ Святославичъ Черниговскій задумалъ совершить дѣло, начатое его отцомъ; онъ нанялъ мастеровъ, снабдилъ ихъ всѣмъ потребнымъ и велѣлъ вновь возводить обрушившуюся церковь. Когда она была окончена, Олегъ неоднократно просилъ Святополка поставить въ нее гробницы святыхъ; но тотъ не соглашался: „не дерзну переносить ихъ съ мѣста на мѣсто“,—говорилъ великій князь. Только послѣ его смерти, когда на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Владиміръ Мономахъ, совершилось третье торжественное перенесеніе св. мощей, въ 1115 году 2 мая. На это новое торжество собрались въ Вышгородъ великій князь Владиміръ съ сыновьями, и Святославичи, Давидъ и Олегъ, также съ сыновьями и боярами. Митрополитомъ кіевскимъ былъ тогда Никифоръ; изъ другихъ городовъ прибыли епископы Ѳеоктистъ Черниговскій, Лазарь Переяславскій, Мина Полоцкій и Даніилъ Юрьевскій; между игумнами кіевскими первое мѣсто занимали Прохоръ Печерскій и Сильвестръ Выдубецкій (нашъ первый лѣтописецъ).

Сначала освятили новую церковь, и затѣмъ былъ веселый пиръ, устроенный Олегомъ Святославичемъ. А на слѣдующій день приступили къ перенесенію гробницъ. Прежде возложили на сани Борисову, и повлекли ихъ за веревки. Вышгородъ наполненъ былъ великимъ множествомъ народа, стекшагося сюда даже изъ отдаленныхъ областей; не только площади, но и всѣ стѣны городскія были покрыты людьми. На пути торжественнаго шествія устроенъ былъ съ обѣихъ сторонъ заборъ или решетка; но отъ напора толпы она поломалась. Произошла такая давка, что духовенство, князья и бояре не могли почти двигаться съ гробницей. Тогда Владиміръ велѣлъ разрѣзать куски греческихъ паволокъ и бросать ихъ народу вмѣстѣ съ платьемъ, бѣличьими мѣхами и серебряными деньгами. Часть толпы отхлынула, такъ что можно было про-

везти раку Бориса. Такимъ же способомъ провезли и раку Глѣба; при чемъ его тяжелый саркофагъ опять остановился было на дорогѣ, и отъ усилій народа полопались веревки, привязанныя къ санямъ. По поводу этого перенесенія мощей вышелъ споръ у Владиміра Мономаха съ Давидомъ и Олегомъ Святославичами. Первый хотѣлъ помѣстить гробницы посреди храма и соорудить надъ ними серебряный шатеръ; онъ конечно имѣлъ въ виду примѣръ своего великаго прадѣда, котораго рака вмѣстѣ съ гробницею его супруги Анны стояла посреди Десятиннаго храма. Но Святославичи настаивали на томъ, что бы гробницы помѣщены были на правой сторонѣ въ комарѣ или углубленіи, которое назначилъ для того отецъ ихъ Святославъ при самомъ основаніи храма. Что бы рѣшить споръ, митрополитъ и епископы предложили жребій, употреблявшійся въ Византіи. На престолѣ положено было два одинаковыхъ свитка: одинъ съ именемъ Владиміра Мономаха, а другой съ именами Давида и Олега; послѣ богослуженія митрополитъ или кто другой изъ іерарховъ взялъ съ престола одинъ изъ свитковъ. Вынулся жребій Святославичей, и гробницы были поставлены въ комарѣ. Князья и бояре три дня праздновали это перенесеніе мощей, и раздавали щедрую милостыню нищимъ и убогимъ; послѣ чего разъѣхались по своимъ городамъ.

Владиміръ Мономахъ, который еще прежде того оковалъ раки святыхъ серебряными позлащенными досками, теперь украсилъ ихъ и всю комару серебромъ, золотомъ рѣзьбою изъ хрусталя и позлащенными паникадилами. Сказаніе прибавляетъ, что иностранцы, даже Греки, дивились богатству и изяществу этихъ украшеній. Не ограничиваясь Вышегородскимъ храмомъ, Владиміръ вскорѣ заложилъ и собственный каменный храмъ во имя Бориса и Глѣба на берегу Альты, на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса. Этотъ храмъ онъ строилъ и украшалъ въ теченіе всего своего кіевскаго княженія; близъ него онъ и самъ скончался. Благодаря усердію князей, почитаніе братьевъ—мучениковъ скоро распространилось по всѣмъ областямъ. Ихъ прославляли какъ „заступниковъ земли Русской“, и воздвигли имъ храмы почти во всѣхъ главныхъ

городахъ Руси. Между прочимъ, спустя двадцать лѣтъ по смерти Мономаха, его внукомъ заложена была каменная церковь Бориса и Глѣба подъ Смоленскомъ на Смядынѣ, т. е. близъ того мѣста, гдѣ былъ убитъ Глѣбъ. Въ томъ же XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ храмъ во имя Бориса и Глѣба и въ Константинополѣ, впрочемъ не въ самой столицѣ, а за Золотымъ Рогомъ въ предмѣстьѣ, извѣстномъ подъ именемъ Галаты. Этотъ храмъ построенъ былъ конечно для русскихъ торговцевъ и воиновъ, проживавшихъ въ Византіи ([54]).

Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ намъ и одно изъ самыхъ важныхъ его явленій—монашество. При Ярославѣ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ уже нѣсколько монастырей. Вслѣдъ за русскими послами, торговцами и военными людьми, со временъ Владиміра начали отправляться въ Византію и тѣ русскіе люди, которые были движимы желаніемъ посѣтить святыя мѣста, поклониться мощамъ угодниковъ и особенно видѣть страну, гдѣ подвизался самъ Спаситель. Такимъ образомъ возникло русское паломничество. Уже въ первую эпоху нашего христіанства оно достигло значительныхъ размѣровъ, потому что соотвѣтствовало подвижному, любознательному характеру русскаго человѣка и его глубоко религіозному настроенію. Константинополь, Аѳонъ, Іерусалимъ—вотъ тѣ мѣста, куда направлялись многочисленные русскіе паломники. Возвращаясь на родину, они приносили расказы о славныхъ греческихъ монастыряхъ, о святости греко-восточныхъ подвижниковъ. Суровая аскетическая жизнь аѳонскихъ монаховъ въ особенности привлекала русскихъ людей, потому что наиболѣе соотвѣтствовала ихъ характеру и религіознымъ понятіямъ молодаго христіанскаго общества. Аѳонъ скоро сдѣлался предметомъ ревностнаго подражанія для тѣхъ, которые были одушевлены горячею вѣрою и жаждою подвиговъ, и которыхъ не удовлетворяли русскіе монастыри, основанные князьями, щедро надѣленные отъ нихъ имѣніями и разными льготами. Таковъ именно былъ основатель знаменитой Кіевопечерской лавры, Антоній.

Онъ происходилъ изъ города Любеча, отправился паломникомъ въ Грецію, на Аѳонѣ плѣнился жизнію черне-

цовъ и упросилъ одного игумена постричь его въ монахи. Возвратясь въ Россію въ послѣдніе годы Ярославова княженія, Антоній обошелъ кіевскіе монастыри; но ни одинъ не полюбился ему. Онъ искалъ строгаго, уединеннаго подвижничества, и поселился на берегу Днѣпра посреди холмовъ, обросшихъ лѣсомъ, около села Берестова въ небольшой пещерѣ. Эту пещеру, по словамъ лѣтописи, ископалъ митрополитъ Иларіонъ въ то время, когда онъ былъ священникомъ въ Берестовѣ, что бы уединяться сюда для молитвы. Слава святой, постнической жизни Антонія не замедлила распространиться между окрестными жителями; многіе приходили къ отшельнику, что бы получить отъ него благословеніе. Явились и такіе, которые, желая подражать ему, вырыли себѣ пещеры подлѣ него и по своей просьбѣ получили отъ него постриженіе. Такимъ образомъ около Антонія собралась небольшая монашеская братія. Иноки ископали особую пещеру, въ которой устроили церковь, и отправляли въ ней богослуженіе.

Но поселясь вблизи такого города, какъ стольный Кіевъ, пещерная братія, не долго могла сохранять свое уединеніе, свою нищету и полное отчужденіе отъ міра. Слава святаго подвижника не замедлила привлечь вниманіе не однихъ простыхъ и бѣдныхъ людей, но также богатыхъ и знатныхъ. Самъ преемникъ Ярослава, великій князь Изяславъ и его бояре оказывали почетъ Антонію, и приходили къ нему за благословеніемъ. Однако возникающая монастырская община подверглась вскорѣ большому неудовольствію со стороны великокняжескаго двора.

Старшій Изяславовъ бояринъ Іоаннъ имѣлъ сына, который любилъ приходить къ пещерникамъ, чтобы пользоваться ихъ наставительною бесѣдою. Житіе иноческое наконецъ такъ полюбилось ему, что онъ рѣшилъ оставить отцовскій домъ, жену, почести и поселиться съ Антоніемъ и братіей. Однажды молодой бояринъ пріѣхалъ на конѣ въ богатой одеждѣ, окруженный конными отроками; передъ нимъ вели другаго коня въ блестящей сбруѣ. Иноки вышли изъ пещеръ и поклонились ему какъ подобало вельможѣ. Онъ отвѣчалъ имъ земнымъ поклономъ; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ передъ Анто-

ніемъ; поставилъ передъ нимъ коней своихъ, и сказалъ, что всю эту мірскую прелесть отдаетъ на его волю, а самъ хочетъ быть монахомъ и жить въ пещерѣ. Тщетно святой старецъ говорилъ ему о гнѣвѣ, который постигнетъ его отъ отца; юноша остался непреклоненъ. Антоній велѣлъ постричь его и облечь въ монашескую одежду; при постриженіи онъ былъ нареченъ Варлаамомъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ и постригся любимый евнухъ и домоправитель великаго князя; его назвали Ефремомъ. Тогда великій князь, возбуждаемый еще и бояриномъ Іоанномъ, сильно разгнѣвался на печерскихъ иноковъ, и грозилъ разослать ихъ въ заточеніе, если они не возвратятъ постриженныхъ. Антоній готовился уже уйти съ иноками въ другую область; но супруга великаго князя, родомъ полька, смягчила его гнѣвъ; она указала на тѣ бѣды, которыя постигли ея родину послѣ удаленія изъ нея чернецовъ. Бояринъ Іоаннъ не былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Онъ отправился самъ съ толпою отроковъ въ пещеры; схватилъ своего сына, велѣлъ насильно одѣть его въ боярское платье и со связанными руками привести въ свой домъ. Варлаамъ въ теченіе трехъ дней сидѣлъ молча, и не принималъ пищи. Іоаннъ наконецъ сжалился надъ нимъ и отпустилъ его въ пещеры. Отецъ, мать, жена и слуги провожали его изъ дому съ великимъ плачемъ; а печерскіе иноки встрѣтили его съ великою радостію, прославляя Бога, что услышалъ ихъ молитву.

Когда число братіи умножилось, Антоній поставилъ для нея игумномъ этого Варлаама; а самъ, любя уединеніе, затворился въ своей пещерѣ. При Варлаамѣ иноки, недовольствуясь тѣсною пещерною церковью, построили небольшой деревянный храмъ во имя Успенія Богородицы; но онъ скоро оказался также тѣсенъ. По просьбѣ иноковъ Антоній послалъ сказать Изяславу: „князь, Богъ умножаетъ братію, а мѣсто малое; дай намъ ту гору, которая находится надъ пещерами“. Изяславъ исполнилъ эту просьбу. Тогда иноки построили уже настоящій монастырь, т. е. воздвигли просторную деревянную церковь, подлѣ нея монашескія келліи, и все это окружили тыномъ или оградою. Монастырь по своему пещерному происхожденію со-

хранилъ въ народѣ названіе *Печерскаго.* Около того же времени Изяславъ—Димитрій основалъ въ Кіевѣ монастырь св. Димитрія и одарилъ его богатымъ имѣніемъ; а чтобы придать ему болѣе славы, перевелъ въ него игумномъ того же Варлаама изъ Печерской обители, уже знаменитой въ народѣ своею святостію. Печерская братія обратилась къ Антонію съ просьбою поставить ей другаго игумна, и Антоній поставилъ Ѳеодосія. Послѣдній и былъ настоящимъ устроителемъ Печерскаго монастыря.

Недалеко отъ Кіева находился городокъ Васильевъ. Въ этомъ городкѣ родился Ѳеодосій. Родители его, повидимому люди достаточные, вскорѣ переселились въ Курскъ. Здѣсь отрокъ рано началъ обнаруживать свое высокое призваніе. Онъ не любилъ одѣваться въ нарядное платье, чуждался дѣтскихъ игръ, которыми занимались его сверстники, но охотно учился грамотѣ или вмѣстѣ съ слугами принималъ участіе въ работахъ домашнихъ и сельскихъ. Ѳеодосій едва достигъ юношескаго возраста, когда отецъ его умеръ. Матери его, женщинѣ очень крутаго нрава съ мужескими привычками и еще не твердой въ христіанской вѣрѣ, не нравились благочестивыя наклонности сына, его удаленіе отъ мірскихъ забавъ и почестей; не рѣдко она подвергала его побоямъ, но не могла измѣнить его поведеніе. Ѳеодосій уже былъ снѣдаемъ жаждою аскетическихъ подвиговъ. Однажды онъ тайкомъ ушелъ изъ дому, и присталъ къ паломникамъ, которые отправлялись на поклоненіе св. мѣстамъ. Мать догнала его, схватила за волосы бросила на землю и топтала ногами; вернувъ домой, она нѣкоторое время держала его въ кандалахъ, чтобы онъ не ушелъ опять. Получивъ свободу, юноша началъ прилежать къ церковной службѣ, которую посѣщалъ каждый день, и занялся печеніемъ просфоръ для церкви. Такъ какъ мать то ласками, то суровостью старалась отклонить его отъ этого, унизительнаго по ея мнѣнію, занятія, то онъ ушелъ въ одинъ ближній городъ, поселился тамъ у священника и продолжалъ печь просфоры. Мать отыскала его и опять съ побоями воротила въ свой домъ. Недовольствуясь ежедневнымъ посѣще-

ніемъ церковной службы, Ѳеодосій тайно отъ матери съ помощью кузнеца приготовилъ себѣ желѣзныя вериги, которыя и началъ носить подъ одеждою. Воевода курскій обратилъ вниманіе на смиреннаго, благочестиваго юношу, и сталъ оказывать ему свое расположеніе. Однажды въ большой праздникъ воевода устроилъ пиръ и пригласилъ всѣхъ старѣйшихъ людей города; а Ѳеодосію указалъ прислуживать гостямъ. По просьбѣ матери онъ согласился надѣть чистую праздничную одежду; но при этомъ мать его замѣтила на сорочкѣ кровь, происходившую отъ желѣзныхъ веригъ, разъѣдавшихъ кожу; съ яростью принялась она его бить и сняла съ него вериги. Юноша все перенесъ съ кротостью, и отправился прислуживать пирующимъ.

Однажды вниманіе Ѳеодосія поразили слова Евангелія: „аще кто не оставитъ отца или матерь и въ вслѣдъ меня не идетъ, то нѣсть мене достоинъ", и потомъ: „пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ покою вы". Онъ твердо рѣшился уйти и постричься въ монахи. Ѳеодосій воспользовался случаемъ, когда мать его на значительное время отлучилась въ село, и въ третій разъ ушелъ изъ дому. Онъ много слышалъ о кіевскихъ монастыряхъ, и желалъ ихъ видѣть. Не зная пути, юноша повстрѣчалъ обозъ съ товарами, и, слѣдуя за нимъ издали, черезъ три недѣли достигъ Кіева. Странникъ обошелъ разные кіевскіе монастыри, прося принять его въ число братіи; но тамъ, видя его простоту и худыя одежды, отказывали ему. Наконецъ онъ услыхалъ о св. Антоніѣ, спасавшемся въ пещерѣ; пришелъ къ нему однимъ изъ первыхъ, и просилъ о постриженіи. Антоній благословилъ его и велѣлъ совершить надъ нимъ постриженіе ученику своему Никону, имѣвшему санъ священника. Ѳеодосій ревностно предался молитвѣ и трудамъ печерскихъ подвижниковъ. Между тѣмъ мать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно искала его по всей окрестной странѣ, и обѣщала большую награду тому, кто откроетъ его убѣжище. Наконецъ она получила извѣстіе, что ея сына видѣли ходящимъ по кіевскимъ монастырямъ и просящимъ о постриженіи. Она немедленно отправилась туда, долго разы-

скивала, наконецъ узнала о его убѣжищѣ, пришла къ Антонію, и умоляла показать ей сына. Ѳеодосій сначала отказывался отъ этого свиданія; но по просьбѣ Антонія вышелъ изъ пещеры. Мать была поражена его измѣнившимся, исхудалымъ лицомъ, и съ горькимъ плачемъ начала просить его, чтобы онъ воротился домой. Но всѣ ея мольбы на этотъ разъ остались тщетны. Тогда, чтобы жить недалеко отъ сына, она послѣдовала его совѣту, и сама постриглась въ ближней женской обители.

Таковъ былъ человѣкъ, котораго Антоній поставилъ игумномъ Печерскаго монастыря послѣ удаленія Варлаама. Закаленный въ трудахъ и лишеніямъ, владѣя твердою волею и необычайной энергіей, Ѳеодосій подавалъ братіи примѣръ непрерывной дѣятельности, поста и изнуренія плоти. Онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и ходилъ въ ветхой одеждѣ; но братію держалъ строго, и требовалъ безъусловнаго послушанія игумену. Число печерскихъ иноковъ между тѣмъ умножилось до сотни, и Ѳеодосій—нетолько великій подвижникъ, но и замѣчательный правитель—озаботился введеніемъ опредѣленнаго монастырскаго устава. За образцомъ его онъ обратился туда же, откуда пришелъ къ намъ и весь церковный строй, т. е. въ Византію.

Въ числѣ цареградскихъ монастырей въ тѣ времена особенно славилась обитель св. Ѳеодора Студита, расположенная неподалеку отъ Золотыхъ воротъ. Названіе Студійскаго она получила въ честь основателя своего патриція Студіуса; а ея слава началась со времени знаменитаго ея настоятеля и устроителя Ѳеодора Студита, который явился однимъ изъ главныхъ борцевъ за православіе въ эпоху иконоборческой ереси, въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка. Онъ же далъ своему монастырю и болѣе строгія правила ([55]). Говорятъ, при немъ число студійскихъ монаховъ простиралось до 1000. Съ той эпохи Студійскій монастырь считался однимъ изъ важнѣйшихъ столповъ греческаго православія. Тотъ же монастырь сдѣлался главнымъ пріютомъ для русскихъ иноковъ и паломниковъ, особенно для тѣхъ, которые занимались списываніемъ церковныхъ книгъ.

Въ Студійскомъ монастырѣ нѣкоторое время проживалъ упомянутый выше печерскій инокъ Ефремъ скопецъ (бывшій домоправитель великаго князя Изяслава). Съ его помощью Ѳеодосій досталъ полный списокъ Студійскаго устава, который и ввелъ въ своемъ монастырѣ. Уставъ этотъ предписывалъ, вопервыхъ, общежитіе, т. е. отрицалъ частное имущество и отдѣльную трапезу монаховъ. Затѣмъ онъ опредѣлялъ разныя степени и должности, каковы кромѣ игумена: доместикъ, руководившій церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, экономъ, вѣдавшій монастырское имущество, келарь, имѣвшій подъ своимъ надзоромъ братскую трапезу, просфорню и вообще съѣстные припасы, и т. д. Братія дѣлилась на схимниковъ, простыхъ чернецовъ и мірянъ, готовившихся къ иночеству, но еще непостриженныхъ (послушниковъ). Уставъ опредѣлялъ ежедневный порядокъ церковныхъ службъ, церковное пѣніе, чтеніе, стояніе, поклоны, сидѣніе за трапезой, монастырскую пищу и пр. Никакое дѣло не начиналось безъ благословенія игумена, напримѣръ, ни звонъ въ било, созывавшій на моленіе, ни печеніе хлѣбовъ, и т. п. Первоначально иноки кормились скудными приношеніями окрестныхъ жителей и трудами рукъ своихъ: между прочимъ они плели копытца (обувь) и клобуки, которые носили въ городъ на продажу. Но мало по малу князья и бояре, привлекаемые славою Печерской обители, начали приходить сюда за благословеніемъ и приносить дары; а нѣкоторые начали давать монастырю недвижимыя имущества, т. е. земли, разныя угодья и цѣлыя села. Великій князь Изяславъ особенно полюбилъ Ѳеодосія, нерѣдко призывалъ его къ себѣ или самъ запросто пріѣзжалъ къ нему въ обитель. По этому поводу Житіе Ѳеодосія расказываетъ слѣдующій случай. Однажды великій князь по обыкновенію своему, распустивъ бояръ по домамъ, прибылъ въ монастырь только въ сопровожденіи пяти или шести отроковъ, т. е. простыхъ дружинниковъ. У воротъ онъ слѣзъ съ коня, такъ какъ всегда пѣшій входилъ на дворъ монастырскій. Но въ этотъ разъ случилось время полуденное, въ которое братія по обѣдѣ почивала отъ своихъ нощныхъ молитвъ и утреннихъ службъ. На это время игу-

менъ запретилъ вратарю пускать въ монастырь кого бы то ни было до вечерень. Тщетно великій князь стучался въ ворота и просилъ отворить себѣ: вратарь ссылался на игуменское запрещеніе и совѣтовалъ гостю подождать до вечерняго часу. Только убѣдясь, что это дѣйствительно былъ великій князь, онъ побѣжалъ доложить о томъ игумену. Послѣдній конечно поспѣшилъ на встрѣчу высокому гостю, который между тѣмъ смиренно ждалъ, пока отворятъ ему ворота.

Когда Изяславъ былъ изгнанъ своими братьями и Святославъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, Ѳеодосій не только не преклонился передъ его властію, но съ твердостію началъ обличать незаконный поступокъ съ старшимъ братомъ. Не ограничиваясь словеснымъ порицаніемъ, онъ писалъ Святославу обличительныя посланія. Святославъ съ своей стороны сильно гнѣвался на строгаго игумена, и грозилъ ему заточеніемъ. Просьбы бояръ и печерской братіи однако смягчили Ѳеодосія: онъ разрѣшилъ Святославу прибыть въ монастырь, встрѣтилъ его съ подобающею честью, и много бесѣдовалъ съ нимъ, стараясь кроткими словами преклонить его на примиреніе съ старшимъ братомъ. Съ тѣхъ поръ Святославъ не рѣдко пріѣзжалъ въ монастырь, что бы наслаждаться бесѣдою святаго мужа. Ѳеодосій также приходилъ иногда къ Святославу. Однажды—повѣствуетъ Житіе—игуменъ пришелъ во дворецъ въ то время, когда здѣсь веселились, и по обычаю забавляли великаго князя игрою на гусляхъ, органахъ и другихъ заморскихъ инструментахъ. Игуменъ сѣлъ подлѣ князя и поникъ головою. Потомъ онъ спросилъ: „будетъ ли также и на томъ свѣтѣ“? Князь былъ тронутъ этими словами и велѣлъ перестать. Съ тѣхъ поръ, заслышавъ приходъ святаго мужа, онъ приказывалъ замолчать своимъ пѣвцамъ и гуслярамъ. Между кіевскими боярами особеннымъ расположеніемъ Ѳеодосія пользовался Янъ Вышатичъ и его жена Марья, отличавшіеся добрымъ, благочестивымъ житіемъ. Игуменъ любилъ иногда посѣщать ихъ и бесѣдовать съ ними о дѣлахъ милосердія, о царствіи небесномъ, о смертномъ часѣ и пр.

Изъ печерскихъ иноковъ наиболѣе близкимъ къ Ѳеодосію былъ Никонъ великій, какъ называетъ его Житіе, тотъ самый ученикъ Антонія, который совершилъ постриженіе надъ Ѳеодосіемъ. Во время поставленія послѣдняго на игуменство Никонъ отсутствовалъ: онъ отправился на островъ Тмутараканскій, и основалъ тамъ особый монастырь по примѣру Печерскаго, и также въ честь Богородицы. Когдѣ здѣсь скончался князь Ростиславъ Владиміровичъ, то граждане Тмутараканя упросили Никона идти въ Черниговъ къ Святославу и склонить его, что бы онъ опять отпустилъ къ нимъ на княженіе своего старшаго сына Глѣба. Во время этого путешествія Никонъ посѣтилъ родной монастырь, свидѣлся съ своимъ другомъ Ѳеодосіемъ и далъ ему слово воротиться въ Печерскую обитель. Онъ дѣйствительно воротился, и жилъ въ великомъ согласіи и дружбѣ съ Ѳеодосіемъ. Очень часто видали ихъ вмѣстѣ трудящимися во время свободное отъ церковной службы: великій Никонъ сшивалъ и переплеталъ рукописи, а Ѳеодосій сидѣлъ подлѣ него, и прялъ нити, потребныя для этого переплета.

Такъ какъ монастырь все болѣе расширялся и приходилъ въ цвѣтущее состояніе, то Ѳеодосій задумалъ воздвигнуть уже большой каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы и взялъ для этого благословеніе у св. Антонія. Великій князь Святославъ подарилъ для церкви мѣсто неподалеку отъ стараго Печерскаго монастыря на Берестовомъ полѣ, и пожертвовалъ на ея сооруженіе до ста гривенъ золота. Онъ призвалъ мастеровъ изъ Грецiи для постройки этого храма, и самъ первый началъ рыть землю подъ его основаніе. Изъ бояръ наиболѣе значительный вкладъ на украшеніе Печерскаго храма принесъ знатный варяжскій выходецъ Шимонъ, принявшій православіе и сдѣлавшійся однимъ изъ вельможъ князя Всеволода Ярославича. Онъ подарилъ золотую цѣпь въ пятьдесятъ гривенъ и драгоцѣнный вѣнецъ, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ отца. Закладка храма совершилась въ 1073 году. Ѳеодосій съ братіей ежедневно и неутомимо трудился при постройкѣ, помогая мастерамъ. Но уже близился его собственный конецъ. Въ томъ же 1073 году

скончался св. Антоній; а въ слѣдующемъ, едва было выведено основаніе новой церкви, Ѳеодосій сильно разнемогся. Онъ собралъ братію и сказалъ: „Вотъ я отхожу отъ васъ; посовѣтуйтесь между собою и изберите себѣ игумномъ кого пожелаете, что бы я благословилъ его". Братія, переговоривъ между собой, просила благословить на игуменство Стефана доместика, одного изъ учениковъ Ѳеодосія, и послѣдній исполнилъ ея желаніе. За два дня до его кончины приходилъ къ нему великій князь Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Умирающій игуменъ благословилъ ихъ, и взялъ съ великаго князя слово имѣть попеченіе о его монастырѣ. Онъ скончался 3 мая 1074 года, и по своему желанію былъ погребенъ въ той пещерѣ, которую ископалъ своими руками и въ которую, будучи игуменомъ, имѣлъ обыкновеніе затворяться во время великаго поста. Преемникъ его Стефанъ ревностно продолжалъ построеніе храма. Но онъ уже не имѣлъ той желѣзной воли, которая держала братію въ строгомъ подчиненіи. Спустя года три, по причинѣ какихъ то неудовольствій, онъ принужденъ былъ оставитъ Печерскую обитель, и не подалеку отъ нея основалъ новый монастырь, который названъ Кловскимъ по мѣсту, гдѣ находился, или Влахернскимъ, по своему храму, сооруженному въ честь Влахернской Богородицы. Въ послѣдствіи Стефанъ былъ рукоположенъ во епископа Владиміра Волынскаго. Преемникъ его на печерскомъ игуменствѣ, великій Никонъ окончилъ храмъ Успенія; при немъ начались расписаніе и мозаичныя украшенія этого храма, исполненныя иконописцами и художниками цареградскими. Но освященіе его совершилось уже при слѣдующемъ игумнѣ Іоаннѣ въ 1089 году, въ княженіе Всеволода, когда тысяцкимъ въ Кіевѣ или главнымъ воеводою былъ другъ Ѳеодосія упомянутый выше бояринъ Янъ. Храмъ былъ освященъ митрополитомъ Іоанномъ, которому при этомъ сослужили епископы Лука Бѣлогородскій, Исаія Ростовскій, Іоаннъ Черниговскій и Антоній Юрьевскій. Вмѣстѣ съ новымъ храмомъ постреныи новыя келліи для братіи, которая перешла сюда изъ стараго монатыря. Тѣло Ѳеодосія, остававшееся семнадцать лѣтъ въ пещерѣ, было перенесено въ новый храмъ и положено въ правомъ притворѣ.

Святая обитель все болѣе и болѣе пріобрѣтала значенія въ глазахъ князей и народа. Лѣтопись, напримѣръ, говоритъ, что великій князь Святополкъ имѣлъ обыкновеніе, собираясь въ походъ или другое какое путешествіе, приходить въ Печерскій монастырь, что бы тамъ помолиться у гроба св. Ѳеодосія и взять благословеніе отъ игумена. Послѣ погрома, понесеннаго въ 1096 году отъ Половцевъ, обитель скоро оправилась, продолжая богатѣть и украшаться дорогими постройками. Богатства ея росли вслѣдствіе щедрыхъ вкладовъ отъ людей княжескаго и боярскаго рода. Шимонъ Варягъ, помогавшій своимъ имуществомъ при сооруженіи Печерскаго храма, былъ и погребенъ въ обители. Въ послѣдствіи сынъ этого Шимона Георгій, бывшій тысяцкимъ въ Ростовѣ, прислалъ, какъ говорятъ, пятьсотъ гривенъ серебра и пятьдесятъ золота, что бы золотомъ и серебромъ оковать раку св. Ѳеодосія. Знатные люди не рѣдко изъявляли желаніе быть погребенными въ этомъ святомъ мѣстѣ или погребались здѣсь по усердію своихъ родственниковъ. Такъ въ Печерскомъ храмѣ Успенія близъ Ѳеодосія были погребены тѣла любимой имъ четы, боярина Яна Вышатича, достигшаго девяностолѣтняго возраста, и его супруги Маріи. Тамъ же положенъ прахъ Глѣба Всеславича, князя Минскаго, взятаго въ плѣнъ Владиміромъ Мономахомъ. Этотъ Глѣбъ и супруга его, дочь несчастнаго Ярополка Изяславича (убитаго Нерадцемъ), дали вкладу въ Печерскій монастырь до семисотъ гривенъ серебра и до ста гривенъ золота. Глѣбъ умеръ въ 1119 году. Супруга его жила вдовою около сорока лѣтъ, умерла на восемьдесятъ пятомъ году отъ роду, и положена подлѣ своего мужа. Она завѣщала обители пять селъ съ челядью и все свое движимое имущество, „даже до повойника", какъ замѣчаетъ лѣтопись. Въ этомъ случаѣ она подражала не только мужу, но и отцу своему, который подарилъ Печерскому монастырю нѣсколько собственныхъ волостей. Въ Успенской церкви была погребена и сестра Мономаха Евпраксія, бывшая супруга императора Генриха IV.

Такимъ образомъ Кіевъ, это средоточіе Русской политической жизни, по естественному ходу исторіи сдѣлался

и средоточіемъ русскаго православія, главнымъ мѣстомъ русскихъ святынь. Въ самомъ Кіевѣ красовались храмы Десятинный и Софійскій съ гробницами Владиміра и Ярослава. Въ сѣверномъ его пригородѣ, т. е. въ Вышгородѣ, находились раки чисто русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, а въ южныхъ окрестностяхъ сіяла Печерская обитель съ могилами также чисто русскихъ святыхъ, Антонія, Ѳеодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ ея знаменитыхъ пещерахъ. Мало по малу съ отдаленныхъ концевъ Руси народъ привыкъ стекаться въ Кіевъ на поклоненіе его святынямъ.

Изъ тѣхъ печерскихъ иноковъ, которые сдѣлались предметомъ монастырскихъ сказаній, въ послѣдствіи вошедшихъ въ сборникъ Житій или такъ называемый Патерикъ Печерскій, особенно замѣчательны: Даміянъ цѣлитель, Матвѣй прозорливецъ, Исаакій затворникъ, старецъ Іеремія, который помнилъ крещеніе Русской земли при Владимірѣ, Агапитъ врачъ безмездный, Маркъ гробокопатель, Алимпій, первый русскій иконописецъ, Никола Святоша и др. Они были современниками Ѳеодосія или подвизались, вскорѣ послѣ него.

Много чудныхъ легендъ повѣствуется о печерскихъ подвижникахъ, объ ихъ необыкновенномъ постничествѣ, терпѣніи и особенно объ ихъ неутомимой борьбѣ съ злыми духами, которые постоянно изощряются въ разныхъ способахъ, что бы искушать подвижниковъ и мѣшать ихъ спасенію. (По большей части это олицетвореніе страстей или побужденій человѣческой плоти, легкомыслія, гордости и другихъ слабостей). Вотъ, напримѣръ, Матвѣй прозорливецъ стоитъ однажды въ церкви и видится ему, какъ бѣсъ, въ образѣ Ляха, несетъ въ полѣ своей луды или плаща цвѣтки, называемые лѣпками, и бросаетъ ихъ то на того, то на другаго изъ братіи, поющей заутреню. Къ кому цвѣтокъ прилипнетъ, того начинаетъ сильно клонить ко сну; немного постоявъ, онъ уходитъ въ свою келлію и засыпаетъ; но къ кому цвѣтокъ не прилипнетъ, тотъ бодро выстаиваетъ службу до конца. Въ другой разъ, во время игуменства великаго Никона, онъ за утренней службой хотѣлъ взглянуть на игу-

мена, и на мѣстѣ его увидѣлъ бѣса, стоящаго въ образѣ ослиномъ; Матвѣй понялъ, что престарѣлый Никонъ еще не всталъ отъ сна. Или вотъ Исаакій затворникъ, бывшій прежде купцомъ въ городѣ Торопцѣ и раздавшій все имѣніе нищимъ, сидитъ въ своей тѣсной пещерѣ; до самой полуночи онъ пѣлъ псалмы и молился, и теперь, погасивъ свѣтильникъ, присѣлъ, что бы немного отдохнуть. Вдругъ пещера его озарилась ослѣпительнымъ свѣтомъ; предстали два прекрасные юноши, и говорятъ: „Исаакій! мы ангелы, а се идетъ къ тебѣ Христосъ; поклонись ему въ землю". Затворникъ не спохватился осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и поспѣшилъ совершить поклонъ. Вдругъ бѣсы воскликнули: „теперь ты уже нашъ, Исаакій!" Вся келлія наполнилась бѣсами, которые принялись играть въ сопѣли, бубны и гусли, и заставили плясать затворника до истощенія силъ; такъ что, наругавшись надъ нимъ, оставили его еле живаго. Въ теченіе нѣскольких лѣтъ лежалъ онъ, пораженный полнымъ разслабленіемъ и лишенный языка. Но въ послѣдствіи мало по малу Исаакій оправился, наложилъ на себя юродство, подвергъ себя всякаго рода лишеніямъ и трудамъ; пока наконецъ удостоился загладить свой грѣхъ и побѣдить бѣса. А вотъ и другой затворникъ Никита, который подвизался во время игуменства великаго Никона. Онъ затворился въ надеждѣ получить отъ Бога даръ чудотворенія, и былъ конечно наказанъ за свое лжесмиреніе. Лукавый явился къ нему въ образѣ ангела, какъ будто посланнаго самимъ Богомъ. Никита съ его помощью началъ расказывать о томъ, что дѣлалось въ отдаленныхъ областяхъ, и скоро прослылъ за пророка. Особенно онъ поражалъ приходящихъ къ нему своею начитанностію въ книгахъ Ветхаго завѣта. Но страннымъ показалось, что онъ никогда не хотѣлъ ни говорить, ни слышать объ евангеліи и апостолѣ. Отсюда игуменъ и другіе старцы скоро догадались, въ чемъ дѣло. Они пришли къ затворнику, и молитвами своими отогнали отъ него бѣса. Оказалось, что Никита не только не отличался ученостію, но никогда прежде не читалъ Св. писанія; такъ что старцы послѣ съ трудомъ научили его грамотѣ. Съ тѣхъ поръ,

оставивъ затворничество, онъ предался истинному смиренію и благочестію.

Первый изъ русскихъ князей, вступившихъ инокомъ въ Печерскую обитель, былъ Николай Святоша, сынъ черниговскаго князя Давида, внукъ Святослава Ярославича. Подобно дѣду, онъ носилъ языческое имя Святослава, откуда и получилъ прозваніе Святоши. Въ 1106 году онъ постригся, и затѣмъ проходилъ разныя послушанія, прежде нежели поселился въ келліи: три года работалъ на братію въ поварнѣ и три года былъ монастырскимъ привратникомъ.

Печерская обитель имѣла великое вліяніе на русское монашество. По образцу ея стали распространяться въ Россіи и другіе общежительные монастыри; подвижники ея сдѣлались предметомъ подражанія для иноковъ. О важномъ ея значеніи въ исторіи Русской церкви свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что уже съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія она преимущественно передъ всѣми другими монастырями начала снабжать русскія области іерархами. Такъ инокъ Ефремъ, бывшій домоправитель великаго князя и приславшій Ѳеодосію изъ Царьграда списокъ Студійскаго устава, въ послѣдствіи поставленъ епископомъ южнаго Переяславля, и ознаменовалъ здѣсь свое архіерейство построеніемъ многихъ храмовъ, каменныхъ городскихъ стѣнъ и другихъ зданій. Между прочимъ онъ возвелъ въ Переяславлѣ какое то *банное строеніе*; чего по замѣчанію лѣтописи прежде не было на Руси. (По мнѣнію Карамзина, болѣе другихъ вѣроятному, это былъ баптистеріумъ или крещальня при соборномъ храмѣ). Далѣе, Стефанъ, преемникъ Ѳеодосія на игуменствѣ, возведенъ на архіерейскую каѳедру Владиміра Волынскаго; упомянутый выше затворникъ Никита является въ послѣдствіи епископомъ Великаго Новгорода; Исаія, печерскій инокъ при Ѳеодосіѣ, потомъ прославился какъ епископъ Ростовскій, и др. Нѣкоторые изъ печерскихъ иноковъ не только извѣстны какъ проповѣдники христіанства въ тѣхъ областяхъ Россіи, которыя еще коснѣли въ язычествѣ; но и запечатлѣли свои апостольскіе подвиги смертію мучениковъ. Таковы: св. Леонтій, предшествен-

никъ Исаія на Ростовской каѳедрѣ, какъ говорятъ, погибшій тамъ отъ язычниковъ, и св. Кукша, который крестилъ много народу въ странѣ дикихъ Вятичей, но наконецъ принялъ отъ нихъ смерть вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Никономъ ([56]).

Основатели и подвижники Печерскаго монастыря свидѣтельствуютъ о той силѣ характера, о томъ устоѣ и многостороннихъ способностяхъ, которыми природа одарила Русскій народъ. Онъ одинаково является великимъ въ своихъ представителяхъ на поприщѣ государственнаго и церковнаго быта. То глубокое религіозное чувство, которое въ періодъ языческій доводило русскаго человѣка до кровавыхъ жертвоприношеній идоламъ, очищенное свѣтомъ новой религіи, обратило его къ подвигамъ самоистязанія и смиренія, но не тупаго, робкаго смиренія, а сознательнаго и дѣятельнаго. Христіанская Русь усвоиваетъ себѣ идеалы, принесенные Греческою церковью, и ревностно старается осуществить ихъ въ лицѣ своихъ подвижниковъ. Не уступая въ аскетизмѣ восточнымъ образцамъ, они не разрываютъ всѣхъ связей съ міромъ; а стараются вліять на улучшеніе его нравственности, на улучшеніе самыхъ гражданскихъ отношеній, разумѣется, сообразно съ своими понятіями, со степенью своего собственнаго развитія.

Какъ и во всей средневѣковой Европѣ, монастыри явились на Руси зачатками и хранителями книжной образованности. Разцвѣтъ русской письменности связанъ съ тою же Кіевопечерскою обителью, по преимуществу передъ другими монастырями. Здѣсь подвизалась и отсюда вышла значительная часть древнерусскихъ писателей.

VII.

НАЧАЛО КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Поученія митрополитовъ. Иларіонъ. Сочиненія Θеодосія. Несторъ Печерскій. Происхожденіе лѣтописи. Сильвестръ Выдубецкій ея составитель. Басня о призваніи Варяговъ. Даніилъ Паломникъ. Происхожденіе Русской Правды. Судебная вира. Различіе по сословіямъ. Хозяйство и торговля. Женщина. Иноземцы. Церковный судъ. Положеніе Духовенства. Языческіе волхвы.

Книжное дѣло въ Россіи получило свое начало вмѣстѣ съ водвореніемъ греческаго христіанства и славяноболгарскихъ переводовъ Св. писанія. Византійская словесность надолго осталась образцомъ и главнымъ источникомъ для нашей словесности; а книжный болгарскій языкъ и болгарская грамота легли въ основу русской письменности. Древнѣйшими памятниками ея служатъ славянскіе переводы договоровъ Олега, Игоря и Святослава; хотя они относятся къ эпохѣ послѣднихъ языческихъ князей; но несомнѣнно, что въ эту эпоху уже существовала крещеная Русь, а слѣдовательно и церковнославянская грамота.

Въ числѣ первыхъ русскихъ писателей являются наши первые митрополиты и другіе іерархи, приходившіе къ намъ изъ Византіи. Славянскій языкъ, употреблявшійся ими, заставляетъ предполагать, что константинопольскій патріархатъ назначалъ на русскія каѳедры именно тѣ лица, которыя были славянскаго происхожденія, или тѣхъ Грековъ, которые были знакомы съ церковнославянскимъ языкомъ. (Возможно впрочемъ и то, что въ случаѣ малаго знакомства съ этимъ языкомъ они для своихъ по-

сланій къ паствѣ имѣли подъ рукой славянскихъ переводчиковъ). Таковы, напримѣръ, митрополиты Іоаннъ, современникъ Всеволода, названный въ лѣтописи мужемъ книжнымъ и ученымъ, и Никифоръ, современникъ Владиміра Мономаха. Сочиненія этихъ и другихъ іерарховъ представляютъ по преимуществу разнаго рода правила и поученія; онѣ имѣли своею задачею внутреннее благоустройство юной Русской церкви и опредѣленіе ея внѣшнихъ отношеній, разрѣшеніе безпрерывно возникавшихъ вопросовъ со стороны обрядовой и житейской, борьбу съ разными языческими обычаями, которые медленно уступали свое мѣсто христіанскимъ установленіямъ, и т. п.

Отъ митрополита Іоанна дошло до насъ *Церковное Правило*, обращенное къ черноризцу Іакову, который вѣроятно предлагалъ митрополиту разные вопросы на разрѣшеніе. Въ этомъ посланіи митрополитъ возстаетъ противъ торговли рабами, волхвованія, пьянства, нескромныхъ пѣсенъ, плясокъ и другихъ языческихъ обычаевъ, а также противъ вольнаго сожитія съ женщиной и существовавшаго въ простонародьѣ мнѣнія, что вѣнчальный обрядъ изобрѣтенъ только для князей и вообще людей знатныхъ. Особенно замѣтно стараніе греко-русскихъ іерарховъ оградить Русскую церковь отъ вліянія папства, отъ сближенія съ латинствомъ. Старанія эти тѣмъ понятнѣе, что русскіе князья находились въ дѣятельномъ общеніи и въ родственныхъ связяхъ съ другими государями европейскими, особенно съ сосѣдями своими, королями польскими, нѣмецкими, скандинавскими и угорскими; тогда какъ именно во второй половинѣ XI вѣка совершилось окончательное раздѣленіе церквей, и послѣдовали тѣ мѣры Григорія VII, которыя еще болѣе усилили различіе въ характерѣ греческаго и латинскаго клира. Митрополитъ Іоаннъ въ своемъ Правилѣ осуждаетъ обыкновеніе русскихъ князей отдавать своихъ дочерей замужъ въ чужія земли (гдѣ онѣ обыкновенно окатоличивались). А митрополитъ Никифоръ посвятилъ Владиміру Мономаху цѣлое посланіе объ отличіяхъ Римской церкви отъ Православной. Онъ насчитываетъ до двадцати отличій, между которыми главное мѣсто занимаютъ: служеніе на опрѣ-

снокахъ, безбрачіе и брадобритіе священниковъ, а также ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и *Сына;* послѣднее онъ называетъ „великимъ зловѣрствомъ“.

Тоже стремленіе къ поученію, наставленію и утвержденію въ правилахъ христіанской церкви заключается и въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ собственно русскихъ іерарховъ и подвижниковъ. Рядъ этихъ писателей открывается тѣмъ самымъ Иларіономъ, который былъ первымъ кіевскимъ митрополитомъ русскаго происхожденія и съ которымъ связано пещерное начало знаменитой Кіевской обители. До насъ дошло нѣсколько его сочиненій, а именно: „Ученіе о Ветхомъ и Новомъ законѣ“, съ которымъ соединена „Похвала кагану нашему Владиміру“, и „Исповѣданіе вѣры“. Свѣтлый умъ, начитанность и даровитость, которыми отличаются эти произведенія, вполнѣ объясняютъ намъ, почему великій князь Ярославъ показалъ такое уваженіе къ ихъ автору, изъ простыхъ священниковъ возвысивъ его на степень русскаго митрополита. Первое изъ названныхъ сочиненій направлено въ особенности противъ іудейства; что подтверждаетъ присутствіе на Руси іудейскихъ колоній и пропаганды, шедшихъ вѣроятно съ юговостока изъ Хазаріи при посредствѣ нашихъ Тмутраканскихъ владѣній. (О еврейской колоніи въ Кіевѣ упоминаетъ Житіе Ѳеодосія; объ озлобленіи Кіевлянъ противъ жидовъ свидѣтельствуетъ лѣтопись по поводу смерти Святополка II). Перешедши отъ Ветхаго завѣта къ Новому, отъ іудейства къ христіанству, авторъ говоритъ о крещеніи Русскаго народа и превозноситъ виновника этого крещенія, кагана Владиміра. Тутъ слово его проникнуто одушевленіемъ и отличается истиннымъ краснорѣчіемъ. „Уже не капища сограждаемъ— говоритъ онъ,—но Христовы церкви зиждемъ. Уже не закалаемъ бѣсамъ другъ друга; но Христосъ за насъ закалаемъ бываетъ. Уже не кровь жертвъ вкушая, погибаемъ; но Христовой пречистой крови вкушая, спасаемся“. „Всѣ страны, города и люди чтутъ и славятъ каждый своего учителя въ Православной вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по мѣрѣ малыхъ силъ нашихъ, великія и дивныя дѣла нашего учителя и наставника, великаго кагана нашей земли,

Владиміра, внука стараго Игоря, сына славнаго Святослава, которые своею храбростью и мужествомъ прославились во многихъ странахъ и нынѣ поминаются со славою". Особенно живая картина заключается въ слѣдующемъ описаніи Руси послѣ крещенія: „Тогда солнце Евангельское освѣтило нашу землю, капища разрушились, церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святыхъ являются; монастыри стали на горахъ; апостольская труба и евангельскій громъ огласилъ всѣ грады; ѳиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ; мужи и жены, малые и большіе, всѣ люди, наполнивъ церкви, возславили Бога". Похвалу Владиміру Иларіонъ оканчиваетъ похвалою своему покровителю Ярославу, который довершилъ великое дѣло, начатое отцомъ. Кромѣ блестящей картины, начертанной авторомъ, изъ его произведенія мы видимъ, какъ уже съ самаго водворенія христіанской религіи на Руси, духовенство поддерживаетъ священное значеніе княжеской власти, находя въ ней опору своему высокому положенію и призванію. Русская церковь усвоиваетъ себѣ отличительную черту церкви Греческой отъ Латинской: безпритязательность первой на господство свѣтское и смиреніе передъ властію гражданскою или государственною. Да иначе и быть не могло при слабости ѳеократическаго начала, обнаруженной еще въ языческій періодъ, и при исконномъ, довольно широкомъ развитіи княжеской власти у Русскаго народа.

Въ XI вѣкѣ не одинъ Иларіонъ прославлялъ великія дѣла Владиміра. Этотъ князь вообще сдѣлался любимымъ героемъ нашей народной и книжной словесности. Отъ эпохи первыхъ Ярославичей до насъ дошла еще „Похвала князю Владиміру", сочинитель которой называетъ себя Іаковомъ Мнихомъ. Полагаютъ, что это былъ тотъ самый пресвитеръ Іаковъ, инокъ печерскій, котораго Ѳеодосій при своей кончинѣ предлагалъ наречь себѣ преемникомъ; но братія отвѣчала, что онъ постриженъ не въ Печерскомъ монастырѣ, и пожелала имѣть игумномъ Стефана, ученика и постриженника Ѳеодосіева. Знаменитый игуменъ печерскій самъ любилъ заниматься книжнымъ дѣломъ, и писалъ поученія. До насъ не дошло ни одного изъ

обличительныхъ посланій къ великому князю Святославу, о которыхъ упоминаетъ Житіе Θеодосія. Но мы имѣемъ нѣсколько его поученій, обращенныхъ преимущественно къ монастырской братіи, каковы наставленія о любви къ Богу, о милостыни, терпѣніи, трудахъ и пр. Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ своихъ онъ, какъ строгій аскетъ, сильно вооружается противъ пьянства, распущенныхъ нравовъ, суевѣрій и разныхъ игрищъ, оставшихся отъ язычества. „Несть ли поганый (языческій) обычай—восклицаетъ онъ: кто повстрѣчаетъ на дорогѣ чернеца или черницу, свинью или лысаго коня, то возвращается назадъ? Другіе вѣрятъ въ чохъ, въ волхвованіе, или занимаются ростомъ, воровствомъ, скоморошествомъ, гуслями, сопѣлями и вообще неподобными дѣлами". „Или, когда мы стоимъ въ церкви, то можно ли смѣяться и шептаться? Все это заставляетъ васъ дѣлать окаянный діаволъ". Θеодосій между прочимъ, въ отвѣтъ на собственный запросъ великаго князя Изяслава, написалъ къ нему посланіе о Варяжской или Латинской вѣрѣ; въ чемъ предварилъ упомянутыхъ выше митрополитовъ Іоанна и Никифора. Онъ также исчисляетъ отличія Латинской церкви; но вооружается противъ нихъ еще съ большею энергіей; также охуждаетъ брачные союзы русскихъ государей съ западными, и вообще совѣтуетъ православнымъ избѣгать общенія съ латинами (57).

Отъ поученій и наставленій, какъ вести себя доброму христіанину, истинному сыну Православной церкви, книжная словесность наша естественно должна была переходить къ живымъ примѣрамъ, къ изображенію тѣхъ мужей, которые пріобрѣли славу мучениковъ, подвижниковъ, вообще людей святыхъ, угодившихъ Богу. Отсюда въ древнерусской словесности очень рано развился богатый отдѣлъ, посвященный жизнеописанію и прославленію подобныхъ мужей. Рядомъ съ переводными житіями святыхъ общехристіанскихъ и преимущественно греческихъ, начали появляться сказанія и о русскихъ угодникахъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ все той же Печерской обители. Ея необычайное начало и процвѣтаніе постоянно склоняли мысли печерскихъ иноковъ къ ея славнымъ

основателямъ и устроителямъ, Антонію и Ѳеодосію, а также къ ихъ ближайшимъ послѣдователямъ. Расказы объ этихъ мужахъ сдѣлались однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ чтенія и списыванія въ древней Россіи. Во главѣ такихъ произведеній стоитъ „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, игумена Печерскаго". Подобно твореніямъ митрополита Иларіона оно отличается прекраснымъ языкомъ, толковымъ изложеніемъ и обнаруживаетъ несомнѣнный литературный талантъ его сочинителя. А сочинителемъ этого житія былъ печерскій инокъ Несторъ. О немъ мы знаемъ только то немногое, что онъ самъ мимоходомъ замѣчаетъ о себѣ въ этомъ Житіи Ѳеодосія. А именно, Несторъ вступилъ въ Печерскій монастырь при преемникѣ Ѳеодосіевомъ Стефанѣ, былъ имъ постриженъ и возведенъ въ дьяконскій санъ. Ѳеодосія онъ не зналъ лично; но большинство иноковъ еще находилось подъ живымъ впечатлѣніемъ этого необыкновеннаго человѣка, и монастырь былъ полонъ расказами о его дѣятельности. Вдохновенный этими расказами и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которымъ была окружена память о св. игуменѣ, Несторъ рѣшился описать его житіе. Оно указываетъ на нѣкоторыхъ изъ братіи, которые помогали ему своими воспоминаніями. Главнымъ источникомъ для него служили бесѣды Ѳеодора, который исполнялъ должность келаря при Ѳеодосіѣ. Этому Ѳеодору, по словамъ Нестора, мать Ѳеодосія сама расказывала исторію своего сына до его бѣгства изъ Курска въ Кіевъ. Нѣкоторыя подробности о св. игуменѣ сообщилъ Нестору инокъ Иларіонъ, который былъ искусенъ въ книжномъ дѣлѣ, и часто занимался перепискою книгъ въ келліи самаго Ѳеодосія, т. е. подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Поминаетъ онъ о расказахъ и другихъ иноковъ, которыхъ не называетъ по имени. Очевидно самъ Ѳеодосій, любившій книжное дѣло, своимъ примѣромъ и поощреніемъ много содѣйствовалъ тому литературному направленію, которое мы встрѣчаемъ въ Печерской обители преимущественно передъ другими русскими монастырями того времени. Любовь къ книжному дѣлу можетъ быть имѣла нѣкоторое вліяніе и на сочувствіе Ѳеодосія къ Студійскому монастырю предпочтительно передъ другими

греческими обителями, потому что въ немъ кромѣ общежитія процвѣтала и литературная дѣятельность. Когда Несторъ приступилъ къ Житію Ѳеодосія, онъ уже достаточно былъ подготовленъ къ своей задачѣ, достаточно опытенъ въ сочинительствѣ. Въ предисловіи къ этому труду онъ замѣчаетъ, что Господь уже сподобилъ его написать „О житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба". Эти князья-мученики, какъ сказано выше, сдѣлались также однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ древнерусскихъ сказаній; не одинъ Несторъ описывалъ житіе братьевъ-мучениковъ и главнаго устроителя Печерской обители; но ему принадлежитъ починъ въ томъ и другомъ случаѣ. Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ онъ также называетъ себя „грѣшнымъ" Несторомъ и упоминаетъ о себѣ какъ о сочинителѣ, который тщательно распрашивалъ людей знающихъ и собиралъ расказы о свв. братьяхъ ([58]).

По всѣмъ признакамъ эти два произведенія, исполненныя высокихъ достоинствъ, доставили Нестору уваженіе современниковъ и прочную память въ потомствѣ. Можетъ быть, онъ написалъ и еще что либо, до насъ недошедшее. Во всякомъ случаѣ его авторскою славою преимущественно можно объяснять то обстоятельство, что въ послѣдствіи съ его именемъ стали связывать такой важный памятникъ древнерусской словесности, какъ начальная Русская лѣтопись; хотя она ему не принадлежала.

Наши лѣтописи возникли при непосредственномъ участіи самихъ русскихъ князей. Извѣстно, что уже сынъ перваго христіанскаго князя въ Кіевѣ, Ярославъ, отличался любовью къ просвѣщенію книжному, собиралъ около себя переводчиковъ и писцевъ; заставлялъ переводить съ греческаго или переписывать уже готовые славяноболгарскіе переводы. Тутъ надобно разумѣть переводы Св. писанія, творенія отцовъ церкви, а также византійскіе хронографы. Объ усердіи Ярослава къ успѣхамъ словесности Русской свидѣтельствуетъ и покровительство, оказанное имъ такому даровитому писателю какъ Иларіонъ, его волею возвышенный въ санъ митрополита. У насъ повторилось тоже явленіе какъ въ Дунайской Болгаріи:

Борисъ крестился со всею Болгарскою землею; а при сынѣ его книголюбцѣ Симеонѣ началось уже процвѣтаніе болгарской книжной словесности. Сыновья Ярослава продолжали дѣло отца. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Святославъ Ярославичъ имѣлъ у себя уже значительное книгохранилище, отъ котораго дошелъ извѣстный подъ его именемъ Сборникъ. Дьякъ Іоаннъ, переписавшій этотъ сборникъ съ болгарской рукописи для Святослава Ярославича, замѣтилъ объ этомъ князѣ въ своемъ послѣсловіи, что онъ „божественными книгами *исполнилъ* свои полати". Князьямъ подражали и нѣкоторые ихъ бояре. Отъ той же эпохи сохранился у насъ списокъ евангелія, извѣстный подъ именемъ „Остромірова". Онъ былъ написанъ по заказу Остроміра, бывшаго родственникомъ великому князю Изяславу Ярославичу и его посадникомъ въ Новѣгородѣ, какъ о томъ замѣтилъ въ послѣсловіи самъ списатель какой то дьяконъ Григорій.

Особенно прилежавшимъ книжному просвѣщенію является внукъ Ярослава Владиміръ Мономахъ, который и самъ былъ авторомъ. До насъ дошли два его произведенія: краснорѣчивое письмо къ Олегу Святославичу по поводу своего сына Изяслава, павшаго въ бою, и знаменитое Поученіе, обращенное къ дѣтямъ. Если бы оба эти произведенія и были написаны съ помощью кого либо изъ близкихъ ему духовныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ значительная доля творчества несомнѣнно принадлежитъ здѣсь самому князю. Участіе Владиміра Мономаха въ дѣлѣ русской словесности яснѣе всего подтверждается тѣмъ, что именно во время его кіевскаго княженія и конечно не безъ его содѣйствія былъ составленъ нашъ первый лѣтописный сводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что начатки лѣтописнаго дѣла на Руси относятся ко времени болѣе раннему, и по всей вѣроятности къ эпохѣ книголюбца Ярослава. Краткія замѣтки о важныхъ событіяхъ военныхъ, о рожденіи и смерти князей, о построеніи важнѣйшихъ храмовъ, о солнечныхъ затмѣніяхъ, о голодѣ, морѣ и т. п. могли быть заносимы въ такъ наз. Пасхальныя таблицы. Изъ этихъ таблицъ развились лѣтописи на западѣ; такъ было и у насъ. Пасхальныя таблицы перешли къ намъ конечно изъ Византіи съ

ихъ лѣтосчисленіемъ по индиктамъ, съ солчечнымъ кругомъ и т. п. Упомянутыя замѣтки, какъ и въ Западной Европѣ, вели у насъ грамотные монахи при главныхъ епископскихъ храмахъ или въ тишинѣ монастырскихъ келлій. Съ развитіемъ грамоты сама собою явилась на Руси потребность объяснить, откуда взялись русскіе князья старые и увѣковѣчить дѣла князей современныхъ: явилась потребность въ исторической словесности. Переводные византійскіе хронографы или обозрѣнія всемірной исторіи послужили ближайшими образцами для нашей лѣтописи. Такая лѣтопись естественно должна была явиться въ средоточіи Русской земли, вблизи главнаго русскаго князя, т. е. въ стольномъ Кіевѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы далѣе за Печерскою обителью, на крутомъ берегу Днѣпра находился Михайловскій монастырь Выдубецкій, которому особенно покровительствовалъ великій князь Всеволодъ Ярославичъ, отецъ Мономаха. Между прочимъ онъ построилъ здѣсь каменный храмъ св. Михаила. Послѣ Всеволода этотъ монастырь пользовался особымъ уваженіемъ и покровительствомъ со стороны его потомства. Когда Владиміръ Мономахъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, игумномъ Выдубецкаго монастыря былъ Сильвестръ. Ему то и принадлежитъ начало нашихъ лѣтописныхъ сводовъ или такъ наз. *Повѣсть временныхъ лѣтъ*, которая взяла на себя задачу расказать: „откуда пошелъ Русскій народъ, кто въ Кіевѣ сперва княжилъ и какъ установилась Руская земля“. Авторъ Повѣсти очевидно владѣлъ навыкомъ въ книжномъ дѣлѣ и замѣчательнымъ дарованіемъ. Въ основу своего труда онъ положилъ византійскаго хронографа Георгія Амартола, жившаго въ IX вѣкѣ, и его продолжателей, имѣя подъ рукою славяноболгарскій переводъ этого хронографа. Отсюда Сильвестръ между прочимъ заимствовалъ описаніе разныхъ народовъ и языковъ, населившихъ землю послѣ потопа и столпотворенія Вавилонскаго. Отсюда же онъ взялъ извѣстіе о первомъ нападеніи Руси на Царьградъ въ 865 г. и о нападеніи Игоря въ 941. Повѣсть нерѣдко украшается текстами и большими выписками изъ Св. писанія, изъ сборниковъ ветхо-

завѣтныхъ сказаній (т. е. изъ Палеи), изъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей греческихъ (напр. Меѳодія Патарскаго и Михаила Синкела) и писателей русскихъ (напр. Ѳеодосія Печерскаго), а также изъ сочиненій славяноболгарскихъ (напр. изъ Житія Кирилла и Меѳодія); что свидѣтельствуетъ о довольно обширной начитанности автора и его подготовкѣ къ своему дѣлу. Расказы о первыхъ временахъ наполнены легендами и баснями, какъ это бываетъ въ начальной исторіи всякаго народа; но чѣмъ ближе къ своему времени, тѣмъ Повѣсть становится полнѣе, достовѣрнѣе, обстоятельнѣе. Достовѣрность ея конечно усиливается со времени окончательнаго водворенія христіанства въ Кіевской землѣ, особенно со времени Ярослава, когда грамота стала развиваться на Руси и когда начались упомянутыя выше замѣтки при Пасхальныхъ таблицахъ. Слѣды этихъ таблицъ видны въ томъ, что лѣтописецъ, расказывая событія по годамъ, обозначаетъ и такіе годы, происшествія которыхъ ему остались неизвѣстны или въ которые ничего замѣчательнаго не случилось. Для XI вѣка ему служили еще воспоминанія старыхъ людей. Сильвестръ самъ указываетъ на одного изъ такихъ стариковъ, именно на кіевскаго боярина Яна Вышатича, того самаго, который былъ другомъ Ѳеодосія Печерскаго и скончался въ 1106 г. девяноста лѣтъ отъ роду. Приводя извѣстіе о его кончинѣ, сочинитель Повѣсти замѣчаетъ: „многое слышанное отъ него я внесъ въ эту лѣтопись". Исторія второй половины XI вѣка и начала XII-го совершалась на глазахъ самаго автора. Его добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу видно изъ того, что расказы объ этомъ времени онъ старался собирать изъ первыхъ рукъ, т. е. распрашивалъ по возможности очевидцевъ и участниковъ. Таковы, напримѣръ, свидѣтельства какого то печерскаго инока о св. игумнѣ Ѳеодосіѣ, объ открытіи и перенесеніи его мощей изъ пещеры въ храмъ Успенія, повѣствованіе какого то Василія объ ослѣпленіи и содержаніи подъ стражею Василька Ростиславича, и т. п.

Владиміръ Мономахъ по всей вѣроятности не только поощрялъ составленіе этой лѣтописи; но можетъ быть и

самъ помогалъ автору сообщеніемъ свѣденій и источниковъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, напримѣръ, занесеніе въ лѣтопись его письма къ Олегу Святославичу и Поученія своимъ дѣтямъ, а также извѣстные договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава, договоры, славянскіе переводы которыхъ хранились конечно при Кіевскомъ дворѣ. Возможно также, что не безъ его вѣдома и одобренія занесена на первыя страницы лѣтописи и извѣстная басня о томъ, что Русь призвала изъ заморя трехъ варяжскихъ князей для водворенія порядка въ своей обширной землѣ. Когда и какъ впервые была пущена въ ходъ эта басня, конечно навсегда останется неизвѣстнымъ; но появленіе ея во второй половинѣ XI-го или въ первой XII вѣка достаточно объясняется обстоятельствами того времени. Въ исторіи нерѣдко встрѣчается наклонность государей выводить свой родъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ, отъ княжескаго племени другой земли, даже отъ племени незначительнаго, но почему либо сдѣлавшагося знаменитымъ. Этому тщеславному желанію вѣроятно не были чужды и русскіе князья того времени и можетъ-быть самъ Мономахъ. Мысль о варяжскомъ происхожденіи русскаго княжескаго дома весьма естественно могла возникнуть въ тѣ времена, когда въ Европѣ еще гремѣла слава норманскихъ подвиговъ и завоеваній; когда цѣлое Англійское королевство сдѣлалось добычею норманскихъ витязей, а въ южной Италіи основано ими новое королевство, откуда они громили Византійскую имперію; когда на Руси еще живы были воспоминанія о тѣсныхъ связяхъ Владиміра и Ярослава съ Варягами, о храбрыхъ варяжскихъ дружинахъ, сражавшихся во главѣ ихъ ополченій. Наконецъ такая мысль естественнѣе всего могла возникнуть при сыновьяхъ и внукахъ честолюбивой и умной норманнской принцессы Ингигерды, супруги Ярослава. Можетъ быть, эта мысль первоначально явилась не безъ участія обрусѣвшихъ сыновей или потомковъ тѣхъ норманнскихъ выходцевъ, которые дѣйствительно нашли свое счастье въ Россіи. Примѣръ такихъ знатныхъ выходцевъ представляетъ Шимонъ, племянникъ того варяжскаго князя Якуна, который былъ

союзникомъ Ярослава въ войнѣ съ Мстиславомъ Тмутраканскимъ. Изгнанный изъ отечества своимъ дядею, Шимонъ со многими единоземцами прибылъ въ Россію, вступилъ въ русскую службу и принялъ православіе; въ послѣдствіи онъ сдѣлался первымъ вельможею Всеволода Ярославича и богатыми приношеніями помогалъ при построеніи печерскаго храма Богородицы. А сынъ его Георгій при Мономахѣ былъ намѣстникомъ въ Ростовѣ. Въ эпоху лѣтописца еще продолжались дружественныя и родственныя связи Русскаго княжескаго дома съ норманскими государями. Самъ Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ первомъ бракѣ Гиду, дочь англійскаго короля Гарольда; старшій сынъ ихъ Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инга Стенкильсона; двѣ внучки Владиміра выданы за скандинавскихъ принцевъ.

Когда Сильвестръ принялся за свой лѣтописный трудъ, уже два съ половиною вѣка прошло отъ перваго нападенія Руси на Константинополь, упомянутаго въ хроникѣ Амартола. Съ этого нападенія лѣтописецъ собственно и начинаетъ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ". Но, согласно съ наивными понятіями и литературными пріемами той эпохи, онъ предпослалъ этому историческому событію нѣсколько басенъ, какъ бы объясняющихъ предыдущія судьбы Руси. Между прочимъ онъ расказываетъ кіевское преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, княжившихъ когда то въ землѣ Полянъ и основавшихъ Кіевъ; а рядомъ съ нимъ поставилъ сказаніе — котораго первое зерно по всей вѣроятности пришло изъ Новгорода—сказаніе о трехъ братьяхъ Варягахъ, призванныхъ изъ за моря въ Новогородскую землю. Этотъ домыселъ очевидно еще не былъ тогда общеизвѣстнымъ преданіемъ: на него не встрѣчаемъ намека ни въ одномъ изъ другихъ произведеній Русской словесности того времени. Но въ послѣдствіи ему особенно посчастливилось. Сказаніе расширялось и видоизмѣнялось; такъ что у позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сводовъ уже не Русь и Славяне Новогородскіе призываютъ къ себѣ варяжскихъ князей, какъ это было у перваго лѣтописца; а Славяне, Кривичи и Чудь призываютъ Варяговъ—Русь, т. е. уже весь великій Рус-

скій народъ причисленъ къ Варягамъ и является въ Россію подъ видомъ какой то пришлой изъ за моря княжеской свиты. Въ такомъ искаженіи первоначальной легенды виновны конечно невѣжество и небрежность позднѣйшихъ списателей Сильвестра. Сильвестръ окончилъ свою Повѣсть въ 1116 году. Владиміръ Мономахъ очевидно былъ доволенъ его трудомъ: спустя два года, онъ велѣлъ поставить его епископомъ своего наслѣдственнаго города Переяславля, гдѣ Сильвестръ и скончался въ 1123 году (59).

Почти въ одно время съ Повѣстью временныхъ лѣтъ игумена Сильвестра написано произведеніе другаго русскаго игумена, Даніила, именно: *Хожденіе въ Іерусалимъ*. Мы видѣли, что паломничество или обычай ходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ возникъ на Руси вслѣдъ за водвореніемъ христіанской религіи. Уже въ XI вѣкѣ, когда Палестина находилась подъ властью Турокъ Сельджуковъ, русскіе паломники проникали туда и терпѣли тамъ притѣсненія наравнѣ съ прочими христіанскими пилигримами. Число ихъ увеличилось съ начала XII вѣка, когда крестоносцы завоевали Святую землю и основали тамъ королевство. Занятые борьбою съ другими Турками, т. е. съ Половцами, наши князья не участвовали въ крестоносныхъ походахъ; тѣмъ не менѣе русскіе люди сочувствовали великому движенію западныхъ народовъ противъ невѣрныхъ. Сочувствіе это отразилось и въ запискахъ Даніила о своемъ хожденіи. Онъ именуетъ себя просто русскимъ игуменомъ, не называя своего монастыря; судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ полагаютъ, что онъ былъ изъ Черниговской области. Даніилъ не одинъ посѣтилъ Святую землю; онъ упоминаетъ о цѣлой *дружинѣ* русскихъ паломниковъ и нѣкоторыхъ называетъ по именамъ. Все его сочиненіе дышетъ глубокою вѣрою и благоговѣніемъ къ священнымъ предметамъ, которые онъ удостоился видѣть. Онъ съ похвалою говоритъ о королѣ іерусалимскомъ Балдуинѣ, который оказалъ вниманіе русскому игумену и позволилъ ему поставить на Гробѣ Господнемъ кандило за русскихъ князей и за всю Русскую землю. Въ числѣ князей, которыхъ имена нашъ игуменъ

записалъ для молитвы объ ихъ здравіи въ Лаврѣ св. Савы, гдѣ онъ имѣлъ пріютъ, первое мѣсто занимаютъ: Святополкъ—Михаилъ, Владиміръ (Мономахъ)—Василій, Олегъ—Михаилъ и Давидъ Святославичи (60).

Къ эпохѣ Ярослава, его сыновей и внуковъ относится весьма важный памятникъ гражданскаго состоянія Руси въ тѣ времена. Это такъ называемая *Русская Правда* или первое записанное собраніе нашихъ древнѣйшихъ законовъ. У Русскихъ, какъ и вездѣ, основою законодательства послужили установившіеся обычаи и отношенія. Первые сборники законовъ отвѣчали обыкновенно на потребности суда и расправы, какъ самыхъ необходимыхъ условій сколько нибудь устроеннаго человѣческаго общества. Главнѣйшая общественная потребность состоитъ въ томъ, что бы оградить безопасность личную и имущественную; а потому всякое древнее законодательство носитъ характеръ по преимуществу уголовный, т. е. прежде всего опредѣляетъ наказанія и пени за убійство, побои, раны, воровство и другія преступленія противъ личности или собственности.

Начало Русской Правды восходитъ ко временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ княженіе Ярослава. Уже при первомъ исторически извѣстномъ кіевскомъ князѣ, при Олегѣ, встрѣчаются указанія на статьи *Русскаго закона*, именно въ договорѣ съ Греками. Такія же указанія повторяются и въ договорѣ Игоря. Ярославъ, извѣстный своею любовью къ земскому устроенію и книжному дѣлу, повидимому велѣлъ собрать вмѣстѣ правила и обычаи, относящіяся къ судопроизводству, и составить письменный сводъ для руководства судьямъ на будущее время. Первая статья этого свода опредѣляетъ пеню за самое важное преступленіе, за убійство. Эта статья представляетъ явный переходъ отъ состоянія варварскаго, почти первобытнаго, къ состоянію болѣе гражданственному. У Руссовъ, какъ и у другихъ народовъ, находившихся на низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія, личная безопасность ограждалась преимущественно обычаемъ родовой мести, т. е. обязанностью за смерть родственника мстить смертью убійцы.

Съ приняніемъ христіанства и успѣхами гражданственности эта статья естественно должна была подвергнуться смягченію или измѣненію, что и совершилось не вдругъ, а весьма постепенно; ибо обычай кровавой мести такъ внѣдрялся въ народные нравы, что искоренить его было нелегко. Владиміръ Великій, по извѣстію лѣтописи, уже колеблется между смертною казнію и вирою. Послѣ своего крещенія, подъ вліяніемъ новой религіи, онъ по видимому отмѣнилъ смертную казнь и право кровавой мести, а положилъ за убійство денежную пеню или виру; потомъ, когда умножились разбои, по совѣту самихъ епископовъ, началъ казнить смертью разбойниковъ; а подъ конецъ опять отмѣнилъ казнь и приказалъ взыскивать виру.

Ярославъ въ первой статьѣ Русской Правды дозволилъ за убійство кровавую месть, но только близкимъ родственникамъ, именно сыновьямъ, братьямъ и племянникамъ. Если же местниковъ не было (за неимѣніемъ близкихъ родственниковъ или за ихъ отказомъ отъ кровавой мести), то убійца долженъ платить извѣстную виру. Но и это исключеніе для близкихъ степеней родства существовало только до сыновей Ярослава. Послѣ него Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались для общаго совѣта о строеніи земскомъ вмѣстѣ съ своими главными боярами; тутъ были тысяцкіе, кіевскій Коснячко, черниговскій Перенѣгъ и переяславскій Никифоръ, кромѣ того бояре Чудинъ и Микула. Они пересмотрѣли Русскую Правду, дополнили ее новыми статьями, и между прочимъ совсѣмъ отмѣнили право кровавой мести, замѣнивъ ее вирою во всѣхъ случаяхъ для свободнаго человѣка. Владиміръ Мономахъ вскорѣ по своемъ утвержденіи въ Кіевѣ приступилъ къ новому пересмотру Русской Правды, вызванному конечно новыми обстоятельствами и развивавшимися потребностями. Въ своемъ загородномъ дворѣ на Берестовѣ онъ по обычаю для совѣта о такомъ важномъ дѣлѣ, призвалъ своихъ тысяцкихъ, Ратибора кіевскаго, Прокопія бѣлогородскаго, Станислава переяславскаго, бояръ Нажира и Мірослава. Кромѣ того на этомъ совѣтѣ присутствовалъ Иванко Чудиновичъ, бояринъ Олега Святославича. Важнѣйшее дополненіе Владиміра, кажется, относилось къ уставу о

рѣзахъ или ростѣ; не забудемъ, что по смерти Святополка Михаила Кіевляне подняли мятежъ и разграбили именно Евреевъ, конечно возбудившихъ къ себѣ ненависть своимъ обычнымъ лихоимствомъ. Дополненія и перемѣны въ Русской Правдѣ продолжались и послѣ Мономаха; но основныя ея части оставались тѣже.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ являются передъ нами общественныя понятія и отношенія нашихъ предковъ на основаніи Русской Правды.

Во главѣ всей Русской земли стоитъ великій князь Кіевскій. Онъ заботится о земскомъ строѣ, установляетъ судъ и расправу. Онъ окруженъ боярами или старшею дружиною, съ которою совѣтуется о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, подтверждаетъ старые уставы или производитъ въ нихъ перемѣны. Въ дѣлахъ земскихъ онъ особенно совѣтуется съ *тысяцкими*; ихъ названіе указываетъ на существовавшее когда то военно-народное дѣленіе по тысячамъ и сотнямъ; но въ данную эпоху, по всѣмъ признакамъ, это были главные земскіе сановники, назначаемые изъ заслуженныхъ бояръ и помогавшіе князю въ управленіи; *тысяча* обозначала уже не столько числительное дѣленіе, сколько земское или волостное. Иногда великій князь для рѣшенія важнѣйшихъ земскихъ дѣлъ собираетъ старшихъ между удѣльными князьями, какъ, напримѣръ, Изяславъ I и Святополкъ II. Но Ярославъ и Владиміръ Мономахъ, умѣвшіе на дѣлѣ быть главою княжескаго дома, издаютъ уставы для всей Русской земли, не спрашивая непремѣннаго согласія князей удѣльныхъ.

Мѣстомъ для суда служитъ дворъ князя, а въ областныхъ городахъ дворъ его намѣстника; судъ производитъ князь лично или чрезъ своихъ тіуновъ. Въ опредѣленіи разныхъ степеней наказанія ясно видно раздѣленіе народа на три состоянія или на три сословія: дружину княжескую, смердовъ и холоповъ. Главную массу населенія составляли *смерды*; это было общее названіе для свободныхъ жителей городовъ и селъ. Другое общее названіе для нихъ было *люди*, въ ед. числѣ *людинъ*. За убійство людина платилась вира или пеня, опредѣленная въ 40 гривенъ. Высшее состояніе составляло военное сосло-

віе или княжая дружина. Но и послѣдняя имѣла разныя степени. Простые дружинники носили названія *дѣтскихъ*, *отроковъ*, *гридей и мечниковъ*; за убійство такого простаго дружинника назначалась обыкновенная вира, какъ за купца или другаго смерда, т. е. 40 гривенъ. Старшіе дружинники были люди приближенные къ князю, его бояре или, какъ они названы въ Русской Правдѣ, *княжіе мужи*. За убійство такого мужа назначена двойная вира, т. е. 80 гривенъ. Судя по этой двойной вирѣ, къ „княжимъ мужамъ" Правда относитъ и главныхъ княжихъ слугъ или челядинцевъ, исправлявшихъ должности судей, домоправителей, сельскихъ старостъ, старшихъ конюховъ и т. п. Дорогобужцы какъ то при Изяславѣ Ярославичѣ убили тіуна конюшаго, состоявшаго при табунѣ великаго князя; послѣдній наложилъ на нихъ двойную виру; этотъ примѣръ обращенъ въ правило при подобныхъ случаяхъ и на будущее время.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившіе названія *холоповъ*, *челяди* и *рабовъ*. Первоначальнымъ источникомъ рабства въ древней Россіи, какъ вездѣ, служила война, т. е. плѣнныхъ обращали въ рабовъ, и продавали наравнѣ со всякой другой добычей. Русская Правда опредѣляетъ еще три случая, когда свободный человѣкъ становился полнымъ или *обѣльнымъ* холопомъ: кто купленъ при свидѣтеляхъ, кто женится на рабѣ безъ ряда или договора съ ея господиномъ и кто пойдетъ безъ ряда въ тіуны или ключники. Холопъ не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ и считался полною собственностію своего господина: за убійство холопа или рабы виры не полагалось; но если кто убьетъ чужаго холопа неповинно, то долженъ былъ заплатить господину стоимость убитаго и князю 12 гривенъ такъ наз. *продажи* (т. е. пени или штрафа). Кромѣ полныхъ холоповъ существовало еще сословіе полусвободное, *наймиты* или *закупни*; это были работники, нанимавшіеся на извѣстный срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, убѣгалъ отъ господина, тогда онъ обращался въ полнаго или обѣльнаго холопа.

Если убійца скроется, то виру должна была выплачивать

вервь, т. е. община, и такая вира называлась *дикою*. Затѣмъ опредѣляются пени за раны и побои. Напримѣръ, за отсѣченіе руки или другое важное увѣчье полвиры, т. е. 20 гривенъ, въ княжую казну; а изувѣченному 10 гривенъ; за ударъ палкою или мечемъ необнаженнымъ 12 гривенъ и т. д. О воровствѣ обиженный прежде всего долженъ объявить на торгу; если же не объявилъ, то нашедши свою вещь, не можетъ взять ее самъ, а долженъ вести на *сводъ* человѣка, у котораго нашелъ ее, т. е. отыскивать вора, постепенно переходя къ каждому, отъ кого была пріобрѣтена вещь. Если не найдутъ вора и вервь или община не окажетъ при этомъ всей нужной помощи, то она должна платить за украденную вещь. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія ночью, могъ быть убитымъ безнаказанно „замѣсто пса"; но если хозяинъ продержалъ его до утра или связалъ, то долженъ уже вести его на княжій дворъ, т. е. представить на судъ. Для доказательства преступленія истецъ обязанъ былъ представлять *видоковъ* и *послуховъ*, т. е. свидѣтелей; кромѣ свидѣтелей требовалась *рота* или присяга. Если же не было представлено ни свидѣтелей, ни ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и водою.

За маловажныя преступленія виновный платилъ *продажу* или пеню въ княжую казну; а болѣе важныя, каковы разбой, коневая татьба и зажигательство, вели за собою *потокъ* или изгнаніе и *разграбленіе* имущества. Часть виръ и продажъ назначалась княжимъ слугамъ, помогавшимъ производить судъ и расправу и носившимъ названіе *вирниковъ*, *метельниковъ, ябетниковъ* и пр. Въ областяхъ при производствѣ суда и слѣдствія эти княжіе слуги и ихъ кони содержались на счетъ жителей. Рѣзы или проценты разрѣшаются мѣсячные и третные, первые только при займахъ на короткое время; за слишкомъ большіе рѣзы ростовщикъ могъ быть лишенъ своего капитала. Дозволенные рѣзы простирались до 10 кунъ на гривну въ годъ, т. е. до 20 процентовъ.

На ряду съ земледѣліемъ скотоводство, охота и бортный или пчелиный промыселъ также имѣли важное мѣсто въ русскомъ хозяйствѣ того времени. За воровство или

порчу всякой скотины установлена особая пеня, именно за кобылу, вола, корову, свинью, барана, овцу, козу и пр. Особенная забота видна о коняхъ. Коневый тать выдавался князю на потокъ; между тѣмъ какъ клѣтной тать платилъ князю 3 гривны пени. Если кто на чужаго коня только сядетъ безъ спросу хозяина, то наказывался тремя гривнами пени. За перекопаніе межи, бортной и ролейной (пашенной), назначено 12 гривенъ продажи; столько же за срубку межеваго дуба и за стеску бортнаго знака. Пчеловодство очевидно было еще первобытное, лѣсное, и собственность обозначалась особыми знаками, зарубленными на бортяхъ, т. е. на дуплахъ, которыя служили ульями. За порчу *перевѣса* виновный платилъ хозяину гривну, да князю пени 3 гривны. Перевѣсомъ называлась сѣть, устроенная на просѣкѣ въ лѣсу или въ другомъ какомъ мѣстѣ съ особыми приспособленіями для ловли дикихъ птицъ. Жито не обмолоченное складывалось на гумнѣ, а обмолоченное пряталось въ ямы; за кражу того и другаго взыскивалось по 3 гривны и 30 кунъ продажи, т. е. пени князю; а обиженному или возвращалось украденное или платился *урокъ*, т. е. его стоимость. За сожженіе чужаго гумна или двора виновный не только платилъ пострадавшему за всю его потерю, но и самъ выдавался князю на потокъ, а домъ его на грабежъ княжимъ слугамъ.

Русская Правда свидѣтельствуетъ также о развитіи торговли, довольно значительномъ по тому времени. Она ограждаетъ, напримѣръ, купца отъ окончательнаго разоренія въ случаѣ несчастія. Если онъ потерялъ ввѣренный ему товаръ вслѣдствіе крушенія судна, вслѣдствіе войны или пожара, то не отвѣчаетъ; но если потеряетъ или испортитъ по своей винѣ, то довѣрители поступаютъ съ нимъ какъ хотятъ. Очевидно торговля на Руси велась тогда въ значительной степени на вѣру, т. е. въ кредитъ. Въ случаѣ предъявленія на купцѣ разныхъ долговъ, сначала подлежали удовлетворенію довѣрявшіе ему гости или торговцы иноземные, а потомъ уже изъ остатковъ имущества свои, туземные. Но если на комъ есть княжій долгъ, то послѣдній удовлетворялся прежде всѣхъ.

Тѣлесныя наказанія, судя по Русской Правдѣ, въ тѣ времена не допускались для свободнаго человѣка; онѣ существовали только для холоповъ. Отъ послѣднихъ свободные люди отличались еще и тѣмъ, что они носили при себѣ оружіе, по крайней мѣрѣ имѣли или могли имѣть мечъ при бедрѣ.

Права женщины по этому древнему законодательству опредѣляются недостаточно ясно; но положеніе ея вообще не было безправное. Такъ за убійство свободной женщины платится полвиры, т. е. 20 гривенъ. Наслѣдство (*задница*) смерда, неоставившаго сыновей, переходитъ къ князю, и только незамужнимъ дочерямъ выдается нѣкоторая часть. Но въ боярскомъ и вообще въ дружинномъ сословіи, если нѣтъ сыновей, то дочери наслѣдуютъ родительское имущество; при сыновьяхъ же они не наслѣдуютъ; а братья обязаны только выдать сестеръ замужъ, т. е. нести сопряженные съ тѣмъ расходы. Дѣти, рожденные отъ рабы, не наслѣдуютъ; но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Вдовѣ идетъ только то, что мужъ ей назначилъ; впрочемъ она управляетъ домомъ и имѣніемъ малолѣтныхъ дѣтей, если не выдетъ вторично замужъ; а дѣти обязаны ей повиноваться.

Различая населеніе древней Руси по сословіямъ или по роду занятій, Русская Правда отчасти дѣлитъ его по областямъ. Такъ она различаетъ Русина и Словенина. Подъ первымъ очевидно разумѣется житель Южной Руси, особенно Приднѣпровья; а подъ вторымъ житель сѣверныхъ областей, особенно земли Новогородской. Кромѣ того Правда упоминаетъ о двухъ инородческихъ разрядахъ, именно о Варягахъ и Колбягахъ. Напримѣръ, если убѣжавшій холопъ скрылся у Варяга или Колбяга и послѣдній продержитъ его три дня не объявивъ, то платитъ три гривны хозяину холопа за обиду. По обвиненію въ дракѣ отъ Варяга или Колбяга требовалась только рота, т. е. присяга; тогда какъ туземцу надобно было представить еще двухъ свидѣтелей. Въ случаѣ *поклепной виры* (обвиненія въ убійствѣ), для туземца требовалось полное число свидѣтелей, т. е. семь, а для Варяга и Колбяга только два. Вообще въ законодательствѣ видно несомнѣнное покрови-

тельство или смягченіе условій для иноземцевъ. Статьи эти подтверждаютъ постоянное присутствіе на Руси Варяговъ въ XI и XII вв., впрочемъ со второй половины XI вѣка уже болѣе въ качествѣ торговцевъ, нежели наемныхъ воиновъ. Кто были Колбяги, въ точности еще не рѣшено. Наиболѣе вѣроятно то мнѣніе, которое разумѣетъ подъ ними юговосточныхъ инородцевъ древней Руси, извѣстныхъ отчасти подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ.

Правда не упоминаетъ о томъ обычаѣ, который у средневѣковыхъ народовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Суда Божія", т. е. о судебномъ поединкѣ. Но обычай этотъ несомнѣнно существовалъ на Руси издревле и былъ совершенно въ духѣ воинственнаго Русскаго племени. Когда двѣ тяжущіяся стороны были недовольны судебнымъ приговоромъ и не могли придти ни къ какому соглашенію, то съ дозволенія князя они рѣшали свою тяжбу мечемъ. Противники вступали въ бой въ присутствіи своихъ родственниковъ, и побѣжденный отдавался на волю побѣдителя ([61]).

Русская Правда, унаслѣдованная отъ временъ еще языческихъ, не упоминаетъ о томъ сословіи, которое въ христіанскія времена получило на Руси важное значеніе, т. е. о сословіи церковномъ, о духовенствѣ. Когда восторжествовала у насъ Греческая церковь, то и духовенство конечно устроилось по образцу греческаго. По примѣру Византіи оно облечено было разными правами и преимуществами. Оно получило также и свой судъ, руководствомъ для котораго служили славянскіе переводы греческаго *Номоканона* или *Кормчей книги*: здѣсь соединены были касавшіеся церкви уставы императорскіе съ постановленіями церковныхъ соборовъ. Владиміръ Великій издалъ уставъ, которымъ постановилъ особый церковный судъ, запретивъ вмѣшательство въ него боярамъ и вообще градскимъ судьямъ. Этотъ уставъ былъ подтвержденъ и распространенъ Ярославомъ и его преемниками. Суду митрополита и епископовъ подчинены не только всѣ лица духовныя, т. е. священники, церковнослужители и чернецы, но и люди, состоящіе подъ покровительствомъ церкви (просвирни, слѣпцы, рабы, отпущенные на волю по духовному

завѣщанію, калики, *прощеники*, т. е. получившіе чудесное исцѣленіе, и пр.). Кромѣ того духовному суду подлежали: міряне, преступившіе противъ церкви, напримѣръ виновные въ еретичествѣ, колдовствѣ, а также семейныя тяжбы и проступки противъ нравственности, каковы нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женской чести, ссоры между близкими родственниками и пр. Нѣкоторые случаи воровства и разбоя судились сообща властями духовными и мірскими, т. е. судомъ смѣстнымъ. Наказанія и пени за преступленія, судимыя церковью, опредѣлены денежныя, также какъ въ Русской Правдѣ. Въ этомъ случаѣ народные нравы заставляли князей русскихъ отступать отъ греческаго судопроизводства, въ которомъ существовали и телѣсныя наказанія. Виры съ церковныхъ судовъ шли въ пользу епископовъ, и слѣдовательно служили для нихъ источникомъ доходовъ. Кромѣ того на содержаніе храмовъ, монастырей и вообще духовенства князья опредѣляли недвижимое имущество; они начали раздавать имъ не только разныя угодья (рыбныя, бортныя, луга, мельницы и т. п.), но и населенныя земли, т. е. деревни и села. А нѣкоторые князья, по примѣру Владиміра, отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть изъ разныхъ своихъ доходовъ, напримѣръ, изъ даней, лововъ, стадъ, жита и пр. ([62]).

Духовенство не замедлило пріобрѣсти высокое положеніе въ нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ. Въ важныхъ случаяхъ князья призывали на совѣтъ не однихъ бояръ и городскихъ старцевъ, но также епископовъ и игумновъ. Во время княжескихъ междоусобій духовныя лица, исполняя свое нравственное назначеніе, нерѣдко являлись посредниками въ переговорахъ враждующихъ сторонъ и ихъ примирителями. Церковная власть водворялась на Руси подъ покровительствомъ власти княжеской, и потому не могла входить въ соперничество съ этою послѣднею. Уже самое язычество Славянорусскаго племени, неуспѣвшее выработать сильнаго жреческаго сословія, показало, что въ этомъ племени было мало задатковъ для развитія ѳеократіи. Къ тому же и преданія Византійской церкви, съ ея подчиненіемъ свѣтской вла-

сти, не представляли повода для какихъ либо неумѣренныхъ притязаній со стороны церковной іерархіи. Поэтому Русское православіе уже съ самаго начала своего существованія обнаружило коренное различіе съ западнымъ католицизмомъ: оно осталось чуждо властолюбивымъ стремленіямъ папства. Находя для себя опору въ княжеской власти, церковная іерархія въ свою очередь давала этой власти религіозное освященіе въ глазахъ народа и тѣмъ содѣйствовала еще большему ея укрѣпленію. Напримѣръ, намъ неизвѣстно, какими обрядами сопровождалось посаженіе на столъ новаго князя во времена языческія; но въ эпоху христіанскую это посаженіе стало совершаться уже въ главномъ или соборномъ храмѣ стольнаго города, сопровождаемое благословеніемъ іерарховъ и молитвами всего клира. Самое христіанство, уже процвѣтавшее въ главныхъ средоточіяхъ русской жизни, еще далеко не утвердилось по всей Русской землѣ, и при утвержденіи его духовная власть находила естественную поддержку со стороны власти свѣтской. Въ этомъ отношеніи обнаружилось другое важное отличіе Русскаго православія отъ западнаго католицизма. Совокупныя усилія духовной и свѣтской власти для водворенія христіанской религіи на Руси далеко не походили на дѣйствія Латинской церкви, которая нерѣдко обращала языческіе народы мечемъ или всякаго рода насиліемъ, и воздвигала на нихъ крестовые походы. Русская церковь съ этой стороны болѣе напоминала свой первообразъ, церковь Греческую, которая единственно силою проповѣди и образовательнаго вліянія успѣла насадить свою религію у многихъ восточныхъ народовъ.

Вдали отъ главныхъ городовъ христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими въ составъ Русской земли. Особенно упорную борьбу съ язычествомъ проповѣдники новой религіи должны были выдерживать на сѣверѣ, гдѣ въ населеніи преобладалъ финскій элементъ и гдѣ языческіе волхвы пользовались еще значительнымъ вліяніемъ на народъ. Здѣсь жители, даже принявшіе крещеніе, иногда возвращались къ своимъ языческимъ богамъ и производили мятежи, будучи

возмущаемы волхвами. При сыновьяхъ Ярослава, какъ мы видѣли, въ самомъ Новгородѣ произошло такое возмущеніе. На помощь церковной іерархіи явилась власть свѣтская: князь Глѣбъ съ дружиною защитилъ духовенство и усмирилъ мятежъ. Подобное событіе около тогоже времени совершилось и въ Ростовской области. Тамъ случился неурожай. Явились два волхва изъ Ярославля, и объявили, что они знаютъ, кто скрываетъ хлѣбъ. Почитая колдуновъ и знахарей, суевѣрный народъ особенно склоненъ приписывать чародѣйственную силу женщинамъ-вѣдьмамъ. На нихъ то и начали указывать волхвы. Они ходили по Волгѣ и Шекснѣ и называли самыхъ домовитыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, сестеръ и женъ: волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами, и показывали видъ, будто вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ и рыбу. Послѣ того они убивали этихъ женщинъ, а имѣнье ихъ брали себѣ. Такимъ образомъ волхвы дошли до города Бѣлаозера, и расположились подъ лѣсомъ; около нихъ собралась толпа человѣкъ въ 300. Въ этомъ городѣ случился тогда воевода Святославовъ Янъ Вышатичъ, пріѣхавшій для сбора дани. Узнавъ, что коварные волхвы пришли изъ волости его князя и слѣдовательно его смерды, Янъ послалъ требовать отъ толпы ихъ выдачи; но получилъ отказъ. Имѣя около себя не болѣе двѣнадцати отроковъ или дружинниковъ, онъ попытался схватить ихъ силою; но волхвы скрылись въ лѣсу. Тогда воевода объявилъ Бѣлозерцамъ, что не уйдетъ отъ нихъ цѣлое лѣто, если не выдадутъ ему волхвовъ. Бѣлозерцы дѣйствительно поймали ихъ, и привели къ Яну. Затѣмъ лѣтопись передаетъ любопытную бесѣду его съ волхвами о вѣрѣ. По ихъ ученію, Богъ однажды мылся въ банѣ, и, отерши потъ ветошкою, бросилъ ее съ неба на землю; изъ этой ветошки дьяволъ сотворилъ человѣка, а Богъ вложилъ въ него душу; вотъ по чему по смерти человѣка душа его идетъ на небо къ Богу, а тѣло идетъ въ землю, къ Антихристу, который сидитъ въ безднѣ; въ этого то Антихриста или подземнаго бога они и вѣруютъ. Воевода Янъ Вышатичъ безъ сомнѣнія былъ тотъ самый, который является другомъ Θеодосія Печер-

скаго и живымъ источникомъ для лѣтописи Сильвестра Выдубецкаго; слышанное имъ языческое ученіе онъ передавалъ лѣтописцу, очевидно, примѣняясь къ христіанскимъ понятіямъ. Волхвы подверглись заслуженной участи. Янъ велѣлъ ихъ бить, выдергать у нихъ бороды и связанныхъ бросить въ лодку. На устьѣ Шексны онъ выдалъ ихъ для мести родственникамъ убитыхъ женщинъ, и тѣ повѣсили волхвовъ на дубу ([63]).

Народная масса на Руси, какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религіи, нежели ея духовную сторону, и продолжала упорно хранить многія языческія преданія и обычаи. Духовенство должно было начать постоянную борьбу съ народными суевѣріями; лучшіе представители Русской церкви, какъ извѣстно, писали поученія, направленныя противъ вѣры въ волшебство и разныхъ языческихъ обычаевъ. Эти обычаи и преданія, вкоренявшіяся въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, конечно весьма медленно уступали свое мѣсто новымъ, христіанскимъ понятіямъ. Тѣмъ не менѣе христіанство неотразимо дѣйствовало на вновь обращенный народъ. Уже самая сущность новой религіи—любовь къ ближнему столь доступная общему пониманію—и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе кровавыхъ человѣческихъ жертвъ ненасытному Перуну не могли не произвести благодѣтельнаго переворота въ народныхъ представленіяхъ о Верховномъ существѣ и не повліять на смягченіе грубыхъ, жестокихъ нравовъ.

Вмѣстѣ съ православіемъ открылся гораздо болѣе широкій путь вліянію греческой образованности на Русскій народъ. Церковь явилась сильнѣйшимъ проводникомъ этого вліянія, чѣмъ существовавшія прежде торговыя и политическія сношенія. Она принесла съ собою грамотность и развитіе книжной словесности, и слѣдовательно образовала цѣлый классъ населенія, которому сдѣлалось доступно питаніе высшими, духовными интересами. Съ другой стороны принесенное ею изящное храмовое зодчество и стройное богослуженіе наглядно и непосредственно вліяли на цѣлый народъ улучшеніемъ его вкуса и воз-

бужденіемъ художественныхъ стремленій. Наконецъ, Православная церковь, своими непреложными догматами объединяя и очищая народныя вѣрованія, видоизмѣнявшіеся по характеру племенъ и окружающей природы, подчиняла раздробленныя части Руси непосредственному вліянію одной и той же образованности, и могущественно способствовала сліянію этихъ племенъ въ одно цѣлое, въ одну великую Русскую народность.

VIII.

РАЗВИТІЕ ОБЛАСТНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

Мстиславъ I. Дѣла черниговскія и полоцкія. Значеніе слѣдующаго періода. Ярополкъ II. Распри въ семьѣ Мономаховичей. Борьба съ Ольговичами. Всеволодъ-Гавріилъ и Новогородцы. Всеволодъ II Ольговичъ. Его политика разъединенія. Владимірко и Галицкое княжество. Отношенія польскія. Игорь Ольговичъ въ Кіевѣ. Его пораженіе и плѣнъ.

Со смертію Владиміра почти окончилось поколѣніе внуковъ Ярослава I. Въ живыхъ оставался еще младшій изъ Святославичей, Ярославъ. Но это былъ князь непредпріимчивый, миролюбивый, который довольствовался своимъ старшинствомъ между потомками Святослава, т. е. старшимъ въ ихъ родѣ столомъ Черниговскимъ, и не думалъ объявлять какія либо притязанія на Кіевское княженіе. Поэтому старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, при жизни отца долго княжившій въ Новгородѣ, безпрепятственно занялъ столъ Кіевскій. Это былъ достойный преемникъ своего знаменитаго предшественника, воспитанный въ его трудовой школѣ и вполнѣ способный поддержать значеніе великаго князя Кіевскаго на той высотѣ, на которой оно было поставлено. Подобно отцу, онъ умѣлъ держать въ страхѣ сосѣднихъ варваровъ и въ повиновеніи младшихъ князей, а строптивыхъ родичей строго наказывалъ.

Впрочемъ почти въ началѣ своего княженія Мстиславъ допустилъ нарушеніе обычнаго права по отношенію къ старшинству, именно въ семьѣ черниговскихъ Святославичей. Сынъ Олега Всеволодъ внезапно напалъ на дядю своего Ярослава, и отнялъ у него Черниговъ. Ярославъ

обратился къ великому князю, и напомнилъ о данной клятвѣ сохранить за нимъ Черниговскій столъ. Великій князь изъявилъ намѣреніе помочь дядѣ и наказать племянника, хотя послѣдній былъ женатъ на дочери самого Мстислава. Онъ началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Всеволодъ Ольговичъ, обманутый надеждою на помощь своихъ союзниковъ Половцевъ, прибѣгъ къ переговорамъ; началъ упрашивать Мстислава и подкупилъ его совѣтниковъ; такъ что знатнѣйшіе бояре кіевскіе стали поддерживать его домогательства. Конечно и просьбы дочери также колебали рѣшимость великаго князя. Въ раздумьѣ онъ обратился къ собору священниковъ. Около того времени митрополитъ Никита скончался, а новый митрополитъ еще не былъ назначенъ. Между духовными лицами наибольшимъ значеніемъ въ Кіевѣ пользовался тогда Григорій, игуменъ Андреевской обители. Онъ былъ любимцемъ Мономаха, и находился въ большомъ почетѣ у Мстислава; этотъ Григорій принялъ сторону Всеволода. Нетрудно было предвидѣть рѣшеніе собора, въ которомъ большинство голосовъ заранѣе принадлежало Всеволоду. Къ томуже и вообще древнерусское духовенство считало одною изъ главныхъ своихъ обязанностей отвращать князей отъ междоусобной брани и пролитія крови. Соборъ принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Мстиславъ послушалъ его совѣта, и оставилъ Всеволода въ покоѣ. Ярославъ удалился на берега Оки въ свои Муромо-Рязанскія волости, гдѣ вскорѣ и скончался. Этотъ случай послужилъ примѣромъ и для другихъ князей къ нарушенію старыхъ родовыхъ обычаевъ, и поощрилъ племянниковъ не уважать иногда старшинство дядей. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Мстиславъ потомъ до конца своихъ дней сожалѣлъ объ учиненной имъ несправедливости.

Семья Мономаха въ это время владѣла большею частію Руси. Мстиславъ занималъ великое княженіе Кіевское. Братья его сидѣли: Ярополкъ въ южномъ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей во Владимірѣ Волынскомъ, Юрій въ землѣ Ростовско-Суздальской; а сыновья: Всеволодъ въ Новѣгородѣ Великомъ, Изяславъ въ Курскѣ, Ро-

стиславъ въ Смоленскѣ. Слѣдуя отцовской политикѣ, Мстиславъ задумалъ пріобрѣсти для своего рода еще одну область, именно Кривскую или Полоцкую, часть которой уже была завоевана Мономахомъ (Минскъ). Несмотря на потерю Минскаго удѣла, полоцкіе Всеславичи никакъ не хотѣли, подобно другимъ русскимъ князьямъ, подчиниться великому князю Кіевскому. Мстиславъ отправилъ на нихъ своихъ братьевъ и сыновей. Всеволодъ Черниговскій также долженъ былъ участвовать въ этомъ походѣ. Южныя и сѣверныя дружины съ разныхъ сторонъ вошли въ Полоцкую землю и погромили нѣкоторые ея города (1129). Всеславичи смирились, но ненадолго. Въ слѣдующемъ году, когда Мстиславъ собиралъ рать противъ Половцевъ, Всеславичи, вопреки недавней присягѣ, отказались идти вмѣстѣ съ Русью на „шелудиваго" Боняка. Управившись съ Половцами, великій князь рѣшилъ покончить съ враждебнымъ родомъ Всеслава. Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось захватить въ свои руки большинство полоцкихъ князей съ ихъ женами и дѣтьми. Затѣмъ онъ посадилъ ихъ въ ладьи, и отправилъ въ Царьградъ къ своему родственнику императору Іоанну Комнену. Тамъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, полоцкіе князья вступили въ греческую службу, и отличились своимъ мужествомъ въ походахъ противъ Сарацинъ. А волость ихъ была отдана Изяславу, одному изъ сыновей великаго князя ([64]).

Мстиславъ не уступалъ своему отцу и въ дѣятельной защитѣ русскихъ предѣловъ отъ враждебныхъ сосѣдей. По словамъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ его воеводы будто бы загнали Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу. Кромѣ того онъ посылалъ своихъ сыновей воевать Чудскіе народцы, безпокоившіе новогородскія земли. Волости Пинско-Туровскаго Полѣсья и вновь завоеванная Полоцкая земля приводили Кіевскаго князя въ непосредственное столкновеніе съ западными сосѣдями русскихъ Славянъ, съ безпокойными Литовцами. Въ годъ своей смерти великій князь вмѣстѣ съ сыновьями самъ предпринималъ удачный походъ на Литву.

Мстиславъ, долго бывшій новогородскимъ княземъ, по

всѣмъ признакамъ сохранялъ живыя связи съ Новгородомъ и послѣ того, какъ перешелъ на югъ. Такъ по смерти своей первой супруги Христины онъ, еще при жизни отца, женился на дочери знатнаго боярина новогородскаго Димитрія Завидича. Почти въ одно время съ нимъ и старшій сынъ Мстислава Всеволодъ — Гавріилъ, бывшій его преемникомъ въ Новгородѣ, также женился на новогородской боярышнѣ. Самая древнѣйшая изъ княжескихъ грамотъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, равно свидѣтельствуетъ о расположеніи Мстислава къ своему первому удѣлу. Эта грамота дана была новогородскому Юрьеву монастырю на нѣкоторыя земли и судныя пошлины. Тутъ же находится приписка и сына его Всеволода о томъ, что онъ даритъ серебряное блюдо для употребленія за монастырскою трапезою ([65]). Во время великаго княженія Мстислава любимую его Новогородскую область постигли большія бѣдствія: чрезвычайные весенніе разливы и осенніе морозы причинили сильные неурожаи, послѣдствіемъ которыхъ былъ жестокій голодъ, такъ что въ 1128 г. въ Новгородѣ осьмина ржи стоила полгривны, цѣна огромная для того времени. По свидѣтельству Новогородской лѣтописи, голодавшіе ѣли мякину, липовый листъ, березовую кору, мохъ, конину. Много народу погибло отъ этого голоду, и родители часто отдавали своихъ дѣтей въ рабство иноземнымъ гостямъ, чтобы только спасти ихъ отъ смерти. На улицахъ, площадяхъ, по дорогамъ люди падали мертвыми; въ городѣ распространился невыносимый смрадъ отъ труповъ, которыхъ не успѣвали вóвремя вывозить.

Мстиславъ-Ѳеодоръ скончался послѣ кратковременнаго княженія, пятидесяти шести лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно еще въ полномъ развитіи силъ (1132 г.). Его похоронили въ монастырѣ св. Ѳеодора: онъ самъ создалъ этотъ монастырь въ честь святаго, имя котораго носилъ. То былъ послѣдній изъ великихъ князей Кіевскихъ, умѣвшихъ строго охранять свое верховное значеніе между родичами и тѣмъ поддерживать единство Русскихъ земель. Послѣ него уже не видимъ въ Кіевѣ подобныхъ князей. Впрочемъ положеніе ихъ становилось все труднѣе и труд-

нѣе въ томъ случаѣ, если бы они хотѣли подражать своимъ предшественникамъ по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ. Нужны были бы нечеловѣческія усилія, что бы удержать въ единеніи какъ развѣтвившееся потомство Владиміра Великаго, такъ и русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ и стремившіяся къ отдѣльной политической жизни.

Хотя семья Мономаховичей и владѣла большею частію Руси, но и самая эта семья въ свою очередь раздѣлилась на разныя поколѣнія, которыя соперничали другъ съ другомъ. Поэтому періодъ, послѣдующій за смертію Мстислава I, представляетъ постоянное обособленіе русскихъ областей подъ управленіемъ нѣкоторыхъ вѣтвей княжаго дома, которыя все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ мѣстныхъ самостоятельныхъ династій. Въ основаніе этого обособленія, какъ мы видѣли, легло дѣленіе, утвержденное Любецкимъ съѣздомъ. Кіевскій князь уже не можетъ какъ прежде раздавать удѣлы и перемѣщать младшихъ князей съ одного конца Руси на другой. Понятіе о старшинствѣ въ цѣломъ потомствѣ Игоревичей запутывается вслѣдствіе ихъ чрезвычайнаго размноженія и раздѣленія; все чаще и чаще возникаетъ изъ за него соперничество племянниковъ съ дядями. Кіевъ начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки; при чемъ сохраняется еще нѣкоторая тѣнь родоваго права; но въ сущности дѣйствуетъ уже право наиболѣе сильнаго или наиболѣе отважнаго. Древняя метрополія русскихъ городовъ, хотя и продолжаетъ еще служить средоточіемъ русской образованности, но уже мало по малу утрачиваетъ значеніе того средоточія, которымъ она служила въ политической жизни Русскаго народа.

Мстиславу наслѣдовалъ на великомъ княженіи братъ его Ярополкъ. Послѣдній еще при жизни своего отца Мономаха отличился удачными походами въ глубь Половецкихъ степей. При Мстиславѣ онъ занималъ столъ Переяславскій, который былъ старшимъ послѣ Кіева въ родѣ Мономаховичей, но въ то же время и самымъ безпокойнымъ, потому что находился на пограничьѣ съ степными варварами. Ярополкъ прославилъ себя здѣсь новы-

ми подвигами противъ Половцевъ. Но одной его отваги оказалось недостаточно, что бы поддержать значеніе великаго князя, и, едва онъ занялъ Кіевскій столъ, какъ между младшими князьями открылись безконечные споры и войны за волости. Распри начались въ самой семьѣ Мономаховичей; а источникомъ для нихъ явился помянутый столъ Переяславскій, который былъ предметомъ многихъ желаній, потому что служилъ переходомъ уже къ великому княженію. Ярополкъ II самъ подалъ поводъ къ смутамъ. Нарушивъ права своихъ братьевъ, онъ, по уговору съ Мстиславомъ, передалъ этотъ столъ старшему своему племяннику Всеволоду — Гавріилу, княжившему дотолѣ въ Новгородѣ. Но едва Всеволодъ вступилъ въ Переяславль, какъ въ тотъ же день явился дядя его Юрій Ростовскій и изгналъ его отсюда. Юрій конечно не хотѣлъ допустить, чтобы племянникъ перебилъ у него старшинство. Но Ярополкъ въ свою очередь изгналъ Юрія изъ Переяславля, который передалъ другому племяннику, второму сыну Мстислава, Изяславу; потомъ однако перемѣнилъ рѣшеніе и отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу; а его Туровскій удѣлъ перешелъ къ Изяславу Мстиславичу. Вячеславъ, вѣроятно недовольный безпокойнымъ сосѣдствомъ съ Половцами, вскорѣ самъ покинулъ Переяславль и воротился въ свой Туровъ, откуда изгналъ Изяслава, а Переяславль снова достался Юрію. Тогда Изяславъ Мстиславичъ соединился съ братомъ своимъ Всеволодомъ Новогородскимъ; считая себя обдѣленными, они подняли оружіе противъ дядей.

Всеволодъ Ольговичъ, сидѣвшій дотолѣ смирно въ Черниговѣ, видя распри въ самой семьѣ Мономаха, поспѣшилъ воспользоваться ими, что бы воротить нѣкоторыя утраченныя волости, напримѣръ, Курскъ и другіе города по рѣкѣ Сейму. Онъ вступилъ въ союзъ съ племянниками противъ дядей, и нанялъ Половцевъ. Въ южной Руси закипѣло междоусобіе. Нѣсколько разъ князья мирились, и снова начиналась брань. То Всеволодъ Ольговичъ съ Половцами опустошалъ лѣвый берегъ Днѣпра, осаждалъ Переяславль и подходилъ къ самому Кіеву; то Ярополкъ съ братьями и Черными Клобуками разорялъ

землю Черниговскую и подступалъ къ самому Чернигову. Между тѣмъ бывшій источникъ этихъ междоусобій, Переяславль, Ярополкъ взялъ у Юрія и передалъ младшему ихъ брату Андрею; а удѣлъ послѣдняго, Владиміръ Волынскій, отдалъ племяннику своему Изяславу Мстиславичу; чѣмъ удовлетворилъ его и отвлекъ отъ союза съ Ольговичами Черниговскими. Наконецъ въ 1139 году, незадолго до своей смерти, Ярополкъ заключилъ миръ съ Ольговичами у черниговскаго города Моравійска, на берегу Десны. Послѣдніе достигли своей цѣли: Курскъ и нѣкоторые другіе города отошли отъ Переяславскаго княженія къ Черниговскому.

Это междоусобіе захватило не одну южную Россію: оно отозвалось и на сѣверѣ, гдѣ произошло тогда первое исторически извѣстное столкновеніе Новгородцевъ съ Суздальцами.

Не одни младшіе князья отказывали въ повиновеніи Ярополку. Древній вѣчевой Новгородъ также воспользовался его затруднительнымъ положеніемъ и слабыми сторонами его характера, а равно соперничествомъ разныхъ вѣтвей княжаго рода. Онъ явно началъ стремиться къ освобожденію себя отъ кіевской зависимости и къ полному самоуправленію. Всеволодъ Мстиславичъ послѣ своей неудачной попытки занять Переяславскій столъ воротился въ Новгородъ, гдѣ онъ княжилъ столь долгое время. Но граждане встрѣтили его очень не ласково. Они роптали на то, что онъ вздумалъ ихъ знаменитый городъ предпочесть южному Переяславлю, и сначала не хотѣли принять его; потомъ однако смягчились, и снова признали его своимъ княземъ. Но прежнія дружескія отношенія и прежнее уваженіе къ княжеской власти уже были нарушены. Новгородъ собиралъ съ своихъ обширныхъ сѣверовосточныхъ владѣній для великаго князя Кіевскаго особую дань, подъ именемъ „Печерской". Граждане вдругъ отказались платить эту дань Ярополку, и не хотѣли слушать увѣщаній Всеволода. Только братъ его Изяславъ, присланный дядею, уговорилъ ихъ заплатить. Посадники новогородскіе прежде назначались великимъ княземъ Кіевскимъ изъ знатныхъ бояръ, мѣстныхъ или при-

сланныхъ изъ южной Руси. Теперь Новогородцы стали присвоивать себѣ право выбирать и смѣнять посадниковъ по своей волѣ. Явились партіи, неизбѣжныя при всякомъ выборѣ властей; отсюда начали умножаться внутреннія смуты.

Когда произошла междоусобная брань Мстиславичей съ ихъ дядями, Новогородцы приняли сторону первыхъ. Они склонились на убѣжденія своего князя Всеволода и его брата Изяслава идти войною на Юрія Суздальскаго тѣмъ охотнѣе, что у нихъ издавна существовали споры съ Суздальцами за нѣкоторыя пограничныя области и дани, собираемыя съ сѣверныхъ инородцевъ. Однако были и такіе граждане, которые противились этой войнѣ. Отсюда возникли бурныя вѣча. Сторонники войны одолѣли и рѣшили походъ; при чемъ, по обычаю, нѣкоторыхъ своихъ противниковъ сбросили съ моста въ Волховъ. На походѣ опять произошли несогласія; ратные люди смѣнили посадника Петрилу, выбрали на его мѣсто Иванка Павловича, и воротились назадъ. Но тутъ поднялись новыя распри. Партія Мстиславичей опять взяла верхъ, и войско снова выступило въ походъ съ княземъ Всеволодомъ. Между тѣмъ удобное для военныхъ дѣйствій время было упущено. Наступила глубокая зима. Тщетно митрополитъ Михаилъ, на ту пору случившійся въ Новгородѣ, отсовѣтывалъ походъ. Новогородцы заключили его подъ стражу, и выступили. На пути ихъ преслѣдовали жестокія мятели и морозы. Тѣмъ неменѣе они достигли непріятельской земли, пришли къ мѣсту, называвшемуся Ждановой горой, и здѣсь встрѣтили суздальскую рать. Битва на Ждановой горѣ была неудачна для Новогородцевъ; они потеряли много людей, въ томъ числѣ храбраго посадника Иванка, и воротились домой (1134). Тогда только граждане отпустили митрополита въ Кіевъ.

Когда Мстиславичи примирились съ дядями, то естественно они сдѣлались теперь непріятелями своихъ недавнихъ союзниковъ, черниговскихъ Ольговичей. Къ той же перемѣнѣ союза Всеволодъ Мстиславичъ началъ склонять и Новогородцевъ. Но случилось такъ, что въ это время военное счастіе повернуло на сторону черниговскихъ князей;

Ярополкъ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе на берегахъ Супоя. (Здѣсь погибъ упомянутый выше внукъ Мономаха Василько Леоновичъ). Это пораженіе отозвалось и въ Новгородѣ. Партія враждебная Всеволоду Мстиславичу усилилась и взяла верхъ надъ его приверженцами. Изъ Пскова и Ладоги, двухъ важнѣйшихъ новогородскихъ пригородовъ, были призваны граждане для общаго совѣта на вѣчѣ, и тутъ рѣшено изгнать князя Всеволода. Ему объявили слѣдующія вины. Во первыхъ, зачѣмъ не блюдетъ смердовъ или простыхъ людей, и, вмѣсто того, что бы оборонять ихъ на судѣ и заботиться о хорошемъ управленіи, занимается болѣе охотою, собаками и ястребами? Во вторыхъ, зачѣмъ хотѣлъ уйти на княженіе въ Переяславль и пренебрегъ Новгородомъ? Въ третьихъ, склонилъ Новогородцевъ идти войною на Суздальцевъ, а самъ первый ушелъ съ поля битвы на Ждановой горѣ. Наконецъ, въ четвертыхъ, сначала уговаривалъ Новогородцевъ приступить къ союзу съ Черниговскимъ княземъ, а теперь склоняетъ къ его противникамъ. Всеволода Мстиславича со всѣмъ его семействомъ заключили подъ стражу на дворѣ епископскомъ, гдѣ стерегли его ежедневно 30 вооруженныхъ людей. А на княженіе къ себѣ Новогородцы пригласили Святослава Ольговича, брата Всеволоду Черниговскому, побѣдителю при Супоѣ. Когда онъ прибылъ, тогда отпустили и Всеволода Гавріила, послѣ двухмѣсячнаго заключенія. Но съ удаленіемъ его спокойствіе не водворилось въ Новгородѣ.

У Всеволода оставалась здѣсь значительная партія приверженцевъ, которая непріязненно относилась къ новому князю. Святославъ Ольговичъ кромѣ того возбудилъ противъ себя и владыку новогородскаго Нифонта. Будучи вдовъ, князь хотѣлъ жениться на какой то новогородской боярынѣ; но владыко запретилъ вѣнчать его, говоря, что не слѣдуетъ вступать въ бракъ съ этой женщиной. Святославъ однако настоялъ на своемъ, и былъ повѣнчанъ собственнымъ своимъ священникомъ. Приверженцы Всеволода даже покушались на жизнь Святослава, и однажды едва не убили его стрѣлою. Послѣ этого неудачнаго покушенія нѣкоторые знатные люди уѣхали ко Всеволоду

въ кіевскій Вышгородъ, который былъ данъ ему въ удѣлъ дядею Ярополкомъ. Перебѣжчики приглашали Всеволода снова воротиться на сѣверъ, увѣряя, что Новогородцы и Псковичи только ждутъ его прибытія, что бы опять посадить на своемъ столѣ. Князь поѣхалъ во Псковъ, гдѣ граждане дѣйствительно приняли его съ почетомъ. Но когда Новогородцы узнали о томъ, поднялся жестокій мятежъ. Противники Всеволода опять взяли верхъ на вѣчѣ, и многіе пріятели его поспѣшили спастись бѣгствомъ во Псковъ. Чернь разграбила ихъ домы; а съ оставшихся въ Новгородѣ взяла денежную пеню. Набрали до 1500 гривенъ, и употребили ихъ на приготовленія къ войнѣ со Всеволодомъ. Святославъ дѣйствительно выступилъ въ походъ съ Новогородцами, ведя съ собою еще вспомогательную дружину, призванную съ юга, и даже наемныхъ Половцевъ. Псковичи обнаружили твердую рѣшимость защищать Всеволода. Они подѣлали засѣки въ лѣсахъ, и завалили всѣ дороги, ведущія изъ Новгорода ко Пскову. Новогородское ополченіе дошло до мѣста, называемаго Дубровною, за нѣсколько переходовъ отъ Пскова, и, увидавъ трудности дальнѣйшаго движенія, воротилось. Такимъ образомъ Псковичи впервые получили себѣ особаго князя; что составляло предметъ ихъ желаній. Но Всеволодъ, въ крещеніи Гавріилъ, княжилъ у нихъ недолго. Онъ скончался въ 1138 году, и былъ погребенъ въ Троицкой соборной церкви, имъ самимъ построенной, гдѣ и донынѣ находится его гробница и хранится его мечъ. Преемникомъ ему во Псковѣ остался его братъ Святополкъ. Но и соперникъ Всеволода Святославъ Ольговичъ не долго княжилъ въ Новгородѣ. Торговля новогородская много терпѣла по причинѣ враждебныхъ отношеній къ Мономаховичамъ, которые владѣли сосѣдними областями, Ростовскою, Смоленскою и Псковскою; вслѣдствіе прекратившихся подвозовъ сдѣлалась сильная дороговизна хлѣба. Поэтому Новогородцы уже въ слѣдующемъ 1139 году изгнали Святослава Ольговича, и выпросили себѣ у Юрія Суздальскаго его сына Ростислава, впрочемъ не на долго. По смерти Ярополка, когда на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, Новогородцы снова

призвали его брата Святослава Ольговича; но вскорѣ снова выжили Святослава и опять посадили у себя Ростислава Юрьевича. Такая частая перемѣна князей у нихъ уже вошла въ обычай (66).

Не одни Новогородцы воспользовались смутами, наступившими послѣ Мстислава, и соперничествомъ разныхъ вѣтвей княжескаго дома, что бы ослабить свое подчиненіе южной Руси. Тѣми же обстоятельствами воспользовались и Полочане, что бы воротить своихъ старыхъ князей и свою независимость отъ Кіева. Изгнавъ полоцкихъ Всеславичей, Мстиславъ отдалъ эту область второму сыну Изяславу. Но при Ярополкѣ II Изяславъ, добиваясь удѣла въ южной Руси, покинулъ непріязненный Полоцкій край. Полочане призвали къ себѣ одного изъ внуковъ Всеслава, Василька, который вѣроятно избѣжалъ участи другихъ своихъ родичей. А немедленно по смерти Ярополка въ Полоцкую землю воротились еще двое изъ князей, изгнанныхъ его старшимъ братомъ въ Грецію.

Въ 1139 году скончался великій князь Ярополкъ Владиміровичъ. Слѣдующій за нимъ братъ Вячеславъ Туровскій, имѣвшій теперь старшинство въ семьѣ Мономаховичей, поспѣшилъ занять Кіевъ. Но онъ былъ извѣстенъ недостаткомъ твердости и мужества въ своемъ характерѣ, и не пользовался уваженіемъ у своихъ братьевъ и племянниковъ. Поэтому соперникомъ ему выступилъ представитель другой отрасли Ярославова потомства, черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ, не менѣе своего отца отличавшійся честолюбіемъ и предпріимчивостію, тотъ самый Всеволодъ, который когда то не призналъ старшинства своего дяди Ярослава и отнялъ у него Черниговъ. Онъ неожиданно явился подъ стѣнами Кіева, и зажегъ конецъ Копыревъ. Вячеславъ не рѣшился на борьбу, уступилъ ему Кіевъ и ушелъ въ свой Туровскій удѣлъ. Черниговскій князь собственно не имѣлъ права на Кіевскій столъ, потому что отецъ его никогда не былъ великимъ княземъ; но Ольговичи приписывали это обстоятельство несправедливости Кіевлянъ и Мономаха, и ни зачто не хотѣли помириться съ устраненіемъ своего рода отъ великаго княженія. Что бы укрѣ-

питься въ Кіевѣ, Всеволоду нужно было только поддерживать несогласіе племянниковъ съ дядями въ семьѣ Мономаха. Племянниковъ удалось привлечь на свою сторону тѣмъ легче, что они приходились ему шурья по его женѣ, дочери Мстислава I. Особенно важенъ былъ для Всеволода союзъ съ самымъ даровитымъ и храбрымъ изъ нихъ, съ Изяславомъ Мстиславичемъ, сидѣвшимъ тогда во Владимірѣ Волынскомъ: Всеволодъ обѣщалъ оставить ему послѣ своей смерти великокняжескій столъ помимо его дядей.

Дружба Всеволода съ Мономаховичами однако вызвала вскорѣ неудовольствіе его собственныхъ братьевъ, и тѣмъ болѣе, что наслѣдственный Черниговскій удѣлъ онъ передалъ не родному брату Игорю Ольговичу, а двоюродному Владиміру Давидовичу. Чтобы удовлетворить настояніямъ родныхъ братьевъ, Всеволодъ попыталъ добыть для нихъ отъ Мономаховичей области Переяславскую и Волынскую; но неудачно. Въ южномъ Переяславлѣ сидѣлъ младшій изъ сыновей Мономаховыхъ Андрей. Когда великій князь послалъ сказать ему, что бы онъ перешелъ въ Курскъ, Андрей отвѣчалъ: „Дѣдъ и отецъ мой княжили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; живой не пойду изъ своей волости; а если убьешь меня, вспомни, Святополкъ тоже убилъ Бориса и Глѣба; но долго ли послѣ того самъ княжилъ"? Приступы Ольговичей къ Переяславлю были отбиты. Въ то же время Изяславъ Мстиславичъ отбился отъ своихъ соперниковъ на Волыни. Всеволодъ помирился съ Мономаховичами; такъ что по смерти Андрея не отдалъ Переяславля кому либо изъ братьевъ, а перевелъ сюда Вячеслава Туровскаго. Тогда родные и двоюродные братья, обманутые въ своей надеждѣ на богатыя волости, соединились и подняли брань на Всеволода. Но за послѣдняго вступились сами Мономаховичи. Эта междоусобная война, опустошавшая южную Русь, была окончена только при посредствѣ князя-инока. Еще живъ былъ Николай Святоша, двоюродный братъ Ольговичей и родной Давидовичей. Всеволодъ вызвалъ Святошу изъ монастырской келліи, и послалъ уговаривать братьевъ къ миру; тотъ успѣшно выполнилъ это

порученіе. Такимъ образомъ Всеволодъ съумѣлъ до самой смерти (1146 г.) удержаться въ Кіевѣ, благодаря своей политикѣ разъединенія. Онъ то помогалъ Ольговичамъ противъ Мономаховичей, то послѣднимъ противъ первыхъ; Ольговичей ссорилъ съ Давидовичами, а Мономаховичей—племянниковъ съ Мономаховичами—дядями.

Такая узкая политика самосохраненія незамедлила принести свои плоды въ отношеніяхъ Кіева къ русскимъ областямъ. Постоянно занятый собственною безопасностію, великій князь все менѣе и менѣе могъ оказывать вліянія на другія области, особенно на тѣ, которыя были отдалены отъ него и по самому географическому положенію. Межъ тѣмъ какъ Черниговъ, Смоленскъ, Волынь еще принимали непосредственное участіе въ судьбахъ Кіева, на сѣверовостокѣ начинали жить своею особою политическою жизнію земли Суздальская и Рязанская; а на сѣверѣ Новгородъ пріобрѣталъ право призывать князей изъ той или другой вѣтви княжескаго рода, по своему усмотрѣнію, и все болѣе ослаблялъ свои связи съ Кіевомъ. На сѣверозападѣ Полоцкая земля, съ возвращеніемъ собственныхъ князей, окончательно выдѣлялась изъ общаго состава Руси. На югозападѣ такою же особою политическою жизнію начинала жить Русь Червонная или Галицкая.

Въ послѣдней области явилась въ то время замѣчательная личность, которая положила основаніе сильному княжеству Галицкому. То былъ Владимірко, сынъ Володаря Ростиславича. Володарь и братъ его извѣстный слѣпецъ Василько, оба умерли въ 1124 году. Сыновья не наслѣдовали отъ своихъ отцовъ ихъ дружбы и согласія. Честолюбивый, предпріимчивый Владимірко воспользовался потомъ смертью роднаго брата и двухъ двоюродныхъ, чтобы захватить въ свои руки обѣ наслѣдственныя волости своего рода, т. е. Перемышльскую и Теребовльскую. Только небольшой удѣлъ Звенигородскій оставался еще за его роднымъ племянникомъ, Иваномъ Ростиславичемъ. Владимірко утвердилъ свою столицу въ городѣ Галичѣ на берегахъ Днѣстра, и съ тѣхъ поръ Червонная Русь стала называться Галицкимъ княжествомъ, Галиціей. Много ума и ловкости нужно было, что бы укрѣ-

пить и расширить это княжество, отвсюду окруженное сильными и враждебными сосѣдями, каковы Угры и Поляки на западѣ и русскіе соперники на востокѣ. Галицкій князь безспорно владѣлъ тѣми, хотя и не всегда похвальными, чертами, съ которыми являются въ исторіи нѣкоторые основатели или двигатели государственной силы. Онъ умѣлъ найтись при всѣхъ затрудненіяхъ и извлечь пользу изъ всякаго столкновенія своихъ сосѣдей; но за то не стѣснялся въ выборѣ средствъ; клятвы и договоры были для него только дѣломъ политики, и онъ забывалъ о нихъ, какъ скоро миновала надобность. Съ Уграми, смотря по обстоятельствамъ, онъ былъ то союзникомъ, то врагомъ. Соперничество между Мономаховичами и Ольговичами, возникшее изъ за Кіевскаго стола, представило ему удобный случай не только вполнѣ освободиться отъ нѣкотораго подчиненія Кіеву, но и расширить свое княжество на счетъ сосѣднихъ волынскихъ городовъ. Послѣднее обстоятельство заставило великаго князя кіевскаго Всеволода Ольговича въ 1144 году предпринять походъ въ Галицію съ сильною ратью, въ которой участвовали Ольговичи, часть Мономаховичей и еще наемные Половцы. Владимірко съ своей стороны получилъ помощь отъ Угровъ.

Обѣ рати сошлись подъ Звенигородомъ; ихъ раздѣляла небольшая рѣчка Бѣлка. Всеволодъ велѣлъ навести гати, переправился черезъ рѣчку, и зашелъ въ тылъ непріятельскому войску; такъ что отрѣзалъ его отъ сообщенія съ Галичемъ и Перемышлемъ. Галичане пришли въ уныніе, опасаясь за свои семейства. Тогда Владимірко прибѣгъ къ своей дипломатической ловкости. Онъ вступилъ въ переговоры не съ самимъ великимъ княземъ, а съ его братомъ Игоремъ, и взялъ послѣдняго за самую чувствительную струну, пославъ сказать ему: „если помиришь меня съ своимъ братомъ, то послѣ его смерти я помогу тебѣ сѣсть въ Кіевѣ“. Игорь дѣйствительно принялся усердно хлопотать въ пользу галицкаго князя, и уговорилъ Всеволода заключить миръ. Противники съѣхались вмѣстѣ, и по обычаю утвердили миръ крестнымъ цѣлованіемъ. „Многоглаголивый“ (по выраженію лѣтописи) Владимірко отдѣлался отъ опасности уплатою 1400 гри-

венъ серебра, которыя Всеволодъ добросовѣстно раздѣлилъ между своими братьями и союзниками.

Граждане Галича были недовольны строгостію и самовластіемъ своего князя, и попытались отложиться отъ него. Они воспользовались временемъ, когда Владимірко уѣхалъ на охоту; послали въ Звенигородъ за его племянникомъ Иваномъ Ростиславичемъ, и посадили его у себя на столѣ. Владимірко, не теряя времени, собралъ войско, и осадилъ Галичъ. Во время одной вылазки Иванъ Ростиславичъ былъ отрѣзанъ отъ города; онъ пробился сквозь непріятелей и бѣжалъ къ Дунаю, откуда степью пробрался въ Кіевъ къ Всеволоду Ольговичу. Галичане еще нѣкоторое время оборонялись, но наконецъ принуждены были отворить ворота. Владимірко казнилъ злою смертію многихъ участниковъ мятежа; а Звенигородскій удѣлъ племянника взялъ себѣ, и такимъ образомъ утвердилъ полное единовластіе въ землѣ Галицкой. Но великій князь Кіевскій не желалъ подобнаго усиленія Галиціи. Онъ вступился за изгнаннаго племянника, и снова собралъ многочисленную рать, призвавъ на помощь князей Черниговскаго, Переяславскаго, Смоленскаго, Туровскаго, Владимірскаго и дикихъ Половцевъ. Походъ, предпринятый зимою, на этотъ разъ былъ неудаченъ. Дожди согнали снѣгъ и произвели распутицу. Рать добралась кое какъ до Звенигорода, осадила его и сожгла внѣшній острогъ. Многіе граждане, вѣроятно желавшіе снова имѣть своимъ княземъ Ивана Ростиславича, сошлись на вѣче и разсуждали о томъ, что надобно сдать городъ. Но воевода Владимірковъ, какой то Иванъ Халдѣевичъ, оказался человѣкомъ рѣшительнымъ и энергичнымъ. Онъ схватилъ троихъ главныхъ зачинщиковъ смуты, велѣлъ каждаго разрубить пополамъ и выбросить ихъ трупы за городскую стѣну. Этотъ поступокъ устрашилъ остальныхъ заговорщиковъ, и съ того дня жители отчаянно оборонялись; они отбили всѣ приступы, и потушили всѣ пожары, произведенные осаждавшими. Всеволодъ долженъ былъ снять осаду и уйти назадъ. Неудачѣ этого предпріятія способствовало также болѣзненное состояніе великаго князя, окончившееся вскорѣ его смертію.

Въ обоихъ походахъ Всеволода Ольговича на Галицкую Русь принимали участіе Поляки, въ качествѣ союзниковъ великаго князя Кіевскаго. Въ Польшѣ около того времени произошли великія перемѣны, которыя на долго задержали развитіе Польскаго могущества; что въ свою очередь способствовало безопасности русскихъ предѣловъ съ этой стороны. Въ 1139 году скончался король Болеславъ III Кривоустый, послѣдній представитель эпохи Болеславовъ, эпохи возрастанія и величія Польскаго государства. Кривоустый съ успѣхомъ продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ: онъ удачно воевалъ съ Чехами и Нѣмцами, и отбился отъ притязаній Германской имперіи на ленную зависимость Польши. Замѣчательна въ особенности борьба его съ языческими племенами Поморскихъ Славянъ, противъ которыхъ онъ предпринималъ многократные походы, дѣйствуя въ союзѣ съ Датчанами. Ему удалось овладѣть землями Лютичей и Ратаровъ и утвердить здѣсь христіанскую церковь. Эта борьба съ язычниками имѣла характеръ крестовыхъ походовъ, подобныхъ тѣмъ, которые совершались тогда на востокъ королями и рыцарями Западной Европы. Завоеваніемъ Поморья Болеславъ Кривоустый вознаградилъ потерю нѣкоторыхъ земель, напримѣръ, Червонной Руси и Моравіи, завоеванныхъ Болеславомъ Храбрымъ и утраченныхъ его преемниками. Кривоустый былъ женатъ на Сбыславѣ, дочери Святополка II Михаила. Это родство дало Полякамъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Руси по смерти Святополка въ пользу его потомства; но при такихъ князьяхъ, какъ Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, подобное вмѣшательство не имѣло обыкновенно никакого успѣха.

У польскихъ князей, какъ на Руси и въ Чехіи, еще сильны были родовые обычаи, вытекавшіе изъ понятія, что каждый членъ княжеской семьи имѣетъ право на удѣльное владѣніе. Рядомъ съ этими обычаями и тамъ видимъ постоянное стремленіе старшаго князя къ полному подчиненію себѣ младшихъ или просто къ единовластію. Такъ Болеславъ Кривоустый долго боролся съ своимъ мятежнымъ братомъ Збигнѣвомъ, наконецъ вѣролом-

но схватилъ его, велѣлъ ослѣпить и заключить въ темницу. Но самъ онъ передъ смертію раздѣлилъ королевство между четырьмя сыновьями, ничего не назначивъ только пятому, самому младшему изъ нихъ Казиміру (впослѣдствіи прозванному *Справедливымъ*). Старшій Болеславичъ Владиславъ II, получившій главный городъ Краковъ и Силезію, по характеру своему не былъ способенъ внушить братьямъ уваженіе къ своему старшинству. Но его супруга Агнеса, дочь австрійскаго маркграфа и племянница императора Конрада III Гогенштауфена, не хотѣла терпѣть самостоятельность младшихъ князей, и, побуждаемый ея упреками, Владиславъ вздумалъ смирить ихъ оружіемъ. Тогда проявилось то значеніе, которое успѣли уже пріобрѣсти себѣ польскіе вельможи и духовные сановники. Изъ личныхъ и сословныхъ видовъ они приняли сторону младшихъ братьевъ; Владиславъ былъ лишенъ своего королевскаго удѣла и изгнанъ изъ Польши. Въ этихъ междоусобіяхъ принялъ участіе и великій князь кіевскій Всеволодъ, какъ своякъ Владислава II, потому что дочь его Звенислава была за старшимъ сыномъ краковскаго короля, Болеславомъ Высокимъ. Два раза русскіе полки ходили въ Польшу на помощь Владиславу, и добились только того, что братья (Болеславъ Кудрявый и Мечиславъ Старый) уступили ему четыре города. Въ свою очередь и польскій король помогалъ Всеволоду Ольговичу въ его борьбѣ съ Владиміркомъ Галицкимъ. Въ послѣдствіи, уже по смерти Всеволода, Владиславъ II снова и окончательно былъ изгнанъ изъ Польши своими братьями. Этотъ Владиславъ между прочимъ велѣлъ выколоть глаза и отрѣзать языкъ тому самому боярину Петру Власту, который когда то помогъ его отцу вѣроломнымъ образомъ захватить въ плѣнъ Володаря Ростиславича. Несчастный польскій бояринъ нашелъ убѣжище на Руси.

Водворившаяся въ Польшѣ удѣльная система ослабила ея политическое значеніе. Она между прочимъ слишкомъ на полтора столѣтія задержала распространеніе польскихъ предѣловъ на востокъ; такъ что сосѣднія русскія княже-

ства, особенно Волынь и Галиція, въ теченіе этого времени могли развиваться безъ помѣхи со стороны Польши.

За годъ до своей смерти Всеволодъ Ольговичъ собралъ въ Кіевѣ наиболѣе значительныхъ князей Южной Руси, и объявилъ имъ, что онъ, по примѣру Владиміра Мономаха и Мстислава I, хочетъ еще при жизни утвердить ихъ присягою съ своимъ преемникомъ, и что старшинство, т. е. Кіевскій столъ, онъ оставляетъ брату своему Игорю. Черниговскіе Давидовичи и Ольговичи присягнули немедленно; Изяславъ Мстиславичъ Волынскій, которому Кіевъ тоже былъ обѣщанъ Всеволодомъ, сначала колебался; но потомъ и онъ принужденъ былъ поцѣловать крестъ. Игорь съ своей стороны присягнулъ „имѣть братью въ любовь". Когда великій князь воротился изъ втораго Галицкаго похода уже тяжко больнымъ, онъ послалъ къ Изяславу Мстиславичу и къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи брату Игорю; тѣ отвѣчали: „стоимъ". Въ то же время кіевскіе граждане, по требованію Всеволода присягнули Игорю какъ своему великому князю. Онъ также взялъ присягу и съ жителей Вышгорода. Умирающій Всеволодъ велѣлъ отвезти себя въ этотъ городъ; онъ надѣялся получить облегченіе въ мѣстѣ, уже прославленномъ чудотвореніями, или желалъ лечь у гроба свв. братьевъ-мучениковъ. Дѣйствительно здѣсь онъ скончался, и погребенъ въ храмѣ Бориса и Глѣба.

Игорь Ольговичъ созвалъ Кіевлянъ въ Верхнемъ городѣ на дворъ Ярослава, и вновь заставилъ ихъ поцѣловать себѣ крестъ. Но двукратная присяга оказалась ненадежнымъ средствомъ тамъ, гдѣ ее не подкрѣпляло народное расположеніе. Вслѣдъ затѣмъ граждане сѣли на коней, и собрались въ Нижнемъ городѣ, т. е. на Подолѣ, возлѣ такъ наз. Туровой божницы, и послали звать Игоря къ себѣ на вѣче. Тотъ выѣхалъ съ своей дружиной; но остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ народа, и послалъ брата Святослава спросить Кіевлянъ, чего они хотятъ. Граждане начали приносить жалобы на тіуновъ покойнаго Всеволода Ольговича, на Ратшу и Тудора: „первый — говорили они — разорилъ своими неправдами

Кіевъ, а второй Вышгородъ". Вѣроятно, въ этомъ вѣчѣ участвовали и граждане сосѣдняго Вышгорода. По требованію народнаго собранія Святославъ сошелъ съ коня, и за своего старшаго брата поцѣловалъ крестъ на томъ, что великій князь будетъ наблюдать правду и не дастъ народъ въ обиду тіунамъ. Кіевляне спѣшились, и вновь присягнули не мыслить никакого зла противъ Игоря и Святослава. Послѣдній воротился въ сопровожденіи лучшихъ людей; великій князь также сошелъ съ коня, и также поцѣловалъ крестъ на исполненіе обѣщаннаго. Но лучшимъ людямъ очевидно не удалось примирить народъ съ новымъ княземъ. Едва братья воротились въ теремъ и сѣли обѣдать, какъ получили извѣстіе, что кіевская чернь прямо съ вѣча бросилась грабить дворъ Ратши, а также дворы княжихъ мечниковъ. Игорь послалъ брата съ дружиною, и тотъ едва укротилъ грабителей. Ясно, что перемѣны въ наслѣдованіи Кіевскаго стола и борьба изъ за него княжихъ родовъ принесли свой плодъ. Уваженіе къ достоинству великаго князя стало падать; граждане кіевскіе, подобно Новогородцамъ, сдѣлались своевольнѣе и привыкаютъ мѣнять своихъ князей, смотря по расположенію или по другимъ обстоятельствамъ. Ольговичей они вообще не любили. Эта нелюбовь усилилась во время Всеволода, который допускалъ неправды и притѣсненія отъ тіуновъ. Однако онъ удержался въ Кіевѣ до конца своей жизни, благодаря личной энергіи и несогласіямъ Мономаховичей. Игорь еще менѣе полюбился Кіевлянамъ, а въ дарованіяхъ онъ очевидно уступалъ своему старшему брату.

Граждане, преданные семьѣ Мономаховой, завели сношенія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, который находился по сосѣдству, въ южномъ Переяславлѣ, и звали его на Кіевскій столъ. Въ этихъ тайныхъ переговорахъ участвовали и нѣкоторые старые бояре кіевскіе, между прочимъ Иванъ Войтишичъ и самъ тысяцкій Улѣбъ. Изяславъ, въ крещеніи Пантелеймонъ, принявъ благословеніе отъ переяславскаго епископа Евфимія въ церкви св. Михаила, выступилъ съ дружиной изъ Переяславля, и у Заруба перешелъ Днѣпръ. Здѣсь соединились съ нимъ оби-

татели Поросья или такъ наз. Черные Клобуки. То были нѣкоторые остатки Печенѣговъ и Торковъ, поселенные старыми князьями по р. Роси съ обязанностію оберегать кіевскіе предѣлы отъ степныхъ варваровъ. Черными Клобуками они прозваны конечно по своимъ высокимъ бараньимъ шапкамъ; иначе называли ихъ Берендѣи или Берендичи.

Получивъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, Игорь приготовился къ оборонѣ; съ нимъ соединились братъ его Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодичъ. Они стали съ своими дружинами таборомъ (лагеремъ) внѣ города; Кіевская рать расположилась особо, на урочищѣ, называвшемся Ольгова могила. Едва показались полки Изяслава, какъ Кіевляне перешли на его сторону; тоже сдѣлали Улѣбъ и Иванъ Войтишичъ съ своими отроками. Ольговичи однако не потеряли бодрости и смѣло вступили въ битву. Но ихъ дружины попали въ неудобное мѣсто, пересѣченное оврагами и болотами; Черные Клобуки заѣхали имъ въ тылъ, а Изяславъ ударилъ въ бокъ. Ольговичи побѣжали. Но только одному Святославу удалось перебраться за Днѣпръ и уйти въ свой Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ; племянникъ его Всеволодичъ укрылся въ кіевскомъ монастырѣ св. Ирины; а великій князь Игорь во время бѣгства завязъ въ болотѣ. Будучи болѣнъ ногами, онъ не могъ бѣжать далѣе; его взяли въ плѣнъ и отослали въ Переяславль, гдѣ засадили въ монастырскій порубъ. Между тѣмъ Кіевляне вмѣстѣ съ побѣдителями принялись грабить имѣніе и скотъ разбогатѣвшихъ дружинниковъ Всеволода и Игоря, какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ селахъ; грабили не только дома, но розыскивали ихъ имущество и по монастырямъ, куда зажиточные люди отдавали на храненіе свои сокровища. Этимъ грабежомъ Кіевляне мстили дружинникамъ за понесенныя отъ нихъ притѣсненія и вымогательства. Подобное возмездіе было въ нравахъ того времени; но нельзя въ этомъ случаѣ не видѣть также и проявленія необузданнаго народнаго своеволія, при явномъ ослабленіи великокняжескаго достоинства. Соперничество князей изъ за Кіевскаго стола неизбѣжно заста-

вляло ихъ дѣлать разныя поблажки страстямъ и порывамъ толпы, что бы упрочить за собою народное расположеніе.

Такъ началось недолговременное, но обильное событіями княженіе Изяслава Мстиславича въ Кіевѣ.

IX.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Изяславъ II. Его союзъ съ Давидовичами и опустошеніе Сѣверской области. Московское свиданіе Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ. Измѣна Давидовичей и убіеніе Игоря. Изяславъ II въ Новгородѣ. Юрій въ Кіевѣ. Угорская помощь и торжество Изяслава. Его дядя Вячеславъ. Побѣда на Рутѣ. Вѣроломство и смерть Владимірка. Его преемникъ. Митрополитъ Климентъ Смолятичъ. Юрій на Кіевскомъ столѣ. Изяславъ Давидовичъ. Ростиславъ великій князь. Его путешествіе въ Новгородъ и кончина.

Княженіе Изяслава II Пантелеймона продолжалось около осьми лѣтъ (1146 — 1154). Все это время наполнено почти непрерывною борьбою съ Ольговичами и роднымъ дядей Юріемъ Суздальскимъ. Послѣдній объявилъ притязанія на Кіевскій столъ по праву своего родоваго старшинства надъ племянникомъ. Но Изяславъ не признавалъ этого права: старшіе племянники уже начали соперничать съ младшими дядями. Почти всѣ русскія области и всѣ вѣтви княжескаго дома принимали участіе въ этой борьбѣ, одни на сторонѣ племянника, другіе на сторонѣ дяди и Ольговичей. Не однѣ русскія области, сосѣдніе народы, именно Половцы, Угры и Поляки, также принимали въ ней дѣятельное участіе. Съ обѣихъ сторонъ совершено много подвиговъ, обнаружено много таланта, энергіи и ловкости. Два раза Изяславъ II былъ изгоняемъ своимъ дядею изъ Кіева и принужденъ уступить ему великое княженіе, и два раза возвращался въ Кіевъ; такъ что умеръ великимъ княземъ. Нѣкоторые удѣльные князья не рѣдко мѣняли свои союзы, и мы встрѣ-

чаемъ ихъ то въ лагерѣ дяди, то въ лагерѣ племянника. При этомъ каждый изъ областныхъ князей конечно преслѣдовалъ свои личные виды или руководствовался обязанностями кровнаго родства. Но въ общемъ движеніи исторіи рядомъ съ развивавшимся стремленіемъ областей къ самостоятельной политической жизни мы видимъ, какъ вырабатывалось нѣчто подобное политическому равновѣсію между областными княжествами, тому равновѣсію, которое было необходимымъ условіемъ ихъ самостоятельности.

Невозможно въ сжатомъ очеркѣ прослѣдить всѣ любопытныя подробности знаменитой борьбы племянника съ дядею. Остановимъ вниманіе только на главнѣйшихъ событіяхъ и на личностяхъ, наиболѣе выдающихся ([67]).

Важное значеніе въ этой борьбѣ имѣли двое Давидовичей, Изяславъ и Владиміръ, владѣвшіе черниговскими городами. Иногда они являются союзниками Изяслава II противъ своего двоюроднаго брата Святослава Ольговича; а иногда дѣйствуютъ противъ великаго князя за одно съ Ольговичами. Святославъ пригласилъ ихъ общими силами добиваться освобожденія Игоря. Но тѣ безъ сомнѣнія опасались, что Игорь, получивъ свободу, потребуетъ отъ нихъ Черниговскаго стола; тогда какъ они желали отнять у Святослава и самый Новгородъ Сѣверскій. Поэтому Давидовичи въ началѣ соединились съ великимъ княземъ Изяславомъ II. Но и Святославъ Ольговичъ нашелъ себѣ союзниковъ. Во первыхъ, онъ обратился за помощью къ своимъ половецкимъ сватамъ. Извѣстно, что первою его супругою была дочь хана Аепы; хотя этотъ ханъ уже умеръ; однако два его брата, Тюнракъ и Камоса, по первому требованію Сѣверскаго князя явились къ нему съ тремя стами всадниковъ. Съ нимъ соединилось и нѣсколько младшихъ князей, обдѣленныхъ своими старшими родичами. Между прочимъ упомянутый выше племянникъ Владимірка Галицкаго Иванъ, прозванный Берладникомъ, вступилъ въ его службу съ отрядомъ южнорусской вольницы; прозваніе свое онъ получилъ отъ одного заднѣстровскаго города Берлада, который служилъ притономъ болгарскимъ и русскимъ бѣгле-

цамъ и повольникамъ. Но главнаго союзника Святославъ Ольговичъ нашелъ въ самой семьѣ Мономаховичей, въ лицѣ сильнаго суздальскаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. Святославъ послалъ звать его на великое княженіе, захваченное племянникомъ помимо дяди; онъ ставилъ условіемъ только освобожденіе Игоря Ольговича, а съ своей стороны обѣщалъ Юрію помогать въ достиженіи Кіевскаго стола. Юрій дѣйствительно заключилъ союзъ съ Сѣверскимъ княземъ, и выступилъ къ нему на помощь. Но Изяславъ Мстиславичъ на этотъ разъ съумѣлъ отвлечь его отъ южной Руси. Онъ послалъ гонца въ Рязань къ своему пріятелю Ростиславу Ярославичу съ просьбой напасть на Суздальскую землю. Рязанскій князь исполнилъ его просьбу, и Юрій отъ Козельска повернулъ назадъ, отпустивъ къ Святославу только небольшой отрядъ съ сыномъ своимъ Иваномъ.

Межъ тѣмъ Давидовичи уже воевали Сѣверскую область, и осадили Новгородъ; но всѣ ихъ приступы были отбиты. Съ досады они принялись грабить и жечь тѣ села, гдѣ находились скотъ, запасы хлѣба, меду и другаго имущества Ольговичей. На рѣкѣ Рахнѣ, не далеко отъ Новгорода, они захватили княжіе табуны въ 1000 коней и 3000 кобылъ; а хлѣбъ и дома пожгли. Въ какомъ то сельцѣ Игорь устроилъ себѣ „добрый дворъ", гдѣ было наготовлено много вина и меду въ погребахъ, а въ кладовыхъ всякой утвари, желѣзной и мѣдной. Давидовичи велѣли покласть на воза сколько можно было увезти; а остальное сожгли вмѣстѣ съ дворомъ; при чемъ сгорѣли ближняя церковь св. Георгія и гумно, на которомъ стояло 900 стоговъ. Они осадили Путивль; но не могли его взять, пока не пришелъ на помощь самъ Изяславъ. Тогда граждане Путивля выслали съ поклономъ къ великому князю, и сдались ему, но съ клятвеннымъ уговоромъ. что онъ не отдастъ жителей въ полонъ ратнымъ людямъ. Изяславъ исполнилъ клятву, и взялъ только дворъ Святославовъ со всѣмъ его добромъ. Въ княжихъ погребахъ здѣсь нашли 500 берковцевъ меду и 80 карчагъ вина; забрали 700 человѣкъ княжей челяди, и все это побѣдители раздѣлили между собою. Не пощадили и самый храмъ

Вознесенія, откуда взяли серебряные сосуды, кадильницы, шитые золотомъ покровы, евангеліе въ кованомъ переплетѣ и другія богослужебныя книги, а также сняли и колокола. Эти извѣстія лѣтописи о добычѣ, захваченной у Ольговичей, бросаютъ любопытный свѣтъ на ихъ хозяйственный бытъ, на ихъ домовитость, равно и на зажиточность самыхъ областей.

Узнавъ, что Путивль взятъ и великій князь идетъ на Новгородъ Сѣверскій, Святославъ Ольговичъ началъ совѣтоваться съ своими союзниками, т. е. съ Иваномъ Юрьевичемъ Суздальскимъ, Иваномъ Берладникомъ и половецкими ханами. На совѣтѣ рѣшено не ждать Изяслава въ Новгородѣ, а спасаться далѣе на сѣверъ въ лѣсную сторону Брянскую и Карачевскую, и тамъ ожидать помощи отъ Юрія. Изяславу Давидовичу сильно не хотѣлось упустить изъ рукъ двоюроднаго брата; онъ отпросился у великаго князя, взялъ у него часть кіевской дружины съ воеводою Шварномъ, и налегкѣ, безъ обоза, съ 3000 конницы поскакалъ къ Карачеву. Услыхавъ приближающуюся погоню, Святославъ и его союзники вдругъ обернулись, ударили на Изяслава Давидовича и разбили его; такъ что онъ со стыдомъ прибѣжалъ къ великому князю. Послѣдній, раздосадованный этою неудачею, самъ поспѣшилъ къ Карачеву. Но Святославъ Ольговичъ ушелъ отсюда далѣе въ землю Вятичей. Великій князь не рѣшился преслѣдовать его по глухимъ, лѣснымъ дебрямъ, и воротился въ Кіевъ, предоставивъ Сѣверскую область въ распоряженіе Давидовичей. Но едва онъ оставилъ восточную сторону Днѣпра, какъ здѣсь обстоятельства начали измѣняться въ пользу гонимаго имъ Сѣверскаго князя. Однимъ изъ виновниковъ этой перемѣны былъ Святославъ Всеволодичъ, родной племянникъ Ольговичей. Взятый въ плѣнъ при сверженіи Игоря, этотъ молодой князь былъ обласканъ и надѣленъ волостями отъ Изяслава II, которому онъ тоже приходился племянникомъ, но только по матери. Будучи оставленъ вмѣстѣ съ Давидовичами для продолженія войны, онъ отдался родственному влеченію, и тайно извѣщалъ дядю о движеніяхъ его непріятелей. Въ тоже время отъ Юрія приспѣла къ Свя-

тославу на помощь бѣлозерская дружина въ 1000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ. Дѣла его поправились.

Юрій, покончивъ съ Рязанскимъ княземъ, въ слѣдующемъ 1147 году повоевалъ новогородскія волости по р. Мстѣ; такъ какъ Новогородцы держали сторону Изяслава. А Святославъ Ольговичъ, по желанію Суздальскаго князя, разорилъ часть Смоленской земли, именно берега Протвы, гдѣ жила Голядь и откуда сѣверская дружина вывела большой полонъ. Затѣмъ по приглашенію Юрія Святославъ отправился на свиданье съ нимъ въ *Москву*. Впереди себя онъ послалъ сына Олега, который привезъ Суздальскому князю въ подарокъ красиваго пардуса или барса (вѣроятно не живаго, а только шкуру этого звѣря). Свиданіе князей сопровождалось веселыми пирами; причемъ гость и его дружинники были щедро одѣлены подарками отъ тароватаго хозяина. Свиданіе Юрія Долгорукаго съ Святославомъ Ольговичемъ въ мартѣ 1147 года замѣчательно въ особенности тѣмъ, что по этому поводу лѣтопись впервые упоминаетъ имя Москвы, столь знаменитой впослѣдствіи, а тогда еще незначительнаго города, расположеннаго посреди глухихъ лѣсовъ на берегу рѣки Москвы, на пограничьѣ Суздальскихъ владѣній съ Черниговскими и Рязанскими. Укрѣпивъ союзъ съ Долгорукимъ, Святославъ изъ Москвы воротился въ землю Вятичей. Лѣтопись прибавляетъ любопытную черту: на этомъ походѣ у него умеръ престарѣлый бояринъ Петръ Ильичъ, который служилъ еще отцу его Олегу; отъ старости онъ уже не могъ сѣсть на коня, потому что имѣлъ девяносто лѣтъ отъ роду.

На помощь Святославу Ольговичу приспѣли съ одной стороны новыя толпы Половцевъ, съ другой суздальскій отрядъ, предводимый сыномъ Юрія Глѣбомъ. Пришла и вольная южнорусская дружина извѣстная подъ именемъ Бродниковъ, которые при этомъ впервые упоминаются въ лѣтописи. Безъ сомнѣнія то были предшественники знаменитыхъ впослѣдствіи дружинъ казацкихъ. Святославъ началъ отбирать у Давидовичей землю Вятскую, и выгналъ ихъ посадниковъ изъ Брянска, Мценска и другихъ городовъ. Тогда Давидовичи вступили

въ переговоры съ двоюроднымъ братомъ при посредствѣ его племянника Святослава Всеволодича. Вслѣдствіе этихъ переговоровъ они отступились отъ великаго князя и заключили противъ него союзъ съ Ольговичами. Но союзъ свой держали пока втайнѣ. Предположено было заманить Изяслава на восточную сторону Днѣпра и схватить его, а потомъ освободить Игоря Ольговича. Послѣдній теперь не былъ опасенъ Давидовичамъ своими правами на Черниговъ, какъ князь уже отрекшійся отъ міра. Надобно замѣтить, что не задолго до того времени Игорь, заключенный въ монастырскій порубъ въ Переяславлѣ, опасно занемогъ и просилъ великаго князя о постриженіи. Изяславъ сжалился надъ нимъ, и велѣлъ исполнить его просьбу. Разобрали верхъ Игоревой тюрьмы и вынесли его оттуда едва живаго; но, спустя нѣсколько дней, ему сдѣлалось легче. Игоря отвезли въ Кіевъ, и помѣстили въ Ѳедоровомъ монастырѣ, гдѣ онъ постригся и принялъ схиму.

Согласно съ своимъ замысломъ, Давидовичи послали къ великоку князю снова звать его къ себѣ на помощь. Изяславъ собралъ бояръ, дружину, кіевскихъ мужей, и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ и съ Черниговскими князьями идти на Святослава Ольговича и на дядю своего Юрія въ самую Суздальскую землю. Кіевляне отговаривали великаго князя, и совѣтовали ему не довѣряться Черниговскимъ князьямъ. Но Изяславъ настаивалъ, ссылаясь на ихъ крестное цѣлованіе. Тогда Кіевляне дали знаменательный отвѣтъ: „князь, ты на насъ не гнѣвайся; на племя Володиміра не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ хотя и съ дѣтьми“. Изяславъ однако остался при своемъ намѣреніи, и выступилъ съ дружиною и кіевскими охотниками; а остальныхъ не принуждалъ. Переправясь за Днѣпръ, онъ послалъ боярина Улѣба въ Черниговъ извѣстить о своемъ походѣ. Но здѣсь бояринъ узналъ, что Черниговскіе князья уже измѣнили великому князю и хотятъ его схватить. Улѣбъ поспѣшно воротился къ нему съ этимъ извѣстіемъ. Желая уличить измѣнниковъ, Изяславъ опять шлетъ къ Давидовичамъ

посла, съ просьбою, чтобъ они передъ началомъ общаго похода снова поцѣловали крестъ въ своемъ вѣрномъ и неизмѣнномъ союзѣ съ великимъ княземъ. Давидовичи отказались, говоря, что они уже цѣловали крестъ. Тогда кіевскій посолъ, заранѣе наученный какъ ему дѣйствовать, изложилъ передъ ними все, что было донесено великому князю объ ихъ измѣнѣ, и спросилъ: правда ли это? Давидовичи были смущены, и молча переглядывались другъ съ другомъ; потомъ сказали послу: „выди вонъ и посиди; мы тебя позовемъ опять". Долго думали они; наконецъ позвали посла, и велѣли сказать великому князю, что дѣйствительно поцѣловали крестъ Святославу Ольговичу, потому что имъ жаль своего брата, лишеннаго свободы. Они поручили просить Изяслава объ освобожденіи Игоря, уже чернеца и схимника, и обѣщали за то остаться вѣрными великому князю.

Въ отвѣтъ на признаніе Давидовичей, Изяславъ возвратилъ имъ крестныя или договорныя грамоты, съ упрекомъ въ ихъ неблагодарности: тогда какъ онъ собственными трудами добылъ для нихъ Новгородъ Сѣверскій, Путивль и другія волости Ольговичей. Въ тоже время отправилъ гонцовъ къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ, чтобы извѣстить его объ измѣнѣ Черниговскихъ князей и звать къ себѣ на помощь. Послалъ и въ Кіевъ съ тѣмъ же извѣстіемъ. На время своего отсутствія онъ поручилъ блюсти стольный городъ младшему своему брату Владиміру, митрополиту Клименту и тысяцкому Лазарю. По желанію великаго князя, власти созвали Кіевлянъ на вѣче у собора св. Софіи, и здѣсь великокняжескій посолъ во всеуслышаніе повѣдалъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей и объ опасности, которой подвергался Изяславъ Мстиславичъ; а въ заключеніе напомнилъ народу его слова, что на Ольговичей онъ пойдетъ хотя и съ дѣтьми. „Доспѣвайте — прибавилъ посолъ: — у кого есть конь, на конѣ, у кого нѣтъ, въ ладьѣ; измѣнники хотѣли не только убить великаго князя, но и васъ всѣхъ искоренить". Это торжественное обращеніе къ народу, такому впечатлительному какъ Кіевляне, обращеніе, долженствовавшее возбудить его усердіе, оказалось полити-

ческою ошибкою, излишнею заботою Изяслава о своемъ самосохраненіи.

Выслушавъ посла, народъ заволновался, и началъ кричать, что онъ радуется избавленію великаго князя отъ погибели, приготовленной измѣнниками, и что готовъ идти на нихъ и съ дѣтьми. Но вдругъ какой то человѣкъ возвысилъ голосъ, и сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Мы рады идти за нашего князя; но подумаемъ прежде, какъ бы въ наше отсутствіе не вышло того же, что случилось при Изяславѣ Ярославичѣ, когда недобрые люди высѣкли Всеслава изъ поруба и посадили его на княжій столъ. А Игорь, врагъ нашего князя, даже не въ порубѣ сидитъ, но у св. Ѳеодора. Прежде убьемъ его, а потомъ и пойдемъ на Черниговскихъ“.

Рѣчь эта была искрою, брошенною въ порохъ. Народъ завопилъ, что дѣйствительно такъ надобно сдѣлать. Тщетно Владиміръ Мстиславичъ пытался уговаривать его именемъ своего старшаго брата, и напоминалъ, что Игорь находится подъ крѣпкою стражей.

„Нѣтъ — вопили Кіевляне, — мы знаемъ, что ни намъ, ни вамъ добромъ не кончить съ этимъ племенемъ!“

Тщетно митрополитъ, тысяцкій великаго князя Лазарь и тысяцкій Владиміра Рагуйло старались удержать толпу. Она съ криками повалила съ Софійской площади къ Ѳедоровскому монастырю, находившемуся не подалеку, въ Старомъ городѣ. Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ упредить ее на конѣ; но по мосту не могъ проѣхать за тѣснотою, и поскакалъ въ объѣздъ по другимъ улицамъ. Это замедленіе погубило Игоря. Когда Владиміръ достигъ монастыря, то въ воротахъ онъ уже встрѣтилъ толпу, влекущую князя-схимника; не только иноческая мантія, но и свита были сорваны съ него. Молодой князь соскочилъ съ коня и прикрылъ несчастнаго собственнымъ корзномъ. Когда они проходили мимо двора вдовствующей княгини, мачихи Изяслава II и матери Владиміра, послѣдній съ помощью боярина Михаила выхватилъ Игоря изъ рукъ убійцъ, бросился на дворъ княгини и заперъ ворота. Михаилъ при этомъ подвергся побоямъ; съ

него сорвали золотой крестъ вмѣстѣ съ цѣпью. Разсвирѣпѣвшая толпа уже не помнила себя; она выломала ворота, и начала бить Игоря; при чемъ едва не убила и Владиміра, пытавшагося его защитить. Къ ногамъ злополучнаго князя привязали веревку и притащили его чрезъ Бабинъ Торжокъ на княжій дворъ, гдѣ и докончили; затѣмъ положили трупъ на телѣгу, отвезли на Подолъ и бросили его на торговой площади. Это черное дѣло происходило въ пятницу 19 сентября 1147 года. На упреки властей въ убійствѣ, народъ отвѣчалъ: „не мы убили его, а Ольговичъ, Давидовичи и Всеволодичъ, которые хотѣли измѣною погубить нашего князя". По приказу митрополита Ѳедоровскій игуменъ Ананія взялъ тѣло князя, и предалъ его погребенію въ Симеоновскомъ монастырѣ, которому благодѣтельствовали отецъ и дѣдъ Игоря.

Тяжела была Изяславу вѣсть о совершенномъ злодѣяніи. Онъ со слезами жаловался дружинѣ своей, что не уйти ему теперь отъ людской клеветы, которая припишетъ убійство его собственному наущенію. Дружина старалась по возможности утѣшить князя. Но онъ уже не сталъ ждать къ себѣ кіевскую рать, а воротился печальный въ столицу. Впрочемъ, потакая Кіевлянамъ, онъ не рѣшился наказать зачинщиковъ своевольной расправы, и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Война съ черниговскими и сѣверскими князьями продолжалась и послѣ того. Великій князь вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ и дядею Вячеславомъ повоевалъ волости Ольговичей и Давидовичей и взялъ нѣсколько городовъ. Видя разореніе своихъ волостей и тщетно ожидая къ себѣ на помощь Юрія Суздальскаго, противники наконецъ смирились, и просили прекратить войну. Изяславъ послалъ въ Черниговъ своихъ бояръ съ бѣлогородскимъ епископомъ Ѳеодоромъ и печерскимъ игуменомъ Ѳеодосіемъ, которые и привели ко кресту Давидовичей и Ольговичей въ черниговскомъ соборномъ храмѣ Спасителя. Они присягнули на томъ, что отложатъ всякую вражду за Игоря и будутъ сообща съ великимъ княземъ блюсти Русскую землю.

Управясь съ сосѣдними князьями, Изяславъ предпри-

нялъ давно задуманный далекій походъ на ихъ союзника, своего дядю Юрія Суздальскаго. Походы на сѣверъ совершались обыкновенно зимнимъ временемъ, когда рѣки и болота покрывались толстымъ слоемъ льда и не представляли никакихъ препятствій для движенія. Зимою 1148 года Изяславъ съ дружиною пріѣхалъ сначала въ Смоленскъ къ брату Ростиславу. Братья нѣсколько времени провели въ пирахъ и веселіи, мѣняясь дарами и взаимно одѣляя дружинниковъ. Лѣтопись по этому поводу приводитъ слѣдующую черту, подтверждающую, что Смоленскій край или верхнее Поднѣпровье по своей торговлѣ и промышленности тянулъ болѣе къ сѣверной Руси, чѣмъ къ южной. Изяславъ, говоритъ она, дарилъ Ростислава произведеніями Русскихъ и Царскихъ земель (южной Руси и Греціи), а Ростиславъ дарилъ Изяслава тѣмъ, что шло отъ Верхнихъ земель (изъ Новгорода) и отъ Варягъ. Великій князь поручилъ брату вести полки кіевскіе и смоленскіе прямо на Волгу, назначивъ мѣстомъ соединенія съ нимъ устье Медвѣдицы, куда обѣщали придти и князья Черниговскіе. А самъ Изяславъ съ небольшою дружиною отправился въ Новгородъ Великій, что бы поднять его противъ Юрія. Новогородскимъ княземъ въ то время былъ младшій сынъ его (Ярославъ). Изяславъ Мстиславичъ очевидно пользовался расположеніемъ Новогородцевъ. Уже за три дня пути до города начали встрѣчать его граждане съ поклонами и поздравленіями. При въѣздѣ въ самый Новгородъ его встрѣтилъ сынъ съ боярами. Былъ воскресный день. Изяславъ отстоялъ обѣдню въ св. Софіи; а потомъ подвойскіе и биричи по всѣмъ улицамъ сзывали народъ на обѣдъ къ великому князю. Угощеніе было обильное; народъ разошелся довольный и веселый. На слѣдующее утро Изяславъ приказалъ звонить въ вѣчевой колоколъ, и граждане собрались на дворъ Ярослава. Тутъ великій князь обратился къ собранію съ рѣчью. Онъ говорилъ, что по жалобѣ самихъ Новогородцевъ пришелъ мстить за обиды, понесенныя отъ его дяди Юрія; но что пусть граждане разсудятъ, идти ли на него войною или кончить дѣло миромъ. Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ:

„Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! Рады идти съ тобою за свои обиды!“

Нѣкоторые такъ расходились въ своемъ воинственномъ одушевленіи, что принялись кричать:

„Всѣ пойдемъ! Только одни поставленные (священнослужители) останутся; а кому хотя и гуменцо уже острижено, но еще не поставленъ, и тотъ пусть идетъ“.

Новогородская земля выставила многочисленную рать. Въ ней участвовали не только Псковичи и жители другихъ пригородовъ, но также инородцы, напримѣръ Корела. Однако походъ, затѣянный въ обширныхъ размѣрахъ, не привелъ ни къ чему рѣшительному. На устьѣ Медвѣдицы Изяславъ дѣйствительно соединился съ братомъ Ростиславомъ. Но Давидовичи и Ольговичи не пришли: они съ своею ратью остановились въ землѣ Вятичей, и тамъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Юрій съ своей стороны не только не отвѣчалъ на посольство племянника, отправленное къ нему еще изъ Смоленска, но и самаго посла задержалъ у себя. Братья Мстиславичи двинулись внизъ по Волгѣ, разоряя суздальскія волости по обѣ стороны рѣки. Дошли до Мологи, и отсюда пустили впередъ легкія дружины, которыя повоевали до Ярославля. Но далѣе идти было поздно: настала Вербная недѣля, и сдѣлалось такъ тепло, что ледъ на Волгѣ и Мологѣ покрылся водою, которая доходила конямъ до чрева. Опасаясь разлитія рѣкъ, ополченіе поспѣшило вернуться по домамъ. Для скудно населенной Суздальской земли однако это нашествіе стоило дорого: князья вывели изъ нея до 7000 плѣнниковъ.

Въ слѣдующемъ 1149 году Юрій наконецъ рѣшился самъ выступить противъ своего племянника. Но его подвинули на это рѣшеніе не столько разореніе собственныхъ земель, сколько обида, нанесенная сыну Ростиславу. Послѣдній пріѣхалъ на югъ къ Изяславу, жалуясь на отца, который обдѣлилъ его волостями. Великій князь принялъ его ласково, и поручилъ ему нѣсколько городовъ; но послѣ своего похода на сѣверъ онъ далъ вѣру разнымъ навѣтамъ, обвинявшимъ Ростислава въ коварныхъ замыслахъ, и отослалъ его обратно къ отцу. Юрій силь-

но разсердился на такую обиду, говоря: „Ужели ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ?“ Когда онъ явился въ Черниговскихъ предѣлахъ, къ нему пристали Ольговичи, т. е. оба Святослава, дядя съ племянникомъ, которые забыли недавнюю присягу великому князю. Но Давидовичи на этотъ разъ не захотѣли измѣнить крестному цѣлованію; они отказались соединиться съ Юріемъ и остались въ союзѣ съ Изяславомъ. За то къ Юрію пришли на помощь многочисленныя толпы Половцевъ: онъ, подобно Святославу Ольговичу, былъ женатъ на половчанкѣ, и имѣлъ дружественныя связи съ степными ханами. Мономаховичи, дядя и племянникъ, встрѣтились подъ Переяславлемъ, и эта первая встрѣча была неудачна для племянника: кіевская и переяславская рать не охотно сражались противъ Мономахова сына. Разбитый дядею въ сраженіи 23 августа, Изяславъ самъ третей прискакалъ въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ онъ спрашивалъ Кіевлянъ: могутъ ли они еще биться за него?

Кіевское вѣче дало такой отвѣтъ:

„Господа, князья наши! Не погубите насъ до конца; отцы наши, братья и сыновья, одни избиты въ сраженіи, другіе взяты; а теперь непріятели придутъ и насъ заберутъ въ полонъ. Поѣзжайте лучше въ свои волости. Вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; послѣ, когда увидимъ стяги ваши, то встанемъ за васъ“.

Князья принуждены были послѣдовать этому совѣту: Ростиславъ воротился въ Смоленскъ, а Изяславъ удалился въ свой собственный удѣлъ, Владиміръ Волынскій. Юрій вступилъ въ Кіевъ, и съ торжествомъ сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Съ нимъ была часть его многочисленныхъ сыновей, которыхъ онъ и не замедлилъ разсадить по кіевскимъ городамъ: старшаго Ростислава въ Переяславлѣ, слѣдующаго за нимъ Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ.

Изяславъ однако не думалъ уступить Юрію, и обратился съ просьбою о помощи къ своему родственнику королю угорскому Гейзѣ II, женатому на его сестрѣ Евфросиніи (сестрѣ по отцу, но не по матери), кромѣ того къ

своякамъ королю, чешскому Владиславу II и польскому Болеславу Кудрявому. Гейза, хотя и самъ занятъ былъ войною съ Греками, прислалъ десятитысячную вспомогательную рать; а короли Польскій и Чешскій пришли сами. Изяславъ щедро угощалъ и дарилъ союзниковъ. Любопытно при этомъ извѣстіе лѣтописи, что въ лагерѣ подъ Луцкомъ Болеславъ Кудрявый опоясалъ мечемъ многихъ сыновей русскихъ бояръ; слѣдовательно, подражая западнымъ обычаямъ, совершилъ нѣчто въ родѣ посвященія въ рыцари. Между тѣмъ и Юрій нашелъ себѣ сильнаго союзника, въ лицѣ Владимірка Галицкаго, который имѣлъ виды на сосѣдніе волынскіе города, и не желалъ допускать соединеніе въ однѣхъ рукахъ княжествъ Кіевскаго и Волынскаго. Услыхавъ о движеніи Владимірка, иноземные союзники Изяслава воротились домой, и онъ долженъ былъ съ однѣми собственными силами продолжать борьбу.

Суздальское войско осадило волынскій городъ Луцкъ, защищаемый Владиміромъ, младшимъ братомъ Изяслава. Здѣсь впервые отличился своею отвагою и ратными подвигами Андрей, второй сынъ Суздальскаго князя, знаменитый впослѣдствіи Боголюбскій. Когда дружины Юрія подъ начальствомъ его сыновей подступали къ городу, изъ воротъ вышелъ отрядъ пѣхоты, въ числѣ которой находились и наемные Нѣмцы. Этотъ отрядъ началъ перестрѣливаться съ Суздальцами. Андрей, не дожидаясь братьевъ, съ одной своей дружиной ударилъ на пѣхоту, и заставилъ ее повернуть назадъ. Увлекшись преслѣдованіемъ, онъ отдѣлился отъ своихъ, и только съ двумя отроками очутился посреди непріятелей. Его копье сломалось, конь былъ прободенъ въ двухъ мѣстахъ; а съ городской стѣны дождемъ посыпались камни; одинъ изъ отроковъ погибъ. Какой то нѣмецъ уже занесъ рогатину на князя; но тотъ успѣлъ мечемъ отразить ударъ. Тяжело раненый конь едва успѣлъ вынести всадника изъ битвы, какъ тотчасъ палъ. Отецъ, дядя Вячеславъ, братья и вся дружина радовались, увидя Андрея, счастливо избѣгшимъ опасности, и славили его мужество. Вѣрнаго коня своего Андрей велѣлъ торжественно похо-

ронить на берегу Стыри. Луцкъ, отрѣзанный непріятелями отъ рѣки, съ трудомъ выдерживалъ осаду. Тогда Изяславъ попросилъ мира, который и получилъ при посредничествѣ того же Андрея Юрьевича. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Кіевляне, узнавъ ближе характеръ Суздальскаго князя, уже тайкомъ звали Изяслава къ себѣ на столъ. Послѣдній, не смотря на недавнюю присягу внезапно явился подъ Кіевомъ, и Юрій, захваченный врасплохъ, бѣжалъ за Днѣпръ въ свой Остерскій Городокъ, стоявшій при впаденіи Остера въ Десну.

На этотъ разъ не долго Изяславъ сидѣлъ на великомъ столѣ. Въ томъ же 1150 году онъ долженъ былъ опять уйти изъ Кіева, когда съ одной стороны обступали его Юрій съ Ольговичами и Давидовичами, а съ другой подходилъ Владимірко. Лѣтопись говоритъ, что Суздальскій и Черниговскіе князья съѣхались съ Галицкимъ подъ стѣнами Кіева на рѣчкѣ Сѣтомли на болоньи, и поздоровались, не слѣзая съ коней. Владимірко воспользовался случаемъ поклониться кіевскимъ святынямъ. Прежде всего онъ отправился въ Вышгородъ помолиться у гробовъ князей мучениковъ; оттуда поѣхалъ къ св. Софіи Кіевской и къ Богородицѣ Десятинной; а затѣмъ остановился въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ принялъ честь и угощеніе отъ своего союзника и свата. Они только что породнились между собою не задолго передъ тѣмъ: Юрій выдалъ дочь свою Ольгу за Владимірковa сына Ярослава. На обратномъ походѣ Галицкій князь завоевалъ нѣсколько волынскихъ городовъ; часть этихъ городовъ Юрій отдалъ сыну Андрею, и послѣдній утвердилъ свое пребываніе въ Пересопницѣ.

Юрій въ свою очередь недолго усидѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Изяславъ снова получилъ отъ угорскаго короля десятитысячное вспомогательное войско, и поспѣшилъ къ Кіеву. Владимірко Галицкій, соединясь съ Андреемъ Юрьевичемъ, думалъ заслонить путь Изяславу. Послѣдній обманулъ его воинскою хитростію: когда оба войска расположились на ночь не подалеку другъ отъ друга, Изяславъ велѣлъ зажечь большіе костры; а самъ въ туже ночь снялся съ мѣста и далеко ушелъ впе-

редъ. Перешедши рѣку Тетеревъ, онъ остановился для отдыха около мѣстечка Здвиженья, и здѣсь учинилъ совѣтъ съ своими боярами и союзниками. Затрудненіе состояло въ томъ, что прямой путь къ Кіеву заслонялъ крѣпкій Бѣлгородъ, въ которомъ сидѣлъ сынъ Юрія Борисъ. Изяславъ рѣшилъ напередъ отправить брата своего Владиміра съ „младшею дружиною", что бы нечаяннымъ нападеніемъ захватить и городъ, и Бориса прежде, нежели онъ успѣетъ дать вѣсть отцу. Если же это не удастся, Бѣлгородъ задержитъ походъ и Юрій будетъ извѣщенъ вóвремя, то предположено было повернуть въ Поросье, тамъ соединиться съ Черными Клобуками и потомъ уже идти на Кіевъ. Владиміръ съ конницею подступилъ къ Бѣлгороду въ ту пору, когда Борисъ безпечно пилъ у себя на сѣняхъ съ своею дружиною и бѣлогородскимъ духовенствомъ. Но „мытникъ" или таможенный приставъ успѣлъ переметать мостъ, ведущій въ городъ черезъ рѣку Ирпень. Борисъ, услыхавъ трубный звукъ и клики непріятелей, тотчасъ убѣжалъ къ отцу. Бѣлогородцы наскоро исправили мостъ и съ честью приняли Владиміра Мстиславича. Подоспѣлъ съ главными силами Изяславъ, и, не теряя времени, поспѣшилъ къ Кіеву, оставивъ въ Бѣлгородѣ брата, что бы задержать Галицкаго князя на случай его прихода.

Юрій безпечно проживалъ на своемъ загородномъ „Красномъ дворѣ", когда сынъ прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ о приближеніи Изяслава. Онъ имѣлъ время только сѣсть въ насадъ и спастись за Днѣпръ въ свой Городокъ. Кіевляне, окончательно невозлюбившіе Юрія встрѣтили Изяслава съ радостію. По обычаю первымъ дѣломъ великаго князя было отправиться въ Софійскій соборъ. Отсюда онъ поѣхалъ на дворъ Ярославовъ, гдѣ устроилъ большое пиршество для гражданъ и для своихъ союзниковъ Угровъ. Народъ веселился нѣсколько дней. Между прочимъ на Ярославовомъ дворѣ Угры показывали Кіевлянамъ свое искусство въ верховой ѣздѣ и приводили ихъ въ удивленіе своею ловкостью (джигитовкой). Между тѣмъ Владимірко Галицкій, услыхавъ, что Юрій бѣжалъ, а Изяславъ уже въ Кіевѣ, съ досадою сказалъ

спутнику своему Андрею Юрьевичу: „Каково ведетъ дѣла сватъ мой; на него идетъ рать изъ Владиміра; а онъ ничего о томъ не вѣдаетъ; одинъ сынъ сидитъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ, и не умѣютъ устеречь непріятеля! Нѣтъ если вы такъ княжите съ своимъ отцомъ, то управляйтесь сами съ Изяславомъ; не могу же я теперь идти на него одинъ". Затѣмъ Владимірко повернулъ назадъ въ свой Галичъ. Но, что бы не остаться безъ всякаго вознагражденія, онъ дорогою вымогалъ со встрѣчныхъ городовъ окупъ серебромъ, грозя въ случаѣ отказа брать ихъ „на щитъ", т. е. на разграбленіе воинамъ. Чтобы удовлетворить его жадности, многіе горожане и ихъ жены снимали серебряныя гривны съ шеи и серьги изъ ушей, переплавляли ихъ въ слитки и отдавали князю.

Изяславъ II сознавалъ однако, что одни военные успѣхи не обезпечивали за нимъ Кіева, потому что родовое право все таки оставалось на сторонѣ дяди. Что бы отнять у него это право, онъ призвалъ въ Кіевъ другаго дядю, Вячеслава, сидѣвшаго на ту пору по близости, въ Вышгородѣ. Послѣдній былъ старше Юрія Долгорукаго, и не разъ пытался занять великокняжескій столъ; но по своему миролюбію и добродушію обыкновенно уступалъ его болѣе честолюбивымъ и энергичнымъ соперникамъ. Теперь Изяславъ призналъ Вячеслава великимъ княземъ Кіевскимъ; а Вячеславъ усыновилъ его, и оставилъ за нимъ дѣйствительную власть. Дядя поселился на „великомъ дворѣ" Ярославовомъ, въ Верхнемъ городѣ; а племянникъ сталъ жить въ другомъ дворцѣ княжескомъ подъ холмомъ Угорскимъ. Старшій послѣ Кіева удѣлъ Переяславскій былъ отданъ старшему сыну Изяслава Мстиславу. Князья щедро одарили союзныхъ Угровъ дорогими сосудами, одеждами, греческими паволоками, конями, и отпустили ихъ домой.

Но борьба еще не кончилась. Юрій соединился съ Ольговичами, призвалъ на помощь степныхъ варваровъ, и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева. Сначала завязалось ратоборство на рѣкѣ; съ той и другой стороны выѣзжали воины на лодкахъ, и бились. Дѣло происходило лѣтомъ 1151 года. Изяславъ искусно устроилъ

свои ладьи: гребцы были закрыты сверху досчатой палубой, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и метали стрѣлы; а рулевыхъ вездѣ подвое, одинъ на носу, другой на кормѣ; такъ что ладья могла ходить впередъ и назадъ, не поворачивая. Не имѣя возможности ни переправиться черезъ рѣку подъ самымъ Кіевомъ, ни спуститься по ней мимо города, Юрій велѣлъ перевести ладьи въ ближнее озеро Долобское, отсюда перетащить ихъ въ рѣчку Золотчу и по этой рѣчкѣ спустить въ Днѣпръ. Онъ имѣлъ намѣреніе переправиться на Витичевскомъ броду; но Изяславъ слѣдовалъ за нимъ по другому берегу и заграждалъ переправу. Тогда Юрій послалъ одного изъ сыновей съ частью дружины и съ Половцами еще далѣе, къ Зарубскому броду, около устья р. Трубежа. Этотъ бродъ оберегалъ Изяславовъ воевода Шварнъ съ небольшимъ отрядомъ. Половцы, поднявъ копья и щиты, на коняхъ бросились въ рѣку; а Русскіе поплыли въ ладьяхъ. Кіевская стража не стала защищать переправу, и обратилась въ бѣгство, „потому—объясняетъ лѣтопись,—что никого изъ князей не было; а боярина не всѣ слушали“. Вслѣдъ за сыномъ переправился и Юрій со всѣмъ ополченіемъ. Изяславъ Мстиславичъ съ дядею Вячеславомъ, братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ и Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ отступилъ къ Кіеву, и расположилъ свои силы около города. Сами великіе князья стали таборомъ у Золотыхъ воротъ, Изяславъ Давидовичъ между Золотыми и Жидовскими, Ростиславъ передъ Жидовскими, удѣльный князь городенскій Борисъ у Лядскихъ воротъ; далѣе размѣстилось кіевское земское ополченіе. Пришли и Черные Клобуки, т. е. Торки, Коуи, Берендѣи и Печенѣги съ своими семьями и стадами. Эти полукочевые союзники, неуступавшіе Половцамъ въ хищности, начали грабить и жечь окрестные села и монастыри; такъ что Изяславъ съ трудомъ укротилъ ихъ и размѣстилъ по частямъ между русскими дружинами; а главную ихъ толпу поставилъ въ дебряхъ около Олеговой могилы.

Вячеславъ послалъ уговаривать Суздальскаго князя, что бы онъ не проливалъ христіанской крови. „Я уже

былъ брадатъ, когда ты родился—велѣлъ онъ сказать брату;—хочешь ли опять лишить меня старшинства?“ Юрій остался непреклоненъ. Но потерпѣвъ неудачу въ нѣсколькихъ сшибкахъ, онъ отступилъ, и пошелъ на соединеніе съ своимъ союзникомъ, сильнымъ Галицкимъ княземъ, который снова спѣшилъ на помощь къ свату. Изяславъ его преслѣдовалъ. Къ нему также шла подмога отъ его вѣрнаго союзника Гейзы II. Сынъ его Мстиславъ Изяславичъ прислалъ сказать отцу, что ведетъ многочисленные полки Угровъ, которые уже прошли Карпатскія горы. Изяславъ однако не сталъ ихъ дожидаться, потому что Владимірко могъ предупредить. Обѣ рати переправились за Стугну, прошли валы, ограждавшіе Кіевскую землю отъ кочевниковъ, и очутились въ „чистомъ полѣ“. Здѣсь кіевскіе князья догнали Юрія на берегахъ рѣки Рута, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Роси.

Рано утромъ, едва занялась заря, ударили въ бубны и затрубили въ трубы; оба войска начали готовиться къ битвѣ. Видя невозможность переправиться за Рутъ со всѣмъ обозомъ при наступленіи непріятеля, Юрій принужденъ былъ обернуться къ нему лицомъ. Сынъ его Андрей, оставшійся старшимъ по смерти брата Ростислава, устроилъ отцовскіе полки, и повелъ ихъ въ битву. Изяславъ съ своей стороны построилъ кіевскую рать, и во главѣ собственной дружины ударилъ на противниковъ. Но вскорѣ онъ сломалъ свое копье, получилъ рану въ руку и въ стегно, и замертво упалъ съ коня. Побѣда однако осталась на его сторонѣ. Половцы, смѣлые наѣздники въ мелкой войнѣ, не отличались стойкостью въ правильной битвѣ, и первые бросились бѣжать. Во время бѣгства много Юрьевой дружины перетонуло въ тинистомъ Рутѣ. Въ числѣ павшихъ находился и союзникъ Юрія Владиміръ Давидовичъ, князь Черниговскій, котораго братъ Изяславъ Давидовичъ въ тотъ день сражался въ рядахъ кіевскихъ. Между тѣмъ великій князь, пришедши въ себя, поднялся съ земли; нѣкоторые пѣшіе Кіевляне приняли его за непріятеля и хотѣли убить. „Я князь“ — сказалъ онъ. „Тѣмъ лучше“ — отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ, и ударилъ мечемъ по княжескому шлему, на которомъ бли-

стало золотое изображеніе св. Пантелеймона. „Я вашъ князь"—сказалъ Изяславъ, и снялъ шлемъ. Обрадованные Кіевляне подняли его на руки, и провозгласили *киріе элейсонъ*, т. е. „Господи помилуй"!

Юрій спасся бѣгствомъ въ Переяславль; а союзники его Ольговичи бѣжали въ свои удѣлы. Любопытно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Такъ какъ черниговскій князь Владиміръ Давидовичъ палъ на берегахъ Рута, то являлся вопросъ: кому достанется старшій столъ въ семьѣ Святославичей, родному брату Изяславу Давидовичу или двоюродному Святославу Ольговичу? Права ихъ на этотъ столъ были почти равныя, и онъ долженъ былъ достаться тому, кто первый его захватитъ. Изяславъ Давидовичъ началъ было, по обычаю, плакаться надъ тѣломъ погибшаго брата. Но великій князь замѣтилъ, что брата уже не воскресишь, а лучше спѣшить скорѣе въ Черниговъ, и далъ ему въ провожатые конную дружину съ однимъ изъ своихъ племянниковъ. Изяславъ Давидовичъ вмѣстѣ съ тѣломъ брата немедленно поскакалъ въ Вышгородъ, куда и прибылъ вечеромъ того же дня. Въ туже ночь они перевезлись черезъ Днѣпръ, и на другой день были уже въ Черниговѣ. Здѣсь Изяславъ Давидовичъ предалъ погребенію тѣло покойнаго Черниговскаго князя, и сѣлъ на его столѣ. Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ переправился за Днѣпръ выше Заруба и добрался до Городца Остерскаго. Будучи весьма тученъ, онъ сильно утомился и остался тамъ отдохнуть; а напередъ послалъ племянника своего Святослава Всеволодича, что бы занять Черниговъ. Но племянникъ на перевозѣ черезъ Десну узналъ, что Черниговъ уже захваченъ Изяславомъ Давидовичемъ, и воротился назадъ. Тогда Святославъ Ольговичъ поспѣшилъ въ свой Новгородъ Сѣверскій.

Когда Владимірко Галицкій услыхалъ о пораженіи своего союзника, то повернулъ назадъ. Тутъ онъ встрѣтился съ Уграми, которыхъ велъ къ отцу Мстиславъ Изяславичъ. Владимірко подстерегъ ихъ около Дорогобужа на одной стоянкѣ, гдѣ Мстиславъ задалъ своимъ союзникамъ пиръ. Угры перепились и крѣпко заснули; а на разсвѣтѣ напалъ на нихъ Галицкій князь, и истребилъ

почти все войско; только Мстиславъ успѣлъ ускакать съ собственною дружиною. Тогда Изяславъ II и его союзники поспѣшили управиться съ Юріемъ. Послѣдній упорно защищался сначала въ Переяславлѣ, потомъ въ Остерскомъ Городцѣ; но долженъ былъ уступить; заключилъ миръ и удалился въ свою сѣверовосточную область. Послѣ чего великій князь сжегъ и разрушилъ до основанія его Городецъ вмѣстѣ съ храмомъ св. Михаила, что бы лишить Юрія всякаго пристанища въ южной Руси.

Оставалось наказать Владимірка за избіеніе Угровъ. Изяславъ и Гейза уговорились напасть на него общими силами. Союзники встрѣтились на берегахъ Сана и дружески обнялись. Они вмѣстѣ пошли на Галицкаго князя, который стоялъ у Перемышля. Послѣдній былъ разбитъ. На своемъ борзомъ конѣ онъ пронесся сквозь полки Угровъ и Черныхъ Клобуковъ, и успѣлъ ускакать въ городъ. Перемышль, остававшійся безъ защитниковъ, легко могъ быть завоеванъ; но его спасло то обстоятельство, что непріятели занялись грабежемъ княжескаго загороднаго двора, въ которомъ было накоплено всякое добро. Межъ тѣмъ многіе галицкіе ратники имѣли время собраться въ городъ. Осажденный здѣсь, Владимірко съумѣлъ найтись и въ этомъ трудномъ положеніи. Онъ притворился тяжелораненымъ, умирающимъ, и послалъ къ королю съ мольбою о мирѣ. Онъ напомнилъ свои услуги, когда то оказанныя имъ отцу Гейзы, королю Бѣлѣ Слѣпому въ его войнахъ съ Поляками; говорилъ, что, готовясь къ смерти, поручаетъ Гейзѣ собственнаго сына, и просилъ не выдавать его недругу Изяславу. А послѣдній убѣждалъ короля не внимать трогательнымъ рѣчамъ коварнаго князя. Но Владимірко успѣлъ уже богатыми дарами подкупить угорскаго архіепископа и главныхъ королевскихъ совѣтниковъ, которые явились усердными за него ходатаями. Послѣ многихъ переговоровъ Гейза наконецъ согласился на миръ, и заставилъ Владимірка поцѣловать крестъ на томъ, что онъ возвратитъ Кіевскому князю захваченные у него волынскіе города и будетъ ему вѣрнымъ союзникомъ.

Но лишь только миновала опасность, Владимірко пере-

мѣнилъ тонъ, и отказался исполнить недавнее клятвенное условіе. Изяславъ прислалъ въ Галичъ своего боярина Петра Бориславича съ крестными или договорными грамотами, на основаніи которыхъ посолъ потребовалъ возвращенія волынскихъ городовъ. Владимірко отвѣчалъ, что онъ живъ не будетъ, а отомститъ Изяславу, который привелъ на него Угорскаго короля. Бояринъ напомнилъ о крестномъ цѣлованіи. Князь посмѣялся надъ легковѣріемъ своихъ враговъ, и отослалъ боярина ни съ чѣмъ. Петръ положилъ договорныя грамоты, и отправился въ путь; не получивъ ни подводы, ни корму, онъ долженъ былъ ѣхать на своихъ коняхъ. Когда бояринъ съѣзжалъ съ княжаго двора, Владимірко шелъ къ вечернѣ въ свою Спасскую церковь. Взойдя на переходы, которыми она была соединена съ дворцомъ, онъ увидалъ Петра, и со смѣхомъ сказалъ окружавшимъ: „вотъ поѣхалъ Русскій мужъ, побравши всѣ волости!“ Затѣмъ князь взошелъ на полати или хоры, откуда слушалъ церковную службу. Возвращаясь назадъ послѣ вечерни, по увѣренію лѣтописи, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ издѣвался надъ посломъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, какъ будто кто то ударилъ его въ плечо; приближенные едва успѣли подхватить его, чтобы онъ не упалъ. Князя принесли въ горницу; положили въ укропъ, прикладывали разныя снадобья; но ему становилось все хуже, и въ ночь онъ скончался. Его приготовили къ погребенію, и по обычаю подлѣ гроба поставили княжее копье.

Кіевскій посолъ находился на первомъ ночлегѣ по дорогѣ въ Кіевъ. Едва запѣли пѣтухи, какъ прискакалъ княжій отрокъ изъ Галича съ приказомъ не ѣхать далѣе и ждать другаго гонца. Петръ началъ тужить, предвидя новыя притѣсненія отъ Владимірка. Еще до обѣда прискакалъ другой гонецъ съ повелѣніемъ отъ князя ѣхать назадъ въ городъ. Когда онъ подъѣхалъ къ дворцу, изъ сѣней вышли къ нему княжіе слуги всѣ въ черныхъ плащахъ. Петръ удивился этому; а, когда онъ взошелъ на сѣни, то увидѣлъ молодаго Владимірка сына Ярослава сидящимъ на отцовскомъ мѣстѣ въ черной мантіи и клобукѣ; всѣ его бояре также были въ черныхъ одеждахъ. Петра посадили

на стулъ, и Ярославъ со слезами на глазахъ началъ говорить ему о внезапной смерти своего отца. А за тѣмъ велѣлъ отвезти свой поклонъ великому князю Кіевскому и сказать ему слѣдующее: „Богъ взялъ у меня отца, и будь мнѣ вмѣсто него. Ты самъ вѣдался съ моимъ отцомъ; но Богъ уже совершилъ свой судъ надъ нимъ; а меня поставилъ на его мѣсто. И полкъ его, и дружина теперь у меня; только одно копье стоитъ у его гроба; но и то въ моей рукѣ. Нынѣ, отче, кланяюсь тебѣ; имѣй меня также какъ сына твоего Мстислава. Пусть Мстиславъ ѣздитъ у твоего стремени съ одной стороны, а я съ другой". И затѣмъ отпустилъ Петра.

Однако и Ярославъ, подобно отцу, не думалъ сдержать своего обѣщанія и не воротилъ волынскихъ городовъ. Поэтому Изяславъ II въ слѣдующемъ 1153 году предпринялъ новый походъ на Галицкую землю съ подручными князьями и Черными Клобуками. У Теребовля встрѣтилъ его Ярославъ съ своими полками. Галицкіе бояре не пустили молодаго князя въ битву; а затворили его въ городѣ, на томъ основаніи, что онъ у нихъ остался одинъ, и потерять его было бы для нихъ бѣдствіемъ. Сраженіе произошло упорное и нерѣшительное. На одномъ крылѣ братья Изяслава обратили тылъ передъ Галичанами; а на другомъ самъ великій князь гналъ передъ собою непріятеля. Къ вечеру онъ сталъ на мѣстѣ битвы съ небольшою дружиною и велѣлъ поднять галицкіе стяги. Обманутые этою хитростію, Галичане начали собираться подъ стяги; но тутъ были захвачены въ плѣнъ. Плѣнниковъ набралось болѣе чѣмъ собственной дружины; великій князь велѣлъ перебить ихъ, за исключеніемъ только лучшихъ людей. Очевидно вражда съ Галичанами дошла у него до ожесточенія. Безъ всякаго другаго успѣха онъ ушелъ назадъ въ Кіевъ. „Великій плачъ былъ по всей землѣ Галицкой"—замѣчаетъ лѣтопись. Плакали конечно семейства, осиротѣвшія послѣ избіенія вѣроломно захваченныхъ плѣнниковъ. Такое вѣроломство и варварство противъ русскихъ людей со стороны одного изъ наиболѣе любимыхъ народомъ князей кіевскихъ вызвало у лѣтописца только это краткое замѣчаніе.

Споръ съ Галицкимъ княземъ о волынскихъ городахъ остался нерѣшеннымъ вслѣдствіе наступившей вскорѣ кончины Изяслава II. Будучи вдовъ, онъ сосваталъ себѣ другую жену у одного изъ христіанскихъ владѣтелей Абхазіи, и осенью 1153 года послалъ сына своего Мстислава съ дружиною и Берендѣями внизъ по Днѣпру, чтобы проводить невѣсту сквозь половецкія степи. Мстиславъ дошелъ до города Олешья, т. е. до низовьевъ Днѣпра; но черкесская княжна не явилась. На слѣдующій годъ Мстиславъ опять отправился ей на встрѣчу; княжна прибыла моремъ въ Днѣпръ и поднялась до пороговъ; а отсюда русская дружина проводила ее до Кіева. Великій князь сыгралъ свадьбу; но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ того же 1154 года онъ скончался, еще недостигши шестидесятилѣтняго возраста. Его похоронили въ монастырѣ св. Ѳеодора, т. е. подлѣ отца. Лѣтописецъ говоритъ, что „плакала по немъ вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки". Изяславъ II дѣйствительно заслужилъ любовь Кіевлянъ своею храбростію, привѣтливостію и щедростію. Онъ умѣлъ при случаѣ и сказать красное слово народу, и угостить его на славу. Этотъ щедрый князь, не жалѣвшій имѣнія для друзей, пользовался особою привязанностію Черныхъ Клобуковъ или обитателей южной кіевской украйны, которые являются вѣрными союзниками Изяслава почти во всѣхъ войнахъ съ его соперниками.

Княженіе свое въ Кіевѣ Изяславъ ознаменовалъ и въ другомъ случаѣ: онъ сдѣлалъ попытку поставить Русскую церковь въ болѣе независимыя отношенія къ Византіи. Первая попытка такого рода была при Ярославѣ. Но послѣ Иларіона наши митрополиты снова выбирались изъ греческаго духовенства и поставлялись патріархомъ константинопольскимъ. Въ 1146 году митрополитъ кіевскій Михаилъ II самовольно удалился въ Царьградъ, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался. Тогда Изяславъ II, по примѣру своего предка, созвалъ въ Кіевъ епископовъ, и поручилъ имъ поставить митрополита, указавъ для этого на инока и схимника Климента Смолятича, который, подобно Иларіону, отличался книжною ученостію.

Но соборъ духовный на этотъ разъ не былъ такъ единодушенъ какъ во времена Ярослава: съ одной стороны власть Кіевскаго князя, при раздробленіи Россіи, уже не имѣла прежней силы и величія, и областные епископы уже менѣе зависѣли отъ него; а съ другой поставленіе митрополита цареградскимъ патріархомъ успѣло пріобрѣсти силу твердаго преданія и сдѣлалось почти нашимъ церковнымъ правиломъ. Голоса на соборѣ раздѣлились: меньшинство утверждало, что не достоитъ епископамъ ставить митрополита, такъ какъ это дѣло патріарха. Представителями Греческой партіи были: смоленскій епископъ Мануилъ, родомъ грекъ, и новогородскій епископъ Нифонтъ. Главою же противной, т. е. Русской партіи, явился Онуфрій, епископъ Черниговскій, который защищалъ соборное право ставить митрополита. Что бы придать этому поставленію еще болѣе силы, онъ предложилъ благословить новаго митрополита главою св. Климента, папы Римскаго, которая была привезена Владиміромъ Великимъ изъ Корсуня и хранилась въ Десятинной церкви Богородицы. Онуфрій ссылался на примѣръ самихъ Грековъ, которые будто бы ставятъ своихъ іерарховъ рукою св. Іоанна Предтечи. Предложеніе Онуфрія было принято, и Климентъ поставленъ. Но Мануилъ и Нифонтъ не соглашались признать его митрополитомъ, пока онъ не получитъ благословенія отъ патріарха цареградскаго; за что эти два епископа подверглись гоненію отъ великаго князя. Однако они нашли себѣ многихъ единомышленниковъ въ русскомъ духовенствѣ, которые съ неудовольствіемъ видѣли нарушеніе обычая; а патріархъ Николай Музалонъ прислалъ Нифонту похвальную грамоту, и въ ней уподоблялъ его святымъ подвижникамъ. Сторону греческой партіи держалъ и соперникъ Изяслава II Юрій Долгорукій. Когда онъ утвердился на Кіевскомъ столѣ послѣ смерти Изяслава, то Климентъ былъ изгнанъ во Владиміръ Волынскій; а митрополитомъ кіевскимъ на его мѣсто поставленъ въ Царьградѣ грекъ Константинъ.

До какой степени простиралось озлобленіе греческой партіи противъ Климента и Изяслава, видно изъ

того, что первымъ дѣломъ вновь избраннаго митрополита было: запретить священнодѣйствіе церковнослужителямъ, поставленнымъ Климентомъ, и предать анаѳемѣ память покойнаго князя. Потомъ во время продолжавшихся смутъ, когда Кіевъ занятъ былъ войскомъ Мстислава Изяславича, Константинъ, опасаясь отъ него мести за отца, удалился въ Черниговъ, гдѣ и скончался въ томъ же году (1159). По словамъ лѣтописи, передъ смертію онъ призвалъ къ себѣ черниговскаго епископа Антонія и вынудилъ у него слѣдующее клятвенное обѣщаніе: не погребать его, Константиново, тѣло, а, привязавъ веревку къ ногамъ, вытащить изъ города и бросить на съѣденіе псамъ. Епископъ исполнилъ это странное завѣщаніе, къ соблазну и удивленію всего народа. Но князь черниговскій (Святославъ Ольговичъ), посовѣтовавшись съ своими боярами и тѣмъ же епископомъ, на другой день велѣлъ взять тѣло митрополита и похоронить его въ Спасскомъ соборѣ ([68]).

Послѣ кончины Изяслава II, старый Вячеславъ Мономаховичъ призвалъ въ Кіевъ другаго своего племянника, Ростислава Мстиславича Смоленскаго, и точно также поручилъ ему всѣ кіевскіе „ряды рядить", т. е. судъ, расправу и ратное дѣло. Но въ томъ же 1154 году Вячеславъ умеръ. Ростиславъ вслѣдствіе неудачной войны съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ потерялъ Кіевъ. Однако и соперникъ его недолго владѣлъ стольнымъ городомъ, на который собственно не имѣлъ права, потому что отецъ его никогда не былъ кіевскимъ княземъ. Изъ Суздальской области уже шелъ Юрій Долгорукій, который послалъ сказать Изяславу Давидовичу: „Кіевъ мнѣ отчина, а не тебѣ". Изяславъ не посмѣлъ сопротивляться ему, и удалился въ Черниговъ. Юрій, столь долго стремившійся въ Кіевъ, занялъ его въ третій разъ, и наконецъ здѣсь утвердился (1155 г.). Наиболѣе значительные удѣлы Кіевскаго княженія онъ роздалъ своимъ сыновьямъ: Андрею Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, а Васильку Поросье, т. е. область Торковъ и Берендѣевъ. Окруживъ себя сыновьями, Долгорукій думалъ спокойно сидѣть на великокняжескомъ столѣ. Но

спокойное княженіе въ Кіевѣ сдѣлалось уже почти невозможнымъ. Между многочисленными потомками Владиміра Великаго взаимныя отношенія и права на старшинство сильно перепутались. Довольствовались одною тѣнью права, чтобы добиваться старшаго стола, если только надѣялись имѣть силу на своей сторонѣ. Отсюда видимъ постоянныя распри изъ за Кіева, постоянныя попытки овладѣть этимъ городомъ, еще заключавшимъ въ себѣ столько притягательной силы.

Положеніе Юрія было не прочно. Съ одной стороны старшинство его не признавали сами Мономаховичи, особенно старшій сынъ его счастливаго соперника Изяслава II, Мстиславъ, князь Волынскій; а съ другой безпокойные князья Черниговскіе также искали случая снова захватить Кіевъ въ свои руки. Одинаковое стремленіе сблизило недавнихъ противниковъ: Изяславъ Давидовичъ заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ и его племянникомъ Мстиславомъ Волынскимъ. Но въ то время, когда они собирались идти на Юрія, смерть избавила последняго отъ новой борьбы. Однажды онъ пировалъ у какого то боярина Петрила; въ туже ночь заболѣлъ; а черезъ пять дней скончался (1157 г.). Его похоронили въ церкви св. Спаса на Берестовѣ, гдѣ былъ загородный княжій домъ. Важное историческое значеніе этого князя основано не на кіевскомъ его княженіи, а на его дѣятельности въ землѣ Суздальской. Что же касается до Кіевлянъ, то очевидно онъ не пользовался ихъ расположеніемъ. Народъ особенно злобился на его суздальскихъ дружинниковъ за ихъ вымогательства и жадность. Когда умеръ великій князь, чернь бросилась грабить его загородные дворы и между прочимъ тотъ, который находился за Днѣпромъ и назывался *Раемъ*; пограбила также дворы суздальскихъ бояръ и дружинниковъ по ближнимъ городамъ и селамъ, а нѣкоторыхъ умертвила. Ясно, какъ вредно вліяли на народные нравы постоянное соперничество, постоянная смѣна великихъ князей, и какъ съ упадкомъ верховной власти возрастали необузданность кіевской черни и привычка къ самоуправству.

Изяславъ Давидовичъ Черниговскій снова захватилъ

Кіевъ, но опять не надолго. Недавніе союзники, Мономаховичи не замедлили вновь сдѣлаться его врагами. Къ нимъ присоединился и сильный галицкій князь Ярославъ. Причиною его вражды къ Изяславу Давидовичу послужилъ двоюродный братъ Ярослава, извѣстный Иванъ Берладникъ, лишенный Владимíркомъ своего наслѣдственнаго удѣла. Иванъ долго скитался по разнымъ землямъ, проживая у разныхъ князей. Нѣкоторое время онъ находился въ службѣ у Юрія Долгорукаго. Когда Юрій занялъ Кіевъ, то Галицкій князь, женатый на его дочери, упросилъ тестя выдать ему Берладника; такъ какъ послѣдній не оставлялъ своихъ притязаній на часть Галицкой земли. Уже несчастнаго князя привезли скованнымъ изъ Суздаля въ Кіевъ; но здѣсь митрополитъ и духовенство приступили съ увѣщаніями къ Долгорукому, и укоряли его за то, что онъ, преступивъ свое крестное цѣлованіе Ивану, хочетъ выдать его на убійство. Великій князь отправилъ его назадъ въ Суздаль. Но Изяславъ Давидовичъ Черниговскій послалъ своихъ людей, которые перехватили Суздальцевъ на дорогѣ, и отняли у нихъ Берладника. Послѣдній нашелъ себѣ пріютъ въ Черниговѣ. Когда же Изяславъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, Ярославъ Галицкій и къ нему обратился съ просьбою выдать Берладника. Тотъ не только не согласился, но и потребовалъ отъ Галицкаго князя удѣлъ для его двоюроднаго брата. Отсюда возникла война Изяслава Давидовича съ Ярославомъ Галицкимъ и союзникомъ послѣдняго Мстиславомъ Волынскимъ. Вслѣдствіе измѣны Берендѣевъ, первый проигралъ ее, и потерялъ Кіевское княженіе (1159). Мстиславъ занялъ Кіевъ, куда вновь призвалъ изъ Смоленска своего дядю Ростислава.

Неугомонный Изяславъ Давидовичъ однако не думалъ оставлять своихъ притязаній на Кіевъ, и дѣлалъ еще нѣсколько попытокъ отнять его у Ростислава. Однажды съ помощью наемныхъ Половцевъ ему удалось было въ третій разъ захватить великокняжескій столъ. Но онъ не могъ взять крѣпкаго Бѣлгорода, гдѣ заперся его соперникъ, и палъ при отступленіи, сраженный саблею какого то Войбора Негечевича въ 1162 году. Въ томъ же году

погибъ и злополучный Иванъ Берладникъ. По смерти своего покровителя Изяслава онъ удалился въ Грецію, и умеръ въ городѣ Ѳессалоникѣ, вслѣдствіе отравы, если вѣрить народной молвѣ: а этой смерти такъ добивался его двоюродный братъ Ярославъ Галицкій. За нѣсколько времени до того бывшіе товарищи Ивана южнорусскіе Берладники, занимавшіеся грабежемъ на морѣ и на сушѣ, взяли и разграбили городъ Олешье. Это было складочное мѣсто для греческихъ товаровъ, привозимыхъ въ Россію, и подобный разбой наносилъ чувствительный ударъ нашей торговлѣ съ Греками. Великій князь Ростиславъ немедленно послалъ судовую дружину съ бояриномъ Юріемъ Несторовичемъ. Послѣдній гдѣ то настигъ Берладниковъ, побилъ ихъ и отнялъ пограбленный товаръ. Вообще Ростиславъ обнаруживалъ похвальную заботливость о безопасности такого важнаго торговаго пути какъ Днѣпровскій, по которому ходили въ Кіевъ *гречники* и *залозники*; подъ именемъ первыхъ разумѣлись купцы, привозившіе товары изъ Византіи, а подъ вторыми тѣ, которые торговали съ Тавридою и Приазовскими краями. Когда умножались на Руси смуты и междоусобія, то Половцы обыкновенно пользовались этимъ временемъ, что бы нападать на торговые караваны, именно у Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ купцы должны были выгружаться и обходить пороги берегомъ. По лѣтописи извѣстны два случая заботливости Ростислава о защитѣ этихъ каравановъ отъ Половцевъ. Въ 1167 году онъ посылалъ своего боярина Владислава Ляха съ дружиною; подъ ея защитою гречники благополучно прошли опасныя мѣста и прибыли въ Кіевъ. А весною слѣдующаго 1168 года великій князь посылалъ для той же цѣли уже большое ополченіе соединенныхъ князей. Это ополченіе однако не пошло въ степи, что бы разгромить варваровъ въ ихъ собственныхъ вежахъ; оно только угрожало имъ, и все время простояло у Канева, пока гречники и залозники благополучно поднялись вверхъ по Днѣпру.

Послѣ гибели Изяслава Давидовича, Ростиславъ до самой кончины своей, т. е. въ теченіе шести лѣтъ, довольно спокойно сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ; что въ тѣ вре-

мена было уже рѣдкостью. Самъ по себѣ Ростиславъ отличался миролюбіемъ и кромѣ того большою набожностію. Главною его поддержкою былъ племянникъ Мстиславъ Волынскій; много помогъ ему также союзъ съ Черниговскимъ княземъ. Когда Изяславъ Давидовичъ по смерти Долгорукаго завладѣлъ Кіевомъ, онъ уступилъ Черниговскій столъ двоюродному брату Святославу Ольговичу, и послѣ своего изгнанія изъ Кіева уже не получилъ обратно прежняго стола. Что бы обезпечить за собою Черниговъ, Святославъ сдѣлался вѣрнымъ союзникомъ Ростислава. Въ маѣ 1160 года они съѣхались на берегу Десны, въ одномъ изъ черниговскихъ городовъ, Моравійскѣ. Этотъ съѣздъ напомнилъ свиданіе того же Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ въ Москвѣ. Князья обмѣнялись взаимными подарками. Ростиславъ дарилъ союзника соболями, горностаями, мѣхами черныхъ куницъ, песцовъ, а также какими то рыбьими зубами. Святославъ на другой день отдарилъ своего гостя пардусомъ и двумя борзыми конями съ коваными сѣдлами. Съ того времени Ростиславъ питалъ особое расположеніе къ Святославу Ольговичу, и когда послѣдній скончался въ 1164 г., набожный Кіевскій князь изъявилъ желаніе, по примѣру Николы Святоши, постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но игуменъ Поликарпъ и духовникъ Семенъ отговорили его, напоминая ему главную обязанность князя судъ творить и правду наблюдать. Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе въ великій постъ причащаться каждую недѣлю и каждую суботу и воскресенье угощать у себя во дворцѣ двѣнадцать печерскихъ иноковъ съ игуменомъ Поликарпомъ. А въ Лазареву суботу онъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ „Печерянъ", призывалъ также иноковъ и изъ другихъ монастырей.

Но и этотъ кроткій князь не чуждъ былъ иногда суровыхъ поступковъ, свойственныхъ его времени. Примѣръ тому находимъ въ его отношеніяхъ къ Новгороду. Послѣ своего любимца Изяслава II, Новогородцы снова обнаружили обычное непостоянство: смотря по обстоятельствамъ, они призывали къ себѣ то одного изъ сыновей Ростислава, то кого либо изъ сыновей Юрія Дол-

горукаго. Когда Ростиславъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Святославъ; но сильный сосѣдъ Новогородцевъ Андрей Суздальскій началъ притѣснять ихъ, чтобъ они приняли князя отъ его руки, и слѣдовательно дани свои посылали въ Суздаль, а не въ Кіевъ. Въ Новгородѣ наступили волненія и частыя вѣча. Наконецъ сторона Суздальскаго князя одолѣла противную сторону. Толпа вооруженныхъ гражданъ пришла на Городище или на княжій загородный дворъ, схватила Святослава Ростиславича и заперла его въ избѣ; супругу его заключила въ монастырь св. Варвары, дружину перевязала, а имѣнье ихъ разграбила. Затѣмъ Ростиславича отправили въ Ладогу подъ крѣпкую стражу; а къ себѣ приняли княземъ одного изъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго (1161 г.). Когда до великаго князя достигла вѣсть объ оскорбленіи, учиненномъ его сыну, Ростиславъ сильно разгнѣвался, велѣлъ схватить новогородскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Кіевѣ, и заключить ихъ въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь задохлось изъ нихъ 14 человѣкъ. Это несчастье впрочемъ опечалило великаго князя; онъ приказалъ остальныхъ узниковъ вывести изъ погреба и посадить подъ стражу въ разныхъ городахъ. Между тѣмъ Святославу Ростиславичу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Смоленскъ. Спустя около года, Андрей Боголюбскій опять уступилъ новогородскія дани великому князю Кіевскому, и послѣдній, съ согласія Андрея, снова посадилъ тамъ своего сына Святослава. На этотъ разъ княженіе послѣдняго ознаменовалось нашествіемъ Шведовъ на Новогородскую землю. Давно уже не было столкновеній между Сѣверною Русью и Скандинавіей. Главная причина тому заключалась во внутреннихъ смутахъ и переворотахъ, которые совершались въ Швеціи въ XI вѣкѣ и первой половинѣ XII-го; они были вызваны борьбою язычества съ христіанствомъ и прекращеніемъ древней династіи Инглинговъ. Но когда тамъ на нѣкоторое время водворилось спокойствіе, Шведы возобновили свои попытки овладѣть прибрежьемъ Финскаго залива. Они также возобновили и свое прежнее стремленіе захватить ключь къ торговому пути въ сѣверную Русь, т. е. Ла-

догу. Въ 1164 году подъ этимъ городомъ появился шведскій флотъ въ количествѣ 55 кораблей или *шнекъ*, какъ называетъ ихъ Новогородская лѣтопись. Ладожане съ посадникомъ своимъ Нѣжатою мужественно встрѣтили враговъ; они сожгли подгородные дворы, заперлись въ крѣпости, и до тѣхъ поръ отбивали непріятельскіе приступы, пока на помощь не пришла новогородская судовая рать съ княземъ Святославомъ и посадникомъ Захаріей. Тогда Шведы потерпѣли полное пораженіе, и ушли, потерявъ 43 корабля.

Новогородцы какъ то не ладили съ Святославомъ Ростиславичемъ, и это обстоятельство заставило его отца лѣтомъ 1168 года предпринять путешествіе на сѣверъ. Онъ отправился вверхъ по Днѣпру и по Сожи на Смоленскъ, его прежній удѣлъ, гдѣ теперь княжилъ сынъ его Романъ. Смольняне очевидно питали большую преданность къ своему старому князю. Уже за 300 верстъ отъ города его встрѣтили лучшіе мужи; затѣмъ начали встрѣчать внуки, сынъ Романъ, и наконецъ едва не весь городъ вышелъ привѣтствовать его. Граждане принесли ему множество даровъ. Отсюда Ростиславъ прибылъ въ Торопецъ; но далѣе не поѣхалъ, потому что сильно занемогъ. Онъ послалъ въ Новгородъ приказаніе Святославу взять лучшихъ людей и пріѣхать на свиданье съ нимъ въ Великіе Луки. Здѣсь онъ заставилъ Новогородцевъ поцѣловать крестъ на томъ, что они до самой смерти его сына не будутъ искать себѣ другаго князя; взялъ отъ нихъ дары, и воротился въ Смоленскъ. Сестра его Рогнѣда, видя совершенное изнеможеніе брата, просила его остаться въ Смоленскѣ, что бы быть погребеннымъ въ построенной имъ церкви. Но Ростиславъ желалъ лечь въ кіевскомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ, т. е. тамъ же, гдѣ были погребены его отецъ и братъ Изяславъ; а на случай, если Богъ „отдастъ ему болѣзнь", онъ далъ обѣтъ немедленно постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но онъ недалеко уѣхалъ отъ Смоленска; въ Зарубѣ, селѣ той же его сестры Рогнѣды, великій князь скончался, напутствуемый отходною молитвою своего духовника, священника Семена.

Теплое сочувствіе, съ которымъ лѣтописецъ передалъ подробности Ростиславовой кончины, не мало свидѣтельствуютъ о той народной преданности, которою пользовался этотъ князь, кроткій, миролюбивый, но твердый въ своихъ правилахъ и вѣрный преданіямъ отцовъ. Благодаря такимъ качествамъ и своей щедрости въ отношеніи младшихъ родичей, Ростиславу подъ конецъ своего княженія дѣйствительно удалось жить въ ладу со всѣми, и хотя на короткое время водворить тишину въ Русской землѣ, успокоивъ безконечныя распри о волостяхъ и великомъ княженіи. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ поднялись эти распри вновь послѣ смерти Ростислава. То былъ послѣдній представитель княжескаго рода, еще сохранявшій до нѣкоторой степени значеніе великаго князя Кіевскаго, значеніе главнаго звена между многочисленными потомками Владиміра Великаго, между отдѣльными частями Руси. По крайней мѣрѣ это былъ послѣдній кіевскій князь, котораго старшинство признавали почти всѣ удѣльные. Послѣ его смерти прежнее значеніе Кіевскаго стола быстро и окончательно рушится.

X.

УПАДОКЪ КІЕВСКАГО КНЯЖЕНІЯ.

Мстиславъ II. Андрей Боголюбскій и первое взятье Кіева. Неудачная осада Новгорода. Андрей и Ростиславичи. Святославъ Всеволодичъ въ Кіевѣ. Оживленіе борьбы съ варварами. Кончакъ. Походъ, плѣнъ и освобожденіе Игоря Сѣверскаго. Черные Клобуки. Всеволодъ Суздальскій и Рюрикъ Ростиславичъ Кіевскій. Ссора Рюрика съ Романомъ Волынскимъ и второе взятье Кіева. Судьбы Кіевскаго княженія.

Ростиславъ оставилъ послѣ себя многочиленную семью. Его сыновья, въ особенности Давидъ, Рюрикъ и Мстиславъ, отличались честолюбіемъ и отвагою; они играли очень видную роль въ послѣдующихъ событіяхъ и оказывали рѣшающее вліяніе въ вопросѣ о старшинствѣ. По смерти Ростислава три князя могли предъявить свои права на Кіевскій столъ: Мстиславъ Изяславичъ Волынскій, оставшійся теперь главою старшей линіи Мономаховичей; двоюродный дядя его Андрей Юрьевичъ Суздальскій, глава младшей линіи того же дома, и Святославъ Всеволодичъ, который послѣ смерти своего дяди Святослава Ольговича наслѣдовалъ Черниговъ и сдѣлался главнымъ представителемъ Ольговичей. Кіевляне, сохранявшіе преданность старшей линіи Мономаховичей, призвали на свой столъ Мстислава Волынскаго; его старшинство поддержали и двоюродные братья, смоленскіе Ростиславичи. Князья укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ; въ томъ числѣ и родной дядя Мстислава Владиміръ Мстиславичъ призналъ старшинство племянника, тотъ самый Владиміръ, который когда-то тщетно пытался защитить отъ убійцъ несчастнаго Игоря Ольговича. Но онъ отличался непостоянствомъ и малодушіемъ. Спустя немно-

го времени, великому князю донесли, что дядя имѣетъ противъ него какіе то замыслы. Узнавъ, что его замыслы открыты, Владиміръ самъ пріѣхалъ съ оправданіемъ къ племяннику, находившемуся въ то время въ Печерскомъ монастырѣ. Между ними начались переговоры. Мстиславъ сидѣлъ въ игуменской кельѣ, а дядѣ велѣлъ быть въ экономской.

„Братъ! Чего ради пріѣхалъ. Я за тобой не посылалъ"— велѣлъ сказать Мстиславъ, приравнивая младшаго дядю къ братьямъ.

„Братъ! Я слышалъ, что наговариваютъ на меня злые люди" — отвѣчалъ Владиміръ черезъ какого то дьячка Иморрмыжа.

„Мнѣ сказалъ братъ Давидъ"—отвѣчалъ великій князь.

Рѣшили послать къ Давиду Ростиславичу въ Вышгородъ. Давидъ узналъ о замыслахъ Владиміра отъ своего боярина Василя Настасича. Этого боярина онъ прислалъ въ Печерскій монастырь къ великому князю вмѣстѣ съ тысяцкимъ своимъ Радиломъ. Василь выставилъ послухомъ или свидѣтелемъ какого-то Давида Борынича. Начали уличать Владиміра; тотъ отъ всего отпирался. Наскучивъ этими переговорами, великій князь сказалъ ему:

„Братъ! ты крестъ мнѣ цѣловалъ; послѣ того и губы еще у тебя не обсохли. И дѣды и отцы наши утверждались на немъ; кто же преступитъ его, пусть того судитъ Богъ. А теперь цѣлуй крестъ опять на томъ, что не мыслишь на меня никакого лиха".

Владиміръ далъ новую присягу; получилъ въ удѣлъ городъ Котельничъ; но вѣроятно не былъ имъ доволенъ; спустя нѣсколько дней, онъ уже опять измѣнилъ присягѣ и завелъ новую смуту. Въ Кіевѣ жила мать его, вторая супруга Мстислава I, урожденная новогородская боярыня, теща угорскаго короля Гейзы II. Великій князь сказалъ ей: „не могу жить съ тобой въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой, преступая клятву, ищетъ моей головы". Вдовая княгиня удалилась въ Черниговъ.

Мстиславъ II началъ свое великое княженіе славнымъ дѣломъ. По примѣру предшественниковъ, онъ собралъ младшихъ родичей, и уговорилъ ихъ соединенными си-

лами идти на Половцевъ, указывая на тѣ бѣдствія, которыя они продолжали причинять Русской землѣ: варвары ежегодно уводятъ множество христіанъ въ свои вежи, гдѣ обращаютъ ихъ въ рабство или требуютъ за нихъ большой выкупъ; кромѣ того, нападеніями на торговые караваны они перенимаютъ столь важные для Руси пути, Греческій, Соляной и Залозный, которые всѣ сходились на Днѣпрѣ. Великимъ постомъ 1169 года князья совершили удачный походъ въ степи, разгромили половецкія вежи по рѣкамъ Углу и Снопороду до самаго Оскола, и поразили полчища варваровъ гдѣ то около этой рѣки у Чернаго лѣса. Русская рать освободила многихъ плѣнныхъ христіанъ, и сама захватила у Половцевъ большой полонъ скотомъ и челядью. Вслѣдъ за этимъ славнымъ походомъ князья собрались вновь и отправились къ Каневу, гдѣ дожидались, пока гречники и залозники благополучно прибыли съ своимъ караваномъ ([69]). Но здѣсь же у Канева и кончилось единодушіе братьевъ.

Между старшими дружинниками нашлись злые люди, которые начали ссорить Ростиславичей съ Мстиславомъ. Извѣстный кіевскій бояринъ, ѣздившій посломъ къ Владимірку Галицкому, Петръ Бориславичъ и его братъ Несторъ злобились на великаго князя, который отослалъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали коней изъ его стада и перепятнали своимъ тавромъ. Изъ Кіева Бориславичи переѣхали въ ближній Вышгородъ на службу къ Давиду Ростиславичу. Во время стоянки подъ Каневымъ они стали вооружать Давида и его брата Рюрика противъ великаго князя, который будто бы намѣренъ позвать ихъ на обѣдъ къ себѣ для того, чтобы схватить и заключить подъ стражу. Мстиславъ дѣйствительно прислалъ звать ихъ къ обѣду. Рюрикъ и Давидъ потребовали, чтобъ онъ прежде поцѣловалъ крестъ на томъ, что не замышляетъ противъ нихъ никакого лиха. Мстиславъ огорчился, и объявилъ объ этомъ требованіи своей старшей дружинѣ.

„Князь,—отвѣчала дружина—вѣдь не лапоть велятъ тебѣ цѣловать братья, а крестъ. Ужъ не злые ли люди смущаютъ ихъ, завидуя твоей братской любви? Злой чело-

вѣкъ пуще бѣса, и бѣсъ того не выдумаетъ, что замыслитъ злой человѣкъ. Ты правъ передъ Богомъ и передъ людьми: безъ насъ тебѣ нельзя было задумать ничего подобнаго; а мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь къ братьямъ. Пошли имъ сказать: я цѣлую крестъ на томъ, что не замышлялъ противъ васъ никакого лиха; вы же выдайте мнѣ тѣхъ, которые наговариваютъ на меня".

Мстиславъ II послѣдовалъ совѣту своихъ бояръ. Давидъ отвѣчалъ, что, если и впредь кто будетъ наговаривать, тѣхъ онъ выдастъ. Обѣ стороны снова укрѣпились взаимнымъ крестоцѣлованіемъ. Но сердце Ростиславичей уже не было съ великимъ княземъ. Поводъ къ разрыву подали непостоянные Новогородцы. Вопреки клятвѣ, данной покойному Ростиславу, они удалили его сына Святослава, и послали къ Мстиславу Изяславичу просить себѣ въ князья его сына Романа. Неосторожный Мстиславъ исполнилъ ихъ просьбу. Такой поступокъ окончательно вооружилъ противъ него братьевъ Ростиславичей. Чѣмъ и поспѣшилъ воспользоваться Андрей Боголюбскій, который ждалъ только удобнаго случая изгнать своего двоюроднаго племянника изъ Кіева, подобно тому, какъ отецъ Андрея стремился отнять Кіевъ у отца Мстиславова.

Многіе изъ недавнихъ союзниковъ великаго князя отступились отъ него и признали старшинство Боголюбскаго. Андрей не пошелъ самъ на югъ, а поручилъ свою рать сыну Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу. Съ нею соединились дружины муромская и рязанская, а также князья смоленскіе и сѣверскіе. Недоставало только Святослава Всеволодича Черниговскаго, который самъ имѣлъ притязаніе на старшинство, и не желалъ помогать сопернику. Суздальцы сошлись съ своими союзниками подъ Вышгородомъ, въ удѣлѣ Давида Ростиславича, и отсюда соединенныя войска обступили Кіевъ. Мстиславъ Изяславичъ мужественно оборонялся. Кіевляне на этотъ разъ не измѣнили своему князю, не вступили въ сдѣлку съ его болѣе сильнымъ противникомъ, и храбро встрѣтили непріятелей. Но между боярами нашлись измѣнники, которые снеслись съ Суздальцами, и указали имъ слабыя мѣста обороны. Черные Клобуки также по обыкновенію

своему завели предательство. Три дня осаждавшіе дѣлали приступы къ городу, и наконецъ ворвались въ него. Мстиславъ II съ остаткомъ дружины ускакалъ въ свой Владиміръ Волынскій. Стольный Кіевъ не только былъ взятъ приступомъ—чего по замѣчанію лѣтописца никогда прежде не бывало,—но и отданъ на разграбленіе. Два дня непріятели свирѣпствовали въ городѣ; грабили и жгли дома, убивали гражданъ и брали ихъ женъ; обнажали самые монастыри и церкви; выносили изъ нихъ иконы, книги, ризы; снимали колокола, а нѣкоторые храмы зажигали. Особенно свирѣпствовали полукочевые варвары, т. е. Черные Клобуки, которые зажгли и монастырь Печерскій. Некому было остановить разнузданную рать: самъ Андрей отсутствовалъ; а сына его конечно не всѣ слушали. Но, можетъ быть, предводители Суздальцевъ и не противились разгрому нелюбимаго ими Кіева и не берегли его; такъ какъ ихъ князь не прочилъ его для своего мѣстопребыванія (1169 г.).

Извѣстно, что Андрей Боголюбскій при жизни своего отца Юрія отличился ратными подвигами въ южной Руси. Но онъ не стремился въ нее такъ какъ стремился его отецъ. Эта Русь не полюбилась ему своими смутами, безконечными распрями князей, постоянными тревогами со стороны степныхъ варваровъ и безпокойнымъ, вольнолюбивымъ характеромъ своего населенія. Его болѣе привлекалъ сѣверовостокъ своею тишиною и покорностію; тамъ еще не успѣли окрѣпнуть непріятные для князя порядки и преданія. Еще въ то время, когда Юрій окончательно завладѣлъ Кіевскимъ столомъ, т. е. въ 1155 г., Андрей противъ отцовскаго желанія покинулъ данный ему Вышгородъ и уѣхалъ на сѣверъ въ Суздальскую землю, въ которой онъ съ тѣхъ поръ жилъ постоянно. И теперь, когда Кіевскій столъ очутился во власти Суздальскаго князя, Мстиславъ Андреевичъ, конечно по предварительному наказу своего отца, посадилъ на немъ дядю своего Глѣба, сидѣвшаго дотолѣ въ южномъ Переяславлѣ. Эта мѣра была наиболѣе тяжкимъ униженіемъ для стольнаго города, послѣ его разграбленія: старшій князь не захотѣлъ самъ занять Кіевъ; онъ предпочелъ остаться

во Владимірѣ на Клязьмѣ; а первый отдалъ своему брату, подобно тому, какъ давалъ удѣлы другимъ младшимъ родственникамъ. До такой степени упало значеніе Кіевскаго стола въ глазахъ сѣвернаго князя!

Съ того момента, когда Владиміръ былъ предпочтенъ Кіеву, ясно обозначился поворотъ въ исторической жизни Русскаго народа: ея средоточіе съ юга переходило на сѣверовостокъ.

Современники повидимому не сознавали такого поворота и не оцѣнили вполнѣ этого пренебреженія къ древней столицѣ со стороны Суздальскаго князя. Такъ кіевскій лѣтописецъ упомянулъ объ отдачѣ ея Глѣбу Юрьевичу безъ всякаго замѣчанія. Онъ болѣе придавалъ значенія другому обстоятельству. Взятіе и разграбленіе Кіева, по его словамъ, совершились за грѣхи Кіевлянъ, а „наипаче за митрополичью неправду". Митрополитъ (Константинъ II?) въ то время наложилъ какое то запрещеніе на Поликарпа, игумена Печерскаго, за то что послѣдній считалъ дозволеннымъ вкушать масло и молоко по середамъ и пятницамъ въ Господскіе праздники. Сторону митрополита въ этомъ случаѣ держалъ и епископъ черниговскій Антоній, который воспрещалъ Черниговскому князю вкушать мясо въ Господскіе праздники; Святославъ Всеволодичъ разгнѣвался за то на Антонія, и лишилъ его епископіи. Все это показываетъ, до какой степени въ юной Русской церкви считались важнымъ дѣломъ вопросы и разногласія о постныхъ дняхъ, и какъ строго держались преданій византійской церковности духовныя лица изъ Грековъ.

Подчинивъ своей зависимости старый Кіевъ, Суздальскій князь рѣшилъ наложить свою руку и на вольнолюбивый Новгородъ, который вопреки его желанію изгналъ отъ себя Святослава Ростиславича и далъ княженіе сыну Андреева врага, Роману Мстиславичу. Кромѣ того, у Суздальцевъ были нерѣдкія столкновенія съ Новогородцами въ Заволочьѣ или на Сѣверной Двинѣ, гдѣ и тѣ и другіе хотѣли собирать дани. Почти въ одно время съ Кіевскимъ погромомъ новогородская дружина, отправленная съ воеводою Даниславомъ Лазутиничемъ за Волокъ для сбора

даней, подверглась нападенію Андреевыхъ воеводъ; хотя Суздальцы были многочисленнѣе, однако они потерпѣли пораженіе. Это обстоятельство ускорило предпріятіе Андрея противъ Новогородцевъ. Зимой того же 1169 года онъ послалъ на нихъ многочисленную рать подъ начальствомъ тѣхъ же предводителей, которые ходили на Кіевъ, т. е. сына своего Мстислава и воеводы Бориса Жидиславича. Съ этою ратью опять соединились дружины муромская, рязанская, смоленская и даже полоцкая. Она жестоко опустошила на своемъ пути новогородскія волости, и осадила самый Новгородъ. Граждане, предводимые своимъ молодымъ княземъ Романомъ и посадникомъ Якуномъ, мужественно оборонялись и отбили всѣ приступы Суздальцевъ. Между тѣмъ въ войскѣ осаждавшихъ начался сильный моръ; люди и кони гибли отъ недостатка припасовъ; такъ какъ окрестная страна, и безъ того довольно скудная, была ими совершенно разорена. Наконецъ въ одной удачной вылазкѣ Новогородцы нанесли непріятелямъ пораженіе, и взяли такое множество плѣнниковъ, что продавали суздальца за двѣ ногаты. Ратники Андрея принуждены были со стыдомъ уйти домой. Лѣтописецъ съ ужасомъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ ѣли кониное мясо въ великій постъ: до того былъ великъ голодъ. Избавленіе Новгорода отъ сильнаго непріятеля не замедлило украситься преданіемъ о чудныхъ знаменіяхъ; въ особенности расказывали объ иконахъ Богородицы, источавшихъ слезы, которыя предвѣщали нашествіе врага и свидѣтельствовали о заступленіи Пресвятой Дѣвы за Новгородъ. Въ память своего избавленія Новогородцы уставили праздникъ Знаменія Богородицы 27 Ноября (70).

Недолго однако Новгородъ торжествовалъ свою побѣду. Борьба съ Суздальскимъ княземъ была неравная; въ рукахъ его находилось могущественное средство: онъ прекратилъ подвозъ хлѣба изъ Поволжскихъ областей, и въ Новгородѣ настала страшная дороговизна. Недалѣе какъ въ слѣдующемъ 1170 году граждане смирились, отослали отъ себя Романа Мстиславича, заключили миръ съ Андреемъ, и приняли отъ него князя. Такъ какъ уже не было въ живыхъ Святослава Ростиславича, за изгнаніе

котораго гнѣвался Суздальскій князь, то онъ послалъ къ нимъ одного изъ братьевъ Святослава, Рюрика. Впрочемъ послѣдній не поладилъ съ Новогородцами, и скоро удалился отъ нихъ; тогда Андрей далъ имъ въ князья своего молодаго сына Юрія.

Между тѣмъ на югѣ перемѣны быстро слѣдовали одна за другою. Мстиславъ Изяславичъ не покидалъ своихъ притязаній на Кіевскій столъ, и пытался отнять его у Глѣба Юрьевича. Изъ отдѣльныхъ случаевъ ихъ войны замѣчателенъ слѣдующій. Въ это время скончался князь Дорогобужскій внукъ Мономаха Владиміръ, сынъ храбраго Андрея Переяславскаго, давшаго гордый отвѣтъ Всеволоду II. Другой внукъ Мономаха упомянутый выше Владиміръ Мстиславичъ немедленно пришелъ къ Дорогобужу, чтобы захватить этотъ удѣлъ. Но дружина умершаго князя не пустила его въ городъ. Владиміръ поцѣловалъ крестъ на томъ, что онъ не тронетъ имущества ни дружины, ни вдовы своего двоюроднаго брата. Но едва Дорогобужцы впустили его въ городъ, какъ *вертлявый* Владиміръ не только захватилъ себѣ все имѣнье и стада покойнаго князя, но и вдову его выгналъ изъ города. Княгиня взяла еще непогребенное тѣло своего супруга и отправилась въ Кіевъ, что бы похоронить его въ Андреевскомъ или Янчинѣ монастырѣ: вѣроятно таково было желаніе покойнаго князя. Княгиня остановилась съ тѣломъ въ Вышгородѣ у Давида Ростиславича. Глѣбъ Юрьевичъ послалъ къ ней изъ Кіева печерскаго игумена Поликарпа и андреевскаго игумена Симеона, что бы сопровождать гробъ съ пѣніемъ погребальныхъ псалмовъ и обычными церковными обрядами. Но къ Кіеву въ это именно время приблизилась рать Мстислава II и его союзниковъ; а покойный Андреевичъ былъ на сторонѣ его враговъ. Давидъ, опасаясь непріятеля, не пустилъ отъ себя княгиню, и вызвалъ охотниковъ изъ дружины покойнаго провожать гробъ. Но никто изъ нея не пошелъ, боясь мести отъ Кіевлянъ: конечно эта дружина принимала дѣятельное участіе въ разграбленіи Кіева вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Поликарпъ просилъ Давида, что бы онъ отпустилъ нѣсколько человѣкъ изъ собственной дружины; а иначе не-

кому было вести княжаго коня за гробомъ и нести передъ нимъ стягъ покойнаго, какъ этого требовалъ обычай. Но Давидъ отпустилъ только священниковъ изъ церкви Бориса и Глѣба, и тѣ вмѣстѣ съ игумнами и чернецами похоронили князя въ монастырѣ св. Андрея. Это происходило въ февралѣ 1170 года. Мстиславъ II вскорѣ скончался; а за нимъ послѣдовалъ и соперникъ его Глѣбъ Юрьевичъ (1172 г.).

Андрей перевелъ въ Кіевъ изъ Смоленска старшаго Ростиславича, Романа; другіе два брата послѣдняго также княжили въ Кіевской землѣ: Давидъ въ Вышгородѣ, а Мстиславъ въ Бѣлгородѣ. Но согласіе Андрея съ Ростиславичами продлилось недолго. Какіе то злые люди донесли Суздальскому князю, что братъ его Глѣбъ былъ отравленъ; указывали на нѣкоторыхъ кіевскихъ бояръ, именно на Григорія Хотовича и двухъ другихъ, какъ на виновниковъ его смерти. Андрей потребовалъ выдачи этихъ бояръ. Но братья Ростиславичи не исполнили его требованія. За это ослушаніе Андрей велѣлъ имъ, всѣмъ тромъ, уйти изъ Кіевской земли въ свою наслѣдственную Смоленскую область, сказавъ: „дѣлитесь тамъ какъ хотите“. А Кіевъ онъ приказалъ отдать брату своему Михалку, который въ то время сидѣлъ въ Торческѣ, т. е. въ землѣ Черныхъ Клобуковъ; при немъ находился и младшій братъ Всеволодъ, знаменитый въ послѣдствіи Большое Гнѣздо. Романъ, наиболѣе миролюбивый изъ Ростиславичей, послушалъ этого приказанія и уѣхалъ въ Смоленскъ. Давидъ же и Мстиславъ Храбрый не только не покинули своихъ удѣловъ, но внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ захватили самый Кіевъ, и посадили тамъ другаго своего брата, Рюрика.

Тогда Суздальскій князь посылаетъ своего мечника Михна къ Ростиславичамъ съ слѣдующимъ наказомъ: „такъ какъ вы не хотите быть въ моей волѣ, то ты, Рюрикъ, иди въ Смоленскъ къ брату своему Роману; ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, и я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а ты Мстиславъ главный зачинщикъ, и также ступай вонъ изъ Русской земли“. Въ отвѣтъ на это повелѣніе Мстиславъ, который дѣйствительно отли-

чался наиболѣе отважнымъ духомъ, схватилъ посла, остригъ ему голову и бороду, и отправилъ его назадъ въ Суздаль съ такимъ словомъ: „Мы имѣли тебя прежде какъ отца; но если ты присылаешь къ намъ съ подобными рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то Богъ насъ разсудитъ“.

Андрей, по словамъ лѣтописца, измѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ своего посла и выслушалъ его донесеніе. Онъ собралъ сильную рать, простиравшуюся до 50,000 человѣкъ, и отправилъ ее на югъ подъ начальствомъ того же воеводы Бориса Жидиславича и сына своего Юрія (старшій сынъ Мстиславъ уже умеръ). Юрій привелъ Новогородцевъ; кромѣ того призваны дружины подручныхъ князей Муромскаго и Рязанскаго; даже Романъ Смоленскій принужденъ былъ прислать помощь противъ собственныхъ братьевъ; пришли князья туровскіе, пинскіе, городенскіе и даже полоцкіе; такъ далеко простиралось вліяніе Андрея. Черниговскій князь Святославъ Всеволодичъ, самъ надѣявшійся получить Кіевскій столъ отъ Андрея и потому поджигавшій его раздоръ съ племянниками, на этотъ разъ принялъ дѣятельное участіе въ походѣ. Союзники безпрепятственно заняли Кіевъ, покинутый Ростиславичами. Но послѣдніе заперлись въ двухъ другихъ городахъ, т. е. въ Вышгородѣ и Бѣлгородѣ. Собравшаяся подъ Кіевомъ союзная рать повела отсюда осаду Вышгорода, въ которомъ за отсутствіемъ Давида начальствовалъ Мстиславъ. Этотъ храбрый князь дѣлалъ частыя и удачныя вылазки и вообще оборонялся съ такимъ успѣхомъ, что огромная рать соединенныхъ князей простояла девять недѣль и не могла взять этого небольшаго, впрочемъ хорошо укрѣпленнаго, города. Между тѣмъ въ станѣ осаждавшихъ начались несогласія; многіе союзники, пришедшіе поневолѣ, конечно оказывали мало усердія къ войнѣ. Наконецъ часть ополченія, именно волынская рать, удалилась съ своимъ княземъ Ярославомъ Изяславичемъ Луцкимъ (братомъ Мстислава II). Послѣдній также имѣлъ притязаніе на Кіевъ; вслѣдствіе чего разсорился съ Святославомъ Черниговскимъ, и вступилъ въ соглашеніе съ Ростиславичами, которые признали за

нимъ старшинство и обѣщали ему Кіевскій столъ. Въ тоже время пришла вѣсть, что Давидъ Ростиславичъ ведетъ на помощь брату полки Галицкаго князя и Черныхъ Клобуковъ. Тогда осаждавшая рать быстро разстроилась, и поспѣшила переправиться за Днѣпръ; Мстиславъ ударилъ на отступавшихъ, и захватилъ много плѣнныхъ и добычи (1174 г.).

Слѣдовательно, вторичный Кіевскій походъ суздальской рати окончился также печально какъ и походъ Новогородскій. Но и здѣсь на югѣ, какъ и на сѣверѣ, не долго длилось торжество Андреевыхъ враговъ. Кіевскій столъ сдѣлался предметомъ спора между Ярославомъ Луцкимъ, успѣвшимъ занять его, и Святославомъ Черниговскимъ. Смоленскіе Ростиславичи начали раскаяваться въ своей ссорѣ съ Андреемъ, и въ томъ же 1174 году отправили къ нему посольство съ просьбой, чтобы онъ снова посадилъ въ Кіевѣ ихъ брата Романа. Боголюбскій, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило на югѣ, охотно мирился съ Ростиславичами, и велѣлъ сказать имъ: „подождите немного, я послалъ въ Русь къ своимъ братьямъ (Михалку и Всеволоду); когда мнѣ придетъ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ". Такимъ образомъ готова была возобновиться зависимость древняго Кіева отъ молодаго Владиміра на Клязьмѣ. Неожиданное событіе разстроило тѣ отношенія, которыя установлялись между югомъ и сѣверовостокомъ Россіи. Прежде нежели получился обѣщанный отвѣтъ, на югъ пришло извѣстіе о смерти Андрея: онъ палъ отъ руки собственныхъ бояръ въ своемъ Боголюбовѣ, 29 Іюня 1175 года.

По смерти Андрея въ Суздальской землѣ начались распри между его наслѣдниками, и Южная Русь на нѣкоторое время была предоставлена самой себѣ. Тамъ происходила борьба за Кіевъ между смоленскими Ростиславичами и черниговскими Ольговичами. Сначала первымъ удалось вновь посадить въ Кіевѣ своего старшаго брата Романа и удержать за собой важнѣйшіе кіевскіе города; Давидъ по прежнему владѣлъ Вышгородомъ; Рюрикъ занялъ Бѣлгородъ; а младшій братъ Мстиславъ Храбрый былъ призванъ въ Новгородъ Великій, гдѣ онъ вскорѣ

умеръ. Соперникомъ Роману явился упомянутый выше Святославъ Всеволодичъ Черниговскій, внукъ извѣстнаго Олега. Дѣдъ его не былъ великимъ княземъ, но отецъ умеръ на Кіевскомъ столѣ, и Святославъ считалъ Кіевъ своею отчиною. Это былъ настоящій представитель безпокойнаго и честолюбиваго рода Ольговичей. На убѣжденія соперниковъ, что Ольговичи должны сидѣть на своей т. е. на восточной сторонѣ Днѣпра, онъ отвѣчалъ: „я не Угринъ и не Ляхъ; но мы одного дѣда внуки". Онъ нѣсколько разъ захватывалъ Кіевъ съ помощію своихъ родичей черниговосѣверскихъ князей и наемныхъ Половцевъ. Послѣ одного изъ такихъ захватовъ миролюбивый Романъ самъ уступилъ ему Кіевъ по крестному договору, и воротился въ свой Смоленскъ. Но Святославу мало было одного стольнаго города; ему хотѣлось владѣть всей Кіевской землей, т. е. изгнать изъ нея Рюрика и Давида Ростиславичей.

Однажды онъ занимался ловами или охотою на черниговской сторонѣ Днѣпра. Въ тоже время Давидъ съ своей дружиной охотился на кіевской сторонѣ. Святославу показался этотъ случай удобнымъ, чтобы захватить въ свои руки одного изъ соперниковъ. Недавній клятвенный договоръ не стѣснялъ такихъ князей какъ Всеволодичъ. Подумавъ только съ женой и съ любимцемъ, какимъ то Кочкаремъ, не сказавъ ни слова боярамъ, онъ вдругъ съ людьми своими переѣхалъ черезъ Днѣпръ, и внезапно ударилъ на Давидовъ таборъ. Ему удалось дѣйствительно завладѣть таборомъ и перехватать дружину Вышегородскаго князя; но самъ Давидъ съ своей женою успѣлъ броситься въ лодку и уплыть подъ градомъ стрѣлъ, которыя пускали въ него съ берега. Онъ бѣжалъ къ брату Рюрику въ Бѣлгородъ. Слѣдствіемъ такого вѣроломства, разумѣется, была новая война съ Ростиславичами. Послѣдніе опять завладѣли Кіевомъ, и посадили въ немъ уже не Романа, а Рюрика (1180 г.). Но вскорѣ Святославу удалось въ четвертый разъ захватить Кіевъ и на этотъ разъ остаться въ немъ до своей смерти (до 1194 г.). Однако значительную часть Кіевской земли онъ принужденъ былъ уступить своему сопернику Рюрику; примиреніе скрѣплено было бракомъ ихъ дѣтей; въ тече-

ніе всей остальной жизни Святослава два бывшіе соперника пребывали въ мирѣ и союзѣ другъ съ другомъ. Давидъ Ростиславичъ между тѣмъ наслѣдовалъ Смоленскъ по смерти брата Романа.

Согласіе, водворившееся между Ольговичами и Ростиславичами, не замедлило отразиться и на внѣшнихъ дѣлахъ Южной Руси, т. е. на отношеніяхъ ея къ степнымъ варварамъ: борьба съ ними оживилась новою энергіей. Укрѣпясь на Кіевскомъ столѣ, Святославъ Всеволодичъ уже не имѣлъ нужды ласкать своихъ бывшихъ союзниковъ, и мы видимъ цѣлый рядъ удачныхъ походовъ, которые южнорусскіе князья предпринимаютъ общими силами, имѣя во главѣ Святослава и Рюрика. Они громятъ половецкія орды, освобождаютъ изъ рабства многочисленныхъ русскихъ плѣнниковъ, и берутъ въ плѣнъ самихъ половецкихъ хановъ, въ томъ числѣ Кобяка Карлыевича съ двумя сыновьями, Башкорда, Осалука и др. Съ своей стороны Половцы мстятъ русскимъ князьямъ усиленными набѣгами на ихъ земли; для чего собираются большими полчищами.

Славнѣйшимъ изъ половецкихъ хановъ того времени былъ Кончакъ. Русская лѣтопись сохранила любопытное преданіе о его происхожденіи. Когда Владиміръ Мономахъ громилъ Половцевъ въ степяхъ Задонскихъ, то одинъ изъ ихъ хановъ, Отрокъ, бѣжалъ къ Обезамъ за Желѣзныя врата, т. е. на Кавказъ; а другой ханъ, по видимому братъ его, Сырчанъ остался на Дону. Когда же Владиміръ скончался, Сырчанъ послалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Обезы гудца Орева; велѣлъ пѣть половецкія пѣсни брату и уговаривать его къ возвращенію на родину, а, если не послушаетъ, то дать ему понюхать какое то зелье или траву, называемую емшанъ. Гудецъ такъ и сдѣлалъ. Понюхавъ зелья, изгнанникъ заплакалъ, и сказалъ: „да, лучше въ своей землѣ лечь костьми, нежели въ чужой славну быть". Онъ пришелъ на родину, и отъ него то родился Кончакъ, „иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву". Этотъ самый Кончакъ, „окаянный, безбожный и треклятый", какъ называетъ его лѣтопись, пришелъ на Русь съ половецкою ордою

въ 1184 году. Онъ грозилъ пожечь и поплѣнить города русскіе, ибо имѣлъ при себѣ какого то „бесерменина", который стрѣлялъ живымъ огнемъ; кромѣ того, по словамъ лѣтописи у него были метательные снаряды и самострѣльные луки, такіе огромные и тугіе, что 50 человѣкъ едва могли натянуть подобный лукъ (71). Кончакъ остановился на украйнѣ и завелъ переговоры о мирѣ съ Ярославомъ Всеволодичемъ; это былъ младшій братъ Святослава, который передалъ ему свой Черниговскій столъ. Великій князь послалъ сказать брату, чтобъ онъ не вѣрилъ коварнымъ Половцамъ и вмѣстѣ съ нимъ шелъ бы на нихъ войною. Однако Ярославъ уклонился отъ похода подъ предлогомъ своихъ мирныхъ переговоровъ съ Кончакомъ. Святославъ соединился съ Рюрикомъ и поспѣшилъ противъ варваровъ. Старшіе князья съ главными силами шли назади, а впередъ себя („на воропъ", какъ тогда выражались) отрядили нѣсколько младшихъ князей. Послѣдніе встрѣтили на дорогѣ гостей или купцовъ, проѣхавшихъ степи, и узнали отъ нихъ, что Половцы стоятъ на рѣкѣ Хоролѣ подлѣ вала, („шоломя"), который ограждалъ Русскую землю со стороны степей. Младшіе князья внезапно вышли изъ за этого вала, ударили на Половцевъ, и захватили много плѣнныхъ; въ числѣ ихъ привели къ Святославу и того бесерменина, который стрѣлялъ живымъ огнемъ. Когда же подошли старшіе князья, то Кончакъ бѣжалъ въ степи. Это случилось 1-го марта 1185 года, т. е. въ самый новый годъ; такъ какъ Русскіе начало его считали съ марта. Въ погоню за Половцами великій князь отрядилъ 6000 Черныхъ Клобуковъ или Берендѣевъ съ ихъ вождемъ Кунтувдыемъ; но по случаю наступившей распутицы погоня не могла настичь Половцевъ.

Въ этомъ походѣ, кромѣ Ярослава Черниговскаго, не принимали участія и князья Сѣверскіе; послѣдніе не успѣли соединиться съ великимъ княземъ по причинѣ быстроты, съ которою былъ совершенъ его походъ. Въ челѣ сѣверскихъ князей стоялъ тогда его двоюродный братъ Игорь Святославичъ, который уже не разъ отличился въ битвахъ съ Половцами и не далѣе какъ въ 1183 г. пред-

принималъ удачный поискъ въ степи вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Всеволодомъ, сыномъ Владиміромъ и племянникомъ Святославомъ. Тоже самое задумалъ онъ повторить и теперь, послѣ пораженія Кончака на Хоролѣ, куда къ великому его сожалѣнію ему не удалось поспѣть вовремя. Не спросясь главы своего рода Святослава Кіевскаго, онъ рѣшилъ немедленно идти въ степи съ одними сѣверскими дружинами, и въ концѣ апрѣля выступилъ изъ своего стольнаго города. Въ Путивлѣ соединился съ нимъ княжившій въ томъ городѣ сынъ его Владиміръ; сюда пришелъ и племянникъ Святославъ Ольговичъ изъ Рыльска. Двоюродный братъ Ярославъ Черниговскій прислалъ ему на помощь боярина своего Ольстина Олексича съ отрядомъ *Коуевъ*: то были полукочевые народцы, поселенные на южныхъ предѣлахъ Черниговской земли, соплеменники Черныхъ Клобуковъ. Современный поэтъ изображаетъ приготовленія Игоря къ походу слѣдующими словами: „Комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода". Но послѣдній отправился другой дорогой, изъ Курска. Игорь двинулся къ Донцу, перешелъ его, достигъ береговъ Оскола, и здѣсь дождался своего брата, удалаго Всеволода Трубчевскаго. Этотъ походъ четырехъ князей, изъ которыхъ самому старшему было не болѣе 35 лѣтъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ; такъ что, кромѣ довольно подробнаго расказа лѣтописи, онъ сдѣлался предметомъ замѣчательнаго поэтическаго произведенія древней Руси, извѣстнаго подъ именемъ Слова о Полку Игоревѣ.

При самомъ началѣ похода являются недобрыя знаменія, которыя предрекаютъ ему печальный исходъ. Однажды, когда войско приближалось къ Донцу, передъ вечеромъ солнце подернулось какою то мглою, такъ что походило болѣе на мѣсяцъ, и это обстоятельство смутило дружину. Но Игорь старается ее ободрить. Вотъ уже Русь за *шеломянемъ*, т. е. перешла Половецкій валъ и углубилась въ степь. Ратники, высланные впередъ „ловить языка", т. е. на развѣдки, воротились и донесли,

что варвары собираются въ большомъ числѣ и готовятся къ сраженію. „Спѣшите напасть на нихъ — говорили князьямъ развѣдчики—или воротитесь домой, потому что время намъ неблагопріятное“. Но Игорь отвѣчалъ, что воротиться домой безъ битвы будетъ соромъ пуще смерти. Межъ тѣмъ, по словамъ поэта, плотоядные чуютъ близкую поживу: стаи галокъ летятъ къ Дону великому, волки воютъ по оврагамъ, орлы своимъ клектомъ сзываютъ звѣрей на кости, лисицы брешутъ на червленые русскіе щиты.

Половцы собрались отъ мала до велика на берегахъ какой то рѣчки Сююрлея; а вежи свои, т. е. кибитки съ женами, дѣтьми и стадами, отослали далѣе назадъ. Игорь построилъ русское войско въ обычный боевой порядокъ. Оно состояло изъ шести полковъ. Посреди шелъ полкъ Игоря, по правую сторону брата его Всеволода, по лѣвую племянника Святослава; это была главная рать; передъ нею шли Владиміръ Игоревичъ съ своею дружиной и Черниговскій полкъ, т. е. бояринъ Ольстинъ съ Коуями. Шестой отрядъ былъ сборный: его составляли стрѣлки, высланные напередъ отъ всѣхъ пяти полковъ. Русь наступала бодро, покрытая желѣзными кольчугами, пестрѣя красными щитами, подъ сѣнью своихъ стяговъ, развѣваемыхъ вѣтромъ. Передніе отряды устремились на непріятеля; а Игорь и Всеволодъ тихо слѣдовали за ними, „не распуская своего полку“. Половцы не выдержали натиска однѣхъ переднихъ дружинъ и побѣжали. Русь погналась за варварами, достигла до ихъ вежъ, и захватила большой полонъ: дѣвицъ, золото и шелковыя ткани; а половецкихъ кожуховъ, япончицъ и другихъ одеждъ было захвачено столько, что, по словамъ поэта, хоть мосты мости по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. Когда побѣдители расположились станомъ среди половецкихъ вежъ, Игорь началъ говорить князьямъ и боярамъ: не довольно ли этой побѣды и не повернуть ли назадъ прежде, нежели соберутся остальныя орды? Но Святославъ Ольговичъ объявилъ, что онъ съ своей дружиной далеко гнался за Половцами и что его притомленные кони не поспѣютъ за другими полками. Всеволодъ поддержалъ племянника, и рѣшено не спѣшить возвращеніемъ. Молодые князья ве-

селились своею побѣдою, и легкомысленно похвалялись: „Братья наша, которая ходила съ великимъ княземъ Святославомъ, билась съ Половцами смотря на Переяславль; они сами пришли; а къ нимъ князья не смѣли пойти. Мы же побили поганыхъ въ ихъ собственной землѣ; теперь пойдемъ за Донъ, чтобъ истребить ихъ въ конецъ; пойдемъ въ Лукоморье, куда не ходили и дѣды наши". Поощренные успѣхомъ, Сѣверскіе князья, кажется, возымѣли надежду вновь отвоевать свой наслѣдственный Тмутраканскій удѣлъ.

„Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече, залетѣло"—говоритъ поэтъ. А межъ тѣмъ половецкія орды отовсюду спѣшатъ къ мѣсту дѣйствія; пришли два сильнѣйшіе хана, Гзакъ и Кончакъ. На разсвѣтѣ Русь съ изумленіемъ увидала безчисленныя полчища варваровъ, которыя окружили ее подобно густому бору. Князья рѣшили пробиваться въ отечество; но чтобы не покинуть пѣшихъ ратниковъ („черныхъ людей") на жертву врагамъ, доблестные Ольговичи велѣли своей дружинѣ сойти съ коней, и медленно начали отступать, отчаянно сражаясь съ напиравшими со всѣхъ сторонъ варварами. Особенно богатырствовалъ Всеволодъ, котораго поэтъ называетъ то Буй-туромъ, то Яръ-туромъ. Гдѣ онъ повернется, посвѣчивая своимъ золотымъ шеломомъ, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; ихъ шлемы аварскія разбиты стальными мечами и калеными саблями русскими. Дѣло происходило на берегахъ Каялы въ жаркіе майскіе дни; русскія дружины были отрѣзаны отъ воды; люди и кони изнемогали отъ жажды. На третій день битвы, въ воскресенье, Коуи не выдержали и обратились въ бѣгство. Игорь, уже раненый въ руку, поскакалъ за ними, стараясь ихъ остановить, и снялъ шлемъ, чтобы показать имъ свое лице; но тщетно; ему не удалось воротить Коуевъ. Тутъ на обратномъ пути къ своему полку, онъ былъ перехваченъ Половцами и взятъ въ плѣнъ. Всеволодъ, пробившійся наконецъ къ водѣ, изломалъ все свое оружіе о враговъ и также былъ схваченъ ими. Тогда окончилась битва; князья съ остаткомъ дружины разобраны Половцами и разведены по ихъ вежамъ. Игорь достался хану Чил-

буку изъ роду Тарголова, Всеволодъ Роману, сыну Гзака, Святославъ попалъ въ родъ Бурчевичей, а Владиміръ Улашевичей. Пораженіе и плѣнъ смирили гордость Игоря; онъ принялъ ихъ какъ наказаніе Божіе за свои прошлые грѣхи, за многое пролитіе христіанской крови въ междоусобіяхъ съ русскими князьями. Съ сокрушеннымъ сердцемъ вспомнилъ онъ объ одномъ полоцкомъ городѣ, который былъ взятъ на щитъ и подвергся всѣмъ возможнымъ неистовствамъ отъ ратныхъ людей.

Слово о Полку Игоревѣ трогательно изображаетъ печаль и уныніе, которыя разлились по Русской землѣ при извѣстіи о судьбѣ Святославичей. Въ особенности поэтично рисуетъ оно плачь супруги Игоревой въ Путивлѣ на забралѣ или на городской стѣнѣ; съ жалобой на свое горе она обращается къ вѣтру, солнцу и Днѣпру. Супругою его была Евфросинья Ярославна, дочь Галицкаго князя. Несчастный конецъ похода даетъ поэту случай указать на главную причину торжества варваровъ—на рознь и усобицы русскихъ князей; онъ вспоминаетъ о лучшихъ временахъ, о Владимірѣ Мономахѣ, который былъ грозою Половцевъ; говоритъ и о послѣднихъ удачныхъ походахъ Святослава Кіевскаго.

Ничего не вѣдая о предпріятіи сѣверскихъ князей, Святославъ Всеволодичъ изъ Кіева отправился въ свою наслѣдственную область, въ землю Вятичей, чтобы собирать тамъ ратниковъ и припасы; ибо онъ имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ Ростиславичами на все лѣто идти къ Дону и воевать Половцевъ. На обратномъ пути около Новгорода Сѣверскаго великій князь съ неудовольствіемъ узналъ, что двоюродные братья, не испросивъ его согласія, какъ бы тайкомъ, предприняли походъ въ степи. Изъ Новгорода Сѣверскаго онъ на лодкахъ по Деснѣ приплылъ въ Черниговъ, и тутъ достигла до него вѣсть о пораженіи и плѣнѣ его родственниковъ. Земля Сѣверская, въ особенности Посемье, находилась въ большомъ смятеніи; она лишилась своихъ князей и войска; въ рѣдкомъ семействѣ не оплакивали потери кого либо изъ самыхъ близкихъ. Святославъ немедленно принялъ мѣры. Онъ отправилъ своихъ сыновей въ пограничные сѣверскіе города для за-

щиты края отъ варваровъ; въ тоже время послалъ къ Давиду Смоленскому и другимъ князьямъ, напоминая ихъ обѣщаніе идти лѣтомъ на Половцевъ и приглашая поспѣшить походомъ. „Иди, братъ, постереги землю Русскую"— велѣлъ онъ сказать Давиду. Послѣдній дѣйствительно пришелъ съ своими Смольнянами, и вмѣстѣ съ другими князьями сталъ у Треполя; а родной братъ кіевскаго князя Ярославъ собралъ свою рать въ Черниговѣ. Приготовленія эти были весьма своевременны: ибо Половцы, возгордясь своею побѣдою и плѣномъ четырехъ русскихъ князей, сами въ большомъ числѣ двинулись на Русскую землю. Къ счастію между ханами произошла распря. Кончакъ говорилъ: „пойдемъ на Кіевскую сторону: тамъ была избита наша братья и погибъ нашъ славный Бонякъ". А Гзакъ звалъ Половцевъ на Семь, говоря: „тамъ остались только жены и дѣти, для насъ готовый полонъ; возьмемъ города безъ опасенія". Варвары раздѣлились на двѣ части. Одни за Гзаковъ пошли къ Путивлю, повоевали окрестную волость, пожгли села, сожгли острогъ или внѣшнее укрѣпленіе Путивля, но самого города не взяли, и ушли обратно въ степи. А другіе съ Кончакомъ направились къ Переяславлю, и осадили его. Но здѣсь княжилъ мужественный Владиміръ Глѣбовичъ, внукъ Юрія Долгорукаго; онъ сдѣлалъ отчаянную вылазку, былъ тяжело раненъ и едва спасенъ своей дружиной отъ плѣна. Тщетно гонцы Владиміра звали скорѣе на помощь князей, стоявшихъ у Треполя. Святославъ также торопилъ Ростиславичей. Смоленская рать завела распрю съ своимъ княземъ, и начала творить шумныя вѣча: она объявила, что пошла только до Кіева и что теперь изнемогла въ походѣ. Давидъ принужденъ былъ воротиться назадъ. На эту распрю намекаетъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, говоря: „стяги Владиміра (Мономаха) достались Рюрику и Давиду; но знамена ихъ вѣютъ въ разныя стороны". Наконецъ Рюрикъ и другіе, соединясь съ великимъ княземъ, переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и пошли къ Переяславлю. Тогда Половцы оставили осаду этого города; они бросились на Сулу, разорили лежавшія по ней волости, и осадили Римовъ (Ромны). Степные варвары, неукроти-

мые въ грабежѣ и разореніи открытыхъ поселеній, не были искусны въ осадѣ городовъ; но на этотъ разъ несчастный случай помогъ имъ овладѣть Римовымъ. Когда осажденные столпились на забралѣ, подъ ихъ тяжестію обломились изъ него двѣ городни, и упали съ людьми прямо на сторону осаждавшихъ. Тогда варвары вломились въ городъ, и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто уцѣлѣлъ отъ меча; спаслись только тѣ, которые убѣжали въ ближнія болотистыя мѣста и дебри. Послѣ того и Кончакъ ушелъ въ свои степи. Вѣроятно на это его нашествіе и намекаютъ приведенныя выше слова лѣтописца: „иже снесе Сулу".

Игорь Святославичъ проживалъ въ плѣну, въ ожиданіи выкупа или обмѣна. Половцы обращались съ нимъ хорошо, уважая его знатность и мужество, и особенно благодаря поручительству Кончака, который считалъ его сватомъ, потому что прочилъ свою дочь за его сына. Къ Игорю приставили 20 сторожей; но послѣдніе не стѣсняли князя и даже слушались его приказаній; при немъ находились еще пять или шесть собственныхъ слугъ и сынъ его тысяцкаго. Ему позволяли даже выѣзжать по своему желанію и забавляться соколиною охотою. Призванъ былъ изъ Руси и священникъ для совершенія св. службы: Игорь думалъ, что ему еще долго придется быть въ плѣну. Орда, въ которой онъ находился, кочевала этимъ лѣтомъ на берегахъ Тора, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Донца. Между Половцами нашелся нѣкто Овлуръ, который привязался къ князю, и предложилъ бѣжать съ нимъ въ Русь. Князь сначала не рѣшался. Но сынъ тысяцкаго и конюшій князя уговаривали его воспользоваться предложеніемъ; они сообщили Игорю, что Половцы, возвращаясь изъ своихъ несовсѣмъ удачныхъ походовъ на Русь, грозятъ избить плѣнныхъ князей и всю ихъ дружину. Тогда Игорь рѣшился, и послалъ конюшаго сказать Овлуру, чтобы тотъ ждалъ его съ поводнымъ конемъ на другой сторонѣ Тора. Время для побѣга выбрано вечернее. Половецкая стража, напившись своего кумыса, начала играть и веселиться, думая, что князь спитъ. Но онъ не спалъ: усердно помолясь передъ иконой, Игорь приподнялъ заднюю полость шатра, и вышелъ

никѣмъ незамѣченный. Онъ перебрелъ рѣку, сѣлъ на коня, и въ сопровожденіи Овлура поскакалъ на родину. Когда кони были загнаны, пришлось пѣшими пробираться черезъ степь, сохраняя всѣ предосторожности, чтобы укрыться отъ погони. Спустя одиннадцать дней, бѣглецы добрались до пограничнаго русскаго города Донца, откуда Игорь съ торжествомъ поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій. Онъ не замедлилъ посѣтить главу своего рода великаго князя Кіевскаго и поклониться кіевскимъ святынямъ въ благодарность за свое освобожденіе. „Солнце свѣтитъ на небеси — восклицаетъ пѣвецъ Слова, — Игорь князь въ Русской землѣ; дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса черезъ море до Кіева; Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородицѣ Пирогощей; въ странѣ радость, въ народѣ веселье". Года черезъ два воротился изъ плѣна и сынъ Игоря Владиміръ, сопровождаемый дочерью Кончака, съ которою и обвѣнчался. Всеволодъ Трубчевскій и Святославъ Рыльскій также получили свободу ([72]).

Послѣ того борьба съ степными варварами сдѣлалась еще живѣе и упорнѣе. Мы видимъ почти ежегодные походы на Половцевъ. То старые князья Святославъ и Рюрикъ соединенными силами воюютъ кочевниковъ, то посылаютъ на нихъ молодыхъ князей или Черныхъ Клобуковъ съ своими воеводами. Русь разоряетъ половецкія вежи; но и варвары въ свою очередь, улучивъ удобное время, набѣгаютъ на русскія украйны, жгутъ села и уводятъ множество плѣнниковъ. Однако, при всемъ оживленіи, борьба съ ними уже не имѣетъ той силы и энергіи, какъ во времена Мономаха или его сына Мстислава. Вся исторія Святослава Всеволодича показываетъ, что это былъ князь умный и дѣятельный. Благодаря установившимся на время миру и согласію съ главою Ростиславичей, Рюрикомъ, ему удается иногда соединять дружины южнорусскихъ князей для общаго дѣла; но онъ уже не имѣлъ никакого вліянія на остальныя русскія земли. Онъ невсегда могъ внушать единодушіе и самимъ южнымъ князьямъ. Собственный братъ его Ярославъ Черниговскій какъ то неохотно и вяло помогалъ

ему въ предпріятіяхъ противъ Половцевъ. Такъ по его винѣ не удался большой зимній походъ 1187 года. За глубокими снѣгами русская рать пошла не прямымъ путемъ въ степь, а по Днѣпру; когда она достигла рѣки Снопорода (Самары), князья узнали, что половецкія вежи и стада находятся недалеко въ какой то мѣстности, называемой Голубымъ лѣсомъ. Но Ярославъ Черниговскій вдругъ отказался идти далѣе; напрасно Святославъ и Рюрикъ уговаривали его сдѣлать еще переходъ не болѣе какъ въ половину дня. Ярославъ стоялъ на своемъ, отзываясь тѣмъ, что большую часть его рати составляетъ пѣхота, которая очень утомилась; что и такъ они зашли далѣе, чѣмъ было предположено. Вслѣдствіе этой распри князья ни съ чѣмъ воротились домой.

Черные Клобуки, необходимые помощники въ степныхъ походахъ какъ конное войско, не всегда съ одинаковымъ усердіемъ дѣйствовали въ пользу Руси. Случалось, что иногда русскіе князья спѣшатъ отразить набѣгъ какой либо хищной орды; а Черные Клобуки тайкомъ извѣстятъ „своихъ сватовъ" Половцевъ, и тѣ вовремя уйдутъ въ степи съ награбленною добычею и полономъ. Иногда Черные Клобуки просто отказывались идти на ближайшіе къ нимъ половецкіе роды, съ которыми находились въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ; или, взявъ въ плѣнъ половецкаго хана, тайкомъ отъ русскихъ князей, брали съ него выкупъ и отпускали во свояси. Особенно много зла Русской землѣ причинилъ одинъ изъ ихъ старшинъ, упомянутый выше Кунтувдый. Лѣтомъ 1190 года Святославъ и Рюрикъ, пользуясь временнымъ затишьемъ, предприняли вмѣстѣ дальніе ловы; на лодкахъ они отправились по Днѣпру, доѣхали до устья рѣки Тясьмина, и въ окрестностяхъ его убили и наловили множество звѣрей и разной дичи. Весело воротились они домой, и долго праздновали удачную охоту. Въ это время Святославъ велѣлъ схватить и заключить подъ стражу Кунтувдыя; Рюрикъ вступился за него и выпросилъ ему свободу; Кіевскій князь отпустилъ его, взявъ клятву въ вѣрности. Но мстительный торчинъ тотчасъ ушелъ къ Половцамъ, и за тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ съ ними

на Русь, жегъ и грабилъ пограничныя мѣста. Между прочимъ онъ разорилъ городъ какого-то Чурная, вѣроятно одного изъ торкскихъ старшинъ, можетъ быть своего соперника и виновника своей опалы. Месть и набѣги его прекратились только благодаря Рюрику, который уговорилъ Кунтувдыя отстать отъ Половцевъ, и далъ ему во владѣніе городокъ Дверень на рѣкѣ Роси.

Впрочемъ Черные Клобуки не мало оказали услугъ въ нашей борьбѣ съ Половцами. Иногда эти полукочевые народцы, такіе-же жадные къ добычѣ какъ и степные варвары, сами просили князей идти съ ними въ половецкія вежи, чтобы захватить тамъ какъ можно болѣе коней, скота и челяди. Они преимущественно пользовались тѣмъ временемъ, когда Половцы, оставивъ свои вежи и стада, совершали набѣги въ Придунайскія страны. Особенно удачны были предпріятія Черныхъ Клобуковъ подъ начальствомъ Рюрикова сына Ростислава, которому отецъ далъ Торческъ, главный городъ Поросья или южной Кіевской украйны; а здѣсь обыкновенно сажали самыхъ удалыхъ князей, чтобы оберегать Русскую землю отъ варваровъ. Наиболѣе замѣчательный походъ былъ совершенъ имъ въ 1193 году. Зимой этого года онъ занимался ловами около города Чернобыля, когда къ нему явились лучшіе люди отъ Черныхъ Клобуковъ и просили идти съ ними въ степь; такъ какъ обстоятельства были очень благопріятны. Ростиславъ охотно согласился, и поѣхалъ немедленно въ Торческъ собирать свою дружину. Онъ даже не счелъ нужнымъ испрашивать позволеніе у своего отца Рюрика; послѣдній находился тогда въ Овручѣ и готовился къ походу на Литву. Ростиславъ пригласилъ идти вмѣстѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Мстиславича (Удалаго), который держалъ городъ Треполь. Мстиславъ охотно согласился. Съ своими дружинами и Черными Клобуками они налетѣли врасплохъ на половецкія вежи, и отполонили множество скота, коней и челяди: Черные Клобуки очевидно выбрали самое удобное время для этого набѣга. Половцы собрались и пошли въ погоню; но не посмѣли вступить въ открытый бой. Къ Рождеству Ростиславъ воротился въ свой Торческъ; а отсюда отправился къ старшимъ родичамъ съ „сайгатами“, т. е. съ по-

дарками изъ своей добычи: сначала къ отцу Рюрику въ Овручъ, потомъ къ дядѣ Давиду въ Смоленскъ, а оттуда во Владимiръ на Клязьмѣ, къ тестю своему Всеволоду Юрьевичу.

Около того времени въ Суздальской землѣ уже прекратились смуты, вызванныя убiенiемъ Боголюбскаго; Владимiрскiй столъ занималъ младшiй его братъ Всеволодъ III, и подъ его умнымъ, твердымъ управленiемъ Сѣверная Русь снова получила преобладанiе надъ Южною; такъ что южные князья и самъ Кiевскiй принуждены были признать старшинство Всеволода. Такимъ образомъ на Руси существовали уже два великихъ княженiя, одно въ Кiевѣ, другое во Владимiрѣ Клязьменскомъ. Южные князья спѣшили породниться съ могущественнымъ государемъ Суздальскимъ. Между прочимъ Рюрикъ сосваталъ у него дочь Верхуславу за своего сына Ростислава въ 1187 году. Верхуслава имѣла только восемь лѣтъ отъ роду; но подобное обстоятельство не помѣшало брачному союзу, согласно съ обычаями того времени. Всеволодъ отправилъ дочь на югъ съ большою свитою изъ бояръ и ихъ женъ, снабдивъ богатымъ приданымъ, состоявшимъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Отецъ съ матерью провожали ее три переѣзда, и простились съ великими слезами. Вѣнчанiе молодой четы происходило въ Бѣлгородѣ и совершено епископомъ бѣлогородскимъ Максимомъ въ „деревянной" церкви свв. Апостолъ. Свадьба была отпразднована на славу; на ней присутствовало до двадцати князей. Рюрикъ щедро одарилъ свою юную сноху и между прочимъ отдалъ ей городъ Брягинъ; а провожавшихъ ее бояръ отпустилъ въ Суздаль также съ большими подарками. Судя по лѣтописи, эта свадьба вообще произвела впечатлѣнiе на современниковъ и была предметомъ многихъ разговоровъ. Когда Ростиславъ послѣ помянутаго похода на Половцевъ вмѣстѣ съ супругою посѣтилъ своего тестя, Всеволодъ, нѣжно любившiй Верхуславу, цѣлую зиму продержалъ у себя зятя и дочь; послѣ чего проводилъ ихъ съ великою честiю и богатыми дарами.

Между тѣмъ набѣгъ Ростислава въ степь измѣнилъ распоряженiя его отца. Святославъ Кiевскiй прислалъ

сказать Рюрику: „сынъ твой затронулъ Половцевъ и началъ съ ними рать; а ты хочешь идти въ другую сторону, оставивъ свою землю; нѣтъ, иди теперь въ Русь и стереги ее“. Не забудемъ, что Русью въ тѣ времена называлась преимущественно земля Кіевская. Рюрикъ послушалъ, и съ полками своими отправился на южную украйну, отложивъ свой походъ на Литву, которая уже замѣтно начинала тѣснить наши западные предѣлы. Не далѣе какъ лѣтомъ того же 1193 года, т. е. еще до Ростиславова похода, престарѣлый Святославъ пытался заключить прочный миръ съ половецкими ханами, чтобъ отдохнуть отъ непрерывныхъ тревогъ. Онъ и Рюрикъ съѣхались въ Каневѣ, и послали звать хановъ для переговоровъ о мирѣ. Западные или „лукоморскіе“ ханы, Итоглый и Акушъ, дѣйствительно пріѣхали; но восточные, Осолукъ и Изай, изъ рода Бурчевичей, расположились на другомъ берегу Днѣпра противъ Канева, и отказались переѣхать рѣку, приглашая самихъ князей переправиться на ихъ сторону. Князья отвѣчали, что ни при дѣдахъ, ни при отцахъ не было такого обычая, чтобы имъ самимъ ѣздить къ Половцамъ. Хотя Лукоморскіе охотно соглашались на миръ и Рюрикъ совѣтовалъ этимъ воспользоваться; но такъ какъ Бурчевичи упорствовали, то Святославъ сказалъ: „не могу мириться съ одной половиной“. И съѣздъ кончился ничѣмъ.

Это было послѣднее дѣяніе Святослава по отношенію къ степнымъ варварамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ обороны Черниговскихъ и Кіевскихъ предѣловъ, у Святослава и всего рода Ольговичей было еще одно побужденіе, которое двигало ихъ на упорную борьбу со степью. За этою степью, на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, лежалъ ихъ родовой удѣлъ Тмутраканскій, когда то богатая и торговая область, благодаря сосѣдству съ греческими городами въ Тавридѣ и съ Кавказскимъ краемъ. Половецкія орды постепенно отторгли эту область отъ Руси Днѣпровской и загородили къ ней пути ея наслѣдственнымъ князьямъ. Къ этой то Тмутраканской Руси и пытались пробиться внуки Олега Святославича; на что намекаетъ и пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ. Но всѣ попытки окончились не въ пользу русскихъ князей; уже

приходилось думать только о защитѣ ближнихъ украйнъ. А вновь наступившія княжія междоусобія снова дали Половцамъ возможность не только разорять эти украйны безнаказанно, но и грабить самую столицу древней Руси.

Лѣтомъ 1194 года Святославъ Всеволодичъ въ послѣдній разъ предпринималъ путешествіе въ свой наслѣдственный удѣлъ, землю Вятичей. Тамъ въ Карачевѣ происходилъ его съѣздъ съ черниговскими и сѣверскими родственниками: сюда пріѣхали родной его братъ Ярославъ и двоюродные Игорь со Всеволодомъ; два послѣдніе были никто иные какъ извѣстные герои Слова о Полку Игоревѣ. У Ольговичей возникли какіе то споры съ рязанскими князьями за пограничныя волости. Они рѣшили соединенными силами идти на Рязанцевъ; но такъ какъ рязанскіе князья въ то время находились въ зависимости отъ Суздальскаго, то безъ его позволенія Ольговичи не смѣли начать войну. Святославъ отправилъ изъ Карачева гонцовъ испросить это позволеніе; но получилъ отказъ. Престарѣлый князь возвращался изъ своего путешествія совсѣмъ больной. Приближался праздникъ Бориса и Глѣба, и Святославъ на пути къ столицѣ заѣхалъ въ Вышгородъ, чтобы помолиться надъ мощами свв. братьевъ и облобызать ихъ раку. Здѣсь въ притворѣ Борисоглѣбской церкви былъ погребенъ отецъ его Всеволодъ Ольговичъ; но священникъ случился въ отсутствіи вмѣстѣ съ ключемъ отъ притвора, и Святославу не удалось поклониться отцовскому гробу. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, будучи уже близокъ къ смерти, и остановился въ княжемъ теремѣ на Новомъ дворѣ, близъ монастыря св. Кирилла, который былъ основанъ его отцемъ и имѣлъ придѣлъ во имя Бориса и Глѣба. Въ этомъ теремѣ онъ справилъ праздникъ свв. мучениковъ (24 іюля); такъ какъ былъ уже не въ состояніи выдти въ церковь. На слѣдующій день онъ получилъ извѣстіе, что въ Кіевъ ѣдутъ сваты отъ греческаго царевича за невѣстой послѣдняго Евфиміей Глѣбовной, внучкой Святослава ([73]). Великій князь отправилъ ему на встрѣчу кіевскихъ бояръ, а самъ все болѣе ослабѣвалъ. „Когда будутъ свв. Макавеи"?—спросилъ онъ свою супругу: это былъ день кончины его от-

ца. „Въ понедѣльникъ“ — отвѣчала княгиня. „Я уже не дождусь“ — замѣтилъ онъ. Передъ смертью Святославъ приказалъ постричь себя въ иноки. Его погребли въ Кирилловомъ монастырѣ.

Между Святославомъ Всеволодичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ существовалъ договоръ, въ силу котораго Кіевскій столъ по смерти перваго долженъ былъ перейти ко второму. Вѣрный этому договору, Святославъ передъ кончиною своею послалъ гонца въ Овручъ къ Рюрику, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Кіевъ. Его торжественно встрѣтили съ крестнымъ ходомъ митрополитъ, духовенство и Кіевскій народъ, и проводили въ св. Софію, гдѣ и былъ совершенъ обрядъ посаженія на великокняжескій столъ. Но все это совершилось не иначе какъ съ согласія великаго князя Владиміро-Суздальскаго: послѣдній прислалъ и своихъ мужей, чтобы утвердить Рюрика на Кіевскомъ столѣ. Ростиславичи признали старшинство Всеволода въ цѣломъ родѣ Мономаха, и Всеволодъ III могъ бы самъ занять Кіевъ; но онъ шелъ по стопамъ своего старшаго брата Андрея Боголюбскаго, и предпочиталъ оставаться на сѣверѣ, а Кіевъ держать отъ себя въ зависимости.

Перемѣщеніе старшаго князя на Кіевскій столъ обыкновенно вело за собою и перемѣщеніе его родственниковъ, которые передвигались на лучшіе столы по мѣрѣ своей близости къ Кіевскому князю. Изъ Ростиславичей кромѣ Рюрика оставался еще въ живыхъ братъ его Давидъ Смоленскій. Въ слѣдующемъ 1195 году Рюрикъ призвалъ его въ Кіевъ, чтобы съ обоюднаго согласія устроить дѣла своего рода, „подумать о Володимірѣ племени“. Самымъ существеннымъ дѣломъ для князей того времени былъ конечно вопросъ о волостяхъ. Давидъ съ смоленскими мужами приплылъ въ ладьяхъ Днѣпромъ, и въ среду на „русальной“ недѣлѣ (т. е. послѣ Троицына дня) остановился въ Вышгородѣ, который прежде былъ его удѣльнымъ столомъ. Начался рядъ взаимныхъ угощеній и подарковъ. Сначала Рюрикъ позвалъ Давида съ Смольнянами къ себѣ на обѣдъ, и одарилъ его. За тѣмъ сынъ Рюрика Ростиславъ принималъ Давида у себя въ Бѣлгородѣ, и также поднесъ

ему подарки. Въ свою очередь Давидъ позвалъ брата съ дѣтьми въ Вышгородъ, угостилъ ихъ, и отдарилъ съ своей стороны. Кончились пиры княжіе, началось угощеніе духовенства и народа. Давидъ собралъ къ себѣ чернецовъ, накормилъ ихъ и одѣлилъ подарками; при чемъ онъ роздалъ щедрую милостыню нищей братіи; потомъ дарилъ и угощалъ Черныхъ Клобуковъ, которые при этомъ, по обычаю своему, сильно подпили. Кіевскіе граждане устроили великую братчину для Смоленскаго князя и его мужей; при чемъ также подносили дары. Давидъ не остался въ долгу, и устроилъ веселый пиръ для Кіевлянъ. Кончились пиры и бражничанье; князья приступили къ „ряду", т. е. къ уговору о волостяхъ и другихъ дѣлахъ. Въ числѣ послѣднихъ конечно важное мѣсто занимали оборонительныя мѣры противъ Половцевъ, а также и противъ черниговскихъ Ольговичей, которые не покидали своихъ притязаній на кіевскіе удѣлы. Что касается до Смоленскаго князя, то онъ въ эту эпоху находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, князьямъ Полоцкимъ, у которыхъ Смоленскіе старались отнять ближайшій къ себѣ Витебскій удѣлъ. Уладивъ всѣ дѣла съ братомъ, Давидъ воротился въ свой Смоленскъ.

Такое мирное и веселое водвореніе Рюрика въ Кіевѣ повидимому предвѣщало ему спокойное обладаніе великокняжимъ столомъ. Онъ находился въ родствѣ и дружбѣ съ тремя главными представителями Мономахова рода. Сильный Суздальскій князь былъ его свойкомъ и самъ утвердилъ его на Кіевскомъ столѣ; Смоленскою землею владѣлъ родной братъ Давидъ; а во Владимірѣ Волынскомъ сидѣлъ двоюродный племянникъ Романъ Мстиславичъ, женатый на его дочери, слѣдовательно и зять его, тотъ самый Романъ, который въ юности своей отразилъ отъ Новгорода многочисленную рать Андрея Боголюбскаго. Чтобы удовлетворить честолюбію этого зятя и имѣть въ немъ надежную опору противъ степныхъ варваровъ и черниговскихъ Ольговичей, Рюрикъ отдалъ ему Поросье или землю Черныхъ Клобуковъ съ ея важнѣйшими городами, каковы: Торческъ,

Треполь, Корсунь. Богуславъ и Каневъ; а сына своего Ростислава изъ Поросья перевелъ въ Бѣлгородъ. Но счастливому началу Рюрикова княженія совсѣмъ не соотвѣтствовала его дальнѣйшая судьба. Княженіе это было одно изъ самыхъ тревожныхъ, одно изъ самыхъ злополучныхъ для Кіевской земли, особенно для древней русской столицы. Поводомъ къ ссорамъ послужила упомянутая отдача Поросья Роману Волынскому. Суздальскій князь былъ недоволенъ тѣснымъ союзомъ Рюрика съ Романомъ. Въ лицѣ Волынскаго князя въ то время возникла новая сила, которая грозила воспрепятствовать преобладанію Сѣверной Россіи надъ Южною. Располагая Волынскою землею, Романъ стремился овладѣть еще и Галицкою. Имѣя такого сильнаго союзника, Кіевскій князь могъ освободиться отъ суздальскаго вліянія; чего Всеволодъ конечно не желалъ. Онъ задумалъ перессорить между собою двухъ союзниковъ, и сдѣлалъ это очень ловко.

Еще въ томъ же 1195 г. Всеволодъ прислалъ къ Рюрику своихъ бояръ съ упрекомъ, что тотъ одѣлилъ младшихъ князей русскими городами, а ему, Всеволоду, старшему во всемъ Владиміровомъ племени, не далъ никакой части въ Русской землѣ. Онъ пожелалъ имѣть тѣ именно города, которые были отданы Роману Волынскому. Рюрикъ находился въ затрудненіи; такъ какъ Романъ взялъ съ него присягу никому не отдавать этихъ городовъ. Кіевскій князь началъ думать съ своими боярами о томъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ; рѣшено послать ко Всеволоду съ предложеніемъ иной волости. Но Суздальскій князь требовалъ непремѣнно Поросья и грозилъ войною. Рюрикъ обратился къ митрополиту Никифору за совѣтомъ; митрополитъ отвѣчалъ, что его долгъ удерживать князей отъ кровопролитія; онъ разрѣшилъ Рюрика отъ присяги, и совѣтовалъ ему удовлетворить требованіе старѣйшаго князя, а Роману дать иную волость. Такъ и было поступлено. Духовенство постаралось убѣдить и Волынскаго князя; послѣдній изъявилъ готовность удовольствоваться другимъ надѣломъ или получить вознагражденіе кунами (деньгами). Но Всеволодъ совсѣмъ не желалъ такого исхода. Онъ послалъ въ города Поросья сво-

ихъ посадниковъ, а главный изъ нихъ Торческъ возвратилъ зятю своему Ростиславу, сыну Рюрика. Расчетъ его оказался вѣренъ. Романъ началъ обвинять своего тестя въ томъ, что все это дѣло о Поросьѣ затѣяно по предварительному уговору Всеволода съ самимъ Кіевскимъ княземъ, чтобы доставить Торческъ его сыну. Отсюда возникла распря, которая перешла въ междоусобіе.

Естественными союзниками Романа явились Ольговичи. Представители Мономахова племени, Рюрикъ и Всеволодъ, хотѣли обезпечить за своимъ родомъ Кіевскую землю, и потребовали отъ Черниговскихъ князей такого договора, по которому тѣ должны были навсегда отказаться отъ притязаній на Кіевъ и довольствоваться правою стороною Днѣпра на основаніи раздѣла, произведеннаго еще Ярославомъ I. Но Ольговичи энергически отказались исполнить подобное требованіе. „Мы не Угры и не Ляхи—повторяли они, — но одного дѣда внуки; при вашей жизни не ищемъ Кіева; а послѣ васъ кому Богъ дастъ". Рюрикъ началъ готовиться къ борьбѣ, призывая на помощь Всеволода Суздальскаго и брата своего Давида Смоленскаго. А Ольговичи нашли себѣ еще союзниковъ въ Полоцкихъ князьяхъ, которые враждовали съ Смоленскими изъ за Витебска. Междоусобныя войны закипѣли въ разныхъ концахъ Руси: въ землѣ Кіевской и Черниговo-Сѣверской, Смоленской и Полоцкой, на Волыни и въ Галичѣ. Защита русскихъ предѣловъ отъ Половцевъ отошла на задній планъ; напротивъ варвары снова получили возможность грабить Русь въ качествѣ союзныхъ полчищъ. Самъ Рюрикъ подавалъ тому примѣръ: онъ былъ женатъ на половецкой княжнѣ, и слѣдовательно имѣлъ свояковъ между ханами. Только Всеволодъ Суздальскій и Романъ Волынскій своими походами въ степи напомнили варварамъ времена прежнихъ погромовъ.

Будучи главнымъ виновникомъ междоусобій, Всеволодъ III не оказывалъ большой помощи Рюрику и вообще мало прилагалъ старанія прекратить кровопролитіе и разореніе, охватившія южную половину Россіи. По временамъ въ томъ или другомъ краю воюющія стороны заключали миръ, утверждали его присягою и крестнымъ

грамотами, но только для того, чтобы, отдохнувъ немного, при первомъ удобномъ случаѣ вновь начать междоусобную брань. Въ теченіе этого времени взаимныя отношенія князей нерѣдко мѣнялись: союзники становились врагами и на оборотъ. Впрочемъ перемѣны въ союзахъ большею частію имѣли тотъ смыслъ, что направлялись къ развитію и поддержанію нѣкотораго политическаго равновѣсія: едва какой либо изъ князей усиливался настолько, что становился опасенъ для другихъ, какъ союзники спѣшили его оставить и переходили на сторону его противниковъ.

Романъ Волынскій, достигшій наконецъ цѣли своихъ долгихъ стремленій, т. е. обладанія Галичемъ, въ 1202 году изгналъ изъ Кіева Рюрика. Послѣдняго на этотъ разъ поддерживали сами Ольговичи, съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на соединеніе Галича и Волыни въ рукахъ одного князя: между тѣмъ какъ Всеволодъ III находился уже въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Рюрикомъ. Кіевляне сами отворили Роману ворота Подола или своего Нижняго города. Но, подобно Суздальскому, Галицко-Волынскій князь заботился главнымъ образомъ о расширеніи и усиленіи собственной земли, въ которой онъ былъ наслѣдственнымъ и полнымъ хозяиномъ, и не показывалъ желанія самому занимать непрочный столъ Кіевскій. Съ согласія Всеволода III онъ посадилъ здѣсь своего двоюроднаго брата (Ингваря Луцкаго). Рюрикъ удалился въ Овручъ. Но въ слѣдующемъ году, соединясь съ Ольговичами, съ Кончакомъ и другими половецкими ханами, онъ взялъ Кіевъ приступомъ, и забывъ всякую совѣсть, отдалъ его на разграбленіе степнымъ союзникамъ, вмѣсто платы за ихъ услуги и въ отмщеніе Кіевлянамъ, которые измѣнили ему въ прошломъ году. Варвары съ неистовствомъ принялись грабить и жечь не одинъ Подолъ, но и Верхній городъ. Даже св. Софія, Десятинный храмъ и монастыри подверглись общей участи. Половцы забрали изъ церквей драгоцѣнные сосуды и кресты; обдирали оклады съ иконъ и богослужебныхъ книгъ; сняли и дорогія одежды старыхъ князей, которые имѣли обыкновеніе вѣшать ихъ въ храмахъ на память о себѣ. Кромѣ того вар-

вары захватили въ полонъ множество жителей, особенно юношей и дѣвицъ, не щадя самихъ чернецовъ и монахинь, и увели ихъ въ свои вежи. Уцѣлѣли только иноземные или варяжскіе гости, которые заперлись съ товаромъ въ своихъ каменныхъ церквахъ, и варвары удовольствовались тѣмъ, что гости выдали имъ половину товара. Это было второе послѣ 1169 г. взятіе и разграбленіе матери русскихъ городовъ. По замѣчанію лѣтописца, оно было еще горше перваго; что весьма понятно: тогда непріятели, грабившіе городъ, были русскіе и православные, которые не могли свирѣпствовать съ такимъ неистовствомъ какъ степные дикари. Послѣ этого втораго разоренія богатство и значеніе древняго Кіева упали еще болѣе.

Доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ судьбы Кіевскаго княженія до нашествія Татаръ.

Еще въ томъ же 1203 году Романъ Волынскій снова пришелъ на Рюрика, который, не довѣряя Кіевлянамъ, заперся въ своемъ Овручѣ. Князья помирились. Рюрикъ пожертвовалъ своимъ союзомъ съ Ольговичами; а Романъ оставилъ за нимъ Кіевъ, но не иначе какъ получивъ на то согласіе Всеволода, котораго они по прежнему признавали старѣйшимъ въ родѣ Мономаха. Не долго однако длилось это примиреніе. Вслѣдъ за тѣмъ князья ходили вмѣстѣ на Половцевъ, и на обратномъ пути, остановясь въ Треполѣ, заспорили о волостяхъ. Тутъ Романъ схватилъ Рюрика, и велѣлъ постричь его въ монахи, а также постригъ его супругу и дочь (свою бывшую жену). На Кіевскомъ столѣ онъ по желанію Всеволода III посадилъ его зятя, извѣстнаго Ростислава Рюриковича.

Въ 1205 году Романъ Галицкій погибъ въ войнѣ съ Поляками. Тогда Рюрикъ немедленно снялъ съ себя монашескую одежду, и снова занялъ великокняжескій столъ вмѣсто своего сына. Онъ хотѣлъ разстричь и супругу свою; но та поспѣшила принять схиму. И на этотъ разъ Рюрику не удалось спокойно владѣть Кіевомъ: соперникомъ ему явился сосѣдній князь Черниговскій. Въ родѣ Ольговичей строже чѣмъ гдѣ либо соблюдался порядокъ старшинства при занятіи главнаго стола. Когда умеръ Ярославъ Всеволодичъ (1198 г.) на Черниговскомъ сто-

лѣ сѣлъ его двоюродный братъ Игорь Святославичъ, князь Новгорода Сѣверскаго, герой Слова о Полку Игоревѣ. Но спустя четыре года онъ также скончался; старшинство въ родѣ Ольговичей принадлежало теперь Всеволоду Чермному, сыну Святослава Всеволодича, бывшаго Кіевскаго князя, и Чермный безпрепятственно занялъ Черниговскій столъ. По характеру своему этотъ князь былъ истиннымъ представителемъ своего рода. Не довольствуясь Черниговымъ, онъ, по смерти Романа Галицкаго, предъявилъ свои притязанія на Кіевъ, гдѣ сидѣли и отецъ его, и дѣдъ; съ помощію наемныхъ Половцевъ Чермный не разъ изгонялъ несчастнаго Рюрика изъ Кіева. Всеволодъ Суздальскій рѣшился наконецъ вооруженною рукою напомнить Ольговичамъ, что Кіевскимъ столомъ нельзя распоряжаться безъ его соизволенія, и въ 1207 году предпринялъ походъ на югъ. На помощь къ нему пришли его подручники князья Рязанскіе. Но до великаго князя дошелъ слухъ, будто бы послѣдніе замышляютъ измѣну и пересылаются съ Черниговскими; тогда онъ велѣлъ ихъ схватить, и вмѣсто Черниговской земли повернулъ въ Рязанскую, чтобы окончательно покорить ее своей власти. Однако уже самое намѣреніе Суздальскаго князя идти на Черниговъ устрашило Ольговичей; они изъявили покорность Всеволоду III, съ согласія котораго Чермный получилъ Кіевъ, а Рюрикъ сѣлъ на его мѣсто въ Черниговѣ (1210 г.). Такое необычное перемѣщеніе напомнило времена первыхъ Ярославичей; оно объясняется неудовольствіемъ Суздальскаго князя на Ростиславичей Смоленскихъ. Но этотъ порядокъ не могъ быть проченъ. Спустя два года, скончался Всеволодъ III; Суздальская земля раздробилась между его потомствомъ; тамъ наступили смуты, подобныя тѣмъ, которыя были послѣ смерти Андрея Боголюбскаго; почему снова утрачено было вліяніе Владиміра Клязьменскаго на судьбы Кіева, и югъ Россіи снова предоставленъ самому себѣ. Здѣсь не замедлила возобновиться борьба Ростиславичей съ Ольговичами изъ за Кіевскаго стола. Рюрикъ между тѣмъ умеръ; но на помощь Ростиславичамъ пришелъ изъ Новгорода его племянникъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ выгналъ Всеволода Чермнаго изъ Кіева, и посадилъ въ немъ сво-

его двоюроднаго брата Мстислава Романовича Смоленскаго (1214 г.). Этотъ Мстиславъ Романовичъ находился въ числѣ князей, погибшихъ въ несчастной битвѣ на Калкѣ ([74]).

Посреди описанныхъ междукняжескихъ отношеній все болѣе и болѣе вырабатывалась отдѣльность русскихъ областей, при помощи разнообразія въ характерѣ населенія и въ другихъ мѣстныхъ условіяхъ. Каждая изъ этихъ областей начинала жить своею собственною исторической жизнію, имѣя во главѣ особую вѣтвь княжаго дома. Каждая изъ этихъ вѣтвей болѣе или менѣе сохраняетъ тотъ же обычный порядокъ старшинства, изъ за котораго иногда возникаетъ такое же соперничество, какое происходило изъ за Кіева. А послѣдній между тѣмъ окончательно терялъ свое значеніе старѣйшаго стола. Будучи постоянно яблокомъ раздора между разными поколѣніями Игоревичей, онъ не утвердился ни за однимъ изъ нихъ. Мало того, онъ достается иногда уже не старшимъ князьямъ, а ихъ младшимъ родственникамъ. Сила и значеніе кіевскаго князя опредѣляются уже не самимъ Кіевскимъ столомъ, а тѣми родовыми, наслѣдственными волостями, которыми этотъ князь располагалъ. Однако Кіевъ все еще продолжалъ быть посредствующимъ звеномъ, которое связывало отдѣльныя и даже отдаленныя части Россіи. Онъ все еще служилъ главнѣйшимъ средоточіемъ древнерусской образованности; пока не надвинула съ востока новая темная сила, и въ конецъ не разрушила матери русскихъ городовъ.

Свои домашнія дѣла и неустанная борьба съ сосѣдями не мѣшали русскимъ людямъ того времени съ участіемъ слѣдить за важными событіями на юговостокѣ Европы и жить общими политическими интересами съ другими европейцами. Греческая имперія была для древней Руси главнымъ источникомъ просвѣщенія. Князья наши постоянно находились въ родственныхъ и дружескихъ связяхъ съ византійскими государями и принцами; Греція снабжала насъ іерархами; отъ насъ отправлялись въ нее торговцы и многочисленные паломники. Отсюда понятно то живое участіе, съ которымъ Русь относилась къ судьбамъ

Византіи, къ Святой землѣ и къ великому движенію западноевропейскихъ народовъ въ ту сторону, т. е. къ Крестовымъ походамъ. Подъ 1190 годомъ Кіевскій лѣтописецъ съ прискорбіемъ говоритъ о завоеваніи Іерусалима невѣрными Агарянами, т. е. султаномъ Саладиномъ, и о гибели крестоноснаго императора Фридриха Барбаруссы. А четырнадцать лѣтъ спустя, совершилось событіе, которое видимо поразило умы русскихъ людей: пришло извѣстіе, что самый Царьградъ завоеванъ и частію сожженъ Фрягами или Латинами; а его великолѣпные храмы подверглись разграбленію, начиная съ чудной Софіи и Влахернской Богородицы. Лѣтопись Новогородская оставила намъ довольно подробный расказъ объ этомъ погромѣ, который случился почти одновременно со вторымъ взятіемъ и разграбленіемъ нашей древней столицы. „Такъ погибло царство богохранимаго града Константинова — заключаетъ сѣверорусскій лѣтописецъ; — распрями царей погублена земля Греческая, и нынѣ обладаютъ ею Фряги“ ([75]).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

[1]) Petri Gyllii de Topographia Constantinopoleos et de illius antiquitatibus. (*Бандури*—Imperium Orientale. T. I). Дюканжа—Constantinopolis christiana. *Лабарта*—Palais imperiale de Constantinople et ses abords. Paris. 1861. (см. также статью о немъ Дидрона въ Annales Archeologiques. T. XXI. 1861). Образцы софійскихъ мозаикъ и реставрація самаго храма въ великолѣпномъ изданіи *Зальценберга*: Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel. Berlin. 1854. Также см. „Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь по русскимъ паломникамъ" архим. *Леонида* въ Чт. Об. И. и Д. 1870. кн. 4-я. Для топографіи Константинополя и Боспора я руководствовался отчасти и своимъ личнымъ знакомствомъ.

[2]) *Четыре бесѣды Фотія*, изданные архм. Порфир. Успенскимъ. Спб. 1864. Никиты Давида—Vita s. Ignatii Cp. Archiep. (Acta Conciliorum. Edit. Harduin. Parisiis. 1764. V. 943—1010. Перепечатано у аббата Миня въ его Patrologiae t. CV). Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon. Ed. Muralt. Petropoli. MDCCCLIX. 736. Leo Grammaticus. Ed. Bon. 240. Continuator Theophanis. 196. Symeon Logotheta. 674. Cedrenus. II. 179. Zonaras. ed. Paris. II. 162. Chronicon venetum. Pertz, VII. 18. и Muratori XII. 181. Stritteri Memoriae Populorum II. 957. Русская лѣтопись. Послѣдняя въ этомъ случаѣ впрочемъ не представляетъ самостоятельнаго извѣстія, а беретъ его буквально изъ хроники Амартола; отъ себя она прибавляетъ только имена предводителей Руси, Оскольда и Дира—лица очевидно вымышленныя или относящіяся къ другому времени. Въ Кіевѣ существовали два урочища: „Аскольдова могила" и „Дирова могигила". Онѣ то вѣроятно и подали поводъ къ баснѣ объ этихъ двухъ лицахъ. Въ изложеніи событія мы держались преимущественно двухъ первыхъ бесѣдъ Фотія, относящихся къ нападенію Россовъ; это свидѣтельство очевидца. На его словахъ мы основываемъ неточность позднѣйшихъ расказовъ (продолжателя Амартола, Льва Граматика и Симеона Логоѳета) о прибытіи Михаила III въ столицу окруженную варварами, о погруженіи ризы Богородицы въ море и возставшей послѣ того бурѣ, которая разметала русскія суда. Къ тому же

и Венеціанская хроника Іоанна Діакона, писавшаго въ началѣ XI вѣка, прибавляетъ, что варвары (которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ *сѣверныхъ народовъ*—Normannorum gentes) возвратились со славою (cum triumpho regressa est). Византійскіе историки не опредѣляютъ точной хронологіи этого событія; только Симеонъ Логоѳетъ говоритъ, что оно произошло въ 10-мъ году Михаилова царствованія, а Русская лѣтопись относитъ его къ 14-му году этого царствованія. Соображая всѣ обстоятельства, нашествіе Руси надобно отнести къ веснѣ 864 или вѣроятнѣе 865 года. См. о томъ у Байера (De Russorum prima expeditione Constantinopolitana, въ Комментаріяхъ Академіи Н. Т. VI.), Шлёцера (Несторъ. Т. II), Карамзина (къ т. I. Прим. 283) и архим. Успенскаго (62). Число русскихъ судовъ также въ точности неизвѣстно; по хроникѣ Амартола ихъ было 200 (откуда тоже число перешло и въ русс. лѣтопись), а по хроникѣ Венеціанской 360. И то, и другое число безъ сомнѣнія гадательное. Полагая среднимъ счетомъ по 50 человѣкъ на ладью, въ первомъ случаѣ мы получимъ до 10.000 человѣкъ, а во второмъ до 18.000. Послѣднее число представляетъ болѣе вѣроятія, если взять въ расчетъ осаду такого большаго города какъ Константинополь.

Что касается до расказа о погруженіи ризы Богородицы въ море и возставшей потомъ бурѣ, которая разметала суда Руссовъ, то въ этомъ случаѣ продолжатели Ѳеофана и Амартола по всей вѣроятности смѣшали нападеніе Руси 865 года съ преданіемъ объ осадѣ Константинополя Аварами въ 626 году, во время войны императора Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Это преданіе также повѣствуетъ, что патріархъ взялъ ризу Богоматери изъ Влахернскаго храма и съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ погрузилъ ее въ Золотой Рогъ; послѣ чего возстала страшная буря, которая уничтожила ладьи Славянъ, союзниковъ Аваръ, и такъ устрашила Аварскаго кагана, что онъ снялъ осаду. (См. у Миня въ его Patrologia graeca. t. CLXII—De Abarum et Persarum adversus Byzantium incursione sub Heraclio imperatore deque eorum Deiparae intercedente, turpi recessu. Также Chronicon Paschale и Cedrenus). По поводу этого избавленія отъ Аваръ конечно была сочинена церковная греческая пѣснь „Взбранной воеводѣ побѣдительная“, а не по поводу избавленія отъ Руси въ 865 г., какъ нѣкоторые думаютъ. Тоже преданіе о погруженіи въ море ризы Богородицы и внезапной бурѣ, устрашившей непріятеля, повторяется по поводу нападенія на Константинополь во время иконоборства. (См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI. на стр. 358 Сказаніе діакона Александра о Царьградѣ, и т. VII. Воскресн. лѣтоп. подъ 1204 г.).

[3]) Относительно крещенія Руси въ эту эпоху имѣемъ разныя свидѣтельства: а, Fotius.—Encyclia epistola ad archiepiscopales per Orientem obtinentes (см. Baronii Annales Eccl.

XIV., Comment. Acad. Scient. Petrop. VI. и Шлецера II. 40). b. Ordo dispositus per imp. Leonem Sapientem (Codini de Officüs). c, Constantinus Porphirogenitus — De vita Basilii (Ed. Bon. Theophanes continuatus). d, Cedrenus. e, Zonaras. f, Glycas. g, Anonymus Bandurïi (Imper. Orient. Animadversiones in librum Const. Parphyr. II. 112—116). h, Русская лѣтопись по Никонову списку. Сводъ разныхъ свидѣтельствъ см. въ особенности у архим. Макарія въ „Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра". стр. 261 перв. изданія и далѣе и у Куника Die Berufung der Schwedischen Rodsen. II. 355 и далѣе. Наиболѣе достовѣрнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ мы считаемъ современное посланіе Фотія. Затѣмъ имѣетъ значеніе свидѣтельство императора Льва Философа, который въ своемъ Порядкѣ митрополій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху на 61-мъ мѣстѣ ставитъ Русь (Ῥωσία), рядомъ съ Аланіей. Свидѣтельство Константина Багрянороднаго уже имѣетъ легендарную примѣсь. Онъ расказываетъ о чудѣ съ Евангеліемъ: присланный Греками, архіепископъ по требованію невѣрной Руси положилъ въ огонь Евангеліе, которое осталось невредимо, и тогда только Русь увѣровала. Кедренъ, Зонара и Глика вкратцѣ передаютъ извѣстіе, заимствованное у Константина. Тоже извѣстіе съ прибавленіемъ новыхъ легендъ является въ позднѣйшей передачѣ у Анонима Бандури. Вотъ его содержаніе: Русское посольство посѣщаетъ Римъ, и, возвратясь, предлагаетъ своему князю принять католическую религію. Но бояре совѣтуютъ ему послать еще въ Константинополь, что бы посмотрѣть греческое богослуженіе. Князь отправляетъ туда тѣхъ же четырехъ мужей. Они поражены красотою св. Софіи и патріаршимъ служеніемъ, и по возвращеніи въ отечество отдаютъ предпочтеніе Греческой вѣрѣ передъ Римскою. Князь обращается къ императору Василію Македонянину съ просьбою прислать епископа для крещенія народа и наставленія въ вѣрѣ. Императоръ посылаетъ епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аѳанасіемъ. Они начинаютъ учить народъ, и устрояютъ для него славянскую азбуку. Затѣмъ слѣдуетъ чудо съ Евангеліемъ, положеннымъ въ огонь. Эти легенды встрѣчаются и въ русскихъ лѣтописяхъ, но раздѣльно: посольство для испытанія вѣры отнесено къ Владиміру; а чудо съ Евангеліемъ, занесенное въ Никоновъ сводъ, связано съ крещеніемъ Руси, нападавшей на Царьградъ въ 865 году. Съ этимъ первымъ крещеніемъ Руси нѣкоторые ученые связываютъ чудесныя событія, заключающіяся въ жизнеописаніяхъ двухъ греческихъ епископовъ, Георгія Амастрійскаго и Стефана Сурожскаго. Болѣе вѣроятнымъ въ этомъ случаѣ является связь съ первымъ, т. е. съ жизнеописаніемъ Георгія. (См. о томъ Куника Die Berufung).

Соображенія о началѣ русскаго христіанства въ Крыму и на Тамани, о происхожденіи Славянской Кирилло-Меѳодіевской письменности и вообще объ отношеніи Русской начальной исторіи къ Бол-

гарской см. въ моихъ изслѣдованіяхъ: „О славянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ“ и „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ“ *(Разысканія о началѣ Руси)*.

[4]) Constantini Porphirogeniti De administrando imperio. cap. IX. Константинъ приводитъ двѣ параллели въ названіи городовъ: Русскія и Славянскія. Къ первымъ онъ относитъ Ульборси, Айфаръ, Варуфоросъ, Леанти и Струвунъ, ко вторымъ Островунипрагъ, Неясыть, Вульнипрагъ, Веручи и Напрези. Кромѣ того два порога имѣютъ общее названіе, т. е. безъ параллели: Есупи и Геландри. Долгое время историки и филологи пытались объяснять русскія названія изъ Скандинавскихъ языковъ (Напр. см. о Днѣпровскихъ порогахъ въ „Изслѣдованіяхъ“ Лерберга). Но въ настоящее время, когда мы убѣдились, что около тѣхъ же мѣстъ обитали племена Болгарскія, намъ сдѣлалось понятнымъ происхожденіе двухъ параллелей: первая или древнѣйшая принадлежитъ собственно Руси, а вторая Болгарамъ-Угличамъ. (См. „Еще о Норманизмѣ“ и другія мои статьи по Варяжскому и Болгарскому вопросу въ *Разыск. о началѣ Руси*). Около Днѣпровскихъ пороговъ были находимы золотыя византійскія монеты, которыя восходятъ до VI вѣка включительно (О древностяхъ Южн. Россіи. Гр. Уварова); что ясно свидѣтельствуетъ о давнихъ сношеніяхъ Днѣпровской Руси съ Греками и указываетъ на ту древность, къ которой могутъ быть отнесены русскія названія пороговъ.

Относительно плаванія Руси изъ Кіева въ Тавриду и на Тамань см. статью проф. Бруна „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“. (Зап. Од. Об. т. V).

Что касается до русскихъ лодокъ-однодеревокъ (μονοξυλα у Конст. Б.), то, я полагаю, названіе это вводило доселѣ въ нѣкоторое недоразумѣніе. Нѣтъ никакого вѣроятія, что бы то были дѣйствительно лодки, выдолбленныя только изъ одного дерева: на русской ладьѣ помѣщалось по меньшей мѣрѣ 50 человѣкъ кромѣ груза (а по нѣкоторымъ, напр. арабскимъ, извѣстіямъ до 100 человѣкъ); она могла ходить не только по рѣкамъ, но и по морю. Несомнѣнно однако, что она имѣла свою особую конструкцію и гораздо меньшіе размѣры сравнительно съ греческими судами. Можетъ быть основу ея дѣйствительно составляло одно дерево, отъ чего и произошло ея греческое названіе. Это названіе можетъ быть относилось къ малымъ ладьямъ; ибо флотъ Руссовъ состоялъ изъ большихъ и малыхъ ладей. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ византійскій писатель XI вѣка Пселлъ (Bibliotheca Grecca medii aevi. Ed. Sathas. v. IV. p. 144).

[5]) Образцы Эллинскаго и Эллино-варварскаго стиля, находимые въ могильныхъ курганахъ Южной Руси, см. преимущественно въ атласѣ при „Отчетахъ Император. Археолог. Коммиссіи“, а также въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи“ — изданіе той же Коммиссіи.

[6]) Олеговы договоры см. въ П. С. Р. Л. Туземные русскіе князья и русскія дружины, появляющіеся при самомъ началѣ нашей исторіи, если не устраняютъ, то видоизмѣняютъ вопросъ о родовомъ бытѣ, которому было посвящено много вниманія въ нашей исторіографіи. Теорія родоваго быта первоначально развита проф. Соловьевымъ въ его трудахъ: „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси“ (Москов. Сборникъ на 1846 г.) и „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847. Любопытный критическій разборъ этихъ трудовъ см. въ Сочч. Кавелина. ч. 2-я.

Приводя договоры Олега, оставляю въ сторонѣ наши лѣтописныя сказанія объ этомъ князѣ, т. е. о необыкновенномъ захватѣ Кіева, чрезвычайно быстромъ покореніи разныхъ племенъ, чудесномъ походѣ на Византію и заранѣе предсказанной ему смерти отъ своего коня; такъ какъ сказанія эти не подтверждаются никакими достовѣрными источниками, и имѣютъ вполнѣ характеръ басенъ. Византійскіе историки, напримѣръ, ничего не знаютъ объ осадѣ Константинополя Олегомъ (о ея недостовѣрности см. у меня въ „Разыск. о началѣ Руси“). Нѣкоторые пытались объяснять ихъ молчаніе національной гордостью. Но это объясненіе самое невѣроятное: византійскіе историки не умалчиваютъ о многихъ другихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ имперіи; притомъ же и по самому сказанію нашей лѣтописи Олегъ только осаждалъ Царьградъ, но не взялъ его.

Что касается до Русскихъ отрядовъ, находившихся въ тѣ времена на византійской службѣ, то рядъ извѣстій о нихъ встрѣчается у Константина Б., начиная съ 902 года. (De ceremoniis Aulae Byzant.).

[7]) Источники и пособія для исторіи Хазаръ: Френа—De Chasaris excerpta ex scriptoribus arabicis. Petropol. MDCCCXXII. Сума — О Хазарахъ (съ датскаго переводъ Сабинина въ Чтен. Об. Ист. и Др. 1846. № 3). Стриттера — Chasarica въ Memor. Pop. т. III. Дорна — Tabary's Nachrichten ueber die Chasaren въ Memoires de l'Acad. des sciences. VI-me serie. 1844. Григорьева — о Хазарахъ въ Журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверн. Архивъ“ за 1835, т. XLVIII и въ Журн. М. Н. Пр. 1834. часть III. Лерберга — Изслѣдованіе о положеніи Саркела. Хвольсона—Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ и пр. Ибнъ-Даста. Спб. 1869. Гаркави — Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ. Спб. 1870. Его же—Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и Хазарскомъ царствѣ (Труды Восточ. отдѣл. Археол. общ. ч. XVII. 1874 г). Мои соображенія о двойственной народности Хазаръ въ изслѣдованіи „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ“.

Для исторіи и древностей Камско-Волжскихъ Болгаръ: Френа — Aelteste Nachrichten ueber die Wolga Bulgaren въ Mem.

de l'Acad. VI-me serie. Кеппена—о Волжскихъ Болгарахъ въ Жур. М. Н. Пр. 1836. ч. XII. Эрдмана — Die Ruinen Bulgars въ Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland. т. 1. Григорьева — Булгары Волжскіе въ Библіотекѣ для Чтенія 1836 г. Ноябрь. (Труды оріенталиста Григорьева о Хазарахъ и Булгарахъ перепечатаны въ Сборникѣ его изслѣдованій: „Россія и Азія". Спб. 1876). Березина — Булгаръ на Волгѣ въ Учен. Извѣстіяхъ Казан. Универс. 1853 г. Хвольсона—Извѣстія Ибнъ Даста. Гаркави—Сказанія мусульман. писат. Савельева—Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. Спб. 1846. Charmoy—Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs въ Mem. de l'Academie. 1834. Невоструева.—„О городищахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ" и „Ананьинскій могильникъ". (Труды перваго Археологич. съѣзда. М. 1871). Относительно государственнаго и частнаго быта Хазаръ и Камскихъ Болгаръ хотя мы имѣемъ довольно много извѣстій, преимущественно арабскихъ; но онѣ такъ сбивчивы и разнорѣчивы, что болѣе точное изображеніе этихъ народовъ ожидаетъ еще изслѣдователей, и мы ограничиваемся пока только необходимыми указаніями. О славянствѣ Болгаръ, кромѣ Фадлана, говоритъ и Масуди. (Гаркави въ Жур. М. Н. Пр. 1872. № 4).

[8]) Отрывки изъ описанія Ибнъ-Фадлана сохранились въ т. наз. Большомъ Географическомъ Словарѣ, который былъ составленъ арабскимъ географомъ Якутомъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ. См. Френа—Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte ueber die Russen. St. P. 1823. Съ расказомъ арабскаго писателя согласуется въ общихъ чертахъ извѣстіе нашей лѣтописи о языческомъ погребеніи у Русскихъ Славянъ. „Когда кто умиралъ, говоритъ онъ, то надъ нимъ творили тризну; потомъ воздвигали большой костеръ, сожигали на немъ мертвеца; собравши кости, клали ихъ въ небольшой сосудъ, и ставили его на столпѣ при дорогѣ". О томъ же обычаѣ сожженія труповъ у Славянъ упоминаютъ и другіе арабскіе писатели X вѣка, именно Масуди и Ибнъ Даста. Послѣдній говоритъ, что при этомъ жены покойнаго изрѣзываютъ себѣ ножами руки и лица въ знакъ печали, а одна изъ нихъ добровольно подвергаетъ себя удушенію и сожигается вмѣстѣ съ нимъ. Пепелъ собираютъ въ сосудъ и ставятъ на холмѣ (собственно въ курганѣ, который насыпали въ честь покойника). По истеченіи года родные собирались на этой могилѣ съ кувшинами меду, и устроивали пиршество въ память умершаго. (У Хвольсона 29). Но собственно о Руссахъ Ибнъ Даста расказываетъ, что когда у нихъ умретъ знатный человѣкъ, то ему выкапываютъ большую могилу въ видѣ покоя, и кладутъ туда вмѣстѣ съ покойникомъ его одежду, золотые обручи, съѣстные припасы, сосуды съ напитками и монеты; туда же помѣщаютъ живою и любимую его жену, и затѣмъ отверстіе могилы закладываютъ. (ibid. 40). Это извѣстіе указываетъ, что одновременно съ сожженіемъ существовалъ у Руссовъ и другой обычай

погребенія, т. е. закапываніе въ землю. Но конечно различіе въ обычаяхъ и въ ихъ подробностяхъ относилось къ разнымъ вѣтвямъ, къ разнымъ мѣстамъ жительства Русскаго племени. Ибнъ Даста по всѣмъ признакамъ разумѣетъ здѣсь ту Русь, которая жила на берегахъ Боспора Киммерійскаго, т. е. въ Тмутараканскомъ краѣ, въ странѣ собственно Черныхъ Болгаръ, и упомянутый обычай относится столько же къ этимъ послѣднимъ, сколько и къ Руссамъ Боспорскимъ. Въ этомъ мнѣніи еще болѣе утверждаетъ насъ Масуди. Онъ также говоритъ объ обычаѣ Русскихъ Славянъ сожигать покойниковъ вмѣстѣ съ его женою, оружіемъ, украшеніями и нѣкоторыми животными. А о Болгарахъ замѣчаетъ, что кромѣ сожженія у нихъ существуетъ обычай заключать покойниковъ въ какую то храмину вмѣстѣ съ его женою и нѣсколькими рабами. (Гаркави. 127). Ясно, что тутъ идетъ рѣчь о катакомбахъ; а подобные катакомбы найдены около Керчи, т. е. въ странѣ Черныхъ Болгаръ. Между прочимъ любопытна въ этомъ отношеніи катакомба съ фресками, открытая въ 1872 г. Копіи съ фресокъ и объясненія къ нимъ г. Стасова см. въ Отчетѣ Импер. Археологич. Комиссіи. Спб. 1875 г. (Нѣкоторыя замѣчанія о томъ же см. въ моихъ „Разысканіяхъ о началѣ Руси)“. Наиболѣе подробное и критическое разсмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда извѣстій заключается въ изслѣдованіи А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. М. 1868. Произведенныя въ 1872 — 73 г. Самоквасовымъ въ Черниговскомъ краю раскопки нѣкоторыхъ кургановъ, заключавшихъ въ себѣ глиняные сосуды съ перегорѣвшими костями, а также пережженные остатки металлическихъ украшеній и оружія, замѣчательнымъ образомъ подтвердили достовѣрность арабскихъ извѣстій и свидѣтельства нашей лѣтописи о погребальныхъ обычаяхъ у древнихъ Руссовъ. Онъ также нашелъ въ Приднѣпровьѣ и языческія могилы съ цѣлыми остовами, свидѣтельствующія, что одновременно съ сожженіемъ труповъ существовалъ и простой обычай погребенія. Данныя, выведенныя изъ этихъ раскопокъ были сообщены имъ на Третьемъ археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1874 г. и потомъ въ Сборникѣ Древняя и Новая Россія за 1876 г. №№ 3 и 4.

[9]) Френа Ibn-Foszlan's и пр. стр. 244. Наиболѣе обстоятельное извѣстіе о походѣ 913 года находится у арабскаго писателя X вѣка Масуди въ его сочиненіи „Золотые луга“. Такъ какъ Хазары не имѣли флота, по замѣчанію арабскихъ писателей, то мы думаемъ, что непріятели могли загородить Руссамъ дорогу и принудить ихъ къ полевому бою или при проходѣ черезъ городъ Итиль, или при волокѣ изъ Волги въ Донъ. Вѣроятно битва происходила и тамъ, и здѣсь. Очевидно Русь была отбита отъ волока, и потому остатки ея принуждены уходить вверхъ по Волгѣ. Походъ 913 года показываетъ, что Руссамъ хорошо былъ извѣстенъ судовой путь къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, и дѣйствительно, по вновь от-

крытымъ извѣстіямъ у восточныхъ писателей, Руссы еще прежде того совершили два набѣга въ Каспійское море: первый около 880 г. и второй въ 909 г. См. Каспій или О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ—академика Дорна. 1875. (Приложеніе къ XXVI тому Записокъ Акад. Наукъ).

Что касается до торговли и вообще сношеній Руссовъ съ мусульманскимъ востокомъ, то наглядныmъ памятникомъ этихъ сношеній служатъ многочисленные клады съ арабскими или такъ наз. *куфическими* монетами. Онѣ обнимаютъ время арабскихъ халифовъ отъ VIII до XI вѣка. Эти клады были находимы на пространствѣ почти цѣлой Россіи, а также въ Швеціи и Помераніи. Ясно, что Руссы уже съ VIII вѣка служили дѣятельными посредниками въ торговлѣ между восточными мусульманскими народами и Прибалтійскими краями. (Григорьева—„О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ" въ Зап. Од. Об. И. и Др. томъ I. 1844 г.).

[10]) Это говоритъ Константинъ Багр. въ своемъ сочиненіи De administrando imperio, которое служитъ главнымъ источникомъ для исторіи и этнографіи Печенѣговъ. Потомъ слѣдуютъ Левъ Граматикъ, Кедринъ, Анна Комненъ и нѣкоторые др. См. Стритера Memor. Pop. т. III. часть 2-я. Сума—„о Пацинакахъ" въ Чтен. Об. И. и Д. 1846 г. кн. I-я. Васильевскаго—„Византія и Печенѣги" въ Журн. М. Н. Пр. 1872 г. №№ 11 и 12.

[11]) О морскомъ походѣ Игоря на Византію въ 941 г. повѣствуютъ историки византійскіе Симеонъ Логоѳетъ, Левъ Граматикъ, Георгій Монахъ, Кедренъ, Зонара (см. Mem. Pop. II. 967), также продолжатели Ѳеофана и Амартола (изъ послѣднихъ заимствованъ разсказъ Русской лѣтописи) и Левъ Діаконъ; кромѣ того епископъ Кремонскій Ліутпрандъ (Antapodosis. lib. V.). Нѣкоторые Византійцы преувеличиваютъ число русскихъ судовъ до 10.000; ближе къ истинѣ стоитъ Ліутпрандъ, который полагаетъ ихъ одну тысячу. О бѣгствѣ Игоря съ оставшимися десятью судами къ Боспору Киммерійскому упоминаетъ Левъ Діаконъ. Довольно вѣроятную догадку о связи Игорева похода съ событіями въ Дунайской Болгаріи предлагаетъ Венелинъ въ своей книгѣ. „Критическія изслѣдованія объ Исторіи Болгаръ". М. 1849. Къ той же войнѣ по нашему мнѣнію слѣдуетъ отнести событіе, о которомъ говорится въ отрывкѣ изъ письма какого то греческаго начальника въ Тавридѣ. (См. у Газа въ его изданіи Льва Діакона). Въ письмѣ идетъ рѣчь о нападеніи на Климаты (такъ назывались греческія владѣнія въ южномъ углу Тавриды) какого то князя варваровъ, „господствующаго къ сѣверу отъ Дуная". Къ высадкѣ Игоря на берегахъ Малой Азіи (съ такою же вѣроятностію какъ и къ походу 865 года) можно пріурочивать легенду о нападеніи Руси на городъ Амастриду и происшедшемъ при этомъ чудѣ на гробѣ св. епископа

Георгія Амастрійскаго. (О томъ и другомъ см. въ моемъ изслѣдованіи „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ").

[12]) П. С. Р. Л. подъ 945 г. А также: „Договоры съ Греками X вѣка" — И. И. Срезневскаго въ Историческихъ Чтеніяхъ о языкѣ и Словесности. Спб. 1855. „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками". — Соч. Н. Лавровскаго. Спб. 1853. Любопытно условіе Игорева договора о томъ, что Русь не имѣетъ права зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ и у св. Евѳерія; а когда придетъ осень пусть возвращается домой. Она также не должна обижать здѣсь Корсунянъ, приходившихъ для рыбной ловли. Конечно для той же цѣли приходила сюда и Русь. Подъ островомъ Евѳерія обыкновенно разумѣютъ Березань. Но г. Бурачекъ доказываетъ, что подъ нимъ надобно разумѣть островъ Тендру; а Бѣлобережье по его мнѣнію было ничто иное какъ берегъ Кинбурнскаго полуострова, покрытый бѣло-желтымъ пескомъ: (см. его „Письмо къ проф. Бруну" въ Извѣст. Геогр. Об. т. XI. вып. 3-й).

[13]) Лѣтопись русская относитъ смерть Игоря къ 945 году. Но вообще нельзя довѣрять начальной хронологіи ея тамъ, гдѣ послѣдняя независима отъ византійскихъ источниковъ. Лѣтопись назначаетъ смерть Игоря вслѣдъ за договоромъ съ Греками. Но и смерть Олега она точно также помѣщаетъ вслѣдъ за договоромъ съ Греками. Очевидно это распредѣленіе лѣтъ искусственное. По ея словамъ Святославъ остался послѣ отца еще ребенкомъ; но мы видимъ, что уже при жизни Игоря онъ княжилъ въ Новгородѣ, и если еще очень молодымъ человѣкомъ, то во всякомъ случаѣ не четырехлѣтнимъ дитятей. Невѣрность лѣтописной хронологіи видна изъ того, что бракъ Игоря съ Ольгою она помѣщаетъ подъ 904 годомъ, а рожденіе Святослава, по нѣкоторымъ спискамъ, отнесено къ 942; выходитъ, что онъ родился послѣ 38-лѣтняго брака; а самому Игорю, по той же хронологіи, было въ то время около 70 лѣтъ. Далѣе, если принять смерть Игоря въ 945 году, то между этою смертью и путешествіемъ Ольги въ Царьградъ насчитывается до 12 лѣтъ. У византійскихъ историковъ Кедрена и Зонары сказано, что она отправилась туда, „когда умеръ ея мужъ"; хотя это выраженіе довольно неопредѣленное; но все таки оно намекаетъ на меньшій срокъ. По всей вѣроятности за княженіемъ Игоря непосредственно слѣдовало княженіе его сына Святослава. А лѣтопись, отнеся смерть Игоря къ болѣе раннему году, чѣмъ это было въ дѣйствительности, наполнила промежутокъ между княженіями отца и сына баснословными расказами о дѣяніяхъ Ольги, увлекаясь конечно ея славою какъ первой христіанской княгини на Руси.

Что касается до извѣстія Константина Багрянороднаго о полюдьѣ (De administrando imperio. Cap. 9), то онъ присоединилъ къ этому слову и греческое толкованіе: Τὰ Πολύδια, ἃ λέγεται Γῦρα, т. е.

„Полюдье, которое называется (у Грековъ) гира". Это мѣсто долгое время подвергалось невѣрнымъ толкованіямъ; при чемъ иногда полагали, что полюдье называлось *гирою* у самихъ Руссовъ, и переводили полюдіа словомъ *города*. Тогда какъ Константинъ привелъ греческое слово *гира*, означавшее *объѣздъ*, чтобы пояснить Русское *полюдіе*. Первый ученый, указавшій на дѣйствительное значеніе слово *гира*, былъ Неволинъ. (См. его сочч. т. VI). Окончательное разъясненіе даннаго мѣста представилъ Н. А. Лавровскій (Журн. М. Н. Пр. 1873. Мартъ).

[14]) Въ пользу того мнѣнія, что Ольга крестилась въ Константинополѣ приводятъ, во первыхъ, расказъ русскаго лѣтописца, во вторыхъ свидѣтельства византійскихъ историковъ Кедрена, Скилицы и Зонары, и франкскаго хрониста (безъименнаго продолжателя аббата Регинонскаго); послѣдніе, хотя мимоходомъ, однако прямо говорятъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ. Но свидѣтельства эти принадлежатъ лицамъ несовременнымъ событію, а жившимъ позднѣе. Русская лѣтопись вообще украшаетъ свой расказъ баснословіемъ; по ея словамъ воспреемникомъ Ольги былъ императоръ Цимисхій, царствовавшій гораздо послѣ ея крещенія, а крестилъ ее патріархъ Фотій, уже давно умершій. Между тѣмъ Константинъ Багрянородный, который принималъ русскую княгиню и самъ описалъ этотъ пріемъ, ни однимъ словомъ не намекнулъ на ея крещеніе въ Константинополѣ. Хотя на это возражаютъ, что въ своемъ Обрядникѣ онъ имѣлъ въ виду только описаніе церемоніальнаго пріема во дворцѣ, а слѣдовательно ему не было нужды говорить здѣсь о крещеніи Ольги; но такое возраженіе недостаточно сильно. А потому вопросъ, гдѣ крестилась Ольга, остается нерѣшеннымъ. Легче былъ рѣшенъ другой вопросъ: въ какомъ году совершилось ея путешествіе въ Константинополь? Русская лѣтопись относитъ его къ 955 году; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, начальная хронологія ея оказывается невѣрною; какъ то доказываетъ свидѣтельство Константина. Онъ говоритъ о двукратномъ пріемѣ Ольги во дворцѣ, 9 сентября въ среду и 18 октября въ воскресенье. По пасхальному кругу эти числа могли случиться въ среду и воскресенье только въ 946 и 957 гг. 946 годъ не можетъ быть принятъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, указаннымъ въ описаніи. Константина, напр. потому что онъ упоминаетъ о своихъ внукахъ, сыновьяхъ Романа; а въ этомъ году Романъ самъ былъ еще дитя. Остается такимъ образомъ 957 годъ. Превосходный сводъ источниковъ и мнѣній по двумъ этимъ вопросамъ см. у Шлецера въ его „Несторѣ" т. III. См. также „Исторію христіанства до Владиміра" архимандрита Макарія.

При оцѣнкѣ пріема, сказаннаго Ольгѣ византійскимъ правительствомъ, не надобно забывать, что сама она въ то время не была властительницею Руси, а только матерью великаго князя Русскаго и княгинею собственно удѣлькою, Вышегородскою.

[15]) Извѣстіе о посольствѣ Ольги къ Оттону и отправленіи Адальберта въ Россію находится собственно у продолжателя лѣтописи аббата Регинона; а другіе лѣтописцы западные очевидно повторяютъ съ его словъ, каковы: хроника Кведлинбургская, Ламбертъ Ашафенбургскій, анналы Хильденгеймскіе и Корвейскіе, анналиста Саксонскій. (Сводъ всѣхъ этихъ извѣстій см. у Шлёцера III. стр. 445—460). Что Ольга, едва принявшая крещеніе по обряду восточному, могла сноситься съ Нѣмецкимъ дворомъ и по вопросамъ о церкви, неудивительно. Подобный примѣръ мы имѣемъ у Дунайскихъ Болгаръ. Царь Борисъ, принявшій крещеніе отъ Грековъ, вслѣдъ затѣмъ обратился въ Римъ къ папѣ Николаю I съ вопросами о христіанской вѣрѣ и съ предложеніемъ назначить главу Болгарской церкви. Не надобно упускать изъ виду, что окончательное отдѣленіе Восточной церкви отъ Западной въ то время еще не совершилось. Но съ другой стороны обращеніе Ольги къ Нѣмецкому двору съ просьбою прислать епископа въ Кіевъ было бы довольно странно; такъ какъ самъ великій князь Кіевскій еще продолжалъ оставаться въ язычествѣ. Вообще упомянутое извѣстіе хроники Регинона о посольствѣ 959 года также темно и также подвержено разнорѣчивымъ толкованіямъ какъ и свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей о послахъ русскаго кагана при дворѣ императора Людовика Благочестиваго въ 839 году. Но то и другое несомнѣнно показываютъ, что уже въ тѣ времена начались посольскія сношенія между русскими князьями и нѣмецкими императорами.

[16]) О походѣ 943—944 гг. на Берду упоминаютъ слѣдующіе восточные писатели: армянскій Моисей Каганкатоваци, жившій въ концѣ X вѣка, персидскій Низами, въ XII вѣкѣ; арабскіе Якутъ, Ибнъ эль Атиръ и Баръ-Гебрей или Абульфараджъ въ XIII в., Абульфеда въ XIV в. и нѣкоторые другіе, болѣе поздніе. Наиболѣе обстоятельный расказъ даетъ Ибнъ эль Атиръ въ своей „Полной лѣтописи". См. упомянутый выше *Каспій* Дорна стр. 495 и слѣд. Здѣсь сведены всѣ извѣстія объ этомъ походѣ. Прежде Дорна тому же предмету посвящены были труды оріенталистовъ: Эрдмана — De Expeditione Russorum Berdaam versus, auctore imprimis Nisamio (Casani. 1826—1827, два тома) и Григорьева—О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ (Журн. М. Н. Пр. за 1835 г. ч. V.). До какой степени Руссы прославились на востокѣ своими походами въ Каспійское море и въ Закавказье, показываетъ особенно произведеніе Низами, персидскаго поэта XII вѣка. Онъ написалъ большую поэму „Искендеръ Наме", въ которой воспѣваетъ подвиги Александра Македонскаго; чтобы возвысить его еще болѣе, онъ заставляетъ Александра предпринять побѣдоносный походъ противъ неукротимыхъ Руссовъ для освобожденія города Берды. Французскій переводъ той части поэмы, которая касается Руссовъ, издалъ Шармуа подъ заглавіемъ: Expedition d'Alexandre le Grand contre les Russes. St. Petersb. 1827.

О разореніи Саркела и войнѣ съ Ясами и Касогами упоминаетъ Русская лѣтопись подъ 965 годомъ. А о нашествіи Руссовъ на Камскихъ Болгаръ и Хазаръ въ 968 г. говоритъ Ибнъ Хаукалъ, арабскій писатель X вѣка, слѣдовательно современникъ событія (См. Френа—Ibn Fozlan стр. 64 — 66). Напрасно Френъ и послѣдующіе писатели старались разореніе Саркела, походъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ, а также погромъ Булгаріи и Хазаріи—все это слить въ одинъ походъ, т. е. слить извѣстія Русской лѣтописи и Ибнъ Хаукала. Здѣсь конечно надобно разумѣть цѣлый рядъ походовъ и предпріятій, и, можетъ быть, не всѣ они были совершены подъ непосредственнымъ начальствомъ Святослава. Почти одновременно съ хазарскими войнами начались его походы въ Дунайскую Болгарію.

Что касается до извѣстія Русской лѣтописи, изъ котораго можно заключить, что поводомъ къ войнѣ съ Хазарами послужила дань, которую платили имъ Вятичи, то извѣстіе это очевидно невѣрно. Исторіографія продолжала повторять его, хотя уже Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что въ то время между Вятичами и Хазарской державой жили Печенѣги и Русскіе, и потому эта дань сомнительна. Теперь, когда мы знаемъ, что русскія владѣнія въ тѣ времена сосѣдили съ хазарскими на Тамани и въ Тавридѣ, намъ понятны враждебныя столкновенія Руси съ Хазарами и другими Прикавказскими народами (См. мое изслѣд. „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ“). Но во времена лѣтописца Тмутраканскій край и его исторія, очевидно уже начали приходить въ забвеніе.

17) Левъ Діаконъ выставляетъ предлогомъ къ войнѣ дань, а Кедренъ и Зонара Угровъ. Относительно подарковъ, отправленныхъ Никифоромъ къ Святославу, первый приводитъ невѣроятное количество золота, именно 1500 фунтовъ.

18) Главными источниками для исторіи этой борьбы служатъ греческіе писатели: Левъ Діаконъ (Leonis Diaconi. Historiae. Lib. VI — IX. Ed. Bon.), Кедренъ (Cedreni Historiarum compendium. T. II. 383—413. Ed. Bon.), Зонара (Zonarae Annales. T. II. lib. 17. Cap. 1—IV) и Русская лѣтопись (по Лаврент. и Ипат. спискамъ). Извѣстія изъ Кедрена и Зонары собраны у Стриттера въ Memoriae Populorum (II. 988 и слѣд.); а вольный переводъ Льва Діакона на Рус. языкъ сдѣланъ Д. Поповымъ и изданъ Академіей Наукъ (Спб. 1820). Наиболѣе драгоцѣннымъ источникомъ должно считать Льва Діакона, какъ современника и м. б. очевидца событій; но изложеніе его мѣстами сбивчиво и реторично, такъ что въ точности и обстоятельности онъ уступаетъ иногда Кедрену или собственно Скилицѣ, который жилъ въ XI вѣкѣ и котораго сочиненіемъ воспользовался Кедренъ. Любопытно при этомъ, что современникъ Святослава Левъ Діаконъ называетъ Руссовъ Тавроскиѳами; а сами себя, по его замѣчанію, они именуютъ *Рось*. Такъ рядомъ съ этимъ народнымъ именемъ Греки

еще продолжали отмѣчать нашихъ предковъ географическими названіями Скиѳовъ и Тавроскиѳовъ. Точно также Болгаръ Левъ Діаконъ называетъ Мисіянами, т. е. именемъ заимствованнымъ изъ классической географіи.

Критическій сводъ источниковъ см. у Шлецера „Несторъ". Часть III. (Рус. переводъ Языкова. Спб. 1819.) и Черткова „Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ". (Рус. Историч. Сборникъ. Т. VI. Москва. 1843.) Шлёцеръ и Чертковъ дали слишкомъ много значенія извѣстіямъ Русской лѣтописи; между тѣмъ какъ она для этой войны представляетъ лишь немногія данныя, заимствованныя изъ греческихъ источниковъ, но искаженныя баснями и собственными домыслами. Самостоятельнаго историческаго матерьяла въ ней только отрывокъ изъ договора съ Цимисхіемъ и расказъ о гибели Святослава. Кромѣ того она сообщаетъ о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ и послѣдовавшей затѣмъ смерти Ольги. По поводу нападенія Печенѣговъ приведено сказаніе о томъ, какъ одинъ кіевлянинъ, знавшій печенѣжскій языкъ, прошелъ непріятельскій станъ подъ видомъ Печенѣга, отыскивающаго своего коня. Подойдя къ берегу Днѣпра, онъ, бросился въ рѣку, достигъ противоположнаго берега, и извѣстилъ воеводу Претича о томъ, что Кіевъ едва держится и готовъ сдаться врагу. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Претичъ съ своими людьми въ лодкахъ поплылъ къ городу съ громкимъ трубнымъ звукомъ. Печенѣги подумали, что приближается самъ князь, отступили, и пр. Любопытно, что подобная же военная хитрость встрѣчается у древнихъ писателей, въ Исторіи Боспорскаго царства. Именно Полліенъ (Strateg. кн. V. гл. 26) расказываетъ объ осадѣ города Ѳеодосіи боспорскимъ царемъ Сатиромъ I. Союзники Ѳеодосійцевъ Ираклейцы прислали имъ на помощь полководца Тинниха. Послѣдній, имѣя слишкомъ мало судовъ, высадилъ на берегъ трубачей и приказалъ играть попеременно. Осаждавшіе подумали, что пришелъ сильный флотъ, и отступили.

Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о войнѣ Святослава въ Болгаріи можно найти въ статьѣ г. Бѣлова „Борьба Святослава Игоревича съ Іоанномъ Цимисхіемъ" (Журн. М. Нар. Пр. 1873. Декабрь) и въ изслѣдованіи г. Дринова „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ" (Чтен. Об. И. и Др. 1875. кн. 3). Послѣдній предлагаетъ догадку, что Болгарское царство уже при Петрѣ Симеоновичѣ распалось на двѣ части: въ западной половинѣ былъ провозглашенъ царемъ Шишманъ, отецъ Самуила, извѣстнаго противника Василія II Болгаробойцы. Дѣйствительно завоеванія Святослава и Цимисхія обнимали, по всѣмъ даннымъ, только восточную половину Болгаріи; а западная ея половина была покорена императоромъ Василіемъ II. Но отсюда скорѣе можно заключить, что западная Болгарія отдѣлилась не при жизни Петра, а именно во время завоеванія Болгаріи Святославомъ. Послѣдній успѣлъ покорить собственно ближай-

шую и богатѣйшую часть, т. е. Придунайскую Болгарію; между тѣмъ западныя области Болгарскаго государства на время сохраняли свою независимость; чему помогли и географическое ихъ положеніе, защищенное высокими горными хребтами и вѣроятное существованіе отдѣльныхъ племенныхъ князей, еще неуничтоженныхъ вполнѣ Болгарскими царями изъ династіи Асперика. Годъ Святославовой смерти мы оставили какъ въ лѣтописи; по изслѣдованію же Срезневскаго она относится къ 973 г. (Изв. 2-го Отд. Акад. Н. т. VII).

[19]) Въ числѣ Ярополковыхъ бояръ находился нѣкто *Варяжко*. Онъ, по словамъ лѣтописи, предупреждалъ своего князя объ измѣнѣ, и совѣтовалъ ему не ходить къ Владиміру, а лучше идти къ Печенѣгамъ и нанять тамъ войско; но тщетно. Послѣ убіенія Ярополка Варяжко убѣжалъ къ Печенѣгамъ и вмѣстѣ съ ними потомъ много воевалъ противъ Владиміра, пока послѣднему не удалось привлечь его въ свою службу. Имя или прозваніе этого боярина указываетъ конечно на его варяжское происхожденіе; а послѣднее обстоятельство подтверждаетъ наше предположеніе, что варяжскіе выходцы начали вступать въ службу кіевскихъ князей по крайней мѣрѣ со временъ Олега. Отсюда можно объяснить и присутствіе двухъ, трехъ норманскихъ именъ въ числѣ русскихъ пословъ, приведенныхъ договорами Олега и Игоря; если только эти два, три имени впослѣдствіи (при болѣе усовершенствованныхъ пріемахъ и болѣе значительныхъ средствахъ сравнительно - исторической филологіи) окажутся дѣйствительно норманнскія.

[20]) См. П. С. Р. Лѣт. Ипат. и Лавр. списки, а также Chronicon Dithmari, episcopi Merseburgensis. Ed. Norimb. 1807.

[21]) Отрывокъ изъ такъ наз. Іоакимовой лѣтописи у Татищева въ I томѣ—источникъ довольно мутный.

[22]) Лѣтопись по обычаю своему, смѣшивая Варяговъ съ Русью, называетъ этихъ мучениковъ Варягами. Но тутъ очевидное недоразумѣніе. Во первыхъ, въ Кіевѣ, какъ извѣстно, была уже туземная крещеная Русь. Объ этой крещеной Руси упоминаетъ сама же лѣтопись въ договорѣ Игоря. О христіанской Руси кромѣ того говоритъ Фотій въ своемъ посланіи 866 года и Левъ Философъ въ росписаніи церковныхъ каѳедръ. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о „крещеной Руси", которая находилась на византійской службѣ (De Cerem. Aulae Byzant.) Тоже подтверждаетъ папская булла 967 года, которая указываетъ на Славянское богослуженіе у Руссовъ. (у Добнера Ann. III. 197. Несторъ-Шлецера II. 527. Нѣкоторые усиливаются доказывать, будто эта булла подложная). А во вторыхъ, съ какой стати Кіевлянамъ было бы требовать отъ чужеземнаго, вольнаго Варяга его сына на закланіе своимъ богамъ? Изъ самой лѣтописи, напротивъ, ясно, что жребій бросали на дѣтей самихъ гражданъ.

Мы не распространяемся о языческой религіи Русскихъ Славянъ

и довольствуемся краткимъ ея очеркомъ; причемъ имѣемъ въ виду преимущественно извѣстія писателей X-XII вв., каковы: нашъ лѣтописецъ, договоры Олега и Игоря, Ибнъ-Фадланъ, Масуди, Константинъ Б., Левъ Діаконъ и Слово о Полку Игоревѣ. Вообще источники, современные языческому періоду или близкіе къ нему по времени, очень скудны и не даютъ возможности создать ясную, полную картину; а извѣстія позднѣйшія сбивчивы и разнорѣчивы. Хотя литература славяно-русской миѳологіи вообще не бѣдна; но, за немногими исключеніями, въ ней столько гадательныхъ и произвольныхъ выводовъ, столько смѣшенія разныхъ эпохъ и племенъ, что пока трудно на этомъ основаніи строить какое либо зданіе. Сочиненія, наиболѣе заслуживающія вниманія по этому вопросу, суть: *Костомарова*—„Славянская миѳологія". Кіевъ. 1847; *Срезневскаго* — „Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи Древнихъ Славянъ". Спб. 1848, *Аѳанасьева* — „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу". М. 1865—1869. Кромѣ того много любопытныхъ мыслей и соображеній о Славянорусской миѳологіи разсѣяно въ трудахъ: того же Срезневскаго, Снѣгирева, Терещенка, Ходаковскаго, Строева, Касторскаго, Бодянскаго, Соловьева, Буслаева, Безсонова, О. Миллера, Котляревскаго, Бестужева-Рюмина, Потебни и др.

Что касается до требищъ и капищъ, то о нихъ кромѣ лѣтописей упоминаютъ митрополитъ Иларіонъ и Печерскій Патерикъ. Относительно происхожденія слова, „капище" мы предпочитаемъ мнѣніе Срезневскаго, который сближаетъ его по корню съ „коп-оть", греч. καπνός (стр. 38); слѣдовательно это слово указываетъ на куреніе и дымъ, распространявшіеся отъ сожигаемыхъ жертвъ. (Точно также изъ всѣхъ объясненій слова „Перунъ" наиболѣе вѣроятнымъ полагаю сближеніе его съ греческимъ πῦρ-огонь). Самое положительное извѣстіе о языческихъ храмахъ у Руссовъ находимъ въ исландской сагѣ Олава Тригвіева сына. По ея словамъ, Олавъ всегда ѣздилъ съ Владиміромъ къ храму, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверями въ то время, когда князь приносилъ богамъ жертвы. Олавъ замѣтилъ при этомъ, что Владиміръ, имѣвшій обыкновенно веселый, ласковый видъ, дѣлался мрачнымъ и скучнымъ, когда посѣщалъ храмъ и приносилъ жертвы. (Рус. Истор. Сбор. IV. 47). Что у языческой Руси было жреческое сословіе и притомъ довольно вліятельное, о томъ свидѣтельствуетъ арабскій писатель X вѣка Ибнъ Даста. (Жрецы Руссовъ по переводу Хвольсона назывались „врачи" стр. 38, а по Гаркави „знахари", 269). Деревянные идолы Руссовъ, судя по Ибнъ-Фадлану, были термы, т. е. столбы съ человѣчьей головой. Вѣроятно эти рѣзные истуканы имѣли человѣкообразную фигуру, но только не членораздѣльную. Масуди также говоритъ о какихъ то славянскихъ храмахъ, поставленныхъ на горѣ и вблизи моря. Вѣроятно онъ сообщаетъ здѣсь слухи именно о Руси Боспорской или Тмутра-

канской. Тутъ между прочимъ въ одномъ храмѣ подъ большимъ куполомъ стоялъ мужской идолъ, а подлѣ него другой, женскій. (Гаркави. 139). Эти идолы и храмы у него изукрашены драгоцѣнными камнями, и вообще описаніе ихъ фантастично. Замѣчательно однако, что у мужскаго идола голова сдѣлана изъ червоннаго золота, и въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ извѣстіе нашей лѣтописи о кіевскомъ Перунѣ.

[23]) Намекъ на участіе Владиміровыхъ женъ въ его подготовленіи къ христіанству можно видѣть въ той же сагѣ объ Олавѣ Тригвесонѣ. По ея словамъ благотворное вліяніе на князя и на его религіозныя убѣжденія имѣла его супруга Аллогія. Въ этомъ имени мы узнаемъ княгиню Ольгу. Сага очевидно спутала бабку Владиміра съ его женами-христіанками, и забыла, что Владиміръ былъ многоженецъ.

Относительно перевода Св. писанія, найденнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ у Черныхъ Болгаръ, см. наше изслѣдованіе: „Русь и Болгаре на Азовскомъ Поморьѣ".

[24]) Всѣ эти драгоцѣнныя подробности сохранила намъ Русская лѣтопись. Изъ византійскихъ историковъ о завоеваніи Корсуня Владиміромъ говоритъ только Левъ Діаконъ. Хотя онъ упоминаетъ о томъ мимоходомъ; но видно, что это завоеваніе считалось большимъ бѣдствіемъ для имперіи; такъ какъ оно, наравнѣ со взятіемъ Веррои Болгарами, будто бы предвѣщено было явленіемъ кометы и страшными огненными столпами на сѣверной части неба (т. е. отблесками необычнаго для тѣхъ странъ сѣвернаго сіянія?). О бракѣ съ греческою царевною упоминаютъ византійскіе писатели Скилицій—Кедренъ, Зонара, латинскій хронистъ Дитмаръ и армянскій историкъ Асохикъ, писатель X вѣка. Два послѣдніе говорятъ при этомъ и объ обращеніи Руси въ христіанство. Еще подробнѣе о бракѣ и крещеніи Владиміра говорятъ Ибнъ-Эль-Атиръ и Эльмакинъ, арабскіе писатели XIII вѣка. (Относящіеся сюда отрывки изъ этихъ арабскихъ писателей сообщены г. Куникомъ, въ переводѣ барона Розена, въ XXIV т. Зап. Акад. Наукъ. См. „О запискѣ готскаго топарха").

Взятіе Корсуня и крещеніе Владиміра русская лѣтопись помѣщаетъ подъ 988 годомъ. Но уже во времена лѣтописца были разныя мнѣнія о мѣстѣ, слѣдовательно и времени крещенія. По его словамъ, нѣкоторые утверждали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Васильевѣ и т. д. Нѣкоторыя несогласія о времени крещенія и взятіи Корсуня, заключающіяся въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей, указаны г. Васильевскимъ (Русско-Византійскіе отрывки. Журн. Мин. Н. Пр. 1876. Мартъ). Судя по всѣмъ соображеніямъ, событія эти совершились въ концѣ 988 или въ началѣ 989 года.

[25]) Извѣстіе о Новогородскомъ мятежѣ находится у Татищева въ упомянутомъ отрывкѣ изъ такъ наз. Іоакимовой лѣтописи. Тамъ говорится, что язычниковъ подстрекали къ мятежу главный ихъ жрецъ Богомилъ и новогородскій тысяцкій Угоняй.

[26]) См. Никоновскій сводъ. Здѣсь упоминаются: Александръ Поповичъ съ Золотою Гривною, Рахдай Удалой, который одинъ выходилъ на 300 воиновъ, Янъ Усмовичъ, какъ названъ тутъ юноша, побѣдившій въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря, и славный разбойникъ Могута, который былъ пойманъ, приведенъ къ Владиміру и раскаялся въ своихъ грѣхахъ. Послѣдній можетъ быть имѣетъ нѣкоторую связь съ Соловьемъ Разбойникомъ былевыхъ пѣсенъ.

[27]) О пребываніи Бруна въ Россіи повѣствуетъ его собственное латинское посланіе къ императору нѣмецкому Генриху II Благочестивому. Оно напечатано Гильфердингомъ въ Рус. Бесѣдѣ 1856 г. № I., и перепечатано Бѣлевскимъ въ Monumenta Poloniæ Historica. т. I. Свѣденія о самомъ Бруно см. въ Chronicon Dithmari. Таже хроника заключаетъ извѣстіе о епископѣ Рейнбернѣ и Святополкѣ. (Lib. VII). Судя по словамъ Дитмара, Болеславъ Храбрый, вслѣдствіе заключенія въ темницу его дочери и зятя, предпринялъ походъ на Русь и воевалъ съ Владиміромъ незадолго передъ смертью послѣдняго. Русская лѣтопись ничего не знаетъ объ этой войнѣ.

[28]) Византійскіе историки: Кедренъ (т. II. стр. 699 и 710), Зонара (II. 221. Париж. изд.) и Михаилъ Пселлъ (стр. 10). Армянскій историкъ Асохикъ, изданіе Эмина. Стр. 200—203. О вспомогательныхъ Русскихъ отрядахъ на византійской службѣ см. любопытную статью г. Васильевскаго (Варяго-русскія и варяго-англійскія дружины въ Константинополѣ". Журн. М. Н. Пр. 1874 г. Ноябрь и 1875 Февраль и Мартъ); хотя попытка его доказать тождество Русскихъ дружинъ съ Варангами не имѣетъ серьезныхъ основаній. Войну съ хазарскимъ княземъ Чуломъ Скилица—Кедренъ помѣщаетъ подъ 1016 г., а начальникомъ русскаго войска называетъ при этомъ Сфенга, брата Владимірова. Русская лѣтопись не знаетъ никакого Владимірова брата съ этимъ именемъ. Вѣроятно тутъ надобно разумѣть сына его Мстислава, которому онъ отдалъ Тмутраканскій край и который слѣдовательно былъ въ той сторонѣ сосѣдомъ Грековъ и Хазаръ. Русская лѣтопись помѣщаетъ кончину Владиміра подъ 1015 г. Но Житіе Бориса и Глѣба время его кончины обозначаетъ 1016 годомъ въ обѣихъ редакціяхъ, первой XII вѣка и второй болѣе поздней. (См. *Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ*, изданныя Срезневскимъ по порученію Академіи Наукъ. Спб. 1860 г.). Хазаро-Черкесскій князь Георгій Чуло, судя по имени, былъ христіаниыъ. Отрѣзанный отъ своихъ соплеменниковъ Хазаро-Черкесовъ Кавказскихъ, онъ конечно не могъ долѣе держаться противъ соединенныхъ силъ Руси и Грековъ. По всей вѣроятности его владѣнія находились въ сосѣдствѣ съ Корсунскою областью, тамъ гдѣ теперь существуютъ развалины Черкесъ-Кермена. Земля его очевидно была присоединена Греками къ своимъ владѣніямъ.

[29]) Относительно Олава см: Extrait de la Heimskringla de Snorro Sturleson. Ex historia regis Olavi Trygvii filii. An-

tiquités Russes. т. I. Часть этой саги, именно о пребываніи Олава при дворѣ Владиміра, переведена на русскій языкъ протоіереемъ Сабининымъ (Рус. Историч. Сборникъ Московскаго Общества исторіи и древностей. т. IV). Намекъ на войну Владиміра съ Эрикомъ по справедливости находятъ и въ Русской лѣтописи, которая подъ 997-го упоминаетъ о походѣ Владиміра въ Новгородъ, хотя причиною его приводитъ наборъ войска противъ Печенѣговъ. (Geschichte des Russischen Staates von Strahl. т. I. стр. 115).

О морскомъ пути въ Біармію см. въ сочиненіи Стрингольма „Походы викинговъ". (Переводъ этого сочиненія, составленный Шемякинымъ, помѣщенъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1859 г. №№ 3 и 4 и 1860 г. №№, 1, 2, 3, и 4). Тутъ между прочимъ приводятся: путешествіе Отера въ IX вѣкѣ, заимствованное изъ сочиненій короля Альфреда Великаго, и взятый изъ сагъ разсказъ о томъ, какъ норманскіе купцы-пираты ограбили главное святилище Финновъ-Біармійцевъ, храмъ и идолъ верховнаго ихъ бога Юмалы.

[30]) О бракѣ Ярослава съ Ингигердой см. Antiquités Russes. Heimskringla. Saga af Olafi Konúngi Hinum Helga.

Относительно новогородской дани Русская лѣтопись говоритъ два раза. Въ расказѣ объ Олегѣ она выражается такъ: „и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ". А при извѣстіи о размолвкѣ Ярослава съ отцомъ говорится: „Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающу Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года; а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху". Если предположить въ первомъ случаѣ ошибку (т. е. читать 3000 гривенъ, а не 300), то оба извѣстія относятся къ одной и той же дани, установленной еще Олегомъ. Но мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что съ теченіемъ времени дани съ Новгорода были увеличены т. е. во времена Владиміра они уже платили 3000 гривенъ, изъ которыхъ 2000 шли въ Кіевъ великому князю, а тысяча назначалась на ратныхъ людей, охранявшихъ Новогородскую область, въ томъ числѣ и на варяжскую наемную дружину. Въ такомъ случаѣ второе извѣстіе не будетъ нисколько противорѣчить первому.

О мраморной ракѣ, въ которую положено тѣло Владиміра, говоритъ и наша лѣтопись; а Дитмаръ сверхъ того замѣчаетъ, что обѣ гробницы, князя и княгини, были поставлены посреди церкви.

По поводу плача Кіевлянъ при погребеніи Владиміра, напомнимъ, что лѣтопись изображаетъ его княземъ щедрымъ и милостивымъ, особенно къ нищимъ и убогимъ: тѣмъ, которые за болѣзнями не могли сами приходить на его дворъ, онъ разсылалъ съѣстные припасы на возахъ. Эту черту, т. е. щедрость въ раздачѣ милостыни, подтверждаетъ и митрополитъ Иларіонъ, младшій современникъ Владиміра, въ своей „Похвалѣ кагану нашему Владиміру". (Чт. Об. И. и Д. 1848. № 7).

Исторія не можетъ не признать за Владиміромъ прозваніе Великаго, которое вполнѣ принадлежитъ ему за его подвиги и заслуги Русской землѣ, а посредствомъ ея и всему человѣчеству. Что же касается до нѣкоторыхъ чертъ характера, обнаруженныхъ имъ въ молодости своей, то въ этомъ отношеніи онъ немногимъ отличался отъ другаго великаго человѣка, Константина, императора Римскаго, которому уподобился въ дѣлѣ христіанской миссіи.

[31]) Такое ожесточеніе Святополка противъ братьевъ и его предыдущія отношенія къ отцу придаютъ нѣкоторую вѣроятность нашей лѣтописи, что онъ не былъ родной сынъ Владиміра. Послѣдній, говоритъ она, послѣ смерти Ярополка взялъ за себя его жену гречанку, уже беременную отъ прежняго мужа. Что касается до Глѣба, то мы не слѣдуемъ лѣтописному расказу, будто Глѣбъ во время кончины Владиміра находился въ Муромѣ и будто Святополкъ послалъ звать его къ себѣ отъ имени больнаго родителя, скрывая его смерть. Мы находимъ гораздо вѣроятнѣе и естественнѣе приведенное нами извѣстіе, взятое изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по древнѣйшей или Несторовой редакціи; тогда какъ въ позднѣйшихъ его редакціяхъ, обильно изукрашенныхъ реторикой, расказъ о Глѣбѣ согласенъ съ лѣтописью (См. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, изданное Срезневскимъ, Спб. 1860, и Чтеніе о житіи и чудесѣхъ Бориса и Глѣба, изданное Бодянскимъ въ Чт. Об. И. и Д. 1859. №. 1). Это обстоятельство въ свою очередь указываетъ на болѣе позднюю редакцію самого лѣтописнаго свода, неправильно приписаннаго тому же Нестору.

[32]) Эймундова сага въ Antiquités Russes. T. II. (Она была переведена на Русскій языкъ Сеньковскимъ, и напечатана въ Библіотекѣ для Чтенія 1834 г. т. II). Эта сага приписываетъ Эймунду убіеніе Святополка, котораго она называетъ Бурислейфомъ. Затѣмъ она разсказываетъ о войнѣ Ярослава съ Вартиславомъ (т. е. Брячиславомъ) Полоцкимъ; при чемъ баснословитъ, будто Эймундъ, перешедшій на службу Полоцкаго князя, устроилъ между братьями мирный договоръ, по которому они раздѣлили между собою Гардарикію (т. е. Русь): Ярославъ остался новогородскимъ княземъ, Вартиславъ получилъ Кіевъ, а Полоцкое княжество отдано было Эймунду. Послѣдній, умирая, передалъ это княжество товарищу своему Рагнару. На баснословный характеръ саги указываетъ и то обстоятельство, что она, повѣствуя о борьбѣ Ярислейфа съ Бурислейфомъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ участіи въ ней польскаго короля.

Передъ началомъ этихъ событій въ лѣтописи Русской помѣщенъ расказъ о столкновеніи Новогородцевъ съ Варягами Ярослава; при чемъ первые избили многихъ наемниковъ на дворѣ какого то Парамона. Тогда князь удалился за городъ въ свое село Ракому, зазвалъ сюда зачинщиковъ этого избіенія, и велѣлъ ихъ умертвить.

Но въ туже ночь изъ Кіева отъ сестры его Предиславы пришли вѣсти о смерти Владиміра и злодѣйствахъ Святополка. На другой день Ярославъ созываетъ вѣче, и кается въ своемъ жестокомъ поступкѣ съ Новогородцами; а послѣдніе примиряются съ нимъ, и вооружаются на Святополка. Весь этотъ расказъ отзывается искусственнымъ, драматическимъ построеніемъ. Столкновенія между гражданами и буйными Варягами происходили конечно нерѣдко. А смерть Владиміра и дѣянія Святополка были не такія тайныя событія, вѣсть о которыхъ могла достигнуть до Новгорода только съ помощью Предиславы и неиначе какъ въ критическую минуту вѣроломнаго умерщвленія новогородскихъ гражданъ.

[33]) О битвахъ Ярослава съ Святополкомъ подъ Любечемъ и на рѣкѣ Альтѣ повѣствуетъ только Русская лѣтопись; она же говоритъ и о сраженіи на Бугѣ. Сообщенныя ею перебранки съ непріятелемъ были въ духѣ того времени, и подтверждаются, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, извѣстіями древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ, каковы: Мартинъ Галлъ и Кадлубекъ, писавшіе въ XII вѣкѣ (См. Monumenta Poloniae. Бѣлевскаго. Т. I и II).

О войнѣ Ярослава съ Болеславомъ Храбрымъ, кромѣ Русской лѣтописи, мы имѣемъ извѣстія иноземныя. Первое мѣсто между ними принадлежитъ нѣмецкому лѣтописцу Дитмару (Dithmari Chronicon. Гл. III и отчасти VII). Его извѣстія наиболѣе достовѣрны какъ современника этихъ событій. Относительно хронологіи онъ согласенъ съ нашею лѣтописью. Впрочемъ онъ не всегда дѣлаетъ точныя сообщенія по отношенію къ отдаленной отъ него Руси. Такъ, говоря о взятіи Болеславомъ Кіева (который онъ называетъ *Китава*), Дитмаръ прибавляетъ, будто въ этомъ великомъ городѣ уже тогда находилось 400 церквей—число невѣроятное,—и будто населеніе его составилось изъ какихъ то бѣглыхъ рабовъ, и преимущественно изъ быстрыхъ Дановъ или Данаевъ. За тѣмъ слѣдуютъ извѣстія польскихъ лѣтописцевъ, Мартина Галла, Богуфала, Кадлубка и Длугоша. Но эти извѣстія отличаются большимъ хвастовствомъ и реторикой. Напримѣръ, онѣ повѣствуютъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ надрубилъ его Золотыя ворота, въ знакъ своей побѣды; а Золотыя ворота еще не были тогда и построены. Особеннымъ многословіемъ и баснословіемъ отличается въ этомъ случаѣ Длугошъ, хотя онъ много пользовался и русскими лѣтописями. Такъ, по его словамъ, Болеславъ будтобы поставилъ на Днѣпрѣ, при впаденіи Сулы, какіе то желѣзные столпы, чтобы отличить предѣлы своего королевства. Король польскій у него произноситъ къ войску длинныя рѣчи въ духѣ классическихъ писателей; онъ одерживаетъ надъ Ярославомъ четыре великія побѣды, почти всѣ на той же рѣкѣ Бугѣ, и пр. Хронологія данныхъ событій у него также невѣрна. Послѣдующіе польскіе историки (Кромеръ, Сарницкій и др.) по большей части повторяютъ тѣже расказы. Еще

Карамзинъ указывалъ на ихъ противорѣчія и недостовѣрность (См. примѣч. 15—18 ко II тому его исторіи).

[34]) Объ этомъ походѣ не упоминаютъ старшіе лѣтописные своды, т. е. Лаврентьевскій и Ипатскій; о немъ говорятъ позднѣйшіе, именно: Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій. Но очевидно онъ заимствованъ изъ древнѣйшаго источника. Относительно мѣстности, называвшейся Желѣзными Воротами, высказаны были разныя мнѣнія. Татищевъ разумѣлъ здѣсь Уральскій хребетъ и страну Югровъ; его мнѣніе принялъ Миллеръ. Карамзинъ подразумѣвалъ землю Мордовскую или Черемисскую (къ т. II. прим. 64). Шёгренъ указалъ на Зырянскій край, именно село Водчу въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на р. Сысолѣ: близъ этого села есть холмъ или городище, называемое въ народномъ преданіи Желѣзными Воротами (Sjögrens Gesam. Shriften. I. 531). Его мнѣніе принялъ Соловьевъ. Наконецъ г. К. Поповъ въ своемъ очеркѣ Зырянъ (Извѣстіе Общ. Любителей Естествознанія. Москва. Т. VIII. выпускъ 2. стр. 39) также указываетъ на Зырянскій край и Устьсысольскій уѣздъ, но только далѣе къ востоку около самаго Уральскаго хребта. Онъ приводитъ выписку изъ замѣтокъ г. Арсеньева (Вологод. губ. Вѣд. 1866. № 47), а именно: рѣка Шугора, притокъ Печоры, берущій начало въ Уральскомъ хребтѣ, въ одномъ мѣстѣ такъ стѣснена каменистыми крутыми берегами, что мѣсто это у туземцевъ называется *Ульдоръ-Кырта*, т. е. Желѣзныя Ворота. Очевидно подобное названіе не принадлежало исключительно какой либо мѣстности, и встрѣчалось не одинъ разъ. (Напомнимъ, что таже Русская лѣтопись называетъ Желѣзными воротами и Кавказскій Дербентъ). Мы считаемъ вѣроятнымъ, что походъ Новогородцевъ былъ предпринятъ именно въ Зырянскій или Югорскій край; но не думаемъ, чтобы лѣтописецъ подъ Желѣзными воротами разумѣлъ какую либо незначительную мѣстность на рр. Сысолѣ или Шугорѣ, извѣстной только у окрестныхъ туземцевъ, и едва ли Татищевъ не былъ ближе другихъ къ истинѣ, указывая вообще на Уральскія горы.

[35]) О бракѣ русской княжны съ Казиміромъ, кромѣ Русской лѣтописи, говорятъ Мартинъ Галлъ, Богуфалъ, Лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo) и Длугошъ. Если Марія, по словамъ Длугоша, была дочерью Анны, супруги Владиміра Великаго, которая умерла въ 1011 году, то во время бракосочетанія съ Казиміромъ, она не могла имѣть менѣе 32 лѣтъ. Лѣтописецъ Саксонскій называетъ ее не сестрою, а дочерью великаго князя Кіевскаго. О женитьбѣ Изяслава Ярославича на сестрѣ Казиміра упоминаютъ наши позднѣйшіе лѣтописные своды, т. е. Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій.

[36]) Главными источниками для объясненія войны 1043 года служатъ Русская лѣтопись, Пселлъ, Кедренъ и Зонара. Кромѣ того краткое упоминаніе о ней встрѣчается у Глики и Ефремія. Замѣчательно, что объ участіи Варяговъ въ этой войнѣ и объ ихъ совѣтѣ

идти на самый Царьградъ сообщаютъ не старѣйшіе своды лѣтописей, а позднѣйшіе. Извѣстіе ихъ подтверждаетъ Скилица—Кедренъ, который говоритъ, что въ числѣ русскихъ войскъ были союзники, обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана. (Ясно, что въ прежнихъ походахъ Руси подъ Царьградъ, 865 и 941 гг., варяжскія дружины не участвовали; иначе византійская исторіографія неумолчала бы о томъ). Въ данномъ случаѣ мы отдаемъ предпочтеніе Скилицѣ—Кедрену передъ Пселломъ, хотя послѣдній былъ очевидцемъ событія; по словамъ его Русскіе начали войну будто-бы безъ всякой причины, изъ одной ненависти къ греческой *игемоніи*.

37) См. саги объ Олавѣ Св., Магнусѣ Добромъ и Гаральдѣ Смѣломъ въ Antiquités Russes.

38) Acta Sanctorum. Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores. Lambert. Aschaffenburg. Turoc. Chronic. Hung. Снорро Стурлезонъ. Адамъ Бременскій и пр. О родственныхъ союзахъ и сношеніяхъ Ярослава съ европейскими государями самое обстоятельное разсужденіе съ указаніемъ на источники остается доселѣ то, которое принадлежитъ Карамзину. См. къ т. II примѣч. 40—48 и 59.

39) Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ и Никоновскомъ, заложеніе Кіевской Софіи и Золотыхъ воротъ отнесено къ 1017 году, тогда какъ въ старѣйшихъ сводахъ, т. е. Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ, оно упомянуто подъ 1037 годомъ. Отсюда возникли разныя мнѣнія и споры между учеными о времени основанія св. Софіи. (Всѣ эти мнѣнія сопоставлены въ „Описаніи Кіева“ Закревскимъ, стр. 760 и далѣе). Мы принимаемъ годъ старѣйшихъ сводовъ, который болѣе согласенъ съ обстоятельствами: до 1037 года мѣсто Софіи было еще за чертою стараго Кіева, въ полѣ. Свидѣтельство Дитмара, умершаго въ 1018 году, ясно указываетъ, что до построенія этого храма Ярославомъ въ Кіевѣ уже существовалъ храмъ того же имени; Дитмаръ прибавляетъ, что онъ вмѣстѣ съ своимъ монастыремъ подвергся пожару въ 1017 году.

Относительно построенія старой и новой Софіи въ Новгородѣ источники также представляютъ нѣкоторыя разнорѣчія. Такъ въ Ипатьевской и Лаврентьевской просто говорится о заложеніи каменнаго собора въ 1045 г. княземъ Владиміромъ. Тоже сказано и въ Новгородской первой лѣтописи съ прибавкою извѣстія о пожарѣ старой церкви: „въ лѣто 6553 (1045) сгорѣ св. Софія въ суботу по заутрени въ часъ 3-й, мѣсяца марта въ 15-е. Того же лѣта заложена бысть св. Софія Новгородѣ Владиміромъ княземъ“. Въ Новгородской второй стоитъ тотъ же годъ, и прибавлено, что сгорѣвшая деревянная церковь была о 13 верхахъ, построена владыкою Іакимомъ и стояла 4 года; а положеніе ея опредѣлено такъ: „конецъ Епископской улицы надъ рѣкою Волховомъ, гдѣ нынѣ (т. е. во время лѣтописца) Сотко поставилъ церковь Бориса и Глѣба“. Въ

Новгородской третьей лѣтописи кончина владыки Іакима отнесена къ 1030 году; слѣдовательно, если онъ былъ строитель деревянной Софіи, то послѣдняя стояла не 4 года, а гораздо долѣе. Въ той же лѣтописи прибавлено, что новую каменную церковь, заложенную въ 1045 г., строили 7 лѣтъ, а расписывали ее иконные писцы, приведенные изъ Царьграда. Тамъ же находится и сказаніе объ образѣ Спаса съ благословенною рукою. Въ Воскресенской, Софійской и Никоновской лѣтописяхъ закладка каменной Софіи отнесена также къ 1045 году, но освященіе ея къ 1050; а между этими годами, именно подъ 1049 стоитъ извѣстіе, конечно ошибочное, о пожарѣ старой, деревянной церкви.

[40]) Распорядокъ удѣловъ, приписанный самому Ярославу, очевидно въ этомъ видѣ устроился уже послѣ его смерти и невдругъ, а послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ и соглашеній между братьями. О распредѣленіи областей между сыновьями Ярослава см. разсужденіе въ Исторіи Карамзина (къ т. II примѣч. 50) и въ Исторіи Соловьева (къ т. II. прим. 27).

[41]) Мнѣнія о томъ, на какой Немизѣ происходила означенная битва, различны (см. въ Исторіи Соловьева къ т. II. прим. 37 и въ описаніи Минской губерніи Зеленскаго. Т. I. стр. 6). Мы думаемъ, что Всеславъ по всей вѣроятности шелъ на помощь Минску, но опоздалъ, и сразился съ Ярославичами подъ этимъ городомъ на рѣчкѣ Немизѣ, которая протекала чрезъ самый Минскъ; теперь эта рѣчка пересохла.

[42]) Кромѣ нашихъ лѣтописей главныя свѣдѣнія объ Узахъ и Куманахъ заключаются у писателей византійскихъ, каковы: Константинъ Багрянородный, Скилица — Кедренъ, Зонара, Анна Комненъ, Георгій Акрополита, Никита Хоніатъ, Георгій Пахимеръ, Никифоръ Грегора, Іоаннъ Кантакузенъ и Георгій Кодинъ (см. у Стриттера т. III. ч. 2. Uzica и Comanica). О родствѣ Печенѣговъ съ Половцами свидѣтельствуетъ Анна Комненъ, которая говоритъ, что Куманы и Печенѣги говорили однимъ языкомъ. Куманскій словарь (записанный Генуезцами въ началѣ XIV вѣка и обнародованный Клапротомъ въ Memoires relatives à l'Asie, т. III) свидѣтельствуетъ, что языкъ Комановъ составлялъ вѣтвь Туркотатарскаго семейства. Полагаютъ, что названіе *Куманы* означаютъ „степняки", и что русское Половцы есть переводъ этого названія, произведенный отъ слова *поле*, *степь*. „Кумъ" на языкѣ татарскихъ народовъ значитъ песокъ; отсюда пожалуй можно заключить, что Куманы это собственно обитатели песчаныхъ степей. По свидѣтельству путешественника XIII вѣка Рубруквиса Куманы сами себя называли *Капчатъ*. (Кипчаками доселѣ называется часть Киргизовъ).

Что касается до Торковъ, нѣкоторые считаютъ ихъ остаткомъ Угровъ, изгнанныхъ изъ южной Россіи Печенѣгами въ IX вѣкѣ. Угры дѣйствительно у византійскихъ писателей называются иногда

не только Гуннами, но и Турками. Но русскіе лѣтописцы хорошо знали Угровъ и всегда отличали ихъ этимъ именемъ. Мы, вслѣдъ за Карамзинымъ, находимъ болѣе вѣроятнымъ, что Торки нашихъ лѣтописей тождественны съ Узами византійскихъ и Гузами арабскихъ писателей. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и послѣдовательность ихъ появленія въ русской лѣтописи, послѣ Печенѣговъ, прежде Половцевъ. (Въ числѣ туркменскихъ родовъ доселѣ существуютъ Угузы, т. е. Узы или Гузы. См. газетныя извѣстія въ мартѣ 1875 года о походѣ полковника Иванова за Аму Дарью для наказанія Туркменъ). Что Торки были одноплеменны Печенѣгамъ, Половцамъ и Туркменамъ, о томъ прямо свидѣтельствуетъ нашъ лѣтописецъ. Подъ 1096 годомъ онъ говоритъ о четырехъ колѣнахъ Измаильскихъ: „Торкмени, и Печенѣги, и Торци, и Кумани рекше Половци". Торки и Торкмены очевидно одно и тоже названіе, хотя въ данномъ случаѣ первое относится ко второму какъ видъ къ роду. Потомки Торковъ, поселенныхъ на южныхъ границахъ Руси, какъ мы сказали, являются въ нашихъ лѣтописяхъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ; а это имя есть ничто иное какъ переводъ турко-татарскаго названія Кара-Калпаки. Послѣднее названіе принадлежитъ въ наше время одному туркестанскому племени, которое хотя и родственно Туркменамъ, однако имѣетъ свои отличія. Подъ именемъ Половцевъ Русская лѣтопись смѣшиваетъ иногда вмѣстѣ Кумановъ и Узовъ; безъ сомнѣнія часть послѣднихъ (и нѣкоторая часть Печенѣговъ) осталась въ южнорусскихъ степяхъ и смѣшалась съ Куманами.

Изъ отдѣльныхъ трактатовъ, посвященныхъ этимъ народамъ, упомянемъ: *Сума* „Историческое разсужденіе объ Узахъ или Половцахъ" (Чт. Об. И. и Др. годъ III. № 8. Съ датскаго переводъ протоіерея Сабинина), *Куника* „О торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ" (Учен. Записки Академіи по 1 и 3-му отдѣленіямъ. Т. III. 1855 г.) и *Блау* Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen (Zeitschrift der deutschen Morgenlaendischen Gesellschaft. Leipz. 1875. III и IV Heft). На основаніи помянутаго выше Куманскаго словаря, Блау относитъ Кумановъ къ Узбекской вѣтви Турецкаго племени, т. е. къ той вѣтви, которая составляетъ господствующее населеніе Хивинскаго ханства. (Та же вѣтвь составила ядро Киргизъ-Кайсацкаго народа). Въ русской литературѣ укажемъ еще на очеркъ г. *Мельгунова* „Русь и Половцы" (Свѣдѣнія о гимназіи Креймана. М. 1873). Къ Куманамъ относится самое древнее извѣстіе о *каменныхъ бабахъ,* т. е. о тѣхъ грубыхъ изваяніяхъ, которыя встрѣчаются на курганахъ всей южной и юговосточной Россіи и частію въ Сибири. Именно Рубруквисъ упоминаетъ объ обычаѣ Кумановъ ставить эти изваянія на могильныхъ насыпяхъ въ честь своихъ покойниковъ. См. гр. Уварова „Свѣденія о каменныхъ бабахъ" съ указаніемъ литературы этого предмета (Труды перваго Археологич. съѣзда).

43) Объ осадѣ и взятіи Перемышля Болеславомъ Смѣлымъ довольно пространно повѣствуетъ Длугошъ.

44) О нѣмецкомъ посольствѣ къ Святославу Ярославичу см. Lamberti Schafnaburgensis Chronicon подъ 1075 г. Грамоты Григорія VII къ Изяславу и Болеславу напечатаны въ Historica Russiae Monumenta. Т. I. №№ 1 и 2. По словамъ Татищева, Болеславъ, хотя и былъ вдвойнѣ родственникъ Изяславу, но еще ближе приходился Святославу, на дочери котораго онъ былъ женатъ.

45) О заточеніи Олега на островъ Родосъ упоминаетъ игуменъ Даніилъ въ своемъ „Хожденіи" въ Іерусалимъ.

46) П. С. Р. Лѣт. О дочеряхъ Всеволода см. у Карамз. къ т. II примѣч. 156 и 157. Критическій сводъ всѣхъ латинскихъ извѣстій о супружествѣ Евпраксіи съ Генрихомъ IV находимъ у Круга во второмъ томѣ его Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St. Petersb. 1848.

47) Въ лѣтописи о мѣстѣ съѣзда сказано: „въ Увѣтичахъ". Нѣкоторые ученые старались опредѣлить, гдѣ лежали эти Увѣтичи, и дѣлали разныя предположенія. Но тутъ очевидное недоразумѣніе. Въ древнѣйшемъ спискѣ конечно стояло: „у витичева"; малограмотный списатель, не разобравъ хорошо, принялъ это за одно слово и для большей ясности прибавилъ предлогъ *въ*. Впрочемъ настоящее чтеніе встрѣчаемъ у Татищева: „на Вятичевѣ".

48) П. Собр. Рус. лѣтописей.

49) Мономахово Поученіе сохранилось только въ одной Лаврентьевской лѣтописи. Расказъ Владиміра о своемъ дѣятельномъ, простомъ образѣ жизни подтверждается Посланіемъ о Постѣ, которое митрополитъ Никифоръ написалъ для того же князя. Тамъ говорится о Мономахѣ, что онъ „болѣе на землѣ спитъ и дому бѣгаетъ и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсамъ ходя сиротину носитъ одежду и по пути въ градъ входя, волости дѣля, въ властительную ризу облачится". (Русскія Достопамятности I. 68). Оцѣнку Поученія какъ „памятника религіозно-нравственныхъ воззрѣній", см. въ статьѣ С. Протопопова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1874. Февраль).

50) П. С. Лѣт. Т. II.

51) Лѣтопись наша (именно Ипатьевская) только вкратцѣ упоминаетъ подъ 1122 годомъ: „И Володаря яша Ляхове лестью, Василькова брата". Подробности мы находимъ въ латино-польскихъ источникахъ, именно у Герборда въ жизни Оттона, епископа Бамбергскаго, у Кадлубка и Богуфала. (См. Бѣлевскаго Monumenta Poloniae Historica. Т. II. стр. 2, 74, 350 и 508). О захватѣ русскаго князя они сообщаютъ несовсѣмъ согласно; по Кадлубку и Богуфалу онъ былъ схваченъ на пиру; но вѣроятнѣе и обстоятельнѣе другихъ расказываетъ о взятіи его на охотѣ и выкупѣ Гербордъ. Длугошъ говоритъ, будто Володарь былъ плѣненъ въ сраженіи. Онъ прибавляетъ, что Болеславъ взялъ за Володаря окупу 20.000 марокъ се-

ребра и 500 сосудовъ, т. е. блюдъ, чашъ и ковшей греческой работы. Ипатьевская лѣтопись подъ 1145 годомъ сообщаетъ о судьбѣ вѣроломнаго Петра Власта. Преемникъ Болеслава Кривоустаго Владиславъ II велѣлъ его ослѣпить, урѣзать ему языкъ, разграбить его домъ и выгнать его съ женою и дѣтьми. Онъ нашелъ убѣжище на Руси.

[52]) См. у Карамз. т. II. глава VII и прим. 240 и 241.

[53]) О предпріятіи Леона Діогеновича и посылкѣ русскаго войска Владиміромъ Мономахомъ въ дунайскіе города сообщаютъ почти всѣ списки русскихъ лѣтописей, которые при этомъ называютъ Леона зятемъ Владиміра (за исключеніемъ Густынской, которая называетъ его зятемъ Володаря).

Къ тому же времени относится сомнительный разсказъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ о томъ, что русскія войска разорили Ѳракію и осадили самый Константинополь. Тогда устрашенный императоръ Алексѣй Комненъ будто бы послалъ къ Владиміру Мономаху ефесскаго митрополита Неофита и другихъ знатныхъ людей съ просьбою о мирѣ и съ богатыми дарами, между которыми находились: крестъ изъ животворящаго древа, золотой вѣнецъ, золотая цѣпь и бармы (оплечье) императора Константина Мономаха, сердоликовая чаша императора Августа, скипетръ и пр. Неофитъ торжественно возложилъ на Владиміра вѣнецъ и бармы, и назвалъ его царемъ. (См. своды Никоновскій, Воскресенскій и Густынскій, а также о рукописныхъ повѣстяхъ у Карамз. къ т. II прим. 220). По всей вѣроятности этотъ расказъ сложился во времена гораздо болѣе позднія, чѣмъ XII вѣкъ, между прочимъ для того, чтобы объяснить происхожденіе знаменитой Мономаховой шапки и другихъ регалій, которыя возлагались при короновавіи великихъ князей и царей московскихъ; онѣ и доселѣ употребляются при коронаціи нашихъ царей (хранятся въ Московск. Оружейн. палатѣ).

Замѣчательно, что греческіе источники совсѣмъ не упоминаютъ ни о Львѣ Діогеновичѣ, какъ зятѣ Мономаховомъ, ни о войнѣ послѣдняго съ Греками. По ихъ извѣстіямъ, сынъ Діогена Константинъ еще ранѣе того погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антіохіи (см. у Вріеннія и Анны Комненъ); а послѣ того явился какой то самозванецъ, выдававшій себя за этого сына Діогена. Онъ былъ сосланъ въ Херсонесъ Таврическій, оттуда бѣжалъ къ Половцамъ и вмѣстѣ съ ними вторгся во Ѳракію, но былъ обманомъ захваченъ въ плѣнъ Греками и ослѣпленъ. О походѣ съ Половцами на Греческую землю и ослѣпленіи его упоминаютъ и всѣ наши лѣтописи подъ 1095 г., называя этого самозванца просто Девгеничемъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ и въ предпріятіи этого Лжеконстантина участвовали не одни Половцы, но и Русь. Онъ дѣйствительно проникъ во Ѳракію и осадилъ Адріанополь. (См. Васильевскаго „Византія и Печенѣги“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872

г. Декабрь). Можетъ быть это предпріятіе и подало поводъ къ вышеупомянутому расказу о войнѣ Руссовъ во Ѳракіи (причемъ вмѣсто Адріанополя названъ Константинополь) и присылкѣ даровъ Владиміру Мономаху. Но и другой сынъ Діогена Леонъ, по словамъ Анны Комненъ, былъ убитъ не въ Дорпстолѣ, а въ сраженіи съ Печенѣгами, въ 1088 г. Итакъ кто же былъ зятемъ Владиміра, истинный царевичъ или самозванецъ? Вообще всѣ эти извѣстія довольно темны и сбивчивы. Г. Васильевскій предлагаетъ догадку, что Романъ Діогенъ кромѣ упомянутыхъ имѣлъ и другихъ сыновей, такъ какъ онъ женатъ былъ два раза; что кромѣ Льва, родившагося отъ втораго брака, у него вѣроятно былъ еще сынъ Левъ отъ перваго брака, и что этотъ то послѣдній, названный въ нашей лѣтописи зятемъ Владиміра Мономаха, былъ женатъ не на дочери его, а на сестрѣ. („Русско-Византійскіе отрывки". Журн. Мин. Н. Пр. 1875. Декабрь). Предположеніе о двухъ Львахъ, сыновьяхъ Діогена отъ разныхъ матерей, находимъ вполнѣ вѣроятнымъ; но полагаемъ, что, на оборотъ, Левъ, убитый въ 1088 г., происходилъ отъ перваго брака, а Левъ, погибшій въ 1116 г., рожденъ отъ втораго, когда Діогенъ уже царствовалъ (1067—1071), и слѣдовательно зять Владиміра Мономаха былъ не только истинный царевичъ, но и „порфирородный". Что же касается до предложенія преемника Діогенова Михаила VII Дуки (1071—1078), который сваталъ для своего брата Константина дочь какого то князя, то г. Васильевскій основательно полагаетъ, что этотъ князь былъ никто иной какъ Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха. (Объ этомъ сватовствѣ идетъ рѣчь въ двухъ письмахъ Михаила VII, обнародованныхъ ученымъ грекомъ Саѳою въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des etudes greques en France. 1875). Но сватовство очевидно не состоялось; также какъ вѣроятно не успѣло окончиться бракомъ и то сватовство Михаилова предшественника, на которое есть намекъ въ данныхъ письмахъ. Можетъ быть, въ обоихъ случаяхъ оно относилось къ извѣстной Янкѣ дочери Всеволода, которая не даромъ же осталась дѣвицею, и, будучи монахиней, предпринимала путешествіе въ Царьградъ.

О смерти Василька Леоновича Кіевская лѣтопись (по Ипат. списку) упоминаетъ подъ 1196 г. Иначе она называетъ его тутъ же „Василько Маричичъ, внукъ Володиміра", т. е. по матери Маріи. Очевидно Леоновичъ и Маричичъ одно и тоже лицо. Таже лѣтопись сообщаетъ и о бракѣ Мономаховой внучки съ греческимъ царевичемъ; о какомъ царевичѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Карамзинъ полагалъ, что это Алексѣй, сынъ императора Іоанна Комнена (т. II. прим. 242).

54) „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ", изданныя по тремъ разнымъ спискамъ О. М. Бодянскимъ въ Чтен. Об. И. и Др. 1859 кн. I, и 1870 кн. 3. „Сильвестровскій списокъ Сказаній о свв. Борисѣ и Глѣбѣ", изданный отдѣльно И. И. Срезневскимъ по порученію

Археологич. Общества. Спб. 1860. Въ томъ и другомъ изданіи помѣщены Сказанія въ двухъ редакціяхъ: первая редакція болѣе древняя и оканчивающаяся перенесеніемъ мощей въ 1072 г., принадлежитъ Нестору, который самъ свидѣтельствуетъ о томъ въ концѣ. Вторая редакція, оканчивающаяся перенесеніемъ 1115 года, болѣе украшена и очевидно болѣе поздняго происхожденія (о томъ см. ниже въ прим. 58). О существованіи Борисоглѣбской церкви въ Константинополѣ свидѣтельствуетъ Путешествіе новогород. архіепископа Антонія, изданное подъ редакціей Саваитова. Спб. 1872.

[55]) См. у Миня S. Theodorus Studita. Patrologiae tomus XCIX. Полнѣйшій и древнѣйшій изъ славянскихъ списковъ Студійскаго устава, хранится въ Москов. Синод. библіотекѣ подъ № 330. (Опис. рукописей Синод. библ. III. стр. 229). Нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о редакціи Студійскаго устава, принадлежащей патріарху Алексію въ перв. половинѣ XI вѣка, и вліяніи этого устава на монастыри греческіе и итальянскіе см. у архим. Сергія „Полный мѣсяцесловъ востока". Т. I. М. 1875.

[56]) Источниками для начальной исторіи Кіевопечерскаго монастыря и его подвижниковъ служатъ: Полн. Соб. Рус. Лѣт. (списки Ипатской и Лаврент.). Житіе Ѳеодосія игумена Печерскаго, изданное Бодянскимъ по списку XII вѣка въ Чт. Об. И. и Др. 1858 г. кн. 3-я. Въ русскомъ переводѣ преосв. Филарета Харьковскаго это житіе издано въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ. Кн. II. 1856 г. Посланіе епископа Симона къ Поликарпу, напечатанное въ Памятникахъ XII вѣка, изданныхъ Калайдовичемъ. М. 1821. Тоже житіе Ѳеодосія, Похвальное слово ему, а также сказанія Симона и Поликарпа, относящіяся къ началу Печерскаго монастыря и къ построенію Успенскаго храма, см. въ „Памятникахъ Литературы XII и XIII вѣковъ" В. Яковлева. Спб. 1872. Сказанія эти напечатаны имъ по рукописнымъ сборникамъ Патерика Печерскаго и другимъ рукописямъ Импер. Публич. библіотеки. Кромѣ того, „О началѣ монашества въ Россіи" въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отцовъ, годъ VIII. кн. 4. О Патерикѣ Печерскомъ см.: Кубарева въ Чтен. Об. И. и Др. 1847. № 9, и 1858. № 3.; Казанскаго во Времен. Об. И. и Др. № 7, и „Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго патерика" въ Извѣст. 2-го Отдѣленія Акад. Н. т. V.

[57]) Упомянутыя сочиненія митрополитовъ Іоанна и Никифора напечатаны въ Русс. Достопамятностяхъ. Часть I. М. 1815, и въ Памятникахъ XII вѣка, изданныхъ Калайдовичемъ. М. 1821. Сочиненія Иларіона изданы въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отцовъ. 1844 г. и въ Чтеніяхъ Моск. Об. И. и Др. 1848 г. № 7. съ предисловіемъ Бодянскаго. Объ этихъ сочиненіяхъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній см. у Шевырева въ его „Исторіи Русской словесности, преимущественно древней". М. 1846. Лекція шестая. Тому же Иларіону приписываютъ еще „Поученіе о пользѣ душевной", но едвали основательно; на что указалъ преосвященный Макарій

въ своей „Исторіи Рус. Церкви“ II. 81. Похвала Владиміру Іакова Мниха напечатана въ Христіанскомъ Чтеніи 1849 г. Тамъ помѣщено и Житіе Владиміра, которое считаютъ произведеніемъ того же Іакова, но совершенно несправедливо; такъ какъ это житіе имѣетъ признаки гораздо позднѣйшаго сочиненія. Существуетъ еще „Посланіе къ князю Димитрію“, сочинитель котораго называетъ себя также монахомъ Іаковомъ: онъ увѣщеваетъ своего духовнаго сына воздерживаться отъ пьянства и нецѣломудренной жизни. Думаютъ, что посланіе принадлежитъ тому же Іакову, а въ Димитріѣ хотятъ видѣть великаго князя Изяслава Ярославича. Но и это сомнительно. Востоковъ указывалъ на великаго князя Димитрія Александровича, т. е. на XIII вѣкъ (Описаніе рукописей Румянц. музея. 304). Посланіе это вполнѣ напечатано въ Исторіи Рус. Церкви Макарія. II. Примѣч. 254. Слова и поученія Θеодосія, отчасти вполнѣ, отчасти въ отрывкахъ, изданы тѣмъ же преосвящ. Макаріемъ въ Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ. Кн. II. 1856 г. См. его же статью „Преподобный Θеодосій Печерскій какъ писатель“ въ Историческихъ Чтеніяхъ о Языкѣ и Словесности“. Спб. 1855. О сочиненіяхъ Θеодосія, Іоанна и Никифора, относившихся къ отличіямъ Латинской церкви, любопытныя данныя собраны въ „Обзорѣ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ“ Андр. Попова. М. 1875. Этотъ добросовѣстный изслѣдователь приводитъ византійскіе первообразы, которымъ слѣдовали помянутыя сочиненія, особенно посланіе константинопольскаго патріарха Михаила Керуларія къ патріарху антіохійскому Петру, прилагая къ подлиннику и древній славянскій переводъ этого посланія.

[58]) Наши ученые изслѣдователи, каковы Погодинъ (Древняя Русская исторія), преосвященный Филаретъ („Обзоръ Духовной Русской литературы“ и „Исторія Русской церкви“), преосвященный Макарій („Исторія Русской церкви“) и И. И. Срезневскій (см. его изслѣдованія въ Извѣст. Акад. Н. т. II.), болѣе распространенную и болѣе украшенную редакцію сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ приписываютъ Іакову Мниху, автору Похвалы Владиміру, тому Іакову, котораго Θеодосій желалъ назначить своимъ преемникомъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Оно основано на томъ, что въ Похвалѣ Владиміру сочинитель говоритъ о своемъ прославленіи сыновей Владиміра, „свв. славныхъ мучениковъ Бориса и Глѣба“. Отсюда выходитъ, будто Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ написано послѣ сказанія Іакова; ибо Іаковъ былъ старше Нестора: Θеодосій предлагалъ Іакова въ игумены въ то время, когда Несторъ еще и въ монастырь не вступалъ. Но сличеніе обоихъ сочиненій убѣждаетъ насъ, что наоборотъ старшее изъ нихъ есть то, которое принадлежитъ Нестору. Второе, болѣе полное, болѣе украшенное цвѣтами краснорѣчія, очевидно кромѣ Нестора пользовалось и другими источниками; такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя отличія и прибавленія. Это второе сочиненіе дополнено

расказомъ о третьемъ перенесеніи мощей въ 1115 г.; тогда какъ Несторъ оканчиваетъ вторымъ перенесеніемъ, т. е. 1072 годомъ. Послѣднее обстоятельство конечно указываетъ на то, что болѣе полная редакція есть и болѣе поздняя. Какъ на признакъ позднѣйшаго происхожденія укажу еще на искаженный расказъ о смерти Глѣба, будто бы именемъ отца вызваннаго Святополкомъ изъ Мурома. По Несторовой редакціи Глѣбъ бѣжалъ изъ Кіева отъ грозящей опасности и былъ настигнутъ дорогою; что гораздо болѣе согласно съ логикой и съ обстоятельствами и прямо указываетъ на автора, по времени болѣе близкаго къ событію. Укажу также на Приточника, о которомъ упоминаетъ болѣе полное сказаніе въ своемъ началѣ; если тутъ разумѣется извѣстный Даніилъ Заточникъ, то опять имѣемъ явный признакъ позднѣйшаго сочиненія. Что касается до Іакова Мниха, автора Похвалы Владиміру, то по всей вѣроятности онъ написалъ подобную же похвалу Борису и Глѣбу; чѣмъ и можно объяснить его вышеприведенное о нихъ упоминаніе. Что Несторъ первый собралъ, привелъ въ порядокъ и изложилъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, о томъ онъ ясно свидѣтельствуетъ въ своемъ предисловіи: „Елико слышахъ отъ нѣкыхъ христолюбецъ, то да исповѣдѣ". И потомъ въ заключеніе Житія: „Се же азъ Несторъ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чюдесѣхъ святою и блаженою страстотерпцю сею, опаснѣ вѣдущихъ исписавы (испытавъ?), а другая самъ свѣды, отъ многихъ мала въписахъ, да почитающе славятъ Бога". Нѣтъ вѣроятія, что бы онъ не зналъ и не упомянулъ о подобномъ трудѣ, уже сдѣланномъ до него другимъ печерскимъ инокомъ, если бы таковой трудъ существовалъ. Не могъ бы онъ исключительно приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ только сокращалъ Іакова Мниха. Повторяю, приписанное послѣднему сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ есть очевидно сочиненіе гораздо позднѣйшее сравнительно съ Несторовымъ.

59) Мы съ намѣреніемъ распространяемся о Несторѣ и Сильвестрѣ, что бы воздать должное каждому изъ этихъ двухъ основателей русской исторіографіи и по мѣрѣ силъ способствовать болѣе правильному взгляду на происхожденіе нашей лѣтописи. Вопросъ о начальной Русской лѣтописи занималъ многихъ ученыхъ и имѣетъ обширную литературу. Назову важнѣйшіе труды по этому вопросу:

Шлёцера Nestor. 4 Bände. Göttingen 1802—1809. Этотъ трудъ переведенъ порусски Языковымъ. *П. Строева* „О византійскихъ источникахъ Нестора" въ Трудахъ Об. И. и Др. IV. (Ему принадлежитъ честь первому указать на хронику Георгія Амартола, какъ на главный источникъ для нашей начальной лѣтописи). *Перевощикова* „О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ" въ Трудахъ Рос. Акад. ч. IV. 1841. *Буткова* „Оборона лѣтописи Русской отъ навѣта скептиковъ" Спб. 1840. *Кубарева* „Несторъ" въ Рус. Историч. Сборникѣ 1842. т. IV. *Иванова* двѣ статьи о лѣтописяхъ въ Ученыхъ Зап. Казан. Университета. 1843. кн. 2 и 3. Кн. М. *Оболенска-*

го „Супрасльская лѣтопись". М. 1836, а также „Лѣтопись Переяславля Суздальскаго" во Временникѣ Об. И. и Др. IX., и „О первоначальной Русской лѣтописи". М. 1870, съ приложеніемъ 1875 г. *Бѣляева* „О Несторовой лѣтописи" въ Чт. Об. И. и Др. 1847. V. и еще во Временникѣ II и V. *Полѣнова* „Библіографич. обзоръ рус. лѣтописей". Спб. 1850. *Казанскаго* статьи о лѣтописяхъ во Времен. III, X и XIII. Болѣе всѣхъ посвятилъ труда и времени этому вопросу *М. П. Погодинъ*, который печаталъ изслѣдованія о немъ отдѣльно и въ повременныхъ изданіяхъ, а потомъ собралъ и свелъ ихъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи". Т. I и IV. Въ первомъ томѣ заключается и его полемика съ такъ наз. Скептическою школою, отвергавшею достовѣрность древней лѣтописи. Представителями этой школы были: *Каченовскій* „О баснословныхъ временахъ Русской исторіи" въ Учен. Зап. Москов. Универ. годъ III №№ 2 и 3., *С. Строевъ* „О мнимой древности Русской лѣтописи" Спб. 1835 и „О недостовѣрности древней Русской исторіи" Спб. 1834 (подъ псевдонимомъ Скромненко). Того же лѣтописнаго вопроса касались наши историографы *Татищевъ*, *Карамзинъ*, *Полевой* и *Соловьевъ* при обозрѣніи источниковъ Русской исторіи и памятниковъ древнерусской Словесности; кромѣ того *Шевыревъ* въ I томѣ своей „Исторіи Русской Словесности" и *Костомаровъ* „Лекціи" Спб. 1861. Далѣе замѣчательны труды: *Срезневскаго* въ Извѣстіяхъ Акад. Н. III; *Лавровскаго* „О лѣтописи Якимовской" въ Учен. Запискахъ втораго отд. Акад. Н. кн. II.; особенно *Сухомлинова* „О древней Русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ" въ Учен. Зап. втор. отд Акад. Н. III. и *Бестужева-Рюмина* „О составѣ Русскихъ лѣтописей" въ 4 выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи. Послѣдній трудъ представляетъ полный и тщательно составленный сводъ всѣхъ предыдущихъ работъ по этому вопросу.

Извѣстно, что составленіе Повѣсти временныхъ лѣтъ еще въ древней Россіи приписывалось кіевопечерскому иноку Нестору. Это мнѣніе доселѣ оставалось въ нашей исторіографіи; хотя нѣкоторые ученые уже высказывали сомнѣніе въ его справедливости и предположеніе, что начальная лѣтопись вѣроятно принадлежитъ не Нестору, а Сильвестру Выдубецкому. Мы рѣшительно присоединяемся къ послѣднему заключенію.

Вотъ главнѣйшія наши основанія:

1. Несторъ самъ заявляетъ о себѣ въ своихъ произведеніяхъ, именно въ Житіи Бориса и Глѣба и въ Житіи Θеодосія Печерскаго, заявляетъ согласно съ обычаемъ того времени въ предисловіи или въ послѣсловіи. Но въ лѣтописи онъ нигдѣ себя не называетъ и нигдѣ этого труда себѣ не приписываетъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописныхъ сводовъ въ заглавіи большею частію говорится: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Θеодосьева монастыря Печерскаго", и въ одномъ только Хлѣбниковскомъ спискѣ,

относящемся къ XVI вѣку, стоитъ: „Нестора, черноризца Ѳедосьева монастыря“. Но въ древнѣйшемъ спискѣ, Лаврентьевскомъ, совсѣмъ нѣтъ словъ о черноризцѣ Печерскаго монастыря. Очевидно это прибавка позднѣйшая, вставленная подъ вліяніемъ уже сложившагося мнѣнія, что лѣтопись принадлежитъ Нестору. Поводъ къ такому мнѣнію могъ подать инокъ печерскій Поликарпъ, который называетъ Нестора *лѣтописцемъ* въ своемъ посланіи къ Акиндину и въ житіи Никиты Затворника. Поликарпъ писалъ болѣе ста лѣтъ спустя послѣ Сильвестра: онъ или смѣшалъ его трудъ съ произведеніями Нестора, котораго авторская слава была велика особенно между печерскими иноками; или (что вѣроятнѣе) назвалъ послѣдняго лѣтописцемъ по отношенію къ Печерскому монастырю, т. е. къ его Житію Ѳеодосія, которое есть въ то же время начальная лѣтопись этого монастыря.

2. Сличеніе Повѣсти временныхъ лѣтъ съ несомнѣнными произведеніями Нестора, т. е. съ Житіемъ Бориса и Глѣба и съ Житіемъ Ѳеодосія, ясно указываетъ, что первая не могла быть написана тѣмъ же лицомъ: ибо между ними встрѣчаются существенныя разногласія. Напримѣръ, въ лѣтописи при расказѣ о введеніи Студійскаго устава въ Печерскій монастырь сказано, что Ѳеодосій принималъ всякаго приходящаго; „къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ ми лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего“. Между тѣмъ въ Житіи Ѳеодосія Несторъ говоритъ о себѣ: „пріятъ же быхъ игуменомъ Стефаномъ, и яко же отъ того остриженъ бывъ“. Отсюда ясно, что не Несторъ говоритъ о своемъ вступленіи въ монастырь семнадцатилѣтнимъ юношею при Ѳеодосіѣ; да онъ самъ въ Житіи не скрываетъ, что лично не зналъ игумена и писалъ о немъ по расказамъ другихъ. Разнорѣчіе въ расказѣ объ убіеніи Глѣба въ лѣтописи и въ сочиненіи Нестора мы уже приводили. (Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшей, не Несторовой, редакціи слѣдуетъ въ этомъ случаѣ лѣтописи). Затѣмъ можно указать на другія, болѣе мелкія, разногласія, каковы: разныя лица, посредствомъ которыхъ Ѳеодосій досталъ Студійскій уставъ, разница въ расказѣ о кончинѣ Ѳеодосія, о назначеніи ему преемника и пр. (Разногласія Нестора съ лѣтописью особенно ярко указаны Казанскимъ въ Отечест. Зап. 1851. Январь).

3. Что начальная лѣтопись составлена игуменомъ Сильвестромъ, о томъ онъ самъ свидѣтельствуетъ по обычаю въ концѣ ея, именно подъ 1110 годомъ: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимірѣ, княжащу ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у св. Михаила, въ 6624 (1116) индикта 9 лѣта, а иже чтетъ книги сія, то буди ми въ молитвахъ“. Обыкновенно думали, что Сильвестръ былъ только переписчикомъ Повѣсти и ея продолжателемъ. Несостоятельность такого предположенія вытекаетъ изъ сличенія начала Повѣсти съ приведенною сейчасъ припиской Силь-

вестра. Въ началѣ ея есть хронологическая роспись кіевскихъ князей отъ Олега до смерти Святополка Михаила. Слѣдовательно Повѣсть начата послѣ 1113 года, въ княженіе Мономаха; приписка Сильвестра тоже подтверждаетъ, что онъ написалъ свой лѣтописецъ при Мономахѣ и закончилъ трудъ въ 1116 году. Нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія предположить, что бы въ этотъ короткій промежутокъ времени (1113 — 1116) Несторъ въ Печерскомъ монастырѣ составилъ лѣтопись; а Сильвестръ успѣлъ достать ее и переписать, да еще выдать за собственное произведеніе, ни словомъ не упомянувъ о Несторѣ!

4. Свѣденія, добытыя для Повѣсти отъ весьма разнообразныхъ лицъ, между прочимъ отъ знатнѣйшихъ бояръ и самихъ князей (напримѣръ, договорныя грамоты) и нѣсколько оффиціальный характеръ лѣтописи указываютъ, что она принадлежала не простому, смиренному иноку, а игумену, который былъ вхожъ въ княжій дворецъ, призывался иногда въ княжую думу, участвовалъ въ торжествахъ, посольствахъ и т. п. (Оффиціальный характеръ лѣтописи доказывалъ и самъ главный защитникъ ея мнимой принадлежности Нестору М. П. Погодинъ. См. его Изслѣдд. и лекціи. IV. стр. 7). Что лѣтопись предпринята была игуменомъ Выдубецкаго монастыря и при поощреніи самимъ Мономахомъ, естественно вытекаетъ изъ близкихъ отношеній этого монастыря къ своему благодѣтелю Всеволоду и его потомству. И дѣйствительно, Повѣсть, послѣ знаменитой Печерской обители, слѣдитъ за главными событіями Выдубецкаго монастыря болѣе чѣмъ за какимъ либо другимъ. Особенно хвалебный тонъ лѣтописи ко всему, касающемуся Владиміра Мономаха, а также помѣщеніе его письма къ Олегу и Поученія дѣтямъ несомнѣнно указываютъ на личныя отношенія лѣтописца къ этому князю и на покровительство послѣдняго; что подтверждается и послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ лѣтописнаго труда назначеніемъ Сильвестра епископомъ въ родной Мономаху Переяславль.

5. Рядомъ съ мнѣніемъ, которое приписывало лѣтопись Нестору, въ древней Россіи сохранялось и другое мнѣніе: что начальная лѣтопись принадлежала Сильвестру. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ и намекъ на отношеніе этого труда къ Мономаху; можетъ быть, намекъ этотъ подкрѣплялся тогда какими либо лѣтописными или другими указаніями, до насъ недошедшими. А именно, въ Никонов. сводѣ подъ 1409 г. читаемъ: „И первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи на нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимери Мономасе оного великаго Селиверста Выдубецкаго не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилежно“.

Послѣ вопроса о сочинителѣ Повѣсти важенъ вопросъ объ ея источникахъ. Въ этомъ отношеніи господствуетъ мнѣніе, что лѣтописецъ пользовался нѣкоторыми сказаніями и повѣстями, будто бы написанными еще до него. Внесъ ли эти сказанія самъ начальный лѣ-

тописецъ или они внесены въ лѣтопись позднѣе, о томъ существуютъ разныя предположенія ученыхъ; ибо начальная лѣтопись не дошла до насъ въ своемъ первобытномъ видѣ, а дошла съ сокращеніями, вставками и искаженіями, которыя дѣлали въ ней позднѣйшіе списатели и составители сводовъ. Не отвергая позднѣйшихъ вставокъ, я нахожу, что мнѣніе какъ объ нихъ, такъ и о повѣстяхъ, которыми будто бы пользовался сочинитель лѣтописи, преувеличено. Напримѣръ, находящійся въ ней расказъ объ ослѣпленіи Василька считается отдѣльнымъ сказаніемъ, которое было написано какимъ то Василіемъ. Это предположеніе основывается на словахъ лѣтописи: „Василькови же сущю Володимери, и мнѣ ту сущю, присла по мя князь Давыдъ, и рече: Василю, шлю тя, иди къ Василкови, тезу своему" и т. д. Здѣсь раскащикъ называетъ себя Василіемъ. Но дѣйствительно ли отсюда слѣдуетъ, что была особая Повѣсть объ ослѣпленіи Василька, написанная какимъ то Василіемъ и вставленная въ лѣтопись? Полагаю, что нѣтъ. Во первыхъ, расказъ о Василькѣ тѣсно слитъ со всѣмъ остальнымъ, и невозможно найти, гдѣ начало, гдѣ конецъ этой будто бы вставленной повѣсти. Во вторыхъ, если сличимъ съ другими расказами очевидцевъ, на которыхъ ссылается Сильвестръ, то увидимъ, что онъ нерѣдко сохраняетъ тонъ раскащика и говоритъ отъ его имени въ первомъ лицѣ. Такъ подъ 1071 годомъ онъ передаетъ извѣстіе о волхвахъ, съ которыми имѣлъ дѣло Янъ Вышатичъ въ Суздальской землѣ. Очевидно все это онъ слышалъ отъ самого Яна, хотя и говоритъ о немъ здѣсь въ третьемъ лицѣ. Но подъ 1096 г. передаетъ расказъ новогородца Гюряты Роговича о диковинахъ въ Югрѣ и ведетъ этотъ расказъ уже въ первомъ лицѣ. Не укажи онъ прямо на разговоръ свой съ Гюрятою, и это извѣстіе можно бы почесть такою же вставкою или отдѣльнымъ письменнымъ сказаніемъ какъ и ослѣпленіе Василька. Очевидно никакой особой писанной повѣсти объ этомъ ослѣпленіи не существовало во время лѣтописца; а послѣдній просто передаетъ нѣкоторыя подробности изъ своихъ распросовъ какого-то Василія, который по порученію Давида Игоревича велъ переговоры съ Василькомъ, сидѣвшимъ въ темницѣ. Припомнимъ, что Василько Ростиславичъ послѣ Любецкаго съѣзда, проѣзжая мимо Кіева, остановился у Выдубецкаго монастыря и пріѣхалъ въ этотъ монастырь поклониться Св. Михаилу; здѣсь и ужиналъ; послѣ того, не заѣзжая въ Кіевъ, хотѣлъ продолжать путь, когда его заманилъ къ себѣ Святополкъ. Безъ сомнѣнія у Василька были какія то особенно дружескія связи съ Выдубецкимъ монастыремъ, и отсюда понятно, почему игуменъ этого монастыря Сильвестръ съ такими подробностями и такимъ участіемъ передаетъ бѣдствіе, постигшее князя. Подъ 1114 годомъ записанъ еще расказъ о сѣверныхъ диковинахъ, начинающійся словами: „Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдша ми Ладожане". Эти слова не означаютъ непремѣнно, чтобы лѣтописецъ самъ ходилъ въ Ладогу или что это извѣстіе есть позднѣйшая вставка. Лѣтописецъ вѣроятно и здѣсь ведетъ повѣствованіе отъ имени лица, которое ему

расказывало и которое ссылается какъ на свидѣтеля на Павла, ладожскаго посадника; а этотъ Павелъ былъ современникъ Сильвестра.

Что касается до виднаго мѣста, отведеннаго въ Повѣсти временныхъ лѣтъ начальной исторіи Кіевопечерской обители и дѣятельности Ѳеодосія, оно объясняется прежде всего великимъ значеніемъ и великою славою, которыми въ то время пользовалась эта обитель, и особенно тѣмъ сильнымъ, еще живымъ впечатлѣніемъ, которое оставилъ послѣ себя Ѳеодосій. Подробности, сюда относящіяся и приводимыя иногда въ первомъ лицѣ, точно также могли быть записаны Сильвестромъ прямо со словъ нѣкоторыхъ печерскихъ иноковъ. Весьма возможно, что подробности эти, покрайней мѣрѣ отчасти, принадлежатъ лично самому Сильвестру; ибо ничто не мѣшаетъ предположить, что онъ самъ былъ прежде инокомъ Печерскаго монастыря. Извѣстно, что многіе игумены и епископы того времени начали свое иноческое поприще именно въ Печерской обители. (Симонъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ, что число такихъ епископовъ было болѣе 30; между тѣмъ какъ источники поименно назвали только половину этого числа). Можетъ быть къ самому Сильвестру относятся извѣстныя слова: „къ нему же и азъ придохъ худый... и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17“. А также: „Азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ не доумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житія и воздержанія“. Или: „Молися за мя, отче честный, избывшему быти отъ сѣти непріязнены и отъ противника врага соблюди мя твоими молитвами“. Вообще дѣятельность Ѳеодосія въ томъ видѣ, въ какомъ она сообщена лѣтописью, по нѣкоторымъ признакамъ описана лицомъ знавшимъ его лично, однимъ изъ его учениковъ, но описана нѣсколько иначе, чѣмъ въ Житіи, которое принадлежитъ Нестору. Едвали нужно предполагать, что въ Повѣсть временныхъ лѣтъ вошли мѣста изъ какой то еще неизвѣстной намъ лѣтописи Печерскаго монастыря; все это могъ написать самъ Сильвестръ, отчасти по собственной памяти, отчасти по расказамъ другихъ иноковъ.

Точно также не вѣроятно и предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о лѣтописи, будто авторъ ея имѣлъ въ числѣ своихъ источниковъ сочиненія Іакова Мниха, именно Житіе Владиміра и Житіе Бориса и Глѣба. Мы уже замѣтили, что эти сочиненія несправедливо приписываются тому Іакову Мниху, который написалъ Похвалу Владиміру, и что онѣ принадлежатъ позднѣйшему времени. Сходство ихъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ лѣтописью объясняется заимствованіями изъ послѣдней, а не наоборотъ. Вопросъ о томъ, до какого года Сильвестръ довелъ свою Повѣсть, также рѣшали гадательно. Помянутая его приписка 1116 года приведена въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1110 г. Но отсюда еще нельзя утверждать, что онъ закончилъ свою лѣтопись именно 1110 годомъ. Онъ можетъ быть велъ ее до самаго 1116 года; а приписка его позднѣйшими списателями и продолжателями поставлена не на своемъ мѣстѣ, подобно Поученію Мономаха, которое встрѣчается въ Лаврентьевскомъ

спискѣ (гдѣ оно только и сохранилось) подъ 1096 годомъ, хотя написано несомнѣнно позднѣе. Въ какомъ именно году написано это Поученіе, неизвѣстно; судя по нѣкоторымъ признакамъ не ранѣе 1118 года. Погодинъ доказывалъ, что первоначально оно сочинено въ 1099 году, а позднѣе слегка дополнено (Извѣстія 2-го Отд. Акад. Н. X). Не рѣшая вопроса, думаемъ, что Сильвестръ, по желанію или соизволенію Мономаха могъ прибавить Поученіе къ своей Повѣсти временныхъ лѣтъ и послѣ ея окончанія. Да и самая эта Повѣсть вѣроятно имѣла въ виду сыновей и внуковъ великаго князя. Что въ Лаврентьевскомъ сводѣ приписка Сильвестра могла быть поставлена не на своемъ мѣстѣ, доказываетъ Никоновскій сводъ, гдѣ таже приписка, только болѣе распространенная, встрѣчается именно подъ 1116 годомъ. Третье перенесеніе мощей Бориса и Глѣба, записанное подъ 1115 годомъ, судя по тону и обстоятельному расказу (Ипат. списокъ), едва ли не принадлежитъ Сильвестру, который тутъ же упоминается въ числѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на торжествѣ.

Съ вопросомъ о начальной Русской лѣтописи тѣсно связанъ вопросъ о происхожденіи Русскаго государства. Сличеніе всѣхъ существующихъ списковъ лѣтописи, а также польскихъ хроникъ, которые пользовались русскими лѣтописями, приводитъ къ слѣдующему выводу: въ Повѣсть временныхъ лѣтъ уже была внесена басня о призваніи Варяговъ; но при этомъ еще не смѣшивалась Русь съ Варягами. Въ послѣднемъ особенно убѣждаютъ меня Длугошъ и Стрыйковскій, которые могли пользоваться списками русской лѣтописи болѣе древними, чѣмъ сохранившіеся до нашего времени. (Послѣдніе восходятъ неранѣе какъ ко второй половинѣ XIV вѣка, именно Лаврент. списокъ). Мое мнѣніе подтверждается свидѣтельствомъ краткой хронографіи, написанной въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка и извѣстной подъ именемъ „Лѣтописца патріарха Никифора“ (Рукоп. Моск. Синод. библіотеки подъ № 132). Здѣсь сказано: „придоша Русь, Чудь, Славяне, Кривичи къ Варягомъ, рѣша“ и пр. У Татищева въ I томѣ помѣщенъ отрывокъ изъ лѣтописи, которую онъ неосновательно приписываетъ Іоакиму, первому новогородскому епископу. Эта лѣтопись есть очевидно реторическое произведеніе позднѣйшаго времени; но, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, составитель ея безъ сомнѣнія пользовался начальною Новогородскою лѣтописью, которая до насъ не дошла (Истор. Россіи. III. 140). Въ этой такъ наз. Якимовской лѣтописи расказывается басня о новогородскомъ старѣйшинѣ Гостомыслѣ и его трехъ дочеряхъ, изъ которыхъ младшая сдѣлалась женою старшаго изъ трехъ призванныхъ варяговъ, Рюрика. Тутъ также не смѣшивается Русь съ Варягами: Варяговъ на ряду съ другими племенами призываетъ Русь. (Подробнѣе эти соображенія въ моей статьѣ „Еще о норманизмѣ“).

Вопросъ о Варягахъ и Руси породилъ обильную литературу въ нашей исторіографіи и филологіи. Назовемъ наиболѣе замѣчательные труды и мнѣнія. Скандинавское происхожденіе Руси доказывали, во пер-

выхъ, члены Петербургской Академіи Наукъ прошлаго столѣтія *Байеръ* (De Varagis и Origines Russicae въ Comment. Academiae Pet. IV и VIII), *Миллеръ* (Origines gentis et nominis Russorum), *Стриттеръ* (Memoriae populorum и Исторія Россійская) и *Шлецеръ* (Nestor), кромѣ того *Струве* (Dissertations sur les anciens Russes. 1785) и *Тунманъ* (Untersuchungen. 1772 — 1774); а въ настоящемъ столѣтіи: *Лербергъ* (Изслѣдованія, въ переводѣ Языкова. Спб. 1819), *Френъ* (Ibn—Foszlan, Спб. 1823), *Бутковъ* (Оборона Лѣтописи, Спб. 1840), *Погодинъ* (Изслѣдованія и Лекціи М. 1846. т. II), *Куникъ* (Die Berufung der Schvedischen Rodsen Спб. 1844—1845, О запискѣ Готскаго топарха въ Зап. Ак. Н. XXIV и Каспій-Дорпа. Спб. 1875), *Кругъ* (Forschungen. Спб. 1848), *Крузе* (Chronicon Nortmanorum. Dorpat 1851). Тоже мнѣніе поддерживали русскіе исторіографы Карамзинъ, Арцыбашевъ, Полевой, Устряловъ и Соловьевъ; а также Штраль (Geschichte des Russischen Staates).

Противники Скандинавской теоріи:

Ломоносовъ (Древняя Рус. Исторія. Спб. 1766), который выводилъ Варяговъ съ южнаго Балтійскаго поморья; *Татищевъ* (Исторія) и *Болтинъ* (Примѣчанія къ исторіи Щербатова. Спб. 1798) производили ихъ изъ Финляндіи. (Сюда же примыкаетъ въ послѣднее время г. Щегловъ съ своей теоріей Волжско-Финской Руси). *Эверсъ* (Vom Ursprunge des Russischen Staats. Riga-Leip. 1808. и Kritische Vorarbeitungen. Dorpat. 1814) производилъ Варяговъ-Русь изъ Казаріи; *Нейманъ* (Ueber die Wonsitze der ältesten Rossen. Dorpat. 1825) выводилъ ихъ съ береговъ Чернаго моря. *Брунъ* (Зап. Акад. Н. т. XXIV. кн. I) ведетъ ихъ отъ древнихъ Готовъ, принадлежа впрочемъ къ Норманской школѣ; *Юргевичъ* (Зап. Одес. Об. И. и Др. VI) считаетъ Руссовъ Угорскимъ племенемъ; а *Костомаровъ* предложилъ Литовскую теорію ихъ происхожденія (Соврем. 1860. № I.), но въ послѣдствіи добросовѣстно оставилъ ее, и расказъ о призваніи Варяжскихъ князей призналъ баснею (Вѣст. Европы 1873. Январь). Наиболѣе многочисленную группу противниковъ Норманской школы образуютъ ученые, выводившіе Варяго-руссовъ отъ Балтійскихъ Славянъ, отчасти примыкающіе къ Славяно-прусской теоріи Ломоносова; таковы: Максимовичъ (Откуда идетъ Русская земля. К. 1837), *Венелинъ* (Скандинавоманія. М. 1842), *Морошкинъ* (Изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ. 1842), *Савельевъ* (Сынъ Отеч. 1848), *Ламанскій* (Славяне въ Мал. Азіи, Африкѣ и Испаніи. Спб. 1859), *Котляревскій* (О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ М. 1868. и Древности Балтійскихъ Славянъ. Прага 1874). Наиболѣе сильные удары, послѣ ученаго и остроумнаго Эверса, нанесъ Норманской школѣ *Гедеоновъ* (Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. Зап. Акад. Н. т. I. кн. 2, т. II кн. 2 и т. III. кн. I); по своимъ выводамъ онъ примыкаетъ съ одной стороны къ Славяно-Балтійской школѣ, а съ другой къ теоріи Эверса о Хазар-

скомъ вліяніи на происхожденіе Русскаго государства. Нѣсколько дѣльныхъ возраженій противъ Норманской школы на основаніи арабскихъ извѣстій представляютъ *Хвольсонъ* (Извѣстія о Славянахъ и Руссахъ. Спб. 1869) и *Гаркави* (Сказанія мусум. писателей о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870). Но всѣ труды помянутыхъ ученыхъ не могли разрушить Норманскую теорію, потому что исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій они полагали водвореніе на Руси варяжскихъ князей, т. е. оставляли безъ достаточной критики самое сказаніе нашей лѣтописи о призваніи Варяговъ. (Доказательства противъ достовѣрности этого сказанія представлены мною въ изслѣдд: „О мнимомъ призваніи Варяговъ“, „Еще о Норманизмѣ“ и пр.).

60) Хожденіе Даніила Паломника издано Сахаровымъ въ первой части „Путешествій Русскихъ людей въ чужія земли“, 1837, и А. С. Норовымъ—Pelerinage en terre sainte de l'igouméne russe Daniel. S. Petersb. 1864.

61) Русская Правда дошла до насъ по многимъ спискамъ. Она различается по двумъ главнымъ редакціямъ: краткая, которая восходитъ къ XI вѣку, и пространная, относящаяся къ XIII. Открытіе этого памятника принадлежитъ Татищеву, который нашелъ его въ одной рукописи XV вѣка, заключавшей въ себѣ Новгородскую лѣтопись. Впервые издалъ ее Шлёцеръ въ 1767 г. съ той же рукописи. Но древнѣйшій списокъ Правды найденъ въ Кормчей книгѣ, въ рукописи XIII вѣка, которая хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Съ этого списка Правда издана Обществомъ Ист. и Др. въ Русскихъ Достопамятностяхъ ч. I. 1815 г. Вообще Русская Правда издавалась нѣсколько разъ и по разнымъ спискамъ. Замѣчательны особенно ея изданія въ Рус. Дост. ч. II. 1843 г. съ объясненіями *Д. Дубенскаго* и „Текстъ Руской Правды“ М. 1846. *Н. В. Калачева*. Въ томъ же 1846 г. вышло превосходное изслѣдованіе Калачева подъ заглавіемъ „Предварительныя юридическія свѣденія для полнаго объясненія Русской Правды“. Здѣсь разсмотрѣны и оцѣнены всѣ предыдущіе труды по этому памятнику законодательства и представленъ сводный текстъ разныхъ редакцій. (Только вслѣдъ за Карамзинымъ, Погодинымъ и др. неправильно отнесенъ къ Ярославу I Уставъ о мостовыхъ въ Новгородѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ включенный въ Русскую Правду. Этотъ Уставъ несомнѣнно принадлежитъ времени позднѣйшему). Вопросъ о Русской Правдѣ имѣетъ значительную литературу. О ней разсуждаютъ Карамзинъ въ своемъ великомъ трудѣ; потомъ Эверсъ въ своихъ Kritische Vorarbeit. zur Geschichte der Russen. Dorp. 1814 (русскій переводъ Погодина) и Das aeltéste Recht der Russen. Dorp. et Hamb. 1826 (русскій переводъ Платонова), Нейманъ—Studien zür gründlichen Kentniss der Vorzeit Russlands. Dorp. 1830, Розенкампфъ въ своемъ „Обозрѣніи Кормчей книги“, Неволинъ въ своей „Энциклопедіи Законовѣденія“, Погодинъ въ „Изслѣдд. и Лекціяхъ“ т. III. Послѣдній ученый, какъ ревностный поборникъ Нор-

манской теоріи, видѣлъ въ Русской Правдѣ заимствованія изъ Скандинавскихъ законовъ, хотя, помимо общаго индоевропейскаго происхожденія, сходство въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ народовъ, стоящихъ на извѣстной степени развитія. Изъ трудовъ, спеціально посвященныхъ Русской Правдѣ, укажемъ еще на сочиненія: *Тобина* Prawda Russkaja. S. Petersb. 1844. *А. Попова* „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву". М. 1841. *И. Ланге* „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды" (въ Архивѣ Калачева 1859. № I). *Леонтовича* „Русская Правда и Литовскій Статутъ (Кіевск. Университ. Извѣст. 1865) и *Дювернуа* „Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869. Русская Правда издана еще въ Полн. Собр. Рус. лѣтоп. т. VI. вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ такъ наз. *Закона суднаго*, представляющаго извлеченіе изъ греческихъ узаконеній и несправедливо приписаннаго императору Константину В.; о чемъ см. у барона Розенкампфа въ Обозрѣніи Кормчей изд. 2-е стр. 101 и далѣе. Кромѣ того текстъ Русской Правды перепечатанъ въ „Собраніи важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго Русскаго права" Лазаревскимъ и Утинымъ, съ трехъ разныхъ списковъ, Спб. 1859, и въ „Хрестоматіи по исторіи Русскаго права" Владимірскимъ—Будановымъ, Ярославль 1872, по двумъ спискамъ, съ примѣчаніями и указаніемъ на литературу предмета.

Правдоподобныя соображенія о томъ, что загадочные Колбяги суть тоже, что Черные Клобуки или вообще юговосточные инородцы см. въ упомянутомъ изслѣдованіи Ланге (79 стр.). Это мнѣніе подтверждаютъ и нѣкоторые византійскіе хризовулы XI вѣка, въ которыхъ перечисляются разные наемные отряды на византійской службѣ. Рядомъ съ Варангами, Руссами, Саракинами и пр. тутъ упоминаются иногда *Кулпинги* (См. Sathas—Bibliotheca Graeca. I. 55 и 64.). Эти Кулпинги или Кулпяги конечно представляютъ отряды изъ степныхъ народовъ Южной Россіи.

Русская Правда представляетъ и еще нѣкоторыя не совсѣмъ опредѣленныя состоянія или классы населенія; таковы *огнищане* и *изгои*. Первыхъ правдоподобно объясняютъ словомъ *огнище*, т. е. очагъ, подъ которымъ тутъ разумѣется собственно княжій дворъ, и огнищане суть тѣже „княжіе мужи" или то, что впослѣдствіи называлось *дворяне*. (Ланге. 55). Относительно изгоевъ были выражены разнообразныя мнѣнія. Уставъ князя Всеволода о церковныхъ судахъ въ Новгородѣ и Псковѣ такимъ образомъ опредѣляетъ изгойство „Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ, аще князь осиротѣетъ". Сравнивая съ другими упоминаніями объ изгояхъ, можно заключить, что вообще изгоями назывались люди измѣнившіе свое прежнее состояніе, въ особенности осиротѣвшіе, обнищавшіе.

Что касается до судебныхъ поединковъ, то они восходятъ къ

глубокой древности, ко временамъ Скиѳскимъ. Еще по извѣстію Геродота Царскіе Скиѳы рѣшали свои распри единоборствомъ въ присутствіи своего царя. Царь выдавалъ побѣжденнаго на волю побѣдителя; послѣдній отрубалъ голову своему противнику и изъ черепа его дѣлалъ застольную чашу. Безъ сомнѣнія Сарматы — Русь, родственные по племени Царскимъ Скиѳамъ, имѣли тотъ же обычай; онъ впослѣдствіи смягчился, особенно во времена христіанскія; но соединенное съ нимъ выраженіе осталось до позднѣйшихъ временъ (*выдача головою*). Что языческая Русь часто прибѣгала къ судебному поединку, о томъ имѣемъ два свидѣтельства, независимыя другъ отъ друга и оба принадлежащія X вѣку. Левъ Діаконъ: „Тавроскиѳы еще и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои распри убійствомъ и кровію", (93 стр. русс. перевода). Ибнъ Даста: „Если обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то по его приказанію должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечь острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ". (Хвольсонъ. 38). Такъ какъ тотъ же обычай впослѣдствіи встрѣчается подъ именемъ *поля* въ договорѣ Смоленска съ Нѣмцами 1229 г., въ Псковской судной грамотѣ и въ судебникахъ Ивана III и Ивана IV, то ясно что онъ не прекращался и во время Правды. (См. также статью Лохвицкаго „Значеніе божьихъ судовъ по Русскому праву" въ Отеч. Зап. 1857 г. кн. VI).

62) „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ" барона Розенкампфа (Второе, дополненное изданіе. Спб. 1839). „Первоначальный Славянорусскій Номоканонъ" (К. 1869) и „Номоканонъ при большомъ требникѣ" (Од. 1872)—проф. Павлова. Церковный уставъ Владиміра подвергался сомнѣнію со стороны своей подлинности. Напр. Карамзинъ указывалъ въ немъ слѣдующую невѣрность: Владиміръ говоритъ, будто бы онъ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія (вмѣсто Николая Хризоверга); тогда какъ Фотій жилъ столѣтіемъ ранѣе. Но неточности были конечно внесены въ уставъ позднѣйшими списателями; точно также различія въ дошедшихъ до насъ спискахъ устава произошли отъ позднѣйшихъ дополненій къ нему. Подлинность его въ особенности доказалъ преосв. Макарій въ своей „Исторіи Русской церкви" т. I. Онъ предлагаетъ здѣсь списки устава по разнымъ редакціямъ. Точно также пр. Макарій защищаетъ и подлинность устава Ярославова, во II томѣ своей Исторіи. Кромѣ Макарія уставы Владиміра и Ярослава были издаваемы Лепехинымъ въ его „Дневныхъ запискахъ путешествія", ч. III, Новиковымъ въ Древней Вивліоѳикѣ ч. VI и въ ея продолженіи. Ч. III, Калачевымъ въ его сочиненіи „О значеніи Кормчей", М. 1850, въ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. VI, въ дополненіяхъ къ Актамъ Историч. I. № 1, въ Актахъ относящихся къ Запад. Рос. т. I. № 166, и также Лазаревскимъ—Утинымъ и Владимірскимъ—Будановымъ въ ихъ

Хрестоматіяхъ по Русс. праву и проф. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по Русской исторіи. Изслѣдованія о нихъ см. у митроп. Евгенія въ его „Описаніи Кіевософійскаго собора“ К. 1825, у Рейца—Опытъ исторіи Росс. законовъ, Погодина—Изслѣдд. и лекціи т. I. и Неволина—О пространствѣ церковн. суда въ Россіи до Петра В. (Собр. сочч. т. VI).

63) Въ *Очеркахъ Мордвы* г. Мельникова (Рус. Вѣст. 1867. № 9) находимъ черту, которая можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ лѣтописнаго расказа о волхвахъ, дѣлавшихъ надрѣзы у женщинъ за плечами и какъ бы вынимавшихъ оттуда съѣстные припасы. Когда Мордва готовится совершить служеніе и жертвоприношеніе своимъ богамъ, то особо выбранные для того люди ходятъ по деревнѣ и собираютъ жертвенные припасы. Въ каждомъ домѣ замужнія женщины, обнаживъ плечи, закидиваютъ за нихъ суму съ мукой или другимъ припасомъ, держа ее за тесемки. Собиратель, читая извѣстную молитву, жертвеннымъ ножемъ слегка колетъ обнаженныя плечи и спину женщины, потомъ перерѣзываетъ тесемки, и сума падаетъ въ подставленную для того священную кадку. Г. Мельниковъ находитъ много общихъ чертъ въ языческихъ обрядахъ чудскихъ и русскихъ; что весьма естественно при исконномъ сосѣдствѣ, обоюдномъ вліяніи и перекрещеніи Славянъ и Финновъ. Онъ также приводитъ одно мордовское преданіе о сотвореніи человѣка Чамъ-Пасомъ (верховнымъ божествомъ) и Шайтаномъ (злымъ духомъ), весьма похожее на то ученіе, которое волхвы излагали Яну Вышатичу (ibid. 230 стр.).

64) П. С. Р. Л. Объ отказѣ полоцкихъ князей идти на Половцевъ свидѣтельствуетъ Ипатьевскій списокъ подъ 1140 г. и Татищевъ (II. 240); а объ ихъ подвигахъ въ греческой службѣ только этотъ послѣдній. Въ „Путешествіи новогородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ“ въ концѣ XII вѣка упоминается княгиня Ксенія, супруга Брячислава, погребенная въ одной изъ Цареградскихъ церквей на другой сторонѣ Золотаго Рога, т. е. въ Галатѣ (стр. 50 и 167). Это извѣстіе подтверждаетъ пребываніе полоцкихъ князей съ ихъ семействами въ столицѣ Византійской имперіи. Упомянутая Ксенія вѣроятно была внучка Мономаха, дочь Мстислава, супруга Брячислава Борисовича, одного изъ внуковъ знаменитаго Всеслава Полоцкаго.

65) Дополненіе къ Актамъ Историч. I. № 2. Въ числѣ пожалованныхъ великимъ княземъ доходовъ тутъ упоминается *осеннее полюдіе даровное* въ *полтретьядесять* (т. е. 25) *гривенъ*. Митрополитъ Евгеній составилъ археологическія примѣчанія къ этой грамотѣ (Труды Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Часть III. кн. I.). Относительно серебрянаго блюда, пожалованнаго Всеволодомъ, любопытно выраженіе грамоты: „велѣлъ есмь бити въ ніе на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ“. Митроп. Евгеній объясняетъ это слѣдующимъ обычаемъ общежительныхъ монастырей: во время тра-

пезы, когда нужно перемѣнять кушанье, то настоятель, чтобы не нарушить безмолвія, стучитъ въ предстоящее передъ нимъ блюдо или чашу или колокольчикъ. Пергаменный подлинникъ этой грамоты съ серебряною позолоченою печатью хранится въ Новогород. Юрьевѣ монастырѣ.

Памятникомъ Мстиславова княженія въ Новгородѣ Великомъ служитъ еще Евангеліе въ дорогомъ окладѣ. Мстиславъ построилъ церковь Благовѣщенія на Городищѣ (загородный дворъ Новгородскихъ князей), и для этой церкви заказалъ написать евангеліе; что и было исполнено сыномъ пресвитера Алексою Лазаревымъ. Желая украсить его какъ можно богаче, князь посылалъ его съ какимъ то Неславомъ въ Царьградъ, гдѣ переплетъ евангелія и былъ украшенъ золотымъ и серебрянымъ окладомъ съ дорогими камнями и финифтяными иконными изображеніями. Свѣденія эти получаются на основаніи приписокъ или послѣсловія къ самому Евангелію. Въ настоящее время оно хранится въ Москов. Архангельскомъ соборѣ. Извѣстный археологъ Филимоновъ тщательнымъ изслѣдованіемъ доказалъ, что настоящій окладъ не принадлежитъ времени Мстислава; что отъ послѣдняго сохранилось только нѣсколько украшеній, а остальное относится къ позднѣйшему времени, преимущественно къ его обновленію въ XVI вѣкѣ („Окладъ Мстиславова евангелія" въ Чтен. Об. И. и Др. 1860. № 4). Вмѣстѣ съ Остроміровымъ Евангеліемъ и Сборникомъ Святослава Мстиславово Евангеліе составляетъ наиболѣе драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей русской письменности. (Остроміpово Евангеліе хранится въ Петербургской Император. Публич. Библіотекѣ, а Святославовъ Сборникъ въ Москов. Синодальной библіотекѣ).

66) П. С. Р. Л. См. лѣтописи Новгородскія и Никоновскую.

67) Борьба эта обстоятельнѣе другихъ изложена въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи.

68) П. С. Р. Л. Своды Ипатьевскій, Лаврентьевскій и Никоновскій. Наиболѣе основательное сужденіе о томъ, что по вопросу, о митрополіи высказалось національное стремленіе Изяслава II къ ослабленію политическаго вліянія Византіи, дѣйствовавшей при посредствѣ іерархіи, принадлежитъ преосв. Макарію. См. его „Исторію Русс. церкви" т. III. гл. I.

69) Несовсѣмъ ясно извѣстіе лѣтописи, почему ополченіе князей два года сряду останавливалось у Канева, далеко не доходя до пороговъ, гдѣ была главная опасность купеческимъ караванамъ. Вѣроятно князья высылали впередъ отряды для сопровожденія купцовъ; а сами въ тоже время угрожали всѣми силами ударить на половецкія вежи въ случаѣ нарушенія договорной клятвы со стороны хановъ и ихъ покушенія разграбить караванъ.

70) Украшенное сказаніе о молитвѣ архіепископа, объ иконѣ Богородицы, вынесенной на городскую стѣну и уязвленной Суздальскою

стрѣлою, находится въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ, напр. въ Никоновскомъ и Тверскомъ. Время этихъ событій въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ обозначено невѣрно; такъ хронологія Ипатьевскаго списка уходитъ на два и даже на три года впередъ. Назначая 1169 годъ, мы слѣдуемъ показаніямъ Лаврентьевскаго списка и Новгородскихъ лѣтописей.

[71]) Лѣтопись по Ипат. списку. О какомъ живомъ огнѣ говорится здѣсь, неизвѣстно. Достовѣрно однако, что въ эту эпоху на востокѣ, именно у Сарацинъ и Турокъ, существовалъ какой то огнеметательный снарядъ, который они употребляли въ войнахъ съ Крестоносцами. Можетъ быть это было нѣчто подобное греческому или такъ наз. мидійскому огню.

[72]) Наиболѣе обстоятельный расказъ о походѣ, плѣнѣ и освобожденіи Игоря Святославича находится въ Ипатьевскомъ спискѣ. При изложеніи событія мы заимствовали нѣкоторыя черты изъ поэмы, принадлежащей неизвѣстному русскому пѣвцу конца XII вѣка, изображающей судьбу того же похода подъ заглавіемъ *Слово о Полку Игоревѣ*. „Полкъ" употреблялся тогда въ значеніи воинства, а равно и битвы, войны, рати. Это замѣчательное поэтическое произведеніе древней Руси найдено было въ концѣ прошлаго вѣка собирателемъ отечественныхъ рѣдкостей графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ, и впервые издано въ 1800 году. Подлинникъ его сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. Это Слово породило обширную литературу, состоящую изъ многочисленныхъ его изданій, толкованій и переложеній, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ. Таковы изданія: Палицына 1807 г. Пожарскаго 1819, Граматина 1823, Сахарова 1839, Головина 1846 и др. Наиболѣе замѣчательныя изданія, снабженныя критическими толкованіями, это: Дубенскаго (*Русс. Достопамят.* Часть 3-я. М. 1844), Тихонравова („Слово о П. Игоревѣ"—для учащихся. М. 1866) и особенно кн. Вяземскаго („Замѣчанія на Слово о П. Игоревѣ". Спб. 1875). Любопытно также нѣсколько объясненій Слова у Шевырева въ *Исторіи Русс. Словесности* (Т. I. Ч. 2-я М. 1846) и Буслаева—„Русская поэзія XI и начала XII вѣка" (*Лѣтописи Русс. Литературы*—изданіе проф. Тихонравова. Т. I М. 1859). Изъ поэтическихъ переложеній укажу въ особенности на трудъ Майкова (въ 3-й части собранія его стихотвореній).

Относительно рѣки Каялы, на берегахъ которой происходила главная битва по Слову о П. И. и по Ипат. списку, въ настоящее время трудно опредѣлить, какая это именно рѣка. Карамзинъ считалъ ее Кагальникомъ, который впадаетъ въ Донъ съ правой стороны, повыше Донца. Но это пока гадательное предположеніе. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно думать, что главная битва происходила гдѣ то ближе къ Азовскому морю или къ Лукоморью, какъ его въ лѣтописи называютъ Сѣверскіе князья.

[73]) Ипатьевскій списокъ, упоминающій объ этомъ случаѣ, не го-

воритъ, за какого именно царевича Святославъ выдавалъ свою внучку. Можетъ быть, рѣчь идетъ о царевичѣ, о которомъ Новгородская лѣтопись упоминаетъ подъ 1186 г: „Томъ же лѣтѣ приде царь грецьскыи Алекса Мануиловицъ въ Новгородъ". (А въ такъ наз. Псковской первой лѣтописи: „царь греческій Александръ"). Чей былъ сынъ этотъ царевичъ Алексѣй, въ точности неизвѣстно. Карамзинъ дѣлалъ предположеніе, что царевичъ, женившійся на Евфиміи Глѣбовнѣ, вѣроятно былъ Алексѣй, сынъ Исаака Ангела. Но это едвали такъ. Въ тѣ времена фамилія Комненовъ имѣла многихъ царевичей съ именемъ Алексія. Г. Кунинъ склоняется къ тому мнѣнію, что въ Новгород. лѣт. можетъ быть говорится объ одномъ изъ самозванцевъ, принявшихъ имя императора Алексія III, убитаго въ 1183 г. (Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 2 отд. т. II. вып. 5).

[74]) Въ расказѣ о событіяхъ Южной Руси до начала XIII вѣка мы слѣдуемъ преимущественно Кіевскому своду по Ипат. списку, дополняя его нѣкоторыми извѣстіями изъ Лаврентьевскаго и Новогородской лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ Кіевскій лѣтописный сводъ прекращается 1200 годомъ; за нимъ въ этомъ спискѣ слѣдуетъ лѣтопись собственно Волынская.

[75]) О походѣ Фридриха Барбарусы и завоеваніи Святой земли невѣрными см. въ Ипат. спискѣ подъ 1190 г. А отдѣльная повѣсть о взятіи Царяграда Латинами помѣщена въ Новогородской первой лѣт. подъ 1204 г. (П. С. Р. Л. Т. III), откуда взята и въ Тверской сводъ. (П. С. Р. Л. Т. XV). Повѣсть конечно занесена подъ этотъ годъ позднѣе. Подъ 1211 г. въ той же Новгород. лѣтописи есть извѣстіе о возвращеніи изъ Царяграда въ Новгородъ Добрыни Ядрѣйковича (Андреевича) съ „гробомъ господнимъ", т. е. съ ковчегомъ, устроеннымъ на подобіе Гробницы. Этотъ Добрыня можетъ быть приходился сыномъ воеводѣ новогородскому Ядрѣю, о которомъ упоминается подъ 1193 годомъ. По возвращеніи изъ Царяграда Добрыня постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и вскорѣ былъ поставленъ архіепископомъ Новгорода подъ именемъ Антонія. Онъ оставилъ любопытное описаніе цареградскихъ святынь. Оно издано съ 1872 г. Археографич. коммиссіею съ примѣчаніями Саввaитова. Въ предисловіи къ этому изданію достоуважаемый П. И. Саввaитовъ ставитъ вопросъ: „не былъ ли Антоній въ Константинополѣ во время его взятія крестоносцами"? Отсюда самъ собою возникаетъ другой вопросъ: не онъ ли привезъ оттуда извѣстія, которыми воспользовался Новгород. лѣтописецъ? Мы идемъ далѣе, и едва ли ошибемся, если предположимъ, что Повѣсть о взятіи Царяграда, вставленная въ Новогородскую лѣтопись, была составлена тѣмъ же авторомъ, которому принадлежитъ упомянутое выше описаніе цареградскихъ святынь, т. е. архіепископомъ Антоніемъ. Тоже отчетливое знаніе топографіи и построекъ цареградскихъ; въ обѣихъ произведеніяхъ тотъ же слогъ; нерѣдко повторяются одинаковыя подробности и выраженія. Напр. въ Описаніи: „об-

разъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, иже ходитъ во градъ"; въ Повѣсти: „Одигитрію же чудную, иже по граду хожаше". Въ Описаніи: „въ Лахерну святую, къ ней же Духъ святый сходитъ"; въ Повѣсти: „въ Влахернѣ, идѣ же святый Духъ схожаше". Далѣе, и тамъ и здѣсь встрѣчаются въ той же формѣ названія мѣстностей: „подруміе", „коневый торгъ", „Испигасъ" и пр. Судя по описанію, Антоній присутствовалъ въ Царьградѣ въ 1200 году; но это не мѣшало ему, спустя нѣсколько лѣтъ, быть свидѣтелемъ погрома отъ Крестоносцевъ или собрать тамъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. По Новогородской лѣтописи онъ воротился въ 1211 году или около того времени. Очень возможно, что онъ не одинъ разъ посѣтилъ Царьградъ; возможно также и очень вѣроятно, что его пребываніе въ Константинополѣ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ заняло много лѣтъ; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ воротился на родину примѣрно послѣ десятилѣтняго отсутствія, побывъ нѣкоторое время и въ южной Руси.

Наша лѣтописная Повѣсть о взятіи Царьграда издана въ латинскомъ переводѣ нѣмецкимъ византистомъ К. Гопфъ въ его собраніи „Chroniques gréco-romaines inedites ou peu connues" (Berlin. 1873), рядомъ съ записками Роберта Клари. Этотъ французскій рыцарь, принимавшій участіе въ завоеваніи Константинополя, оставилъ расказъ о немъ, неуступающій въ интересѣ его соотечественнику Вильгардуэну, автору de la conquête de Constantinople (Новое изданіе Дидо. Paris. 1874 г.). Почти въ одно время съ Гопфомъ Клари изданъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ графомъ Ріанъ, подъ заглавіемъ: Li estoires de chiaus qui conquisent Constantinoble, de Robert de Clari en Aminois, chevalier. Неограничиваясь тѣмъ, графъ Ріанъ обнародовалъ свое любопытное изслѣдованіе о томъ же предметѣ: Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat. (Paris. 1875). Изъ нѣмецкихъ трудовъ тому же событію посвящено отчасти сочиненіе Краузе: Die Eroberungen von Constantinopel im dreizehnten und fünfzehnten Jahrhundert (Halle, 1870); а изъ русскихъ Медовикова: „Латинскіе императоры въ Константинополѣ" (Москва. 1849). Изъ византійскихъ историковъ о завоеваніи Константинополя Латинами наиболѣе подробный расказъ находится у Никиты Хоніата. Что касается вообще до источниковъ этого событія, то обзоръ ихъ см. у Климке: Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges. Breslau. 1875.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дорогой памяти наставниковъ

ТИМОФЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГРАНОВСКАГО

и

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА

сію часть своего труда посвящаетъ

Признательный авторъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЛАДИМІРСКІЙ ПЕРІОДЪ.

МОСКВА.
Типографія П. Лебедева, Газетный пер., д. Корзинкина.
1880.

XI.

КІЕВЪ. ПОРОСЬЕ И ПОЛѢСЬЕ.

Характеръ области Полянъ.—Положеніе и части Кіева. Верхній городъ.— Св. Софія. — Ея стиль, мозаики и фрески. — Золотыя ворота. — Десятинная церковь. Михайловскій монастырь и другіе храмы Верхняго города. Окрестные монастыри. Берестово и другіе княжіе дворы.—Подолъ.— Населеніе Кіева.—Города Кіевской земли.—Поросье и Черные Клобуки.— Населеніе и города Полѣсья.

Почти четыре первые вѣка нашей исторіи Кіевъ съ его областью служилъ средоточіемъ политической жизни Русскаго народа. Эта область собственно и называлась *Русскою землею;* ибо населявшее ее Полянское племя считалось Русью по преимуществу.

Кіевская или Полянская область занимала выгодное положеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніи. Она лежала въ странѣ довольно плодородной, обильной текучими водами и лѣсомъ. Многоводный Днѣпръ представлялъ Русскому племени широкую дорогу на сѣверъ и на югъ; а судоходные притоки его, Припеть и Десна, открывали удобные пути на востокъ и на западъ какъ для торговыхъ сношеній, такъ и для военныхъ потребностей. Ни естественные, ни политическіе предѣлы Кіевской земли никогда не были строго опредѣлены. Если взять ихъ въ обширномъ объемѣ, то на сѣверѣ эти предѣлы терялись въ болотахъ и пущахъ Припятскаго Полѣсья, а на югѣ въ степныхъ пространствахъ, почти достигавшихъ до порожистой части Днѣпра; на западѣ они приблизительно простирались до рѣкъ Горыни и Случи, и такимъ образомъ захватывали часть собственно Волынской земли. Только на востокѣ Днѣпръ служилъ опредѣленною естественною гранью Кіевской области, если не считать небольшую лѣвобережную полосу, принадлежавшую Кіевскимъ князьямъ, и обширную Переяславскую область, которая въ поли-

тическомъ отношеніи составляла такую же удѣльную часть Кіевскаго княженія какъ и все Припятское Полѣсье.

Полянская Русь или Кіевская земля въ тѣсномъ смыслѣ обнимала западное Поднѣпровье, ограниченное притоками Днѣпра, Тетеревомъ на сѣверѣ и Росью на югѣ. Небольшая, но историческая рѣка Стугна, текущая въ довольно глубокой ложбинѣ, дѣлитъ означенную полосу на двѣ части, нѣсколько отличныя по характеру своей природы. Сѣверная или собственно Кіевская половина имѣетъ поверхность слегка взволнованную, орошенную множествомъ рѣчекъ и ручьевъ, направляющихся къ Днѣпру. Съ одной стороны ее наполняютъ холмы, отдѣляющіеся отъ высокаго Днѣпровскаго берега; съ другой сюда достигаютъ невысокія вѣтви Карпатскихъ отроговъ. Нѣкоторыя рѣки, особенно Тетеревъ, въ своемъ среднемъ и верхнемъ теченіи, прорывая эти отроги, обнажаютъ гранитныя породы и нерѣдко имѣютъ скалистые берега. Вообще черноземная почва, мѣстами перемѣшанная съ пескомъ, представляла прекрасныя пажити и обиловала дубовыми, липовыми и березовыми рощами. Только въ сѣверномъ углу этой области за Ирпенью на нижнемъ теченіи Тетерева и его притока Здвижи залегаетъ низменная полоса съ болотистою песчаноглинистою почвою и сосновымъ лѣсомъ; это уже начало Полѣсья. Пространство къ югу отъ Стугны, извѣстное въ тѣ времена подъ именемъ *Поросья*, образуетъ довольно возвышенную черноземную равнину, кое гдѣ пересѣченную оврагами и рытвинами. Эта полоса имѣетъ полустепной характеръ и обилуетъ тучными пастбищами. Только приближаясь къ берегамъ Роси, поверхность получаетъ неровное, холмистое очертаніе. Сюда достигаетъ одинъ изъ Карпатскихъ отроговъ, который служитъ водораздѣломъ между притоками Днѣпра и Буга; возвышенныя плоскости, пересѣченныя долинами и оврагами, наполняютъ этотъ водораздѣлъ. Рось, особенно въ среднемъ своемъ теченіи, довольно глубоко прорѣзываетъ залегающій подъ почвою гранитный кряжъ, и потому обилуетъ порогами и скалами. Ея холмистыя прибрежья имѣютъ цвѣтущій видъ, благодаря зеленымъ лугамъ и дубровамъ, преимущественно грабовымъ. Безспорно, это одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ южной Россіи. Очевидно, она была любимою рѣкою Русскаго племени, которое не даромъ носило съ нею одно и тоже имя.

Почти насупротивъ устья Десны, между ложбинами двухъ рѣчекъ, Лыбеди и Почайны, высокій правый берегъ Днѣпра круто упирается въ его русло. Глубокіе яруги и удолья, когда-то прорытые водными потоками, изрѣзали этотъ песчано-глинистый берегъ въ различныхъ направленіяхъ, и образовали тѣ знаменитыя горы, на которыхъ раскинулся древній Кіевъ съ его предмѣстьями и монастырями. Онъ состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: Верхняго или собственно Кіева и Нижняго или Подола. Послѣдній расположился у подошвы Кіевскихъ горъ на низменной береговой полосѣ вдоль устья Почайны, которое въ тѣ времена представляло заливъ Днѣпра, отдѣленный отъ него длинною узкою косою и въ лѣтописи называется иногда просто Ручай. Подолъ былъ собственно Кіевская пристань, населенная торговымъ промышленнымъ людомъ. Онъ пересѣкается рѣчкою Глубочицею, стекающею съ береговыхъ высотъ въ Ручай. Далѣе за Подоломъ лежало низменное, болотистое, поросшее кустарникомъ пространство, носившее названіе Оболонья; по немъ протекалъ другой притокъ Почайны, рѣчка Сѣтомль. Крутой подъемъ, извѣстный подъ именемъ Боричева взвоза, велъ съ Подола въ Верхній городъ, построенный на самой значительной изъ береговыхъ горъ. Средоточіе и древнѣйшую часть его составляла та передовая возвышенность, на которой стояли храмы Десятинный и св. Василія съ находившимся тутъ же княжимъ каменнымъ теремомъ. Эта часть, обведенная особою стѣною, именуется *Старый Кіевъ;* ее можно назвать Кіевскимъ акрополемъ. Ярославъ распространилъ Верхній городъ, присоединивъ къ нему плоскую заднюю возвышенность, отдѣленную небольшимъ оврагомъ. Онъ воздвигъ здѣсь, на мѣстѣ славной битвы съ Печенѣгами, знаменитый соборъ св. Софіи; почему и вся эта наиболѣе просторная часть города называлась *Софійскою.* Въ составъ Верхняго города потомъ вошелъ и южный отрогъ передовой или Старокіевской возвышенности, на которомъ красовался златоверхій Михайловскій монастырь; такъ что часть эта можетъ быть названа *Михайловскою.* Небольшое удолье, отдѣляющее ее отъ стараго Кіева, составляло верхній конецъ Боричева увоза. Итакъ Верхній городъ образовался постепенно изъ трехъ частей, Старокіевской, Софійской и Михайловской, обведенныхъ од-

ною общею стѣною, или собственно валомъ, который состоялъ изъ городней, т. е. деревянныхъ срубовъ, засыпанныхъ землею. Съ трехъ сторонъ положеніе города было довольно крѣпкое: съ южной его ограничивало взгорье Крещатицкой долины; здѣсь въ городской стѣнѣ находились такъ наз. Лядскія ворота; съ сѣверной прилегала мѣстность весьма пересѣченная оврагами и отдѣльными холмами, между которыми текла рѣчка Глубочица съ своимъ притокомъ Кіянкою. Одна изъ возвышенностей въ той сторонѣ носила названіе горы Щековицы; а примыкающій къ ней холмъ извѣстенъ въ древности подъ именемъ Олеговой могилы. Между крутобережьями Кіянки защемлено было сѣверное предмѣстье Кожемяки, получившее свое имя конечно отъ кожевниковъ. На той же сторонѣ, выше Кожемякъ, находился и такъ наз. «Копыревъ конецъ». Изъ этого конца вели въ городъ Жидовскія ворота; такое названіе заставляетъ предполагать, что прилегавшая къ нимъ часть города или вѣроятнѣе предмѣстья была заселена Евреями. Съ восточной стороны Верхній городъ круто спускался къ Подолу. Только съ противной ему, четвертой, стороны онъ имѣлъ отлогіе песчаные спуски къ сосѣдней равнинѣ; тутъ въ городскомъ валу находились знаменитыя Золотыя ворота.

Къ югу отъ города за Крещатицкой долиной шелъ густой боръ («перевѣсище» лѣтописи). Днѣпровскій берегъ на этой южной сторонѣ города круто и обрывисто упирается въ рѣку. Самая возвышенная часть берега носила названіе Угорья или Угорскаго; небольшой холмъ, уступомъ спускающійся отъ него къ рѣкѣ и увѣнчанный храмомъ св. Николая, извѣстенъ подъ именемъ Аскольдовой могилы; а на верхней плоскости этого Угорья лежало загородное княжее село Берестово. Далѣе за Берестовымъ на томъ же лѣсистомъ берегу красовались храмы и зданія Печерскаго монастыря. Еще далѣе берегъ прерывается живописнымъ удольемъ Неводницкимъ, за которымъ на береговомъ уступѣ, надъ крутымъ обрывомъ, въ тѣни зеленыхъ рощъ пріютился монастырь Выдубецкій.

Владиміръ Великій и его преемники украсили Кіевъ многими каменными храмами съ помощью византійскихъ художниковъ. Первое мѣсто между ними какъ по своей славѣ, такъ по изяществу и богатству украшеній безспорно занимала св.

Софія. Общимъ видомъ и взаимными отношеніями частей этотъ храмъ мало напоминаетъ соименную ему великую Софію Цареградскую. Онъ принадлежитъ уже другой эпохѣ византійскаго храмоваго зодчества, той эпохѣ, когда продолговатая римская базилика укоротилась на столько, что приблизилась къ квадрату, имѣющему въ основаніи своемъ равносторонній греческій крестъ; восточная стѣна вмѣсто одного абсида представляла большею частію три алтарныя полукружія; шаровидный куполъ, вѣнчавшій зданіе и покоившійся на низкихъ просвѣтахъ, сдѣлался болѣе выпуклымъ, съузился въ своемъ основаніи и сталъ возводиться на высокомъ цилиндрѣ; а вокругъ него начала располагаться цѣлая система другихъ такихъ же куполовъ только меньшаго размѣра. Самымъ обычнымъ числомъ ихъ сдѣлалось пять, то есть главный по срединѣ и четыре на концахъ основнаго равносторонняго креста.

Кіевская Софія въ основаніи своемъ представляла именно квадратъ, нѣсколько удлиненный съ восточной стороны пятью алтарными полукружіями, между которыми главное помѣщается конечно въ срединѣ. Но притворы или портики, окружившіе храмъ съ трехъ другихъ сторонъ, измѣнили его основной видъ, давая преобладаніе ширинѣ всего сооруженія надъ его длиною. Съ западной стороны оно имѣло одинъ притворъ или паперть (нартексъ); а съ сѣверной и южной кромѣ таковой же наружной паперти, были тройные внутренніе портики. На колоннахъ и аркахъ наружныхъ портиковъ утверждена была открытая галлерея, которая съ трехъ сторонъ окружала верхнюю часть зданія. Храмъ былъ увѣнчанъ тринадцатью сферическими верхами или куполами: надъ срединой зданія, на четырехъ основныхъ аркахъ возвышался главный, обширный куполъ; а по сторонамъ его располагались двѣнадцать малыхъ куполовъ; они были обиты свинцомъ. Эта свинцовая кровля плотно облегала куполы, арки и своды зданія или такъ наз. комары, и потому представляла не прямолинейные скаты, а игривыя волнообразныя линіи, уступами понижавшіяся отъ срединнаго или большаго купола. Кромѣ того на западной сторонѣ храма по бокамъ главной двери, но не въ равномъ отъ нея разстояніи, возвышались двѣ круглыя башни или вежи, и внутри каждой изъ нихъ вокругъ каменнаго столба извивалась спиральная лѣстница, ведущая на хоры или полати храма, а также на упомянутую выше открытую галлерею.

Храмъ заключалъ въ себѣ средній нефъ и по бокамъ его по три внутреннихъ портика, полусвѣтлыхъ, обставленныхъ массивными арками. На этихъ аркахъ покоились хоры или верхняя внутренняя галлерея, обнимающая три стороны, сѣверную, западную и южную. Эти хоры или полати имѣли тоже назначеніе какъ и въ греческихъ храмахъ, то есть служили гинекеемъ или женскимъ отдѣленіемъ—черта, заимствованная отъ Грековъ съ принятіемъ христіанской религіи и храмоваго зодчества. Кромѣ того на хорахъ помѣщались особыя камеры или кладовыя для храненія церковнаго и отчасти княжаго имущества, а также соборной библіотеки и архива, т. е. рукописныхъ книгъ и грамотъ, договорныхъ, дарственныхъ, духовныхъ и пр.

Вся передняя половина главнаго нефа или его алтарная и предъалтарная части были изукрашены роскошною мозаикой. Греческіе храмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскіе, въ то время еще не имѣли иконостасовъ, совершенно закрывающихъ алтарь отъ взоровъ молящихся. Алтарная преграда состояла изъ ряда мраморныхъ колонокъ съ перекладиной или архитравомъ на верху и мраморными плитами между колонками внизу. Эта невысокая преграда не препятствовала народу созерцать изображенія алтарнаго свода; а когда бывала отдернута облегавшая ее завѣса, то весь алтарь былъ видимъ молящимся. Отсюда понятно усердіе къ нему храмоздателя, не щадившаго издержекъ на такое дорогое украшеніе, какимъ была на Руси греческая мозаика или по древнему нашему выраженію *мусія;* такъ назывались священныя стѣнныя изображенія, составленныя изъ мелкихъ камешковъ, которые получались преимущественно изъ стеклянной разноцвѣтной массы, разбитой на кусочки. Надъ горнимъ мѣстомъ, на самомъ полусводѣ алтаря, на золотомъ мозаичномъ же полѣ, возвышается величественное изображеніе Божіей Матери, которой былъ посвященъ этотъ алтарь и которая здѣсь олицетворяла собственно св. Софію или премудрость Божію. Святая Дѣва представлена стоящею съ воздѣтыми къ верху руками, то есть въ молитвенномъ положеніи; на ней голубой хитонъ, охваченный узкимъ червленымъ поясомъ, изъ-за котораго спущенъ бѣлый убрусъ. Широкій золотистый покровъ осѣняетъ ея голову, рамена и спускается на обѣ стороны до колѣнъ.

Это художественное изображеніе, составляющее главное украшеніе Софійскаго храма, сохранилось въ теченіе вѣковъ, посреди всѣхъ опустошеній, постигшихъ храмъ, и получило въ народѣ названіе *Нерушимой стѣны.* Подъ нею во всю ширину алтарнаго полукружія идетъ мозаичное изображеніе Тайной Вечери. Посрединѣ надъ горнимъ мѣстомъ представлена священная трапеза съ утвержденной на ней шатровой сѣнью. Съ каждой ея стороны Христосъ: обращенный ликомъ въ правую (отъ зрителя) сторону, Онъ преподаетъ чашу шести другъ за другомъ стоящимъ апостоламъ; а обращенный въ лѣвую преподаетъ хлѣбъ остальнымъ шести апостоламъ. Далѣе внизу, подъ этимъ рядомъ апостоловъ слѣдуетъ такой же мозаичный рядъ святителей первыхъ вѣковъ христіанства, каковы: Николай, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Климентъ папа Римскій и др. Ихъ имена, какъ и всѣ надписи кіевософійскихъ мозаикъ, начертаны темными мозаичными буквами на греческомъ языкѣ. На уступѣ, который отдѣляетъ Нерушимую стѣну отъ верхней части алтарнаго полусвода, помѣщено въ трехъ кругахъ поясное изображеніе Деисуса, т. е. Спасителя, имѣющаго по правую сторону отъ себя Божію Матерь, а по лѣвую Предтечу. Предъалтарная мозаика представляетъ, во первыхъ, Благовѣщеніе, раздѣленное на двѣ части: на правой сторонѣ алтарной арки Св. Дѣва съ веретеномъ и клубкомъ нитокъ въ рукахъ; а на лѣвой архангелъ Гавріилъ. Далѣе на четырехъ аркахъ главнаго купола изображены сорокъ мучениковъ, по десяти на каждой; въ четырехъ треугольникахъ (парусахъ), заключенныхъ между дугами этихъ арокъ, четыре евангелиста; а въ самомъ куполѣ помѣщено колоссальное изображеніе Спасителя, окруженное ангелами и апостолами, послѣдніе въ простѣнкахъ оконъ.

Вся остальная внутренность храма была въ изобиліи расписана фресковою живописью: боковыя алтарныя полукружія, стѣны, арки, столбы и своды покрыты какъ изображеніями разныхъ событій изъ Священной исторіи, такъ и отдѣльными фигурами Христа, Богородицы, отцовъ церкви и мучениковъ. По своему рисунку эти фрески не отличались отъ упомянутыхъ мозаическихъ изображеній, и представляли строгія, сухія фигуры чистаго византійскаго стиля. Фресковое расписаніе Кіевской Софіи не ограничивалось самимъ храмомъ, а

распространялось и на внутренность двухъ упомянутыхъ башень или вежъ. Но здѣсь оно уже не имѣло церковнаго или священнаго характера; а усвоило себѣ стиль и содержаніе живописи свѣтской. Стѣны башень и массивные столбы, около которыхъ идутъ витыя лѣстницы, покрыты изображеніями разнообразныхъ сценъ изъ быта византійско-царскаго и русско-княжескаго. Охота за дикими животными, фантастическіе звѣри и птицы, ипподромъ, скоморохи, музыканты, акробаты, а также судъ и расправа—вотъ содержаніе этихъ довольно загадочныхъ изображеній. Византійскіе художники вѣроятно слѣдовали здѣсь обычному въ ихъ отечествѣ расписанію царственныхъ чертоговъ. А еще вѣроятнѣе, что всѣ эти лѣстничныя картины разныхъ забавъ и времяпровожденія свѣтскихъ владыкъ имѣли аллегорическую задачу: напоминать скоропреходящее значеніе земныхъ благъ, земной власти и всю суету сего міра въ сравненіи съ вѣчною жизнію и съ незыблемымъ значеніемъ церкви; такъ какъ мимо этихъ картинъ всходили на хоры, откуда тотчасъ открывалась Нерушимая стѣна и вся внутренняя красота храма.

По обычаю того времени каждый значительный князь желалъ по смерти своей покоиться въ храмѣ собственнаго сооруженія или въ «отнемъ», т. е. сооруженія отцовскаго. Въ лѣвомъ внутреннемъ притворѣ Софійскаго собора поставлена гробница великаго князя Ярослава, сдѣланная въ большомъ размѣрѣ изъ бѣлаго мрамора на подобіе царскихъ саркофаговъ Византіи. Стѣны и двускатная крыша гробницы украшены изваяніями крестовъ, деревьевъ, птицъ и рыбъ. Кромѣ Ярослава у св. Софіи въ такихъ же мраморныхъ гробахъ покоился прахъ его любимаго сына Всеволода и двухъ сыновей послѣдняго, т. е. Ростислава и Владиміра Мономаха. Мраморъ для нихъ, равно для колоннъ и другихъ украшеній привозился издалека, преимущественно изъ окрестностей Константинополя, съ островов Мраморнаго моря. А самый храмъ св. Софіи, какъ и прочія каменныя сооруженія древняго Кіева, построенъ изъ кирпича, имѣющаго видъ почти квадратной плиты. Но что придавало особую крѣпость такимъ сооруженіямъ, это слой отличнаго цемента, своей толщиной и прочностью превосходящій самые кирпичи. Карнизы, охватывающіе червлеными лентами верхнія части зданія, дѣлались изъ краснаго

шифера. Вмѣстѣ съ другими цвѣтными камнями онъ употреблялся и для мозаичнаго церковнаго помоста.

Вблизи св. Софіи расположены были два монастыря, построенные тѣмъ же Ярославомъ-Георгіемъ: одинъ посвященъ его ангелу, т. е. Георгію, а другой св. Иринѣ; полагаютъ, что послѣдній названъ такъ въ честь супруги великаго князя. Около этихъ двухъ монастырей находились Золотыя ворота, устроенныя тѣмъ же Ярославомъ. Онѣ представляли глубокую арку съ желѣзными, украшенными позолотою, воротами; надъ аркой возвышалась башня съ устроеннымъ внутри ея храмомъ Благовѣщенія. Оврагъ и валъ, служившіе прежде защитою Стараго Кіева съ западной стороны, все еще отдѣляли его отъ Софійской части Верхняго города. Большой мостъ, перекинутый черезъ этотъ оврагъ, служилъ главнымъ соединеніемъ обѣихъ частей—тотъ самый мостъ, который въ 1147 году задержалъ Владиміра Мстиславича, поскакавшаго къ Ѳедорову монастырю на помощь несчастному Игорю Ольговичу. Ѳедоровъ монастырь, заключавшій въ себѣ прахъ своего основателя Мстислава—Ѳеодора Владиміровича и двухъ его знаменитыхъ сыновей, Изяслава и Ростислава, помѣщался тутъ же около моста по правую сторону; а по лѣвую находилась площадь, называвшаяся Бабинъ Торжокъ, за которою далѣе красовался Десятинный храмъ Богородицы. Послѣдній изяществомъ и богатствомъ украшеній соперничалъ съ св. Софіей, а размѣрами даже превосходилъ ее. Онъ былъ нѣсколько уже, но гораздо продолговатѣе Софійской церкви. Съ восточной стороны онъ имѣлъ три полукружія съ сильно выступающимъ впередъ среднимъ или главнымъ абсидомъ, который заключалъ въ себѣ алтарь; а два боковыя назначались для жертвенника и дьяконика. Съ трехъ другихъ сторонъ храмъ окружали портики или паперти. Внутри онъ также былъ изукрашенъ фресками и отчасти мозаикой. Кромѣ богатыхъ мраморныхъ саркофаговъ самого храмоздателя Владиміра Великаго и его супруги Анны, стоявшихъ посреди храма, въ притворѣ его находились еще гробницы Изяслава Ярославича и нѣкоторыхъ другихъ князей. Площадь, лежавшая по одной сторонѣ Десятинной церкви въ сѣверномъ углу Стараго города, была украшена тѣми двумя мѣдными статуями и четырьмя конями, которые Владиміръ привезъ изъ Кор-

суня. Въ противуположномъ, т. е. южномъ, углу Стараго Кіева надъ самымъ Боричевымъ увозомъ возвышалось другое сооруженіе Владиміра Великаго, храмъ св. Василія, посвященный его ангелу. Этотъ храмъ основанъ на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ прежде идолъ Перуна, подлѣ великокняжескаго терема, и очевидно имѣлъ значеніе дворцовой церкви. Ярославъ и его преемники распространили теремъ новыми постройками; онъ вѣроятно и былъ то, что въ лѣтописи называется «Великимъ дворомъ Ярославовымъ». Относительно обширности этого двора можно судить потому, что на немъ собиралось иногда цѣлое войско, задавались пиры народу и устроивалась конская потѣха, какъ это мы видѣли въ исторіи Изяслава II. (Впрочемъ тутъ, можетъ быть, подразумѣвалась и наружная площадь передъ теремомъ). Кромѣ Өедорова монастыря, въ Старомъ городѣ помѣщался мужской монастырь Андреевскій, основанный Всеволодомъ Ярославичемъ. Онъ назывался также Янчинъ, потому что дочь Всеволода, извѣстная Янка, устроила при немъ и женскую обитель, въ которой сама была настоятельницею. Въ Старомъ городѣ, какъ надобно полагать, находилась и каменная церковь, основанная сыномъ Мономаха Мстиславомъ въ честь Богородицы Пирогощей; икона ея, если вѣрить преданію, написанная евангелистомъ Лукою, была привезена изъ Царяграда какимъ-то купцомъ Пирогостомъ. Она почиталась чудотворною. «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородицѣ Пирогощей»—говоритъ Слово; слѣдовательно по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ прежде всего приносилъ передъ этою иконою благодарственныя молитвы за свое освобожденіе, и вѣроятно исполнялъ обѣтъ, данный въ тяжкую годину своего плѣна или бѣгства.

Третья или Михайловская часть Верхняго города, отдѣленная отъ Стараго Кіева небольшимъ удольемъ Боричева увоза, заключала въ себѣ монастырь, основанный Святополкомъ Михаиломъ въ честь своего ангела. Главы Михайловскаго храма были покрыты золочеными бляхами; почему онъ и назывался *Златоверхимъ*. По своему архитектурному плану и тремъ алтарнымъ полукружіямъ онъ подходилъ къ Десятинному храму; а мозаичными украшеніями алтаря, особенно изображеніемъ Тайной Вечери, напоминалъ св. Софію.

Заключая въ себѣ самые великолѣпные кіевскіе храмы,

Верхній городъ былъ застроенъ преимущественно домами князей, бояръ и дружинниковъ. Кромѣ главнаго велико-княжескаго терема или Великаго двора Ярославова было много другихъ теремовъ, гдѣ проживали младшіе князья или княжія вдовы. Лѣтопись называетъ по именамъ нѣкоторые дворы, каковы бояръ: Коснячка, Чудина, Воротислава, Борислава, Путяты, Гордяты; князей: Глѣба, Мстислава, Василька и др. Между тѣмъ Нижній городъ или Подолъ по преимуществу былъ наполненъ промышленнымъ населеніемъ. Тамъ находилось самое большое Торговище или главный рынокъ. Подолье было укрѣплено деревянными стѣнами и тыномъ *(столпіемъ)*. У западныхъ его воротъ, такъ наз. Подольскихъ, лежало предмѣстье извѣстное подъ именемъ Копырева конца, лѣпившееся по взгорьямъ ручья Глубочицы. По удолью ручья Кіянки изъ Подолья поднимался къ Верхнему Кіеву (чрезъ Кожемяки) увозъ, болѣе длинный и менѣе крутой чѣмъ Боричевъ. Въ Копыревѣ концѣ находился монастырь св. Симеона, принадлежавшій роду Черниговскихъ Ольговичей; такъ какъ онъ былъ основанъ ихъ родоначальникомъ, Святославомъ Ярославичемъ, когда послѣдній занималъ великокняжескій столъ. Другой монастырь, принадлежавшій тому же роду, Кирилловскій, помѣщался далѣе за Подоломъ по дорогѣ въ Вышгородъ на лѣсистомъ взгорьѣ, которое называлось Дорогожичи. Монастырь этотъ былъ основанъ Всеволодомъ Ольговичемъ, также во время его Кіевскаго княженія. Неподалеку отъ Кириллова монастыря находился и загородный теремъ Ольговичей, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ Новаго двора. Мы видѣли, что Святославъ Всеволодовичъ въ 1194 году скончался на этомъ Новомъ дворѣ и былъ погребенъ въ «отней» Кирилловой обители. Судя по этимъ сооруженіямъ, Ольговичи тяготѣли болѣе къ Нижнему городу, чѣмъ къ Верхнему.

Древнерусскіе князья любили строиться, и воздвигали не одни храмы, но и терема какъ городскіе, такъ и загородные. Вокругъ Кіева было нѣсколько дворовъ, гдѣ князья проживали преимущественно въ лѣтнее время. Тутъ имъ было привольнѣе посреди разныхъ хозяйственныхъ занятій; а лѣсистыя окрестности представляли имъ всѣ удобства предаваться своей любимой забавѣ, т. е. охотѣ. Главный загородный дворъ ве-

ликокняжескій находился подлѣ сельца Берестова, посреди густаго бора, на Угорской возвышенности; почему и носилъ также названіе двора Угорскаго или Подъугорскаго. Онъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ еще Владиміра Великаго и его сына Ярослава. Извѣстно, что любимецъ послѣдняго, священникъ Берестовской церкви свв. Апостолъ, Иларіонъ, первый изъ русскихъ людей былъ возведенъ въ санъ Кіевскаго митрополита. Нѣсколько позднѣе встрѣчаемъ здѣсь подлѣ княжаго терема небольшой каменный храмъ Спаса Преображенія. Владиміръ Мономахъ также любилъ проживать на Берестовѣ; сюда собралъ онъ для совѣта своихъ тысяцкихъ, когда дополнилъ Русскую Правду уставомъ о рѣзахъ или процентахъ. Тутъ же въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ погребены Юрій Долгорукій и сынъ его Глѣбъ, оба княжившіе въ Кіевѣ. Въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Берестовымъ устроилась знаменитая Печерская обитель съ ея изящнымъ Успенскимъ храмомъ и съ ближнимъ женскимъ монастыремъ св. Николая, въ которомъ, по преданію, постриглась мать св. Ѳеодосія. Въ то время какъ у Ольговичей былъ свой собственный загородный дворъ за Подоломъ подлѣ Кириллова монастыря, у Мономаховичей былъ свой особый родовой теремъ съ монастыремъ на холму Выдубецкомъ, то есть совершенно въ противоположной сторонѣ отъ города. Этотъ теремъ, носившій названіе Краснаго двора, принадлежалъ родоначальнику Мономаховичей, Всеволоду Ярославичу, которымъ былъ основанъ и смежный Выдубецкій монастырь св. Михаила. Извѣстно, что при Мономахѣ здѣсь былъ игуменомъ Сильвестръ, сочинитель первой русской лѣтописи или такъ наз. Повѣсти временныхъ лѣтъ. Изъ Мономаховыхъ потомковъ въ особенности благодѣтельствовалъ Выдубецкому монастырю Рюрикъ Ростиславичъ. Михайловская церковь этого монастыря сооружена надъ самымъ береговымъ обрывомъ. Днѣпровскія волны постоянно подмывали берегъ, и алтарная часть церкви грозила обрушиться вмѣстѣ съ нетвердою почвою. Рюрикъ, будучи великимъ княземъ Кіевскимъ, не пожалѣлъ издержекъ, чтобы укрѣпить каменною стѣною обрывъ, на которомъ стоялъ храмъ, и поручилъ это дѣло славному въ его время русскому зодчему Петру Милонѣгу. Сооруженіе начато въ іюнѣ 1199 года, а окончено въ сентябрѣ слѣдующаго года. Оно

было отпраздновано какъ важное событіе. Рюрикъ, съ женой, сыновьями Ростиславомъ и Владиміромъ, снохою Верхуславой и дочерью Предславой, прибылъ въ монастырь, и послѣ благодарственнаго молебна задалъ пиръ игумну Моисею со всей братіей; при чемъ щедро одѣлилъ всѣхъ подарками. Лѣтописецъ—одинъ изъ продолжателей Сильвестра — до небесъ превозноситъ Рюрика по этому случаю.

Красный дворъ служилъ любимымъ пребываніемъ Юрія Долгорукаго. Но у него былъ еще другой загородный дворъ, за Днѣпромъ, прозванный Раемъ. Надобно полагать, что послѣдній находился тамъ же, гдѣ лежалъ заднѣпрскій городокъ Юрія, иначе называвшійся Песочнымъ. Днѣпръ въ среднемъ своемъ теченіи сопровождается множествомъ отдѣляющихся отъ него рукавовъ и озеръ; по этому обилуетъ островами и заливными лугами. Особенно таковъ онъ подъ Кіевомъ. Здѣсь лѣвый берегъ представляетъ широкую низменную полосу, которая покрыта цѣлою сѣтью рукавовъ, озеръ и протоковъ. Главный рукавъ носитъ названіе Черторыя. Вешняя вода покрывала острова и сосѣднія низменности; а послѣ себя оставляла заливы и озера (напримѣръ Долобское). Эта водная Днѣпровская сѣть, умноженная еще рукавами Десны, дѣлала неудобною переправу черезъ Днѣпръ подъ самымъ городомъ; главная переправа совершалась или подъ Вышгородомъ, т. е. выше устья Десны, или ниже устья Черторыя насупротивъ Неводницкой пристани, т. е. подъ Выдубецкимъ монастыремъ. Здѣсь-то около послѣдняго устья вѣроятно и лежалъ Песочный городокъ съ княжимъ теремомъ или Раемъ, на отлогомъ песчаномъ возвышеніи, на краю обширнаго сосноваго бора.

Главная Кіевская пристань находилась на устьѣ Почайны, на Подолѣ. Здѣсь конечно была самая оживленная часть города, особенно весною въ полую воду, когда сверху приплывали суда, нагруженныя товарами варяжскими, а также сырыми произведеніями сѣверной и средней Россіи, преимущественно мѣхами; а снизу приспѣвали «гречники», то есть, русскіе караваны съ дорогими тканями, изящными металлическими издѣліями, южными плодами, винами и другими греческими товарами. Надобно полагать, что кромѣ разнаго рода греческихъ мастеровъ въ Кіевѣ проживали и византійскіе

торговцы. Латинскіе гости, т. е. купцы изъ Варяговъ и Нѣмцевъ (а также западныхъ Славянъ), имѣли здѣсь не только свои особые дворы и лавки, но и собственные каменные храмы. Были тутъ и восточные торговцы, именно мусульмане изъ Камской Болгаріи и Евреи изъ Хазаріи. Можетъ быть, отъ послѣднихъ торговцевъ или отъ хазарскихъ плѣнниковъ, здѣсь поселенныхъ, одинъ уголъ Подола носитъ названіе «Козаре». Вмѣстѣ съ гречниками въ Кіевъ проникали и купцы итальянскіе, именно Генуэзцы (Фрягове) и Венеціане (Венедици), которые во время Крестовыхъ походовъ захватили въ свои руки значительную часть восточной торговли. На Подолѣ всегда можно было найти и русскихъ гостей изъ Чернигова, Смоленска, Суздаля, Галича, и пр.; но первое мѣсто между ними конечно занимали дѣятельные, предпріимчивые Новгородцы. Купцы иноземные и иногородные вели торговлю по преимуществу оптовую, т. е. имѣли дѣла съ мѣстными кіевскими торговцами.

О многочисленности населенія древнерусской столицы можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ. Еще въ началѣ XI вѣка Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій замѣтилъ въ своей хроникѣ, что въ Кіевѣ болѣе четырехсотъ церквей и восемь торжищъ, а жителей несмѣтное множество. Положимъ, онъ сильно преувеличилъ число церквей (можетъ быть, тутъ ошибка: вмѣсто 400 слѣдуетъ читать 40); однако во время огромнаго пожара 1124 года, испепелившаго Подолъ и часть Верхняго города, по словамъ нашей лѣтописи, сгорѣло до 600 церквей. Впрочемъ и это число не совсѣмъ вѣроятно, хотя бы сюда и были включены всѣ малыя церкви (божницы) и часовни. Замѣчательно еще извѣстіе лѣтописца о морѣ, бывшемъ въ 1092 году. Въ короткое время, говоритъ онъ, гробовщики продали до 7,000 гробовъ. Во всякомъ случаѣ мы едвали будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что Кіевъ въ эпоху наибольшаго процвѣтанія, т. е. въ XII вѣкѣ, съ своими предмѣстьями вмѣщалъ въ себѣ болѣе 100,000 жителей. Какъ истые представители Поляно-Русскаго племени, Кіевляне отличались подвижнымъ, предпріимчивымъ и вмѣстѣ промышленнымъ духомъ. Но слава, пріобрѣтенная ихъ городомъ, какъ средоточіемъ великой страны, богатства, накопленныя въ немъ обширной торговлей и данями съ подвластныхъ рус-

скихъ земель, а также постоянныя распри князей за обладаніе Кіевомъ и происходившее отсюда заискиваніе народнаго расположенія—не могли не внести въ характеръ его жителей нѣкоторыхъ разслабляющихъ сторонъ и привычекъ. Своею наклонностію къ веселой и роскошной жизни, своими вспышками своеволія или неуваженія къ власти и замѣтнымъ ослабленіемъ воинственнаго духа, Кіевляне стали отчасти напоминать Византійцевъ, которымъ они во многомъ подражали, особенно въ страсти къ дорогимъ нарядамъ и украшеніямъ. Конечно, такою страстью отличалась преимущественно женская половина населенія, которая красивыми нарядами старалась еще болѣе возвысить свою природную славянскую миловидность. По словамъ одного польскаго хрониста, ничто такъ не плѣняло иноземцевъ въ Кіевѣ какъ его русоголовыя, темнобровыя женщины, блиставшія «дивною красотою лица и стана» ([1]).

Послѣ столицы важнѣйшими кіевскими городами или пригородами Кіева были Вышгородъ, Бѣлгородъ и Васильевъ. Къ сѣверу отъ Кіева возвышенный лѣвый берегъ отступаетъ отъ Днѣпровскаго русла и оставляетъ значительную низменную долину, отчасти поросшую лѣсомъ и кустарникомъ, отчасти образующую заливные луга. Верстахъ въ десяти отъ столицы цѣпь холмовъ снова подходитъ къ самому Днѣпру, и здѣсь-то на высокомъ берегу стоялъ крѣпкій Вышгородъ, защищавшій подступъ къ Кіеву съ сѣверной стороны. Вышгородъ составлялъ иногда особый удѣлъ; но кіевскіе князья отдавали его обыкновенно сыну или другому близкому родственнику. Онъ имѣлъ для древней Россіи и важное религіозное значеніе; такъ какъ здѣсь стоялъ богатый каменный храмъ съ мощами князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, куда приходили богомольцы изъ разныхъ краевъ Россіи. Бѣлгородъ представлялъ твердыню, воздвигнутую на правомъ берегу Ирпени на значительной крутизнѣ, верстахъ въ двадцати съ небольшимъ отъ Кіева. Онъ былъ охраною Кіева съ западной стороны, т. е. со стороны Волыни. А Васильевъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Стугны, отъ Кіева около сорока верстъ. Берегъ покрытъ невысокими холмами; но городъ, судя по остаткамъ насыпей, былъ укрѣпленъ двойными или тройными валами, и служилъ для Кіева надежною защитою съ южной стороны. Пространство, заключенное между

этими главными пригородами и самымъ Кіевомъ, кипѣло густымъ зажиточнымъ населеніемъ. Здѣсь было разсѣяно много селъ и менѣе значительныхъ городовъ, каковы: Звенигородъ (памятный ослѣпленіемъ Василька Ростиславича), Здвиженъ, Пересѣченъ и др. За Стугной вдоль ея теченія тянулся валъ, издавна насыпанный для обороны собственно Кіевской области отъ внезапныхъ набѣговъ степныхъ варваровъ. Здѣсь начиналось такъ наз. Поросье или южная половина Кіевской области. За этимъ валомъ насупротивъ города Васильева лежало поле Перепетово, названное такъ по своимъ двумъ великимъ могильнымъ курганамъ, изъ которыхъ одинъ носилъ имя Перепетова, а другой Перепетовки. У конца вала за устьемъ Стугны стоялъ на берегу Днѣпра городъ Треполь. Ниже Треполя на высокомъ береговомъ холму расположенъ былъ древній Витичевъ, съ пристанью внизу; эта пристань служила первою стоянкой торговыхъ каравановъ, отправлявшихся изъ Кіева въ Грецію. Въ XI вѣкѣ городъ запустѣлъ, вѣроятно разоренный варварами; но въ 1095 году онъ возобновленъ подъ именемъ Святополча; великій князь Святополкъ Михаилъ перевелъ сюда жителей Юрьева, сожженнаго Половцами. Подъ Витичевымъ находилась и переправа или, какъ тогда говорилось, «бродъ» черезъ Днѣпръ на Переяславскую сторону. Но главная переправа на пути изъ Кіева въ Переяславль производилась нѣсколько ниже, около городка Заруба, расположеннаго напротивъ устья Трубежа и извѣстнаго своимъ пещернымъ монастыремъ, изъ котораго вышелъ митрополитъ Климентъ Смолятичъ. Подлѣ него находился такъ наз. Варяжскій островъ. Еще ниже на Днѣпрѣ около устья Роси стоялъ городъ Каневъ среди весьма холмистой мѣстности. Это была послѣдняя кіевская крѣпость на правой сторонѣ Днѣпра. Каневъ возникъ повидимому на томъ же мѣстѣ, гдѣ упоминается городъ Родня, подъ которымъ рѣшилась борьба Ярополка съ Владиміромъ въ 980 году. Отсюда шли рядъ городовъ и насыпные валы вверхъ по Роси: она послѣ Стугны представляла вторую укрѣпленную кіевскую линію. Замѣчателенъ въ особенности такъ называемый «Змѣевъ валъ», который, начинаясь немного выше устья Роси, идетъ на западъ то по лѣвой, то по правой сторонѣ этой рѣки и около верхняго ея теченія заворачиваетъ на сѣ-

веро-западъ. Изъ городовъ второй укрѣпленной линіи наиболѣе замѣчателенъ Корсунь, находящійся тамъ, гдѣ Рось дѣлаетъ самый южный изгибъ. Подъ Корсунемъ эта рѣка встрѣчаетъ скалистые холмы, разбивается между ними на нѣсколько рукавовъ и протоковъ, и образуетъ пѣнистые, живописные пороги. Далѣе на Роси лежали Богуславъ и упомянутый выше Юрьевъ, хотя и сожженный Половцами, но спустя нѣсколько лѣтъ возобновленный тѣмъ же Святополкомъ Михаиломъ. Гдѣ-то около Роси на одномъ изъ ея притоковъ лежалъ и Торческъ, бывшій средоточіемъ кіевскихъ Торковъ или Черныхъ Клобуковъ (2).

Довольно возвышенная плоскость, простирающаяся между Стугною и Росью, а также и къ югу отъ послѣдней, приблизительно до рѣки Тясмина, своимъ полустепнымъ характеромъ и тучными пастбищами вполнѣ соотвѣтствовала потребностямъ Черныхъ Клобуковъ, которые сохраняли еще многія привычки кочевыхъ народовъ и главное богатство свое почитали въ большихъ стадахъ коней, овецъ и рогатаго скота. Они продолжали отчасти жить въ открытомъ полѣ подвижными вежами или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ; но имѣли и становища, огороженныя валами, куда собирали свои семьи и стада въ военное время; въ опасныхъ же случаяхъ укрывались подъ защиту русскихъ городовъ Поросья. Кромѣ Поросья кочевыя полчища Черныхъ Клобуковъ тянулись и на восточной сторонѣ Днѣпра, т. е. въ украйнахъ Переяславской и Черниговo-Сѣверской. Черные Клобуки очевидно сохраняли и обычное кочевникамъ дѣленіе по родамъ, находившимся подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старшинъ и князьковъ. Разнообразіе именъ, подъ которыми встрѣчаются иногда эти служилые инородцы древней Руси, объясняется именно ихъ родовымъ дѣленіемъ. Кромѣ общаго имени «Черныхъ Клобуковъ» и племенныхъ названій «Печенѣги» и «Торки», встрѣчаются еще въ лѣтописяхъ названія «Берендичи», «Турпѣи», «Ковуи», «Каепичи», «Бастѣева чадь»: это собственныя имена разныхъ родовъ, большею частію дававшіяся по именамъ ихъ хановъ; впрочемъ подъ словомъ Берендичи или Берендѣи разумѣлись и вообще Торки или Черные Клобуки. Послѣднее названіе получили они отъ своего любимаго головнаго убора, высокихъ бараньихъ шапокъ чернаго цвѣта. Верхи этихъ ша-

покъ дѣлались иногда изъ какой либо цвѣтной ткани и свѣшивались на бокъ (какъ теперь у казаковъ). Ихъ смуглыя лица осѣнялись черными усами и бородою. Наиболѣе знатные носили широкіе, шелковые кафтаны персидскаго покроя.

Поселенные на южныхъ предѣлахъ Руси съ обязанностію быть ея передовыми конными стражами отъ соплеменныхъ съ ними Половцевъ, Черные Клобуки естественно подвергались неотразимому вліянію Русской народности и постепенному съ ней сліянію. Особенно это вліяніе замѣтно въ собственной Кіевской украйнѣ или на лѣвомъ Поросьѣ. Здѣсь постепенно возникаютъ городки со смѣшаннымъ населеніемъ изъ Черныхъ Клобуковъ и Руси. Ихъ родовые старшины или ханы за военныя заслуги получали иногда такіе городки въ свое державство, т. е. пользовались извѣстными съ нихъ поборами. Черные Клобуки въ большинствѣ еще сохраняли свое язычество; но при смѣшеніи съ Русью между ними стало водворяться и христіанство. Скрещеніе Руси съ этими инородцами положило начало той русско-украинской народности, которая позднѣе является въ исторіи подъ именемъ Казаковъ или Черкасъ. Послѣднее имя указываетъ еще на примѣсь Прикавказскихъ и Таврическихъ Казаръ или Черкесовъ, въ разное время селившихся на русскихъ украйнахъ, особенно во время угнетенія ихъ родины Половцами и во время паденія древнерусскаго Тмутраканскаго княжества ([3]).

Къ Кіевскому княженію причислялось обширное Припетское Полѣсье съ своими неизмѣримыми пущами и водными пространствами, которыя представляютъ остатки существовавшаго здѣсь когда-то внутренняго моря. Дремучіе влажные лѣса, безчисленныя рѣчки, озера и болота, песчаноглинистая почва—вотъ господствующія черты полѣсской природы. Клочки сухой, удобной для воздѣлыванія, земли разсѣяны здѣсь въ видѣ оазисовъ или острововъ, на которыхъ конечно и сосредоточилось рѣдкое населеніе Полѣсья. Полѣсяне, какъ показываетъ ихъ нарѣчіе, составляли вѣтвь южнорусскаго племени; въ лѣтописи они являются подъ именемъ Древлянъ. Но та часть ихъ, которая занимала область сѣверныхъ притоковъ Припети, судя по лѣтописи, носила названіе Дреговичей, и по языку своему представляла уже переходъ къ сѣверному или Кривскому племени.

Природа вполнѣ наложила свою печать на характеръ этого населенія и его исторію. Угнетенное вѣчными заботами о добываніи насущнаго пропитанія изъ своей скудной почвы, изъ своихъ озеръ и рѣкъ, затерянное посреди непроходимыхъ болотъ и пущъ, оно не могло ни достаточно развить свою гражданственность, ни выработать средоточіе для собственной государственной жизни. Поэтому Полѣсье, не смотря на свою обширность, никогда не пользовалось въ исторіи большимъ политическимъ значеніемъ. Всѣ его текучія воды собираются въ Припеть, и вмѣстѣ съ нею вливаются въ Днѣпръ, не далеко отъ Кіева. По своимъ сплавнымъ и судоходнымъ рѣкамъ, единственнымъ въ тоже время путямъ сообщенія, Полѣсяне отправляли на продажу въ Кіевское Поднѣпровье произведенія собственной лѣсной промышленности, каковы: лодки, ободья, мочало, лыко, деготь и пр., а также медъ и звѣриныя шкуры. Отсюда естественнымъ является и политическое тяготѣніе Полѣсья къ Кіеву. Мы видимъ, что до самаго паденія послѣдняго полѣсскіе города обыкновенно достаются въ удѣлъ младшимъ родичамъ великаго князя Кіевскаго. Только Черниговскіе Ольговичи менѣе другихъ стремятся въ эту лѣсную сторону и охотно уступаютъ ее Мономаховичамъ. Во второй половинѣ XII вѣка восточною частью Полѣсья, ближайшею къ Кіеву, владѣлъ извѣстный Рюрикъ Ростиславичъ; до перехода въ Кіевъ его стольнымъ городомъ былъ Вручій или Овручъ, расположенный на одномъ изъ притоковъ рѣки Ужа, на довольно возвышенной мѣстности, окруженной глубокими и крутыми оврагами. Здѣсь былъ соборный храмъ св. Василія, котораго основаніе приписывается Владиміру Великому; но можетъ быть, онъ построенъ или возобновленъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, также носившимъ христіанское имя Василія. По развалинамъ этого изящнаго храма видно, что онъ имѣлъ пять куполовъ на десятигранныхъ шеяхъ; что своды его ради ихъ легкости и усиленія звуковъ выведены были изъ горшковъ (такъ наз. голосники), а стѣны сложены изъ тонкихъ кирпичей и мѣстнаго яркокраснаго камня, переложенныхъ толстыми слоями цемента, и что подъ троечастнымъ алтаремъ былъ ходъ въ погребальные склепы. На сохранившейся мѣстами штукатуркѣ видны прекрасныя фрески, изображающія лики святыхъ. (Находящійся подлѣ города кур-

ганъ прозванъ „Могилою Олега", того древлянскаго князя. который погибъ въ битвѣ съ своимъ братомъ Ярополкомъ подъ самымъ Овручемъ). На верхнемъ теченіи Ужа лежали города Ушескъ и разоренный Ольгою Искоростенъ. Подъ этимъ городомъ Ужъ встрѣчаетъ гряду гранитныхъ утесовъ, и съ шумомъ пробиваетъ себѣ путь между порогами. Здѣсь посреди стремнины выдаются два большіе камня съ углубленіями, вымытыми водою; преданіе дало имъ названіе „Ольгиныхъ банъ". А при впаденіи Ужа въ Припеть лежитъ городъ Чернобыль. Зимой 1193 года въ окрестностяхъ Чернобыля сынъ Рюрика Ростиславича занимался ловами, когда къ нему прибыли гонцы отъ Черныхъ Клобуковъ звать въ походъ на Половцевъ. Конечно, ни одна русская область не представляла такого раздолья для княжеской охоты какъ полѣсскія трущобы, изобильныя лѣснымъ звѣремъ и всякими дикими животными, каковы въ особенности: медвѣди, вепри, зубры, лоси, рысь, волки, лисицы, куницы, бобры и пр. Раздолье для охоты, разумѣется, представлялось только въ зимнее время, когда болота и топи покрывались надежнымъ слоемъ льду. Къ Овручскому удѣлу принадлежалъ и городъ Брягинъ, подаренный Рюрикомъ Ростиславичемъ своей снохѣ Верхуславѣ Всеволодовнѣ; онъ лежалъ посреди болотъ на лѣвой сторонѣ нижней Припети.

Поднимаясь вверхъ по теченію Припети, на правомъ ея берегу находимъ важнѣйшія ея пристани, Мозырь и Туровъ. Послѣдній лежалъ въ самомъ средоточіи Полѣсья, и былъ стольнымъ городомъ древняго и довольно обширнаго Туровскаго княженія. Нѣкоторое время этотъ удѣлъ считался старшимъ послѣ Кіева; онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока не утвердился за потомствомъ Святополка II Михаила. Древній Туровъ памятенъ еще своимъ епископомъ Кирилломъ, знаменитымъ церковнымъ витіей второй половины XII вѣка. Епископы туровскіе обыкновенно имѣли свое пребываніе въ загородномъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Къ Туровскому княжеству кромѣ Мозыря причислялись Пинскъ на Пинѣ, притокѣ Припети, и Городно, между Горынью и Стыремъ. Городенскій удѣлъ въ XII вѣкѣ выдѣлился изъ туровскихъ земель, т. е. получилъ своихъ особыхъ князей. Въ сѣверной части Туровскаго Полѣсья, или въ землѣ Дрегови-

чей, наиболѣе извѣстные удѣльные города были Клеческъ и Случескъ. Послѣдній лежалъ на Случи, важнѣйшемъ лѣвомъ притокѣ Припети, и также имѣлъ иногда особыхъ удѣльныхъ князей. Находясь на пограничьѣ съ Кривскимъ краемъ, онъ нерѣдко подвергался нападеніямъ сосѣднихъ полоцкихъ владѣтелей. А западная часть Дреговичей и Пинянъ принадлежала собственно къ Волынскому Полѣсью.

XII.

ВОЛЫНЬ И ГАЛИЧЪ.

Предѣлы Волынской земли.—Владимiръ, Луцкъ и другiе города.—Романъ Волынскiй.—Галицкая земля.—Стольный городъ.—Города Подгорья и Понивья.—Ярославъ Осмомыслъ.—Боярство.—Семейные раздоры.—Владимiръ Ярославичъ и начало галицкихъ смутъ.—Вмѣшательство Угровъ.—Княженiе Романа въ Галичѣ.—Посольство папы.—Гибель Романа.—Его дѣти.—Вмѣшательство Ляховъ, Угровъ и южнорусскихъ князей въ борьбу за Галицкое наслѣдство.—Боярскiя крамолы и казнь двухъ князей.—Господство Угровъ въ Галичѣ.—Изгнанiе ихъ Мстиславомъ Удалымъ.

Волынская земля занимала область верхней Припети и важнѣйшихъ правыхъ ея притоковъ, каковы Турiя, Стоходъ, Стырь и Горынь. Ни характеръ природы, ни политическая исторiя Волыни не даютъ ей опредѣленныхъ границъ отъ земли собственно Кiевской; лежавшiе между ними удѣлы причислялись то къ Волынскому, то къ Кiевскому княженiю, смотря по теченiю событiй. Приблизительною границею могутъ быть назначены рѣка Горынь и ея правый притокъ Случъ; такъ какъ *Погорина* (т. е. мѣстность по Горыни) была по преимуществу спорною полосою. На западѣ Волынь граничила непосредственно съ Польскою землею, отъ которой ее отдѣляло среднее теченiе Западнаго Буга и верховья Вепря—правыхъ притоковъ Вислы. (Полоса земли между Бугомъ и Вепремъ называлась *Украйною*). На сѣверѣ Волынская земля сливалась съ Пинско-Туровскимъ Полѣсьемъ, отъ котораго ея сѣверная бо́льшая половина почти не отличалась своею природою, то-есть заключала подобныя же низменныя, болотистыя и лѣсныя пространства. Только южная полоса Волыни образуетъ довольно холмистую страну, мѣстами напоминающую близость Карпатъ, богатую текучими водами, цвѣтущими нивами и рощами лиственныхъ породъ. Въ сѣверной

низменной части лежали важнѣйшіе города Волынской земли, составлявшіе ея политическое средоточіе, именно Владиміръ и Луцкъ.

Владиміръ, стольный городъ всей Волыни, расположенъ на правомъ берегу рѣки Луга, впадающей въ Бугъ. Сохранившійся доселѣ небольшой каменный храмъ во имя св. Василія считается построеніемъ Владиміра Великаго какъ и самый городъ. Ему же приписывалось и основаніе соборнаго храма во имя Успенія Богородицы. Когда этотъ храмъ пришелъ въ ветхость, князь Мстиславъ Изяславичъ (во второй половинѣ XII в.) построилъ великолѣпный новый соборъ Успенскій, въ которомъ былъ потомъ погребенъ. Развалины этого собора и остатки стѣннаго расписанія свидѣтельствуютъ о его красотѣ и его византійскомъ стилѣ. Изъ многихъ церквей и монастырей Владимірскихъ по лѣтописи извѣстна еще церковь св. Димитрія и монастырь св. Михаила. Обширностію и красотою этотъ городъ слылъ изъ первѣйшихъ въ древней Руси. Онъ былъ хорошо укрѣпленъ, и имѣлъ двойные валы, глубокіе рвы и толстыя стѣны, хотя и деревянныя. Изъ воротъ городскихъ извѣстны по лѣтописи двое: «Гридшины» и «Кіевскіе»; послѣдніе конечно обращены были на дорогу въ Кіевъ. Внутренній городъ или кремль съ княжимъ теремомъ былъ обнесенъ особымъ валомъ и стѣною; его обтекала кругомъ рѣчка Смочъ, впадающая въ Лугъ. Одно изъ окрестныхъ селеній, называемое Зимно, вѣроятно заключало въ себѣ загородный княжій дворъ, судя по древней каменной церкви также во имя Успенія, стоящей на нѣсколько возвышенномъ, живописномъ берегу Луга. Луцкъ или Луческъ, служившій стольнымъ городомъ весьма значительнаго волынскаго удѣла, лежалъ на лѣвомъ берегу Стыря, на большомъ торговомъ пути изъ Владиміра въ Кіевъ; почему подъ городомъ черезъ Стырь былъ перекинутъ мостъ. Луцкъ является также однимъ изъ большихъ и хорошо укрѣпленныхъ городовъ древней Руси. Загородный дворъ удѣльныхъ луцкихъ князей находился въ живописномъ селеніи, называвшемся «Гай», вѣроятно отъ своихъ гаевъ или зеленыхъ рощъ; здѣсь были построены «разноличные хоромы» и церковь «красотою сіяюща», какъ выражается лѣтопись. Изъ древнѣйшихъ храмовыхъ сооруженій въ Луцкѣ можемъ ука-

зать только на Пречистенскій монастырь, основанный въ XII вѣкѣ и возвышавшійся на береговомъ обрывѣ рѣчки Глушца, тутъ же впадающей въ Стырь.

Послѣ Владиміра и Луцка между многочисленными волынскими городами наиболѣе значительные: Дорогобужъ на Горыни; Чемеринъ, Пересопница, Дубенъ и Шуменъ между Горынью и Стыремъ, т. е. въ самой срединѣ Волыни; Кременецъ, Бельзъ и Червенъ на югозападѣ или на пограничьѣ съ Галицкой землей. (Два послѣдніе принадлежали къ такъ наз. Червенскимъ городамъ и входили въ составъ то Галицкаго, то Волынскаго княженія). Берестье, Мѣльникъ и Дрогичинъ лежали на правомъ болѣе возвышенномъ берегу Западнаго Буга или на границѣ съ Поляками; Дрогичинъ въ тоже время служилъ оплотомъ отъ сосѣдняго дикаго народа Ятвяговъ. Каменецъ на Смотричѣ, притокѣ Днѣстра, Межибожье и Колодяженъ на верхнемъ теченіи Южнаго Буга—защищали Волынскій край съ юга или со стороны Половецкой степи. Въ той же сторонѣ, на верховьяхъ Случи и Буга, между Волынскимъ и Кіевскимъ краями находилась область Болоховская, съ городами Болоховъ и Деревичъ. Любопытно, что въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ этой области особыхъ удѣльныхъ князей; повидимому они не принадлежали къ потомству Игоря Стараго или Владиміра Великаго, и были послѣдними представителями одного изъ тѣхъ туземныхъ княжескихъ родовъ, которыхъ Игорево потомство лишило власти.

Обитатели Волыни составляли южнорусскую вѣтвь, извѣстную въ лѣтописи подъ именами Бужанъ, Дулебовъ и Волынянъ. Только сѣверный уголъ ея, т. е. Пинское Полѣсье и область Ясольды, лѣваго притока Припети, заселяли Дреговичи. Въ этомъ Полѣсьѣ, хотя и скудно населенномъ, встрѣчаемъ довольное число городовъ; потребность въ укрѣпленныхъ мѣстахъ на сѣверной волынской украйнѣ вызывалась сосѣдствомъ хищныхъ Ятвяговъ и другихъ литовскихъ племенъ. Болѣе извѣстны изъ такихъ городовъ Кобринъ на Мухавцѣ, притокѣ Западнаго Буга, Бѣльскъ на одномъ изъ притоковъ Нарева и Слонимъ на Шарѣ, притокѣ Нѣмана ([1]).

Владиміръ Волынскій какъ удѣльное княжество впервые

встрѣчается при раздачѣ русскихъ городовъ Владиміромъ Великимъ его сыновьямъ. Этой областью владѣли обыкновенно сыновья и другіе близкіе родственники великаго князя Кіевскаго. Но почти никогда одинъ князь не обладалъ ею безраздѣльно; а долженъ былъ дѣлиться съ другими членами своего рода, что порождало безчисленныя распри и междоусобія за волости. Извѣстны жестокія усобицы, возникшія послѣ ослѣпленія Василька. Мономахъ, будучи великимъ княземъ Кіевскимъ, присвоилъ себѣ Волынь; съ тѣхъ поръ она постоянно оставалась за его родомъ; а со времени его внука Изяслава Мстиславича, извѣстнаго своей борьбой съ Юріемъ Долгорукимъ, она удвердилась именно за старшей линіей Мономаховичей, т. е. за Мстиславичами. Самымъ знаменитымъ княземъ Волынскимъ является внукъ Изяслава Романъ Мстиславичъ, въ юности своей княжившій въ Новгородѣ Великомъ и тамъ прославившійся побѣдою надъ ратью Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. Въ это время Волынская область уже значительно обособилась отъ Кіевскаго княженія; но въ свою очередь дробилась на удѣлы между членами старшей линіи, съ неизбѣжными распрями за волости и старшинство. Такъ отецъ Романа Мстиславъ долженъ былъ раздѣлить ее съ своимъ братомъ Ярославомъ Луцкимъ, а также съ своими двумя дядями (Владиміромъ Андреевичемъ и Владиміромъ Мстиславичемъ). Самому Роману въ свою очередь пришлось дѣлиться съ роднымъ братомъ Всеволодомъ Бельзскимъ, кромѣ того съ нѣсколькими двоюродными братьями и племянниками. Но это былъ такой князь, который умѣлъ держать въ подчиненіи младшихъ родичей и наводить страхъ на своихъ сосѣдей, особенно на Половцевъ и Ятвяговъ. Волынскій лѣтописецъ очерчиваетъ Романа слѣдующими поэтическими сравненіями: «онъ устремлялся на поганыхъ какъ левъ и губилъ ихъ подобно крокодилу, землю ихъ облеталъ подобно орлу; сердитъ былъ какъ рысь, а храбръ какъ туръ». По словамъ того же лѣтописца, Половцы такъ боялись Романа, что именемъ его стращали своихъ дѣтей. А по сказанію позднѣйшаго польскаго писателя (Стрыйковскаго) Романъ плѣнныхъ Ятвяговъ запрягалъ въ плугъ и заставлялъ распахивать подъ пашню поля, заросшія древесными корнями; откуда будто бы произошла поговорка: «Романе худымъ живе-

ши, Литвою ореши». Пѣвецъ о Полку Игоревѣ обращается къ Роману и двоюродному брату его Мстиславу Ярославичу (прозванному *Нѣмымъ*) съ такими словами: «А ты буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль возноситъ васъ на подвиги. Высоко стремитесь вы, какъ соколъ парящій на вѣтрахъ, когда хочетъ одолѣть какую птицу. У васъ стальные паворзи (нагрудники) подъ латинскими шлемами. Отъ васъ потряслись многія земли ханскія, Литва, Ятвяги, Деремела, и Половцы повергли свои сулицы, а головы свои преклонили подъ вашими мечами булатными». Въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ такъ выражается о трехъ двоюродныхъ братьяхъ Романа, сыновьяхъ Ярослава Луцкаго, называя ихъ вообще Мстиславичами: «Ингварь, Всеволодъ и всѣ три Мстиславича, не простаго гнѣзда шестокрылые птенцы! Вы не побѣднымъ жребіемъ разобрали себѣ волости. Къ чему у васъ золотые шлемы, ляцкія сулицы и щиты? Загородите своими острыми стрѣлами ворота отъ поля (Половецкаго) въ землю Русскую». Впослѣдствіи одного изъ этихъ двоюродныхъ братьевъ, Ингваря Луцкаго, Романъ посадилъ однажды на великій Кіевскій столъ. Главныя и долгія стремленія Романа были обращены на богатое Галицкое наслѣдство, которымъ ему и удалось наконецъ завладѣть.

Карпаты искони составляли прочную грань между Среднею и Восточною Европою. Волны народныхъ движеній, имѣвшихъ такой широкій просторъ на Восточноевропейской равнинѣ, обыкновенно останавливались у подошвы этой каменной грани, но не всегда. Самыя высокія и широкія части подковообразнаго Карпатскаго хребта залегаютъ на сѣверозападномъ и югозападномъ заворотахъ этой подковы, т. е. въ Татрахъ и Седмиградьѣ. Средняя часть, обращенная на сѣверовостокъ, менѣе высока, имѣетъ незначительную ширину, прорѣзана многими поперечными долинами горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и, круто, обрывисто спускаясь на западной сторонѣ, имѣетъ болѣе отлогіе и далеко развѣтвляющіеся склоны на сѣверовостокѣ. Это обстоятельство облегчало передвиженія изъ Восточноевропейской равнины въ Среднедунайскую или Паннонскую, особенно по тѣмъ горнымъ проходамъ, гдѣ сближались верхнія долины какихъ-либо двухъ рѣчекъ, текущихъ въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ. Такими путями про-

никла въ Паннонію и та Мадьярская орда, которая въ союзѣ съ Нѣмцами разрушила Великоморавскую державу, и тѣ переселенцы изъ Галиціи и Волыни, которые образовали такъ наз. Русь Угорскую. Галицкая земля раскинулась на сѣверовосточныхъ склонахъ и отрогахъ Карпатскаго хребта, орошаемыхъ многочисленными притоками Вислы, Днѣстра и Прута. Она начиналась недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простиралась до самыхъ устьевъ Дуная. Эта возвышенная, холмистая страна, обильная лѣсомъ, текучими водами, тучными нивами и лугами, богатая всякаго рода произведеніями минеральнаго, растительнаго и животнаго царства, особенно обильная соляными копями, является едва ли не самымъ благодатнымъ краемъ древней Руси. Будучи довольно густо населена, она занимала выгодное политическое и торговое положеніе между Кіевомъ и Волынью съ одной стороны, и Византіей, Венгріей и Польшей съ другой. Населеніе ея составляла вѣтвь все того же южнорусскаго племени. Судя по нашей лѣтописи, Карпатскіе Славяне или Червоноруссы въ древности носили еще названіе «Бѣлыхъ Хорватовъ».

Отъ Венгерскаго королевства Галицію отдѣлялъ Карпатскій хребетъ съ своими лѣсистыми скалами и ущельями. Важнѣйшіе проходы этого хребта съ Русской стороны замыкались крѣпкими городами, каковы, напримѣръ, Коломыя на верхнемъ Прутѣ, извѣстная своею солью, и Санокъ на верховьяхъ Сана. Горныя ущелья хребта служили надежнымъ убѣжищемъ людямъ, спасавшимся отъ непріятелей или ищущимъ благочестиваго уединенія; поэтому здѣсь расположены были нѣкоторые галицкіе монастыри; изъ нихъ въ XIII вѣкѣ извѣстны намъ Лелесовъ и Синеводскій Богородичный; послѣдній въ долинѣ рѣки Стрыя, притокѣ Днѣстра. На вершинѣ Серета залегалъ также одинъ изъ болѣе значительныхъ карпатскихъ проходовъ, называемый въ лѣтописи «Барсуковъ дѣлъ»; на Угорской сторонѣ онъ велъ въ городокъ Родну, населенный Нѣмцами и извѣстный своими серебряными рудниками.

Въ сѣверной части Галицкой земли на рѣкѣ Санѣ находились Перемышль и Ярославль. Перемышль, расположенный на крутомъ каменистомъ берегу Сана при впаденіи въ него Вагра, былъ одинъ изъ старѣйшихъ и самыхъ крѣп-

кихъ городовъ галицкихъ. Отнятый у Поляковъ Владиміромъ Великимъ, онъ служилъ потомъ надежнымъ оплотомъ Руси съ этой стороны. Перемышль съ своею областью носилъ еще названіе «Горной страны» или «Подгорья» (т. е. подгорья Карпатъ). Пограничьемъ Руси съ Польшею приблизительно была рѣка Вислокъ, впадающая слѣва въ Санъ немного ниже города Ярославля. Но здѣсь еще не кончалось русское, православное населеніе: оно жило и далѣе на сѣверъ между Вислой и Вепремъ, въ области Судомірско-Люблинской. А остатки принятаго когда-то Поляками греко-восточнаго обряда были еще такъ распространены въ этой части Польши, что встрѣчаемъ славянское богослуженіе и православные храмы даже на лѣвой сторонѣ Вислы, именно въ самомъ Судомірѣ и на Лысой горѣ, гдѣ впослѣдствіи утвердился бенедиктинскій монастырь Святаго Креста. Другой изъ старѣйшихъ городовъ Галицкой или Червонной Руси былъ Теребовль на Серетѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣстра, на пограничьѣ съ собственно Волынской землей. На томъ же пограничьѣ лежалъ Звенигородъ, одинъ изъ нѣсколькихъ Звенигородовъ Югозападной Руси.

Съ того времени какъ Червонная Русь объединилась и составила сильное самостоятельное государство, то-есть со времени Владимірка, средоточіемъ ея и стольнымъ городомъ сдѣлался Галичъ. Онъ расположился на правомъ возвышенномъ берегу Днѣстра, пересѣченномъ оврагами и ложбинами впадающихъ въ него рѣчекъ. Долина, образуемая устьемъ одной изъ нихъ, именно Луквы, послужила мѣстомъ для нижняго города; а господствующій надъ ней крутой холмъ—одинъ изъ береговыхъ холмовъ, составляющихъ отроги Карпатъ—былъ занятъ верхнимъ городомъ, иначе Галицкимъ кремлемъ или дѣтинцемъ, въ которомъ помѣщался и княжій теремъ. При теремѣ находилась придворно-княжеская церковь во имя св. Спаса, соединенная съ нимъ переходами или открытой галереей. Извѣстно, что съ этихъ переходовъ Владимірко, идя къ вечернѣ, увидалъ уѣзжавшаго ни съ чѣмъ кіевскаго посла, боярина Петра Бориславича, и посмѣялся надъ нимъ. Дѣйствительно, съ означеннаго холма весь нижній Галичъ былъ видѣнъ какъ на ладони, а вмѣстѣ съ нимъ болотистое болонье, простиравшееся къ Днѣстру, и дорога черезъ Днѣстръ въ Кіевъ. Но главная святыня Галича, соборный храмъ Богоро-

дицы, помѣщался не въ верхнемъ, а въ нижнемъ городѣ. Онъ воздвигнутъ самимъ Владимиркомъ, или сыномъ его Ярославомъ Осмомысломъ, который и былъ погребенъ въ притворѣ этого храма. По своему стилю онъ не отличался отъ древнекіевскихъ храмовъ, будучи безъ сомнѣнія построенъ и украшенъ также греческими мастерами или подъ ихъ руководствомъ; тѣмъ болѣе, что Галицкій край лежалъ ближе къ Византійской имперіи чѣмъ другія русскія земли, и находился съ нею въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, торговыхъ, политическихъ и особенно церковныхъ. (Соборъ Богородицы, отличавшійся большими размѣрами и прочностью своей постройки, устоялъ до нашего времени, при всѣхъ постигшихъ его переворотахъ и передѣлкахъ). Въ стольномъ Галичѣ были конечно и многіе другіе храмы; но по лѣтописямъ намъ извѣстенъ только монастырь св. Іоанна. Точно также изъ нѣсколькихъ воротъ города лѣтопись упоминаетъ только о «Нѣмецкихъ воротахъ»; вѣроятно вблизи ихъ жили торговцы или поселенцы изъ Германіи. Въ числѣ многихъ могильныхъ кургановъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ Галича былъ одинъ, носившій прозваніе «Галичина Мотила» и связанный съ народнымъ преданіемъ о какомъ-то миѳическомъ основателѣ города. Кромѣ того лѣтопись называетъ еще Быково болото около Днѣстра и какой-то «Кровавый бродъ».

Рѣка Днѣстръ служила главною артеріей Галицкой земли. При всемъ обиліи скалистыхъ береговъ, пороговъ и мелей, она въ тѣ времена была многоводнѣе и представляла значительное судовое движеніе въ Черное море; особенно много сплавлялось по ней судовъ, нагруженныхъ солью, важнѣйшимъ произведеніемъ нагорной Галиціи, которымъ она снабжала между прочимъ и Кіевскую землю. Ниже Галича по Днѣстру разсѣяны были многіе города, каковы Онутъ, Бакота, Ушица, Каліусъ, и др., большею частію лежавшіе на лѣвой низменной сторонѣ рѣки. Эта лѣвая сторона средняго теченія Днѣстра такъ и называлась «Понизье» (впослѣдствіи Подолье) въ противуположность горной странѣ Перемышльской. Оно лежало на пограничьѣ съ Половецкою степью. Средоточіемъ Понизья повидимому былъ городъ Бакота. На югѣ галицкія поселенія или зависимыя отъ Галича встрѣчались по притокамъ Дуная, Пруту и Серету, до самыхъ Дунайскихъ

устьевъ, и такимъ образомъ сходились съ землями Влаховъ и Болгаръ. Залегавшая здѣсь полустепная полоса нерѣдко служила для кочевниковъ воротами во время ихъ набѣговъ изъ южнорусскихъ степей въ Подунайскія страны, и конечно была мало населена. Изъ городовъ ея наиболѣе извѣстенъ Берладъ, находившійся между Прутомъ и Серетомъ; а на самомъ Дунаѣ лежалъ торговый городъ Малый Галичъ (нынѣ Галацъ), складочное мѣсто товаровъ, шедшихъ изъ Руси, Венгріи, Болгаріи и Византіи. Эта южная полоса составляла иногда особый галицкій удѣлъ, котораго Берладъ былъ стольнымъ городомъ; такъ нѣкоторое время здѣсь княжилъ племянникъ Владимірка Иванъ Ростиславичъ, прозванный поэтому Берладникомъ. Сохранилась грамота, данная имъ въ 1134 году купцамъ месеврійскимъ (Месеврія болгарская гавань на Черномъ морѣ), слѣдовательно одна изъ немногихъ дошедшихъ до насъ княжихъ грамотъ той эпохи. Въ этой грамотѣ «Иванъ Ростиславичъ, князь Берладскій», освобождаетъ названныхъ купцовъ отъ мыта при складкѣ привезенныхъ ими товаровъ въ Маломъ Галичѣ; но при вывозѣ изъ сего города за разные, купленные въ его землѣ, товары, русскіе, угорскіе и чешскіе, они должны платить мытъ ([5]).

Начало особаго Галицкаго княжества, какъ извѣстно, было положено двумя братьями Ростиславичами, Володаремъ Перемышльскимъ и Василькомъ Теребовльскимъ. Настоящимъ же основателемъ Галицкой силы и самостоятельности былъ Владиміръ или Владимірко Володаревичъ. Онъ объединилъ подъ своею властію всю Червонную Русь, увеличилъ ее пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ волынскихъ городовъ, и оставилъ своему единственному сыну Ярославу могущественное по тому времени княжество. Только помянутый Иванъ Ростиславичъ Берладникъ смущалъ послѣдняго своими притязаніями на галицкія волости, и Ярославъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока его двоюродный братъ не умеръ на чужбинѣ. Послѣ того Ярославъ до самой смерти своей владѣлъ Галицкой землей спокойно, безъ соперниковъ. При жизни своего тестя Юрія Долгорукаго онъ держалъ сторону Суздальцевъ противъ Волынцевъ, то есть младшей линіи Мономаховичей противъ старшей; но по смерти Юрія, будучи не въ ладу съ женой, перешелъ на сторону старшей линіи, и помогалъ ей войскомъ

противъ Андрея Боголюбскаго. Дружины его участвовали также въ общихъ южно-русскихъ ополченіяхъ противъ Половцевъ, при великихъ князьяхъ кіевскихъ Ростиславѣ Мстиславичѣ и Святославѣ Всеволодовичѣ. Самъ Ярославъ однако не ознаменовалъ себя воинственною дѣятельностію; по крайней мѣрѣ послѣ Теребовльской битвы (когда бояре не пустили его въ поле на томъ основаніи, что онъ у нихъ одинъ), мы не видимъ его на челѣ галицкихъ полковъ. Онъ посылаетъ съ ними своихъ воеводъ, изъ которыхъ извѣстны Тудоръ Елчичъ и особенно Коснятинъ Сѣрославичъ. Какимъ значеніемъ пользовалась хорошо вооруженная и устроенная галицкая рать и какъ почиталось современниками могущество Галицкаго князя, можно судить изъ слѣдующихъ словъ пѣвца о Полку Игоревѣ: «Галицкій Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю; затворилъ ворота Дунаю, метая бремены (стѣнобитныя камни) за облака, творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли; ты отворяешь ворота Кіеву, и стрѣляешь съ отцовскаго золотаго стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ). Стрѣляй, господине, Кончака поганаго кащея за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославича». Такими словами поэтъ ясно свидѣтельствуетъ, что Ярославъ съ одной стороны оберегалъ карпатскіе проходы отъ Угровъ, а съ другой имѣлъ рѣшительное вліяніе въ спорахъ князей за великій Кіевскій столъ; что, владѣя такими городами какъ Малый Галичъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ Дунайской торговли, и что грозу его полковъ испытали на себѣ половецкіе ханы. Эти полки, стоя на склонахъ Карпатскаго хребта, дѣйствительно представлялись какъ бы подпирающими самые Карпаты; а слова о высокомъ сидѣньѣ на златокованномъ столѣ соотвѣтствовали возвышенному положенію Галицкаго кремля надъ Днѣстромъ.

Прозваніе Осмомысла конечно говоритъ о томъ уваженіи, которое Ярославъ пріобрѣлъ между современниками своимъ умнымъ правленіемъ, своими заботами о благосостояніи Червонной Руси. Продолжительный внутренній миръ, который онъ ей доставилъ, способствовалъ процвѣтанію ея торговли, промышленности и земледѣлія; Галицкая земля въ ту эпоху, по

всѣмъ признакамъ, является самою богатою русскою областью. Нижнедунайскія владѣнія связывали ее съ Болгаріей, а чрезъ нее и съ Византійской имперіей; такъ какъ Болгарія въ то время входила въ составъ имперіи. Кромѣ торговыхъ и церковныхъ сношеній съ Византіей, Галицкій княжій домъ имѣлъ также родственныя, дружескія связи съ императорской семьей Комненовъ. Между прочимъ въ 1164 году въ Галичѣ нашелъ убѣжище византійскій принцъ Андроникъ, гонимый императоромъ Мануиломъ, который былъ его двоюроднымъ братомъ по отцу; а со стороны матери Андроникъ, кажется, приходился двоюроднымъ братомъ Ярославу. Послѣдній ласково принялъ блестящаго принца, извѣстнаго многочисленными странствованіями и романическими приключеніями, и отдѣлилъ на его содержаніе доходы съ нѣсколькихъ своихъ городовъ. Веселый собесѣдникъ, искусный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, Андроникъ принималъ дѣятельное участіе въ княжей охотѣ, преимущественно на дикихъ зубровъ, пировалъ вмѣстѣ съ княземъ и даже участвовалъ въ его совѣтахъ съ боярами. Но онъ пробылъ здѣсь не долго: безъ сомнѣнія при посредствѣ Ярослава, Мануилъ помирился съ Андроникомъ, и прислалъ въ Галичъ посольство съ двумя митрополитами во главѣ. Ярославъ, по словамъ нашей лѣтописи, отпустилъ его «съ великою честію», т. е. съ богатыми подарками, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ галицкаго епископа Козьму и нѣкоторыхъ бояръ. Вѣроятно этими торжественными обоюдными посольствами вновь былъ подтвержденъ союзъ съ Византіей, на время поколебленный пріемомъ Андроника. Мануилъ нуждался въ союзѣ съ Галицкимъ княземъ, особенно противъ Угровъ, которые часто безпокоили сѣверные предѣлы имперіи. Впослѣдствіи Андроникъ, уже семидесятилѣтнимъ старикомъ достигшій престола, былъ сверженъ возмутившимся народомъ, и снова думалъ бѣжать къ Ярославу Галицкому, но дорогою схваченъ и затѣмъ умерщвленъ въ Константинополѣ ([6]).

Миръ и внутренняя тишина, наставшія въ Червонной Руси при Ярославѣ, были нарушены только его семейными раздорами. При этомъ впервые обнаружилась та сила и то значеніе, которыя успѣло пріобрѣсти галицкое боярство по отношенію къ своему князю и къ землѣ. Ранняя обособленность Галицкаго княженія отъ остальной Руси, а также единовла-

стіе и преемство стола отъ отца къ сыну, утвердившіяся здѣсь прежде другихъ русскихъ областей, много способствовали усиленію галицкаго боярства. Вмѣстѣ съ княжимъ родомъ и бояре его пріобрѣли прочную осѣдлость, и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Въ каждой другой области глава княжаго рода держалъ землю посредствомъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, которымъ раздавалъ города и волости въ кормленіе, что означало вмѣстѣ управленіе, судъ и сборъ доходовъ. Въ Галицкой землѣ со временъ Владимірка, при изгнаніи или устраненіи его братьевъ и племянниковъ, княжій родъ сосредоточился въ одномъ лицѣ, и вмѣсто младшихъ родичей князь долженъ былъ всю свою землю держать посредствомъ бояръ, такъ что они исключительно являются и воеводами его рати, и намѣстниками его городовъ. Притомъ самое водвореніе единовластія совершилось и поддерживалось съ помощью старшей дружины или бояръ, и князь необходимо долженъ былъ ласкать дружину, награждать ее, вообще дорожить ея расположеніемъ. Такимъ образомъ боярство галицкое получило всѣ способы образовать изъ себя не только военную, но и земскую аристократію и выдѣлить нѣкоторые роды, наиболѣе богатые и вліятельные. Ихъ сословнымъ притязаніямъ не мало способствовали близкіе примѣры западныхъ сосѣдей, т. е. Польши и Венгріи, гдѣ аристократическое сословіе пользовалось особымъ значеніемъ, владѣло большою поземельною собственностію и ограничивало королевскую власть.

Ярославъ дурно жилъ съ своею супругою Ольгою, дочерью Юрія Долгорукаго, и любилъ другую женщину, именно Анастасію, принадлежавшую къ роду какого-то Чагра. Родственники ея получили при княжемъ дворѣ большую силу; чѣмъ возбудили неудовольствіе въ другихъ болѣе знатныхъ боярахъ. Къ тому же Ярославъ своему незаконному сыну отъ Анастасіи, Олегу, оказывалъ явное предпочтеніе передъ Владиміромъ, законнымъ сыномъ отъ Ольги Юрьевны. Семейный раздоръ дошелъ до того, что въ 1172 году Ольга съ своимъ сыномъ убѣжала въ Польшу. За нею послѣдовали и нѣкоторые недовольные бояре, съ воеводою Коснятиномъ Сѣрославичемъ во главѣ. Въ Польшѣ они пробыли около осьми мѣсяцевъ, и отсюда завели сношенія съ партіей галицкихъ

единомышленниковъ. Чтобы быть ближе къ нимъ, Владиміръ выпросилъ у одного изъ волынскихъ князей городъ Червень. Между тѣмъ недовольнымъ боярамъ удалось произвести въ Галичѣ переворотъ. Они возмутили жителей, избили Чагрову родню; схватили Настасью и живую сожгли на кострѣ; сына ея заточили; а князя заставили присягнуть на томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своей законной женой. Хотя и совершенная подъ знаменемъ семейной законности, эта варварская самовольная расправа послужила пагубнымъ примѣромъ для дальнѣйшихъ отношеній боярства къ княжеской власти.

Ольга и Владиміръ воротились въ Галичъ; но домашнее согласіе не было возстановлено. Уже въ слѣдующемъ году княгиня и сынъ ея принуждены были снова бѣжать изъ Галича. Послѣ нѣкоторыхъ скитаній она удалилась въ родной Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нашла пріютъ у брата своего великаго князя Всеволода III, и, лѣтъ шесть спустя, скончалась тамъ, постригшись въ монахини подъ именемъ Евфросиніи. Между тѣмъ Владиміръ искалъ убѣжища у разныхъ князей, у Романа Волынскаго, у князя Туровскаго, у Давыда Смоленскаго, у дяди Всеволода III. Не желая ссориться съ сильнымъ Галицкимъ владѣтелемъ, князья отсылали отъ себя изгнанника. Только знаменитый Игорь Сѣверскій, женатый на родной сестрѣ Владиміра, пріютилъ его въ Путивлѣ, пока тотъ снова не помирился съ отцомъ и не воротился въ Галичъ. Однако полнаго примиренія не было. Выросшій посреди семейныхъ раздоровъ и скитаній, Владиміръ обнаруживалъ порочныя наклонности и непокорство, а потому не съумѣлъ пріобрѣсти отцовское расположеніе. Ярославъ продолжалъ отдавать предпочтеніе Олегу, котораго освободилъ изъ заточенія и держалъ при себѣ. Очевидно, ему удалось на время смирить партію недовольныхъ бояръ и возстановить свою власть. Когда же онъ тяжко заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе кончины, тогда, по словамъ лѣтописи, этотъ мудрый, велерѣчивый, богобоязненный и нищелюбивый князь созвалъ дружину, гражданъ, духовенство, и сказалъ имъ: „Отцы, и братья, и сыновья! Вотъ я уже отхожу свѣта сего суетнаго; а согрѣшилъ паче всѣхъ людей. Отцы и братья! простите и отдайте". Три дня продолжалось собраніе; въ эти дни слуги княжіе раздавали его имѣніе монастырямъ и нищимъ, и будто бы не могли раз-

дать: такъ велики были богатства, накопленныя княземъ. Впрочемъ настоящею цѣлью созваннаго Ярославомъ земскаго вѣча, какъ оказывается, было не умилительное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, а задуманная перемѣна престолонаслѣдія. Онъ объявилъ, что главный столъ, т. е. отній Галичъ, оставляетъ меньшему сыну Олегу, а старшему Владиміру приказываетъ дѣдній Перемышль. Отсюда ясно, какъ еще слабо развиты были въ тѣ времена понятія о государствѣ. Ярославъ не дорожилъ единствомъ своей земли, въ жертву которому онъ и отецъ его принесли всѣхъ братьевъ и племянниковъ. Чтобы доставить престолъ незаконному, но любимому сыну, онъ возобновлялъ удѣльный порядокъ въ Галиціи. Соборъ или земское вѣче не посмѣлъ ослушаться еще живаго князя, и присягнулъ на основаніи его завѣщанія; присягнулъ на томъ же и самъ Владиміръ. Но присяга эта не послужила ни къ чему. 1 октября 1187 года Ярославъ скончался, и на другой день его погребли въ соборной церкви Богородицы. Тотчасъ поднялась сильная боярская партія противъ сына Анастасіи, изгнала Олега, и посадила на Галицкій столъ Владиміра. Такимъ образомъ, при всемъ умѣ и правительственномъ искусствѣ, Ярославъ Осмомыслъ своими семейными отношеніями самъ положилъ начало послѣдующимъ галицкимъ неурядицамъ.

Владиміръ Ярославичъ имѣлъ совсѣмъ не такія свойства, чтобы поддержать миръ и тишину въ Галицкой землѣ. Онъ былъ преданъ пьянству, разврату и обнаруживалъ большую наклонность къ самовластію. Еще при жизни отца онъ далеко превзошелъ его семейной распущенностію: взялъ жену у одного попа и прижилъ съ нею двухъ сыновей. Теперь же, не довольствуясь такимъ соблазномъ, если нравилась ему чья жена или дочь, бралъ ее насильно. Съ боярами своими не любилъ совѣтоваться о дѣлахъ. Естественно, бояре начали проявлять сильное неудовольствіе. Этимъ обстоятельствомъ спѣшилъ воспользоваться предпріимчивый, честолюбивый сосѣдъ, т. е. Романъ Волынскій. Видя неустройства, начавшіяся въ Червонной Руси, онъ возъимѣлъ намѣреніе овладѣть богатою землею. Подговоренные Романомъ, нѣкоторые галицкіе бояре уже въ слѣдующемъ 1188 году произвели въ столицѣ вооруженное возстаніе. Не смѣя напасть на князя, у котораго было много пріятелей, мятежники послали сказать ему, что они

возстали собственно противъ попадьи, которой не хотятъ кланяться, и требовали ея выдачи. Они хорошо знали, что князь скорѣе убѣжитъ, чѣмъ согласится на это требованіе. Такъ и случилось. Владиміръ, вспомнивъ участь Анастасіи, испугался за свою любезную; захвативъ съ собой сколько было возможно золота и серебра, онъ съ попадьей, двумя ея сыновьями и вѣрною частью дружины бѣжалъ къ угорскому королю Белѣ III. Мятежники послали за Романомъ Волынскимъ, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Галичъ. Однако онъ оставался здѣсь очень не долго. Король угорскій не только пріютилъ Владиміра, но и присягнулъ воротить ему Галичъ, и дѣйствительно выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ. Когда Романъ услыхалъ о приближеніи Угровъ, онъ и жена его поспѣшили удалиться, забравъ съ собой то, что осталось отъ княжей казны, а также бывшихъ на ихъ сторонѣ галицкихъ бояръ и боярынь. Но оказалось, что Угорскій король хлопоталъ совсѣмъ не для Владиміра. Онъ также хотѣлъ воспользоваться неустройствами богатаго сосѣдняго края, чтобы завладѣть имъ. Нарушивъ присягу, Бела посадилъ здѣсь своего сына Андрея; а Владиміра схватилъ, отнялъ у него всю казну, и плѣнникомъ отослалъ обратно въ Венгрію, гдѣ его вмѣстѣ съ попадьей заключили въ башню. Такъ начались продолжительное вмѣшательство Угровъ и ихъ притязанія на господство въ этой коренной Русской землѣ.

Галичане однако не думали помириться съ иноземнымъ владычествомъ. Они вспомнили, что на Руси есть еще отрасль ихъ княжаго рода, именно Ростиславъ, сынъ несчастнаго Ивана Берладника. Онъ въ то время проживалъ у Давида Ростиславича въ Смоленскѣ. По призыву нѣкоторыхъ бояръ Ростиславъ съ небольшою дружиною поспѣшилъ въ Галицію, взялъ два пограничные города, и пошелъ на Галичъ. Но тутъ обстоятельства оказались для него неблагопріятны. Бела не задолго прислалъ Андрею сильное подкрѣпленіе. Сыновья и братья многихъ мужей галицкихъ находились заложниками у короля, и мужи эти боялись открыто выступить за Ростислава. Андрей потребовалъ отъ Галичанъ новой присяги на вѣрность, и никто не посмѣлъ ослушаться. Ростиславъ явился подъ самою столицею, полагаясь на бояръ, которые клятвенно обѣщали, что при первой встрѣчѣ съ Уграми Галичане перейдутъ на его

сторону. Окружавшіе князя чуяли измѣну, и совѣтовали ему уйти назадъ. «Братья, отвѣчалъ князь, вы знаете на чемъ они цѣловали мнѣ крестъ; если ищутъ моей головы, то Богъ имъ судья; а я не хочу болѣе скитаться по чужимъ землямъ; лучше голову сложу на своей отчинѣ». Онъ храбро ударилъ на Угро-Галицкую рать; но былъ окруженъ, сбитъ съ коня, и тяжело раненый взятъ въ плѣнъ. Когда его принесли въ городъ, Галичане устыдились своей измѣны, и хотѣли добыть его изъ рукъ Угровъ; но тѣ поспѣшили приложить къ ранамъ какое-то зелье, отъ чего онъ и умеръ. Надменные легкимъ успѣхомъ, Угры—христіане по имени, но все еще полудикій народъ—предались разнымъ неистовствамъ: отнимали у гражданъ женъ и дочерей, ставили своихъ коней въ православныхъ храмахъ, производили грабежи. Тогда угнетенные Галичане вступились по своемъ прирожденномъ князѣ Владимірѣ, и стали раскаяваться въ его изгнаніи.

Случилось такъ, что въ это именно время Владиміръ спасся изъ своего заключенія. На каменной башнѣ, въ которой онъ содержался, былъ поставленъ для него полотняный шатеръ. Князь изрѣзалъ его, свилъ изъ полотна веревки, и по нимъ спустился на землю. Двое подкупленныхъ сторожей помогли его бѣгству и проводили въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ явился къ императору Фридриху Барбаруссѣ. Послѣдній находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Всеволодомъ III Большое Гнѣздо, и, узнавъ, что Владиміръ былъ племянникомъ Суздальскому князю, принялъ его съ почетомъ, и даже помогъ ему воротить княженіе. Впрочемъ какъ листый Нѣмецъ онъ сдѣлалъ это не даромъ, а обязалъ Владиміра платить императору по 2000 гривенъ серебра въ годъ, слѣдовательно признать себя какъ бы вассаломъ Германской имперіи. Но такое обязательство повидимому не было исполнено за скорою кончиною Барбаруссы. Занятый приготовленіями къ Крестовому походу, императоръ далъ Владиміру нѣсколько рыцарей, и отправилъ его къ Казиміру Краковскому, которому поручилъ изгнать Угровъ изъ Галича. Надобно замѣтить, что раздробленіе Польши и междоусобія сыновей Болеслава Кривоустаго подали Фридриху поводъ вмѣшаться въ дѣла польскихъ князей и привести ихъ въ ленную отъ себя зависимость. Казиміръ далъ Владиміру войско съ лучшимъ своимъ воеводою Николаемъ.

Едва князь вступилъ въ родную землю, какъ Галичане возстали противъ Угровъ, прогнали королевича Андрея, и съ радостію встрѣтили своего законнаго государя. Это происходило въ 1190 году. Чтобы обезопасить себя отъ сосѣдей, Владиміръ прибѣгъ подъ покровительство дяди своего Всеволода Суздальскаго; а тотъ отправилъ посольства къ Уграмъ, Ляхамъ и южнорусскимъ князьямъ, и взялъ съ нихъ обѣщаніе не искать Галича подъ его племянникомъ. Претерпѣнныя въ изгнаніи страданія повидимому исправили нѣсколько князя; такъ что остальное время его правленія протекло въ мірѣ, и Галицкая земля немного отдохнула отъ прошлыхъ тревогъ; но только для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ испытать еще горшія смуты. Поводомъ къ нимъ послужилъ все тотъ же вопросъ о престолонаслѣдіи. Владимірко и Ярославъ Осмомыслъ слишкомъ усердно позаботились объ истребленіи своихъ родственниковъ, хотя бы съ благою цѣлью доставить единство и спокойствіе Червонной Руси. Когда около 1200 года Владиміръ скончался, родъ Галицкихъ Ростиславичей пресѣкся (за исключеніемъ двухъ незаконныхъ сыновей отъ попадьи). Открылось широкое поле для разныхъ соискателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ для всякихъ смутъ и мятежей.

Романъ Волынскій давно ожидалъ этой кончины, и хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Галичѣ. Едва онъ получилъ извѣстіе о смерти Владиміра, какъ двинулъ свои полки. Но, чтобы вѣрнѣе обезпечить за собой Галицію со стороны Угровъ, онъ предварительно поѣхалъ въ Польшу, гдѣ у него были родственныя и дружескія связи. По матери своей Романъ былъ внукомъ короля Болеслава Кривоустаго, и въ юности живалъ при Краковскомъ дворѣ. Въ послѣдней четверти XII вѣка на старшемъ польскомъ столѣ сидѣлъ младшій сынъ Кривоустаго, постоянный союзникъ Романа, Казиміръ Справедливый. Онъ приходился Роману роднымъ дядею и былъ его крестнымъ отцомъ; къ тому же и самъ женился на волынской княжнѣ, Еленѣ Всеволодовнѣ, племянницѣ Романа. Сей послѣдній по смерти Казиміра (1194) защищалъ его малолѣтнаго сына Лешка Бѣлаго противъ дяди Мечислава Стараго, потерпѣлъ пораженіе, и самъ былъ тяжело раненъ. Затѣмъ извѣстно, какъ Романъ разсорился съ своимъ тестемъ Рюрикомъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, изъ-за Поросья.

Отославъ свою супругу къ ея отцу, онъ вступилъ во второй бракъ съ польскою княжною, племянницею Лешка Бѣлаго; чѣмъ еще болѣе породнился съ Пястовичами. Сюда-то, въ Краковъ, обратился онъ теперь за помощью для своего водворенія въ Галичѣ. И дѣйствительно, польскіе полки подъ начальствомъ того же воеводы Николая и самого юнаго Лешка соединились съ полками волынскими, и явились подъ Галичемъ. Въ то время король Угорскій также шелъ къ Галичу; вѣроятно часть бояръ, зная характеръ Волынскаго князя, предпочитала Угровъ и призывала ихъ въ свою землю. Видя, что Романъ предупредилъ его, король воротился назадъ. Галичане отворили Роману ворота, и посадили его на свой столъ.

Наступило непродолжительное, но достопамятное княженіе Романа въ Галичѣ. Со всею неукротимою энергіей своего пылкаго нрава, онъ обрушился на противную себѣ партію галицкихъ бояръ, уже привыкшихъ къ крамоламъ и самоволію, неуважавшихъ княжеской власти. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнію; другіе спаслись бѣгствомъ. «Не раздавивъ пчелъ, меду не ѣсть»—было любимою поговоркою князя. Современный ему польскій лѣтописецъ (Кадлубекъ) разсказываетъ, будто онъ зарывалъ живыхъ людей въ землю или разсѣкалъ ихъ на части; но несомнѣнно, что онъ обнаруживалъ чрезвычайную свирѣпость противъ бояръ, озлобленный ихъ попытками помѣшать его водворенію въ Галичѣ. Смиривъ внутреннихъ враговъ, Романъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ обратился къ внѣшнимъ предпріятіямъ, располагая теперь силами земель Волынской и Галицкой. Около того времени Дунайскіе Болгары, свергшіе съ себя византійское владычество, призвали на помощь Половцевъ, вмѣстѣ съ ними начали опустошать Ѳракію и забирать жителей въ неволю; кочевые наѣздники простерли свои набѣги до самаго Царьграда. На императорскомъ престолѣ сидѣлъ тогда робкій Алексѣй III, изъ фамиліи Ангеловъ. При посредствѣ митрополита Кіевскаго онъ просилъ помощи у Романа. Русскіе—«христіаннѣйшій народъ», по выраженію византійскаго повѣствователя — вступились за Ромеевъ (Византійцевъ). Зимою 1202 года Романъ пошелъ въ степь на половецкія вежи, разгромилъ ихъ, и освободилъ множество христіанскихъ плѣнниковъ; чѣмъ при-

нудилъ Половцевъ покинуть Ѳракію и спѣшить для защиты собственныхъ жилищъ. Послѣ того, какъ извѣстно, онъ дважды изгонялъ изъ Кіева своего бывшаго тестя Рюрика Ростиславича и распоряжался великимъ Кіевскимъ столомъ. Могущество Романа достигло своей высшей степени, такъ что лѣтописецъ волынскій величаетъ его *самодержцемъ всей Русской земли*.

Къ тому же времени вѣроятно относится посольство папы Иннокентія III. Римская курія не пропускала ни одного удобнаго случая, чтобы осуществить свою завѣтную мысль: подчинить себѣ Русскую церковь. Въ этомъ отношеніи она находила всегда дѣятельную помощь со стороны польскаго католическаго духовенства. Но послѣднее въ тѣ времена имѣло много хлопотъ и въ собственной землѣ, именно въ областяхъ Краковской, Судомірской и Люблинской, гдѣ не только жило русское православное населеніе, но и между самими Поляками сохранялись значительные остатки грекославянскаго обряда. Подобные же остатки сохранялись еще и въ сосѣдней Чехо-Моравской землѣ. Любопытно, что около половины XII вѣка, для окончательнаго искорененія этого обряда у Западныхъ Славянъ, а преимущественно для борьбы съ Русскою церковью, епископъ краковскій Матвѣй призывалъ самаго знаменитаго католическаго проповѣдника своего времени, аббата клервосскаго Бернарда. «Россія это какъ бы особый міръ»— писалъ Матвѣй. «Русскій народъ, безчисленный какъ звѣзды небесныя», будто бы «только именемъ исповѣдуетъ Христа, а дѣлами отвергаетъ Его»; только одинъ клервосскій аббатъ можетъ своею проповѣдью какъ «обоюдуострымъ мечемъ» сокрушить заблужденіе этого народа и привлечь его въ католичество, ибо «внѣ католической церкви нѣтъ истиннаго святаго таинства». Неизвѣстно, что помѣшало краснорѣчивому аббату исполнить просьбу и отправиться къ славянскимъ народамъ. Тѣмъ не менѣе, попытки папства противъ Руси продолжались, и особенно усилились въ началѣ XIII вѣка, когда съ одной стороны нѣмецкіе крестоносцы начали успѣшное покореніе Балтійскаго края; а съ другой французскіе крестоносцы завоевали самую Византію, средоточіе православія, и водворили тамъ Латинскую имперію въ 1204 г. Сидѣвшій въ то время на папскомъ престолѣ, столь знаменитый Иннокентій III

отправилъ посольство къ Роману Галицкому съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, если тотъ приметъ латинскую вѣру, и съ обѣщаніемъ помочь ему мечемъ апостола Петра пріобрѣсти новыя земли. Въ отвѣтъ на это Романъ, какъ разсказываютъ, обнажилъ свой мечъ, и гордо спросилъ: «Таковъ ли у папы? Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе какъ кровью, по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножавшихъ землю Русскую». Можетъ быть, раздраженное тѣмъ латинское духовенство не мало способствовало послѣдующей вскорѣ гибели Романа, возбудивъ сильную вражду между нимъ и Поляками.

По смерти Мечислава Стараго сынъ его Владиславъ Тонконогій оспаривалъ старшій польскій столъ, т. е. Краковъ, у своего двоюроднаго брата Лешка Бѣлаго. Романъ вмѣшался въ эту распрю, принявъ сторону Лешка. Кажется, онъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться польскими неустройствами, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ Люблинскую область или Русь Надвислянскую. Но когда онъ выступилъ съ большимъ войскомъ на помощь Лешку и началъ опустошать пограничную польскую землю, двоюродные братья примирились, и послали ему сказать, чтобъ онъ удалился во свояси. Романъ потребовалъ денежнаго вознагражденія за свой походъ или уступки Люблинской волости. Польскіе князья вступили съ нимъ въ мирные переговоры; а между тѣмъ собрали большія силы. Романъ стоялъ таборомъ на лѣвомъ берегу Вислы подъ Завихостомъ, и, обманутый этими переговорами, не соблюдалъ должной воинской осторожности. Однажды съ небольшой дружиной онъ отъѣхалъ отъ своего табора для охоты, и тутъ неожиданно напалъ на него сильный непріятельскій отрядъ. Князь не смутился и началъ мужественно обороняться. Услыхавъ о нападеніи на князя, войско поспѣшило къ нему на помощь; но кто-то изъ враговъ уже успѣлъ копьемъ нанести ему смертельную рану. Галичане могли только выручить трупъ Романа, который отвезли въ Галичъ, и похоронили въ соборномъ храмѣ Богородицы (1205). Гибель такого опаснаго сосѣда какъ Романъ произвела большую радость между Ляхами. Лешко съ младшимъ братомъ своимъ Конрадомъ воздвигли въ Краковскомъ соборѣ особый алтарь свв. мученикамъ Гервасію и Протасію, ибо въ день ихъ памяти былъ убитъ Романъ.

Объ этомъ днѣ сложились потомъ у Поляковъ цѣлыя легенды, которыя небольшую стычку превратили въ огромное сраженіе. Историкъ польскій (Длугошъ) между прочимъ разсказываетъ, будто въ ночь передъ битвою Романъ видѣлъ странный сонъ: со стороны Судоміра прилетѣла малая стая щеглятъ и пожрала большую стаю воробьевъ; будто молодые бояре князя толковали сонъ въ хорошую для него сторону, а старые наоборотъ. Такъ погибъ этотъ знаменитый князь, можетъ быть слишкомъ увлеченный своею неукротимою энергіей, пылкимъ нравомъ и властолюбіемъ. Самая наружность его и свойства были замѣчательны: средняго роста, широкоплечій, черноволосый, съ красноватымъ цвѣтомъ лица, черными глазами и крупнымъ горбатымъ носомъ, онъ отличался большою физическою силою и личною храбростію; былъ косноязыченъ, и въ припадкахъ гнѣва долго не могъ выговорить слова; любилъ веселиться съ дружиною, но пилъ умѣренно; любилъ женщинъ, но ни одной не подчинялся (7).

Ранняя смерть Романа имѣла великія послѣдствія для Червонной Руси. Онъ слишкомъ недолго владѣлъ Галицкимъ столомъ, чтобы утвердить его за своимъ родомъ, и слишкомъ былъ жестокъ съ боярами, чтобы привлечь ихъ на сторону своихъ дѣтей. Вторая супруга Романа осталась послѣ него съ двумя сыновьями: четырехлѣтнимъ Даніиломъ и двухлѣтнимъ Василькомъ. Ихъ малолѣтство давало полный просторъ стремленіямъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Отсюда мы видимъ продолжительный рядъ безпрерывныхъ смутъ, сопровождавшихся постояннымъ вмѣшательствомъ сосѣднихъ государей, Угорскаго и Польскаго. Если Галицкая земля уже въ то время не сдѣлалась добычею кого либо изъ нихъ, то этому помѣшали съ одной стороны существованіе еще довольно сильныхъ князей Кіевскихъ и Черниговскихъ, а съ другой раздробленіе Польши и неустройства въ самой Венгріи.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ дальнѣйшихъ, отличающихся не малою запутанностію, галицкихъ событій и переворотовъ до появленія Татаръ.

Рюрикъ Ростиславичъ, сбросивъ съ себя монашескую одежду и занявъ опять Кіевскій столъ, соединился съ черниговскими Ольговичами, и пошелъ съ ними на Галичъ, чтобы отнять его у дѣтей своего врага. Очевидно, они разсчитывали на

предательство бояръ, которые питали нелюбовь къ семейству своего грознаго гонителя. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ вдова Романа обратилась съ просьбою о помощи къ угорскому королю Андрею II, тому самому, который нѣкоторое время сидѣлъ на Галицкомъ столѣ. По смерти своего отца Белы III, онъ вступилъ въ борьбу съ старшимъ братомъ Эммерихомъ за королевскій тронъ, и тогда сблизился съ Романомъ Галицкимъ: они заключили союзъ съ условіемъ взаимно поддерживать другъ друга. По смерти Эммериха Андрей добился цѣли своихъ усилій, и овладѣлъ короною. Онъ остался вѣренъ своему союзу съ покойнымъ княземъ: пріѣхалъ на свиданіе съ княгинею въ городъ Санокъ, обласкалъ маленькаго Даніила, и помогъ войскомъ. Угры успѣли на время ввести свою залогу (гарнизонъ) въ Галичъ, и не допустили крамольныхъ бояръ передаться Рюрику. Послѣдній и его союзники ушли назадъ; но въ слѣдующемъ году они явились снова, захвативъ съ собой и Черныхъ Клобуковъ. Лешко Бѣлый, великій князь Краковскій, также двинулся на Галичъ. Вдова Романова опять обратилась къ Угорскому королю; но прежде нежели онъ подоспѣлъ, народный мятежъ заставилъ ее уѣхать изъ Галича съ дѣтьми въ ихъ наслѣдственную волость, Владиміръ Волынскій. Прибытіе Угорскаго короля съ сильными полками остановило движеніе Лешка и Рюрика; однако, связанный смутами въ собственномъ королевствѣ, Андрей ушелъ назадъ, не устроивъ дѣлъ Галицкихъ.

Въ это время изъ среды туземныхъ бояръ выдвигается какой-то Владиславъ съ своимъ братомъ. Лѣтопись называетъ его „кормиличичъ" (можетъ быть сынъ княжей кормилицы, а еще вѣроятнѣе княжаго *кормильца*, т. е. боярина-дядьки). Онъ былъ изгнанъ Романомъ за свою невѣрность; а теперь, пользуясь обстоятельствами, воротился и сталъ играть видную роль въ Галичѣ. Владиславъ началъ выхвалять достоинства Игоревичей, т. е. сыновей знаменитаго Игоря Сѣверскаго, которые по матери своей приходились внуками Ярославу Осмомыслу и слѣдовательно имѣли нѣкоторыя права на его наслѣдіе, за прекращеніемъ мужеской линіи. Они участвовали въ походѣ Рюрика, и находились на обратномъ пути, когда къ нимъ пригнали гонцы отъ бояръ, единомышленниковъ Владислава, съ предложеніемъ Галицкаго княженія. Игоревичи поспѣшили на

ихъ призывъ. Старшій изъ сѣверскихъ князей Владиміръ (когда-то половецкій плѣнникъ, женившійся на дочери Кончака) сѣлъ въ Галичѣ, а братъ его Романъ въ Звенигородѣ. Но одного Галицкаго княженія имъ показалось мало: они послали во Владиміръ Волынскій уговорить граждань, чтобы тѣ выдали имъ малолѣтнихъ Романовичей и приняли къ себѣ на столъ третьяго или младшаго Игоревича, Святослава; въ противномъ случаѣ грозили жестоко наказать ихъ городъ. Владимірцы, отличавшіеся приверженностію къ своему княжему роду, такъ были возмущены этимъ требованіемъ, что едва не убили священника, правившаго посольство отъ Галичанъ; однако и здѣсь нашлись бояре, которые не только заступились за посла, но и начали склонять гражданъ на сторону его предложенія. Видя со всѣхъ сторонъ грозившую измѣну, княгиня въ туже ночь бѣжала изъ Владиміра съ дѣтьми; бѣглецы пролезли сквозь какое-то отверстіе въ городской стѣнѣ; Даніила несъ на рукахъ его дядька Мірославъ, а Василька священникъ Юрій съ кормилицею. Во Владимірѣ дѣйствительно сѣлъ младшій Игоревичъ, Святославъ. Но судьба жестоко посмѣялась надъ честолюбіемъ этихъ братьевъ: они дорого заплатили за свое кратковременное обладаніе Галицко-Волынскою землею.

Не зная, куда преклонить голову, вдовая княгиня рѣшилась искать убѣжища въ Польской землѣ у своего родственника Лешка Бѣлаго. Хотя Ляхи погубили Романа и все еще находились во враждѣ съ его родомъ; однако добродушный Лешко принялъ княгиню ласково, и сжалился надъ участью сыновей князя, когда-то бывшаго его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ. Оставивъ у себя княгиню и Василька, онъ отправилъ Даніила къ Угорскому королю, и предложилъ ему сообща воротить Романовичамъ отцовское наслѣдіе. Игоревичи поспѣшили богатыми дарами смягчить обоихъ сосѣдей, Андрея и Лешка, и на нѣкоторое время отклонить отъ себя грозу. Но они сами вскорѣ разссорились между собою. Второй изъ нихъ, Романъ, съ помощью Угорскаго короля отнялъ Галичъ у старшаго брата Владиміра, и принудилъ его бѣжать въ свой Путивль. Вслѣдъ за тѣмъ и Святославъ былъ изгнанъ изъ Владиміра Волынскаго Лешкомъ Бѣлымъ, который отдалъ этотъ городъ своему шурину Александру Всеволодовичу Бельз-

скому. Такимъ образомъ иноплеменное вмѣшательство раздѣлилось: между тѣмъ какъ Угорскій король держалъ у себя маленькаго Даніила и подчинилъ своему вліянію Галицкую землю; Лешко Польскій далъ удѣлъ на Волыни младшему Романовичу Васильку, и вообще сталъ распоряжаться судьбою Волынской земли.

Галицкіе бояре, измѣнивъ старшему Игоревичу, Владиміру, не долго ладили съ Романомъ, и обратились за помощью противъ него къ Уграмъ. Андрей прислалъ войско подъ начальствомъ своего воеводы Бенедикта Бора. Романъ до того былъ безпеченъ, что Угры, конечно благодаря измѣнѣ, захватили его моющимся въ банѣ. Бенедиктъ началъ управлять страною отъ имени своего короля; при чемъ какъ истый Мадьяръ предался разнымъ неистовствамъ. Онъ мучилъ и бояръ, и простыхъ гражданъ, отнималъ у нихъ женъ, не щадилъ и самыхъ черницъ. Лѣтопись называетъ его «томителемъ» и «антихристомъ». Выведенные изъ терпѣнія его насиліями, Галичане уже сожалѣли о сѣверскихъ Игоревичахъ, и снова звали ихъ къ себѣ на княженіе. Тѣ явились съ сильною ратью, и Бенедиктъ бѣжалъ въ Угрію. Владиміръ сѣлъ опять въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, а Святославъ въ Перемышлѣ. Совсѣмъ не обладая умомъ и энергіей Романа Волынскаго, братья на этотъ разъ вздумали слѣдовать его примѣру, чтобы обезпечить за собою Галицкую землю, т. е. принялись гнать и истреблять крамольную боярскую партію. Они казнили нѣсколько знатныхъ людей и до пятисотъ ихъ сторонниковъ изъ туземнаго дружиннаго сословія. Но тѣмъ, разумѣется, навлекли на себя ожесточенную ненависть этого сословія. Галичане вспомнили о сыновьяхъ своего покойнаго князя Романа. Нѣкоторые убѣжавшіе въ Венгрію бояре, въ томъ числѣ Владиславъ Кормиличичъ, просили Андрея, чтобы онъ отпустилъ къ нимъ на княженіе малолѣтняго Даніила Романовича. Андрей послушалъ ихъ, и послалъ съ ними Даніила, давъ ему вспомогательное войско; на пути присоединились еще отряды польскіе и волынскіе. Жители крѣпкаго Перемышля склонились на коварныя рѣчи Владислава Кормиличича и выдали Уграмъ Святослава Игоревича. Звенигородцы начали было оборонять своего князя Романа; но онъ самъ покинулъ городъ, и на дорогѣ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Послѣ того Владимiръ не сталъ ожидать непрiятельской рати, и бѣжалъ изъ Галича. Такимъ образомъ Данiилъ безпрепятственно вступилъ въ этотъ городъ, и торжественно посаженъ на отцовскiй столъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Но его побѣда была запятнана неслыханнымъ на Руси событiемъ. Бояре галицкiе, озлобленные противъ Игоревичей за истребленiе многихъ своихъ родственниковъ и подручниковъ, воспользовались случаемъ для мести. Великими дарами они склонили угорскихъ воеводъ выдать имъ двухъ плѣнныхъ князей, Романа и Святослава, и предали ихъ самой позорной казни, т. е. повѣсили. Это черное дѣло совершилось въ сентябрѣ 1211 года.

Десятилѣтнiй Данiилъ конечно не могъ воспрепятствовать такому злодѣйству. Онъ не имѣлъ силы защищать и собственную мать. Княгиня прiѣхала въ Галичъ, чтобы помочь сыну въ управленiи; но бояре этого не желали, и принудили ее удалиться. Когда она собралась въ путь, Данiилъ плакалъ и не хотѣлъ съ нею разстаться. Одинъ изъ бояръ, Александръ тивунъ Шумавинскiй, схватилъ за поводъ его коня, чтобы отвести отъ матери. Маленькiй князь обнажилъ свой мечъ, и хотѣлъ ударить боярина, но не попалъ, и ранилъ его коня. Мать поспѣшила взять мечъ изъ рукъ сына; уговорила его остаться въ Галичѣ, и сама уѣхала, сначала въ Бельзъ къ Васильку, а потомъ къ Угорскому королю. Она вооружила Андрея противъ боярина Владислава, его братьевъ и прiятелей, которые забрали теперь въ свои руки все управленiе Галицкою землею. Андрей велѣлъ схватить Владислава и подвергъ его заключенiю. Мать Данiила воротилась было въ Галичъ; но скоро опять, вслѣдствiе новаго мятежа, принуждена была вмѣстѣ съ сыномъ искать убѣжища въ Венгрiи, а потомъ въ Краковѣ. Между тѣмъ хитрый бояринъ Владиславъ не только успѣлъ помириться съ королемъ; но и вошелъ съ нимъ въ согласiе о присоединенiи Галича къ Угорскому королевству. Андрей отпустилъ Владислава съ товарищами напередъ, конечно для того, чтобы приготовить все къ новому перевороту; а самъ съ главнымъ войскомъ слѣдовалъ за ними. Онъ уже дошелъ до Лелесова монастыря, какъ вдругъ получилъ извѣстiе о страшныхъ событiяхъ въ его собственной землѣ.

Вельможи угорскіе, всегда отличавшіеся непокорнымъ мятежнымъ духомъ, забрали особую силу во времена расточительнаго, непослѣдовательнаго Андрея II. Супруга его Гертруда, родомъ нѣмецкая принцесса, женщина рѣшительнаго характера, возбуждала своего мужа къ строгимъ мѣрамъ противъ своевольныхъ. Подъ ея покровительствомъ, въ Венгріи появились многочисленные нѣмецкіе выходцы, которые получили мѣста въ войскѣ и при дворѣ королевскомъ. По совѣту Гертруды и съ помощью нѣмецкихъ отрядовъ, король разрушилъ нѣкоторые замки мятежныхъ вельможъ. Все это навлекло на королеву сильную ненависть со стороны угорскихъ магнатовъ. Особенно озлобляло ихъ дерзкое поведеніе ея любимаго брата Бертольда, котораго король не только не укрощалъ, но и осыпалъ милостями. Нѣсколько знатнѣйшихъ магнатовъ составили заговоръ противъ королевы и Нѣмцевъ, и, пользуясь походомъ Андрея въ Галицію, привели въ исполненіе свой умыселъ. Они подняли возстаніе, умертвили многихъ Нѣмцевъ, въ томъ числѣ и самоё королеву. Бертольдъ однако успѣлъ бѣжать. Король воротился съ похода, и въ крови мятежниковъ потушилъ возстаніе (1214) ([8]).

Между тѣмъ въ Галичѣ произошло второе неслыханное на Руси событіе: бояринъ сѣлъ на княжемъ столѣ. Владиславъ Кормиличичъ воспользовался затрудненіями Андрея, и самъ вокняжился въ Галичѣ. Онъ держался здѣсь съ помощью наемныхъ Угровъ и Чеховъ, и конечно признавалъ себя вассаломъ Угорскаго короля. Но такой соблазнъ не могъ долго продолжаться. Въ галицкія дѣла снова вмѣшался Лешко Бѣлый. Онъ послалъ сказать Андрею Угорскому: «не лѣпо бояриину сидѣть на княжемъ столѣ; лучше возьми дочь мою за твоего сына Коломана, и посади ихъ въ Галичѣ». Предложеніе было принято. Пятилѣтній Коломанъ обрученъ съ трехлѣтнею княжною Саломеей, и сталъ княжить въ Галичѣ, подъ опекою отцовскихъ вельможъ и подъ защитою угорской залоги. Владиславъ былъ снова схваченъ, и заточенъ въ Угрію, гдѣ и умеръ. Лѣтопись прибавляетъ, что впослѣдствіи никто изъ русскихъ князей не хотѣлъ призрѣть дѣтей этого боярина за его дерзкую попытку присвоить себѣ княжеское достоинство. По просьбѣ Андрея папа Иннокентій III поручилъ одному архіепископу вѣнчать Коломана королевскою короною

въ Галичѣ; разумѣется, при этомъ папа взялъ обѣщаніе подчинить Галицкую церковь Римскому престолу. Однако не вся Галицкая земля досталась Коломану; надобно было подѣлиться и съ польскими союзниками: Лешко взялъ себѣ область Перемышльскую; а воевода судомірскій Пакославъ, служившій главнымъ посредникомъ въ переговорахъ, получилъ Любачевскій округъ. Пакославъ почему-то благопріятствовалъ сыновьямъ Романа Волынскаго; по его совѣту Лешко Бѣлый отнялъ у Александра Бельзскаго Владиміръ Волынскій, и отдалъ его Романовичамъ, которые такимъ образомъ снова водворились въ старой отцовской волости.

Повидимому, все было улажено, и Галицкая земля, подѣленная между иноплеменниками, уже навсегда отторгнута отъ остальной Руси. Однако ея превратности еще не кончились. Коломанъ и Саломея спокойно княжили въ Галичѣ четыре года. Но сами союзники, наконецъ, перессорились изъ-за добычи. Андрею не нравился раздѣлъ Галицкой земли; онъ желалъ, чтобы сынъ его владѣлъ ею сполна. Въ 1218 году король воротился изъ своего крестоваго похода на востокъ; вскорѣ потомъ онъ изгналъ Ляховъ изъ Перемышля и Любачева; что въ свою очередь дало толчекъ къ новымъ переворотамъ. Оскорбленный Лешко, будучи не въ силахъ бороться съ Уграми, обратился къ самому предпріимчивому изъ русскихъ князей, къ Мстиславу Мстиславичу Удалому, тогда князю Новгородскому, и звалъ его на Галицкій столъ.

Мстиславъ принялъ приглашеніе, и дѣйствительно съ помощью Поляковъ легко изгналъ Угровъ изъ Галича; конечно ему помогли и сами Галичане, наскучившіе владычествомъ иноплеменниковъ, особенно духовенство, видѣвшее происки папистовъ. Часть Галичанъ въ это время уже возлагала надежды на молодаго Даніила Романовича какъ на своего законнаго государя; чтобы обезопасить себя съ этой стороны, Мстиславъ заключилъ союзъ съ Даніиломъ, и выдалъ за него свою дочь Марію. Приходя въ возрастъ, Даніилъ сталъ обнаруживать мужественныя, воинственныя наклонности; онъ началъ съ того, что отнялъ у Лешка захваченные имъ нѣкоторые волынскіе города. Тогда Лешко рассорился съ тестемъ Даніила Мстиславомъ, и снова пригласилъ Андрея Угорскаго посадить въ Галичѣ Коломана и Саломею. Король поспѣшилъ

воспользоваться ихъ раздоромъ, и двинулъ многочисленное войско. Послѣ кратковременной борьбы Мстиславъ покинулъ Галичъ, и тамъ опять водворились Угры съ Коломаномъ.

Въ этой борьбѣ Даніилъ явился на помощь Мстиславу, и отличился ратными подвигами. Тесть похвалилъ его мужество, подарилъ ему своего любимаго сиваго коня, и отпустилъ его во Владиміръ; а самъ отправился къ Половцамъ. Въ слѣдующемъ 1221 году онъ пришелъ съ наемными отрядами, чтобы вновь добывать Галичъ. Уграми начальствовалъ воевода Фильній, человѣкъ гордый, съ презрѣніемъ относившійся къ Русскимъ. «И одинъ камень много перебьетъ горшковъ», говаривалъ онъ объ нихъ въ насмѣшку. Или похвалялся такимъ словомъ: «острый мечъ, борзый конь — много Руси!» Однако когда дѣло опять дошло до битвы съ Мстиславомъ подъ самымъ Галичемъ, Угры, въ соединеніи съ Ляхами, были разбиты на голову, и самъ Фильній попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ галицкими боярами, державшими ихъ сторону. Мстиславъ вломился въ Нижній городъ; затѣмъ овладѣлъ и Верхнимъ или княжимъ замкомъ, гдѣ находилась угорская залога съ королевичемъ Коломаномъ, его супругою и женами угорскихъ начальниковъ. Отсюда Коломанъ съ остаткомъ Угровъ спасся было въ соборный храмъ Богородицы, который Фильніемъ былъ заранѣе соединенъ съ княжимъ замкомъ и приспособленъ къ оборонѣ. Осажденные бросали стрѣлы и камни съ верховъ храма, и держались еще нѣсколько дней; наконецъ жажда и голодъ принудили ихъ сдаться. Коломанъ отправленъ въ Торческъ, гдѣ и содержался, пока отецъ не выкупилъ его изъ плѣна ([9]).

Съ утвержденіемъ Мстислава Удалаго въ Галичѣ, казалось бы, Червонная Русь могла наконецъ отдохнуть отъ своихъ переворотовъ. Но не таковъ былъ этотъ знаменитый князь, чтобы силою характера и дальновидною политикой водворить спокойствіе на столь нетвердой почвѣ.

I.

ЧЕРНИГОВЪ И ПЕРЕЯСЛАВЛЬ. ПОЛОВЕЦКАЯ СТЕПЬ.

Земля Чернигово-Сѣверская.—Мѣстная княжеская вѣтвь.—Ядро земли.—Стольный Черниговъ.—Соборъ Спаса и другіе храмы.—Окрестности Чернигова.—Прочіе города по Деснѣ.—Посемье.—Любечъ.—Область Радимичей.—Вятичи.—Переяславская украйна.—Посулье.—Стольный Переяславль и другіе города.—Природа южныхъ степей.—Бытъ и свойство Половцевъ.—Обратное движеніе Руси на степь.—Каменныя бабы.—Южные торговые пути.—Судьба Тмутраканскаго края.

Черниговo-Сѣверская земля представляетъ равнину, которая чѣмъ ближе къ Днѣпру, тѣмъ низменнѣе, а на сѣверо-востокѣ она постепенно поднимается и незамѣтно переходитъ въ Алаунскую возвышенность. Послѣдняя начинается собственно на верховьяхъ главныхъ днѣпровскихъ притоковъ, именно: Сожи, Десны съ Семью, Сулы, Псёла и Ворсклы. По всѣмъ этимъ верховьямъ проходитъ водораздѣльная возвышенность, отдѣляющая ихъ отъ притоковъ верхней Оки и верхняго Дона. Низменную, ровную поверхность Приднѣпровской полосы нарушаютъ только рѣчныя ложбины и множество примыкающихъ къ нимъ извилистыхъ овраговъ, которые легко образуются вешнею водою въ рыхлой черноземноглинистой почвѣ. Между тѣмъ какъ южная часть этой полосы напоминаетъ близость степи, сѣверная имѣетъ довольно много болотъ, озеръ и лѣсу; а на нижнемъ теченіи Сожи характеръ природы почти не отличается отъ влажнаго Припятскаго Полѣсья. Прилегающая къ водораздѣлу часть Алаунскаго пространства имѣетъ характеръ сухой возвышенной плоскости, взволнованной пригорками и долинами, обильно орошенной текучими водами и богатой густымъ лѣсомъ.

Всю эту широкую полосу отъ средняго Днѣпра до верхняго Дона и средней Оки занимали сплошныя славянскія племена,

а именно: Сѣверяне, жившіе по рѣкамъ Деснѣ, Семи и Сулѣ. Радимичи по Сожи и Вятичи по Окѣ. Нашъ первый лѣтописецъ говоритъ, что племена эти еще въ IX вѣкѣ отличались дикостію своихъ нравовъ, что они жили въ лѣсахъ на подобіе звѣрей, ѣли все нечистое, имѣли по нѣскольку женъ; послѣднихъ похищали, впрочемъ по взаимному согласію, во время игрищъ, происходившихъ между селеніями. Мертвыхъ сожигали на большомъ кострѣ, потомъ собирали кости въ сосудъ и насыпали надъ нимъ курганъ, при чемъ совершали тризну или поминальное пиршество. По словамъ лѣтописца, Радимичи и Вятичи пришли съ своими родоначальниками изъ земли Ляховъ; отсюда можно заключить, что эти два племени имѣли свои отличія въ говорѣ; вѣроятно, они болѣе приближались къ сѣверной группѣ русскихъ Славянъ, тогда какъ Сѣверяне примыкали къ южнорусскому говору.

Въ Сѣверской землѣ разсѣяно множество языческихъ могильныхъ кургановъ, которые, кромѣ сожженныхъ труповъ, заключаютъ въ себѣ принадлежавшіе покойникамъ разнообразные предметы домашней утвари, вооруженія и убора. Эти предметы убѣждаютъ насъ, что, вопреки словамъ лѣтописца, въ томъ краю еще за долго до принятія христіанства находились уже значительные начатки гражданственности; что здѣсь господствовало предпріимчивое, воинственное населеніе. Остатки тризны, каковы кости рыбъ, барана, теленка, гуся, утки и другихъ домашнихъ животныхъ, а также зерна ржи, овса, ячменя, не только свидѣтельствуютъ о земледѣліи, но и указываютъ на нѣкоторую степень зажиточности. Все это противорѣчитъ приведенному выше извѣстію о дикости Сѣверянъ, обитавшихъ въ лѣсу и пожиравшихъ все нечистое. Многочисленныя городища, т. е. земляные остатки укрѣпленныхъ мѣстъ, ясно говорятъ о томъ, что населеніе умѣло оградить себя отъ безпокойныхъ сосѣдей и упрочить за собою обладаніе страною открытою, мало защищенною естественными преградами.

Два главныя средоточія Сѣверянской земли, Черниговъ и Переяславль, упоминаются въ договорѣ Олега на ряду съ Кіевомъ. Слѣдовательно, къ началу X вѣка это были уже значительные торговые города, происхожденіе которыхъ восходитъ къ вѣкамъ еще болѣе отдаленнымъ. По раздѣлу Яро-

слава I, подтвержденному на Любецкомъ съѣздѣ, княженіе Черниговское досталось роду Святослава Ярославича, а Переяславское сдѣлалось отчиною въ потомствѣ Всеволода Ярославича или его сына Мономаха.

Владѣнія Черниговскихъ князей въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка — въ эпоху наибольшаго обособленія — приблизительно имѣли слѣдующіе предѣлы. На востокѣ, т. е. на пограничьѣ съ Рязанью, они шли по верхнему теченію Дона, откуда направлялись къ устью Смядвы, праваго притока Оки, и оканчивались на Лопаснѣ, ея лѣвомъ притокѣ. На сѣверѣ они сходились съ землями Суздальскою и Смоленскою, пересѣкая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ Днѣпръ. Эта рѣка служила гранью Черниговскаго княженія отъ Кіевскаго почти до самаго устья Десны. Лѣвый притокъ послѣдней, Остеръ, отдѣлялъ его на югѣ отъ Переяславскаго удѣла; а далѣе на юговостокѣ Черниговo-Сѣверская земля сливалась съ Половецкою степью.

Въ Черниговскомъ княжествѣ существовалъ такой же удѣльный порядокъ, какъ и въ другихъ русскихъ областяхъ, т. е. наблюдалось обычное право старшинства при занятіи столовъ, и нарушеніе этого права вызывало иногда междоусобія. Впрочемъ, послѣднія встрѣчаются здѣсь рѣже, чѣмъ въ иныхъ земляхъ Руси. По старшинству столовъ за Черниговымъ слѣдовалъ Новгородъ-Сѣверскій, и въ теченіе XII вѣка мы не разъ видимъ слѣдующее явленіе. Новгородъ въ соединеніи съ другими удѣлами, лежавшими между Десною и Семью, каковы особенно Путивль, Рыльскъ, Курскъ и Трубчевскъ, обнаруживаетъ наклонность выдѣлиться изъ общаго состава Черниговскихъ владѣній и образовать особое, собственно Сѣверское княженіе, подъ властію младшей линіи княжескаго рода; подобно тому, какъ въ первой половинѣ этого вѣка отъ Чернигова отдѣлилась область Рязанская. Однако, разныя обстоятельства, особенно географическое положеніе и энергія нѣкоторыхъ сѣверскихъ князей, успѣвшихъ не только завладѣть Черниговскимъ столомъ, но и перейти отсюда на великій Кіевскій, воспрепятствовали такому выдѣленію и обособленію.

Обладаніе Черниговымъ нѣкоторое время колеблется между двумя отраслями Святослава Ярославича: Давидовичами и Ольговичами. Послѣдніе въ качествѣ младшей линіи наслѣдуютъ собственно

удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій; но это честолюбивое племя не довольствуется второстепенною ролью. Извѣстно, что Всеволодъ Ольговичъ не только изгналъ изъ Чернигова своего дядю Ярослава (Рязанскаго), но потомъ занялъ и самый Кіевъ, предоставивъ Черниговскую область Владиміру и Изяславу Давидовичамъ, а Сѣверскую своимъ младшимъ братьямъ Игорю и Святославу. Младшіе, въ свою очередь, стремятся по слѣдамъ старшаго брата. Игорь, добиваясь великаго стола, погибъ жертвою кіевской черни; а Святославъ, послѣ сраженія на Рутѣ, только потому не занялъ Чернигова, что Изяславъ Давидовичъ успѣлъ ранѣе его прискакать туда съ поля битвы. Однако, онъ достигъ своей цѣли съ удаленіемъ Изяслава Давидовича въ Кіевъ. Вскорѣ затѣмъ и самый родъ Давидовичей пресѣкся. Ольговичи остались владѣтелями всей Черниговo-Сѣверской земли. Тогда не замедлило повториться прежнее явленіе: родъ Ольговичей двоится на старшую или Черниговскую линію и младшую или Сѣверскую. Послѣдняя снова не успѣваетъ обособиться, благодаря преимущественно тому, что старшіе родичи стремятся постоянно за Днѣпръ въ Кіевъ, и иногда очищаютъ Черниговъ для младшей линіи. Такимъ образомъ, Новгородъ-Сѣверскій довольно долгое время служитъ какъ бы переходнымъ столомъ, т. е. переходною ступенью въ Черниговъ.

15 февраля 1164 г. скончался въ Черниговѣ послѣдній изъ сыновей Олега Гориславича, Святославъ. Старшинство въ родѣ Ольговичей принадлежало теперь его племяннику Святославу Всеволодовичу, князю Новгородъ-Сѣверскому. Но бояре черниговскіе желали доставить свой столъ старшему сыну умершаго князя Олегу Стародубскому (извѣстному намъ по московскому свиданію 1147 г.). Вдовая княгиня, сговорясь съ боярами и епископомъ Антоніемъ, три дня таила отъ народа смерть своего мужа; а между тѣмъ отправила гонца за своимъ пасынкомъ Олегомъ въ его удѣлъ. Всѣ соучастники присягнули на томъ, чтобы до его пріѣзда въ Черниговъ никто не извѣщалъ Святослава Всеволодовича. Но между присягнувшими нашелся клятвопреступникъ, и это былъ самъ епископъ. Тысяцкій Юрій даже не совѣтовалъ брать съ него клятву, какъ съ святителя и притомъ извѣстнаго своею преданностію покойному князю. Антоній самъ захотѣлъ поцѣловать крестъ.

А вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ тайкомъ грамоту въ Новгородъ-Сѣверскій къ Святославу Всеволодовичу съ извѣстіемъ, что дядя его умеръ, дружина разсѣяна по городамъ, а княгиня находится въ смущеніи съ своими дѣтьми и оставшимся отъ мужа великимъ имуществомъ; епископъ приглашалъ князя поспѣшить въ Черниговъ. Лѣтописецъ объясняетъ такое поведеніе епископа только тѣмъ, что онъ былъ Грекъ, т. е. подтверждаетъ распространенное въ то время мнѣніе о нравственной испорченности византійскихъ Грековъ. Слѣдовательно, повторялось тоже явленіе, которое произошло послѣ битвы на Рутѣ: Черниговъ долженъ былъ достаться тому изъ двоюродныхъ братьевъ, кто ранѣе въ него прискачетъ. Получивъ грамоту Антонія, Святославъ Всеволодовичъ немедленно отправилъ одного изъ сыновей захватить Гомій на Сожи, и разослалъ своихъ посадниковъ въ нѣкоторые черниговскіе города. Но самъ онъ не поспѣлъ во-время въ Черниговъ; Олегъ предупредилъ его. Тогда князья вступили въ переговоры и начали «ладиться о волостяхъ». Олегъ призналъ старшинство Святослава, и уступилъ ему Черниговъ, а самъ получилъ Новгородъ-Сѣверскій. Споръ о волостяхъ, однако, скоро возобновился, потому что старшій князь, вопреки условію, не надѣлилъ какъ должно братьевъ Олега, будущихъ героевъ «Слова о Полку Игоревѣ», и дѣло доходило до междоусобія сѣверскихъ князей съ черниговскими. Епископъ Антоній, преступившій клятву изъ усердія къ Святославу Всеволодовичу, не долго ладилъ съ этимъ княземъ. Четыре года спустя, онъ, какъ извѣстно, былъ лишенъ епископіи за то, что воспрещалъ Черниговскому князю вкушать мясо въ Господскіе праздники, которые приходились на середу или пятницу.

Когда Святославъ Всеволодовичъ послѣ долгихъ стараній добился, наконецъ, великаго Кіевскаго стола и подѣлилъ Кіевскую область съ своимъ соперникомъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, онъ передалъ Черниговъ родному брату Ярославу. Около того же времени (въ 1180 г.) скончался Олегъ Святославичъ, и главою младшей линіи Ольговичей остался родной его братъ Игорь, который и получилъ въ удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій. Извѣстны его подвиги въ борьбѣ съ Половцами, и особенно походъ 1185 г., предпринятый совокупно съ братомъ удалымъ Всеволодомъ Трубчевскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивль-

скимъ и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ Рыльскимъ— походъ, столь прославленный неизвѣстнымъ намъ сѣверскимъ поэтомъ.

Нельзя сказать, чтобы Ярославъ Всеволодовичъ съ большою честью занималъ старшій Черниговскій столъ; такъ, въ оживленной тогда борьбѣ южнорусскихъ князей съ Половцами, онъ не обнаружилъ ни энергіи, ни охоты. Лѣтопись, вопреки обычаю, даже не нашла ничего сказать въ похвалу этого князя, упоминая о его смерти подъ 1198 годомъ. Представитель младшей вѣтви, Игорь Сѣверскій, получилъ теперь старшинство въ цѣломъ родѣ Ольговичей, и безпрепятственно занялъ Черниговскій столъ, но не надолго: въ 1202 году онъ скончался, не достигши еще преклонныхъ лѣтъ. Тогда Черниговъ снова переходитъ къ старшей вѣтви, именно къ сыну Святослава Всеволодича, Всеволоду Чермному. Этотъ безпокойный, честолюбивый князь, вѣрный стремленіямъ старшей линіи, какъ извѣстно, послѣ упорной борьбы добился Кіевскаго стола; но потомъ былъ изгнанъ оттуда союзомъ князей волынскихъ и смоленскихъ. При появленіи Татаръ мы находимъ въ Черниговѣ его младшаго брата Мстислава; а въ Сѣверскомъ удѣлѣ княжили потомки знаменитаго Игоря Святославича и супруги его Евфросиніи Ярославны Галицкой. Мы видѣли, какой трагическій конецъ имѣла ихъ попытка наслѣдовать землю Галицкую, когда тамъ пресѣклось мужеское колѣно Владимірка. Только старшій Игоревичъ, Владиміръ, успѣлъ во-время бѣжать изъ Галича.

Такимъ образомъ, не смотря на родовые счеты, возводившіе иногда младшую линію Ольговичей на Черниговскій столъ, исторія однако вела къ нѣкоторому обособленію Новгородъ-Сѣверскаго удѣла, пока татарскій погромъ не нарушилъ естественнаго хода въ развитіи Черниговo-Сѣверскаго края. Впрочемъ, этому обособленію мѣшало и самое положеніе Сѣверской области; вся юго-восточная половина ея лежала на пограничьѣ съ Половецкою степью и должна была постоянно бороться съ хищными кочевниками. Въ борьбѣ съ ними удалые сѣверскіе князья совершили много подвиговъ; но при этомъ они нуждались въ дѣятельной поддержкѣ своихъ старшихъ родичей. Мы видѣли, какъ послѣ пораженія сѣверскаго ополченія на берегахъ Каялы, только энергичныя мѣры главы Ольговичей,

Святослава Всеволодовича Кіевскаго, спасли Посемье отъ грозившаго ему погрома.

Ядро Черниговo-Сѣверской земли составлялъ уголъ, заключающійся между Десною съ одной стороны и ея притоками Остромъ и Семью съ другой, а также примыкающая къ нему полоса праваго Подесенья. Если будемъ подниматься вверхъ по Деснѣ отъ ея низовьевъ, то первые черниговскіе города, которые здѣсь встрѣчаемъ, назывались Лутава и Моравійскъ. Они были расположены на правомъ берегу рѣки какъ и другіе подесненскіе города, потому что правый ея берегъ обыкновенно господствуетъ надъ лѣвымъ. Лутава находилась почти насупротивъ Остерскаго устья, а Моравійскъ нѣсколько выше его. Послѣдній извѣстенъ намъ по миру, заключенному здѣсь въ 1139 году послѣ жестокой войны между Мономаховичами и Ольговичами. Вообще оба названные города упоминаются обыкновенно по поводу междоусобій этихъ двухъ княжескихъ поколѣній изъ-за Кіевскаго стола. Находясь на прямомъ судоходномъ пути между Кіевомъ и Черниговомъ, они, вѣроятно, принимали дѣятельное участіе въ торговомъ движеніи того времени. Это географическое положеніе ихъ объясняетъ, почему они нерѣдко служили мѣстомъ княжескихъ съѣздовъ при заключеніи мира, а также оборонительнаго или наступательнаго союза. Но тоже положеніе подвергало ихъ частымъ непріятельскимъ осадамъ и разореніямъ, во время междоусобій черниговскихъ и кіевскихъ князей. Однажды (въ 1159 г.) Изяславъ Давидовичъ, временно владѣвшій Кіевомъ, разгнѣвался на своего двоюроднаго брата Святослава Ольговича, которому уступилъ Черниговъ. Онъ велѣлъ сказать Святославу, что заставитъ его уйти обратно въ Новгородъ-Сѣверскій. Услыхавъ такую угрозу, Ольговичъ сказалъ: «Господи! видишь смиреніе мое. Не желая проливать кровь христіанскую и погубить отчину, я согласился взять Черниговъ съ семью пустыми городами, въ которыхъ сидятъ псари и Половцы; а онъ съ своимъ племянникомъ держитъ за собою всю волость Черниговскую, и того ему мало». Первымъ изъ этихъ пустыхъ городовъ Святославъ назвалъ Моравійскъ; но въ его презрительномъ отзывѣ о нихъ видно несомнѣнное преувеличеніе.

Поднимаясь далѣе вверхъ по Деснѣ, мы пристанемъ къ стольному Чернигову, который красуется на ея правомъ берегу, при впаденіи въ нее рѣчки Стрижня. Отъ устья этой рѣчки направо внизъ по Деснѣ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, идутъ довольно значительные береговые холмы, оставляя небольшую луговую полосу, заливаемую вешнею водою. Это такъ называемыя Болдины горы, по гребню которыхъ и раскинулся самый городъ съ своими двумя древнѣйшими монастырями. Внутренній городъ или «дѣтинецъ», огороженный валомъ и деревянными стѣнами, былъ расположенъ на довольно плоскомъ возвышеніи, ограниченномъ съ одной стороны долиною Десны, съ другой Стрижня, а съ остальныхъ сторонъ лощинами и оврагами. Лицомъ онъ былъ обращенъ къ Деснѣ или къ своей судовой пристани. Съ противоположной стороны къ нему примыкалъ городъ «внѣшній» или «окольный», иначе называемый «острогъ»; послѣдній былъ опоясанъ землянымъ валомъ, который однимъ концомъ упирался въ Стрижень, а другимъ въ Десну. Ворота этого окольнаго города, обращенныя къ Стрижню, судя по лѣтописи, назывались «Восточными». Остатки еще третьяго окружнаго вала, отстоящаго на значительное разстояніе отъ города, подтверждаютъ, что насыпка валовъ долго служила въ южной Руси обычнымъ способомъ защиты отъ сосѣднихъ народовъ, особенно отъ хищныхъ кочевниковъ, которыхъ набѣги въ тѣ времена простирались не только до Чернигова, но и далѣе его къ сѣверу. Внутри этого послѣдняго вала, вѣроятно, находились загородные дворы, княжескіе и боярскіе, а также подгородные хутора, огороды и пастбища. Въ случаѣ нашествія степной конницы, за этими валами укрывались, конечно, окрестные сельскіе жители съ своими стадами и хлѣбными запасами.

Главную святыню Чернигова и главное его украшеніе составлялъ изящный соборный храмъ Спаса Преображенія, построенный, если вѣрить преданію, на мѣстѣ древняго языческаго капища. Храмъ этотъ есть современникъ Кіевской Софіи и даже нѣсколькими годами старше ея. Основаніе ему положено Мстиславомъ Тмутраканскимъ. При кончинѣ сего князя стѣны собора, по словамъ лѣтописца, были сложены уже на такую вышину, что человѣкъ, стоя на конѣ, едва могъ достать рукою верхъ, слѣдовательно, сажени на двѣ. Вѣроятно,

онъ былъ заложенъ года за два, вскорѣ послѣ удачнаго похода Мстислава съ братомъ Ярославомъ на Ляховъ: походъ этотъ (предпринятый въ 1031 году) окончился завоеваніемъ Червонной Руси. Можетъ быть, и самый храмъ задуманъ въ память сего славнаго событія, подобно Кіевской Софіи, которая, спустя лѣтъ пять, заложена въ память великой побѣды Ярослава надъ Печенѣгами. Построеніе Спасскаго собора, по всей вѣроятности, докончено племянникомъ Мстислава и его преемникомъ Святославомъ Ярославичемъ. Мы знаемъ обычное желаніе русскихъ князей быть погребенными въ храмахъ, ими самими построенныхъ. А въ Спасскомъ соборѣ погребены не только Мстиславъ Владиміровичъ, но и Святославъ Ярославичъ, хотя послѣдній скончался, занимая великій столъ Кіевскій.

Архитектурный стиль, кладка стѣнъ и украшенія Черниговскаго собора совершенно тѣже, что и главныхъ кіевскихъ храмовъ; безспорно, его строили также византійскіе зодчіе. По своему основному плану и тремъ алтарнымъ полукружіямъ, онъ болѣе подходитъ къ кіевской Десятинной церкви, нежели къ Софійской; но много уступаетъ въ размѣрахъ и той, и другой. Число верховъ или куполовъ, повидимому, не превышало обычныхъ пяти. Кіевскую Софію онъ напоминаетъ своею вежею, или круглою башнею, которая примыкаетъ къ сѣверозападному углу зданія, т. е. по лѣвую сторону главнаго входа. Эта вежа заключаетъ въ себѣ каменную витую лѣстницу, ведущую на полати храма или на хоры, назначавшіяся для женскаго пола и особенно для княжескаго семейства. Какъ и въ Кіевскомъ соборѣ, хоры огибаютъ три внутреннія стѣны, т. е. за исключеніемъ восточной или алтарной. Восемь стройныхъ колоннъ изъ красноватаго мрамора, по четыре на сѣверной и южной сторонахъ, поддерживаютъ эти полати; восемь другихъ колоннъ меньшаго размѣра составляютъ верхній ярусъ, т. е. обрамляютъ хоры и, въ свою очередь, поддерживаютъ верхи храма. Стѣнное расписаніе, повидимому, исключительно составляла фресковая иконопись. Незамѣтно, чтобы стѣны алтаря и предалтарія когда-либо украшались мозаичными изображеніями. Мозаика въ тѣ времена была на Руси весьма дорогимъ украшеніемъ, доступнымъ только главнѣйшимъ храмамъ первопрестольнаго города.

Въ Спасскомъ каѳедральномъ соборѣ, кромѣ его строителей Мстислава и Святослава, погребены: сынъ послѣдняго Олегъ, внукъ Владиміръ Давыдовичъ и правнукъ Ярославъ Всеволодовичъ, а также кіевскій митрополитъ Константинъ, соперникъ извѣстнаго Климента Смолятича. Любопытно слѣдующее извѣстіе. Въ 1150 году, когда Юрій Долгорукій временно занималъ Кіевскій столъ, союзникъ его Святославъ Ольговичъ взялъ изъ кіевскаго Симеонова монастыря тѣло своего брата Игоря, убитаго Кіевлянами, и перенесъ его въ родной Черниговъ, гдѣ оно было погребено, по словамъ лѣтописи, «у святаго Спаса въ теремѣ», слѣдовательно, не въ самомъ соборѣ, а въ его пристройкѣ. И дѣйствительно, на южной сторонѣ храма видно основаніе какого-то зданія съ абсидомъ или алтарнымъ полукружіемъ. Можетъ быть, это и былъ упомянутый теремъ, т. е. небольшой придѣльный храмъ съ покоемъ, предназначеннымъ удовлетворять какимъ-либо нуждамъ каѳедральнаго собора или епископіи.

Главный княжескій дворецъ стоялъ тутъ же не подалеку отъ св. Спаса. На восточной сторонѣ послѣдняго находилась каменная церковь во имя архангела Михаила, основанная Святославомъ Всеволодичемъ, когда онъ сидѣлъ на Черниговскомъ столѣ. Тотъ же князь, очевидно усердный храмоздатель, построилъ и другую церковь на княжемъ дворѣ, въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы; она отстояла отъ св. Спаса нѣсколько далѣе, чѣмъ св. Михаилъ и ближе къ берегу Стрижня. Въ этой Благовѣщенской церкви, въ 1196 году, былъ погребенъ двоюродный братъ ея основателя Всеволодъ Святославичъ Трубчевскій, извѣстный Буй-туръ «Слова о Полку Игоревѣ». Лѣтопись замѣчаетъ по сему поводу, что онъ всѣхъ Ольговичей превосходилъ добротою своего сердца, мужественнымъ характеромъ и величественною наружностію. Погребеніе Всеволода совершили съ великою честію епископъ и всѣ черниговскіе игумны, въ присутствіи «всей его братьи Ольговичей». Владиміръ Мономахъ въ «Поученіи дѣтямъ» вспоминаетъ, что однажды, въ бытность свою княземъ Черниговскимъ, онъ угощалъ у себя на «Красномъ дворѣ» отца своего Всеволода и двоюроднаго брата Олега Святославича, при чемъ поднесъ отцу въ даръ 300 гривенъ золота. Не знаемъ, гдѣ находился этотъ Красный дворъ: былъ

ли онъ тоже, что главный княжій теремъ въ дѣтинцѣ, или, что вѣроятнѣе, особый загородный дворецъ.

Почитаніе и прославленіе двухъ князей-мучениковъ началось въ Черниговѣ также рано, какъ и въ Кіевѣ. Между тѣмъ какъ Олегъ Святославичъ докончилъ каменный Борисоглѣбскій храмъ, начатый его отцомъ въ Вышгородѣ, а Владиміръ Мономахъ сооружалъ такой же подъ Переяславлемъ, Черниговскій храмъ во имя этихъ мучениковъ, по всѣмъ признакамъ, былъ построенъ старшимъ братомъ Олега, Давидомъ. Онъ былъ соименникомъ св. Глѣбу, въ крещеніи Давиду, и любопытно, что Черниговскій храмъ назывался не Борисоглѣбскимъ какъ вездѣ, а Глѣбоборисовскимъ. При немъ былъ устроенъ и монастырь. Давидъ Святославичъ, извѣстный своимъ кроткимъ, незлобивымъ характеромъ и благочестіемъ, погребенъ здѣсь, конечно, какъ его основатель. Тутъ же нашелъ успокоеніе и сынъ его Изяславъ Давидовичъ, неудачный князь Кіевскій, своимъ безпокойнымъ нравомъ и честолюбіемъ составлявшій противуположность отцу. Былъ въ самомъ городѣ и женскій монастырь, во имя Параскевы Пятницы, можетъ быть, основанный княжною Предиславою, сестрою того же Давида Святославича; по крайней мѣрѣ извѣстно, что она скончалась монахиней. Храмъ св. Параскевы своими высокими арками, столбами и куполомъ и теперь еще напоминаетъ характеръ византійско-русской архитектуры Домонгольской эпохи. Но главное мѣсто между черниговскими монастырями всегда занимали обители Ильинская и Елецкая. Обѣ онѣ расположены на Болдиныхъ горахъ: Елецкая возлѣ самаго города, посреди садовъ и огородовъ, а Ильинская, въ разстояніи отъ него около двухъ верстъ, на крутомъ лѣсистомъ обрывѣ въ долину Десны. Происхожденіе Ильинской обители преданіе приписываетъ св. Антонію Печерскому, и относитъ его именно къ тому времени, когда Антоній, вслѣдствіе клеветы, подвергся гнѣву великаго князя Изяслава Ярославича и нашелъ покровительство у его брата Святослава въ Черниговѣ. Здѣсь онъ поселился также въ пещерѣ, которую самъ ископалъ въ Болдиныхъ горахъ, и около него не замедлила собраться пещерная братія. Послѣ его возвращенія въ Кіевъ, Черниговскій князь построилъ надъ этими пещерами монастырскій храмъ во имя св. Иліи. Слѣдовательно, происхожде-

ніе черниговскаго Ильинскаго монастыря было одинаковое съ Кіево-Печерскимъ. Тому же князю Святославу преданіе приписываетъ и основаніе Елецкой обители съ главнымъ храмомъ въ честь Успенія Богородицы, можетъ быть, также по примѣру Печерской въ Кіевѣ. Елецкій Успенскій храмъ и доселѣ сохраняетъ общія архитектурныя черты съ Кіево-Печерскимъ. Какъ Спасскій каѳедральный соборъ, такъ и упомянутые монастыри были щедро надѣлены землями, разными угодьями и доходами отъ своихъ благочестивыхъ основателей и ихъ преемниковъ.

Вершины Болдиныхъ горъ усѣяны могильными курганами языческихъ временъ. Изъ нихъ, по своимъ размѣрамъ, въ наше время выдавались особенно два кургана: одинъ подлѣ Елецкаго монастыря, носившій названіе «Черной могилы», а другой подлѣ Ильинскаго—«Гульбище». Преданіе народное связывало ихъ съ памятью о своихъ древнѣйшихъ князьяхъ. Недавно произведенныя раскопки извлекли изъ нихъ предметы вооруженія, охоты, домашняго быта и разныя украшенія, сильно испорченные огнемъ, но въ нѣкоторыхъ образцахъ сохранившіе слѣды изящной работы, отчасти греческой, отчасти восточной. По всѣмъ признакамъ, эти курганы, дѣйствительно, скрывали въ себѣ останки русскихъ князей или вельможъ, сожженныхъ на кострѣ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и утварью, согласно съ обычаями языческой Руси. Что же касается до окрестностей Чернигова, то въ эпоху Домонгольскую онѣ, повидимому, изобиловали поселками и хуторами. Изъ ближнихъ селъ, судя по лѣтописи, самымъ значительнымъ было Боловесъ или Бѣлоусъ; оно лежало на западъ отъ Чернигова за такъ называемымъ «Ольговымъ полемъ», на рѣчкѣ Бѣлоусъ, правомъ притокѣ Десны. На этомъ Ольговомъ полѣ обыкновенно располагалась станомъ та непріятельская рать, которая, во время княжескихъ междоусобій, подступала къ Чернигову съ Кіевской стороны.

Отъ Чернигова идя вверхъ по Деснѣ, мы встрѣчаемъ, во первыхъ, городъ Сновскъ, на правомъ ея притокѣ Сновѣ, прославленный первою побѣдою надъ Половцами, въ 1068 г., а во вторыхъ Сосницу, на рѣчкѣ Убеди, также правомъ притокѣ Десны, недалеко отъ сліянія послѣдней съ Семью. Затѣмъ слѣдуетъ второй по значенію городъ Черниговской

земли и вторая послѣ Чернигова судовая пристань на Деснѣ, Новгородъ Сѣверскій, расположенный на высотахъ ея праваго берега, на плоскости, пересѣченной оврагами и лощинами. Онъ былъ хорошо укрѣпленъ. На крайнемъ къ берегу возвышеніи находился дѣтинецъ, огороженный деревянною стѣною и заключавшій внутри соборный Успенскій храмъ, который, по словамъ преданія, основанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ языческія времена стоялъ идолъ главнаго бога и приносились жертвы. За исключеніемъ береговой стороны, дѣтинецъ опоясывался внѣшнимъ городомъ или острогомъ; послѣдній, кромѣ вала, былъ укрѣпленъ тыномъ или частоколомъ, и захватывалъ часть Заручья, которое отдѣлялось отъ города глубокимъ оврагомъ съ текущимъ на его днѣ ручьемъ. Въ городъ вели съ одной стороны ворота «Черниговскія», съ другой «Курскія»; а у соборнаго храма надъ спускомъ къ Деснѣ были ворота «Водяныя». Предмѣстья или ближайшія окрестности съ загородными селами, по обычаю главныхъ городовъ Южной Руси въ тѣ времена, были также обведены валомъ (*переспа* лѣтописи). Вѣроятно въ чертѣ этого вала находилась и вторая послѣ Успенія святыня Новгорода Сѣверскаго, монастырь Спасопреображенскій, основанный сыновьями Давида Святославича. Этотъ монастырь возвышался около самаго города на живописномъ взгорьѣ Десны посреди садовъ и липовыхъ рощъ. Здѣсь въ придѣлѣ св. Михаила былъ погребенъ въ 1180 г. сѣверскій князь Олегъ Святославичъ, старшій братъ знаменитаго Игоря и Буй-тура Всеволода. Около Новгорода Сѣверскаго лежали загородныя княжія села и дворы, изобильныя челядью, скотомъ, погребами съ медомъ и виномъ, складами желѣза и мѣди, гумнами со стогами всякаго жита и пр. На рѣчкѣ Рахнѣ паслись княжіе табуны въ нѣсколько тысячъ коней и матокъ. Лѣтопись особенно указываетъ на село Мелтеково и какое-то сельцо Игорево, т. е. Игоря Ольговича, гдѣ былъ богатый княжій дворъ и храмъ во имя св. Георгія (христіанское имя Игоря Ольговича).

Еще выше по Деснѣ, опять на высокомъ правомъ берегу, находимъ Трубецкъ или Трубчевскъ, въ лѣсистой мѣстности, огороженный высокимъ валомъ и также имѣющій значительную пристань. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ концѣ

XII вѣка, благодаря своему удѣльному князю Буй-туру Всеволоду. Наконецъ на верхнемъ теченіи Десны находились Брянскъ, Вщижъ, и Карачевъ; послѣдній на лѣвомъ ея притокѣ Снѣжати. Эти три города лежали тамъ, гдѣ поселенія Сѣверянъ сходились съ землею Вятичей, посреди лѣсовъ и дебрей, на которыя указываетъ и самое имя Брянска или Дебрянска. Отсюда собственно и начиналось судоходство по Деснѣ.

Другую водную артерію Сѣверской земли составляла Семь, главный притокъ Десны съ лѣвой стороны. Посемье принадлежало къ Новгородъ-Сѣверскому удѣлу, т. е. составляло владѣнія младшей линіи Ольговичей. Здѣсь первый значительный городъ, восходя вверхъ по теченію Семи, былъ Путивль, на крутомъ правобережномъ ея возвышеніи, при впаденіи рѣчки Путивльки. Также какъ на Деснѣ, правый берегъ Семи выше лѣваго; поэтому на немъ и воздвигались города. А низменный лѣвый берегъ окаймлялъ степную сторону, откуда постоянно грозили набѣги кочевниковъ. Дѣтинецъ Путивля отдѣлялся отъ внѣшняго города рвомъ и валомъ съ деревянною стѣною, и, по обычаю русскихъ кремлей, возвышался прямо надъ Семью, которая свѣтлою лентою извивается у подошвы правобережныхъ холмовъ, поросшихъ лѣсомъ и кустарникомъ. Съ южной стѣны города открывался широкій видъ на раскинувшееся за рѣкою степное пространство; отсюда понятенъ намъ плачъ Евфросиніи Ярославны на этой стѣнѣ или заборалѣ. Удѣлъ ея сына Владиміра Игоревича, Путивль служилъ сборнымъ мѣстомъ для дружинъ, которыя ея супругъ Игорь повелъ въ Половецкую степь. Княгиня проводила его до этого города, и въ Путивльскомъ княжемъ теремѣ стала ожидать возвращенія своихъ близкихъ изъ похода. Съ городскаго заборала безъ сомнѣнія она часто смотрѣла вдаль, прежде съ надеждою увидать ихъ побѣдоносные стяги, а потомъ съ отчаяніемъ объ участи супруга. Въ Путивльскомъ «городкѣ» (бывшемъ дѣтинцѣ) показываютъ надгробную плиту съ именемъ княжича Василія, погребеннаго въ Спасскомъ монастырѣ. Здѣсь былъ еще храмъ во имя Вознесенія, по извѣстію лѣтописи, щедро снабженный отъ сѣверскихъ князей серебряными сосудами, шитыми золотомъ покровами, богослужебными книгами и колоколами. Объ изобиліи разнаго

рода припасовъ въ княжемъ дворѣ свидѣтельствуетъ большое количество меду, вина и челяди, которое въ 1146 г. захватили здѣсь Изяславъ Кіевскій и его союзники Давидовичи Черниговскіе. То обстоятельство, что они не могли взять Путивль осадою, а взяли его только по договору, указываетъ на крѣпость города.

Далѣе по Семи лежали удѣльные города Рыльскъ и Ольговъ, а на верхнемъ ея теченіи Курскъ. Послѣдній расположенъ не на самой Семи, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, на продолговатомъ возвышеніи между притокомъ Семи Тускарью и рѣчкою Куромъ, тутъ же впадающимъ въ Тускарь. Курскій удѣлъ былъ спорнымъ между Черниговскимъ и Переяславскимъ княженіемъ; по своему положенію на рѣчномъ пути онъ болѣе тянулъ къ первому княженію, за которымъ и былъ окончательно утвержденъ. Населеніе Курской области, лежавшей на украйнѣ съ хищными кочевниками, преимущественно передъ другими Сѣверянами отличалось бодрымъ, воинственнымъ духомъ и своей удалой конницей. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Всеволодъ Трубчевскій конечно не даромъ говоритъ своему брату: «А мои Куряне извѣстные наѣздники; подъ (воинскими) трубами они повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены, (степные) пути имъ вѣдомы, овраги знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; они только и знаютъ что рыскаютъ въ полѣ, какъ сѣрые волки, ища себѣ чести, а князю славы». Однако Курское населеніе не пренебрегало и хозяйственною дѣятельностію; по всѣмъ признакамъ оно было зажиточнымъ, благодаря особенно тучной, черноземной почвѣ и умѣренному климату. Изъ житія св. Ѳеодосія видно, что граждане Курска имѣли загородные хутора и занимались сельскимъ хозяйствомъ и что отсюда ходили въ Кіевъ цѣлые обозы съ припасами; а весною они конечно сплавлялись по Семи въ Десну. Послѣдняя несла въ Кіевъ произведенія почти всей Черниговской земли и области Вятичей, каковы: лѣсъ, хлѣбъ, садовые и огородные плоды, медъ, воскъ, сало, кожи, пеньковыя издѣлія, конопляное сѣмя или масло, и пр. Къ Посемью принадлежалъ еще городъ Глуховъ, на рѣчкѣ Есмани (которая впадаетъ въ Клевань, правый притокъ Семи), а къ Подесенью крѣпкій Стародубъ, на болоти-

стыхъ берегахъ Бабинца (который съ Воблею впадаетъ въ Судость, правый притокъ Десны). Съ южной или Переяславской стороны ядро Черниговской земли было защищено цѣлымъ рядомъ городовъ, каковы въ особенности: Бѣлавежа, Всеволожъ и Уненѣжъ (Нѣжинъ), расположенные по Остру, лѣвому притоку Десны.

Черниговская земля хотя своею западной стороной упиралась въ Днѣпръ, но имѣла на немъ мало городовъ; чему не благопріятствовалъ низменный болотистый характеръ его лѣвобережья. Только на нѣкоторыхъ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ находились значительныя поселенія; между ними первое мѣсто занималъ весьма древній Любечъ, раскинувшійся на живописныхъ холмахъ, пересѣченныхъ глубокими оврагами, родина св. Антонія Печерскаго и мѣсто знаменитаго княжескаго съѣзда въ 1097 г. Онъ служилъ одною изъ главныхъ пристаней для судовыхъ каравановъ на великомъ водномъ пути въ Кіевъ и Византію, и Константинъ Багрянородный упоминаетъ его какъ одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ городовъ. Но въ XII вѣкѣ онъ находился уже въ нѣкоторомъ упадкѣ, судя по выше приведенной жалобѣ Изяслава Давидовича; князь называетъ Любечъ въ числѣ тѣхъ семи бѣдныхъ, пустыхъ городовъ, въ которыхъ сидѣли псари и плѣнные Половцы. Но безъ сомнѣнія Изяславъ только ради краснаго слова причислилъ его къ такимъ городамъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь дѣйствительно содержалась большая псовая охота; такъ какъ въ окольной лѣсистой области водилось множество всякаго рода дичи, гусей, лебедей, туровъ, лосей и т. д. Словамъ Изяслава Давидовича противорѣчитъ и слѣдующее обстоятельство. Около тогоже времени Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій, воюя окрестности Чернигова и тщетно вызывая своихъ противниковъ изъ города въ поле, сказалъ: «пойдемъ на Любечъ; тамъ у нихъ (Черниговскихъ князей) вся жизнь», т. е. все богатство. Ясно, что подъ Любечемъ были княжія села и дворы, изобилующіе челядью, скотомъ, хлѣбными и другими припасами. Слѣдовательно онъ все еще былъ однимъ изъ зажиточныхъ черниговскихъ городовъ и лежалъ въ мѣстности по тому времени довольно населенной. Близъ Любеча на той же цѣпи лѣсистыхъ холмовъ возникъ Антоніевъ монастырь, которому преданіе приписывало такое же пещерное

происхожденіе какъ въ Кіевѣ и Черниговѣ: св. Антоній, еще будучи міряниномъ Антипою, ископалъ здѣсь пещеру ради молитвеннаго уединенія.

Къ сѣверу отъ Любеча вступаемъ въ область рѣки Сожи, населенную племенемъ Радимичей, область ровную, песчано-глинистую, обильную сосновымъ лѣсомъ и болотами, которыя узкими полосами тянутся иногда на десятки верстъ. Главная ея водная жила, т. е. рѣка Сожъ, не смотря на свои мели, была судоходна; она извилисто течетъ по долинѣ, покрытой влажнымъ лѣсомъ и кустарникомъ, озерами и заливными лугами. Правый берегъ какъ болѣе сухой и возвышенный представлялъ и болѣе удобныя мѣста для поселенія. На немъ располагались значительнѣйшіе города и пристани Радимичей, каковы Гомій на нижнемъ теченіи Сожи и Чичерскъ на среднемъ. Другой водной жилой этого края служила сплавная рѣка Ипуть, лѣвый притокъ Сожи; однако въ исторической извѣстности она уступаетъ небольшой рѣчкѣ Пищани, которая впадаетъ въ Сожъ съ правой стороны (близъ Пропойска) и ознаменована побѣдою воеводы Волчьяго Хвоста надъ Радимичами во времена Владиміра Великаго. Подобныя битвы съ Кіевскою Русью должны были происходить около береговъ Сожи, ибо она представляла кратчайшій судовой путь между Кіевомъ и Смоленскомъ. Слѣдовательно покореніе этой области было очень важно для кіевскихъ великихъ князей; оно совершилось повидимому неранѣе конца X вѣка. Еще позднѣе подчинились имъ Вятичи, восточные сосѣди Радимичей и говорившіе съ ними однимъ нарѣчіемъ.

Даже въ началѣ XII вѣка мы видимъ у Вятичей господство туземныхъ князей и языческой религіи. Русскому завоеванію не легко было проникнуть въ эту глухую лѣсную сторону; такъ какъ чрезъ нее не пролегалъ ни одинъ торный судовой путь. Здѣсь сходились только верховья рѣкъ, текущихъ въ разныя стороны; а Русь распространяла свое господство преимущественно по теченію судоходныхъ рѣкъ. Походы ея въ эту сторону конечно предпринимались болѣе въ зимнее время. Расположенные между владѣніями русскихъ князей, Сѣверской землею съ одной стороны, Ростовскою и Рязанскою съ другой, Вятичи должны были постепенно уступать силѣ ихъ оружія и также войти въ составъ ихъ владѣній. Раздроб-

ленные на мелкія княженія и общины, они не могли отстоять себя отъ могучаго Русскаго племени. Лѣтопись не даетъ намъ извѣстій объ этой борьбѣ; только Поученіе Мономаха бросаетъ мимоходомъ на нее нѣкоторый свѣтъ. Такъ, когда отецъ его Всеволодъ княжилъ въ Русскомъ Переяславлѣ, то посылалъ юнаго Владиміра въ свой дальній Ростовскій удѣлъ «сквозѣ Вятичи». Слѣдовательно этотъ путь шелъ сквозь еще непокоренное, враждебное племя. Далѣе, когда Всеволодъ сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ, а Владиміръ на Черниговскомъ, то послѣдній двѣ зимы сряду предпринималъ походы въ землю Вятичей на туземныхъ князей Кордна и Ходоту съ сыномъ. Вѣроятно съ этого времени и началось болѣе прочное завоеваніе Вятичей, занятіе крѣпкихъ пунктовъ сѣверскими дружинами и замѣна туземныхъ князей черниговскими намѣстниками. Лѣтописное извѣстіе о походѣ Изяслава II въ 1146 г. противъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, и отступленіе послѣдняго въ землю Вятичей впервые обнаруживаетъ ихъ принадлежность Черниговскому княженію. Вмѣстѣ съ русскимъ владычествомъ начала утверждаться здѣсь и христіанская церковь. Извѣстны подвиги кіевопечерскаго инока Кукши, который вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Никономъ проповѣдывалъ здѣсь слово Божіе, крестилъ много язычниковъ, и смертью мученика запечатлѣлъ торжество новой религіи (въ первой трети XII вѣка). Но язычество еще долго сохранялось въ этой глухой сторонѣ, особенно между сельскимъ населеніемъ, и долго еще Вятичи приносили жертвы старымъ богамъ въ чащѣ своихъ лѣсовъ, сожигали на большихъ кострахъ знатныхъ покойниковъ, и насыпали надъ ними высокіе курганы.

Хотя изобилующая густыми лѣсами, земля Вятичей однако имѣла другой характеръ сравнительно съ низменнымъ, болотистымъ полѣсьемъ Припяти и Сожи. Какъ часть Алаунской возвышенности, она представляла болѣе сухую и нѣсколько холмистую равнину съ хлѣбородною почвою: юговосточная ея половина принадлежитъ уже къ черноземной полосѣ. Населеніе ея занималось преимущественно земледѣліемъ и пчеловодствомъ; промышленность и торговля долго не могли здѣсь развиваться по недостатку большихъ, торныхъ путей. Главная водная жила, Ока принадлежала Вятичамъ однимъ верхнимъ своимъ теченіемъ, только отчасти судоходнымъ. Вятскіе города

располагались конечно по этой рѣкѣ и ея важнѣйшимъ притокамъ, каковы Жиздра, Угра и Протва съ лѣвой стороны, Зуша и Упа съ правой. Изъ городовъ упомянемъ: Мценскъ и Новосиль на Зушѣ, Дѣдославль на притокѣ Упы и Козельскъ на крутомъ берегу Жиздры, посреди овраговъ и хвойныхъ лѣсовъ. Изъ всѣхъ вятскихъ городовъ только въ одномъ Козельскѣ находимъ особаго удѣльнаго князя, въ эпоху Татарскаго нашествія; откуда заключаемъ о его значительности въ сравненіи съ другими. ([10]).

Къ югу отъ Черниговскихъ владѣній лежала другая часть земли Сѣверянъ—княжество Переяславское. Расположенная на пограничьѣ съ Половецкою степью, Переяславская земля въ тѣ времена называлась украйною. Извѣстно, что по раздѣлу Ярослава эта земля вмѣстѣ съ отдаленною Ростовско-Суздальскою областью досталась третьему его сыну Всеволоду, за потомствомъ котораго и утверждена на Любецкомъ съѣздѣ. Съ вокняженіемъ Мономахова дома на Кіевскомъ столѣ судьба Переяславля еще тѣснѣе связалась съ судьбою Кіева, и, подобно Туровскому Полѣсью, Переяславская украйна нѣкоторое время составляла только удѣльную область кіевскихъ князей. Переяславль былъ какъ бы вторымъ послѣ Кіева столомъ въ родѣ Мономаховомъ, и отсюда князья нерѣдко перемѣщались на великій Кіевскій столъ. Подобныя перемѣщенія и переходы изъ рукъ въ руки помѣшали Переяславской землѣ обособиться и получить свою отдѣльную династію. Эта область еще менѣе чѣмъ Туровская могла обособиться и по своему географическому положенію, то есть по причинѣ близкаго сосѣдства съ половецкими ордами: однѣми собственными силами она не могла себя отстоять, и защита этой украйны составляла постоянную заботу великихъ князей Кіевскихъ. Они старались держать на Переяславскомъ столѣ наиболѣе храбрыхъ между своими близкими родственниками. Около половины XII вѣка, между тѣмъ какъ старшая линія Мономаховичей вокняжилась на Волыни и въ Смоленскѣ, въ Переяславскомъ удѣлѣ утвердилась младшая линія, то есть Юрій Долгорукій съ своимъ потомствомъ. Такимъ образомъ этотъ удѣлъ снова очутился въ однѣхъ рукахъ съ отдаленнымъ Ростовско-Суздальскимъ столомъ, но уже при явномъ преоб-

ладанiи послѣдняго. Юрiй отдалъ Переяславль своему сыну Глѣбу; а когда Суздальцы взяли Кiевъ, то Андрей Боголюбскiй, какъ извѣстно, перевелъ своего младшаго брата Глѣба на Кiевскiй столъ. Переяславль перешелъ къ сыну Глѣба, юному Владимiру. Возмужавъ, Владимiръ явился однимъ изъ самыхъ удалыхъ князей своего времени, и отличился ратными подвигами въ борьбѣ съ Половцами. Это тотъ самый Владимiръ Глѣбовичъ, который послѣ пораженiя сѣверскихъ князей на берегахъ Каялы своею мужественною обороною спасъ Переяславль, осажденный Кончакомъ и другими ханами, въ 1186 г. Въ отчаянной вылазкѣ онъ получилъ много ранъ; но уже въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемъ его въ соединенномъ ополченiи, ходившемъ на Половцевъ. Владимiръ, по обыкновенiю своему, отпросился у старшихъ князей, Святослава и Рюрика, «ѣздити напереди съ Чернымъ Клобукомъ», то есть предводительствовать передовою торкскою конницей. На обратномъ пути онъ заболѣлъ и скончался. Его принесли въ Переяславль и похоронили въ соборномъ храмѣ св. Михаила. За свою щедрость и храбрость онъ былъ любимъ дружиною и народомъ; по замѣчанiю лѣтописца, «украйна» много о немъ плакала. Переяславскiй столъ въ это время находился въ зависимости отъ сильнаго суздальскаго князя Всеволода III, который былъ роднымъ дядею Владимiру Глѣбовичу. Нѣкоторое время Всеволодъ держалъ Переяславскую область однимъ изъ своихъ сыновей (Ярославомъ). Но съ 1207 года она опять начала переходить изъ рукъ въ руки, особенно по смерти Всеволода III, когда на югѣ возобновилась борьба за Кiевъ между Мономаховичами и Ольговичами.

Переяславская земля была ограничена на сѣверѣ Семью и Остромъ, на западѣ нижнимъ теченiемъ Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра приблизительно до устья Сулы; а отсюда ея предѣлы шли по Хоролю, притоку Псела, пересѣкали Пселъ и Ворсклу, и приблизительно простирались до верхняго Донца. Съ этой стороны, т. е. на югѣ и востокѣ, они сливались со степью, отъ которой слегка отдѣляли ихъ линiи земляныхъ валовъ, издавна насыпанныхъ Русью для защиты отъ кочевниковъ. Лѣтописное извѣстiе о подобномъ валу, названномъ шоломя и шедшемъ по рѣкѣ Хоролу, встрѣчается при описанiи Кончакова нашествiя въ 1184 г. Поверхность

Переяславской земли представляетъ ровную и даже низменную полосу, только въ своей восточной части слегка возвышенную и волнистую. Почти всѣ рѣки этой полосы вмѣстѣ съ своими притоками направляются въ Днѣпръ и большею частію имѣютъ тихое теченіе съ берегами поросшими камышомъ, луговыми травами и лиственными рощами (Трубежъ, Супой, Сула, Псёлъ и Воркла). Между рѣчными долинами залегаютъ пласты тучнаго чернозема, который при весьма умѣренномъ климатѣ дѣлаетъ этотъ край очень плодороднымъ. Земледѣліе, садоводство и скотоводство могли бы процвѣтать здѣсь въ высокой степени, если бы не украйное положеніе области. Постоянная опасность отъ хищныхъ кочевниковъ не благопріятствовала развитію сельскаго хозяйства, и заставляла жителей искать убѣжища внутри валовъ и стѣнъ. Отсюда мы видимъ въ Переяславской землѣ весьма значительное количество городовъ сравнительно съ ея довольно рѣдкимъ населеніемъ. Уже Владиміръ Великій для защиты отъ Печенѣговъ строилъ новые города по Деснѣ, Трубежу и Сулѣ. Построеніе укрѣпленныхъ мѣстъ продолжалось и при его преемникахъ, особенно съ появленіемъ Половецкихъ ордъ. Сначала Половцы сильно потѣснили и разорили южно-русскую украйну; но съ теченіемъ времени Русь въ свою очередь снова стала брать верхъ надъ кочевниками и постепенно выдвигать на югъ свои укрѣпленныя линіи, т. е. городки, связанные между собою валами, частоколомъ, засѣками, сторожевыми заставами; для чего пользовались крутыми берегами рѣкъ, оврагами, могильными курганами, лѣсными дебрями и другими мѣстными условіями.

Князья старались отвсюду набирать ратныхъ людей въ украйные города; переводили сюда жителей изъ другихъ русскихъ областей, особенно плѣнниковъ, взятыхъ въ междоусобныхъ войнахъ; селили тамъ и плѣнныхъ Ляховъ. Слѣдовательно населеніе этой полосы было довольно сборное. Кромѣ сторожевыхъ русскихъ дружинъ для обороны отъ кочевниковъ служили, какъ извѣстно, конные Торки или Берендѣи. Они были поселены не только на Кіевской сторонѣ Днѣпра, на Поросьѣ, но также и на Переяславской. Часть ихъ встрѣчалась даже въ Черниговской области подъ именемъ Коуевъ. Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій, какъ мы знаемъ, далъ нѣ-

сколько тысячъ этой конницы Игорю Святославичу для его знаменитаго похода на Половцевъ. Гдѣ были помѣщены Черниговскіе Торки въ точности неизвѣстно, вѣроятно въ полосѣ, заключающейся между Семью и Остромъ, т. е. позади Остерской укрѣпленной линіи. Точно также не можемъ указать и мѣста поселеній Торковъ Переяславскихъ съ такою же опредѣленностью, съ какою говорили о Торкахъ Кіевскихъ или Черныхъ Клобукахъ. По нѣкоторымъ признакамъ полагаемъ только, что переяславскіе Торки, однажды названные въ лѣтописи *Турпѣями*, были поселены на Посульѣ, т. е. по ту и по другую сторону рѣки Сулы, преимущественно въ углу, который образуется Днѣпромъ и Сулою, слѣдовательно вблизи главной укрѣпленной линіи Переяславскаго княжества. Въ военное время семьи и стада этихъ полукочевыхъ народцевъ укрывались за валами русскихъ городковъ Посулья, каковы: Б а р у ч ъ, Б р о н ь к н я ж ъ, С е р е б р я н ы й, П о л к о с т ѣ н ъ, П о п а ш ь, В ь я х а н ь, Л у к о м л ь, Р о м е н ъ (онъ же Ромовъ), Л у б н о, Ж е л н ы и др. Послѣдніе три какъ и большая часть посульскихъ городовъ лежали на правомъ болѣе возвышенномъ берегу Сулы: Роменъ на верхнемъ ея теченіи, Лубно на среднемъ, а Желны недалеко отъ устья. Сынъ Мономаха Ярополкъ, когда былъ переяславскимъ княземъ, построилъ или вновь укрѣпилъ городъ Желны, и населилъ его плѣнными Дручанами, слѣдовательно Кривичами изъ Полоцкой земли. Между городами, которые выдвигались далѣе въ степи за рѣки Хоролъ и Пселъ до береговъ Ворсклы, извѣстенъ по лѣтописи Л т а в а, въ которой видятъ позднѣйшую Полтаву.

Внутри Посульской линіи, т. е. въ сѣверозападной части Переяславской земли извѣстны: П р и л у к ъ и П е р е в о л о к а, оба на верхнемъ Удаѣ, притокѣ Сулы съ лѣвой стороны, Н ѣ ж а т и н ъ гдѣ-то на Сулѣ или Трубежѣ, С а к о в ъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и наконецъ самъ стольный городъ П е р е я с л а в л ь Р у с с к і й. Онъ расположился на ровной низменной мѣстности въ углу, который образуется сліяніемъ Трубежа съ небольшимъ, но историческимъ притокомъ Альтою, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія Трубежа въ Днѣпръ. Наравнѣ съ Кіевомъ и Черниговымъ Переяславль былъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ древней Руси; его купцы Днѣпромъ и Чернымъ моремъ ѣздили въ Царьградъ; о чемъ

ясно свидѣтельствуютъ торговые договоры съ Греками. Самъ Трубежъ, теперь незначительная рѣчка, поросшая камышемъ, когда-то былъ судоходною рѣкою. Кремль или внутренній городъ Переяславля занималъ вершину помянутаго угла; къ его основанію примыкалъ внѣшній городъ. А за стѣнами послѣдняго и на зарѣчьи разбросаны были предмѣстья съ садами и огородами; они также защищались нѣсколькими линіями валовъ. Вмѣстѣ съ многочисленными курганами эти валы, упирающіеся въ Днѣпръ, напоминаютъ о минувшемъ значеніи города. Процвѣтаніе Переяславля обнаружилось и въ ту эпоху, когда здѣсь княжилъ Владиміръ Мономахъ. Строительною дѣятельностію особенно прославился тогда извѣстный постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря Ефремъ-скопецъ, поставленный переяславскимъ епископомъ, и въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи названный митрополитомъ. Онъ докончилъ соборный храмъ св. Михаила; заложилъ каменную городскую стѣну и надъ ея воротами воздвигъ церковь св. Ѳеодора; вѣроятно это тѣ ворота, которыя въ лѣтописи называются «Епископскими». Онъ воздвигъ еще нѣсколько каменныхъ храмовъ и то *банное строеніе*, котораго «прежде не было на Руси» (термы или общественныя бани?) Постройки эти однако не всегда отличались своею прочностію, вѣроятно по малой опытности туземныхъ работниковъ, привыкшихъ все строить изъ дерева. Такъ Михайловскій соборъ лѣтъ тридцать спустя послѣ своего окончанія обрушился; но потомъ онъ былъ возобновленъ. Самъ Владиміръ Мономахъ также совершилъ нѣсколько замѣчательныхъ построекъ въ Переяславлѣ. Въ 1098 г. онъ заложилъ каменный храмъ во имя Успенія Богородицы; то была придворная церковь, помѣщавшаяся на дворѣ княжаго терема. Вѣроятно вблизи его находились и тѣ городскія ворота, которыя назывались «Княжими»; а ворота, обращенныя къ полю, носили названіе «Кузнечихъ». Когда Владиміръ Мономахъ сѣлъ на великій Кіевскій столъ, онъ не забывалъ роднаго Переяславля, и, какъ извѣстно, соорудилъ каменный храмъ во имя Бориса и Глѣба на берегу Альты, верстахъ въ трехъ отъ города, на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса или неподалеку отъ него. Тутъ же вѣроятно находился и его «Красный дворъ». Кромѣ того по лѣтописи извѣстны переяславскіе монастыри: во первыхъ,

св. Іоанна, въ самомъ городѣ; въ порубѣ этого монастыря былъ заключенъ несчастный Игорь Ольговичъ; а за городомъ находились обители Рождественская и св. Савы; Борисоглѣбскій храмъ повидимому также имѣлъ при себѣ обитель. Хотя загородные монастыри и заключались внутри пространства, защищеннаго линіями валовъ отъ набѣговъ кочевниковъ; но эти валы не всегда оказывались надежною защитою, особенно во время княжескихъ междоусобій, когда Половцы являлись въ русскихъ предѣлахъ въ качествѣ союзниковъ какой либо стороны. Такъ именно и случилось въ 1154 году во время борьбы за Кіевъ Ростислава Мстиславича съ Изяславомъ Давидовичемъ: Половцы, союзники Давида, пожгли села и монастыри вокругъ Переяславля; при чемъ сгорѣлъ и прекрасный Борисоглѣбскій храмъ, сооруженіе Владиміра Мономаха.

Изъ переяславскихъ городовъ упомянемъ еще объ Остерскомъ Городкѣ, судьба котораго довольно любопытна. Онъ находился на лѣвомъ берегу Остра, близъ его впаденія въ Десну, и пріобрѣлъ особую извѣстность во время борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ; такъ какъ служилъ главнымъ опорнымъ пунктомъ Юрія въ его предпріятіяхъ противъ Кіева. Сюда онъ укрывался въ случаѣ неудачъ на правой сторонѣ Днѣпра; здѣсь былъ близокъ къ своимъ союзникамъ князьямъ Чернигово-Сѣверскимъ; а въ случаѣ нужды отсюда могъ легко уйти въ свою Суздальскую волость. Послѣ извѣстнаго пораженія на Рутѣ Юрій былъ осажденъ въ Городкѣ своимъ счастливымъ соперникомъ, съ которымъ на этотъ разъ соединились и чернигово-сѣверскія дружины. Изяславъ потребовалъ, чтобы Юрій довольствовался Суздалемъ и отказался отъ Переяславской области. Не получая ни откуда помощи, Юрій смирился, и присягнулъ на исполненіи требуемыхъ условій. Однако, уѣзжая, онъ оставилъ въ Городкѣ сына Глѣба съ очевиднымъ намѣреніемъ воротиться въ Южную Русь, какъ только соберется съ новыми силами. Тогда Изяславъ II въ слѣдующемъ 1152 году вмѣстѣ съ Черниговскимъ княземъ опять пришелъ къ Городку, и предалъ его пламени. При этомъ сгорѣлъ и соборный Михайловскій храмъ; онъ былъ построенъ изъ камня, а верхъ его «нарубленъ» изъ дерева. Болѣе сорока лѣтъ Городокъ находился въ запустѣніи. Наконецъ сынъ Юрія Всеволодъ Большое Гнѣздо въ

1195 г. послалъ своего тіуна Гюрю съ потребнымъ числомъ людей, которые возобновили стѣны и храмы Остерскаго Городка ([11]).

На югъ и востокъ отъ Переяславской земли широко раскинулись кочевья варваровъ, обнимавшія всю степную полосу Восточной Европы отъ нижняго Днѣстра до Яика. По характеру своей природы южнорусскія степи раздѣляются приблизительно нижнимъ Дономъ на двѣ части: западную и восточную. Восточная или Прикаспійская степь, за немногими исключеніями, отличается весьма низменнымъ уровнемъ своей поверхности, скуднымъ орошеніемъ и тощею растительностію; чему причина обиліе солончаковъ и сыпучаго песку. Это степь по преимуществу песчаная и соленая; она еще отзывается бывшимъ морскимъ дномъ. Хотя и на такихъ безпріютныхъ пространствахъ встрѣчались кочевья варваровъ: но главнымъ образомъ они располагались въ другой, болѣе благодатной, т. е. западной, части. Послѣдняя представляетъ равнину, постепенно понижающуюся къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Ея гладкая поверхность однако нарушается крутобережными рѣчными долинами и глубокими балками, по которымъ бѣгутъ водные потоки въ весеннее время. Такія балки, впадая въ рѣчныя долины, часто разрываютъ ихъ берега на отдѣльныя холмистыя возвышенія. Эта степь далеко не страдаетъ безводіемъ. Ее прорѣзываютъ величественныя рѣки, сопровождаемыя многочисленными притоками. Почва ея состоитъ по преимуществу изъ пластовъ чернозема, а подпочва изъ твердыхъ каменныхъ породъ. Въ средней полосѣ степи идутъ гранитные кряжи, которые нерѣдко обнажаются въ рѣчныхъ долинахъ. Распространяясь постепенно на юго-востокъ, вмѣстѣ съ отрогами Карпатъ, эти кряжи заставляютъ нѣкоторыя рѣки дѣлать колѣно, обращенное въ туже сторону; при чемъ иногда загромождаютъ ихъ теченіе каменными глыбами или порогами (Днѣстръ, Бугъ, Ингулъ, Ингулецъ, Днѣпръ). Въ сѣверной части степной полосы встрѣчаются по преимуществу извѣстковыя породы, которыя по берегамъ рѣкъ и болотъ обнаруживаютъ себя мѣловыми холмами, бѣлѣющими посреди зеленыхъ степей. А въ области Донца и Міуса залегаютъ богатые пласты каменнаго угля. Черноземная степ-

ная почва нерѣдко прерывается наносами изъ песку, ила и глины, которые сопровождаютъ теченіе рѣкъ. Въ особенности эти наносы обильны у береговъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ они заволакиваютъ устья рѣкъ, заграждаютъ имъ свободный выходъ въ море, и способствуютъ образованію длинныхъ косъ и многочисленныхъ лимановъ. Мѣстами почва пропитана солью, напримѣръ въ низменностяхъ Таврическихъ, гдѣ она образуетъ цѣлыя соляныя озера.

Сухость черноземной почвы, незначительное количество дождя и открытая поверхность, подверженная вліянію вѣтровъ, обусловливали травяной характеръ растительности нашихъ южныхъ степей. Они оживаютъ въ весеннее время, когда покрываются свѣжею зеленью и пушистымъ серебристымъ ковылемъ. Но къ срединѣ лѣта подъ вліяніемъ знойнаго солнца степные злаки засыхаютъ и заглушаются дикимъ непригляднымъ бурьяномъ. Лѣса, по преимуществу лиственные, каковы дубъ, берестъ, вязъ, кленъ, тополь, ясень и т. п., произрастаютъ только тамъ, гдѣ имъ представляется нѣкоторое закрытіе отъ буйныхъ вѣтровъ, отъ зимней вьюги и снѣжныхъ бурановъ, т. е. въ рѣчныхъ долинахъ и балкахъ, и вообще въ низинахъ. Берега степныхъ рѣкъ кромѣ того обилуютъ камышомъ, тростникомъ и разными кустарниками. Пространства, обитаемыя половецкими ордами, захватывали въ сѣверныхъ своихъ частяхъ области, въ тѣ времена еще обильныя лѣсами, именно на верхнемъ теченіи Донца, Дона, Воронежа, Хопра и пр. Довольно значительные лѣса существовали тогда и гораздо южнѣе. Въ войнахъ Русскихъ съ Половцами упоминаются, напримѣръ, Голубой лѣсъ и Черный лѣсъ гдѣ-то около рѣки Самары. Далѣе къ югу находится холмистая и каменистая область, которая въ древности извѣстна была своими лѣсными зарослями: это область притоковъ Азовскаго моря: Молочной, Берды, Калміуса и Міуса. Но какъ сами Половцы, такъ и кочевые ихъ предшественники и преемники постояннымъ истребленіемъ лѣсныхъ зарослей много способствовали расширенію любезной имъ степной полосы въ южной Россіи. ([12]).

Наши южныя степи представляли полное раздолье для половецкихъ ордъ. Эти орды не имѣли никакого политическаго единства; онѣ дѣлились на роды, во главѣ которыхъ стояли

наслѣдственные князья или ханы. Такъ по лѣтописи извѣстны роды: Токсобичи, Колобичи, Тарголове, Улашевичи, Бурчевичи и пр. Только для общихъ предпріятій, т. е. для набѣговъ на сосѣднія земли или для защиты собственной, соединялось по нѣскольку родовъ вмѣстѣ. Для совѣщанія о подобныхъ дѣлахъ или для заключенія мира съ сосѣдями ханы собирались на съѣздъ; при чемъ главы болѣе многочисленныхъ и сильныхъ родовъ конечно имѣли первенствующее значеніе; они же руководили и военными предпріятіями. Тѣ Половцы, которые кочевали ближе къ Азовскому морю, повидимому назывались *Лукоморскими*; ибо Азовское море извѣстно было у насъ также подъ именемъ «Лукоморья». Съ теченіемъ времени каждый родъ вѣроятно присвоилъ себѣ опредѣленныя мѣста для кочевья; весною и лѣтомъ Половцы съ своими стадами обыкновенно подвигались на сѣверъ по мѣрѣ истребленія подножнаго корма; а къ зимѣ опять постепенно уходили на югъ въ приморскую полосу. Какъ и всѣ среднеазіатскіе кочевники Половцы жили съ своими семьями въ круглыхъ войлочныхъ кибиткахъ или шатрахъ, которые легко разбирались и перевозились на другія мѣста по мѣрѣ надобности. Становища ихъ лѣтописи обыкновенно называютъ «вежами»; упоминаютъ и о нѣкоторыхъ половецкихъ городахъ, напримѣръ Шаруканъ, Сугровъ, Балинъ, Чешюевъ; но это по всей вѣроятности были зимовники, названные именами хановъ. Главное богатство Половцевъ состояло въ стадахъ рогатаго скота, верблюдовъ, овецъ и особенно въ конскихъ табунахъ. Кромѣ домашнихъ табуновъ степи представляли кочевникамъ еще многочисленныхъ дикихъ коней, которые въ тѣ времена служили однимъ изъ главныхъ предметовъ охоты. Почти сырое мясо было ихъ любимою пищею, а кобылье молоко любимымъ напиткомъ; пили также теплую кровь убитаго животнаго. Вообще въ выборѣ пищи Половцы какъ истые дикари не затруднялись; при случаѣ пожирали и мясо нечистыхъ животныхъ, каковы волки и лисицы, а также мясо хомяковъ, сусликовъ и другихъ землеройныхъ обитателей степи.

Кромѣ многочисленныхъ стадъ половецкія вежи обиловали иногда всякаго рода добромъ, награбленнымъ у сосѣдей во время удалыхъ набѣговъ, дорогими одеждами, золотыми и серебряными украшеніями и пр. Но главную статью ихъ военной

добычи составляли плѣнники, которыхъ они старались захватить какъ можно болѣе. Печальную для русскаго сердца картину представляли половецкіе полоны. Послѣ удачнаго набѣга варвары дѣлили между собою плѣнныхъ, и уводили ихъ въ степи. Вежи ихъ, по словамъ лѣтописца, наполнялись тогда исхудалыми, истерзанными христіанами, босыми и почти нагими, съ оковами на ногахъ и рукахъ; особенно терпѣли они много мученія и погибали въ зимнее время, не имѣя чѣмъ прикрыть свою наготу и утолить свой голодъ. Со слезами на глазахъ они сообщали другъ другу: «я изъ такого-то города», «а я изъ такой-то веси» или «такого-то рода». Простыхъ плѣнниковъ Половцы обращали въ рабство и продавали корсунскимъ и таманскимъ жидамъ; откуда они шли преимущественно въ восточныя мусульманскія страны; такъ что не малое количество русскихъ людей можно было встрѣтить въ торговыхъ городахъ Средней Азіи. А тѣ, кто познатнѣе, обыкновенно содержались подъ стражею въ ожиданіи выкупа. Впрочемъ на Руси и въ тѣ времена были уже христолюбцы, которые употребляли свое имѣніе на выкупъ бѣдныхъ плѣнниковъ изъ половецкой неволи. Русскіе князья во время удачныхъ походовъ въ степи старались какъ можно болѣе отполонить, т. е. освободить соотечественниковъ, и въ свою очередь также брали въ плѣнъ многихъ Половцевъ, которыхъ обращали въ рабство или отпускали за выкупъ. Но подобные походы были довольно рѣдки, тогда какъ Половцы дѣлали почти ежегодные набѣги и всегда захватывали большее или меньшее количество полону.

Предоставляя домашнія работы своимъ женамъ и рабамъ, сами Половцы, какъ хищное разбойничье племя, занимались преимущественно военнымъ дѣломъ или наѣздничествомъ. Очевидно они дорожили хорошимъ вооруженіемъ и не жалѣли имѣнія на пріобрѣтеніе доспѣховъ и конской сбруи у сосѣднихъ промышленныхъ народовъ. Главное оружіе ихъ какъ коннаго народа составляли конечно лукъ и стрѣлы; упоминаются также копья, сабли, шлемы (аварскіе), щиты и даже брони. Мы видѣли, что Кончакъ при нашествіи на Русь въ 1184 г. имѣлъ въ своемъ войскѣ огромные тугіе луки или метательныя орудія и даже огнестрѣльный снарядъ подъ руководствомъ какого-то «бесерменина», т. е. мусульманина изъ

Средней Азіи. Обычную одежду Половцевъ составляли кожухи или бараньи полушубки, кафтаны изъ овечьей и верблюжьей шерсти, а у богатыхъ изъ болѣе дорогихъ тканей и даже изъ шелка. Въ одеждѣ и обычаяхъ главное вліяніе имѣла на нихъ и на другіе турецко-татарскіе народы преимущественно гражданственность персидско-мусульманская, при посредствѣ Ховарезма, т. е. Хивы и Бухары. Наружность этихъ кочевниковъ на русскій взглядъ повидимому не была особенно непріятна; по крайней мѣрѣ Русь охотно брала въ плѣнъ половецкихъ женщинъ («красныя дѣвкы половецкія», какъ называетъ ихъ Слово о Полку Игоревѣ); а князья наши заключали многочисленные браки съ дочерьми половецкихъ хановъ. Впрочемъ ихъ широколицый, узкоглазый татарскій типъ безъ сомнѣнія успѣлъ значительно измѣниться къ лучшему, благодаря множеству плѣнницъ, выводимыхъ отъ сосѣднихъ арійскихъ народовъ; особенно это можно сказать о знатныхъ родахъ.

Языческая религія собственно Половцевъ намъ весьма мало извѣстна. По всей вѣроятности, подобно другимъ тюркскимъ народамъ, они были преимущественно огнепоклонники; кромѣ того поклонялись вѣтрамъ и водѣ; приносили коней, быковъ и овецъ въ жертву своему верховному божеству, творцу вселенной; имѣли и своихъ жрецовъ-гадателей или шамановъ. Но повидимому это былъ народъ не особенно ревностный къ своей религіи, а потому довольно вѣротерпимый. Ханы охотно выдавали своихъ дочерей за русскихъ князей; при чемъ онѣ принимали крещеніе. Судя по именамъ нѣкоторыхъ хановъ, можно допустить, что они также были крещены, и получили имена отъ своихъ русскихъ воспріемниковъ; напримѣръ: Глѣбъ Тиріевичъ, Юрій Кончаковичъ, Романъ Кзичъ, Данило Кобяковичъ. Были и знатные половецкіе выходцы, которые вступали въ службу нашихъ князей, крестились и сдѣлались родоначальниками нѣкоторыхъ извѣстныхъ русскихъ фамилій. Безъ сомнѣнія существовали попытки проповѣдниковъ, съ одной стороны христіанскихъ, съ другой мусульманскихъ распространить свою религію въ самой Половецкой степи. Но успѣхи тѣхъ и другихъ оставались незначительны, разбиваясь о дикость нравовъ и религіозное равнодушіе этого народа.

Продолжительная борьба Руси съ Половецкою ордою не приводила къ рѣшительному успѣху только вслѣдствіе раздробленія русскихъ силъ. Половцы пользовались этимъ раздробленіемъ, а также постояннымъ соперничествомъ и враждою разныхъ вѣтвей княжескаго рода; потомки Владиміра Великаго, ради личныхъ побужденій, не стыдились призывать полчища варваровъ и отдавать имъ на разграбленіе русскіе города и села. Но когда старшимъ князьямъ удавалось собрать удѣльныхъ родичей для общаго похода въ степи, тотчасъ обнаруживалось превосходство Руси: варвары почти никогда не могли устоять противъ соединенныхъ силъ даже одной какой-либо части Русской земли. Своимъ хищнымъ разбойничьимъ характеромъ и постоянными нападеніями степные сосѣди возбуждали къ себѣ сильную ненависть со стороны Руси; всѣ русскія извѣстія о нихъ пропитаны ненавистью къ «поганымъ»; такъ по преимуществу называютъ они Половцевъ. Наиболѣе любимыми князьями являются тѣ, которые были ихъ грозою; таковы: Владиміръ Мономахъ, сынъ его Мстиславъ, Святославъ Всеволодовичъ, Игорь Сѣверскій, Владиміръ Глѣбовичъ, Романъ Волынскій, Всеволодъ Большое Гнѣздо. Постоянная борьба со степью не мало поддерживала отвагу и предпріимчивость русскихъ князей и ихъ дружины. Особенно налагала она суровый, воинственный отпечатокъ на жителей южныхъ и юговосточныхъ украйнъ, гдѣ близкое сосѣдство съ варварами вносило не мало грубости въ русскіе нравы; но вмѣстѣ съ тѣмъ развивало русскую удаль и молодечество.

Въ свою очередь Половецкая орда, не смотря на многочисленность, не могла достигнуть большаго успѣха въ своемъ движеніи на Русь, потому что также не имѣла общаго главы, единства, и была разбросана на великомъ пространствѣ. Только страсть къ грабежу или необходимость защищать собственныя вежи соединяла иногда нѣкоторые сосѣдніе роды на короткое время; но и тутъ ханы не всегда дѣйствовали согласно. Между ними также шло соперничество за старшинство; также нерѣдки были мелкія междоусобія, возникавшія изъ за пастбищъ и добычи. Внося нѣкоторыя черты грубости въ сопредѣльное русское населеніе, Половцы въ свою очередь несомнѣнно подвергались еще большему вліянію со стороны сво-

ихъ русскихъ сосѣдей. Родственныя связи хановъ съ нашими князьями, многіе плѣнники и отважные русскіе торговцы пролагали путь вліянію русской гражданственности, которое медленно, но неотразимо вело къ смягченію варварства и къ начаткамъ осѣдлаго состоянія. Въ началѣ XIII вѣка замѣтно уже явное ослабленіе той дикой энергіи, съ которою кочевники стремились на Русь въ предшествовавшую эпоху. Послѣ тяжкихъ ударовъ, перенесенныхъ при появленіи Половцевъ, Русь наконецъ освоилась съ этимъ врагомъ и вновь начала свое наступательное движеніе на степь. Это движеніе обѣщало прочный успѣхъ особенно съ того времени, какъ на Руси образовались два сильныхъ средоточія: на юговостокѣ въ землѣ Волынско-Галицкой, на сѣверовостокѣ въ странѣ Суздальской. Таковы были ихъ взаимныя отношенія, когда изъ Азіи надвинула черная туча въ лицѣ новой кочевой орды, еще болѣе свирѣпой, а главное сильной своимъ единствомъ, своимъ безъусловнымъ подчиненіемъ одной волѣ, одному стремленію. Эта новая орда на долгое время измѣнила отношенія между Русью и степью. ([13]).

Поверхность нашихъ степей, какъ извѣстно, усѣяна безчисленными курганами, которые въ теченіе вѣковъ были насыпаны надъ могилами знатныхъ людей со временъ Скиѳскаго міра. Еще въ недавнее время на вершинѣ многихъ кургановъ стояли истуканы, грубо вытесанные большею частію изъ сѣраго извѣстняка или песчаника и извѣстные въ народѣ подъ именемъ *каменныхъ бабъ*. Они встрѣчаются не только въ южной Россіи до самаго Кавказа, но и распространяются по западной Сибири до Алтая и въ степяхъ Киргизовъ. Происхожденіе этихъ истукановъ весьма загадочное. По всей вѣроятности они принадлежали народамъ Турецкаго племени. По крайней мѣрѣ первое историческое извѣстіе о нихъ относится къ Куманамъ или Половцамъ. А именно, французскій монахъ Рубруквисъ, проѣзжавшій землю Кумановъ въ половинѣ XIII вѣка, говоритъ въ описаніи своего путешествія: «у нихъ есть обычай дѣлать изъ земли насыпь надъ могилою покойника и воздвигать ему статую, обращенную лицомъ на востокъ и держащую въ рукахъ чашу на своемъ лонѣ». Истуканы эти представляютъ людей обоего пола и большое разнообразіе по своей величинѣ, отдѣлкѣ и подробностямъ. Одни изображены

въ прямомъ положеніи, другіе въ сидячемъ; одни представляютъ почти полныя человѣческія фигуры, покрытыя одеждою,— другіе только верхнюю половину, а нижнюю оставляютъ простымъ обрубкомъ, съ нѣкоторыми чертами ногъ или одежды.

Полные истуканы даютъ наглядное понятіе объ одеждѣ самаго народа и отчасти объ его наружности. Голова мужчины большею частію покрыта круглою, остроконечною и невысокою шапкою или шлемомъ, изъ подъ котораго спускаются на спину волосы, заплетенные въ три косы и концами связанные на крестъ. Передняя половина головы и виски повидимому бритые, подбородокъ также безъ волосъ. Тѣло облечено въ узкій кафтанъ или кожухъ, длиною ниже колѣнъ, перетянутый поясомъ, съ котораго спускаются разныя привѣски; между послѣдними иногда замѣтны очертанія оружія, именно колчанъ со стрѣлами, лукъ и сабля. На верхнихъ частяхъ груди и спины видны какія-то бляхи, соединенныя наплечными полосами, можетъ быть указаніе на броню. Ноги одѣты въ узкіе порты, иногда обуты въ сапоги съ довольно высокими, остроконечными напереди голенищами. Женскіе истуканы значительно многочисленнѣе мужскихъ; откуда и произошло общее ихъ названіе «каменными бабами». Изображеніе полной груди всегда отличаетъ женскія статуи, хотя бы покрытыя одеждой. У нихъ находимъ такіе же узкіе кафтаны, какъ и у мужчинъ; края кафтана оторочены; поясъ также съ привѣсками или кистями; на шеѣ почти всегда ожерелье изъ бусъ въ одинъ или болѣе рядовъ, иногда съ привѣсками, спускающимися на грудь; а на головѣ шапочки, то низкія, то высокія съ полями. Подъ шапочкой на лбу нерѣдко видна узорчатая бахрома, а на затылокъ и шею спускается кусокъ чего-то раздвоеннаго на два конца. Мужчины и женщины большею частію имѣютъ серьги въ ушахъ. Руки почти у всѣхъ сложены на поясѣ и держатъ какой-то сосудъ. Послѣдній вѣроятно употреблялся для возліяній богамъ, т. е. имѣлъ жертвенное значеніе. Что касается физіогноміи, то при всей грубости работы и при всемъ разнообразіи въ чертахъ передъ нами являются плоскія, татарскія лица, почти круглыя или съ узкимъ подбородкомъ ([14]).

Широкая Половецкая степь отдѣляла древнюю Русь отъ Чернаго и Азовскаго морей, а слѣдовательно и отъ сосѣдства съ

главнымъ источникомъ русской гражданственности, т. е. съ Греческимъ міромъ. Уже Печенѣжская орда сильно затруднила судоходныя сношенія съ этимъ міромъ; а послѣ прибытія Половцевъ онѣ сократились еще болѣе. За исключеніемъ Галицкаго княжества, южные предѣлы котораго сходились съ Дунайской Болгаріей, почти единственнымъ путемъ для сношеній Руси съ Византіей и Таврическимъ Херсонесомъ оставался Днѣпръ. По этому пути еще продолжали ходить судовые караваны въ Грецію и обратно. Суда, приходившія изъ Чернаго моря, поднимались вверхъ по Днѣпру до того мѣста, гдѣ дальнѣйшее плаваніе затруднялось близостію пороговъ. Здѣсь товары выгружались и отправлялись далѣе сухопутьемъ мимо пороговъ; потомъ они нагружались на новыя суда и слѣдовали до Кіева.

На томъ мѣстѣ, гдѣ суда, шедшія съ юга, приставали не доходя пороговъ, находился торговый городъ Олешье, который и служилъ складочнымъ пунктомъ для гречниковъ и залозниковъ. Первые привозили товары изъ Греціи, а вторые изъ Тавриды и Приазовья; послѣднее называлось тогда «Залозьемъ»; отсюда между прочимъ доставлялась морская рыба и соль, добываемая въ таврическихъ озерахъ. (Съ другой стороны соль приходила въ Приднѣпровье изъ галицкихъ копей). Товары эти отчасти сухопутьемъ шли на Олешье, гдѣ переправлялись на правую сторону Днѣпра; здѣсь такимъ образомъ скрещивалось движеніе водное и сухопутное. Въ Олешьѣ кромѣ купцовъ русскихъ и греческихъ проживали та́кже итальянскіе, которые принимали тогда дѣятельное участіе въ Черноморской торговлѣ и начали распространять свои факторіи на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Этотъ городъ очевидно находился подъ непосредственнымь покровительствомъ великихъ кіевскихъ князей, и вѣроятно они содержали тамъ сторожевую дружину для обороны отъ хищныхъ кочевниковъ. Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія (выше приведенныя) свидѣтельствуютъ о заботливости великихъ князей обезопасить отъ Половцевъ важный для Россіи Греческій путь. Обыкновенно они высылали военные отряды къ Олешью, чтобы провожать торговцевъ, пословъ и приходившее изъ Греціи духовенство до безопаснаго мѣста, конечно до ихъ пересадки на новыя суда. Когда же въ степи было очень безпокойно и вар-

вары угрожали нападеніемъ въ большихъ силахъ, то великіе князья выводили въ поле соединенное русское ополченіе. Главная его часть останавливалась у Канева, т. е. на рубежѣ Кіевской земли; отсюда князья вѣроятно высылали конные отряды въ степь для прикрытія каравановъ; а сами угрожали двинуться на половецкія вежи и разгромить ихъ въ случаѣ нападенія на купцовъ.

Не одни кочевники мѣшали торговлѣ своими грабежами; тоже дѣлала иногда русская вольница, и даже подъ начальствомъ князей, особенно безъудѣльныхъ. Такъ извѣстный Давидъ Игоревичъ напалъ на Олешье и ограбилъ тамъ гречниковъ въ 1084 г., т. е. въ эпоху неурядицъ при Всеволодѣ I. Этотъ великій князь не нашелъ другаго средства отвратить Давида отъ подобныхъ подвиговъ какъ дать ему въ удѣлъ Дорогобужъ Волынскій. А въ княженіе Ростислава Мстиславича Олешье подверглось нападенію южнорусской вольницы, извѣстной подъ именемъ Берладниковъ, которые приходили на судахъ, и по всей вѣроятности ворвались въ городъ со стороны пристани. Дружина, отправленная великимъ княземъ въ насадахъ, какъ извѣстно, догнала Берладниковъ, побила ихъ, и отняла все пограбленное. Схватка съ ними произошла гдѣ-то у Децина, вѣроятно на низовьяхъ Днѣпра. На этихъ низовьяхъ существовали еще остатки греческихъ торговыхъ поселеній, которыя въ тѣ времена оживились, благодаря возникшей черноморской торговлѣ Венеціанъ и Генуэзцевъ.

При всей своей хищности, Половцы не прерывали окончательно торговыхъ сношеній не только великимъ воднымъ путемъ, но и сухопутьемъ черезъ степи. Извѣстно, какъ въ 1184 г. русскіе князья, шедшіе противъ Кончака, встрѣтили гостей и узнали отъ нихъ, что Половцы стоятъ на берегахъ Хорола у пограничнаго вала. Эти гости или купцы безъ сомнѣнія прошли степь съ своимъ караваномъ и везли восточные товары въ Кіевъ и Черниговъ, можетъ быть, съ устьевъ Дона изъ города Таны, которая находилась по близости отъ того мѣста, гдѣ когда-то процвѣтала древняя греческая колонія Танаисъ. Въ концѣ XII вѣка Тана сдѣлалась важнымъ складочнымъ пунктомъ міровой торговли: она лежала на великомъ торговомъ пути, который шелъ изъ Средней Азіи чрезъ Каспійское море и нижнюю Волгу въ Донъ, Азовское и Чер-

ное моря. Купеческіе караваны проходили тогда степь Половецкую конечно также, какъ въ наше время они странствовали по степямъ Туркменъ и Киргизовъ, т. е. нанимали проводниковъ и охранные отряды изъ самихъ Половцевъ; кромѣ того подарками пріобрѣтали покровительство ближнихъ хановъ: что въ свою очередь не избавляло ихъ отъ опасности быть разграбленными при первомъ удобномъ случаѣ. Тѣже Половцы доставляли купцамъ коней и вьючныхъ верблюдовъ, и сами пользовались этою торговлею для обмѣна своего скота, кожъ и плѣнниковъ на товары русскіе, греческіе и среднеазійскіе. Предпріимчивые русскіе гости не только проходили съ своими товарами сквозь Половецкую степь и преодолѣвали опасности отъ сосѣднихъ хищниковъ; они умѣли проникать и въ гораздо болѣе отдаленныя страны, азіатскія и африканскія. Такъ мы имѣемъ извѣстія, что русскіе купцы встрѣчались на югѣ не въ одномъ Константинополѣ, но и въ египетской Александріи, а на востокѣ въ городѣ Орначѣ, который лежалъ въ землѣ сарацинъ—*бисерменовъ*, т. е. мусульманъ-Хивинцевъ. ([15]).

Половецкая орда распространялась и на степную или сѣверо-западную часть Тавриды, гдѣ она заняла кочевья своихъ предшественниковъ Печенѣговъ. Здѣсь Половцы вошли въ столкновеніе съ византійскими владѣніями юговосточной или гористой части полуострова, и нерѣдко заставляли ихъ платить дань, т. е. деньгами и товарами откупаться отъ своихъ грабежей. Наиболѣе извѣстные византійскіе города и замки въ той сторонѣ были: Херсонъ, Сугдія, Ѳеодосія, Символонъ (Балаклава), Инкерманъ, Мангупъ, Алустонъ, Горсувитъ. Тамъ мѣшались весьма разнообразныя племена, обрывки разныхъ народностей, а именно: Греки, остатки Готовъ, Болгаръ, Хазаръ или Черкесовъ, кромѣ того Евреи и Армяне. Послѣдніе явились счастливыми соперниками Грековъ въ торговлѣ; но въ свою очередь должны были уступить первенство Итальянцамъ, которые въ теченіе XII вѣка постепенно забирали въ свои руки Черноморскую торговлю и начали основывать свои поселенія или факторіи на восточномъ берегу полуострова; между прочимъ Ѳеодосія или Кафа подпала въ особенности вліянію Генуэзцевъ. А съ начала XIII вѣка, т. е. со времени основанія Латинской имперіи, на Черномъ и

Азовскомъ морѣ стали преобладать соперники Генуэзцевъ, Венеціане, которые особенно утвердились въ упомянутой выше Танѣ.

Любопытны за это время, но къ сожалѣнію темны для насъ судьбы Корчева и Тмутракани, которыя въ теченіе X и XI вѣковъ составляли самое южное владѣніе русскихъ князей. Окружающее море и близкое сосѣдство съ греческими городами сообщили этому краю важное значеніе, и князья Черниговскіе дорожили своимъ Тмутраканскимъ удѣломъ. Но съ появленіемъ Половцевъ ихъ связи съ отдаленнымъ владѣніемъ постепенно ослабѣваютъ. Послѣ 1094 г., когда Олегъ Святославичъ перешелъ отсюда въ Черниговъ, лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Тмутракани. Только 90 лѣтъ спустя, удалые внуки Олега, Игорь Сѣверскій и Всеволодъ Трубчевскій, пытаются мечемъ проложить дорогу сквозь Половецкую орду въ свой родовой удѣлъ; но попадаютъ въ плѣнъ на берегахъ Каялы. Преградою, которую воздвигли Половцы между Черниговскою землею и Тмутраканскимъ краемъ, воспользовалась ловкая византійская политика Комненовъ: она поспѣшила возстановить свое владычество надъ этимъ краемъ, когда-то составлявшимъ владѣніе Византійской имперіи. По крайней мѣрѣ императоръ Мануилъ Комненъ въ 1170 году заключилъ договоръ съ Генуезцами, по которому открылъ имъ доступъ во всѣ свои черноморскіе порты, за исключеніемъ Русіи и Матархи; слѣдовательно онъ не допускалъ ихъ въ Азовское море. Матарха или Таматарха есть тоже что Тмутракань; а подъ именемъ Русіи разумѣется Корчево (Керчь). Уже одно это имя свидѣтельствуетъ о томъ, что на берегахъ Боспора Киммерійскаго долгое время господствовала Русь и существовали значительныя русскія поселенія.

Завоеваніе Константинополя Латинами повлекло за собою образованіе нѣсколькихъ феодальныхъ и самостоятельныхъ владѣній на мѣстѣ Византійской имперіи, основанныхъ отчасти крестоносцами, отчасти Греками. Кромѣ собственно Латинской имперіи, крестоносцы основали королевство въ Ѳессалоникѣ, герцогства въ Аѳинахъ, Ѳивахъ, Мореѣ и на островахъ; Греки удержали за собою деспотство Эпирское въ Европѣ, а въ Малой Азіи основали двѣ имперіи, Никейскую и Трапезунтскую. Во главѣ послѣдней явился Алексѣй Комненъ,

внукъ помянутаго выше императора Андроника I, умерщвленнаго константинопольскою чернію въ 1185 г. При этомъ распаденіи Византійской имперіи ея Таврическія владѣнія (такъ наз. Заморье) достались трапезунтскимъ Комненамъ.

Въ то время, когда Корсунь, Готія и Сугдія посылали свои дани и торговыя пошлины въ Трапезунтъ, Тмутраканскій край подпалъ иному, не греческому владычеству. По нѣкоторымъ признакамъ, здѣсь снова водворились сосѣдніе съ Таманью князья Зихіи, т. е. тѣже Черкесы-Хазары (Касоги нашихъ лѣтописей), которые владѣли этимъ краемъ до основанія русскаго Тмутраканскаго княжества и которые даже при русскихъ князьяхъ составляли часть мѣстной аристократіи. По крайней мѣрѣ у насъ есть свидѣтельство одного католическаго миссіонера изъ Венгріи, посѣтившаго эти страны передъ нашествіемъ Батыя на Восточную Европу. Онъ говоритъ, что «пустившись въ море изъ Константинополя, черезъ 33 дня прибылъ въ Зихію, въ городъ Матрику (Тмутракань), гдѣ князь и народъ называютъ себя христіанами, имѣютъ книги и священниковъ греческихъ. У этого князя цѣлая сотня женъ. Мущины брѣютъ всю голову, а бороды отращиваютъ съ нѣкоторымъ щегольствомъ; только знатные люди въ знакъ своего благородства оставляютъ немного волосъ надъ лѣвымъ ухомъ». Слѣдовательно Греческая церковь хотя господствовала въ томъ краю, но съ значительною примѣсью мѣстныхъ языческихъ обычаевъ, судя по многоженству владѣтелей. Аланія, лежавшая далѣе на востокъ отъ Зихіи, по словамъ того же миссіонера, представляла еще болѣе смѣси христіанства съ язычествомъ; она была раздѣлена на многія мелкія княжества, которыя находились въ безпрерывныхъ войнахъ другъ съ другомъ. Тамъ господствовалъ обычай кровомщенія; а драки и нападенія до того были часты, что жители всякаго села отправлялись на полевыя работы или на рубку дровъ не иначе какъ всѣ вмѣстѣ и вооруженные. Только воскресенье пользуется такимъ почетомъ, что каждый въ этотъ день можетъ ходить безопасно посреди своихъ враговъ даже безъ оружія. Также велико было здѣсь почитаніе креста: человѣкъ, неимѣвшій при себѣ большой вооруженной свиты, могъ безпрепятственно совершать путешествіе, неся крестъ на концѣ щита.

Эти Прикавказскіе народы, входившіе прежде въ составъ Турко-Хазарской державы, послѣ ея распаденія сдѣлались независимы. Могущество ея, сильно потрясенное въ X вѣкѣ Печенѣгами и Русью, въ XI вѣкѣ было разрушено напоромъ Половецкой орды. Къ XIII вѣку на нижней Волгѣ существовалъ только небольшой остатокъ этой державы, въ которомъ еще властвовали итильскіе каганы; по всей вѣроятности они уже платили дань хищнымъ обитателямъ степи ([16]).

XIV.

СМОЛЕНСКЪ И ПОЛОЦКЪ. ЛИТВА.

Обособленіе Смоленскихъ Кривичей.—Ростиславъ-Михаилъ.—Романъ и Давидъ.—Торговый договоръ Мстислава Давидовича.—Стольный городъ и другіе города Смоленской земли.—Полоцкіе Кривичи.—Рогволодъ Полоцкій и Ростиславъ Минскій.—Строптивость Полочанъ.—Двинскіе камни.—Вмѣшательство Смольнянъ и Черниговцевъ въ полоцкія смуты.—Стольный Полоцкъ.—Св. Евфросинія.—Города и предѣлы Полоцкой земли.—Литовское племя и его подраздѣленіе.—Его характеръ и бытъ.—Религія литовская.—Жрецы. — Миссіонеры-мученики. — Погребальные обычаи. — Пробужденіе воинственнаго духа.—Родовые союзы.

Сѣверо-западный уголъ Алаунскаго пространства представляетъ Валдайское плоскогорье, пересѣченное живописными холмами и глубокими оврагами. Это плоскогорье можно назвать по преимуществу областью источниковъ. Здѣсь между холмами залегаютъ многочисленныя озера, изъ которыхъ берутъ свое начало три великія русскія рѣки: Волга, Днѣпръ и Западная Двина. Отъ этого плоскогорья область Двины и ея притоковъ постепенно понижается къ Балтійскому морю. Ея равнинный характеръ нарушаетъ только гряда холмовъ, которые отдѣляются отъ плоскогорья, пересѣкаютъ теченіе Двины, верхней Березины, Виліи и теряются въ низменностяхъ рѣки Нѣмана. Все это пространство съ его скудною, песчаноглинистою почвою, обиліемъ стоячихъ и текучихъ водъ, съ его дремучими лѣсами, преимущественно еловыми, сосновыми и березовыми, издревле было обитаемо многочисленнымъ славянскимъ племенемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Кривичей. Уже съ самаго начала Русской исторіи мы находимъ въ Кривской землѣ два средоточія, около которыхъ развивалась мѣстная, областная жизнь этого племени. То были Смоленскъ и Полоцкъ. Послѣд-

ній, какъ извѣстно, ранѣе другихъ областей выдѣлился изъ общаго состава собранной кіевскими князьями Руси, получивъ особую династію въ лицѣ потомковъ урожденной полоцкой княжны Рогнѣды и ея сына Изяслава Владиміровича. Смоленская же область получила свою особую вѣтвь русскаго княжескаго рода съ половины XII вѣка. Вмѣстѣ съ Волынью она сдѣлалась наслѣдственнымъ владѣніемъ старшей линіи Мономаховичей, т. е. потомковъ Мстислава I: Волынь досталась въ удѣлъ его сыну Изяславу II, а Смоленскъ другому сыну, Ростиславу. Извѣстна неизмѣнная дружба, которая связывала этихъ двухъ братьевъ, ихъ борьба за Кіевъ съ дядею Юрьемъ и черниговскими князьями.

Ростиславъ-Михаилъ ознаменовалъ себя внутреннимъ устроеніемъ Смоленской земли, въ особенности попеченіями о дѣлахъ церковныхъ и постройкою храмовъ. До него хотя упоминаются нѣкоторые епископы въ Смоленскѣ; но особой архіерейской каѳедры здѣсь еще не было. Въ церковномъ отношеніи Смоленскъ причислялся къ епископіи южнаго Переяславля. Ростиславъ еще при жизни своего отца Мстислава испросилъ позволеніе устроить особую епископію для Смоленской области, а въ исполненіе привелъ уже послѣ его смерти. Въ 1137 году, съ благословенія кіевскаго митрополита Михаила II, смоленскимъ епископомъ былъ поставленъ грекъ Мануилъ скопецъ, обратившій на себя общее вниманіе своимъ прекраснымъ голосомъ («пѣвецъ гораздый», по выраженію лѣтописи). Спустя десять лѣтъ, при поставленіи Климента Смолятича на Кіевскую митрополію соборомъ епископовъ, этотъ Мануилъ, какъ извѣстно, явился противникомъ его и сторонникомъ греческой партіи, которая отрицала право русскихъ епископовъ ставить себѣ митрополита безъ разрѣшенія константинопольскаго патріархата. Великій князь Изяславъ II и митрополитъ Климентъ сильно гнѣвались за то на Мануила; но Ростиславъ повидимому оборонялъ его отъ преслѣдованія. Къ той же эпохѣ относится данная этимъ княземъ уставная грамота 1150 года. Въ ней, съ клятвою для своихъ преемниковъ, князь подтверждаетъ отдѣленіе Смоленской епархіи отъ Переяславской, и опредѣляетъ доходы епископа и соборнаго Успенскаго храма. Для нихъ главнымъ образомъ назначается десятина съ тѣхъ даней Смоленской земли, которыя собирались на князя и кня-

гиню. Изъ грамоты видно, что десятая часть однихъ денежныхъ сборовъ простиралась до 300 гривенъ; кромѣ того въ пользу Успенскаго храма назначены села, разныя угодья и наконецъ доходъ съ церковныхъ судовъ.

Съ перемѣщеніемъ Ростислава—Михаила на великій Кіевскій столъ, Смоленскъ перешелъ къ его старшему сыну Роману; прочіе сыновья (Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ) получили свои удѣлы также въ Смоленской области. Но ихъ честолюбіе простиралось за ея предѣлы. Извѣстно дѣятельное участіе смоленскихъ Ростиславичей въ послѣдующихъ событіяхъ Южной Руси и въ кіевскихъ переворотахъ. Сначала они помогли своему двоюродному брату Мстиславу Изяславичу овладѣть Кіевомъ; потомъ двоюродному дядѣ Андрею Боголюбскому помогли изгнать Мстислава изъ Кіева; но вскорѣ за тѣмъ возстали противъ Боголюбскаго и прогнали суздальскія войска изъ Кіевской земли. Нѣкоторые изъ братьевъ въ это время получили въ ней удѣлы; именно, Давидъ сѣлъ въ Вышгородѣ, а младшій, Мстиславъ Храбрый, въ Бѣлгородѣ; послѣдній вскорѣ былъ призванъ въ Новгородъ Великій, и уступилъ Бѣлгородъ Рюрику. Старшій братъ Романъ занялъ было и самый Кіевскій столъ; но послѣ разныхъ превратностей уступилъ его Святославу Всеволодовичу Черниговскому; а самъ воротился въ Смоленскъ, гдѣ скончался въ 1180 г., и его каменная гробница поставлена въ соборномъ храмѣ Богородицы. По словамъ лѣтописца, этотъ князь былъ высокъ ростомъ, плечистъ и «красенъ лицомъ» (красивъ), нравъ имѣлъ незлобивый, и Смольняне оплакивали его въ особенности за доброту. Вдовая же княгиня его (дочь Святослава Ольговича Черниговскаго), стоя у гроба, причитала такими словами: «Царю мой благій, кроткій, смиренный и правдивый! Во истину тебѣ наречено имя Романъ (христіанское имя св. Бориса), коему ты уподобился всею добродѣтелью. Многія досады принялъ ты отъ Смольнянъ; однако не видѣли тебя, господина, никогда воздающаго имъ зломъ, а все возлагающаго на Божью волю». По нѣкоторымъ признакамъ, дѣйствительно характеръ Смольнянъ въ это время носилъ черты общія съ безпокойными Новгородцами и Кіевлянами.

Послѣ помянутаго выше вѣроломнаго нападенія великаго князя кіевскаго Святослава Всеволодовича на Давида Ростисла-

вича во время охоты, Рюрикъ Ростиславичъ послалъ Давида въ Смоленскъ къ старшему брату просить помощи противъ Ольговичей. Случилось такъ, что Давидъ не засталъ въ живыхъ Романа, а пріѣхалъ туда тотчасъ послѣ его кончины. Епископъ Константинъ, игумны, священники и граждане встрѣтили Давида съ крестами, и проводили его въ соборный храмъ, гдѣ съ обычными обрядами посадили его на столъ отній и дѣдній. Подобные знаки народной преданности не помѣшали однако Смольнянамъ потомъ войти съ нимъ въ нѣкоторыя распри. Извѣстно, какъ въ 1185 году во время общаго похода на Половцевъ смоленская рать у Треполя составила вѣче противъ своего князя и отказалась идти далѣе. Давидъ однако не былъ такъ кротокъ и мягокъ, какъ его отецъ Ростиславъ или братъ Романъ. По крайней мѣрѣ, когда въ слѣдующемъ 1186 году произошли новыя смуты и мятежи въ Смоленскѣ, онъ казнилъ многихъ «лучшихъ» или именитыхъ гражданъ.

Понятно, что при такихъ распряхъ съ княземъ, населеніе не всегда усердно поддерживало его во внѣшнихъ столкновеніяхъ. Въ 1195 году Давиду пришлось оборонять свою землю съ двухъ сторонъ: отъ князей черниговскихъ и полоцкихъ. Ольговичи вели борьбу съ родомъ Мономаха изъ за Кіева; а полоцкіе князья враждовали съ смоленскими изъ за Витебскаго удѣла, которымъ смоленскіе стремились завладѣть. Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій послалъ своего племянника Олега Святославича къ Витебску на помощь Полочанамъ противъ Смольнянъ; Черниговцы на пути начали воевать Смоленскую землю. Давидъ отправилъ на нихъ своего племянника Мстислава Романовича. Была вторая недѣля великаго поста, лежалъ глубокій снѣгъ. Черниговцы расположились около лѣсу, притоптали вокругъ себя снѣгъ и приготовились встрѣтить непріятеля; съ ними успѣлъ соединиться полоцкій отрядъ подъ начальствомъ друтскаго князя Бориса. Мстиславъ Романовичъ ударилъ на Черниговцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но въ то время, какъ онъ съ конною дружиною гнался за разбитыми Черниговцами, смоленскій полкъ, съ своимъ тысяцкимъ отряженный на Полочанъ, при встрѣчѣ съ ними бѣжалъ почти безъ битвы. Полочане не стали преслѣдовать Смольнянъ; а ударили въ тылъ пѣшему полку Мстислава Романовича, и смяли его. Молодой князь воротился изъ

погони, и, считая себя уже побѣдителемъ, неосторожно въѣхалъ въ средину Полочанъ и былъ захваченъ ими въ плѣнъ. Тогда и Олегъ Святославичъ воротился на поле битвы съ Черниговцами. Онъ выпросилъ себѣ у Бориса Друтскаго его плѣнника, и послалъ въ Черниговъ къ дядѣ Ярославу такую вѣсть: «Мстислава я взялъ и полкъ его побѣдилъ, а также и Давидовъ Смоленскій полкъ. Плѣнные Смольняне сказываютъ, что ихъ братья не ладно живутъ съ Давидомъ. Такого удобнаго времени какъ нынѣ намъ уже не будетъ, отче; совокупляй свою братью и приходи не медля, чтобы намъ взять свою честь». Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались этой вѣсти, и поспѣшили выступить въ походъ, чтобы напасть на самый Смоленскъ. Но великій князь Рюрикъ Ростиславичъ, находившійся тогда въ Овручѣ, послалъ на перерѣзъ Ярославу своихъ бояръ съ крестными грамотами, и велѣлъ сказать ему: «ты хочешь брата моего погубить, уже отступился отъ ряду и крестнаго цѣлованья, то вотъ тебѣ назадъ твои крестныя грамоты; ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову; пусть насъ разсудитъ Богъ и крестъ честный». Угроза подѣйствовала, и Ярославъ воротился съ похода.

Давидъ Ростиславичъ скончался въ 1197 году, послѣ семнадцатилѣтняго княженія въ Смоленскѣ. Передъ смертью онъ велѣлъ отнести себя въ монастырь на Смядынѣ, и постричь въ монашескій чинъ. Тамъ онъ и былъ погребенъ въ построенной его отцомъ церкви Бориса и Глѣба. По словамъ лѣтописца Давидъ былъ средняго роста, красивъ лицомъ, любилъ монашескій чинъ и надѣлялъ монастыри; имѣлъ ратный духъ, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ своей дружинѣ; злыхъ людей казнилъ.

Смоленскій столъ перешелъ къ старшему племяннику Давида, Мстиславу Романовичу, бывшему черниговскому плѣннику. Этотъ князь занималъ его также лѣтъ семнадцать; а потомъ перешелъ на великій столъ Кіевскій, гдѣ посадилъ его двоюродный братъ Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, по прозванію Удалой, изгнавшій изъ Кіева Всеволода Чермнаго. Смоленскій столъ послѣ того занимали по порядку старшинства другіе двоюродные братья, сначала Владиміръ Рюриковичъ, а потомъ Мстиславъ-Ѳеодоръ Давидовичъ. Послѣдній особенно извѣстенъ по своему торговому договору 1229 года

съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами. Договоръ этотъ подтверждаетъ свободное плаванiе гостей по рѣкѣ Двинѣ отъ верховья до устья. Товары нѣмецкiе обыкновенно поднимались на ладьяхъ вверхъ по Двинѣ (и вѣроятно по ея лѣвому притоку Каспле) до той пристани, гдѣ они перегружались на телѣги, и уже волокомъ или сухопутьемъ доставлялись въ Смоленскъ. Для такой доставки существовала туземная артель вощиковъ или «волочанъ», которыми завѣдывалъ особый староста или тiунъ. Въ случаѣ какой утраты товара при перевозкѣ черезъ волокъ убытокъ платила вся артель. Когда весною на пристани скоплялось много судовъ съ товаромъ, то смоленскiе и нѣмецкiе купцы метали жребiй, чей товаръ долженъ быть перевезенъ напередъ. А иногородные русскiе купцы въ такомъ случаѣ безъ всякаго жребiя перевозили свой товаръ послѣ туземныхъ и нѣмецкихъ. Любопытно, что договоръ ставитъ нѣмецкимъ гостямъ въ обязанность: по прибытiи въ Смоленскъ подносить княгинѣ въ подарокъ поставъ или кусокъ полотна, а тiуну волочанскому дарить готскiя «перстатыя» рукавицы, т. е. перчатки. На печати, приложенной къ этому договору, Мстиславъ-Ѳеодоръ называетъ себя «великимъ княземъ». По примѣру Кiева и Владимiра на Клязьмѣ этотъ титулъ начали присвоивать себѣ старшiе князья и другихъ русскихъ областей.

Смоленская земля занимала весьма выгодное географическое положенiе. Она лежала въ срединѣ древней Руси, на западной окраинѣ Алаунской возвышенности, и владѣла верховьями трехъ большихъ рѣкъ, Днѣпра, Двины и Волги, которыя открывали ей судоходное сообщенiе почти со всѣми краями Россiи; что дѣлало ее посредницею въ торговлѣ между Новгородомъ и Кiевомъ, между Суздальскимъ и Прибалтiйскимъ краями. Скудость почвы возмѣщалась промышленнымъ, торговымъ духомъ населенiя. Окруженная со всѣхъ сторонъ русскими областями, эта земля мало подвергалась нападенiямъ иноплеменныхъ народовъ; менѣе другихъ страдала и отъ княжескихъ междоусобiй. Необширная по своимъ размѣрамъ, она изобиловала городами и селами, въ которыхъ обитало зажиточное населенiе.

Средоточiе этой вѣтви Кривичей, городъ Смоленскъ расположенъ на холмистомъ лѣвомъ берегу Днѣпра, пересѣчен-

номъ глубокими оврагами и лощинами. На самомъ возвышенномъ изъ городскихъ холмовъ стояла главная смоленская святыня, соборный каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы, построенный Владиміромъ Мономахомъ, конечно въ томъ же греческомъ архитектурномъ стилѣ какъ храмы кіевскіе и черниговскіе. Въ этомъ соборѣ находилась весьма чтимая икона Богородицы Одигитріи (путеводительницы), по словамъ преданія написанная евангелистомъ Лукою; она была принесена въ Россію греческою царевною, матерью Владиміра Мономаха. Внукъ его и главный устроитель Смоленскаго княжества, Ростиславъ, также украсилъ свой стольный городъ построеніемъ храмовъ и монастырей. Особенно замѣчательна изъ нихъ Борисоглѣбская церковь въ Смядынскомъ монастырѣ, который находился за городомъ посреди лѣсовъ, при впаденіи рѣчки Смядыни въ Днѣпръ, подлѣ того мѣста, гдѣ по преданію былъ убитъ св. Глѣбъ Муромскій. Тому же князю приписываютъ основаніе храма Петра и Павла, въ Заднѣпровскомъ предмѣстьѣ, т. е. на правомъ берегу рѣки. Сыновья его подражали отцу въ строительной дѣятельности. Такъ памятью Романа служитъ каменный храмъ во имя Іоанна Богослова; а Давидъ Ростиславичъ соорудилъ при княжемъ теремѣ храмъ Михаила, и богато украсилъ его иконами, на которыхъ блистало золото, жемчугъ и дорогіе каменья. Если вѣрить лѣтописцу, подобной церкви тогда не было въ «полунощной странѣ», и всѣ приходящіе дивились ея красотѣ; а самъ князь-строитель имѣлъ обычай ежедневно ходить въ эту церковь.

Если Черниговъ, столь близкій къ Кіеву, старался раздѣлить съ нимъ славу его святынь и основаніе своихъ главныхъ монастырей приписывалъ Антонію Печерскому, то другія, болѣе отдаленныя области русскія не замедлили соревновать Кіеву въ прославленіи своихъ собственныхъ подвижниковъ. Такимъ образомъ мало по малу почти въ каждой изъ древне-русскихъ земель, особенно въ стольныхъ городахъ, прославляются свои мѣстночтимые угодники рядомъ съ подвижниками греческой церкви или съ такими общерусскими святыми какъ Борисъ и Глѣбъ. Старѣйшимъ смоленскимъ угодникомъ является преподобный Авраамій. Житіе его нѣкоторыми чертами напоминаетъ Θеодосія Печерскаго. Видимъ

тоже неодолимое влеченіе къ иноческимъ подвигамъ съ самой ранней юности, тоже прилежаніе къ книжному ученію и такое же настоятельство монастыря, основаннаго въ честь Богородицы подлѣ самаго города. Монастырь этотъ сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Спасо-Авраамієвскаго. Жизнь и подвиги святаго относятся къ княженію Мстислава Владиміровича и сына его Ростислава, т. е. обнимаютъ большую часть XII вѣка. А въ первой половинѣ XIII-го жилъ другой мѣстночтимый подвижникъ, Меркурій, который былъ пришлецомъ съ запада и принадлежалъ сначала Латинской церкви. Онъ находился въ службѣ Смоленскаго князя; по словамъ преданія, отразилъ отъ столицы татарское полчище; но при этомъ палъ, и былъ погребенъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ.

Кромѣ монастырей, храмовъ и княжихъ теремовъ, Смоленскъ обиловалъ гостинными дворами и лавками какъ туземныхъ купцовъ, такъ иногородныхъ и иноземныхъ. Между послѣдними преобладали гости варяжскіе и нѣмецкіе, которые имѣли не только свои дворы, но и собственные латинскіе храмы или божницы. Договоръ 1229 года упоминаетъ о храмѣ «Нѣмецкой Богородицы», въ которомъ, также какъ въ Успенскомъ соборѣ, хранились для провѣрки образцы вѣсовыхъ мѣръ, употреблявшихся въ торговлѣ. О томъ, какъ былъ великъ и многолюденъ древній Смоленскъ, можно судить по слѣдующему извѣстію лѣтописи. Въ 1230 году свирѣпствовала въ томъ краю моровая язва. Въ городѣ по этому случаю устроено было четыре скудельницы или общія могилы, и въ нихъ похоронено болѣе тридцати тысячъ человѣкъ! Въ томъ же году скончался и самъ князь Мстиславъ Давидовичъ. По торговлѣ и богатству жителей Смоленскъ уступалъ только Кіеву и соперничалъ съ Великимъ Новгородомъ. Изяславъ II, приглашая брата Ростислава къ совокупному дѣйствію противъ Юрія Долгорукаго, говорилъ: «Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ».

Изъ другихъ приднѣпровскихъ городовъ этой земли заслуживаютъ вниманія: Дорогобужъ выше и Красный ниже Смоленска, еще ниже Орша и Копысъ. Тутъ Днѣпръ угломъ поворачиваетъ на югъ, и далѣе своимъ теченіемъ отдѣляетъ Смоленскую землю отъ Полоцкой. Граница смолен-

ская, шедшая на сѣверъ отъ угла, перерѣзывала теченіе Двины около устья рѣкъ Каспли съ одной стороны и Усвята съ другой, и продолжалась на Ловать, откуда по рубежу новгородскому заворачивала на востокъ къ верховьямъ Волги; потомъ слѣдовала ея теченію, и оканчивалась гдѣ-то между Ржевой и Зубцовымъ, изъ которыхъ первый городъ принадлежалъ смоленскимъ князьямъ, а второй суздальскимъ. Сѣверный край Смоленской земли составлялъ Торопецкій удѣлъ, принадлежавшій знаменитому Мстиславу Удалому. Городъ Торопецъ, на Торопѣ, правомъ притокѣ Двины, былъ однимъ изъ наиболѣе торговыхъ и промышленныхъ Смоленскихъ городовъ. Кромѣ волжской Ржевы, къ этому удѣлу, кажется, относился тогда и городъ Холмъ, стоявшій на самой новогородской границѣ, при впаденіи рѣчки Куньи въ Ловать.

Восточный край Смоленской земли заключалъ верховья трехъ лѣвыхъ притоковъ Оки, именно: Угры, Протвы и Москвы. Здѣсь помѣщались удѣлы Вяземскій и Можайскій. Городъ Можайскъ, лежавшій на берегахъ Москвы, находился на порубежьѣ съ Суздальской землей. А на Протвѣ жилъ въ тѣ времена остатокъ литовскаго народца Голяди, который вслѣдствіе какого-то движенія племенъ очутился посреди Славянъ, и былъ покоренъ Русью въ XI вѣкѣ. Вязьма расположена на лѣвомъ притокѣ Днѣпра, рѣчкѣ Вязьмѣ, которая уже самымъ своимъ названіемъ указываетъ на вязкую, т. е. глинистую и болотистую, почву своихъ береговъ. Южные удѣлы Смоленской земли обнимали верховья Десны и Сожи. Здѣсь, на черниговскомъ порубежьѣ, находились города Ростиславль и Мстиславль, оба на притокахъ Сожи, Осетрѣ и Вехрѣ. Упомянутая выше уставная грамота Ростислава называетъ многія смоленскіи села; нѣкоторыя изъ нихъ являются впослѣдствіи городами, напримѣръ Ельня—на верховьяхъ Десны и Пропой (Пропойскъ)—при впаденіи Прони въ Сожъ. Послѣдній вѣроятно по своему населенію принадлежалъ уже не столько Кривичамъ, сколько Радимичамъ: ибо тутъ же недалеко протекала извѣстная ихъ рѣчка Пищана (17).

Исторія Полоцкой земли послѣ возвращенія князей изъ греческаго заточенія крайне темна и сбивчива. Видимъ только, что смуты южной Руси, борьба Мономаховичей съ Ольгови-

чами и дядей съ племянниками помогли Полоцкой землѣ окончательно освободиться отъ кіевской зависимости. Соперничество разныхъ поколѣній въ потомствѣ Ярослава I давало Полоцкимъ Всеславичамъ возможность всегда находить себѣ союзниковъ. Такъ какъ съ востока ихъ тѣснили Мономаховичи смоленскіе, а съ юга кіевскіе и волынскіе, то Всеславичи сдѣлались естественными союзниками черниговскихъ Ольговичей и съ ихъ помощью отстаивали свою самостоятельность.

Однако Полоцкое княженіе не достигло значительной силы и крѣпости. Оно оказало слишкомъ слабое сопротивленіе, когда пришлось обороняться отъ иноплеменныхъ враговъ, надвигавшихъ съ запада, именно отъ Литвы и Ливонскаго ордена. Главныя причины его слабости заключались какъ въ недостаткѣ внутренняго единенія между Всеславичами, такъ равно и въ безпокойномъ строптивомъ отношеніи населенія къ своимъ князьямъ. Перевороты, произведенные въ Полоцкой землѣ Мономахомъ и сыномъ его Мстиславомъ I, неоднократное плѣненіе, перемѣщеніе и потомъ изгнаніе полоцкихъ князей, конечно, перепутали родовые счеты между потомками многочисленныхъ сыновей Всеслава. Мы не находимъ здѣсь того довольно строгаго порядка, который наблюдался по отношенію къ старшинству, напримѣръ, въ родѣ князей черниговосѣверскихъ или смоленскихъ. Главный Полоцкій столъ становится предметомъ распрей между внуками Всеслава; но тотъ, кому удавалось имъ завладѣть, обыкновенно не пользуется большимъ значеніемъ между другими своими родичами, удѣльными князьями полоцкими. Послѣдніе нерѣдко стремятся къ самостоятельности и слѣдуютъ своей собственной политикѣ въ отношеніи къ сосѣднимъ землямъ. Особенно это можно сказать о князьяхъ минскихъ. Въ теченіе всего столѣтія, протекшаго отъ возвращенія Всеславичей въ Полоцкъ до времени Татарскаго и Литовскаго завоеванія, мы не встрѣчаемъ на Полоцкомъ столѣ ни одной личности, отмѣченной печатью энергіи или ловкой политики.

Распри Всеславичей въ свою очередь не мало способствовали ослабленію княжеской власти и нѣкоторымъ успѣхамъ народоправленія или вѣчевому началу. Такое начало, замѣченное нами у Смоленскихъ Кривичей, еще въ большей степени проявилось у Полоцкихъ, которые въ этомъ отношеніи еще

ближе подходятъ къ своимъ единоплеменникамъ Кривичамъ Новгородскимъ. Особенно сильно сказывается оно въ жителяхъ стольнаго города, который подобно другимъ старѣйшимъ городамъ стремится не только рѣшать междукняжескія распри, но и подчинить своимъ рѣшеніямъ населеніе младшихъ городовъ или пригородовъ. Недаромъ лѣтописецъ замѣтилъ, что «Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ».

Характеръ полоцкой исторіи въ эту эпоху ярко отразился въ борьбѣ двухъ внуковъ Всеслава, двоюродныхъ братьевъ: Рогволода Борисовича Полоцкаго и Ростислава Глѣбовича Минскаго.

Женатый на дочери Изяслава II Кіевскаго, Рогволодъ находился въ нѣкоторомъ подчиненіи у Мономаховичей. Можетъ быть, это обстоятельство и послужило источникомъ неудовольствія противъ него со стороны Полочанъ и Глѣбовичей Минскихъ, т. е. Ростислава съ братьями. Въ 1151 году граждане Полоцка, тайно сговорясь съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ, схватили Рогволода, и отправили его въ Минскъ, гдѣ онъ былъ посаженъ подъ стражу. Ростиславъ занялъ Полоцкій столъ, хотя собственно и не имѣлъ на то права; такъ какъ его отецъ Глѣбъ никогда не занималъ этого стола. Опасаясь вмѣшательства Мономаховичей, Глѣбовичи отдались подъ покровительство Святослава Ольговича Новгородъ-Сѣверскаго, и присягнули «имѣть его отцомъ себѣ и ходить въ послушаніи у него». Рогволодъ потомъ освободился изъ плѣна, но не получилъ обратно своихъ волостей, и въ 1159 году прибѣгъ съ просьбою о помощи къ тому же Святославу Ольговичу, теперь князю Черниговскому. Глѣбовичи повидимому успѣли уже не только съ нимъ разсориться, но и возбудить противъ себя само полоцкое населеніе. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что едва Рогволодъ получилъ войско отъ Святослава Ольговича и явился въ Полоцкой землѣ, какъ болѣе 300 мужей Дручанъ и Полочанъ вышли къ нему на встрѣчу и ввели его въ городъ Друтскъ, откуда изгнали Ростиславова сына Глѣба; при чемъ пограбили его собственный дворъ и дворы его дружинниковъ. Когда Глѣбъ Ростиславичъ прискакалъ въ Полоцкъ, здѣсь также поднялось смятеніе; народъ раздѣлился на двѣ стороны, Рогволо-

дову и Ростиславову. Послѣднему многими подарками удалось успокоить противную сторону; при чемъ онъ вновь привелъ гражданъ къ присягѣ. Граждане поцѣловали крестъ на томъ, что Ростиславъ «имъ князь» и что дай Богъ «пожить съ нимъ безъ извѣта». Онъ отправился съ братьями Всеволодомъ и Володаремъ на Рогволода къ Друтску; но послѣ безъуспѣшной его осады противники помирились; при чемъ Рогволодъ получилъ еще нѣкоторыя волости. Однако смятенія въ Полоцкѣ не замедлили возобновиться. Строптивые Полочане, забывъ недавнюю присягу, начали тайно сноситься съ Рогволодомъ. Посланцы ихъ говорили такія рѣчи:

«Княже нашъ! согрѣшили мы передъ Богомъ и передъ тобою въ томъ, что встали на тебя безъ вины, имѣнье твое и твоей дружины разграбили, а самого тебя выдали Глѣбовичамъ на великую муку. Но если нынѣ не помянешь того, что мы сотворили по своему безумію, цѣлуй намъ крестъ на томъ, что ты нашъ князь, а мы твои люди. Ростислава же отдадимъ въ твои руки, и дѣлай съ нимъ что хочешь».

Рогволодъ поцѣловалъ крестъ на забвеніе прошлой измѣны, и отпустилъ пословъ. Тогда полоцкіе вѣчники задумали вѣроломнымъ образомъ схватить своего князя, который очевидно окружалъ себя предосторожностями и не жилъ въ самомъ городѣ, а пребывалъ въ загородномъ княжемъ дворѣ за Двиной на рѣкѣ Бѣльчицѣ. Полочане позвали князя въ Петровъ день къ «св. Богородицѣ Старой», на братчину, которая устроивалась или цѣлымъ городомъ, или какимъ либо приходомъ въ храмовой праздникъ. Но у Ростислава были пріятели, которые извѣстили его о зломъ умыслѣ. Онъ пріѣхалъ на пиръ, имѣя, подъ плащемъ броню и съ приличнымъ количествомъ дружины, такъ что граждане въ этотъ день ничего не посмѣли предпринять противъ него. На слѣдующее утро они опять прислали звать его въ городъ подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ рѣчей. «Вчера я былъ у васъ; что же вы не молвили мнѣ, въ чемъ ваша нужда?»—сказалъ князь посланцамъ; однако сѣлъ на коня и поѣхалъ въ городъ. Но дорогою его встрѣтилъ «дѣтскій» или одинъ изъ младшихъ дружинниковъ, который тайкомъ ушелъ изъ города, чтобы донести князю объ измѣнѣ Полочанъ. Въ эту минуту они творили бурное вѣче противъ князя; а между тѣмъ хищная чернь уже бросилась на дворы

главныхъ дружинниковъ, начала ихъ грабить и избивать попадавшихъ въ ея руки княжихъ чиновниковъ, т. е. тіуновъ, мытниковъ и т. п. Ростиславъ, въ виду открытаго мятежа, поспѣшилъ воротиться въ Бѣльчицу, собралъ свою дружину, и отправился въ Минскъ къ брату Володарю, воюя по дорогѣ полоцкія волости, забирая скотъ и челядь. Между тѣмъ Рогволодъ изъ Друтска пріѣхалъ въ Полоцкъ, и снова сѣлъ на столъ дѣда своего и отца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась его война съ Глѣбовичами Минскими. Рогволодъ получилъ помощь отъ роднаго дяди своей супруги Ростислава Смоленскаго, но не даромъ: онъ уступилъ за нее Витебскъ и нѣкоторыя другія пограничныя волости. Ростиславъ Смоленскій вскорѣ перешелъ на великій столъ Кіевскій, и продолжалъ отсюда помогать Рогволоду противъ Глѣбовичей. Однако война съ послѣдними не была удачна для Полоцкаго князя. Нѣсколько разъ ходилъ онъ на Минскъ и не могъ взять этого города. Въ 1162 году Рогволодъ осадилъ Городецъ, въ которомъ оборонялся Володарь Глѣбовичъ съ войскомъ, набраннымъ изъ сосѣдней Литвы. Здѣсь Володарь нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ нанесъ такое пораженіе Рогволоду, послѣ котораго тотъ не осмѣлился показаться въ стольномъ городѣ; такъ какъ потерялъ множество Полочанъ убитыми и плѣнными. Онъ ушелъ въ свой бывшій удѣльный городъ Друтскъ.

Съ того времени лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Рогволодѣ Борисовичѣ. Но есть другаго рода памятникъ, который повидимому говоритъ о томъ же князѣ, спустя девять лѣтъ послѣ его пораженія подъ Городцемъ. Верстахъ въ двадцати отъ города Орши по дорогѣ въ Минскъ въ полѣ лежитъ красноватый валунъ, на плоской поверхности котораго высѣченъ шестиконечный крестъ съ подставкою; а вокругъ креста изсѣчена слѣдующая надпись: «въ лѣто 6679 (1171) мая въ 7 день доспѣнъ крестъ сей. Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову». Очень вѣроятно, что этотъ Рогволодъ-Василій и есть бывшій полоцкій князь Рогволодъ Борисовичъ, который подъ конецъ своей жизни долженъ былъ довольствоваться Друтскимъ удѣломъ; а помянутый камень находится на землѣ, очевидно принадлежавшей къ этому удѣлу. Любопытно, что, кромѣ Рогволодова, сохранилось еще нѣсколько подобныхъ камней въ руслѣ Западной Двины. А именно,

немного ниже города Дисны въ самой порожистой части этой рѣки возвышается посреди нея гранитный сѣрый валунъ съ изображеніемъ креста и надписью: «Господи, помози рабу твоему Борису». Еще ниже лежитъ другой валунъ съ такою же надписью и крестомъ. Тамъ же на Двинѣ существуетъ еще нѣсколько камней съ надписями, которыя невозможно разобрать. По всей вѣроятности Борисовъ камень принадлежитъ отцу Рогволода, великому князю Полоцкому. А благочестивое обращеніе къ Богу съ просьбою о помощи было конечно молитвою о благополучномъ окончаніи какого либо предпріятія; вѣроятнѣе всего она относилась къ построенію храмовъ (18).

Вскорѣ послѣ указанныхъ выше событій Полочане посадили у себя на столѣ Всеслава Васильковича, одного изъ правнуковъ знаменитаго Всеслава. Этотъ Василько находился въ свойствѣ съ смоленскими князьями, и только съ ихъ помощью держался на своемъ столѣ. Но однажды онъ потерпѣлъ пораженіе отъ своего соперника Володаря Глѣбовича, князя Городецкаго, и его союзниковъ Литовцевъ, и принужденъ былъ искать убѣжища въ Витебскѣ у Давида Ростиславича, тогда еще одного изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей. Володарь захватилъ Полоцкъ, привелъ жителей къ присягѣ и затѣмъ двинулся на Витебскъ. Давидъ Ростиславичъ оборонялъ переправу черезъ Двину; но не давалъ рѣшительной битвы, потому что поджидалъ на помощь брата своего Романа Смоленскаго. Вдругъ въ полночь въ лагерѣ Володаря услыхали какой-то шумъ, какъ будто цѣлая рать переправлялась черезъ рѣку. Дружинѣ Володаря почудилось, что это идетъ на нее Романъ, а Давидъ хочетъ ударить съ другой стороны. Она бросилась бѣжать и увлекла за собою князя. Утромъ Давидъ, узнавъ о бѣгствѣ непріятелей, поспѣшилъ въ погоню и захватилъ многихъ, заблудившихся въ лѣсу. А свояка Всеслава онъ вновь посадилъ въ Полоцкѣ (1167 г.), который такимъ образомъ очутился въ зависимости отъ Смоленска, и послѣдній оказывалъ ему покровительство въ отношеніи другихъ сосѣдей. Напримѣръ, въ 1178 г. Мстиславъ Храбрый пошелъ съ Новгородцами на Полочанъ, чтобы отнять у нихъ новогородскій погостъ, захваченный когда-то Всеславомъ Брячиславичемъ. Но Романъ Смоленскій отправилъ сына на помощь Всеславу Васильковичу, а къ Мстиславу послалъ отговаривать отъ похода. Храбрый по-

слушалъ старшаго брата, и отъ Великихъ Лукъ повернулъ назадъ. Но зависимость Смоленская была очень непріятна для Полочанъ; равно чувствительна для нихъ была уступка Витебска. Поэтому князья полоцкіе снова начали искать союзовъ съ Литвою и съ Черниговымъ. Имъ удалось наконецъ воротить Витебскій удѣлъ, когда Давидъ Ростиславичъ получилъ волость въ Кіевской Руси (Вышгородъ). Витебскъ перешелъ къ Брячиславу Васильковичу, брату Всеслава Полоцкаго.

Въ 1180 г. произошла замѣчательная встрѣча смоленскихъ князей съ черниговскими въ Полоцкой землѣ. Давидъ Ростиславичъ только что вокняжился въ Смоленскѣ по смерти старшаго брата; а въ Друтскомъ удѣлѣ сидѣлъ его подручникъ Глѣбъ Рогволодовичъ, конечно сынъ помянутаго выше Рогволода Борисовича. Въ то время борьба Мономаховичей и Ольговичей изъ за Кіева находилась въ полномъ разгарѣ. Великій князь кіевскій Святославъ Всеволодовичъ, возвращаясь изъ своего похода на Всеволода Суздальскаго (о чемъ послѣ) заѣхалъ въ Новгородъ Великій, гдѣ тогда княжилъ его сынъ. Отсюда онъ пошелъ въ Полоцкую землю; въ тоже время родной его братъ Ярославъ Черниговскій и двоюродный Игорь Сѣверскій пришли съ другой стороны, имѣя у себя наемныхъ Половцевъ, и направились на Друтскъ, чтобы отнять его у смоленскаго подручника. Давидъ Ростиславичъ поспѣшилъ на помощь Глѣбу Рогволодовичу и старался напасть на Ярослава и Игоря («дать имъ полкъ»), прежде нежели подоспѣетъ Святославъ Кіевскій, съ которымъ соединилась большая часть полоцкихъ князей, въ томъ числѣ оба брата Васильковича, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, съ литовскими и ливонскими наемными отрядами. Но черниговo-сѣверскіе князья уклонились отъ рѣшительной битвы, а заняли крѣпкое положеніе на противномъ берегу Друти, и обѣ рати простояли тутъ цѣлую недѣлю, ограничиваясь перестрѣлкою. Когда же пришелъ великій князь Святославъ Всеволодовичъ съ Новгородцами и братья начали наводить гать черезъ рѣку, Давидъ Смоленскій ушелъ домой. Великій князь сжегъ острогъ или внѣшнюю крѣпость Друтска, но самаго города не взялъ, и, распустивъ союзниковъ, воротился въ Кіевъ. Полоцкая земля такимъ образомъ очутилась въ зависимости отъ черниговскихъ Ольговичей, но до первой перемѣны обстоятельствъ. Въ 1186

году Давидъ Ростиславичъ воспользовался половецкимъ погромомъ Ольговичей, чтобы смирить Полочанъ. Онъ предпринялъ на нихъ зимній походъ изъ Смоленска; а сынъ его Мстиславъ, княжившій тогда въ Новгородѣ, пошелъ ему на помощь съ Новогородцами; на его сторонѣ были еще два удѣльныхъ полоцкихъ князя, Всеславъ Друтскій и Василько Логожскій. Полочане смутились, и положили на вѣчѣ такое рѣшеніе: «мы не можемъ стать противу Новогородцевъ и Смольнянъ; если впустимъ ихъ въ свою землю, много они успѣютъ сотворить ей зла прежде, чѣмъ заключимъ миръ; лучше выдемъ къ нимъ на *сумежье*». Такъ и сдѣлали: встрѣтили Давида на границѣ съ поклономъ и честью; поднесли ему многіе дары и уладились мирнымъ образомъ, т. е. согласились конечно на его требованія.

По желанію Давида, Витебскъ былъ отданъ его зятю, одному изъ внуковъ Глѣба Минскаго. Но Ярославъ Всеволодовичъ воспротивился этому распоряженію, и отсюда произошло новое столкновеніе Черниговцевъ съ Смольнянами, въ 1195 г. Выше мы видѣли, чѣмъ окончилась встрѣча противниковъ въ Смоленскихъ предѣлахъ и какъ друтскій князь Борисъ помогъ Черниговцамъ выиграть битву. Витебскъ былъ отнятъ у Давидова зятя. Казалось, что смоленское вліяніе на полоцкія дѣла окончательно должно было уступить черниговскому. Но съ одной стороны усилившіяся въ Южной Руси смуты отвлекли вниманіе Черниговцевъ; съ другой враждебные инопленменники все болѣе и болѣе тѣснили Полоцкую землю съ запада. Поэтому здѣсь снова возобладало смоленское верховенство. Доказательствомъ тому служитъ извѣстная договорная грамота Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландомъ. Главную артерію земли Полоцкой, Западную Двину, Смоленскій князь признаетъ свободною для торговыхъ судовъ на всемъ ея теченіи, и въ концѣ грамоты объявляетъ договоръ обязательнымъ не только для Смоленской «волости», но также для Полоцкой и Витебской. Слѣдовательно послѣднія находились тогда въ зависимости отъ Смоленска. ([19]).

Важнѣйшія поселенія въ землѣ Полоцкихъ Кривичей были расположены по берегамъ ея главной рѣки, т. е. Западной Двины. На верхней ея части, на пограничьѣ съ Смоленской

землею, находился удѣлъ Витебскій. Городъ Витебскъ построенъ при впаденіи рѣчки Витьбы въ Двину на довольно возвышенномъ лѣвомъ берегу послѣдней, и, будучи хорошо укрѣпленъ, имѣлъ также судовую пристань, одну изъ важнѣйшихъ на Двинѣ. На среднемъ ея теченіи, на правомъ берегу, при впаденіи рѣки Полоты, красовался стольный городъ Кривской земли Полоцкъ. Главная его часть или кремль («верхній замокъ») находился на береговомъ холму, который возвышается при сліяніи Полоты съ Двиною. Къ этому кремлю съ востока примыкалъ внѣшній городъ («нижній замокъ»), отдѣленный отъ него рвомъ и укрѣпленный землянымъ валомъ съ деревянными стѣнами. Подгородныя селенія, расположенныя на противуположныхъ берегахъ обѣихъ рѣкъ, составляли Заполотье и Задвинье. Въ Полоцкомъ кремлѣ, кромѣ теремовъ княжескихъ и епископскаго, по обычаю заключалась главная святыня города, каѳедральный каменный соборъ св. Софіи, о семи верхахъ или главахъ. Самое именованіе его показываетъ, что онъ былъ сооруженъ и украшенъ по подобію храмовъ кіевскихъ, служившихъ образцами для всей Руси. Кромѣ Софійскаго собора въ Полоцкѣ, какъ и въ другихъ стольныхъ городахъ русскихъ, былъ еще соборный храмъ во имя Богородицы, которая во второй половинѣ XII вѣка называлась уже «Богородицей Старой», судя по исторіи Ростислава Глѣбовича.

Подобно другимъ столицамъ, и здѣсь кромѣ храмовъ благочестивые князья рано сооружаютъ монашескія обители, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Изъ мужскихъ монастырей наиболѣе извѣстенъ Борисоглѣбскій: имена братьевъ—мучениковъ особенно часто встрѣчаются въ родѣ полоцкихъ князей. Этотъ монастырь находился на Задвиньѣ, посреди рощъ и кустарниковъ, на склонѣ глубокой лощины, по дну которой струится рѣчка Бѣльчица, впадающая въ Двину. Онъ былъ основанъ Борисомъ Всеславичемъ, говорятъ, тѣмъ самымъ, который строилъ Полоцкую Софію. Около того же монастыря находился и загородный княжій дворъ. Извѣстно, что русскіе князья по большей части любили пребывать не въ городскомъ своемъ теремѣ, а въ загородномъ, при которомъ устроивались разныя хозяйственныя заведенія, особенно любимая ихъ забава, т. е. охота. Загородное житье привлекало ихъ конечно не однимъ чистымъ воздухомъ, про-

столомъ и хозяйственными удобствами, но также нѣкоторымъ отдаленіемъ отъ шумнаго вѣча и строптивой городской черни. По крайней мѣрѣ подобное заключеніе можно вывести изъ приведенной выше исторіи Ростислава Глѣбовича.

Между женскими обителями здѣсь наиболѣе прославилась Спасо-Евфросиніевская. Въ Полоцкѣ по преимуществу передъ другими столицами было много княгинь и княженъ, посвятившихъ себя монашеской жизни. Между ними первое мѣсто занимаетъ св. Евфросинія, носившая свѣтское имя Предиславы. Житіе ея украшено легендами; но историческая его основа не подлежитъ сомнѣнію. Начало иноческихъ подвиговъ ея относится ко времени помянутаго полоцкаго князя Бориса Всеславича, которому она приходилась племянницей, будучи дочерью его младшаго брата Георгія и слѣдовательно внукою знаменитаго Всеслава.

Еще въ отроческихъ лѣтахъ, когда ей готовилось замужество, Предислава тайно ушла изъ родительскаго дома къ теткѣ своей вдовѣ князя Романа Всеславича, которая была настоятельницею женской обители, находившейся повидимому подлѣ соборнаго Софійскаго храма. Здѣсь Предислава постриглась подъ именемъ Евфросиніи, къ великому огорченію своихъ родителей. По ея просьбѣ епископъ полоцкій Илія позволилъ ей нѣкоторое время жить въ кельѣ, пристроенной къ собору или въ такъ наз. «голубцѣ». Тутъ она занималась списываніемъ церковныхъ книгъ, и деньги, полученныя отъ этого труда, раздавала нищимъ. Вскорѣ помыслы ея обратились къ обычному стремленію благочестивыхъ русскихъ княгинь, къ устроенію собственной женской обители. Для этой цѣли епископъ уступилъ ей свое ближнее сельцо, гдѣ былъ у него загородный домъ съ небольшою деревянною церковью во имя Спаса-Преображенія. Мѣсто это лежитъ верстахъ въ двухъ отъ города на правомъ берегу Полоты. Здѣсь Евфросинія устроила новую обитель, въ которой была поставлена игуменьей. Въ число своихъ инокинь она, къ новому огорченію отца, привлекла родную сестру Гориславу-Евдокію и двоюродную Звениславу-Ефразію Борисовну. Съ помощью родственниковъ, на мѣстѣ деревяннаго она соорудила и украсила каменный Спасо-Преображенскій храмъ, который былъ освященъ преемникомъ Иліи епископомъ Діонисіемъ, въ присутствіи всего княжаго дома, при многочисленномъ стеченіи народа. Евфросинія тѣмъ не ограничилась, и, чтобы имѣть соб-

ственныхъ священнослужителей, основала по близости мужской монастырь во имя Богородицы. Въ своей обители она мирно пережила грозу, разразившуюся надъ ея родомъ во время Мстислава Мономаховича Кіевскаго, который изгналъ полоцкихъ князей въ Грецію. Миновало время этого изгнанія; князья воротились. Миновало и время междоусобія двоюродныхъ братьевъ ея, Рогволода Борисовича и Ростислава Глѣбовича. Евфросинія успѣла постричь въ монахини еще двухъ княженъ, своихъ племянницъ. Достигнувъ старости, она пожелала посѣтить Святую землю, согласно съ благочестивымъ настроеніемъ своего вѣка. Это повидимому было въ то время, когда на Полоцкомъ столѣ сидѣлъ ея племянникъ Всеславъ Васильковичъ, а византійскимъ императоромъ былъ Мануилъ Комненъ. Свой монастырь святая игуменья оставила на попеченіе сестры Евдокіи; а сама, въ сопровожденіи двоюродной сестры и одного изъ родныхъ братьевъ, отправилась въ Константинополь. Поклонясь святынямъ Цареградскимъ, она отплыла въ Іерусалимъ, гдѣ и пріютилась въ русскомъ странноприимномъ домѣ при Ѳеодосіевскомъ монастырѣ Богородицы. Тамъ она скончалась, и была погребена въ притворѣ монастырскаго храма.

Лицо Евфросиніи сдѣлалось предметомъ особаго почитанія въ Полоцкой землѣ. А прекраснымъ памятникомъ ея благочестія служитъ воздвигнутый ею храмъ Спаса-Преображенія (доселѣ сохранившійся въ основныхъ своихъ частяхъ), небольшой по размѣрамъ, но изящной архитекуры, какъ и всѣ образцы византійско-русскаго стиля той эпохи. Въ храмѣ этомъ хранится крестъ Евфросиніи, сооруженный въ 1161 году; онъ шестиконечный, деревянный, окованный серебромъ и украшенный драгоцѣнными камнями, заключающій въ себѣ частицы мощей. Одною изъ преемницъ Евфросиніи на игуменствѣ была ея племянница преподобная Параскевія, дочь Рогволода-Василія Борисовича, которая подарила Спасской обители все свое имѣніе, и привела ее въ весьма цвѣтущій видъ ([20]).

Полоса, лежащая къ сѣверу отъ Двины, представляетъ нѣсколько холмистую озерную область, которая повидимому не имѣла густаго населенія. Полоцкіе предѣлы здѣсь сходились съ Новогородскими около верховьевъ Ловати и Великой. Единственный значительный городъ, извѣстный по лѣтописи въ этой сторонѣ, былъ Усвятъ, лежащій на озерѣ того же

имени, на порубежьѣ съ Смоленскою и Новогородскою землею. Наибольшая и лучше населенная часть Полоцкой земли простиралась къ югу отъ Двины; она обнимала область правыхъ днѣпровскихъ притоковъ, Друти и Березины. Эта область представляетъ лѣсистую песчаноглинистую равнину, въ сѣверозападной своей полосѣ часто возвышенную и холмистую, а въ юговосточной низменную и болотистую; послѣдняя незамѣтно сливается съ Туровскимъ Полѣсьемъ. Самымъ зажиточнымъ краемъ въ этой области былъ Минскій удѣлъ, имѣвшій болѣе сухую и плодородную почву, съ примѣсью чернозема, съ лиственными породами лѣсу и богатыми пастбищами. Стольный городъ удѣла Минскъ возвышался на береговыхъ холмахъ рѣки Свислочи (праваго притока Березины). Это одинъ изъ древнѣйшихъ кривскихъ городовъ, наравнѣ съ Полоцкомъ и Смоленскомъ. Подъ самымъ городомъ впадала въ Свислочъ небольшая, но историческая рѣчка Немиза. На ея берегахъ происходила извѣстная битва Всеслава съ Ярославичами въ 1067 году. Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ воспѣлъ эту битву въ такихъ образахъ: «на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла; не добромъ посѣяны кровавые берега Немизы, посѣяны костьми русскихъ людей». Неподалеку отъ Минска къ сѣверозападу, на одномъ изъ притоковъ Свислочи, лежалъ Изяславль, построенный Владиміромъ Великимъ для Рогнѣды и ея сына Изяслава. Еще немного далѣе на сѣверъ на рѣкѣ Гойнѣ, притокѣ Березины, находился Логожскъ, а на самой Березинѣ Борисовъ, основанный Борисомъ Всеславичемъ. Подвигаясь отъ него къ востоку, встрѣчаемъ одинъ изъ наиболѣе значительныхъ полоцкихъ городовъ Друтскъ, въ мѣстности весьма лѣсистой и болотистой. На юговостокѣ крайними полоцкими городами были Рогачевъ, при впаденіи Друти въ Днѣпръ, и Стрѣжевъ, нѣсколько ниже на Днѣпрѣ; эти города лежали на Черниговo-Кіевскомъ порубежьѣ.

На западѣ предѣлы Полоцкой земли терялись въ лѣсахъ Литовскихъ, куда постепенно проникали поселенія Кривичей. Такія поселенія заводились отчасти путемъ торговыхъ сношеній, отчасти силою оружія. Князья русскіе налагали дани на сосѣдніе литовскіе народцы, и на удобныхъ береговыхъ хол-

махъ рубили русскіе городки, откуда ихъ дружинники ходили собирать дани, и гдѣ туземцы могли мѣнять добычу отъ своихъ звѣриныхъ промысловъ на хозяйственныя орудія, ткани, женскія украшенія и другіе русскіе товары. Литва довольно легко подчинялась вліянію болѣе развитой русской гражданственности и на украйнѣ своей подвергалась постепенному обрусѣнію; въ XII вѣкѣ мы не разъ въ полоцкихъ войскахъ встрѣчаемъ вспомогательные литовскіе отряды. Но неустройства и недостатокъ единенія въ самой Полоцкой землѣ мѣшали прочности русскаго господства въ этихъ глухихъ краяхъ.

По нѣкоторымъ признакамъ полоцкіе князья владѣли теченіемъ Двины почти до самаго Балтійскаго моря, т. е. собирали дани съ туземныхъ Латышей. Но они не позаботились упрочить за собой устье этой рѣки построеніемъ крѣпкихъ русскихъ городовъ, и повидимому не занимали своими дружинами укрѣпленныхъ мѣстъ на ней далѣе двухъ замковъ, носившихъ латышскія названія: Герсике (нынѣ Крейцбургъ, пониже Динабурга) и Кукейносъ (Кокенгузенъ). Со стороны Нѣмана полоцкія границы пересѣкали Вилію и направлялись къ его среднему теченію. На рѣкѣ Святой, притокѣ Виліи, имѣемъ городъ съ русскимъ названіемъ Вилькомиръ, потомъ Новгородокъ, на одномъ изъ лѣвыхъ нѣманскихъ притоковъ, и Городно, на высокомъ правомъ берегу Нѣмана при впаденіи рѣчки Городничанки. О процвѣтаніи сего послѣдняго города наглядно свидѣтельствуютъ остатки красиваго Борисоглѣбскаго храма (извѣстнаго болѣе подъ именемъ «Коложанскаго»), основаніе котораго восходитъ къ XII вѣку и который только въ наше время разрушенъ дѣйствіемъ воды, подмывшей песчаный рыхлый берегъ Нѣмана. Храмъ этотъ особенно замѣчателенъ множествомъ своихъ голосниковъ, т. е. глиняныхъ продолговатыхъ горшковъ, вдѣланныхъ въ стѣны, какъ надо полагать, съ цѣлью придать болѣе пріятности звукамъ церковнаго пѣнія. Городно и Новгородокъ служили оплотомъ Кривской земли со стороны дикаго занѣманскаго племени Ятвяговъ ([21]).

Со второй половины XII вѣка отношенія Кривской Руси къ своимъ западнымъ сосѣдямъ начинаютъ измѣняться. Среди Литвы подготовляется политическое объединеніе, которое потомъ даетъ ей перевѣсъ надъ сосѣднею Русью. Въ тоже вре-

мя на устьяхъ Двины возникаетъ, враждебный и Руси, и Литвѣ, нѣмецкій орденъ Меченосцевъ.

Вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря отъ устьевъ Вислы до нижняго теченія Западной Двины простирается песчаноглинистая равнина, обильная рѣками, озерами и болотами, сосновыми и дубовыми пущами. Отчасти эта равнина взволнована холмами и пригорками, и усѣяна валунами или обломками гранитныхъ скалъ, которыя дѣйствіемъ воды были оторваны отъ горныхъ кряжей Скандинавіи и на льдинахъ перенесены далеко на востокъ еще въ тѣ времена, когда часть Восточноевропейскаго материка находилась подъ водою (т. е. во времена такъ наз. Ледянаго періода). Такова стародавняя родина небольшаго, но замѣчательнаго Литовскаго племени, которому суждено было занять немаловажное мѣсто въ Русской исторіи.

Это племя состояло изъ многихъ разноименныхъ народцевъ. Главнымъ средоточіемъ ихъ была область нижняго и средняго теченія Нѣмана съ его правыми притоками, Дубиссой, Невяжей и Виліей. Принѣманская Литва въ географическомъ отношеніи дѣлилась на Верхнюю, *Аукстоте*, или собственную Литву, жившую на среднемъ Нѣманѣ и Виліи, и на Нижнюю, *Жомойтъ* или *Жмудь* (въ латинской формѣ «Самогитія»); послѣдняя обитала въ приморскомъ краѣ между низовьями Нѣмана и Виндавой. По языку Верхняя Литва и Жмудь составляли одну и туже вѣтвь Литовской семьи. Народцы, жившіе далѣе къ сѣверу, составляли другую вѣтвь этой семьи, именно *Латышскую* или *Летскую*, хотя названіе ея есть видоизмѣненіе того же имени Литва. Къ этой вѣтви принадлежали: *Корсь* или *Куроны*, занимавшіе уголъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ; *Зимгола* (въ латинской формѣ «Семигалія») къ востоку отъ Корси на лѣвой сторонѣ Двины; *Летгола* или собственно *Латыши* на правой ея сторонѣ до рѣки Аа и далѣе, на пограничьѣ съ финскими народцами. На западъ отъ Принѣманской Литвы жила третья вѣтвь Литовской семьи, *Прусская*, которая занимала низменную полосу отъ нижняго Нѣмана и верхняго Прегеля до нижней Вислы. Названіе Пруссовъ по всей вѣроятности связано съ именемъ Русь или Рось, которое носили нѣсколько рѣкъ Восточной

Европы. Къ числу этихъ рѣкъ принадлежитъ и Нѣманъ, въ нижнемъ своемъ теченіи также называвшійся Русью. Между тѣмъ какъ собственно Литовская и Латышская вѣтви были сопредѣльны Славяно-Русскому міру, Прусская вѣтвь сосѣдила съ народами Славяно-Ляшскаго корня. Она въ свою очередь дробилась на мелкіе народцы, каковы: *Скаловиты*, *Самбы*, *Натанги*, *Вармы*, *Галинды*, *Судавы* и пр. Съ юга къ Нѣманской Литвѣ и Пруссамъ примыкалъ народъ, который по всѣмъ признакамъ можно считать четвертою вѣтвію Литовскаго семейства: это *Ятвяги*. Они занимали область глухихъ непроходимыхъ пущъ, орошаемыхъ правыми притоками Западнаго Буга и лѣвыми Нѣмана; слѣдовательно по своему положенію Ятвяги врѣзывались клиномъ между Русскими и Польскими Славянами. Былъ еще литовскій народецъ, брошенный, какъ мы видѣли, въ самый восточный уголъ Смоленской земли, на берега верхней Протвы, именно *Голядь*, названіе которой напоминаетъ прусскихъ Галиндовъ.

Языкъ Литовской семьи показываетъ, что изъ всѣхъ арійскихъ народовъ она находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Славянами. Во время великихъ народныхъ движеній Литвины были занесены въ Прибалтійскія страны, и тутъ въ глуши своихъ лѣсовъ долгое время жили въ сторонѣ отъ историческихъ переворотовъ и иноземныхъ вліяній; такъ что Русская исторія застаетъ ихъ на первобытныхъ степеняхъ гражданственности, и самая рѣчь Литвы болѣе другихъ арійскихъ языковъ сохранила родство съ старѣйшимъ своимъ братомъ, языкомъ священныхъ индійскихъ книгъ, или съ Санскритомъ.

Свидѣтельства средневѣковыхъ и новѣйшихъ историковъ изображаютъ коренныхъ Литвиновъ людьми крѣпкаго мускулистаго сложенія, съ бѣлою кожею, румянымъ овальнымъ лицомъ, голубыми глазами и свѣтлыми волосами, которые впрочемъ съ лѣтами темнѣютъ. Въ домашнемъ быту нравъ ихъ добродушный, обходительный и гостепріимный. Незамѣтно, чтобъ они усердно злоупотребляли береговымъ правомъ, т. е. грабили и захватывали въ плѣнъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Только племя Куроновъ было извѣстно морскими разбоями. Но, выходя изъ мирнаго состоянія, въ войнахъ съ сосѣдями Литва являлась народомъ суровымъ, хищнымъ и способнымъ къ сильному возбужденію. Въ IX и X вѣкахъ она

была народомъ бѣднымъ и по преимуществу звѣроловнымъ. Ея дремучія пущи обиловали множествомъ пушнаго, рогатаго и всякаго звѣря, каковы: медвѣди, волки, лисицы, рысь, зубры, олени, лоси, вепри и т. д. Впрочемъ мѣстами она уже занималась земледѣліемъ, употребляя соху, запряженную парою воловъ, и взрывая землю дубовымъ обозженнымъ сошникомъ. Богатыя рыбою озера и рѣки доставляли также средства для ея пропитанія. Ей извѣстно было и пчеловодство, но въ самомъ первобытномъ его видѣ: изъ борти или древеснаго дупла собирали медъ дикихъ пчелъ. Замѣтны и начала скотоводства, особенно любовь къ коню; эту любовь Литва конечно принесла съ собою изъ болѣе южныхъ, степныхъ странъ, гдѣ она когда-то обитала. Кони литовскіе были малорослы, но отличались крѣпостію и выносливостію. Литва продолжала употреблять въ пищу конское мясо, пила теплую конскую кровь; а кобылье молоко составляло ея обычный напитокъ. Она была разсѣяна небольшими посёлками по своимъ лѣсамъ, и жила или въ земляныхъ, или въ бревенчатыхъ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучинами, и съ отверстіями, затянутыми звѣриною кожею вмѣсто оконъ. Намъ неизвѣстны литовскіе города этой эпохи. Самая природа страны, т. е. непроходимые лѣса и болота, служила лучшею защитою отъ непріятельскихъ вторженій. Но многіе остатки валовъ и городищъ, въ особенности на берегу озеръ или посреди ихъ на островахъ, указываютъ на существованіе укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ обитали мелкіе державцы Литовской земли. Начала торговыхъ сношеній были положены промышленными людьми, которые приходили съ одной стороны изъ Славянобалтійскаго поморья, гдѣ въ тѣ времена были уже многіе торговые города (Любекъ, Винета, Волынъ, Щетинъ и др.), а съ другой изъ земли Кривичей. Они мѣняли свои товары, преимущественно металлическія издѣлія и оружіе, на звѣриныя шкуры, мѣха, воскъ и пр. Въ особенности привлекало сюда иноземныхъ торговцевъ богатство янтаря, которымъ берега Пруссіи славились издревле.

У Литвы мы находимъ такіе же начатки сословій, какъ и у другихъ народовъ, стоявшихъ на той же степени гражданственности. Изъ среды свободнаго населенія выдвигались нѣкоторые роды, владѣвшіе бо̀льшимъ количествомъ земель и челяди. Изъ такихъ знатныхъ родовъ вышли мѣстные князья

или «кунигасы», которыхъ значеніе, небольшое въ мирномъ быту, поднималось въ военное время, когда они являлись предводителями мѣстнаго ополченія. Несвободное состояніе, рабы или челядь, питалось преимущественно войною; такъ какъ плѣнники по общему обычаю обращались въ рабство. Но число ихъ не могло быть велико до тѣхъ поръ, пока Литва ограничивалась легкими схватками между собою и съ сосѣдями. Въ политическомъ отношеніи Литовскій народъ представлялъ дробленіе на мелкія владѣнія и общины, во главѣ которыхъ стояли или кунигасы, или вѣча старѣйшинъ. Единство племени, кромѣ языка, поддерживалось жреческимъ сословіемъ.

Религія литовская имѣла много общаго съ славянскою. Здѣсь мы находимъ тоже поклоненіе верховному богу громовнику Перуну, который по-литовски произносился *Перкунасъ*. Такое грозное божество олицетворяло по преимуществу стихію огня, вмѣстѣ разрушительную и благодѣтельную. Огнепоклоненіе Литвиновъ выражалось неугасимыми кострами, которые горѣли въ ихъ святилищахъ передъ идолами Перкуна. Этотъ священный огонь назывался *Зничъ* и находился подъ вѣдѣніемъ особой богини *Прауримы*. Солнце какъ источникъ свѣта и тепла чтилось подъ разными именами (*Сотваросъ* и др.). Богиня мѣсяца называлась *Лайма;* дождь олицетворялся подъ видомъ бога *Летуванисъ*. Въ числѣ литовскихъ божествъ встрѣчаются славянскіе *Лель* и *Ладо*, означавшіе также солнечнаго или свѣтлаго бога. Былъ особый богъ веселья, *Рагутисъ*; а свободная, счастливая жизнь находилась подъ покровительствомъ богини *Летувы*. Нѣкоторыя божества въ разныхъ мѣстностяхъ носили различныя названія; поэтому до насъ дошло большое ихъ количество. Волынскій лѣтописецъ, напримѣръ, приводитъ имена литовскихъ боговъ: *Андая*, *Диверикса*, *Мѣдѣина*, *Надѣева* и *Телявеля*. Миѳологія литовская успѣла получить большее развитіе нежели славянская, благодаря долѣе сохранявшемуся язычеству и болѣе вліятельному жреческому сословію. Основою этой миѳологіи какъ и вездѣ было почитаніе стихій. Воображеніе народное, по общему обыкновенію, всю видимую природу населяло особыми божествами и геніями; а вліяніе дремучихъ лѣсовъ ярко отразилось на множествѣ всякаго рода суевѣрій. Вся жизнь

человѣка, всѣ его дѣйствія находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ сверхъ-естественныхъ существъ, добрыхъ и недобрыхъ, которыхъ надобно располагать въ свою пользу поклоненіемъ и жертвами. Нѣкоторыя животныя, птицы и даже гады, особенно ужи, пользовались почитаніемъ у Литвиновъ. Рядомъ съ этимъ грубымъ идолопоклонствомъ встрѣчаются признаки довольно развитой ступени язычества. Мы находимъ здѣсь нѣчто похожее на индійскую тримурти или трехъ высшихъ божествъ греческаго Олимпа. Подобно Зевесу и его двумъ братьямъ, Перкунасъ повелѣваетъ небомъ; а водная стихія подчинена богу *Атримпосу*, котораго представляли себѣ подъ видомъ водянаго ужа, свившагося въ кольцо, съ головою мужчины среднихъ лѣтъ; земное или собственно подземное царство принадлежало *Поклусу* (славянскій Пекло), котораго народное воображеніе рисовало блѣднолицымъ старцемъ съ сѣдой бородой и съ головой, небрежно повязанной кускомъ полотна. Самъ Перкунъ изображался крѣпкимъ мужемъ съ каменнымъ молотомъ или съ кремневою стрѣлою въ рукѣ. Богамъ посвящались особые лѣса и озера, которые были такимъ образомъ заповѣдными, неприкосновенными для народа; дубъ считался по преимуществу деревомъ Перкуна, и святилища его обыкновенно располагались посреди дубовой рощи. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Ромово, которое находилось гдѣ-то въ Пруссіи. Здѣсь подъ вѣтвями священнаго дуба стояли изображенія трехъ помянутыхъ боговъ, а передъ ними горѣлъ неугасимый костеръ. Обыкновенно особые жрецы и жрицы, долженствовавшіе сохранять чистую, непорочную жизнь, смотрѣли за этимъ костромъ, и, если онъ угасалъ, то виновные въ томъ сожигались живыми; а огонь добывался снова изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна. Здѣсь же въ Ромовѣ подлѣ главнаго святилища жилъ верховный жрецъ, называвшійся *Криве-Кривейто*.

Жреческое сословіе у Литвы не составляло особой касты, потому что доступъ къ нему былъ свободенъ; но оно было многочисленно и сильно своимъ значеніемъ въ народѣ. Оно отличалось одеждою отъ другихъ людей, особенно бѣлымъ поясомъ; носило общее названіе *вайделотовъ*, но дѣлилось на разныя степени и различныя занятія. Конечно главнымъ его назначеніемъ было совершать жертвоприношенія богамъ и охра-

нять святилища; далѣе, оно занималось наставленіемъ народа въ правилахъ вѣры, лѣченіемъ, гаданіями, заклинаніями отъ недобрыхъ духовъ и т. п. Высшую жреческую ступень составляли *кревы*, которые надзирали за святилищами и вайделотами извѣстнаго округа, и кромѣ того имѣли значеніе народныхъ судей. Отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства былъ жезлъ особаго вида. Они вели жизнь безбрачную; тогда какъ простые вайделоты могли быть люди семейные. Нѣкоторые кревы достигали особаго почета и уваженія, и получали названіе «криве-кривейта». Изъ послѣднихъ наибольшею духовною властію пользовался тотъ, который жилъ въ прусскомъ Ромовѣ. Его власть, говорятъ, простиралась не только на Пруссовъ, но и на другія литовскія племена. Приказанія свои онъ разсылалъ посредствомъ вайделотовъ, снабженныхъ его жезломъ или другимъ его знакомъ, передъ которымъ преклонялись и простые, и знатные люди. (Средневѣковые католическіе хронисты сравнивали его съ Римскимъ папою). Ему принадлежала третья часть военной добычи. Бывали примѣры, что Криве-Кривейто, достигши глубокой старости, самъ приносилъ себя въ жертву богамъ за грѣхи своего народа, и для этого торжественно сожигался живой на кострѣ. Такія добровольныя самосожиганія конечно поддерживали въ народѣ чрезвычайное уваженіе къ своему духовному главѣ.

Первыми апостолами-мучениками у Литовскаго народа почитаются св. Войтехъ и св. Брунъ. Въ концѣ X вѣка архіепископъ чешской Праги Войтехъ (или Адальбертъ) отправился проповѣдывать Евангеліе языческимъ народамъ на берега Балтійскаго моря, подъ покровительствомъ польскаго короля Болеслава Храбраго. Онъ и два его спутника однажды углубились въ лѣсную чащу, и, остановясь посреди ея на полянѣ, прилегли отдохнуть. Скоро ихъ разбудили дикіе крики. Миссіонеры, не зная того, очутились въ заповѣдномъ лѣсу, куда доступъ чужеземцамъ былъ возбраненъ подъ страхомъ смерти. Старшій жрецъ первый ударилъ святаго мужа въ перси; а остальные его докончили. Болеславъ отправилъ посольство съ просьбою выдать ему останки Войтеха и освободить изъ оковъ его спутниковъ. Пруссы потребовали и получили столько серебра, сколько вѣсило тѣло мученика. Оно съ великимъ торжествомъ было положено въ Гнѣзненскомъ соборѣ. Спустя лѣтъ

десять или одинадцать, (въ 1009 г.) такая же мученическая кончина отъ языческой Литвы постигла и другаго христіанскаго апостола, Бруна, того самаго который ходилъ въ Южную Русь и гостилъ въ Кіевѣ у Владиміра Великаго. Болеславъ Храбрый опять выкупилъ тѣло святаго мужа и замученныхъ вмѣстѣ съ нимъ его спутниковъ. Подобная судьба проповѣдниковъ возбудила сильное негодованіе въ католическомъ мірѣ, особенно при папскомъ дворѣ. Тотъ же Болеславъ съ большимъ войскомъ двинулся въ глубь Пруссіи. Походъ былъ предпринятъ зимою, когда болота и озера, служившія самою надежною обороною, покрылись льдомъ, который представлялъ прочный мостъ для войска. По неимѣнію крѣпостей Пруссы не могли оказать сильнаго сопротивленія. Поляки разграбили и сожгли много деревень; проникли въ самое Ромово, и разрушили святилище; идолы боговъ были сокрушены, а жрецы преданы мечу. Наложивъ дань на Пруссовъ, король съ торжествомъ воротился домой. Послѣ того упало значеніе прусскаго Ромова и самаго Криве-Кривейто. Столица его вмѣстѣ съ главнымъ святилищемъ перешла въ среду Принѣманской Литвы на устье Дубиссы; откуда въ послѣдствіи передъ напоромъ новой религіи священный Зничъ перенесенъ еще далѣе на устье Невяжи, потомъ на берега Виліи въ Керновъ, и наконецъ въ Вильну.

Кромѣ жрецовъ у Литвиновъ были и жрицы или вайделотки, которыя поддерживали огонь въ святилищахъ женскихъ божествъ, и подъ страхомъ смерти обязаны были сохранять цѣломудріе. Были также вайделотки, занимавшіяся разнаго рода знахарствомъ или вѣдовствомъ, т. е. гаданіями, прорицаніями, лѣченіемъ и т. п. Религіозное усердіе Литвиновъ особенно выражалось обильными жертвоприношеніями животныхъ, каковы конь, быкъ, козелъ и пр. Часть жертвеннаго животнаго вайделоты сожигали въ честь божества; остальное служило для пиршества. Въ торжественныхъ случаяхъ были въ обычаѣ и жертвы человѣческія; напр. за побѣду благодарили боговъ сожженіемъ живыхъ плѣнниковъ; чтобы умилостивить нѣкоторыя божества, приносили въ жертву дѣтей.

Погребальные обычаи Литвы были почти тѣже что у Русскихъ Славянъ. Здѣсь также господствовало сожженіе знатныхъ покойниковъ съ его любимыми вещами, конемъ, оружіемъ, ра-

бами и рабынями, охотничьими собаками и соколами. Литвинъ тоже вѣрилъ, что загробное существованіе похоже на настоящее и что тамъ будутъ тѣже отношенія между господами и слугами. Погребеніе также сопровождалось пиршествомъ въ родѣ славянской тризны; при чемъ выпивалось большое количество хмѣльнаго меду и пива (alus). Остатки сожженныхъ труповъ собирались въ глиняные сосуды и зарывались въ поляхъ и лѣсахъ; иногда надъ могилами насыпали курганы и обкладывали ихъ камнями. Вѣра въ очистительное дѣйствіе огня была такъ сильна у этого народа, что были нерѣдкіе случаи, когда старцы, больные и увѣчные заживо всходили на костеръ и сожигались, считая такую смерть самою пріятною богамъ. Тѣни покойниковъ часто представлялись воображенію Литвиновъ въ полномъ вооруженіи на крылатыхъ коняхъ. Любопытно, что подобныя представленія существовали также у ближайшаго къ Литвѣ славянорусскаго племени, Кривичей, и сохранялись даже въ первые вѣка христіанства. При этомъ благочестивые люди смѣшивали представленіе о покойникахъ съ понятіемъ о бѣсахъ или злыхъ духахъ. Такъ кіевскій лѣтописецъ подъ 1092 годомъ передаетъ слѣдующее баснословное извѣстіе. Въ Друтскѣ и Полоцкѣ бѣсы рыскали по улицамъ на коняхъ и на смерть поражали людей; народу были видимы только конскія копыта, и тогда шелъ говоръ, что «навье (мертвецы) бьютъ Полочанъ».

Политическое дробленіе Литовскаго народа и уединенное неподвижное состояніе его, нарушаемое мѣстными незначительными войнами, могли продолжаться только до тѣхъ поръ, пока ни откуда не грозила опасность его независимости. Бѣдность и дикость Литвы побуждала ее иногда предпринимать мелкіе набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т. е. Русь и Польшу; но князья этихъ странъ въ свою очередь начали тѣснить Литву. Такимъ образомъ съ юга стали напирать на нее Польскіе Славяне, а съ востока Русскіе; тѣ и другіе успѣли ранѣе ея развить свой государственный бытъ и свою гражданственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство начало съ разныхъ сторонъ вторгаться въ литовскіе предѣлы. Тогда и Литовское племя мало по малу выступаетъ на историческое поприще. Лѣса и болота оказывались не всегда надежною защитою отъ внѣшнихъ

непріятелей. Явилась потребность собирать и объединять свои силы. Въ это время у Литвиновъ пробудилась воинственная энергія и усилилась власть военныхъ вождей, то есть власть княжеская, которая постепенно беретъ верхъ надъ вліяніемъ духовенства или жреческаго сословія. По свидѣтельству нашей лѣтописи, уже Владиміръ Великій и его сынъ Ярославъ ходили на Ятвяговъ и на Литву. Съ тѣхъ поръ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Руси съ Литвою повторяются чаще и чаще. Долгое время перевѣсъ оставался за русскими дружинами, которыя проникали въ глубь литовскихъ земель и брали съ нихъ дань скотомъ, челядью, звѣриными шкурами; а съ бѣднѣйшихъ жителей, по сомнительному свидѣтельству польскаго лѣтописца, будто бы собирали дань лыками и вѣниками. Борьбу съ Литвою вели преимущественно князья Волынскіе и Полоцкіе. Изъ волынскихъ, какъ извѣстно, прославились въ этой борьбѣ особенно Романъ Мстиславичъ и потомъ сынъ его Даніилъ Галицкій. Не такъ успѣшно велась она со стороны полоцкихъ князей. Хотя кривскіе торговцы и переселенцы продолжали проникать въ литовскія земли; но сама Полоцкая земля во второй половинѣ XII вѣка уже много терпѣла отъ литовскихъ набѣговъ и разореній. Первоначально вооруженная дубинами, каменными топорами, пращами и стрѣлами, Литва совершала набѣги большею частію на своихъ лѣсныхъ коняхъ и старалась напасть внезапно, оглашая воздухъ своими длинными трубами. Черезъ рѣки она переправлялась въ легкихъ лодкахъ изъ зубровой шкуры, которыя возила за собою; а за недостаткомъ лодокъ просто переплывала рѣки, держась за хвосты коней. Сношенія съ сосѣдями и награбленная добыча потомъ дали Литвинамъ возможность пріобрѣтать желѣзное вооруженіе, такъ что у нихъ появились мечи, шлемы, брони и т. д. Воинственный духъ все болѣе и болѣе воспламенялся. Въ эту эпоху не только встрѣчаемъ у полоцкихъ князей наемные литовскіе отряды; но и нѣкоторые литовскіе князья уже на столько богаты, что нанимаютъ въ свою службу отряды изъ русской вольницы. Они уже не ограничиваются одними набѣгами; но облагаютъ данью пограничныя земли Кривичей и Дреговичей, и даже завоевываютъ цѣлыя области.

Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, изображая печальное состояніе южной Руси, терзаемой Половцами, въ такомъ видѣ

рисуетъ положеніе Руси Полоцкой, угнетаемой Литвою, и прославляетъ геройскую смерть одного изъ удѣльныхъ князей, Изяслава Васильковича: «Уже Сула не течетъ свѣтлыми струями къ городу Переяславлю. А Двина мутно течетъ у Полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой Литвы. Одинъ только Изяславъ сынъ Васильковъ позвонилъ острыми мечами о шеломы литовскіе, соревнуя славѣ дѣда своего Всеслава; но и самъ онъ лежитъ на кровавой муравѣ подъ червлеными щитами, изрубленный мечами литовскими. Не было съ нимъ брата Брячислава и другаго брата Всеволода; одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье». Поэтъ объясняетъ далѣе, что полоцкіе Всеславичи собственными крамолами наводили поганую Литву на свою землю, подобно тѣмъ князьямъ, которые такими же крамолами навели на землю Русскую поганыхъ Половцевъ.

Во время борьбы съ Русью мелкіе литовскіе князья начали соединяться и составлять союзы для общаго дѣйствія. Особенно подобные союзы выступаютъ противъ сильныхъ князей Волынскихъ. По смерти своей грозы, Романа Мстиславича, князья Литовскіе вошли въ переговоры съ его женою и сыновьями, и прислали посольство для заключенія мира. По этому поводу Волынскій лѣтописецъ сообщаетъ цѣлый рядъ ихъ именъ. Старѣйшаго между ними онъ называетъ Живинбудомъ; потомъ слѣдуютъ: Давьятъ и его братъ Виликаилъ, Довспрунгъ съ братомъ Миндогомъ, жмудскіе владѣтели Ердивилъ и Выкинтъ, нѣкоторые члены родовъ Рушковичей (Клитибутъ, Вонибутъ и т. д.) и Булевичей (Вишимутъ и др.) и нѣкоторые князья изъ области Дяволтвы, лежавшей около Вилькоміра (Юдьки, Пукѣикъ и пр.). Подобные союзы, съ старѣйшимъ княземъ во главѣ, естественно пролагали путь къ собиранію литовскихъ родовъ и племенъ въ одну политическую силу, то есть пролагали путь единодержавію. Послѣднее явленіе было ускорено новою опасностію, которая начала угрожать литовской религіи и независимости съ другой стороны: отъ двухъ нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ ([22]).

XV.

ЛИВОНСКІЙ ОРДЕНЪ.

Природа и населеніе края. — Нѣмецкіе торговцы и миссіонеры. — Мейнгардъ и Бертольдъ. — Альбертъ Буксгевденъ и основаніе Ливонскаго Ордена. — Порабощеніе Ливовъ и Латышей. — Полоцкій князь Владиміръ. — Порабощеніе Эстовъ. — Датчане въ Эстоніи. — Столкновеніе съ Новгородцами. — Взятіе Юрьева. — Подчиненіе Зимголы и Куроновъ. — Соединеніе Ливонскаго Ордена съ Тевтонскимъ. — Упроченіе нѣмецкаго владычества и закрѣпощеніе туземцевъ. — Городъ Рига.

Край, извѣстный подъ именемъ Прибалтійскаго или Ливонскаго, имѣетъ естественные предѣлы съ трехъ сторонъ: Балтійское море на западѣ, Финскій заливъ на сѣверѣ и Псковско-Чудское озеро съ рѣкою Наровою на востокѣ. Только на югѣ и юговостокѣ предѣлы его были очерчены мечемъ нѣмецкихъ завоевателей съ одной стороны, русскихъ и литовскихъ защитниковъ родины съ другой. Этотъ край, съ принадлежащими къ нему островами, представляетъ низменную полосу въ сѣверной своей половинѣ и холмистую въ южной. Холмистая, пересѣченная мѣстность особенно находится въ юговосточной части, между озерами Вирцъерве, Чудскимъ и Западною Двиною; здѣсь посреди живописныхъ долинъ и возвышеній извивается верхнее теченіе Ливонской Аа и залегаютъ красивыя озера. Довольно скудная песчаноглинистая почва, мѣстами усѣянная занесенными съ сѣвера валунами и цѣлыми скалами, множество рѣчекъ и небольшихъ озеръ, сосновые и еловые лѣса, влажный довольно суровый климатъ, морскіе берега, покрытые большею частію зыбучимъ пескомъ и отмелями, а потому не представляющіе удобныхъ гаваней—вотъ отличительныя черты Ливонскаго края. Неудивительно поэтому, что онъ

долгое время оставался внѣ исторической жизни, служа пребываніемъ полудикихъ племенъ и представляя мало привлекательнаго для болѣе развитыхъ народовъ сосѣдней Европы. Въ числѣ рѣкъ, текущихъ въ Балтійское море, встрѣчаются довольно значительныя по своей величинѣ: каковы: Пернава, Салисъ, двѣ Аа (Ливонская и Куронская) и особенно Виндава; но онѣ отличаются или мелководіемъ, или порожистымъ теченіемъ и потому несудоходны. Единственная судоходная жила это Двина: но и она нерѣдко усѣяна порогами, такъ что плаваніе по ней всегда было сопряжено съ трудностями, и торговыя суда могли ходить только въ короткую весеннюю пору, или въ половодье. Отсюда понятно отчасти, почему древняя Русь не показывала особаго стремленія распространять свою колонизацію въ эту сторону. Ея сообщеніе съ моремъ по Двинѣ восходитъ ко временамъ очень отдаленнымъ; но она предпочитала ей другой хотя и болѣе длинный, но за то болѣе удобный путь въ Балтійское море по Волхову и по Невѣ. Впрочемъ вообще нельзя не замѣтить, что Русское племя, постепенно распространяясь съ юга на сѣверъ по теченію главныхъ рѣкъ Восточной Европы, въ продолженіе вѣковъ усвоило себѣ всѣ привычки рѣчнаго (а не морскаго) судоходства, и выработало значительную сноровку, чтобы справляться съ рѣчными мелями и порогами. Но, приблизясь къ Балтійскому морю, оно остановилось съ одной стороны на Ладожскомъ озерѣ, а съ другой на нижнемъ теченіи Двины, и не обнаруживало охоты или стремленія закрѣпить за собой концы этихъ двухъ путей и утвердиться на самыхъ берегахъ Балтійскаго моря. Чѣмъ конечно и воспользовались народы Нѣмецкаго корня.

Прибалтійскій край былъ обитаемъ двумя различными племенами, Финскимъ и Литовскимъ. Всю сѣверную и среднюю полосу его занимали народцы Финскаго семейства, извѣстные у древней Руси вообще подъ именемъ Чуди, а у писателей иноземныхъ подъ именемъ Эстіевъ (восточныхъ) или Эстовъ. Русскія лѣтописи отличаютъ особыми названіями нѣкоторыхъ изъ народцевъ; такъ онѣ упоминаютъ: Чудь *Нерому* или *Нарову*, около рѣки того же имени, далѣе за ней Чудь *Очелу*, потомъ *Ерезу* на верхней Пернавѣ и *Тормy* на западной сторонѣ Чудскаго озера. Чудскіе или эстонскіе народцы, обитав-

ніе въ сѣверной полосѣ Балтійскаго края, ничѣмъ особеннымъ не заявили въ исторіи о своемъ существованіи, и наши лѣтописи упоминаютъ о нихъ только по поводу походовъ, которые русскіе князья иногда предпринимали въ эту сторону для того, чтобы наказать какое нибудь племя за пограничные грабежи или наложить на него дань. Еще при Владимірѣ Великомъ Русь уже собирала дани въ той сторонѣ; но первая извѣстная попытка утвердиться здѣсь принадлежала его сыну Ярославу-Юрію. Въ Унганіи (область Чуди Тормы), на возвышеніяхъ лѣваго берега Эмбаха, онъ построилъ русскій городъ, которому далъ названіе Юрьева въ честь своего христіанскаго имени. До сего мѣста Эмбахъ отъ своего устья вполнѣ судоходенъ; вѣроятно тутъ и прежде находилось финское поселеніе, носившее туземное названіе Дерпта. Чудское племя однако дорожило своею независимостью, и Русь не одинъ разъ должна была вновь завоевывать потерянный Юрьевъ. Когда стало упадать значеніе великаго князя Кіевскаго и вниманіе его было отвлечено на югъ борьбою съ Половцами, покореніе Эстонской Чуди остановилось. Сосѣди ея Новогородцы и Псковичи совершали иногда удачные походы въ ея землю, захватывали въ добычу челядь и скотъ и брали нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста туземцевъ. Между послѣдними болѣе другихъ получилъ извѣстность городъ Оденпе, по русски Медвѣжья голова, лежавшій къ югу отъ Юрьева въ одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ, холмистыхъ уголковъ Ливонскаго края. Но съ одной стороны упорная оборона туземцевъ, съ другой явный недостатокъ настойчиваго движенія Новгородской Руси въ эту сторону задерживали распространеніе русскаго господства.

Южную полосу Прибалтійскаго края занимали народы Литовскаго семейства, а именно: *Латыгола* и *Зимгола*. Чудскіе народцы при столкновеніи съ литовскими очевидно отступали передъ ними какъ болѣе одареннымъ арійскимъ племенемъ; ибо въ древности Чудь безъ сомнѣнія простиралась южнѣе Двины; но Латыши постепенно оттѣснили ее далѣе къ сѣверу и заняли ея земли. При этомъ столкновеніи въ теченіе вѣковъ образовались новые племенные виды, смѣшанные изъ обоихъ семействъ. Къ такому смѣшенію принадлежалъ народъ *Ливовъ*, который занималъ нижнее теченіе Двины и морское прибрежье

почти отъ Пернавы до Муса или Куронской Аа и далѣе. А еще далѣе на западъ въ приморьѣ жили *Куроны*, также смѣшанные изъ Литовской и Финской народности повидимому съ преобладаніемъ первой; тогда какъ у Ливовъ преобладала вторая. На берегахъ Виндавы жилъ еще какой-то народецъ Венды, неизвѣстно Славянскаго или другаго какого семейства; такъ какъ онъ затерялся безслѣдно. Съ Двинскими Ливами сосѣдила ливонская область Торейда, расположенная по рѣкѣ того же имени, болѣе извѣстной подъ именемъ Аа. Къ сѣверу отъ Торейды лежали другія области Ливовъ, Идумея и Метеполе, послѣдняя по рѣкѣ Салисъ. Имѣя значительную латышскую примѣсь, Ливы немного крупнѣе ростомъ и крѣпче сложены чѣмъ Эсты, но ближе къ нимъ чѣмъ къ Латышамъ по языку, характеру и обычаямъ. Въ одеждѣ ихъ тоже преобладаетъ темный цвѣтъ; они также вспыльчивы и упрямы какъ Эсты, и отличались такимъ же расположеніемъ къ морскому хищничеству. Эзельскіе, ливонскіе и куронскіе пираты не упускали случая пограбить торговыя суда или воспользоваться ихъ кораблекрушеніемъ, и вообще наносили не малый вредъ торговому судоходству на Балтикѣ. Около половины XII вѣка эти пираты завладѣли даже частью острова Оланда, и здѣсь, у самыхъ береговъ Скандинавіи, устроили свое разбойничье гнѣздо. Король датскій Вальдемаръ I принужденъ былъ отправить противъ нихъ сильный флотъ, которому только послѣ отчаянной битвы удалось уничтожить это гнѣздо (1171). Однако дерзость чудскихъ пиратовъ и послѣ того была такъ велика, что спустя семнадцать лѣтъ они сдѣлали набѣгъ на берега озера Мелара, и разграбили торговый городъ Сигтуну.

Русское вліяніе простиралось на страну Ливи болѣе чѣмъ на Эстонію, благодаря водному пути по Западной Двинѣ. Но и здѣсь полоцкіе князья не обнаружили большей настойчивости нежели Новгородцы, и не стремились закрѣпить за собою устье этой рѣки или выходъ въ море. Полоцкія укрѣпленія остановились на Кокенгузенскихъ высотахъ ея праваго берега, и князья ограничивались тѣмъ, что взимали небольшую дань съ поселеній, расположенныхъ далѣе внизъ по рѣкѣ. Хотя русское господство и восточное православіе распространялись очень медленно въ этомъ краю, но за то безъ большихъ потрясеній и переворотовъ, безъ истребленія и обнищанія ту-

земныхъ племенъ. Ливы и Латыши сохраняли свой патріархальный бытъ, подъ управленіемъ родовыхъ старшинъ, и безпрепятственно приносили жертвы своимъ богамъ. Населеніе пользовалось нѣкоторою зажиточностію, и мирное его состояніе нарушалось только мелкими порубежными драками и грабежами; при чемъ литовскіе народцы большею частію обижали Эстонскую Чудь.

Такое прозябаніе Прибалтійскаго края продолжалось до тѣхъ поръ, пока не пришли нѣмецкіе завоеватели, которымъ путь въ эту сторону проложили нѣмецкіе торговцы.

Почти на самой срединѣ Балтійскаго моря, между Швеціей и Куроніей, протянулся довольно значительный гористый островъ Готландъ; его возвышенные берега изрѣзаны удобными для мореходовъ бухтами. Около одной изъ такихъ бухтъ на сѣверозападной сторонѣ острова процвѣталъ торговый городъ Висби, который служилъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ сѣверной Руси съ Варягами или Скандинавами. Варяжскіе купцы съѣзжались здѣсь съ новгородскими, смоленскими и полоцкими, и вымѣнивали у нихъ русскія произведенія, особенно дорогіе мѣха, воскъ и кожи. Эта прибыльная мѣна не замедлила привлечь и нѣмецкихъ торговцевъ изъ сѣверной Германіи. Въ XII вѣкѣ совершался важный переворотъ на южномъ Балтійскомъ поморьѣ. Обитавшіе тамъ славянскіе народы, Бодричи, Лютичи и частію Поморяне, теряли свою самобытность, тѣснимые Нѣмцами и Датчанами. Славянское поморье подверглось постепенному онѣмеченію, которое началось съ наиболѣе значительныхъ торговыхъ городовъ, каковы Щетинъ, Волынъ, Ростокъ и Любекъ. Ихъ морская торговля упала на то время, пока совершалась борьба съ нѣмецкими завоевателями, миссіонерами и колонистами. Тогда-то появились на Балтійскомъ морѣ торговцы изъ саксонскихъ или нижненѣмецкихъ городовъ, лежавшихъ за Эльбой. Впереди другихъ выступили города Бременъ и Гамбургъ; за ними Минстеръ, Дортмундъ, Сестъ и др. Ихъ торговцы также основали свои склады и конторы въ Висби, и начали производить мѣну съ русскими гостями. Предпріимчивые Нѣмцы однако не ограничились посредничествомъ Готланда; а постарались въ тоже время войти въ прямыя торговыя сношенія съ народами, обитавшими на восточномъ берегу Балтики.

Около половины XII вѣка бременскіе купцы начали посѣщать нижнее теченіе Западной Двины и торговать съ прибрежными Ливами. Весною ихъ суда приплывали съ нѣмецкими товарами, а осенью уходили, нагруженныя мѣстными произведеніями. То была эпоха сильнаго религіознаго одушевленія въ западной Европѣ. Крестовые походы противъ невѣрныхъ находились въ самомъ разгарѣ. Насильственное крещеніе Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ въ особенности усилило миссіонерское движеніе среди Нѣмцевъ. Разсказы купцовъ о ливонскихъ язычникахъ не замедлили направить часть этого движенія въ ту сторону.

Между нѣмецкими проповѣдниками здѣсь первое мѣсто, если не по времени, то по успѣху принадлежитъ Мейнгарду, монаху Августинскаго ордена изъ Бременской епархіи. Весною 1186 года онъ приплылъ на купеческомъ суднѣ въ Двину, и высадился верстахъ въ 35 отъ ея устья на правомъ берегу въ ливонскомъ селеніи Икескола (Икскуль), гдѣ нѣмецкіе купцы уже успѣли построить свой дворъ для склада товаровъ. Жители той мѣстности платили дань полоцкому князю, по имени Владиміру. Умный монахъ, чтобы обезпечить свое дѣло съ этой стороны, предварительно испросилъ у князя позволеніе крестить язычниковъ, и даже съумѣлъ такъ ему понравиться, что получилъ отъ него подарки. Затѣмъ ему удалось обратить нѣсколько почтенныхъ людей изъ туземцевъ, а съ ихъ помощью и другихъ; такъ что въ туже зиму онъ построилъ въ Икскулѣ христіанскую церковь. Слѣдующей зимой случился набѣгъ Латышей на эту мѣстность. Мейнгардъ воспользовался своимъ знаніемъ военнаго дѣла; вооружилъ жителей Икскуля и поставилъ ихъ въ засадѣ, въ лѣсу, черезъ который проходили непріятели, обремененные плѣнными и добычею. Латыши не выдержали нечаяннаго нападенія, и, побросавъ добычу, обратились въ бѣгство. Эта побѣда много помогла дѣлу проповѣди, и крещеніе икскульскихъ туземцевъ пошло еще успѣшнѣе. Подъ предлогомъ оградить жителей отъ будущихъ нападеній, Мейнгардъ съ ихъ согласія слѣдующей весной призвалъ мастеровъ и каменьщиковъ изъ Готланда, и воздвигъ крѣпкій замокъ рядомъ съ туземнымъ селеніемъ. Точно также съ согласія жителей онъ построилъ потомъ нѣсколько ниже Икскуля замокъ на од-

номъ двинскомъ островѣ. Гольмѣ, гдѣ еще прежде соорудилъ церковь (откуда получилось названіе Кирхгольма). Это были первыя нѣмецкія крѣпости въ Ливонской землѣ. Въ виду такихъ успѣховъ архіепископъ бременскій Гартвигъ возвелъ Мейнгарда въ достоинство Ливонскаго епископа, впрочемъ съ подчиненіемъ его своей каѳедрѣ; на что получилъ папскую буллу отъ 25 сентября 1188 года. Одинъ изъ спутниковъ Мейнгарда, монахъ Дитрихъ подвизался въ сосѣдней области Торейдѣ на берегахъ Аа. Однажды язычники, побуждаемые жрецами, схватили его и хотѣли принести въ жертву своимъ богамъ. Но предварительно надобно было узнать ихъ волю посредствомъ гаданія. Положили копье и заставили пройти черезъ него коня. Послѣдній переступилъ сначала «ногою жизни». Провели его во второй разъ, и опять повторилось тоже. Это не только спасло жизнь монаху, но и вселило къ нему особое уваженіе; а когда ему удалось вылѣчить травами нѣсколько больныхъ, не только мужчины, но и женщины начали принимать крещеніе.

Мейнгардъ началъ внушать Ливамъ покорность бременскому архіепископу и требовать десятины на церковь; тогда новообращенные стали подозрительно и даже враждебно относиться къ своему апостолу. Произошло обратное движеніе, т. е. возвращеніе къ язычеству; принявшіе крещеніе погружались въ струи Двины, чтобы смыть его и отослать обратно въ Германію. Мейнгардъ хотѣлъ было плыть въ отечество и тамъ собрать помощь людьми и другими средствами; но туземцы съ притворною покорностью упросили его остаться. Убѣдясь въ ихъ притворствѣ, онъ отправилъ къ папѣ своего товарища Дитриха, и папа велѣлъ объявить отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые примутъ крестъ, чтобы силою оружія поддержать возникающую Ливонскую церковь. Престарѣлый Мейнгардъ однако не дождался этой помощи, и скончался въ 1196 году. Передъ смертью онъ собралъ вокругъ себя крещеныхъ старшинъ, и увѣщевалъ ихъ остаться вѣрными новой религіи и принять на его мѣсто новаго епископа.

Гартвигъ прислалъ изъ Бремена преемникомъ ему цистерціанскаго монаха Бертольда. Встрѣченный враждебно Ливами, онъ воротился въ Германію, съ помощью папской буллы собралъ отрядъ вооруженныхъ людей, и съ ними вновь присталъ

къ епископскому замку Гольму, въ 1198 г. Тогда началась открытая война Нѣмцевъ съ туземцами. Бертольдъ отступилъ къ устью Двины и расположился на холмѣ Ригѣ. Здѣсь произошла схватка съ Ливами. Хотя послѣдніе были уже разбиты, но Бертольдъ своимъ конемъ занесенъ въ средину бѣгущихъ непріятелей, и пораженъ копьемъ въ спину. Побѣдители отомстили его смерть, жестоко опустошивъ окрестную страну; такъ что побѣжденные смирились, приняли священниковъ и согласились платить установленные налоги. Но едва нѣмецкіе ратники отплыли обратно, какъ началось новое смываніе крещенія въ волнахъ Двины и избіеніе священниковъ.

На мѣсто убитаго Бертольда Бременскій архіепископъ назначилъ одного изъ своихъ канониковъ, Альберта, происходившаго изъ довольно знатной фамиліи Апельдернъ или Буксгевденъ. Этотъ выборъ оказался очень удаченъ. Альбертъ былъ человѣкъ изворотливый, энергичный и предпріимчивый. Онъ менѣе всего мечталъ о славѣ апостола-мученика; а возложилъ дальнѣйшее распространеніе христіанства въ Ливонскомъ краѣ главнымъ образомъ на силу меча. Поэтому, прежде чѣмъ отправиться туда, онъ приготовилъ всѣ средства для будущаго успѣха. Онъ посѣтилъ Готландъ, гдѣ успѣлъ набрать пятьсотъ крестоносцевъ, потомъ Данію, гдѣ получилъ большое денежное вспоможеніе. Затѣмъ Альбертъ объѣхалъ часть сѣверной Германіи, и въ Магдебургѣ выхлопоталъ отъ короля Филиппа постановленіе, чтобы имущества крестоносцевъ, отправлявшихся въ Ливонію, пользовались тѣми же привилегіями какъ и крестоносцевъ, ходившихъ въ Палестину.

Весною 1200 года Альбертъ съ ратными и торговыми людьми на двадцати трехъ корабляхъ приплылъ къ устью Двины. Оставивъ здѣсь главный флотъ, епископъ на небольшихъ судахъ поднялся до Гольма и Икскуля. Ливы вооружились, начали новую войну съ Нѣмцами и заставили ихъ выдержать упорную осаду въ Гольмѣ. Но епископъ не затруднился прибѣгнуть къ вѣроломству: ему удалось подъ видомъ переговоровъ заманить къ себѣ ливонскихъ старшинъ; тогда, подъ угрозой отправить ихъ самихъ плѣнниками въ Германію, онъ принудилъ ихъ къ выдачѣ заложниками до тридцати своихъ сыновей. Эти мальчики были отосланы въ Бременъ, и тамъ воспитаны въ христіанской религіи. Епископскую столицу

Альбертъ рѣшилъ основать поближе къ морю, и выбралъ для этого на правомъ низменномъ берегу Двины то самое нѣсколько возвышенное мѣсто, на которомъ палъ его предшественникъ Бертольдъ и которое называлось *Риге* по имени небольшой впадающей здѣсь рѣчки, въ четырнадцати верстахъ отъ моря. Въ 1201 г. начата была постройка стѣнъ и заложенъ каѳедральный соборъ во имя св. Маріи. Папа, знаменитый Инокентій III, не только далъ свое согласіе на основаніе епископскаго города, но и даровалъ ему нѣкоторыя привилегіи; напримѣръ, онъ наложилъ запретъ на посѣщеніе нѣмецкими торговцами, сосѣдняго съ Двинскимъ, устья рѣки Муса или Куронской Аа, гдѣ производилась торговля съ туземными Зимголами. Вслѣдствіе такого запрещенія всѣ посѣщавшіе этотъ край нѣмецкіе купцы по неволѣ должны были приставать въ устьѣ Двины. Послѣднее укрѣплено особымъ замкомъ, получившимъ отъ самаго положенія своего названіе Динаминде (т. е. Двинскаго Устья). Альбертъ постарался привлечь въ епископскую столицу многихъ купцовъ и ремесленниковъ изъ Бремена, Готланда и другихъ мѣстъ, щедро одѣляя ихъ разными привилегіями, и городъ, благодаря выгодному положенію, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ значительныхъ посредниковъ въ торговлѣ между Германіей и Скандинавіей съ одной стороны и восточной Европой съ другой.

Каждую осень Альбертъ отправлялся въ Германію, и каждую весну, т. е. съ открытіемъ навигаціи, возвращался въ Ригу, приводя съ собой новые отряды вооруженныхъ пилигримовъ. Но эти крестоносцы оставались въ Ливоніи только одно лѣто, и затѣмъ отплывали обратно, въ увѣренности, что они достаточно заслужили папское отпущеніе своимъ грѣхамъ. Подобное пилигримство конечно не могло удовлетворить Альберта, который желалъ имѣть въ своемъ распоряженіи настоящую военную силу. Съ этой цѣлью онъ началъ раздавать нѣмецкимъ рыцарямъ замки и владѣнія на ленномъ правѣ. Первые изъ такихъ ленныхъ бароновъ явились въ Икскулѣ и Ленневарденѣ; послѣдній замокъ построенъ также на правомъ берегу Двины, выше Икскуля. Усиливавшіяся войны съ туземцами заставили епископа подумать о болѣе дѣйствительной мѣрѣ. Вмѣстѣ съ главнымъ своимъ сподвижникомъ Дитрихомъ (тѣмъ самымъ, которому гаданье конемъ спасло жизнь) Аль-

бертъ составилъ планъ основать въ Ливоніи монашескій рыцарскій орденъ, по примѣру орденовъ, которые въ то время существовали въ Палестинѣ. Иннокентій III въ 1202 году особою буллою утвердилъ этотъ планъ, и далъ Ливонскому ордену статутъ Храмовниковъ, а отличительнымъ знакомъ его назначилъ изображеніе краснаго креста и меча на бѣломъ плащѣ. Отсюда орденъ этотъ и сдѣлался извѣстенъ преимущественно подъ именемъ *Меченосцевъ*. (Утвержденное папою его именованіе было Fratres militiae Christi). Вмѣстѣ съ обѣтами безбрачія, повиновенія папѣ и своему епископу, орденскіе рыцари давали обѣтъ всю жизнь вести борьбу съ туземными язычниками.

Первымъ магистромъ Ливонскаго ордена Альбертъ назначилъ Винно-фонъ-Рорбахъ. Теперь завоеваніе Ливоніи и насильственное обращеніе въ христіанство пошли еще успѣшнѣе. Не одною силою меча Альбертъ распространялъ свое владычество, но еще болѣе хитрою политикой и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Въ особенности онъ старался привлекать къ себѣ ливонскихъ старшинъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Каупо, принявъ крещеніе, ѣздилъ даже въ Римъ, гдѣ удостоился почетнаго пріема и подарковъ отъ самого папы; разумѣется, по возвращеніи своемъ онъ явился самымъ усерднымъ слугою Римской церкви, и много помогъ епископу своимъ вліяніемъ на единоплеменниковъ и усерднымъ участіемъ въ войнахъ съ язычниками. Альбертъ искусно поддерживалъ вражду туземныхъ племенъ, являясь съ своею помощью однимъ противъ другихъ, истребляя язычниковъ ихъ собственными руками. Лѣтописецъ его подвиговъ, Генрихъ Латышъ передаетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ подобнаго истребленія. Литва по обыкновенію грабила и обижала ближніе чудскіе народцы. Однажды зимою Литовцы чрезъ земли Ливовъ предприняли набѣгъ на Эстовъ подъ начальствомъ своего князька Свельгата, и возвращались оттуда съ большимъ количествомъ плѣнниковъ, скота и другой добычи. Узнавъ о томъ, Нѣмцы вмѣстѣ съ союзными себѣ Земгалами расположились гдѣ-то на дорогѣ и поджидали Литву. Послѣдняя по причинѣ глубокаго снѣга двигалась длинною вереницею, идя другъ за другомъ; но, замѣтивъ непріятелей, поспѣшила собраться въ толпу. Увидавъ передъ собою большое число, Зем-

галы не рѣшились сдѣлать нападеніе. Но кучка нѣмецкихъ рыцарей считала отступленіе постыднымъ и двинулась впередъ. Тутъ вполнѣ выказалось, какой перевѣсъ надъ туземцами давали имъ вооруженіе и боевая опытность. Блиставшіе на солнцѣ желѣзные шлемы, панцыри и обнаженные мечи нѣмецкихъ всадниковъ навели такой страхъ на нестройную толпу Литвиновъ, вооруженныхъ первобытными орудіями и стрѣлами, что они, не выждавъ удара, бросились спасаться бѣгствомъ. Тогда и Земгалы присоединились къ Нѣмцамъ, произошла жестокая бойня; такъ какъ глубокій снѣгъ мѣшалъ бѣгству Литвиновъ. По словамъ Латыша-лѣтописца, они разсыпались и были избиваемы какъ овцы. Головы Свельгата и другихъ убитыхъ непріятелей собраны и увезены Земгалами какъ трофеи. Затѣмъ плѣненныхъ Литвою Эстовъ Нѣмцы также избили безъ пощады, видя въ нихъ только язычниковъ. Многія жены павшихъ Литвиновъ, узнавъ о пораженіи, сами лишили себя жизни, чтобы немедленно соединиться съ мужьями за гробомъ. Такъ въ одномъ только селеніи удавилось до пятидесяти женщинъ.

Насильно обращенные Ливы часто отпадали отъ христіанства и возставали противъ своихъ поработителей; при чемъ захваченныхъ ими Нѣмцевъ иногда приносили въ жертву своимъ богамъ. Нѣмцы порабощали ихъ вновь; въ отмщеніе избивали плѣнныхъ цѣлыми толпами и выжигали селенія. Такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ земля Ливовъ была покорена совершенно; но вслѣдствіе жестокаго характера борьбы этотъ довольно зажиточный край подвергся страшному опустошенію и обнищанію. Голодъ и моровое повѣтріе докончили дѣло опустошенія, начатаго Нѣмцами. Въ послѣдующіе вѣка обнищавшее, рѣдкое населеніе Ливовъ слилось съ Латышскимъ племенемъ; такъ что въ наше время можно найти только разсѣянные кое-гдѣ, ничтожные остатки этого нѣкогда значительнаго народа, давшаго свое имя почти всему Прибалтійскому краю.

Когда совершилось покореніе Ливовъ, Орденъ Меченосцевъ потребовалъ себѣ третью часть завоеванной земли и таковую же часть всѣхъ будущихъ завоеваній. Отсюда возникло препирательство между нимъ и епископомъ. Орденъ обратился къ папѣ, и тотъ рѣшилъ споръ въ его пользу. Это былъ пер-

вый шагъ къ его будущему преобладанію въ странѣ. Епископъ скоро могъ убѣдиться въ томъ, что онъ ошибся въ расчетѣ создать себѣ независимое положеніе духовнаго имперскаго князя и имѣть рыцарскій орденъ послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Послѣдній получилъ земли по рѣкѣ Аа или Гойвѣ. Здѣсь на холмахъ ея лѣваго берега былъ построенъ большой, крѣпкій замокъ Венденъ, который сдѣлался мѣстопребываніемъ магистровъ и средоточіемъ орденскихъ земель. По сосѣдству возникли другіе замки; изъ нихъ орденская братья владычествовала надъ окрестнымъ населеніемъ, которое она обратила въ крѣпостное состояніе. Рыцари, обязанные безбрачіемъ и другими монашескими обѣтами, очень мало обращали вниманія на эти обѣты. При поспѣшномъ учрежденіи Ордена епископъ не могъ быть разборчивъ въ выборѣ его братіи, и тотъ наполнился всевозможными выходцами, искателями добычи и приключеній, людьми грубыми и жестокими, которые при удобномъ случаѣ давали полную волю своимъ животнымъ страстямъ, и производили надъ подданными Ордена всякаго рода насилія; а также заводили ссоры и драки между собою. Тщетно обиженные обращались съ жалобами къ епископу; онъ не имѣлъ средствъ обуздать буйныхъ рыцарей. Одинъ изъ такихъ отчаянныхъ братьевъ напалъ на самого магистра Винно-фонъ-Рорбахъ, и умертвилъ его; за что впрочемъ былъ публично казненъ въ Ригѣ (1209 г.). На мѣсто убитаго Винно Альбертъ назначилъ рыцаря Вольквина.

За Ливами наступила очередь Латышей. Завоеваніе и обращеніе въ христіанство послѣднихъ совершилось уже съ меньшими усиліями. Часть Латышей, платившая дань полоцкимъ князьямъ и подчинившаяся русскому вліянію, склонялась къ принятію православія, и нѣкоторыя селенія были уже окрещены по восточному обряду. Такимъ образомъ въ этомъ краю нѣмецкая проповѣдь встрѣтилась съ русскою, и ливонская хроника передаетъ любопытный способъ, посредствомъ котораго въ одномъ округѣ рѣшенъ былъ споръ между двумя обрядами. Латыши прибѣгли къ гаданію, чтобы узнать волю своихъ боговъ, и жребій выпалъ въ пользу латинскаго обряда. Тогда нѣмецкіе миссіонеры безпрепятственно окрестили нѣсколько селеній. Въ нихъ немедленно выстроены были латинскіе храмы: а въ числѣ назначенныхъ сюда священниковъ на-

ходился самъ авторъ ливонской хроники Генрихъ Латышъ, окрещенный въ дѣтствѣ и воспитанный епископомъ Альбертомъ, къ которому онъ и сохранилъ навсегда глубокую преданность.

Распространеніе нѣмецкихъ завоеваній внутрь страны не могло наконецъ не вызвать враждебныхъ столкновеній съ Русью. Первыя столкновенія произошли на берегахъ Двины, и окончились въ пользу Нѣмцевъ, благодаря съ одной стороны слабости Полоцкаго княженія вообще, а также личной неспособности и безпечности полоцкаго князя Владиміра, съ другой начавшемуся напору Литвы, отвлекавшему вниманіе Полоцкой Руси въ иную сторону. Однажды епископъ Альбертъ отплылъ по обыкновенію въ Германію для сбора крестоносцевъ и всякаго рода пособій. Часть Ливовъ думала воспользоваться его отсутствіемъ и малымъ числомъ оставшихся на Двинѣ Нѣмцевъ, чтобы свергнуть ихъ иго; они послали звать на помощь Владиміра Полоцкаго; тотъ дѣйствительно приплылъ на судахъ по Двинѣ съ значительнымъ ополченіемъ. Сначала онъ попытался взять Икскуль; но отбитый баллистами или камнеметательными орудіями, спустился ниже по рѣкѣ, и приступилъ къ Гольму, въ которомъ находилось нѣсколько десятковъ Нѣмцевъ, да толпа призванныхъ на помощь Ливовъ, на вѣрность которыхъ впрочемъ трудно было положиться. Однако осада пошла неуспѣшно, попытка обложить замокъ дровами и сжечь его не удалась; ибо осажденные своими баллистами мѣтко поражали тѣхъ, кто слишкомъ близко подходилъ къ стѣнамъ. По словамъ Генриха Латыша, Полочане будто бы не были знакомы съ употребленіемъ этихъ орудій, а сражались издали стрѣлами. Они попытались устроить небольшія камнеметныя орудія по образцу Нѣмцевъ; но дѣйствовали такъ неискусно, что камни ихъ летѣли назадъ и ранили собственныхъ ратниковъ. Между тѣмъ сама Рига находилась въ страхѣ передъ нашествіемъ Русскихъ; такъ какъ она имѣла слабый гарнизонъ и самыя укрѣпленія ея были еще не окончены. Чтобы затруднить дороги къ городу, Рижане набросали по сосѣднимъ полямъ желѣзныхъ гвоздей о трехъ загнутыхъ концахъ; эти концы вонзались въ копыта конницы и въ ноги пѣхоты. Между тѣмъ нѣкоторые Ливы извѣстили

князя, что на морѣ показались какіе-то корабли. Тогда Владиміръ послѣ одинадцатидневной осады Гольма, уже едва державшагося, отступилъ отъ него, сѣлъ на суда, и отплылъ обратно, доказавъ вновь свою близорукость и безхарактерность (1206). А въ слѣдующемъ году тщетно призывалъ къ себѣ на помощь Владиміра Полоцкаго подручный ему державца городка Кукейноса князь Вячко, тѣснимый Нѣмцами, которыхъ владѣнія уже охватывали его со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ обороны, Вячко сжегъ Кукейносъ, и удалился съ своимъ семействомъ въ Русь. Епископъ велѣлъ на мѣстѣ сгорѣвшаго городка выстроить крѣпкій каменный замокъ, и отдалъ его въ ленъ одному рыцарю. Такая же участь постигла вскорѣ и другаго удѣльнаго князя, Всеволода, который владѣлъ слѣдующимъ подвинскимъ городкомъ Герсике.

Въ 1210 году существованіе возникающаго Нѣмецкаго государства едва не подверглось сильной опасности. Сосѣдніе Куроны, терпѣвшіе отъ Нѣмцевъ и Фризовъ помѣху въ своемъ пиратскомъ промыслѣ, вздумали воспользоваться обычнымъ отъѣздомъ епископа Альберта въ Германію и слабостію рижскаго гарнизона: они послали просить Ливовъ, Литву и Русскихъ, чтобы соединиться и общими силами изгнать ненавистныхъ пришельцевъ. Тѣ обѣщали. Многочисленныя суда Куроновъ въ условленное время явились въ устье Двины, и съ такою быстротою поспѣшили къ Ригѣ, что едва нѣкоторыя рыбачьи лодки успѣли извѣстить объ ихъ приближеніи. Власти тотчасъ ударили въ набатный колоколъ и призвали къ защитѣ города все населеніе; даже церковные служители и женщины взялись за оружіе. Немедленно во всѣ стороны поскакали гонцы съ требованіемъ помощи. Куроны храбро пошли на приступъ, закрываясь своими щитами, составленными изъ двухъ досокъ. Кто изъ нихъ падалъ раненный, тому ближній товарищъ отрубалъ голову. Рижане съ трудомъ оборонялись цѣлый день; однако устояли до наступленія ночи. А на слѣдующій день къ нимъ стала подходить помощь изъ ближнихъ замковъ; пришла и часть крещенныхъ Ливовъ подъ начальствомъ вѣрнаго Каупо. Между тѣмъ изъ союзниковъ куронскихъ никто не являлся. Постоявъ еще нѣсколько дней на лѣвомъ берегу Двины, Куроны сожгли тѣла своихъ павшихъ воиновъ, и уплыли обратно.

Юное Нѣмецкое государство на этотъ разъ какъ и вообще спаслось отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ своихъ враговъ. Особенно помогла ему замѣчательная неспособность полоцкаго князя Владиміра. Епископъ Альбертъ въ томъ же году съумѣлъ склонить этого князя къ выгодному для Риги торговому договору, который открылъ нѣмецкимъ купцамъ свободное плаваніе по Двинѣ въ Полоцкъ и Смоленскъ. При семъ изворотливый епископъ не только призналъ права Владиміра на дань, платимую прежде жителями; но и обязался самъ ежегодно вносить за нихъ эту дань князю. Такимъ образомъ, становясь какъ бы данникомъ Полоцкаго князя, онъ ловко устранилъ его отъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами. Полоцкій князь до такой степени близоруко смотрѣлъ на возраставшую силу Нѣмцевъ, что вслѣдъ за этимъ договоромъ послалъ ратную помощь епископу въ его войнѣ съ Эстами.

Еще худшимъ русскимъ патріотомъ оказался князь сосѣдняго Пскова, по имени также Владиміръ, родной братъ Мстислава Удалаго. Онъ вошелъ въ большую дружбу съ Нѣмцами, и выдалъ свою дочь въ Ригу за епископскаго брата Дитриха. Псковитяне возмутились этою дружбою, и выгнали его отъ себя. Изгнанникъ удалился въ Ригу; епископъ принялъ его съ почетомъ и сдѣлалъ намѣстникомъ ливонской области Идумеи.

Между тѣмъ Владиміръ Полоцкій пригласилъ Альберта на личное свиданіе подъ Герсике, который еще не былъ захваченъ Нѣмцами. Онъ предложилъ епископу условиться относительно Ливовъ, возобновленія торговаго договора и общихъ дѣйствій противъ Литовцевъ. Въ назначенный день епископъ приплылъ по Двинѣ въ сопровожденіи нѣкотораго количества орденскихъ рыцарей, ливонскихъ и латышскихъ старшинъ и кромѣ того нѣмецкихъ купцовъ, которые сидѣли въ лодкахъ также вполнѣ вооруженные. Владиміръ потребовалъ отъ епископа, чтобы тотъ прекратилъ крещеніе Ливовъ, такъ какъ они суть данники его, Полоцкаго князя, и въ его власти крестить ихъ или оставить некрещенными. Описывая это свиданіе, Генрихъ Латышъ замѣчаетъ, что русскіе князья обыкновенно покоряютъ какой нибудь народъ не для того, чтобы обратить его въ христіанство, а для того, чтобы собирать съ него

дани. Епископъ очень ловко отвѣтилъ, что онъ обязанъ чтить божеское повелѣніе болѣе человѣческаго, и сослался на евангельскую заповѣдь: «Идите и научите вси языцы, крестяще ихъ во имя Отца, Сына и Св. Духа». Сказалъ, что онъ не можетъ прекратить проповѣдь, порученную ему римскимъ первосвященникомъ; но что онъ не препятствуетъ платить дань князю, слѣдуя завѣту того же Евангелія отъ Матвѣя: «Воздадите Кесарю Кесарево, а Богу Богово». Напомнилъ, что онъ и самъ вносилъ князю подать за Ливовъ; но что сіи послѣдніе не хотятъ служить двумъ господамъ и просятъ навсегда освободить ихъ отъ русскаго ига. Отъ ласковыхъ, дружескихъ увѣщаній Владиміръ перешелъ наконецъ къ угрозамъ: всѣ ливонскіе города, въ томъ числѣ и самую Ригу, онъ грозилъ предать пламени. Дружинѣ своей онъ велѣлъ выйти изъ города и стать въ боевомъ порядкѣ, показывая намѣреніе напасть на Нѣмцевъ. Альбертъ также изготовилъ къ сраженію свою свиту. Тогда выступили посредниками Іоаннъ, пробстъ рижскаго собора св. Маріи, и бывшій псковскій князь Владиміръ, явившійся въ этомъ случаѣ усерднымъ слугою Нѣмцевъ. Имъ удалось склонить Полоцкаго князя не только къ примиренію съ епископомъ, но и къ отказу отъ ливонской дани и къ подтвержденію свободнаго плаванія по Двинѣ купеческимъ судамъ. Оба вождя обязались сообща дѣйствовать противъ Литвы и другихъ язычниковъ, и затѣмъ разъѣхались каждый въ свою сторону.

За порабощеніемъ Ливовъ и Латышей наступила очередь Эстонской Чуди. Первые удары Нѣмцевъ обрушились на ближнія области Эстовъ, Соккалу и Унганію, изъ которыхъ одна лежала на западной сторонѣ озера Вирцъ-Ерве, а другая на восточной. Эсты вообще оказали Нѣмцамъ болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ другія племена; а потому борьба съ ними приняла самый ожесточенный характеръ. Нѣмцы безъ пощады выжигали селенія и вырѣзывали мужское населеніе, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей; а Эсты въ свою очередь подвергали мучительной смерти попавшихся въ ихъ руки непріятелей; иногда они сожигали живыми нѣмецкихъ плѣнниковъ или душили ихъ, предварительно вырѣзавъ у нихъ крестъ на спинѣ. Пользуясь превосходствомъ своего вооору-

женія и военнаго искусства, разъединеніемъ племенъ и помощью преданной части Ливовъ и Латышей, Нѣмцы постепенно подвигали впередъ порабощеніе Эстовъ и ихъ насильственное крещеніе. Одна треть покоренныхъ земель, по установившемуся обычаю, поступала во владѣніе Ордена, а двѣ другія во владѣніе епископа и Рижской церкви. Во время этой борьбы съ Эстами неудачный полоцкій князь Владиміръ еще разъ является на сценѣ дѣйствія. Эсты, подобно Куронамъ, попытались заключить союзъ съ Владиміромъ и съ своими соплеменниками, жителями острова Эзеля; рѣшено было съ трехъ сторонъ напасть на Нѣмцевъ. Между тѣмъ какъ Эзельцы на своихъ лодкахъ обѣщали запереть Динаминде съ моря, Полоцкій князь условился лично идти Двиною прямо на Ригу. Онъ дѣйствительно собралъ большое ополченіе изъ Руси и Латышей. Войско уже готово было къ походу; но садясь въ ладью, князь вдругъ упалъ, и умеръ внезапною смертію (1216). И все предпріятіе, конечно, разстроилось.

Первая чудская область, покоренная Нѣмцами, была Соккала, средоточіемъ которой является крѣпкій замокъ Феллинъ. За Соккалой слѣдовала Унганія. Но тутъ Нѣмцы встрѣтились съ другою Русью, Новогородскою, которая хотя не оцѣнила вполнѣ важность нѣмецкаго завоеванія и не обнаружила настойчивости въ этомъ дѣлѣ, однако оказала болѣе энергіи и твердости чѣмъ Русь Полоцкая. Владѣя Юрьевымъ и нижнимъ теченіемъ Эмбаха, Новогородцы собирали дани съ ближнихъ Эстовъ и Латышей. Движеніе ихъ въ эту сторону особенно оживилось съ появленіемъ на Новогородскомъ столѣ Мстислава Удалаго. Въ 1212 году онъ предпринималъ удачный походъ на Чудь Торму (Унганія), и доходилъ до ея города Оденпе или Медвѣжьей Головы. Спустя два года такой же походъ онъ совершилъ на Чудь Ереву (Ервія), достигалъ до моря (Финскаго залива), и стоялъ подъ ея городомъ Воробьинымъ. Здѣсь Чудь поклонилась ему, и заплатила дань.

Тотъ же Генрихъ Латышъ, который выше говорилъ, будто Русскіе заботились только о даняхъ, а не обращали язычниковъ въ христіанскую вѣру, сознается однако, что у Латышей и Эстовъ Унганскихъ были уже начатки православія и что именно встрѣча его здѣсь съ латинствомъ повела за со-

бой военное столкновеніе Новогородцевъ съ Нѣмцами. Главная битва между ними произошла около помянутаго Оденпе, который старались захватить и тѣ, и другіе. Въ этой войнѣ снова выступаетъ Владиміръ Мстиславичъ, бывшій князь Псковскій, но уже не союзникомъ, а противникомъ Нѣмцевъ и предводителемъ русской рати вмѣстѣ съ новогородскимъ посадникомъ Твердиславомъ. Въ союзѣ съ ними находились и многіе Эсты изъ областей Соккалы, Эзеля и Гарріи, ожесточенные противъ Нѣмцевъ насильственнымъ крещеніемъ и опустошеніемъ своей земли. Русь при осадѣ Оденпе, занятаго Нѣмцами и отчасти Эстами, дѣйствуетъ не только стрѣлами, но и метательными снарядами. Тщетно самъ магистръ Ордена Вольквинъ пришелъ на помощь осажденнымъ съ своими рыцарями, а также съ толпами Ливовъ и Латышей. Городъ принужденъ былъ сдаться Русскимъ. Послѣ того, подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ, Владиміръ Мстиславичъ призвалъ въ русскій лагерь своего зятя Дитриха; тутъ Новогородцы схватили его и увели плѣнникомъ въ свою землю (1217).

Пораженіе Нѣмцевъ подъ Медвѣжьей Головой ободрило Эстовъ, и первымъ пришлось напрягать всѣ силы, чтобы подавить ихъ возстаніе. Новогородцы въ слѣдующемъ году нанесли нѣсколько пораженій Нѣмцамъ, двинулись въ глубь Ливоніи, и осадили самую столицу Ордена, Венденъ. Но съ одной стороны недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, съ другой извѣстіе о нападеніи Литовцевъ на ихъ собственные предѣлы принудили снять осаду и уйти обратно. Стѣсненное положеніе, въ которомъ очутились Нѣмцы во время этой борьбы съ Чудью и Новогородцами, заставило Альберта искать помощи не только въ Германіи, но и въ Даніи. Онъ отправился къ королю Вальдемару II, находившемуся тогда на высшей степени своего могущества, и умолялъ его защитить Ливонское владѣніе Дѣвы Маріи. Въ слѣдующемъ 1219 г. Вальдемаръ дѣйствительно присталъ къ берегамъ Ливоніи съ сильнымъ флотомъ и войскомъ. Послѣ храброй обороны, онъ взялъ приморскій городокъ Чуди Ревель, и на мѣстѣ его заложилъ крѣпкій каменный замокъ; а затѣмъ вернулся домой, оставивъ часть войска, которое и продолжало завоеваніе сѣверной Эстоніи. Однако Нѣмцы ошиблись въ расчетѣ на датскую помощь. Вальдемаръ вскорѣ объявилъ, что завоеванная имъ часть Эстоніи принад-

лежитъ Датскому королевству, и назначилъ въ нее епископомъ датчанина на мѣсто убитаго при осадѣ Ревеля епископа эстонскаго Дитриха. Ливонскій орденъ протестовалъ; но не имѣлъ силы поддержать оружіемъ свои притязанія. Тогда произошло любопытное соревнованіе между нѣмецкими и датскими миссіонерами; каждый изъ нихъ спѣшилъ окрестить сѣверную еще языческую часть Эстовъ, чтобы тѣмъ закрѣпить ихъ за своей народностью. При этомъ нѣмецкіе миссіонеры ради скорости обыкновенно совершали обрядъ крещенія надъ жителями цѣлой деревни разомъ, и спѣшили въ другую деревню. А Датчане, имѣя недостатокъ въ священникахъ, во многія деревни посылали просто служителей съ освященной водой, которою и окропляли жителей. Случалось иногда, что тѣ и другіе крестители сталкивались въ какой нибудь мѣстности, и между ними возникалъ споръ. Или нѣмецкіе священники являлись, напримѣръ, въ какое либо селеніе, собирали жителей, и готовились совершить надъ ними тѣнь обряда, какъ изъ толпы выступалъ старшина, и объявлялъ имъ, что наканунѣ Датчане ихъ уже окропили. Альбертъ Буксгевденъ отправился въ Римъ, и принесъ жалобу на короля Вальдемара папѣ Гонорію III. Но онъ встрѣтилъ тамъ датское посольство: король призналъ папу своимъ верховнымъ леннымъ владыкою. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Альбертъ вспомнилъ, что онъ когда-то объявилъ Ливонію леномъ Германской имперіи, и потому обратился къ императору Фридриху II. Но послѣдній, занятый другими дѣлами, не желалъ ссориться съ сильнымъ сосѣдомъ. Тогда Альбертъ покорился обстоятельствамъ: онъ отправился опять къ Вальдемару, и въ свою очередь призналъ его верховнымъ владѣтелемъ Эстоніи и Ливоніи.

Неожиданныя событія пришли на помощь ливонскимъ Нѣмцамъ. Въ 1223 году король Вальдемаръ былъ измѣннически на охотѣ захваченъ въ плѣнъ своимъ вассаломъ Генрихомъ, графомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ; чѣмъ и воспользовались нѣкоторыя покоренныя земли, чтобы свергнуть съ себя датское иго. Въ томъ числѣ освободилась и Ливонія; только въ сѣверной Эстоніи удержались еще Датчане. Въ тоже самое время произошло первое нашествіе Татаръ на Восточную Европу; оно нѣсколько отвлекло вниманіе Руси отъ Балтійскаго моря. Новогородцы, призываемые Эстами противъ сво-

ихъ поработителей, хотя продолжали войну и доходили до Ревеля или Колывани; но дѣйствовали безъ послѣдовательности, временными порывами, и нерѣдко оставляли въ покоѣ Нѣмцевъ, занятые внутренними смятеніями и частыми смѣнами своихъ князей, а также отношеніями суздальскими.

Нѣмцы воспользовались благопріятными обстоятельствами, чтобы отнять у Руси ея владѣніе на Эмбахѣ, т. е. городъ Юрьевъ или Дерптъ. Въ августѣ 1224 года епископъ Альбертъ и магистръ Ордена Вольквинъ, съ нѣмецкими рыцарями и пилигримами, также съ Ливами и Латышами, обступили Юрьевъ. Не задолго передъ тѣмъ этотъ городъ съ окрестною областью былъ отданъ въ удѣлъ князю Вячку, тому самому, у котораго Нѣмцы отняли Кокенгузенъ. Гарнизонъ состоялъ съ небольшимъ изъ двухъ сотенъ Русскихъ и нѣсколькихъ сотенъ Эстовъ. Но это былъ наилучше укрѣпленный городъ въ Балтійскомъ краѣ, и Нѣмцы принуждены употребить большія усилія, чтобы имъ овладѣть. Расположась въ шатрахъ вокругъ города, они соорудили большую деревянную башню, придвинули ее къ стѣнамъ, и подъ ея прикрытіемъ начали вести подкопъ. Въ то же время дѣйствовали метательныя орудія, которыя бросали въ замокъ стрѣлы, камни, раскаленное желѣзо, и старались его зажечь. Осажденные мужественно оборонялись, отвѣчая съ своей стороны также стрѣлами и метательными орудіями. Напрасно епископъ предлагалъ князю Вячку сдать городъ и удалиться съ людьми, оружіемъ и всѣмъ имуществомъ. Князь отвергъ всѣ предложенія, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Осадныя работы продолжались не только днемъ, но и ночью при заревѣ костровъ, пѣсняхъ, при звукѣ трубъ и литавръ. Горсть Русскихъ должна была проводить на стѣнахъ безсонныя ночи, ободряя себя также кликами и игрою на своихъ инструментахъ (въ томъ числѣ, по замѣчанію Генриха Латыша, на какихъ-то «тарантахъ», вѣроятно дудкахъ). Выведенные изъ терпѣнія мужественною обороною и медленностію осады, Нѣмцы рѣшили наконецъ взять городъ приступомъ, именно въ ту минуту, когда осажденные успѣли зажечь помянутую осадную башню пылающими колесами и вязанками дровъ. Приставили лѣстницы; Іоаннъ Аппельдернъ, братъ епископа Альберта, первый взобрался на стѣну; за нимъ ки-

нулись рыцари; за рыцарями Латыши. Произошла жестокая бойня. Послѣ отчаянной обороны всѣ Русскіе и почти всѣ Эсты были избиты. Въ числѣ павшихъ находился и доблестный Вячко. Нѣмцы пощадили только одного суздальскаго боярина, котораго отправили въ Новгородъ съ извѣстіемъ о случившемся. Забравъ коней и всякую добычу вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ женщинами и дѣтьми, Нѣмцы со всѣхъ сторонъ зажгли замокъ и удалились; ибо пришла вѣсть, что приближается большое новогородское войско. Но эта запоздавшая помощь, дошедши до Пскова, узнала о паденіи Дерпта и воротилась назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ Новгородъ и Псковъ заключили съ Ригою миръ. Хитрый Альбертъ употребилъ здѣсь туже политику какъ и противъ Полоцкаго князя: онъ изъ собственной казны уплатилъ Новогородцамъ часть дани, которую они получали съ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, и тѣмъ какъ бы признавалъ ихъ верховныя права. Но въ тоже время всѣ земли къ западу отъ Чудскаго озера поступили въ непосредственное владѣніе ливонскихъ Нѣмцевъ. Впрочемъ кромѣ внутреннихъ неурядицъ Новгородъ принужденъ былъ къ уступчивости тѣми же внѣшними обстоятельствами какъ и Полоцкъ, т. е. возраставшею опасностію со стороны Литвы: именно въ томъ же 1224 г. Литва сдѣлала набѣгъ на новогородскія владѣнія, проникла до города Русы, и подъ этимъ городомъ нанесла пораженіе Новогородцамъ.

Послѣ замиренія съ сосѣдними русскими областями, завоеваніе Балтійскаго края пошло еще успѣшнѣе и вскорѣ достигло своихъ естественныхъ предѣловъ. Въ 1227 году, пользуясь холодною зимою, наложившею ледяныя оковы на прибрежную полосу моря, нѣмецкая рать прошла по льду на островъ Эзель, послѣднее убѣжище Эстонской независимости. Нѣмцы, предводительствуемые самимъ епископомъ Альбертомъ и магистромъ Ордена Вольквиномъ, усиленные вспомогательными отрядами Ливовъ и Латышей, жестоко опустошили островъ, и взяли главное укрѣпленіе туземцевъ Моне; при чемъ разрушили святилище ихъ божества Тарапилла, которое имѣло изображеніе фантастической птицы или дракона. Завоеванный островъ по обычаю былъ раздѣленъ на три части между епископомъ, городомъ Ригою и Ливонскимъ орденомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Вольквинъ собралъ опять сильное ополченіе и предпри-

нялъ походъ въ сѣверную Эстонію противъ Датчанъ. Сами Эсты помогали ему при осадѣ Ревеля, который и былъ взять Нѣмцами; послѣ чего слабые датскіе гарнизоны изгнаны изъ цѣлой страны. Орденъ взялъ себѣ провинцію Гаррію, Ервію и Веррію; а епископу Альберту предоставилъ только Викъ, т. е. самую западную окрайну Эстоніи.

Около того же времени докончено покореніе лѣваго прибрежья Двины или страны Земгаловъ. Оно совершено съ большею легкостію, чѣмъ покореніе другихъ туземныхъ племенъ. Слѣдуя простой политикѣ разъединенія, Нѣмцы являлись союзниками этого племени противъ сосѣдей, особенно противъ его литовскихъ соплеменниковъ; а между тѣмъ успѣли захватить нѣсколько важныхъ пунктовъ и въ нихъ укрѣпиться. Нѣмецкіе миссіонеры также не встрѣтили со стороны мѣстнаго язычества такого упорнаго сопротивленія какъ въ другихъ областяхъ. Послѣднимъ бойцемъ за это язычество и угасающую независимость былъ Вестгардъ, наиболѣе значительный и храбрый изъ туземныхъ князей. Видя, какъ христіанство со всѣхъ сторонъ вторгалось въ его страну и священные дубы падали подъ топоромъ нѣмецкихъ миссіонеровъ безъ всякаго мщенія со стороны Перкуна, Вестгардъ подъ конецъ жизни созналъ безсиліе домашнихъ боговъ. Онъ умеръ почти въ одно время съ своимъ великимъ противникомъ епископомъ Альбертомъ, и послѣ него Зимгола окончательно подчинилась нѣмецкому владычеству и христіанству. За нею наступила очередь ея западныхъ сосѣдей Куроновъ. Тамъ уже дѣйствовала нѣмецкая проповѣдь и нѣмецкая политика. Проповѣдники въ особенности упирали на то обстоятельство, что только добровольно принявшіе христіанство сохранятъ свободу имущества, тогда какъ упорныхъ язычниковъ ожидаетъ участь Эстовъ. Между прочимъ ливонскимъ Нѣмцамъ удалось привлечь на свою сторону одного изъ вліятельныхъ куронскихъ князей Ламехина, и съ его помощью они въ 1230—31 гг. заключили рядъ договоровъ съ старшинами куронскихъ волостей (называвшихся на мѣстномъ языкѣ киллегунде). Куроны обязались принять христіанскихъ священниковъ, получить отъ нихъ крещеніе, платить подати духовенству и выставлять вспомогательные отрады противъ другихъ язычниковъ; за то они сохраняли пока свою личную свободу.

Но уже въ предыдущемъ 1229 г. скончался знаменитый епископъ Альбертъ Буксгевденъ послѣ тридцатилѣтняго управленія юнымъ Ливонскимъ государствомъ, которое было его созданіемъ. Смерть его случилась во время заключенія извѣстнаго торговаго договора между Ригою и Готландомъ съ одной стороны, Смоленскомъ и Полоцкомъ съ другой. Прахъ Альберта съ великой церемоніей былъ положенъ въ рижскомъ соборномъ храмѣ Богоматери. Капитулъ этой церкви вмѣстѣ съ епископами Дерптскимъ и Эзельскимъ выбралъ ему преемникомъ премонстранскаго каноника Николая изъ Магдебурга. Архіепископъ Бременскій заявилъ свои притязанія на прежнюю зависимость отъ него Ливонской церкви, и назначилъ другое лицо; но папа Григорій IX рѣшилъ споръ въ пользу Николая.

Государство, основанное Нѣмцами въ Балтійскомъ краѣ, достигло своихъ естественныхъ предѣловъ: съ сѣвера и запада море, съ востока и юга сильные народы, т. е. Русь и Литва. Казалось, для него наступила пора мирнаго внутренняго развитія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Внѣшніе враги грозили со всѣхъ сторонъ. Датскій король нисколько не думалъ покинуть своихъ притязаній на Эстонію; Новогородская Русь ждала только удобнаго случая воротить свои потери; на югѣ возникало опасное для Нѣмцевъ Литовское могущество; покоренныя племена сдерживались отъ возстаній только страхомъ жестокаго возмездія. А между тѣмъ приливъ крестоносцевъ изъ Германіи постепенно уменьшался, и ливонскіе Нѣмцы должны были довольствоваться почти одними собственными средствами въ борьбѣ съ окружающими врагами. Со смертію же епископа Альберта сошелъ съ исторической сцены тотъ умъ и та желѣзная воля, которые еще держали въ единеніи разнообразный составъ новаго государства. Послѣ Альберта Орденъ Меченосцевъ уже явно стремился стать выше своего леннаго господина, Рижскаго епископа, и обратить завоеванный край въ свое непосредственное владѣніе, т. е. поставить Ливонію къ себѣ въ тѣже отношенія, въ какихъ находилась тогда Пруссія къ Ордену Тевтонскихъ рыцарей. Отсюда естественно, почему Ливонскій орденъ началъ искать опоры съ этой стороны. Едва Альбертъ успѣлъ отойти въ вѣчность, какъ магистръ Волквинъ отправилъ пословъ къ

гросмейстеру Тевтонскаго ордена Герману Зальца съ предложеніемъ тѣснаго союза и даже сліянія двухъ сосѣднихъ орденовъ.

Завоеваніе Пруссіи Поляками, когда-то начатое Болеславомъ Храбрымъ и нѣкоторыми изъ его преемниковъ, было утрачено во время раздробленія Польши на удѣлы и внутреннихъ неурядицъ. Мало того, сами польскія области начали страдать отъ вторженій и грабежей сосѣднихъ Пруссовъ, и князья польскіе, выступавшіе противъ язычниковъ, нерѣдко терпѣли отъ нихъ пораженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ долгое время оставались тщетными попытки миссіонеровъ продолжать дѣло, начатое Войтехомъ и Брукомъ; нѣкоторые изъ нихъ нашли въ Пруссіи также мучительную смерть. Только два вѣка спустя послѣ этихъ двухъ апостоловъ, т. е. въ началѣ XIII столѣтія, удалось одному монаху изъ Данцигскаго цистерціанскаго монастыря, по имени Христіану, основать христіанскую общину въ прусской Кульміи, которая лежала на правой сторонѣ Вислы и вдавалась клиномъ между Славянами Польши и Помераніи. Этотъ Христіанъ до нѣкоторой степени имѣлъ для Пруссіи тоже значеніе, какое Альбертъ Буксгевденъ для Ливоніи. Знаменитый папа Иннокентій III возвелъ его въ достоинство прусскаго епископа; поручилъ его покровительству архіепископа Гнѣзненскаго, а также князей Польши и Помераніи, и вообще оказалъ утвержденію католической церкви въ Пруссіи такую же дѣятельную, искусную поддержку какъ и въ Ливоніи.

Въ сосѣдней польской области Мазовіи княжилъ тогда Конрадъ, младшій сынъ Казиміра Справедливаго, не отличавшійся никакими доблестями. Пользуясь его слабостью, Пруссы усилили нападенія на его земли. Вмѣсто мужественной обороны, Конрадъ сталъ откупаться отъ ихъ набѣговъ. По этому поводу разсказываютъ даже слѣдующую черту. Однажды, не имѣя средствъ удовлетворить жадности грабителей, онъ зазвалъ къ себѣ на пиръ своихъ вельможъ съ женами и дѣтьми; во время пира велѣлъ тайкомъ забрать коней и верхнія одежды гостей, и все это отослалъ Пруссакамъ. При такихъ обстоятельствахъ малодушный Конрадъ охотно послѣдовалъ совѣту епископа Христіана, и добровольно водворилъ въ своей землѣ злѣйшихъ враговъ славянства; Нѣмцевъ. Мысль о томъ

подали успѣхи только что основаннаго въ Ливоніи Ордена Меченосцевъ. Сначала Конрадъ и Христіанъ, съ разрѣшенія папы, попытались основать свой собственный орденъ для борьбы съ язычниками. Ихъ Орденъ получилъ во владѣніе замокъ Добрынь на Вислѣ и право на половину всѣхъ земель, которыя завоюетъ въ Пруссіи. Но онъ оказался слишкомъ слабъ для такой задачи, и вскорѣ потерпѣлъ отъ Пруссовъ столь сильное пораженіе, что не смѣлъ болѣе выступать за стѣны своего замка. Тогда Конрадъ, по совѣту съ Христіаномъ и нѣкоторыми изъ польскихъ епископовъ и вельможъ, рѣшилъ призвать для укрощенія свирѣпыхъ сосѣдей Орденъ Тевтонскій.

Этотъ Орденъ былъ основанъ Нѣмцами не задолго до того времени въ Палестинѣ, въ честь Богоматери, по примѣру итальянскихъ Іоаннитовъ и французскихъ Тампліеровъ. Онъ принялъ на себя монашескіе обѣты съ обязательствомъ ходить за больными и сражаться съ невѣрными. Правда, его подвиги въ Палестинѣ мало помогли Іерусалимскому королевству; за то онъ былъ надѣленъ разными владѣніями въ Германіи и Италіи. Значеніе его много поднялось, благодаря въ особенности гросмейстеру Герману Зальца, который умѣлъ снискать одинаковое уваженіе и Фридриха II Гогенштауфена и противниковъ его, т. е. римскихъ папъ. Въ 1225 году прибыли къ нему въ южную Италію послы князя Мазовецкаго, и предложили Ордену переселиться въ области Кульмскую и Лобавскую подъ условіемъ войны съ прусскими язычниками. Такое предложеніе конечно не могло не понравиться гросмейстеру; но онъ не спѣшилъ своимъ согласіемъ, наученный опытомъ. Около того времени угорскій король Андрей II точно также призвалъ Тевтонскихъ рыцарей для борьбы съ Половцами и далъ Ордену во владѣніе область въ Трансильваніи; но потомъ, замѣтивъ опасность, которая грозила отъ водворенія военной и властолюбивой нѣмецкой дружины, онъ поспѣшилъ удалить Тевтоновъ изъ своего королевства. Очевидно, Угры обладали большимъ инстинктомъ самосохраненія, нежели Поляки.

Тевтонскій гросмейстеръ не столько заботился о крещеніи язычниковъ, сколько имѣлъ въ виду основать собственное независимое княжество. Онъ началъ съ того, что испросилъ

Ордену у императора Фридриха грамоту на полное владѣніе Кульмскою землею и всѣми будущими завоеваніями въ Пруссіи; ибо по тогдашнимъ нѣмецкимъ понятіямъ и самая Польша считалась леномъ Германской имперіи. Зальца хотѣлъ поставить будущее княжество подъ непосредственное верховенство имперіи, а никакъ не Польши. Затѣмъ онъ вступилъ въ продолжительные переговоры съ Конрадомъ Мазовецкимъ объ условіяхъ перенесенія Ордена въ Кульмскую область. Плодомъ этихъ переговоровъ былъ цѣлый рядъ актовъ и грамотъ, которыми недальновидный Польскій князь предоставилъ Тевтонамъ разныя права и привилегіи. Только въ 1228 году впервые на границахъ Польши и Пруссіи явился значительный отрядъ Тевтонскихъ рыцарей подъ начальствомъ провинціальнаго магистра Германа Балка, чтобы принять Кульмскую землю во владѣніе Ордена. Прежде, нежели приступить къ борьбѣ съ язычниками, Нѣмцы и тутъ продолжали свои переговоры съ Конрадомъ, пока договоромъ 1230 года не получили отъ него подтвержденія на вѣчное, безусловное владѣніе данною областью. Въ тоже время они постарались обезпечить себя отъ притязаній помянутаго епископа прусскаго Христіана, который думалъ, что Тевтонскій Орденъ будетъ находиться къ нему въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ Ливонскій къ епископу Рижскому. На первое время Орденъ призналъ ленныя права епископа на Кульмскую землю, и обязался платить ему за нее небольшую дань. Благопріятный для Ордена случай вскорѣ помогъ ему совсѣмъ освободиться отъ этихъ ленныхъ отношеній. Епископъ Христіанъ съ небольшою свитою неосторожно углубился въ землю язычниковъ для проповѣди Евангелія, и былъ захваченъ въ плѣнъ, въ которомъ томился около девяти лѣтъ. Ловкій Германъ Зальца, остававшійся въ Италіи и оттуда управлявшій дѣлами Ордена, склонилъ папу Григорія IX признать прусскія владѣнія Тавтоновъ непосредственнымъ духовнымъ леномъ папскаго престола; чѣмъ устранялись притязанія Кульмскаго епископа. Кромѣ того съ согласія папы остатки Добрынскихъ рыцарей и ихъ имѣнія были включены въ Тевтонскій орденъ. Въ этомъ краю, также какъ въ землѣ Балтійскихъ и Полабскихъ Славянъ, католическая церковь явилась главною союзницей германизаціи.

Верховный покровитель Ордена, папа усердно призывалъ крестоносцевъ изъ сосѣднихъ странъ, Польши, Помераніи, Гольштиніи, Готланда и др. къ общей борьбѣ съ прусскими язычниками, и даровалъ этимъ крестоносцамъ такія же привилегіи и отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые отправлялись въ Палестину. Его призывъ не остался безъ отвѣта. Въ Западной и Средней Европѣ того времени еще была сильна вѣра, что ничто такъ не угодно Богу какъ обращеніе язычниковъ въ христіанство, хотя бы посредствомъ меча и огня, и что это самое вѣрное средство смыть съ себя всѣ прошлые грѣхи. Тевтонскіе рыцари начали завоеваніе и насильственное крещеніе Пруссіи съ помощью сосѣднихъ католическихъ государей, приводившихъ крестоносныя дружины, особенно съ помощью славянскихъ князей Польши и Поморья, которые болѣе чѣмъ Нѣмцы работали въ пользу германизаціи. Каждый свой шагъ рыцари закрѣпляли построеніемъ каменныхъ замковъ, и прежде всего конечно постарались завладѣть нижнимъ теченіемъ Вислы. Здѣсь первой орденской твердыней явился Торунь, за нимъ послѣдовали Хельмно (Кульмъ), Маріенвердеръ, Эльбингъ и т. д. Пруссы оборонялись упорно; но не могли устоять противъ новой силы, пользующейся превосходствомъ военнаго искусства, вооруженія, единства дѣйствій и вообще отлично организованой. Чтобы еще болѣе упрочить свое владычество, вмѣстѣ съ построеніемъ крѣпостей Орденъ дѣятельно водворялъ нѣмецкую колонизацію, вызывая для того переселенцевъ въ свои города, надѣляя ихъ торговыми и промышленными льготами и кромѣ того раздавая участки земли на ленныхъ правахъ переселенцамъ военнаго сословія. Для утвержденія новой вѣры Нѣмцы особенное вниманіе обращали на юное поколѣніе: они старались захватывать дѣтей, и отправляли ихъ въ Германію, гдѣ послѣдніе и получали воспитаніе на рукахъ духовенства съ тѣмъ, чтобы, воротясь на родину, быть усердными миссіонерами католичества и германизаціи. При завоеваніи Пруссіи повторялись почти тѣже жестокости, опустошенія и закрѣпощеніе туземцевъ, какія мы видѣли при завоеваніи Ливоніи и Эстоніи.

Къ этому-то Тевтонскому или Прусскому ордену обратился ливонскій магистръ Вольквинъ съ предложеніемъ соединить

свои силы, и отправилъ для того пословъ въ Италію къ гросмейстеру. Но первое предложеніе было сдѣлано еще въ то время, когда Тевтонскій орденъ едва водворился въ Кульмской области и только начиналъ свою завоевательную дѣятельность. Ливонія отдѣлялась отъ него еще независимыми литовскими племенами; соединеніе двухъ рыцарскихъ орденовъ могло повести за собою и соединеніе ихъ враговъ для общаго отпора. Германъ Зальца пока благоразумно отклонилъ предложеніе, но не отнялъ надежды. Спустя нѣсколько лѣтъ, переговоры о соединеніи возобновились, и въ Марбургѣ — главномъ германскомъ пріютѣ Тевтоновъ—происходило совѣщаніе орденскаго капитула въ присутствіи пословъ Вольквина. Здѣсь большинство Тевтоновъ высказалось противъ соединенія. Ихъ Орденъ состоялъ преимущественно изъ членовъ старыхъ дворянскихъ родовъ, изъ людей закаленныхъ, благочестивыхъ, гордыхъ своими строгими обѣтами и суровой дисциплиной. Тогда какъ ряды Меченосцевъ наполнялись сыновьями бременскихъ и другихъ нижненѣмецкихъ торгашей, разнообразными искателями приключеній и добычи, людьми лишними у себя на родинѣ. Въ Германію уже проникла молва объ ихъ распутной жизни и такомъ деспотическомъ обращеніи съ туземцами, которое дѣлало для послѣднихъ ненавистнымъ само христіанство и заставляло иногда возвращаться къ язычеству. Тевтоны свысока смотрѣли на Меченосцевъ, и опасались унизить свой Орденъ такимъ товариществомъ. Изъ Марбурга дѣло перенесено опять въ Италію на разсмотрѣніе гросмейстера. Германъ Зальца на этотъ разъ оказался болѣе расположеннымъ къ соединенію, и представилъ вопросъ о немъ на разрѣшеніе папы Григорія IX.

Между тѣмъ случилось событіе, которое ускорило это дѣло. Магистръ Вольквинъ съ сильнымъ войскомъ предпринялъ походъ въ глушь литовскихъ земель. Литовцы скрытно собрались въ окрестныхъ лѣсахъ, откуда выступили внезапно и окружили Нѣмцевъ со всѣхъ сторонъ. Отчаянная битва произошла въ день Маврикія, въ сентябрѣ 1236 г. Тщетно рыцари восклицали: «впередъ, съ помощью св. Маврикія!» Они потерпѣли полное пораженіе. Самъ магистръ Вольквинъ, сорокъ восемь орденскихъ рыцарей и множество вольныхъ крестоносцевъ остались на мѣстѣ битвы. Орденъ спасся только

тѣмъ, что Литва не воспользовалась своею побѣдою, и, вмѣсто движенія въ Ливонію, обратилась противъ Руси. Послѣ того Меченосцы усилили свои просьбы о соединеніи, которое наконецъ и было совершено ихъ послами съ соизволенія Григорія IX въ его резиденціи Витербо, въ маѣ 1237 года. Ливонскіе рыцари приняли уставъ Тевтонскаго ордена; они должны были перемѣнить свой орденскій плащъ съ краснымъ мечемъ на тевтонскую бѣлую мантію съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ.

Намѣстникъ Зальца въ Пруссіи, Германъ Балкъ назначенъ первымъ областнымъ магистромъ (ландмейстеромъ) въ Ливонію. Однимъ изъ первыхъ его дѣяній здѣсь было заключеніе договора съ Вальдемаромъ II. Въ спорѣ между Орденомъ и датскимъ королемъ за Эстонію папа склонился на сторону короля, и гросмейстеръ уступилъ. По заключенному договору, Орденъ возвратилъ Даніи прибрежныя Финскому заливу области Веррію съ городомъ Везенбергомъ и Гаррію съ Ревелемъ. Въ послѣднемъ городѣ Вальдемаръ поставилъ особаго епископа для своихъ эстонскихъ владѣній. Но онъ уже не былъ въ силахъ вытѣснить отсюда нѣмецкихъ рыцарей, получившихъ отъ Ордена земли и разныя привилегіи. Напротивъ, чтобы привлечь на свою сторону это военное сословіе, онъ старался удовлетворить его жадность и властолюбіе новыми привилегіями и правами на закрѣпощеніе туземцевъ. Вообще датское владычество просуществовало въ томъ краю еще около столѣтія; но не пустило глубокихъ корней. Германъ Балкъ возстановилъ значеніе Меченосцевъ удачною войною съ сосѣднею Новогородскою Русью. Но вскорѣ и онъ, и самъ гросмейстеръ Зальца скончались (1239 г.).

Дѣла соединеннаго Ордена пошли хуже. Онъ долженъ былъ бороться въ одно время съ Русью, Литвою и бывшимъ своимъ союзникомъ поморскимъ княземъ Святополкомъ. Особенно чувствительныя пораженія понесъ новый ливонскій ландмейстеръ Фонъ-Хеймбургъ отъ русскаго героя Александра Невскаго. Къ этимъ пораженіямъ присоединилось еще отчаянное возстаніе Куроновъ и Земгаловъ. Оба племени, какъ мы видѣли, довольно легко подчинились нѣмецкому владычеству, и приняли къ себѣ священниковъ. Но скоро они убѣдились, что обѣщанія миссіонеровъ оставить въ покоѣ ихъ

имущество и личную свободу были только пустыми словами, что нѣмецкое владычество и нѣмецкое христіанство означали всякаго рода поборы и притѣсненія. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Ордена, Куроны возстали: они умертвили своего епископа и тѣхъ священниковъ, которыхъ успѣли захватить въ свои руки; прогнали или перебили поселившихся между ними Нѣмцевъ, и заключили союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ. За ними возстали и Земгалы.

Подавить это возстаніе удалось Дитриху фонъ-Грюнингенъ, котораго новый тевтонскій гросмейстеръ Генрихъ фонъ-Гогенлое назначилъ ландмейстеромъ въ Ливонію и снабдилъ значительными военными средствами. Суровый, энергичный Грюнингенъ съ огнемъ и мечемъ прошелъ землю Куроновъ, и страшными опустошеніями принудилъ ихъ просить мира. Они уже успѣли было воротиться къ своимъ старымъ богамъ; но теперь принуждены были выдать заложниковъ и вновь совершить обрядъ крещенія (1244). Въ слѣдующемъ году война возобновилась, когда на помощь угнетеннымъ пришелъ съ литовскимъ войскомъ Миндовгъ. Однако въ рѣшительной битвѣ на высотахъ Амботенскихъ онъ потерпѣлъ пораженіе.

Покоривъ вновь Куронію и Земгалію, Нѣмцы утвердили здѣсь свое владычество укрѣпленіемъ старыхъ туземныхъ городковъ и построеніемъ новыхъ каменныхъ замковъ на окраинахъ и внутри страны во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ. Такимъ образомъ возникли: Виндава, на устьѣ рѣки того же имени, Пильтенъ выше на правомъ берегу той же рѣки, еще выше Гольдингенъ на лѣвомъ берегу ея, противъ того мѣста, гдѣ она образуетъ живописный водопадъ; далѣе Донданген и Ангерминде на сѣверной окраинѣ Куроніи; Газенпотъ, Гробинъ и вновь укрѣпленный Амботенъ на югѣ, на предѣлахъ съ Литвою, и пр. Нѣкоторые изъ этихъ замковъ сдѣлались резиденціей комтуровъ и фогтовъ, т. е. орденскихъ или епископскихъ намѣстниковъ, снабженныхъ достаточною вооруженною силою для поддержанія покорности въ своихъ округахъ. Въ Земгаліи около того времени являются нѣмецкія крѣпости Зельбургъ на лѣвомъ прибрежьѣ Двины и Бауске на пограничьѣ съ Литвою, при сліяніи Муса съ Мемелемъ. Это сліяніе образуетъ рѣку Аа (Семигальскую или Куронскую), на лѣвомъ берегу кото-

рой, среди низменной мѣстности, вскорѣ положено основаніе Митавскаго замка. При новомъ завоеваніи Куроновъ и Земгаловъ, они уже были лишены тѣхъ правъ, которыя обѣщаны имъ первоначальными договорами. Нѣмцы воспользовались возстаніемъ, чтобы поработить ихъ окончательно, т. е. обратить въ такое же крѣпостное состояніе, какое уже было водворено въ Ливоніи и Эстоніи.

Такимъ образомъ Ливонскій орденъ, благодаря соединенію съ Тевтонскимъ, успѣлъ упрочить, бывшее дотолѣ шаткимъ, нѣмецкое владычество въ Балтійскомъ краѣ, отбить враждебныхъ сосѣдей и совершенно закрѣпостить туземные народцы. Съ помощью того же соединенія онъ почти достигъ цѣли и другихъ своихъ стремленій: сталъ въ болѣе независимыя отношенія къ епископской власти и вообще духовенству, признавая надъ собою только верховную, весьма отдаленную власть императора и папы. Но его борьба съ епископами, затихшая во время внѣшней опасности, впослѣдствіи возобновилась изъ-за спорныхъ леновъ, доходовъ и разныхъ привилегій.

Въ этой борьбѣ весьма видное мѣсто получилъ городъ Рига. Благодаря выгодному положенію на большомъ торговомъ пути, а также тѣснымъ связямъ съ Готландомъ и нижненѣмецкими городами, Рига быстро начала расти и богатѣть. Епископы рижскіе, вскорѣ получившіе архіепископскій титулъ, награждали значительныхъ гражданъ за разныя услуги ленами или поземельными участками въ окрестной области; а самый городъ надѣляли такими привилегіями, что онъ получилъ почти полное внутреннее самоуправленіе. Это городское самоуправленіе Риги устроилось по образцу ея метрополіи, Бремена, и сосредоточилось въ рукахъ двухъ гильдій, большой или купеческой и малой или ремесленной. Рядомъ съ ними возникла еще третья гильдія, подъ именемъ Черноголовыхъ; въ нее первоначально принимались только неженатые граждане, отличившіеся въ войнахъ съ туземными язычниками, и это учрежденіе сдѣлалось ядромъ собственной вооруженной силы города. Кромѣ своей гражданской милиціи онъ нерѣдко держалъ у себя и наемные отряды. Располагая значительными военными средствами, Рига имѣла

возможность оказывать своему архіепископу весьма дѣйствительную помощь въ его борьбѣ съ Орденомъ, и до нѣкоторой степени уравновѣшивать силы этихъ двухъ соперниковъ. Значеніе ея поднялось еще болѣе, когда она вступила въ знаменитый Ганзейскій союзъ ([23]).

XVI.

ФИНСКІЙ СѢВЕРЪ И НОВГОРОДЪ ВЕЛИКІЙ.

Сѣверная природа.—Финское племя и его подраздѣленіе.—Его бытъ, характеръ и религія.—Калевала.—Ильменскіе Славяне-Кривичи.—Избраніе князей и развитіе народоправленія.—Борьба съ Суздалемъ.—Политическія партіи.—Посадникъ и другія власти.—Народное вѣче.—Боярство.—Выборный владыка.—Ильменская область.—Великій Новгородъ.—Св. Софія и другіе храмы.—Торговая сторона.—Окрестные монастыри.—Руса, Псковъ, Ладога и другіе пригороды.—Карелія, Заволочье, Югра.—Вятская община.

Отъ Валдайскаго плоскогорья почва постепенно понижается на сѣверъ и сѣверозападъ къ берегамъ Финскаго залива; а далѣе снова возвышается и переходитъ въ гранитныя скалы Финляндіи съ ихъ отрогами, идущими къ Бѣлому морю. Вся эта полоса представляетъ великую озерную область; она когда-то была покрыта глубокимъ ледянымъ слоемъ; вода, въ теченіе тысячелѣтій, накопившаяся отъ таянія льда, наполнила всѣ впадины этой полосы и образовала ея безчисленныя озера. Изъ нихъ Ладожское и Онежское по своей обширности и глубинѣ могутъ быть названы скорѣе внутренними морями, нежели озерами. Они соединяются между собою, а также съ Ильменемъ и Балтикой такими многоводными протоками какъ Свирь, Волховъ и Нева. Рѣка Онега, озера Лаче, Воже, Бѣлое и Кубенское могутъ считаться приблизительною восточною гранью этой великой озерной области. Далѣе къ востоку отъ нея до самаго Уральскаго хребта идетъ полоса низкихъ, широкихъ хребтовъ или «уваловъ», которую прорѣзываютъ три величественныя рѣки, Сѣверная Двина, Печера и Кама, съ ихъ многочисленными и иногда весьма большими притоками. Увалы составляютъ водораздѣлъ между лѣвыми притоками Волги и рѣками Сѣвернаго океана.

Неизмѣримые сосновые и еловые лѣса, покрывающіе обѣ эти полосы (озерную и уваловъ), чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе смѣняются мелкимъ кустарникомъ и наконецъ переходятъ въ дикія безпріютныя тундры, т. е. низменныя болотистыя пространства, подернутыя мохомъ и проходимыя только въ зимнее время, когда онѣ скованы морозами. Все въ этой сѣверной природѣ носитъ на себѣ печать утомительнаго однообразія, дикости и необъятности: болота, лѣса, мхи—все безконечно и неизмѣримо. Русскіе обитатели ея издавна сообщили мѣткія прозванія всѣмъ главнымъ явленіямъ своей природы: темные лѣса «дремучіе», вѣтры «буйные», озера «бурныя», рѣки «свирѣпыя», болота «стоячія» и т. п. Даже и въ южной половинѣ сѣвернаго пространства скудная песчано-глинистая почва при суровомъ климатѣ и полномъ раздольѣ для вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго океана, не могла способствовать развитію земледѣльческаго населенія и прокормить своихъ обитателей. Однако предпріимчивый, дѣятельный характеръ Новогородской Руси съумѣлъ подчинить себѣ эту скупую суровую природу, внести въ нее жизнь и движеніе. Но прежде, нежели Новогородская Русь распространила здѣсь свои колоніи и свою промышленность, вся сѣверо-восточная полоса Россіи была уже заселена народами обширной Финской семьи.

Когда начинается наша исторія, мы находимъ финскія племена на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, на которыхъ они живутъ и доселѣ, т. е. главнымъ образомъ отъ Балтійскаго моря до Оби и Енисея. Сѣверною границею служилъ имъ Ледовитый океанъ, а южные предѣлы ихъ приблизительно можно обозначить линіей отъ Рижскаго залива къ средней Волгѣ и верхнему Уралу. По своему географическому положенію, а также по нѣкоторымъ наружнымъ отличіямъ своего типа Финское семейство издавна распадалось на двѣ главныя вѣтви: западную и восточную. Первая занимаетъ ту великую озерную область, о которой мы говорили выше, т. е. страну между морями Балтійскимъ, Бѣлымъ и верхнею Волгою. А страна восточныхъ Финновъ обнимаетъ еще болѣе обширную полосу уваловъ, средней Волги и Зауралья.

Древняя Русь имѣла для Финновъ другое общее имя; она называла ихъ Ч у д ь ю. Различая ее по отдѣльнымъ племенамъ,

нѣкоторымъ изъ нихъ она присвоила названіе Чуди по преимуществу, а именно тѣмъ, которые обитали по западную сторону Чудскаго озера или Пейпуса (Эсты) и по восточную (Водь). Кромѣ того была еще такъ наз. Чудь *Заволоцкая*, обитавшая около озеръ Ладожскаго и Онежскаго и простиравшаяся, повидимому, до рѣкъ Онеги и Сѣверной Двины. Къ этой Заволоцкой Чуди примыкала и Весь, которая, по словамъ лѣтописи, жила около Бѣлаозера, но безъ сомнѣнія распространялась на югъ по теченію Шексны и Мологи (Весь Егонская) и на югозападъ до верхняго Поволжья. Судя по ея языку, эта Весь и сосѣдняя съ нею часть Заволоцкой Чуди относились къ той именно вѣтви Финскаго семейства, которая извѣстна подъ именемъ Емь и жилища которой тянулись до береговъ Ботническаго залива. Сѣверную часть Заволоцкой Чуди составляла другая близкая Еми вѣтвь, извѣстная подъ именемъ Карелы. Одинъ карельскій народецъ, жившій на лѣвой сторонѣ рѣки Невы, носилъ названіе Ингровъ или Ижоры; а другой, продвинувшійся также къ самому Ботническому заливу, называется Квенцы. Карелы оттѣснили далѣе на сѣверъ въ тундры и скалы соплеменный себѣ, но болѣе дикій народъ бродячихъ Лопарей; часть послѣднихъ впрочемъ осталась на прежнихъ мѣстахъ и смѣшалась съ Карелами. Для этой западной Финской вѣтви существуетъ общее туземное названіе Суоми.

Трудно опредѣлить, въ чемъ заключались отличительныя черты Финновъ западныхъ отъ восточныхъ, а также, гдѣ кончались первые и начинались вторые. Можемъ только сказать вообще, что первые имѣютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ волосъ, кожи и глазъ; уже древняя Русь въ своихъ пѣсняхъ отмѣтила западную вѣтвь прозваніемъ «Чудь Бѣлоглазая». Средину между ними, по своему географическому положенію, занимало когда-то значительное (теперь обрусѣвшее) племя Мери, жившее по обѣимъ сторонамъ Волги, въ особенности между Волгою и Клязьмою. Часть этого племени, обитавшая на нижней Окѣ, называлась Мурома. А далѣе къ востоку, между Окою и Волгою, находилось многочисленное племя Мордовское (Буртасы арабскихъ писателей), съ его подраздѣленіемъ на Эрзу и Мокшу. Тамъ, гдѣ Волга дѣлаетъ крутой поворотъ на югъ, по ту и по другую ея сторону жили Черемисы. Все это

Финны собственно Поволжскіе. На сѣверъ отъ нихъ широко разселилось племя Пермское (Зыряне и Вотяки), которое охватило рѣчныя области Камы съ Вяткой и верхней Двины съ Вычегдой. Углубляясь далѣе на сѣверовостокъ, встрѣчаемъ Югру, т. е. Угорскую вѣтвь восточныхъ Финновъ. Часть ея, жившая между Камою и Печерою, русская лѣтопись называетъ именемъ послѣдней рѣки, т. е. Печеры; а собственная Югра обитала по обѣ стороны Уральскаго хребта; потомъ она стала извѣстна болѣе подъ именами Вогуловъ и Остяковъ. Къ этой Угорской вѣтви должно отнести и Башкирское племя (впослѣдствіи почти отатарившееся), кочевавшее въ южномъ Пріуральѣ. Изъ башкирскихъ степей по всей вѣроятности вышли предки той Угорской или Мадьярской орды, которая турецкими кочевниками была вытѣснена изъ своей родины, долго скиталась въ степяхъ южной Россіи, и потомъ, съ помощью Нѣмцевъ, покорила себѣ славянскія земли на Среднемъ Дунаѣ. Народъ Самоѣдскій, который въ этнографическомъ отношеніи занимаетъ средину между семействами Финскимъ и Монгольскимъ, въ древности жилъ южнѣе чѣмъ въ наше время; но другими племенами онъ постепенно оттѣсненъ на крайній сѣверъ въ безпріютныя тундры, простирающіяся вдоль прибрежьевъ Ледовитаго океана.

Древнія судьбы обширнаго Финскаго семейства почти недоступны наблюденіямъ исторіи. Нѣсколько отрывочныхъ и неясныхъ извѣстій у писателей классическихъ, въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ, византійскихъ, латинскихъ и русскихъ, у арабскихъ географовъ и въ скандинавскихъ сагахъ—вотъ все что мы имѣемъ о народахъ Финскаго сѣвера, вступившихъ въ составъ древней Руси и съ давнихъ временъ подвергшихся постепенному обрусѣнію. Наша исторія застаетъ ихъ на низкихъ бытовыхъ ступеняхъ, впрочемъ далеко неодинаковыхъ по разнымъ племенамъ. Болѣе сѣверные народцы живутъ въ грязныхъ шалашахъ, въ землянкахъ или пещерахъ, питаются травою, тухлою рыбою и всякою падалью, или скитаются за стадами оленей, которые ихъ кормятъ и одѣваютъ. Между тѣмъ другіе ихъ соплеменники, поволжскіе и эстонскіе, уже имѣютъ нѣкоторые признаки довольства, занимаются звѣринымъ промысломъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и отчасти земледѣліемъ; живутъ большими сёлами въ бревенчатыхъ

избахъ; добываютъ себѣ разные предметы утвари и украшеній отъ торговцевъ, которые посѣщали ихъ земли. Эти торговцы приходили отчасти изъ Камской Болгаріи, но главнымъ образомъ изъ Руси, Новогородской и Суздальской, и мѣняли свои и иноземные товары у жителей преимущественно на шкуры пушныхъ животныхъ. Вотъ почему въ могильныхъ чудскихъ курганахъ нерѣдко находимъ не только издѣлія туземныя, русскія и болгарскія, но даже монеты и вещи, привезенныя изъ такихъ далекихъ странъ какъ мусульманская Азія, Византія, Германія и Англія. При всей грубости и дикости, финскіе народы издревле были извѣстны своимъ кузнечнымъ ремесломъ, т. е. обработкою металловъ. Скандинавскія саги прославляютъ финскіе мечи, которымъ приписываютъ волшебную силу: такъ какъ сковавшіе ихъ кузнецы вмѣстѣ съ тѣмъ слыли за людей искусныхъ въ колдовствѣ. Впрочемъ языкъ Финновъ и памятники, находимые въ ихъ странѣ, показываютъ, что слава ихъ ковачей должна быть отнесена къ «мѣдному вѣку», т. е. къ искусству обработывать мѣдь, а не ковать желѣзо. Послѣднее искусство принесено на сѣверъ народами болѣе одаренными.

Прирожденныя Финскому племени черты всегда рѣзко отличали его отъ Славянъ, Литвы и другихъ арійскихъ сосѣдей. Оно непредпріимчиво, необщительно, не любитъ перемѣнъ (консервативно), наклонно къ тихому семейному быту и не лишено плодовитаго воображенія, на которое указываютъ его богатыя содержаніемъ поэтическіе вымыслы. Эти племенныя качества вмѣстѣ съ сѣверною угрюмою природою и отдаленіемъ отъ народовъ образованныхъ и были причиною того, что Финны такъ долго не могли подняться на болѣе высокія ступени общественнаго развитія и почти нигдѣ не создали самобытной государственной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи извѣстно только одно исключеніе, именно Угро-Мадьярскій народъ, получившій примѣсь нѣкоторыхъ прикавказскихъ племенъ, попавшій на Дунай въ сосѣдство латинской и византійской гражданственности и основавшій тамъ довольно сильное государство, благодаря враждѣ Нѣмцевъ къ Славянамъ. Кромѣ того изъ среды финскихъ народцевъ выдается Пермское или Зырянское племя, болѣе другихъ отличавшееся способностію къ промышленнымъ, торговымъ занятіямъ и подавшее

поводъ къ скандинавскимъ разсказамъ о какой-то богатой цвѣтущей странѣ Біарміи.

Языческая религія Финновъ вполнѣ отражаетъ на себѣ невеселый ихъ характеръ, ограниченное міросозерцаніе и лѣсную или пустынную природу, ихъ окружавшую. Мы почти не встрѣчаемъ у нихъ свѣтлаго, солнечнаго божества, игравшаго такую видную роль въ религіозномъ сознаніи, въ празднествахъ и преданіяхъ арійскихъ народовъ. Грозныя, недобрыя существа здѣсь рѣшительно преобладаютъ надъ добрымъ началомъ: они постоянно насылаютъ разныя бѣды на человѣка и требуютъ жертвъ для своего умилостивленія. Это религія первобытнаго идолопоклонства; преобладающее у арійскихъ народовъ человѣкообразное представленіе о богахъ было мало развито у Финновъ. Божества являлись ихъ воображенію еще въ видѣ или неясныхъ стихійныхъ образовъ, или неодушевленныхъ предметовъ и животныхъ; отсюда поклоненіе камнямъ, медвѣдямъ и т. п. Впрочемъ у Финновъ уже въ древнія времена встрѣчаются идолы, имѣвшіе грубое подобіе человѣка. Всѣ болѣе важныя событія жизни у нихъ опутаны множествомъ суевѣрій; откуда почитаніе шамановъ, т. е. колдуновъ и гадателей, которые находятся въ сношеніяхъ съ воздушными и подземными духами, могутъ вызывать ихъ дикими звуками и бѣшеными кривляніями. Эти шаманы представляютъ родъ жреческаго сословія, находящагося на первыхъ ступеняхъ развитія.

Поклоненіе грозному недоброму божеству наиболѣе господствовало у восточныхъ Финновъ. Оно преимущественно извѣстно подъ именемъ *Кереметь*. Этимъ именемъ стало называться и самое мѣсто жертвоприношеній, устроенное въ глубинѣ лѣса, гдѣ въ честь божества закалали овецъ, коровъ, коней; при чемъ часть жертвеннаго мяса откладывается богамъ или сожигается; а остальное служитъ для пиршества вмѣстѣ съ приготовленнымъ на тотъ случай одуряющимъ напиткомъ. Понятія Финновъ о загробной жизни весьма незатѣйливы; она представлялась имъ простымъ продолженіемъ земнаго существованія; почему съ покойникомъ, какъ и у другихъ народовъ, зарывалась въ могилу часть его оружія и домашней утвари. Нѣсколько менѣе мрачное религіозное настроеніе встрѣчаемъ у западныхъ Финновъ, которые издавна

находились въ сношеніяхъ съ германскими и славянскими племенами, и подвергались нѣкоторому ихъ вліянію. У нихъ преобладаетъ почитаніе верховнаго стихійнаго существа *Укко*, впрочемъ болѣе извѣстнаго подъ общефинскимъ именемъ *Юмала*, т. е. бога. Онъ олицетворяетъ видимое небо и повелѣваетъ воздушными явленіями, каковы облака и вѣтеръ, громъ и молнія, дождь и снѣгъ. Скандинавскія саги сообщаютъ любопытный разсказъ о святилищѣ Юмалы въ легендарной Біарміи. Въ первой половинѣ XI вѣка (1026 г.), слѣдовательно во времена Ярослава I, норманскіе викинги снарядили нѣсколько кораблей и отправились въ Біармію, гдѣ намѣняли у туземцевъ дорогихъ мѣховъ. Но этого имъ показалось мало. Слухи о близъ находившемся святилищѣ, наполненномъ разными богатствами, возбудили въ нихъ жажду добычи. У туземцевъ, какъ имъ сказали, былъ обычай, чтобы часть имущества покойниковъ была отдаваема богамъ; ее зарывали въ священныхъ мѣстахъ и сверху насыпали курганы. Такихъ приношеній особенно много скрывалось вокругъ идола Юмалы. Викинги пробрались къ святилищу, которое было огорожено деревяннымъ заборомъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Тореръ, хорошо знавшій финскіе обычаи, перелѣзъ черезъ заборъ и отворилъ ворота товарищамъ. Викинги разрыли курганы и набрали изъ нихъ много разныхъ сокровищъ. Тореръ захватилъ чашу съ монетами, которая находилась на колѣнахъ идола. На шеѣ у него висѣло золотое ожерелье; чтобы снять это ожерелье, разрубили шею. На происшедшій отсюда шумъ прибѣжали сторожа, и затрубили въ рога. Грабители поспѣшили спастись бѣгствомъ, и успѣли достигнуть своихъ кораблей.

Разсѣянная на обширныхъ равнинахъ сѣверовосточной Европы, Финская семья жила отдѣльными родами и племенами въ глуши первобытныхъ лѣсовъ на ступеняхъ патріархальнаго быта, т. е. управлялась своими старшинами, и повидимому только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старшины эти получили такое значеніе, что могли быть приравнены къ славянскимъ и литовскимъ князьямъ. Не смотря на свой непредпріимчивый и невоинственный характеръ, финскіе народцы однако нерѣдко находились во враждебныхъ между собою отношеніяхъ, и нападали другъ на друга; при чемъ болѣе сильные конечно

старались обогатиться добычею на счетъ болѣе слабыхъ или отнять у нихъ менѣе безплодную полосу земли. Напримѣръ, лѣтопись наша упоминаетъ о взаимныхъ нападеніяхъ Карелъ, Еми и Чуди. Эти междоусобныя драки, а также необходимость защищать себя отъ сосѣдей-иноплеменниковъ порождали своего рода туземныхъ героевъ, подвиги которыхъ становились предметомъ пѣсенъ и сказаній, и доходили до позднѣйшихъ поколѣній уже въ образахъ весьма фантастичныхъ. При семъ вполнѣ обнаруживается народная финская черта. Между тѣмъ какъ у другихъ народовъ ихъ національные герои по преимуществу отличаются необыкновенною физическою силою, неустрашимостію и ловкостію, при чемъ элементъ волшебства хотя и встрѣчается, но не всегда играетъ главную роль; финскіе герои совершаютъ свои подвиги преимущественно съ помощью колдовства. Замѣчательны въ этомъ отношеніи собранные въ недавнее время отрывки западнофинскаго или собственно карельскаго эпоса, названные *Калевала* (страна и вмѣстѣ потомство миѳическаго великана Калева, т. е. Карелія). Въ пѣсняхъ или рунахъ Калевалы сохранились между прочимъ воспоминанія о прежней борьбѣ Кареловъ съ Лопарями. Главное лицо этого эпоса старый Вейнемейненъ есть великій чародѣй, въ тоже время вдохновенный пѣвецъ и игрокъ на «кантеле» (родъ финской бандуры или арфы). Товарищи его тоже обладаютъ даромъ волшебства, именно искусный купецъ Ильмариненъ и молодой пѣвецъ Леминкейненъ. Но и противники ихъ также сильны въ колдовствѣ, хотя конечно не въ равной степени; съ той и другой стороны постоянно борются вѣщими словами, заклятіями и другими чарами. Кромѣ наклонности заниматься колдовствомъ и слагать руны въ этомъ эпосѣ отразилась еще любимая черта Финновъ: влеченіе къ кузнечному ремеслу, олицетвореніемъ котораго является Ильмариненъ. Нельзя однако не замѣтить, что подобные вымыслы при всей плодовитости воображенія, страдаютъ недостаткомъ живости, стройности и ясности, которыми отличаются поэтическія произведенія арійскихъ народовъ.

Хотя Финны умѣли иногда упорно оборонять свою независимость отъ иноплеменныхъ завоевателей, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Эстонской Чуди; но большею частію при своемъ дробленіи на мелкія племена и владѣнія, при недостат-

къ военной предпріимчивости, а слѣдовательно и военно-дружиннаго сословія, они постепенно подпадали зависимости болѣе развитыхъ сосѣднихъ народовъ. Такъ уже въ первые вѣка нашей исторіи мы находимъ значительную часть западныхъ и сѣверовосточныхъ Финновъ или вполнѣ подчиненными, или платящими дань Новогородской Руси; часть поволжскихъ и поокскихъ народцевъ входитъ въ составъ земель Владиміро-Суздальской и Муромо-Рязанской; а еще часть поволжскихъ и покамскихъ туземцевъ находится въ подчиненіи у Камскихъ Болгаръ ([21]).

Когда-то, въ незапамятныя времена поселенія славянскихъ Кривичей, распространяясь далѣе и далѣе на сѣверъ отъ верховьевъ Днѣпра и Западной Двины, отчасти потѣснили, отчасти подчинили себѣ туземные финскіе народцы. Одна часть этихъ поселеній по рѣкѣ Великой направилась къ Чудскому озеру; другая продвинулась на сѣверовостокъ въ область верхней Волги; главнымъ же ихъ средоточіемъ сдѣлались прибрежья озера Ильменя. Истокъ сего послѣдняго, Волховъ послужилъ Славянамъ прямою дорогою въ Ладожское озеро; а отсюда широкая Нева приводила ихъ уже къ самому морю. Эта большая дорога къ морю на всегда опредѣлила въ общихъ чертахъ дальнѣйшую исторію Ильменскихъ Славянъ, много способствуя развитію ихъ торговой предпріимчивости. Съ другой стороны неизмѣримыя земли, простирающіяся на сѣверъ и сѣверовостокъ, съ своею сѣтью озеръ и судоходныхъ рѣкъ представляли обширное поприще, гдѣ ихъ подвижность и предпріимчивость нашли себѣ свободное поле. Тамъ до самыхъ Уральскихъ горъ не встрѣтили они ни сильныхъ народовъ, ни естественныхъ преградъ, которые могли бы остановить распространеніе ихъ господства.

По всей вѣроятности довольно значительное развитіе общественной жизни и дѣятельности, съ которымъ Ильменскіе Кривичи являются въ исторіи, наступило въ ту пору, когда къ нимъ пришли южные ихъ соплеменники, т. е. энергичное племя Руси съ своимъ княжеско-дружиннымъ строемъ, съ своими объединительными стремленіями и торговою предпріимчивостію. Исторія застаетъ Новогородскую Русь въ политическомъ единеніи съ Кіевомъ, и находитъ кіевскихъ князей и посадниковъ какъ въ

ея стольномъ городѣ, такъ и въ областяхъ. Но это было уже такое время, когда Славянорусское племя здѣсь достаточно окрѣпло, имѣло обширныя владѣнія, значительную торговлю, сознавало свою силу, и начало стремиться къ болѣе самобытной жизни, т. е. къ ослабленію кіевской зависимости и развитію народоправленія. Стремленіе это выражалось главнымъ образомъ въ сокращеніи даней, платимыхъ великому князю Кіевскому, въ расширеніи правъ народнаго вѣча и въ выборѣ князей и посадниковъ, излюбленныхъ самимъ народомъ. Благопріятныя для такихъ стремленій обстоятельства начались особенно со временъ Ярослава I, который, какъ извѣстно, за оказанныя ему услуги предоставилъ Новогородцамъ нѣкоторыя льготы именно въ помянутомъ выше смыслѣ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи въ своихъ договорахъ съ князьями Новогородцы постоянно ссылались на льготныя Ярославовы грамоты.

Послѣ Мстислава Мономаховича, соперничество разныхъ вѣтвей княжескаго дома, постепенный упадокъ великаго княженія Кіевскаго и возраставшая самостоятельность областныхъ княженій представляли для Сѣверной Руси полную возможность пріобрѣтать все большую независимость отъ великаго князя Кіевскаго и развивать свое народоправленіе. Новогородцы, смотря по обстоятельствамъ, получали князей то изъ рода черниговскихъ Ольговичей, то изъ какой-либо вѣтви Мономаховичей, Волынской, Смоленской или Суздальской. Между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ областяхъ княжескія семьи все болѣе принимали характеръ мѣстныхъ династій, Новгородъ постоянно выбиралъ между ними, и потому не получилъ собственнаго княжескаго дома. Но такой широкій выборъ князей въ свою очередь послужилъ источникомъ смутъ и раздоровъ въ самомъ Новгородѣ; какъ это обыкновенно бываетъ при избирательномъ правленіи, когда избраніе не ограничено строго опредѣленными порядками. А подобныя смуты и раздоры задерживали укрѣпленіе политическаго строя, и давали возможность каждому сильному властителю вмѣшиваться во внутреннія дѣла Новогородцевъ, имѣть у нихъ приверженную себѣ боярскую партію и давать имъ князя изъ своихъ рукъ.

Частая смѣна князей началась въ XI вѣкѣ; а въ XII она усилилась до того, что въ одномъ этомъ столѣтіи перемѣнилось ихъ въ Новгородѣ до тридцати. Рѣдкому князю уда-

валось оставаться здѣсь болѣе трехъ лѣтъ сряду; а нѣкоторые были призываемы и изгоняемы по нѣскольку разъ. Рядомъ съ избирательнымъ началомъ шло стремленіе стѣснить кругъ княжеской власти во внутреннихъ дѣлахъ Новгородской земли; поэтому, сажая на свой столъ новаго князя, вѣче обыкновенно издавало договорную грамоту и заставляло его присягнуть на исполненіи заключенныхъ въ ней условій; что и означало принимать къ себѣ князя «на всей волѣ Новгородской».

При такомъ стремленіи къ народоправленію, казалось бы, и самое достоинство княжеское становилось излишнимъ для Новгорода. Однако мы видимъ, что на оборотъ граждане не любили оставаться безъ собственнаго князя даже и на короткое время. Очевидно, понятіе о княжескомъ достоинствѣ было издревле такъ присуще всему Русскому племени и такъ укоренилось, что никакая часть этого племени не могла представить себѣ существованіе безъ князя, и, прибавимъ, безъ княжеской дружины, безъ его *двора*. Кромѣ того отношенія къ другимъ частямъ Руси также не дозволяли думать объ устраненіи княжескаго достоинства. Потомство Владиміра Великаго все-таки смотрѣло на Новогородскую землю какъ на свою прирожденную волость, пріобрѣтенную пότомъ и великими трудами своихъ предковъ, и не потерпѣло бы совершеннаго изгнанія отсюда своего рода. Принимая къ себѣ того или другаго князя, Новогородцы на время его княженія состояли въ союзѣ или подъ покровительствомъ той вѣтви, къ которой онъ принадлежалъ, и союзъ этотъ противупоставляли притязаніямъ другихъ князей. Наконецъ для каждой области князь почитался необходимымъ какъ верховный судья, а, главное, какъ предводитель войска и защитникъ земли отъ внѣшнихъ враговъ; при чемъ его собственная дружина, какъ военное сословіе, составляла ядро земской рати. Русская рать въ тѣ времена не могла представить себя безъ предводителя-князя; ему одному она подчинялась безусловно («а боярина не всѣ слушали»—замѣчаетъ лѣтопись). Слѣдовательно издревле установившіяся понятія, привычки, отношенія къ сосѣдямъ и весь складъ Русской жизни того времени не допускали мысли объ устраненіи княжескаго достоинства въ Новгородѣ, при всемъ стремленіи его къ народовластію, при всѣхъ смѣнахъ

и обидахъ, которыя претерпѣвали тамъ князья. И не только въ самомъ Новгородѣ князь почитался необходимою властью; но въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пригородахъ его замѣчается стремленіе имѣть своихъ особыхъ князей. Таковыхъ встрѣчаемъ иногда во Псковѣ, Торжкѣ, Великихъ Лукахъ и Волокѣ Ламскомъ: города эти лежали на порубежьѣ Новгородской земли и болѣе другихъ нуждались въ присутствіи князя для защиты отъ сосѣдей. Вслѣдствіе стѣсненій, которыя терпѣли князья въ Новгородѣ и пригородахъ, они иногда сами покидали Новгородскую землю; но всегда находились другіе, которые охотно заступали ихъ мѣсто. Кромѣ чести быть княземъ богатаго и славнаго Новгорода, ихъ привлекали сюда большіе доходы, получаемые отъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ, отъ земельныхъ угодій и прочихъ статей, назначенныхъ на содержаніе князя и его дружины.

Едва только Новгородская Русь послѣ Мстислава I почувствовала ослабленіе своей зависимости отъ Кіевскаго стола и вообще отъ Южной Руси, какъ эта зависимость начала смѣняться другою болѣе суровою: со стороны Суздальскаго княженія. Уже Юрій Долгорукій началъ тѣснить Новгородъ и изъявилъ притязаніе сажать отъ себя князя, т. е. держать тамъ своего подручника или намѣстника. Суздальскій князь какъ сильный сосѣдъ имѣлъ въ своихъ рукахъ весьма дѣйствительное средство смирять строптивыхъ вѣчниковъ. Онъ перехватывалъ новгородскихъ даньщиковъ или сборщиковъ дани съ инородцевъ въ Заволочьѣ. Онъ не давалъ пути новгородскимъ купцамъ черезъ свои земли, и тѣмъ прерывалъ ихъ торговыя сношенія съ востокомъ, особенно съ Камскими Болгарами. Онъ могъ прекратить подвозъ хлѣба изъ Низовыхъ или Поволожскихъ областей и тѣмъ произвести въ Новгородѣ дороговизну, а въ неурожайные годы и страшный голодъ. Ему легко было составить себѣ въ Новгородѣ преданную партію изъ бояръ, имѣвшихъ земельныя владѣнія по сосѣдству съ его волостями, изъ купцовъ, торговавшихъ съ восточными странами, и т. п. Понятенъ отсюда гордый тонъ Андрея Боголюбскаго, который въ 1160 г. послалъ сказать Новгородцамъ: «вѣдомо буди, хочу искати Новгорода добромъ и лихомъ». «И съ того времени—замѣчаетъ лѣтописецъ—начались въ Новгородѣ смятенія и частыя вѣча».

Новогородцы искали защиты отъ Суздальскаго князя въ союзѣ съ волынскими и смоленскими Мономаховичами или съ черниговскими Ольговичами. Извѣстно, какъ въ 1169 г. они съ юнымъ княземъ своимъ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ отразили многочисленную рать Андрея Боголюбскаго; но ужъ въ слѣдующемъ году смирились и приняли князя изъ его рукъ. Смуты, наступившія въ Суздальской землѣ послѣ убіенія Андрея, на нѣкоторое время дали Новгороду вздохнуть свободно съ этой стороны. Но едва во Владимірѣ на Клязьмѣ утвердился младшій братъ Боголюбскаго Всеволодъ III Большое Гнѣздо, какъ онъ еще съ большею настойчивостію пошелъ по слѣдамъ отца и старшаго брата, и началъ тѣснить Новгородъ, чтобы привести его въ полную отъ себя зависимость. Онъ особенно гнѣвался на Новогородцевъ за то, что тѣ приняли къ себѣ двухъ его племянниковъ, сыновей старшаго брата Ростислава, которые были его соперниками въ Суздальской землѣ. Вскорѣ потомъ Новогородцы призвали на свой столъ одного изъ смоленскихъ Ростиславичей, Мстислава Храбраго, извѣстнаго въ особенности отраженіемъ полковъ Боголюбскаго отъ Вышгорода.

Въ 1178 году новогородскіе бояре пріѣхали въ Южную Русь просить Мстислава къ себѣ на столъ. Онъ не желалъ разстаться съ братьями и съ отчиной своей. Но его побуждала собственная дружина; старшіе братья также сказали ему: «тебя зовутъ съ честію, ступай; развѣ тамъ не наша отчина?» Въ этихъ словахъ ясно высказывается общій взглядъ русскихъ князей на Новогородскую землю, какъ на неотъемлемое владѣніе своего рода. Мстиславъ послушалъ совѣта и отправился, хотя ему очень не хотѣлось покидать Южную Русь. Новогородцы устроили ему торжественную встрѣчу. Архіепископъ Илія, игумны и прочее духовенство встрѣтили его съ крестами, окруженные большой толпой народа; ввели его въ соборъ св. Софіи и тамъ посадили на столъ. Но не долго пришлось ему здѣсь княжить. Въ то время западныя новогородскія волости подвергались нападеніямъ и грабежу своего исконнаго врага, Эстонской Чуди. Мстиславъ созвалъ вѣче, и предложилъ походъ на «поганыхъ». «Если Богу угодно и тебѣ, князь, то мы готовы»—получилъ онъ въ отвѣтъ. Съ двадцатитысячною ратью Мстиславъ вступилъ въ Чудскую землю, пожегъ и поплѣнилъ ее, и воротился

со славою и добычею. На обратномъ пути онъ усмирилъ Псковитянъ, схватилъ сотскихъ, которые волновали народъ и не хотѣли принимать къ себѣ его племянника Бориса. Мстиславъ не любилъ сидѣть сложа руки. На слѣдующую весну онъ уже правилъ походъ на полоцкаго князя Всеслава: Новогородцы вспомнили, что прадѣдъ его Всеславъ пограбилъ ихъ городъ и отнялъ у нихъ одинъ погостъ. Но извѣстно, какъ заступничество старшаго брата, Романа Ростиславича Смоленскаго, заставило Храбраго отъ Великихъ Лукъ повернуть назадъ. Недаромъ ему не хотѣлось смѣнять благодатный южнорусскій край на суровую сѣверную природу; вѣроятно, онъ имѣлъ какое-то предчувствіе. Вслѣдъ за полоцкимъ походомъ Мстиславъ крѣпко заболѣлъ, и скончался (1180). Его съ великою честью погребли въ Софійскомъ соборѣ, и положили въ той самой каменной гробницѣ, гдѣ покоился Владиміръ, сынъ Ярослава I. По словамъ лѣтописи, всѣ Новогородцы плакали и причитали надъ нимъ, прославляя его труды и благодѣянія. Она замѣчаетъ, что покойный князь былъ средняго роста, красивъ лицемъ и благонравенъ, любилъ свою дружину, не жалѣлъ для нея имѣнія, равно прилежалъ къ церкви и къ духовному чину. «Плакали по немъ его братья и вся земля Русская, памятуя его доблести, и всѣ Черные Клобуки не могли забыть его *приголубленія*». Онъ скончался еще въ среднихъ лѣтахъ и оставилъ на попеченіе братьямъ и боярамъ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей, Владиміра и Мстислава. Перваго изъ нихъ, бывшаго повидимому отцовскимъ любимцемъ, мы видѣли неудачнымъ княземъ Псковскимъ во время утвержденія Нѣмцевъ въ Ливоніи. За то другой сынъ, Мстиславъ, прозванный Удалымъ, вполнѣ поддержалъ славу своего рода.

Послѣ Мстислава Храбраго Новогородцы противъ Суздальскаго князя искали опоры въ Святославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, который въ то время утвердился на Кіевскомъ столѣ; они выпросили у него сына къ себѣ въ князья, съ которымъ и участвовали въ походѣ Святослава на Всеволода III и въ битвѣ 1181 года на рѣкѣ Вленѣ. Въ слѣдующемъ году Всеволодъ отомстилъ имъ внезапнымъ нападеніемъ на пограничный ихъ пригородъ Торжокъ, который онъ взялъ послѣ пятинедѣльной осады и сжегъ; а многихъ жителей увелъ въ плѣнъ. Любопытно, что столкновенія Новогородской Руси съ

Суздальскою въ то время уже успѣли принять нѣсколько народный характеръ. Суздальская дружина въ этой борьбѣ стоитъ вполнѣ на сторонѣ своихъ князей и враждебно относится къ строптивымъ вѣчникамъ за ихъ измѣны и непостоянство, за ихъ союзы съ Ольговичами и другими южными князьями, вмѣстѣ съ которыми они иногда совершали разорительныя нашествія на Суздальскую землю. Такъ, когда Всеволодъ осаждалъ Торжокъ, то граждане предлагали заплатить ему за себя окупъ; однако въ назначенный срокъ не заплатили. Князь медлилъ приступомъ; но дружина его начала роптать: «мы не цѣловаться съ ними пріѣхали; они, князь, лгутъ передъ Богомъ и передъ тобою». Тогда сдѣланъ былъ приступъ, и городъ взятъ на щитъ, т. е. поплѣненъ, разграбленъ и даже сожженъ. Суздальцы поступили такъ жестоко съ Новоторами «за новогородскую неправду, за то, что въ одинъ и тотъ же день и крестъ цѣлуютъ, и клятву преступаютъ».

Въ виду подобнаго разоренія, въ самомъ Новгородѣ Суздальская партія взяла верхъ. Граждане выпроводили отъ себя Святославова сына и просили себѣ князя у Всеволода. Онъ далъ имъ свояка, безъудѣльнаго Ярослава Владиміровича. Послѣдній былъ внукомъ Мстислава I и новогородской боярыни, сыномъ того «вертляваго» Владиміра Мстиславича, котораго мы встрѣчали въ борьбѣ дядей съ племянниками за Кіевскій столъ. Сидя въ Новгородѣ, Ярославъ конечно находился въ послушаніи у Суздальскаго князя; но онъ повидимому не имѣлъ недостатка въ умѣ и мужествѣ, и предпринималъ съ Новогородцами нѣсколько удачныхъ походовъ на внѣшнихъ враговъ; между прочимъ отвоевалъ у Эстонской Чуди города Юрьевъ и Медвѣжью Голову. Онъ и его княгиня строили въ Новгородѣ храмы и успѣли составить себѣ преданную партію. Однако трудно было ладить съ непостоянными Новогородцами и въ тоже время угождать Суздальскому князю. Въ теченіе семнадцати или осьмнадцати лѣтъ Ярославъ Владиміровичъ три раза былъ призываемъ на Новогородскій столъ и три раза удаляемъ изъ Новгорода; мѣсто его заступалъ кто либо изъ Смоленскихъ или Черниговскихъ князей, смотря по измѣнчивости новгородскихъ отношеній и потому, какая партія брала верхъ, Суздальская или Южнорусская. Въ послѣдній, третій, разъ самъ Всеволодъ отозвалъ его въ 1199 г. На его мѣсто

онъ послалъ сначала своего малолѣтнаго сына Святослава съ суздальскими боярами; но, спустя нѣсколько лѣтъ, воротилъ его домой; при чемъ велѣлъ сказать Новогородцамъ: «въ землѣ вашей рать ходитъ; а сынъ мой Святославъ малъ, даю вамъ сына своего старѣйшаго Константина». Отпуская послѣдняго, Всеволодъ вручилъ ему мечъ и крестъ, съ такими словами: «сыну мой, Константине, на тебѣ Богъ положилъ старѣйшинство въ братьѣ своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской землѣ». Такимъ назначеніемъ и такою лестью Всеволодъ какъ ловкій политикъ угодилъ Новогородцамъ. Архіепископъ Митрофанъ со всѣмъ городомъ встрѣтилъ Константина и торжественно въ Софійскомъ соборѣ совершилъ обрядъ его посаженія на столъ (1206 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣче смѣнило посадника Михаила Степановича и дало посадничество Дмитру Мирошкиничу; а богатая семья Мирошки была главою Суздальской партіи.

Вліяніе Всеволода на Новгородъ достигло своей высшей степени. Пользуясь обстоятельствами, онъ хотѣлъ навести страхъ на людей противной партіи; по его наказу суздальскіе приверженцы убили боярина Алексу Сбыславича на самомъ вѣчѣ, безъ объявленія вины, съ нарушеніемъ всѣхъ новогородскихъ правъ, и однако народъ попустилъ это убійство безнаказанно. Только пущенъ былъ слухъ, что на другой день въ церкви Іакова въ Неревскомъ концѣ показались слезы на иконѣ Богородицы. Вскорѣ потомъ новогородская рать участвовала въ походѣ Всеволода на Рязанскихъ князей. По окончаніи похода онъ отпустилъ Новогородцевъ домой; при чемъ щедро одарилъ ихъ, подтвердивъ ихъ вольности и уставы, данные старыми князьями, и прибавилъ на словахъ: «кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните». Но сына своего Константина удержалъ при себѣ, также и посадника Димитрія Мирошкинича, тяжело раненнаго стрѣлою при осадѣ Пронска. Очевидно, въ политику Суздальскаго князя входилъ и тотъ расчетъ, чтобы одинъ князь не долго заживался въ Новгородѣ и не слишкомъ усвоивалъ себѣ интересы новогородскіе. Онъ опять назначилъ туда сына Святослава. Но прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ прибыть въ Новгородъ, граждане воспользовались отсутствіемъ князя и слишкомъ буквально поспѣшили примѣнить на дѣлѣ слова Всеволода.

Долго накоплявшееся негодованіе на посадника Димитрія и на всю семью Мирошкиничей, за ихъ дружбу съ Суздалемъ и лишніе поборы съ купцовъ и волостей, вдругъ вспыхнуло съ дикою силою. Противъ нихъ собралось вѣче, и прямо съ него народъ пошелъ грабить ихъ дворы; послѣ чего дома самого Димитрія и покойнаго Мирошки были зажжены; имущество ихъ захвачено, села и челядь распроданы. Все это вѣчники раздѣлили между собою; награбленнаго богатства было столько, что пришлось по три гривны на человѣка; «а кто захватилъ тайно, о томъ единый Богъ вѣсть, и многіе съ того разбогатѣли»—прибавляетъ новгородскій лѣтописецъ. Когда же привезли вскорѣ тѣло посадника Димитрія, умершаго отъ своей раны во Владимірѣ, то городъ хотѣлъ совершить надъ мертвымъ свою обычную казнь, т. е. бросить его съ моста въ Волховъ. Но архіепископъ Митрофанъ уговорилъ толпу, и посадника погребли въ Юрьевѣ монастырѣ подлѣ отца. Захваченные при грабежѣ его двора «доски», или записи о деньгахъ, розданныхъ въ долгъ, народъ отдалъ князю Святославу, когда тотъ прибылъ въ Новгородъ. Двухъ братьевъ покойнаго Димитрія и еще нѣкоторыхъ бояръ Новогородцы поклялись не держать у себя въ городѣ; князь отправилъ ихъ къ отцу во Владиміръ. Посадникомъ былъ поставленъ любимый народомъ Твердиславъ, сынъ выше упомянутаго Михаила Степановича. Но дѣло на томъ не остановилось: взрывъ противъ своихъ бояръ, дружившихъ Суздалю, скоро перешелъ въ открытую вражду и къ самому Суздальскому князю, который только на словахъ уважалъ новогородскую вольность. Всеволодъ прибѣгъ къ обычнымъ мѣрамъ, т. е. сталъ задерживать въ своихъ волостяхъ новогородскихъ гостей и ихъ товары. Тогда Новогородцы тайкомъ вошли въ сношеніе съ торопецкимъ княземъ Мстиславомъ Удалымъ.

Зимой 1210 года Удалой внезапно явился въ Торжкѣ, схватилъ Святославовыхъ дружинниковъ и заковалъ въ цѣпи торжковскаго посадника; а въ Новгородъ послалъ сказать: «Кланяюсь св. Софьѣ, гробу отца моего и всѣмъ Новогородцамъ; я пришелъ къ вамъ, слыша о насиліи отъ князей; жаль мнѣ стало своей отчины». Новогородцы тотчасъ засадили Святослава и его бояръ подъ стражу на владычнемъ дворѣ «до управы съ его отцомъ»; а за Мстиславомъ отправили большое по-

сольство. Онъ пріѣхалъ, и съ торжествомъ сѣлъ на Новгородскомъ столѣ. Не долго думая, Мстиславъ воспользовался одушевленіемъ гражданъ, собралъ значительную рать и пошелъ на Всеволода. Послѣдній хорошо зналъ противника и не любилъ рискованныхъ войнъ. Онъ вступилъ въ переговоры, и получилъ миръ на такомъ условіи, чтобы Новогородцы отпустили его сына съ боярами, а онъ отпустилъ задержанныхъ гостей и товары.

Вскорѣ Всеволодъ III умеръ, и Новгородъ могъ опять свободно вздохнуть съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что въ Суздальской землѣ снова произошли смуты и междоусобія. Соревнуя своему отцу, мстившему новогородскія обиды на Эстонской Чуди, Мстиславъ Мстиславичъ предпринималъ на нее два похода: сначала на Чудь Торму къ сторонѣ Юрьева и Медвѣжьей Головы, а потомъ на Чудь Ереву; при чемъ прошелъ и поплѣнилъ Чудскую землю до моря. Но по обыкновенію Новогородцы не брали городовъ и не укрѣплялись въ этомъ краѣ, ограничиваясь однимъ разореніемъ, а иногда наложеніемъ дани. Захваченную въ походѣ добычу Мстиславъ раздѣлилъ на три части: двѣ отдалъ новогородской рати, а третью *дворянамъ* или собственной дружинѣ (1214 г.). Но въ томъ же году двоюродные братья прислали къ Мстиславу съ жалобой на свои обиды отъ кіевскаго князя Всеволода Чермнаго, который тѣснилъ ихъ изъ Южной Руси. Мстиславъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новогородцевъ съ собой въ походъ на Чермнаго. Новогородцы отвѣчали ему: «Куда, князь, позришь своими очами, тамъ головы свои повергнемъ». Новогородское ополченіе съ Мстиславомъ дошло до Смоленска, и соединилось съ смоленскимъ; но тутъ оба эти ополченія повздорили между собою; при чемъ одинъ Смолянинъ былъ убитъ. Новогородцы заволновались, и не хотѣли идти далѣе. Они быстро забыли свой отвѣтъ Мстиславу, и даже не пришли на вѣче, куда онъ ихъ звалъ. Тогда этотъ добродушный князь, вмѣсто упрековъ, простился съ ними, перецѣловалъ старшихъ людей, низко поклонился войску, и продолжалъ походъ. Такой поступокъ тронулъ впечатлительныхъ Новогородцевъ; чѣмъ и воспользовался ихъ посадникъ Твердиславъ. Собравъ вѣче, онъ началъ ихъ уговаривать, прибавляя: «какъ наши дѣды и отцы страдали за Русскую

землю; такъ и мы, братья, пойдемъ за своимъ княземъ». Вѣче рѣшило идти. Ополченіе догнало Мстислава, и усердно помогало ему въ удачной войнѣ со Всеволодомъ Чермнымъ.

По возвращеніи изъ этого похода недолго оставался на сѣверѣ неугомонный Мстиславъ. Бранныя тревоги Южной Руси влекли его къ себѣ сильнѣе, нежели торговый, вольнолюбивый Новгородъ. Въ слѣдующемъ 1215 году Мстиславъ собралъ вѣче, и объявилъ гражданамъ: «Есть у меня дѣла въ Руси; а вы вольны въ своихъ князьяхъ». И, поклонясь народу, уѣхалъ изъ Новгорода.

Второе мѣсто послѣ князя занималъ въ Новгородѣ *посадникъ*, а третье *тысяцкій*. Первоначально эти сановники назначались княземъ, изъ своихъ собственныхъ бояръ или изъ мѣстныхъ новогородскихъ. Посадники здѣсь какъ и вездѣ на Руси были княжескими намѣстниками. Но съ того времени, какъ Новгородъ началъ стремиться къ самоуправленію, вмѣстѣ съ выборными князьями онъ хотѣлъ имѣть собственныхъ, излюбленныхъ вѣчемъ, посадниковъ и тысяцкихъ; чего и достигъ въ первой половинѣ XII вѣка. Посадникъ и тысяцкій на ряду съ княземъ завѣдывали судебною частью и начальствовали надъ войскомъ. Въ отсутствіе князя посадникъ замѣнялъ его. Онъ по преимуществу былъ предсѣдателемъ народнаго вѣча. По возвышенному помосту или «вѣчевой степени», устроенной на Дворѣ Ярослава при церкви Св. Николая, состоявшіе въ должности посадникъ и тысяцкій назывались «степенными». Покидая ее, они навсегда сохраняли свое званіе, и переходили въ число «старыхъ посадниковъ» и «старыхъ тысяцкихъ», которые пользовались особымъ почетомъ передъ другими боярами и принимали участіе въ важныхъ дѣлахъ, т. е: были воеводами, судьями, справляли посольства и заключали договоры, такъ что иногда на ряду съ степеннымъ посадникомъ и тысяцкимъ скрѣпляли договорныя грамоты собственными печатями. Кромѣ власти и почета съ должностями посадника и тысяцкаго связаны были значительные доходы и даже возможность наживать себѣ огромное состояніе, разумѣется, съ помощью разныхъ неправдъ и вымогательствъ, какъ это показываетъ примѣръ посадника Мирошки и сына его Дмитрія. Отсюда понятно, что эти должности

сдѣлались главнымъ предметомъ искательства со стороны новогородской знати, которой и удалось захватить ихъ исключительно въ свои руки; такъ что не можемъ указать примѣра не только простаго человѣка, но и купца, который бы достигъ посадничьяго сана. И даже изъ боярскихъ семей выдѣлились немногія, которыя пріобрѣли какъ бы право доставлять Новгороду посадниковъ. Ихъ соперничество по этому поводу служило однимъ изъ главныхъ источниковъ смутъ и раздоровъ, на ряду съ выборомъ князей. Такъ какъ не выработалось опредѣленнаго срока для высшихъ должностей, то, естественно, каждый посадникъ долженъ былъ бороться съ ухищреніями своихъ соперниковъ, старавшихся его низвергнуть и сѣсть на его мѣсто. Отсюда такая же частая смѣна посадниковъ какъ и князей, при томъ находившаяся въ непосредственной связи съ послѣдними; такъ что торжество Суздальской или другой партіи при выборѣ князя часто вело за собою и перемѣну посадника въ угоду этой партіи. Только нѣкоторымъ, умѣвшимъ пріобрѣсти народную любовь или заручиться внѣшнею поддержкою, удавалось не разъ возвращаться къ должности степеннаго посадника или занимать ее значительное количество лѣтъ. Большею частію изъ тѣхъ же семей посылались посадники и въ новогородскіе пригороды.

Вотъ самыя извѣстные по лѣтописямъ боярскіе роды, доставлявшіе Новгороду посадниковъ въ эпоху до-Татарскую.

Вопервыхъ, потомство Гюряты Роговича (котораго разсказами пользовался нашъ первый лѣтописецъ Сильвестръ Выдубецкій). Его сынъ Мирославъ Гюрятиничъ и внукъ Якунъ Мирославичъ по нѣскольку разъ были выбираемы въ посадники. На дочери Якуна Мирославича былъ женатъ одинъ изъ внуковъ Юрія Долгорукаго, Мстиславъ Ростиславичъ. Во вторыхъ, семья Мирошки Нездилича, который посадничалъ болѣе десяти лѣтъ; при чемъ два года содержался подъ стражею у Всеволода III во Владимірѣ на Клязьмѣ. Онъ умеръ монахомъ Юрьева монастыря въ 1203 г. Его сыновья являются уже вожаками Суздальской партіи въ Новгородѣ; изъ нихъ Дмитрій, будучи посадникомъ, получилъ смертельную рану подъ Пронскомъ. Мы видѣли взрывъ народнаго неудовольствія противъ Мирошкиничей, сопровождавшійся разграбленіемъ имущества и изгнаніемъ ихъ изъ Новгорода въ на-

чалѣ XIII вѣка. Однако впослѣдствіи, въ 20-хъ годахъ того же вѣка, встрѣчаемъ любимаго народомъ посадника Иванка Дмитровича, вѣроятно внука Мирошки; а еще позднѣе его правнука Твердила Иванковича. Послѣдній является посадникомъ во Псковѣ; но измѣною и сообщничествомъ съ Нѣмцами онъ окончательно уронилъ значеніе своего рода. Третья и наиболѣе любимая народомъ фамилія была та, главою которой является посадникъ Михаилъ Степановичъ; по всѣмъ признакамъ она соперничала съ фамиліей Мирошки и держалась партіи народной, противусуздальской. Михалко умеръ монахомъ Аркажьяго монастыря въ 1206 г. Сынъ его Твердиславъ Михалковичъ избирался въ посадники три раза; и скончался монахомъ того же Аркажьяго монастыря. А внукъ Степанъ Твердиславичъ посадничалъ цѣлыя тринадцать лѣтъ.

За посадникомъ и тысяцкимъ слѣдовали *сотскіе* и *старосты*, также выбираемые народомъ. Ихъ значеніе и кругъ власти намъ не вполнѣ извѣстны. Сотскихъ повидимому было десять. Это дѣленіе на сотни, какъ мы сказали, утратило уже свой старый военночислительный характеръ, и означало дѣленіе земское; въ особенности ему подлежало торговое сословіе. Старосты представляютъ также весьма древнее славянское учрежденіе; каждый конецъ, каждая улица, каждое сословіе и волость имѣли своего старосту. Надзоръ за сборомъ податей и исполненіемъ повинностей, а также разбирательство менѣе важныхъ дѣлъ и управленіе волостями по всей вѣроятности составляли кругъ дѣятельности сотскихъ и старостъ. Собираніе гражданъ на вѣче и другія сходки, вызовъ къ суду и исполненіе приговоровъ принадлежали *биричамъ*, *шестникамъ* и *подвойскимъ*; слѣдовательно они представляли родъ исполнительныхъ чиновниковъ. Однако, по нѣкоторымъ признакамъ, биричи и подвойскіе занимали видное общественное положеніе и иногда играли роль въ военныхъ походахъ и въ посольствахъ.

Но самую высшую власть въ Новгородѣ составляло *народное вѣче*, которое послѣ упадка княжеской власти все болѣе и болѣе забирало силы. Оно пріобрѣло себѣ право избирать и смѣнять сановниковъ, служа для нихъ верховнымъ судилищемъ, далѣе: объявлять войну и заключать договоры, уставлять подати и повинности, отмѣнять и выдавать всякаго рода

постановленія. Обычное или правильное вѣче собиралось на Торговой сторонѣ, на такъ наз. «Ярославовомъ дворищѣ», по звону вѣчеваго колокола, висѣвшаго подлѣ церкви св. Николая. Созывалъ вѣче и предсѣдательствовалъ на немъ посадникъ. Приговоры его или вѣчныя грамоты писалъ и хранилъ особый вѣчный дьякъ съ своими помощниками или подъячими. Другимъ мѣстомъ для вѣча служила иногда площадь у Софійскаго собора. Недостатокъ строгой опредѣленности въ отправленіи вѣчеваго совѣщанія нерѣдко подавалъ поводъ къ отступленіямъ отъ общаго правила. Рѣшенія конечно постановлялись большинствомъ голосовъ. Но голоса повидимому не считались; а усвоился обычай рѣшать дѣла огульнымъ крикомъ или большинствомъ на глазомѣръ. Меньшинство иногда не соглашалось, шумѣло. Въ случаяхъ смутъ и раздоровъ вѣче становилось орудіемъ въ рукахъ какой нибудь партіи; созывалось безъ соблюденія должнаго порядка, даже не всегда въ обычномъ мѣстѣ, и, заключая въ себѣ представителей только отъ нѣкоторыхъ концовъ и улицъ, постановляло рѣшенія отъ имени всего народа. Бывали и такіе случаи, что въ одно время съ правильно созваннымъ вѣчемъ противное ему меньшинство собирало другое вѣче, и происходила борьба.

Въ вѣчевыхъ собраніяхъ участвовали всѣ свободныя сословія Новгорода, которыя представляли три главныя степени: «бояре», «купцы» и «черные люди». Сословіе боярское здѣсь какъ и въ другихъ областяхъ Руси возникло отчасти изъ древней туземной знати, отчасти изъ старшихъ дружинниковъ, пришедшихъ съ русскими князьями на сѣверъ. Въ Новгородѣ они ранѣе чѣмъ въ иныхъ земляхъ сдѣлались осѣдлымъ землевладѣльческимъ сословіемъ; а подчиняясь промышленному характеру Новогородской Руси, начали принимать участіе и въ торговыхъ дѣлахъ. Тоже надобно сказать и о младшихъ дружинникахъ или *гридяхъ*, примкнувшихъ къ туземному помѣщичьему классу; но по всей вѣроятности за ними еще сохранялась военная обязанность, такъ что они по преимуществу составляли гарнизоны въ пригородахъ и лучшую часть земскаго ополченія. Сословіе купцовъ или гостей въ Новгородѣ было многочисленно и вліятельно. Хотя торговлею могъ заниматься каждый гражданинъ; но въ теченіе времени выдѣлился особый купеческій классъ съ своими обычаями, устава-

ми, съ своимъ особымъ судомъ. Настоящій (или такъ наз. «пошлый») купецъ долженъ былъ принадлежать къ извѣстной сотнѣ, т. е. къ извѣстной купеческой общинѣ, и сдѣлать свой вкладъ въ общинный капиталъ. Подобно боярамъ, купцы участвовали въ посольствахъ, судебныхъ и другихъ общественныхъ должностяхъ, а также не были избавлены отъ военной повинности, и въ случаѣ надобности входили въ составъ земской рати. Какъ бояре новогородскіе встрѣчаются иногда подъ именемъ *огнищанъ*, такъ купцы или гости, особенно наиболѣе богатые, имѣютъ еще названіе *житьихъ* людей. Какъ бояре занимались иногда торговыми предпріятіями, такъ и многіе купцы были землевладѣльцами и имѣли большія вотчины въ новогородскихъ областяхъ. Все остальное свободное населеніе — мелкіе торговцы, промышленники, ремесленники и земледѣльцы—носило общее названіе *черныхъ* или *меньшихъ* людей, а также *смердовъ*. Эти люди конечно и составляли ту народную толпу, которая наполняла вѣчевыя собранія.

Намъ неизвѣстно, чѣмъ опредѣлялась правоспособность гражданъ участвовать своимъ голосомъ въ верховномъ правительствѣ, т. е. въ народномъ вѣчѣ. Судя вообще по древлеславянскому родовому строю жизни, такое право принадлежало не каждому взрослому человѣку, а только главѣ семейства, слѣдовательно отцу, дядѣ или старшему брату. Но уже самый недостатокъ строгой опредѣленности этого права и возможность участвовать въ совѣщаніяхъ стольнаго города жителямъ областей и пригородовъ не мало препятствовали вѣчу выработать надлежащую степень правильности и устойчивости. Какъ и во всѣхъ государствахъ съ народоправленіемъ, знатные люди или бояре, благодаря своимъ богатствамъ и связямъ, успѣвали составить себѣ партію изъ черныхъ людей и съ ихъ помощью вліяли на постановленія вѣча. Главныя ихъ усилія конечно направились на то, чтобы исключительно захватить въ свои руки высшія должности; въ чемъ они и успѣли. Съ этой стороны новогородская община можетъ быть названа общиною артистократическою. Высшія должности конечно помогали нѣкоторымъ боярскимъ фамиліямъ увеличивать свое богатство, связи и вліяніе. Но въ тоже время подобныя должности служили постояннымъ яблокомъ раздора въ ихъ средѣ. А это обстоятельство въ свою очередь давало остальнымъ сословіямъ

(демократическому началу) средство сдерживать слишкомъ большое усиленіе боярства и иногда напоминать о себѣ слишкомъ энергичнымъ способомъ, т. е: расправляться съ бояриномъ какъ съ послѣднимъ людиномъ, казнить его, грабить, изгонять, и вообще громко заявлять о своей, народной волѣ. Такимъ образомъ внутренняя жизнь Новгорода или развитіе его народоправленія представляетъ постоянную борьбу двухъ началъ исторической жизни: аристократическаго и демократическаго, впрочемъ при явномъ преобладаніи послѣдняго. Аристократическое начало вообще туго прививалось къ Славянскимъ народамъ; оно не совсѣмъ для нихъ симпатично, хотя и встрѣчается въ довольно развитой формѣ тамъ, гдѣ разныя обстоятельства ему благопріятствовали.

Рядомъ съ княземъ и посадникомъ въ Новгородѣ является еще выборная высшая власть, и притомъ самая вліятельная. Это епископъ или *владыка*. Будучи главою мѣстнаго духовенства, онъ въ тоже время принималъ непосредственное участіе въ важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ Новгорода, между прочимъ въ переговорахъ и договорахъ съ русскими князьями и иноземными правительствами; а борьба разнообразныхъ партій открывала широкій путь его вліянію на внутреннія отношенія. Мало по малу установился такой обычай, что Новогородцы не предпринимали никакаго важнаго общественнаго дѣла безъ благословенія владыки.

Первоначально, какъ и всѣ русскіе архіереи, новогородскій епископъ назначался кіевскимъ митрополитомъ, и преимущественно изъ Грековъ. Въ случаѣ какаго обвиненія онъ ѣздилъ въ Кіевъ на судебное разбирательство митрополита, и какъ послѣдній строго обходился съ епископами, видно изъ примѣра новогородскаго владыки Луки Жидяты, который по доносу его собственнаго холопа Дудика былъ подвергнутъ заточенію, въ первой половинѣ XI вѣка. Но стремленіе Новогородцевъ къ политической самостоятельности не замедлило повести за собою и желаніе самостоятельности церковной: какъ народное вѣче выбирало своихъ князей и посадниковъ, такъ желало оно выбирать и своихъ епископовъ. Съ другой стороны политическій упадокъ Кіева естественно повлекъ за собою и ослабленіе его церковнаго авторитета. Мы видѣли, какъ ново-

городскій епископъ Нифонтъ, происхожденіемъ Грекъ, не хотѣлъ признавать митрополитомъ Клима Смолятича, поставленнаго соборомъ епископовъ; за что подвергся преслѣдованію и былъ заключенъ въ Печерскій монастырь. Но и тутъ вражда князей изъ за Кіевскаго стола помогла ему: Юрій Долгорукій, завладѣвъ Кіевомъ, освободилъ Нифонта. Это былъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ и дѣятельныхъ владыкъ новогородскихъ; между прочимъ онъ много трудился надъ украшеніемъ св. Софіи, и построилъ каменные храмы св. Спаса въ Псковѣ и св. Климента въ Ладогѣ. Въ началѣ 1156 г. онъ прибылъ въ Кіевъ на встрѣчу новому митрополиту, греку Константину, назначенному отъ Византіи вмѣсто изгнаннаго изъ Кіева Климента Смолятича; но не дождался его, скончался и былъ погребенъ въ Кіевопечерской обители.

Новогородцы воспользовались этими замѣшательствами митрополичьей каѳедры и сами выбрали себѣ епископа изъ среды собственныхъ игумновъ, по имени Аркадія. Народъ съ княземъ Мстиславомъ Юрьевичемъ, весь Софійскій клиръ, игумны и священники отправились въ монастырь Богородицы, взяли оттуда Аркадія, и торжественно ввели его во «дворъ св. Софіи», т. е. въ епископскія палаты. Онъ вступилъ въ управленіе Новогородскою церковью; а въ Кіевъ на посвященіе къ митрополиту Константину ѣздилъ уже черезъ два года. Это былъ первый выборный владыка Новогородскій. Преемникомъ Аркадія является знаменитый Илія, болѣе извѣстный подъ своимъ монашескимъ именемъ Іоанна. Онъ слишкомъ двадцать лѣтъ управлялъ Новогородскою церковью (1165—1186), и пріобрѣлъ такую народную любовь, что въ потомствѣ личность его окружилась легендарными разсказами. Такъ преданіе связало отраженіе войскъ Андрея Боголюбскаго отъ Новгорода съ молитвами Іоанна и съ чудеснымъ знаменемъ отъ иконы Богородицы, которую владыка по гласу свыше взялъ изъ церкви Спаса и вынесъ на городскую стѣну. Далѣе извѣстна легенда о томъ, какъ Іоаннъ, заключивъ бѣса въ умывальный сосудъ, съѣздилъ на немъ въ Іерусалимъ въ одну ночь, и какъ потомъ бѣсъ пытался отомстить святителю, являясь людямъ въ видѣ дѣвицы, выходящей изъ келліи владыки. Народъ осудилъ святаго мужа на изгнаніе и съ «великаго» Волховскаго моста спустилъ его на плотъ, отдавая на волю теченія; но плотъ

чудеснымъ образомъ поплылъ вверхъ, противъ быстрины, и остановился у Юрьева монастыря; при видѣ чуда люди раскаялись, и умоляли святителя о прощеніи. Іоаннъ-Илія былъ первый новогородскій владыка, получившій отъ кіевскаго митрополита титулъ архіепископа. Глубокое уваженіе къ нему народа основывалось не только на его личныхъ достоинствахъ, но главнымъ образомъ на томъ, что, будучи самъ новогородцемъ, Іоаннъ явился патріотомъ и усерднымъ поборникомъ новогородской самобытности противъ притязаній сильныхъ Суздальскихъ князей. Народное уваженіе выразилось и въ томъ, что преемникомъ ему назначили его роднаго брата по матери Гавріила, въ иночествѣ Григорія. Послѣдній правилъ церковью до 1193 года, въ которомъ скончался; онъ былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ рядомъ съ братомъ.

По смерти Григорія Новогородцы приступили къ выбору владыки. Въ этомъ выборѣ вмѣстѣ съ народомъ и княземъ (Ярославомъ Владиміровичемъ) принимали участіе духовенство, т. е. игумны и священники, и кромѣ того «Софьяне»; такъ вѣроятно назывались причетники Софійскаго храма и мірскіе чиновники, состоявшіе при особѣ владыки. Самое вѣче происходило подлѣ св. Софіи. Здѣсь голоса раздѣлились: одни хотѣли поставить игумна Мартирія изъ Русы, другіе Митрофана, а третьи по прежнему обычаю какого-то «гречина» или монаха изъ Грековъ. По случаю такого разногласія впервые встрѣчаемъ въ Новгородѣ употребленіе жребія, по образцу Византіи. На соборной трапезѣ положили три свитка съ именами, и съ вѣча послали слѣпца, который вынулъ жребій Мартирія. Тогда привезли его изъ Русы и водворили во владычнихъ покояхъ; а потомъ, снесясь съ митрополитомъ, отправили вновь выбраннаго владыку на поставленіе въ Кіевъ, въ сопровожденіи «переднихъ мужей». Щедрые дары отъ богатаго Новгорода конечно имѣли немалое участіе въ томъ, что кіевскіе митрополиты изъ Грековъ такъ легко отступились въ пользу народнаго избранія отъ своего права назначать владыку.

Эти выборы однако не всегда были свободны отъ посторонняго вліянія. Такъ въ 1201 году, по смерти Мартирія, на архіепископскую каѳедру возведенъ помянутый выше Митрофанъ, очевидно по указанію суздальскаго князя Всеволода, и, когда

онъ отправился въ Кіевъ на поставленіе, то его сопровождали не одни новогородскіе, но и суздальскіе бояре. За то сей владыка не пользовался народною любовью, и является однимъ изъ немногихъ примѣровъ сверженія архіепископовъ. Строптивые Новогородцы часто мѣняли своихъ князей и посадниковъ; но единственную сколько нибудь прочную власть въ ихъ исторіи представляетъ духовный владыка. Десять лѣтъ Митрофанъ правилъ церковью. Но когда Новогородцы разсорились со Всеволодомъ III и приняли къ себѣ на столъ Мстислава Удалаго, тогда Митрофанъ былъ лишенъ своего сана; а на его мѣсто Новгородъ возвелъ бывшаго боярина Добрыню Ядрейковича, который постригся монахомъ въ Хутынскомъ монастырѣ. Этотъ Добрыня былъ мужъ книжный, извѣстный своимъ странствованіемъ въ Царьградъ, откуда онъ привезъ «гробъ господень», т. е. кіотъ, заключавшій въ себѣ изображеніе сего гроба. Кромѣ того онъ составилъ любопытное описаніе цареградскихъ святынь. Кіевскій митрополитъ не воспротивился даже такому народному своеволію, какъ сверженіе владыки, и посвятилъ Добрыню, который въ архіерействѣ названъ Антоніемъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ владыкъ; но ожесточенная борьба партій, какъ увидимъ впослѣдствіи, и его не оставила въ покоѣ.

Послѣ владыки важнѣйшими лицами новогородскаго духовенства были игумны монастырей, лежавшихъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ. Число ихъ уже въ XII вѣкѣ простиралось до двадцати. Первое мѣсто между ними занимали Юрьевъ, Антоніевъ и Хутынскій. Многочисленность монастырей объясняется тѣмъ, что въ Новгородѣ не одни князья и княгини, какъ въ другихъ областяхъ, но вообще богатые и знатные люди усердствовали къ основанію обителей. Рѣдкая изъ важнѣйшихъ боярскихъ фамилій не имѣла монастыря, ею основаннаго или ею особо чтимаго и надѣляемаго отъ своихъ избытковъ. Глава подобной фамиліи обыкновенно желалъ послѣ смерти найти успокоеніе въ такой обители, а иногда подъ конецъ жизни принималъ въ ней иноческій санъ. Жены и дочери боярскія въ свою очередь любили основывать женскія обители, а также занимать въ нихъ мѣсто игуменьи ([25]).

Ядромъ Новогородской земли была область озера Ильменя, которое лежитъ именно тамъ, гдѣ оканчиваются сѣверозападные склоны Валдайскаго плоскогорья и начинается низменная полоса, которая простирается къ Финскому заливу и Ладожскому озеру. Треугольное озеро Ильмень представляетъ неглубокую впадину съ иловатымъ, отчасти каменистымъ, дномъ и пологими, болотистыми берегами. Оно служитъ водоемомъ для многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ, стекающихъ по упомянутымъ склонамъ. Наиболѣе значительныя изъ этихъ притоковъ суть: Мста, Пола, Ловать, Полистъ и Шелонь; верховьями своими они образуютъ широкій полукругъ съ южной стороны озера. Вообще ихъ верхнее теченіе имѣетъ каменистопесчаное русло, обрывистые берега, нерѣдко заграждено порогами и отличается довольно быстрымъ теченіемъ. Только въ нижнихъ частяхъ своихъ они судоходны. Впрочемъ изъ нихъ Ловать во время весенней воды составляла часть Великаго или Греческаго пути изъ южной Руси въ Сѣверную. Стокомъ для всѣхъ этихъ водъ, наполняющихъ Ильменскую впадину, служитъ только одна рѣка, знаменитый Волховъ; онъ почти въ прямомъ направленіи течетъ на сѣверъ въ Ладожское озеро, посреди отлогихъ равнинъ, обильныхъ лугами. Теченіе его тихое; но въ нижнихъ частяхъ Волховъ катитъ свои мутныя воды въ довольно крутыхъ берегахъ, изрѣзанныхъ оврагами и долинами, по которымъ струится въ него множество потоковъ и рѣчекъ. Тутъ дно рѣки на протяженіи нѣсколькихъ верстъ представляетъ плитяные уступы или пороги, которые дѣлаютъ судоходство по ней свободнымъ только при весенней водѣ, а противъ теченія (взводное) возможнымъ только съ помощью бичевы.

У самой вершины Волхова, верстахъ въ четырехъ отъ его истока, широко раскинулся Великій Новгородъ, на обоихъ низменныхъ берегахъ рѣки. Гдѣ находилось древнѣйшее поселеніе, зерно этого города, на правобережной Торговой сторонѣ или на лѣвобережной Софійской, о томъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ. По всей вѣроятности онъ составился постепенно изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній. Въ историческое время онъ является уже раздѣленнымъ на части или концы, число которыхъ въ эпоху Предтатарскую простиралось до пяти: два на Торговой сторонѣ, Славянскій и Плот-

ницкій, и три на Софійской, Людинъ, Загородскій и Неревскій. Послѣдніе три конца были расположены полукругомъ около Софійскаго кремля или дѣтинца, который и составлялъ средоточіе Великаго Новгорода. Дѣтинецъ расширенъ и укрѣпленъ новыми стѣнами еще во время княженія Мстислава Мономаховича. Стѣны эти уже въ то время могли быть каменныя, и въ особенности ихъ башни. Нѣкоторыя изъ башенъ заключали проѣздныя ворота, надъ которыми согласно благочестивому обычаю устроивались церкви или часовни. По такимъ церквамъ обыкновенно назывались и самыя ворота; таковы: Богородицкія, выходившія на большой Волховскій мостъ, Спасскія, Покровскія, Владимірскія и пр. Новогородскій дѣтинецъ или собственно *городъ* заключалъ въ себѣ главную святыню Великаго Новгорода, соборный храмъ во имя св. Софіи или Премудрости Божіей, съ находящимся подлѣ него владычнимъ дворомъ.

Новогородская Софія, подобно Кіевской, имѣетъ двойные портики по сторонамъ главнаго нефа, съ массивными четырехгранными столпами, на которыхъ утверждены арки и верхи храма. Внутри его господствуетъ тотъ же таинственный полусвѣтъ; кровля и куполы также обиты свинцомъ. Но онъ нѣсколько менѣе объемомъ, имѣетъ всего три основныхъ алтарныхъ полукружія, пять куполовъ и одну круглую вежу, ведущую на хоры, въ правомъ углу нартекса или западнаго притвора (надъ этой вежей возвышается теперь шестая глава собора). Внутренность храма покрыта фресковою стѣнною иконописью; а мусія ограничилась только немногими украшеніями въ алтарѣ по сторонамъ горняго мѣста. Наиболѣе знаменитую и величественную икону представляетъ написанное въ главномъ куполѣ изображеніе Спасителя, отличающееся строгимъ ликомъ и на половину сжатою десницею. По поводу послѣдней сложилось потомъ слѣдующее сказаніе. Цареградскіе иконописцы, по повелѣнію епископа Луки Жидяты, написали Спасителя съ рукою благословляющею; на другой день она оказалась сжатою. Три раза они исправляли десницу, но тщетно. На четвертый день услышали голосъ: «Писари, писари, не пишите мнѣ благословляющую руку, но пишите сжатую; азъ въ сей руцѣ моей Новгородъ держу; а когда сія рука моя распрострется, тогда будетъ граду сему окончаніе».

Главныя или западныя врата храма извѣстны подъ именемъ Корсунскихъ. Онѣ состоятъ изъ двухъ деревянныхъ половинъ, которыя съ наружной стороны покрыты литыми бронзовыми дощечками, представляющими лики и сцены изъ Священной исторіи, съ латинскими и славянскими надписями. Эти доски очевидно нѣмецкой работы, и, судя по изображенію на нихъ магдебургскаго архіепископа Вихмана, были сдѣланы не ранѣе второй половины XII вѣка въ саксонскомъ городѣ Магдебургѣ, который славился своими литейщиками. Когда и какими путями они попали въ Новогородскую Софію, доселѣ остается неразъясненнымъ. Точно также не вполнѣ извѣстно происхожденіе южныхъ вратъ храма, называемыхъ Сигтунскими или Шведскими. Они обложены металлическими листами съ изображеніями крестовъ, листьевъ, звѣздъ, работы болѣе изящной нежели на Корсунскихъ вратахъ. По словамъ преданія, Шведскія врата во второй половинѣ XII вѣка вывезены изъ шведскаго города Сигтуны въ числѣ добычи, взятой при морскомъ набѣгѣ на этотъ городъ Новогородцами вмѣстѣ съ Эстами и Карелами.

Притворы Софійскаго храма съ самаго его основанія сдѣлались мѣстомъ погребенія для нѣкоторыхъ князей и многихъ святителей новогородскихъ; напримѣръ, здѣсь покоятся: самъ строитель собора Владиміръ Ярославичъ съ матерью своей Анной, Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, Іоакимъ Корсунянинъ, первый новогородскій епископъ, Лука Жидята, св. Никита (бывшій затворникъ Кіевопечерской обители), архіепископы св. Іоаннъ и Мартирій Рушанинъ. По имени послѣдняго южный притворъ храма названъ «Мартирьевскою папертью». Сіяніе святости, окружившее память этихъ мужей въ мѣстныхъ преданіяхъ, увеличивало славу соборнаго храма и народную къ нему привязанность. Софійскій соборъ сдѣлался не только главною святынею Великаго Новгорода, но и символомъ его гражданской жизни: «постоять за св. Софью» означало на языкѣ Новогородцевъ оборону своей политической самобытности.

Къ соборному храму примыкали архіепископскіе покои, которые назывались «домомъ св. Софіи». Они служили мѣстомъ церковнаго управленія и владычняго суда. Наиболѣе просторная палата этого дома по обычаю именовалась «сѣнями». Отсюда и произошло выраженіе «возводить на сѣни»:

новоизбраннаго владыку вводили въ эту палату, и тѣмъ самымъ онъ уже вступалъ въ управленіе Новогородскою церковью; хотя полными своими правами пользовался только послѣ хиротоніи или своего посвященія митрополитомъ. Софійскій соборъ съ принадлежащими къ нему или придѣльными храмами имѣлъ многочисленный причтъ священниковъ, дьяконовъ, клирошанъ и прочихъ церковнослужителей. Большіе расходы на содержаніе владыки и причта покрывались отчасти десятиною изъ княжихъ доходовъ (даней, виръ и продажъ). установленною грамотами старыхъ князей. Святославъ Ольговичъ, во время своего новогородскаго княженія, установилъ вмѣсто десятины выдавать владыкѣ и соборному храму опредѣленную сумму во сто гривенъ изъ княжихъ доходовъ. Кромѣ того они получали пошлины съ церковныхъ судовъ, а также съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, съ соляныхъ варницъ и пр. При объѣздахъ по своей епархіи владыка получалъ еще особую дань отъ каждаго погоста. Но главный источникъ доходовъ владыки и Софійскаго собора составляли тѣ земли и разныя угодья, которыя не только князья, но и другіе богатые люди жертвовали въ пользу церкви, преимущественно на поминъ своей души. Поземельныя владѣнія архіепископскія вскорѣ можно было встрѣтить почти во всѣхъ краяхъ Новогородской земли, и притомъ населенныя; на нихъ сидѣли не только отдѣльныя села, но впослѣдствіи и цѣлыя волости. Слѣдовательно новогородскій владыка имѣлъ полную возможность удовлетворять расходамъ, соотвѣтственнымъ его сану и его высокому политическому положенію.

Кромѣ Софійскаго собора въ дѣтинцѣ было еще нѣсколько храмовъ, и между ними каменный въ честь Бориса и Глѣба, построенный богатымъ новогородскимъ гостемъ Сотко Сытиничемъ на мѣстѣ первоначальнаго, деревяннаго храма св. Софіи, который сгорѣлъ въ 1045 году. Борисоглѣбскій храмъ стоялъ надъ самымъ Волховомъ на концѣ «Пискуплей» (т. е. Епископской) улицы, на которой вѣроятно жилъ софійскій или архіерейскій причетъ.

На югозападной или ильменской сторонѣ къ дѣтинцу примыкалъ конецъ Людинъ съ своими улицами Редятиной и Волосовой. На послѣдней стояла деревянная церковь св. Власія, которая, по преданію, была основана на мѣстѣ Волосова ка-

ница; въ этой церкви священствовалъ знаменитый Илья (св. Іоаннъ) до своего избранія въ епископы. Сѣверозападную часть Софійской стороны занималъ конецъ Неревскій, простиравшійся до рѣчки Гзени, впадающей въ Волховъ; а его улица ближайшая къ дѣтинцу называлась Разважа. Между этой улицей и сосѣдней, Шírковой, стояла каменная церковь Ѳеодора Тирона, подобно Борисоглѣбской построенная богатымъ купцомъ Войгостомъ. Кромѣ нея изъ многихъ церквей Неревскаго конца замѣчательна св. Якова, отъ которой и самая улица называлась Яковлевой; она была прежде деревянная, но во время священника Германа Вояты передѣлана въ каменную. По извѣстію Новогородской лѣтописи этотъ Германъ Воята служилъ у св. Якова сорокъ пять лѣтъ и скончался въ 1185 г. (Едва ли онъ не былъ первымъ составителемъ самой Новогородской лѣтописи). Между концами Неревскимъ и Людинымъ находился еще третій конецъ Софійской стороны, Загородскій. Онъ былъ меньше другихъ по объему, и, кажется, заключалъ только двѣ значительныя улицы, Чудинцеву и Прусскую; но обитатели его имѣли въ своей средѣ много богатыхъ и знатныхъ семей. Особенно подобнымъ, такъ сказать аристократическимъ, населеніемъ отличалась Прусская улица. Къ ея жителямъ принадлежала семья знаменитаго посадника Твердислава Михалковича. Отецъ его Михалко Степановичъ въ 1176 году построилъ деревянную церковь въ честь своего ангела, т. е. архистратига Михаила; а, спустя сорокъ три года, Твердиславъ вмѣсто деревяннаго соорудилъ каменный храмъ съ стѣнною или фресковою иконописью. Его современникъ, другой богатый новогородецъ, Милонѣгъ на той же Прусской улицѣ построилъ каменную церковь Вознесенья, также украшенную фресковою иконописью.

Какъ дѣтинецъ составлялъ особую часть Софійской стороны, непринадлежавшую ни къ какому концу, и служилъ религіознымъ средоточіемъ Великаго Новгорода; такъ на Торговой сторонѣ Ярославовъ дворъ съ прилежащимъ къ нему Торгомъ былъ средоточіемъ управленія и торговли, и имѣлъ свои особыя власти, хотя и занималъ часть Славянскаго конца. Эта часть лежала на правомъ берегу Волхова, насупротивъ дѣтинца. Здѣсь стоялъ княжій теремъ, вѣроятно основанный или распространенный Ярославомъ I; а подлѣ него находился ка-

менный храмъ, сооруженный Мстиславомъ Мономаховичемъ во имя Николая Чудотворца, котораго мощи въ его время были перенесены изъ Миръ Ликійскихъ въ итальянскій городъ Баръ. Княжій дворъ, какъ извѣстно, служилъ въ древней Руси мѣстомъ главнаго судилища, а также мѣстомъ собранія городскихъ мужей, которыхъ князь призывалъ на совѣтъ въ важныхъ случаяхъ. Съ ослабленіемъ княжеской власти въ Новгородѣ и усиленіемъ народоправленія этотъ дворъ пріобрѣлъ по преимуществу вѣчевое значеніе. Тутъ около храма Николая стояли звонница съ вѣчевымъ колоколомъ, изба для вѣчевыхъ дьяковъ и помостъ или такъ наз. «вѣчевая степень», на которой помѣщались посадникъ, тысяцкій и другія власти, и откуда они обращались къ народу.

Отъ Ярославова двора по берегу Волхова шла широкая площадь, извѣстная подъ именемъ Торговища. Здѣсь въ особенности сосредоточивалась торговля Новгорода съ иноземными гостями; подлѣ стояли дворы Нѣмецкій и Готскій съ различными строеніями, въ которыхъ жили иноземные торговцы и находились склады ихъ товаровъ. На одной сторонѣ Торговища, рядомъ съ Никольскимъ соборомъ, возвышался храмъ Параскевы Пятницы, сооруженный «заморскими» купцами, т. е. тѣми Новогородцами, которые посылали свои товары за море. А съ другой стороны Торговище простиралось почти до церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ или на Петрятинѣ дворищѣ. Эта каменная церковь была заложена Всеволодомъ - Гавріиломъ Мстиславичемъ въ 1127 г., и надѣлена отъ него особыми льготами и доходами. Такъ въ ея пользу предоставлены пошлины съ воску, и при ней находились самые вѣсы, на которыхъ взвѣшивали воскъ; ей принадлежали пошлины съ товарныхъ складовъ на сосѣднемъ Волховскомъ побережьѣ (буянѣ). При этомъ храмѣ состояло особое купеческое товарищество или артель, члены которой вносили по пятидесяти гривенъ серебра въ свою общую казну. Повидимому, главная привилегія этой артели заключалась въ оптовой торговлѣ съ Нѣмцами и Готландцами. Она избирала изъ своей среды старостъ, которые завѣдывали доходами Предтеченской церкви и присутствовали на судѣ тысяцкаго. Этотъ судъ совершался при храмѣ Іоанна Предтечи, и главнымъ образомъ состоялъ въ разборѣ спорныхъ дѣлъ, возникавшихъ между туземными и иноземм-

ными гостями. Готскій дворъ имѣлъ свою католическую церковь («варяжскую божницу», какъ ее называли Русскіе) во имя св. Олава, а Нѣмецкій свою особую, во имя св. Петра. Послѣдняя была построена на мѣстѣ православнаго храма Іоанна Крестителя, который перенесли нѣсколько далѣе (1184 г.). По этому поводу сложилась позднѣе такая легенда. Нѣмецкіе гости просили позволенія поставить свою церковь; владыка новогородскій сначала отказалъ имъ. Тогда Нѣмцы стали грозить, что и въ своей землѣ не дозволятъ строить православныя церкви. Посадникъ Добрыня, подкупленный ими, склонилъ народное вѣче не только согласиться на просьбу Нѣмцевъ, но и отдать имъ то мѣсто, на которомъ уже стояла церковь Іоанна Крестителя. Вслѣдъ за тѣмъ Добрыня подвергся небесной карѣ: когда онъ переправлялся въ лодкѣ черезъ Волховъ, внезапно поднялся вихрь, опрокинулъ лодку, и посадникъ утонулъ. Волховское побережье Торговища, наполненное торговыми складами и лавками, служило главною пристанью для торговыхъ судовъ; вообще это было самое оживленное, самое многолюдное мѣсто въ городѣ. Тутъ же находился и «великій мостъ», который съ Ярославова двора велъ черезъ Волховъ прямо въ дѣтинецъ.

Славянскій конецъ, котораго главная улица называлась Славно, простирался до Ѳедорова ручья, впадающаго въ Волховъ съ правой стороны. А за этимъ ручьемъ до слѣдующей рѣчки Витки лежалъ конецъ Плотницкій. Самое названіе его показываетъ, что первоначально онъ былъ поселеніемъ ремесленниковъ, особенно плотничьихъ мастеровъ, которыми въ древности славился Великій Новгородъ. Что здѣсь селились не одни плотники, указываютъ названія старинныхъ улицъ: Молоткова, Котельницкая, Щитная и др.

Пять означенныхъ концевъ съ внѣшней своей стороны были окопаны рвомъ и валомъ, и укрѣплены деревянными стѣнами, т. е. срубами, засыпанными землей, а также огорожены тыномъ или частоколомъ; но башни или костры, заключенные въ этихъ валахъ, могли быть сооружены изъ камня, покрайней мѣрѣ нѣкоторые. Впрочемъ незамѣтно вообще, чтобы Новогородцы прилагали большое стараніе объ укрѣпленіи своего города. Самою надежною защитою отъ непріятельскихъ нападеній служили имъ топкія болотистыя окрестности и дремучіе лѣса. Кромѣ топей

и болотъ окрестности эти изрѣзаны цѣлою сѣтью рѣчекъ, ручьевъ, волховскихъ протоковъ и озеръ; изъ послѣднихъ самое большое Мячино, которое тянется на лѣво отъ Волховскаго верховья почти вплоть до Софiйской стороны. Направо Волховъ по выходѣ изъ Ильменя отдѣляетъ рукавъ Волховецъ, а подъ самой Торговой стороной другой рукавъ Жилотугъ, который потомъ соединяется съ Волховцемъ. Между истоками этихъ двухъ рукавовъ лѣвый берегъ Волхова образуетъ небольшое возвышенiе; здѣсь-то и находилось такъ называемое Городище или загородный княжiй дворъ, расположенный верстахъ въ трехъ отъ города. Князья новгородскiе съ XII вѣка рѣдко жили въ самомъ Новгородѣ, и прiѣзжали на Ярославовъ дворъ только въ случаяхъ надобности. Обычнымъ же ихъ пребыванiемъ было село Городище, гдѣ около княжаго терема и гридницы помѣщались жилища его дружины, его охота и разныя хозяйственныя принадлежности. Здѣсь усердiемъ князей сооружено нѣсколько придворныхъ храмовъ, и между прочимъ церковь Благовѣщенiя, построенная Мстиславомъ Мономаховичемъ. Этой церкви было подарено имъ богатоукрашенное евангелiе, сохранившееся до нашего времени, и извѣстное подъ именемъ «Мстиславова» (хранится въ Москов. Архангельск. соборѣ). Кромѣ Городища окрестности Новгорода обиловали другими селенiями и посадами. Особенно многочисленны были поселки монастырскiе. Великiй Новгородъ количествомъ своихъ храмовъ превосходилъ всѣ другiе города древней Руси (по однимъ лѣтописямъ ихъ можно насчитать болѣе пятидесяти); точно также ни одинъ городъ не могъ поспорить съ нимъ числомъ окрестныхъ монастырей. Почти всѣ мѣста, наиболѣе удобныя для поселенiя, вокругъ Новгорода, т. е. болѣе сухiя и возвышенныя, были заняты обителями.

Древнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ изъ новгородскихъ монастырей былъ Георгiевскiй или Юрьевъ, на лѣвой сторонѣ Волховскаго верховья, насупротивъ Городища. Основанiе его возводится преданiемъ ко времени Ярослава-Георгiя. Но строителемъ каменнаго Георгiевскаго храма и щедрымъ покровителемъ этой обители былъ все тотъ же любимый Новгородцами Мстиславъ Владимiровичъ съ своимъ сыномъ Всеволодомъ-Гаврiиломъ. Извѣстна грамота, данная ими Юрьеву мо-

настырю на нѣкоторыя земли и судныя пошлины. Въ числѣ главныхъ вкладчиковъ въ эту обитель очевидно была богатая семья посадника Мирошки Нездилича; самъ онъ умеръ здѣсь монахомъ; а подлѣ отца погребенъ и сынъ его посадникъ Дмитрій. Игуменъ Юрьевскаго монастыря занималъ первое мѣсто между другими игумнами, и, судя по лѣтописи, назывался «новогородскимъ архимандритомъ». Избраніе его почиталось на столько важнымъ, что въ немъ принимали участіе всѣ новогородскія власти. Такъ въ 1226 г. игуменъ Саватій, чувствуя приближеніе кончины, призвалъ къ себѣ владыку Антонія, посадника Иванка и другія почетныя лица, и просилъ ихъ сообща съ юрьевскою братьею выбрать своего преемника. Выборъ палъ на какого-то Гречина, священника при церкви Константина и Елены, котораго немедленно постригли въ иноки; а затѣмъ владыка соборне поставилъ его игумномъ.

Ближайшія къ Юрьеву обители были: Перынскій, у самаго истока Волхова изъ Ильменя, основанный по преданію на холмѣ, гдѣ стояло капище Перуна, и Пантелеймоновъ, на берегу озера Мячина, основанный вѣроятно Изяславомъ II — Пантелеймономъ; по крайней мѣрѣ сохранилась его грамота этому монастырю. Нѣсколько далѣе отъ Юрьева на берегу того же Мячина озера находился монастырь Благовѣщенскій, учрежденный святымъ владыкою Іоанномъ и его братомъ Григоріемъ. Построеніе каменнаго храма въ этой обители народъ украсилъ такою легендою. Когда у братьевъ-строителей недостало денегъ на окончаніе зданія, они обратились съ молитвою къ Богородицѣ. На другой день у воротъ монастыря явился конь, навьюченный двумя мѣшками, съ серебромъ и золотомъ; мѣшки сняли, и конь исчезъ. Подлѣ Благовѣщенскаго стоялъ другой монастырь въ честь Богородицы, Аркажскій, названный такъ по имени игумна Аркадія, перваго выборнаго владыки Новогородскаго. Въ этомъ монастырѣ, подобно своему отцу Михалку, постригся и погребенъ знаменитый посадникъ Твердиславъ; тогда какъ жена его постриглась въ женскомъ новогородскомъ монастырѣ Св. Варвары. Кромѣ послѣдняго извѣстны еще древнѣйшіе женскіе монастыри: Воскресенскій, на берегу озера Мячина, и Покровскій-Звѣринъ, на берегу Волхова за Неревскимъ концомъ. Судя по названію, надо полагать, что вблизи него находился княжій звѣринецъ.

Переходя съ лѣваго волховскаго берега на правый, у самаго Плотницкаго конца встрѣчаемъ Антоніевъ монастырь, основанный въ началѣ XII вѣка въ честь Рождества Богородицы. Антоній Римлянинъ является однимъ изъ первыхъ мѣстночтимыхъ святыхъ Великаго Новгорода. Житіе его краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ Антоній чудесно приплылъ на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ, какъ онъ соорудилъ богатый храмъ Рождественскій на томъ мѣстѣ, гдѣ присталъ камень, и основалъ при немъ обитель. Но лѣтопись Новгородская ограничивается только короткимъ упоминаніемъ о заложеніи «игумномъ Антоніемъ» каменнаго храма Богородицы въ 1117 году, о сооруженіи имъ каменной монастырской трапезницы и его кончинѣ, послѣдовавшей въ 1147 году. Далѣе, верстахъ въ десяти внизъ по Волхову, на возвышеніи праваго берега красуется монастырь Хутынскій, основанный въ концѣ XII вѣка другимъ мѣстнымъ святымъ, Варлаамомъ. Онъ въ мірү назывался Олекса Михалевичъ, былъ уроженецъ Великаго Новгорода, сынъ достаточныхъ родителей. Подобно Ѳеодосію Печерскому и другимъ угодникамъ, онъ съ юныхъ лѣтъ имѣлъ влеченіе къ иноческой жизни и долго ходилъ по разнымъ пустынямъ, пока не основалъ собственной обители на мѣстѣ, называемомъ Хутынь. Лѣтопись Новгородская подъ 1192 годомъ занесла извѣстіе о сооруженіи на Хутынѣ храма въ честь Спаса Преображенія чернецомъ Варлаамомъ. Владыка Гавріилъ освятилъ и храмъ и основанный при немъ монастырь; а въ слѣдующемъ году Варлаамъ уже скончался. Покровительствуемый нѣкоторыми боярскими семьями, одаренный землями, рыбными ловлями и другими угодьями, Хутынскій монастырь вскорѣ занялъ важное мѣсто въ числѣ новогородскихъ святынь, на ряду съ монастырями Юрьевымъ и Антоньевымъ; а основатель его сдѣлался однимъ изъ любимыхъ героевъ новогородскихъ легендъ.

Въ окрестностяхъ Славянскаго конца и Городища, на правомъ берегу Волховца, на пригоркѣ Нередица находился монастырь Спасъ-Нередицкій. Основателемъ его былъ тотъ самый безъудѣльный князь Ярославъ Владиміровичъ, который три раза сидѣлъ на Новгородскомъ столѣ. Лѣтомъ 1198 года онъ построилъ здѣсь храмъ Спасо-Преображенскій, который уцѣлѣлъ до нашего времени въ первобытномъ своемъ видѣ и

служитъ однимъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ Новогородской старины. Это небольшой квадратъ съ тремя обычными алтарными полукружіями, съ узкими окнами и голосниками, т. е. глиняными кувшинами, вдѣланными въ своды и стѣны. Замѣчательна особенно фресковая стѣнная иконопись въ довольно строгомъ византійскомъ стилѣ съ полугреческими, полуславянскими надписями. Между прочимъ тутъ на южной стѣнѣ подъ хорами изображенъ самъ основатель храма князь Ярославъ. По обычаю византійскому, онъ стоя держитъ въ рукахъ сооруженную имъ церковь; а передъ нимъ сидитъ Спаситель благословляющій. Ярославъ изображенъ въ обычной княжеской одеждѣ: на немъ небольшой клобукъ съ мѣховымъ околышемъ и верхній плащъ или корзно изъ дорогой шелковой ткани съ разноцвѣтными узорами. Князь имѣетъ продолговатое лицо съ крупнымъ носомъ, большими глазами, довольно длинными темными волосами и бородою. Вообще это портретное изображеніе есть почти единственный въ такомъ родѣ и потому очень драгоцѣнный для насъ памятникъ русской Домонгольской старины.

Далѣе заслуживаютъ упоминанія изъ окрестностей Новгорода: Рождественскій монастырь въ сосѣдствѣ Плотницкаго конца съ своими скудельницами или кладбищемъ; поле Волотово на правомъ берегу Волховца съ сопкою или могильнымъ курганомъ, который позднѣйшіе книжники назвали могилою миѳическаго Гостомысла; а также монастырь Николы на Липнѣ посреди топкихъ болотъ, около впаденія рѣки Мсты въ озеро Ильмень. Основаніе его, по словамъ преданія, принадлежитъ Мстиславу Мономаховичу: въ память своего исцѣленія отъ тяжкой болѣзни дѣйствіемъ чудотворной иконы Св. Николая, князь соорудилъ въ его имя во первыхъ соборный храмъ на Ярославовомъ дворѣ, а во вторыхъ монастырь близъ того мѣста, гдѣ обрѣтена икона. Насупротивъ этого монастыря по другую сторону озера Ильменя лежитъ княжее село Ракома, въ которомъ живалъ еще Ярославъ I, когда сидѣлъ на Новогородскомъ столѣ ([26]).

Отлогія Ильменскія прибрежья заняты были не одними пустынными пространствами; онѣ пестрѣли также лугами, рощами, монастырскими поселками, рыбачьими слободами. Изъ

послѣднихъ наиболѣе извѣстна Взвадъ или Озвадъ, на устьѣ Ловати; въ лѣтнюю пору здѣсь производилась и княжая охота на звѣря. Этотъ южный берегъ, заключенный между устьями Шелони и Ловати, возвышеннѣе и круче другихъ береговъ, и мѣстами состоитъ изъ плитяныхъ утесовъ. На той же южной сторонѣ Ильменя лежитъ одинъ изъ главныхъ новогородскихъ пригородовъ, Руса, по обѣимъ сторонамъ Полиста, въ который впадаетъ въ самомъ городѣ рѣчка Порусья. Расположенная въ открытой ровной мѣстности, Руса по обычаю состояла изъ внутренней крѣпости или дѣтинца и внѣшняго города или посада. Здѣсь находился Спасопреображенскій монастырь, въ которомъ игуменъ Мартирій построилъ каменный храмъ Спаса; вскорѣ затѣмъ этотъ игуменъ былъ избранъ на владычнюю каѳедру Новогородскую. Руса замѣчательна въ особенности своими соляными источниками, изъ которыхъ уже съ давнихъ временъ жители вываривали соль. Нѣсколько ниже города Полистъ соединяется съ Ловатью, недалеко отъ ея впаденія въ Ильмень; такимъ образомъ Руса въ лѣтнее время имѣла съ Новгородомъ судовое сообщеніе. Рѣка Ловать, впадающая въ озеро нѣсколькими рукавами, представляетъ одну изъ главныхъ водяныхъ артерій Новогородской земли. Она была частію великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки. Имѣя тихое, спокойное теченіе въ нижней своей части, она быстра и порожиста въ средней; однако была сплавною и даже судоходною во время весенней воды, начиная отъ самыхъ Лукъ. Этотъ городъ (послѣ *Великія Луки*) лежитъ уже въ южномъ краю Новогородской земли, на пограничьѣ съ Полоцкой и Смоленской, въ мѣстности волнистой и покрытой густыми лѣсами. Вслѣдствіе своего пограничнаго значенія, Луки были довольно хорошо укрѣпленнымъ городомъ. Съ конца XII вѣка, когда упала сила Полоцкаго княженія и оно начало подпадать Литовскому вліянію, Луки почитались *оплечьемъ* Новгороду отъ Литвы, и въ княженіе Ярослава Владиміровича здѣсь, для охраненія границъ, сидѣлъ сынъ его Изяславъ, который тутъ и скончался лѣтомъ 1198 г. А осенью того же года Полочане вмѣстѣ съ Литвою уже воспользовались смертью князя, напали на Луки, и сожгли посадъ, но не могли взять самаго города.

Какъ Луки съ конца XII вѣка служили оплечьемъ съ юго-запада, отъ Литвы, такъ и другой еще болѣе важный при-

городъ, Псковъ или Плесковъ, около того же времени явился главнымъ оплотомъ Новогородской земли съ запада, отъ Нѣмцевъ, утвердившихся въ Прибалтійскомъ краѣ. Этотъ городъ расположился на правомъ берегу рѣки Великой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея впаденія въ Чудское озеро, посреди низменной ровной области, изобилующей озерами, болотами и песчаными холмами. Ядро города или дѣтинецъ стоитъ на возвышенномъ мысу, который образуется впаденіемъ рѣчки Псковы въ Великую; тутъ красуется главная псковская святыня, каменный соборъ Св. Троицы, съ гробницею своего строителя Всеволода Гавріила. Посадъ, примыкавшій къ этому дѣтинцу, впослѣдствіи получилъ названіе Кромы или Застѣнья, хотя въ свою очередь онъ былъ тоже укрѣпленъ каменною стѣною. На другой сторонѣ Псковы возникла часть города, называемая Запсковьемъ; а слобода, расположенная за рѣкою Великою, назвалась Завеличьемъ; тамъ былъ монастырь и каменный храмъ Св. Спаса, построенный владыкою Нифонтомъ. Извѣстняковая плита, залегающая подъ глинистою и песчаною почвою окрестной мѣстности, доставляла обильный матерьялъ для каменныхъ храмовъ и стѣнъ Пскова.

Предпріимчивый, промышленный духъ, войны съ сосѣдними Латышами и Чудью и дани, съ нихъ собираемыя, содѣйствуя обогащенію жителей, рано возбудили въ нихъ стремленіе къ политической самобытности. Уже въ XII вѣкѣ Псковитяне пытаются стать въ независимыя отношенія къ Великому Новгороду. Первая попытка, какъ извѣстно, произошла при Всеволодѣ Гавріилѣ, который, будучи изгнанъ изъ Новгорода, нашелъ убѣжище въ Псковѣ. Послѣ его смерти Псковъ снова является новогородскимъ пригородомъ; но нерѣдко получаетъ отдѣльнаго князя, особенно съ началомъ опаснаго сосѣдства Нѣмцевъ, когда усилилась потребность въ оборонѣ Новогородской земли съ этой стороны. Въ тоже время усилилось и торговое значеніе Пскова: онъ сдѣлался главнымъ посредникомъ въ сухопутныхъ сношеніяхъ Сѣверной Руси съ Ригою и другими нѣмецкими городами въ Ливоніи. Псковское же судоходство принуждено было ограничиться протяженіемъ длиннаго Чудскаго озера и нижними частями нѣкоторыхъ его притоковъ. Принимая въ себя множество рѣкъ и рѣчекъ, озеро имѣетъ своимъ стокомъ рѣку Нарову, впадающую въ

Финскій заливъ. Неподалеку отъ своего устья эта рѣка преграждается плитянымъ уступомъ или извѣстнымъ Нарвскимъ порогомъ, который запиралъ доступъ къ морю судамъ, плавающимъ по Чудскому озеру. Верстахъ въ тридцати къ западу отъ Пскова на самомъ порубежьѣ съ Ливоніей стоялъ древній Изборскъ, когда-то главное русское поселеніе въ томъ краю. Находясь въ сторонѣ отъ рѣчныхъ путей, онъ съ возвышеніемъ Пскова началъ терять свое прежнее значеніе.

Изъ всѣхъ новогородскихъ пригородовъ въ эпоху до-Татарскую только одинъ могъ поспорить со Псковомъ своимъ торговымъ и политическимъ значеніемъ. Это Ладога. Она лежала на лѣвомъ берегу Волхова, верстахъ въ десяти отъ впаденія его въ Ладожское озеро; была крайнимъ сѣвернорусскимъ узломъ того торговаго движенія, которое совершалось по Великому водному пути, и служила пристанью, куда издавна приходили варяжскіе корабли. Далѣе вверхъ по Волхову эти морскіе суда не могли слѣдовать; ибо въ нѣсколькихъ верстахъ уже встрѣчались Волховскіе пороги. Около послѣднихъ товары обыкновенно перегружались на болѣе мелкія суда и только въ вешнюю пору могли съ помощью бичевы пройти пороги противъ теченія; а въ другое время товары перевозились на телѣгахъ мимо пороговъ до пристани Гостиннаго Поля, гдѣ снова нагружались на лодки; или же товарное сообщеніе Ладоги съ Новгородомъ совершалось обозами по санному пути. Богатство и важное значеніе Ладоги привлекали изъ за моря не однихъ торговцевъ, но также пиратовъ и завоевателей. Шведы не разъ приплывали съ войскомъ и пытались захватить въ свои руки этотъ городъ, какъ ключъ къ Великому Новгороду. Ладога кромѣ того служила опорнымъ пунктомъ новогородскаго господства надъ сосѣднею Чудью и Карелою. По всѣмъ этимъ причинамъ объ ея укрѣпленіи прилагались особыя заботы. Во время великаго княженія Мономаха и новогородскаго княженія сына его Мстислава, ладожскій посадникъ Павелъ заложилъ вокругъ дѣтинца каменныя стѣны, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ (1116 г.) Сохранившіеся доселѣ остатки ладожскихъ стѣнъ показываютъ, что онѣ были построены изъ булыжныхъ камней и плитняка съ дубовыми связями; по угламъ возвышаются круглыя башни съ узкими

продолговатыми отверстіями для метанія стрѣлъ. Здѣсь также какъ во Псковѣ каменнымъ постройкамъ способствовали въ изобиліи разсѣянные по окрестной странѣ породы плитняка. Владыка Нифонтъ построилъ въ Ладогѣ каменный храмъ во имя св. Климента. Внутри дѣтинца была еще каменная церковь св. Георгія, которая, подобно помянутой выше Спасо-Нередицкой церкви, служитъ въ наше время любопытнымъ образцомъ древнихъ новогородскихъ храмовъ и ихъ стѣннаго фрескового расписанія. Въ Ладогѣ, какъ и въ Новгородѣ, проживали при своихъ складахъ купцы готландскіе; въ XIII вѣкѣ находимъ здѣсь латинскую церковь во имя св. Николая: она, вѣроятно, находилась на той улицѣ, которая называлась «Варяжскою».

Новогородскія суда, отправляясь изъ Ладоги въ Готландъ, переплывали бурное озеро Нево или Ладожское, и потомъ широкою, многоводною Невой выходили въ море. Любопытно, что въ ту эпоху мы не видимъ со стороны сѣверной Руси стремленія какой-либо твердыней закрѣпить за собою этотъ конецъ Великаго воднаго пути и стать прочною ногою на самомъ устьѣ Невы; хотя тамъ и собирались дани съ окрестныхъ ей чудскихъ народцевъ. Только впослѣдствіи (въ XIV вѣкѣ) Новогородцы какъ бы спохватились и построили укрѣпленіе на Орѣховомъ островѣ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Слѣдовательно и на этой главной водной вѣтви мы видимъ тоже явленіе, какъ и на Двинѣ. Медленно, постепенно распространяла Русь свои поселенія на сѣверо-западъ, и не особенно стремилась къ морскимъ берегамъ, сохраняя стародавнюю привычку къ излюбленному судоходству по многочисленнымъ и многотруднымъ рѣчнымъ путямъ Восточной Европы.

На другомъ краю Новогородской земли, на пограничьѣ съ Суздальскими владѣніями находилось также укрѣпленное и вмѣстѣ торговое новогородское поселеніе, извѣстное подъ именемъ Новаго Торга или просто Торжка. Онъ лежитъ на Тверцѣ, лѣвомъ притокѣ Волги. Верховьями своими Тверца сближается съ Метою или собственно съ озеромъ Мстино, изъ котораго вытекаетъ послѣдняя. Только небольшой волокъ (на который указываетъ названіе Вышняго-Волочка) раздѣлялъ тутъ Ильменско-Ладожскій водный путь отъ Волжскаго, и потому естественно Торжокъ получилъ весьма важное торговое

значеніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ пригородовъ, гдѣ Новгородцы держали не только посадника, но и особаго князя для обороны отъ сосѣдей. Торжокъ служилъ приманкою для сильныхъ суздальскихъ князей, и вообще занималъ видное мѣсто въ ихъ отношеніяхъ къ Великому Новгороду. Другимъ узломъ, соединявшимъ Ильмень съ Волгою, служило многовѣтвистое, обильное островами и рыбою озеро Селигеръ; съ одной стороны оно даетъ начало Волгѣ; а съ другой небольшимъ волокомъ отдѣляется отъ рѣки Полы, притока Ильменя. Отъ озера Селигеръ шелъ рубежъ Новогородской земли съ Смоленскою по верхнему теченію Волги. Миновавъ смоленскій пригородъ Ржеву и суздальскій Зубцевъ, новогородскія владѣнія переходили на правую сторону Волги, и здѣсь посреди широкаго волока или сухопутья стоялъ пригородъ Волокъ, отъ рѣчки Ламы прозванный Ламскимъ. Отсюда рубежъ съ Суздальской землей круто поворачивалъ на сѣверъ къ Бѣлому озеру. Въ той сторонѣ самымъ значительнымъ пригородомъ были Бѣжичи, на верхнемъ теченіи Мологи, средоточіе новогородскихъ поселеній въ области Веси.

Все означенное пространство вокругъ озера Ильменя составляло собственно землю Новогородскую. Здѣсь Славянорусское населеніе преобладало надъ инородческимъ, за исключеніемъ сѣверной полосы, то-есть прибрежьевъ Финскаго залива и Ладожскаго озера, гдѣ чудскія племена еще вполнѣ сохраняли свою народность. Эта Новогородская земля изстари дѣлилась на многія волости и *погосты*. Но уже въ до-Татарскую эпоху встрѣчается болѣе крупное дѣленіе на такъ наз. сотни и «ряды»; послѣдніе являются предшественниками позднѣйшихъ пятинъ. Такъ въ уставѣ князя Святослава Ольговича 1137 года видимъ «Обонѣжскій рядъ» и «Бѣжецкій рядъ». Тоже свидѣтельство указываетъ, какъ рано новогородская колонизація направилась на сѣверо-востокъ: уже въ первой половинѣ XII вѣка пространство между Волховомъ и Онѣжскимъ озеромъ, и даже за озеромъ, составляетъ часть собственной Новогородской земли. А между тѣмъ на западной сторонѣ Ладожскаго озера, въ Кареліи, Новгородъ ограничивался собираніемъ дани, и если онъ имѣлъ тамъ свои поселенія, то очень немногія. За то видны нѣкоторыя заботы о водвореніи христіанства въ томъ краѣ. Въ 1229 году князь новогородскій Яро-

славъ Всеволодовичъ послѣ удачнаго похода на Емь, по свидѣтельству лѣтописи, послалъ крестить Карелу, которая и была крещена въ большомъ числѣ.

Съ сѣверозападной стороны, т. е. со стороны Финляндіи, Новогородцы встрѣтили разныя препятствія для распространенія своего владычества. Вопервыхъ, самая природа не благопріятствовала ихъ движенію. Безчисленныя озера хотя и соединены другъ съ другомъ протоками; но эти протоки большею частію загромождены скалами и порогами, и потому не представляютъ удобныхъ водныхъ путей. Во вторыхъ, туземныя чудскія племена болѣе чѣмъ другіе ихъ соплеменники отличались бѣдностію и свирѣпостію. Ближайшее къ Новогородцамъ племя Карельское еще безъ особаго труда подчинилось ихъ господству; но слѣдующія за нимъ племена Еми и Суми занимались морскимъ разбоемъ и сами производили набѣги на Новогородскую землю, а также и на Карелу; такъ что иногда надобно было предпринимать трудные походы только для ихъ обузданія. Въ третьихъ, Новогородцы рано встрѣтились въ этомъ краю съ смѣлыми, предпріимчивыми Скандинавами, именно со Шведами, которые издавна стремились распространить свое владычество по морскимъ побережьямъ Финляндіи и въ XII вѣкѣ начали основывать здѣсь укрѣпленныя поселенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не разъ пытались завладѣть и самымъ ключемъ къ Великому водному пути, т. е. берегами Невы и устьями Волхова. Извѣстно, что отсюда они были отбиты Новогородцами, которые въ теченіе XII вѣка иногда вступали въ битвы со шведскими кораблями въ открытомъ морѣ, или вмѣстѣ съ подвластною Карелою нападали не только на берега Финляндіи, но и на самые берега Швеціи. Однако, какъ мы замѣтили, открытое море не было любимою стихіей Славянорусскаго племени, и потому Новогородцы вообще слабо поддерживали борьбу со Шведами въ Финляндіи; а заботились главнымъ образомъ о свободномъ торговомъ пути въ Балтійское море. Такимъ образомъ распространенію новогородскаго господства по обѣимъ сторонамъ Финскаго залива почти одновременно былъ положенъ предѣлъ: на южной Нѣмцами, на сѣверной Шведами.

Заморскимъ иноземцамъ не мало помогло то обстоятельство, что главное вниманіе Новогородцевъ въ тѣ времена было отвлече-

но на юго-востокъ, то-есть на отношенія къ сильнымъ князьямъ Суздальскимъ, и на сѣверо-востокъ, куда ихъ колонизація распространилась широкою полосою по великимъ судоходнымъ рѣкамъ, почти не встрѣчая себѣ достойныхъ соперниковъ. Новогородскіе удальцы достигали западныхъ береговъ Бѣлаго моря, которые они называли *Тре* (Терскій берегъ), и здѣсь облагали данью дикую Лопь. Но главное движеніе повольниковъ и колонистовъ направлялось въ такъ наз. *Заволочье*, т. е. въ область Сѣверной Двины и ея притоковъ. Что туземная или Заволоцкая Чудь не безъ борьбы подчинилась Новогородцамъ, на это указываютъ судьбы князя Глѣба Святославича, убитаго въ томъ краю, конечно при наложеніи или при сборѣ дани (1079 г.). Кромѣ туземцевъ новогородскіе отряды, собиравшіе дань, иногда должны были вступать въ борьбу съ дружинами суздальскихъ князей, которые также имѣли притязанія на тотъ край и старались подчинить его себѣ. Новогородцы однако съумѣли пока отстоять Заволочье съ этой стороны. Оно въ особенности привлекало ихъ обиліемъ пушнаго звѣря, который составлялъ одну изъ главныхъ статей новогородской торговли. Не ограничиваясь сборомъ дани и торговыми сношеніями съ туземцами, Новогородцы скоро завели свои поселенія или погосты на Сѣверной Двинѣ и ея лѣвыхъ притокахъ, особенно на Емцѣ, Вагѣ, на притокѣ послѣдней Вели, а также на Сухонѣ, каковы: Вологда, Тотьма, Шенкурскъ, Емецъ и др.; чѣмъ и положили начало обрусѣнію Заволоцкой Чуди.

На востокъ отъ Сѣверной Двины начинались неизмѣримыя пространства, которыя, благодаря такимъ судоходнымъ рѣкамъ какъ Вычегда, Кама и Печера, издавна посѣщались новогородскими торговцами и повольниками. Эти земли, извѣстныя тогда подъ названіями Пермь, Печера и Югра, Новогородцы причисляли къ своимъ владѣніямъ. Ихъ дружины время отъ времени ходили туда, и вооруженною рукою собирали дань гдѣ могли; но тѣмъ и ограничивались подчиненныя отношенія того края къ Великому Новгороду. Еще въ концѣ XI вѣка новогородскіе торговцы достигали сѣвернаго Урала, и здѣсь вели мѣновую торговлю съ Югрою. По извѣстію начальной лѣтописи, записанному со словъ боярина Гюряты Роговича, торговля эта сопровождалась самыми первобытными пріема-

ми. Новгородцы привозили сюда наиболѣе необходимыя въ домашнемъ быту желѣзныя орудія, въ особенности ножи и топоры, и раскладывали свои товары; туземцы являлись съ пушными шкурами, и молча, объясняясь знаками, обмѣнивали ихъ на вещи, которыя хотѣли пріобрѣсти. Высокія горы и пропасти, покрытыя снѣгомъ и лѣсомъ, заграждали дальнѣйшіе пути предпріимчивымъ Новогородцамъ. Однако уже въ то время они, кажется, переваливали за Уральскій хребетъ и доходили до береговъ Оби. Изъ сѣверо-восточныхъ окраинъ Европы привозились не только драгоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей, но и дорогіе металлы, т. е. золото и серебро, которые, благодаря мѣновой торговлѣ, приходили изъ уральскихъ и алтайскихъ рудниковъ, когда-то подвергавшихся разработкѣ. Торговыя сношенія, конечно, подготовляли между туземцами новогородское вліяніе, особенно между промышленными Зырянами, въ области рѣки Вычегды. Но сборъ дани нерѣдко встрѣчалъ ожесточенное сопротивленіе со стороны туземцевъ, преимущественно Угорскаго племени, которое не было чуждо воинственнаго духа, имѣло укрѣпленныя селенія и жило подъ управленіемъ собственныхъ родовыхъ князей, ревнивыхъ къ сохраненію своей власти и своей народности.

Подъ 1187 годомъ Новогородская лѣтопись заноситъ краткое извѣстіе объ избіеніи на Печерѣ и за Волокомъ новогородскихъ сборщиковъ дани; при чемъ ихъ пало до ста человѣкъ. Въ XII и XIII вѣкахъ новогородскіе князья, лично совершавшіе походы на Чудь Эстонскую и Ливонскую, обыкновенно не ходили сами въ отдаленные сѣверо-восточные края. Сюда Великій Новгородъ посылалъ или своихъ воеводъ, или ватаги повольниковъ; послѣдніе собирались охотою, ради добычи и удальства, вокругъ какого нибудь прославившагося своими подвигами боярскаго или купеческаго сына, который и становился ихъ ватаманомъ. Вѣроятно, въ связи съ помянутымъ избіеніемъ новогородскихъ данниковъ на Печерѣ, спустя пять или шесть лѣтъ, былъ предпринятъ большой походъ для усмиренія возмутившейся Югры.

Новогородская рать подъ начальствомъ воеводы Ядрея (отецъ архіепископа Антонія) вошла въ Югорскую землю, взяла одинъ городъ и подступила къ другому, болѣе крѣпкому, въ которомъ заперся какой-то изъ наиболѣе силь-

ныхъ туземныхъ князьковъ. Югра прибѣгла къ хитрости: она завязала переговоры, соглашалась уплатить дань, и просила только подождать, пока соберутъ назначенное количество серебра, соболей и другихъ припасовъ. А въ самомъ дѣлѣ князекъ собиралъ воиновъ. Когда ихъ набралось достаточно, онъ послалъ звать въ городъ воеводу съ двѣнадцатью лучшими людьми. Тотъ дѣйствительно отправился, и взялъ еще съ собою священника Ивана Легена. Всѣ они были избиты, наканунѣ праздника св. Варвары (слѣдовательно 3 декабря). Такимъ же образомъ заманили еще тридцать лучшихъ людей, потомъ пятьдесятъ. Лѣтопись обвиняетъ какого-то измѣнника Савку, который вошелъ въ заговоръ съ югорскимъ княземъ, и между прочимъ посовѣтовалъ ему непремѣнно убить Якова Прокшинича; а иначе послѣдній опять придетъ съ войскомъ и опустошитъ его землю. Этотъ Прокшиничъ принадлежалъ къ знатной новогородской фамиліи, и вѣроятно отличался воинскими доблестями. Новогородская рать уже стояла шесть недѣль подъ городомъ, и начала изнемогать отъ голоду. На Николинъ день Югра внезапно напала на нее, и избила большую часть; осталось только восемьдесятъ человѣкъ. Цѣлую зиму въ Новгородѣ не было вѣсти объ этой рати, къ великому сокрушенію князя Ярослава Владиміровича, владыки Мартирія и всего народа. Только слѣдующимъ лѣтомъ, 1194 года, воротились оставшіеся въ живыхъ. Тутъ начались перекоры и обычная новогородская расправа. Очевидно, въ новогородской рати не было единодушія; распри и соперничество знатныхъ людей проявлялись даже и въ виду непріятеля. Кромѣ Савки, погибшаго на походѣ, воротившіеся обвиняли въ измѣнѣ и другихъ людей. Трое изъ нихъ были убиты; а прочіе откупились отъ смерти большими деньгами. Затѣмъ въ теченіе довольно долгаго времени не слышно о походахъ въ Югру, хотя Великій Новгородъ и продолжалъ считать ее въ числѣ своихъ данниковъ.

Отъ подобныхъ походовъ, снаряжаемыхъ самимъ Великимъ Новгородомъ, надобно отличать предпріятія повольниковъ или ушкуйниковъ, которые спускались по рѣкамъ, заходили въ ихъ притоки, зимою перетаскивали свои лодки или ушкуи въ сосѣднія рѣки, и далеко проникали въ земли инородцевъ, промышляя себѣ добычу и открывая новые пути для нового-

родской торговли и господства въ дальнихъ краяхъ. Иногда они оставались тамъ, заводили поселенія, и такимъ образомъ широко распространяли новогородскую колонизацію. Одна изъ таковыхъ вольныхъ дружинъ положила основаніе особой Вятской земли или самостоятельной Хлыновской общинѣ.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ событіи мѣстная (Хлыновская) лѣтопись.

Въ 1174 году дружина ушкуйниковъ спустилась по Волгѣ до Камы. Часть ихъ осталась на берегу сей послѣдней и вздумала здѣсь поселиться. Другіе отправились далѣе на сѣверъ и начали воевать встрѣчныхъ Вотяковъ. Рѣкою Чепцою они вошли въ рѣку Вятку, и тутъ на лѣвомъ берегу послѣдней увидали селеніе, укрѣпленное рвомъ и валомъ. Мѣсто это понравилось Новогородцамъ, и они рѣшились взять его силою. Нѣсколько дней воины говѣли, молились; наконецъ сдѣлали приступъ, и 24 іюля, въ праздникъ Бориса и Глѣба, овладѣли городкомъ. Первоначально его назвали «Балванскимъ»; но, основавшись здѣсь и построивъ храмъ во имя Бориса и Глѣба, переименовали городокъ въ Никулицынъ. Между тѣмъ оставшіеся на Камѣ товарищи нашли свое поселеніе неудобнымъ, и двинулись вверхъ по рѣкѣ Вяткѣ, на которой завоевали черемисскій городокъ Кокшаровъ, впослѣдствіи переименованный въ Котельничъ. Потомъ обѣ части соединенными силами между Никулицынымъ и Котельничимъ основали третій городъ на высокомъ лѣвомъ берегу Вятки при впаденіи въ нее Хлыновицы, и назвали его Хлыновъ (нынѣ губерн. городъ Вятка). Этотъ послѣдній и сдѣлался средоточіемъ новогородскихъ поселеній въ Вятской землѣ, то-есть старшимъ городомъ, къ которому остальные относились какъ пригороды и погосты.

Усиленные новыми выходцами изъ Новогородской и Двинской земли, Вятчане не только съ успѣхомъ отражали нападенія сосѣднихъ Черемисъ и Вотяковъ, но налагали на нихъ дани, и постепенно распространяли свои поселенія. Затерянные посреди глухихъ лѣсовъ и чудскихъ народцевъ, они образовали особую вѣчевую общину, которая не признавала надъ собою власти Великаго Новгорода, т. е: не платила ему даней и не принимала отъ него посадниковъ, а управлялась своими выборными властями; при чемъ однако

сохраняла обычаи и строй Новгородской жизни. Это была единственная самобытная русская область, которая обходилась безъ князя. Отдаленность и затруднительныя сообщенія (такъ какъ Волжскій путь шелъ черезъ Суздальскія земли) препятствовали Великому Новгороду силою смирить непокорныхъ колонистовъ; но онъ не оставлялъ своихъ притязаній на господство. Отсюда возникла продолжительная вражда между нимъ и Вятскою землею. (27).

XVII.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ. ВСЕВОЛОДЪ БОЛЬШОЕ ГНѢЗДО И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Княжеская колонизація въ Суздальскомъ краѣ и дѣятельность Юрія Долгорукаго.—Андрей Боголюбскій.—Предпочтеніе Владиміра на Клязьмѣ, стремленіе къ единовластію и самовластію.—Походы на Камскихъ Болгаръ.—Подвижники и епископы Суздальской земли.—Сооруженіе храмовъ.—Отношенія къ дружинѣ.—Кучковичи.—Убіеніе Андрея.—Безпорядки.—Борьба дядей съ племянниками и соперничество старшихъ городовъ съ младшими.—Михаилъ Юрьевичъ.—Всеволодъ Большое Гнѣздо.—Его земская и внѣшняя политика.—Боярство.—Болгарскій походъ.—Пожары и постройки.—Семейныя дѣла.—Племянникъ. — Размолвка съ старшимъ сыномъ.—Споръ Константина и Юрія.—Участіе Мстислава Удалаго.—Липецкая битва.—Константинъ великій князь.—Юрій II.—Новые походы на Болгаръ и Мордву.—Суздальско-новогородскія отношенія. — Поведеніе Псковичей.—Смѣны новогородскихъ посадниковъ и владыкъ.

Земли Суздальская и Рязанская, занимавшія пространство между верхней Волгой и средней Окой съ притоками, суть младшіе члены великой семьи древнихъ русскихъ областей. Въ эпоху Владиміра Великаго и Ярослава I онѣ составляли еще глухія, далекія страны съ рѣдкимъ, преимущественно Финскимъ, населеніемъ. Вотъ почему при раздачѣ удѣловъ онѣ или отдавались младшимъ сыновьямъ Кіевскаго князя, или служили прибавкою къ другимъ удѣламъ. Такъ Суздальская область придана была къ Переяславскому княженію Всеволода Ярославича, а Рязанская къ Черниговскому Святослава Ярославича. Когда же потомство ихъ развѣтвилось, эти области сдѣлались удѣлами младшихъ вѣтвей. Ростовско-Суздальскій край, какъ извѣстно, достался меньшому сыну Владиміра Мономаха, Юрію Долгорукому.

Древнее населеніе этого края составляло финское племя Меря, когда-то многочисленное и довольно зажиточное, но давно уже обрусѣвшее, такъ что о немъ мы можемъ приблизительно составить себѣ понятіе только по родственнымъ и сосѣднимъ ему народамъ, каковы съ одной стороны Весь, съ другой Мордва и Черемисы. Согласно съ мирнымъ, непредпріимчивымъ характеромъ племени, мерянскія поселенія не выдвигались на берега великихъ судоходныхъ рѣкъ какъ Волга, а уединялись въ лѣсную глушь. По свидѣтельству русскаго лѣтописца, средоточіемъ ихъ поселеній были мѣста около озеръ Неро и Клещина, въ области незначительныхъ рѣкъ Которосли, Большой и Малой Нерли. Здѣсь встрѣчаемъ мы старинные города Суздальской земли: Ростовъ—на озерѣ Неро, Суздаль на Малой Нерли и Переяславль на озерѣ Клещино. Вѣроятно, это были важнѣйшія мерянскія поселенія, въ которыхъ пришлая Русь издавна утвердилась, т. е. построила дѣтинцы и заняла ихъ своими дружинниками, чтобы отсюда владѣть окрестною землею. Славянорусское движеніе направлялось въ ту сторону двумя путями: съ запада изъ области смоленскихъ и новогородскихъ Кривичей, съ юга изъ земли Сѣверянъ и Вятичей. Переяславль Залѣсскій, лежащій при впаденіи рѣчки Трубежа въ озеро, своимъ названіемъ напоминаетъ Переяславль Русскій на Трубежѣ, слѣдовательно указываетъ на переселенцевъ изъ Южной Руси. Нѣкоторые другіе суздальскіе города своими именами также свидѣтельствуютъ о прямомъ участіи русскихъ князей въ этой колонизаціи; таковы: Ярославль на Волгѣ, основанный Ярославомъ, и Владиміръ на Клязьмѣ, построенный или Владиміромъ Великимъ, или Мономахомъ. Послѣдній, по его собственнымъ словамъ (въ Поученіи), нѣсколько разъ предпринималъ поѣздки въ Ростовскій край, конечно для устроенія земскихъ дѣлъ. Главнымъ же устроителемъ края почитается Мономаховъ сынъ Юрій Долгорукій. Ему приписываютъ построеніе Юрьева Польскаго, получившаго его имя, далѣе Коснятина, Москвы и Дмитрова, названнаго въ честь его младшаго сына Всеволода-Димитрія. Можетъ быть, онъ же основалъ заволжскіе города Кострому и Галичъ, прозванный Мерскимъ или Мерянскимъ въ отличіе отъ Галича на Днѣстрѣ.

Кромѣ построенія новыхъ городовъ и обновленія старыхъ,

Юрій Долгорукій былъ также усердный храмоздатель, и вообще онъ много заботился объ утвержденіи христіанства въ своихъ инородческихъ волостяхъ. Изъ его сооруженій до нынѣ существуютъ соборные храмы въ Переяславлѣ и Суздалѣ. Послѣдній городъ пользовался его предпочтеніемъ; онъ имѣлъ свое пребываніе въ немъ, а не въ старѣйшемъ Ростовѣ. Но едва ли справедливо приписывать Юрію главную честь русской колонизаціи въ томъ краю. Онъ уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такихъ обширныхъ чисто русскихъ удѣловъ какъ его отецъ Мономахъ или дѣдъ Всеволодъ, а тѣмъ болѣе прадѣдъ Ярославъ, и слѣдовательно не могъ въ такомъ количествѣ какъ они переводить дружинниковъ и смердовъ съ юга на сѣверъ. Надобно полагать, что онъ нашелъ здѣсь уже значительное русское населеніе, судя по той сравнительной скорости, съ какою пошло обрусѣніе туземцевъ. (Археологическія раскопки кургановъ также свидѣтельствуютъ, что славяно-русская колонизація направилась въ этотъ край еще во времена языческія). Нелишено вѣроятности одно извѣстіе, которое говоритъ, что Юрій старался привлекать къ себѣ переселенцевъ разными льготами и «подаяніями», и притомъ созывалъ людей отвсюду; такъ что кромѣ Русскихъ къ нему приходило много Болгаръ, Мордвы и Угровъ. Долгорукій былъ умный, дѣятельный князь-хозяинъ; о томъ свидѣтельствуютъ плоды его трудовъ. Суздальская область вскорѣ сдѣлалась на столько сильною и богатою, что доставляла своему князю средства для обузданія такого сосѣда какъ Новгородъ Великій и для его предпріятій въ Южной Руси. Извѣстно, что Юрій, не смотря на долгое пребываніе и усердную дѣятельность на сѣверѣ, никогда не переставалъ стремиться къ берегамъ Днѣпра, сначала въ южный Переяславль, а потомъ и въ самый Кіевъ. Извѣстно, что подъ конецъ жизни онъ достигъ цѣли своихъ стремленій, и умеръ на великомъ Кіевскомъ княженіи ([28]).

Не таковъ былъ сынъ и преемникъ Долгорукаго Андрей, прозванный *Боголюбскимъ*. Какъ отецъ, воспитавшійся на югѣ въ старыхъ княжескихъ преданіяхъ, стремился въ Южную Русь; такъ сынъ, проведшій свою молодость на сѣверѣ, всю жизнь сохранялъ привязанность къ Ростовско-Суздальскому краю, и скучалъ на югѣ. При жизни отца онъ не однажды

ходилъ съ его дружинами въ Рязанскую землю, а также долженъ былъ съ своими братьями участвовать въ военныхъ походахъ для завоеванія Кіевскаго стола Юрію. Мы видѣли, какъ онъ отличился отвагою въ Южной Руси, особенно подъ Луцкомъ; хотя въ то время былъ уже далеко не первой молодости, имѣя около сорока лѣтъ отъ роду. Когда Юрій окончательно занялъ великій столъ и роздалъ своимъ сыновьямъ удѣлы въ Приднѣпровской Руси, то Андрея какъ старшаго посадилъ подлѣ себя въ Вышгородѣ. Но тотъ усидѣлъ здѣсь не долго. Его, очевидно, тянуло на сѣверъ въ Ростовскую область, гдѣ можно было жить спокойно, мирно заниматься правительственными и хозяйственными дѣлами, посреди трудолюбиваго покорнаго населенія, вдали отъ безконечныхъ княжескихъ распрей, отъ половецкихъ набѣговъ и всѣхъ тревогъ Южной Руси. Въ томъ же 1155 году онъ покинулъ Вышгородъ, и уѣхалъ на сѣверъ «безъ отней воли», замѣчаетъ лѣтопись, т. е. вопреки желанію отца имѣть его при себѣ на югѣ. Андрей воротился въ свой прежній удѣлъ, Владиміръ на Клязьмѣ. Спустя два года, когда отецъ его умеръ, старшіе сѣверные города, Ростовъ и Суздаль, признали Андрея своимъ княземъ, вопреки завѣщанію Юрія, который по обычаю назначилъ Суздальскую область своимъ младшимъ сыновьямъ; а старшимъ, вѣроятно, предоставилъ Переяславль Русскій и другіе удѣлы въ Днѣпровской Руси. Андрей однако и на этотъ разъ не поселился въ Ростовѣ или Суздалѣ; а предпочелъ имъ все тотъ же младшій городъ Владиміръ, гдѣ и утвердилъ главный княжескій столъ. Такое предпочтеніе, естественно, возбуждало неудовольствіе въ старшихъ городахъ, и они начали питать вражду къ Владиміру, который называли своимъ «пригородомъ».

Неизвѣстно, что собственно заставляло Андрея предпочитать младшій городъ старшимъ. Новѣйшіе историки объясняютъ такое предпочтеніе вѣчевыми порядками и присутствіемъ въ старыхъ городахъ сильнаго земскаго боярства; что стѣсняло князя, стремившагося водворить полное самовластіе. Это весьма вѣроятно и согласно съ характеромъ Андреевой дѣятельности. Говорятъ также, что Юрій предпочиталъ Суздаль Ростову потому, что первый южнѣе втораго и ближе къ Днѣпровской Руси, и что Андрей на томъ же основаніи перенесъ столицу во Владиміръ на Клязьмѣ. И это предположеніе не

лишено нѣкотораго значенія, такъ какъ изъ Владиміра, благодаря Клязьмѣ и Окѣ, дѣйствительно удобнѣе было сноситься съ Кіевомъ и всей Южной Россіей, нежели изъ Суздаля, а тѣмъ болѣе изъ Ростова, который стоялъ въ сторонѣ отъ большихъ путей. Кромѣ того можно полагать, что въ этомъ случаѣ дѣйствовала также сила привычки. Андрей провелъ много лѣтъ въ своемъ прежнемъ удѣльномъ городѣ, много трудовъ положилъ на его обстройку и украшеніе, привязался къ нему, и, естественно, не имѣлъ охоты разстаться съ нимъ. Народная легенда указываетъ еще на одно основаніе, имѣющее связь съ извѣстною набожностію Андрея. Уѣзжая изъ Вышгорода, онъ взялъ съ собою образъ Богородицы, который по преданію принадлежалъ къ числу иконъ, написанныхъ евангелистомъ Лукою, и привезенъ изъ Царьграда вмѣстѣ съ образомъ Богородицы Пирогощей. По словамъ сѣверной легенды, князь хотѣлъ было отвезти икону въ старѣйшій городъ Ростовъ; но явившаяся ему во снѣ Пресвятая Дѣва повелѣла оставить ее во Владимірѣ. Эта икона съ тѣхъ поръ почиталась какъ драгоцѣнная святыня Суздальской земли.

Главное значеніе Андрея Боголюбскаго въ Русской исторіи основано на его государственныхъ стремленіяхъ. Онъ является передъ нами первымъ русскимъ княземъ, который ясно и твердо началъ стремиться къ водворенію самодержавія и единодержавія. Вопреки родовымъ княжескимъ обычаямъ тѣхъ временъ, онъ не только не раздавалъ своимъ родственникамъ удѣловъ въ Суздальской землѣ; но даже выслалъ изъ нея въ Южную Русь троихъ братьевъ, Мстислава, Василька, Михаила, и еще двухъ племянниковъ Ростиславичей. А вмѣстѣ съ ними изгналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые не хотѣли исполнять его волю, и стояли за соблюденіе старинныхъ обычаевъ по отношенію къ себѣ и къ младшимъ князьямъ. Лѣтописецъ подъ 1161 годомъ прямо говоритъ, что Андрей изгналъ ихъ «хотя самовластецъ быти всей земли Суздальской». Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ князь владѣлъ умомъ поистинѣ государственнымъ и что въ данномъ случаѣ онъ повиновался не одной только личной жаждѣ власти. Конечно, онъ сознавалъ, что дробленіе русскихъ земель служило главнымъ источникомъ ихъ политической слабости и внутреннихъ смутъ. Преданія о могущественныхъ князьяхъ стараго времени, осо-

бенно о Владимірѣ и Ярославѣ, которыхъ, можетъ быть, представляли тогда единодержавными и неограниченными властителями, эти еще живыя преданія вызывали подражаніе. Опыты собственной жизни и знакомство съ другими краями также не могли не дѣйствовать на подобныя стремленія. Передъ глазами Андрея былъ его шуринъ галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ, котораго сила и могущество основались на безраздѣльномъ владѣніи Галицкою землею. Передъ нимъ былъ еще болѣе разительный примѣръ: имперія Греческая, которая не только снабжала Русь церковными уставами и произведеніями своей промышленности, но и служила ей великимъ образцомъ политическаго искусства и государственнаго быта. Вѣроятно, и книжное знакомство съ библейскими царями не осталось безъ вліянія на политическіе идеалы князя, на его представленія о государствѣ и верховной власти. Опору своимъ самодержавнымъ стремленіямъ онъ могъ найти въ самомъ населеніи сѣверовосточнаго края, разсудительномъ и трудолюбивомъ, которому уже сдѣлались чужды нѣкоторыя безпокойныя привычки Южной Руси. Какъ бы то ни было, все остальное время своего княженія Андрей, повидимому, владѣлъ Суздальскою землею безраздѣльно и самовластно; благодаря чему, онъ и явился самымъ сильнымъ изъ современныхъ князей, и могъ держать въ зависимости не только своихъ муромо-рязанскихъ сосѣдей, но также имѣть вліяніе на судьбы другихъ русскихъ земель. Извѣстно, какъ онъ воспользовался взаимными несогласіями старшей линіи Мономаховичей: войска его взяли Кіевъ, и Суздальскій князь началъ распоряжаться старшимъ столомъ, оставаясь въ своемъ Владимірѣ Залѣсскомъ. Излишняя горячность и неумѣренныя выраженія самовластія разсорили его съ Ростиславичами Смоленскими. Послѣ пораженія его войскъ подъ Вышгородомъ Кіевская Русь освободилась отъ своей зависимости, но только на короткое время. Андрей успѣлъ было возстановить эту зависимость, когда его застигла смерть. Точно также онъ смирилъ строптивыхъ Новгородцевъ, и заставилъ ихъ уважать свою волю, не смотря на неудачную осаду Новгорода его войсками. Будучи уже довольно преклонныхъ лѣтъ, онъ не принималъ личнаго участія въ этихъ походахъ, а посылалъ обыкновенно сына своего Мстислава, давая ему въ руководители воеводу Бориса Жидисла-

вича, отличавшагося вѣроятно опытностію въ ратномъ дѣлѣ. По смерти отца, только одинъ разъ мы встрѣчаемъ Андрея во главѣ Суздальской рати, именно въ походѣ на Камскихъ Болгаръ.

Лѣтописцы наши не объясняютъ, изъ-за чего происходили войны между суздальскими и болгарскими князьями; такъ какъ владѣнія ихъ въ то время даже не были пограничными, а раздѣлялись землями Мордвы и другихъ финскихъ народцевъ. Можетъ быть, причиною ссоры были обоюдныя притязанія на собираніе дани съ этихъ народцевъ. А еще вѣроятнѣе, что причина была торговая. Мы знаемъ, что русскіе гости издавна ѣздили въ Камскую Болгарію, а Болгары въ Русь; что князья наши заключали торговые договоры съ болгарскими державцами. Очень возможно, что договоры эти иногда нарушались и ссора доходила до войны. Возможно также, что новогородскіе, суздальскіе и муромскіе повольники своими грабежами въ Камской Болгаріи вызывали кровавое возмездіе со стороны Болгаръ и нападеніе ихъ на русскіе предѣлы; а затѣмъ русскіе князья въ свою очередь должны были предпринимать трудные походы въ ту сторону, чтобы возстановить прочный миръ. Подобныя войны мы видѣли уже при отцѣ и дѣдѣ Андрея. Въ 1107 году Юрій Долгорукій находился съ Мономахомъ въ походѣ на Половцевъ, при чемъ вступилъ въ бракъ съ дочерью половецкаго хана Аепы (матерью Боголюбскаго). Пользуясь отсутствіемъ князя, Болгары пришли въ Суздальскую землю; разорили много селъ и осаждали самый городъ Суздаль, хотя и безъуспѣшно. Тринадцать лѣтъ спустя, Долгорукій Волгою ходилъ на Болгаръ, и, по словамъ лѣтописи, воротился съ побѣдою и великимъ полономъ. Точно такой же походъ совершилъ сынъ его Андрей Боголюбскій въ 1164 г.

Въ этомъ походѣ участвовалъ подручный ему князь муромскій Юрій. Кромѣ отдаленности и трудности пути, самые Болгаре, очевидно, были въ состояніи оказывать значительное сопротивленіе. Естественно поэтому, что набожный Андрей, не полагаясь на одну силу своей рати, прибѣгалъ къ покровительству божественному. Онъ взялъ съ собой въ походъ помянутую святыню, т. е. греческую икону Богородицы. Во время главной битвы икона была поставлена подъ стягами,

посреди русской пѣхоты. Битва окончилась полною побѣдою. Князь Болгарскій съ остаткомъ войска едва успѣлъ спастись въ стольный или Великій городъ. Воротясь изъ погони за непріятелемъ, русскіе князья съ своими дружинами совершили земные поклоны и благодарственное молебствіе передъ иконою. Затѣмъ они пошли далѣе, сожгли три непріятельскіе города, и взяли четвертый, который лѣтопись называетъ «славный Бряхимовъ».

Война однако не окончилась однимъ этимъ походомъ. Спустя восемь лѣтъ, Андрей снова отправляетъ рать въ туже сторону; но самъ нейдетъ, а поручаетъ начальство сыну своему Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу, съ которыми должны были соединиться сыновья подручныхъ князей Муромскаго и Рязанскаго. Новый походъ былъ предпринятъ зимою въ неудобное время. Соединясь съ Муромцами и Рязанцами. Мстиславъ двѣ недѣли простоялъ на устьѣ Оки, поджидая главную рать, которая медленно двигалась съ Борисомъ Жидиславичемъ. Не дождавшись ея, князь съ одной передовой дружиной вошелъ въ Болгарскую землю, разрушилъ нѣсколько селъ, и, захвативъ полонъ, пошелъ назадъ. Узнавъ о малочисленности его отряда, Болгаре погнались за нимъ въ числѣ 6000 человѣкъ. Мстиславъ едва успѣлъ уйти: непріятели были уже въ двадцати верстахъ, когда онъ соединился съ главною ратью. Послѣ чего войско русское воротилось домой, сильно потерпѣвъ отъ непогоды и всякихъ лишеній. «Не годится зимою воевать Болгаръ»—замѣчаетъ лѣтопись по сему случаю.

На ряду съ политическою дѣятельностію Андрея замѣчательны также его заботы о дѣлахъ церковныхъ въ своемъ княженіи.

Начало христіанства въ томъ отдаленномъ краю положено было еще во времена Владиміра и Ярослава. Но его утвержденіе встрѣчало здѣсь тѣже или еще большія препятствія чѣмъ въ Новогородской землѣ, со стороны какъ русскаго, такъ и особенно финскаго населенія. Лѣтопись неоднократно повѣствуетъ о мятежахъ, произведенныхъ языческими волхвами, которымъ не разъ удавалось возвращать къ старой религіи многихъ жителей, уже принявшихъ крещеніе. При учрежденіи

греческой іерархіи на Руси, Суздальская земля не вдругъ составила особую самостоятельную епархію. Будучи отнесена къ Переяславскому удѣлу, она иногда управлялась переяславскими епископами, а иногда имѣла своихъ особыхъ архіереевъ, которые пребывали въ старѣйшемъ ея городѣ Ростовѣ. Положеніе этихъ ростовскихъ іерарховъ первое время было особенно трудное, потому что они не имѣли такой опоры въ князьяхъ и дружинѣ, какъ другіе епископы. Князья еще не жили сами въ той землѣ; а пріѣзжали сюда только временно и управляли ею посредствомъ своихъ намѣстниковъ. Изъ первыхъ ростовскихъ епископовъ особенно славны своею просвѣтительною дѣятельностію свв. Леонтій и преемникъ его Исаія, оба постриженники Кіевопечерской лавры, подвизавшіеся на сѣверѣ въ послѣдней четверти XI вѣка.

Житіе Леонтія повѣствуетъ, что онъ былъ изгнанъ изъ Ростова упорными язычниками и нѣкоторое время жилъ въ окрестностяхъ его, собирая вокругъ себя дѣтей, которыхъ привлекалъ ласками, научалъ христіанской вѣрѣ и крестилъ. Потомъ онъ воротился въ городъ и продолжалъ здѣсь апостольскіе подвиги, пока не принялъ мученическаго вѣнца отъ мятежныхъ язычниковъ. Его подвиги и кончина, очевидно, относятся къ той эпохѣ, когда на сѣверѣ происходили народныя возмущенія отъ языческихъ волхвовъ, по примѣру тѣхъ, которыхъ встрѣтилъ на Бѣлоозерѣ воевода Янъ Вышатичъ. Слѣдующій за нимъ епископъ Исаія, по словамъ его житія, ходилъ по Суздальской землѣ съ своею проповѣдью, укрѣплялъ въ вѣрѣ вновь крещеныхъ, обращалъ язычниковъ, сожигалъ ихъ требища и строилъ христіанскіе храмы. Ему помогалъ Владиміръ Мономахъ во время своихъ поѣздокъ въ Ростовскую землю. Въ одно время съ Исаіей подвизался и третій свѣтильникъ Ростовскаго края, св. Авраамій, который самъ былъ уроженцемъ этого края. Онъ является основателемъ иноческаго житія на сѣверовостокѣ, и въ этомъ отношеніи походитъ на первыхъ кіевопечерскихъ подвижниковъ. Подобно имъ, онъ съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ склонность къ благочестію и уединенію, удалился изъ родительскаго дома на лѣсистый берегъ озера Неро и поставилъ себѣ здѣсь келлію. Въ Ростовѣ жители «Чудскаго конца» еще покланялись стоявшему за городомъ каменному идолу Велеса и приносили

ему жертвы. Авраамій жезломъ своимъ разрушилъ этотъ идолъ; а на мѣстѣ его основалъ первый Ростовскій монастырь въ честь Богоявленія. Подобно Леонтію, онъ привлекалъ къ себѣ юношей, училъ ихъ грамотѣ и крестилъ; потомъ многіе изъ нихъ приняли постриженіе въ его монастырѣ. Язычники не разъ хотѣли напасть на него и сжечь монастырь; но преподобный не смущался ихъ угрозами и энергически продолжалъ свою проповѣдь.

Трудами сихъ трехъ мѣстночтимыхъ подвижниковъ христіанство умножилось въ Ростовской землѣ и пустило здѣсь глубокіе корни. Со времени Юрія Долгорукаго, т. е. съ тѣхъ поръ какъ князь и его дружина утвердили здѣсь свое пребываніе, а Ростовская каѳедра окончательно отдѣлилась отъ Переяславской, мы видимъ православіе уже господствующимъ въ этомъ краю; населеніе главныхъ городовъ отличается своею набожностію и усердіемъ къ церкви. При Юріѣ Долгорукомъ епископомъ ростовскимъ былъ Несторъ, при Андреѣ Боголюбскомъ Леонъ и Ѳеодоръ. Усиленіе Суздальскаго княжества и возвышеніе его надъ Кіевскимъ естественно повело за собой и притязанія ростовскихъ епископовъ: Несторъ, Леонъ и особенно Ѳеодоръ уже дѣлаютъ попытки стать въ независимыя отношенія къ кіевскому митрополиту и самую Ростовскую каѳедру возвысить на степень митрополіи. По извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописей, Андрей сначала покровительствовалъ этимъ стремленіямъ, имѣя въ виду утвердить новую митрополію за своимъ любимымъ Владиміромъ. Но, встрѣтивъ неодобреніе со стороны Константинопольскаго патріархата, онъ оставляетъ мысль объ отдѣленіи митрополіи, и ограничивается желаніемъ или просто перенести епископію изъ Ростова во Владиміръ, или завести здѣсь особую каѳедру.

Въ это время Русскую церковь волновалъ споръ о томъ, можно ли вкушать масло и молоко по середамъ и пятницамъ въ господскіе праздники. Мы видѣли, что іерархи изъ Грековъ рѣшили его отрицательно; но рѣшеніе это не нравилось нѣкоторымъ князьямъ, которыхъ поддерживала и часть собственно русскаго духовенства. Споръ мѣстами принялъ острый характеръ. Мы видѣли, какъ черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, раздраженный упорствомъ епископа Антонія, изгналъ его изъ Чернигова. Но еще прежде того и почти то-

же самое произошло въ Суздальской землѣ. Ростовскій епископъ Леонъ, обвиняемый въ лихоимствѣ и разныхъ притѣсненіяхъ, оказался къ тому же ревностнымъ противникомъ употребленія мяса въ господскіе праздники. На борьбу съ нимъ выступилъ Ѳеодоръ, племянникъ извѣстнаго кіевскаго боярина Петра Бориславича, постриженникъ Кіевопечерской обители, мужъ книжный и бойкій на словахъ. Преніе происходило въ присутствіи князя Андрея; по свидѣтельству лѣтописи Ѳеодоръ переспорилъ («упре») Леона. Однако дѣло на томъ не кончилось. Рѣшили обратиться въ Грецію; куда и былъ отправленъ Леонъ въ сопровожденіи пословъ, кіевскаго, суздальскаго, переяславскаго и черниговскаго. Тамъ онъ отстаивалъ свое мнѣніе въ присутствіи императора Мануила Комнена, стоявшаго въ то время съ войскомъ на Дунаѣ. На сей разъ споръ противъ него велъ епископъ болгарскій Адріанъ. Императоръ склонялся на сторону послѣдняго. Леонъ выражался такъ дерзко, что царскіе слуги схватили его и хотѣли утопить въ рѣкѣ (1164).

Но эта такъ наз. Леонтіанская ересь продолжалась и послѣ того. Ростовскую каѳедру, по желанію Андрея, занялъ Ѳеодоръ. Однако онъ не долго пользовался расположеніемъ князя. Гордый и дерзкій, онъ не хотѣлъ признать надъ собою власть кіевскаго митрополита, и не ѣхалъ къ нему на поставленіе. Кромѣ того Ѳеодоръ отличался еще бо̀льшимъ корыстолюбіемъ и жестокостію чѣмъ его предшественникъ; вымогалъ чрезвычайные поборы съ подвластнаго ему духовенства разными пытками и мучительствами; даже подвергалъ пыткамъ княжескихъ бояръ и слугъ. Гордость его дошла до того, что на укоризны князя онъ отвѣчалъ приказомъ запереть всѣ церкви въ городѣ Владимірѣ и прекратить богослуженіе въ самомъ соборномъ храмѣ Богородицы. Этотъ удивительный русскій епископъ, вѣроятно, хотѣлъ подражать примѣрамъ и образу дѣйствія властолюбивыхъ іерарховъ Латинской церкви. Князь въ началѣ самъ покровительствовалъ Ѳеодору; но наконецъ всеобщими жалобами на него и его дерзостію былъ выведенъ изъ терпѣнія, низложилъ его, и отправилъ на судъ въ Кіевъ къ митрополиту. Послѣдній, слѣдуя своимъ византійскимъ обычаямъ, велѣлъ

отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза (1171 г.).

Благочестіе Андрея съ особою силою выразилось въ его усердіи къ построенію и украшенію храмовъ: въ чемъ онъ не только подражалъ своему отцу, но и превзошелъ его. Въ 1160 г. былъ страшный пожаръ въ Ростовѣ: въ числѣ другихъ храмовъ сгорѣла соборная церковь Успенія Богородицы, «дивная и великая», по замѣчанію лѣтописца. Она была построена при Владимірѣ Мономахѣ въ томъ же архитектурномъ стилѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ какъ Успенскій храмъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Андрей на мѣстѣ сгорѣвшей заложилъ каменную въ томъ же стилѣ. Онъ докончилъ начатый его отцомъ каменный храмъ св. Спаса въ Переяславлѣ Залѣсскомъ; воздвигъ нѣсколько новыхъ храмовъ и по другимъ городамъ. Но главное попеченіе, конечно, онъ обратилъ на свой стольный Владиміръ. Уже въ 1158 году Андрей заложилъ здѣсь каменный соборный храмъ въ честь Успенія Богородицы; чрезъ два года окончилъ его и приступилъ къ стѣнному расписанію. Для постройки и украшенія этого храма онъ призывалъ мастеровъ изъ разныхъ земель, т. е. не только изъ Южной Руси, но также изъ Греціи и Германіи: въ чемъ ему помогали, находившіеся въ дружественныхъ съ нимъ сношеніяхъ, знаменитые его современники Мануилъ Комненъ и Фридрихъ Барбаруса. Храмъ этотъ сталъ называться «Златоверхимъ» отъ своего позлащеннаго купола. Князь поставилъ въ немъ драгоцѣнную святыню, икону Богородицы; одарилъ его селами и разными угодьями; по примѣру кіевской Десятинной церкви, назначилъ на содержаніе его причта десятую часть отъ торговыхъ пошлинъ, отъ княжихъ стадъ и жатвы. Какъ Кіевская Богородица имѣла въ своемъ владѣніи городъ Полонный, такъ и Владимірской Андрей отдалъ цѣлый городъ Гороховецъ или доходы съ него. Также по образцу Кіева, онъ построилъ въ городской стѣнѣ каменныя ворота, названныя Золотыми, съ церковью на верху; а другія ворота, по замѣчанію лѣтописца, украсилъ серебромъ. Андрей любилъ похвалиться изяществомъ и богатствомъ воздвигнутыхъ имъ храмовъ, особенно Успенскимъ соборнымъ. Когда во Владиміръ пріѣзжали какіе-либо гости изъ Царяграда, Германіи или Скандинавіи, то князь

приказывалъ вести ихъ въ златоверхій храмъ Богородицы и показать красоту ея. Тоже онъ дѣлалъ съ гостями болгарскими и Евреями, чтобы расположить ихъ къ принятію христіанской вѣры.

Съ особеннымъ тщаніемъ Андрей украшалъ храмъ Рождества Богородицы, воздвигнутый имъ въ городкѣ Боголюбовѣ, который лежалъ въ десяти верстахъ отъ Владиміра ниже на Клязьмѣ, около впаденія въ нее рѣки Малой Нерли. Священная легенда (впрочемъ позднѣйшаго времени) связала построеніе этого городка и храма съ принесеніемъ чудотворной иконы Богородицы изъ Вышгорода въ Суздальскую землю. Когда Андрей изъ Владиміра продолжалъ путь съ иконою въ Ростовъ,—повѣствуетъ сказаніе—кони вдругъ остановились; напрасно ихъ били, впрягали другихъ коней, колесница съ иконою не двигалась. Сопровождавшій ее священникъ совершилъ передъ нею молебствіе; при чемъ самъ князь молился усердно. Потомъ онъ заснулъ въ шатрѣ, и въ полночь удостоился видѣнія: сама Богородица явилась передъ нимъ, и повелѣла оставить икону во Владимірѣ, а на семъ мѣстѣ воздвигнуть каменный храмъ въ честь Рождества. Это мѣсто чуднаго видѣнія названо имъ «Боголюбимое». Какъ бы то ни было, Андрей, по замѣчанію лѣтописца, построилъ городокъ Боголюбый въ такомъ именно разстояніи отъ Владиміра, въ какомъ находился Вышгородъ отъ Кіева. А посреди городка соорудилъ храмъ Рождественскій почти одновременно съ владимірскимъ Успенскимъ и въ томъ же архитектурномъ стилѣ, объ одномъ верхѣ или объ одной главѣ. Церковь эта также богато была изукрашена стѣннымъ расписаніемъ, узорчатою рѣзьбою, позолотою, иконами и дорогою церковною утварью. Тутъ же подлѣ нея великій князь соорудилъ себѣ теремъ, и пристроилъ особую каменную храмину, ведущую изъ терема на полати церкви. Кромѣ того въ окрестностяхъ городка, на самомъ устьѣ Нерли, онъ воздвигъ подобный же храмъ въ честь Покрова Богородицы, при которомъ былъ устроенъ монастырь. Вообще Андрей послѣднее время своей жизни проводилъ преимущественно въ Боголюбовѣ, откуда и получилъ свое прозваніе. Здѣсь онъ вполнѣ предавался своей страсти къ постройкамъ; сюда собиралъ отвсюду мастеровъ и ремесленниковъ, и, бережливый во всемъ другомъ, не ща-

дилъ на нихъ своей богатой казны. Иногда посреди ночи набожный князь уходилъ изъ своего терема въ Рождественскій храмъ; самъ зажигалъ свѣчи и любовался его красотою, или молился передъ иконами о своихъ грѣхахъ. Набожность его выражалась и въ щедрой раздачѣ милостыни нищимъ и убогимъ. Знакомый, конечно, съ лѣтописью Сильвестра Выдубецкаго, Андрей, подражая предку своему Владиміру Великому, приказывалъ развозить по городу брашно и питіе больнымъ и убогимъ, которые не могли приходить на княжій дворъ (29).

Предпочтеніе, которое великій князь подъ конецъ жизни оказывалъ малому городку, пребывая въ немъ болѣе чѣмъ въ стольномъ городѣ, это предпочтеніе нельзя объяснять исключительно политическими соображеніями, напримѣръ, желаніемъ находиться вдали отъ земскихъ бояръ и вѣчниковъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе утверждать свое самовластіе. Мы уже знаемъ, что русскіе князья того времени вообще мало пребывали въ стольныхъ городахъ; а обыкновенно съ своими ближними дружинниками проживали въ загородныхъ дворахъ гдѣ-либо по близости отъ столицы. Тутъ они устроивали свои терема, сооружали придворные храмы и цѣлые монастыри, окружали себя разными хозяйственными заведеніями, и занимались охотою въ окрестныхъ лѣсахъ и поляхъ. Однако предпочтительное пребываніе Андрея въ Боголюбовѣ, очевидно, соотвѣтствовало его вкусамъ, и хозяйственнымъ, и политическимъ. Здѣсь онъ не окружалъ себя старшимъ боярствомъ, предоставляя ему службу въ городахъ, въ качествѣ намѣстниковъ и посадниковъ, или пребываніе въ собственныхъ селахъ, и такимъ образомъ не обращался постоянно къ его совѣтамъ въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ. Онъ держалъ при себѣ младшихъ дружинниковъ, которые въ сущности были его слугами, его *дворомъ*, слѣдовательно не могли перечить князю, стѣснять его самовластіе. Но вполнѣ удалить отъ себя большихъ бояръ онъ не могъ; иначе жестоко вооружилъ бы противъ себя все это сильное сословіе. Были, конечно, у него нѣкоторые заслуженные или любимые бояре; наконецъ были между ними его свойственники. Эти-то послѣдніе и послужили орудіемъ къ его погибели.

Никого изъ близкихъ родственниковъ Андрея мы не встрѣчаемъ въ его Боголюбовскомъ уединеніи. Братья и племянники оставались въ Южной Руси; старшіе сыновья Изяславъ и Мстиславъ умерли; а младшій, Юрій, сидѣлъ на княженіи въ Новгородѣ Великомъ. Андрей былъ женатъ на дочери боярина Кучка. Преданіе говоритъ, что Юрій Долгорукій казнилъ этого боярина за какую-то вину, присвоилъ себѣ его помѣстье, въ которомъ и основалъ городъ Москву. Живя въ Боголюбовѣ, Андрей повидимому былъ уже вдовъ; но при немъ оставались два Кучковича, братья его жены, въ качествѣ ближнихъ и большихъ бояръ. Къ этимъ большимъ боярамъ принадлежали также зять Кучковичей Петръ и еще какой-то пришлецъ съ Кавказа изъ Ясовъ или Аланъ, по имени Анбалъ. Сему послѣднему великій князь довѣрилъ ключи, то-есть управленіе своимъ домомъ. Но эти люди, осыпанные милостями, не питали къ нему любви и преданности. Умный, набожный князь не отличался мягкимъ нравомъ въ отношеніи къ окружающимъ: а подъ старость характеръ его сдѣлался еще тяжеле и суровѣе. Избѣгая слишкомъ близкаго общенія съ подданными и отличаясь трезвостію, Андрей, не любилъ пить и бражничать съ своею дружиною, какъ это было въ обычаѣ у русскихъ князей. Съ такимъ характеромъ, съ такими привычками онъ не могъ пользоваться большимъ расположеніемъ дружинниковъ, которые прежде всего цѣнили въ князьяхъ щедрость и ласковое обхожденіе. Не видно также, чтобы и земскіе люди питали къ нему привязанность. Не смотря на строгость князя, его корыстолюбивые посадники и тіуны умѣли преслѣдовать свои собственныя выгоды, притѣснять народъ неправдами и поборами.

Одинъ изъ Кучковичей какимъ-то проступкомъ до того прогнѣвалъ великаго князя, что послѣдній велѣлъ казнить боярина, подобно тому какъ отецъ его Юрій казнилъ самого Кучка. Это событіе сильно возмутило бояръ, и безъ того роптавшихъ на самовластіе Андрея. Братъ казненнаго Якимъ собралъ на совѣтъ недовольныхъ, и говорилъ имъ въ такомъ смыслѣ: «сегодня казнилъ его, а завтра дойдетъ чередъ до насъ; подумаемъ о своихъ головахъ». На совѣщаніи рѣшено было убить великаго князя. Число заговорщиковъ простиралось до двадцати; вожаками ихъ кромѣ Якима Кучковича яви-

лись помянутый зять его Петръ, ключникъ Анбалъ и еще какой-то Ефремъ Моизовичъ, вѣроятно перекрестъ изъ Жидовъ, которыхъ Андрей любилъ обращать въ христіанство, также какъ Болгаръ. Подобное возвышеніе и приближеніе къ себѣ инородцевъ, можетъ быть, происходило изъ недовѣрія князя къ кореннымъ русскимъ боярамъ и его разсчета на преданность людей, всѣмъ ему обязанныхъ. Но безъ сомнѣнія и этихъ, взысканныхъ имъ проходимцевъ, раздражали непрочность его благоволенія и опасеніе уступить свое мѣсто новымъ любимцамъ. Именно въ то время самымъ приближеннымъ лицомъ къ князю сдѣлался какой-то отрокъ Прокопій, слѣдовательно возвышенный изъ младшихъ дружинниковъ или дворянъ. Прежніе любимцы завидовали Прокопію и искали случая его погубить.

Была суббота 29 іюня 1175 года, праздникъ свв. апостолъ Петра и Павла. Зять Кучковъ Петръ праздновалъ свои именины. Къ нему на обѣдъ собрались недовольные бояре, и тутъ окончательно порѣшили замыселъ свой немедля привести въ исполненіе. Когда настала ночь, они вооружились и отправились на княжій дворъ; умертвили сторожей, охранявшихъ ворота, и пошли на сѣни, т. е. въ пріемный покой терема. Но тутъ на нихъ напали страхъ и трепетъ. Тогда—конечно по приглашенію ключника Анбала—они зашли въ княжую медушу и ободрили себя виномъ. Затѣмъ поднялись опять на сѣни, и тихо подошли къ Андреевой ложницѣ. Одинъ изъ нихъ постучалъ и сталъ кликать князя.

«Кто тамъ»? спросилъ Андрей.

«Прокопій»—получилъ онъ въ отвѣтъ.

«Нѣтъ, это не Прокопій»—сказалъ князь.

Видя, что нельзя войти хитростію, заговорщики устремились всей толпой, и выломали двери. Князь хотѣлъ взять свой мечъ, который, по преданію, принадлежалъ когда-то св. Борису; но коварный ключникъ спряталъ его заранѣе. Андрей, не смотря на годы еще сохранявшій тѣлесную силу, схватился въ потьмахъ съ двумя прежде другихъ ворвавшимися убійцами, и одного изъ нихъ повергъ на землю. Другой, думая, что поверженъ былъ князь, нанесъ ему

ударъ оружіемъ. Но заговорщики вскорѣ замѣтили ошибку, и налегли на князя. Продолжая обороняться, онъ горячо укорялъ ихъ, сравнивалъ съ Горясѣромъ, убійцею св. Глѣба, грозилъ Божьей местью неблагодарнымъ, которые за его же хлѣбъ проливаютъ его кровь; но тщетно. Вскорѣ онъ упалъ подъ ударами мечей, сабель и копій. Считая все конченнымъ, заговорщики взяли своего павшаго товарища, и пошли вонъ изъ терема. Князь, хотя весь израненный, вскочилъ, и въ безпамятствѣ со стенаніями послѣдовалъ за своими убійцами. Тѣ услыхали его голосъ и воротились назадъ. «Я какъ будто видѣлъ князя, сходящаго съ сѣней внизъ» — сказалъ одинъ изъ нихъ. Пошли въ ложницу; но тамъ никого не было. Зажгли свѣчу, и по кровавому слѣду нашли князя сидящаго за столбомъ подъ лѣстницею. Увидя ихъ приближеніе, онъ началъ творить послѣднюю молитву. Бояринъ Петръ отрубилъ ему руку, а другіе его докончили. Умертвили также его любимца Прокопія. Послѣ того убійцы занялись расхищеніемъ княжаго добра. Собрали золото, драгоцѣнные камни, жемчугъ, дорогія одежды, утварь и оружіе; поклали все это на княжихъ коней, и еще до свѣта развезли по своимъ домамъ.

На слѣдующее утро, въ Воскресенье, убійцы поспѣшили принять мѣры для своей безнаказанности. Они опасались дружины, сидѣвшей въ стольномъ Владимірѣ; а потому начали «собирать полкъ», т. е. вооружать на свою защиту всѣхъ кого могли. Въ тоже время они послали спросить Владимірцевъ, что тѣ намѣрены предпринять? И велѣли сказать имъ, что совершенное дѣло задумали не отъ себя только, но отъ всѣхъ (дружинниковъ). Владимірцы на это возразили: «кто былъ съ вами въ думѣ, тотъ пусть и отвѣчаетъ, а намъ его не надобно». Ясно было, что главная дружина встрѣтила ужасную вѣсть довольно равнодушно, и не показала охоты мстить за смерть нелюбимаго господина. Такъ какъ по близости не было никого изъ князей, кто бы могъ схватить власть твердою рукою, то немедленно гражданскій порядокъ былъ нарушенъ. Начался неистовый грабежъ. Въ Боголюбовѣ, по примѣру дружинниковъ, чернь бросилась на княжій дворъ, и растаскивала все, что попадалось подъ руку. Потомъ принялись грабить дома тѣхъ мастеровъ, которыхъ Андрей собиралъ

отвсюду для своихъ построекъ и которые, повидимому, успѣли нажить отъ нихъ значительное имущество. Чернь напала также на посадниковъ, тіуновъ, мечниковъ и другихъ княжихъ слугъ, нелюбимыхъ за неправедный судъ и разныя притѣсненія; многихъ изъ нихъ перебила и дома ихъ разграбила. Изъ сосѣднихъ селъ приходили крестьяне и помогали горожанамъ въ грабежѣ и насиліяхъ. По примѣру Боголюбова, тоже самое произошло и въ стольномъ Владимірѣ. Здѣсь мятежъ и грабежи утихли только тогда, когда соборный священникъ Микулица и весь клиръ облеклись въ ризы, взяли изъ Успенскаго храма всѣми чтимую икону Богородицы и начали ходить по городу.

Кіевская лѣтопись сообщаетъ далѣе любопытныя и трогательныя подробности.

Между тѣмъ какъ происходили эти мятежи и разныя беззаконія, тѣло убіеннаго князя, брошенное въ огородъ, лежало тамъ ничѣмъ не прикрытое. Бояре грозили убить всякаго, кто вздумаетъ оказывать ему почести. Нашелся однако честный и добрый слуга княжій, какой-то Кузмище Кіевлянинъ, который, повидимому, не былъ во время убійства въ Боголюбовѣ, а пришелъ сюда, услыхавъ о случившемся. Онъ началъ плакать надъ тѣломъ покойнаго, причитая, какъ онъ побѣдилъ полки «поганыхъ» Болгаръ, а не могъ побѣдить своихъ «пагубоубійственныхъ ворожбитъ».

Подошелъ Анбалъ ключникъ.

«Амбале, вороже! Сбрось коверъ или что нибудь, что можно подостлать и чѣмъ бы прикрыть тѣло нашего господина»—сказалъ ему Кузмище.

«Поди прочь. Мы хотимъ выбросить его псамъ».

«О еретиче! Ужъ и псамъ выбросить! Помнишь ли, жидовинъ, въ чемъ ты пришелъ сюда? Теперь ты въ оксамитѣ стоишь, а князь нагъ лежитъ. Но молю тебя, сбрось что нибудь».

Ключникъ какъ бы усовѣстился, сбросилъ коверъ и корзно.

Кузмище обернулъ тѣло князя, отнесъ его къ Рождественской церкви и просилъ отпереть ее.

«Вотъ нашелъ о чемъ печалиться! Свали тутъ въ притворѣ»—отвѣчали ему пьяные приставники, которые, очевидно, предавались буйству наравнѣ со всѣми.

Кузмище со слезами вспомнилъ по этому случаю, какъ, бывало, князь приказывалъ водить въ церковь всякихъ нехристей и показывать имъ славу Божію; а теперь въ эту же изукрашенную имъ церковь его самого не пускали его собственные паробки. Онъ положилъ тѣло въ притворѣ на коверъ и прикрылъ корзномъ. Тутъ оно пролежало два дня и двѣ ночи. На третій день пришелъ Арсеній, игуменъ Козмодемьянскаго (вѣроятно Суздальскаго) монастыря, и началъ говорить боголюбскимъ клирошанамъ:

«Долго-ли смотрѣть намъ на старшихъ игумновъ? И долго ли лежать тутъ князю? Отоприте-ко божницу; я отпою его; а вы положите его въ (деревянную) буду или въ (каменный) гробъ, и, когда прекратится мятежъ, то пусть придутъ изъ Владиміра и отнесутъ его туда».

Клирошане послушались; внесли князя въ церковь, положили въ каменную гробницу, и отпѣли надъ нимъ панихиду, вмѣстѣ съ Арсеніемъ.

Только въ слѣдующую пятницу, то-есть уже на шестой день послѣ убійства Владимірцы опомнились. Бояре, дружина и городскіе старцы сказали игумну Ѳеодулу и Лукѣ, домественнику (уставщику церковнаго пѣнія) при Успенскомъ храмѣ, чтобы снарядили носилки и вмѣстѣ съ успенскими клирошанами отправились за тѣломъ князя. А священнику Микулицѣ велѣли собрать поповъ, облечься въ ризы и стать за Серебряными воротами съ иконою Богородицы, чтобы встрѣтить гробъ. Такъ и было сдѣлано. Когда со стороны Боголюбова показался княжій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимірцы, столпившіеся у Серебряныхъ воротъ, прослезились и начали причитать. При этомъ вспоминали добрыя стороны князя и его послѣднее намѣреніе: ѣхать въ Кіевъ, чтобы соорудить тамъ новую церковь на Великомъ дворѣ Ярослава; для чего онъ уже и мастеровъ послалъ. Затѣмъ съ должною честію и молитвенными пѣснопѣніями князь былъ погребенъ въ своемъ златоверхомъ Успенскомъ храмѣ ([30]).

Безпорядки, которые послѣдовали за убіеніемъ Андрея, вызвали въ лучшей, наиболѣе зажиточной, части населенія желаніе поскорѣе прекратить безначаліе, т. е. *призвать князей*, безъ которыхъ древняя Русь не могла себѣ и представить существованіе какого-либо общественнаго порядка, а въ особен-

ности какой-либо внѣшней безопасности. Во Владиміръ съѣхались бояре и дружинники изъ Ростова, Суздаля, Переяславля и вмѣстѣ съ владимірскою дружиною начали совѣщаться о томъ: кого изъ потомковъ Юрія Долгорукаго призвать на княженіе. Многіе голоса указывали на необходимость спѣшить этимъ дѣломъ, потому что сосѣдніе князья, муромскіе и рязанскіе, пожалуй вздумаютъ мстить за прежнія притѣсненія отъ суздальскихъ и придутъ ратью, пользуясь тѣмъ, что въ Суздальской землѣ нѣтъ князя. Опасеніе это было справедливо; ибо на Рязанскомъ столѣ сидѣлъ въ то время суровый, предпріимчивый князь Глѣбъ Ростиславичъ. Есть даже поводъ предполагать, что означенныя смуты въ Суздальской землѣ и самое убіеніе Андрея Боголюбскаго произошли не безъ нѣкотораго участія Глѣба Рязанскаго, при посредствѣ его сторонниковъ и клевретовъ. На съѣздѣ Владимірскомъ мы находимъ его пословъ, именно двухъ рязанскихъ бояръ Дѣдильца и Бориса.

Кромѣ малолѣтняго сына Юрія Новогородскаго, послѣ Андрея остались два младшихъ его брата, Михаилъ и Всеволодъ, которые приходились ему братьями по отцу, а не по матери, будучи рождены отъ второй жены Долгорукаго. Еще было у него два племянника, Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи. Подъ вліяніемъ рязанскихъ пословъ большинство съѣзда склонилось на сторону племянниковъ, которые приходились шурьями Глѣбу Рязанскому; такъ какъ онъ былъ женатъ на ихъ сестрѣ. Съѣздъ послалъ нѣсколькихъ мужей къ Рязанскому князю съ просьбою присоединить къ нимъ также своихъ пословъ и всѣхъ вмѣстѣ отправить за своими шурьями. И братья, и племянники Андрея въ то время проживали у черниговскаго князя Святослава Всеволодовича. Очевидно, далеко не всѣ Суздальцы желали племянниковъ; нѣкоторые еще помнили присягу, данную Долгорукому, посадить на своемъ столѣ меньшихъ его сыновей. Кромѣ того Черниговскій князь болѣе покровительствовалъ Юрьевичамъ, нежели Ростиславичамъ. Поэтому дѣло устроилось такъ, что всѣ четыре князя отправились въ Ростовско-Суздальскую землю, чтобы княжить въ ней сообща; старѣйшинство признали за Михалкомъ Юрьевичемъ; на чемъ и присягнули передъ епископомъ Черниговскимъ. Михалко и одинъ изъ Ростиславичей, Ярополкъ, поѣхали впереди. Но ког-

да они достигли Москвы, ихъ встрѣтило здѣсь новое посольство, собственно отъ Ростовцевъ, которое объявило Михалку, чтобы онъ подождалъ въ Москвѣ, а Ярополка пригласило ѣхать далѣе. Очевидно, Ростиславичамъ не нравился черниговскій договоръ о совмѣстномъ княженіи Юрьевичей съ Ростиславичами и о старшинствѣ Михалка. Но Владимірцы приняли послѣдняго, и посадили его на свой столъ.

Затѣмъ началась борьба или междоусобіе дядей съ племянниками—борьба, любопытная въ особенности по различному отношенію къ ней суздальскихъ городовъ. Старѣйшій изъ нихъ, Ростовъ, конечно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на предпочтеніе, которое Андрей оказывалъ младшему передъ нимъ Владиміру. Теперь настало для Ростовцевъ, казалось, удобное время воротить свое прежнее первенствующее значеніе и смирить Владиміръ. Называя его своимъ «пригородомъ», Ростовцы потребовали, чтобы онъ подчинился ихъ рѣшеніямъ, по примѣру другихъ русскихъ земель: «ибо изначала Новогородцы, Смольняне, Кіевляне, Полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старѣйшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Раздраженные гордостью Владимірцевъ, Ростовцы говорили: «вѣдь это наши холопы и каменьщики; сожжемъ Владиміръ или поставимъ въ немъ опять своего посадника». Въ этой борьбѣ на сторонѣ Ростова стоялъ другой старшій городъ, Суздаль; а Переяславль Залѣсскій обнаружилъ колебаніе между противниками. Ростовцы и Суздальцы собрали большое войско, получили еще помощь отъ Муромцевъ и Рязанцевъ, осадили Владиміръ, и послѣ упорной обороны принудили его на время подчиниться своему рѣшенію. Михалко удалился опять въ Черниговъ; въ Ростовѣ сѣлъ старшій Ростиславичъ Мстиславъ, а во Владимірѣ младшій Ярополкъ. Эти молодые неопытные князья вполнѣ подчинились вліянію ростовскихъ бояръ, которые всякими неправдами и притѣсненіями спѣшили обогатить себя на счетъ народа. Кромѣ того Ростиславъ привелъ съ собою южно-русскихъ дружинниковъ, которые также получили мѣста посадниковъ и тіуновъ и также принялись утѣснять народъ продажами (пенями) и вирами. Совѣтники Ярополка захватили даже ключи отъ кладовыхъ Успенскаго собора, начали расхищать его сокровища, отнимать у него села и дани, утвержденныя за нимъ Андреемъ. Ярополкъ

допустилъ своего союзника и свояка Глѣба Рязанскаго завладѣть нѣкоторыми церковными драгоцѣнностями, какъ-то книгами, сосудами и даже самою чудотворною иконою Богородицы.

Когда такимъ образомъ не только оскорблена была политическая гордость Владимірцевъ, но и затронуто ихъ религіозное чувство, тогда они выступили еще съ большею энергіей, и вновь призвали Юрьевичей изъ Чернигова. Михалко явился съ черниговскою вспомогательною дружиною, и изгналъ Ростиславичей изъ Суздальской земли. Признательный Владиміру, онъ снова утвердилъ въ немъ главный княжій столъ; а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Ростовъ и Суздаль были вновь унижены, не получивъ себѣ особаго князя. Михалко долгое время жилъ въ Южной Руси и отличился тамъ ратными подвигами, особенно противъ Половцевъ. Утвердясь во Владимірѣ, онъ немедленно принудилъ Глѣба Рязанскаго воротить главную святыню Владимірскую, т. е. икону Богородицы, и все что было похищено имъ изъ Успенскаго храма.

Но уже въ слѣдующемъ 1177 г. Михалко скончался, и во Владимірѣ сѣлъ младшій Юрьевичъ Всеволодъ. Ростовскіе бояре попытались снова оспаривать первенство Владиміра и снова призвали Ростиславичей на княженіе. Усерднымъ союзникомъ ихъ опять выступилъ тотъ же Глѣбъ Рязанскій. Онъ съ наемными толпами Половцевъ вошелъ въ Суздальскую землю, сжегъ Москву, прямымъ путемъ, черезъ лѣса, устремился къ Владиміру, и разграбилъ Боголюбовъ съ его Рождественскимъ храмомъ. Между тѣмъ Всеволодъ, получивъ помощь отъ Новогородцевъ и Святослава Черниговскаго, пошелъ было въ Рязанскую землю; но, услыхавъ, что Глѣбъ уже разоряетъ окрестности его столицы, поспѣшилъ назадъ, и встрѣтилъ непріятеля на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей слѣва въ Клязьму. Глѣбъ потерпѣлъ здѣсь полное пораженіе, попалъ въ плѣнъ, и вскорѣ умеръ въ заключеніи. Оба Ростиславича также были захвачены Всеволодомъ; но потомъ по ходатайству Черниговскаго князя отпущены къ родственникамъ въ Смоленскъ.

Такою блистательною побѣдою началъ свое княженіе Всеволодъ III, по прозванію *Большое Гнѣздо*, который снова соединилъ въ своихъ рукахъ всю Ростовско-Суздальскую землю.

Юность свою Всеволодъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ, посреди разнообразныхъ обстоятельствъ и перемѣнъ въ своей судьбѣ; что не мало способствовало развитію его практическаго, гибкаго ума и правительственныхъ способностей. Между прочимъ, еще будучи дитятей, онъ съ матерью своей и братьями (изгнанными Андреемъ изъ Суздаля) пробылъ нѣкоторое время въ Византіи, откуда могъ увезти много поучительныхъ впечатлѣній; потомъ онъ долго проживалъ въ Южной Руси, гдѣ навыкъ ратному дѣлу. Усмиреніемъ крамольныхъ Ростовцевъ, побѣдою надъ враждебнымъ сосѣдомъ, Рязанскимъ княземъ, и окончательнымъ возвышеніемъ Владимірцевъ Всеволодъ съ самаго начала сдѣлался ихъ любимцемъ; успѣхи его они приписывали особому покровительству своей главной святыни, чудотворной иконы Богородицы. Самое поведеніе Всеволода на первыхъ порахъ его княженія является съ оттѣнкомъ нѣкоторой мягкости и добродушія. Послѣ побѣды на Колокшѣ владимірскіе бояре и купцы едва не подняли мятежа за то, что князь оставилъ на свободѣ плѣнныхъ Ростовцевъ, Суздальцевъ и Рязанцевъ; чтобъ утишить волненіе, онъ принужденъ былъ разсадить ихъ по тюрьмамъ. Нѣчто подобное повторилось спустя нѣсколько лѣтъ при осадѣ новогородскаго пригорода Торжка. Мы видѣли, что когда князь медлилъ приступомъ, какъ бы щадя городъ, дружина его начала роптать, говоря: «мы не цѣловаться съ ними пріѣхали», и князь принужденъ былъ брать городъ на щитъ. Изъ тѣхъ же данныхъ историкъ имѣетъ полное право заключить, что нѣкоторыя видныя черты въ дѣятельности знаменитаго сѣверно-русскаго князя, помимо его личнаго характера, обусловились окружающею средою, характеромъ сѣверно-русскаго населенія.

Очевидно, неудачный конецъ, который постигъ попытку Андрея ввести полное самовластіе, по естественному историческому закону, повелъ за собою такъ наз. реакцію въ пользу тѣхъ, кого онъ пытался совершенно подчинить своей волѣ, т. е. въ пользу бояръ и дружины. Во время междоусобій, происшедшихъ послѣ его смерти, ростовское и суздальское боярство было побѣждено и унижено, но только для того, чтобы примкнуть къ своимъ побѣдителямъ, боярамъ и дружинникамъ владимірскимъ и имѣть съ ними об-

щіе интересы. Какъ въ другихъ областяхъ Руси, города сѣверовосточные во время этихъ смутъ обнаруживаютъ преданность къ своему княжему роду (потомству Долгорукаго), и не зовутъ князей изъ какой-либо другой вѣтви. Но они также не сажаютъ ихъ на свой столъ безусловно, а только по извѣстному ряду или договору. Такъ, по поводу помянутыхъ притѣсненій народу отъ пришлыхъ дружинниковъ Ярополка Ростиславича, Владимірцы начали творить вѣча, на которыхъ говорилось въ такомъ смыслѣ: «Мы по своей волѣ приняли къ себѣ князя, и утвердились съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ; а этимъ (Южноруссамъ) совсѣмъ не подобаетъ сидѣть у насъ и грабить чужую волость. Промышляйте братья!» Точно также не безъ ряду Владимірцы посадили у себя Михалка, а потомъ Всеволода. Этотъ рядъ, конечно, состоялъ въ подтвержденіи старыхъ обычаевъ, обезпечивающихъ преимущества военнаго сословія или бояръ и дружины, а также нѣкоторыя права земскихъ людей по отношенію къ суду и управленію. Слѣдовательно въ Сѣверовосточной Руси мы видимъ пока тѣже обычаи и отношенія дружины къ своимъ князьямъ какъ и въ Южной, тѣже городскія вѣча. Впрочемъ всѣ сѣверные князья, до Всеволода включительно, часть своей жизни провели въ Южной Руси, имѣли тамъ владѣнія, и приводили съ собою на сѣверъ многихъ Южноруссовъ, въ томъ числѣ и Кіевлянъ. Сѣверная Русь еще питалась кіевскими обычаями и преданіями, такъ сказать, кіевскою гражданственностію.

Въ тоже время однако начинаютъ выступать наружу и тѣ черты отличія, которыя впослѣдствіи развились и сообщили Сѣверовосточной Руси другой оттѣнокъ сравнительно съ Русью Кіевскою. Боярство и дружина на сѣверѣ получаютъ оттѣнокъ болѣе земскій чѣмъ на югѣ, болѣе осѣдлый и землевладѣльческій; они ближе стоятъ къ другимъ сословіямъ и не представляютъ такого преобладанія въ ратной силѣ какъ на югѣ. Подобно новогородскому, суздальское ополченіе—это по преимуществу земская рать, съ боярами и дружиной во главѣ. Сѣверовосточная дружина менѣе отдѣляетъ свои выгоды отъ интересовъ земли; она болѣе сплачивается съ остальнымъ населеніемъ и болѣе содѣйствуетъ князьямъ въ ихъ политическихъ и хозяйственныхъ заботахъ. Однимъ словомъ, въ Сѣверовосточной Руси мы видимъ

начатки болѣе государственныхъ отношеній. Нѣкоторыя черты суздальскаго боярства какъ будто напомнили честолюбивыя стремленія современнаго ему боярства галицкаго. Но на сѣверѣ оно не могло найти такой же благопріятной почвы для своихъ притязаній. Населеніе здѣсь отличалось менѣе впечатлительнымъ и подвижнымъ, болѣе разсудительнымъ характеромъ; по сосѣдству не было Угровъ и Поляковъ, связи съ которыми питали и поддерживали внутреннія крамолы. Напротивъ, какъ скоро Суздальская земля успокоилась подъ твердымъ, умнымъ правленіемъ Всеволода III, сѣверное боярство сдѣлалось усерднымъ его помощникомъ. Будучи хладнокровнѣе и осторожнѣе своего старшаго брата, Всеволодъ не только не вступалъ въ открытую борьбу съ боярствомъ, но ласкалъ его, соблюдалъ по наружности старые обычаи и отношенія, и пользовался его совѣтами въ земскихъ дѣлахъ. Въ лицѣ Всеволода III вообще мы видимъ князя, который представилъ замѣчательный образецъ сѣвернаго или великорусскаго характера, дѣятельнаго, расчетливаго, домовитаго, способнаго къ неуклонному преслѣдованію своей цѣли, къ жесткому или мягкому образу дѣйствія, смотря по обстоятельствамъ—однимъ словомъ тѣ именно черты, на которыхъ построилось государственное зданіе Великой Россіи.

Когда окончились смуты, вызванныя убіеніемъ Андрея, и Всеволодъ возстановилъ единовластіе въ Ростовско-Суздальскомъ княжествѣ, тогда получилась возможность и возстановить его преобладаніе надъ сосѣдними русскими областями, Новогородской съ одной стороны и Муромо-Рязанской съ другой. Стремленіе къ этому преобладанію было не однимъ только личнымъ дѣломъ Владимірскаго князя, но также его бояръ, дружины и народа, которые сознавали свой перевѣсъ въ силахъ и успѣли уже привыкнуть къ такому преобладанію при Юріѣ Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ. Въ обзорѣ Новогородской исторіи мы видѣли, какъ Всеволоду удалось снова водворить суздальское вліяніе въ Великомъ Новгородѣ и давать ему князей изъ своихъ рукъ. Еще болѣе рѣшительнаго преобладанія достигъ онъ въ Рязанской области. Эту область послѣ Глѣба, умершаго во владимірскомъ плѣну, раздѣлили его сыновья, которые признали себя въ зависимости отъ Всеволода, и сами иногда обращались къ нему за рѣше-

ніемъ своихъ споровъ. Но здѣсь суздальское вліяніе сталкивалось съ вліяніемъ черниговскимъ; такъ какъ Рязанскіе князья были младшею вѣтвію Черниговскихъ. Всеволоду пришлось разсориться съ своимъ бывшимъ благодѣтелемъ Святославомъ Всеволодовичемъ, который считалъ себя главою не только Черниговосѣверскихъ князей, но и Рязанскихъ, вмѣшивался въ ихъ распри, а также поддерживалъ Новгородъ Великій въ его борьбѣ съ Суздалемъ и посадилъ тамъ своего сына. Дѣло дошло до открытаго разрыва.

Черниговскій князь вмѣстѣ съ сѣверскими дружинами и наемными Половцами предпринялъ походъ въ Суздальскую землю. Около устья Тверцы съ нимъ соединились Новогородцы, которыхъ привелъ его сынъ (Владиміръ). Опустошивъ прибрежья Волги, Святославъ, не доходя сорока верстъ до Переяславля Залѣсскаго, встрѣтилъ Всеволода III, который кромѣ суздальскихъ полковъ имѣлъ съ собою вспомогательныя дружины рязанскія и муромскія. Не смотря на нетерпѣніе окружающихъ его, осторожный и расчетливый какъ истый сѣверный князь, Всеволодъ не хотѣлъ рисковать рѣшительною битвою съ южнорусскими полками, извѣстными военною удалью; а сталъ ожидать непріятеля за рѣкою Вленою (лѣвый притокъ Дубны, впадающей въ Волгу). Онъ расположилъ свой станъ на ея крутыхъ берегахъ въ мѣстности, пересѣченной оврагами и холмами. Двѣ недѣли стояли оба войска, смотря другъ на друга съ противуположнаго берега. Всеволодъ велѣлъ рязанскимъ князьямъ сдѣлать нечаянное ночное нападеніе. Рязанцы ворвались въ лагерь Святослава и произвели тамъ смятеніе. Но когда на помощь Черниговцамъ подоспѣлъ Всеволодъ Трубчевскій («буй туръ» Слова о Полку Игоревѣ), Рязанцы обратились въ бѣгство, потерявъ много убитыми и плѣнными. Напрасно Святославъ посылалъ къ Всеволоду съ предложеніемъ рѣшить дѣло Судомъ Божіимъ, и просилъ для этого отступить отъ берега, чтобы можно было переправиться. Всеволодъ задержалъ пословъ, и ничего не отвѣчалъ. Между тѣмъ приближалась весна: боясь разлитія водъ, Святославъ бросилъ обозъ, и поспѣшилъ уйти (1181 г.). Въ слѣдующемъ году соперники возобновили старую дружбу и породнились женитьбою одного изъ сыновей Святослава на свояченицѣ Всеволода, княжнѣ Ясской. А вскорѣ за тѣмъ (въ 1183 г.),

когда Всеволодъ задумалъ походъ на Камскихъ Болгаръ и просилъ Святослава о помощи, тотъ прислалъ ему отрядъ съ своимъ сыномъ Владиміромъ.

Сія послѣдняя война возникла вслѣдствіе грабежей, которымъ подвергались болгарскія суда на Окѣ и Волгѣ отъ рязанскихъ и муромскихъ повольниковъ. Не получивъ удовлетворенія за обиды, Болгаре вооружили судовую рать, въ свою очередь опустошили окрестности Мурома и доходили до самой Рязани. Походъ Всеволода III поэтому имѣлъ значеніе общей обороны русскихъ земель отъ иноплеменниковъ. Кромѣ суздальскихъ, рязанскихъ и муромскихъ полковъ, въ немъ приняли участіе Черниговцы и Смольняне. До восьми князей съѣхались во Владимірѣ на Клязьмѣ. Великій князь въ теченіе нѣсколькихъ дней весело пировалъ съ своими гостями, и затѣмъ 20 мая выступилъ съ ними въ походъ. Суздальцы Клязьмою спустились въ Оку, и тутъ соединились съ союзными полками. Конница пошла полемъ мимо мордовскихъ селеній, а судовая рать поплыла Волгою. Достигши одного волжскаго острова, именуемаго Исады, князья оставили здѣсь суда подъ прикрытіемъ преимущественно бѣлозерской дружины съ воеводою Ѳомою Ласковичемъ; а съ остальною ратью и съ конницей вступили въ землю Серебряныхъ Болгаръ. Съ ближними мордовскими племенами великій князь заключилъ миръ, и тѣ охотно продавали русскому войску съѣстные припасы. Дорогою къ Русскимъ неожиданно присоединился еще половецкій отрядъ, который былъ приведенъ однимъ изъ болгарскихъ князей противъ своихъ соплеменниковъ. Очевидно, въ Камской Болгаріи случались такія же междоусобія какъ и на Руси, и владѣтели болгарскіе также наводили на свою землю степныхъ варваровъ. Русское войско подступило къ «Великому городу», то есть къ главной столицѣ. Молодые князья подскакали къ самымъ воротамъ и сразились съ укрѣпившеюся около нихъ непріятельскою пѣхотою. Особенно отличился своимъ мужествомъ племянникъ Всеволода Изяславъ Глѣбовичъ; но вражья стрѣла пронзила его сквозь броню подъ сердце; такъ что онъ замертво отнесенъ въ русскій станъ. Смертельная рана любимаго племянника сильно опечалила Всеволода; онъ простоялъ десять дней подъ городомъ, и, не взявъ его, пошелъ назадъ. Между тѣмъ

Бѣлозерцы, оставшіеся при судахъ, подверглись нападенію окольныхъ Болгаръ, которые приплыли Волгою изъ городовъ Собекуля и Челмата; съ ними соединились еще Болгаре называемые Темтюзы и конница изъ Торческа; число нападавшихъ простиралось до 5000. Враги были разбиты. Они спѣшили уходить на своихъ учанахъ; но русскія ладьи преслѣдовали ихъ и потопили болѣе 1000 человѣкъ. Русская пѣхота воротилась домой тѣмъ же порядкомъ, т. е. на судахъ: а конница также пошла черезъ земли Мордвы, съ которою на этотъ разъ не обошлось безъ враждебныхъ столкновеній.

Тѣло умершаго дорогою Изяслава Глѣбовича было привезено во Владиміръ и погребено въ златоверхомъ храмѣ Богородицы. Братъ его Владиміръ Глѣбовичъ, какъ мы видѣли, княжилъ въ южномъ Переяславлѣ и отличился своимъ геройствомъ при нашествіи Кончака Половецкаго. Вѣроятно, объ этихъ-то Глѣбовичахъ вспоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, когда обращается къ могуществу Суздальскаго князя: «Великій княже Всеволоде! Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ (здѣсь), то была бы чага (плѣнница) по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы (метательными орудіями) стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы». Что такое обращеніе не было одной реторикой и что Всеволодъ принималъ къ сердцу обиды Русской землѣ отъ варваровъ, это показываетъ большой походъ его на Половцевъ, предпринятый весною 1199 года съ суздальскими и рязанскими полками. Онъ дошелъ до половецкихъ зимовниковъ на берегахъ Дона и разорилъ ихъ; Половцы не осмѣлились вступить съ нимъ въ битву; съ своими кибитками и стадами они ушли къ самому морю.

Безпокойные рязанскіе князья своими распрями и возмущеніями доставили много хлопотъ Всеволоду. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ походы въ ихъ землю, и совершенно подчинилъ ее. Князья сосѣдней Смоленской области также почитали его старѣйшинство. Что же касается до Южной Руси, то еще при жизни энергичнаго Святослава Всеволодовича тамъ было возстановлено вліяніе Суздальскаго князя. Послѣдній тѣмъ удобнѣе могъ вмѣшиваться въ дѣла Приднѣпровья, что самъ имѣлъ въ немъ наслѣдственную волость

Переяславскую, которую держалъ сначала своими племянниками, а потомъ собственными сыновьями. Мы видѣли, что послѣ кончины Святослава Всеволодовича его преемники занимали Кіевскій столъ только съ согласія Всеволода III. Такого преобладанія онъ достигъ, не посылая туда рати, подобно Андрею Боголюбскому, а единственно искусною политикой, хотя и соединенной съ нѣкоторымъ коварствомъ. Извѣстно, какъ онъ ловко поссорилъ Рюрика Кіевскаго съ Романомъ Волынскимъ и помѣшалъ тѣсному союзу этихъ сильнѣйшихъ владѣтелей Югозападной Руси, союзу, который могъ бы дать отпоръ притязаніямъ Руси Сѣверовосточной (31).

Съ помощью ловкой и осторожной политики Всеволодъ постепенно водворилъ порядокъ и спокойствіе въ своей землѣ, утвердилъ свою власть и имѣлъ успѣхъ почти во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ. Незамѣтно также, чтобы онъ усердно слѣдовалъ самодержавнымъ стремленіямъ Боголюбскаго. Наученный его судьбою, онъ на оборотъ является хранителемъ старыхъ дружинныхъ обычаевъ и чтитъ большихъ бояръ. О какомъ либо неудовольствіи съ ихъ стороны лѣтописи не упоминаютъ; хотя въ похвалу Всеволоду и прибавляютъ, что онъ творилъ народу судъ нелицепріятный и не потворствовалъ сильнымъ людямъ, которые обижали меньшихъ. Изъ большихъ бояръ Всеволода, отличившихся въ качествѣ воеводъ, лѣтопись называетъ Ѳому Ласковича и стараго Дорожая, служившаго еще Юрію Долгорукому: они воеводствовали въ Болгарскомъ походѣ 1183 года. Далѣе упоминаются: Яковъ, «сестричъ» великаго князя (племянникъ отъ сестры), провожавшій въ Южную Русь съ боярами и съ боярынями Верхуславу Всеволодовну, невѣсту Ростислава Рюриковича; тіунъ Гюря, который посланъ былъ возобновить Остерскій Городокъ; Кузьма Ратьшичъ, «мечепоша» великаго князя», въ 1210 году ходившій съ войскомъ въ Рязанскую землю, и др.

Любопытны дѣйствія Всеволода по вопросу о назначеніи ростовскихъ епископовъ. Подобно Боголюбскому, онъ старался выбирать ихъ самъ, и исключительно изъ русскихъ людей, а не изъ Грековъ; чѣмъ несомнѣнно исполнялъ народное желаніе. Однажды кіевскій митрополитъ Никифоръ назначилъ на Ростовскую каѳедру Николу Гречина, котораго по

словамъ лѣтописи поставилъ «на мздѣ», т. е. взялъ съ него деньги. Но князь и «людіе» не приняли его и отослали обратно (около 1184 г.). Всеволодъ отправилъ въ Кіевъ посла къ Святославу Всеволодовичу и къ митрополиту съ просьбою поставить на Ростовскую епископію Луку, игумна у Спаса на Берестовѣ, человѣка смиреннаго духомъ и кроткаго, слѣдовательно такого, который не могъ входить въ какія-либо пререканія съ княжескою властію. Митрополитъ противился, но Святославъ Всеволодовичъ поддержалъ просьбу, и Лука былъ поставленъ въ Ростовъ, а Никола Гречинъ въ Полоцкъ. Когда же смиренный Лука, спустя четыре года, скончался, великій князь выбралъ ему преемникомъ собственнаго духовника Іоанна, котораго и отправилъ на поставленіе къ кіевскому митрополиту. Іоаннъ, повидимому, былъ также епископомъ тихимъ, послушнымъ великому князю, и кромѣ того дѣятельнымъ его помощникомъ въ храмозданіи.

Довольно частые войны и походы не мѣшали Всеволоду усердно заниматься дѣлами хозяйственными, строительными, судебными, семейными и т. п. Онъ и въ мирное время не заживался въ своемъ стольномъ Владимірѣ, а добросовѣстно исполнялъ старинный обычай полюдья, т. е. самъ ѣздилъ по областямъ, уставлялъ и собиралъ дани, судилъ преступниковъ, разбиралъ тяжбы. Изъ лѣтописи мы узнаемъ, что разныя событія застаютъ его то въ Суздалѣ, то въ Ростовѣ, то въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, на полюдьѣ. Въ тоже время онъ наблюдалъ за исправностью укрѣпленій, строилъ дѣтинцы или поправлялъ обветшавшія городскія стѣны. Возобновлялъ и запустѣвшіе города (напримѣръ Городокъ Остерскій). Огонь въ особенности давалъ пищу его строительной дѣятельности. Такъ въ 1185 г. 18 апрѣля страшный пожаръ опустошилъ Владиміръ на Клязьмѣ; погорѣлъ чуть не весь городъ. Жертвой огня сдѣлались княжій дворъ и до 32 церквей; въ томъ числѣ обгорѣлъ и соборный Успенскій храмъ, созданный Андреемъ Боголюбскимъ. Погибли при этомъ его украшенія, дорогіе сосуды, серебряныя паникадилы, иконы въ золотыхъ окладахъ съ жемчугомъ, богослужебныя книги, дорогія княжія одежды и разныя «узорочья» или шитыя золотомъ ткани (оксамиты), которыя во время большихъ праздниковъ развѣшивались въ церкви. Многія изъ этихъ сокро-

вницъ хранились въ церковномъ теремѣ или кладовой на хорахъ; растерявшіеся служители выбрасывали ихъ изъ терема на церковный дворъ, гдѣ они также сдѣлались добычею пламени.

Великій князь немедля принялся уничтожать слѣды пожара: между прочимъ выстроилъ вновь дѣтинецъ, княжій теремъ и обновилъ золотоверхій храмъ Успенія; при чемъ расширилъ его пристройкою новыхъ стѣнъ съ трехъ сторонъ; а вокругъ срединнаго купола возвелъ еще четыре меньшихъ, которые также позолотилъ. Когда окончилось обновленіе, то въ 1189 году соборный храмъ былъ вновь и торжественно освященъ епископомъ Лукою. Спустя три или четыре года, почти половина Владиміра опять сдѣлалась добычею пламени: сгорѣло до 14 церквей; но княжій дворъ и соборный храмъ на этотъ разъ уцѣлѣли. Въ 1199 году 25 іюля читаемъ извѣстіе о третьемъ большомъ пожарѣ во Владимірѣ: онъ начался во время литургіи и продолжался до вечерни; при чемъ опять сгорѣли едва не половина города и до 16 церквей. Обновляя старые храмы, Всеволодъ украшалъ свой стольный городъ и новыми; между прочимъ онъ воздвигъ церковь Рождества Богородицы, при которой устроилъ мужской монастырь, и еще храмъ Успенія, при которомъ супруга его Марія основала женскую обитель. Но самое знаменитое сооруженіе великаго князя—это придворнокняжій храмъ въ честь его святаго, Димитрія Солунскаго; такъ какъ христіанское имя Всеволода III было Димитрій. Этотъ храмъ до нашихъ дней представляетъ изящнѣйшій памятникъ древнерусскаго искусства. Всеволоду много помогалъ въ его строительной дѣятельности епископъ Іоаннъ, бывшій его духовникъ. Между прочимъ они совершили обновленіе соборной Богородичной церкви въ городѣ Суздалѣ, которая обветшала отъ времени и небреженія. Верхи ея вновь покрыли оловомъ, а стѣны вновь оштукатурили. Любопытно по сему поводу слѣдующее извѣстіе лѣтописца: епископъ на этотъ разъ не обращался къ нѣмецкимъ мастерамъ; а нашелъ своихъ, изъ которыхъ одни лили олово, другіе крыли, третьи приготовляли известь и бѣлили стѣны. Слѣдовательно строительная дѣятельность Юрія, Андрея и Всеволода не осталась безъ вліянія на образованіе чисто русскихъ мастеровъ-техниковъ.

Всеволодъ III является образцомъ сѣвернаго князя—семьянина. Богъ благословилъ его многочисленнымъ потомствомъ; на что указываетъ и самое прозванiе его *Большимъ Гнѣздомъ*. Намъ извѣстны имена осьми его сыновей и нѣсколькихъ дочерей. На его привязанность къ старымъ семейнымъ обычаямъ указываютъ, между прочимъ, извѣстiя лѣтописи о *постригахъ* княжихъ сыновей. Этотъ древнiй общеславянскiй обрядъ состоялъ въ томъ, что трехъ или четырехъ-лѣтнему княжичу обрѣзывали волосы и впервые сажали на коня; при чемъ устраивали пиръ. Въ христiанскiя времена къ подобному обряду присоединились, конечно, молитвы и благословенiе церкви. Всеволодъ съ особенною торжественностiю праздновалъ постриги, и задавалъ веселые пиры. Еще большими пирами и щедрыми подарками сопровождалъ онъ женитьбу сына и выдачу замужъ дочери. Мы видѣли, какъ онъ выдавалъ любимую свою дочь Верхуславу-Анастасiю за сына Рюрикова Ростислава.

Всеволодъ былъ женатъ на ясской или аланской княжнѣ. Между русскими князьями того времени встрѣчаемъ не одинъ примѣръ брачнаго союза съ отдаленными владѣтелями кавказскими, отчасти христiанскими, отчасти полуязыческими. Очень можетъ быть, что отличная отъ русскихъ женщинъ красота Черкешенокъ плѣняла нашихъ князей. Впрочемъ по всѣмъ признакамъ въ XII вѣкѣ еще продолжались древнiя сношенiя съ кавказскими народами, установленныя во времена русскаго владычества на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, т. е. въ Тмутраканской землѣ. Выходцы съ Кавказа нерѣдко вступали въ русскую службу и даже бывали въ числѣ приближенныхъ княжихъ слугъ, каковымъ, напримѣръ, является извѣстный Анбалъ, ключникъ Андрея Боголюбскаго. Супруга Всеволода Марiя, хотя и возросшая въ полуязыческой странѣ, подобно многимъ русскимъ княгинямъ отличалась особою набожностiю, усердiемъ къ церкви и благотворительностiю. Памятникомъ ея благочестiя служитъ помянутый выше устроенный ею женскiй Успенскiй монастырь во Владимiрѣ. Послѣднiя семь или восемь лѣтъ своей жизни великая княгиня была удручена какою-то тяжкою болѣзнiю. Въ 1206 г. она постриглась въ своей Успенской обители, гдѣ спустя немного дней скончалась, и была торжественно погре-

бена, оплаканная великимъ княземъ, дѣтьми, духовенствомъ и народомъ. Марія, повидимому, прибыла въ Россію не одна, а цѣлой семьей, или вызвала къ себѣ своихъ близкихъ впослѣдствіи, можетъ быть послѣ какого нибудь несчастнаго для ея семьи переворота на родинѣ. По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ еще о двухъ ея сестрахъ: одну изъ нихъ Всеволодъ выдалъ за сына Святослава Всеволодовича Кіевскаго, а другую за Ярослава Владиміровича, котораго держалъ на столѣ Великаго Новгорода въ качествѣ свояка и подручника. Супруга Ярослава скончалась также во Владимірѣ, еще прежде великой княгини и была погребена въ ея же Успенской обители. Вообще у этой гостепріимной Владимірской четы нашла пріютъ и ласку не одна осиротѣлая или гонимая родственница. Такъ подъ ея крыломъ провели остатокъ своей жизни сестра великаго князя нелюбимая супруга Осмомысла Галицкаго, Ольга Юрьевна, въ черницахъ Евфросинія (скончалась въ 1183 г. и погребена во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ), и вдова брата Михалка Юрьевича, Февронія, двадцатью пятью годами пережившая своего супруга (погребена въ Суздальскомъ соборѣ). Любя полную семейную жизнь, великій князь по смерти первой супруги, очевидно, скучалъ своимъ вдовствомъ, и, будучи почти шестидесятилѣтнимъ старикомъ, имѣя уже многихъ внучатъ, вступилъ во второй бракъ съ дочерью витебскаго князя Василька, въ 1209 году.

Чадолюбивый семьянинъ, Всеволодъ III не всегда былъ благодушнымъ княземъ въ отношеніи къ своимъ племянникамъ, и подобно Андрею, не давалъ имъ удѣловъ въ Суздальской области, въ томъ числѣ и сыну Боголюбскаго Юрію. Впрочемъ послѣдній, можетъ быть, своимъ поведеніемъ самъ вооружилъ противъ себя дядю. Русскія лѣтописи не сообщаютъ намъ ничего о судьбѣ Юрія Андреевича. Только изъ иноземныхъ источниковъ мы узнаемъ, что, гонимый дядею, онъ удалился къ одному изъ половецкихъ хановъ. Тутъ явилось къ нему посольство изъ Грузіи съ брачнымъ предложеніемъ. Въ то время на престолѣ Грузіи сидѣла знаменитая Тамара, послѣ отца своего Георгія III. Когда духовенство и вельможи грузинскіе искали ей достойнаго жениха, то одинъ знатный мужъ, по имени Абуласанъ, указалъ имъ на Юрія, какъ на молодаго человѣка, который по своему происхож-

денію, красивой наружности, уму и храбрости былъ вполнѣ достоинъ руки Тамары. Вельможи одобрили этотъ выборъ, и отправили одного купца посломъ къ Юрію. Сей послѣдній прибылъ въ Грузію, сочетался бракомъ съ Тамарою, и первое время ознаменовалъ себя ратными подвигами въ войнахъ съ враждебными сосѣдями. Но потомъ онъ измѣнилъ свое поведеніе, предался вину и всякому разгулу; такъ что Тамара, послѣ напрасныхъ увѣщаній, развелась съ нимъ, и выслала его въ греческія владѣнія. Онъ воротился въ Грузію, и попытался произвести мятежъ противъ царицы; но былъ побѣжденъ, и снова изгнанъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна. ([32]).

Отказывая въ удѣлахъ племянникамъ, Всеволодъ однако по отношенію къ сыновьямъ не проявлялъ никакихъ заботъ о послѣдующихъ успѣхахъ единовластія. По обычаю старыхъ русскихъ князей онъ раздѣлилъ между ними свои земли, и даже обнаружилъ при этомъ недостатокъ государственной дальновидности; въ чемъ несомнѣнно уступалъ своему брату Андрею. У Всеволода оставалось въ живыхъ шесть сыновей: Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Старшаго Константина онъ посадилъ въ Ростовѣ, гдѣ этотъ умный князь и пріобрѣлъ народное расположеніе. Особенно сблизилъ его съ Ростовцами ужасный пожаръ, который въ 1211 году истребилъ большую часть ихъ города, въ томъ числѣ 15 церквей. Константинъ въ то время пировалъ во Владимірѣ на свадьбѣ своего брата Юрія съ дочерью кіевскаго князя Всеволода Чермнаго. Услыхавъ о несчастіи Ростовцевъ, Константинъ поспѣшилъ въ свой удѣлъ и приложилъ много заботъ къ облегченію пострадавшихъ. Въ слѣдующемъ 1212 году великій князь, чувствуя приближеніе кончины, послалъ опять за Константиномъ, которому назначилъ старшій Владимірскій столъ, а Ростовъ велѣлъ передать второму сыну Юрію. Но тутъ Константинъ, отличавшійся дотолѣ скромностію и послушаніемъ, вдругъ оказалъ рѣшительное неповиновеніе отцу: онъ не поѣхалъ на его двукратный призывъ, и потребовалъ себѣ обоихъ городовъ, Ростова и Владиміра. По всей вѣроятности, при этомъ случаѣ возобновились притязанія Ростовцевъ на старшинство, и дѣйствовали внушенія ростовскихъ бояръ. Съ другой стороны Кон-

стантинъ, можетъ быть, понималъ, что, для устраненія подобнаго спора двухъ городовъ и въ видахъ сильной правительственной власти, великій князь долженъ имѣть въ своихъ рукахъ оба эти города. Всеволодъ сильно огорчился такимъ непослушаніемъ, и наказалъ Константина тѣмъ, что лишилъ его старшинства, а Владимірскій великій столъ отдалъ второму сыну Юрію. Но сознавая непрочность такого нововведенія, онъ пожелалъ укрѣпить его общею присягою лучшихъ людей своей земли; слѣдовательно повторилъ почти тоже самое, что 25 лѣтъ назадъ сдѣлалъ его свойкъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій. Всеволодъ созвалъ во Владимірѣ бояръ изъ всѣхъ своихъ городовъ и волостей; собралъ также дворянъ, купцовъ и духовенство съ епископомъ Іоанномъ во главѣ, и заставилъ этотъ земскій соборъ присягнуть Юрію какъ великому князю, которому поручилъ прочихъ своихъ сыновей. Вскорѣ потомъ, 14 апрѣля, Всеволодъ Большое Гнѣздо скончался, былъ оплаканъ сыновьями и народомъ, и торжественно погребенъ въ златоверхомъ Успенскомъ соборѣ.

Предосторожности, принятыя великимъ княземъ, для упроченія его послѣднихъ распоряженій, оказались тщетными. Нововведеніе его слишкомъ противорѣчило укоренившимся обычаямъ, и потому не замедлило сдѣлаться источникомъ смутъ и междоусобій, которыя въ свою очередь на долгое время пошатнули политическое могущество Суздальской Руси. Константинъ Ростовскій, по словамъ лѣтописи, «воздвигъ брови съ гнѣвомъ на братію свою, наче же на Юрія». Сѣверо-восточная Россія по смерти Всеволода III главнымъ образомъ была подѣлена между этими двумя братьями. Старшій изъ нихъ и не думалъ отказаться отъ своихъ правъ. Въ происшедшей отсюда борьбѣ младшіе братья также раздѣлились между соперниками: Ярославъ, князь Переяславля-Залѣсскаго, и Святославъ, владѣтель Юрьева, соединились съ Георгіемъ; а Владиміръ Московскій съ Константиномъ. Но Георгій удалилъ Владиміра, предоставивъ ему Переяславль Южный, гдѣ онъ вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ Половцамъ.

Распря двухъ братьевъ и возобновившееся соперничество городовъ Ростова и Владиміра повели къ раздѣленію не только политическому, но и церковному или собственно епархіальному. Въ предшествующую эпоху епископы хотя носили ти-

туль Ростовскихъ, но жили преимущественно подлѣ великаго князя, т. е. во Владимірѣ на Клязьмѣ, конечно къ немалому огорченію Ростовцевъ. Послѣдніе воспользовались обстоятельствами, чтобы получить своего особаго владыку. Когда епископъ Іоаннъ оставилъ епископію и удалился въ Боголюбовъ монастырь (1214 г.), то Константинъ отправилъ въ Кіевъ къ митрополиту своего духовника Пахомія, игумена Петровскаго монастыря, съ просьбою посвятить его на Ростовскую каѳедру. Митрополитъ Матвѣй исполнилъ просьбу. А Георгій отправилъ на поставленіе въ Кіевъ Симона, игумена Рождественскаго монастыря, бывшаго духовникомъ его матери, великой княгини Маріи, и онъ былъ посвященъ во епископы Владиміру и Суздалю. Замѣчательно, что Пахомій и Симонъ начали свое духовное поприще черноризцами Кіевопечерской обители, которая служила тогда разсадникомъ пастырей Русской церкви. Симонъ извѣстенъ еще своею книжною дѣятельностію (одинъ изъ сочинителей Патерика Печерскаго). Пахомій черезъ два года скончался; сѣверный лѣтописецъ хвалитъ его за то, что онъ не былъ стяжателемъ богатства, а на оборотъ отличался щедростію къ убогимъ и вдовицамъ, «истинный бѣ пастырь, а не наемникъ». Его преемникомъ въ Ростовѣ является Кириллъ, монахъ суздальскаго монастыря св. Димитрія.

Вражда двухъ братьевъ за старшинство получила рѣшительный оборотъ, когда съ ней связались отношенія Новогородскія.

Послѣ добровольнаго отъѣзда Мстислава Удалаго изъ Новгорода Великаго (въ 1215 г.), тамъ поднялась Суздальская партія, одержала верхъ на вѣчѣ, и убѣдила призвать на княженіе Ярослава Всеволодовича. Послѣдній, кромѣ Переяславля Залѣсскаго владѣлъ Тверью, слѣдовательно былъ сосѣдомъ Новугороду. Вѣроятно, вѣче согласилось на это призваніе тѣмъ охотнѣе, что Переяславскій князь былъ женатъ на дочери Мстислава Удалаго. Но скоро обнаружилось, какъ далеко онъ не походилъ характеромъ на своего тестя. Ярославъ-Ѳеодоръ спѣшилъ пользоваться преобладаніемъ Суздальской партіи, и началъ свое княженіе съ того, что велѣлъ схватить и заковать двухъ бояръ, принадлежавшихъ къ партіи ему враждебной. Такое насиліе произвело волненіе. Жители Прус-

ской улицы въ свою очередь убили двухъ знатныхъ приверженцевъ Ярослава и бросили ихъ тѣла въ городской ровъ. Въ виду начинавшагося мятежа, Ярославъ счелъ свое пребываніе въ Новгородѣ небезъопаснымъ, и, оставивъ здѣсь своимъ намѣстникомъ Хота Григоровича, самъ со многими приверженцами удалился въ преданный себѣ новогородскій пригородъ Торжокъ, на границу своихъ суздальскихъ владѣній. И тутъ-то онъ далъ полную волю своему мстительному, властолюбивому нраву. Въ Новогородской волости въ тотъ годъ случился неурожай, и князь сталъ задерживать обозы съ хлѣбомъ, шедшіе изъ Приволожскихъ или Низовыхъ земель. Тогда въ Новгородѣ настала страшная дороговизна. а затѣмъ голодъ; бѣдные люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ и т. п. Отцы начали продавать своихъ дѣтей. Голодъ произвелъ такой моръ, что вырытая на этотъ случай скудельница (общая яма) скоро наполнилась до верху; а неубранные трупы валялись на площадяхъ, улицахъ, на поляхъ, и служили пищею собакамъ. Угнетенные бѣдствіемъ, Новогородцы тщетно отправляли къ Ярославу посольство за посольствомъ съ просьбою воротиться въ Новгородъ и пустить обозы съ хлѣбомъ. Ярославъ ничего не отвѣчалъ, и задерживалъ у себя пословъ; перехватывалъ также гостей новогородскихъ. Лютая печаль и стенанія царили въ Новгородѣ. Въ такой крайности граждане обратились къ любимцу своему и заступнику, Мстиславу Удалому, и сей послѣдній тотчасъ явился на ихъ призывъ. Онъ велѣлъ схватить Ярославова намѣстника и поковать его дворянъ на Городищѣ. Мстиславъ и граждане взаимно присягнули въ вѣрности. «Или ворочу мужей новогородскихъ и волости, или голову свою положу за Новгородъ»—сказалъ онъ на вѣчѣ.

Узнавъ о прибытіи Мстислава, Ярославъ началъ укрѣплять Торжокъ и дѣлать засѣки на дорогахъ, ведущихъ изъ Новгорода; преградилъ и рѣку Тверцу. Надѣясь на свою партію. онъ послалъ въ подкрѣпленіе ей еще сто новогородскихъ мужей, чтобы произвести мятежъ противъ Мстислава. Но общее настроеніе въ Новгородѣ было уже до такой степени ему враждебно, что и эти сто мужей пристали къ большинству. Мстиславъ сначала попыталъ убѣжденіями склонить Ярослава къ уступчивости, и отправилъ къ нему посломъ Георгія, свя-

щенника отъ церкви Іоанна на Торговищѣ. Но Ярославъ не только не отпустилъ задержанныхъ Новогородцевъ, а велѣлъ ихъ перековать и разослать по своимъ городамъ; товары же ихъ и коней роздалъ своимъ людямъ. Число захваченныхъ, по словамъ лѣтописи, простиралось до 2000 человѣкъ. Тогда Мстиславъ вновь созвалъ вѣче и объявилъ походъ: «Идемъ отыскивать своихъ мужей, вашу братію, и свои волости — сказалъ онъ.—Не быть Торжку выше Новгорода; но гдѣ св. Софья, тамъ Новгородъ. И во мнозѣ Богъ, и въ малѣ Богъ и правда».

Готовясь къ рѣшительной борьбѣ и тесть, и зять искали союзниковъ. Сторону Ярослава приняли старшій братъ его великій князь Владимірскій Георгій и младшій братъ Святославъ Юрьевскій. Мстиславъ призвалъ къ себѣ на помощь своего роднаго брата Владиміра Мстиславича съ Псковитянами и двоюроднаго Владиміра Рюриковича съ Смольнянами. Кромѣ того онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, обѣщая конечно воротить ему законное старшинство въ Суздальской землѣ. 1 марта, слѣдовательно въ самый новый годъ (1217), Мстиславъ выступилъ въ походъ изъ Новгорода. Спустя два дня, нѣкоторые новогородскіе бояре (Владиславъ Завидичъ, Гаврило Игоревичъ, Юрій Алексиничъ, Гаврилецъ Милятиничъ и пр.), съ женами и дѣтьми уѣхали къ Ярославу: это были клятвопреступники, потому что вмѣстѣ съ прочими присягнули стоять противъ него всѣмъ за одинъ; но очевидно суздальская партія въ Новгородѣ была очень значительна. Мстиславъ съ Владиміромъ Псковскимъ пошелъ Селигерскимъ путемъ. Слѣдуя верхней Волгой по окраинѣ Смоленской земли, онъ коснулся собственной Торопецкой волости; при чемъ дозволилъ Новогородцамъ собирать припасы для себя и своихъ коней; но запретилъ брать полонъ. Онъ освободилъ свой приволжскій городъ Ржевку, осажденный братомъ Ярослава, Святославомъ Юрьевскимъ; затѣмъ взялъ Зубцовъ, и вошелъ въ Суздальскую землю, вмѣстѣ съ Смольнянами, которыхъ привелъ Владиміръ Рюриковичъ. Они повоевали Тверскую волость и взяли Коснятинъ. Тутъ они покинули берега Волги и направились на самый Переяславль Залѣсскій. На пути присоединился къ нимъ Константинъ Всеволодовичъ съ своими ростовскими

полками. Ярославъ поспѣшилъ изъ Торжка для защиты собственнаго удѣла. На помощь къ нему явился великій князь Юрій съ своими полками, а также младшіе братья Святославъ и Владиміръ: призваны были еще князья муромскіе и какіе-то *бродники*, вѣроятно наемная вольница.

Суздальская рать расположилась недалеко отъ города Юрьева Польскаго на берегахъ рѣчки Гзы, впадающей въ Колокшу. Подъ самымъ городомъ сталъ Мстиславъ съ Новогородцами, а далѣе на берегахъ ручья Липицы Константинъ съ Ростовцами. Слѣдовательно тутъ, почти въ самой срединѣ Суздальской земли, сошлась едва не вся ратная сила Сѣверной Руси. Войска Георгія и Ярослава оказались несравненно многочисленнѣе непріятелей: они собрали изъ своихъ волостей всѣхъ кого могли, городскихъ и сельскихъ жителей, конныхъ и пѣшихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что у великаго князя Юрія было тутъ 17 стяговъ, 40 трубъ и столько же бубновъ; у Ярослава 13 стяговъ, а трубъ и бубновъ 60.

Мстиславъ Мстиславичъ еще съ похода посылалъ къ зятю съ предложеніемъ помириться. Но Ярославъ, возгордившійся многочисленностію своей рати, отвѣчалъ:

«Мира не хочу; если пошли уже, то идите, и одинъ вашъ не придется на нашихъ сто».

«Ты Ярославъ съ силою; а мы съ крестомъ»—велѣли ему сказать братья Мстиславичи.

Ставъ подъ Юрьевымъ, Мстиславичи вновь пытались завязать переговоры, и отправили соцкаго Ларіона сначала къ великому князю Георгію съ словами:

«Кланяемся тебѣ; съ тобой ссоры у насъ нѣтъ, а есть ссора съ Ярославомъ».

«Я одинъ братъ съ Ярославомъ»—отвѣчалъ Юрій.

Послали къ Ярославу того же Ларіона.

«Отпусти Новогородцевъ и Новоторовъ, вороти захваченныя волости, возьми съ нами миръ, а крови не проливай».

«Мира не хочу. Вы шли далече, а очутились какъ рыба на сухомъ мѣстѣ»—былъ отвѣтъ.

Снова посылаютъ Ларіона, напоминаютъ о близкомъ родствѣ своемъ, и предлагаютъ миръ на томъ условіи, чтобы младшіе братья дали старѣйшинство Константину и посадили его во Владимірѣ, взявъ себѣ остальную Суздальскую землю.

«Если и отецъ нашъ не управилъ съ Константиномъ, то вамъ ли насъ мирить. Пусть онъ одолѣетъ насъ, тогда ему вся земля»—велѣлъ сказать Юрій.

Однако между суздальскими боярами были люди благоразумные, которые не одобряли этого междоусобія и нарушенія правъ старшинства. Одинъ изъ нихъ, Творимиръ, съ такою рѣчью обратился къ князьямъ, когда тѣ пировали въ шатрѣ съ своими приближенными.

«Княже Юрій и Ярославе! Я бы гадалъ такъ, что лучше взять миръ и дать старѣйшинство Константину. Нечего смотрѣть на то, что ихъ войско мало супротивъ нашихъ полковъ. Князья Ростиславля племени мудры и храбры; а мужи ихъ, Новогородцы и Смольняне, дерзки на бой; Мстислава же Мстиславича сами знаете, какая дана ему Богомъ храбрость передъ всею братьею».

Рѣчь эта не полюбилась. Между боярами Юрія нашелся угодникъ, который увѣрялъ, что никогда еще врагъ не выходилъ цѣлъ изъ сильной Суздальской земли; пусть поднимется на нее хотя бы вся Русская земля. «А этихъ мы сѣдлами закидаемъ» — прибавилъ расхвастався льстецъ. Его слова пришлись болѣе по сердцу молодымъ, неопытнымъ князьямъ. Созвавъ дружину и ратныхъ начальниковъ, они, если вѣрить новогородскому лѣтописцу, велѣли не щадить въ битвѣ непріятелей; хотя бы у кого было и золотомъ шитое оплечье, и тѣхъ убивать; а брать только добычу, то-есть коней, оружіе, платье. Лѣтописецъ прибавляетъ, будто Юрій и Ярославъ до того возмечтали о своемъ могуществѣ, что начали уже дѣлить между собой чуть ли не всѣ русскія земли, и даже грамоты велѣли написать о томъ, кому изъ нихъ достанется Новгородъ, кому Смоленскъ, кому Галичъ. А противниковъ своихъ послали звать на бой къ урочищу Липицамъ.

Истощивъ мирныя средства, Мстиславъ и Константинъ рѣшили прибѣгнуть къ суду Божьему, укрѣпились взаимными клятвами и пошли на указанное мѣсто. Ярославъ и Юрій заняли какую-то Авдову гору; насупротивъ ихъ на другой горѣ, называвшейся Юрьевой, стали Мстиславъ и Константинъ. Въ лощинѣ между ними протекалъ ручей Тунегъ и была дебрь или болотистое пространство, поросшее мелкимъ

лѣсомъ. Ростиславичи тщетно просили суздальскихъ князей выйти на ровное, сухое мѣсто для битвы. Тѣ не только не двигались, но и укрѣпили еще свой станъ плетнями и кольями. Молодежъ съ обѣихъ сторонъ выходила и завязывала сраженіе; главныя же силы не двигались. Наскучивъ ожиданіемъ, Мстиславъ предложилъ идти прямо къ стольному Владиміру. Но Константинъ опасался двинуться мимо непріятелей: «они ударятъ намъ въ тылъ—говорилъ онъ—а люди мои недерзки на бой; разбѣгутся по своимъ городамъ». Мстиславъ согласился съ нимъ, и рѣшилъ сразиться всѣми силами. «Гора намъ не поможетъ и гора насъ не побѣдитъ—сказалъ онъ—пойдемъ на нихъ съ надеждою на крестъ и на свою правду». И урядилъ полки къ битвѣ.

Самъ Удалой съ своей дружиной, съ Новогородцами и Владиміромъ Псковскимъ сталъ въ серединѣ; на одномъ крылѣ поставилъ Владиміра Рюриковича съ Смольнянами, а на другомъ Константина съ Ростовцами. Битва произошла рано поутру 23 апрѣля. Предварительно Мстиславъ обратился съ краткою рѣчью къ Новогородцамъ, возбуждая ихъ мужество, и спросилъ ихъ, какъ они хотятъ биться, на коняхъ или пѣшіе. «Не хотимъ помереть на коняхъ — восклицали Новогородцы;—но какъ отцы наши на Колакшѣ будемъ биться пѣшіе». Затѣмъ сошли съ коней и сбросили съ себя «порты» (верхнюю одежду) и сапоги. (Истые потомки Славянъ, о которыхъ еще писатели VI вѣка замѣтили, что они любятъ сражаться налегкѣ, въ одной рубахѣ, въ разсыпную). Впрочемъ, мѣры эти оказались нелишними; такъ какъ приходилось идти черезъ болотистую дебрь и потомъ взбираться на гору. Вооруженные кіями и топорами, Новогородцы съ крикомъ ударили на непріятелей; за ними слѣдовали Смольняне. Суздальцы встрѣтили ихъ густыми толпами и завязался упорный бой. Мстиславъ закричалъ своему брату Владиміру: «Не дай Богъ выдать добрыхъ людей». И съ своей конной дружиной поспѣшилъ на помощь Новогородцамъ; а за нимъ и Владиміръ съ Псковичами. Удалой взялъ въ руку висѣвшій у него на ремнѣ топоръ, и, поражая имъ направо и налѣво, трижды проѣхалъ сквозь суздальскіе полки; послѣ чего пробился до самыхъ товаровъ (лагеря). Набранное большею частію изъ людей непривычныхъ къ бою, Суздальское ополче-

ніе не выдержало стремительнаго натиска и разстроилось. Первыми побѣжали полки Ярослава. Юрій еще держался противъ Ростовцевъ; но и его полки наконецъ дали тылъ. Предстояла еще опасность отъ алчности побѣдителей, преждевременно бросившихся грабить непріятельскій обозъ. Мстиславъ крикнулъ имъ: «Братіе Новогородцы! Не стойте у товару; но прилежите къ бою; если (враги) возвергнутся на насъ, то измятутъ». Новогородцы послушали его; а Смольняне бросились преимущественно на грабежъ и обдирали мертвыхъ. Впрочемъ, побѣда была полная. Однихъ павшихъ на полѣ битвы лѣтопись насчитываетъ 9.233 человѣка, кромѣ раненыхъ и погибшихъ во время бѣгства въ рѣчкахъ и трясинахъ. Вопль и стоны ихъ доносились до города Юрьева. Бѣглецы направились разными дорогами, одни во Владиміръ, другіе въ Переяславль, третьи въ Юрьевъ.

Самъ Юрій Всеволодовичъ побѣжалъ въ стольный Владиміръ. Имѣя тучное сложеніе, онъ заморилъ трехъ коней, и только на четвертомъ пригналъ къ городу, въ одной сорочкѣ; подкладъ сѣдельный и тотъ бросилъ для легкости. Владимірцы, увидѣвъ съ городскихъ стѣнъ скачущаго вдали всадника, подумали, что то былъ гонецъ отъ великаго князя съ вѣстью о побѣдѣ. «Наши одолѣли!» раздался между ними радостный кликъ. Каковы же были ихъ печаль и уныніе, когда во всадникѣ узнали самого великаго князя, который началъ ѣздить вокругъ стѣнъ и кричать: «твердите городъ!» За нимъ стали прибывать кучки бѣглецовъ съ поля сраженія, кто раненый, кто почти нагой; стоны ихъ увеличили смятеніе. Такъ продолжалось цѣлую ночь. Поутру Юрій созвалъ вѣче.

«Братья Володимірцы! — сказалъ онъ народу — затворимся въ городѣ; авось отобьемся отъ нихъ».

«Княже Юрьи! — отвѣчали граждане. — Съ кѣмъ затвориться? Братья наши одни избиты, другіе взяты, остальные прибѣгли безъ оружія; съ кѣмъ мы станемъ?»

«Все это я вѣдаю. Такъ не выдайте меня ни брату моему Константину, ни Володиміру, ни Мстиславу; а пусть я выду по своей волѣ изъ города».

Граждане обѣщали исполнить его просьбу. Очевидно многочисленность полковъ, выведенныхъ на Липецкій бой, очень

дорого обошлась Суздальской землѣ, неотличавшейся густымъ населеніемъ. Въ стольномъ городѣ оставались преимущественно старики, женщины, дѣти, монахи и церковнослужители. Ярославъ Всеволодовичъ точно также прибѣжалъ въ свой Переяславль, загнавъ дорогою нѣсколько коней. Но онъ не только затворился въ этомъ городѣ, а еще далъ волю своей злобѣ противъ Новогородцевъ. Онъ велѣлъ похватать въ Переяславлѣ и его окрестностяхъ новогородскихъ гостей, заѣхавшихъ въ его землю ради торговли, и запереть ихъ такъ тѣсно, что многіе задохлись отъ недостатка воздуха. Было схвачено и нѣсколько смоленскихъ гостей; но посаженные особо, они всѣ остались живы.

Еслибы побѣжденныхъ усердно преслѣдовали, то ни Юрій, ни Ярославъ не ушли бы отъ плѣна, и самый стольный Владиміръ былъ бы захваченъ врасплохъ. Но Ростиславле племя, по замѣчанію новогородскаго лѣтописца, было милостиво и добродушно. Цѣлый день побѣдители стояли на мѣстѣ побоища; а потомъ тихо двинулись къ Владиміру на Клязьмѣ и расположились подъ нимъ станомъ. Въ городѣ случились пожары; причемъ загорался и самый княжій дворъ. Новогородцы и Смольняне хотѣли тѣмъ воспользоваться, и просились на приступъ. Ростиславичи остались вѣрны своему добросердечію: Мстиславъ не пустилъ Новогородцевъ, а братъ его Владиміръ не пустилъ Смольнянъ. Можетъ-быть и Константинъ Ростовскій воспротивился этому гибельному для города приступу. Наконецъ Юрій вышелъ съ поклономъ и многими дарами, и отдался на волю побѣдителей. Ростиславичи посадили на великокняжій столъ Константина; а Юрій получилъ на свое *прокормленіе* Радиловъ Городецъ на Волгѣ. Онъ наскоро собрался, и сѣлъ въ насады съ своимъ семействомъ и слугами. Владыка Симонъ также отправился съ нимъ изъ Владиміра. Передъ отъѣздомъ Юрій зашелъ помолиться въ Успенскій соборъ и поклониться отцовскому гробу. «Суди Богъ брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого»— сказалъ онъ, проливая слезы. Затѣмъ духовенство и граждане съ крестами вышли навстрѣчу Константину, торжественно посадили его на отцовскомъ столѣ и присягнули на вѣрность. Онъ угостилъ пирами своихъ союзниковъ и одарилъ ихъ великими дарами. Оставалось еще смирить жесто-

косердаго Ярослава. Но, когда союзники двинулись къ Переяславлю, этотъ князь не рѣшился на оборону, а выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, и отдался въ руки старшаго брата, прося помирить его съ тестемъ. Константинъ дѣйствительно сталъ ходатайствовать за Ярослава, и успѣлъ выпросить ему миръ. Однако Мстиславъ не захотѣлъ въѣхать въ Переяславль и принять угощеніе отъ зятя. Онъ расположился станомъ внѣ города; взялъ дары, и забралъ всѣхъ задержанныхъ Новогородцевъ, оставшихся въ живыхъ, а также и тѣхъ, которые находились въ дружинѣ Ярослава; вытребовалъ и дочь свою, супругу Ярослава, которую, несмотря на мольбы мужа, увезъ съ собою въ Новгородъ ([33]).

Такъ окончилась эта междоусобная брань, которая глубоко потрясла всю Сѣверную Русь. Повидимому она нанесла сильный ударъ политическому значенію Суздаля и могла возгордить Новогородцевъ, укрѣпить ихъ самобытность. Однако послѣдующія событія скоро показали, что даже раздробленная, униженная Суздальская Русь сохранила преобладаніе надъ Русью Новогородскою, благодаря своей княжей династіи и вообще своему монархическому началу.

Константинъ Всеволодовичъ не долго занималъ великокняжескій Владимірскій столъ. Будучи слабаго здоровья и чувствуя свою недолговѣчность, онъ позаботился заранѣе устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы предупредить новыя смуты и междоусобія. А потому самъ призналъ права брата Георгія или Юрія на старшій столъ послѣ своей смерти; причемъ онъ конечно имѣлъ въ виду обезпечить удѣлы и собственнымъ сыновьямъ, которымъ дядя Юрій долженъ былъ замѣнить мѣсто отца. Сыновей онъ надѣлилъ такимъ образомъ: старшему Васильку отдалъ Ростовъ, а младшему Всеволоду Ярославль. Вскорѣ Константинъ скончался, съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду (1219). По словамъ суздальскаго лѣтописца, онъ отличался «кротостью Давида и мудростью Соломона»; смерть его народъ почтилъ плачемъ великимъ: бояре оплакивали его какъ заступника ихъ земли, слуги какъ господина и кормителя, убогіе люди и черноризцы какъ покровителя и утѣшителя. Этотъ благочестивый князь подобно своимъ предшественникамъ былъ усердный храмоздатель, и

къ тому же большой книголюбецъ. Онъ не жалѣлъ издержекъ на собираніе греческихъ и славянскихъ рукописей. И не только любилъ читать книги духовнаго содержанія и лѣтописи. но и самъ занимался лѣтописнымъ дѣломъ. Онъ завелъ на своемъ дворѣ при церкви св. Михаила училище, въ которомъ русскіе и греческіе иноки занимались обученіемъ дѣтей. Къ сожалѣнію во время большаго Владимірскаго пожара въ 1227 году самый дворъ Константина, вмѣстѣ съ церковью и училищемъ, сдѣлался жертвою пламени.

Георгій II, занявшій снова великокняжій столъ, является такимъ же семьяниномъ и добрымъ хозяиномъ земли какъ и его предшественники. Онъ не отличался ратнымъ духомъ, избѣгалъ частыхъ войнъ, и, наученный Липецкимъ урокомъ, въ случаѣ ссоры легко мирился съ сосѣдями, но только не съ иноплеменниками. Замѣчательны въ особенности его предпріятія противъ Камскихъ Болгаръ и Мордвы. При первомъ удобномъ случаѣ онъ возобновилъ наступательное движеніе Руси въ ту сторону.

Въ 1219 году Камскіе Болгары напали на сѣверную окраину Суздальской земли, и обманомъ взяли городъ Устюгъ. А въ слѣдующемъ году великій князь уже посылаетъ противъ нихъ многочисленную рать, призвавъ на помощь полки брата Ярослава Переяславскаго, племянника Василька Ростовскаго и князя Муромскаго. Общимъ предводителемъ онъ назначилъ своего брата Святослава Юрьевскаго, подъ которымъ главнымъ воеводою былъ Еремей Глѣбовичъ. Какъ и въ прежніе походы, отдѣльные отряды сошлись на устьѣ Оки, и отсюда двинулись на судахъ въ глубь Болгарской земли. Достигнувъ устья Камы, Святославъ послалъ часть рати вверхъ по этой рѣкѣ; съ главными силами приплылъ къ Исадамъ; здѣсь высадился на берегъ и подступилъ къ городу Ошелу. Болгарскій князь встрѣтилъ было Русскихъ въ полѣ съ конницей: но, разбитый, спасся за городскими укрѣпленіями. Ошелъ по обычаю болгарскихъ городовъ былъ укрѣпленъ снаружи дубовымъ тыномъ, за которымъ находились еще двойные *оплоты*, т. е. два деревянныхъ забора съ насыпаннымъ посреди ихъ земляннымъ валомъ. 15 іюня Русскіе пошли на приступъ: подрубили тынъ и оплоты, и зажгли ихъ; потомъ зашли съ

другой стороны и также зажгли оплоты. Весь городъ сдѣлался добычею пламени. Владѣтель его только съ немногими всадниками успѣлъ ускакать, множество жителей погибло: остальные выбѣжали изъ города и были взяты въ плѣнъ. Отсюда ополченіе поплыло назадъ. Болгаре изъ Великаго города и другихъ мѣстъ, услыхавъ объ участи Ошела, собрались конные и пѣшіе на берегу Волги около Исадъ, чтобы напасть на Русь и отбить полонъ. Святославъ велѣлъ воинамъ надѣть брони, поднять стяги, и, раздѣлясь на полки, плыть, играя на бубнахъ, трубахъ и сопеляхъ. Такимъ образомъ Русскіе безопасно прошли мимо Болгаръ; на устьѣ Камы соединились съ отрядомъ, повоевавшимъ ея берега, и благополучно воротились домой. У Городца (Радилова) Святославъ покинулъ ладьи, и съ своей конной дружиной пошелъ прямо къ Владиміру. Великій князь торжественно встрѣтилъ его у Боголюбова; затѣмъ цѣлые три дня угощалъ его и дружину; причемъ роздалъ щедрые подарки конями, оружіемъ, платьемъ, паволоками, оксамитами. Недовольствуясь тѣмъ, на слѣдующую весну онъ предпринялъ новый походъ, и на этотъ разъ самъ повелъ суздальскую рать. Два раза приходили къ нему послы отъ Болгаръ, умоляя о мирѣ; великій князь не соглашался. Когда онъ стоялъ въ Городцѣ, поджидая своихъ братьевъ, болгарскій посолъ явился въ третій разъ съ челобитьемъ и великими дарами. Юрій наконецъ смягчился, заключилъ такой миръ, какой былъ при его отцѣ и дѣдѣ, и послалъ своихъ мужей въ землю Болгарскую, чтобы привести тамошнихъ князей къ присягѣ по ихъ вѣрѣ. Великій князь не удовольствовался однимъ мирнымъ договоромъ; а обезпечилъ Суздальскія и Муромскія владѣнія со стороны Болгаръ и Мордвы построеніемъ на самомъ устьѣ Оки русской твердыни, которая была названа Новгородомъ Нижнимъ (1221 г.).

Построеніе сего города на Мордовской землѣ встрѣчено было сосѣднею Мордвою съ большимъ неудовольствіемъ. Одинъ изъ ея князьковъ, по имени Пургасъ, былъ врагомъ Руси и союзникомъ Болгаръ. Но другой мордовскій владѣтель, Пурешъ, соперникъ Пургаса, призналъ себя подручникомъ великаго князя Владимірскаго. Враждебныя дѣйствія Пургаса побудили Юрія совершить новые походы въ ту сторону. Осенью 1228 года онъ отправилъ войско съ племянникомъ своимъ

Василькомъ Константиновичемъ Ростовскимъ и воеводою Еремеемъ Глѣбовичемъ. Русскіе двинулись было за Нижній Новгородъ въ глубь мордовскихъ поселеній; но сильное ненастье принудило ихъ воротиться назадъ. Тогда великій князь рѣшилъ предпринять зимній походъ, и въ январѣ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ, вступивъ въ Мордовскую землю, напалъ на волость Пургаса. Русскіе пожгли и потравили жито, избили скотъ, а плѣнниковъ отослали домой. Мордва укрылась въ лѣса и тверди; многіе, которые не успѣли спастись, были избиты отроками Юрія. Отроки другихъ князей, желая отличиться или разсчитывая на добычу, потихоньку углубились въ лѣсную чащу; но попали въ засаду, и были истреблены непріятелями, которые въ свою очередь не избѣжали мести Русскихъ. Въ тоже время одинъ изъ болгарскихъ князей пришелъ на Пуреша; но, услыхавъ, что великій князь жжетъ мордовскія села, ночью бѣжалъ назадъ. Русскія войска воротились домой съ полнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году Пургасъ попытался было отомстить за опустошеніе своей волости, и напалъ на Нижній Новгородъ; но былъ отбитъ: однако успѣлъ сжечь загородный монастырь Богородицы. Потомъ сынъ Пуреша съ наемными Половцами напалъ на Пургаса, и истребилъ его дружину, в числѣ которой находилась какая-то наемная русская вольница (бродники?); а самъ Пургасъ едва убѣжалъ съ немногими людьми. Однако враждебная Руси Мордва не прекращала своихъ нападеній, и потому великій князь, спустя года три, опять послалъ на нее свое войско съ муромскою и рязанскою помощью. Русскіе снова пожгли селенія, и избили много Мордвы ([31]).

Взглянемъ теперь на отношенія Суздальско-новогородскія послѣ Липецкой битвы.

Не смотря на взаимныя чувства, связавшія Мстислава Удалаго и Новогородцевъ, непосѣдный князь не могъ долго оставаться въ ихъ городѣ. Ему могли наскучить нѣкоторые новогородскіе порядки, постоянная вражда боярскихъ партій, происки суздальскихъ приверженцевъ; а, главное, его тянули на югъ старыя привычки и привязанности. Особенно привлекали его дѣла Галича, который тогда былъ угнетенъ Венграми и

звалъ его на помощь противъ иноземцевъ. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, Мстиславъ молвилъ: «Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего и вамъ. Хочу поискать Галича; а васъ не забуду. Дай Богъ мнѣ лечь подлѣ отца у св. Софіи». Тщетно граждане умоляли любимаго князя остаться въ Новгородѣ. Онъ поклонился народу, и уѣхалъ совершать новые богатырскіе подвиги въ Южной Руси. На мѣсто его Новогородцы получили князя изъ того же рода Смоленскихъ Ростиславичей, именно Святослава, который былъ сыномъ великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Но Святославъ Мстиславичъ не съумѣлъ поладить даже съ противусуздальской партіей и ея главою, знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ Михалковичемъ.

Одинъ изъ суздальскихъ приверженцевъ, бояринъ Матвѣй Душильцевичъ связалъ бирича ябетниковъ Моисѣича (можетъ быть предъявившаго ему какое либо судебное рѣшеніе или правительственное требованіе), и хотѣлъ спастись бѣгствомъ; но его догнали, привели на Городище и отдали въ руки князю. Вдругъ по городу былъ пущенъ ложный слухъ (конечно близкимъ боярина), будто самъ посадникъ выдалъ князю Матвѣя. Торговая сторона всполошилась противъ посадника и созвонила вѣче у церкви св. Николы, т. е. на Ярославовомъ дворѣ; а на Софійской сторонѣ поднялся противъ него конецъ Неревскій и собрался на вѣче у церкви Сорока Мучениковъ. Въ виду поднимавшагося мятежа князь поспѣшилъ выпустить на свободу боярина Матвѣя. Но народное волненіе не улеглось. Граждане трехъ концовъ, Славянскаго, Плотинскаго и Неревскаго, собрались въ оружіи противъ посадника; а за него вступились Людинъ конецъ и Прусская улица, принадлежавшая къ Загородскому концу; остальные Загородцы не пристали ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Самъ Твердиславъ сталъ во главѣ своихъ сторонниковъ, и, указывая имъ на св. Софію, сказалъ: «если я виноватъ, то пусть паду мертвымъ, если же нѣтъ, то оправи меня, Господи». Началась сѣча. Одна часть его сторонниковъ ударила на Неревлянъ; другая переметала мостъ, чтобы не пустить на Софійскую сторону *онполовцевъ* или жителей Торговой стороны; но послѣдніе переѣхали въ лодкахъ. Въ этой междоусобной свалкѣ много было изранено и нѣсколько мужей

пало, въ томъ числѣ братъ Матвѣя Иванъ Душильцевичъ, вѣроятно главный поджигатель мятежа. Битва происходила 27 января 1218 года, и окончилась повидимому въ пользу Твердиславовой стороны. Послѣ того цѣлую недѣлю въ городѣ происходили бурныя вѣча. Наконецъ обѣ партіи помирились и сошлись на общее вѣче, на которомъ укрѣпили свое согласіе крестоцѣлованіемъ. Вдругъ князь Святославъ присылаетъ своего тысяцкаго сказать, что онъ отнимаетъ посадничество у Твердислава.

«Въ чемъ его вина?»—послало спросить вѣче, и получило въ отвѣтъ: «Безъ вины».

«Радуюсь, что на мнѣ нѣтъ вины»—сказалъ Твердиславъ народу,—а вы, братья, вольны въ посадникахъ и въ князьяхъ».

Тогда вѣче постановило такой отвѣтъ: «Княже, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишать власти. Тебѣ кланяемся, а посадникъ нашъ, и мы его не выдадимъ». Князь уступилъ.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичъ Кіевскій отозвалъ Святослава изъ Новгорода, а на его мѣсто прислалъ младшаго сына Всеволода. Но послѣдній также не умѣлъ пріобрѣсти народное расположеніе и успокоить новогородскія партіи. Между прочимъ какой-то Семьюнъ Еминъ отправился съ четырьмя стами повольниковъ на востокъ, конечно для набѣга на Финновъ или на Камскихъ Болгаръ. Но суздальскіе князья, Юрій и Ярославъ, не пропустили его чрезъ свои земли. Еминъ воротился и сталъ съ товарищами подъ Новгородомъ въ шатрахъ. Онъ началъ распускать слухъ, будто посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ послали напередъ къ Суздальскимъ князьямъ и подговорили ихъ не пропускать повольниковъ. Въ городѣ опять поднялись смуты, которыя на этотъ разъ кончились тѣмъ, что Твердислава и Якуна отставили отъ должностей; посадничество дали Семену Борисовичу, внуку извѣстнаго Мирошки, слѣдовательно одному изъ вожаковъ Суздальской партіи, а тысяцкимъ поставили самого Емина. Впрочемъ въ томъ же году по возвращеніи изъ похода въ Ливонію, Новогородцы снова возстановили Твердислава и Якуна въ ихъ должностяхъ. И опять не надолго. Всеволодъ Мстиславичъ, подобно своему старшему брату, питалъ неудовольствіе противъ Твердислава, вѣроятно за его излишнее усердіе къ народовластію, и зимой слѣдующаго

1220 года снова поднялъ противъ него мятежъ. Самъ князь со всѣмъ своимъ *дворомъ* или со всей наличной дружиной, въ полномъ вооруженіи, пріѣхалъ съ Городища на Ярославовъ дворъ; тутъ собралась къ нему Торговая сторона, также вооруженная. Новогородскій лѣтописецъ говоритъ, что князь искалъ смерти посадника. Твердиславъ въ то время лежалъ больной. Близкіе люди вывезли его на саняхъ къ церкви Бориса и Глѣба (въ Софійскомъ дѣтинцѣ); около него стеклись его сторонники. На тотъ разъ не только Людинъ конецъ и Прусская улица, но и весь конецъ Загородскій всталъ за посадника. Они раздѣлились на пять полковъ и приготовились къ битвѣ. Въ виду такой рѣшимости, князь прибѣгъ къ переговорамъ, и отправилъ въ противный станъ владыку Митрофана. Послѣднему удалось помирить враждебныя стороны. Угнетенный болѣзнію, Твердиславъ сложилъ съ себя посадничество, и потомъ тайно отъ жены и дѣтей удалился въ Аркажій монастырь, гдѣ и постригся, по примѣру отца. Тогда и жена его также ушла въ монастырь св. Варвары, и постриглась.

Всеволодъ Мстиславичъ ничего не выигралъ съ удаленіемъ Твердислава. Напротивъ теперь окончательно усилилась суздальская партія, къ которой принадлежалъ и самъ владыка Митрофанъ. Посадничество получилъ Иванко Дмитріевичъ, другой внукъ Мирошки, двоюродный братъ помянутаго Семена Борисовича. Слѣдствіемъ усиленія суздальской партіи было то, что Новогородцы «показали путь» Всеволоду, и отправили посольство изъ «старѣйшихъ мужей» во Владиміръ на Клязьмѣ къ великому князю Георгію съ просьбою дать имъ на княженіе своего сына. Во главѣ посольства находились владыка Митрофанъ и посадникъ Иванко Дмитріевичъ. Слѣдовательно прошло только три или четыре года со времени Липицкой побѣды надъ Суздальскими князьями, и послѣдніе уже воротили свое вліяніе на дѣла новогородскія.

Существовали разныя и весьма основательныя причины, почему въ самомъ Новгородѣ было сильное тяготѣніе къ Сѣверовосточной Руси, почему суздальская партія сохраняла здѣсь свою силу, несмотря на ослабленіе Суздальскаго могущества послѣ Всеволода III. Во первыхъ, неплодородная почва, при частыхъ неурожаяхъ, не могла прокормить ново-

городское населеніе, и оно почти постоянно нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ, который главнымъ образомъ шелъ изъ низовыхъ или приволжскихъ областей. Суздальскіе князья всегда могли прекратить подвозъ его, и тѣмъ причинить сильную дороговизну въ Новгородѣ, невыносимую для чернаго народа; въ случаѣ же мѣстнаго неурожая прекращеніе подвоза просто производило голодный моръ. Во вторыхъ, главный источникъ своего богатства или сырыя произведенія, особенно дорогіе мѣха, новогородскіе промышленники получали съ сѣверовостока въ видѣ дани разныхъ финскихъ народцевъ; азіатскіе товары вымѣнивали они у Камскихъ Болгаръ. Суздальцы имѣли въ своихъ рукахъ главные пути на востокъ, а потому легко могли перехватывать какъ сборщиковъ даней, такъ и торговцевъ съ Болгаріей, Муромо-Рязанской землей и пр. Въ самой Суздальской землѣ проживало всегда много новогородскихъ гостей, которыхъ въ случаѣ размирья князья захватывали вмѣстѣ съ товарами. Въ третьихъ, ведя частыя войны съ западными сосѣдями, Чудью, Емью, Литвою, Ливонскими Нѣмцами и Шведами, Новогородцы нуждались въ союзѣ съ сильными и притомъ сосѣдними князьями, которые могли бы во̀время прислать имъ свою помощь; а такой помощи естественнѣе всего было ожидать отъ князей суздальскихъ, и князья эти дѣйствительно не разъ присылали Новогородцамъ многочисленные полки во время войнъ съ иноплеменниками. Итакъ, помимо подкуповъ и ловкой политики суздальскихъ князей, были серьезныя причины преобладанія Суздальской Руси надъ Русью Новогородскою.

Съ 1220 года Новогородцы большею частію вновь получали себѣ князей изъ рукъ великаго князя Владимірскаго, и по преимуществу у нихъ княжилъ братъ его, извѣстный Ярославъ Переяславскій. Но они не могли долго уживаться съ нимъ вслѣдствіе его корыстолюбія и необычнаго для нихъ самовластія. Нѣсколько разъ Ярославъ былъ призываемъ въ Новгородъ; но едва онъ успѣвалъ присягнуть на такъ наз. Ярославовыхъ грамотахъ, какъ вопреки имъ разсылалъ по волостямъ собственныхъ тіуновъ и слугъ для суда и сбора даней. Начинались новыя смуты; поднималась народная партія. Князь уходилъ; но затѣмъ обыкновенно захватывалъ Торжокъ, Во-

локъ и другія новогородскія волости, сосѣднія его Переяславскому удѣлу, задерживалъ подвозъ хлѣба, и Новогородцы опять смирялись, опять посылали звать его на свой столъ. Въ двадцатилѣтній періодъ времени до татарскаго владычества Новогородцы только два раза имѣли князя изъ другой вѣтви, именно Михаила Всеволодовича Черниговскаго; но и его самъ великій князь Юрій предложилъ имъ какъ своего шурина. Находясь въ то время въ размирьѣ съ Новгородомъ за своего сына, великій князь занялъ Торжокъ, потребовалъ выдачи, враждебныхъ ему бояръ и велѣлъ сказать Новогородцамъ: «я поилъ коней Тверцою, напою и Волховомъ». «Твой мечъ, а наши головы» отвѣчали Новогородцы и начали готовиться къ оборонѣ. Юрій смягчился, далъ имъ миръ и посадилъ у нихъ Михаила Черниговскаго. Легко было Новогородцамъ при Михаилѣ, который не нарушалъ ихъ вольностей; но дѣла собственной земли отвлекали его на югъ, и онъ оба раза недолго оставался въ Новгородѣ.

Любопытно, что во время новогородскихъ волненій вожаки партіи противной Ярославу нерѣдко находили убѣжище и поддержку въ Псковѣ, который, пользуясь новогородскими смутами, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ самостоятельности. Однажды онъ вошелъ даже въ союзъ съ врагами Руси Ливонскими Нѣмцами противъ Суздальско-новогородскаго князя. Это произошло такимъ образомъ. Въ 1228 году Ярославъ съ посадникомъ Иванкомъ Дмитріевичемъ и тысяцкимъ Вячеславомъ отправился въ Псковъ, куда передъ тѣмъ удалились вожаки противной ему партіи. Кто-то пустилъ слухъ между Псковичами, что князь везетъ съ собой въ коробахъ оковы для «вятшихъ» мужей. Псковъ заперъ свои ворота. Не доходя до города, князь постоялъ нѣсколько дней въ селѣ Дубровнѣ, и долженъ былъ воротиться назадъ. Онъ немедленно созвалъ вѣче на владычномъ дворѣ, и горько жаловался на Псковичей, которые его обезчестили и оклеветали; тогда какъ онъ везъ для нихъ въ коробахъ не оковы, а дары, именно наволоки и разныя овощи. Въ это время у Новгорода было размирье съ Нѣмцами; князь собирался идти на Ригу, и призвалъ свои суздальскіе полки изъ Переяславля. Они расположились частію въ шатрахъ около Городища, а частію на

дворахъ въ Славянскомъ концѣ. Присутствіе Суздальцевъ подняло цѣны на съѣстные припасы; что возбудило неудовольствіе гражданъ. Враги князя снова дали знать изъ Новгорода Псковичамъ, будто онъ намѣренъ вести свои полки не на Ригу, а на Псковъ. Тогда послѣдній поспѣшилъ заключить отдѣльный миръ съ Рижанами, обмѣнялся заложниками и даже собралъ къ себѣ на помощь Нѣмцевъ, Чудь и Латышей. Тщетно Ярославъ посылалъ звать съ собою Псковичей въ походъ, и требовалъ, чтобы ему выдали тѣхъ, кто его оклеветалъ. Псковъ прислалъ какого-то Гречина (вѣроятно священника) съ отвѣтною грамотою къ князю и братьѣ Новогородцамъ. Въ предыдущій походъ—говорилось въ ней—князь и Новгородцы ходили на Колывань, на Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову; брали окупъ съ городовъ, грабили села и съ добычею возвратились домой, не заключивъ мира: а Нѣмцы и Чудь выместили на Псковичахъ, избили ихъ людей на озерѣ, другихъ увели въ плѣнъ; теперь же Псковичи сами заключили миръ съ Рижанами; братьи своей князю не выдадутъ, хотя бы ихъ самихъ (Суздальцы) перебили, а женъ и дѣтей взяли себѣ. Новогородцы послѣ того объявили князю: «безъ своей братьи Псковичей нейдемъ на Ригу.» Напрасно уговаривалъ ихъ Ярославъ; они остались при своемъ, и походъ не состоялся. Тогда и Псковичи отпустили отъ себя иноплеменниковъ; разыскали согражданъ, которые по слухамъ брали подарки отъ Ярослава, и выгнали ихъ изъ города, говоря: «ступайте къ своему князю, а намъ вы не братья».

Понятно, что при такой разладицѣ, угнетавшей Сѣверную Русь, Нѣмцамъ не трудно было утвердить свое владычество въ Прибалтійскомъ краѣ.

Бурныя волненія и ожесточенная вражда партій, происходившія въ Новгородѣ въ этотъ періодъ времени, сопровождались частою смѣною не только посадниковъ и тысяцкихъ, но и такихъ священныхъ лицъ какъ владыка или архіепископъ новогородскій. Смотря по тому, какая партія одолѣвала, суздальская или народная (стоявшая за самостоятельность), мѣнялся и архіепископъ. Мы видѣли, что въ княженіе Мстислава Удалаго, при упадкѣ суздальской стороны, архіепископъ Митрофанъ былъ низведенъ съ престола и на его мѣ-

его поставленъ Антоній (Добрыня Ядрейковичъ). Но когда Удалой вторично и навсегда покинулъ Новгородъ и суздальская сторона подняла голову, она воротила изъ изгнанія Митрофана. Такимъ образомъ явилось два архіепископа въ одно время. Чтобы рѣшить споръ, ихъ отправили на судъ къ митрополиту. Послѣдній рѣшилъ въ пользу Митрофана какъ старѣйшаго по избранію, и тотъ правилъ Новгородскою церковью еще около четырехъ лѣтъ, до своей смерти (1223 г.). Тогда народная партія пыталась воротить Антонія; но суздальская поспѣшила выбрать хутынскаго чернеца Арсенія. Опять явилось два архіепископа, которые нѣсколько разъ чередовались другъ съ другомъ, смотря по тому, суздальскій или черниговскій князь сидѣлъ въ Новгородѣ. Въ 1228 году, когда Ярославъ удалился на время изъ Новгорода, простой народъ началъ кричать на вѣчѣ противъ Арсенія за своего любимца Антонія. На ту пору случилась продолжительная, теплая и чрезвычайно дождливая осень; нельзя было ни сѣна добыть, ни убрать полей. «Отъ того такъ долго стоитъ у насъ тепло—вопила чернь,—что Арсеній выпроводилъ владыку Антонія на Хутынь, а самъ сѣлъ на его мѣсто, давъ мзду князю». Съ вѣча чернь бросилась на владычній дворъ, и силою выгнала Арсенія «пихающе его за ворота какъ будто какого злодѣя» — прибавляетъ лѣтописецъ. Владыка едва успѣлъ спастись отъ смерти, запершись въ Софійскомъ храмѣ. Народъ отправился на Хутынь и привелъ оттуда Антонія. Послѣдній на этотъ разъ недолго оставался на каѳедрѣ. Онъ сдѣлался боленъ и лишился языка. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, княжившій тогда въ Новгородѣ, сказалъ народу: «Нелѣпо быть сему граду безъ владыки; такъ какъ Богъ возложилъ казнь на Антонія, то поищите себѣ кого-либо изъ поповъ, игумновъ или чернецовъ». Голоса раздѣлились между тремя лицами: одни предлагали дьякона Спиридона, монаха Юрьевскаго монастыря; другіе Іосифа, епископа Владиміро-Волынскаго; третьи опять какого-то Гречина. Чтобы рѣшить споръ, хотѣли отдать дѣло на усмотрѣніе митрополита; но по желанію князя Михаила прибѣгли къ жребію: очевидно послѣдній обычай въ то время только входилъ въ силу. На трапезѣ въ Софійскомъ соборѣ положили три свитка съ именами, и послали взять одинъ свитокъ юнаго кня-

жича Ростислава Михайловича; вынулся жребій Спиридона. Его привезли изъ Юрьевскаго монастыря и ввели во владычныя палаты. А въ слѣдующемъ (1230) году Спиридонъ отправился въ Кіевъ на поставленіе къ митрополиту Кириллу, который сначала посвятилъ его въ санъ священника, а затѣмъ уже въ архіепископа.

Этотъ годъ былъ для Новгорода временемъ тяжкихъ бѣдствій. Ранній морозъ побилъ озими. Произошла страшная дороговизна; кадь ржи стали покупать по 20 и 25 гривенъ, а пшена по 50. Бѣдные люди начали разбѣгаться по чужимъ городамъ; оставшіеся стали умирать голодною смертію; такъ что трупы валялись по улицамъ, собаки пожирали младенцевъ. Владыка Спиридонъ велѣлъ приготовить скудельницу у храма свв. Апостолъ на Прусской улицѣ; въ нее свезли болѣе 3.000 труповъ, такъ что она наполнилась до верху; устроили еще двѣ скудельницы, и тѣ скоро наполнилась. Голодъ дошелъ до того, что простолюдины не только ѣли мохъ, сосновую и липовую кору, и всякую падаль, даже пожирали человѣческіе трупы, а иные рѣзали и ѣли живыхъ людей. Впрочемъ, такихъ изверговъ власти жгли огнемъ и вѣшали. Самыя родительскія чувства замирали: одни отцы и матеры продавали дѣтей въ рабство чужимъ купцамъ, а другіе смотрѣли на смерть дѣтей и не дѣлились съ ними добытымъ кускомъ хлѣба. (Моровая язва свирѣпствовала тогда же въ Смоленскѣ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ областяхъ). Къ страшному голоду присоединился еще ужасный пожаръ, въ началѣ слѣдующаго 1231 года. Сгорѣлъ почти весь Славянскій конецъ; огонь былъ такъ силенъ, что перелеталъ черезъ Волховъ. Наконецъ прибыли нѣмецкіе корабли съ хлѣбомъ и спасли Новогородцевъ отъ конечной гибели. Но и посреди такихъ бѣдствій партіи ожесточенно враждовали; сильные, богатые люди продолжали бороться за власть.

Особенно многіе мятежи, убійства и грабежи были вызваны враждою посадника Внѣзда Водовика съ сыномъ знаменитаго Твердислава, Степаномъ, который самъ добивался посадничества. Когда, оставленный въ Новгородѣ отцомъ, малолѣтній князь Ростиславъ съ посадникомъ Водовикомъ поѣхалъ въ Торжокъ, противная имъ партія подняла большой мятежъ, убила извѣстнаго боярина Семена Борисовича, разграбила какъ его,

дворъ, такъ дворы самого Водовика и другихъ вожаковъ Черниговской партіи; огромныя ихъ имущества народъ раздѣлилъ между собою по городскимъ сотнямъ. «Они трудишася сбирающе, а си въ трудъ ихъ внидоша», замѣтилъ новогородскій лѣтописецъ). Посадникомъ поставили Степана Твердиславича; а на столъ призвали опять Ярослава Всеволодовича. Съ того времени Ярославъ занималъ Новогородскій столъ уже безъ соперниковъ; причемъ не считалъ нужнымъ самому жить въ Новгородѣ, а обыкновенно держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ и двухъ юныхъ сыновей, Ѳеодора и Александра. По смерти старшаго брата Ѳеодора, вмѣсто отца сталъ княжить одинъ Александръ, впослѣдствіи знаменитый герой Невскій (35).

XVIII.

ЗЕМЛЯ СУЗДАЛЬСКАЯ. РЯЗАНЬ И КАМСКАЯ БОЛГАРІЯ.

Залѣсье.—Владиміръ на Клязьмѣ.—Соборы Успенскій и Дмитровскій.—Храмовой Суздальскій стиль.—Окрестности Владиміра.—Боголюбово.—Суздаль, Юрьевъ, Переяславль, Ростовъ Великій и другіе суздальскіе города.—Рязанскій край.—Стольный городъ.—Укрѣпленія на Окѣ и Пронѣ.—Муромъ.—Подчиненіе края Всеволоду III.—Рязанскіе князья.—Братоубійство.—Характеръ населенія.—Мордва.—Предѣлы, торговый характеръ и политическое устройство Камской Болгаріи.—Ея города.

Въ самомъ средоточіи Восточноевропейской равнины между Клязьмой и сѣвернымъ загибомъ Волги, залегаетъ страна, послужившая колыбелью той Ростово-Суздальской народности, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстна подъ именемъ Великой Руси, а вмѣстѣ съ нею и того государственнаго строя, который въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ распространился на всю помянутую равнину.

Широкая лѣсная полоса земли Вятичей отдѣляла Суздальскій край отъ Южной Руси, и потому этотъ край является въ нашей исторіи съ именемъ *Залѣсья.* Нѣкоторые города его носятъ прозваніе «залѣсскихъ» въ отличіе отъ своихъ южнорусскихъ одноименниковъ (Переяславль, Владиміръ). Судьба не надѣлила его роскошною почвою, благорастворенным климатомъ или поразительными красотами природы. Но она дала ему почти все, что нужно для развитія здороваго, дѣятельнаго и промышленнаго населенія. Климатъ довольно умѣренный, наглядно отличающій всѣ четыре времени года, континентальный по отдаленности отъ морей, но содержащій значительное количество атмосферной влаги. Почва, большею частію глинистая или суглинистая, однако во многихъ мѣ-

стахъ перемѣшанная съ черноземомъ, въ состояніи собственными произведеніями съ избыткомъ прокормить населеніе; но требуетъ постояннаго упорнаго труда для своей обработки. Здѣсь съ успѣхомъ произрастаютъ рожь, ячмень, овесъ, просо, гречиха и пр. Лѣсу изобиліе, но далеко не такое, чтобы онъ напоминалъ непроглядныя трущобы болѣе сѣверной полосы. Встрѣчаются хвойныя породы рядомъ съ лиственными; ель и береза, сосна и дубъ, липа, верба и осина разсѣяны отдѣльными рощами или перемѣшиваются другъ съ другомъ и даютъ лѣсному бору прекрасное разнообразіе. Роскошные луга, въ особенности поемные, доставляютъ отличный кормъ для скота. Поверхность почвы представляетъ равнину, но далеко не плоскую и однообразную, а напротивъ взволнованную и мѣстами весьма холмистую. Низменная по окрайнамъ даннаго пространства, эта равнина нѣсколько поднимается къ его серединѣ и образуетъ холмистый водораздѣлъ между правыми притоками Волги и лѣвыми Оки и Клязьмы съ цѣлою сѣтью небольшихъ озеръ, болотъ, рѣкъ и рѣчекъ. Вообще воды такое же изобиліе, какъ и лѣсу, но также не до излишества. Рѣки внутри этого края только отчасти судоходныя, а болѣе сплавныя. Лѣтомъ первобытные пути сообщенія не слишкомъ затруднительны; а зимою, когда воды скованы толстымъ слоемъ льду и вся страна покрыта сплошнымъ снѣгомъ, всюду открывается прямая дорога.

Древнѣйшіе или значительнѣйшіе города Суздальскаго края вопреки тому, что мы видѣли въ большей части другихъ русскихъ земель, встрѣчаются не на широкомъ судовомъ пути, не на самыхъ берегахъ Волги, а нѣсколько всторонѣ, на берегахъ озеръ или незначительныхъ рѣкъ; таковы: Ростовъ, Суздаль, Переяславль-Залѣсскій и Юрьевъ Польскій. Это явленіе объясняется тѣмъ, что первые обитатели края Меряне какъ истые Финны, несклонные къ судоходству, не любили селиться на большой открытой дорогѣ, а выбирали мѣста глухія, уединенныя, расположенныя вдали отъ бойкаго движенія и бранныхъ тревогъ. Славянорусское племя, нашедши уже значительныя поселенія внутри края, естественно старалось прежде всего занимать ихъ и укрѣплять за собою построеніемъ кремлей и остроговъ, въ которыхъ появились княжескіе и боярскіе терема, а съ принятіемъ христіанства и

соборные храмы. Въ тоже время Суздальская Русь не упустила изъ виду береговъ широкой Волги и поставила на нихъ цѣлый рядъ новыхъ городовъ. Но послѣдніе были слишкомъ отдалены отъ Южной Руси. А потому, пока существовали живыя тѣсныя связи съ Приднѣпровьемъ и продолжалось тяготѣніе русскихъ областей къ славному Кіеву, изъ русскихъ колоній Суздальскаго края взялъ верхъ надъ другими Владиміръ, лежавшій южнѣе помянутыхъ городовъ.

Владиміръ Залѣсскій расположенъ на среднемъ теченіи Клязьмы, самаго значительнаго притока Оки, на лѣвомъ нагорномъ берегу, возвышающемся футовъ на двѣсти надъ уровнемъ рѣки. Съ западной и сѣверной стороны его огибаетъ рѣчка Лыбедь, впадающая въ Клязьму. По обычаю нашихъ древнихъ городовъ, Владиміръ состоялъ изъ внутренняго города, т. е. дѣтинца или кремля, и внѣшняго или острога. (Первый назывался еще почему-то «Печернымъ» городомъ, а второй «Новымъ»). Отличіе отъ другихъ заключалось въ томъ, что наружный городъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга частей, лежавшихъ по бокамъ кремля. Причиною тому было узкое положеніе города между Клязьмою и Лыбедью: кремль съ одной стороны упирался въ Лыбедь, а съ другой въ берегъ Клязьмы. На послѣдній выходили такъ наз. «Волжскія» ворота, а на Лыбедь «Мѣдныя» и «Оринины». Ворота внѣшняго города, обращеннаго къ устью Лыбеди, именовались «Серебряными»; а въ другомъ внѣшнемъ городѣ ворота, обращенныя въ противную сторону, т. е. на юго-западъ, назывались «Золотыми». Подобныя названія заимствованы конечно изъ Кіева и Царьграда. Золотыя ворота были сооружены изъ камня и имѣли наверху храмъ Ризъ Положенія.

Внутри Кремля почти надъ самымъ обрывомъ Клязьмы красовался соборный храмъ Успенія Богородицы, знаменитое сооруженіе Андрея Боголюбскаго, заключающій главную мѣстную святыню, т. е. Боголюбовскую икону принесенную Андреемъ изъ Вышгорода и богато окованную золотомъ. Владимірскій Успенскій соборъ представлялъ прекрасный образецъ того изящнаго храмоваго стиля, который выработался въ Суздальской землѣ въ XII и первой половинѣ XIII вѣка. Въ основаніи своемъ онъ сохранялъ общій планъ кіевскихъ или

византійско-русскихъ церквей, т. е. основной квадратъ нѣсколько удлиненный троечастнымъ алтаремъ на восточной сторонѣ. Внутри онъ былъ покрытъ фресковою иконописью; кромѣ того блисталъ разноцвѣтными плитами и позолотою, пущенною по карнизамъ, аркамъ и наддверіямъ, а также позолоченною сѣнью надъ алтарнымъ престоломъ. Бѣлый камень, изъ котораго строились суздальскіе храмы (привозившійся, какъ полагаютъ, водою изъ Камской Болгаріи), по своей мягкости представлялъ удобный матеріалъ для рѣзьбы, и храмы эти снаружи обыкновенно украшались изящнымъ поясомъ изъ рѣзныхъ колонокъ и другими рельефными изображеніями. Обиліе этихъ такъ наз. «обронныхъ» украшеній составляетъ главную особенность Суздальскаго храмоваго стиля отъ церквей южно-русскихъ и новогородскихъ. Другая особенность суздальскихъ храмовъ состояла въ томъ, что они были объ одномъ верхѣ, т. е. одноглавыя. Владимірскій Златоверхій соборъ также первоначально построенъ одноглавымъ. Но послѣ пожара 1185 года, когда Всеволодъ III обновилъ этотъ храмъ, общій видъ его нѣсколько измѣнился. Три новыя стѣны воздвигнуты были съ южной, западной и сѣверной сторонъ, и такимъ образомъ стѣны Андреевскія очутились внутри храма; въ нихъ были пробиты арки и просвѣты для бо̀льшаго соединенія съ придѣльными частями. Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ послѣдними возведены четыре купола или главы, кото̀рыя съ прежней или срединной составили пять главъ; чѣмъ Успенскій соборъ сталъ отличаться отъ прочихъ одноглавыхъ храмовъ Суздальскаго края. Притворы этого собора заключаютъ въ себѣ гробницы многихъ князей и епископовъ владимірскихъ. Палаты епископскія помѣщались подлѣ самаго собора.

Неподалеку стоялъ и княжій дворъ; но отъ него не сохранилось никакихъ остатковъ. За то существуетъ храмъ, построенный на этомъ дворѣ Всеволодомъ III Димитріемъ въ честь своего святаго, Димитрія Солунскаго, и по обычаю того времени соединенный съ княжимъ теремомъ переходами, которые вели на полати или хоры церковные. Это наиболѣе уцѣлѣвшій и самый изящный изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ до-Татарской эпохи, сохранившихся до нашихъ временъ. Онъ построенъ былъ въ концѣ XII вѣка, слѣдователь-

но когда характерный стиль этихъ храмовъ достигъ значительной степени развитія. И дѣйствительно Дмитріевскій соборъ служитъ прекраснымъ образцомъ Суздальскаго стиля. Высота его весьма гармонируетъ съ его основаніемъ. Восточная сторона зданія состоитъ изъ трехъ алтарныхъ полукружій; а три остальныя стороны наружными полуколоннами какъ бы раздѣлены на три части, съ дугообразными верхами (комарами). Подъ каждою дугою помѣщено по одному узкому продолговатому окну; а въ каждой средней части входная дверь также съ дугообразною аркою. Кровля храма обита по самымъ сводамъ и дугамъ, и все зданіе вѣнчается возвышеннымъ тамбуромъ съ полусферическимъ куполомъ.

Этотъ Суздальскій стиль, какъ мы видимъ, строго сохранилъ всѣ главныя отличія стиля Византійскаго; но присоединилъ къ нему черты, свидѣтельствующія о собственномъ русскомъ вкусѣ, о началахъ самостоятельнаго русскаго художества. Нѣкоторые знатоки старины считаютъ эти черты заимствованными съ запада отъ стиля Романскаго (возникшаго также на византійской основѣ), въ особенности изъ Сѣверной Италіи, гдѣ тогда процвѣтала Ломбардо-Венеціанская школа этого Романскаго стиля. Хотя западное вліяніе на русское искусство въ тѣ времена является до нѣкоторой степени естественнымъ, если вспомнить, что не только Южная, но и Сѣверная Русь находилась въ сношеніяхъ съ Германіей, которая владѣла тогда значительной частью Сѣверной Италіи и сама подчинялась вліянію итальянской образованности. Суздальскіе князья, какъ мы знаемъ изъ примѣра Андрея Боголюбскаго, призывали для своихъ сооруженій мастеровъ изъ разныхъ земель, слѣдовательно не однихъ Грековъ, но также Нѣмцевъ и вѣроятно Итальянцевъ. Однако несомнѣнно, что въ XII вѣкѣ у насъ были уже свои русскіе мастера, вносившіе въ постройки и украшенія начала собственно русскаго вкуса, на развитіе котораго издревле вліяло не одно художество, греческое, но также восточное, въ особенности персидское. Послѣдній, т. е. восточный элементъ нашего вкуса, ярко выражался въ любви къ пестрымъ узорчатымъ украшеніямъ. Князья и духовенство конечно не дозволяли мастерамъ при сооруженіи храмовъ отступать отъ византійскихъ образцовъ въ существенныхъ частяхъ; но, кажется, оставляли имъ достаточно свобо-

ды въ подробностяхъ, особенно въ тѣхъ скульптурныхъ или обронныхъ украшеніяхъ, которыми покрыты всѣ три помянутыя стороны придворнаго Дмитріевскаго собора. Во первыхъ, дугообразныя арки входныхъ дверей испещрены рельефными узорами; далѣе надъ ними идетъ роскошный узорчатый поясъ, пересѣкающій наружныя стороны на два яруса. Поясъ этотъ состоитъ изъ колонокъ или столбиковъ, соединенныхъ вверху дугообразными перемычками; а между колонками помѣщены изображенія человѣческихъ фигуръ, животныхъ и растеній. Подобныя же изображенія людей, звѣрей, фантастическихъ животныхъ, травъ и пр., представляющія иногда цѣлыя группы или сцены и ярко раскрашенныя, наполняютъ собою весь верхній ярусъ фасадовъ и, наконецъ, подъ куполомъ въ барабанѣ всѣ промежутки между просвѣтами. Обиліе обронныхъ украшеній показываетъ, что онѣ пришлись по вкусу въ особенности Сѣверовосточной Руси. Онѣ обратились исключительно на внѣшнія стороны храма, потому что здѣсь только предоставлялась имъ нѣкоторая свобода; тогда какъ во внутренности его не допускалось никакихъ существенныхъ отступленій отъ византійскихъ образцовъ: тутъ стѣнная иконопись составляла главное и едва ли не единственное его украшеніе. Кромѣ того были иконы, писанныя на дскахъ; въ числѣ ихъ особымъ почитаніемъ пользовалась доска, принесенная изъ Солуня съ самой гробницы мученика Димитрія, и вѣроятно съ его изображеніемъ. Лѣтопись говоритъ, что доска эта источала миро, и что вмѣстѣ съ нею была принесена сорочка святаго, также положенная въ Дмитріевскомъ соборѣ. Хоры или полати для женщинъ здѣсь и въ другихъ суздальскихъ храмахъ не огибаютъ трехъ внутреннихъ стѣнъ, какъ въ византійскихъ и южнорусскихъ древнихъ соборахъ, а ограничены только западной стороной.

Совершенно въ томъ же стилѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ какъ Дмитріевскій соборъ, и на томъ же берегу Клязьмы, красовался въ кремлѣ выстроенный тѣмъ же Всеволодомъ III храмъ Рождества Богородицы съ мужскимъ монастыремъ. А во внѣшнемъ городѣ надъ рѣчкою Лыбедью находился женскій монастырь съ храмомъ Успенія Богородицы, основанный супругою Всеволода Маріей, гдѣ она постриглась и была погребена; потому монастырь и получилъ названіе «Княгинина».

Онъ пріобрѣлъ еще особый почетъ съ того времени, какъ въ немъ положены были мощи мученика Авраамія. Этотъ Авраамій, занимавшійся торговлею, пріѣхалъ откуда-то съ востока въ Великіе Болгары. Тутъ мусульмане схватили его и начали принуждать къ отреченію отъ Христа; когда же ни ласки, ни угрозы не могли поколебать его вѣры, то онъ былъ умерщвленъ. Русь, проживавшая въ Болгарахъ также по торговымъ дѣламъ, сначала спрятала тѣло мученика на христіанскомъ кладбищѣ; а въ слѣдующемъ 1230 году принесла его во Владиміръ на Клязьмѣ. Георгій II Всеволодовичъ съ своимъ семействомъ и епископъ владимірскій Митрофанъ съ клиромъ, игумнами, окруженные народною толпою, торжественно встрѣтили мощи за городомъ и положили ихъ въ Успенскомъ Княгининѣ монастырѣ. Великій князь и епископъ конечно не безсознательно старались возвысить Владиміръ и сравнять свой стольный городъ съ его старѣйшимъ соперникомъ Ростовомъ, который имѣлъ въ своихъ стѣнахъ мощи св. мученика Леонтія. Наполнять столицы христіанскими святынями было общимъ стремленіемъ древнихъ русскихъ властей. Такъ еще прежде Авраамія во Владиміръ принесена была часть мощей св. Логина, и положена въ монастырской церкви Вознесенія передъ Золотыми воротами.

Кромѣ упомянутыхъ, не говоря о многихъ деревянныхъ, Владиміръ Залѣсскій имѣлъ еще нѣсколько каменныхъ храмовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ; напримѣръ: во имя Георгія, построенный Юріемъ Долгорукимъ, и въ честь Преображенія, заложенный Андреемъ Боголюбскимъ, оба съ мужскими монастырями, и наконецъ, церковь Вздвиженія, построенная на *торговищѣ* Константиномъ Всеволодовичемъ.

Окрестности Владиміра обиловали рощами, нивами, поемными лугами и озерами. Изъ послѣднихъ наибольшую извѣстность получило такъ называемое Пловучее, верстахъ въ семи отъ города на лѣвой сторонѣ Клязьмы посреди сосноваго лѣса. По этому озеру плаваютъ носимые вѣтромъ торфяные островки, съ которыми народное преданіе связало казнь, постигшую убійцъ Андрея Боголюбскаго. Убійцы эти будто бы по приказанію Всеволода III были заключены въ короба и брошены въ озеро; но вода не приняла злодѣевъ, и короба съ ихъ трупами, обросшіе мохомъ, остались на поверхности

озера. Въ числѣ окрестныхъ селеній по обычаю стольныхъ русскихъ городовъ того времени встрѣчается село *Красное*, на лѣвомъ нагорномъ берегу Клязьмы; въ немъ вѣроятно находился загородный княжій дворъ. Но гораздо большую извѣстность пріобрѣло другое селеніе, Боголюбово, лежащее версты три или четыре далѣе отъ Владиміра на томъ же берегу Клязьмы при впаденіи въ нее Малой Нерли. Это любимое пребываніе Андрея Боголюбскаго было обращено имъ въ городокъ, укрѣпленный землянымъ валомъ и рвомъ, украшенный каменнымъ княжимъ теремомъ и въ особенности изящнымъ Рождественскимъ храмомъ.

За валами Боголюбова, въ разстояніи отъ него съ небольшимъ версты, на самомъ устьѣ Нерли Андрей воздвигъ еще каменный храмъ въ честь Покрова Богородицы, и при немъ устроилъ монастырь. По всѣмъ признакамъ здѣсь находилась судовая пристань: ибо только отъ этого мѣста Клязьма, принявъ въ себя Нерль, становилась вполнѣ судоходною рѣкою. Во время походовъ на Камскихъ Болгаръ къ этой пристани обыкновенно сходились суздальскіе полки, и здѣсь садились на суда, чтобы спуститься въ Оку и потомъ въ Волгу. Слѣдовательно здѣсь совершались напутственные молебны передъ отправленіемъ судовъ, и весьма естественно, что Боголюбскій пожелалъ ознаменовать мѣстность построеніемъ церкви; а можетъ быть она построена по обѣту князя послѣ его удачнаго похода на Болгаръ въ 1164 г. Есть правдоподобное преданіе, что бѣлый известковый камень, который суздальскіе князья заставляли привозить изъ Болгаріи для своихъ сооруженій, въ этой пристани перегружался на болѣе мелкія суда, и что часть камня, остававшаяся на берегу при перегрузкѣ, употреблена на облицовку стѣнъ Покровскаго храма. Сохранившійся до нашего времени, онъ теперь одиноко стоитъ посреди луговъ, рѣкъ и озеръ, и самое устье Нерли въ теченіе вѣковъ отдалилось отъ нея на разстояніе версты. Покровскій храмъ по своему архитектурному стилю есть совершенный прототипъ Дмитріевскаго собора, только въ меньшихъ размѣрахъ; обронныя украшенія его еще не такъ обильны и роскошны.

Далѣе внизъ по Клязьмѣ на ея берегахъ находилось нѣсколько незначительныхъ суздальскихъ городовъ, служившихъ

вѣроятно пристанью для судовъ, напримѣръ Стародубъ и Гороховецъ. Андрей Боголюбскій, назначивъ на содержаніе Владимірскаго Успенскаго собора десятину изъ княжихъ доходовъ, отдалъ ему и всѣ доходы съ Гороховца; почему онъ и назывался «городомъ св. Богородицы». Изъ четырехъ значительнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ Клязьмы, каковы Колокша, Нерль, Теза и Лухъ, двѣ послѣднія повидимому еще мало были заселены; можетъ быть на нихъ и встрѣчались укрѣпленныя мѣста, но лѣтописи о томъ не упоминаютъ. Возможно, что на Тезѣ уже тогда лежало торговое селеніе или городъ Шуя; такъ какъ это единственный изъ помянутыхъ притоковъ, способный къ судоходству. Гуще заселены берега двухъ остальныхъ рѣчекъ, протекающихъ по самой серединѣ Суздальской земли. Здѣсь находились значительные города Суздаль и Юрьевъ Польскій.

Древній стольный Суздаль лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ Нерли, на ея правомъ притокѣ, рѣчкѣ Каменкѣ, въ тридцати верстахъ отъ Владиміра, посреди ровной мѣстности. Суздальскій кремль занималъ небольшой полуостровъ, образуемый изгибомъ Каменки. Здѣсь по обыкновенію стоялъ княжій дворъ и главная святыня города, т. е. соборный храмъ. Послѣдній, посвященный празднику Рождества Богородицы, былъ основанъ еще Владиміромъ Мономахомъ; но Юрій Долгорукій, избравшій Суздаль своимъ стольнымъ городомъ, вмѣсто деревяннаго собора построилъ каменный. Это именно тотъ храмъ, который при Всеволодѣ III и епископѣ Іоаннѣ обновленъ русскими мастерами безъ помощи Нѣмцевъ. Такое свидѣтельство лѣтописи о русскихъ мастерахъ въ Суздалѣ конечно находится въ связи съ промышленнымъ характеромъ населенія и его наклонностію къ разнымъ художествамъ. Безъ сомнѣнія здѣсь уже въ ту эпоху положено было начало и той сѣвернорусской иконописной дѣятельности, которая сдѣлалась извѣстною преимущественно подъ именемъ «Суздальской», съ промысломъ торговыхъ ходебщиковъ включительно. Во времена великаго князя Юрія II Всеволодовича Рождественскій соборъ пришелъ въ такую ветхость, что верхъ его началъ падать. Вслѣдствіе чего онъ былъ вновь перестроенъ великимъ княземъ и освященъ епископомъ Симономъ въ 1225 году; а стѣнное его расписаніе окончилось

только спустя восемь лѣтъ; полъ его былъ вымощенъ «краснымъ разноличнымъ мраморомъ». Кромѣ собора въ Суздалѣ намъ извѣстны еще: каменный храмъ св. Спаса, также основанный Юріемъ Долгорукимъ, два мужскіе монастыря, Козмодемьянскій на Яруновой улицѣ и Дмитріевскій подлѣ кремля во внѣшнемъ городѣ, а также женскій Ризположенскій за городскимъ валомъ. Въ послѣднемъ во время Юрія II Всеволодовича постриглась черниговская княжна Ѳеодулія, въ иночествѣ Евфросинія, невѣста одного изъ суздальскихъ князей, умершаго до свадьбы; она сдѣлалась игуменьей этого монастыря и заслужила славу св. подвижницы. Изъ окрестныхъ селеній самое замѣчательное это Кидекша, на берегу Нерли, съ загороднымъ княжимъ дворомъ и Борисоглѣбскимъ храмомъ, который былъ построенъ Юріемъ Долгорукимъ. Существовало преданіе, будто на томъ мѣстѣ когда-то съѣхались святые братья, Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Муромскій. Но вѣроятнѣе, что Долгорукій соорудилъ его въ честь тезоименитства своего сына Бориса, которому назначилъ въ удѣлъ самый Суздаль. Дѣйствительно подъ Кидекшенской Борисоглѣбской церковью сохранились каменныя гробницы Бориса Юрьевича, его супруги Маріи и дочери Евфросиніи. Это загородное княжее село, по обычаю времени, было обнесено валомъ; а его Борисоглѣбская церковь до сихъ поръ принадлежитъ къ числу памятниковъ храмоваго суздальскаго стиля; но она значительно пострадала отъ времени.

Къ западу отъ Суздаля на верховьяхъ Колокши при впаденіи въ нее рѣчки Гзы лежитъ городъ Юрьевъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ и названный въ послѣдствіи «Польскимъ», т. е. Полевымъ (вѣроятно въ отличіе отъ другаго Юрьева, Поволжскаго); впрочемъ, онъ недаромъ получилъ свое прозваніе, ибо дѣйствительно лежитъ въ мѣстности почти безлѣсной, но замѣчательной своимъ черноземомъ. Вмѣстѣ съ городомъ Долгорукій воздвигъ въ Юрьевскомъ кремлѣ соборный храмъ въ честь своего святаго, Георгія Побѣдоносца. Изъ сыновей Всеволода III Юрьевскій удѣлъ достался Святославу Всеволодовичу. Извѣстно, что въ борьбѣ Константина Ростовскаго съ Георгіемъ Владимірскимъ юрьевскій князь держалъ сторону втораго брата, и вблизи этого города происходила знаменитая Липецкая битва. Почти одновременно

съ Суздальскимъ соборомъ обветшалъ и угрожалъ паденіемъ соборъ Юрьевскій. Святославъ, подобно брату Георгію, разобралъ верхи этой церкви (1230), и въ теченіе четырехъ лѣтъ перестроилъ ее заново, по свидѣтельству лѣтописи еще красивѣе, чѣмъ была прежняя. Вкусъ къ оброннымъ украшеніямъ очевидно въ это время достигъ полнаго своего развитія; такъ что стѣны Юрьевскаго собора почти сплошь покрыты роскошными узорами, высѣченными изъ бѣлаго камня. Отъ другихъ суздальскихъ храмовъ онъ отличается тѣмъ, что ко всѣмъ его тремъ фасадамъ прибавлены портики или крытыя паперти, которыя устроены не на всемъ протяженіи этихъ фасадовъ, а только для входныхъ дверей.

Перейдя отъ Юрьева на сѣверо-западъ черезъ небольшой холмистый водораздѣлъ, мы изъ области лѣвыхъ притоковъ Клязьмы вступаемъ въ область правыхъ притоковъ Волги и двухъ наиболѣе крупныхъ озеръ Суздальской земли, Клещина и Неро, на которыхъ стоятъ два древнѣйшихъ города этой земли: Переяславль Залѣсскій и Ростовъ Великій.

Почти круглое Клещино или Плещеево озеро, имѣющее до десяти верстъ въ длину и до восьми въ ширину, принимаетъ въ себя рѣку Трубежъ, а выпускаетъ Вексу, которая, пройдя озеро Сомино, получаетъ названіе Большой Нерли и впадаетъ въ Волгу. Волнистое и глубокое, это озеро издревле славилось обиліемъ рыбы и естественно привлекало поселенцевъ на свои берега, большею частію возвышенные и открытые, а мѣстами низменные, болотистые и поросшіе хвойнымъ лѣсомъ. Здѣсь-то при самомъ впаденіи рѣчки Трубежа въ озеро лежалъ Переяславль. Хотя построеніе его приписываютъ также Юрію Долгорукому; но Юрій собственно перенесъ уже существовавшій городъ на болѣе удобное мѣсто, распространилъ его и построилъ въ немъ каменный соборъ во имя Спаса Преображенія. Переяславскій соборъ есть старѣйшій изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ дошедшихъ до насъ и единственный изъ построекъ Долгорукаго сохранившійся почти вполнѣ, благодаря особенно массивности своихъ стѣнъ сравнительно съ ихъ умѣренною высотою. Скудостью и простотою обронныхъ украшеній онъ указываетъ на первоначальную эпоху суздальскаго храмоваго стиля. Всеволодъ III

вновь перестроилъ деревянныя стѣны Переяславскаго кремля; а внѣшній городъ или посадъ былъ укрѣпленъ большимъ земляпымъ валомъ и рвомъ, наполненнымъ водою. Изъ монастырей здѣсь замѣчателенъ Никитскій, расположенный на самомъ возвышенномъ мѣстѣ въ окрестностяхъ Переяславля. Онъ уже существовалъ въ то время, когда переяславскій гражданинъ Никита Столпникъ оставилъ свой домъ, семью, имущество, пріобрѣтенное неправдами, и ушелъ въ сосѣдній монастырь, гдѣ на уединенномъ столпѣ началъ спасаться постомъ, истязаніемъ плоти и молитвою (въ XII в.). Доставшись Ярославу Всеволодовичу, Переяславль-Залѣсскій сдѣлался стольнымъ городомъ довольно значительнаго удѣльнаго княжества, къ которому принадлежала часть Поволожья съ Зубцовымъ, Тверью и Коснятинымъ. Владѣя этою частью, Ярославъ, какъ извѣстно, тѣснилъ сосѣднихъ Новогородцевъ, запиралъ имъ торговые пути, не пропускалъ къ нимъ хлѣба и захватывалъ пограничные ихъ города, Волокъ Ламскій и Торжокъ. Большая Нерль съ довольно крутыми и хорошо заселенными берегами въ тѣ времена еще сохраняла свою способность къ судоходству.

Въ шестидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Переяславля-Залѣсскаго лежитъ Ростовъ Великій на пологихъ, болотистыхъ берегахъ озера Неро. Это самое большое изъ суздальскихъ озеръ (до 12 верстъ въ длину и до 7 въ ширину) съ иловатымъ дномъ, которое мѣстами поросло болотными травами; оно не такъ глубоко какъ Клещино, но также изобилуетъ рыбою. Истокъ его Векса, принявъ съ лѣвой стороны рѣчку Устью, течетъ далѣе подъ именемъ Которосли и впадаетъ въ Волгу. Которосль, бывъ тогда судоходною, давала возможность прибрежнымъ обитателямъ Ростовскаго озера принимать участіе въ судовой волжской торговлѣ. Возникшій въ глуши мерянскихъ лѣсовъ и болотистыхъ дебрей, слишкомъ удаленный отъ сообщеній съ Южною Русью, Ростовъ Великій, не смотря на свое старѣйшинство въ Суздальской землѣ, какъ извѣстно, не привлекалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ суздальскихъ князей и долженъ былъ уступить политическое первенство младшему городу, Владиміру на Клязьмѣ. Тѣмъ не менѣе это былъ наиболѣе прославленный святынями и едва ли не самый обширный и самый промышленный городъ Сѣ-

веровосточной Руси, долго сохранявшій свои старинные вѣчевые обычаи, гордое мѣстное боярство и свое церковное первенство. Константинъ Всеволодовичъ былъ первый сѣверный князь, извѣстный своею привязанностію къ Ростову; онъ же воздвигъ и главную святыню города, соборный храмъ Успенія Богородицы. Это тотъ самый соборъ, который былъ сначала построенъ Владиміромъ Мономахомъ по образцу Успенскаго Кіевопечерскаго храма, совершенно въ тѣхъ же размѣрахъ и точно также расписанный внутри. Очевидно онъ и послужилъ такъ сказать родоначальникомъ того Суздальскаго храмоваго зодчества, памятники котораго привлекаютъ насъ своимъ изяществомъ и стройностью своихъ частей. Въ 1160 году, какъ извѣстно, Ростовскій соборъ сгорѣлъ (кажется онъ былъ каменный съ дубовымъ верхомъ). Андрей Боголюбскій на томъ же мѣстѣ воздвигъ новый каменный храмъ; но впослѣдствіи своды его упали; что случалось тогда нерѣдко по неискусству строителей; такъ какъ каменное дѣло въ тѣ времена только начало развиваться въ Сѣверной Руси. Константинъ Всеволодовичъ послѣ страшнаго пожара на мѣсто обрушившейся церкви заложилъ новую (25 апрѣля 1213 г.); но построеніе ея шло медленно, вѣроятно вслѣдствіе наступившихъ распрей между Всеволодовичами. Освященіе новосозданнаго храма совершено уже при слѣдующемъ ростовскомъ князѣ Василькѣ Константиновичѣ епископомъ ростовскимъ Кирилломъ II (14 августа 1231 года).

Епископъ Кириллъ, бывшій прежде духовникомъ князя Василька, тогда только что воротился изъ Кіева отъ митрополита, который рукоположилъ его во епископа. Онъ, по словамъ лѣтописи, украсилъ соборную церковь «многоцѣнными» иконами съ пеленами, кивотами, сосудами, рипидами и всякими «узорочьями»; устроилъ такъ наз. «Золотыя двери» на южной сторонѣ, поставилъ честные кресты и мощи святыхъ въ прекрасныхъ ракахъ. Особое значеніе этому собору придавали гробницы Леонтія и Исаіи, святыхъ предшественниковъ Кирилла. Въ немъ находилась еще одна мѣстная святыня: икона Богоматери, по преданію писанная кіевопечерскимъ инокомъ Алимпіемъ и принесенная въ Ростовъ Владиміромъ Мономахомъ. Освященіе храма Кириллъ совершилъ весьма торжественно, соборне со всѣми игумнами и священниками;

а князь съ братьями своими и сыномъ отпраздновалъ его пирами. Лѣтописецъ изображаетъ Кирилла украшеннымъ пастырскими добродѣтелями, начитанностію въ св. Писаніи и даромъ слова: и князья, и простые люди приходили послушать его поученія. Слѣдовательно, славою проповѣдника онъ уподобился своему соименнику Кириллу, епископу Туровскому. Есть извѣстіе, что при немъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ пѣли на два клироса: на одномъ по-гречески, а на другомъ по-русски. По всѣмъ признакамъ успѣхи книжнаго просвѣщенія въ Ростовѣ, вызванные книголюбцемъ Константиномъ Всеволодовичемъ, продолжались тамъ и при его сынѣ Василькѣ въ особенности трудами епископа Кирилла; такъ что Ростовъ въ тѣ времена служилъ едва ли не главнымъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія Сѣверовосточной Руси.

По общерусскому обычаю Ростовъ состоялъ изъ кремля или «рубленнаго» города, т. е. укрѣпленнаго бревенчатыми стѣнами, и города «землянаго» или внѣшняго, обведеннаго валомъ съ деревяннымъ тыномъ (частоколомъ) и деревянными башнями. Къ послѣднему примыкали еще предгородія или посады и слободы. Княжій теремъ и епископскія палаты въ Ростовскомъ кремлѣ конечно были деревянныя; о нихъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ того, что на княжемъ дворѣ были еще церкви Михаила Архангела и Борисоглѣбская, а на епископскомъ Іоанна Предтечи. О многолюдствѣ Ростова и многочисленности его храмовъ можетъ свидѣтельствовать пожаръ 1211 года, когда по словамъ лѣтописи однихъ церквей сгорѣло 15. Недаромъ Ростовъ назывался «Великимъ». Подобно Новгороду Великому онъ дѣлился на концы; одинъ изъ нихъ именовался «Чудскимъ». За валами Ростова у самаго озера Неро возникъ Авраамієвъ Богоявленскій монастырь; основателемъ его былъ одинъ изъ трехъ главныхъ свѣтильниковъ Ростовской земли, Авраамій. Онъ жилъ во времена перваго ростовскаго епископа Ѳеодора, сокрушилъ идолъ Волоса, и по преданію, соорудилъ церковь во имя Богоявленія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ идолъ, а при церкви устроилъ монастырь. Вообще прибрежья Ростовскаго озера обиловали монастырями, селами и слободами, въ которыхъ жило трудолюбивое промышленное населеніе, занимавшееся рыболовствомъ, огородничествомъ, солевареніемъ, разведені-

емъ хмѣлю, льну, звѣроловствомъ и другими лѣсными промыслами, а отчасти хлѣбопашествомъ; послѣднее было мало развито вслѣдствіе неплодородной почвы. Благодаря судоходству по Которосли, Ростовцы могли сплавлять свои произведенія на Волгу, и такимъ образомъ принимали участіе въ торговомъ движеніи между Новгородомъ Великимъ и Камской Болгаріей.

Съ раздробленіемъ Суздальской земли послѣ Всеволода III къ Ростовскому удѣлу принадлежали значительная часть Суздальскаго Поволжья и обширная страна за Волгой отъ Бѣлаозера до береговъ Унжи. Но и самое это Ростовское княжество въ свою очередь распалось на удѣлы: собственно Ростовскій, Ярославскій, Костромской, Бѣлозерскій и пр. Волга, широкимъ сѣвернымъ загибомъ обтекающая серединную полосу Суздальской земли, не могла не привлечь на свои берега русскія торговыя поселенія. А эти поселенія по обыкновенію обезпечивались построеніемъ кремлей и остроговъ. Въ данную эпоху поволжскіе города еще уступаютъ въ своемъ значеніи внутреннимъ городамъ Ростово-Суздальской земли; но нѣкоторые изъ нихъ уже забираютъ силу, благодаря своему положенію на широкомъ водномъ пути и своимъ торговымъ пристанямъ. Большею частію они расположились на устьяхъ судоходныхъ притоковъ Волги, которые дѣлали ихъ рынками значительной сосѣдней области. Таковы: Зубцовъ, на устьѣ Вазузы, Тверь—Тверцы, Кснятинъ—Большой Нерли, которая связывала Клещино озеро съ Волгою; слѣдовательно Кснятинъ былъ пригородомъ и пристанью Переяславля-Залѣсскаго; далѣе Угличъ или собственно Углече Поле; затѣмъ Ярославль, при устьѣ Которосли, соединяющей Ростовское озеро съ Волгой; слѣдовательно первоначально это былъ пригородъ и пристань Ростова Великаго.

Кремль или дѣтинецъ Ярославля возникъ на мысу между Волгою, устьемъ Которосли и ея притокомъ Медвѣдицей; а поселеніе за Медвѣдицей, окопанное валомъ, образовало такъ наз. Земляной городъ. Въ кремлѣ на крутомъ берегу Волги находились по обычаю деревянный княжій теремъ, и подлѣ него каменный Успенскій соборъ, построенный извѣстнымъ храмоздателемъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ; а въ Земляномъ городѣ былъ каменный храмъ Спасо-преоб-

раженскій, съ монастыремъ, заложенный тѣмъ же Константиномъ Всеволодовичемъ и оконченный его сыномъ Всеволодомъ, удѣльнымъ Ярославскимъ княземъ. За городомъ, также на крутомъ берегу Волги, находился монастырь Петровскій, котораго игуменъ Пахомій, духовникъ князя Константина, является первымъ Ростовскимъ епископомъ, отдѣльнымъ отъ Владиміро-Суздальскаго. О богатствѣ и значеніи Ярославля въ началѣ XIII вѣка свидѣтельствуетъ отчасти извѣстіе лѣтописи, по которому во время большаго пожара 1221 года тамъ сгорѣло до семнадцати церквей; но княжій дворъ при этомъ уцѣлѣлъ. Ярославль былъ въ то время уже стольнымъ городомъ особаго удѣла.

Еще далѣе внизъ по Волгѣ на лѣвомъ луговомъ берегу ея встрѣчаемъ городъ Кострому при устьѣ рѣки Костромы, которая несла на Волгу произведенія своей лѣсной природы и лѣсныхъ промысловъ, какъ-то пушныхъ звѣрей, смолу, деготь и пр. Еще ниже на томъ же берегу Волги лежалъ Городецъ Радиловъ. И наконецъ въ землѣ Мордовской на высокомъ мысу, при сліяніи Оки съ Волгою, красовался вновь основанный Нижній-Новгородъ съ каменнымъ соборомъ Спаса Преображенія и съ загороднымъ монастыремъ Богородицы. Послѣдній былъ сожженъ при нападеніи Пургаса въ 1229 году и возобновленъ спустя десять лѣтъ уже братомъ и преемникомъ Георгія II Ярославомъ Всеволодовичемъ.

Владѣнія суздальскихъ князей обнимали еще за Волгой обширный лѣсной край, котораго грани сходились съ владѣніями новогородскими, и конечно могутъ быть опредѣлены только приблизительно. Съ одной стороны этотъ край простирался до рѣкъ Сухоны и Юга, на сліяніи которыхъ возникъ городъ Устюгъ. А съ другой онъ обнималъ поселенія Веси на нижнемъ теченіи Мологи и все Пошехонье или область Шексны до самаго Бѣлаго озера, на низменныхъ болотистыхъ берегахъ котораго около истока Шексны стоялъ древній Бѣлозерскъ. Внутри означенныхъ предѣловъ извѣстенъ еще въ тѣ времена городъ Галичъ, лежащій при подошвѣ высокихъ холмовъ на болотистыхъ берегахъ озера, богатаго рыбою, въ особенности ершами и снѣтками. Въ отличіе отъ южнорусскаго Галича онъ назывался Мерскимъ, потому что лежалъ въ землѣ Мери. Изъ Галицкаго озера вы-

ходитъ Векса, притокъ рѣки Костромы; слѣдовательно Галичъ Мерскій имѣлъ судовое сообщеніе съ Волгой.

Изъ городовъ, которые заключались въ юго-западной полосѣ Суздальской земли, намъ извѣстны Дмитровъ и Москва. Они лежатъ на возвышенной волнистой равнинѣ, прорѣзанной глубокими оврагами и долинами рѣчекъ, покрытой рощами и мѣстами болотистой. Оба города возникли на небольшихъ, но судоходныхъ рѣкахъ: Дмитровъ на Яхромѣ, притокѣ Сестры (которая, соединясь съ Дубною, впадаетъ въ Волгу); а Москва на рѣкѣ Москвѣ, лѣвомъ притокѣ Оки. Основаніе обоихъ городовъ приписывается Юрію Долгорукому. Лѣтописи разсказываютъ, что въ 1154 году, когда Юрій съ супругой находился въ полюдьи на рѣкѣ Яхромѣ, у него родился сынъ; онъ далъ ему христіанское имя Димитрія, и тутъ же въ честь его заложилъ городъ Дмитровъ, который былъ назначенъ въ удѣлъ новорожденному, впослѣдствіи знаменитому Всеволоду Большое Гнѣздо. А городъ Москва, переименованный изъ селенія Кучкова, впервые, какъ извѣстно, встрѣчается въ 1147 году по поводу съѣзда Юрія Долгорукаго съ союзникомъ своимъ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ. Этотъ городъ лежалъ на пограничьѣ Суздальскихъ владѣній съ Рязанскими, Черниговскими и Смоленскими, на пути изъ Южной Руси въ Сѣверовосточную.

На западѣ, на верховьяхъ рѣкъ Москвы и Протвы, владѣнія Суздальскія сходились съ Смоленскими; а на югѣ, на верховьяхъ Цны, Пры и Гуся (лѣвыхъ притоковъ Оки) и на нижнемъ теченіи самой Оки, предѣлы Суздальскіе сливались съ Муромо-Рязанскими ([36]).

Рязанскій край занималъ среднее теченіе Оки, и особенно распространялся на южной ея сторонѣ, въ области правыхъ ея притоковъ Осетра и Прони. Это такая же равнина какъ и другія русскія земли; пригорки и углубленія также сообщаютъ ей волнообразный характеръ. Почва, сначала глинистая, чѣмъ далѣе идетъ къ югу, тѣмъ болѣе и болѣе переходитъ въ черноземную. Страна была богата лѣсами; но они оставляли довольно пространства лугамъ и нивамъ. Водораздѣльная полоса притоковъ Оки и Дона также обиловала лѣ-

сомъ и кромѣ того болотистыми дебрями; но далѣе къ югу лѣса болѣе и болѣе рѣдѣли и уступали мѣсто кустарникамъ, которые переходили въ открытую степь.

Первый извѣстный по лѣтописямъ русскій городъ въ этой глухой Мордовско-мещерской странѣ былъ Рязань. Онъ лежалъ на правомъ возвышенномъ берегу Оки, нѣсколько верстъ ниже устья Прони, именно тамъ, гдѣ Ока послѣ своего юговосточнаго изгиба поворачиваетъ на сѣверовостокъ. Рязань сдѣлалась главнымъ стольнымъ городомъ всего края, когда онъ выдѣлился изъ общаго состава Русской земли. Первою святынею этого города былъ каменный соборный храмъ во имя Бориса и Глѣба, стоявшій въ кремлѣ подлѣ княжаго двора. Гробницы изъ тесанаго камня, найденныя въ остаткахъ храма, конечно принадлежали членамъ княжей семьи. Вообще въ Муромо-Рязанской землѣ, какъ видно, особенно чтилась память св. Глѣба Муромскаго и его брата Бориса.

Отсюда, изъ этого средоточія земли, укрѣпленныя поселенія направились главнымъ образомъ вверхъ по Окѣ, по правому ея берегу, который господствуетъ надъ лѣвымъ, и, будучи мѣстами довольно высокъ и обрывистъ, представлялъ всѣ удобства для проведенія оборонительной линіи. Изъ многихъ городовъ и городковъ, разсѣянныхъ по этому берегу, первое мѣсто принадлежитъ Переяславлю-Рязанскому, который впослѣдствіи сдѣлался стольнымъ городомъ всей земли вмѣсто Рязани. Онъ расположенъ на крутой береговой возвышенности Оки или собственно рукава ея, Трубежа, въ углѣ, происшедшемъ отъ впаденія рѣчки Лыбеди. Вершину этого угла занимаетъ рязанскій кремль съ храмомъ св. Николая. Далѣе на берегу Трубежа идетъ острогъ или внѣшній городъ, отдѣленный отъ кремля высокимъ валомъ и широкимъ рвомъ, съ соборнымъ храмомъ Борисоглѣбскимъ. Верстахъ въ двѣнадцати ниже Переяславля, также на обрывистомъ береговомъ холмѣ, при впаденіи рѣчки Гусевки въ Оку стоялъ городъ Ольговъ, можетъ быть основанный еще знаменитымъ Олегомъ Гориславичемъ. А идя отъ Переяславля вверхъ по рѣкѣ, самымъ замѣчательнымъ городомъ является Коломна, близъ впаденія въ Оку рѣки Москвы. Этотъ городъ служилъ оплотомъ Рязанскаго княжества со стороны

сосѣдняго Суздаля: онъ стоялъ на томъ водномъ пути, которымъ Суздальскіе князья отправлялись въ Рязанскую землю. Еще далѣе, также на правой сторонѣ Оки, близъ впаденія въ нее Осетра, стоялъ городъ Ростиславль, основанный въ половинѣ XII вѣка рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ. Послѣдній городъ служилъ оплотомъ со стороны Черниговосѣверскихъ владѣній.

Въ одно время съ главнымъ направленіемъ—отъ стольнаго города вверхъ по Окѣ, построеніе Рязанскихъ городовъ пошло отъ того же мѣста вверхъ по Пронѣ, и образовало другую линію укрѣпленій, обращенную на югъ, откуда грозили постоянные набѣги Половцевъ и другихъ кочевниковъ. Лѣвый берегъ Прони, подобно правому Оки возвышенный и холмистый, довольно хорошо соотвѣтствовалъ такому назначенію. Въ срединѣ этой линіи стоялъ городъ Пронскъ, на крутомъ берегу Прони, окруженный глубокими лощинами и оврагами. За Пронею разстилалось низменное, открытое пространство, которое носило названіе «Половецкаго поля».

Полоса, заключенная между Пронею и среднею Окою, составляла неизмѣнное, основное ядро Рязанской земли, около котораго предѣлы ея въ разныя времена то сжимались, то расширялись. На западѣ она приблизительно ограничивалась теченіемъ рѣки Осетра, и, кромѣ Ростиславля, ограждена была отъ Черниговосѣверскихъ сосѣдей еще построеніемъ на Осетрѣ города Зарайска. На противуположной сторонѣ рязанскіе предѣлы шли довольно далеко, углубляясь въ Финскіе лѣса и Половецкія степи. А именно: на востокѣ они терялись въ Мордовскихъ дебряхъ, гдѣ на нижнемъ теченіи Мокши, правомъ притокѣ Оки, встрѣчаемъ городъ Кадомъ; на югѣ же Рязанскіе города и селенія покрывали берега верхняго Дона и его притока Воронежа. Крайнимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ со стороны Половецкой степи былъ городъ Елецъ, на нижнемъ теченіи Быстрой Сосны, впадающей въ Донъ. Впрочемъ этотъ городъ былъ спорнымъ между Рязанскими и Черниговскими князьями. Сѣверная или такъ наз. Мещерская сторона Оки представляетъ низменную болотистую полосу съ тощею песчаною почвою, почти сплошь покрытую хвойнымъ лѣсомъ. Здѣсь мы не знаемъ ни одного города, за исключеніемъ прибрежьевъ Оки;

въ лѣсной глуши кое-гдѣ были разбросаны скудные поселки Мещеры, и только на нѣкоторыхъ притокахъ Оки, особенно на берегахъ Пры, встрѣчались болѣе значительныя селенія.

Ниже по Окѣ, начиная приблизительно отъ устьевъ Мокши съ одной стороны и Гуся съ другой, до нижней Клязьмы лежалъ собственно Муромскій удѣлъ въ землѣ финскаго народца Муромы, вѣроятно одноплеменной съ Мордвою. Тутъ по Окѣ несомнѣнно находилось нѣсколько городовъ, хотя лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ Муромѣ. Онъ былъ расположенъ на высокомъ холму лѣваго берега въ мѣстности покрытой дремучими лѣсами. Имѣя довольно дѣятельныя торговыя сношенія съ Камскими Болгарами, Муромъ очень рано сдѣлался однимъ изъ зажиточныхъ городовъ древней Россіи. До начала XIII вѣка, т. е. до основанія Нижняго Новгорода, онъ служилъ едва ли не самымъ значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ на сѣверовосточной окраинѣ, и нерѣдко долженъ былъ выдерживать нападенія со стороны Мордвы и Камскихъ Болгаръ. Со времени Юрія Долгорукаго Муромское княжество все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ Рязани и увлекалось подъ Суздальское вліяніе, такъ что въ началѣ XII вѣка сохраняло одну тѣнь самостоятельности. Только безусловною покорностію сосѣду Муромскіе князья пріобрѣли себѣ право на спокойное владѣніе своими волостями. Связь Мурома съ Рязанью впрочемъ долго не прекращалась; кромѣ родства княжихъ вѣтвей ее поддерживали церковныя отношенія: оба княжества составляли одну іерархію. Но самою живою непрерывною связью служила имъ судоходная Ока.

Кромѣ почитанія св. Глѣба Муромскаго, были и другіе князья, мѣстночтимые въ Муромѣ и Рязани. Таковъ св. Константинъ, который выдержалъ упорную борьбу съ туземными язычниками, и побѣдилъ ихъ; послѣ чего совершилось крещеніе Муромцевъ на рѣкѣ Окѣ, подобное крещенію Кіевлянъ при Св. Владимірѣ. Въ этомъ князѣ Константинѣ не безъ основанія признаютъ Ярослава Святославича, родоначальника князей Муромо-Рязанскихъ, того Ярослава, который былъ изгнанъ изъ Чернигова своимъ племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ при Мстиславѣ Мономаховичѣ (въ 1127 г.). Около времени Татарскаго нашествія встрѣчаемъ третьяго мѣстночтимаго муромскаго князя, по имени Петра,

который вмѣстѣ съ супругою своей Февроніей сдѣлался предметомъ священной легенды. Гробница ихъ находится въ Муромскомъ соборѣ Рождества Богородицы. Самымъ древнимъ монастыремъ въ Муромѣ почитается Спасопреображенскій.

Гораздо болѣе чѣмъ старшая или Муромская вѣтвь Ярославичей, получила историческое значеніе вѣтвь младшая, Рязанская. Между тѣмъ какъ первая легко подчинилась сильному Суздалю, вторая напротивъ отличалась упорною, подъ часъ ожесточенною, съ нимъ борьбою за самобытность Рязанской земли. Князья Рязанскіе отмѣчены въ исторіи общею печатью жесткаго, безпокойнаго, энергичнаго характера. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой борьбы и этого характера былъ внукъ Ярослава Глѣбъ Ростиславичъ. Извѣстно, что послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго онъ, съ помощью преданной партіи, вздумалъ ставить отъ себя князей въ самой Суздальской землѣ. Но вмѣшательство это привело къ пораженію на Колакшѣ отъ Всеволода Большое Гнѣздо. Глѣбъ умеръ въ плѣну (1177). Княжество Рязанское раздробилось на удѣлы между его сыновьями. Старшаго изъ нихъ Романа Всеволодъ отпустилъ изъ плѣна, «укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ», т. е. взявъ присягу быть вѣрнымъ своимъ подручникомъ. Этотъ Романъ Глѣбовичъ попытался было свергнуть суздальскую зависимость съ помощью тестя своего Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Но младшіе братья Романа, княжившіе на Пронѣ и враждовавшіе съ старшими Глѣбовичами, приняли сторону Суздальскаго князя. Послѣ извѣстной встрѣчи на берегахъ Влены черниговское вліяніе было устранено, и вновь утверждена зависимость Рязани отъ великаго князя Суздальскаго. Всеволоду III тѣмъ легче было утвердить эту зависимость, что безпокойные Глѣбовичи часто ссорились и заводили междоусобія изъ за волостей; при чемъ младшіе или Пронскіе Глѣбовичи искали опоры въ Суздалѣ противъ старшихъ или собственно Рязанскихъ Глѣбовичей. Ясно, что Пронскій удѣлъ уже въ тѣ времена стремился выдѣлиться изъ общаго состава земли и обособиться отъ вліянія старшихъ Рязанскихъ князей. Вслѣдствіе этихъ междоусобій и повторявшихся попытокъ къ сверженію Суздальской зависимости, Всеволодъ III нѣсколько

разъ самъ предпринималъ походы или посылалъ свою рать въ Рязанскую землю и подвергалъ ее опустошенію.

Въ 1207 г. великій князь отправился въ походъ на Кіевъ противъ Всеволода Чермнаго, и по обыкновенію послалъ звать съ собою князей Рязанскихъ и Муромскихъ. Когда онъ остановился на устьѣ Москвы рѣки подъ Коломною, то на другомъ берегу Оки его уже дожидались рязанскіе отряды подъ начальствомъ двухъ Глѣбовичей съ ихъ сыновьями и племянниками, всего до восьми князей. Тутъ же была и муромская дружина съ своимъ княземъ Давыдомъ. Двое изъ младшихъ рязанскихъ князей донесли Всеволоду, что старшіе ихъ родичи замышляютъ противъ него измѣну и вступили въ тайныя сношенія со Всеволодомъ Чермнымъ. Всеволодъ позвалъ всѣхъ Рязанскихъ князей къ себѣ въ лагерь, принялъ ихъ очень радушно, и пригласилъ къ обѣду; но съ собой посадилъ только двухъ доносчиковъ; а остальные шестеро сѣли обѣдать въ другомъ шатрѣ. Къ нимъ великій князь послалъ бояръ и князей, въ томъ числѣ помянутыхъ доносчиковъ, чтобы уличить обвиненныхъ въ измѣнѣ. Тщетно сіи послѣдніе клялись въ своей невинности. Всѣ шестеро князей были схвачены съ своими боярами (22 сентября) и отвезены во Владиміръ на Клязьмѣ. На другой день Всеволодъ переправился за Оку; но, вмѣсто похода на Кіевъ, онъ послалъ судовую рать съ съѣстными припасами внизъ по Окѣ; а самъ пошелъ на Пронскъ, огнемъ и мечемъ опустошая Рязанскую землю.

Въ Пронскѣ княжилъ тогда одинъ изъ внуковъ Глѣба, Киръ Михаилъ, который былъ женатъ на дочери Всеволода Чермнаго и отказался отъ участія въ походѣ на своего тестя. Услыхавъ о приближеніи грозы, Киръ Михаилъ удалился къ своему тестю; а Пронскъ послѣ трехнедѣльной упорной обороны сдался 18 октября, когда граждане изнемогли отъ жажды, будучи отрѣзаны отъ воды. Всеволодъ отдалъ городъ Давыду Муромскому; а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по городамъ своихъ посадниковъ. Не доходя двадцати верстъ до города, онъ остановился возлѣ села Добрый Сотъ и готовился къ переправѣ черезъ Проню. Тутъ предстали передъ нимъ рязанскіе послы съ повинною головою. Арсеній, первый епископъ Муромо-Рязанской епархіи, отдѣлив-

шейся отъ Черниговской (съ 1198 г.), явился усерднымъ ходатаемъ за Рязанскую землю, и нѣсколько разъ присылалъ сказать Всеволоду: «Господинъ великій князь, ты христіанинъ; не проливай-же крови христіанской, не опустошай честныхъ мѣстъ, не жги святыхъ церквей, въ которыхъ приносится жертва Богу и молитва за тебя; мы готовы исполнить всю твою волю». Всеволодъ согласился даровать миръ Рязанцамъ, но съ условіемъ, чтобы они выдали ему остальныхъ князей; затѣмъ онъ повернулъ въ свою землю, и подъ Коломной переправился черезъ Оку. Слѣдомъ за нимъ спѣшилъ епископъ Рязанскій. Былъ ноябрь мѣсяцъ. Сильный дождь, сопровождаемый бурею, взломалъ ледъ на Окѣ. Несмотря на опасность, Арсеній переѣхалъ рѣку въ лодкѣ, и догналъ Всеволода около впаденія рѣчки Нерской въ Москву. Епископъ умолялъ великаго князя освободить Рязанскихъ князей, но безъ успѣха. Всеволодъ повторилъ требованіе чтобы присланы были остальные потомки Глѣба, и велѣлъ епископу слѣдовать за собою. Рязанцы, послѣ вѣчевыхъ совѣщаній, рѣшили на время покориться необходимости; взяли остальныхъ князей съ княгинями и отослали ихъ во Владиміръ.

Въ слѣдующемъ 1208 году Всеволодъ отправилъ въ Рязань сына своего Ярослава, отпустивъ съ нимъ епископа Арсенія; а по другимъ городамъ разослалъ своихъ посадниковъ. Недолго однако Рязанцы смирялись передъ могущественнымъ сосѣдомъ. Во первыхъ, не всѣ князья были захвачены. Оставшіеся на свободѣ наняли Половцевъ и отняли Пронскъ у Давыда Муромскаго. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ начались возмущенія и даже истребленіе суздальскихъ дружинниковъ, вѣроятно позволившихъ себѣ разныя притѣсненія и вымогательства. Жители Рязани вошли въ тайныя сношенія съ Пронскими князьями, и призвали ихъ на помощь, обѣщая выдать имъ Ярослава Всеволодовича. Увѣдомленный о томъ, Всеволодъ немедленно пришелъ съ войскомъ къ Рязани; расположился недалеко отъ города, вызвалъ къ себѣ сына съ рязанскими боярами и лучшими людьми, и задержалъ ихъ. Такъ какъ Рязанцы вмѣсто изъявленія покорности говорили великому князю «по своему обыкновенію дерзкія рѣчи», то онъ приказалъ жителямъ выдти въ поле съ женами, дѣтьми и лег-

кимъ имуществомъ, а стольный городъ зажечь. Такой же участи подверглись и нѣкоторыя другія мѣста, вѣроятно тѣ, въ которыхъ произошли возмущенія. Жителей разоренныхъ рязанскихъ городовъ Всеволодъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальской земли; а лучшихъ людей и епископа Арсенія взялъ съ собою во Владиміръ.

Хотя такими жестокими мѣрами Рязанская земля была усмирена и унижена, и управлялась уже суздальскими намѣстниками и тіунами; но подчиненіе Суздалю опять продолжалось недолго. Пронскіе князья не признавали этого подчиненія и продолжали свои враждебныя дѣйствія. Случившаяся вскорѣ кончина Всеволода III снова измѣнила суздальско-рязанскія отношенія. Начавшаяся затѣмъ борьба великаго князя Владимірскаго Юрія II съ его братомъ Константиномъ Ростовскимъ побудила перваго освободить изъ плѣна рязанскихъ князей и ихъ бояръ. Отпуская на родину, Юрій одарилъ ихъ золотомъ, серебромъ и конями, и утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ поступкомъ великій князь Владимірскій избавлялъ себя отъ лишнихъ заботъ удерживать въ покорности строптивыхъ Рязанцевъ, и надѣялся конечно имѣть въ нихъ союзниковъ для своей борьбы съ старшимъ братомъ. Незамѣтно однако, чтобы въ послѣдующихъ междоусобіяхъ Рязанцы, подобно Муромцамъ, ходили на помощь Юрію противъ Константина.

Такимъ образомъ раздробленіе и смуты Суздальской земли помогли Рязанцамъ воротить самобытность. Но въ свою очередь рязанскіе князья не замедлили возобновить собственные споры о волостяхъ, споры, которые ознаменовались даже страшнымъ братоубійствомъ.

Это было въ 1217 году, когда сыновья Глѣба Ростиславича уже всѣ умерли и Рязанская земля была подѣлена между его внуками. Главный виновникъ чернаго дѣла явился изъ ихъ среды, именно Глѣбъ Владиміровичъ, который еще десять лѣтъ тому назадъ отличился въ качествѣ одного изъ двухъ доносчиковъ на своихъ дядей и братьевъ передъ великимъ княземъ Всеволодомъ III. Онъ повидимому княжилъ теперь въ самой Рязани; но, не довольствуясь старшимъ столомъ, замыслилъ избить родичей вѣроятно для того, чтобы захватить ихъ волости. Заодно съ Глѣбомъ дѣйствуетъ родной его братъ Кон-

стантинъ. Ихъ злодѣйскій замыселъ приведенъ въ исполненіе съ помощью самаго наглаго вѣроломства. Глѣбъ приглашаетъ къ себѣ князей на «рядъ», т. е. для того, чтобы дружескимъ образомъ за чаркой крѣпкаго меду уладить на время безконечные споры объ удѣлахъ; подобные съѣзды были въ обычаѣ того времени. Шестеро внуковъ Глѣба, не подозрѣвая западни, явились на его призывъ; одинъ изъ нихъ приходился ему роднымъ братомъ, а остальные пять двоюродными. Князья съ своими боярами и слугами приплыли на лодкахъ и высадились на берегу Оки, верстахъ въ шести отъ стольнаго города на мѣстѣ называемомъ «Исады», гдѣ вѣроятно находился загородный княжій дворъ или содержалась княжая охота. Здѣсь подъ тѣнью густыхъ вязовъ разбиты были шатры. 20 іюля, въ день Пророка Иліи, Глѣбъ пригласилъ въ свой шатеръ остальныхъ князей и принялся ихъ угощать съ видомъ радушія; а между тѣмъ приготовленные слуги и Половцы ожидали только знака, чтобы начать кровопролитіе. Когда веселый пиръ былъ въ самомъ разгарѣ и головы князей уже порядочно отуманились, Глѣбъ и Константинъ вдругъ обнажили мечи и бросились на братьевъ. Всѣ шестеро были убиты; вмѣстѣ съ князьями погибло множество бояръ и слугъ.

Конечно въ такомъ гнусномъ дѣлѣ главное значеніе имѣла самая личность братоубійцъ; но многое объясняется также характеромъ времени и края. Надобно представить себѣ ту отдаленную эпоху, когда волости и старшинство служили предметомъ жестокихъ раздоровъ для князей и поддерживали ихъ страсти въ постоянномъ напряженіи. Надобно вспомнить о той грубости нравовъ, которая еще упорно сопротивлялась благотворному вліянію христіанства и оставалась вѣрна своимъ языческимъ началамъ, особенно по сосѣдству съ такими дикарями какъ Половцы. Незамѣтно, чтобы эта черная страница Рязанской исторіи произвела особенное впечатлѣніе на современниковъ. Лѣтописецъ начинаетъ свой разсказъ обычнымъ воспоминаніемъ о Каинѣ, о Святополкѣ, о дьявольскомъ прельщеніи и т. п. Затѣмъ, едва онъ успѣлъ передать о самомъ злодѣяніи, какъ обращается къ другимъ событіямъ и забываетъ сказать о его ближайшихъ послѣдствіяхъ. Мы видимъ только, что оно не достигло своей цѣли. Еще оста-

вались въ живыхъ нѣкоторые другіе братья убіенныхъ. Одинъ изъ нихъ, Ингварь Игоревичъ, вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ, явился мстителемъ, и, получивъ помощь отъ великаго князя владимірскаго Георгія II, одолѣлъ братоубійцъ, которые потомъ бѣжали въ степи къ своимъ союзникамъ Половцамъ (1219). Есть преданіе, что Глѣбъ въ безуміи окончилъ свою жизнь; впрочемъ такое наказаніе для братоубійцъ въ русскихъ лѣтописяхъ является какъ бы общимъ мѣстомъ. Недолго послѣ того жилъ и самъ Ингварь Игоревичъ; а послѣ его смерти Рязанскій столъ, по обычному праву старшинства, перешелъ къ его брату Юрію. Тишина, наступившая въ Рязанской землѣ и продолжавшаяся до нашествія Татаръ, а также самое поведеніе Юрія Игоревича въ бѣдственную годину нашествія, говорятъ въ пользу этого князя или собственно его умѣнья держать въ повиновеніи младшихъ родичей и охранять рязанскую самобытность со стороны Суздаля.

Въ княженіе двухъ Игоревичей, Ингваря и Юрія, Рязанская земля очевидно успѣла оправиться отъ погромовъ Всеволода III и послѣдующихъ междоусобій. Самъ стольный городъ, сожженный Всеволодомъ, не только опять отстроился и укрѣпился, но и вновь разбогатѣлъ, благодаря своему выгодному положенію на торговомъ пути изъ Южной Руси въ Камскую Болгарію. Здѣсь проживали съ своими товарами гости южно-русскіе, которые привозили сюда и греческіе товары, преимущественно разнаго рода паволоки, драгоцѣнную утварь и церковныя украшенія. Новогородцы также посѣщали Оку, и привозили нѣмецкія произведенія, именно оружіе, полотна и пр. А изъ Болгаріи шли сюда разныя металлическія издѣлія, шелковыя и бумажныя ткани и другіе предметы роскоши. Изъ Рязанской земли иноземные купцы вывозили сырые товары, каковы мѣха, воскъ, кожи и т. п. Вообще эта земля славилась богатствомъ своихъ естественныхъ произведеній, обиліемъ бортныхъ угодій, бобровыхъ гоновъ, рыбы, скота и всякаго рода дичи.

Но вообще относительно успѣховъ гражданственности и просвѣщенія Рязанскій край по всѣмъ признакамъ отставалъ отъ другихъ русскихъ земель; что весьма естественно, если обратимъ вниманіе на его украинное, пограничное положеніе по сосѣдству съ хищными Половцами и дикою Мордвою. Са-

мое христіанство утверждалось здѣсь медленно; а вмѣстѣ съ тѣмъ не скоро совершалось и обрусѣніе туземныхъ финскихъ народцевъ, и только основное ядро края, т. е. полоса между Окою и Пронею, могло считаться русскимъ и христіанскимъ по своему населенію. Сильная инородческая примѣсь въ составѣ населенія, тѣсныя сношенія съ кочевниками, приходившими въ качествѣ то грабителей, то союзниковъ, постоянная нужда быть на сторожѣ своей земли, подъ оружіемъ,—рѣзко отразились на характерѣ Рязанцевъ, котораго вѣрными представителями являются ихъ князья. Строптивость и грубые нравы, а также неукротимый духъ и наклонность къ молодечеству—вотъ отличительныя черты этого характера. Боярское и вообще дружинное сословіе, по всѣмъ признакамъ, было довольно многочисленно и пользовалось большимъ вліяніемъ на дѣла. При дробленіи земли и своихъ частыхъ распряхъ, князья естественно старались привязать къ себѣ дружинниковъ разными милостями и пожалованіемъ земельныхъ владѣній. Бояре иногда злоупотребляли своимъ правомъ совѣта, и, ради личныхъ цѣлей, поддерживали раздоры князей. Такъ лѣтопись упоминаетъ о «проклятыхъ думцахъ» Глѣба и Константина, замыслившихъ избіеніе братіи. Съ другой стороны мы видимъ несомнѣнную привязанность дружиннаго сословія къ своей землѣ или къ своимъ князьямъ; за нихъ оно храбро сражалось на полѣ битвы и вмѣстѣ съ ними терпѣливо томилось во владимірскихъ темницахъ. Очевидно это сословіе уже сдѣлалось осѣдлымъ, землевладѣльческимъ, слѣдовательно крѣпкимъ землѣ, имѣющимъ свои мѣстные интересы, родовыя преданія и привязанности.

О значительномъ количествѣ рязанскаго военно-служебнаго сословія даетъ намъ нѣкоторое понятіе одна жалованная грамота, въ которой упоминается объ основаніи Ольгова монастыря, возвышавшагося насупротивъ города Ольгова, по другую сторону устья Гусевки. Рязанскій князь Ингварь Игоревичъ вмѣстѣ съ братьями своими Юріемъ и Олегомъ, построилъ здѣсь храмъ во имя Богородицы (можетъ быть въ благодарность за свое спасеніе отъ убійцъ и за побѣду надъ ними). При заложеніи храма съ князьями находилось 300 бояръ и 600 мужей или простыхъ дружинниковъ. Князья пожаловали въ монастырское владѣніе девять бортныхъ участ-

ковъ и пять погостовъ со всѣми угодьями. Любопытны названія этихъ погостовъ и количество семей ихъ населявшихъ; онѣ свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ обрусѣніи и значительной населенности того пространства, которое служило основнымъ ядромъ Рязанской земли. Вотъ эти погосты: Песочна, Холохолна, Заячины, Веприя и Заячковъ; въ общей сложности они заключали въ себѣ болѣе тысячи крестьянскихъ семей ([37]).

Многочисленное *Мордовское племя*, охватившее восточные края земель Суздальской и Рязанской, съ областью рѣки Суры, отдѣляло эти земли отъ страны Камскихъ Болгаръ. Лѣтописныя извѣстія о походахъ въ ту сторону суздальской рати, съ участіемъ муромо-рязанской дружины, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе этого финскаго племени, подраздѣленнаго на Мокшанъ, Эрзянъ и Каратаевъ. Страна ихъ была покрыта дремучими лѣсами. Мордва вела жизнь осѣдлую, занимаясь скотоводствомъ, звѣроловствомъ, пчеловодствомъ, отчасти земледѣліемъ, и жила въ небольшихъ селеніяхъ. Хотя о мордовскихъ городахъ русская лѣтопись не говоритъ; но, употребляя иногда слово «тверди», заставляетъ предполагать какія-то особыя мѣста, вѣроятно укрѣпленныя самою природою. Очевидно Мордва не была чужда и торговой дѣятельности по сосѣдству съ Болгарами и Русью. Мы не видимъ у нея никакаго политическаго средоточія; она управлялась туземными старшинами, и даже имѣла своихъ родовыхъ князей. Сіи послѣдніе иногда находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою; таковы упомянутые выше Пургасъ и Пурешъ. Междоусобія заставляли ихъ искать себѣ союзниковъ, и въ свою очередь облегчали сосѣднимъ народамъ доступъ въ глубину мордовскихъ земель: такъ Пурешъ прибѣгалъ къ покровительству великаго князя Владимірскаго, а Пургасъ къ князьямъ болгарскимъ. Они оказывались на столько богаты, что могли нанимать иноземныхъ ратниковъ: на службѣ Пургаса находимъ сбродную русскую дружину; а сынъ Пуреша приводитъ на него Половцевъ. Сами Мордвины не чужды воинственныхъ наклонностей; обычное ихъ вооруженіе составлялъ длинный лукъ; а постоянное упражненіе въ охотѣ за пернатою дичью и пушнымъ звѣ-

ремъ дѣлало ихъ хорошими стрѣлками. Въ тѣ времена Мордва была погружена еще въ грубое идолопоклонство, почитала старыя широковѣтвистыя деревья, источники, и приносила жертвы своимъ высшимъ божествамъ, каковы Шкай, Кереметь и пр. Мордвины вообще отличались большимъ упорствомъ въ сохраненіи своихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Христіанство дѣлало успѣхи только въ нѣкоторыхъ мордовскихъ поселеніяхъ, входившихъ въ составъ земель Суздальской и Муромо-Рязанской. Точно также нѣкоторыя восточныя вѣтви этого племени, обитавшія въ предѣлахъ Камской Болгаріи, повидимому подчинялись вліянію мусульманства.

Мы не знаемъ въ точности, гдѣ за Мордвою начинались непосредственныя владѣнія *Камскихъ Болгаръ*; полагаемъ, что приблизительно между правыми притоками Волги, Сурою и Свіягою. На сѣверъ они простирались немного далѣе сліянія Вятки съ Камою, на югѣ до Самарской луки, а на востокѣ терялись въ степныхъ пространствахъ Башкиріи. На означенныя границы указываютъ линіи древнихъ болгарскихъ городищъ съ остатками земляныхъ валовъ и другими признаками укрѣпленныхъ поселеній. Въ эти предѣлы входили племена Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ и Башкиръ, подчиненныя непосредственному господству Болгаръ.

Хотя историческою наукою до сихъ поръ неразъяснено съ точностію, къ какой семьѣ народовъ принадлежали сами Болгаре; однако по нѣкоторымъ извѣстіямъ съ достовѣрностію можно сказать, что ядро этого смѣшаннаго народа составляли Славяне. Ревность къ магометанской религіи, арабская письменность и значительное вліяніе арабской гражданственности не мало способствовали ослабленію его родства съ христіанскими Славянами. Благодаря своему предпріимчивому, промышленному характеру, Болгаре сдѣлались посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Средней Азіи съ Восточной Европою. Караваны, нагруженные металлическими издѣліями, т. е. разными украшеніями, утварью, оружіемъ, монетою, а также дорогими тканями мусульманской Азіи, изъ Ховарезма (Хивы) черезъ Башкирію приходили въ землю Камскихъ Болгаръ; а болгарскіе и русскіе купцы развозили

эти товары Волгою и другими судоходными рѣками въ сосѣднія русскія и финскія страны. Изъ своей земли они вывозили шерсть, медъ, мамонтовы зубы, а въ особенности дорогіе мѣха и выдѣланныя кожи (юфть). Мѣхами и кожами по преимуществу собирали они дань съ туземныхъ народцевъ или вымѣнивали на нихъ издѣлія собственной и азіатской промышленности. Какое множество серебряной монеты изъ мусульманскихъ странъ Азіи привлекала эта торговля, о томъ можно судить по многочисленнымъ кладамъ, которые открывались и продолжаютъ открываться на значительномъ пространствѣ Восточной Европы. Эта монета не только служила посредствующею цѣнностью; но и привозилась какъ товаръ вслѣдствіе большаго на нее запроса: она употреблялась у народовъ Сѣверовосточной Европы какъ предметъ украшенія, особенно въ большомъ количествѣ унизывала шейные и головные уборы женщинъ.

Политическое устройство Камской Болгаріи въ общихъ чертахъ напоминаетъ нѣсколько и устройство самой Руси того времени. Мы видимъ здѣсь того же великаго или верховнаго князя (царь, *властовецъ*) и князей ему подчиненныхъ или подручныхъ. Были ли сіи послѣдніе ничто иное какъ мѣстные владѣтельные роды, признававшіе надъ собою господство болгарскаго царя, или это были члены одного княжескаго рода, получавшіе удѣлы, подобно потомству Владиміра Великаго,—достовѣрно мы не знаемъ; возможно, что тамъ существовало и то, и другое. Во всякомъ случаѣ очевидно въ Камской Болгаріи, какъ и на Руси, происходили иногда споры и междоусобія за волости, и точно также раздробленіе мѣшало политическому могуществу. Поэтому въ войнахъ съ Русью болгарскіе князья большею частію оказывались слабѣйшею стороною, т. е. принужденными къ оборонѣ собственной земли. Однако объ ихъ воинственности, искусствѣ укрѣплять и оборонять свои города свидѣтельствуютъ тѣже походы русскихъ князей, которые обыкновенно ограничивались погромомъ сельскихъ жителей и рѣдко брали болгарскіе города. Эти города, какъ свидѣтельствуютъ ихъ остатки, большею частію окружены были высокимъ тройнымъ валомъ и соотвѣтствующимъ рвомъ; лѣтописи наши указываютъ еще на

наружный дубовый тынъ или частоколъ и двойной оплотъ, т. е. двойную бревенчатую стѣну.

Средоточіемъ или столицею Болгарской земли былъ городъ Булгаръ, въ нашихъ лѣтописяхъ извѣстный подъ именемъ Великаго города, или «славнаго» города Бряхимова, (т. е. Ибрагимова, по имени царя современнаго Андрею Боголюбскому). Онъ находился въ землѣ такъ наз. Серебряныхъ Болгаръ, на лѣвомъ берегу Волги немного ниже устья Камы. Высокіе массивные минареты вмѣстѣ съ развалинами каменныхъ мечетей, надгробныхъ моленъ и бань до нашего времени указывали мѣсто этого когда-то дѣйствительно великаго и славнаго города. Главное русло Волги протекаетъ отъ него въ значительномъ разстояніи; но долина, находящаяся между русломъ и городомъ, изрѣзана протоками рѣки, а въ вешнюю пору покрывалась водою; безъ сомнѣнія въ эту пору суда могли приставать къ тому возвышенному берегу, на которомъ стоялъ городъ, и именно къ той его внѣшней части, въ которой проживали иноземные христіанскіе торговцы, преимущественно русскіе и армянскіе.

Кромѣ стольнаго или «Великаго» намъ извѣстны еще нѣсколько другихъ болгарскихъ городовъ, каковы: Ошелъ, недалеко отъ столицы, только на другомъ, нагорномъ берегу Волги; Биляръ, на Маломъ Черемшанѣ, который, соединясь съ Большимъ Черемшаномъ, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны; Жукотинъ, на лѣвомъ берегу Камы (близъ нынѣшняго Чистополя); Собѣкуль, Челматъ и другіе, которыхъ положеніе въ точности неизвѣстно ([38]).

XIX.

СТРОЙ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Условія національнаго единства.—Стародавность княжей власти.—Дружина.—Ея осѣдлость и содержаніе.—Дружинно-княжескій бытъ.—Земское вѣче.—Многочисленность и характеръ древнихъ городовъ.—Сельская община.—Земледѣліе. — Скотоводство и рыболовство.—Соль.—Бортничество.—Жилища и зодчество.—Утварь.—Русскіе художники.—Иконопись.—Оригинальность орнаментовъ.—Одежда и ея украшенія.—Вооруженіе.—Сообщенія.—Торговля внутренняя и внѣшняя.—Монета.—Русская церковь и остатки язычества.—Духовные писатели. — Книжное просвѣщеніе.—Заточникъ.—Лѣтописи.—Поэзія.

Что такое была Русь въ эпоху предъ-Татарскую?

Собраніе земель, болѣе или менѣе обособленныхъ, имѣвшихъ во главѣ разныя вѣтви одного княжаго рода, которыя успѣли пріобрѣсти значеніе мѣстныхъ династій, за исключеніемъ Великаго Новгорода и стольнаго Кіева. Сіи послѣдніе получали князей изъ той или другой вѣтви, смотря по обстоятельствамъ, слѣдовательно оставались, такъ сказать, въ общемъ владѣніи потомковъ Владиміра Великаго. Кіевъ сохранялъ еще значеніе средоточія въ церковномъ и вообще гражданственномъ отношеніи. Самъ Владиміръ Залѣсскій подчинялся его главенству въ этомъ отношеніи. Хотя Суздальская Русь и преобладала надъ остальными землями своимъ могуществомъ; но ея политическое верховенство не было общепризнаннымъ. Она выступила съ своими притязаніями только при двухъ князьяхъ (Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III), умѣвшихъ держать въ единеніи самоё Суздальскую землю; а потомъ, при ихъ преемникахъ, на время утратила свое преобладаніе, по

причинѣ собственнаго раздробленія. Слѣдовательно въ данную эпоху Русь почти не имѣла политическаго средоточія. Историкъ можетъ наблюдать въ ней тоже самое явленіе, какое видимъ и въ другихъ странахъ, когда онѣ предоставлены самимъ себѣ, т. е. когда надъ ними не тяготѣетъ сильное внѣшнее давленіе: естественнымъ путемъ, чувствомъ самосохраненія начинаетъ вырабатываться нѣкоторая система политическаго равновѣсія. Если какое либо княженіе слишкомъ усиливалось и начинало тѣснить сосѣдей, то вызывало противъ себя союзы другихъ князей. Союзы эти часто видоизмѣняются и усложняются; но въ концѣ концовъ обыкновенно успѣваютъ отстоять политическое существованіе отдѣльныхъ земель и препятствуютъ упроченію какого либо могущества, опаснаго для ихъ самостоятельности.

Хотя Русь была окружена болѣе или менѣе непріязненными ей народами; но никто изъ этихъ сосѣдей не былъ на столько силенъ, чтобы угрожать ея независимости. Поляки въ то время сами раздробленные на удѣлы, Угры, Литва, Нѣмцы, Шведы, Камскіе Болгаре и Половцы могли угрожать только пограничнымъ владѣніямъ. Они иногда временно господствовали въ какой либо области, какъ Угры въ Галичѣ, или захватывали земли населенныя инородцами и мало цѣнимыя Русью, какъ Нѣмцы и Шведы на Балтійскихъ прибрежьяхъ, или разоряли своими набѣгами русскія украйны, какъ Половцы; но болѣе ничего немогли сдѣлать. Нестѣсняемый извнѣ, Русскій народъ имѣлъ возможность безпрепятственно развивать свой удѣльно-вѣчевой порядокъ и свою самобытную гражданственность.

При всемъ дробленіи на отдѣльныя самостоятельныя земли и недостаткѣ политическаго средоточія, Русь того времени все таки представляетъ важныя и разнообразныя условія, которыя связывали ея части въ одно цѣлое, и до нѣкоторой степени налагали на нихъ печать національнаго единства:

1. Уже самый характеръ природы препятствовалъ полному обособленію отдѣльныхъ земель—характеръ равнины, нераздѣленной никакими естественными преградами и покрытой огромной сѣтью внутреннихъ водъ. Три главные ея бассейна, Волжскій, Днѣпровскій и Двинскій, сближаясь своими верши-

нами и переплетаясь безчисленными притоками, связывали части этой равнины естественными и по тому времени наиболѣе удобными путями сообщенія; слѣдовательно поддерживали живое единеніе промышленное и торговое, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліяли на единеніе политическое.

2. Одинъ и тотъ же богатый Русскій языкъ царилъ на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ. Два его главныя нарѣчія, сѣверное и южное (впослѣдствіи Великорусское и Малорусское), хотя уже существовали въ тѣ времена, но были еще такъ близки, что стояли скорѣе на степени говоровъ, легко понятныхъ другъ другу. Областныя отличія уже тогда были многочисленны, вырабатываясь подъ вліяніемъ географическаго разнообразія и мѣстныхъ инородческихъ примѣсей; но онѣ не нарушали единства языка. Сильнымъ связующимъ началомъ для всѣхъ областей служила и книжная словесность, въ основу которой легъ Церковнославянскій языкъ съ своими переводами богослужебныхъ и священныхъ книгъ. Письменная рѣчь также разнообразилась по областямъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ говоровъ; но и это вліяніе, пока еще слабое, не нарушало единства книжнаго языка.

3. Православная церковь служила могущественною связью, распространяя единеніе религіозныхъ догматовъ и обрядовъ, налагая на всѣ русскія области единство своей іерархіи. Старыя языческія преданія конечно продолжали жить въ народѣ: онѣ разнообразились по различнымъ мѣстнымъ условіямъ и инородческимъ примѣсямъ, и вторгались въ религіозную жизнь народа въ видѣ многочисленныхъ суевѣрій. Но христіанская церковь вездѣ противупоставляла имъ свою непреложную систему вѣроисповѣданія, строго выработанную и закрѣпленную вселенскими соборами. Греческое православіе распространяло во всѣхъ русскихъ областяхъ одни и тѣже виды храмоваго зодчества, иконописанія и другихъ художествъ, служившихъ для внѣшняго украшенія и благолѣпія церкви, и тѣмъ неотразимо вліяло на объединеніе какъ самыхъ пріемовъ въ образныхъ искусствахъ, такъ и вообще художественныхъ вкусовъ.

4. Хотя разнообразіе климата, почвы, естественныхъ произведеній, инородческихъ примѣсей и другихъ областныхъ условій способствовало развитію нѣкоторыхъ отличій въ бы-

тѣ и характерѣ населенія; но эти отличія не нарушали единства основныхъ чертъ и общаго склада русской жизни, какъ семейной, такъ и общественной. Во всѣхъ областяхъ Руси мы находимъ однѣ и тѣже семейныя отношенія, общественныя учрежденія, сословія, тотъ же характеръ княжеской власти, суда и управленія, тоже отношеніе между дружиною и земствомъ, тѣже вѣчевые обычаи—по крайней мѣрѣ въ общихъ, главныхъ чертахъ.

5. Наконецъ единеніе русскихъ земель поддерживалъ одинъ и тотъ же княжескій родъ—многовѣтвистое потомство Стараго Игоря, владѣвшее всѣми этими землями. Въ неразрывной связи съ его вѣтвями распространились повсюду и русскія дружины, которыхъ первоначальное ядро составила Среднеднѣпровская или Кіево-Черниговская Русь. Размѣстясь съ своими князьями въ разныхъ областяхъ Восточной Европы, эти дружины постепенно слились съ высшимъ слоемъ туземнаго населенія, какъ Славянскаго, такъ отчасти и инородческаго, и вездѣ послужили основою мѣстной аристократіи, военной и землевладѣльческой.

Понятіе о неразрывности русскихъ земель съ однимъ княжескимъ родомъ успѣло на столько вездѣ вкорениться, что въ самомъ Новгородѣ Великомъ, при всемъ его стремленіи къ самобытности и народоправленію, не возникала еще и самая мысль о возможности управляться безъ русскаго князя, происходившаго изъ того же племени Игоревичей. При постепенномъ упадкѣ великаго Кіевскаго княженія, объединившаго всѣ русскія земли, областныя вѣтви этого племени все еще не забывали о своемъ общемъ происхожденіи, о своемъ общемъ владѣніи Русскою землею, о необходимости дѣйствовать сообща въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Сознаніе этой кровной связи и этой общности яснѣе всего выразилось въ княжескихъ съѣздахъ, которые являются какъ бы верховнымъ судилищемъ для самихъ князей и верховнымъ совѣтомъ или *рядомъ* для важнѣйшихъ вопросовъ, каковы въ особенности раздѣлъ волостей между князьями и совокупныя предпріятія противъ внѣшнихъ враговъ. Въ теченіе почти двухъ столѣтій, отъ Ярослава до Монгольскаго ига, мы видимъ частые княжескіе съѣзды, какъ помѣстные, касавшіеся только извѣстной области, такъ и болѣе общіе, на которыхъ обсужда-

лись дѣла или цѣлой Руси, или значительной ея части. Однако такихъ почти всеобщихъ и знаменитыхъ съѣздовъ, какъ Любецкій и Витичевскій, мы уже почти не встрѣчаемъ во второй половинѣ XII и въ первой XIII вѣка. (Исключеніе составляетъ Кіевскій съѣздъ при первомъ появленіи Татаръ).

Та степень единенія, на которой въ это время находились русскія земли, была болѣе или менѣе дѣйствительна для охраненія Руси отъ сосѣднихъ народовъ. Но она оказалась далеко недостаточна, когда съ востока, изъ Азіи, надвинули новыя полчища варваровъ, направляемыя одною деспотичною волею, однимъ хищнымъ стремленіемъ.

Тщетно стали бы мы искать строго (юридически) опредѣленныхъ общественныхъ отношеній и учрежденій, т. е. стройнаго государственнаго порядка на Руси въ до-Монгольскую эпоху. Ея общественный строй носитъ на себѣ печать неопредѣленности и безформенности въ смыслѣ нашихъ настоящихъ понятій о государственномъ бытѣ. Общественные слои находятся еще въ періодѣ броженія и не застыли въ извѣстныхъ рамкахъ. Писанный законъ и юридическіе уставы едва только проникаютъ въ народную жизнь; обычаи и преданія, унаслѣдованные отъ предковъ, еще господствуютъ надъ всѣми ея сторонами; но въ тоже время постепенно уступаютъ вліянію греческой церкви и другихъ началъ, принесенныхъ извнѣ или вытекающихъ изъ столкновенія и перекрещеванія съ инородцами. И однако въ этой Руси, раздѣленной на нѣсколько земель и подраздѣленной на множество волостей, мы уже видимъ твердыя основы государственнаго быта и ясно обозначенныя ступени общественной лѣстницы.

Первою и самою прочною основою является родовая наслѣдственная княжеская власть, безъ которой почти всѣ Русскіе люди искони не могли себѣ и представить существованіе своей земли. Мы видимъ, что неумѣренное самовластіе или тираннія нѣкоторыхъ князей возбуждала неудовольствіе и даже месть со стороны дружинниковъ или народной толпы. Но при этомъ самое понятіе о княжеской власти, какъ необходимой общественной связи, не только не страдало, а иногда съ помощью церкви и книжниковъ, поднималось еще на болѣе ясную степень сознанія, въ особенности послѣ неурядицъ

безначалія. Любопытны, напримѣръ, разсужденія русскаго лѣтописца по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго и мятежа черни, которая избила его дѣтскихъ и мечниковъ, и разграбила ихъ дома, будучи озлоблена противъ нихъ за разные поборы и притѣсненія. «Они не вѣдали глаголемаго: гдѣ законъ, тамъ и обидъ много—замѣчаетъ лѣтописецъ.—Пишетъ апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана вышьши, яко Богъ. Рече великій Златоустецъ: яже кто противится власти, противится закону Божью, князь бо не туне носитъ мечъ, Божій бо слуга есть». Вотъ уже когда наши церковные книжники стали переносить на русскую почву и примѣнять къ своимъ князьямъ византійскую теорію царской власти.

Князь и его дружина—эти двѣ неразрывныя основы государственнаго быта—продолжаютъ служить его представителями и охранителями въ данную эпоху. Князь неразлученъ съ своей дружиной; съ нею онъ «думаетъ» или совѣщается о всѣхъ дѣлахъ, ходитъ на войну, на охоту, въ объѣздъ или полюдье; съ нею же пируетъ и бражничаетъ. Дружины нашихъ древнихъ князей вышли изъ того энергичнаго славянскаго племени, которое обитало на среднемъ Днѣпрѣ, въ Кіево-Черниговской области, и называло себя Русью. Вмѣстѣ съ потомствомъ Стараго Игоря дружины эти распространились по другимъ областямъ Восточной Европы, объединили ихъ и постепенно сообщили имъ свое имя Руси (которое и получило обширный смыслъ). Мало по малу онѣ складывались въ особое военнослужащее сословіе, которое однако еще долго не имѣло замкнутаго характера; по мѣрѣ новыхъ завоеваній, оно принимало въ себя какъ мѣстныя славянскія дружины, такъ и военныхъ людей изъ инородцевъ. Кромѣ того, князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ выходцевъ, каковы были Варяги, Нѣмцы, Поляки, Угры, Половцы, Хазары или Черкесы, Ясы или Алане и пр. Но эти иноземцы, вступая въ среду дружины, нисколько не нарушали ея чисто русскаго характера и нерѣдко становились родоначальниками знатныхъ русскихъ фамилій. Дружина получала отъ князя содержаніе и жалованье деньгами, съѣстными припасами и другими естественными произведеніями, которыя она собирала

для него въ видѣ даней. Кромѣ того уже въ раннія времена дружинники получаютъ земельные участки и угодья, и владѣютъ селами. Семьи старшихъ дружинниковъ или бояръ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ значительную поземельную собственность, и иногда въ разныхъ областяхъ Руси, естественно полагаютъ основаніе высшаго сословія на Руси или родовой землевладѣльческой аристократіи.

Съ раздѣленіемъ Игорева потомства на отдѣльныя вѣтви, имѣвшія характеръ мѣстныхъ династій, дружинники также пріобрѣтали все большую и большую осѣдлость въ качествѣ военнаго, правительственнаго и владѣльческаго класса. Соперничество удѣльныхъ князей и желаніе имѣть около себя возможно болѣе сильную и преданную дружину конечно возвысили значеніе и права дружинниковъ. Они считали себя людьми вольными, людьми, которые служатъ кому хотятъ; не понравится у одного князя, они переходятъ къ другому. Не должно думать однако, чтобы такіе переходы въ дѣйствительности случались часто. Напротивъ вѣрность дружины своему князю по понятіямъ народнымъ составляла одно изъ первыхъ ея качествъ. Переходъ былъ затрудненъ и тѣмъ, что онъ сопровождался лишеніемъ или отчужденіемъ пожалованнаго княземъ недвижимаго имущества. Сыновья дружинниковъ обыкновенно становились такими же вѣрными слугами князя или его преемника, какъ ихъ отцы. Древнерусская дружина была выдѣлившееся изъ народа военное сословіе, а не отрядъ какихъ нибудь наемниковъ въ родѣ Варяговъ, Нѣмцевъ, Половцевъ и пр. На это указываетъ отчасти, ходившая на Руси въ XI и XII вѣкѣ, любимая княжеская поговорка, приписанная Владиміру Великому: «была бы дружина, съ нею я добуду серебро и золото». Въ противномъ случаѣ князь говорилъ бы на оборотъ: «было бы серебро и золото; а съ нею я добуду себѣ дружину». Съ деньгами дѣйствительно можно было добыть себѣ дружину, но уже наемную, и преимущественно иноплеменную.

О размѣрѣ денежнаго жалованья въ тѣ времена можно судить по слѣдующему указанію лѣтописи, относящемуся къ первому періоду Татарскаго ига. Сѣтуя на усилившуюся роскошь князей и дружинниковъ и на ихъ несправедливые поборы, лѣтопись вспоминаетъ древнихъ князей съ ихъ му-

жами, которые умѣли оборонять Русскую землю и покорять другія страны. «Тѣ князья—говоритъ она—не собирали многое имѣніе, не выдумывали новыхъ виръ и продажъ съ народа; а если были справедливыя виры, то брали ихъ и давали дружинѣ на оружіе. А дружина добывала себѣ кормъ, воюя иныя земли, и билась, говоря: «братья, потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ». Не говорили тогда: «князь, мнѣ мало двѣсти гривенъ»; не возлагали на своихъ женъ золотыхъ обручей; но жены ихъ ходили въ серебрѣ. Тѣ князья и дружина расплодили землю Русскую». Слѣдовательно въ эпоху Предтатарскую двѣсти гривенъ серебра было приблизительно обычнымъ жалованьемъ, которое получали старшіе дружинники; а младшіе конечно получали менѣе.

Въ XII вѣкѣ часть младшей дружины, отроковъ или дѣтскихъ, жившая при князѣ, на его дворѣ, въ качествѣ его тѣлохранителей и слугъ, судя по прямымъ указаніямъ лѣтописи, стала называться *дворянами*; этому названію впослѣдствіи суждено было получить обширное значеніе. При размноженіи Игорева потомства и дробленіи земель на удѣлы, численность отдѣльныхъ дружинъ, постоянно находившихся при князѣ, не могла быть велика; въ данную эпоху она обыкновенно состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Число это было достаточно для охраненія внутренняго порядка и для мелкихъ междоусобныхъ войнъ. Но въ случаѣ большихъ предпріятій и въ войнахъ съ сосѣдями князья созывали свою дружину, разсѣянную по городамъ и волостямъ, и кромѣ того набирали рать изъ городскаго и сельскаго населенія; при чемъ помогали ея вооруженію изъ собственныхъ запасовъ. Дружинники составляли ядро этой временной рати, большею частію пѣшей; тогда какъ княжая дружина была обыкновенно конная. При воинственномъ духѣ Русскаго народа, при его наклонности къ удальству и при отсутствіи сословной замкнутости того времени, нерѣдко простолюдины, особенно побывавшіе на войнѣ, уже не разставались съ оружіемъ и поступали въ разрядъ дружинниковъ. Князья охотно брали въ свою службу всякихъ удалыхъ людей; такимъ образомъ дружина ихъ всегда могла подкрѣпляться приливомъ свѣжихъ энергичныхъ силъ изъ народа. Простолюдинъ, отличившійся ратными подвигами, могъ возвыситься даже до боярскаго сана; но подобные случаи бы-

ли, кажется, рѣдки; по крайней мѣрѣ мы можемъ указать только на одно лѣтописное преданіе о Янѣ Усмовичѣ, который побѣдилъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря при Владимірѣ Великомъ.

Дружина, служившая вооруженною охраною княжеской власти, естественно сдѣлалась главнымъ органомъ управленія и суда. Изъ среды своихъ бояръ и отроковъ князья назначали посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ, биричей и т. п. Въ тѣ времена еще не было распредѣленія власти по различнымъ отраслямъ, и княжіе чиновники часто соединяли въ одномъ лицѣ завѣдываніе какъ военными и гражданскими дѣлами, такъ судебными и хозяйственными. Кромѣ жалованья отъ князя, въ ихъ пользу шла нѣкоторая часть виръ и продажъ, т. е. судебныхъ пеней и пошлинъ. По Русской Правдѣ при посѣщеніи волостей жители верви или общины обязаны были доставлять судьямъ, ихъ помощникамъ и служителямъ потребное количество съѣстныхъ припасовъ и кормъ для ихъ коней на все время судебнаго разбирательства. Мало по малу вошло въ обычай, чтобы чиновники и судьи вообще получали отъ жителей подарки и приношенія какъ деньгами, такъ и естественными произведеніями. Отсюда развилась впослѣдствіи цѣлая система такъ называемаго *кормленія*. Лѣтописи и другіе источники сообщаютъ намъ иногда о народномъ неудовольствіи на княжихъ посадниковъ и тіуновъ, которые угнетали населеніе произвольными поборами, продажами (судебными пенями) и разными вымогательствами; что особенно случалось при князьяхъ безпечныхъ и слабыхъ характеромъ, или при такихъ, которые слишкомъ потворствовали своимъ дружинникамъ. Преимущественно страдало отъ нихъ населеніе въ томъ случаѣ, если князь приходилъ на столъ изъ другой области и приводилъ съ собою иногородную дружину, которой раздавалъ мѣста правителей и судей. Примѣры тому мы видимъ, во первыхъ, въ Кіевѣ, когда великимъ столомъ завладѣли Всеволодъ Ольговичъ, пришедшій съ Черниговцами, а потомъ Юрій Долгорукій, окруженный своими Суздальцами; во вторыхъ въ Суздальской землѣ, когда внуки Долгорукаго, два Ростиславича, пришли изъ Чернигова въ Ростовъ и Суздаль съ южнорусскими дружинниками, и позволяли имъ обижать жителей своимъ лихоимствомъ. И наоборотъ князья дѣятель-

ные, справедливые и твердые характеромъ старались не давать въ обиду земство своимъ боярамъ и слугамъ; сами надзирали за всѣмъ управленіемъ; не лѣнились часто отправляться въ полюдье, т. е. совершать объѣзды по городамъ и волостямъ, при чемъ сами разбирали тяжбы и наблюдали за сборомъ даней. Примѣры такихъ князей представляютъ въ особенности Владиміръ Мономахъ и его внукъ Всеволодъ Большое Гнѣздо.

Содержаніе своей семьи и дружины или своего двора требовало отъ князей большихъ расходовъ, и конечно заставляло ихъ постепенно изыскивать новые источники, такъ что къ концу даннаго періода послѣдніе успѣли развиться въ довольно сложную и разнообразную систему. Въ первоначальную эпоху главными источниками служили военная добыча и дань съ покоренныхъ народовъ — доходы, подверженные многимъ случайностямъ. Съ развитіемъ большей осѣдлости и мирныхъ отношеній къ сосѣдямъ, съ утвержденіемъ болѣе государственныхъ порядковъ въ собственной странѣ, доходы получили болѣе опредѣленные и постоянные виды съ различными ихъ подраздѣленіями. На первомъ мѣстѣ остались дани, которыми облагались волости по количеству своего населенія и по богатству естественныхъ произведеній. Затѣмъ идутъ виры и продажи, далѣе разнообразныя торговыя пошлины, въ особенности мытъ, взимавшійся съ привозимыхъ товаровъ. Кромѣ большаго количества съѣстныхъ припасовъ, мѣховъ и другихъ естественныхъ произведеній, которые въ видѣ даней и оброковъ населеніе доставляло въ княжую казну, Русскіе князья имѣли и свое собственное хозяйство, болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ — хозяйство, которое они вели собственною челядью или рабами. У нихъ были свои особыя села; а при нѣкоторыхъ селахъ находились княжіе дворы съ кладовыми и погребами, въ которыхъ накоплялись бо̀льшіе запасы желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, меду и всякаго товару; на гумнахъ стояли сотни стоговъ разнаго хлѣба; на лугахъ паслось по нѣскольку тысячъ коней и пр. Князья имѣли также по волостямъ своихъ рыболововъ, бобровниковъ, бортниковъ и другихъ промышленниковъ. А княжая охота, достигавшая иногда весьма значительныхъ размѣровъ, хотя служила для князей предметомъ забавы и тѣлесныхъ упраж-

ненiй, въ то же время доставляла имъ большое количество всякаго звѣря и дичи, слѣдовательно и мясо для потребленія, а также мѣха и кожи. При совокупности всѣхъ этихъ источниковъ, весьма естественно, что тѣ князья, которые отличались хозяйственнымъ характеромъ, домовитостію и бережливостію, накопляли иногда у себя большія богатства, состоявшія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, одежды, оружія, утвари и всякихъ товаровъ.

Уже въ ту эпоху мы находимъ вокругъ князя выдѣлявшіеся изъ дружины придворные чины для разнаго рода службы (большая часть ихъ впослѣдствіи получила характеръ почетныхъ титуловъ). Таковы: *дворскій*, *стольникъ*, *меченоша*, *печатникъ*, *ключникъ*, *конюшій*, *ловчій*, *сѣдельничій;* кромѣ того *писецъ* или *дьякъ*. Были еще выбиравшіеся изъ бояръ *кормильцы* или *дядьки*, которымъ отдавались подъ присмотръ юные княжичи. Домашнимъ и сельскимъ хозяйствомъ князя, кромѣ ключниковъ, завѣдывали старосты, тіуны конюшіе и т. п., которые назначались какъ изъ дружинниковъ, то-есть людей вольныхъ, такъ и изъ челядинцевъ или рабовъ.

Вообще дружинно-княжескій бытъ древней Руси представлялъ многія черты еще языческой эпохи, слегка измѣнившіяся подъ вліяніемъ времени, особенно подъ вліяніемъ Греческой церкви и живыхъ связей съ Византіей. Напримѣръ, однимъ изъ важныхъ обрядовъ въ княжескомъ быту представляются «постриги». Очевидно, этотъ обрядъ идетъ изъ глубокой древности и находится въ связи съ обычаемъ знатныхъ людей у Русскихъ и Болгаръ брить бороду и выстригать волосы на головѣ, за исключеніемъ чуба, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Святослава Игоревича и древнихъ Болгарскихъ князей. Когда мальчикъ достигалъ приблизительно трехлѣтняго или четырехлѣтняго возраста, ему впервые остригали волосы и торжественно сажали на коня, который вообще служилъ неразлучнымъ спутникомъ воинственныхъ Русскихъ князей и дружинниковъ. Родители ребенка сопровождали это торжество пиромъ и попойкой, смотря по степени своего богатства и своей знатности. Въ христіанскія времена обычай древнихъ Руссовъ плотно выстригать голову и брить бороду постепенно смягчался подъ вліяніемъ Византіи. Князья и бояре начали отпускать бороды, сначала небольшія, а так-

же носить короткіе волосы на головѣ. Но обычай совершать торжественно постриги надъ ребенкомъ и сажать его на коня долго еще оставался и сопровождался пиромъ. Только этотъ обрядъ былъ уже освященъ благословеніемъ церкви; остриженіе волосъ, вѣроятно, производило духовное лицо, а у князей можетъ быть самъ епископъ. Точно также участіе церкви освятило и важный обрядъ вокняженія или «посаженія на столъ», конечно существовавшій уже въ языческія времена. Теперь онъ совершался въ соборномъ храмѣ; а затѣмъ, конечно, слѣдовали пиры и угощенія. Особенно щедрымъ угощеніемъ и обильными попойками сопровождались браки Русскихъ князей, которые заключались весьма рано, обыкновенно еще въ отроческомъ возрастѣ. Вообще Русскіе князья и дружинники, какъ истые Славяне, любили весело жить. Когда князья не были заняты войной или охотой, то свой день съ ранняго утра посвящали правительственнымъ и судебнымъ занятіямъ вмѣстѣ съ княжею думою, состоявшею изъ бояръ; а послѣ обѣда проводили время съ дружиною за стопами крѣпкаго меду или заморскаго вина; при чемъ нерѣдко ихъ забавляли разскащики, пѣсенники, гусляры и разнаго рода «игрецы» (плясуны, скоморохи и акробаты). Надобно полагать, что наиболѣе богатые дворы княжескіе изобиловали людьми, искусными въ такого рода увеселеніяхъ. Нѣкоторыя музыкальныя и акробатическія забавы по всей вѣроятности распространились на Руси особенно изъ Византіи. (Фрески на лѣстницахъ Кіево-Софійскаго собора даютъ наглядное представленіе объ этихъ разнообразныхъ забавахъ).

Бояре очень естественно старались подражать князьямъ въ своемъ быту. Они тоже имѣли на своемъ дворѣ многочисленную челядь или рабовъ, которыми также вели большое хозяйство и на своихъ земляхъ. На войну или на охоту они выступали въ сопровожденіи собственныхъ вооруженныхъ слугъ или отроковъ; такъ что имѣли какъ бы собственную дружину. Особенною пышностію и многолюдствомъ окружали себя тѣ бояре, которые занимали должности воеводъ, посадниковъ и тысяцкихъ. За исключеніемъ отправлявшихъ службу по городамъ и волостямъ, бояре обязаны были ежедневно рано по утру являться въ теремъ къ своему князю, чтобы составлять его совѣтъ или *думу* и вообще помогать ему въ дѣ-

лахъ. Между боярами и дружинниками упоминаются иногда любимцы или «милостники», которые пользовались особымъ довѣріемъ князя, что, конечно, возбуждало зависть и неудовольствіе въ другихъ думцахъ. Любопытно еще обстоятельство, что молодые сыновья бояръ, повидимому, жили при самомъ князѣ и входили въ составъ его отроковъ или младшей дружины. Отъ нихъ-то, вѣроятно, впослѣдствіи и распространилось на всю эту младшую дружину названіе «дѣти боярскіе».

Живя по-дружески, по-братски съ дружиною, совѣтуясь съ нею о всѣхъ дѣлахъ, творя съ ея помощью судъ и расправу, князь въ важныхъ случаяхъ призывалъ на совѣтъ городскихъ мужей или старцевъ, то-есть собиралъ *вѣче*. Русское вѣче или обычай сходки, совѣщанія объ общемъ дѣлѣ есть такое же древнее учрежденіе какъ и княжеская власть. Въ эпоху историческую видимъ совмѣстное ихъ существованіе на Руси, но при явномъ подчиненіи вѣча князю. Междоусобная борьба князей за волости и частая нужда искать поддержки у мѣстнаго населенія способствовали развитію и укрѣпленію вѣчевыхъ обычаевъ. Вѣче старшихъ или стольныхъ городовъ пріобрѣло такую силу, что нерѣдко рѣшало и самый споръ князей о томъ, кому сѣсть на столѣ. Рѣшенію его обыкновенно подчинялись и пригороды, то-есть города областные, младшіе. Припомнимъ слова лѣтописи, сказанныя по поводу соперничества Владиміра Залѣсскаго съ Ростовымъ и Суздалемъ, которые считали его своимъ пригородомъ: «Новогородцы бо изначала и Смольняне, Кіяне и Полочане и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся; на чемъ же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Наибольшаго развитія своего народное вѣче достигло въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ оно пріобрѣло значеніе верховной власти и стало выше власти княжеской. Оно присвоило себѣ право выбирать и низлагать князей, епископовъ, посадниковъ и другія правительственныя лица, а также, въ случаѣ народнаго неудовольствія, карать самыхъ знатнѣйшихъ своихъ гражданъ смертію, изгнаніемъ и разграбленіемъ имущества. Своимъ вѣчевымъ народоправленіемъ Новгородъ все болѣе и болѣе выдѣлялся изъ ряда Русскихъ земель. Мы видѣли

однако, что и въ Суздальской землѣ выступаетъ на передній планъ вѣча Ростовское и Владимірское въ тревожную пору, наставшую за смертію Андрея Боголюбскаго. Вообще народный совѣтъ усиливается во времена смутныя, безпокойныя, въ особенности междукняжескія. Вѣче стольныхъ городовъ не только поддерживаетъ или призываетъ на свой столъ кого-либо изъ спорящихъ князей, но и заключаетъ съ нимъ рядъ; слѣдовательно принимаетъ его на извѣстныхъ условіяхъ, на договорѣ, и, сажая его на свой столъ, заставляетъ цѣловать крестъ, то-есть присягать на этомъ договорѣ (что въ Новгородѣ вошло въ постоянный обычай). Но въ спокойное время, особенно въ тѣхъ земляхъ, гдѣ какая-либо вѣтвь получила осѣдлость и значеніе мѣстной династіи, встрѣчаемъ рѣдкое упоминаніе о вѣчахъ.

За исключеніемъ Великаго Новгорода, народное вѣче нигдѣ не представляетъ намъ твердыхъ опредѣленныхъ формъ, и мы тщетно пытались бы разъяснить вѣчевые обряды, способъ собиранія голосовъ, предѣлы вѣчевой власти и т. д. Можемъ указать только нѣкоторыя общія черты. Обыкновенно вѣче собиралъ самъ князь или его посадникъ, тысяцкій или другой какой либо сановникъ. Созывали его биричи и подвойскіе (иногда съ помощью набатнаго колокола). Мѣстомъ собранія служили или княжій дворъ, или площадь подлѣ соборнаго храма. Сановникъ съ какого либо возвышенія, напримѣръ съ церковной паперти (если не было особоустроеннаго помоста какъ въ Новгородѣ), обращался съ рѣчью къ народу и объявлялъ, зачѣмъ онъ созванъ. Граждане послѣ безпорядочнаго совѣщанія другъ съ другомъ болѣе или менѣе шумными кликами выражали свое мнѣніе; а вопросъ о большинствѣ просто рѣшался на глазомѣръ, безъ точнаго счета голосовъ. Такъ называемаго ценза не существовало, и въ вѣчевыхъ собраніяхъ участвовали всѣ свободные граждане, но не молодежъ. При сильномъ развитіи семейной или отцовской власти въ древней Руси, младшіе братья, сыновья и племянники не имѣли особаго голоса въ присутствіи главы семейства; а потому, если и приходили на вѣче, то для того только, чтобы слушать молча совѣщанія старшихъ людей или поддержать своихъ въ случаѣ какого насилія. Пригорожане могли иногда

участвовать въ вѣчѣ своего главнаго города, и наоборотъ жители послѣдняго участвовали въ вѣчѣ пригорода.

Большое народное вѣче, какъ мы сказали, собиралось не часто, а только въ важныхъ случаяхъ, преимущественно во времена смутъ и безначалія. Болѣе постояннымъ учрежденіемъ является повидимому малое вѣче, когда лучшіе люди, т. е. городскіе старцы или домовладыки, наиболѣе зажиточные и семейные, созывались на княжій дворъ для совѣщанія вмѣстѣ съ его боярами и дружиною подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого князя. Иногда приглашалось къ князю на вѣчевое совѣщаніе духовенство; а въ особенно важныхъ случаяхъ призывались дружинники и земскіе лучшіе люди изъ пригородовъ и волостей; примѣръ чему мы видѣли въ исторіи Ярослава Осмомысла и Всеволода Большое Гнѣздо, вздумавшихъ измѣнить обычный порядокъ при наслѣдованіи главнаго стола. (Изъ этихъ именно собраній впослѣдствіи развилось то, что извѣстно подъ именемъ земскаго собора или «великой земской думы»). Обычай собираться на сходку для совѣщаній былъ очевидно распространенъ издревле въ земскомъ населеніи Руси, и производился не только въ городахъ, но и въ волостяхъ, т. е. между сельскими жителями, особенно по вопросамъ хозяйственнымъ, напримѣръ: по раздѣлу или передѣлу полей, по раскладкѣ или разверсткѣ княжихъ даней и разныхъ повинностей, по снаряженію людей на войну и т. п. Вѣчевые обычаи не оставляли земскихъ людей даже и въ военныхъ походахъ.

Городское населеніе въ древней Россіи составляло главную основу государственнаго быта и рѣшительно преобладало надъ сельскимъ населеніемъ. Лѣтописи упоминаютъ въ до-Татарскую эпоху до трехсотъ городовъ. Но безъ сомнѣнія это число далеко не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному количеству, если подъ городомъ разумѣть то, что и разумѣлось въ древности, то есть всякое укрѣпленное или *огороженное* поселеніе.

До объединенія Руси подъ однимъ княжескимъ родомъ и вообще въ языческую эпоху, когда каждое племя жило особо и дробилось на многія общины и княженія, не только внѣшніе враги, но и частыя взаимныя ссоры заставляли населеніе огораживаться отъ непріятельскаго нападенія. Города не-

избѣжно и постепенно умножались вмѣстѣ съ переходомъ славянорусскихъ племенъ отъ кочеваго и бродячаго быта къ осѣдлому. Еще въ VI вѣкѣ, по извѣстію Iорнанда, лѣса и болота замѣняли Славянамъ города, т. е. служили имъ вмѣсто укрѣпленій противъ непріятелей. Но и это извѣстіе нельзя принимать буквально. Уже и въ тѣ времена, по всей вѣроятности, были укрѣпленныя поселенія и даже существовали значительные торговые города. Съ бóльшимъ развитіемъ осѣдлости и земледѣлія число ихъ сильно возрасло въ послѣдующіе вѣка. Около трехъ столѣтій спустя послѣ Iорнанда, другой латинскій писатель (неизвѣстный по имени географъ Баварскій) перечисляетъ славянскія и неславянскія племена, населявшія Восточную Европу, и считаетъ у нихъ города десятками и сотнями; такъ что въ сложности получается нѣсколько тысячъ городовъ. Если бы его извѣстіе и было преувеличено, все таки оно указываетъ на огромное количество городовъ въ древней Россіи. Но изъ такого количества еще нельзя заключать о густотѣ и многочисленности самаго населенія страны. Города эти были собственно городки или небольшія селитьбы, окопанныя валомъ и рвомъ съ прибавленіемъ тына или частокола, и только частію имѣли стѣны изъ плетней или бревенчатыхъ срубовъ, наполненныхъ землею и камнями, съ башнями и воротами. Въ мирное время населеніе ихъ занималось земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ въ окрестныхъ поляхъ, лѣсахъ и водахъ. На эти сельскія занятія горожанъ прямо указываетъ лѣтопись, влагая въ уста Ольги слѣдующія слова, обращенныя къ осажденнымъ жителямъ Коростена: «Чего хотите досидѣться; всѣ ваши города уже передались мнѣ и обязались платить дань и воздѣлываютъ свои нивы и свою землю; а вы хотите лучше голодомъ поморить себя, чѣмъ заплатить дань». Но при первой военной тревогѣ населеніе укрывалось въ свои городки, готовое выдержать осаду и дать отпоръ непріятелю. Сообразно съ потребностями защиты и самое мѣсто для городка обыкновенно выбирали гдѣ нибудь на береговомъ возвышеніи рѣки или озера; по крайней мѣрѣ съ одной стороны, онъ примыкалъ къ дебрямъ и болотамъ, которыя не только препятствовали непріятельскому нападенію съ этой стороны, но и служили укрытіемъ на случай взятія

городка. Разумѣется, чѣмъ открытѣе была страна, чѣмъ болѣе подвергалась непріятельскимъ нападеніямъ, тѣмъ большая потребность существовала въ поселеніяхъ, окопанныхъ валами; какъ это и было въ южной полосѣ древней Руси. Въ мѣстахъ же лѣсистыхъ, болотистыхъ и вообще защищенныхъ самою природою, укрѣпленныхъ такимъ способомъ селеній встрѣчалось конечно меньше.

Когда Русское племя посредствомъ собственныхъ дружинъ распространило свое господство въ Восточной Европѣ и когда эти дружины объединили восточныхъ Славянъ подъ властію одного княжескаго рода, естественно должны были уменьшиться и опасность отъ сосѣдей, и взаимныя драки между Славянскими племенами. Русь съ одной стороны обуздывала внѣшнихъ враговъ, которыхъ нерѣдко громила въ ихъ собственной землѣ; а съ другой стороны княжеская власть запрещала въ своихъ владѣніяхъ драки, возникавшія изъ-за обладанія полемъ, лѣсомъ, пастбищемъ, рыбною ловлею или изъ-за похищенныхъ женщинъ, а также нападенія съ цѣлію грабежа, добычи рабовъ и т. п. Налагая дани на туземное населеніе, князья взамѣнъ, кромѣ внѣшней защиты, давали имъ судъ и расправу, т. е. обязывались болѣе или менѣе защищать слабыхъ отъ обидъ сильнѣйшаго; другими словами полагали начало государственному строю. Поэтому жители множества городковъ, вслѣдствіе большей чѣмъ прежде безопасности, могли постепенно разселяться по окрестнымъ мѣстамъ въ неукрѣпленныхъ хуторахъ и поселкахъ, чтобы удобнѣе заниматься сельскимъ хозяйствомъ; самые городки нерѣко получали болѣе мирный характеръ, постепенно превращаясь въ открытыя селенія. Отсюда все болѣе и болѣе размножалось сельское населеніе, преданное земледѣлію и другимъ хозяйственнымъ занятіямъ. Такъ было преимущественно во внутреннихъ областяхъ; но по окраинамъ и тамъ, гдѣ существовало болѣе опасности, а также въ земляхъ покоренныхъ инородцевъ князья уже сами заботились о поддержаніи и сооруженіи хорошо укрѣпленныхъ городовъ, въ которыхъ размѣщали своихъ дружинниковъ. Вообще въ эту русско-княжескую эпоху постепенно выработалось различіе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ.

Если число укрѣпленныхъ селитьбъ не было такъ много-

численно какъ прежде, за то самые города сдѣлались значительнѣе и стали вмѣщать въ себѣ населеніе болѣе разнообразное по своему дѣленію на классы и сословія. Они постепенно становятся средоточіемъ для окрестной области какъ въ военно-правительственномъ отношеніи, такъ и въ промышленно-торговомъ; по крайней мѣрѣ это должно сказать о городахъ наиболѣе значительныхъ. Такіе города обыкновенно состояли изъ двухъ главныхъ частей: «дѣтинца» и «острога». Дѣтинецъ, иначе кремль, считался внутреннею частію; хотя онъ рѣдко приходился внутри, а обыкновенно одною или двумя сторонами былъ расположенъ надъ самымъ береговымъ спускомъ. Въ немъ помѣщались соборный храмъ и дворъ князя или его посадника, а также дворы нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ. Здѣсь пребывала и часть младшей дружины или дѣтскіе, составлявшіе городскую оборону (отъ нихъ и названіе «дѣтинца»). Острогомъ назывался внѣшній или окольный городъ, примыкавшій къ дѣтинцу. Онъ также опоясывался валомъ, стѣнами и башнями, а съ наружной стороны еще рвомъ, наполненнымъ водою; такой крѣпостной ровъ обыкновенно назывался *греблею.* Стѣны и башни городскія въ древней Руси были деревянныя; только въ немногихъ городахъ встрѣчаемъ каменныя. Понятно, что при обиліи лѣсу и недостаткѣ горъ и камня укрѣпленія въ Восточной Европѣ носили иной характеръ чѣмъ въ Западной, гдѣ за̀мки и города укрѣплялись еще по образцу римскихъ колоній. Впослѣдствіи окольный городъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ «посада»; въ немъ преимущественно жило населеніе торговое и разнаго рода ремесленники. Необходимою принадлежностью его было «торговище» или «торжокъ», куда въ извѣстные дни съѣзжались люди изъ окрестныхъ деревень для обмѣна своихъ произведеній. Въ большихъ городахъ съ умноженіемъ населенія вокругъ острога заводились новыя селитьбы, носившія названія «предгородія», «застѣнья», а впослѣдствіи «слободъ», обитатели которыхъ занимались или земледѣліемъ или огородничествомъ, рыбною ловлею и другими промыслами. Эти предгородія въ свою очередь опоясывались валомъ. Кромѣ того около большихъ городовъ въ болѣе или менѣе значительномъ отъ нихъ разстояніи насыпались валы съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ

непріятельскаго нашествія окрестные сельскіе жители могли укрыться за ними не только съ своими семьями и съ хлѣбными запасами, но и съ своими стадами. Особенно въ южной Руси, гдѣ грозила постоянная опасность отъ кочевниковъ, и доселѣ можно видѣть остатки многочисленныхъ валовъ по сосѣдству съ важнѣйшими древними городами.

Въ тѣ времена, когда еще не было строгаго дѣленія по сословіямъ и занятіямъ, когда была такъ сильна потребность въ защитѣ себя, своей семьи, своего имущества и жилища, все свободное населеніе должно было имѣть привычку къ оружію, чтобы въ случаѣ нужды стать въ ряды войска. Горожане по преимуществу сохраняли свой воинственный характеръ; при оборонѣ городовъ, равно и въ большихъ походахъ, княжіе дружинники составляли только ядро военной силы; но конечно они были и лучше вооружены, и болѣе привычны къ воинскому дѣлу, болѣе искусны въ употребленіи оружія. Земская рать повидимому имѣла своихъ особыхъ начальниковъ въ лицѣ «тысяцкихъ» и «соцкихъ». Названія эти напоминаютъ тѣ времена, когда все свободное населеніе дѣлилось по тысячамъ и сотнямъ и съ такимъ дѣленіемъ выступало на войну. А потомъ соцкіе и десяцкіе обратились въ земскихъ чиновниковъ, заправлявшихъ нѣкоторыми текущими дѣлами, особенно раскладкою и сборомъ даней и повинностей ([39]).

Сельское населеніе древней Руси, какъ мы сказали, мало отличалось отъ городскаго. Въ мирное время оно занималось земледѣліемъ, звѣринымъ или рыбнымъ промысломъ, смотря по характеру природы, и жило въ тѣхъ хуторахъ и поселкахъ, которые были разсѣяны вблизи городовъ. Съ развитіемъ большей безопасности размножалось число хуторовъ и деревень, и даже самые городки превратились въ открытыя селенія. Тогда и названіе «смердъ», обозначавшее вообще простыхъ горожанъ и сельчанъ въ совокупности, постепенно усвоилось сельскому, земледѣльческому населенію по преимуществу. По мѣрѣ размноженія этого населенія, составлялись поземельныя общины, носившія разнообразныя названія «верви», «волости», «погоста» и пр. Главною связью между селеніями, входившими въ составъ такой общины, служили

общее пользованіе землей, а также совокупная уплата даней и оброковъ въ княжую казну. Общинное пользованіе землей существовало у Русскихъ Славянъ какъ у всѣхъ народовъ, у которыхъ земли было изобиліе, а обработка ея находилась еще на низкой ступени развитія. Кіево-русскіе князья, объединившіе этихъ Славянъ, конечно не создали поземельной сельской общины; они нашли ее уже въ обычаяхъ и нравахъ народныхъ, и пользовались ею для собиранія своихъ даней и оброковъ, а равно судебныхъ виръ. Понятно, что княжимъ волостелямъ и тіунамъ при этихъ сборахъ удобнѣе было имѣть дѣло съ общиною или вервію, нежели съ каждой отдѣльной семьей; а потому при князьяхъ Игорева дома славянская поземельная община получила поддержку и дальнѣйшее развитіе.

При неутвердившихся еще понятіяхъ о личной поземельной собственности, при подвижности сельскаго населенія, всегда готоваго въ случаѣ опасности или истощенія почвы оставить свои непрочныя жилища и перейти на другія болѣе удобныя земли, при большомъ запасѣ пространства, еще незаселеннаго и невоздѣланнаго, весьма естественно, что русскіе князья—завоеватели смотрѣли вообще на всю Русскую землю какъ на собственность своего рода и за пользованіе ею облагали населеніе разными повинностями, данями и оброками. Поэтому они жаловали своимъ дружинникамъ и духовенству не только земли еще пустыя, но и заселенныя. Въ послѣднемъ случаѣ князь передавалъ владѣльцу свое право собирать съ населенія тѣ дани и оброки, которые платились за пользованіе землею, и сверхъ того взимать нѣкоторыя судебныя пошлины; слѣдовательно передавалось также право суда и расправы, но обыкновенно за исключеніемъ татьбы и убійства, т. е. уголовныхъ преступленій, подлежавшихъ суду князя и его тіуновъ или суду, такъ сказать, государственному.

Не одно совокупное пользованіе землею заставляло сельское населеніе соединяться въ отдѣльныя общины и верви. Къ тому же влекла свободныхъ людей и самая потребность общежитія, столь развитая у Славянорусскаго племени, а также потребность взаимной поддержки и помощи какъ для охраненія своихъ земель и угодій отъ захвата сосѣдними жителями, такъ и при исполненіи большихъ работъ, напримѣръ, при по-

стройкѣ плотины, моста или гати, при расчисткѣ лѣсныхъ пространствъ подъ нивы и пажити. Послѣднее условіе въ особенности вліяло въ сѣверныхъ областяхъ, обильныхъ дремучими лѣсами и дебрями. Здѣсь на укрѣпленіе и развитіе общиннаго быта вліяло еще то обстоятельство, что славянское населеніе въ тѣхъ краяхъ было пришлымъ, и, чтобы удерживать свое господство надъ туземными народцами, оно должно было держаться болѣе въ совокупности.

Сельскія общины долгое время по своему быту не отличались отъ городскихъ, и сохраняли тѣже вѣчевые обычаи, собираясь на мірскія сходки для раскладки и разверстки повинностей, вообще для обсужденія своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Но члены этихъ общинъ не были закрѣплены за той землей, которою пользовались; нерѣдко отдѣльныя семьи и даже цѣлые поселки, недовольные налогами или скудною почвою, оставляли прежнюю осѣдлость и переселялись на новыя мѣста. Такая подвижность земледѣльческаго населенія конечно не мало препятствовала правильному развитію сельскаго хозяйства; но она же много способствовала русской колонизаціи, т. е. заселенію или обрусѣнію обширныхъ пространствъ восточной и особенно сѣверовосточной Европы.

Рядомъ съ свободной сельской общиной возникали еще деревни и поселки изъ людей несвободныхъ. Какъ сами князья, такъ и пожалованные землями дружинники нерѣдко поселяли на пустующихъ мѣстахъ своихъ челядинцевъ или холоповъ, и устраивали тамъ дворы съ разными хозяйственными заведеніями. Но въ эпоху до-Татарскую количество такого холопскаго населенія было еще незначительно въ сравненіи съ свободнымъ сельскимъ населеніемъ ([40]).

Уже въ ту эпоху преобладающею на Руси промышленностью является земледѣліе. Развитіе его конечно находилось въ тѣсной связи съ почвою и климатомъ. Между тѣмъ какъ въ черноземной полосѣ южнорусской оно приносило богатую жатву, хотя и страдало иногда отъ засухи, саранчи, землеройныхъ животныхъ, червей и т. п. враговъ; въ сѣверныхъ краяхъ, особенно въ Новогородской землѣ, земледѣліе развивалось съ великимъ трудомъ. Ранніе осенніе или поздніе весенніе морозы нерѣдко побивали хлѣбъ и производили голод-

ные годы, и только подвозы изъ другихъ русскихъ областей или изъ чужихъ странъ спасали населеніе отъ мора. Между тѣмъ какъ въ южной полосѣ обиліе свободныхъ тучныхъ полей, при относительной малочисленности населенія, давало возможность часто распахивать и засѣвать цѣлину или новину, т. е. дѣвственную почву, а потомъ въ случаѣ истощенія запускать ее на долгое число лѣтъ; въ сѣверной полосѣ земледѣлецъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ скудною почвою и непроходимыми лѣсами. Чтобы добыть кусокъ удобной земли, онъ расчищалъ участокъ лѣсу, вырубалъ и жегъ деревья; оставшаяся отъ нихъ зола служила удобреніемъ. Нѣсколько лѣтъ такой участокъ давалъ порядочный урожай; а когда почва истощалась, земледѣлецъ покидалъ ее и углублялся далѣе въ лѣсъ, расчищая новый участокъ подъ пашню. Такіе расчищаемые изъ подъ лѣсу участки назывались *притеребы*. Вслѣдствіе подобнаго передвижнаго земледѣлія и самое крестьянское населеніе усвоило себѣ подвижной характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наше крестьянство далеко во всѣ стороны распространяло славянорусскую колонизацію и своимъ потомъ или своею *страдою* (тяжелою работою) закрѣпляло новыя земли за Русскимъ племенемъ.

Разныя свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что обработка земли производилась тѣми же орудіями и способами, какіе сохранились на Руси до нашего времени. Весною сѣяли хлѣбъ яровой, а осенью озимой. На югѣ точно также болѣе пахали «плугомъ», а на сѣверѣ сохою или «раломъ»; запрягали въ нихъ коней, но по всей вѣроятности употребляли для плуга и воловъ; вспаханную ниву или «ролью» проходили бороной. Колосья снимали также «серпомъ» и «косою». Сжатый или скошенный хлѣбъ складывали въ копна, а потомъ свозили его въ гумна и клали тамъ въ «скирды» и «стога»; передъ молодьбою просушивали его въ «овинахъ», а молотили «цѣпами». Обмолоченное зерно или «жито» держали въ «клѣтяхъ», «сусѣкахъ» (закромахъ), но большею частію хоронили въ ямахъ. Мололи зерно въ муку преимущественно ручными жерновами; о мельницахъ упоминается еще рѣдко, и только о водяныхъ. Сѣно убирали также какъ теперь, т. е. косили траву на лугахъ (иначе «сѣножатяхъ» или «пожняхъ») и складывали въ стога. Главную статью хлѣбныхъ произведе-

ній и народной пищи уже тогда составляла рожь, какъ самое подходящее для русской почвы растеніе. На югѣ производилась и пшеница; кромѣ того упоминается просо, овесъ, ячмень, горохъ, полба, чечевица, конопля, ленъ и хмѣль; только гречи въ тѣ времена не встрѣчаемъ.

Что касается до разведенія овощей или огородничества, то и оно не было чуждо древней Россіи. Имѣемъ извѣстія объ огородахъ, разводимыхъ около городовъ и монастырей, особенно гдѣ нибудь на *болоньи*, т. е. въ низменномъ мѣстѣ подлѣ рѣки. Изъ огородныхъ растеній упоминаются рѣпа, капуста, макъ, тыква, бобы, чеснокъ и лукъ—все тѣже, которыя досел̂ѣ составляютъ обычную принадлежность русскаго хозяйства. Имѣемъ указаніе на существованіе также въ городахъ и монастыряхъ садовъ, заключавшихъ разныя плодовыя деревья, а главнымъ образомъ яблоки. Орѣхи, ягоды и грибы конечно и тогда служили на потребу русскаго человѣка. Для зажиточныхъ людей торговля доставляла дорогія иноземныя овощи и плоды, привозимые съ юга, изъ предѣловъ Византійской имперіи, особенно сухой виноградъ или изюмъ.

Ржаной хлѣбъ издревле пекли кислымъ. Во время неурожаевъ бѣдные люди подмѣшивали другія растенія, особенно лебеду. Были хлѣбы и пшеничные. Изъ пшена приготовляли кашу; а изъ овса дѣлали кисель, который ѣли иногда съ медвяной сытой. Умѣли дѣлать сладкіе пироги съ медомъ и молокомъ. Изъ конопляннаго и льнянаго сѣмени выбивали масло; изъ молока также били масло; умѣли дѣлать и сыръ. Мясная пища повидимому была весьма распространена въ древней Руси, благодаря между прочимъ обилію дичи и постояннымъ занятіямъ охотою. Предки наши не только ѣли тетеревей, рябчиковъ, журавлей, оленей, лосей, туровъ, вепрей, зайцевъ, и пр.; но не гнушались медвѣжатиной и бѣлками; противъ чего возставало духовенство, относя ихъ къ «сквернѣ», т. е. къ нечистымъ животнымъ. Духовенство возставало и противъ употребленія въ пищу животныхъ, хотя бы чистыхъ, но незарѣзанныхъ, а удавленныхъ, считая послѣднихъ «мертвечиною»; сюда относило оно тетеревей и другихъ птицъ, которыхъ ловили силками. Во время голода простолюдины конечно не обращали вниманія на подобныя

запрещенія, и ѣли не только липовую кору, но и псину, кошекъ, ужей и т. п., не говоря уже о кoнинѣ, которая въ языческія времена вообще употреблялась Русскими въ пищу. Главную же статью обычной мясной пищи доставляли конечно домашнія птицы и животныя: куры, утки, гуси, овцы, козы, свиньи и рогатый скотъ; послѣдній въ старину назывался «говядо». Строгое соблюденіе постовъ, которымъ отличалось русское православіе впослѣдствіи, въ первые три вѣка нашего христіанства еще только входило въ число благочестивыхъ обычаевъ, и, не смотря на усилія духовенства, многіе русскіе люди пока не отказывались отъ употребленія мяса въ постные дни.

Скотоводство было такое же распространенное на Руси занятіе какъ земледѣліе, но еще болѣе стародавнее. Разумѣется, оно не имѣло значительнаго развитія въ сѣверной лѣсной полосѣ, а процвѣтало болѣе въ южныхъ земляхъ, гдѣ было изобиліе пастбищъ и даже степныхъ пространствъ. Впрочемъ на сколько эти земли изобиловали рогатымъ скотомъ, мы не имѣемъ прямыхъ свѣденій. Встрѣчаемъ болѣе указаній на процвѣтаніе коневодства, но и то собственно княжескаго. О размѣрахъ сего послѣдняго можно судить по лѣтописному извѣстію о томъ, что у новгородъ-сѣверскихъ князей на одной только рѣчкѣ Рахнѣ паслось нѣсколько тысячъ кобылицъ (въ 1146 г.). Впрочемъ князья должны были прилагать особую заботу о конскихъ табунахъ уже потому, что они доставляли коней не только своей дружинѣ, но и частію земской рати, собиравшейся въ военное время. Кони знатныхъ людей обыкновенно отличались особымъ тавромъ или «пятномъ». Южная Русь пользовалась также сосѣдствомъ кочевыхъ народовъ, и пріобрѣтала отъ нихъ большое количество коней и воловъ путемъ торговли; а въ военное время стада и табуны степняковъ служили главною добычею русскихъ дружинъ; но и кочевники въ свою очередь при набѣгахъ угоняли русскій скотъ. Особенно славились иноходцы и скакуны угорскіе, которыхъ лѣтопись называетъ «фарями». Вообще «борзый» конь высоко цѣнился на Руси, и составлялъ утѣху русскаго молодца.

Наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ важное мѣсто

въ народномъ хозяйствѣ занимало рыболовство, при великомъ обиліи рыбныхъ озеръ и рѣкъ. Оно издревле производилось тѣми же снастями и орудіями, какъ въ наше время, т. е. неводомъ, бреднемъ, длинною сѣтью или мрежею и удочкой. Наиболѣе распространенный обычай рыбной ловли былъ посредствомъ *ѣза*, т. е. перегородки изъ кольевъ, набитыхъ поперекъ рѣки, съ отверстіемъ въ срединѣ, тоже огороженнымъ, куда заходитъ рыба. На ряду съ дружинами звѣриныхъ ловцовъ князья имѣли цѣлыя дружины ловцовъ рыбныхъ; отправляясь на промыселъ, они обыкновенно назывались «ватагами»; а начальникъ ихъ именовался «ватаманомъ». Между прочимъ Новогородцы предоставляли своимъ князьямъ право посылать рыболовныя ватаги на сѣверное Поморье, именно на Терскій берегъ; а сами посылали свои ватаги на другіе берега Поморья, гдѣ кромѣ рыбы ловили также моржей и тюленей. Въ мѣстахъ особенно рыболовныхъ издревле образовался цѣлый классъ людей, занимавшихся преимущественно этимъ промысломъ. Вслѣдствіе запрещенія мяса инокамъ, монастыри особенно дорожили рыбными угодьями; а потому князья и богатые люди старались надѣлять ихъ такими водами, гдѣ въ изобиліи водилась рыба. Иноки сами занимались ловлею или получали рыбный оброкъ съ жителей, сидѣвшихъ на монастырской землѣ. Наиболѣе цѣнной рыбой на Руси считался всегда осетръ. Нужда запасаться рыбою на зимнее время, особенно съ постепеннымъ водвореніемъ постовъ, научила приготовлять рыбу въ прокъ, т. е. вялить ее и солить. Русскіе уже тогда умѣли приготовлять икру.

Соль получалась на Руси изъ разныхъ мѣстъ. Во первыхъ, она добывалась въ Галицкой землѣ на сѣверо - восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ; особенно извѣстны соляныя ломки въ окрестностяхъ Удеча, Коломыи и Перемышля. Изъ Галича соляные караваны направлялись въ Кіевскую землю или сухопутьемъ черезъ Волынь, или въ ладьяхъ спускались Днѣстромъ въ Черное море, а оттуда поднимались вверхъ по Днѣпру. Во вторыхъ, соль добывалась изъ Крымскихъ и Азовскихъ озеръ. Частію она также развозилась моремъ и Днѣпромъ, а частію сухопутьемъ на телѣгахъ. Уже тогда существовалъ повидимому особый промыселъ соляныхъ вощиковъ (чумаковъ), которые ѣздили изъ Южной Руси къ

этимъ озерамъ за солью. Пошлина съ соли составляла одну изъ статей княжихъ доходовъ; иногда торговля ею отдавалась на откупъ. Въ сѣверной Руси соль или получалась путемъ иноземной торговли, или добывалась посредствомъ вываркн. Послѣдняя производилась и на берегахъ Бѣлаго моря, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ почва была пропитана соляными осадками; особенно въ большомъ количествѣ добывалась она въ Старой Русѣ. Въ Новгородѣ существовалъ цѣлый классъ купцовъ, занимавшихся солянымъ промысломъ и называвшихся «прасолы». Въ Суздальской землѣ извѣстны своими варницами Солигаличъ, Ростовъ, Городецъ и пр. Выварка соли производилась очень просто: копали колодезь и дѣлали въ немъ растворъ; потомъ наливали этотъ растворъ на большую желѣзную сковороду («ценъ») или въ котелъ («салга») и посредствомъ кипяченія вываривали соль.

Обычные напитки древней Руси составляли квасъ, брага, пиво и медъ, которые варились дома; а вина получались путемъ иноземной торговли изъ Византійской Имперіи и Югозападной Европы. Пиво варилось изъ муки съ солодомъ и хмѣлемъ. Но особенно распространеннымъ напиткомъ былъ медъ, который служилъ главнымъ предметомъ угощенія во время пировъ и попоекъ. Онъ варился съ хмѣлемъ и приправлялся нѣкоторыми пряностями. Русь, какъ извѣстно, любила выпить и съ радости, и съ горя, на свадьбѣ и на поминкахъ. Знатные и богатые люди вмѣстѣ съ виномъ и пивомъ держали всегда большіе запасы меду въ своихъ погребахъ, которые назывались по преимуществу «медушами». Какіе огромные запасы были у князей, мы видѣли при захватѣ двора сѣверскаго князя въ Путивлѣ, въ 1146 году, и это весьма понятно; такъ какъ князья должны были постоянно угощать крѣпкимъ медомъ свою дружину. Въ тѣ времена, когда еще не знали употребленія сахару, медъ служилъ на Руси приправою не однихъ напитковъ, но и сладкихъ яствъ. Такому великому запросу на него удовлетворялъ широко распространенный пчелиный промыселъ или *бортничество*. Бортью называлось естественное или выдолбленное въ старомъ деревѣ дупло, въ которомъ водились дикія пчелы; а роща съ такими деревьями называлась бортнымъ угодьемъ или «ухожаемъ». Бортный промыселъ встрѣчается на всемъ про-

странствѣ Русской земли, при различныхъ условіяхъ почвы и климата. Князья въ своихъ волостяхъ на ряду съ звѣриными и рыбными ловцами имѣли и особыхъ бортниковъ, которые занимались бортными ухожаями и варкою меда. Иногда эти ухожаи отдавались вольнымъ людямъ съ условіемъ платить князю извѣстную часть меда. Кромѣ того въ числѣ даней и оброковъ въ княжую казну видную часть составлялъ и медъ. Обычною мѣрою для того служило «лукно» или опредѣленной величины коробъ изъ лубка (откуда наше «лукошко»). Бортники въ сѣверовосточной Россіи назывались еще «древолазами»: требовалась нѣкоторая ловкость и привычка лазить по деревьямъ; такъ какъ медъ приходилось иногда доставать на значительной высотѣ. Вообще бортный промыселъ былъ очень выгоденъ, потому что кромѣ меда онъ доставлялъ и воскъ, который не только шелъ на свѣчи для храмовъ и зажиточныхъ людей, но и составлялъ весьма значительную статью отпуска въ нашей торговлѣ съ иноземцами ([41]).

Жилища древней Руси, при изобиліи лѣсу, были сплошь деревянныя, начиная отъ хижины бѣднаго селянина до палатъ княжескихъ. Основою русскаго жилья послужилъ бревенчатый, квадратный срубъ или такъ называемая «клѣть»; а когда эта клѣть снабжалась очагомъ или печью, то называлась «истопка» или «изба». Нѣсколько клѣтей, связанныхъ въ одно цѣлое, получали названіе «хоромъ». Жилище богатаго человѣка отъ бѣднаго собственно отличалось количествомъ клѣтей или обширностью хоромъ. Обыкновенно хоромы состояли изъ трехъ главныхъ частей: во первыхъ, зимнее жилье или изба, во вторыхъ, собственно клѣть или жилье лѣтнее безъ печи, служившее зимой вмѣсто кладовой; между ними находилась третья, просторная и свѣтлая, комната, называвшаяся *сѣни* или *сѣнница*, служившая пріемной для гостей. Русскіе люди любили строить высокіе хоромы; означенныя три части составляли обыкновенно второй ярусъ зданія; подъ ними находились подклѣты, куда складывались разные хозяйственные припасы и принадлежности; въ нихъ же заключались погреба и медуши. А къ сѣнямъ пристраивались на столбахъ ступени или лѣстница съ крытой площадкой на верху; что и называлось «крыльцомъ». Самыя сѣни иногда утверждались

на столбахъ, безъ подклѣта; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи, когда мятежная толпа подрубала или грозила подрубить сѣни. Надъ послѣдними еще надстраивалась свѣтлая горница, *теремъ* или «повалуша»; потомъ словомъ «теремъ» стали обозначать вообще высокое жилье. Кровля обыкновенно дѣлалась крутая, двускатная. Верхнее ребро этихъ скатовъ называлась «кнесомъ» (княземъ); по концамъ его обыкновенно красовались рѣзные коньки, т. е. двѣ конскія головы, обращенныя въ разныя стороны. Покрывалась кровля соломою, а у богатыхъ тесомъ или гонтомъ, т. е. мелкими дощечками, такъ что гонтовое покрытіе имѣло видъ чешуи. Хоромы стояли посреди двора, огороженнаго тыномъ или плетнемъ; по угламъ и сторонамъ его располагались хлѣвы, конюшни и другія постройки для челяди, домашняго скота, птицы, для сѣна, хлѣба и прочихъ хозяйственныхъ предметовъ. Баня или мовница повидимому служила принадлежностію всякаго зажиточнаго дома.

Разумѣется, чѣмъ зажиточнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ просторнѣе его дворъ и сложнѣе его хоромы; они заключали по нѣскольку сѣней, клѣтей и теремовъ. Судя по остаткамъ городскихъ валовъ, видно, что въ городахъ было немного мѣста для дворовъ и вообще жили тѣсно. Поэтому богатые люди, въ особенности князья любили болѣе пребывать въ своихъ обширныхъ загородныхъ жилищахъ, называя ихъ обыкновенно «раемъ», «краснымъ дворомъ», «краснымъ селомъ» и т. п. Отличительною принадлежностью княжихъ хоромъ или теремовъ между прочимъ служили просторныя сѣни или столовая комната, въ которой князья проводили время съ своей дружиной въ совѣтѣ и пирахъ; были особыя клѣти для пребыванія очередныхъ гридей или дружинниковъ, охранявшихъ князя; такія клѣти назывались «гридницей». Терема княжескіе украшались рѣзными карнизами, расписывались внутри и снаружи разноцвѣтными красками. На верху вдоль кнеса повидимому шелъ гребень, расписанный разными узорами съ позолотой; а можетъ быть позолотой украшался потолокъ; по крайней мѣрѣ названіе терема «златоверхимъ» встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Такъ въ Словѣ великій князь Святославъ Всеволодовичъ, передавая

боярамъ свой недобрый сонъ, говоритъ: «уже доски безъ кнеса (стоятъ) въ моемъ теремѣ златоверхемъ».

Свое пристрастіе къ пестрымъ, узорчатымъ украшеніямъ древняя Русь безъ сомнѣнія вполнѣ прилагала къ жилищамъ. Затѣйливая рѣзьба и раскраска покрывали конечно переднія, лицевыя стороны; особенно испещрялись ими наличники оконъ; такъ что древніе русскіе хоромы, при недостаткѣ правильности и соотвѣтствія въ частяхъ (симметріи), отличались несомнѣнною живописностію и вкусомъ. Относительно узорчатой рѣзьбы Русь издавна достигла значительной художественности. Вообще деревянное мастерство или плотничество несомнѣнно процвѣтало на лѣсномъ сѣверѣ. Новогородцы особенно славились этимъ мастерствомъ. Еще въ началѣ XI вѣка Кіевляне при встрѣчѣ съ ними, подъ Любечемъ, кричали: «а вы плотницы суще, а приставимъ васъ хоромъ рубити». По нѣкоторымъ признакамъ уже тогда существовали плотничьи товарищества или артели, и значительныя постройки, каковы дома богатыхъ людей, храмы, городскія стѣны, башни, мосты и т. п. совершались на началахъ подряда, артелями, во главѣ которыхъ стояли извѣстные мастера. А въ южной Руси, въ мѣстахъ бѣдныхъ лѣсомъ конечно и въ ту эпоху сельскія жилища подходили къ малорусскимъ хатамъ нашего времени; т. е. стѣны ихъ состояли изъ плетня или жердей обмазанныхъ глиною и выбѣленныхъ мѣломъ.

Каменныя постройки на Руси были еще очень рѣдки. Самое мастерство каменьщиковъ стало распространяться только вмѣстѣ съ сооруженіемъ богатыхъ храмовъ, башень или вежъ и нѣкоторыхъ городскихъ стѣнъ, подъ вліяніемъ мастеровъ греческихъ и нѣмецкихъ. Однако лѣтопись еще до Владиміра Великаго упоминаетъ въ Кіевѣ о каменномъ теремѣ княжескомъ. Въ слѣдующіе вѣка число каменныхъ теремовъ на княжихъ дворахъ безъ сомнѣнія стало умножаться. Въ XII вѣкѣ каменное мастерство уже настолько подвинулось въ Суздальской Руси, что Владимірцы сдѣлались имъ особенно извѣстны. Ростовцы не даромъ же отзывались о нихъ въ 1175 г.: «то наши холопы и каменьщики». Не говоря о многихъ каменныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ въ этомъ краѣ, и доселѣ въ Боголюбовѣ сохраняется часть каменныхъ палатъ Андрея Боголюбскаго.

Деревяннымъ постройкамъ древней Руси соотвѣтствовала и домашняя утварь, которая также выдѣлывалась по преимуществу изъ дерева. Въ источникахъ встрѣчаемъ тѣже названія посуды и утвари, которыя и доселѣ существуютъ въ Русскомъ быту; напримѣръ: столъ, столецъ (стулъ), скамья, кроватъ («тесовая»), ларь, бчелка (бочка), ведро, лохань, блюдо, чаша, лотокъ, ковшъ, ложка и т. д. Все это указываетъ на существованіе промысловъ столярнаго, токарнаго, бондарнаго и т. п. Были въ большомъ употребленіи издѣлія изъ лубка, лыка и мочала, каковы: сита, рѣшета, коробья, лукна, рогожи и пр.

Древняя Русь однако не ограничивалась одною деревянною утварью. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что существовали разныя металлическія мастерства; особенно процвѣталъ кузнечный промыселъ, который приготовлялъ домашнія орудія и утварь изъ желѣза, мѣди и олова, напримѣръ: котлы, сковороды, замки, пилы, косы, серпы, долота, заступы, рала, гвозди, ножи, топоры и т. д. Издѣлія изъ дорогихъ металловъ, доступныя только высшимъ сословіямъ или шедшія на украшенія и утварь церковную, частію доставляла иноземная торговля, но частію и собственное Русское мастерство. Такъ встрѣчаются извѣстія о серебряныхъ чашахъ, блюдахъ и ложкахъ, золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ, турьихъ рогахъ, служившихъ вмѣсто стакановъ и оправленныхъ въ серебро или золото, а въ особенности о серебряныхъ и золотыхъ оправахъ крестовъ, иконъ и богослужебныхъ книгъ, преимущественно Евангелія, также о золотыхъ и серебряныхъ гривнахъ, обручахъ или монистахъ и другихъ украшеніяхъ мужскаго и женскаго наряда. Издѣлія эти восходятъ ко временамъ еще языческимъ; ибо уже въ договорѣ Игоря съ Греками упоминается о русскихъ печатяхъ, золотыхъ и серебряныхъ: первыя служили въ Царьградѣ знакомъ русскихъ пословъ, а вторыя гостей. Въ могильныхъ курганахъ отдаленной эпохи встрѣчаются многія украшенія изъ золота и серебра, еще болѣе конечно мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей.

Лѣтописи упоминаютъ о присутствіи на Руси художниковъ греческихъ и нѣмецкихъ (а въ юго-западной Руси и поль-

скихъ). Но нѣтъ сомнѣнія, что даровитый Русскій народъ имѣлъ своихъ собственныхъ мастеровъ почти по всѣмъ отраслямъ художества. Напримѣръ, на существованіе русскихъ литейщиковъ, приготовлявшихъ вещи изъ свинцу и мѣди, а также умѣвшихъ дѣлать изъ нихъ сплавы въ родѣ бронзы, указываютъ лѣтописныя извѣстія въ особенности по поводу построенія храмовъ; для сихъ послѣднихъ отливались колокола, устроивались мѣдныя или бронзовыя врата, мѣдныя или свинцовыя кровли и помосты, иногда слитые изъ олова и мѣди. Для исполненія такихъ работъ требовалось значительное количество людей свѣдущихъ.

Источники передаютъ намъ немногія имена туземныхъ мастеровъ той эпохи; тѣмъ съ большимъ тщаніемъ исторія должна сохранять эти имена для потомства.

Изъ русскихъ зодчихъ извѣстны: «мастеръ» *Петръ*, который, по словамъ лѣтописи, «трудился» надъ сооруженіемъ каменнаго храма Св. Георгія въ новогородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, по порученію князя Всеволода-Гавріила, въ 1119 году; «художникъ» *Милонѣгъ*, въ крещеніи также Петръ, возведшій въ 1200 г. стѣну подъ Выдубецкимъ монастыремъ, по порученію великаго князя Рюрика; *Коровъ Яковлевичъ*, «мастеръ» съ Лубянской улицы въ Новгородѣ, построившій каменную монастырскую церковь Св. Кирилла въ 1201 г., на иждивеніе двухъ богатыхъ бояръ; *Алекса*, «мужъ хитръ», котораго въ 1276 г. волынскій князь Владиміръ Васильковичъ послалъ строить городъ Каменецъ (Литовскій) и который уже при отцѣ его Василькѣ многіе города «рубилъ» (то-есть строилъ ихъ дубовыя стѣны). Рубруквисъ, посолъ французскаго короля Людовика IX къ великому хану Мангу, въ половинѣ XIII вѣка, говоритъ объ одномъ молодомъ Русскомъ въ Ордѣ (не называя его по имени), который хорошо зналъ строительное искусство.

Изъ другихъ художниковъ упоминаются: *Авдій* «хитрецъ» или ваятель, который украсилъ рѣзанными на камнѣ узорами двери храма св. Іоанна, воздвигнутаго въ Холмѣ Даніиломъ Романовичемъ; золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ *Лазарь Богша*, соорудившій крестъ по заказу Евфросиніи Полоцкой въ 1161 г., и другой золотыхъ дѣлъ мастеръ *Кузьма*, взятый въ плѣнъ Монголами, котораго встрѣтилъ въ

главной ордѣ Плано Карпини; послѣдній видѣлъ его работы тронъ и печать, изготовленные для хана Гаюка.

Далѣе извѣстны: *Нежила* «серебряникъ», и *Гаврило* «щитникъ», оба Новогородцы, павшіе въ бою съ Литвою въ 1234 г.; *Антонъ* «котельникъ», тоже Новогородецъ, который палъ въ извѣстной Липецкой битвѣ съ Суздальцами въ 1216 году. А въ 1200 г. въ одной битвѣ съ Литвою въ числѣ павшихъ Новгородцевъ находился Страшко «сребреникъ вѣсецъ», то-есть надзиравшій за достоинствомъ или пробою серебряныхъ издѣлій, поступавшихъ въ торговлю; но вѣроятно онъ и самъ былъ мастеръ.

По поводу Татарскаго нашествія волынскій лѣтописецъ говоритъ о великомъ числѣ всякаго рода мастеровъ, бѣжавшихъ изъ варварскаго плѣна; въ томъ числѣ были «сѣдельники», и «лучники», «тульники» и «кузнецы желѣзу, мѣди и сребру».

Относительно той отрасли художества, которая впослѣдствіи приняла на Руси весьма обширные размѣры, то-есть церковнаго иконописанія, мы имѣемъ изъ эпохи до-Татарской одно только русское имя; то былъ *Алимпій*, монахъ Кіевопечерской обители, ученикъ тѣхъ цареградскихъ мастеровъ, которые расписывали печерскій Успенскій храмъ. Въ этой отрасли учителями нашими были исключительно Греки. («Греческое» и «Корсунское» письмо). Повидимому всѣ главные храмы русскіе того времени расписывались греческими мастерами и сохранившіеся образцы церковныхъ фрескъ свидѣтельствуютъ о полномъ господствѣ на Руси современнаго имъ Византійскаго стиля, съ его, соотвѣтствующими религіозному настроенію, строгими ликами и умѣренными, сухими тонами раскраски. Нѣтъ сомнѣнія однако, что уже въ ту эпоху греческіе мастера имѣли многочисленныхъ русскихъ учениковъ. Кромѣ иконъ, писанныхъ на доскѣ, внутреннія стѣны храмовъ тогда сплошь покрывались фресковымъ расписаніемъ; такъ что одни Греки уже съ самаго начала не могли удовлетворять великому запросу на иконописцевъ, и конечно исполняли свои работы при помощи русскихъ учениковъ. Вѣроятно къ концу даннаго періода уже существовали русскія товарищества или «дружины» иконописцевъ, которые работали подъ руководствомъ своихъ «старѣйшинъ» и брали подряды на расписаніе

церквей, какъ это мы видимъ немного позднѣе въ Новгородѣ и вообще въ Сѣверной Руси. Но мастера, руководившіе такими дружинами, повидимому, еще долгое время были Греки. Такъ, по извѣстію лѣтописи въ концѣ XII в. въ Новгородѣ расписалъ одну церковь на воротахъ кремля *Гречинъ Петровичъ*; имя его однако обличаетъ въ немъ не природнаго Грека, а скорѣе южнаго Славянина, прибывшаго изъ предѣловъ Греческой имперіи.

Стѣсненные твердо установленными преданіями и правилами греческаго иконописанія, русскіе живописцы мало могли проявлять свои вкусы и свою творческую способность въ произведеніяхъ этой отрасли искусства. Но есть другаго рода памятники, которые наглядно свидѣтельствуютъ объ ихъ игривомъ воображеніи, объ ихъ способности не къ одному только рабскому подражанію. Это рисунки заставокъ и заглавныхъ буквъ, которыми обильно украшены страницы нѣкоторыхъ рукописныхъ книгъ, дошедшихъ до насъ отъ той эпохи (начиная съ Остромірова Евангелія). Образцами для нихъ конечно послужили таковыя же византійскія и отчасти болгарскія миньятюры; но русское художество внесло сюда много своеобразныхъ подробностей, а также замѣчательное, живое сочетаніе красокъ и формъ. Отличительную черту этихъ рисунковъ составляетъ прихотливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими звѣрями и птицами, особенно съ драконами и зміями, которые своими хвостами перевиваютъ фигуры людей и звѣриныхъ чудовищъ. Стиль этихъ произведеній находится въ полномъ соотвѣтствіи съ помянутыми выше затѣйливыми обронными узорами и изображеніями на стѣнахъ суздальскихъ храмовъ. Есть извѣстія, что такія же обронныя украшенія на церковныхъ стѣнахъ употреблялись не только въ сѣверовосточной или Суздальской Руси, но также и въ югозападной или Волынско-Галицкой, и что скульптурныя изображенія покрывались еще разными красками и позолотою.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ подобныхъ украшеніяхъ (*орнаментахъ*) въ сильной степени проявилось самостоятельное русское художество и своеобразный русскій вкусъ. Сей послѣдній при извѣстной даровитости племени, съ незапамятныхъ временъ воспитывался на роскошныхъ образцахъ искусства и промышленности какъ греческой, такъ и восточной

(преимущественно персидской), которые путемъ военной добычи, торговыхъ и другихъ сношеній постоянно притекали въ Восточную Европу. О чемъ наглядно свидѣтельствуютъ многія металлическія издѣлія, покрытыя изящными орнаментами, и остатки узорчатыхъ тканей, находимые въ могилахъ языческой Руси. (Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи пара турьихъ роговъ, найденная въ большомъ Черниговскомъ курганѣ, окованная серебромъ съ изображеніями переплетающихся между собою фантастическихъ птицъ и растеній) ([12]).

Какъ въ своихъ жилищахъ и постройкахъ древняя Русь обнаруживала много своеобразнаго вкуса и соотвѣтствія съ окружавшей природою, такъ своеобразна была она и въ одеждѣ своей, хотя многое заимствовала у другихъ народовъ, особенно у Византійцевъ по части дорогихъ тканей и украшеній. Основную одежду составляли полотняная сорочка или рубашка и узкое нижнее платье, запущенное въ сапоги. Поверхъ сорочки надѣвалась «свита» или «кожухъ». Это было платье съ рукавами болѣе или менѣе длинное, обыкновенно спускавшееся ниже колѣнъ и подпоясанное. Дружинники и торговцы поверхъ свиты надѣвали плащъ, называвшійся «корзно» или «мятль» (т. е. мантія), который обыкновенно застегивался на правомъ плечѣ, чтобы оставить свободною правую руку. У простыхъ людей сорочки и свиты конечно дѣлались изъ грубыхъ полотенъ и шерстяныхъ тканей; а богатые носили болѣе тонкія суконныя ткани и нерѣдко шелковыя. У людей знатныхъ, у бояръ и князей, на свиту употреблялись такія дорогія привозныя ткани какъ греческія паволоки разнообразныхъ цвѣтовъ, синія, зеленыя и особенно красныя (багряница или червленица). Подолъ обшивался золотою или узорчатою каймою; нижняя часть рукавовъ покрывалась золотистыми «поручами»; атласный воротникъ былъ также золотистый. На груди нашивались иногда петлицы изъ золотаго позумента; кожаный поясъ или кушакъ богатыхъ людей украшался золотыми или серебряными бляшками, дорогими камнями и бисеромъ. Сапоги они носили изъ цвѣтнаго сафьяна и нерѣдко расшитые золотою ниткою. На корзно богатые люди употребляли самыя дорогія ткани, особенно оксамитъ. Это была привозимая изъ Греціи золотная или серебряная ткань, рас-

шитая разноцвѣтными шелковыми разводками и узорами и очень плотная. Довольно высокая шапка или, какъ тогда называлось, «клобукъ» у знатныхъ людей имѣлъ верхъ цвѣтнаго бархата и соболиную опушку. Извѣстно, что князья не снимали свои клобуки даже и при богослуженіи. Въ зимнее время конечно были въ употребленіи мѣховыя одежды, у богатыхъ изъ дорогихъ мѣховъ, а у простыхъ людей бараньи. Самое слово кожухъ по всей вѣроятности первоначально означало тоже что наше полушубокъ, т. е. свиту изъ бараньяго мѣха. Была также въ употребленіи теплая шерстяная свита или фофудья (фуфайка).

Роскошь наряда выражалась болѣе всего въ разнаго рода дорогихъ украшеніяхъ и привѣскахъ. Самымъ обычнымъ и самымъ древнимъ украшеніемъ Руси были гривны или металлическіе обручи, которые носили на шеѣ (на гривѣ); у бѣдныхъ это просто крученыя проволоки мѣдныя или бронзовыя, а у богатыхъ серебряныя и золотыя. Находимыя нерѣдко въ числѣ другихъ предметовъ древности, попадаются русскія гривны весьма изящной работы. Кромѣ гривны носили еще на шеѣ ожерелья или мониста, которыя состояли или также изъ крученой проволоки, или изъ цѣпи съ разными привѣсками. Изъ послѣднихъ наиболѣе распространенными были: металлическія и финифтяныя бляхи («цаты»), спущенное на грудь подобіе коня, составленное изъ пластинокъ и колецъ (вѣроятно то, что въ лѣтописи названо «сустугъ»), а въ христіанскія времена и крестъ. Носились также металлическія кольца или браслеты на рукахъ («запястья»), шарообразныя металлическія пуговицы, пряжки для застегиванія, перстни т. п. Князья русскіе сверхъ того при парадной одеждѣ имѣли бармы, т. е. широкое оплечье, шитое золотомъ или обложенное жемчугомъ, дорогими каменьями и золотыми бляхами съ разными на нихъ изображеніями.

Женскій нарядъ отличался еще бо̀льшимъ обиліемъ украшеній; между ними первое мѣсто занимали разнообразныя ожерелья, бисерныя или изъ цвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, у бѣдныхъ же просто изъ обточенныхъ камушковъ. Въ особенности были обычны женскія ожерелья или мониста, увѣшанныя монетами; для чего употреблялись монеты получаемыя изъ разныхъ странъ, но болѣе всего серебряныя восточныя деньги. Пристрастіе къ

металлическимъ обручамъ доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины когда-то носили браслеты на ногѣ или кольцо на большомъ пальцѣ ноги. Серьги были въ общемъ употребленіи; ихъ имѣли даже мущины (обыкновенно въ одномъ ухѣ). Самую обычную форму серегъ составляла кольцомъ завитая проволока съ тремя надѣтыми на нее шариками, мѣдными, серебряными или золотыми. Головные женскіе уборы также обсаживались бисеромъ или жемчугомъ, обвѣшивались монетами и другими привѣсками. У замужнихъ женщинъ было въ обычаѣ накрывать голову «повоемъ»» (повойникомъ). Выше мы видѣли свидѣтельство о томъ, какъ усиливалась роскошь особенно между женщинами, при ихъ страсти къ дорогимъ нарядамъ. Въ XIII вѣкѣ лѣтописецъ, вспоминая простоту быта древнихъ князей и дружинниковъ, говоритъ, что послѣдніе не возлагали на своихъ женъ золотыхъ обручей; но ходили ихъ жены въ серебрѣ. Роскошь выражалась также въ дорогихъ мѣхахъ. Извѣстный посолъ Людовика IX къ Татарамъ, Рубруквисъ замѣтилъ, что русскія женщины носили платья, внизу обложенныя горностаями.

Что касается до волосъ и бороды, то Русь послѣ принятія христіанства очевидно подчинялась въ этомъ отношеніи греческому вліянію; она покинула привычку выбривать почти всю голову и бороду, оставляя чубъ и усы. На изображеніяхъ мы видимъ ее уже съ довольно длинными волосами и съ бородою; только юноши изображаются безбородые. Впрочемъ обычай бриться уступалъ постепенно. Такъ изображенія князей въ рукописяхъ и на монетахъ XI вѣка имѣютъ коротко подстриженную бороду; а въ концѣ XII вѣка видимъ у нихъ уже длинную бороду, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ (изображеніе Ярослава Владиміровича въ Спасъ-Нередицкой церкви).

Вооруженіе древней Руси было почти такое же какъ и у другихъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Главную часть оружія составляли мечи, копья или сулицы и луки со стрѣлами. Кромѣ прямыхъ обоюду-острыхъ мечей употреблялись и сабли, то-есть съ кривыми восточными клинками. Употреблялись еще сѣкиры или боевые топоры. Между простымъ народомъ было въ обычаѣ имѣть при себѣ ножъ, который носили или за поясомъ, или прятали въ сапогъ. Обо-

ронительное оружіе или доспѣхъ составляли: желѣзная броня, преимущественно кольчужная, а иногда и досчатыя латы («напорзи»); далѣе, желѣзный шлемъ воронкообразной формы съ кольчужною сѣткою вокругъ шеи, и большой деревянный щитъ, обшитый кожею и окованный желѣзомъ, широкій наверху и съуживающійся къ низу, притомъ окрашенный въ любимый Русью красный цвѣтъ (червленый). Лучшее, дорогое оружіе получалось путемъ торговли изъ другихъ странъ, изъ Греціи, Западной Европы и съ востока. Такъ слово о Полку Игоревѣ воспѣваетъ шеломы латинскіе и аварскіе, сулицы ляцкія, а мечи называетъ «харалужными», то-есть изъ восточной вороненой стали. У князей и бояръ оружіе украшалось серебромъ и золотомъ, особенно шлемы, на которыхъ отчеканивались нерѣдко лики святыхъ и другія изображенія. На шлемъ надѣвался иногда мѣховой чахолъ или «прилбица». Тулы (колчаны), вмѣщавшіе стрѣлы, также покрывались иногда мѣхомъ. Сѣдла и ременная конская сбруя украшались металлическими бляхами и разными привѣсками. Стремена у князей, повидимому, бывали позолоченныя («Вступи Игорь князь въ златъ стремень», говоритъ Слово). Верховая ѣзда уже потому была въ общемъ употребленіи, что она служила главнымъ средствомъ сухопутнаго передвиженія; на «колахъ» (то-есть на телѣгѣ) и на саняхъ перевозили тяжести, а также женщинъ, людей немощныхъ и лица духовныя. Любопытно, что въ составѣ конской упряжи источники не упоминаютъ о дугѣ; возница сидѣлъ верхомъ на запряженномъ конѣ; о чемъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторые рисунки въ рукописяхъ того времени ([43]).

Главнымъ средствомъ сообщенія служило судоходство: по рѣкамъ совершались и торговое движеніе, и военные походы. Но значительную часть года, особенно въ Сѣверной Руси, рѣки были покрыты льдомъ; кромѣ того между рѣчными системами залегали такъ-называемые «волоки», по которымъ сообщеніе происходило сухопутьемъ, то-есть перевозили товары и всякія тяжести на колахъ или на саняхъ. Самое удобное время для сухопутныхъ обозовъ, конечно, была зима, когда рѣчки, болота и топи затягивались крѣпкою корою; во всякое же другое время, особенно весной и осенью, грязи и топи представляли великія препятствія для сообщенія. Непроходимыя дебри

и непроглядныя лѣсныя трущобы, обильныя хищными звѣрями, также служили немалымъ затрудненіемъ; въ послѣднихъ легко было заблудиться и погибнуть безъ вѣсти. Поэтому устройство гатей, мостовъ, лѣсныхъ просѣкъ и рѣчныхъ переправъ на важнѣйшихъ путяхъ издавна было одною изъ главныхъ заботъ правителей и населенія. Но и зимой русскому человѣку нерѣдко приходилось бороться съ жестокими морозами, сильными вьюгами и глубокими снѣгами. Въ постоянной борьбѣ со всѣми этими трудностями закалялись энергія и терпѣніе Русскаго народа. Онъ съумѣлъ преодолѣть многочисленныя естественныя препятствія и воспользоваться нѣкоторыми благопріятными условіями, особенно богатою рѣчною сѣтью, чтобы проникнуть въ самые далекіе, глухіе края Восточной Европы, проторить къ нимъ дороги, завести въ нихъ поселенія и починки и оживить ихъ своею промышленною и торговою предпріимчивостію.

Рынки или «торги» составляли необходимую принадлежность не только города, но и всякаго значительнаго селенія. Сюда собирались крестьяне изъ окрестныхъ мѣстъ и обмѣнивали свои произведенія на желѣзныя или мѣдныя орудія, утварь и пр. Стольные княжіе города были вмѣстѣ и важнѣйшими торговыми пунктами, куда направлялись товары изъ далекихъ областей Руси. Главнымъ средоточіемъ торговаго движенія въ Южной Руси служили Кіевъ и Черниговъ, а въ Сѣверной Новгородъ и Смоленскъ. Напримѣръ, въ Кіевъ направлялись караваны съ солью какъ отъ Таврическихъ озеръ, такъ и съ Карпатскихъ горъ изъ галицкихъ копей. А въ Новгородъ шли обозы съ хлѣбомъ изъ краевъ суздальскихъ и рязанскихъ. Своею предпріимчивостію во внутренней торговлѣ сѣверно-русскіе торговцы, кажется, превосходили южно-русскихъ. Такъ новогородскихъ гостей, а отчасти и смоленскихъ можно было встрѣтить почти во всѣхъ областяхъ Русскихъ; ростовско-суздальскіе гости ѣздили въ Кіевъ и Черниговъ. Благодаря такому взаимному обмѣну товаровъ между русскими областями, внутренняя торговля на Руси была довольно развита и удовлетворяла насущнымъ потребностямъ населенія. За то въ торговлѣ внѣшней, въ сношеніяхъ съ иноземцами купцы южно-русскіе, то-есть галицкіе, кіевскіе,

черниговскіе и переяславскіе, не уступали и самимъ Новогородцамъ. Торговыя сношенія Южной Руси были направлены преимущественно на Византійскую имперію. Хотя Половецкія орды и стѣсняли движеніе по Днѣпровскому пути; но извѣстно, что судовые караваны нашихъ «гречниковъ» продолжали плавать почти ежегодно по этому пути; а смѣлые русскіе гости ходили съ своими обозами сухопутьемъ даже сквозь степь Половецкую въ Тавриду, къ устьямъ Дона, Кубани и къ Нижней Волгѣ, гдѣ мѣняли мѣха, невольниковъ и другія произведенія своей земли на товары греческіе, итальянскіе и восточные или азіатскіе. Съ востока изъ мусульманскихъ странъ получались, между прочимъ, пряныя коренья, бисеръ, жемчугъ и серебряная монета въ большомъ количествѣ. Въ свою очередь иноземные купцы проникали въ Южную Русь, и многіе изъ нихъ постоянно пребывали въ Кіевѣ. Между прочимъ сюда въ XII вѣкѣ пріѣзжали для закупки мѣховъ купцы изъ дальнихъ краевъ Германіи и западнаго Славянства, напримѣръ изъ Баваріи и Чехіи. Одинъ польскій лѣтописецъ (Мартинъ Галлъ) замѣтилъ, что самая Польша служила для иноземныхъ купцовъ только дорогою въ Русь.

Между тѣмъ какъ суздальское купечество ѣздило въ Камскую Болгарію, въ землю Мордвы и другихъ сосѣднихъ Финновъ, новогородскіе торговцы съ одной стороны по судоходнымъ рѣкамъ проникали въ Заволочье и къ Уральскому хребту; а съ другой они не довольствовались постояннымъ пребываніемъ у себя варяжскихъ и нѣмецкихъ гостей; но сами плавали по Балтійскому морю, отправляясь за нѣмецкими и варяжскими товарами на островъ Готландъ и промышленные города Славяно-Германскаго поморья. Въ торговлѣ съ Западною Европою дѣятельное участіе принимали еще Смольняне, Витебляне и Полочане. На сырыя произведенія Русской земли, преимущественно мѣха, воскъ и кожи, а также на дорогіе товары греческіе и восточные Сѣверозападная Русь вымѣнивала европейскія сукна, полотна, металлическія издѣлія, вина, сельдей, серебро, хлѣбъ, соль и пр.

Торговое движеніе въ древней Россіи должно было преодолѣвать великія препятствія, полагаемыя природою и людьми. Съ одной стороны долгіе и трудные пути сообщенія, особенно частая распутица, съ другой недостатокъ правосудія, на-

родныя смуты, княжія междоусобныя войны, нападенія хищныхъ Половцевъ и другихъ сосѣдей, а также грабежи собственныхъ русскихъ повольниковъ, бродниковъ и вообще разбойничьихъ шаекъ—все это ложилось тяжелымъ бременемъ на промышленность и торговлю, а слѣдовательно и на цѣны товаровъ. И надобно удивляться энергіи и предпріимчивости русскаго торговаго люда, умѣвшаго бороться съ такими препятствіями. Немалое затрудненіе встрѣчалъ онъ и со стороны частыхъ заставъ, на которыхъ взималась съ товара пошлина или мытъ. Эти мытныя заставы, воздвигаемыя ради умноженія княжихъ доходовъ, устроивались обыкновенно на мосту, на перевозѣ, при въѣздѣ въ городъ. Далѣе, существовали пошлины при складѣ товара въ гостинномъ дворѣ, на торгу или на рынкѣ, «помѣрное» (въ продажѣ на мѣру), «вѣсчее» (при продажѣ на вѣсъ) и т. д. Пошлины эти хотя сами по себѣ были и невелики, но многочисленны, и, при частыхъ злоупотребленіяхъ или вымогательствахъ отъ мытниковъ и другихъ чиновниковъ княжихъ, замедляли торговые обороты и возвышали цѣну товаровъ.

За недостаткомъ собственной монеты торговля древней Руси была по преимуществу мѣновая, въ особенности съ иноземцами. Значительная часть торговыхъ оборотовъ совершалась на вѣру, то-есть въ кредитъ; о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Русская Правда, которая посвящаетъ нѣсколько статей порядку взысканія долговъ съ несостоятельнаго торговца. На существованіе кредита указываетъ и такъ называемое «рѣзоиманіе», то-есть ссуда денегъ или вещей ради «лихвы» или роста. Духовенство въ своихъ поученіяхъ сильно возставало противъ высокихъ процентовъ, которыми заимодавцы угнетали своихъ должниковъ, и грозило первымъ вѣчною мукою, особенно тѣмъ, которые обращали бѣдныхъ должниковъ въ свои холопы. Но въ обществѣ еще мало развитомъ, при недостаткѣ безопасности и большомъ рискѣ, проценты неизбѣжно бываютъ высоки. Судя по Русской Правдѣ, законными, то-есть умѣренными, рѣзами считалось до 20% въ годъ; но изъ нея же мы видимъ, что иногда рѣзы простирались до 40 и даже до 60%.

Деньги въ древней Россіи назывались вообще «кунами». Слово это ясно указываетъ, что когда-то обычнымъ мѣри-

ломъ цѣнности служили мѣха, и по преимуществу куньи. Первоначально употреблялись для обмѣна конечно цѣльные мѣха; но торговая потребность въ болѣе мелкихъ или размѣнныхъ единицахъ заставила прибѣгнуть къ дробленію мѣха; отсюда явились такъ наз. «рѣзани» (т. е. отрѣзки) и «ногаты» (лапки). Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ еще «полушки» и «мордки», точно также перешедшія и въ названіе металлическихъ единицъ. Отъ такихъ частей мѣха недалекъ былъ переходъ до кожаныхъ денегъ, т. е. лоскутовъ кожи съ княжими клеймами. Въ половинѣ XIII вѣка французскій монахъ Рубруквисъ замѣтилъ, что у Русскихъ вмѣсто монеты служатъ маленькія кусочки кожи съ цвѣтными знаками. Но подобныя деньги, если и существовали, не имѣли повсемѣстнаго на Руси обращенія. Такое обращеніе могла имѣть только звонкая монета. Послѣдняя добывалась какъ всякій товаръ торговлею съ иноземцами. Особенно большое количество ея доставлялось съ востока изъ странъ мусульманскихъ. (Впрочемъ, можетъ быть, эти арабскія серебряныя деньги служили болѣе для шейныхъ и головныхъ украшеній, чѣмъ для потребностей торговли). Денежною металлическою единицею повсемѣстно на Руси служила «гривна». Судя по названію, нѣкоторые справедливо догадываются, что эта единица произошла именно изъ металлическаго шейнаго обруча, имѣвшаго болѣе или менѣе опредѣленный вѣсъ; такъ что гривна стала обозначать вмѣстѣ и вѣсъ, и монету, т. е. слитокъ того же вѣсу. Не только форма этого слитка, но также его достоинство и вѣсъ, а слѣдовательно и цѣнность разнообразились по разнымъ областямъ Руси. При томъ различалась еще гривна серебра отъ гривны кунъ. Вторая была вдвое менѣе первой, но также обозначала металлическія деньги; она собственно и составляла ходячую монету. Новогородская гривна кунъ вѣсила полфунта серебра, или 48 золотниковъ, Смоленская четверть фунта, а Кіевская треть. Гривна кунъ заключала въ себѣ 20 ногатъ, или 25 кунъ, или 50 рѣзаней.

Чеканка мелкой монеты, золотой и серебряной, началась на Руси по образцу византійскому, послѣ принятія христіанства. Хотя она и не была многочисленна, но въ ея существованіи удостовѣряютъ находки нѣкотораго количества такихъ монетъ (особенно Нѣжинскій кладъ, найденный въ

1852 г. и заключавшій до двухъ сотъ «сребрениковъ», какъ ихъ называетъ лѣтопись). На лицевой ихъ сторонѣ обыкновенно выбивалось изображеніе государя, сидящаго на престолѣ въ полномъ нарядѣ, съ надписью «Владиміръ», или «Ярославъ», или «Святополкъ» и пр.; на оборотной же находимъ какой-то знакъ (вѣроятно верхушка скипетра) съ надписью вокругъ: «а се его сребро» или «злато»[44]).

Вообще успѣхи русской гражданственности находились въ тѣсной связи съ успѣхами христіанства. Коренныя русскія области въ данномъ періодѣ можно считать уже вполнѣ подчинившимися Православной церкви и усвоившими себѣ греко-восточную іерархію. Во главѣ Русской іерархіи стоялъ Кіевскій митрополитъ, назначаемый обыкновенно изъ Грековъ. Попытки Ярослава I и Изяслава II выбирать въ этотъ санъ русскихъ людей не имѣли пока продолжателей. Константинопольскій патріархатъ, при помощи преданной ему части русскаго духовенства, съумѣлъ устранить такое нововведеніе, чтобы удерживать въ большей зависимости отъ себя русскую іерархію. Не мало помогъ ему въ этомъ случаѣ все большій и большій упадокъ Кіевскаго великокняжескаго стола: ни одинъ великій Кіевскій князь и не подумалъ повторить попытку Изяслава II, хотя могъ бы воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ самого греческаго патріархата во времена Латинскаго господства въ Константинополѣ. На епископскихъ каѳедрахъ того времени хотя все еще встрѣчаемъ также Грековъ; но они постепенно уступаютъ мѣсто духовнымъ русскаго происхожденія. Въ особенности таковыми пастырями снабжала русскія области знаменитая Кіевопечерская обитель. Древнѣйшія архіерейскія каѳедры, кромѣ Новгорода, сосредоточены были въ Южной Руси, именно: въ Кіевѣ (митрополичья), Черниговѣ, Южномъ Переяславлѣ и Владимірѣ Волынскомъ. Кіевская область кромѣ митрополита имѣла даже двухъ епископовъ: въ Бѣлгородѣ и Юрьевѣ. Но съ развитіемъ областной самостоятельности умножалось и число епархій, т. е. особыхъ каѳедръ; ибо каждая область, точнѣе князья каждой области стремились имѣть своего собственнаго епископа. Такимъ образомъ являются епископіи Полоцкая, Червонорусская

(Перемышльская) и Туровская; Смоленская и Ростовская отдѣляются отъ Переяславской, Рязанская отъ Черниговской. Не довольствуясь тѣмъ, нѣкоторыя области распадаются потомъ на двѣ епархіи, именно: Суздальская на Ростовскую и Владимірскую, Галицкая на Перемышльскую и собственно Галицкую (потомъ еще Холмскую).

Въ Русской церкви уже въ тѣ времена, возникалъ обычай, чтобы митрополитъ собиралъ соборъ епископовъ для разрѣшенія важныхъ вопросовъ. Напримѣръ, мы видимъ, что вопросъ о постахъ въ середу и пятницу, перешедшій къ намъ изъ церкви Греческой, довольно долго волновалъ Русскую церковь и обсуждался соборомъ русскихъ епископовъ, которыхъ созвалъ митрополитъ Константинъ въ Кіевѣ (въ 1168 г.).

Христіанская проповѣдь продолжала дѣйствовать среди инородцевъ, подчиненныхъ русскому владычеству; вмѣстѣ съ крещеніемъ конечно подвигалось впередъ ихъ обрусѣніе. Но въ этомъ отношеніи, какъ уже выше замѣчено, русское духовенство было чуждо духа нетерпимости и насилія. Хотя въ дѣлѣ обращенія язычниковъ оно опиралось на княжескую и вообще свѣтскую власть; но не побуждало ее дѣйствовать огнемъ и мечемъ, какъ это мы видимъ въ исторіи церкви Латинской. Отсюда еще не слѣдуетъ заключать о равнодушіи и недѣятельности нашего духовенства въ данномъ случаѣ; постепенное утвержденіе грековосточнаго христіанства на всемъ обширномъ пространствѣ русскихъ областей явно тому противорѣчитъ. Мы даже находимъ въ тѣ времена начатки русскаго православія у народовъ сосѣднихъ, т. е. у тѣхъ, которые еще не были подчинены русскому владычеству, каковы Литва и Эстонская Чудь. Труднѣе проникало русское православіе въ степь къ кочевымъ и полукочевымъ народцамъ; такъ что и подвластные Руси Черные Клобуки еще большею частію сохраняли свое язычество. Нѣкоторые русскіе князья отличались ревностью къ обращенію язычниковъ и мусульманъ; такъ Кіевскіе, Черниговскіе и Рязанскіе князья привлекали на свою службу многихъ выходцевъ изъ Половецкой Орды, крестили ихъ и надѣляли землями; Суздальскіе князья старались обращать Мордву и Камскихъ Болгаръ. Въ особенности такою ревностью къ вѣрѣ извѣстенъ Андрей Боголюбскій. Но, кажется, еще большимъ

усердіемъ въ этомъ дѣлѣ отличался его племянникъ Ярославъ Всеволодовичъ. По крайней мѣрѣ, лѣтописи сообщаютъ намъ только одинъ примѣръ, когда недавно покоренное инородческое племя было окрещено повидимому не безъ принужденія со стороны свѣтской власти; именно, часть Корелы была окрещена по распоряженію Ярослава Всеволодовича, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ Великомъ (въ 1227 г.). На сѣверныхъ русскихъ окраинахъ существовали еще значительные остатки языческаго населенія; возбуждаемое своими волхвами, оно иногда давало себя чувствовать мятежами и разными волненіями; въ такихъ случаяхъ князья или ихъ намѣстники оружіемъ усмиряли непокорныхъ и казнили волхвовъ. Таковые мятежи и волненія встрѣчаются въ земляхъ Новогородской, Суздальской и Муромской. Примѣръ ихъ видимъ въ Новгородѣ даже въ XIII вѣкѣ. Любопытно, что строгая казнь зачинщиковъ совершилась въ княженіе того же Ярослава Всеволодовича. Именно, по свидѣтельству Новогородскаго лѣтописца, въ 1227 году четыре волхва, смущавшіе народъ какими-то ложными знаменіями и внушеніями, были сожжены на Ярославовомъ дворѣ, т. е. на вѣчевой площади.

Смирившееся внѣшнимъ образомъ передъ силою Православной церкви, язычество продолжало жить въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ народныхъ, выражаясь множествомъ всякаго рода суевѣрій, обрядностей, предразсудковъ, примѣтъ и т. п. Многіе, именуясь христіанами, приносили еще жертвы языческимъ богамъ; отлагали пищу и напитки Роду и Рожаницѣ (т. е. покойнымъ предкамъ). Пастыри церкви должны были вести постоянную борьбу съ такими остатками язычества. Борьбу эту они простирали и на самыя увеселенія народныя, праздники и игрища; ибо игрища сіи были древняго происхожденія и большею частію имѣли тѣсную связь съ языческими вѣрованіями. «Не подобаетъ христіанамъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гудѣнье, пѣсни мірскія и жертвы идольскія; еже молятся огневи подъ овиномъ, и виламъ, и Мокоши, и Симарглу, и Перуну, и Роду, и Рожаницѣ, и всѣмъ, иже суть тѣмъ подобни»—пишетъ въ своемъ увѣщаніи неизвѣстный по имени «христолюбецъ» или «ревнитель правой вѣры». Онъ возстаетъ вообще противъ

нехристіанскаго образа жизни, и особенно порицаетъ «неистовое пьянство».

Обрядовая или внѣшняя сторона христіанства занимала малопросвѣщенную паству едва ли не болѣе самихъ догматовъ вѣры, и мы видимъ, какъ возникало множество всякаго рода вопросовъ при разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ церковной практики. Нисшее или служебное духовенство естественно за разъясненіемъ ихъ обращается къ высшимъ пастырямъ, т. е. къ своимъ епископамъ. Любопытный образецъ подобныхъ вопросовъ представляетъ «Впрашаніе Кириково». Монахъ и священникъ (по другимъ извѣстіямъ дьяконъ) Кирикъ или Киріякъ обращался съ вопросами къ знаменитымъ новогородскимъ архіереямъ Нифонту, Іоанну, а также и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, и получилъ отъ нихъ отвѣты. Изъ послѣднихъ такимъ образомъ составился цѣлый сводъ отчасти важныхъ, отчасти мелкихъ правилъ, которыя примѣнялись если не вездѣ на Руси, то по крайней мѣрѣ въ Новогородской епархіи. Многіе вопросы здѣсь наглядно свидѣтельствуютъ о народныхъ суевѣріяхъ и нравахъ того времени. Между прочимъ изъ правилъ, относящихся къ обрядамъ крещенія и миропомазанія, узнаемъ, что тогда встрѣчались еще новообращенные не только изъ инородцевъ, но также изъ самихъ Славянъ: такъ для Болгарина (Камскаго), Половчина и Чудина полагается сорокъ дней оглашенія, а для Славянина только восемь. Узнаемъ, что матери нерѣдко носили больныхъ дѣтей не къ священнику на молитву, а къ волхву для причитаній надъ ними. Особенное обиліе вопросовъ относится къ совершенію священникомъ литургіи и разныхъ требъ, а также къ наложенію епитиміи. Любопытны нѣкоторые вопросы, обнаруживающіе взглядъ на женщинъ. Напримѣръ: можетъ ли священникъ служить обѣдню въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платъ? Чѣмъ погана жена?—отвѣчаетъ епископъ, и разрѣшаетъ служить. Изъ тѣхъ же вопросовъ видно, что существовалъ слѣдующій суевѣрный обычай: въ случаѣ охлажденія къ себѣ мужа, жена давала ему пить воду, которою омыла свое тѣло. За такой грѣхъ церковь налагаетъ строгую епитимію, напримѣръ, отлученіе отъ причастія на цѣлый годъ. Въ случаяхъ супружеской невѣрности, къ женщинѣ церковныя пра-

вила очевидно относятся строже чѣмъ къ мужчинѣ; такъ мужъ въ правѣ отослать отъ себя невѣрную жену; а самъ онъ въ подобномъ случаѣ осуждается на епитимію; обычай грѣшить съ рабынями подвергается только порицанію. Нѣкоторые вопросы замѣчательны по своей наивности; напримѣръ: можно ли стучать въ зубы яйцомъ на Пасху до обѣдни? Можно ли давать молитву осквернившемуся сосуду, не только деревянному, но и глиняному?

Изъ вопросовъ Кирика между прочимъ узнаемъ, что обычай паломничества или хожденія къ святымъ мѣстамъ по обѣту въ тѣ времена былъ очень распространенъ на Руси; такъ что нерѣдко обращался въ праздное шатаніе, и отнималъ руки отъ работы. Епископы налагаютъ епитимію на тѣхъ, которые давали обѣтъ идти въ Іерусалимъ. Изъ этого можно заключить, что Святая земля, куда совершались тогда походы западныхъ крестоносцевъ, сильно влекла къ себѣ и Русскихъ людей; они отправлялись туда цѣлыми толпами, подобно извѣстному игумену Даніилу съ его «дружиною». Около ста лѣтъ спустя послѣ «Хожденія» Даніила, являются записки другаго русскаго паломника, боярина Добрыни Ядрейковича, того самаго, который постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и потомъ былъ новогородскимъ архіепископомъ подъ именемъ Антонія. Онъ впрочемъ описалъ не все свое путешествіе на Востокъ, а только видѣнныя имъ святыни и достопримѣчательности Царьграда. Описаніе это обилуетъ многими любопытными подробностями.

Не одними правилами и отвѣтами на помянутые вопросы изъ церковной практики дѣйствовала русская іерархія для утвержденія христіанскаго благочестія и добрыхъ нравовъ въ народѣ. Для той же цѣли служила проповѣдь съ церковной каѳедры. Замѣчательнымъ образцомъ духовнаго краснорѣчія того времени служатъ проповѣди Кирилла, бывшаго епископомъ Туровскимъ во второй половинѣ XII вѣка. Онъ писалъ (недошедшія до насъ) пастырскія посланія къ современнику своему Андрею Боголюбскому и обличительныя посланія противъ извѣстнаго епископа Ростовскаго Ѳеодора; сочинялъ каноны и молитвы. Но слава Кирилла основана въ особенности на его проповѣдяхъ или поученіяхъ, которыя были обращены къ паствѣ въ большіе или Господскіе праздники и заключали ихъ

объясненія. Эти поученія служили потомъ образцами для нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ, усердно переписывались и потому дошли до насъ во многихъ спискахъ. Объясненія его исполнены иносказанія, т. е. обилуютъ притчами, аллегорическими и символическими сравненіями и образами; поэтому при всемъ краснорѣчіи своемъ онѣ едва ли были понятны народу, и въ этомъ отношеніи уступаютъ поученіямъ митрополита Іларіона, хотя и заслужили Кириллу отъ его современниковъ названіе русскаго Златоуста. На его сочиненіяхъ видно сильное вліяніе библейской и византійской словесности и вообще знакомство съ твореніями греческихъ Отцовъ Церкви. Впрочемъ возможно, что не всѣ сочиненія, связанныя съ именемъ Кирилла, принадлежали именно епископу Туровскому. Кромѣ митрополита кіевскаго Кирилла, родомъ Грека, правившаго Русскою церковью въ 1224—1233 гг. и славившагося своею ученостію, извѣстенъ еще своими поученіями и любовью къ книжному дѣлу ростовскій епископъ Кириллъ II (1231—1262); по словамъ лѣтописи, князья, вельможи и не только жители Ростова, но также изъ окрестныхъ городовъ приходили въ соборную церковь Богородицы послушать поученія его «отъ святыхъ книгъ».

Къ знаменитымъ русскимъ іерархамъ и писателямъ до-Татарской эпохи принадлежитъ также старшій современникъ Кирилла Ростовскаго, Симонъ, первый отдѣльный епископъ Владиміро-Суздальскій (1215—1226). Мы имѣемъ любопытное его посланіе къ печерскому иноку Поликарпу. Симонъ самъ принялъ постриженіе въ Кіевопечерской обители; тамъ оставался у него другъ, чернецъ Поликарпъ. Сей послѣдній не скрывалъ своего намѣренія, по примѣру другихъ печерскихъ постриженниковъ, подняться на высшія степени духовной іерархіи; тѣмъ болѣе, что онъ уже побывалъ на игуменствѣ въ двухъ монастыряхъ. Ему покровительствовала сестра великаго князя Георгія II, Верхуслава Всеволодовна (о ея бракѣ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ сказано выше): она прочила его на епископскую каѳедру въ Новгородъ или въ Смоленскъ, или въ Юрьевъ, и писала о томъ Симону, прибавляя, что не пожалѣетъ для этого истратить (на подарки) тысячу гривенъ серебра; самъ великій князь хотѣлъ было назначить его намѣстникомъ Владимірской епархіи. Но

епископъ Симонъ рѣшительно имъ воспротивился, и по сему то поводу сочинилъ къ Поликарпу посланіе, въ которомъ сильно порицалъ его честолюбіе, и живыми красками изобразилъ всю славу и благодать, присущія такому святому мѣсту какъ Печерская обитель. Онъ увѣщевалъ инока не покидать этой обители, смирить свою строптивость и подчиниться совершенно своему игумену. «Кто не знаетъ красоты соборной Владимірской церкви, а также и Суздальской, которую я самъ создалъ?—пишетъ Симонъ.—Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ, и десятину сбираютъ по всей этой землѣ, и всѣмъ тѣмъ владѣетъ наша худость. Но какъ передъ Богомъ говорю тебѣ: всю сію славу и власть ни во что вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хотя коломъ торчать у воротъ или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ». Далѣе, чтобы подтвердить примѣрами великое значеніе и святость этой обители, Симонъ повѣствуетъ о нѣкоторыхъ печерскихъ подвижникахъ и чудесахъ, ими совершенныхъ. Затѣмъ онъ приводитъ преданія о построеніи печерскаго храма Богородицы, о чудныхъ видѣніяхъ и обстоятельствахъ, которыя сопровождали это построеніе.

По всей вѣроятности убѣжденія Симона подѣйствовали на Поликарпа; онъ смирился духомъ и остался въ своей обители. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ его посланіе къ своему игумену Акиндину. Въ этомъ посланіи Поликарпъ, по желанію Акиндина, повѣствуетъ о другихъ печерскихъ инокахъ, прославившихъ обитель, о которыхъ слышалъ отъ того же епископа Симона. Повѣствованія Симона и Поликарпа въ соединеніи съ сказаніемъ Нестора о св. Ѳеодосіи и началѣ Печерскаго монастыря составили впослѣдствіи тотъ сборникъ житій, который сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ «Печерскаго патерика». Эти сказанія, направленныя къ прославленію святой обители, обнаруживаютъ стремленіе подражать византійскимъ патерикамъ или сборникамъ житій Восточной церкви. Отсюда мы видимъ, какъ въ русскихъ сказаніяхъ повторяются многія черты общія съ тѣмъ, что выработала патрологія греческая. И самые иноки русскіе, знакомясь съ греческими житіями, естественно вдохновлялись аскетическими подвигами своихъ образцовъ, и стремились подражать имъ со всѣмъ рвеніемъ людей недавно обращенныхъ и глубоко

вѣрующихъ. По примѣру кіевскихъ и южно-русскихъ сказаній, и въ сѣверныхъ областяхъ Руси начали слагаться письменныя повѣствованія, имѣвшія цѣлью прославленіе мѣстночтимыхъ святыхъ, каковы были въ особенности знаменитые епископы или игумны—основатели важнѣйшихъ монастырей. Такъ въ Ростовѣ записываются сказанія о св. Леонтіѣ и Исаіи, въ Новгородѣ объ епископѣ Іоаннѣ, Антоніѣ Римлянинѣ и Варлаамѣ Хутынскомъ, въ Смоленскѣ о св. Авраамiѣ. Житія такихъ мѣстно-чтимыхъ святыхъ нерѣдко составлялись или ихъ учениками, или ближайшими преемниками. Напримѣръ, житіе Авраамія Смоленскаго составлено ученикомъ его инокомъ Ефремомъ. (Въ началѣ краткія, подобныя житія съ теченіемъ времени, при списываніи, обыкновенно подвергались разнымъ передѣлкамъ и дополненіямъ).

Дошедшія до насъ произведенія Русской словесности до-Татарской эпохи большею частію обнаруживаютъ въ сочинителяхъ значительную начитанность, т. е. не только знакомство съ книгами св. Писанія, библейскими и евангельскими, но и съ литературою греческою вообще. Это знакомство конечно пріобрѣталось при помощи постоянно размножавшихся славянскихъ переводовъ. Обиліе рукописей, сохранившихся до нашего времени при всѣхъ разрушительныхъ переворотахъ, ясно свидѣтельствуетъ о томъ ихъ количествѣ, которое обращалось на Руси въ тѣ времена, объ усердномъ ихъ переписываніи и о любви къ чтенію грамотныхъ русскихъ людей. Но предки наши почерпали свои свѣдѣнія о классическихъ писателяхъ древности и отцахъ церкви не прямо изъ ихъ произведеній, а изъ тѣхъ извлеченій, передѣлокъ и толкованій, которыми обиловала Византійская словесность. Изъ такихъ отрывочныхъ статей, переведенныхъ на Славянскій языкъ, составлялись тогда большіе рукописные сборники («изборники»). Подобные сборники, заключая въ себѣ статьи содержанія богословскаго, философскаго, повѣствовательнаго и пр., представляли такимъ образомъ своимъ читателямъ разнообразную духовную пищу. Отсюда любознательные люди знакомились съ разсказами о Троянской войнѣ и Александрѣ Македонскомъ, съ нѣкоторыми идеями Аристотеля и Платона, съ сочиненіями Василія Великаго, Іоанна Златоуста

и другихъ отцовъ церкви. Отсюда знакомились они даже съ произведеніями арабской литературы; чему примѣромъ служитъ повѣсть объ Акирѣ Премудромъ а Синагрипѣ царѣ, заимствованная изъ сказокъ Тысяча и одна ночь. Такіе сборники носили разныя названія, смотря по своему преобладающему содержанію; а именно: *палея*, если заключала въ себѣ ветхозавѣтныя сказанія; но къ этимъ сказаніямъ часто примѣшивались отрывки изъ такъ наз. апокрифическихъ («отреченныхъ») книгъ, т. е. недостовѣрныхъ, не признаваемыхъ церковью за подлинныя; далѣе, *пчела* — сборникъ притчей, нравственныхъ правилъ и изрѣченій, взятыхъ изъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ; *златая цѣпь* — избранныя мѣста изъ толкованій на Св. писаніе и изъ поученій отцовъ церкви; *прологъ* и *патерикъ*—сборники житій святыхъ, *хронографъ*—сборникъ историческихъ повѣствованій изъ исторіи Библейской, Греческой, Византійской и Славянскихъ народовъ (напримѣръ хронографы Іоанна Малалы, Георгія Амартола), и т. д.

Хотя грамотность еще не была широко распространена на Руси, однако дѣло книжнаго просвѣщенія по всѣмъ признакамъ шло успѣшно. Обученіемъ грамотности занималось конечно духовенство. Безъ всякаго сомнѣнія начатки училищъ, положенные Владиміромъ Великимъ и Ярославомъ Мудрымъ, распространялись и умножались при ихъ преемникахъ. Училища эти, заводимыя обыкновенно при соборныхъ церквахъ, особенно процвѣтали въ стольныхъ княжескихъ городахъ подъ непосредственнымъ попеченіемъ епископовъ. Кромѣ чтенія, письма, счета и церковнаго пѣнія, въ нѣкоторыхъ епископскихъ школахъ обучали и греческому языку; что было не трудно при существованіи многихъ Грековъ въ составѣ русскаго духовенства. Изъ подобныхъ училищъ выходили священники и другіе церковно-служители, которыхъ требовалось, конечно, великое число; изъ нихъ выходили не только многочисленные списатели или переписчики, но и переводчики; ибо несомнѣнно, что кромѣ болгарскихъ переводовъ, Русскіе въ тѣ времена имѣли и собственные переводы разныхъ произведеній византійской литературы. Нѣкоторые князья въ особенности извѣстны своимъ покровительствомъ книжному просвѣщенію; они покупали дорогою цѣною славянскія и греческія рукописи, заставляли еще переписывать

и переводить, и собирали такимъ образомъ у себя значительныя книгохранилища; кромѣ того прилагали особую заботу объ училищахъ, отдѣляя значительную часть изъ своихъ доходовъ на ихъ содержаніе. Таковы, напримѣръ: Романъ Ростиславичъ Смоленскій, Ярославъ Осмомыслъ Галицкій и Константинъ Всеволодовичъ Ростовско-Суздальскій. Есть извѣстіе, что послѣдній имѣлъ въ собственномъ хранилищѣ однихъ греческихъ книгъ болѣе тысячи; онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени и самъ занимался письменнымъ дѣломъ; между прочимъ, повидимому, сочинилъ для своихъ дѣтей поученіе, подобно Владиміру Мономаху. (Такія поученія дѣтямъ были тогда въ обычаѣ по примѣру Византіи).

Не говоря о князьяхъ русскихъ, которые, кажется, были всѣ грамотны, и конечно въ дѣтскомъ возрастѣ поручались для того особымъ наставникамъ, значительная часть дружинниковъ и многіе горожане также владѣли грамотностью. Слѣдовательно не одни дѣти духовенства посѣщали школы, основанныя при соборныхъ церквахъ, но также дѣти дружинниковъ и горожанъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то явленіе, что въ до-Татарскій періодъ книжное просвѣщеніе не было исключительно сосредоточено въ средѣ духовнаго сословія. Житія русскихъ святыхъ нерѣдко показываютъ намъ примѣры юношей, которые подъ вліяніемъ чтенія благочестивыхъ книгъ оставляютъ мірскую суету и уходятъ въ монастырь. Уже тогда въ русскихъ обителяхъ, какъ извѣстно, процвѣтало списываніе и сочиненіе книгъ; обители эти наполнялись людьми разнообразныхъ сословій и состояній; между ними были конечно и неграмотные; но едва ли не большинство приходило уже съ познаніями въ чтеніи и письмѣ. Наконецъ, до насъ дошли и сочиненія такихъ русскихъ людей, которые не принадлежали къ духовному сословію; напримѣръ, загадочное «Слово» Даніила Заточника.

Этотъ Даніилъ по всѣмъ признакамъ принадлежалъ къ сословію дружинному; за какую-то провинность былъ удаленъ (заточенъ) своимъ княземъ, и пишетъ къ нему посланіе; но къ какому именно князю, трудно рѣшить вслѣдствіе разногласія самихъ дошедшихъ до насъ списковъ Слова. По однимъ указаніямъ полагаютъ, что то былъ Юрій Долгору-

кій, по другимъ внукъ его Ярославъ Всеволодовичъ, по третьимъ Ярославъ Владиміровичъ, безъудѣльный князь Новогородскій конца XII вѣка. Мѣстомъ ссылки нѣкоторые списки называютъ Лачъ-озеро; а по другимъ можно подумать, что то былъ городъ Переяславль. «Кому Любово — говоритъ заточникъ—а мнѣ горе лютое, кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы, кому Лачъ озеро, а мнѣ на немъ сѣдя плачь горькій». Въ другомъ же спискѣ: «кому ти есть Переяславль, а мнѣ Гореславль». Выходки автора противъ дурныхъ совѣтниковъ княжескихъ и злыхъ женъ заставляютъ предполагать, что онъ пострадалъ вслѣдствіе какихъ-то навѣтовъ. Напримѣръ: «Князь не самъ впадаетъ въ печаль; но думцы вводятъ. Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ». Или: «лѣпше волъ ввести въ домъ свой нежели злая жена поняти. Лучше въ утлой ладьѣ по водѣ ѣздить, нежели злой женѣ тайны повѣдать» и т. д. Слово вооружается также противъ монаховъ, принявшихъ на себя ангельскій образъ не по внутреннему призванію. Вообще оно изобилуетъ остроумными поговорками и народными пословицами. Напримѣръ: «княжаго тіуна бойся какъ огня, а служителей его какъ искръ»; «глупаго учить въ худой мѣхъ воду лить» и пр. Начитанность автора обнаруживается знакомствомъ его съ лѣтописями и хронографами, а также многими заимствованіями изъ литературнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Пчелы. И самъ онъ выражается о себѣ такимъ образомъ: «хотя я въ Аѳинахъ не росъ и у философовъ не учился; но какъ пчела собираетъ по разнымъ цвѣтамъ, такъ и я по разнымъ книгамъ собираю сладость словесную».

Очевидно произведеніе Заточника пользовалось въ древней Руси большою извѣстностью. Можетъ быть, какое либо другое лицо, также впавши въ немилость, воспользовалось имъ, и, примѣнивъ его къ своимъ обстоятельствамъ, тоже обратилось съ этимъ посланіемъ къ своему князю и господину. По причинѣ такой передѣлки и многихъ переписываній явились конечно и самыя разногласія въ спискахъ. Сочувствіе читателей къ автору, пострадавшему отъ злыхъ людей, выразилось еще слѣдующею особою добавкою къ Слову, очевидно присочиненною впослѣдствіи: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ

заточеніи на Бѣлоозерѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустивъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть къ князю, и нача ее пороти, и узре князь сіе написаніе, и повелѣ Даніила свободити отъ горькаго заточенія». (15).

Политическое раздробленіе Руси на отдѣльныя княжества или земли естественно должно было отразиться и на произведеніяхъ русской словесности, получившихъ областные оттѣнки въ языкѣ и характерѣ изложенія или имѣвшихъ задачею мѣстные, необщерусскіе интересы. Таковые областные оттѣнки отражались, напримѣръ, при составленіи житія святыхъ мѣстночтимыхъ подвижниковъ, при записываніи святительскихъ поученій, народныхъ преданій и т. п. Яснѣе же всего обнаруживается нѣкоторое разнообразіе русской книжной словесности того времени на лѣтописномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи можемъ преимущественно указать на три средоточія: Кіевъ, Владиміро-Ростовъ и Новгородъ Великій; что вполнѣ соотвѣтствуетъ и тремъ главнымъ средоточіямъ русской политической жизни въ эпоху предъ-Татарскую.

Какъ и во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, Кіевъ для всей Руси служилъ образцомъ въ дѣлѣ лѣтописномъ до самаго окончательнаго своего упадка и разоренія. Начальная Кіевская лѣтопись или Повѣсть временныхъ лѣтъ, составленная въ Выдубецкомъ монастырѣ игумномъ Сильвестромъ при Владимірѣ Мономахѣ, продолжалась послѣ Сильвестра въ томъ же монастырѣ трудами его преемниковъ. Тѣсныя связи сего монастыря, а слѣдовательно и самой Кіевской лѣтописи, съ родомъ Мономаха выражаются постояннымъ ея расположеніемъ въ пользу Мономаховичей и прославленіемъ великихъ князей изъ этого рода. Въ особенности это обстоятельство обнаруживается по поводу построенія великимъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ стѣны Выдубецкаго монастыря въ 1200 г. (о чемъ сказано выше). Лѣтописецъ по сему поводу сочиняетъ горячее похвальное слово Рюрику. По всей вѣроятности, или такимъ лѣтописцемъ былъ самъ игуменъ Выдубецкій того времени Моисей, или лѣтопись составлялась кѣмъ-либо изъ монаховъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, при покровительствѣ и по порученію самихъ

великихъ князей. По примѣру Мономаха, преемники его конечно принимали близкое участіе въ лѣтописномъ дѣлѣ, и доставляли лѣтописцамъ необходимыя свѣдѣнія о совершавшихся событіяхъ. Кіевская лѣтопись, какъ и слѣдовало ожидать, слѣдитъ за событіями цѣлой Руси. Хотя наиболѣе подробностей она сообщаетъ объ исторіи Южнорусской; но не упускаетъ изъ виду и Сѣверной Руси. Напримѣръ, самое обстоятельное повѣствованіе о смерти и погребеніи Андрея Боголюбскаго мы находимъ именно въ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ..

Лѣтописцы суздальскіе являются прямыми послѣдователями и продолжателями лѣтописцевъ кіевскихъ; такъ что по дошедшимъ до насъ сводамъ трудно опредѣлить, съ какого именно времени началась особая лѣтописная дѣятельность въ Суздальской землѣ. Это обстоятельство тѣмъ естественнѣе, что и тутъ предметомъ лѣтописанія является все тотъ же родъ Мономаховичей, въ видѣ его младшей линіи. По всѣмъ признакамъ Кіево-Выдубецкій сводъ здѣсь усердно переписывался и продолжался подъ наблюденіемъ мѣстныхъ епископовъ и самихъ князей. Если въ Кіевѣ лѣтописное дѣло повидимому не находилось въ непосредственной связи съ митрополитами, которые были люди пришлые, родомъ Греки, то въ другихъ областяхъ Руси на оборотъ оно имѣло тѣсныя связи съ архіерейской каѳедрой, особенно тамъ, гдѣ утвердились чисто-русскіе іерархи, какъ это мы видимъ въ Ростовѣ и Новгородѣ. Существуютъ основанія полагать, что Суздальская лѣтопись велась именно при архіерейской каѳедрѣ въ Ростовѣ, а не во Владимірѣ Залѣсскомъ; извѣстно, что, уступивъ послѣднему первенство политическое, Ростовъ оставался средоточіемъ просвѣщенія въ Сѣверовосточной Руси. Судя по нѣкоторымъ намекамъ того сѣвернаго лѣтописца, который писалъ въ концѣ до-Татарской эпохи, можно заключить между прочимъ о непосредственномъ участіи въ его дѣлѣ епископа ростовскаго Кирилла II, отличавшагося ревностію къ книжному просвѣщенію.

Въ Новгородѣ Великомъ относительно лѣтописей мы находимъ болѣе самостоятельности чѣмъ въ Суздалѣ, то-есть менѣе зависимости отъ Кіева. Но и тамъ въ основу этого дѣла положена была начальная Кіевская лѣтопись Сильвестра Вы-

дубецкаго; новогородскіе же продолжатели его по большей, части описывали только событія своего роднаго города и своей земли, мало интересуясь судьбами другихъ русскихъ земель. Такъ какъ въ Новгородѣ не утвердилась ни одна княжеская вѣтвь, то лѣтопись вѣроятно велась безъ участія князей, подъ исключительнымъ надзоромъ архіепископовъ. Любопытно однако, что по нѣкоторымъ признакамъ она велась не при Софійскомъ соборѣ, а при церкви св. Якова въ Неревскомъ концѣ. По крайней мѣрѣ есть поводъ думать, что однимъ изъ первыхъ составителей Новогородскаго лѣтописнаго свода былъ священникъ этой церкви Германъ Воята, поставленный епископомъ Нифонтомъ (въ 1144 г.). Возможно, что онъ предпринялъ лѣтописное дѣло по порученію знаменитаго владыки св. Іоанна, усерднаго поборника новогородской самобытности, и очевидно былъ лицомъ приближеннымъ къ архіерейскому дому. Германъ Воята скончался при братѣ Іоанна, архіепископѣ Гавріилѣ, сопровождая его на пути въ Псковъ (въ 1188 г.), послѣ сорокапятилѣтняго священства при церкви св. Якова. Въ числѣ продолжателей его въ первой половинѣ XIII вѣка упоминаетъ о себѣ пономарь Тимоѳей. Сей послѣдній могъ быть собственно списателемъ или переписчикомъ; а если и велъ лѣтопись, то конечно со словъ своего священника; ибо трудно предположить, чтобы такое дѣло владыко поручилъ прямо пономарю. Близкое участіе въ составленіи лѣтописи, кажется, принималъ архіепископъ Антоній, бывшій бояринъ Добрыня Ядрейковичъ, новогородскій патріотъ и писатель; онъ извѣстенъ своимъ паломничествомъ на востокѣ и помянутымъ выше описаніемъ цареградскихъ святынь. Едва ли ему не принадлежитъ и повѣсть о взятіи Царяграда Латинами, вошедшая въ составъ Новгородской лѣтописи. Эта лѣтопись имѣетъ областныя отличія какъ по языку своему, такъ и по характеру. Хотя въ основу книжной рѣчи обыкновенно полагался языкъ Церковнославянскій; но здѣсь на каждомъ шагу можно видѣть слѣды мѣстнаго сѣвернорусскаго нарѣчія. А въ изложеніи новогородскіе лѣтописцы отличаются отъ кіевскихъ краткостію и сжатостію, доходящею до сухости; но оно не лишено энергіи и выразительности. Видно, что это были люди дѣловые, практическіе, заботившіеся о сущности дѣла, несклонные приводить большія выписки изъ книгъ Св. писанія и пере-

сыпать разсказъ собственными разсужденіями, какъ это дѣлали лѣтописцы южнорусскіе.

До насъ не дошли лѣтописи смоленскія, полоцкія, черниговскія и рязанскія, и мы не знаемъ, существовали ли онѣ въ самостоятельномъ видѣ. Судя по нѣкоторымъ, хотя отрывочнымъ, но точнымъ извѣстіямъ, вошедшимъ въ позднѣйшіе своды, надо полагать, что и тамъ велись какія-либо записки или памятныя замѣтки при архіерейскихъ каѳедрахъ. Мы имѣемъ только особую лѣтопись Галицко-Волынскую, которая подобно Суздальской, является продолженіемъ Кіевскаго лѣтописанья и также прославляетъ родъ Мономаха, то-есть старшую его линію; но составлена она очевидно уже позднѣе Татарскаго нашествія ([46]).

При извѣстной пѣвучести Русскаго и вообще Славянскаго племени, при сильно развитой у него сторонѣ чувства и воображенія, нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена какъ и послѣ русскій человѣкъ любилъ выражать пѣснію и радость, и горе, пѣть при торжественныхъ случаяхъ жизни, какъ напримѣръ на свадьбѣ, или слагать былины на память о своихъ вождяхъ и герояхъ. Но такія произведенія народной поэзіи, слагавшіяся людьми неграмотными, не дошли до насъ, потому что не были записаны. Люди грамотные, согласно съ благочестивымъ направленіемъ письменности, и не могли записывать подобныхъ произведеній, носившихъ на себѣ еще яркіе слѣды миѳологическихъ или языческихъ представленій. Пѣсни порицались духовенствомъ наравнѣ съ плясками и народными играми.

По всей вѣроятности уже въ эти времена получили начало тѣ эпическія сказанія или былины, которыя воспѣвали кіевскаго князя Владиміра Красное Солнышко и его богатырей. Но по извѣстнымъ былинамъ, дошедшимъ до насъ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ и наслоеніяхъ, трудно судить, въ какомъ видѣ онѣ существовали въ эпоху до-Татарскую. Точно также можно предположить, что уже въ эту эпоху начали слагаться новогородскія былины о Садкѣ богатомъ гостѣ и объ удаломъ повольникѣ Василіѣ Буслаевичѣ или Богуславичѣ. Садко или Содко былъ повидимому лицо историческое. Новогородская лѣтопись подъ 1167 годомъ говоритъ о Содко

Сытиничѣ, который заложилъ каменный храмъ Бориса и Глѣба въ Софійскомъ дѣтинцѣ. А подъ 1228—29 гг. она упоминаетъ о знатномъ новогородцѣ Богуславѣ Гориславичѣ (который могъ быть отцомъ ватамана повольниковъ Василія Богуславича).

Имѣемъ основаніе предполагать, что въ Южной Руси въ тѣ времена пѣлись хвалебныя пѣсни князьямъ еще при ихъ жизни по поводу какого либо подвига. Такъ по извѣстію одного польскаго лѣтописца (Длугоша), когда Мстиславъ Удалой разбилъ Угровъ и Поляковъ и освободилъ отъ нихъ Галичъ (въ 1221 г.), то въ честь его немедленно была сложена хвалебная пѣснь, которою его привѣтствовали Галичане. Затѣмъ имѣемъ доказательства, что иногда существовали придворнокняжескіе пѣвцы или поэты—дружинники, слагавшіе пѣсни въ честь князей, которымъ они служили. Князья конечно весьма дорожили такими людьми, и старались имѣть ихъ въ своей службѣ. Выдающіеся таланты на этомъ поприщѣ не могли быть многочисленны. Тѣмъ не менѣе можемъ указать на три лица. Во первыхъ, Баянъ, котораго Слово о Полку Игоревѣ изображаетъ пѣснотворцемъ, прославлявшимъ преимущественно родъ Святослава Ярославича, слѣдовательно поэтомъ черниговосѣверскимъ, жившимъ приблизительно во второй половинѣ XI вѣка. Во вторыхъ, самъ неизвѣстный намъ по имени авторъ Слова о Полку Игоревѣ, воспѣвавшій князей той-же Черниговo-Сѣверской вѣтви и жившій во второй половинѣ XII вѣка. Въ третьихъ, Митуся, о которомъ упоминаетъ Галицко-Волынская лѣтопись подъ 1241 годомъ. Она называетъ его «словутнымъ пѣвцомъ», который по гордости не хотѣлъ прежде служить Даніилу Романовичу. Произведенія перваго и третьяго до насъ не дошли. За то сохранилось твореніе втораго, этотъ превосходный образецъ древнерусской героической поэзіи.

Авторъ Слова о Полку Игоревѣ очевидно былъ дружинникъ, но въ тоже время человѣкъ книжно весьма образованный, знакомый съ произведеніями Русской и Болгарской, а слѣдовательно и Греческой словесности. Его высокій поэтическій даръ блещетъ въ каждомъ оборотѣ рѣчи, въ каждомъ сравненіи и уподобленіи, не смотря на то, что твореніе его дошло до насъ съ значительными искаженіями и пропу-

сками. Умѣнье сочетать возвышенную книжную рѣчь съ живою, народною, вообще энергія, образность, изящество его языка превосходятъ все, что только намъ извѣстно изъ древнерусской словесности. Поэтъ съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался тѣми миѳологическими вѣрованіями, которыми еще было напитано народное воображеніе. Вся природа изображается у него существомъ живымъ, чувствующимъ и горе, и радость вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами. Русскій княжій родъ является у него потомствомъ самого Дажьбога, и это было конечно ничто иное какъ народное вѣрованіе, удержавшееся отъ языческихъ временъ. (Слѣдовательно домыселъ о призваніи русскихъ князей изъ-за моря и ихъ иноземномъ происхожденіи никогда не былъ собственно народнымъ преданіемъ). Баянъ и вообще пѣвецъ у него называется внукомъ бога Велеса; вѣтры это внуки Стрибога, солнце именуется Хорсомъ и т. д. Такія уподобленія, какъ и самая обработанность языка, а также многіе обороты и поговорки, очевидно сдѣлавшіеся обычными въ дружинномъ быту или взятые изъ народной рѣчи, ясно указываютъ, что этотъ родъ поэзіи издавна процвѣталъ при русскихъ княжихъ дворахъ, имѣлъ уже свои правила и пріемы; а въ Словѣ о Полку Игоревѣ достигъ замѣчательной степени своего развитія. Если до насъ не дошли другія произведенія того же рода, и самое Слово найдено (въ концѣ XVIII вѣка) только въ одномъ сборникѣ, виною тому могло быть вообще нерасположеніе духовенства къ такого рода сочиненіямъ, наполненнымъ языческими представленіями (а въ темные вѣка Татарскаго ига только духовенство было грамотнымъ сословіемъ, занимавшимся между прочимъ списываніемъ рукописей); возможно при томъ, что многія подобныя пѣсни слагались поэтами дружинниками, но не были никѣмъ своевременно записаны.

Вѣрный тому княжему колѣну, которому самъ служилъ, т. е. Черниговo-Сѣверскому, поэтъ съ любовью изображаетъ его членовъ, и младшихъ и старшихъ; съ великимъ уваженіемъ относится онъ къ современному главѣ этого колѣна, Святославу Всеволодовичу, который тогда занималъ великій столъ Кіевскій. Вообще Черниговскіе Ольговичи въ этомъ произведеніи являются предъ нами съ чертами весьма симпа-

тичными; тогда какъ Кіевская лѣтопись (Выдубецкій сводъ), прославляя постоянно колѣно Мономаховичей, мало даетъ намъ подробностей о дѣяніяхъ Ольговичей или относится къ нимъ недружелюбно. Мѣстный черниговосѣверскій патріотизмъ не мѣшаетъ однако пѣвцу Слова распространять свое теплое сочувствіе на всѣ области Русской земли, и съ уваженіемъ отзываться о Мономаховичахъ того времени, каковы Всеволодъ Большое Гнѣздо или Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, а также о Ярославѣ Осмомыслѣ Галицкомъ и пр. При этомъ поэтъ обнаруживаетъ замѣчательное знакомство съ политическимъ положеніемъ и съ характеромъ природы русскихъ областей. Онъ съ особою силою указываетъ на распри русскихъ князей какъ на главную причину бѣдствій, которыя Русская земля претерпѣвала отъ иноплеменниковъ, особенно отъ степныхъ варваровъ. Эта горячая любовь ко всей Русской землѣ, къ ея славѣ и чести, а также скорбь о недостаткѣ единенія между ея князьями сообщаютъ всему произведенію особую привлекательность для русскаго сердца, и конечно не мало способствовали спасенію Слова отъ забвенія до позднѣйшихъ вѣковъ.

Ни одно произведеніе древней Руси не рисуетъ передъ нами съ такою живостію и наглядностію ея дружинно-княжескій бытъ какъ Слово о Полку Игоревѣ—явленіе вполнѣ естественное, потому что авторъ его несомнѣнно самъ принадлежалъ къ дружинѣ. Князь и дружина это предметы его прославленія; вездѣ они представляются понятіями неразрывными, и притомъ едва ли неолицетворяющими собою понятіе о всей Русской землѣ. Народъ или собственно «черные люди» остаются у него совершенно въ тѣни, на заднемъ планѣ. Съ этой стороны русская придворно-княжеская поэзія имѣла такой же аристократическій характеръ какъ и рыцарская поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ въ Западной Европѣ. А если судить по художественному, симпатичному изображенію Ярославны, супруги Игоря, то и со стороны женскихъ идеаловъ (въ которыхъ отражаются общественные нравы) наша поэзія едва ли уступала современной ей поэзіи западной. ([47]).

Слово о Полку Игоревѣ есть живой отрывокъ изъ древнерусской жизни; на ряду съ изящнымъ Владиміро-Дмитріев-

скимъ соборомъ и другими важнѣйшими памятниками, оно служитъ нагляднымъ доказательствомъ той сравнительно высокой степени, до которой достигла Русская гражданственность въ эпоху предъ-Татарскую.

Раздробленіе древней Руси на удѣлы, столь невыгодное для нея въ отношеніи къ иноплеменнымъ народамъ, имѣло другія, благопріятныя стороны въ отношеніи гражданственномъ. Оно обусловливало существованіе не одного, а многихъ средоточій, изъ которыхъ распространялись на окрестныя области начатки просвѣщенія и христіанскихъ нравовъ. Каждый значительный стольный городъ служилъ такимъ средоточіемъ. Каждый князь въ своемъ удѣлѣ долженъ былъ непосредственно помогать и дѣлу церкви, и книжному просвѣщенію, и дѣлу правосудія, способствовать успѣхамъ искусствъ, промышленности, торговли и всякой отрасли общественнаго порядка. Каждый дворъ княжій былъ не только собраніемъ опытныхъ, умныхъ бояръ и дружинниковъ или привлекалъ людей книжно образованныхъ, но и по естественному теченію дѣлъ, служилъ источникомъ и образчикомъ болѣе смягченныхъ нравовъ. Какъ и вездѣ при монархическомъ строѣ, отсюда распространялись на окрестную область начатки образованности, гражданскихъ обычаевъ и отношеній. Такъ какъ каждое изъ сихъ средоточій имѣло чисто русскій характеръ, то слѣдовательно вмѣстѣ съ распространеніемъ русской образованности подвигалось впередъ почти одинаковое, дружное обрусѣніе разнообразныхъ земель, подчиненныхъ дому Владиміра Великаго.

Уже въ первые вѣка нашей эры Славянорусское племя, жившее вблизи Черноморскихъ греческихъ колоній, воспринимало въ себя нѣкоторыя начала богатой греко-римской гражданственности. Многіе памятники быта, найденные при раскопкѣ южнорусскихъ могильныхъ кургановъ, указываютъ также на торговыя и другія сношенія (чрезъ посредство прикавказскихъ народовъ) съ Персидской имперіей Сассанидовъ, которая была въ тѣ времена представительницей Азійской образованности. Съ распространеніемъ своего господства на большую часть Восточной Европы и съ принятіемъ христіанства по грековосточному обряду, русская гражданственность

получила еще болѣе широкое развитіе. Тѣсныя связи съ Византіей вліяли непосредственно на усвоеніе книжнаго просвѣщенія, искусствъ и промышленности греческой; развитію книжнаго дѣла помогали отчасти и связи съ единоплеменными Дунайскими Болгарами, отъ которыхъ мы получили многіе славянскіе переводы. Далѣе, Русь воспринимала въ себя начатки и западноевропейской гражданственности при посредствѣ торговыхъ, военныхъ и другихъ связей съ Венгріей, Польшей, Германіей и Скандинавіей. Съ востока чрезъ Камскую Болгарію и Хазарію мы получали произведенія арабско-мусульманской цивилизаціи, которыя также оказывали нѣкоторое вліяніе на наше искусство и промышленность.

При своей богато одаренной, воспріимчивой натурѣ Русское племя умѣло до извѣстной степени усвоивать помянутыя начала и вліянія, и на основѣ собственныхъ преданій, обычаевъ и вкусовъ вырабатывать своеобразную самобытную гражданственность. Все обѣщало ей блестящее развитіе, которое могло поставить Восточную Европу наравнѣ съ Западной. Но злѣйшимъ врагомъ этой гражданственности была сосѣдняя степь съ ея кочевыми варварами. Уже Печенѣги и особенно Половцы задержали успѣхи русской образованности. Затѣмъ, едва Русь справилась съ этими врагами и начала обратное движеніе на степь, какъ изъ Азіи надвинули новыя тучи степныхъ варваровъ, противъ которыхъ оказался несостоятельнымъ политическій строй удѣльно-вѣчевой Руси. Русская гражданственность подверглась жестокому погрому; а послѣ него наступила тяжелая, долгая борьба за національную самобытность, сопровождаемая развитіемъ крѣпкой государственной организаціи; для чего потребовались всѣ народныя силы и средства.

XX.

МОНГОЛО-ТАТАРЫ.—ЗОЛОТАЯ ОРДА.

Родина Монголовъ.—Сказанія о Чингизъ-ханѣ.—Его завоеванія.—Татары въ Половецкой степи. — Кіевскій сеймъ. — Походъ русскихъ князей въ степь.—Калкское пораженіе.—Затишье въ Сѣверной и тревоги въ Южной Руси.—Близорукая политика Мстислава Удалаго и новое вмѣшательство Угровъ.—Утвержденіе Даніила Романовича въ Галичѣ.—Разныя бѣдствія и явленія. — Возрастаніе Монголо-Татарской имперіи.—Походъ Батыя на Восточную Европу.—Военное устройство Татаръ.—Нашествіе на Рязанскую землю.—Разореніе Суздальской земли и стольнаго города.—Пораженіе и гибель Юрія II.—Обратное движеніе въ степь и разореніе Южной Руси.— Паденіе Кіева. — Походъ въ Польшу и Венгрію.—Основаніе Кипчакскаго царства. — Извѣстія о Татарахъ Плано Карпини и Рубруквиса.

Высокія равнины Средней Азіи издревле служили колыбелью кочевыхъ народовъ Турецкаго и Монгольскаго корня; первые занимали западную часть этихъ равнинъ, а вторые—восточную или, такъ называемую, степь Гоби. Между тѣмъ какъ турецкіе народы находились подъ вліяніемъ мусульманской цивилизаціи Передней Азіи, монгольскіе испытывали непосредственное вліяніе Китая. Знаменитая Каменная Стѣна, какъ извѣстно, мало достигала своей цѣли. Кочевники не только прорывались черезъ нее и грабили китайскія области; но иногда завоевывали самую страну, и возводили на престолъ Китая собственныя династіи, которыя, въ свою очередь, обновляли могущество имперіи и налагали дань на своихъ степныхъ соплеменниковъ. Такъ, въ XII вѣкѣ надъ всею сѣверною половиною Китая господствовало манджурское племя Ніучей, которые держали въ своей зависимости значительную часть Монголовъ. Но, по обыкновенію, завоеватели подчинялись вліянію гораздо болѣе цивилизованнаго, хотя бы покореннаго народа, принимали его нравы, образъ жизни, и утра-

чивали нѣкоторыя племенныя черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали свою дикую энергію и воинственность.

Родиной того Монгольскаго племени, изъ котораго вышли наши завоеватели, была горная окраина степи Гоби, лежащая за Байкаломъ, орошаемая Ингодою, Онономъ, Керлономъ и другими источниками Амура, обильная лѣсомъ и пастбищами. Племя это, подобно другимъ монголо-татарскимъ кочевникамъ, дѣлилось на разныя части или кочевья, такъ называемые юрты, улусы, орды и т. п. Всякая орда имѣла свои знатныя семьи или сословіе благородныхъ (нойоны, беки), а также и свой княжескій или владѣльческій родъ, изъ котораго выбирались ханы. Власть ханская была ограничена сеймомъ или собраніемъ знатныхъ, которое созывалось въ важныхъ случаяхъ и называлось курилтаемъ. Этотъ курилтай выбиралъ самихъ хановъ или подтверждалъ ихъ наслѣдственныя права. При такомъ политическомъ строѣ, умный, энергичный ханъ часто могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ неограниченную власть надъ своимъ племенемъ. Подобный ханъ, не довольствуясь собственнымъ удѣломъ, нерѣдко налагалъ дань на сосѣднихъ хановъ, силою отнималъ у нихъ часть подданныхъ, или ловкою политикой переманивалъ ихъ въ свою орду. Вслѣдствіе того, въ степи иногда слагалась довольно могущественная монархія, которая могла выставить многіе десятки тысячъ вооруженныхъ людей, и тогда она становилась страшною для ближнихъ осѣдлыхъ государствъ. Но рѣдко такое могущество переживало своего основателя. Со смертію его, оно дѣлилось между братьями или сыновьями, а потомъ падало въ ихъ междоусобіяхъ. Тѣмъ не менѣе постоянное занятіе охотою, почти безпрерывныя мелкія войны между ханами и частые набѣги на сосѣдей, ради добычи, развивали и поддерживали тѣлесную крѣпость и воинственный духъ монгольскихъ племенъ. При этомъ у ихъ предводителей вырабатывались иногда замѣчательно хитрый, острый умъ, находчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей.

Подобно всѣмъ основателямъ великихъ монархій или родоначальникамъ знаменитыхъ династій, Чингизъ-ханъ не имѣетъ недостатка въ баснословныхъ преданіяхъ, которыми позднѣйшіе мусульманскіе лѣтописцы (татарскіе и персидскіе)

украсили его происхожденіе и подвиги. Напримѣръ, въ числѣ его предковъ упоминаютъ нѣкоего Огузъ-хана, который, будучи еще груднымъ ребенкомъ, проявилъ себя ревностнымъ мусульманиномъ, а потомъ, сдѣлавшись ханомъ, покорилъ многіе народы. Далѣе повѣствуютъ о ханшѣ, по имени Алангоа, которая, оставшись вдовою, отъ солнечнаго свѣта родила трехъ сыновей; младшій изъ нихъ былъ предкомъ Чингизъ-хана. Отецъ послѣдняго, Есукай-Багадуръ, отличался храбростію и предпріимчивостію; онъ успѣлъ соединить подъ своею властію многіе сосѣдніе роды и поколѣнія, такъ что ему платило дань отъ тридцати до сорока тысячъ семействъ. Чингизъ-ханъ родился около 1160 года по Р. Х. и получилъ имя Темуджина. Тѣ же баснословныя сказанія прибавляютъ, что онъ явился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови въ сжатой рукѣ, и что нѣкто при этомъ случаѣ предсказалъ ему будущую славу и завоеваніе всего міра.

Темуджину было только тринадцать лѣтъ, когда скончался его отецъ. Большая часть родовъ, подвластныхъ Есукай-Багадуру, воспользовалась смертью послѣдняго, отказалась платить дань его сыну и откочевала отъ его юрта. Не довольствуясь тѣмъ, мятежники нападали на его кочевья, отгоняли скотъ, брали плѣнниковъ и вообще вели съ нимъ обычныя между сосѣдями войны. Для молодаго Темуджина начался долгій періодъ различныхъ испытаній и превратностей судьбы. Не разъ въ войнахъ съ сосѣдними племенами онъ терпѣлъ неудачи, измѣны, различныя обиды, и попадалъ въ руки враговъ, отъ которыхъ избавлялся почти чудеснымъ образомъ. За то въ теченіе этого періода закалились его характеръ и мужество; развились его изобрѣтательный умъ и военный геній, вмѣстѣ съ холодною разсчетливою свирѣпостью. Есть извѣстіе, что нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ у Ніучей, въ Китаѣ, и воспользовался тѣмъ временемъ, чтобы познакомиться съ зрѣлою гражданственностію Китайскаго народа, а въ особенности изучить тамъ разные пріемы военнаго искусства, болѣе усовершенствованные чѣмъ у дикихъ кочевниковъ, сильныхъ только своею конницею и своимъ умѣньемъ стрѣлять изъ лука; въ чемъ они упражнялись съ дѣтскихъ лѣтъ. Одинъ современный ему китайскій лѣтописецъ изображаетъ Темуджина человѣкомъ непохожимъ по наружности на другихъ Мон-

головъ, людей неуклюжихъ, съ короткими ногами, съ плоскимъ скуластымъ лицомъ и тупымъ носомъ, съ узкими, далеко разставленными глазами, безъ верхнихъ рѣсницъ, съ рѣдкими волосами на бородѣ и усахъ. Онъ, напротивъ, отличался очень высокимъ ростомъ, большимъ лбомъ и длинною бородою. Вѣроятно, какъ и прочіе Монголы, онъ носилъ волосы на китайскій образецъ, то-есть бритые на передней части головы, съ длинной косой на затылкѣ.

Вотъ одна изъ тѣхъ баснословныхъ превратностей, которыя постигали будущаго грознаго завоевателя въ молодости, на его родинѣ. Разъ враждебное племя Тайджигутовъ напало на кочевье Темуджина и его братьевъ, и потребовало отъ ихъ матери выдачи только его одного. Темуджинъ спрятался въ недоступной пещерѣ, на берегахъ рѣки Онона; провелъ тамъ девять сутокъ безъ пищи и питья. Наконецъ онъ вышелъ изъ своего убѣжища, рѣшивъ, что, если ему суждено умереть, на то есть воля Тенгри (или неба, почитаемаго Монголами за верховное божество). Подстерегавшіе враги схватили его, отвезли въ свое кочевье и заключили въ оковы, а на шею, сверхъ того, надѣли деревянную колодку. Одна старая женщина сжалилась надъ молодымъ плѣнникомъ, и подложила ему кусокъ войлока на плечи, чтобы колодка не слишкомъ ихъ терла. Случилось, что Тайджигуты справляли большой праздникъ и до-пьяна напились кумысу. Темуджинъ разбилъ ножныя оковы, ударилъ ими своего сторожа и, убѣжавъ, спрятался въ болотѣ. Враги искали его; но тутъ одинъ изъ ихъ же племени, замѣтивъ его въ водѣ, послалъ искавшихъ въ другую сторону. Онъ же потомъ спряталъ его у себя въ возу съ овечьей шерстью, а когда обманутые сыщики удалились, далъ ему быструю кобылицу, и Темуджинъ благополучно воротился въ свое кочевье. Такимъ образомъ, во время неудачъ и превратностей счастья, онъ всегда находилъ людей, которые помогали ему избавляться отъ опасности. Щедростію и ласкою онъ умѣлъ привлечь къ себѣ сердца и приготовить многихъ союзниковъ, которые способствовали его возвышенію.

Темуджину было уже за сорокъ лѣтъ, когда долгая, настойчивая борьба съ разными препятствіями и обстоятельствами увѣнчалась наконецъ полнымъ успѣхомъ, и судьба сдѣлалась

постоянно къ нему благосклонна. Тайджигуты соединились съ нѣкоторыми племенами, когда-то отложившимися отъ Темуджина, и пошли на него съ большимъ войскомъ. Онъ собралъ всѣ подвластные себѣ тринадцать родовъ, расположилъ ихъ одинъ подлѣ другаго, въ видѣ кольца, и мужественно встрѣтилъ непріятелей. Упорная битва окончилась полнымъ ихъ пораженіемъ. Семьдесятъ тайджигутскихъ бековъ, захваченныхъ въ плѣнъ, Темуджинъ велѣлъ бросить въ семьдесятъ кипящихъ котловъ. Большая часть побѣжденныхъ родовъ признали надъ собой его власть. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ удачныхъ войнъ съ другими монголо-татарскими ханами; число подвластныхъ ордъ начало быстро возрастать. Въ этихъ войнахъ вѣрнымъ его союзникомъ былъ старый Ванъ-ханъ или начальникъ сильнаго племени Кераитовъ, по имени Тулуй, много обязанный его отцу Есукай-Багадуру. Помогая другъ другу, Темуджинъ и Ванъ-ханъ неразъ одолѣвали враждебные имъ союзы другихъ хановъ. Однако, побуждаемый своимъ сыномъ, который завидовалъ возраставшему могуществу Темуджина, старикъ впослѣдствіи разорвалъ союзъ и затѣялъ междоусобіе. Оно окончилось пораженіемъ и смертью Тулуя и его сына; а племя Кераитовъ подчинилось побѣдителю. Теперь Темуджинъ уже не имѣлъ болѣе соперниковъ между монгольскими ханами. Въ 1203 году онъ созвалъ большой курилтай на богатыхъ пастбищами берегахъ Керлона, угостилъ собравшихся роскошнымъ пиромъ и заставилъ провозгласить себя верховнымъ ханомъ монгольскихъ ордъ. Рядомъ съ знаменемъ своего рода, состоявшимъ изъ четырехъ конскихъ хвостовъ, онъ развернулъ другое, изъ девяти хвостовъ яка или дикаго буйвола, по числу девяти монгольскихъ колѣнъ. Тутъ же, по словамъ преданія, одинъ вѣщій человѣкъ (конечно, шаманъ) объявилъ народу, будто онъ посланъ самимъ небомъ возвѣстить, что Темуджину предназначено овладѣть вселенной и что отнынѣ онъ долженъ называться Ч и н г и з ъ-х а н о м ъ. (По нѣкоторымъ толкованіямъ—«великій ханъ»).

Обширныя завоеванія быстро послѣдовали одно за другимъ. Постепенное подчиненіе западныхъ или турко - татарскихъ ордъ привело Чингизъ-хана въ столкновеніе съ Гуръ-ханомъ; такой титулъ носилъ тогда владѣтель Кара-Китая или Восточнаго Туркестана. Послѣдній былъ завоеванъ. Затѣмъ

подчинены Уйгуры, самое образованное изъ турецкихъ племенъ, обитавшее въ Алтайскихъ горахъ. (Отъ нихъ Монголы заимствовали азбуку). Потомъ подверглось разгрому царство Тангутское, лежавшее въ южной Монголіи, сопредѣльное Китаю. При этихъ завоеваніяхъ Чингизъ-хану помогали не только его военный геній и многочисленность войска, но еще болѣе—умѣнье пользоваться взаимною враждою, ошибками или неспособностью сосѣднихъ государей. Соединивъ подъ своею властію бо̀льшую часть монголо-татарскихъ и турко-татарскихъ кочевниковъ Средней Азіи, Чингизъ обратилъ оружіе на Китай, т. е. на сѣверную его половину или имперію манджурскихъ Ніучей, которыхъ династія называлась Кинъ; государь ихъ носилъ титулъ Алтунъ-хана. Китайское правительство, безпечно допустившее быстрое возрастаніе Чингизова могущества, вдругъ потребовало отъ него прежде платимой дани. Отсюда возникла упорная война. Темуджинъ проникъ за Каменную Стѣну, и внесъ опустошеніе внутрь имперіи. Ніучи, уже успѣвшіе утратить отчасти свой воинственный духъ, не могли противустать въ открытомъ полѣ; а защищались въ укрѣпленныхъ городахъ, которые явились въ началѣ неприступными для Монголовъ, какъ исключительно коннаго войска. Но тутъ же они научились искусству брать эти города, отчасти долгимъ обложеніемъ и голодомъ, отчасти — усвоивъ себѣ стѣнобитныя машины, умѣнье дѣлать подкопы и другіе осадные пріемы, употреблявшіеся въ Китаѣ. Взявъ и разграбивъ какой-нибудь городъ и подступая къ другому, Монголы выставляли обыкновенно плѣненныхъ жителей впереди своего войска и принуждали ихъ исполнять разныя осадныя работы. Такимъ образомъ защитникамъ приходилось бросать стрѣлы и другіе метательные снаряды въ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, что̀ конечно ослабляло мужество первыхъ. Борьба съ сильной имперіей однако была нелегка. Чингизъ-ханъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Китай, прежде нежели ему удалось овладѣть столицей Пекиномъ и поколебать владычество Ніучей. Полное завоеваніе этой имперіи было окончено уже при его преемникѣ. Въ борьбѣ съ Китаемъ Монголамъ помогли въ особенности его внутреннія неустройства, какъ-то: убійство и сверженіе государей ихъ соперниками, измѣна

нѣкоторыхъ военачальниковъ, нелюбовь китайскаго населенія къ своимъ манджурскимъ завоевателямъ и проч. Всѣми этими обстоятельствами монгольскій ханъ умѣлъ искусно воспользоваться; кромѣ того, къ союзу противъ имперіи Киновъ онъ привлекъ Сунговъ, властителей другой, южной, части Китая.

Во время этой борьбы вниманіе Темуджина частію было отвлечено въ иную сторону, т. е. на западъ, войною съ другимъ могущественнымъ государемъ Азіи, именно съ Магометомъ, султаномъ Ховарезма или югозападнаго Туркестана. Магометъ оружіемъ расширилъ свое царство съ одной стороны до береговъ Каспійскаго моря, а съ другой — до рѣки Инда, и завладѣлъ бо̀льшею частію Персіи. Въ началѣ турецкій султанъ и монгольскій ханъ заключили между собою дружескій и торговый договоръ. Но надменный Магометъ не оцѣнилъ Чингизова могущества, и легкомысленно нарушилъ договоръ: онъ отказался удовлетворить хана за монгольскій караванъ, разграбленный въ турецкихъ владѣніяхъ, и за убійство Чингизовыхъ пословъ. Отсюда возникла жестокая война, покрывшая пепломъ и сотнями тысячъ труповъ многія цвѣтущія дотолѣ страны, въ особенности область Аму-Дарьи, средоточіе Магометова царства. И тутъ Чингизъ-ханъ ловко воспользовался обстоятельствами для борьбы съ непріятелемъ, въ особенности взаимною враждою султана и багдадскаго халифа Аль-Нассира. Халифатъ находился уже въ полномъ упадкѣ, и Магометъ вздумалъ подчинить его своей верховной власти. Тогда халифъ самъ началъ возбуждать противъ него монгольскаго завоевателя. Въ имперіи Магомета одна часть жителей слѣдовала суннитскому толку, другая шіитскому. Султанъ покровительствовалъ послѣднему; поэтому халифъ вооружалъ противъ него суннитскихъ подданныхъ; чѣмъ увеличивалъ разладъ въ Харезмской имперіи, и безъ того составленной изъ разнообразныхъ, чуждыхъ другъ другу, народовъ. Уже при самомъ началѣ войны, Магометъ оказался слабѣе своего противника въ открытомъ полѣ, а потому, также какъ и китайскій государь, принужденъ былъ ограничиться защитою укрѣпленныхъ городовъ. Чингизъ-ханъ и его сыновья прошли опустошительнымъ потокомъ по непріятельской землѣ. Несмотря на отчаянное со-

противленіе, города одинъ за другимъ падали въ руки Монголовъ; при чемъ одна часть способныхъ носить оружіе обыкновенно присоединялась къ войску побѣдителей, а другая безъ пощады истреблялась, или обращалась въ рабство. Такъ пали, между прочимъ, славившіеся своею торговлею и мусульманскою образованностію: Бухара, Ходжентъ, Самаркандъ, Балкъ, Ургенчъ, Мервъ, Гератъ и др. Истребляя жителей или забирая ихъ въ плѣнъ, чтобы съ корнемъ вырвать всякую возможность сопротивленія и бунта на будущее время, Чингизъ-ханъ приказывалъ щадить только художниковъ и ремесленниковъ, какъ людей для него полезныхъ. Ужасъ, наведенный звѣрствомъ и непобѣдимостью Монголовъ, немало способствовалъ ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Многіе города сдавались на ихъ милость, признавая безполезнымъ всякое сопротивленіе.

Видя измѣну вассальныхъ владѣтелей и тѣснимый Монголами, Магометъ, съ остатками своего войска и двора, отступалъ изъ одной области въ другую. Для его преслѣдованія Чингизъ отрядилъ двухъ своихъ лучшихъ полководцевъ, Джебе-Нойона и Субудай-Багадура, съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы. Тогда начались, съ одной стороны, дѣятельная погоня, а съ другой—стараніе спастись отъ плѣна быстрыми переходами то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ султанъ бросился къ берегамъ Каспійскаго моря, въ отдаленную область Мазандеранъ. Но и сюда скоро явились его неутомимые преслѣдователи. Удрученный горемъ и болѣзнію, Магометъ спасся на одинъ каспійскій островъ, гдѣ и скончался (1221 г.), назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Джелаль-эддина. Этотъ мужественный, предпріимчивый государь на нѣкоторое время продлилъ упорную борьбу съ грознымъ ханомъ и даже одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Монголами; но онъ уже не могъ спасти Ховарезмской имперіи, которая была въ-конецъ опустошена и совершенно завоевана ([48]).

Помянутое преслѣдованіе Монголами султана Магомета пріобрѣло важное значеніе въ Русской исторіи: съ нимъ связано первое нашествіе сихъ варваровъ на Русь. Во время этого преслѣдованія Джебе-Нойонъ и Субудай-Багадуръ да-

леко углубились на западъ, въ прикаспійскія страны, и вошли въ область Адербейджанъ. По смерти Магомета, они получили отъ Чингизъ-хана, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями, разрѣшеніе идти изъ Адербейджана далѣе на сѣверъ, чтобы воевать страны, лежащія за Каспіемъ и Ураломъ, особенно турецкій народъ Кипчаковъ или Кумановъ (Половцевъ). Полководцы перешли рѣки Араксъ и Куръ, вторглись въ Грузію, разбили грузинское войско и направились къ Дербенту. У владѣтеля Шемахи они взяли десять проводниковъ, которые должны были указать имъ пути чрезъ Кавказскія горы. Варвары отрубили одному изъ нихъ голову, грозя поступить также и съ другими, если они не поведутъ войско лучшими путями. Но угроза произвела противуположное дѣйствіе. Проводники улучили минуту и убѣжали въ то именно время, когда варвары вошли въ невѣдомыя для нихъ горныя тѣснины. Межъ тѣмъ, извѣщенные объ этомъ нашествіи, нѣкоторые кавказскіе народы, въ особенности Аланы и Черкесы (Ясы и Касоги русскихъ лѣтописей), соединясь съ отрядомъ Половцевъ, заняли окрестные проходы и окружили варваровъ. Послѣдніе очутились въ весьма затруднительномъ положеніи. Но Джебе и Субудай были опытные, находчивые предводители. Они послали сказать Половцамъ, что, будучи ихъ соплеменниками, не желаютъ имѣть ихъ своими врагами. (Турко-татарскіе отряды составляли бо̀льшую часть отправленнаго на западъ войска). Къ своимъ льстивымъ рѣчамъ посланцы присоединили богатые дары и обѣщаніе раздѣлить будущую добычу. Вѣроломные Половцы дались въ обманъ, и покинули своихъ союзниковъ. Татары одолѣли послѣднихъ и выбрались изъ горъ на сѣверную сторону Кавказа. Тутъ, на степныхъ равнинахъ, они уже свободно могли развернуть свою конницу, и тогда начали грабить и раззорять вежи самихъ Половцевъ, которые, полагаясь на заключенную дружбу, разошлись по своимъ кочевьямъ. Они такимъ образомъ получили достойное возмездіе за свое вѣроломство.

Тщетно Половцы пытались противиться; они постоянно терпѣли пораженія. Татары распространили ужасъ и раззореніе до самыхъ предѣловъ Руси или до такъ называемаго «Половецкаго вала», который отдѣлялъ ее отъ степи. Въ этихъ битвахъ пали знатнѣйшіе ханы Кипчака Даніилъ

Кобяковичъ и Юрій Кончаковичъ, бывшіе въ свойствѣ съ русскими князьями и носившіе, какъ видимъ, русскія имена. Оставшійся старѣйшимъ между ханами, Котянъ, съ нѣсколькими другими, бѣжалъ въ Галичъ, къ зятю своему Мстиславу Удалому, и началъ молить его о помощи. Не таковъ былъ галицкій князь, чтобъ отказываться отъ ратнаго дѣла, чтобы не помѣряться съ новымъ, еще неиспытаннымъ врагомъ.

Наступила зима. Татары расположились провести ее въ южныхъ половецкихъ кочевьяхъ. Они воспользовались зимнимъ временемъ и для того, чтобы проникнуть на Таврическій полуостровъ, гдѣ взяли большую добычу, и, въ числѣ другихъ мѣстъ, разорили цвѣтущій торговлею городъ Сугдію (Судакъ).

Между тѣмъ, по просьбѣ Мстислава Мстиславича, южнорусскіе князья собрались на сеймъ въ Кіевѣ, чтобы общимъ совѣтомъ подумать о защитѣ Русской земли. Старшими князьями здѣсь были три Мстислава: кромѣ Удалаго, кіевскій великій князь Мстиславъ Романовичъ и черниговскій Мстиславъ Святославичъ. За ними, по старшинству, слѣдовалъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій. Вѣроятно тутъ же присутствовалъ и четвертый Мстиславъ (Ярославичъ), прозваніемъ Нѣмой, старшій изъ князей волынскихъ; по крайней мѣрѣ, онъ участвовалъ потомъ въ ополченіи. Былъ тутъ и Котянъ съ своими товарищами.

Половецкіе ханы неотступно просили русскихъ князей вмѣстѣ съ ними ополчиться противъ Татаръ, и приводили такой доводъ: «если не поможете намъ, то мы будемъ избиты сегодня, а вы завтра». Просьбы свои они подкрѣпляли щедрыми подарками, состоявшими изъ коней, верблюдовъ, рогатаго скота и красивыхъ плѣнницъ. Одинъ изъ хановъ, по имени Бастый, во время сейма принялъ крещеніе. Самымъ усерднымъ ихъ ходатаемъ явился конечно Мстиславъ Удалой. «Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели въ своей—говорилъ онъ.—Если мы не поможемъ Половцамъ, то они, пожалуй, передадутся на сторону Татаръ, и у тѣхъ будетъ еще болѣе силы противъ насъ». Наконецъ онъ увлекъ весь сеймъ; рѣшенъ былъ общій походъ. Князья разъѣхались, чтобы собрать свои полки и сойтись вмѣстѣ на условленныхъ

мѣстахъ. Послали также просить помощи у великаго князя владиміро-суздальскаго Юрія Всеволодовича. Онъ не отказалъ, и отправилъ на югъ суздальскую дружину съ племянникомъ своимъ Василькомъ Константиновичемъ Ростовскимъ. Посылали и къ рязанскимъ князьямъ, но тѣ, неизвѣстно по чему, не подали никакой помощи.

Походъ въ степи, по обычаю, открылся весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное сборное мѣсто, во время такихъ походовъ, находилось у правобережнаго городка Заруба и, такъ называемаго, Варяжскаго острова. Здѣсь производилась переправа черезъ Днѣпръ, на пути изъ Кіева въ Переяславль, который лежалъ тутъ же по-близости, на другой сторонѣ. Конница приходила сюда сухопутьемъ, а пѣхота приплывала на судахъ. По словамъ лѣтописи, судовъ набралось столько, что воины переходили по нимъ какъ по суху съ одного берега на другой. Здѣсь собрались князья кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе, волынскіе и галицкіе, каждый съ своею дружиною. Сюда же, къ русскимъ князьямъ, явились послы отъ татарскихъ военачальниковъ. Послѣдніе провѣдали о сильной рати, и попытались, по своему обычаю, ловкими переговорами разъединить союзниковъ.

«Слышали мы—говорили послы,—что вы идете на насъ; мы же земли вашей не занимали, городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли не на васъ, а на Половцевъ, нашихъ холоповъ и конюховъ. Возьмите съ нами миръ: у насъ нѣтъ съ вами рати. Слышали мы, что Половцы и вамъ много зла творятъ. Мы ихъ бьемъ отсюда, и если они къ вамъ побѣгутъ, то бейте ихъ отъ себя и забирайте ихъ имущество.»

Хитрость, употребленная съ Половцами въ Кавказскихъ горахъ, безъ сомнѣнія, была уже извѣстна русскимъ князьямъ. Послѣдніе не только не хотѣли слушать льстивыхъ татарскихъ рѣчей, но и, вопреки всѣмъ обычаямъ, по наущенію Половцевъ, велѣли умертвить самихъ пословъ. Отъ Заруба ополченіе, держась праваго берега, двинулось далѣе къ югу и прошло пороги. Между тѣмъ галицкая пѣхота, подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Юрія Домамирича и Держикрая Володиславича, (если вѣрить лѣтописцу) на тысячѣ ладьяхъ, спустилась внизъ по Днѣстру въ море; потомъ поднялась вверхъ по Днѣпру, миновала Олешье и

остановилась около пороговъ на устьѣ рѣчки Хортицы, «на броду у протолчи,» гдѣ и встрѣтилась съ войскомъ, шедшимъ сверху. Пришла и главная рать половецкая. Все соединенное ополченіе едва ли не простиралось до ста тысячъ ратниковъ. И оно заключало въ себѣ цвѣтъ Русскаго племени.

Во второй разъ явились татарскіе посланцы и сказали: «Вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ умертвили и идете противъ насъ; а мы васъ ничѣмъ не трогали; пусть разсудитъ насъ Богъ». На этотъ разъ пословъ отпустили.

Межъ тѣмъ, услыхавъ о близости передовыхъ татарскихъ отрядовъ, Даніилъ Романовичъ Волынскій и другіе молодые князья, въ сопровожденіи Юрія Домамирича, поспѣшили съ легкою дружиною перебраться черезъ рѣку и поскакали въ степь, чтобы посмотрѣть на невиданныхъ дотолѣ враговъ. Воротясь въ станъ, молодежъ разсказывала, что Татары смотрятъ людьми самыми простыми, такъ что «пуще» (хуже) Половцевъ. Но опытный въ военномъ дѣлѣ Юрій Домамиричъ утверждалъ, что это добрые ратники и хорошіе стрѣлки. Онъ уговаривалъ князей не терять времени и спѣшить выходомъ въ поле. Навели мосты изъ ладей, и войска начали переправу на лѣвый берегъ Днѣпра. Однимъ изъ первыхъ переправился Мстиславъ Удалой. Съ передовымъ отрядомъ онъ ударилъ на сторожевой полкъ непріятельскій, разбилъ его, далеко гнался за нимъ и захватилъ много скота. Татарскій воевода Гемябекъ спрятался было въ одномъ изъ тѣхъ могильныхъ кургановъ, которыми такъ изобилуютъ наши южныя степи; но былъ найденъ. Половцы выпросили его у Мстислава и убили. Поощренные этою побѣдою, русскіе князья смѣло углубились въ степи, слѣдуя обычнымъ Залознымъ путемъ, который велъ къ Азовскому морю. Татары отступали, и только сторожевые отряды, время отъ времени, затѣвали мелкія сшибки. Послѣ осьми или девятидневнаго степнаго похода, русская рать приблизилась къ берегамъ Азовскаго моря. Здѣсь Татары остановились и выбрали удобное для себя мѣсто за рѣчкою Калкою (притокъ Калміуса).

Первые успѣхи и отступленіе Татаръ усилили и безъ того существовавшую у русскихъ людей увѣренность въ своихъ

силахъ и нѣкоторую безпечность: они начали свысока относиться къ непріятелю, который, очевидно, уступалъ имъ и числомъ, и вооруженіемъ. Но единодушіе князей, по обыкновенію, было непродолжительно; уже во время похода возникли соперничество и разныя пререканія. Общаго начальника не было; а было нѣсколько старшихъ князей, и каждый изъ нихъ распоряжался своими полками отдѣльно, мало справляясь съ другими. Состояніе русской рати и ея слабыя стороны, по всей вѣроятности, не укрылись отъ такихъ опытныхъ, искусныхъ военачальниковъ, каковы были Джебе и Субудай, получившіе большой навыкъ воевать и управляться съ самыми разнообразными народами. Недаромъ они провели зиму въ половецкихъ кочевьяхъ, и безъ сомнѣнія нашли возможность развѣдать все, что̀ имъ нужно было знать по отношенію къ Руси и ея вождямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дарами, ласками и обѣщаніями они постарались найти перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, какъ это дѣлали въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ, наша лѣтопись упоминаетъ о вольной дружинѣ русскихъ Бродниковъ, которые съ воеводою своимъ Плоскиней оказались на Калкѣ въ Татарскомъ ополченіи. Особенно много перевѣтчиковъ нашлось вѣроятно между Половцами. Рѣшаясь принять битву, татарскіе воеводы болѣе всего разсчитывали вѣроятно на русскую рознь, и не ошиблись.

Главнымъ виновникомъ бѣдствія явился тотъ самый Мстиславъ Удалой, который всю свою жизнь провелъ въ ратныхъ дѣлахъ и пользовался тогда на Руси славою перваго героя. Нѣтъ сомнѣнія, что собравшіеся князья признали бы временно его старшинство и подчинились бы его предводительству, еслибы онъ сколько-нибудь обладалъ политическимъ смысломъ и твердостью характера. Но этотъ самонадѣянный рубака не только не озаботился какими-либо военными предосторожностями; а напротивъ, считая Татаръ вѣрною добычею своего меча, опасался, чтобы кто другой не отнялъ у него славу побѣды. Къ тому же въ самую рѣшительную минуту, онъ съумѣлъ очутиться въ какой-то распрѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Романовичемъ Кіевскимъ. Не предупредивъ послѣдняго, Удалой, очевидно, ведшій передовую или сторожевую рать, переправился за Калку съ галицко-волынскими полками и

отрядомъ Половцевъ, и началъ наступать на Татаръ, выславъ впереди себя Яруна съ Половцами и своего зятя Даніила Романовича съ Волынцами. Татары, закрываясь плетеными изъ хвороста щитами, мѣтко поражали стрѣлами наступавшихъ. Русскіе бодро продолжали нападеніе. Особенно отличился при этомъ Даніилъ Романовичъ; онъ врубился въ толпы враговъ и сгоряча не чувствовалъ раны, которую получилъ въ грудь. Вмѣстѣ съ нимъ ратоборствовалъ другой изъ молодыхъ князей, Олегъ Курскій. Одинъ изъ волынскихъ воеводъ (Василько Гавриловичъ), сражавшійся впереди, былъ сбитъ съ коня. Двоюродный дядя Даніила Романовича, Мстиславъ Нѣмой, думалъ, что это упалъ его племянникъ; не смотря на свои преклонныя лѣта, онъ бросился къ нему на выручку, и также началъ крѣпко поражать враговъ. Побѣда казалась уже близка. Но вдругъ Татары стремительно ударили на Половцевъ; послѣдніе не выдержали ихъ натиска, бросились назадъ на русскіе полки и привели ихъ въ замѣшательство. Искусный врагъ улучилъ минуту, чтобы, не давъ времени опомниться, нанести полное пораженіе Галичанамъ и Волынцамъ. А когда они обратились въ бѣгство, Татары напали на другіе русскіе отряды, еще не успѣвшіе выстроиться для битвы, и громили ихъ по частямъ. Остатки разбитаго ополченія побѣжали назадъ къ Днѣпру.

Это бѣдствіе совершилось 31-го мая 1223 года.

Одна часть татарскаго войска пустилась преслѣдовать бѣгущихъ, а другая осадила великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича. Послѣдній является вторымъ, послѣ галицкаго князя, виновникомъ пораженія. Не видно, чтобы онъ пытался поддержать значеніе своего старѣйшаго стола и водворить единодушіе въ русскомъ ополченіи. Напротивъ, есть извѣстіе, что, надѣясь на собственный полкъ, онъ предавался безпечности и похвалялся одинъ истребить враговъ. Онъ расположился на возвышенномъ каменистомъ берегу Калки и, огородивъ свой станъ телѣгами и кольями, три дня отбивался здѣсь отъ нападенія Татаръ. Варвары прибѣгли къ обычному коварству. Они предложили великому князю дать за себя окупъ и мирно удалиться съ своимъ полкомъ. Воевода бродниковъ Плоскиня на крестѣ прися-

гнулъ въ исполненіи договора. Но едва Кіевляне покинули укрѣпленный станъ, какъ Татары ударили на нихъ и произвели безпощадное избіеніе. Мстиславъ Романовичъ и находившіеся при немъ два младшіе князя были задушены и брошены подъ доски, на которыхъ начальники варваровъ расположились для обѣда. Лѣтописцы говорятъ, что однихъ Кіевлянъ погибло на Калкѣ до десяти тысячъ; такъ велико было наше пораженіе.

Татары, отряженные для преслѣдованія бѣгущихъ, также успѣли избить много народу и кромѣ того шесть или семь князей; въ томъ числѣ палъ Мстиславъ Черниговскій. Остатокъ его полка спасся съ его племянникомъ Михаиломъ Всеволодовичемъ (впослѣдствіи замученнымъ въ Ордѣ). Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій во время бѣгства успѣлъ собрать вокругъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ, отбился отъ враговъ и ушелъ за Днѣпръ. Главный виновникъ бѣдствія, Мстиславъ Удалой, также успѣлъ достигнуть днѣпровской переправы, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Нѣмымъ и Даніиломъ Романовичемъ; послѣ чего онъ велѣлъ жечь и рубить ладьи, чтобы не дать возможности Татарамъ перейти на другой берегъ. Жители нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ думали умилостивить варваровъ и выходили къ нимъ навстрѣчу съ крестами, но подвергались избіенію.

Варвары однако не стали углубляться въ предѣлы Руси, а повернули назадъ въ Половецкую степь. Затѣмъ они направились къ Волгѣ, прошли по землѣ Камскихъ Болгаръ, которымъ также успѣли нанести большое пораженіе, и Уральскими степями, обогнувъ Каспійское море, воротились въ Азію, къ своему повелителю. Такимъ образомъ монгольскіе завоеватели на опытѣ извѣдали состояніе Восточной Европы и тѣ пути, которые вели въ нее. И этимъ опытомъ они не замедлятъ воспользоваться.

А между тѣмъ какъ воспользовались тѣмъ же опытомъ русскіе князья? подумали-ль они о томъ, чтобы на будущее время принять болѣе дѣйствительныя мѣры для защиты Руси? Нисколько. Тѣ же—безпечность и самонадѣянность, которыя предшествовали Калкскому пораженію, и послѣдовали за нимъ. Бѣдствіе это не нарушило обычнаго теченія русской жизни и междукняжескихъ отношеній, съ ихъ мелки-

ми распрями и спорами о волостяхъ. Татары скрылись въ степяхъ, и Русскіе думали, что случайно-грянувшая гроза пронеслась мимо. Современный лѣтописецъ наивно замѣтилъ, что варваровъ этихъ «никто хорошо не знаетъ, какого они племени и откуда пришли. Только премудрые мужи развѣ вѣдали, которые въ книгахъ начитаны: одни называли ихъ Татарами, другіе Таурменами, третьи Печенѣгами; иные считали ихъ тѣмъ самымъ народомъ, который, по словамъ Меѳодія Патарскаго, былъ загнанъ Гедеономъ въ пустыню между востокомъ и сѣверомъ, а передъ кончиною свѣта явится и поплѣнитъ всю землю отъ востока до Ефрата, Тигра и до Понтскаго моря». До какой степени русскіе политики того времени мало знали о великихъ переворотахъ, совершавшихся въ глубинѣ Азіатскаго материка, и какъ мало опасались за будущее Русской земли,—показываютъ слова того же современнаго суздальскаго лѣтописца о Василькѣ Константиновичѣ Ростовскомъ. Этотъ князь опоздалъ съ своей сѣверной дружиной: когда онъ достигъ Чернигова, сюда пришла вѣсть о Калкскомъ побоищѣ. Суздальцы поспѣшили вернуться домой, и лѣтописецъ весьма радуется такому благополучному возвращенію князя. Простодушный книжникъ конечно не предчувствовалъ, какая гроза собиралась надъ самой Суздальской Русью и какая мученическая кончина отъ рукъ тѣхъ же варваровъ ожидала Василька! Слова и тонъ этого лѣтописца служатъ отголоскомъ и самаго сѣверно-русскаго общества, посреди котораго онъ жилъ. Только впослѣдствіи, когда Татары наложили свое тяжелое ярмо, наши старинные книжники болѣе оцѣнили несчастное Калкское побоище и начали украшать его нѣкоторыми сказаніями, напримѣръ о гибели семидесяти русскихъ богатырей, въ томъ числѣ Добрыни Златаго-пояса и Александра Поповича съ его слугою Торопомъ ([49]).

Въ это время Сѣверная Русь сравнительно съ Южною представляла значительное затишье и развитіе мирной дѣятельности. Благодаря домовитому, благочестивому характеру суздальскихъ князей и согласію, наступившему въ семьѣ Всеволода Большое Гнѣздо, Сѣверная Русь дѣлала очевидные успѣхи на поприщѣ гражданственности. Между прочимъ къ тому

же времени относятся особенно частыя извѣстія лѣтописи о церковныхъ торжествахъ, о построеніи и украшеніи храмовъ въ главныхъ суздальскихъ городахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сооруженій, сохранившіяся до сихъ поръ, ясно свидѣтельствуютъ о развитіи художествъ въ Сѣверной Руси. Мирное теченіе жизни нарушалось, впрочемъ, походами на Мордву, Болгаръ, на Ливонскихъ Нѣмцевъ и Литву, а болѣе всего смутами Новгорода Великаго, который не ладилъ съ своимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ Переяславскимъ и продолжалъ бороться противъ суздальскаго вліянія.

Но за то въ Южной Руси по прежнему длилась взаимная княжеская вражда и происходили междоусобныя войны съ участіемъ иноплеменниковъ, т.-е. Угровъ, Поляковъ и Половцевъ. На великомъ княженіи Кіевскомъ, послѣ гибели Мстислава Романовича, сѣлъ его двоюродный братъ Владиміръ Рюриковичъ; но онъ, кажется, не пользовался и тѣмъ значеніемъ между своими родичами, которое еще сохранялъ его предшественникъ; а заботился только о томъ, чтобъ удержаться на великомъ столѣ. Въ Черниговѣ послѣ Мстислава Святославича сѣлъ его племянникъ Михаилъ Всеволодовичъ; но онъ долженъ былъ выдержать борьбу съ своимъ соперникомъ Олегомъ Курскимъ. Междоусобіе рѣшилось въ пользу Михаила, благодаря участію великаго князя суздальскаго Георгія, которому Михаилъ приходился своякомъ. Георгій съ своими племянниками, князьями Ростовскими, ходилъ къ нему на помощь и помирилъ его съ Олегомъ (1226). Примиренію этому не мало способствовалъ и присланный изъ Кіева Владиміромъ Рюриковичемъ митрополитъ Кириллъ, отличавшійся своею ученостію.

Утративъ политическую гегемонію надъ другими областями Руси, Кіевъ пока еще не имѣлъ совмѣстника въ дѣлахъ церковной іерархіи, и сюда попрежнему отправлялись изъ другихъ областей паломники, а также вновь назначенные епископы, чтобы принять поставленіе изъ рукъ митрополита. Послѣднее торжество совершалось соборне и давало иногда поводъ къ многолюднымъ съѣздамъ князей, духовенства, бояръ и разныхъ именитыхъ пословъ. Такъ сѣверный лѣтописецъ подъ 1231 г. описываетъ поставленіе въ Кіевѣ Кирилла во епископа Ростовскаго. Соименный ему митрополитъ посвящалъ его въ сослуженіи съ четырьмя епископами, Черниговскимъ,

Полоцкимъ, Бѣлгородскимъ и Юрьевскимъ, а также съ игуменами кіевскихъ монастырей, между которыми первое мѣсто занималъ Акиндинъ, архимандритъ Печерскій. Посвященіе совершалось въ соборномъ храмѣ св. Софіи, а обильная трапеза устроена была въ Печерскомъ монастырѣ. На этомъ праздникѣ присутствовали многіе областные князья, въ томъ числѣ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій съ своимъ сыномъ Ростиславомъ. Ихъ принималъ великій князь Владиміръ Рюриковичъ; а «кіевскую тысячу (главное воеводство) держалъ» бояринъ Іоаннъ Славновичъ.

Самая тревожная воинственная дѣятельность кипѣла въ то время въ юго-западномъ краѣ Руси, вокругъ Галича, который съ своимъ крамольнымъ боярствомъ продолжалъ служить непрерывнымъ яблокомъ раздора между сосѣдними князьями, русскими и иноплеменными.

Мстиславъ Мстиславичъ Удалой послѣ Калкскаго пораженія вернулся въ Галичъ, и, оставаясь неисправимъ въ дѣлѣ политики, продолжалъ дѣлать одну ошибку за другою. Роль злаго генія въ юго-западной Руси долго игралъ князь Бельзскій Александръ Всеволодовичъ, который сильно враждовалъ съ двоюродными братьями, Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, пытаясь отнять у нихъ то ту, то другую волость. Этотъ Александръ Бельзскій съумѣлъ поссорить Мстислава Удалаго съ его зятемъ Даніиломъ Романовичемъ, оклеветавъ послѣдняго въ какихъ-то замыслахъ и даже въ намѣреніи убить своего тестя. Уже между ними началась братоубійственная война. Даніилъ и Василько, получивъ помощь отъ Ляховъ, повоевали землю Бельзскую и часть Галиціи; а Мстиславъ призвалъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго и Котяна съ Половцами. Къ счастію клевета вскорѣ обнаружилась. Когда Мстиславъ потребовалъ отъ Александра доказательствъ, послѣдній не посмѣлъ самъ явиться къ нему, а прислалъ своего боярина Яна, который очень неловко запутался въ показаніяхъ, и тѣмъ изобличилъ своего князя. Мстиславъ помирился съ Даніиломъ и наградилъ его великими дарами; между прочимъ подарилъ ему своего борзаго коня, которому не было равнаго. По своему добродушію онъ не лишилъ Александра его удѣла, вопреки совѣту другихъ родичей; а оставилъ его безнаказаннымъ.

Но едва уладилась эта ссора, какъ обнаружилась другая клевета, которая также произвела большой переполохъ. Одинъ изъ вѣроломныхъ галицкихъ бояръ, по имени Жирославъ, увѣрилъ своихъ товарищей, будто Мстиславъ хочетъ выдать бояръ Котяну Половецкому на избіеніе. Бояре поспѣшили спастись бѣгствомъ въ Карпаты, и оттуда вступили въ пререканія съ княземъ, ссылаясь на Жирослава. Князь послалъ къ нимъ своего духовника Тимоѳея, который присягнулъ передъ боярами въ томъ, что у Мстислава ничего подобнаго не было на умѣ. Бояре воротились. Уличенный во лжи, Жирославъ былъ только изгнанъ изъ Галича, и удалился на службу къ другому южнорусскому князю.

Самымъ естественнымъ преемникомъ Мстислава Удалаго на Галицкомъ столѣ являлся зять его Даніилъ Романовичъ, котораго отецъ также занималъ этотъ столъ, и самъ онъ въ малолѣтствѣ уже княжилъ въ Галичѣ. Народъ полюбилъ его и желалъ снова имѣть своимъ княземъ; Мстиславъ также склонялся на его сторону. Но между галицкими боярами существовала сильная партія, которую можно назвать Угорскою. Эта партія хлопотала во что бы ни стало устранить Даніила и вообще помѣшать утвержденію новой Русской династіи, помѣшать упроченію надъ собою туземной княжеской власти. Боярство Галицкое неуклонно стремилось къ своеволію, къ безъусловному захвату высшихъ земскихъ должностей, поземельныхъ владѣній и разнаго рода доходныхъ статей, которыя должны были поступать собственно въ княжую казну. Особенно примѣръ своевольныхъ угорскихъ магнатовъ заразительно дѣйствовалъ на Галицкое боярство. Значительная часть его склонялась къ тѣсному союзу съ Уграми, и предпочитала имѣть на своемъ столѣ иноплеменнаго королевича: привыкшій къ угорскимъ порядкамъ, обязанный своимъ столомъ боярской партіи и принужденный опираться на нее, естественно этотъ королевичъ менѣе кого либо могъ стѣснять боярскія вольности. Близорукій Мстиславъ приблизилъ къ себѣ тѣхъ самыхъ бояръ, которые были ревностными сторонниками Угровъ, именно Судислава и Глѣба Зеремѣевича. И вотъ эти лица начали смущать Мстислава, увѣряя его, что ему невозможно удержаться въ Галичѣ, что бояре не хотятъ его и что единственное средство предотвра-

тить мятежъ: это выдать поскорѣе меньшую свою дочь за угорскаго королевича Андрея и посадить его на Галицкомъ столѣ. «Если отдашь Галичъ королевичу—говорили совѣтники,—то всегда можешь взять его назадъ; а если отдашь Даніилу, то во вѣки не будетъ твой Галичъ». Очевидно подъ старость Мстиславъ окончательно лишился здраваго смысла: онъ послушался совѣтниковъ, и отдалъ Галичъ Андрею (сыну короля Андрея II); за собой оставилъ только Понизье, и удалился въ городъ Торческъ. Здѣсь въ слѣдующемъ 1228 году окончилъ свою бурную жизнь этотъ столь знаменитый и вмѣстѣ столь легкомысленный Русскій князь.

Съ вокняженіемъ королевича Андрея на берегахъ Днѣстра руководителемъ его и главнымъ правителемъ земли сдѣлался бояринъ Судиславъ. Отсюда начинается самая тревожная, самая неустанная дѣятельность Даніила Романовича Волынскаго, направленная на добываніе Галицкаго княженія. Приступая къ описанію этой дѣятельности, Волынскій лѣтописецъ говоритъ: «Начнемъ разсказывать безчисленныя рати и великіе труды, частыя войны, многія крамолы, частыя возстанія и многіе мятежи; они (т. е. два брата Романовича) уже съ малыхъ лѣтъ не имѣли покою». При смерти Мстислава Удалаго, Романовичи владѣли только частью Волынской земли; но, благодаря ихъ неразрывному согласію и замѣчательной энергіи Даніила, спустя десять лѣтъ они владѣли уже почти всею Югозападною Русью, т. е. всею Волынью, Галиціей и даже Кіевской землею. Даніилъ началъ съ того, что занялъ оставшееся отъ Мстислава Понизье; затѣмъ подчинилъ себѣ князей Пинскихъ, которымъ помогали князья Черниговскіе и Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій. Союзникомъ Даніила является Лешко Польскій, который вскорѣ былъ убитъ своими соперниками, Святополкомъ Одоничемъ и Владиславомъ Старымъ. Въ происшедшей отсюда польской усобицѣ Даніилъ и Василько въ свою очередь помогли брату Лешка Кондрату Мазовецкому; при чемъ, по замѣчанію лѣтописи, такъ далеко ходили въ Ляшскую землю, какъ никто изъ Русскихъ князей, кромѣ Владиміра, «который землю крестилъ». Вслѣдъ за тѣмъ Даніилъ, съ помощью преданныхъ себѣ Галичанъ, изгналъ королевича Андрея изъ Галича вмѣстѣ съ бояриномъ Судиславомъ. Народъ провожалъ послѣдняго камнями и кри-

чалъ ему: «ступай вонъ изъ города, мятежниче земли»! Но за сына вступился король угорскій Андрей II; произошла упорная война съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ ней съ обѣихъ сторонъ участвовали наемные Половцы. Даніилу кромѣ того помогали Ляхи; а на сторонѣ Угровъ дѣйствовали измѣнникъ Александръ Бельзскій и часть крамольныхъ галицкихъ бояръ.

Руководимые семьей Молибоговичей, бояре составили даже заговоръ на жизнь обоихъ братьевъ Романовичей. Однажды Василько Романовичъ въ шутку обнажилъ мечъ противъ кого-то изъ заговорщиковъ; они испугались, думая, что ихъ намѣреніе открыто, и нѣкоторые, въ томъ числѣ Молибоговичи, бѣжали. Но остальные не покинули своего замысла, и одинъ изъ нихъ пригласилъ Даніила на пиръ съ намѣреніемъ его умертвить; въ заговорѣ участвовалъ и помянутый Александръ Бельзскій, надѣявшійся занять Галицкій столъ. Тысяцкій Даніила предупредилъ его о заговорѣ, и князь, уже ѣхавшій на пиръ, воротился съ дороги. Онъ схватилъ 28 заговорщиковъ; но по добротѣ своей не предалъ ихъ казни, и простилъ. Бояре не оцѣнили этой доброты, и тѣмъ еще высокомѣрнѣе стали обращаться съ княземъ. Разъ одинъ изъ нихъ на пиру плеснулъ изъ чаши виномъ въ лицо Даніилу. Но онъ и тутъ стерпѣлъ обиду. Отправляясь въ походъ на измѣнника Александра Бельзскаго, онъ могъ собрать вокругъ сёбя только восемнадцать отроковъ, оставшихся ему вѣрными. Князь созвалъ Галичанъ на вѣче, и спросилъ, сохранитъ ли къ нему вѣрность народъ въ его отсутствіе? «Мы вѣрны Богу и тебѣ, господину нашему— закричало вѣче;—ступай съ Божьей помощью». При этомъ соцкій Микула напомнилъ ему поговорку отца его: «Господине, не погнетши пчелъ меду не ѣсть».

Александръ бѣжалъ къ Угорскому королю, и побудилъ его вновь идти на Даніила. Война на этотъ разъ была неудачна для послѣдняго. Нѣкоторые города сдались Уграмъ. Король подступилъ къ Владиміру Волынскому, который былъ хорошо укрѣпленъ и имѣлъ значительный гарнизонъ. Воины со щитами, въ блистающихъ доспѣхахъ стояли на стѣнахъ. Король подивился красивому виду, и (если вѣрить Волынскому лѣтописцу) замѣтилъ что такого города онъ не встрѣчалъ и въ Нѣмец-

кихъ странахъ. Во Владимірѣ начальствовалъ старый пестунъ Даніила Мірославъ, обыкновенно отличавшійся храбростію. Но тутъ, Богъ вѣсть почему, онъ смутился передъ непріятелемъ, впустилъ короля въ городъ, и безъ согласія княжаго заключилъ съ нимъ миръ, по которому Александръ получилъ Бельзъ и Червенъ. Братья Романовичи много укоряли Мірослава за то, что, имѣя значительную рать, онъ согласился на подобный договоръ. Бояринъ утверждалъ, будто Червенъ не былъ включенъ имъ въ «рядъ» съ королемъ.

Галичъ, вслѣдствіе боярской измѣны, снова попалъ во власть Угровъ и королевича Андрея (1231). Однако спустя три года, Даніилъ, съ помощью преданныхъ ему гражданъ, опять отвоевалъ стольный городъ Червонной Руси; а королевичъ Андрей умеръ во время его осады. За измѣнникомъ Александромъ Бельзскимъ Галицкій князь гнался безъ отдыха три дня и три ночи; наконецъ схватилъ его близъ городка Полонаго на Хоморскомъ лугу (Хомора лѣвый притокъ южной Случи). Неизвѣстно, что сталось съ плѣнникомъ; только лѣтопись о немъ болѣе не упоминаетъ.

Но вопросъ о Галицкомъ наслѣдствѣ все еще не былъ разрѣшенъ окончательно.

Одновременно съ борьбою за Галичъ, возобновилась борьба за Кіевъ между старыми соперниками, Мономаховичами и Ольговичами: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій оспаривалъ Кіевскій столъ у Владиміра Рюриковича. Даніилъ былъ союзникомъ послѣдняго, и не разъ помогалъ ему; а на противной сторонѣ находились враждебные ему князья Болоховскіе. Однажды подъ Торческомъ онъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ потерпѣлъ пораженіе отъ Черниговосѣверскихъ князей и наемныхъ Половцевъ; при чемъ Владиміръ захваченъ въ плѣнъ Половцами. Крамольные галицкіе бояре воспользовались несчастіемъ князя, и призвали на свой столъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго (1235). А Кіевъ въ это время переходилъ изъ рукъ въ руки: мы видимъ здѣсь то сѣверскаго князя Изяслава Владиміровича (внукъ героя Слова о Полку Игоревѣ), то успѣвшаго выкупиться изъ плѣна Владиміра Рюриковича, то извѣстнаго Ярослава Всеволодовича Переяславско-Суздальскаго. Когда же во время Батыева нашествія Георгій II былъ убитъ и братъ его Яро-

славъ удалился на сѣверъ, чтобы наслѣдовать великое княженіе Владиміро-Суздальское, тогда Михаилъ Черниговскій захватилъ для себя Кіевъ, а въ Галичѣ оставилъ сына своего Ростислава. Неопытностью послѣдняго и воспользовался Даніилъ Романовичъ.

Ростиславъ отправился въ походъ на Литовцевъ, и въ его отсутствіе Даніилъ подступилъ къ Галичу. Подъѣхавъ къ стѣнамъ, онъ началъ взывать: «О мужи градскіе! Доколѣ хотите терпѣть державу князей иноплеменныхъ?» Граждане, всегда склонявшіеся на его сторону, услыхавъ его голосъ, начали говорить другъ другу: «вотъ нашъ державецъ, данный намъ Богомъ», и, по словамъ лѣтописца, «пустились къ нему какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе къ источнику». Тщетно пытались удержать народъ черниговскіе сторонники, съ дворскимъ Григоріемъ и епископомъ Артеміемъ во главѣ; наконецъ и сами они, скрывая досаду и принявъ на себя умиленный видъ, вышли къ Даніилу и сказали: «приди князь, и прими городъ». Данило вступилъ въ Галичъ, принесъ благодарственныя молитвы въ соборномъ храмѣ Богородицы, и водрузилъ свое знамя на «Нѣмецкихъ» воротахъ. Тогда бояре, бывшіе въ походѣ съ Ростиславомъ, также поспѣшили къ Данилу, и, упавъ ему въ ноги, просили прощенія за то, что держали инаго князя. Данило простилъ ихъ. На этотъ разъ онъ окончательно утвердился на Галицкомъ столѣ. Вскорѣ потомъ, когда Михаилъ Всеволодовичъ изъ страха передъ Татарами бѣжалъ въ Угрію, Галицкій князь захватилъ въ свои руки и самый Кіевъ. Братъ его Василько держалъ Волынь. Слѣдовательно Романовичи располагали теперь силами почти всей Югозападной Руси; остававшіеся въ ней мелкіе удѣльные князья были ихъ подручниками. Казалось бы, эти объединенныя земли могли противустать надвигавшей Татарской тучѣ. Но объединеніе было только кажущееся, поверхностное; обширныя владѣнія не имѣли тѣсной сплоченности; не существовало необходимой для борьбы съ Татарами и хорошо устроенной военной силы; да и было уже слишкомъ поздно для того, чтобы приготовить какой нибудь дѣйствительный отпоръ.

Время между Калкскою битвою и Батыевымъ нашествіемъ замѣчательно еще обиліемъ лѣтописныхъ извѣстій о разныхъ

бѣдствіяхъ и явленіяхъ природы, которыя естественно должны были смутить умы и настроить ихъ тревожнымъ образомъ. Таковы: огромные пожары, напримѣръ, въ Новгородѣ Великомъ и во Владимірѣ на Клязьмѣ; явленіе кометы (1233 г.); необыкновенная засуха на сѣверѣ, отъ которой загорались лѣса и далеко распространялся дымный туманъ; чрезвычайно сильные дожди, сопровождаемые наводненіями (въ Новгородской землѣ 1228 г. и въ Галицкой 1229); страшный голодъ, повлекшій за собою моръ во многихъ мѣстахъ Руси, особенно въ Новгородѣ Великомъ (1230 г.). Въ томъ же 1230 году 3 мая случилось большое землетрясеніе, которое отозвалось и на сѣверѣ, въ Новгородѣ и Владимірѣ, но особенно сильно было въ Кіевѣ и Переяславлѣ Русскомъ. Въ Печерскомъ монастырѣ храмъ Богородицы разступился на четыре части, то-есть далъ большія трещины. Тамъ въ этотъ день праздновали память Ѳеодосія Печерскаго; присутствовали митрополитъ Кириллъ, великій князь Владиміръ Рюриковичъ съ боярами и толпою Кіевлянъ; въ каменной трапезницѣ съ верху попадали камни и уничтожили кушанья и напитки, приготовленные для праздества. А въ Переяславлѣ Русскомъ соборный храмъ св. Михаила разсѣлся на двѣ стороны, и упала часть храмоваго верха; при чемъ попортила иконы и паникадила. Любопытно, что вскорѣ затѣмъ, въ томъ же маѣ мѣсяцѣ, случилось на Руси солнечное затмѣніе, которое въ Кіевской землѣ сопровождалось какими-то огненными и разноцвѣтными столпами (сѣвернымъ сіяніемъ?); что навело великій ужасъ на жителей. Многіе вообразили, что насталъ конецъ міру и начали прощаться другъ съ другомъ. Спустя шесть лѣтъ, солнечное затмѣніе повторилось (30).

*

Между тѣмъ съ востока, изъ Азіи, надвинула грозная туча. Кипчакъ и всю сторону къ сѣверу и западу отъ Арало-Каспія Чингизъ-ханъ назначилъ своему старшему сыну Джучи, который долженъ былъ докончить покореніе этой стороны, начатое Джебе и Субудаемъ. Но вниманіе Монголовъ пока еще было отвлечено упорною борьбою на востокѣ Азіи съ двумя сильными царствами: имперіей Ніучей и сосѣднею съ нею Тангутскою державою. Эти войны слишкомъ на десять лѣтъ

отсрочили разгромъ Восточной Европы. Къ тому же Джучи умеръ; а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и самъ Темуджинъ (1227), успѣвъ передъ смертію лично разрушить царство Тангутское. Въ живыхъ оставалось послѣ него три сына: Джагатай, Огодай и Тулуй. Преемникомъ своимъ или верховнымъ ханомъ онъ назначилъ Огодая какъ наиболѣе умнаго между братьями; Джагатаю предоставилъ Бухарію и восточный Туркестанъ, Тулую Иранъ или Персію; а Кипчакъ долженъ былъ поступить во владѣніе сыновей Джучи. Темуджинъ завѣщалъ своимъ потомкамъ продолжать завоеванія и даже начерталъ для нихъ общій планъ дѣйствія. Великій курилтай, собранный на его родинѣ, то-есть на берегахъ Керлона, подтвердилъ его распоряженія. Огодай, еще при отцѣ начальствовавшій въ Китайской войнѣ, неустанно продолжалъ эту войну до тѣхъ поръ, пока не разрушилъ въ конецъ имперіи Ніучей и не утвердилъ тамъ своего владычества (1234 г.). Тогда только онъ обратилъ вниманіе на другія страны, и между прочимъ началъ готовить великій походъ на Восточную Европу.

Въ теченіе этого времени татарскіе темники, начальствовавшіе въ Прикаспійскихъ странахъ, не оставались въ бездѣйствіи; а старались удержать въ подчиненіи кочевниковъ, покоренныхъ Джебе и Субудаемъ. Въ 1229 г., по извѣстію русской лѣтописи, «съ низу» (съ Волги) прибѣжали въ предѣлы Болгаръ Саксины (неизвѣстное для насъ племя) и Половцы, тѣснимые Татарами; прибѣжали также изъ страны Прияицкой разбитые ими сторожевые отряды болгарскіе. Около того же времени по всей вѣроятности были покорены Башкиры, соплеменники Угровъ. Спустя три года, Татары предприняли развѣдочный походъ въ глубь Камской Болгаріи, и зазимовали въ ней гдѣ-то не доходя Великаго города. Половцы съ своей стороны, повидимому, пользовались обстоятельствами для того, чтобъ оружіемъ отстаивать свою независимость. По крайней мѣрѣ ихъ главный ханъ Котянъ впослѣдствіи, когда искалъ убѣжища въ Угріи, говорилъ угорскому королю, что онъ два раза разбилъ Татаръ.

Покончивъ съ имперіей Ніучей, Огодай главныя силы Монголо-Татаръ двинулъ на завоеваніе Южнаго Китая, Сѣверной Индіи и остальной части Ирана; а на покореніе Восточной Европы отдѣлилъ 300.000, начальство надъ которыми вру-

чилъ молодому племяннику своему Батыю, сыну Джучіеву, уже успѣвшему отличиться въ азіатскихъ войнахъ. Въ руководители ему дядя назначилъ извѣстнаго Субудай Багадура, который послѣ Калкской побѣды вмѣстѣ съ Огодаемъ докончилъ покореніе Сѣвернаго Китая. Великій ханъ далъ Батыю и другихъ испытанныхъ воеводъ, въ томъ числѣ Бурундая. Въ этомъ походѣ участвовали и многіе молодые Чингизиды, между прочими сынъ Огодая Гаюкъ и сынъ Тулуя Менгу, будущіе преемники великаго хана. Отъ верховьевъ Иртыша полчище двигалось на западъ, по кочевьямъ разныхъ турецкихъ ордъ, постепенно присоединяя къ себѣ значительныя ихъ части; такъ что за рѣку Яикъ оно перешло въ количествѣ полумилліона ратниковъ по крайней мѣрѣ. Одинъ изъ мусульманскихъ историковъ, говоря объ этомъ походѣ, прибавляетъ: «отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы». Это уже не была отборная конница, предпринявшая первый набѣгъ и сражавшаяся на Калкѣ; теперь медленно двигалась огромная орда съ своими семьями, кибитками и стадами. Она постоянно перекочевывала, останавливаясь тамъ, гдѣ находила достаточныя пастбища для своихъ коней и прочаго скота. Вступивъ въ Поволжскія степи, Батый самъ продолжалъ движеніе на земли Мордвы и Половцевъ; а на сѣверъ отдѣлилъ часть войскъ съ Субудай Багадуромъ для завоеванія Камской Болгаріи, которое сей послѣдній и совершилъ осенью 1236 года. Это завоеваніе по обычаю татарскому сопровождалось страшнымъ опустошеніемъ земли и избіеніемъ жителей; между прочимъ Великій городъ былъ взятъ и преданъ пламени.

По всѣмъ признакамъ, движеніе Батыя совершалось по заранѣе обдуманному способу дѣйствія, основанному на предварительныхъ развѣдкахъ о тѣхъ земляхъ и народахъ, которые рѣшено было покорить. По крайней мѣрѣ это можно сказать о зимнемъ походѣ на Сѣверную Русь. Очевидно татарскіе военачальники уже имѣли точныя свѣдѣнія о томъ, какое время года наиболѣе благопріятно для военныхъ дѣйствій въ этой лѣсистой сторонѣ, изобилующей рѣками и болотами; посреди нихъ движеніе татарской конницы было бы весьма затруднительно во всякое другое время, за исключеніемъ зимы, когда

всѣ воды скованы льдомъ, достаточно крѣпкимъ, чтобы выносить конныя полчища.

Только изобрѣтеніе европейскаго огнестрѣльнаго оружія и устройство большихъ постоянныхъ армій произвели переворотъ въ отношеніи народовъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ къ народамъ кочевымъ, пастушескимъ. До этого изобрѣтенія перевѣсъ въ борьбѣ часто былъ на сторонѣ послѣднихъ; что весьма естественно. Кочевыя орды почти всегда въ движеніи; части ихъ всегда болѣе или менѣе держатся вмѣстѣ и дѣйствуютъ плотною массою. У кочевниковъ нѣтъ различія по занятіямъ и привычкамъ; всѣ они воины. Если воля энергичнаго хана или обстоятельства соединили большое число ордъ въ одну массу и устремили ихъ на осѣдлыхъ сосѣдей, то послѣднимъ трудно было оказать успѣшное сопротивленіе разрушительному стремленію, особенно тамъ, гдѣ природа имѣла равнинный характеръ. Разсѣянный по своей странѣ земледѣльческій народъ, привыкшій къ мирнымъ занятіямъ, не скоро могъ собраться въ большое ополченіе; да и это ополченіе, если успѣвало выступить вовремя, далеко уступало своимъ противникамъ въ быстротѣ движеній, въ привычкѣ владѣть оружіемъ, въ умѣньѣ дѣйствовать дружно и натискомъ, въ военной опытности и находчивости, а также въ воинственномъ духѣ.

Всѣми подобными качествами въ высокой степени владѣли Монголо-Татары, когда они явились въ Европу. Темуджинъ далъ имъ главное орудіе завоеванія: единство власти и воли. Пока кочевые народы раздѣлены на особые орды или роды, власть ихъ хановъ имѣетъ конечно патріархальный характеръ родоначальника и далеко небезграничная. Но когда силою оружія одно лицо подчиняетъ себѣ цѣлые племена и народы, то естественно оно поднимается уже на высоту недосягаемую для простаго смертнаго. Старые обычаи еще живутъ у этого народа и какъ бы ограничиваютъ власть верховнаго хана; охранителями такихъ обычаевъ у Монголовъ являются курилтаи и знатные вліятельные роды; но въ рукахъ ловкаго энергическаго хана уже сосредоточено много средствъ, чтобы сдѣлаться безграничнымъ деспотомъ. Сообщивъ кочевымъ ордамъ единство, Темуджинъ еще усилилъ ихъ могущество введеніемъ однообразной и хорошо приспо-

собленной военной организаціи. Войска, выставленныя этими ордами, устроены были на основаніи строгаго десятичнаго дѣленія. Десятки соединялись въ сотни, послѣднія въ тысячи, съ десятниками, сотниками и тысячниками во главѣ. Десять тысячъ составляли самый большой отдѣлъ подъ названіемъ «тумана», и состояли подъ начальствомъ *темника*. Мѣсто прежнихъ болѣе или менѣе свободныхъ отношеній къ предводителямъ заступила строгая военная дисциплина. Неповиновеніе или преждевременное удаленіе съ поля битвы наказывались смертію. Въ случаѣ возмущенія не только участники его подвергались казни, но и весь родъ ихъ осуждался на истребленіе. Изданная Темуджиномъ такъ называемая *яса*, родъ свода узаконеній, хотя и была основана на старыхъ монгольскихъ обычаяхъ, но значительно усиливала ихъ строгость по отношенію къ разнымъ проступкамъ, и носила по истинѣ драконовскій или кровавый характеръ.

Безпрерывный и долгій рядъ войнъ, начатыхъ Темуджиномъ, развилъ у Монголовъ замѣчательные по тому времени стратегическіе и тактическіе пріемы, т. е. вообще военное искусство. Тамъ, гдѣ мѣстность и обстоятельства не мѣшали, Монголы дѣйствовали въ непріятельской землѣ облавой, къ которой они особенно привычны; такъ какъ этимъ способомъ происходила обыкновенно ханская охота на дикихъ звѣрей. Полчища раздѣлялись на части, шли въ обхватъ и потомъ сближались къ заранѣе назначенному главному пункту, опустошая огнемъ и мечемъ страну, забирая плѣнниковъ и всякую добычу. Благодаря своимъ степнымъ, малорослымъ, но крѣпкимъ конямъ, Монголы могли дѣлать необыкновенно быстрые и большіе переходы безъ отдыховъ, безъ остановокъ. Кони ихъ были закалены и пріучены переносить голодъ и жажду также, какъ ихъ всадники. Притомъ послѣдніе обыкновенно въ походахъ имѣли съ собою по нѣскольку запасныхъ коней, на которыхъ пересаживались по мѣрѣ надобности. Непріятели ихъ часто были поражаемы появленіемъ варваровъ въ то время, когда считали ихъ еще на далекомъ отъ себя разстояніи. Благодаря такой конницѣ, развѣдочная часть у Монголовъ стояла на замѣчательной степени развитія. Всякому движенію главныхъ силъ предшествовали мелкіе отряды, разсѣянные впереди и съ боковъ какъ бы вѣеромъ; позади тоже слѣдовали наблю-

дательные отряды; такъ что главныя силы были обезпечены отъ всякой случайности и неожиданности.

Относительно вооруженія, Монголы хотя имѣли копья и кривыя сабли, но по преимуществу были стрѣлки. (Нѣкоторые источники, напримѣръ армянскіе лѣтописцы, называютъ ихъ «народъ стрѣлковъ»); они съ такою силою и искусствомъ дѣйствовали изъ лука, что длинныя стрѣлы ихъ, снабженныя желѣзнымъ наконечникомъ, пронизывали твердые панцыри. Обыкновенно Монголы старались сначала ослабить и разстроить непріятеля тучею стрѣлъ; а потомъ уже бросались на него въ рукопашную. Если при этомъ встрѣчали мужественный отпоръ, то обращались въ притворное бѣгство; едва противникъ пускался преслѣдовать ихъ и тѣмъ разстроивалъ свой боевой порядокъ, какъ они ловко повертывали коней и вновь дѣлали дружный натискъ, по возможности со всѣхъ сторонъ. Закрытіе ихъ составляли щиты, сплетенные изъ тростника и обтянутые кожею, шлемы и панцыри, также сдѣланные изъ толстой кожи, у иныхъ покрытые еще желѣзною чешуей. Кромѣ того войны съ болѣе образованными и богатыми народами доставили имъ немалое количество желѣзныхъ кольчугъ, шлемовъ и всякаго рода вооруженія, въ которое облекались ихъ воеводы и знатные люди. На знаменахъ ихъ начальниковъ развѣвались хвосты коней и дикихъ буйволовъ. Начальники обыкновенно сами не вступали въ битву и не рисковали своею жизнію (что могло произвести замѣшательство); а управляли сраженіемъ, находясь гдѣ-нибудь на возвышеніи, окруженные своими ближними, слугами и женами, конечно всѣ верхомъ.

Кочевая конница, имѣя рѣшительный перевѣсъ надъ осѣдлыми народами въ открытомъ полѣ, встрѣчала однако важное для себя препятствіе въ видѣ хорошо укрѣпленныхъ городовъ. Но и съ этимъ препятствіемъ Монголы уже привыкли справляться, научившись искусству брать города въ Китайской и Хорезмской имперіяхъ. У нихъ завелись и стѣнобитныя машины. Обыкновенно осажденный городъ они окружали валомъ; а гдѣ былъ лѣсъ подъ руками, то огораживали тыномъ, и такимъ образомъ прекращали самую возможность сообщенія города съ окрестностями. Затѣмъ ставили стѣнобитныя машины, изъ которыхъ метали большіе камни и

бревна, а иногда и зажигательныя вещества; такимъ образомъ производили въ городѣ пожаръ и разрушеніе; осыпали защитниковъ тучею стрѣлъ или приставляли лѣстницы и лѣзли на стѣны. Чтобъ утомить гарнизонъ, они вели приступы безпрерывно днемъ и ночью; для чего свѣжіе отряды постоянно чередовались другъ съ другомъ. Если варвары научились брать большіе азіатскіе города, укрѣпленные каменными и глиняными стѣнами, тѣмъ легче могли они разрушать или сожигать деревянныя стѣны русскихъ городовъ. Переправа черезъ большія рѣки не особенно затрудняла Монголовъ. Для того служили имъ большіе кожаные мѣшки; ихъ туго набивали платьемъ и другими легкими вещами, крѣпко стягивали, и, привязавъ къ хвосту коней, такимъ образомъ переправлялись. Одинъ персидскій историкъ XIII вѣка, описывая Монголовъ, говоритъ: «Они имѣли мужество львиное, терпѣніе собачье, предусмотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, боевой жаръ пѣтуха, попечительность курицы о своихъ ближнихъ, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи».

Что могла противупоставить этой огромной сосредоточенной силѣ древняя раздробленная Русь?

Борьба съ кочевниками Турецко-Татарскаго корня была для нея уже привычнымъ дѣломъ. Послѣ первыхъ натисковъ и Печенѣговъ, и Половцевъ раздробленная Русь потомъ постепенно освоилась съ этими врагами и взяла надъ ними верхъ. Однако она не успѣла отбросить ихъ назадъ въ Азію или покорить себѣ и воротить свои прежніе предѣлы; хотя кочевники эти были также раздроблены и также не подчинялись одной власти, одной волѣ. Каково же было неравенство въ силахъ съ надвигавшей теперь грозной Монголо-Татарской тучей!

Въ военномъ мужествѣ и боевой отвагѣ русскія дружины конечно не уступали Монголо-Татарамъ; а тѣлесною силою несомнѣнно ихъ превосходили. Притомъ Русь безспорно была лучше вооружена; ея полное вооруженіе того времени мало чѣмъ отличалось отъ вооруженія нѣмецкаго и вообще западно-европейскаго. Между сосѣдями она даже славилась своимъ боемъ. Такъ, по поводу похода Даніила Романовича на помощь Конраду Мазовецкому противъ Владислава Стараго, въ

1229 г., Волынскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что Конрадъ «любилъ русскій бой» и полагался на русскую помощь болѣе чѣмъ на своихъ Ляховъ. Но, составлявшія военное сословіе древней Руси, княжія дружины были слишкомъ малочисленны для отпора напиравшимъ теперь съ востока новымъ врагамъ; а простой народъ въ случаѣ надобности набирался въ ополченіе прямо отъ плуга или отъ своихъ промысловъ, и хотя отличался стойкостію, обычною всему Русскому племени, но не имѣлъ большаго навыка владѣть оружіемъ или производить дружныя, быстрыя движенія. Можно конечно обвинять нашихъ старыхъ князей въ томъ, что они не поняли всей опасности и всѣхъ бѣдствій, грозившихъ тогда отъ новыхъ враговъ, и не соединили свои силы для дружнаго отпора. Но съ другой стороны не должно забывать, что тамъ, гдѣ предшествовалъ долгій періодъ всякаго рода разъединенія, соперничества и развитія областной особности, тамъ никакая человѣческая воля, никакой геній не могли совершить быстрое объединеніе и сосредоточеніе народныхъ силъ. Такое благо дается только долгими и постоянными усиліями цѣлыхъ поколѣній при обстоятельствахъ, пробуждающихъ въ народѣ сознаніе своего національнаго единства и стремленіе къ своему сосредоточенію. Древняя Русь сдѣлала то, что было въ ея средствахъ и способахъ. Каждая земля, почти каждый значительный городъ мужественно встрѣчали варваровъ и отчаянно защищались, едва ли имѣя притомъ какую-либо надежду побѣдить. Иначе не могло и быть. Великій историческій народъ не уступаетъ внѣшнему врагу безъ мужественнаго сопротивленія, хотя бы и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ зимы 1237 года Татары прошли сквозь мордовскіе лѣса и расположились станомъ на берегахъ какой-то рѣки Онузы. Отсюда Батый отправилъ къ рязанскимъ князьямъ, по словамъ лѣтописи, «жену чародѣйку» (вѣроятно шаманку) и при ней двухъ мужей, которые потребовали у князей десятой части ихъ имѣнія въ людяхъ и въ коняхъ.

Старшій князь, Юрій Игоревичъ, поспѣшилъ созвать на сеймъ своихъ родичей, удѣльныхъ князей рязанскихъ, пронскихъ и муромскихъ. Въ первомъ порывѣ мужества князья

рѣшили защищаться, и дали благородный отвѣтъ посламъ: «когда мы не останемся въ живыхъ, то все будетъ ваше». Изъ Рязани татарскіе послы отправились во Владиміръ съ тѣми же требованіями. Видя, что рязанскія силы слишкомъ незначительны для борьбы съ Монголами, Юрій Игоревичъ распорядился такимъ образомъ: одного изъ своихъ племянниковъ послалъ къ великому князю Владимірскому съ просьбою соединиться противъ общихъ враговъ; а другаго съ тою же просьбою направилъ въ Черниговъ. Затѣмъ соединенное рязанское ополченіе двинулось къ берегамъ Воронежа на встрѣчу врагу; но избѣгало битвы въ ожиданіи помощи. Юрій попытался прибѣгнуть къ переговорамъ, и отправилъ единственнаго своего сына Ѳеодора во главѣ торжественнаго посольства къ Батыю съ дарами и съ мольбою не воевать Рязанской земли. Всѣ эти распоряженія не имѣли успѣха. Ѳеодоръ погибъ въ татарскомъ станѣ: если вѣрить преданію, онъ отвѣчалъ отказомъ на требованіе Батыя привести ему свою прекрасную супругу Евпраксію, и былъ убитъ по его приказанію. Помощь ни откуда не являлась. Князья Черниговосѣверскіе отказались придти на томъ основаніи, что Рязанскіе не были на Калкѣ, когда ихъ также просили о помощи; вѣроятно Черниговцы думали, что гроза до нихъ не дойдетъ или еще очень отъ нихъ далека. А нерасторопный Юрій Всеволодовичъ медлилъ, и также опоздалъ съ своею помощью какъ въ Калкскомъ побоищѣ. Видя невозможность бороться съ Татарами въ открытомъ полѣ, рязанскіе князья поспѣшили отступить и укрылись съ своими дружинами за укрѣпленія городовъ.

Вслѣдъ за ними полчища варваровъ хлынули на Рязанскую землю, и по своему обычаю, охвативъ ее широкой облавой, принялись жечь, разрушать, грабить, избивать, плѣнять, совершать поруганіе женщинъ. Нѣтъ нужды описывать всѣхъ ужасовъ разоренія. Довольно сказать, что многіе селенія и города были совершенно стерты съ лица земли; нѣкоторыя извѣстныя имена ихъ послѣ того уже не встрѣчаются въ исторіи. Между прочимъ, спустя полтора столѣтія, путешественники, плывшіе по верхнему теченію Дона, на холмистыхъ берегахъ его видѣли только развалины и пустынныя мѣста тамъ, гдѣ стояли когда-то цвѣтущіе города и села. Опустошеніе Рязанской земли производилось съ особою сви-

рѣпостію и безпощадностію еще и потому, что она была въ этомъ отношеніи первою русскою областью: варвары явились въ нее исполненные дикой, ничѣмъ необузданной энергіи, еще непресыщенные русскою кровью, неутомленные разрушеніемъ, неуменьшенные въ количествѣ послѣ безчисленныхъ битвъ.

16 декабря Татары обступили стольный городъ Рязань и обнесли его тыномъ. Дружина и граждане, ободряемые княземъ, въ продолженіе пяти дней отражали нападенія. Они стояли на стѣнахъ не перемѣняясь и не выпуская изъ рукъ оружія; наконецъ стали изнемогать, между тѣмъ какъ непріятель постоянно дѣйствовалъ свѣжими силами. На шестой день Татары сдѣлали общій приступъ; бросали огонь на кровли, громили стѣны бревнами изъ своихъ стѣнобитныхъ орудій и наконецъ вломились въ городъ. Послѣдовало обычное избіеніе жителей. Въ числѣ убитыхъ находился Юрій Игоревичъ. Его супруга съ своими родственницами напрасно искала спасенія въ соборной Борисо-Глѣбской церкви. Что не могло быть разграблено, сдѣлалось жертвою пламени. Рязанскія преданія украшаютъ расказы объ этихъ бѣдствіяхъ нѣкоторыми поэтическими подробностями. Такъ княгиня Евпраксія, услыхавъ о гибели своего супруга Θеодора Юрьевича, бросилась изъ высокаго терема вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ своимъ на землю и убилась до смерти. А одинъ изъ рязанскихъ бояръ, по имени Евпатій Коловратъ, находился въ Черниговской землѣ, когда пришла къ нему вѣсть о татарскомъ погромѣ. Онъ спѣшитъ въ отечество, видитъ пепелище роднаго города и воспламеняется жаждою мести. Собравъ 1700 ратниковъ, Евпатій нападаетъ на задніе отряды Татаръ, низлагаетъ ихъ богатыря Таврула, и наконецъ, подавленный многолюдствомъ, гибнетъ со всѣми товарищами. Батый и его воины удивляются необыкновенному мужеству рязанскаго витязя. (Подобными расказами конечно народъ утѣшалъ себя въ прошлыхъ бѣдствіяхъ и пораженіяхъ). Но рядомъ съ примѣрами доблести и любви къ родинѣ между боярами рязанскими нашлись примѣры измѣны и малодушія. Тѣже преданія указываютъ на боярина, измѣнившаго родинѣ и передавшагося врагамъ. Въ каждой странѣ татарскіе военачальники умѣли прежде всего отыскать предателей; особенно таковые находились въ числѣ людей, захваченныхъ въ

плѣнъ, устрашенныхъ угрозами или соблазненныхъ ласкою. Отъ знатныхъ и незнатныхъ измѣнниковъ Татары узнавали все, что имъ было нужно о состояніи земли, о ея слабыхъ сторонахъ, свойствахъ правителей и т. п. Эти предатели служили также лучшими проводниками для варваровъ при движеніи въ странахъ, дотолѣ имъ невѣдомыхъ.

Изъ Рязанской земли варвары двинулись въ Суздальскую, опять въ томъ же убійственномъ порядкѣ, облавою охватывая эту землю. Главныя ихъ силы пошли обычнымъ суздальско-рязанскимъ путемъ на Коломну и Москву. Тутъ только встрѣтила ихъ суздальская рать, шедшая на помощь Рязанцамъ, подъ начальствомъ молодаго князя Всеволода Юрьевича и стараго воеводы Еремея Глѣбовича. Подъ Коломною великокняжеское войско было разбито на голову; Всеволодъ спасся бѣгствомъ съ остатками владимірской дружины; а Еремей Глѣбовичъ палъ въ битвѣ. Коломна взята и разорена. Затѣмъ варвары сожгли Москву, первый суздальскій городъ съ этой стороны. Здѣсь начальствовали другой сынъ великаго князя, Владиміръ, и воевода Филиппъ Нянька. Послѣдній также палъ въ битвѣ, а молодой князь захваченъ въ плѣнъ. Съ какою быстротою дѣйствовали варвары при своемъ нашествіи, съ такою же медленностію происходили военные сборы въ Сѣверной Руси того времени. При своевременномъ вооруженіи Юрій Всеволодовичъ могъ бы выставить въ поле всѣ силы суздальскія и новогородскія въ соединеніи съ муромо-рязанскими. Времени для этихъ приготовленій было бы достаточно. Болѣе чѣмъ за годъ нашли у него убѣжище бѣглецы изъ Камской Болгаріи, которые принесли вѣсти о разореніи своей земли и движеніи страшныхъ татарскихъ полчищъ. Но вмѣсто своевременныхъ приготовленій, мы видимъ, что варвары уже двигались на самую столицу, когда Юрій, потерявши лучшую часть войска, разбитаго по частямъ, отправился далѣе на сѣверъ собирать земскую рать и звать на помощь братьевъ. Въ столицѣ великій князь оставилъ сыновей, Всеволода и Мстислава, съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ; а самъ отъѣхалъ съ небольшою дружиною. Дорогою онъ присоединилъ къ себѣ трехъ племянниковъ Константиновичей, удѣльныхъ князей Ростовскихъ, съ ихъ ополченіемъ. Съ тою ратью, какую успѣлъ собрать, Юрій рас-

положился за Волгою почти на границѣ своихъ владѣній, на берегахъ Сити, праваго притока Мологи, гдѣ и сталъ поджидать братьевъ, Святослава Юрьевскаго и Ярослава Переяславскаго. Первый дѣйствительно успѣлъ придти къ нему; а второй не явился; да едва ли и могъ явиться вовремя: мы знаемъ, что въ то время онъ занималъ великій Кіевскій столъ.

Въ началѣ февраля главная татарская рать обступила стольный Владиміръ. Толпа варваровъ приблизилась къ Золотымъ воротамъ; граждане встрѣтили ихъ стрѣлами. «Не стрѣляйте!» закричали Татары. Нѣсколько всадниковъ подъѣхали къ самымъ воротамъ съ плѣнникомъ, и спросили: «Узнаете ли вашего княжича Владиміра?» Всеволодъ и Мстиславъ, стоявшіе на Золотыхъ воротахъ, вмѣстѣ съ окружающими тотчасъ узнали брата, плѣненнаго въ Москвѣ, и были поражены горестію при видѣ его блѣднаго, унылаго лица. Они рвались на его освобожденіе, и только старый воевода Петръ Ослядюковичъ удержалъ ихъ отъ безполезной, отчаянной вылазки. Расположивъ главный свой станъ противъ Золотыхъ воротъ, варвары нарубили деревьевъ въ сосѣднихъ рощахъ и весь городъ окружили тыномъ; потомъ установили свои «пороки» или стѣнобитныя машины, и начали громить укрѣпленія. Князья, княгини и нѣкоторые бояре, не надѣясь болѣе на спасеніе, приняли отъ епископа Митрофана постриженіе въ иноческій чинъ, и приготовились къ смерти. 8 февраля, въ день мученика Ѳеодора Стратилата, Татары сдѣлали рѣшительный приступъ. По примёту или набросанному въ ровъ хворосту они влѣзли на городской валъ у Золотыхъ воротъ, и вошли въ Новый или внѣшній городъ. Въ тоже время со стороны Лыбеди они вломились въ него чрезъ Мѣдныя и Ирининскія ворота, а отъ Клязьмы чрезъ Волжскія. Внѣшній городъ былъ взятъ и зажженъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною удалились въ Печерный городъ, т. е. въ кремль. А епископъ Митрофанъ съ великою княгинею, ея дочерьми, снохами, внучатами и многими боярынями заперлись въ соборномъ храмѣ Богородицы на полатяхъ или хорахъ. Когда остатки дружины съ обоими князьями погибли и кремль былъ взятъ, Татары выломали двери соборнаго храма, разграбили его, забрали дорогіе сосуды,

кресты, ризы на иконахъ, оклады на книгахъ; потомъ натаскали лѣсу въ церковь и около церкви, и зажгли. Епископъ и все княжее семейство, скрывшееся на хорахъ, погибли въ дыму и пламени. Другіе храмы и монастыри владимірскіе были также разграблены и отчасти сожжены; множество жителей подверглось избіенію.

Уже во время осады Владиміра Татары взяли и сожгли Суздаль. Затѣмъ отряды ихъ разсѣялись по Суздальской землѣ. Одни пошли на сѣверъ, взяли Ярославль, и поплѣнили Поволожье до самаго Галича Мерскаго; другіе разграбили Юрьевъ, Дмитровъ, Переяславль, Ростовъ, Волоколамскъ, Тверь; въ теченіе февраля было взято до 14 городовъ, кромѣ многихъ «слободъ и погостовъ».

Между тѣмъ Георгій Всеволодовичь все стоялъ на Сити и поджидалъ брата Ярослава. Тутъ пришла къ нему страшная вѣсть о разореніи столицы и гибели княжаго семейства, о взятіи прочихъ городовъ и приближеніи татарскихъ полчищъ. Онъ послалъ трехтысячный отрядъ для развѣдокъ. Но развѣдчики вскорѣ прибѣжали назадъ съ извѣстіемъ, что Татары уже обходятъ русское войско. Едва великій князь, его братья Иванъ и Святославъ и племянники сѣли на коней и начали устраивать полки, какъ Татары, предводимые Бурундаемъ, ударили на Русь съ разныхъ сторонъ, 4 марта 1238 года. Сѣча была жестокая; но большинство русскаго войска, набранное изъ непривычныхъ къ бою земледѣльцевъ и ремесленниковъ, скоро смѣшалось и побѣжало. Тутъ палъ и самъ Георгій Всеволодовичъ; братья его спаслись бѣгствомъ, племянники также, за исключеніемъ старшаго, Василька Константиновича Ростовскаго. Онъ попалъ въ плѣнъ. Татарскіе военачальники склоняли его принять ихъ обычаи и за одно съ ними воевать Русскую землю. Князь съ твердостью отказался быть предателемъ. Татары убили его и бросили въ какомъ-то Шеренскомъ лѣсу, подлѣ котораго временно расположились станомъ. Сѣверный лѣтописецъ по этому поводу осыпаетъ похвалами Василька; говоритъ, что онъ былъ красивъ лицомъ, уменъ, мужественъ и весьма добросердеченъ («сердцемъ же легокъ»). «Кто ему служилъ, хлѣбъ его ѣлъ и чашу его пилъ, тотъ уже никакъ не могъ быть на службѣ у иного князя» — прибавляетъ лѣтописецъ. Епископъ ростовскій Ки-

риллъ, спасшійся во время нашествія въ отдаленный городъ своей епархіи, Бѣлозерскъ, воротясь, отыскалъ тѣло великаго князя, лишенное головы; потомъ взялъ тѣло Василька, принесъ ихъ въ Ростовъ и положилъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Впослѣдствіи нашли также голову Георгія и положили въ гробъ его.

Въ то время какъ одна часть Татаръ двигалась на Сить противъ великаго князя, другая дошла до новогородскаго пригорода Торжка, и осадила его. Граждане, предводимые своимъ посадникомъ Иванкомъ, мужественно защищались; цѣлыя двѣ недѣли варвары потрясали стѣны своими орудіями и дѣлали постоянные приступы. Тщетно Новоторы ждали помощи изъ Новгорода; наконецъ они изнемогли; 5 марта Татары взяли городъ и страшно его опустошили. Отсюда ихъ полчища двинулись далѣе и пошли къ Великому Новгороду извѣстнымъ Селигерскимъ путемъ, опустошая страну направо и налѣво. Уже они дошли до «Игначъ-креста» (Крестцы?) и были только въ ста верстахъ отъ Новгорода, какъ вдругъ повернули на югъ. Это внезапное отступленіе впрочемъ было весьма естественно при обстоятельствахъ того времени. Выросшіе на высокихъ плоскостяхъ и нагорныхъ равнинахъ Средней Азіи, отличающихся суровымъ климатомъ и непостоянствомъ погоды, Монголо-Татары были привычны къ холоду и снѣгу, и могли довольно легко переносить сѣверно-русскую зиму. Но, привычные также къ сухому климату, они боялись сырости и скоро отъ нея заболѣвали; ихъ кони, при всей своей закаленности, послѣ сухихъ степей Азіи также съ трудомъ переносили болотистыя страны и влажный кормъ. Въ Сѣверной Россіи приближалась весна со всѣми ея предшественниками, т. е. таяніемъ снѣговъ и разлитіемъ рѣкъ и болотъ. Рядомъ съ болѣзнями и конскимъ падежомъ грозила страшная распутица; застигнутыя ею полчища могли очутиться въ весьма затруднительномъ положеніи; начавшіяся оттепели могли наглядно показать имъ, что ихъ ожидало. Можетъ быть, они провѣдали также о приготовленіяхъ Новогородцевъ къ отчаянной оборонѣ; осада могла задержать еще на нѣсколько недѣль. Есть кромѣ того мнѣніе, нелишенное вѣроятія, что тутъ сошлась облава, и Батый за позднимъ временемъ счелъ уже неудобнымъ составлять новую.

Во время обратнаго движенія въ степь Татары опустошили востчную часть Смоленской земли и область Вятичей. Изъ городовъ, ими разоренныхъ при этомъ, лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ Козельскѣ, по причинѣ его геройской обороны. Удѣльнымъ княземъ здѣсь былъ одинъ изъ Черниговскихъ Ольговичей, малолѣтній Василій. Дружинники его вмѣстѣ съ гражданами рѣшили защищаться до послѣдняго человѣка, и не сдавались ни на какія льстивыя убѣжденія варваровъ. Батый, по словамъ лѣтописи, стоялъ подъ этимъ городомъ семь недѣль, и потерялъ множество убитыми. Наконецъ Татары своими машинами разбили стѣну и ворвались въ городъ; граждане и тутъ продолжали отчаянно обороняться и рѣзались ножами, пока не были всѣ избиты; а юный князь ихъ будто бы утонулъ въ крови. За такую оборону Татары, по своему обыкновенію, прозвали Козельскъ «злымъ городомъ». Затѣмъ Батый докончилъ порабощеніе половецкихъ ордъ. Главный ихъ ханъ Котянъ съ частію народа удалился въ Венгрію, и тамъ отъ короля Белы IV получилъ земли для поселенія, подъ условіемъ крещенія Половцевъ. Тѣже, которые остались въ степяхъ, должны были безусловно покориться Монголамъ и увеличить ихъ полчища. Изъ половецкихъ степей Батый разсылалъ отряды съ одной стороны для покоренія Приазовскихъ и Прикавказскихъ странъ, а съ другой для порабощенія Черниговo-Сѣверской Руси. Между прочимъ Татары взяли южный Переяславль, разграбили и разрушили тамъ соборный храмъ Михаила и убили епископа Симеона. Потомъ они пошли на Черниговъ. На помощь послѣднему явился Мстиславъ Глѣбовичъ Рыльскій, двоюродный братъ Михаила Всеволодовича, и мужественно защищалъ городъ. Татары поставили метательныя орудія отъ стѣнъ на разстояніи полуторнаго перелета стрѣлы, и бросали такіе камни, которые съ трудомъ поднимали четыре человѣка. Черниговъ былъ взятъ, разграбленъ и сожженъ. Попавшій въ плѣнъ епископъ Порфирій оставленъ въ живыхъ и отпущенъ на свободу. Зимою слѣдующаго 1239 года Батый посылалъ отряды на сѣверъ, чтобы докончить покореніе Мордовской земли. Отсюда они ходили въ Муромскую область и сожгли Муромъ. Потомъ опять воевали по Волгѣ и Клязьмѣ; на первой взяли Городецъ Радиловъ, а на второй городъ Гороховецъ,

который, какъ извѣстно, составлялъ владѣніе Успенскаго Владимірскаго собора. Это новое нашествіе произвело страшный переполохъ во всей Суздальской землѣ. Уцѣлѣвшіе отъ прежняго погрома, жители бросали свои дома, и бѣжали куда глаза глядятъ; преимущественно спасались въ лѣса.

Покончивъ съ сильнѣйшей частью Руси, т. е. съ великимъ княженіемъ Владимірскимъ, отдохнувъ въ степи и откормивъ своихъ коней, Татары обратились теперь на юго-западную, Заднѣпровскую Русь; а отсюда положили идти далѣе, въ Венгрію и Польшу.

Уже во время разоренія Переяславля Русскаго и Чернигова одинъ изъ татарскихъ отрядовъ, предводимый двоюроднымъ братомъ Батыя Менгу-ханомъ, приблизился къ Кіеву, чтобы развѣдать о его положеніи и средствахъ обороны. Остановясь на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ городкѣ Песочномъ, Менгу, по сказанію нашей лѣтописи, любовался красотою и величіемъ древней русской столицы, которая живописно возвышалась на береговыхъ холмахъ, блистая бѣлыми стѣнами и позлащенными главами своихъ храмовъ. Монгольскій князь попытался склонить гражданъ къ сдачѣ; но тѣ не хотѣли о ней и слышать и даже убили посланцевъ. Въ то время Кіевомъ владѣлъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій. Хотя Менгу ушелъ; но не было сомнѣнія, что онъ воротится съ бóльшими силами. Михаилъ не счелъ удобнымъ для себя дожидаться татарской грозы, малодушно оставилъ Кіевъ и удалился въ Угрію. Вскорѣ затѣмъ первопрестольный городъ перешелъ въ руки Даніила Романовича Волынскаго и Галицкаго. Однако и этотъ знаменитый князь при всемъ мужествѣ своемъ и обширности своихъ владѣній, не явился для личной обороны Кіева отъ варваровъ, а поручилъ его тысяцкому Димитрію.

Зимою 1240 года несмѣтная татарская сила переправилась за Днѣпръ, облегла Кіевъ и огородила его тыномъ. Тутъ былъ самъ Батый съ своими братьями, родными и двоюродными, а также лучшіе его воеводы Субудай Багадуръ и Бурундай. Лѣтописецъ Русскій наглядно изображаетъ огромность татарскихъ полчищъ, говоря, будто отъ скрыпа ихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней жители города не могли слышать другъ друга. Свои главные приступы Татары

устремили на ту часть, которая имѣла наименѣе крѣпкое положеніе, т. е. на западную сторону, съ которой къ городу примыкали нѣкоторыя дебри и почти ровныя поля. Стѣнобитныя орудія, особенно сосредоточенныя противу Лядскихъ воротъ, день и ночь били стѣну, пока не сдѣлали пролома. Произошла самая упорная сѣча, «копейный ломъ и скепаніе щитовъ»; тучи стрѣлъ омрачали свѣтъ. Враги наконецъ ворвались въ городъ. Кіевляне геройскою, хотя и безнадежною, обороною поддержали древнюю славу первопрестольнаго русскаго города. Они собрались вокругъ Десятиннаго храма Богородицы и тутъ ночью наскоро огородились укрѣпленіями. На слѣдующій день палъ и этотъ послѣдній оплотъ. Многіе граждане съ семействами и имуществомъ искали спасенія на хорахъ храма; хоры не выдержали тяжести и рухнули. Это взятіе Кіева совершилось 6 декабря, въ самый Николинъ день. Отчаянная оборона ожесточила варваровъ; мечъ и огонь ничего не пощадили; жители большею частію избиты, а величественный городъ превратился въ одну огромную груду развалинъ. Тысяцкаго Димитрія, захваченнаго въ плѣнъ израненнымъ, Батый однако оставилъ въ живыхъ «ради его мужества».

Опустошивъ Кіевскую землю, Татары двинулись въ Волынскую и Галицкую, побрали и разорили многіе города, въ томъ числѣ стольные Владиміръ и Галичъ. Только нѣкоторыя мѣста, отлично укрѣпленныя природою и людьми, они не могли взять съ бою, напримѣръ Колодяженъ и Кременецъ; но первымъ все-таки овладѣли, склонивъ жителей къ сдачѣ льстивыми обѣщаніями; а потомъ вѣроломно ихъ избили. Во время этого нашествія часть населенія южной Руси разбѣжалась въ дальнія страны; многіе укрылись въ пещеры, лѣса и дебри.

Между владѣльцами юго-западной Руси нашлись такіе, которые при самомъ появленіи Татаръ покорялись имъ, чтобы спасти свои удѣлы отъ разоренія. Такъ поступили князья Болоховскіе. Любопытно, что Батый пощадилъ ихъ землю подъ тѣмъ условіемъ, чтобы жители ея сѣяли пшеницу и просо на Татарское войско. Замѣчательно и то, что Южная Русь сравнительно съ Сѣверной оказала гораздо слабѣйшее сопротивленіе варварамъ. На сѣверѣ старшіе князья, Рязанскій и

Владимірскій, собравъ силы своей земли, отважно вступили въ неравную борьбу съ Татарами и погибли съ оружіемъ въ рукахъ. А на югѣ, гдѣ князья издавна славились военною удалью, мы видимъ иной образъ дѣйствія. Старшіе князья, Михаилъ Всеволодовичъ, Даніилъ и Василько Романовичи, съ приближеніемъ Татаръ покидаютъ свои земли, чтобы искать убѣжища то въ Угріи, то въ Польшѣ. Какъ будто у князей Южной Руси достало рѣшимости на общій отпоръ только при первомъ нашествіи Татаръ, и Калкское побоище навело на нихъ такой страхъ, что участники его, тогда еще молодые князья, а теперь уже старшіе, боятся новой встрѣчи съ дикими варварами; они предоставляютъ своимъ городамъ обороняться въ одиночку и гибнуть въ непосильной борьбѣ. Замѣчательно также, что эти старшіе южно-русскіе князья продолжаютъ свои распри и счеты за волости въ то самое время, когда варвары уже наступаютъ на ихъ родовыя земли (51).

Послѣ Югозападной Руси пришла очередь сосѣднихъ западныхъ странъ, Польши и Угріи. Уже во время пребыванія на Волыни и въ Галиціи Батый по обыкновенію посылалъ отряды въ Польшу и къ Карпатамъ, желая развѣдать пути и положеніе тѣхъ странъ. По сказанію нашей лѣтописи, помянутый воевода Димитрій, чтобы спасти Югозападную Русь отъ совершеннаго опустошенія, старался ускорить дальнѣйшій походъ Татаръ и говорилъ Батыю: «не медли долго въ землѣ сей; уже время тебѣ идти на Угровъ; а если будешь медлить, то тамъ успѣютъ собрать силы и не пустятъ тебя въ свои земли». И безъ того татарскіе вожди имѣли обычай не только добывать всѣ нужныя свѣдѣнія передъ походомъ, но и быстрыми, хитро-задуманными движеніями воспрепятствовать всякому сосредоточенію большихъ силъ.

Тотъ же Димитрій и другіе южно-русскіе бояре могли сообщить Батыю многое о политическомъ состояніи своихъ западныхъ сосѣдей, которыхъ они не рѣдко посѣщали вмѣстѣ съ своими князьями, часто굴 роднившимися и съ польскими, и съ угорскими государями. А это состояніе уподоблялось раздробленной Руси и весьма благопріятствовало успѣшному нашествію варваровъ. Въ Италіи и Германіи того времени въ полномъ разгарѣ кипѣла борьба Вельфовъ и Гибелиновъ. На

престолѣ Священной Римской имперіи сидѣлъ знаменитый внукъ Барбарусы, Фридрихъ II. Помянутая борьба совершенно отвлекала его вниманіе, и въ самую эпоху Татарскаго нашествія онъ усердно занимался военными дѣйствіями въ Италіи противъ сторонниковъ папы Григорія IX. Польша, будучи раздроблена на удѣльныя княжества, также какъ и Русь не могла дѣйствовать единодушно и представить серьёзное сопротивленіе надвигавшей ордѣ. Въ данную эпоху мы видимъ здѣсь двухъ старшихъ и наиболѣе сильныхъ князей, именно, Конрада Мазовецкаго и Генриха Благочестиваго, владѣтеля Нижней Силезіи. Они находились во враждебныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; притомъ Конрадъ, уже извѣстный недальновидною политикой (особенно призваніемъ Нѣмцевъ для обороны своей земли отъ Пруссовъ), былъ менѣе всѣхъ способенъ къ дружному, энергичному образу дѣйствія. Генрихъ Благочестивый находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ чешскимъ королемъ Венцеславомъ I и съ угорскимъ Белою IV. Въ виду грозившей опасности онъ пригласилъ чешскаго короля общими силами встрѣтить враговъ; но не получилъ отъ него своевременной помощи. Точно также Даніилъ Романовичъ давно убѣждалъ угорскаго короля соединиться съ Русью для отпора варваровъ, и также безъуспѣшно. Угорское королевство въ то время было однимъ изъ самыхъ сильныхъ и богатыхъ государствъ въ цѣлой Европѣ; его владѣнія простирались отъ Карпатъ до Адріатическаго моря. Завоеваніе такого королевства должно было особенно привлекать татарскихъ вождей. Говорятъ, Батый еще во время пребыванія въ Россіи отправилъ пословъ къ угорскому королю съ требованіемъ дани и покорности и съ упреками за принятіе Котяновыхъ Половцевъ, которыхъ Татары считали своими бѣглыми рабами. Но надменные Мадьяры или не вѣрили въ нашествіе на свою землю, или считали себя достаточно сильными, чтобы отразить это нашествіе. При собственномъ вяломъ, недѣятельномъ характерѣ, Бела IV былъ отвлекаемъ еще разными неустройствами своего государства, въ особенности распрями съ непокорными магнатами. Сіи послѣдніе между прочимъ были недовольны водвореніемъ у себя Половцевъ, которые производили грабежи и насилія, и вообще не думали покидать своихъ степныхъ привычекъ.

Въ концѣ 1240 и началѣ 1241 года татарскія полчища покинули юго-западную Русь и двинулись далѣе. Походъ былъ зрѣло обдуманъ и устроенъ. Главныя силы Батый самъ повелъ черезъ Карпатскіе проходы прямо въ Угрію, которая и составляла теперь его ближайшую цѣль. По обѣ стороны были заранѣе отправлены особыя арміи, чтобы охватить Угрію огромною лавиною и отрѣзать ей всякую помощь отъ сосѣдей. По лѣвую руку, чтобы обойти ее съ юга, пошли разными дорогами чрезъ Седмиградію и Валахію сынъ Огодая Каданъ и воевода Субудай Багадуръ. А по правую руку двинулся другой двоюродный братъ Батыя, Байдаръ, сынъ Джагатая. Онъ направился вдоль Малой Польши и Силезіи и началъ выжигать ихъ города и селенія. Тщетно нѣкоторые князья и воеводы польскіе пытались сопротивляться въ открытомъ полѣ; они терпѣли пораженія въ неравномъ бою; при чемъ большею частію гибли смертію храбрыхъ. Въ числѣ разоренныхъ городовъ были Судоміръ, Краковъ и Бреславль. Въ тоже время отдѣльные татарскіе отряды распространили опустошенія свои далеко въ глубь Мазовіи и Великой Польши. Генрихъ Благочестивый успѣлъ приготовить значительное войско; получилъ помощь отъ Тевтонскихъ или Прусскихъ рыцарей, и ожидалъ Татаръ у города Лигница. Байдаръ-ханъ собралъ свои разсѣянные отряды, и ударилъ на это войско. Битва была очень упорна; не смогши сломить польскихъ и нѣмецкихъ рыцарей, Татары, по словамъ лѣтописцевъ, прибѣгли къ хитрости, и смутили непріятелей ловко пущеннымъ по ихъ рядамъ кликомъ: «бѣгите, бѣгите!» Христіане были разбиты, и самъ Генрихъ палъ геройскою смертію. Изъ Силезіи Байдаръ черезъ Моравію направился въ Угрію на соединеніе съ Батыемъ. Моравія входила тогда въ составъ Чешскаго королевства, и оборону ея Венцеславъ поручилъ мужественному воеводѣ Ярославу изъ Стернберка. Разоряя все на своемъ пути, Татары между прочимъ осадили городъ Оломуцъ, гдѣ заперся самъ Ярославъ; но тутъ потерпѣли неудачу; воевода даже успѣлъ сдѣлать счастливую вылазку и нанести нѣкоторый уронъ варварамъ. Но эта неудача не могла имѣть значительное вліяніе на общій ходъ событій.

Межъ тѣмъ главныя татарскія силы двигались сквозь Карпаты. Высланные впередъ отряды съ топорами частію изру-

били, частію выжгли тѣ лѣсныя засѣки, которыми Бела IV велѣлъ загородить проходы; ихъ небольшія военныя прикрытія были разсѣяны. Переваливъ Карпаты, Татарская орда хлынула на равнины Венгріи, и принялась жестоко ихъ опустошать; а угорскій король еще засѣдалъ на сеймѣ въ Будѣ, гдѣ совѣщался съ своими строптивыми вельможами о мѣрахъ обороны. Распустивъ сеймъ, онъ теперь только принялся собирать войско, съ которымъ и заперся въ смежномъ съ Будою Пештѣ. Послѣ тщетной осады этого города Батый отступилъ. Бела послѣдовалъ за нимъ съ войскомъ, число котораго успѣло возрасти до 100,000 человѣкъ. Кромѣ нѣкоторыхъ магнатовъ и епископовъ, на помощь къ нему пришелъ и его младшій братъ Коломанъ, владѣтель Славоніи и Кроаціи (тотъ самый, который въ юности княжилъ въ Галичѣ, откуда былъ изгнанъ Мстиславомъ Удалымъ). Войско это безпечно расположилось на берегахъ рѣчки Сайо, и здѣсь неожиданно было окружено полчищами Батыя. Мадьяры поддались паническому страху, и въ безпорядкѣ толпились въ своемъ тѣсномъ лагерѣ, не смѣя вступить въ битву. Только немногіе храбрые вожди, въ томъ числѣ Коломанъ, вышли изъ лагеря съ своими отрядами и послѣ отчаянной схватки успѣли пробиться. Все остальное войско уничтожено; король былъ въ числѣ тѣхъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ.

Послѣ того Татары безпрепятственно цѣлое лѣто 1241 года свирѣпствовали въ восточной Венгріи; а съ наступленіемъ зимы перешли на другую сторону Дуная и опустошили западную ея часть. При этомъ особые татарскіе отряды также дѣятельно преслѣдовали угорскаго короля Белу, какъ прежде султана харезмскаго Магомета. Спасаясь отъ нихъ изъ одной области въ другую, Бела дошелъ до крайнихъ предѣловъ угорскихъ владѣній, т. е. до береговъ Адріатическаго моря, и, подобно Магомету, также спасся отъ своихъ преслѣдователей на одинъ изъ ближайшихъ къ берегу острововъ, гдѣ и оставался, пока миновала гроза. Болѣе года Татары пребывали въ Угорскомъ королевствѣ, опустошая его вдоль и поперегъ, избивая жителей, обращая ихъ въ рабство.

Наконецъ въ іюлѣ 1242 года Батый собралъ свои разсѣянные отряды, обремененные несмѣтною добычею, и, покинувъ Венгрію, направилъ обратный путь долиною Дуная чрезъ Бол-

гарію и Валахію въ южно-русскія степи. Главнымъ поводомъ къ обратному походу послужило извѣстіе о смерти Огодая и вступленіе на верховный ханскій престолъ его сына Гаюка. Сей послѣдній еще ранѣе оставилъ Батыя и вообще не находился съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Надобно было обезпечить за своимъ семействомъ тѣ страны, которыя пришлись на долю Джучи по раздѣлу Чингизъ-хана. Но кромѣ слишкомъ большаго удаленія отъ своихъ степей и угрожавшихъ несогласій между Чингизидами, были конечно и другія причины, побудившія Татаръ воротиться на востокъ, не упрочивъ за собою подчиненія Польши и Угріи. При всѣхъ своихъ успѣхахъ, татарскіе военачальники поняли, что дальнѣйшее пребываніе въ Венгріи или движеніе на западъ были небезъопасны. Хотя императоръ Фридрихъ II по прежнему увлекался борьбою съ папствомъ въ Италіи, однако въ Германіи повсюду проповѣдывался крестовый походъ на Татаръ; князья германскіе совершали вездѣ военныя приготовленія, и дѣятельно укрѣпляли свои города и замки. Эти каменныя укрѣпленія было уже не такъ легко брать какъ деревянные города Восточной Европы. Закованное въ желѣзо, опытное въ военномъ дѣлѣ западно-европейское рыцарство также не обѣщало легкой побѣды. Уже во время пребыванія въ Венгріи Татары не разъ терпѣли разныя неудачи и, чтобы одолѣть непріятелей, часто должны были прибѣгать къ своимъ военнымъ хитростямъ, каковы: ложное отступленіе отъ осажденнаго города, или притворное бѣгство въ открытомъ сраженіи, лживые договоры и обѣщанія, даже поддѣльныя грамоты, обращенныя къ жителямъ какъ бы отъ имени угорскаго короля, и т. п. При осадѣ городовъ и замковъ въ Угріи Татары весьма щадили собственныя силы; а болѣе пользовались толпами плѣнныхъ Русскихъ, Половцевъ и самихъ Угровъ, которыхъ подъ угрозою избіенія посылали заваливать рвы, дѣлать подкопы, идти на приступъ. Наконецъ и самыя сосѣднія страны, за исключеніемъ Среднедунайской равнины, по гористому, пересѣченному характеру своей поверхности уже представляли мало удобствъ для степной конницы ([32]).

Монголо-Татары Джучіева улуса заняли своими кочевьями всѣ Кипчакскія степи. Остатки Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ, обращенные ими въ рабство, впослѣдствіи легко слились съ ними, благодаря родству происхожденія и языка. На предѣлахъ Южной Руси расположено было нѣсколько отдѣльныхъ ордъ подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые охраняли Кипчакъ и наблюдали за покорностью завоеванной страны. Степи Таврическія и Азовскія Батый предоставилъ во владѣніе одному изъ своихъ родственниковъ, а ту часть Джучіева удѣла, которая находилась въ юго-западной Сибири и сѣверномъ Туркестанѣ, отдалъ брату своему Шибану. Самъ Батый и сынъ его Сартакъ съ главною своей ордой расположились въ степяхъ Поволжскихъ и Подонскихъ. Въ лѣтнее время татарскія орды кочевали въ сѣверныхъ частяхъ степи, а на зиму спускались ближе къ морямъ Черному и Каспійскому. Ханы первоначально не имѣли опредѣленнаго мѣстопребыванія и также кочевали съ своимъ дворомъ и войскомъ. Ставка или *орда* ханская отъ своихъ золотыхъ украшеній называлась «Золотою Ордою». Это названіе распространилось на все царство Батыево; кромѣ того отъ прежнихъ владѣтелей степи Кипчаковъ или Половцевъ оно стало извѣстно подъ именемъ «Кипчакской орды». Главное мѣстопребываніе хана называлось еще *сарай*; впослѣдствіи оно утвердилось преимущественно на Ахтубѣ, рукавѣ нижней Волги, тамъ гдѣ теперь городъ Царевъ. Сюда должны были являться на поклонъ Батыю государи завоеванныхъ имъ странъ. А отсюда нѣкоторые изъ нихъ отправлялись въ глубину Азіи ко двору верховнаго Монгольскаго хана; ибо Кипчакскій улусъ сначала составлялъ только часть необъятной Монгольской имперіи; первые преемники Чингиза и Огодая еще сохраняли свою власть надъ всѣми ея частями.

Когда умеръ Огодай (1241), правительницею царства сдѣлалась самая вліятельная изъ его женъ, Туракина. Она рѣшила доставить престолъ своему старшему сыну Гаюку; для чего требовалось согласіе великаго сейма или курилтая, который могъ выбирать любаго изъ потомковъ Чингизовыхъ. Уже не всѣ его потомки жили тогда въ согласіи; между ними обозначились двѣ партіи: на одной сторонѣ стояли дѣти Огодая и Джагатая, на другой семейства Джучи и Тулуя. Про-

шло болѣе четырехъ лѣтъ прежде, нежели Туракинѣ удалось добиться для своего сына торжественнаго избранія на великомъ курилтаѣ (1246). Одинъ итальянскій монахъ, по имени Плано Карпини, видѣлъ этотъ курилтай, собравшійся въ древней родинѣ монгольскихъ хановъ, и оставилъ потомству любопытное описаніе своего путешествія на Волгу въ Кипчакскую орду и къ источникамъ Амура въ орду верховнаго хана.

Приведемъ главныя черты изъ этого описанія.

Папа Иннокентій IV отправилъ къ татарскимъ ханамъ монаховъ съ предложеніемъ мира и съ проповѣдью христіанской религіи. Во главѣ посольства былъ поставленъ Плано Карпини, принадлежавшій къ Францисканскому ордену.

Зимою 1245 года посольство отправилось на востокъ черезъ Богемію и Польшу. У Конрада Мазовецкаго оно встрѣтилось съ его союзникомъ и родственникомъ по женѣ Василькомъ Волынскимъ, братомъ Даніила Романовича. По просьбѣ Поляковъ Василько взялъ съ собою это посольство и оказалъ ему гостепріимство въ своей землѣ. Католическіе монахи не упустили случая предъявить русскому князю и духовенству папскую грамоту, заключавшую увѣщаніе возсоединиться съ Римскою церковью. Они получили уклончивый отвѣтъ, что такой вопросъ не можетъ быть рѣшенъ въ отсутствіе Даніила, уѣхавшаго въ орду къ Батыю. Василько далъ посламъ проводниковъ до Кіева. На этомъ пути они подвергались опасности отъ Литовцевъ, которые въ то время участили свои набѣги на Русскую землю. Дорогою они видѣли очень мало жителей, потому что большая часть населенія была или избита, или уведена въ неволю. Кіевъ, бывшій прежде столь великимъ и многолюднымъ, они нашли бѣднымъ городкомъ; въ немъ оставалось не болѣе 200 домовъ, жители которыхъ находились въ жестокомъ рабствѣ у Татаръ. Батый утвердилъ этотъ городъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ Суздальскимъ, который держалъ его посредствомъ своего тысяцкаго Димитрія Ейковича. По совѣту сего послѣдняго монахи оставили въ Кіевѣ своихъ лошадей, потому что они не годились для степи, гдѣ только кони кочевниковъ умѣютъ отыскивать себѣ кормъ, разрывая снѣгъ копытами. Тысяцкій далъ имъ коней и проводниковъ до Канева, за ко-

торымъ находилась первая татарская застава. Тутъ пословъ остановили; но когда они объяснили причины своего посольства, начальники стражи отправили ихъ къ Куремсѣ. Этотъ темникъ или воевода начальствовалъ 60,000 войскомъ и оберегалъ предѣлы Кипчака на правой сторонѣ Днѣпра. У порога воеводскаго шатра монаховъ заставили три раза преклонить лѣвое колѣно и запретили имъ наступать ногою на порогъ. Въ шатрѣ они должны были представиться воеводѣ и его свитѣ стоя на колѣнахъ. На всякомъ шагу отъ нихъ требовали подарковъ. Къ счастью въ Польшѣ они запаслись разными мѣхами, преимущественно бобровыми, которые и раздавали теперь по немногу. Куремса отправилъ ихъ къ Батыю. Ѣхали они Половецкими степями около береговъ Азовскаго моря весьма скоро, мѣняя лошадей по три и по четыре раза въ день. Въ концѣ великаго поста они достигли Батыева мѣстопребыванія.

Прежде чѣмъ представить пословъ хану, татарскіе чиновники объявили имъ, что надобно пройти между двухъ огней. Тѣ попытались спорить. «Ступайте смѣло — сказали имъ. — Это нужно только для того, что ежели вы имѣете при себѣ ядъ, то огонь истребитъ всякое зло». «Если такъ, то мы готовы идти, чтобы не оставаться въ подозрѣніи» — отвѣчали послы. По врученіи подарковъ ихъ ввели въ ханскую ставку, заставивъ напередъ преклониться и выслушать опять предостереженіе не наступать на порогъ. Рѣчь свою они произнесли передъ ханомъ на колѣнахъ; а потомъ вручили папскую грамоту, прося для ея перевода дать имъ толмачей; что и было исполнено.

«Батый живетъ великолѣпно—описываетъ Карпини.—У него привратники и всякіе чиновники какъ у императора, и сидитъ онъ на высокомъ мѣстѣ, какъ будто на престолѣ, съ одною изъ своихъ женъ. Всѣ же прочіе, какъ братья его и сыновья, такъ и другіе вельможи, сидятъ ниже посрединѣ на скамьѣ, а остальные люди за ними на полу, мужчины съ правой, женщины съ лѣвой стороны. Близъ дверей шатра ставятъ столъ, а на него питье въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ. Батый и всѣ татарскіе князья, а особливо въ собраніи, не пьютъ иначе какъ при звукѣ пѣсенъ или струнныхъ инструментовъ. Когда же выѣзжаетъ, то всегда надъ головою

его носятъ щитъ отъ солнца или шатерчикъ на копьѣ (зонтъ). Такъ дѣлаютъ всѣ татарскіе знатные князья и жены ихъ. Сей Батый очень ласковъ къ своимъ людямъ; но, не смотря на это, они чрезвычайно его боятся. Въ сраженіяхъ онъ весьма жестокъ, а на войнѣ очень хитеръ и лукавъ, потому что воевалъ очень долго». «Въ войскѣ Батыевомъ считается шесть сотъ тысячъ человѣкъ; изъ нихъ 150,000 Татаръ, а 450,000 иныхъ невѣрныхъ и христіанъ».

По приказу Батыя монахи отправлены въ Азію ко двору верховнаго хана. Ихъ везли съ прежнею скоростію. За Ураломъ они вступили въ безводную степь Кангитовъ (нынѣ Киргизскую), гдѣ, какъ и въ Половецкой, видѣли повсюду разсѣянные человѣческіе черепа и кости. Потомъ они миновали земли «бисерменовъ» (Хивинцевъ), Кара-Китай, Монголію, и наконецъ прибыли въ главный ханскій станъ. Гаюкъ пока до своего избранія не принялъ пословъ, а велѣлъ явиться къ его матери, бывшей правительницею царства. Она имѣла огромный свѣтлопурпурный шатеръ, въ которомъ могло помѣститься слишкомъ двѣ тысячи человѣкъ; вокругъ шатра шла деревянная ограда, расписанная разными изображеніями. Въ его окрестностяхъ расположились съ своими людьми всѣ татарскіе воеводы и знатные люди, составлявшіе великій курилтай. Они разъѣзжали на богато убранныхъ коняхъ; у многихъ коней узда, нагрудникъ и сѣдло были густо покрыты золотомъ. Сами воеводы одинъ день являлись всѣ одѣтые въ бѣлый пурпуръ, на другой день въ красный, на третій въ голубой, на четвертый въ ткань шитую золотомъ. Они собирались въ шатеръ и разсуждали тамъ объ избраніи хана, выпивая при этомъ огромное количество кумысу. Между тѣмъ остальной народъ располагался далеко за оградою. Въ толпѣ этой находились многіе послы и владѣтели покоренныхъ народовъ прибывшіе съ дарами, въ томъ числѣ великій князь суздальскій Ярославъ Всеволодовичъ. Четыре недѣли прожили здѣсь монахи, прежде нежели совершились обряды избранія и возведенія на престолъ Гаюка. Для этого послѣдняго обряда въ живописной долинѣ между горъ на берегу красивой рѣчки устроенъ былъ шатеръ на столбахъ, обшитыхъ золотыми листами. Этотъ шатеръ назывался «Золотой Ордою». 25 августа 1246 г. около него собралось чрез-

вычайное множество народу. Послѣ чтенія молитвъ и всенародныхъ поклоновъ, обращенныхъ на югъ, воеводы вошли въ шатеръ, посадили Гаюка на золотое сѣдалище, положили передъ нимъ мечъ и преклонили колѣна; а за ними сдѣлалъ тоже и весь народъ.

На приглашеніе принять власть Гаюкъ произнесъ:

«Если вы хотите, чтобы я владѣлъ вами, то готовъ ли каждый изъ васъ исполнять то, что я ему прикажу, приходить когда позову, идти куда пошлю, убивать кого велю?»

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ:

«Если такъ, то впредь слово устъ моихъ да будетъ мечомъ моимъ».

Послѣ того вельможи разостлали на землѣ войлокъ, посадили на него хана и въ свою очередь сказали ему, что если онъ будетъ хорошо править, соблюдать правосудіе и награждать вельможъ по достоинству, то пріобрѣтетъ славу и весь свѣтъ покорится его власти; въ противномъ случаѣ лишится и самаго войлока, на которомъ сидитъ. Съ этими словами посадили подлѣ него на войлокъ его главную жену, и обоихъ торжественно подняли вверхъ. Потомъ принесли ему множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, оставшихся въ казнѣ его предшественника. Ханъ роздалъ нѣкоторую часть вельможамъ, а остальное велѣлъ хранить для себя. Торжество окончилось усердною попойкою и пиршествомъ, продолжавшимися до вечера.

Гаюкъ при возведеніи на престолъ на видъ имѣлъ отъ роду отъ 40 до 45 лѣтъ. Онъ былъ средняго роста и весьма серьезенъ, такъ что въ это время никто не видалъ его смѣющимся или шутившимъ. Онъ оказывалъ большую терпимость къ христіанамъ, имѣлъ при себѣ даже христіанскихъ священниковъ (Несторіанъ), которые открыто совершали богослуженіе въ часовнѣ, построенной передъ его большимъ шатромъ. Нѣкоторые изъ его христіанскихъ слугъ увѣряли папскихъ монаховъ, будто онъ намѣренъ и самъ принять крещеніе. По окончаніи помянутыхъ обрядовъ Гаюкъ началъ принимать многочисленныхъ пословъ отъ разныхъ народовъ, которые поднесли ему въ даръ безчетное множество бархату, пурпуру, шелковыхъ шитыхъ золотомъ кушаковъ, дорогихъ мѣховъ и пр. Около его шатровъ стояло до пятисотъ повозокъ,

наполненныхъ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. Все это было раздѣлено между ханомъ и воеводами; а затѣмъ каждый изъ доставшейся ему части надѣлялъ своихъ людей.

Еще много недѣль пришлось ждать монахамъ, пока они исполнили свое посольство и получили позволеніе воротиться въ Европу. Въ теченіе этого времени они очень бѣдствовали, терпѣли голодъ и жажду. Къ счастію судьба послала имъ на помощь одного добраго русскаго плѣнника, по имени Козьму. При всей своей свирѣпости и кровожадности монгольскіе завоеватели, какъ извѣстно, щадили людей знавшихъ какое-либо художество. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Козьма, бывшій золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Онъ показывалъ монахамъ только что изготовленный имъ для хана престолъ и ханскую печать его же работы.

Получивъ наконецъ отвѣтную грамоту для папы, посольство тѣмъ же порядкомъ воротилось назадъ.

Къ описанію своего путешествія Плано Карпини присоединилъ любопытныя замѣтки о монгольскихъ нравахъ и обычаяхъ. Между прочимъ онъ указываетъ на обиліе всякаго рода суевѣрій и колдовства; что весьма естественно у дикаго языческаго народа. Ворожба по крику и полету птицъ и особенно по бараньимъ лопаткамъ была чрезвычайно распространена между Монголами. Какъ огнепоклонники они окружали огонь великимъ уваженіемъ: не только втыкать въ него ножъ, но и прикасаться ножомъ или рубить топоромъ близъ огня считалось большимъ грѣхомъ. Также строго запрещалось прикасаться плетью къ стрѣламъ, бить лошадь уздою, выливать на землю молоко и т. п. Кто входя къ воеводѣ наступалъ на порогъ его ставки, того убивали безъ милосердія. Монголы обожали солнце, огонь, воду, землю, и приносили имъ въ жертву часть своей пищи и питья, особенно поутру передъ началомъ ѣды; но сколько нибудь устроеннаго торжественнаго богослуженія (кажется) не совершалось. Были у нихъ идолы, сдѣланные изъ войлока на подобіе человѣка и поставленные по обѣимъ сторонамъ двери; у воеводъ идолы приготовлялись изъ шолковыхъ тканей и ставились одни посреди шатра, а другіе въ крытой повозкѣ внѣ его. О загробной жизни они имѣли самыя грубыя понятія, и думали, что так-

же будутъ жить и на томъ свѣтѣ, т. е. размножать свои стада, ѣсть, пить и пр. Поэтому знатнаго человѣка погребали съ его шатромъ, поставивъ передъ нимъ чашу съ мясомъ и горшокъ съ кобыльимъ молокомъ; зарывали съ нимъ вмѣстѣ кобылу съ жеребенкомъ, коня съ уздою и сѣдломъ, а также серебряныя и золотыя вещи. Еще при этомъ одну лошадь съѣдали, а шкуру ея, набивъ соломой, развѣшивали на шестахъ надъ могилой. Иногда погребали съ покойникомъ и его любимѣйшаго слугу. Послѣ того родственники умершаго и все имущество его должны быть очищены огнемъ. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что раскладывали два костра; подлѣ нихъ ставили два копья, соединенныя на верху веревкой съ привѣшенными къ ней полотняными лоскутами, и подъ этой веревкой проводили людей, скотъ и самыя кибитки или юрты. Въ это время двѣ колдуньи, стоя съ двухъ сторонъ, прыскали на нихъ водою и произносили заклятія. Ихъ юрты круглыя; онѣ сдѣланы искусно изъ палокъ и прутьевъ и покрыты войлокомъ. На верху оставляется отверстіе для свѣта и дыма; ибо посрединѣ раскладывается огонь. Эти юрты легко разбираются и навьючиваются на верблюдовъ; но есть и такія, которыя нельзя разобрать; а ихъ перевозятъ на возахъ, запряженныхъ быками.

Монголы отличаются чрезвычайною жадностію. Вещь, которая имъ понравилась у иноземца, они вынуждаютъ подарить себѣ или отнимаютъ насильно. Иностранные послы и владѣтели, пріѣзжавшіе къ нимъ, должны раздавать подарки на каждомъ шагу. Владѣя огромными стадами овецъ и барановъ, варвары отъ чрезмѣрной скупости рѣдко ѣдятъ здоровую скотину, а болѣе хворую или просто падаль. Употребляютъ въ пищу не только лошадей, но и собакъ, волковъ, лисицъ и т. п., а по нуждѣ даже человѣчье мясо. На походѣ могутъ по нѣскольку дней оставаться безъ пищи, и, продовольствоваться, напримѣръ, тѣмъ, что вскрываютъ жилу у лошади и пьютъ кровь. (Свирѣпость ихъ простирается до того, что иногда сосутъ кровь пойманнаго врага). За то при возможности чрезвычайно невоздержны въ пищѣ, а также исполнены неутолимой похоти. Неразборчивости въ пищѣ соотвѣтствуетъ крайняя неопрятность: никогда не моютъ ни посуды, ни платья, до крайности засаленныхъ. Привычка раз-

водить огонь изъ коровьяго и конскаго помета — пріобрѣтенная въ безлѣсныхъ степяхъ — была такъ сильна, что и въ мѣстахъ лѣсистыхъ, каковы источники Амура, разводили огонь изъ помета, особенно для ханской потребности. Во взаимныхъ сношеніяхъ Монголы вообще дружны, рѣдко ссорятся между собою, почти никогда не воруютъ другъ у друга и не соблазняютъ женщинъ своего племени. Впрочемъ за послѣднее преступленіе назначена смертная казнь; а за мелкіе проступки жестоко сѣкутъ. Каждый имѣетъ женъ сколько можетъ содержать и покупаетъ ихъ у родителей. Женщины исполняютъ всѣ работы; а мужчины въ мирное время занимаются только охотою и стрѣльбою; о лошадяхъ имѣютъ большое попеченіе; ѣздятъ на очень короткихъ стремянахъ. Женщины также ѣздятъ верхомъ, и нѣкоторыя стрѣляютъ не хуже мущинъ. Платье мужское и женское одного покроя; только замужнія женщины отличаются головнымъ уборомъ; послѣдній представляетъ высокую, круглую корзину, которая къ верху постепенно расширяется и оканчивается четвероугольникомъ съ воткнутымъ въ него металлическимъ прутикомъ или перомъ. Войлочныя шапки мужчинъ имѣютъ небольшія поля, загнутыя вверхъ спереди и сбоковъ, но опущенныя сзади. Мущины выстригаютъ макушку и кромѣ того выбриваютъ полосу отъ одного уха до другаго; подбриваютъ также на лбу; затѣмъ оставшіеся напереди волосы отпускаютъ до бровей, а назади отращиваютъ какъ женщины, заплетаютъ ихъ въ косы и кладутъ каждую за ухомъ.

Способы прически Монголы по всей вѣроятности переняли у Китайцевъ, у которыхъ вообще многое заимствовали. Въ особенности подражаніе Китаю отразилось у нихъ на деспотическомъ характерѣ верховной власти и на цѣломъ устройствѣ созданной ими огромной монархіи. Уже удѣльные ханы какъ Батый и даже его воеводы держали себя надменно и повелительно, и доступъ къ своей особѣ окружали разными церемоніями. Еще бо̀льшими церемоніями, колѣнопреклоненіями и почти божескимъ почитаніемъ окружена была особа верховнаго хана. Власть его сдѣлалась безграничною. «Никто не смѣетъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое ханъ ему назначитъ. Онъ назначаетъ, гдѣ кочевать воеводамъ, тысячники сотникамъ, сотники десятникамъ. Чтобы онъ ни прика-

залъ, въ какое бы время и гдѣ бы ни было, на войну ли, на смерть ли, все это исполняется безпрекословно. Также безпрекословно отдаютъ ему, если у кого потребуетъ, незамужнюю дочь или сестру. Ежегодно или чрезъ нѣсколько лѣтъ собираетъ онъ дѣвицъ изъ всѣхъ владѣній татарскихъ; изъ нихъ оставляетъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ кому вздумается. Гонцамъ его или посламъ, приходящимъ къ нему, жители обязаны давать кормъ и лошадей». При дворѣ ханскомъ встрѣчаемъ уже цѣлую лѣстницу разныхъ чиновниковъ, а также секретарей и писцовъ. Въ обложеніи покоренныхъ народовъ разнообразными налогами и поборами, въ назначеніи численниковъ и баскаковъ, въ устройствѣ ямской гоньбы для ханскихъ посланцевъ, разносившихъ ханскія повелѣнія, и т. п.—видно несомнѣнное вліяніе китайскихъ и отчасти персидскихъ образцовъ, примѣненныхъ къ условіямъ полудикаго степнаго быта.

Таковы были завоеватели, наложившіе продолжительное ярмо на наше отечество.

По словамъ того же Карпини, порабощеніе Европы, прерванное смертью Огодая и послѣдующимъ междуцарствіемъ, должно было возобновиться съ утвержденіемъ на престолѣ Гаюка. На томъ же курилтаѣ, гдѣ совершилось его избраніе, рѣшено было вновь собрать огромное войско и послать на западъ опять черезъ Венгрію и Польшу. Но Гаюкъ питалъ непріязнь къ своему двоюродному брату Батыю и уже хотѣлъ идти на него войною, какъ былъ застигнутъ внезапною смертію (осенью 1247 г.). Наступило новое междуцарствіе, съ управленіемъ старшей жены Гаюка; вмѣстѣ съ тѣмъ рушился планъ новаго похода на Европу. Батый, теперь самый сильный изъ монгольскихъ владѣтелей, собралъ курилтай въ Туркестанѣ и заставилъ выбрать ханомъ самаго пріязненнаго себѣ изъ двоюродныхъ братьевъ, Менгу, сына Тулуева. Въ слѣдующемъ году это избраніе подтверждено и на великомъ курилтаѣ въ Каракорумѣ или на родинѣ Чингизидовъ. Дѣло однако не обошлось безъ враждебныхъ попытокъ со стороны потомковъ Огодая и Джагатая; за что нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнію или лишеніемъ владѣній. Ханство Пер-

сидское или удѣлъ Тулуя Менгу передалъ своему брату Гулагу; другому своему брату Кубилаю отдалъ Китай, а за Батыемъ утвердилъ его Кипчакское царство. Итакъ вслѣдствіе избирательнаго престолонаслѣдія уже начались смуты въ Монголо-Татарской имперіи, которыя неизбѣжно должны были повести къ ея распаденію.

Отвлекаемый дѣлами въ Азіи, Батый поручалъ занятіе русскими и вообще европейскими отношеніями старшему сыну Сартаку, который съ своей ордой кочевалъ въ степяхъ между Волгою и Дономъ. Сартакъ держалъ при себѣ многихъ христіанъ Несторіанскаго исповѣданія; отсюда распространился слухъ, будто и самъ онъ сдѣлался христіаниномъ. На основаніи этого ложнаго слуха французскій король Людовикъ IX во время своего пребыванія на островѣ Кипрѣ отправилъ къ нему посла, именно монаха Рубруквиса, въ 1253 году. Послѣдній направился къ Татарамъ Чернымъ моремъ, Тавридою и Донскими степями.

Проѣзжая мимо Таврическихъ соляныхъ озеръ, Рубруквисъ замѣтилъ, что сюда приходятъ за солью со всѣхъ сторонъ Руси; Батый и Сартакъ поэтому сдѣлали добычу соли важнымъ источникомъ своихъ доходовъ, обложивъ каждую нагруженную телѣгу пошлиной въ два куска полотна, стоимостью въ полъиперпера (золотая монета). О самой Руси путешественникъ слышалъ какъ о странѣ, сплошь покрытой лѣсами и сильно опустошенной Татарами: они продолжали разорять ее ежедневно; а тѣхъ жителей, которые не въ состояніи болѣе давать золото и серебро, угоняли въ неволю со всѣми ихъ семействами и заставляли пасти свои стада. Татарскія кочевья наполнились подобными толпами плѣнниковъ изъ разныхъ народовъ, но повидимому болѣе всего русскими людьми; ибо варвары къ мусульманскимъ народамъ относились снисходительнѣе чѣмъ къ христіанскимъ. Такое отношеніе объясняется отчасти тѣмъ, что среднеазійскіе мусульмане показывали менѣе отвращенія къ татарскимъ обычаямъ, и стояли ближе къ ихъ образу жизни, чѣмъ европейскіе христіане. Напримѣръ, обычный и любимый напитокъ Татаръ былъ кумысъ, угощеніе которымъ они считали за большую честь; Русскіе, по преимуществу передъ другими христіа-

нами, смотрѣли на этотъ напитокъ съ омерзѣніемъ, и, если бывали принуждены къ его употребленію, то послѣ того брали у своихъ священниковъ отпустительныя молитвы. какъ бы оскверненные идолослуженіемъ. Также относились они къ употребленію въ пищу конины, падали и животныхъ, зарѣзанныхъ рукою язычника или мусульманина. Достигнувъ рѣки Дона, Рубруквисъ нашелъ на его берегу русское селеніе, устроенное по приказу Батыя и Сартака, чтобы перевозить на лодкахъ и паромахъ черезъ рѣку пословъ и торговцевъ. За эту повинность селеніе было освобождено отъ обязанности давать коней проѣзжающимъ.

Представившись съ обычными колѣнопреклоненіями предъ лицо Сартака, Рубруквисъ былъ отправленъ имъ въ орду Батыеву; такъ какъ молодой ханъ не рѣшился дать отвѣтную грамату на письмо короля Людовика. На этомъ пути западные монахи были въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ; ибо многіе бѣдняки, переселенные Татарами въ степи изъ Руси, Венгріи и Аланіи, соединялись въ шайки по двадцати и тридцати человѣкъ, и по ночамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчнаго. На берегу Волги монахи также нашли татарско-русское селеніе, занимавшееся перевозомъ пословъ, ѣхавшихъ къ Батыю и обратно. Батый въ свою очередь не далъ никакого отвѣта посламъ Французскаго короля, а приказалъ имъ ѣхать на родину Монголовъ въ Каракорумъ къ великому хану Менгу. Рубруквисъ совершилъ это путешествіе по азіатскимъ степямъ съ такими же великими трудностями какъ и предшественникъ его Плано Карпини. Онъ нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ главной Ордѣ; видѣлъ при дворѣ великаго хана многихъ христіанъ Несторіанскаго исповѣданія, свободно отправлявшихъ свое богослуженіе; но встрѣтилъ полное равнодушіе къ своей проповѣди со стороны Монголовъ. Это равнодушіе особенно ясно выразилось въ словахъ самого хана. Отпуская монаховъ обратно изъ своей Орды, Менгу сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Мы, Монголы, вѣруемъ, что есть только одинъ Богъ; но какъ рукамъ Онъ далъ много пальцевъ, такъ и людямъ назначилъ многіе пути въ рай. Вамъ, христіанамъ, Онъ даровалъ священное писаніе; но вы его не

соблюдаете; а намъ далъ волхвовъ; мы ихъ слушаемся и живемъ въ мирѣ».

Рубруквисъ воротился тѣмъ же путемъ на Волгу къ Батыю; при чемъ видѣлъ только что основанный имъ городъ Сарай, гдѣ ханъ проводилъ часть зимы съ своимъ кочевымъ дворомъ. Отсюда посолъ направился черезъ Дербентъ въ Арменію и далѣе, пока снова достигъ Кипра. Отчетъ о его путешествіи, представленный королю Людовику, подобно Карпиніеву, изобилуетъ любопытными описаніями татарскихъ обычаевъ и особенно главной Монгольской орды ([53]).

XXI.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ И РУСЬ СѢВЕРОВОСТОЧНАЯ.

Русскіе князья въ Ордѣ. Тяжкія дани. Судьба Ярослава. Мученичество Михаила Черниговскаго. Александръ. Невская побѣда. Ледовое побоище. Соперничество съ братомъ Андреемъ. Политика въ отношеніи къ Татарамъ. Новогородскія смуты. Татарскіе численники и сборщики даней. Послѣднее путешествіе въ Золотую Орду и кончина Александра. Установленный имъ характеръ Татарской зависимости. Распаденіе Чингизовой имперіи. Мусульманство въ Золотой Ордѣ. Братья и преемники Александра. Раковорская битва. Довмонтъ Псковскій. Договоры съ Новгородомъ. Междоусобія Александровыхъ сыновей. Князья Ростовскіе. Митрополитъ Кириллъ II и оставленіе Кіева. Рязань. Положеніе Черниговo-Сѣверской украйны. Борьба Новогородцевъ со Шведами и Псковичей съ Нѣмцами.

Суздальскіе и рязанскіе князья, уцѣлѣвшіе отъ Татарскаго меча, послѣ Батыева нашествія снова заняли свои наслѣдственные удѣлы, и принялись вызывать жителей, укрывшихся въ лѣса и дебри, очищать землю отъ гніющихъ труповъ, возобновлять сожженные города и храмы.

Старшій Владимірскій столъ, послѣ гибели Георгія II, наслѣдовалъ слѣдующій за нимъ братъ Ярославъ Всеволодовичъ; младшимъ братьямъ (Святославу и Ивану) онъ отдалъ Суздаль и Стародубъ Клязьменскій; а потомкамъ старшаго своего брата Константина Всеволодовича оставилъ ихъ наслѣдственныя волости Ростовъ, Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро. Но скоро русскіе князья узнали, что они уже утратили свою независимость и свободу распоряжаться собственной землей; что у нихъ есть господинъ; что надъ Русью тяготѣло жестокое варварское иго. По возвращеніи изъ Венгріи, расположась станомъ на берегахъ Волги, Батый послалъ звать русскихъ князей въ Орду подъ угрозой лишенія удѣловъ и самой жизни. Страхъ, наведенный погромомъ, былъ

еще такъ силенъ, что никто не думалъ о новомъ сопротивленіи. Гордые, вольнолюбивые русскіе князья и бояре смиренно склонили свою выю подъ татарское ярмо. Ярославъ Всеволодовичъ показалъ примѣръ: съ нѣкоторыми сыновьями и боярами онъ отправился въ Орду въ 1243 году. Батый былъ доволенъ его покорностью, и утвердилъ за нимъ старѣйшинство между русскими князьями, признавъ его великимъ княземъ Кіевскимъ и Владимірскимъ. Другіе князья суздальскіе, равно рязанскіе и сѣверскіе, тоже съ боярами своими поспѣшили въ Орду, чтобы выхлопотать ханскіе ярлыки или грамоты на владѣніе своими наслѣдственными удѣлами. Тамъ, представляясь предъ лицо хана, они подвергались тѣмъ же унизительнымъ обрядамъ, о которыхъ упоминаетъ Плано Карпини, т. е. проходили между двухъ огней, кланялись идоламъ, становились на колѣна. Разумѣется, князья должны были являться къ своимъ владыкамъ съ большими дарами, раздавать также подарки ханскимъ женамъ, воеводамъ и чиновникамъ, которые вымогали эти подарки съ великою жадностію.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ князей въ ихъ наслѣдственныхъ волостяхъ Русскій народъ былъ обложенъ тяжелою данью; кромѣ того, подобно другимъ покореннымъ народамъ, онъ долженъ былъ выставлять вспомогательныя дружины въ татарскихъ войнахъ. По словамъ русской лѣтописи, Татары, облагая данью, предварительно подвергали перечисленію жителей, оставшихся послѣ Батыева разгрома. Тоже подтверждаетъ и Плано Карпини, который въ бытность свою на востокѣ слышалъ, что отъ Гаюка и Батыя былъ посланъ какой-то сарацинъ (мусульманинъ) на Русь для сбора дани. Этотъ сборщикъ отъ каждаго отца, имѣвшаго троихъ сыновей, бралъ по одному изъ нихъ; неженатыхъ мущинъ, и незамужнихъ женщинъ, равно и нищихъ, Татарскіе численники уводили въ Орду. Остальное населеніе, перечисливъ «по ихъ обычаю», приказали, чтобы каждый, малый и большой, даже младенецъ однодневный, бѣдный и богатый, давалъ дань по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя, чернобурой лисицы и хорька. Кто не могъ заплатить дани, того уводили въ рабство. Россія, какъ страна бѣдная звонкой монетой и богатая мѣхами, была обложена именно мѣховою данью, из-

лишекъ которой потомъ продавался купцамъ азіатскимъ и европейскимъ. Тоже самое дѣлалось съ русскими людьми, которыхъ огромное количество было уводимо въ татарскую неволю; о чемъ согласно свидѣтельствуютъ русскія лѣтописи и иноземные источники (Плано Карпини). И дѣйствительно, базары городовъ крымскихъ и азовскихъ наполнились русскими невольниками и невольницами. Тамъ купцы, особенно приходившіе изъ Венгріи и Генуи, скупали молодежь, и перепродавали ее въ мусульманскія страны, каковы: Малая Азія, Сирія, Египетъ, Сѣверная Африка, Испанія. Многія знатныя фамиліи двухъ названныхъ итальянскихъ республикъ пріобрѣли свои богатства съ помощью гнусной торговли христіанскимъ народомъ.

Карпини сообщаетъ также, что въ покоренныхъ земляхъ ханы держатъ своихъ баскаковъ или намѣстниковъ, которые наблюдаютъ за покорностію жителей, если же замѣчаютъ противное, то призываютъ Татаръ и подвергаютъ страну новому разоренію и убійствамъ; что не только татарскіе князья и намѣстники, но и всякій знатный татаринъ, пріѣхавъ въ покоренную землю, повелѣваетъ какъ государь. Баскаки дѣйствительно были поставлены почти во всѣхъ главныхъ городахъ покоренной Руси; а въ стольномъ Владимірѣ жилъ «великій баскакъ» Владимірскій.

Отпуская русскихъ князей въ ихъ земли, Батый обыкновенно удерживалъ у себя кого либо изъ ихъ родственниковъ, въ видѣ заложниковъ. Но такъ какъ онъ самъ считался только намѣстникомъ великаго хана, то нѣкоторыхъ подчиненныхъ владѣтелей отправлялъ отъ себя въ главную Орду на поклонъ великому хану. Первымъ изъ русскихъ князей былъ отправленъ къ Гаюку одинъ изъ сыновей Ярослава, по имени Константинъ. Но Гаюкъ повидимому не удовольствовался тѣмъ, и, отпустивъ сына, потребовалъ къ себѣ отца. Великій князь вторично, съ братьями и племянниками, долженъ былъ явиться къ Батыю. Сей послѣдній нѣкоторыхъ князей послалъ еще на поклонъ въ другую орду, къ своему сыну Сартаку; а самого Ярослава отправилъ въ Каракорумъ къ Гаюку.

Въ сопровожденіи многихъ бояръ и слугъ, великій князь предпринялъ это трудное путешествіе по азіатскимъ безпрі-

ютнымъ пустынямъ. При переходѣ по безводнымъ степямъ туркестанскимъ онъ потерялъ часть своихъ бояръ и слугъ, умершихъ отъ жажды. Въ главной ордѣ Ярославу, подобно другимъ владѣтелямъ и посламъ, пришлось долго жить, пока происходилъ великій курилтай, занимавшійся избраніемъ хана. Тамъ онъ терпѣлъ много униженія и нужды. По словамъ Карпини, приставленные къ нему и къ другимъ вассальнымъ владѣтелямъ Татары обращались съ ними высокомѣрно и сажали ихъ ниже себя; впрочемъ великому князю Русскому оказывали нѣкоторое предпочтеніе передъ другими. Наконецъ послѣ возведенія на престолъ Гаюка Ярославъ былъ отпущенъ домой. Но тутъ настала его кончина (1246). Карпини сообщаетъ слухъ, что его отравила бывшая правительницею Татарскаго царства Туракиня, мать Гаюка. Она позвала его къ себѣ, и, какъ бы оказывая ему честь, подчивала изъ своихъ рукъ; а, возвратясь въ ставку, онъ тотчасъ занемогъ и скончался на седьмой день. Ханша будто сдѣлала это для того, чтобы совершенно завладѣть Русскою землею. Такой слухъ считается не совсѣмъ достовѣрнымъ, потому что Татары ничего не выиграли отъ смерти Ярослава. Но онъ не противорѣчитъ событіямъ. Въ обычаѣ монгольскихъ хановъ было, при завоеваніи какой либо земли, возможно болѣе истребить въ ней народу, чтобы ее обезсилить, а также истребить тѣхъ правителей, которые даже при изъявленіи покорности считались почему либо опасными для татарскаго владычества. Русскія лѣтописи подтверждаютъ извѣстіе объ отравѣ, прибавляя, что великій князь былъ оклеветанъ передъ ханомъ какимъ-то измѣнникомъ Ѳедоромъ Яруновичемъ.

Подобная кончина, постигшая Ярослава Всеволодовича на пятьдесятъ седьмомъ году его жизни далеко отъ родины, посреди ненавистныхъ варваровъ, окружила его имя въ глазахъ современниковъ славою страдальца за Русскую землю. Вообще великіе труды и лишенія послѣднихъ лѣтъ его жизни искупили тѣ непривлекательныя жесткія черты, съ которыми онъ первоначально является въ исторіи, особенно въ своихъ отношеніяхъ къ Великому Новгороду.

Однако не всѣ руссіе князья смиренно перенесли тѣ уничиженія, которымъ подвергали ихъ въ Золотой Ордѣ. Меж-

ду ними, послѣ Василька Константиновича Ростовскаго, нашелся и другой примѣръ самопожертвованія, соединеннаго съ религіознымъ одушевленіемъ. То былъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, извѣстный соперникъ и вмѣстѣ родственникъ Даніила Романовича (женатый на его сестрѣ); онъ приходился тестемъ и замученному Татарами Васильку Ростовскому. Выше было упомянуто, что изъ страха передъ полчищами Батыя Михаилъ покинулъ первопрестольный Кіевъ. Съ своимъ дворомъ и сокровищами онъ нѣкоторое время искалъ убѣжища то у венгерскаго короля, то у польскихъ князей. Между прочимъ въ Силезіи толпа Нѣмцевъ напала на его обозъ; убила его внучку, а обозъ разграбила; послѣ чего онъ удалился къ мазовецкому князю Конраду, который также приходился ему родственникомъ. Во время пребыванія Татаръ въ Венгріи Михаилъ воротился въ Кіевъ, и тутъ проживалъ не въ разоренномъ городѣ, а на одномъ днѣпровскомъ островѣ. Когда же Батый потребовалъ русскихъ князей къ себѣ въ Орду, Михаилъ Всеволодовичъ очевидно не желалъ подчиниться татарскому ярму, и снова удалился къ венгерскому королю, который около того времени сдѣлался ему своякъ, потому что выдалъ свою дочь за его сына Ростислава. Оскорбленный тѣмъ, что ни король, ни собственный сынъ не воздали ему должной чести, Михаилъ воротился въ свое наслѣдственное княженіе, въ Черниговъ. Но безъ Батыева соизволенія князь уже не могъ владѣть собственнымъ наслѣдствомъ. Пришлось покориться необходимости, т. е. ѣхать въ Орду и тамъ выпрашивать себѣ ханскій ярлыкъ на княженіе. Духовникъ Михаила священникъ Іоаннъ, отпуская его въ путь, увѣщевалъ не слѣдовать примѣру другихъ князей и не поклоняться въ ордѣ огню и идоламъ въ угоду хану, а лучше претерпѣть мученія и самую смерть за христіанскую вѣру. Къ тому же убѣждалъ онъ и Михаилова ближняго боярина Ѳедора. Тотъ и другой обѣщали исполнить духовный завѣтъ.

Когда Батый разрѣшилъ Черниговскому князю предстать съ дарами предъ свое лицо, пришли монгольскіе шаманы, и по обычаю повели Михаила съ его спутниками между священными огнями; затѣмъ приказали ему сдѣлать земной поклонъ на югъ тѣни Чингизъ хана. Тутъ Михаилъ объявилъ,

что вѣра христіанская повелѣваетъ кланяться только Святой Троицѣ и запрещаетъ поклоненіе кумирамъ. Донесли хану о такомъ отвѣтѣ Русскаго князя. Разгнѣванный Батый послалъ одного изъ вельможъ, Елдегу, возвѣстить Михаилу, что онъ будетъ казненъ, если не исполнитъ обычныхъ обрядовъ. Михаилъ отвѣчалъ, что готовъ пострадать за правую вѣру. Въ Ордѣ находился тогда юный ростовскій князь Борисъ Васильковичъ, по матери своей внукъ Михаила. Татары подослали Бориса, чтобы онъ уговорилъ своего дѣда не упорствовать. Со слезами началъ Борисъ упрашивать Михаила, склоняя его исполнить волю цареву. Бывшіе съ Борисомъ ростовскіе бояре также приступили къ Черниговскому князю съ просьбами, и говорили, что они со всей своей областью примутъ на себя эпитимію за него. Тутъ черниговскій бояринъ Ѳедоръ, опасаясь, чтобы слезы внука и любовь къ дочери не поколебали старика, началъ укрѣплять его мужество и рѣшимость, напоминая завѣтъ духовнаго отца и данное ему обѣщаніе. Слова Ѳедора устранили всякое колебаніе.

«Нѣтъ, не послушаю васъ, не погублю своей души», сказалъ Михаилъ. И, снявъ съ себя верхній княжескій плащъ, бросилъ его ростовскимъ боярамъ съ словами: «возьмите славу свѣта сего; я не хочу ея».

Елдега пошелъ доложить Батыю о непреклонной рѣшимости Русскаго князя. Сего послѣдняго между тѣмъ обступило множество народа, Татаръ и христіанъ; нѣкоторые изъ толпы также угововаривали его оставить упорство. Но князь и бояринъ, произнося молитву, причастились запасными дарами, которые отпустилъ съ ними духовный отецъ, и приготовились къ смерти. Она не замедлила. Подъѣхали ханскіе тѣлохранители, соскочили съ коней, схватили Михаила за руки и за ноги, и, растянувъ его на землѣ, принялись бить кулаками подъ сердце; потомъ перевернули ницъ и стали топтать ногами. Одинъ изъ русскихъ людей, измѣнившихъ своей религіи и народности и вступившихъ въ службу ханскую, по имени Домантъ, родомъ Путивлецъ, мечемъ отсѣкъ голову умирающему князю. За княземъ тѣмъ же мукамъ и отсѣченію головы былъ подвергнуть вѣрный его бояринъ. Это событіе совершилось 20 сентября 1246 года, слѣдовательно почти одновременно съ гибелью великаго князя Суз-

дальскаго въ Монголіи. Тѣла мучениковъ брошены были на съѣденіе псамъ; но въ числѣ ордынскихъ христіанъ нашлись благочестивые люди, которые тайно ихъ схоронили. Внука Михаилова. Бориса Васильковича, Батый послѣ того отправилъ въ Придонскую орду къ сыну своему Сартаку. Послѣдній принялъ его благосклонно, и отпустилъ на Ростовское княженіе.

Какъ ни тяжки были дани, наложенныя Татарами на Русскій народъ, какъ ни велики были униженія и поруганія, которымъ подвергались въ Ордѣ русскіе князья и бояре — все это можно назвать благомъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутилась бы Россія, если бы варвары сами поселились въ ней, заняли бы своими полчищами ея стольные города, и, устранивъ природныхъ властителей, взяли бы управленіе ею въ собственныя руки, подобно тому, какъ поступили Османскіе Турки съ Балканскими Славянами. Къ счастію по своей дикости, политической незрѣлости и по своей привычкѣ къ степному быту, Золотоордынскіе ханы ограничились вассальными отношеніями и удовлетворяли своей жадности посредствомъ тяжкихъ даней. Пребывая пока въ грубомъ язычествѣ, они не отличались религіознымъ фанатизмомъ, не воздвигли гоненія на Православную вѣру, и казнили только за непокорность. Оставляя неприкосновенными Церковь и наслѣдственную княжескую власть, они дали возможность будущему возрожденію самобытности; надъ чѣмъ немедленно начали трудиться наиболѣе дальновидные и энергичные изъ русскихъ князей. Во главѣ ихъ является нашъ національный герой Александръ Невскій. ([54]).

Александръ Ярославичъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелемъ Сѣверной Руси, въ которыхъ наиболѣе отразились основныя черты великорусской народности: практическій умъ, твердость воли и гибкость характера или умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами. Большую часть своей юности онъ провелъ въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ подъ руководствомъ суздальскихъ бояръ заступалъ мѣсто своего отца Ярослава Всеволодовича; а съ 1236 года, когда Ярославъ получилъ Кіевскій столъ, Александръ остался самостоятельнымъ Новогородскимъ княземъ. Эти годы, проведенные въ

Великомъ Новгородѣ, безспорно имѣли большое вліяніе на развитіе его ума и характера. Дѣятельная, кипучая жизнь торговаго города, постоянное присутствіе западныхъ иноземцевъ и почти непрерывная борьба вѣча съ княжескою властію конечно производили на него глубокое впечатлѣніе и не мало способствовали развитію той выдержанности характера и той гибкости, соединенной съ твердою волею, которыми отличается вся его послѣдующая дѣятельность. Внутреннимъ качествамъ соотвѣтствовала и самая наружность Александра, красивая и величественная.

Въ 1239 г. двадцатилѣтній Александръ Ярославичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью полоцкаго князя Брячислава. Вѣнчаніе происходило въ Торопцѣ, гдѣ онъ и «кашу чини», т. е. давалъ свадебный пиръ; «а другое въ Новгородѣ»; слѣдовательно по возвращеніи въ свое княженіе Александръ и здѣсь устроилъ широкое угощеніе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ съ Новогородцами ставитъ городки на рѣкѣ Шелони, т. е. укрѣпляетъ западную окраину ихъ владѣній; очевидно въ такихъ укрѣпленіяхъ существовала тогда настоятельная нужда.

Какъ извѣстно, Великій Новгородъ былъ столь счастливъ, что гроза Батыева нашествія миновала его, и только юговосточная часть его земли подверглась разоренію. Но въ тоже самое время западные сосѣди, какъ бы сговорясь между собою, спѣшатъ воспользоваться разгромомъ Сѣверовосточной Руси, чтобы тѣснить Великій Новгородъ, отнимать у него волости, грабить, разорять его пригороды и села. То были: Шведы, Ливонскіе Нѣмцы и Литва. Здѣсь-то, въ борьбѣ съ этими внѣшними врагами, Александръ обнаружилъ свои блистательныя дарованія и покрылъ себя неувядаемой славой. Первыми испытали на себѣ его тяжелую руку Шведы. Извѣстно, что уже давно происходили столкновенія съ ними Новогородцевъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Финскаго залива, гдѣ Шведы постепенно распространяли свое владычество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою религію. Но намъ неизвѣстно въ точности, что послужило ближайшимъ поводомъ къ шведскому походу на Новогородцевъ въ 1240 г., въ царствованіе короля Эриха Эрихсона. Очень вѣроятно, что онъ былъ предпринятъ подъ вліяніемъ папскихъ посланій, побуждав-

шихъ Шведовъ и Ливонскихъ Нѣмцевъ оружіемъ подчинить католицизму русскія прибалтійскія земли. Настоящею же цѣлью шведскаго похода было повидимому завоеваніе Невскаго побережья, а слѣдовательно и захватъ главнаго пути новогородской торговли съ Сѣверозападною Европою; причемъ, можетъ быть, имѣлась въ виду и Ладога, которою издавна стремились завладѣть варяжскіе конунги.

Когда въ Новгородъ пришла вѣсть о появленіи шведскаго ополченія въ устьяхъ Невы, Александръ не захотѣлъ терять времени на посылку за помощью къ своему отцу, тогда великому князю Владимірскому, ни даже собирать рать изъ разныхъ пригородовъ и волостей новогородскихъ. Онъ понялъ, что успѣхъ зависитъ отъ быстроты и рѣшительности. А потому, помолясь въ Софійскомъ соборѣ и взявъ благословеніе у владыки Спиридона, немедля выступилъ только съ новогородскою и собственною дружиною; на пути присоединилъ Ладожанъ, и съ этими немногочисленными силами поспѣшилъ встрѣтить враговъ. Онъ нашелъ ихъ расположившимися станомъ на южномъ берегу Невы при впаденіи въ нее рѣчки Ижоры, и, не давъ имъ опомниться, стремительно ударилъ на нихъ (15 іюля 1240 г.). Шведы потерпѣли полное пораженіе; слѣдующею ночью они поспѣшили на своихъ шнекахъ удалиться въ отечество. По словамъ русской лѣтописи, Ладожане и Новогородцы потеряли будто бы не болѣе двадцати человѣкъ убитыми. Она описываетъ при этомъ подвиги шести русскихъ витязей, наиболѣе отличившихся; любопытно, что трое изъ нихъ были Новогородцы, а остальные трое принадлежали къ собственной дружинѣ князя. Напримѣръ, новогородецъ Гаврило Олексиничъ, преслѣдуя непріятелей, спасавшихся на корабль, вскочилъ на доску, былъ сброшенъ съ нея въ воду вмѣстѣ съ конемъ; но вышелъ изъ воды невредимымъ и снова ринулся въ битву. Сава, одинъ изъ княжихъ отроковъ, пробился къ златоверхому шатру шведскаго предводителя, и подрубилъ его столбъ; шатеръ рухнулъ; что обрадовало Русскихъ и навело уныніе на враговъ. Другой отрокъ княжій, Ратміръ, пѣшій избилъ много враговъ, былъ окруженъ ими и палъ отъ тяжкихъ ранъ. Невская побѣда обратила на Александра общее вниманіе, и доставила ему громкую славу. Какое сильное впечатлѣніе произвела на со-

временниковъ эта побѣда, указываетъ сложившаяся тогда же легенда о явленіи передъ битвою свв. Бориса и Глѣба нѣкоему Пелгусію, старѣйшинѣ Ижорской земли. ([55]).

Болѣе упорная война должна была произойти съ Ливонскими Нѣмцами. Около того времени Орденъ Меченосцевъ, подкрѣпивъ себя соединеніемъ съ Тевтонскимъ Орденомъ, возобновилъ наступательное движеніе на Русь Новогородскую, и въ особенности направилъ свои удары на ближайшую къ нему Псковскую область. Въ самый годъ Невской битвы Нѣмцы вмѣстѣ съ русскимъ измѣнникомъ Ярославомъ Владиміровичемъ (пошедшимъ по стопамъ своего отца Владиміра Псковскаго) взяли псковскій пригородъ Изборскъ. Псковичи выступили противъ нихъ, но потерпѣли пораженіе. Затѣмъ Нѣмцы осаждали самый Псковъ, гдѣ тогда происходили внутреннія смуты. По словамъ лѣтописи, враговъ подвела какая то измѣнническая партія съ Твердиломъ Иванковичемъ во главѣ. Этотъ Тве дило (кажется, потомокъ извѣстнаго новогородскаго посадника Мирошки Нездилича) захватилъ себѣ посадничество въ Псковѣ, и началъ свирѣпствовать противъ своихъ соперниковъ; такъ что многіе граждане съ семействами своими бѣжали въ Новгородъ. Не встрѣчая отпора, Нѣмцы распространили свои завоеванія и далѣе; перешли за рѣку Лугу, и, чтобы упрочить за собой этотъ край, заложили крѣпость въ Копорскомъ погостѣ. Вмѣстѣ съ толпами передавшихся имъ Чуди и Води они доходили уже за тридцать верстъ до Новгорода, захватывали купцовъ съ товарами, отнимали у поселянъ коней и скотъ; такъ что и землю пахать было нечѣмъ. Къ довершенію бѣдствій въ то время усилились набѣги Литовцевъ на Новогородскую землю. А между тѣмъ случилось такъ, что Новогородцы сидѣли тогда безъ князя.

Всегда ревнивые къ своимъ вольностямъ и ограниченію княжеской власти, граждане успѣли разсориться съ Александромъ, и онъ удалился къ отцу въ Суздальскую область. Новогородцы послали къ Ярославу просить князя, и тотъ назначилъ другаго своего сына Андрея. Но они понимали, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ имъ нуженъ Александръ, и отправили владыку Спиридона съ боярами просить именно его. Ярославъ исполнилъ ихъ просьбу. Александръ ловко и быстро поправилъ дѣла. Онъ разорилъ строившуюся

крѣпость Копорье, прогналъ Нѣмцевъ изъ Водской области и перевѣшалъ многихъ перевѣтчиковъ изъ Чуди и Вожанъ. Но между тѣмъ Нѣмцы, при содѣйствіи измѣнниковъ, успѣли захватить въ свои руки самый Псковъ. Александръ выпросилъ у отца на помощь себѣ низовые или суздальскіе полки съ братомъ Андреемъ; неожиданно явился подъ Псковомъ, и взялъ въ плѣнъ нѣмецкій гарнизонъ. Отсюда, не теряя времени, онъ двинулся въ предѣлы Ливоніи.

Передъ выступленіемъ въ этотъ походъ на Нѣмцевъ Александръ по своему благочестивому обыкновенію молился усердно въ соборномъ храмѣ. Между прочимъ, по сказанію лѣтописи, онъ просилъ Господа разсудить его *прю* съ этимъ *велерѣчивымъ* народомъ. А Нѣмцы, собравши большую силу, будто-бы похвалялись тогда «покорить себѣ Славянскій народъ». Во всякомъ случаѣ изъ лѣтописнаго разсказа видно, что борьба Руси съ Нѣмцами въ то время приняла уже характеръ племенной вражды, разгоравшейся отъ нѣмецкихъ притязаній на господство, дѣйствительно непомѣрныхъ. Характеръ ожесточенія въ этой борьбѣ подтверждаетъ и нѣмецкая лѣтопись, которая говоритъ, что въ ней погибло до семидесяти рыцарей; а шесть рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ, будто бы были замучены.

Когда передовые новогородскіе отряды потерпѣли неудачу, Александръ отступилъ на Чудское озеро, и здѣсь на льду далъ битву соединеннымъ силамъ Нѣмцевъ и Ливонской Чуди, гдѣ-то близъ урочища Узмени. Это такъ наз. *Ледовое побоище* произошло 5 апрѣля; но ледъ былъ еще крѣпокъ и выдержалъ тяжесть обѣихъ сражающихся ратей. Нѣмцы построились въ свой обычный порядокъ клиномъ (или какъ Русь называла его *свиньею*), и насквозь пробили русскіе полки. Но послѣдніе не смутились: послѣ жестокой рукопашной сѣчи Русскіе смяли и поразили на голову непріятеля; а потомъ гнали его по льду на разстояніи семи верстъ. Однихъ рыцарей было взято до пятидесяти; они пѣшіе шли за конемъ Александра, когда онъ съ побѣдными полками торжественно вступилъ во Псковъ, встрѣченный гражданами и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Сочинитель Сказанія о великомъ князѣ Александрѣ, изображая его славу, распространившуюся «до горъ Араратскихъ и до Рима Великаго», вос-

клицаетъ: «О Псковичи! Если забудете великаго князя Александра Ярославича (освободившаго васъ отъ иноплеменниковъ) или отступите отъ его рода и не примете къ себѣ кого либо изъ его потомковъ, который въ несчастьи прибѣгнетъ къ вамъ, то уподобитесь Жидамъ, которые забыли Бога, изведшаго ихъ изъ работы египетской и пропитавшаго въ пустынѣ манною и печеными крастелями». Послѣ Ледоваго побоища Ливонскіе Нѣмцы прислали въ Новгородъ съ просьбою о мирѣ, и заключили его, отказавшись отъ Водской и Псковской области, возвративъ плѣнныхъ и заложниковъ. Такимъ образомъ Александръ отбилъ движеніе Ливонскаго и Тевтонскаго ордена на восточную сторону Чудскаго озера; этимъ миромъ установлены между обѣими сторонами приблизительно тѣ границы, которыя оставались и въ послѣдующіе вѣка.

Русь Новогородская умѣренно воспользовалась побѣдою, оставивъ за Нѣмцами Юрьевъ и другія владѣнія на западной сторонѣ Чудскаго озера; ибо кромѣ ихъ было тогда много и другихъ враговъ. Между прочимъ Литва, все болѣе и болѣе забиравшая силы, вторглась въ самую глубь новогородскихъ владѣній. Въ 1245 г. она проникла до Бѣжецка и Торжка. Возвращаясь отсюда съ большимъ полономъ, преслѣдуемые Новоторами и Тверичами, литовскіе князья укрылись въ Торопецъ. Но пришелъ Александръ съ Новогородцами, освободилъ Торопецъ отъ Литвы, и отнялъ у нея весь полонъ, истребивъ до восьми литовскихъ князей съ ихъ дружинами. Новогородцы послѣ того воротились домой. Но Александръ считалъ нужнымъ довершить ударъ, чтобы отбить у Литвы охоту нападать на Русь. Онъ съ однимъ своимъ *дворомъ*, т. е. съ одною княжею дружиною, преслѣдовалъ Литовцевъ въ Смоленской и Полоцкой землѣ и разбилъ ихъ еще два раза (подъ Жижичемъ и подъ Усвятомъ).

Такимъ образомъ Александръ силою меча укротилъ всѣхъ трехъ западныхъ враговъ Руси. Но иначе приходилось ему дѣйствовать на другомъ поприщѣ, со стороны азіатскихъ варваровъ.

Сочинитель Сказанія о Невскомъ героѣ повѣствуетъ, будто по смерти отца его Ярослава Батый послалъ звать Алек-

сандра въ Орду и велѣлъ сказать ему: «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы; ты ли одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Если хочешь сохранить свою землю, то приди ко мнѣ, да видишь честь и славу моего царства». Александръ взялъ благословеніе у ростовскаго епископа Кирилла, и отправился въ Орду. Увидѣвъ его, Батый молвилъ своимъ вельможамъ: «истину мнѣ говорили, что нѣтъ подобнаго ему князя»; воздалъ ему большія почести и даже многіе дары. Такіе разсказы суть ничто иное какъ обычное украшеніе повѣсти о любимомъ героѣ. Въ Ордѣ не осыпали дарами нашихъ князей; на оборотъ, послѣдніе должны были тамъ усердно раздавать подарки хану, его женамъ, родственникамъ и вельможамъ. По другимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, молодой князь еще прежде бывалъ въ Ордѣ Батыевой, вѣроятно сопровождая туда своего отца: безъ сомнѣнія отъ сего послѣдняго онъ научился смирять себя передъ грозной Татарской силой и не помышлять болѣе ни о какомъ открытомъ сопротивленіи. По смерти Ярослава слѣдующій за нимъ братъ Святославъ Юрьевскій занялъ старшій Владимірскій столъ. Но теперь всякія перемѣны въ княженіяхъ производились не иначе какъ съ ханскаго соизволенія. По этому Александръ и братъ его Андрей вновь поѣхали въ Золотую Орду, вѣроятно, хлопотать о княженіяхъ. Батый отправилъ ихъ въ великую Орду къ хану Менгу. Братья совершили это трудное и далекое путешествіе. Они воротились домой спустя около двухъ лѣтъ, неся съ собой ханскіе ярлыки на оба великія княженія: Александръ на Кіевское, Андрей на Владимірское. И въ прежнее время племянники не всегда уважали старшинство своихъ дядей; а теперь надъ князьями явилась власть еще высшая, неуваженіе къ старымъ родовымъ обычаямъ встрѣчается еще чаще. Уже до возвращенія Александра и Андрея младшій ихъ братъ Михаилъ, князь Московскій, отнялъ великое Владимірское княженіе у дяди своего Святослава. Но Михаилъ, прозванный *Хоробритомъ*, скоро погибъ въ битвѣ съ Литвою.

Александръ очевидно не былъ доволенъ тѣмъ, что Владимірское княженіе досталось младшему передъ нимъ брату Андрею. Хотя Кіевъ и считался старше всѣхъ городовъ Руси; но онъ лежалъ въ развалинахъ. Невскій герой не поѣхалъ

туда, а пребывалъ или въ Новгородѣ Великомъ, или въ своихъ суздальскихъ волостяхъ, ожидая удобнаго случая завладѣть стольнымъ Владиміромъ. Неосторожность Андрея помогла ему въ достиженіи этой цѣли.

Въ то время въ Суздальской Руси была еще слишкомъ свѣжа память объ утраченной свободѣ и независимости какъ въ средѣ князей и дружинниковъ, такъ и въ самомъ народѣ. Многіе съ нетерпѣніемъ сносили постыдное иго. Къ числу ихъ принадлежалъ и Андрей Ярославичъ. Будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, онъ женился на дочери знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго, и, вѣроятно за одно съ тестемъ, началъ питать замыселъ о сверженіи ига. Но нашлись соперники и недоброжелатели, которые донесли Сартаку о замыслахъ Андрея. Ханъ послалъ противъ него войско подъ начальствомъ ордынскаго царевича Неврюя съ воеводами Котяномъ и Алабугою. Услыхавъ о томъ, Андрей воскликнулъ: «Господи! доколѣ мы будемъ ссориться и наводить другъ на друга Татаръ; лучше мнѣ уйти въ чужую землю нежели служить Татарамъ». Онъ однако отважился на битву; но конечно былъ слишкомъ слабъ, чтобы выиграть ее, и бѣжалъ въ Новгородъ. Непринятый Новогородцами, онъ съ женою и боярами своими удалился за море къ шведскому королю, у котораго и нашелъ убѣжище на время. Нашествіе Неврюя на Суздальскую землю повело за собою новое разореніе нѣкоторыхъ областей; особенно пострадалъ при этомъ Переяславль Залѣсскій. Есть извѣстіе, не знаемъ насколько справедливое, которое приписываетъ посылку татарскаго войска на Андрея проискамъ самого Александра Ярославича. Знаемъ только, что во время Неврюева нашествія (1252) Александръ находился въ Ордѣ у Сартака, и воротился оттуда съ ханскимъ ярлыкомъ на княженіе Владимірское. Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, Кириллъ II, пребывалъ тогда во Владимірѣ. Онъ, духовенство со крестами и всѣ граждане встрѣтили Александра у Золотыхъ воротъ и торжественно посадили его въ соборномъ храмѣ на отцовскомъ столѣ ([56]).

Александръ дѣятельно принялся уничтожать слѣды послѣдняго татарскаго нашествія на Суздальскую землю; возобновлялъ храмы, укрѣплялъ города и собиралъ жителей, укрыв-

шихся въ лѣса и дебри. Но времена были тяжелыя, неблагопріятныя для мирной гражданской дѣятельности. Все десятилѣтнее великое княженіе свое Александръ Невскій провелъ въ непрерывныхъ трудахъ и тревогахъ, причиненныхъ внутренними и внѣшними врагами. Болѣе всего доставили ему безпокойства дѣла Новогородскія. Хотя Монгольское иго, сильно тяготѣвшее надъ Суздальскою землею, сначала и ослабило ея преобладаніе надъ Новгородомъ Великимъ; однако при первой возможности повторились прежнія взаимныя отношенія этихъ двухъ половинъ Сѣверной Руси. Утвердясь на великомъ княженіи Владимірскомъ, Александръ возобновилъ политику своихъ предшественниковъ, т. е. старался постоянно держать Новгородъ подъ своею рукою и назначать туда княземъ, въ сущности же своимъ намѣстникомъ, кого либо изъ собственныхъ сыновей. Это мѣсто занялъ его сынъ Василій. Юноша шелъ по стопамъ отца, и вскорѣ успѣлъ отличиться въ борьбѣ съ Литвою и Ливонскими Нѣмцами, которые вновь открыли враждебныя дѣйствія противъ Новогородцевъ и Псковичей. Но большинство гражданъ Великаго Новгорода болѣе всего дорожило своими вѣчевыми порядками и вольностями, и снова стало тяготиться зависимостью отъ сильнаго Суздальскаго князя. Въ связи съ этими отношеніями происходила обыкновенная смѣна посадниковъ. Въ 1243 г. умеръ Степанъ Твердиславичъ; онъ представляетъ единственный извѣстный намъ примѣръ посадника, который сохранялъ свое мѣсто тринадцать лѣтъ и умеръ спокойно при своей должности. Когда Василій Александровичъ занималъ Новогородскій столъ, посадникомъ былъ Ананія, любимый народомъ какъ ревностный защитникъ новогородскихъ вольностей. Но семья Твердислава не оставляла своихъ притязаній на посадничество; внукъ его Михалко Степановичъ повидимому добивался этого сана уже съ помощью суздальскихъ сторонниковъ. Торжество народной стороны однако высказалось въ томъ, что она изгнала Василія Александровича, а на княженіе къ себѣ призвала Ярослава Ярославича, младшаго брата Александрова.

Великій князь не замедлилъ показать, что не намѣренъ терпѣть такое своеволіе. Онъ быстро явился съ суздальскими полками въ Торжокъ, гдѣ еще держался его сынъ Васи-

лій; а отсюда двинулся на Новгородъ. Ярославъ поспѣшилъ уѣхать; въ городѣ произошли обычныя смятенія и бурныя вѣча. Меньшіе люди, т. е. простонародье, руководимые посадникомъ, вооружились, одержали верхъ на главномъ вѣчѣ, и присягнули стоять всѣмъ какъ одинъ человѣкъ и никого не выдавать князю, если тотъ потребуетъ выдачи своихъ противниковъ. А вятшіе или болѣе зажиточные держали сторону князя и замышляли передать посадничество Михалку Степановичу. Послѣдній съ толпою вооруженныхъ людей удалился въ Юрьевскій монастырь, въ сосѣдство Городища или княжеской резиденціи. Чернь хотѣла было ударить на дворъ Михалка и разграбить его; но великодушный посадникъ Ананія удержалъ ее отъ насилія. Между тѣмъ нѣкоторые перевѣтчики уходили къ великому князю, и извѣщали его о томъ, что дѣлалось въ Новгородѣ. Расположивъ свою рать вокругъ Городища, Александръ прислалъ на вѣче требованіе о выдачѣ посадника Ананіи, грозя въ противномъ случаѣ ударить на городъ. Граждане отправили къ великому князю владыку Далмата и тысяцкаго Клима съ мольбою не слушать навѣтовъ злыхъ людей, отложить гнѣвъ на Новгородъ и на Ананію и занять вновь ихъ столъ. Александръ не склонялся на эти просьбы. Три дня обѣ стороны стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. На четвертый день Александръ велѣлъ сказать на вѣчѣ: пусть Ананія лишится посадничества, и тогда онъ отложитъ свой гнѣвъ. Ананія удалился, и великій князь торжественно вступилъ въ Новгородъ, встрѣченный владыкою и духовенствомъ со крестами (1255 г.). Посадничество получилъ Михалко Степановичъ, а на княжій столъ воротился Василій Александровичъ.

Въ это время Шведы попытались было снова отнять Финское прибрежье у Новгорода, и вмѣстѣ съ подручнымъ себѣ народцемъ Емью начали строить крѣпость на рѣкѣ Наровѣ. Но, при одномъ слухѣ о движеніи Александра съ суздальскими и новгородскими полками, они удалились. Однако Александръ хотѣлъ дать имъ новый урокъ, и продолжалъ походъ въ глубь страны, обитаемой Емью; при чемъ много народу избилъ или взялъ въ полонъ. По словамъ лѣтописи, русская рать должна была преодолѣвать большія трудности на этомъ походѣ въ холодную, туманную погоду, въ краю,

наполненномъ скалами и болотами. Цѣль была достигнута: долгое время послѣ того Шведы не отваживались нападать на предѣлы Новогородскіе.

Уже въ слѣдующемъ 1257 году новогородскія смуты возобновились. Причиною ихъ на этотъ разъ былъ слухъ, что Татары хотятъ ввести въ Новгородѣ свои тамги и десятины.

Въ 1253 г. умеръ Батый, а вслѣдъ за нимъ и Сартакъ. Въ Кипчакской ордѣ воцарился братъ Батыя Берке. Около того времени великій ханъ Менгу велѣлъ произвести общую перепись жителей во всѣхъ татарскихъ владѣніяхъ, дабы болѣе точнымъ способомъ опредѣлить количество дани съ покоренныхъ народовъ. Такое распоряженіе тяжело отозвалось въ Русской землѣ. Конечно въ связи съ этимъ дѣломъ и для смягченія его условій, Александръ Ярославичъ лѣтомъ 1257 года ѣздилъ съ подарками въ Орду, сопровождаемый нѣкоторыми удѣльными суздальскими князьями, въ томъ числѣ братомъ Андреемъ, который успѣлъ воротиться изъ Швеціи и примириться съ Татарами. А слѣдующею зимою пріѣхали изъ Орды численники; сосчитали населеніе въ земляхъ Суздальской, Рязанской и Муромской, и поставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ. Только чернецы, священники и прочіе церковно-служители не были записаны въ число, потому что Татары духовенство всѣхъ религій освобождали отъ даней. Такое изъятіе было установлено еще Чингизъ-ханомъ и Огодаемъ, которые руководились при этомъ не одною монгольскою вѣротерпимостію, но вѣроятно и политическими соображеніями. Такъ какъ духовенство у всѣхъ народовъ составляло самый вліятельный классъ, то основатели великой Татарской имперіи избѣгали возбуждать религіозный фанатизмъ, опасное дѣйствіе котораго они могли замѣтить особенно у мусульманскихъ народовъ. Татары обыкновенно переписывали всѣхъ мужчинъ, начиная съ десятилѣтняго возраста, и собирали дани отчасти деньгами, отчасти наиболѣе цѣнными естественными произведеніями каждой страны; съ Руси, какъ извѣстно, они получали огромное количество мѣховъ. Главныя дани были: *десятина*, т. е. десятая часть хлѣбнаго сбора, *тамга* и *мытъ*, вѣроятно пошлины съ торгующихъ купцовъ и провозимыхъ товаровъ. Кромѣ того жители обложены были разнообразны-

ми повинностями, каковы, напримѣръ, *ямъ* и *кормъ*, т. е. обязанность давать подводы и съѣстные припасы татарскимъ посламъ, гонцамъ и всякимъ чиновникамъ, особенно поборы на ханское войско, ханскую охоту, и пр.

Тяжесть всѣхъ этихъ налоговъ и повинностей, а въ особенности жестокіе способы ихъ сбора конечно были извѣстны Новогородцамъ, и потому они сильно взволновались, когда услыхали, что и къ нимъ придутъ татарскіе численники. Доселѣ Новгородъ не видалъ Татаръ въ своихъ стѣнахъ, и не считалъ себя подчиненнымъ варварскому игу. Начались бурныя смуты. Горячія головы, называя измѣнниками тѣхъ, которые совѣтовали покориться необходимости, призывали народъ положить свои головы за св. Софью и Новгородъ. Среди этихъ смутъ былъ убитъ нелюбимый посадникъ Михалко Степановичъ. Сторону горячихъ патріотовъ держалъ и самъ юный князь новогородскій Василій Александровичъ. Услыхавъ о приближеніи отца съ ханскими послами, онъ не сталъ дожидать его, и убѣжалъ во Псковъ. На этотъ разъ Новогородцы такъ и не позволили себя перечислять, и, поднеся дары ханскимъ посламъ, выпроводили ихъ изъ своего города. Александръ сильно разгнѣвался на сына Василія и отправилъ его на *Низъ*, т. е. въ Суздальскую землю; а нѣкоторыхъ его дружинниковъ жестоко покаралъ за ихъ мятежные совѣты: кого велѣлъ ослѣпить, кому отрѣзать носъ. Варварское иго уже давало себя знать въ этихъ наказаніяхъ.

Напрасно Новогородцы думали, что они избавились отъ татарскихъ численниковъ. Зимою 1259 года Александръ снова пріѣхалъ въ Новгородъ съ ханскими сановниками Беркаемъ и Касачикомъ, которыхъ сопровождала многочисленная татарская свита. Предварительно пущенъ былъ слухъ, что войско ханское уже стоитъ въ Низовой землѣ, готовое двинуться на Новгородъ въ случаѣ вторичнаго неповиновенія. Здѣсь опять произошло раздвоеніе: бояре и вообще вятшіе люди изъявили согласіе на перепись; а меньшіе или чернь вооружились съ кликами: «умремъ за св. Софью и за домы ангельскіе!» Клики эти напугали татарскихъ сановниковъ; они просили стражу у великаго князя, и тотъ велѣлъ стеречь ихъ по ночамъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; а Новогородцамъ онъ грозилъ опять удалиться и предоставить ихъ въ

добычу ужасной ханской мести. Угроза подѣйствовала; чернь успокоилась, и допустила численниковъ. Татарскіе чиновники ѣздили изъ улицы въ улицу, перечисляя дома и жителей и высчитывая количество даней. Чернь злобствовала при этомъ на бояръ, которые съумѣли устроить такимъ образомъ, что дани были налагаемы почти равныя на богатыхъ и бѣдныхъ; слѣдовательно для первыхъ онѣ были легки, а для послѣднихъ тяжелы. По окончаніи переписи сановники татарскіе удалились. И то уже было немалымъ благомъ для Новгорода, что въ немъ, вѣроятно по ходатайству великаго князя, не поселились баскаки, какъ въ другихъ стольныхъ городахъ. Александръ поставилъ здѣсь княземъ другаго сына своего, Димитрія. Какъ непріятна и тревожна была для него эта послѣдняя поѣздка въ Новгородъ, показываютъ слова, сказанныя епископу Кириллу. На обратномъ пути во Владиміръ великій князь остановился въ Ростовѣ, гдѣ его угощали двоюродные племянники, князья Борисъ Васильковичъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій съ своею матерью Марьей Михайловной (дочерью замученнаго въ Ордѣ Михаила Черниговскаго). Разумѣется, первымъ дѣломъ по пріѣздѣ сюда было помолиться въ соборномъ Успенскомъ храмѣ и поклониться гробу св. Леонтія. Тутъ, принимая благословеніе и цѣлуя крестъ изъ рукъ извѣстнаго книжника и епископа Кирилла, тогда уже глубокаго старца, Александръ сказалъ ему: «отче святый! твоею молитвою я здравъ поѣхалъ въ Новгородъ, твоею же молитвою здравъ и сюда пріѣхалъ».

Спокойствія однако не было. Едва въ Новгородѣ затихли волненія, вызванныя татарскою данью, какъ еще большія возникли въ самой Суздальской землѣ, и по той же причинѣ.

Около этого времени ордынскіе властители начали отдавать на откупъ дани и налоги магометанскимъ купцамъ изъ Средней Азіи, т. е. хивинскимъ и бухарскимъ; Русскій народъ называлъ ихъ вообще *бесерменами*. Заплативъ впередъ большія суммы въ ханскую казну, естественно откупщики старались потомъ вознаградить себя съ лихвою, и выжимали изъ народа послѣднія его средства. За всякую отсрочку платежей они налагали непомѣрные росты или проценты; отнимали скотъ и все имущество, а у кого нечего было взять, того или дѣтей его брали и потомъ продавали

въ рабство. Народъ, еще живо помнившій о своей независимости, не вынесъ такого крайняго угнетенія; сюда присоединилось и возбужденіе религіозное; такъ какъ фанатичные мусульмане начали ругаться надъ христіанскою церковью. Въ 1262 г. въ большихъ городахъ, каковы Владиміръ, Ростовъ, Суздаль, Ярославль, Переяславль Залѣсскій, жители возстали при звонѣ вѣчевыхъ колоколовъ, и выгнали отъ себя татарскихъ сборщиковъ дани, а нѣкоторыхъ избили. Въ числѣ послѣднихъ находился какой-то отступникъ Зосима, въ городѣ Ярославлѣ: онъ былъ монахомъ, но потомъ перешелъ въ мусульманство, сдѣлался однимъ изъ сборщиковъ дани, и пуще иноплеменниковъ притѣснялъ прежнихъ своихъ соотчичей. Его убили, а тѣло бросили на съѣденіе псамъ и воронамъ. Во время этого возмущенія нѣкоторые изъ татарскихъ чиновниковъ спасли себя тѣмъ, что приняли христіанство. Напримѣръ, такъ поступилъ въ Устюгѣ знатный татаринъ Буга, который потомъ, по словамъ преданія, своею набожностію и добротою пріобрѣлъ общую любовь.

Естественно, что за этимъ мятежомъ неминуемо должно было послѣдовать жестокое возмездіе со стороны варваровъ. И дѣйствительно, Беркай собиралъ уже рать для новаго нашествія на Сѣверовосточную Русь. Въ такое критическое время выказалась вся политическая ловкость Александра, съумѣвшаго отвести новую грозу. Онъ отправился къ хану, чтобы «отмолить людей отъ бѣды», какъ выражается лѣтопись. Такъ какъ Новогородцы снова находились въ войнѣ съ Ливонскими Нѣмцами, то отъѣзжая въ Орду, великій князь распорядился защитою Руси съ этой стороны. Онъ послалъ свои полки и брата Ярослава Тверскаго на помощь сыну Димитрію. Новогородско - суздальская рать вошла въ Ливонскую землю, и осадила Дерптъ или старый русскій городъ Юрьевъ. Послѣдній былъ сильно укрѣпленъ тройными стѣнами. Русскіе взяли внѣшній городъ, но не могли овладѣть кремлемъ, и ушли, не успѣвъ отвоевать этого древняго достоянія своихъ князей. Главною причиною неуспѣха было то, что Русскіе опоздали: они условились съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ напасть на Нѣмцевъ въ одно время; но пришли уже тогда, когда Миндовгъ воротился домой.

Между тѣмъ Александръ съ большимъ трудомъ умолилъ разгнѣваннаго хана не посылать войска на Суздальскую землю; при чемъ, разумѣется, долженъ былъ великими дарами подкупать всѣхъ, которые имѣли вліяніе на хана. Ему помогло еще и то обстоятельство, что Сарайскій ханъ былъ отвлеченъ междоусобною войною съ своимъ двоюроднымъ братомъ Гулагу, властителемъ Персіи. Берке продержалъ Александра въ Ордѣ многіе мѣсяцы; такъ что великій князь наконецъ тяжко заболѣлъ, и тогда только былъ отпущенъ. Имѣя не болѣе сорока пяти лѣтъ отъ роду, Александръ могъ бы еще долго служить Россіи. Но постоянные труды, безпокойства и огорченія очевидно сломили его крѣпкое тѣло. На обратномъ пути, плывя Волгою, онъ остановился передохнуть въ Нижнемъ Новгородѣ; затѣмъ продолжалъ путь, но не доѣхалъ до Владиміра, и скончался въ Городцѣ 14 ноября 1263 года. По обычаю благочестивыхъ князей того времени онъ передъ смертью постригся въ монахи. Авторъ Сказанія объ Александрѣ говоритъ, что когда во Владиміръ пришла вѣсть о его кончинѣ, митрополитъ Кириллъ въ соборной церкви объявилъ о томъ народу, воскликнувъ: «Чада моя милая! Разумѣйте, яко заиде солнце земли Русской!» Опечаленный народъ завопилъ: «уже погибаемъ!» Митрополитъ и духовенство со свѣчами и дымящимися кадилами, бояре и народъ вышли въ Боголюбово на встрѣчу тѣлу великаго князя, и потомъ положили его въ монастырскомъ храмѣ Рождества Богородицы. Уже современники повидимому причисляли покойнаго князя къ людямъ святымъ, къ угодникамъ Божіимъ. Авторъ его житія, въ молодости знавшій Александра, прибавляетъ слѣдующую легенду. Когда тѣло положили въ каменную гробницу, митрополичій экономъ приступилъ къ нему и хотѣлъ разжать его руку, чтобы архипастырь могъ вложить въ нее отпустительную грамоту. Вдругъ покойный простеръ руку и самъ взялъ грамоту у митрополита.

Главное значеніе Александра въ Русской исторіи основано на томъ, что его дѣятельность совпала со временемъ, когда характеръ Монгольскаго ига только что опредѣлялся, когда устанавливались самыя отношенія покоренной Руси къ ея завоевателямъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что политиче-

ская ловкость Александра много повліяла на эти устанавливающіяся отношенія. Въ качествѣ великаго князя, онъ умѣлъ не только отклонять новыя татарскія нашествія и давать нѣкоторый отдыхъ народу отъ страшныхъ погромовъ; но и знаками глубокой покорности, а также обѣщаніемъ богатыхъ даней умѣлъ отстранять болѣе тѣсное сожительство съ варварами и удерживать ихъ въ отдаленіи отъ Руси. И безъ того по своей дикости и степнымъ привычкамъ нерасположенные къ городской жизни, особенно въ сѣверныхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ странахъ, непривычные къ сложной администраціи народовъ осѣдлыхъ и болѣе общественныхъ, Татары тѣмъ охотнѣе ограничились временнымъ пребываніемъ въ Россіи своихъ баскаковъ и чиновниковъ съ ихъ свитою. Они не тронули ни ея религіи, ни ея политическаго строя, и совершенно оставили власть въ рукахъ мѣстныхъ княжескихъ родовъ. Ханы и вельможи ихъ находили столь удобнымъ и легкимъ пользоваться огромными доходами съ покоренной страны, не утруждая себя мелкими заботами суда и управленія, а главное, оставаясь среди своей любимой степной природы. Александръ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ усердно и удачно; отстраняя Татаръ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, ограничивъ ее только вассальными отношеніями и не допуская никакого послабленія княжеской власти надъ народомъ, онъ конечно тѣмъ самымъ содѣйствовалъ будущему усиленію и освобожденію Руси. Повидимому онъ ловко умѣлъ также уклоняться отъ извѣстной обязанности подчиненныхъ владѣтелей водить свои дружины на помощь хану въ его войнахъ съ другими народами. Повторяемъ, то былъ блистательный представитель великорусскаго типа, который съ одинаковой ловкостью умѣетъ и повелѣвать и подчиняться, когда это нужно.

Авторъ житія сообщаетъ любопытное извѣстіе о посольствѣ папы Римскаго къ Александру. Папа прислалъ къ нему двухъ «хитрѣйшихъ» кардиналовъ, чтобы научить его Латинской вѣрѣ. Кардиналы изложили передъ нимъ Священную исторію отъ Адама до Седьмаго вселенскаго собора. Александръ, посовѣтовавшись съ своими «мудрецами», т. е. съ боярами и духовенствомъ, далъ такой отвѣтъ: «все это мы хорошо вѣдаемъ, но ученія отъ васъ не принимаемъ»; затѣмъ съ ми-

ромъ отпустилъ посольство. И дѣйствительно, мы имѣемъ папскія грамоты къ Александру и его предшественникамъ, которыя показываютъ настоятельныя усилія Римской куріи подчинить себѣ Русскую церковь. А въ грамотѣ Иннокентія IV къ Александру съ этою цѣлью приводятся даже ложныя ссылки на Плано Карпини, по словамъ котораго будто бы отецъ Ярослава въ бытность свою въ великой ордѣ у Гаюка обратился въ латинство. Въ извѣстныхъ запискахъ Карпини нѣтъ о томъ ни слова. ([57]).

Между тѣмъ огромная Монголо-Татарская имперія все болѣе и болѣе распадалась на части; чему много способствовали избирательный порядокъ и неопредѣленность престолонаслѣдія. При такомъ порядкѣ почти каждая перемѣна верховнаго монгольскаго хана стала сопровождаться междоусобіями. Когда умеръ Менгу, то послѣ трехлѣтнихъ замѣшательствъ и кровавыхъ столкновеній на престолѣ утвержденъ курилтаемъ снова одинъ изъ сыновей Тулуя, родной братъ Менгу, Кубилай (1260), и опять съ помощью хана Сарайскаго, т. е. своего двоюроднаго брата Берке. Кубилай изъ родины Чингизхана переселился въ сѣверный Китай, и главное вниманіе свое сосредоточилъ на покореніи остальнаго Китая или государства Сунгъ. При немъ великій ханатъ обратился въ Китайскую имперію, и постепенно утратилъ свою власть надъ другими монголо-татарскими владѣніями, такъ что послѣднія преобразились въ отдѣльныя, самостоятельныя государства. Изъ нихъ Кипчакское ханство или улусъ Джучіевъ явился едва ли не самымъ могущественнымъ и въ тоже время наиболѣе сохранившимъ характеръ Чингизовой имперіи; ибо въ немъ кочевой бытъ остался преобладающимъ, благодаря обширнымъ и привольнымъ степямъ; тогда какъ въ Китаѣ, Персіи и отчасти Туркестанѣ Монголо-Татары подчинились вліянію туземной гражданственности и сдѣлались осѣдлымъ населеніемъ. За то Кипчакскіе Джучиды скорѣе другихъ потомковъ Чингиза перемѣнили вѣру своихъ отцовъ. Тотъ же Батыевъ братъ Берке былъ первый золотоордынскій ханъ, который принялъ мусульманство и началъ усердно покровительствовать ему въ своихъ владѣніяхъ. Впрочемъ эта перемѣна является вполнѣ согласною съ обстоятельствами.

Улусъ Джучіевъ первоначально заключалъ въ себѣ только небольшую часть настоящихъ Монголо-Татаръ, пришедшихъ изъ собственной Монголіи и составлявшихъ ядро Батыевыхъ полчищъ. Большинство же этихъ полчищъ было набрано изъ народовъ Тюрко-Татарскихъ, обитавшихъ въ степяхъ Средней Азіи и Южной Сибири. Въ Восточной Европѣ тюркскія орды значительно усилились присоединеніемъ покоренныхъ Половцевъ съ остатками Торковъ и Печенѣговъ; такъ что при самомъ дворѣ золотоордынскихъ хановъ недолго держалось ихъ родное Монгольское нарѣчіе. Господствующимъ языкомъ сдѣлалось нарѣчіе Тюркское. Турецкіе народы Средней Азіи уже давно находились подъ вліяніемъ сосѣдней мусульманской гражданственности и отчасти уже приняли исламъ, подобно своимъ соплеменникамъ Туркамъ Сельджукамъ, завоевателямъ Передней Азіи. Религія эта болѣе чѣмъ какая либо соотвѣтствовала ихъ дикому состоянію и хищнымъ инстинктамъ. Когда Джучиды утвердили средоточіе своего царства на берегахъ Волги, то Золотая Орда, уже заключавшая въ себѣ значительное число мусульманъ, подверглась еще сильному вліянію магометанской пропаганды съ двухъ сторонъ: съ сѣвера изъ Камской Болгаріи и съ востока изъ Бухары и Харезма. Городъ Великіе Болгары, хотя и разоренный полчищами Батыя, какъ видно, успѣлъ вскорѣ оправиться отъ этого разоренія, благодаря промышленному характеру своихъ жителей, и сдѣлался даже обычнымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Кипчакскихъ Джучидовъ. Любопытно, что дошедшія до насъ монеты съ именами этихъ хановъ въ первые полвѣка Татарскаго владычества преимущественно биты въ Булгарѣ; о чемъ говорятъ ихъ арабскія надписи; только въ концѣ этого періода встрѣчаются монеты, битыя въ Сараѣ и Харезмѣ. Замѣчательные остатки каменныхъ мечетей и термъ, относящіеся къ эпохѣ Золотой Орды, ясно свидѣтельствуютъ, что Великіе Болгары въ ту эпоху вновь достигли процвѣтанія своей мусульманской гражданственности и слѣдовательно оказывали значительное воздѣйствіе на своихъ завоевателей. Но и самая метрополія болгарскаго мусульманства, издавна славившаяся школами и проповѣдниками и отличавшаяся промышленнымъ характеромъ, т. е. часть Средней Азіи, лежащая по Оксусу и Аму Дарьѣ

Харезмъ и Бухара), состояла въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Золотой Ордою и даже по временамъ входила въ составъ улуса Джучіева.

Хивинскій ханъ XVII вѣка, Абульгази (потомокъ Батыева брата Шибана) разсказываетъ въ своей лѣтописи, что Берке былъ обращенъ въ магометанство именно бухарскими купцами (а по другимъ извѣстіямъ нѣкимъ дервишемъ изъ Харезма). Тому же хану Берке приписываютъ построеніе и самаго города Сарая на берегахъ волжскаго рукава Ахтубы; вѣроятно онъ предпринялъ собственно построеніе дворцовъ, мечетей, термъ и каравансераевъ въ этомъ зимнемъ мѣстопребываніи золото-ордынскихъ хановъ. Число проживавшихъ въ Золотой Ордѣ русскихъ плѣнниковъ, купцовъ, ремесленниковъ и князей съ ихъ дружинниками было такъ значительно, что митрополитъ Кириллъ поставилъ въ Сарай особаго епископа, Митрофана, конечно съ ханскаго дозволенія, въ томъ самомъ году (1261), къ которому относятъ обращеніе Берке въ исламъ. Такое обстоятельство указываетъ, что ханъ этотъ не измѣнилъ своей вѣротерпимости въ отношеніи къ покореннымъ народамъ. Предѣлы новой епархіи обнимали потомъ земли по нижней Волгѣ и притокамъ Дона; почему она и называлась обыкновенно «Сарская и Подонская». (Къ ней же причислена епархія южнаго Переяславля).

Раздоръ Берке съ его двоюроднымъ братомъ персидскимъ ханомъ Гулагу, возникшій изъ за предѣловъ ихъ владѣній, усилился съ водвореніемъ ислама въ Сараѣ, подъ вліяніемъ мусульманскихъ улемовъ. Гулагу, оставшійся язычникомъ, около того времени окончательно разрушилъ Багдадскій халифатъ и умертвилъ послѣдняго халифа. Берке заключилъ союзъ противъ двоюроднаго брата съ его злѣйшимъ непріятелемъ сирійско-египетскимъ султаномъ Бибарсомъ. Послѣдній былъ родомъ изъ Половцевъ; мальчикомъ Татары продали его въ Крыму венеціанскимъ купцамъ. Потомъ онъ попалъ въ мамелюкскую гвардію египетскаго султана; возвысился до степени военачальника; наконецъ хитростію и преступленіями достигъ престола. Онъ не забылъ города Крыма, гдѣ его продали въ неволю; посылалъ скупать здѣсь такихъ же молодыхъ невольниковъ въ мамелюкскую гвардію, и украсилъ этотъ городъ богатыми мечетями и каравансераями.

Междоусобіе двухъ ханствъ естественно должно было ослабить татарское могущество и принести нѣкоторое облегченіе ига, наложеннаго на Россію; чѣмъ, какъ мы видѣли, искусно умѣлъ пользоваться Александръ Невскій. Беркай умеръ въ Грузіи посреди своей войны съ преемникомъ Гулагу, въ 1266. Ему наслѣдовалъ племянникъ его Менгу-Темиръ. Нашъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что на Руси сдѣлалась тогда «ослаба отъ насилья бесерменскаго» и что Татаръ было избито въ междоусобной войнѣ такое множество какъ песку морскаго. Въ это время и въ самой Золотой Ордѣ уже начинаются внутреннія смуты и раздѣленіе; къ чему особенно подавала поводъ таже неопредѣленность престолонаслѣдія.

Еще при жизни Беркая изъ ордынскихъ царевичей возвысился нѣкто Ногай, который начальствовалъ надъ ордою, кочевавшею въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ и сдѣлался самостоятельнымъ ханомъ, грознымъ для своихъ сосѣдей. Императоръ Михаилъ Комненъ, знаменитый уничтоженіемъ Латинской имперіи въ Константинополѣ и возстановленіемъ Византійской, искалъ союза съ Ногаемъ противъ Болгаръ Дунайскихъ, и не затруднился отдать ему въ жены собственную дочь. Подобное раздвоеніе Золотой Орды, казалось, благопріятствовало дальнѣйшему облегченію ига, тяготѣвшаго надъ Русью. Но не таковы были ближайшіе преемники Александра Невскаго, чтобы воспользоваться обстоятельствами для блага отечества. Его вынужденную покорность передъ ханами они обратили уже въ простое раболѣпство, и въ своей погонѣ за великокняжескимъ столомъ сами приводили Татаръ для опустошенія русскихъ земель.

*

Александръ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Димитрія, удѣльнаго князя Переяславля Залѣсскаго, Андрея Городецкаго и Даніила Московскаго. Во время его кончины они были еще очень молоды; а послѣдній, Даніилъ, родоначальникъ великихъ князей и царей Московскихъ, имѣлъ только два года. Столъ великаго княженія Владимірскаго, съ соизволенія хана, занимали по очереди младшіе братья Александра, сначала Ярославъ Тверской (до 1272 г.), потомъ Василій Костромской (до 1276). Любопытно, что уже Александръ Невскій

не постоянно жилъ во Владимірѣ; а братья его, добившись великаго стола, рѣдко посѣщали стольный городъ; но проживали болѣе въ своихъ наслѣдственныхъ удѣлахъ, т. е. въ Твери и Костромѣ, гдѣ и были погребены. Начавшееся отчужденіе великихъ князей отъ Владиміра, кромѣ его разоренія, можетъ быть объяснено также пребываніемъ въ немъ баскаковъ съ толпою Татаръ, нагло, грубо обходившихся съ жителями и неуважительно съ самими князьями. Послѣдніе конечно избѣгали такого близкаго сосѣдства съ варварами.

Наиболѣе выдающимися въ эту эпоху представляются событія Новогородскія. Послѣ Татарскаго нашествія, когда Кіевское и Черниговское княженія окончательно упали и вообще порвалась прежняя связь Югозападной Руси съ Сѣверной, Суздальскіе князья уже не встрѣчаютъ себѣ въ Новгородѣ соперниковъ между иными колѣнами Владимірова потомства. Со времени Александра Невскаго великіе князья Владимірскіе обыкновенно получаютъ и княженіе Новогородское, которое держатъ посредствомъ своихъ сыновей, племянниковъ или намѣстниковъ изъ бояръ; а сами они только изрѣдка пріѣзжали въ Новгородъ и гостили на Городищѣ. При такихъ условіяхъ казалось бы самобытности Великаго Новгорода грозилъ скорый конецъ; тѣмъ болѣе, что неразборчивые на средства Суздальскіе князья стали получать отъ хановъ не одни ярлыки на какое-либо княженіе, но въ случаѣ нужды и войско для приведенія этихъ ярлыковъ въ исполненіе. Однако Новогородцы не только съумѣли еще на долго отстоять свою самобытность; но въ эту именно эпоху ихъ народоправленіе и торговые обороты достигли еще большаго развитія чѣмъ прежде. Если не существовало болѣе южныхъ Изяславовъ и Мстиславовъ, которыхъ можно было противопоставить Суздалю, то въ средѣ самихъ суздальскихъ князей Новогородцы умѣли находить союзниковъ себѣ и соперниковъ великому князю Владимірскому.

Въ пользу тѣснаго сближенія Новгорода съ Суздальскою Русью въ XIII вѣкѣ дѣйствовала продолжавшаяся опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, т. е. Шведовъ, Эстонскихъ Датчанъ, Ливонскихъ Нѣмцевъ и Литвы. Безъ помощи низовыхъ полковъ великаго князя Владимірскаго Новогородцамъ и Псковичамъ трудно было бы отстаивать свою землю отъ

сихъ алчныхъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Раковорскій походъ 1268 года.

Новогородцы одновременно находились во враждѣ съ Нѣмцами, съ Датчанами и съ Литвою, такъ что не знали, куда обратить свои силы. Подумавъ на вѣчѣ, рѣшили идти за рѣку Нарову къ городу Раковору (Везенбергу), т. е. на Эстонскую Чудь и ея владѣтелей Датчанъ. Начали собирать войско; *порочные* мастера принялись строить стѣнобитныя орудія (пороки) на дворѣ у владыки. Намѣстникъ великаго князя Ярослава Ярославича, его племянникъ Юрій Андреевичъ послалъ просить помощи у дяди. Тотъ самъ не пошелъ, а отправилъ низовые полки съ своими сыновьями (Святославомъ и Михаиломъ) и племянниками; въ томъ числѣ былъ сынъ Александра Невскаго Димитрій Переяславскій. Услыхавъ о такихъ приготовленіяхъ, Ливонскіе Нѣмцы изъ городовъ Риги, Феллина, Дерпта и другихъ прислали въ Новгородъ пословъ съ предложеніемъ мира и съ увѣреніями, что они не будутъ помогать Эстонцамъ. Послы присягнули въ Новгородѣ; потомъ новогородское посольство ѣздило въ Ливонію и приняло такую же присягу отъ ливонскихъ епископовъ и рыцарей-меченосцовъ или «божьихъ дворянъ», какъ ихъ называетъ Новогородская лѣтопись. Русское ополченіе вошло въ Эстонію и по обычаю принялось опустошать непріятельскую землю. Между прочимъ туземная Чудь спряталась съ своимъ имуществомъ въ какой-то трудно доступной пещерѣ, такъ что Русскіе стояли три дня и не могли проникнуть въ нее. Но одинъ изъ порочныхъ мастеровъ съумѣлъ какъ-то пустить въ нее воду; Чудь выбѣжала вонъ и была избита, а имущество ея досталось въ добычу. Затѣмъ Русскіе приблизились къ Раковору; но тутъ къ удивленію своему увидѣли предъ собою большую рать, подобную густому бору. Оказалось, что Ливонскіе Нѣмцы обманули и соединились съ Датчанами. Однако русское ополченіе не устрашилось и тотчасъ стало въ боевой порядокъ. Новогородцы помѣстились въ срединѣ противъ главнаго нѣмецкаго полка или желѣзной свиньи; по сторонамъ стали низовые полки и Псковичи. Битва была очень упорна и напомнила Ледовое побоище. Русь наконецъ сломила желѣзный полкъ рыцарей, гнала Нѣмцевъ до самаго города Раковора, и на разстояніи семи

верстъ покрыла поля ихъ трупами. Но вожди ея, увлекшись преслѣдованіемъ, какъ это часто бываетъ, забыли военныя предосторожности. Возвратясь назадъ, они увидали, что запасный нѣмецкій отрядъ ворвался въ русскій обозъ. Молодежь хотѣла ударить на него. Наступила ночь, и опытные люди удержали ее, говоря, что въ темнотѣ можетъ произойти безпорядокъ и избіеніе своихъ собственныхъ людей. Нѣмцы, не дожидаясь свѣта, ушли. Побѣдители стояли три дня *на костяхъ*, т. е. на полѣ битвы, и затѣмъ воротились домой. Отступленіе это объясняется тѣмъ, что побѣда стоила очень дорого; особенно много потеряли Новогородцы, сражавшіеся съ главнымъ рыцарскимъ полкомъ. Въ числѣ убитыхъ бояръ находился самъ посадникъ Михаилъ, а тысяцкій Кондратъ пропалъ безъ вѣсти. Война продолжалась.

Въ слѣдующемъ году Нѣмцы пришли на Псковъ. Но Псковитяне имѣли такого вождя, который былъ именно нуженъ въ это трудное время. Въ сосѣднихъ съ Русью литовскихъ земляхъ произошли большія смуты и междоусобія по смерти князя Миндовга. Многіе знатные Литвины тогда бѣжали изъ отечества отъ преслѣдованія своихъ. Такъ до 300 литовскихъ семей удалились въ Псковъ, гдѣ приняли крещеніе и поселились. Вслѣдъ за ними сюда же прибылъ и одинъ изъ литовскихъ князей, по имени Довмонтъ, съ своими родственниками и дружиною. Онъ также крестился и получилъ имя Тимоѳея. Помощію брака Довмонтъ породнился съ Русскимъ княжимъ домомъ: онъ женился на дочери Димитрія Александровича, т. е. на внучкѣ Александра Невскаго. Вскорѣ Псковичи поставили его своимъ княземъ. Начальствуя во Псковѣ, онъ отличился ратными подвигами. Первые его подвиги были направлены на защиту Псковской области отъ своихъ соплеменниковъ, которымъ онъ не разъ наносилъ пораженіе, и самъ ходилъ въ землю Литовскую. При этомъ составитель Сказанія о Довмонтѣ, увлекаясь своимъ героемъ, разсказываетъ не совсѣмъ вѣроятныя дѣла. Такъ однажды онъ сдѣлалъ удачный набѣгъ на землю литовскаго князя Герденя съ тремя девяностами Псковичей (они, какъ видно, считали свои дружины не сотнями, а девяностами). На обратномъ пути послѣ переправы черезъ Двину Довмонтъ послалъ два девяноста впередъ съ добычею и плѣнными, а съ

остальнымъ расположился въ шатрахъ недалеко отъ берега посреди рощи; онъ ожидалъ погони. Дѣйствительно, вскорѣ сторожа прибѣжали съ извѣстіемъ, что идетъ самъ Гердень съ нѣсколькими князьями и 700 воиновъ и уже переброднлъ рѣку. Тогда Довмонтъ обратился къ своей дружинѣ съ такими словами: «братья мужи Псковичи, кто старъ тотъ мнѣ другъ, а кто молодъ тотъ братъ. Слышалъ я, что о мужествѣ вашемъ знаютъ во всѣхъ странахъ. Потягнемъ, братья, за Св. Троицу и св. церкви, и за свое отечество!» Одушевленные имъ, Псковичи ударили на враговъ и разбили ихъ, такъ что Гердень едва спасся бѣгствомъ съ остаткомъ своей дружины, а у Псковичей палъ только одинъ человѣкъ. Въ другой разъ Довмонтъ съ 60 Псковичами будто бы побѣдилъ 800 Нѣмцевъ. Они укрылись на одинъ рѣчной островъ; Псковитяне зажгли на немъ траву, и Нѣмцы, принужденные спасаться, частію потонули, частію были избиты.

Довмонтъ по преимуществу сдѣлался грозою сихъ надменныхъ сосѣдей, т. е. Ливонскихъ Нѣмцевъ. Онъ тоже участвовалъ въ Раковорской битвѣ и послѣ нея сильно опустошилъ Виррію или Раковорскую область до самаго моря. Въ слѣдующемъ 1269 году самъ магистръ Ливонскаго Ордена Отто Фонъ Роденштейнъ прибылъ съ большимъ войскомъ, сухопутьемъ и озеромъ въ лодкахъ. Онъ разорилъ Изборскъ и подступилъ ко Пскову. Псковитяне послали гонцовъ въ Новгородъ съ просьбою о помощи, и сами пожгли свои посады, чтобъ они не достались врагу. Нѣмцы сильно стѣснили городъ, который начали громить изъ своихъ стѣнобитныхъ орудій. Горожане собрались на торжественное богослуженіе въ соборномъ храмѣ Св. Троицы. Тутъ Довмонтъ положилъ свой мечъ предъ алтаремъ и горячо молился. Послѣ богослуженія игуменъ Исидоръ съ духовенствомъ препоясалъ этимъ мечомъ князя и благословилъ его на брань. Одушевленные вѣрою, Довмонтъ и небольшая, но храбрая псковская дружина сдѣлали отчаянную вылазку, во время которой нанесли Нѣмцамъ большой уронъ. Когда же на десятый день осады магистръ услыхалъ о приближеніи Новогородскаго отряда съ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, то не сталъ дожидать его; а поспѣшно снялъ осаду и удалился.

Послѣ того Новогородцы начали собирать большое ополченіе, чтобы предпринять новый походъ въ глубь непріятельской земли. Великій князь Ярославъ, находившійся тогда въ Новгородѣ, опять послалъ сына (Святослава) съ низовою ратью; на этотъ разъ къ ней присоединился и *великій баскакъ* владимірскій Амраганъ съ своимъ отрядомъ. Услыхавъ о приготовленіяхъ, Нѣмцы прислали съ просьбою о мирѣ и отступались отъ своихъ притязаній на земли по р. Наровѣ. Новогородцы, какъ люди торговые, не любили продолжительныхъ войнъ и охотно заключили миръ на этомъ условіи. Дабы не отсылать свои полки назадъ безъ всякаго дѣла и безъ всякой добычи, великій князь хотѣлъ отправить ихъ на сѣверъ за р. Неву на мятежную Карелу, державшую сторону Датчанъ и Шведовъ. Новогородцы однако упросили его отказаться отъ этого намѣренія и не раззорять Карелу, своихъ данниковъ ([58]).

Отъ времени Ярослава Ярославича дошли до насъ двѣ любопытныя договорныя грамоты Новогородцевъ съ симъ княземъ—образцики тѣхъ *рядовъ*, которыми они опредѣляли отношенія княжей власти къ своей землѣ. По первой грамотѣ, составленной при занятіи Ярославомъ Новогородскаго стола, этотъ князь по примѣру предшественниковъ своихъ обязывается присягнуть на разныхъ условіяхъ, льготныхъ для Новгорода Великаго. Главныя условія суть слѣдующія. Въ правители новогородскихъ волостей князь не можетъ назначать собственныхъ мужей, но только Новогородцевъ, и не иначе какъ при участіи посадника, а безъ вины ихъ не смѣнять. Ни самъ онъ, ни *дворяне* его не могутъ покупать селъ въ новогородскихъ волостяхъ, или получать въ даръ, или выселять къ себѣ оттуда людей. Князь не долженъ творить судъ безъ участія посадника и не можетъ требовать подсудимыхъ для расправы къ себѣ, въ Суздальскую землю. Онъ получаетъ съ новогородскихъ волостей установленныя дани и судебныя виры; пользуется изстари опредѣленными для его двора сѣнокосами (пожнями); долженъ отступиться отъ тѣхъ пожней, которыя захватилъ его братъ Александръ, и вообще отказаться отъ тѣхъ насилій, которыя были учинены этимъ покойнымъ княземъ; также пользоваться опредѣленными мѣстами для охоты и посылать своихъ ловчихъ только въ извѣстное время.

Новогородскіе гости въ Суздальской землѣ платятъ на мытныхъ заставахъ не болѣе двухъ векшей съ воза или съ ладьи.

Очевидно, сильные суздальскіе князья не всегда стѣснялись подобными договорами и, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе отступали отъ нихъ. Ярославъ Ярославичъ, кромѣ собственныхъ силъ опиравшійся на поддержку Татаръ, ознаменовалъ свое княженіе въ вольнолюбивомъ городѣ разными самовластными поступками. Пока была опасность со стороны Ливонскихъ и Эстонскихъ сосѣдей, Новогородцы, нуждаясь въ помощи суздальскихъ полковъ, молчали. Но когда опасность миновала, противная великому князю партія зашумѣла, взяла верхъ на вѣчѣ, и тутъ же на Ярославовомъ или вѣчевомъ дворѣ начала расправляться съ его сторонниками. Нѣкоторые изъ нихъ спаслись въ храмѣ Св. Николая, другіе убѣжали къ князю на Городище, въ томъ числѣ тысяцкій Ратиборъ; народъ разграбилъ ихъ дворы и разрушилъ дома. Вѣче прислало князю грамоту съ исчисленіемъ его неправдъ. «Зачѣмъ, говорилось въ этой грамотѣ, отнялъ Волховъ гогольными ловцами, а поле заячьими? Зачѣмъ взялъ дворъ у Олексы Мартинича, а серебро (деньги) у Никифора Манускинича, Романа Балдыжевича и Варѳоломея? Зачѣмъ выводилъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ?» Были исчислены и другія неправды; а въ заключеніе объявлялось, чтобы Ярославъ уѣзжалъ изъ Новгорода; Новогородцы же промыслятъ себѣ другаго князя. Ярославъ вступилъ было въ переговоры съ вѣчемъ; обѣщалъ исправить свои вины и вновь присягнуть на всей волѣ новогородской. Но вѣче осталось непреклонно и грозило всѣмъ городомъ идти на Городище, чтобы силою прогнать князя. Ярославъ удалился. Новогородцы послали было за сыномъ Невскаго Димитріемъ Переяславскимъ, который уже княжилъ у нихъ прежде. Но тотъ отвѣчалъ, что не возьметъ стола передъ дядею. Между тѣмъ великій князь велѣлъ захватить новогородскихъ торговцевъ въ суздальскихъ городахъ, и не только началъ собирать противъ Новгорода низовые полки, но и послалъ въ орду Ратибора просить помощи у хана. Измѣнникъ своему родному городу, Ратиборъ возбуждалъ хана такими наговорами: «Новогородцы не хотятъ тебѣ покаряться; мы просили у нихъ дани для тебя; а они насъ кого выгнали, кого избили, дома наши разграбили;

Ярослава обезчестили». Менгу Темиръ уже приказалъ войску выступить на помощь великому князю, когда Новогородцы нашли себѣ заступника: то былъ родной братъ Ярослава, Василій Костромской. «Кланяюсь Св. Софьѣ, прислалъ онъ сказать въ Новгородъ, жаль мнѣ своей отчины». Съ нѣкоторыми новогородскими боярами Василій отправился въ Орду и уговорилъ хана воротить войско, раскрывъ передъ нимъ клеветы Ратибора.

Ярославъ и безъ Татаръ собралъ большія силы; при немъ находились также племянникъ Димитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смольнянами. Но и Новогородцы, руководимые любимымъ посадникомъ Павшею Ананьичемъ, были единодушны, и энергически приготовлялись къ защитѣ. Они возвели новыя укрѣпленія вокругъ города, вооружились отъ мала до велика и вышли въ поле; пѣхота стала за ручьемъ Жилотугомъ, конница за Городищемъ. Узнавъ о томъ, Ярославъ не пошелъ прямо на Новгородъ, а повернулъ въ Русу, и оттуда вновь вступилъ въ прежніе переговоры. Новогородцы однако стояли на своемъ; а когда къ нимъ подошла помощь изъ пригородовъ и волостей, Псковичи, Ладожане, Карела, Ижора и Вожане, новогородская рать сама двинулась въ Русу, и остановилась въ виду суздальской рати на другой сторонѣ рѣки Шелони. По желанію великаго князя въ распрю вступился митрополитъ Кириллъ, и прислалъ Новогородцамъ увѣщательную грамоту, въ которой убѣждалъ ихъ помириться съ великимъ княземъ и бралъ на себя эпитимію, если они присягнули другъ другу не возвращать его на княженіе. Въ случаѣ же непослушанія митрополитъ грозилъ наложить на новогородскія церкви запрещеніе. Новогородцы наконецъ уступили, и вновь приняли на свой столъ Ярослава. Написали опять договорную грамоту, которая дошла до насъ въ подлинникѣ. Въ ней къ прежнимъ условіямъ прибавились новыя, каковы: отпустить гнѣвъ на владыку, посадника и мужей новогородскихъ; не принимать доносовъ отъ раба на господина; отпустить задержанныхъ Новогородцевъ; не стѣснять привилегій Нѣмецкаго гостиннаго двора, торговать съ нимъ только при посредствѣ Новогородскихъ купцовъ и пр. Любопытно, что на оборотѣ этой грамоты помѣчено: «сажали Ярослава татарскіе послы Чевгу и Бакши съ грамотою Мен-

гу Темира». Слѣдовательно, не одни увѣщанія Кирилла заставили уступить Новгородъ. Хотя ханъ отмѣнилъ походъ татарскаго войска, однако прислалъ Ярославу свой ярлыкъ на Новогородское княженіе.

Изъ эпохи того же великаго князя дошли до насъ еще два замѣчательные письменные памятника новогородской гражданственности. Это «Уставъ Ярослава о мостовыхъ» и торговый договоръ съ Нѣмецкими городами и Готландомъ. Первый былъ составленъ до Раковорской битвы, а второй вскорѣ послѣ этой битвы, какъ надобно полагать. Уставъ заключаетъ въ себѣ раскладку для мощенія Волховской набережной въ Новгородѣ, площадей и улицъ. Расходы распредѣлены между купеческими сотнями и городскими обывателями. Въ этихъ расходахъ участвовали и власти по мѣсту своихъ дворовъ, т. е. князь, владыка, посадникъ, тысяцкій; послѣдніе двое повидимому также помѣщались въ казенныхъ общественныхъ зданіяхъ. Торговые дворы иностранцевъ (Нѣмцевъ и Готовъ) тоже обязаны были мостить примыкающія къ нимъ части.

Около того времени возвышается знаменитый союзъ сѣверно-нѣмецкихъ городовъ или Ганза, которая имѣла дѣятельныя торговыя связи съ Новгородомъ, но пока все еще при посредствѣ Готланда. Упомянутый договоръ съ Нѣмцами и Готами даетъ нѣкоторыя привиллегіи нѣмецкимъ и готландскимъ гостямъ и вообще опредѣляетъ ихъ положеніе въ Новгородѣ. Такъ, напримѣръ, при проѣздѣ по Невѣ и Волхову о гостяхъ должны были уже заботиться новогородскіе приставы. Гостей нельзя было посадить въ тюрьму за долгъ; возникшая ссора ихъ съ Новогородцами должна была разбираться на дворѣ у Св. Іоанна на Опокахъ, гдѣ находилась судебная палата для купцовъ. Безопасность Нѣмецкаго и Готландскаго торговыхъ дворовъ также ограждена нѣкоторыми правилами; назначены виры за убійство, раны, побои, и пр. ([59]).

По смерти великаго князя Василія Костромскаго (1276), послѣдняго изъ братьевъ Александра Невскаго, наступилъ чередъ его сыновей; старшій изъ нихъ Димитрій Переяславскій получилъ княженіе Владимірское, а вмѣстѣ съ нимъ и столъ Новогородскій. Но достаточно было возникнуть обычнымъ

распрямъ Новогородцевъ съ Суздальскимъ княземъ, какъ уже нашелся ему соперникъ. Это былъ родной братъ его Андрей Городецкій. И прежде князья не уважали иногда родоваго старшинства; а теперь, когда воля ханская рѣшала главнымъ образомъ вопросъ о княженіяхъ, соперники еще менѣе стали обращать вниманіе на старшинство. Андрей, получивъ отъ Менгу Темира ярлыкъ на Владимірское княженіе, началъ цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Онъ три раза приводилъ татарскія войска на старшаго брата, и бѣдная сѣверо-восточная Русь платилась новыми разореніями за честолюбіе недостойныхъ князей. Особенно тяжелъ былъ третій приходъ, когда татарскій воевода Дюдень, посланный на помощь Андрею ханомъ Тохтою (сынъ Менгу-Темира), взялъ Владиміръ; при чемъ Татары вновь разграбили соборный храмъ Богородицы, и вообще взяли и разорили 14 суздальскихъ городовъ, въ томъ числѣ Переяславль и Москву (1293). Во время этихъ междоусобій Дмитрій однажды бѣжалъ за море, вѣроятно въ Скандинавію, и воротился съ наемною дружиною; а въ другой разъ удалился на югъ къ хану Ногаю, сопернику волжскихъ хановъ, и получилъ отъ него войско, съ помощію котораго воротилъ себѣ престолъ. Послѣ третьяго нашествія Андрея съ Татарами, Димитрій въ слѣдующемъ 1294 году скончался.

Андрей занималъ великокняжескій столъ еще десять лѣтъ, т. е. до самой смерти своей. Но смуты и междоусобія въ Суздальской землѣ не прекращались. Нѣкоторые удѣльные суздальскіе князья возставали противъ него и соединялись для этого въ союзы. Въ числѣ его противниковъ находились младшій братъ его Даніилъ Александровичъ Московскій и двоюродный братъ Михаилъ Ярославичъ, одинъ изъ основателей сильнаго Тверскаго княженія. Такимъ образомъ Москва и Тверь, эти будущіе соперники, являются союзниками въ борьбѣ съ старшимъ Владимірскимъ княземъ. Очевидно, старшій или великокняжескій городъ Сѣверной Руси Владиміръ, неоднократно разоренный Татарами, постепенно терялъ прежнее значеніе. Нѣкоторые младшіе города уже не признаютъ этого первенства, и стремятся сами сдѣлаться ядромъ, около котораго собирались бы другія волости. Только этимъ исканіемъ новаго крѣпкаго ядра, новой княжеской вѣтви, которая

повела бы далѣе исторію Сѣверной Руси, и можно объяснить тѣ повидимому лишенные историческаго смысла споры и междоусобія, раболѣпіе передъ Татарами и предательства, которыми ознаменованъ періодъ Русской исторіи, наступившій послѣ Александра Невскаго и продолжавшійся до того времени, когда ясно обозначился перевѣсъ Москвы надъ всѣми ея соперниками.

Андрей также имѣлъ союзниковъ; изъ нихъ самымъ усерднымъ является Ѳеодоръ Ростиславичъ по прозванію Черный, князь Ярославскій,—одна изъ болѣе выдающихся личностей между современными ему удѣльными князьями. Онъ принадлежалъ къ вѣтви Смоленскихъ князей, былъ внукомъ Мстислава Давидовича (извѣстнаго своимъ торговымъ договоромъ съ Нѣмцами) и владѣлъ первоначально удѣломъ Можайскимъ. Вступивъ въ бракъ съ княжною Ярославскою Маріей, онъ получилъ Ярославскій удѣлъ; овдовѣвъ, женился на дочери хана Менгу Темира. По смерти старшихъ своихъ братьевъ, онъ наслѣдовалъ и княженіе Смоленское; но впрочемъ поручилъ его своему племяннику, а самъ остался въ Ярославлѣ. Ѳеодоръ былъ усерднымъ слугою хановъ. Тѣмъ же раболѣпіемъ передъ ханами отличались и князья Ростовскіе, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, сыновья того Василька, который, какъ извѣстно, не согласился служить Батыю и былъ убитъ Татарами. Эти князья часто ѣздили въ Орду съ поклонами и подарками, и подолгу тамъ проживали. Глѣбъ женился также на Татаркѣ, подобно Ѳеодору Ростиславичу Черному, а Борисъ тамъ и умеръ во время приготовленій къ походу на Ясовъ. Александръ Невскій, какъ мы замѣтили, умѣлъ отклонять участіе русскихъ дружинъ въ войнахъ Татаръ съ другими народами; но при его ничтожныхъ преемникахъ мы видимъ эту повинность въ полной силѣ. Такъ въ 1277 году сѣверно-русскіе князья, по повелѣнію Менгу Темира, ходили вмѣстѣ съ Татарами въ Кавказскія страны, и помогли окончательно покорить воинственное племя Ясовъ или Аланъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суздальской земли, очевидно съ появленіемъ баскаковъ и другихъ чиновниковъ ордынскихъ, возникли значительныя татарскія поселенія. Особенно много Татаръ, кажется, находилось въ Ростовѣ и его окрестностяхъ.

Жители, конечно, терпѣли отъ нихъ большія притѣсненія. Однако и здѣсь проявлялась иногда сила высшей, христіанской гражданственности: нѣкоторые знатные люди изъ Татаръ принимали крещеніе, и сдѣлались родоначальниками многихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи. Любопытно особенно мѣстное ростовское преданіе о нѣкоемъ ордынскомъ царевичѣ, который былъ окрещенъ ростовскимъ епископомъ Кирилломъ и получилъ имя Петра. Этотъ царевичъ Петръ купилъ въ Ростовѣ у князя Бориса Васильковича участокъ земли, на которомъ построилъ церковь и основалъ монастырь (Петровскій) съ благословенія преемника Кириллова, епископа Игнатія. Князь Борисъ потомъ такъ сдружился съ Петромъ, что побратался съ нимъ, и они любили вмѣстѣ заниматься охотою съ ловчими птицами на берегу Ростовскаго озера ([60]).

Усердное служеніе Ростовскихъ и другихъ князей татарскимъ ханамъ впрочемъ не оставалось безъ нѣкоторой выгоды для покореннаго народа; ибо, пользуясь милостивымъ расположеніемъ завоевателей, князья эти многихъ христіанъ спасали отъ рабства и другихъ бѣдствій. Однако населеніе Суздальской Руси по всѣмъ признакамъ не столь легко мирилось съ постыднымъ игомъ, какъ ихъ князья, и не одинъ разъ поднимало мятежъ. Такъ въ 1289 г., уже при сыновьяхъ Бориса Васильковича, жители Ростова съ негодованіемъ смотрѣвшіе на большое количество Татаръ въ своемъ городѣ, опять по звону вѣчеваго колокола поднялись на своихъ притѣснителей, разграбили ихъ дома и выгнали ихъ изъ города. Одинъ изъ сыновей Бориса (Константинъ) поспѣшилъ въ Орду, и вѣроятно такъ умѣлъ повернуть дѣло, что ханъ оставилъ этотъ мятежъ безъ наказанія. А изгнанные Татары снова воротились въ Ростовъ.

Эти ростовскіе князья, раболѣпствовавшіе передъ татарскими ханами, очевидно не пользовались большимъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, если и самые пастыри церкви позволяли себѣ иногда поступки такого рода. Когда умеръ младшій изъ сыновей Василька Глѣбъ, упомянутый епископъ ростовскій Игнатій совершилъ его погребеніе въ соборномъ храмѣ. Но спустя девять недѣль, епископъ вздумалъ за что-то осудить покойнаго князя, и велѣлъ ночью

перенести тѣло его какъ недостойнаго изъ соборной церкви въ Спасскій монастырь (1280). Еще живъ былъ митрополитъ Кириллъ II. Пріѣхавъ въ это время изъ Кіева въ Суздальскую землю и услышавъ о поступкѣ Игнатія, онъ отрѣшилъ его отъ служенія. Но за епископа вступился новый ростовскій князь Димитрій Борисовичъ, племянникъ Глѣба (можетъ быть имѣвшій неудовольствіе на дядю) и выпросилъ ему прощеніе у митрополита. Прощая, митрополитъ сказалъ Игнатію: «Брате и сыну возлюбленный! До самой смерти своей плачься и кайся о такомъ грѣхѣ, что осудилъ мертвеца прежде суда Божія. А при жизни его, когда можно было его исправить, ты не только не исправилъ, но смирялся передъ нимъ, бралъ онъ него дары, ѣлъ и пилъ за его столомъ. Прости тебѣ, Господи». Въ томъ-же году этотъ уважаемый всѣми митрополитъ скончался въ глубокой старости, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, послѣ тридцатисемилѣтняго управленія Русскою Церковію; тѣло его отвезено было для погребенія въ древнюю русскую митрополію, т. е. въ Кіевъ.

Ни одинъ русскій митрополитъ не предавался такой неустанной, безпокойной дѣятельности, какъ Кириллъ II. Его продолжительное пастырское служеніе совпало съ первымъ періодомъ Татарскаго ига, когда бѣдствія варварскихъ нашествій и разореній глубоко потрясли и гражданскій, и церковный порядокъ, когда за нищетою и отсутствіемъ безопасности неизбѣжно начали распространяться тьма невѣжества, грубые, безпорядочные нравы, проникшіе въ самую среду духовенства. Кириллъ предпринималъ частыя и трудныя путешествія по разнымъ краямъ Руси, и вездѣ старался возстановить устроеніе и благочиніе церковное. Памятникомъ его заботливости о своей паствѣ служитъ такъ называемое «Правило Кирилла Митрополита», составленное имъ сообща съ русскими епископами на церковномъ соборѣ, происходившемъ во Владимірѣ Суздальскомъ, въ 1274 году. Въ этомъ правилѣ главное вниманіе обращено на то, чтобы епископы не ставили въ священники лицъ недостойныхъ и не брали бы никакой мзды за ставленіе. Предписывается также строго наблюдать уставы при совершеніи литургіи, миропомазанія и крещенія; относительно послѣдняго постановлено никоимъ образомъ не обливать, а крестить въ три погруженія. Далѣе это соборное правило возстаетъ про-

тивъ народныхъ языческихъ игрищъ, которыя сопровождались жестокимъ пьянствомъ и боями; при чемъ бились дреколіемъ и иногда до смерти (особенно въ «предѣлахъ новогородскихъ»). Такихъ убитыхъ на игрищѣ соборъ лишаетъ христіанскаго погребенія; о чемъ строго приказываетъ священникамъ.

Соборъ 1274 года былъ созванъ митрополитомъ по поводу рукоположенія кіевопечерскаго архимандрита Серапіона во епископа Владиміро-Суздальскаго. Этотъ Серапіонъ (скончавшійся въ слѣдующемъ 1275 году) принадлежалъ къ ученнѣйшимъ книжникамъ своего времени и извѣстенъ своими краснорѣчивыми Поученіями или Словами; изъ нихъ нѣкоторыя дошли до насъ. Содержаніе сихъ поученій составляютъ увѣщанія противъ грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, воровства, «рѣзоимства» (ростовщичества), и пр., въ особенности противъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ, напримѣръ сожиганія волхвовъ, выгребанія изъ могилъ утопленниковъ и удавленниковъ во время какого либо физическаго бѣдствія, и т. п. Серапіонъ въ своихъ Поученіяхъ чертитъ яркія картины татарскаго нашествія и призываетъ народъ къ покаянію. Не должно забывать при этомъ, что такіе пастыри и учители духовные, какъ Кириллъ митрополитъ и Серапіонъ епископъ, по своему воспитанію и образованію принадлежатъ еще къ до-Татарской эпохѣ, т. е. къ болѣе просвѣщенной нежели послѣдующая за ней.

Кириллъ II былъ родомъ Русскій; избраніе его въ митрополиты состоялось по желанію галицкаго князя Даніила Романовича въ смутное время, послѣдовавшее за Татарскимъ погромомъ, въ эпоху бѣдствій самого греческаго патріархата. Но послѣ паденія Латинской имперіи возобновились сношенія Русской іерархіи съ Константинополемъ, и патріархъ преемникомъ Кирилла снова назначилъ грека, по имени Максима. Этотъ Максимъ едвали не первый изъ русскихъ митрополитовъ являлся въ Орду для изъявленія почтенія хану и для полученія льготныхъ грамотъ или ярлыковъ въ пользу духовенства. Впрочемъ таковые ярлыки уже получалъ предшественникъ его Кириллъ II. Митрополитъ Максимъ замѣчателенъ перемѣною своего мѣстопребыванія. Уже Кириллъ, какъ мы видѣли, мало жилъ въ разоренномъ Кіевѣ, и по долгу пребывалъ на сѣверѣ въ землѣ Суздальской. Близость Татаръ и постоянныя отъ

нихъ насилія не давали нашей древней столицѣ возможности оправиться отъ жестокаго разоренія. Напротивъ по свидѣтельству лѣтописи около 1300 года большинство остававшихся жителей ея опять разбѣжалось отъ этихъ насилій по другимъ городамъ. Тогда же митрополитъ Максимъ окончательно покинулъ Кіевъ; со всѣмъ своимъ причтомъ и митрополичьимъ добромъ онъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ и самъ занялъ Владимірскую каѳедру, а бывшаго здѣсь епископа Семена перевелъ на каѳедру Ростовскую ([61]).

*

Если Суздальская земля была тяжко угнетена Татарскимъ игомъ, то понятно, какъ тяжело ложилось оно на ближайшія къ Ордѣ русскія украйны, каковыми были земли Рязанская и особенно Сѣверская. Рязанскіе князья безъусловною покорностію ханамъ и частыми путешествіями въ Орду, подобно Суздальскимъ, съумѣли сохранить свои владѣнія отъ совершеннаго разстройства, а впослѣдствіи даже вновь усилиться и развить Рязанскую самобытность. Не смотря на покорность Татарамъ, однако не одинъ рязанскій князь погибъ жертвою ханскаго самовластія. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Романъ Ольговичъ. Когда онъ былъ въ Ордѣ, кто-то донесъ Менгу-Темиру, что князь произноситъ хулы на царя и его вѣру. Ханъ предалъ его въ руки Татаръ, которые стали принуждать Романа къ своей вѣрѣ. Романъ смѣло продолжалъ славить христіанскую вѣру и порицать бесерменскую; за что и былъ изрѣзанъ въ куски (1270 г.).

Еще печальнѣе было положеніе земли Чернигово-Сѣверской. Послѣ убіенія въ Ордѣ Михаила Всеволодовича, она раздробилась на многія мелкія владѣнія, утратившія взаимную связь. Изъ князей Черниговскихъ въ это время выдается только одинъ Романъ Брянскій, который давалъ чувствовать свою силу сосѣднимъ князьямъ Смоленскимъ и Литовскимъ. Затѣмъ, при частыхъ разореніяхъ, близкомъ сосѣдствѣ съ Татарами и угнетеніи отъ баскаковъ, особенно на Сѣверской украйнѣ, нравы въ скоромъ времени такъ одичали, что мѣстные князья не только истребляли другъ друга, но съ помощію Татаръ иногда занимались простымъ разбоемъ. Любопытный примѣръ

тому представляетъ исторія двухъ князей Курской области, Олега Рыльскаго и Воргольскаго и Святослава Липецкаго.

Въ Курскѣ жилъ ханскій баскакъ, по имени Ахметъ. Онъ взялъ на откупъ всѣ дани Курскаго княженія, и жестоко притѣснялъ жителей, начиная отъ князей до простолюдиновъ. Недовольствуясь всякими вымогательствами, онъ устроилъ еще двѣ слободы во владѣніяхъ князей Олега и Святослава; перевелъ въ нихъ людей отовсюду, и давалъ имъ волю безнаказанно обижать окрестныхъ жителей. Князья Олегъ и Святославъ были родственники и рѣшили обратиться съ жалобой въ Золотую Орду. Олегъ отправился къ хану Телебугѣ, и получилъ отъ него приставовъ, чтобы вывести изъ слободъ своихъ людей, а самыя слободы разорить. Ахметъ въ то время находился въ другой ордѣ, у противника Телебуги, Ногая. Онъ началъ возбуждать послѣдняго противъ упомянутыхъ князей, называя ихъ разбойниками и его врагами. Для испытанія ихъ покорности онъ посовѣтовалъ Ногаю отправить своихъ сокольниковъ въ землю Олега, чтобы наловить лебедей вмѣстѣ съ княземъ, а потомъ позвать его къ себѣ въ орду. Ногай такъ и сдѣлалъ; но Олегъ уклонился и не пошелъ на его призывъ. Тогда Ногай далъ Ахмету войско, дабы наказать Олега и разорить его владѣнія. Олегъ убѣжалъ къ хану Телебугѣ, а Святославъ спасся въ лѣса Воронежскіе. Татары повоевали ихъ княженіе; а добычу снесли въ упомянутыя двѣ слободы, которыя опять наполнились людьми, скотомъ и всякимъ добромъ. Въ числѣ плѣнниковъ находилось 13 старѣйшихъ княжихъ бояръ, которыхъ Ахметъ велѣлъ убить; захваченныхъ странниковъ и купцовъ иноземныхъ онъ отпустилъ на свободу, давъ имъ часть одежды убитыхъ бояръ и сказавъ: «ходите по землямъ, и объявляйте всюду, что такъ будетъ всякому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ». Мало того, трупы бояръ онъ велѣлъ развѣсить по деревьямъ, отрубивъ у каждаго изъ нихъ голову и правую руку. Эти отрубленные члены онъ хотѣлъ послать на показъ по волостямъ въ устрашеніе людямъ; но некому было показывать; всѣ или разбѣжались, или были захвачены въ плѣнъ, и потому головы и руки побросали на съѣденіе псамъ. Боясь однако мщенія отъ князей, Ахметъ ушелъ къ Ногаю съ татарскимъ войскомъ, а въ слободахъ

оставилъ двухъ своихъ братьевъ. Пылая мщеніемъ, князь Святославъ Липецкій началъ тогда дѣйствовать, какъ разбойничій атаманъ. Онъ подстерегъ на дорогѣ между двумя слободами братьевъ Ахмета, шедшихъ съ малою дружиною изъ Русскихъ и Татаръ, и перебилъ большую часть этой дружины, а потомъ напалъ на самыя слободы и разграбилъ ихъ. Жители ихъ разбѣжались; братья Ахмета спаслись бѣгствомъ въ Курскъ.

Въ это время (1284 г.) Олегъ Рыльскій воротился отъ Телебуги, и, совершивъ поминки по убитымъ боярамъ, послалъ сказать Святославу, что напрасно онъ сталъ дѣйствовать какъ разбойникъ, и тѣмъ положилъ позоръ на князей; пусть идетъ оправдываться въ орду къ Ногаю. Но Святославъ гордо отвѣчалъ, что онъ самъ себѣ судья и что онъ правъ въ этомъ дѣлѣ; такъ какъ мстилъ своимъ врагамъ, избилъ поганыхъ кровопійцъ. Олегъ послалъ на это сказать: «Мы присягали другъ другу быть обоимъ въ одной думѣ; когда рать пришла, ты не бѣжалъ со мною къ царю, а спрятался въ Воронежскихъ лѣсахъ, чтобы послѣ дѣйствовать разбоемъ. Теперь нейдешь ни къ своему царю (Телебугѣ), ни къ Ногаю для оправданья; то пусть насъ Богъ разсудитъ». Олегъ снова отправился въ Золотую орду, привелъ оттуда Татаръ, напалъ на Святослава и убилъ его. Но преемникъ послѣдняго, братъ Александръ, въ свою очередь пошелъ въ Орду, дарами склонилъ хана на свою сторону, получилъ отъ него войско и убилъ Олега Рыльскаго съ двумя сыновьями.

Въ такомъ жалкомъ положеніи находилась Сѣверская Русь и такъ нравственно упали потомки рыцарственныхъ героевъ Слова о Полку Игоревѣ!

Только Новогородцы въ это тяжелое время ограничивались одною данью Татарамъ и не испытывали той тяжести ига, которая налегла на остальныя земли сѣверной и восточной Руси. Они продолжали развивать свою торговлю и промышленность, а также свое народоправленіе, благодаря слабости и затрудненіямъ великихъ князей Владимірскихъ, преемниковъ Александра Невскаго; при чемъ умѣли пользоваться помощію послѣднихъ противъ своихъ внѣшнихъ враговъ. Въ это

время часто встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгорода съ Эстонскими Датчанами и особенно со Шведами. Главнымъ поводомъ къ враждѣ со Шведами служила данница Великаго Новгорода, отчасти перешедшая въ русскую вѣру, Карела, которую Шведы постоянно пытались подчинить себѣ и обратить въ католическую религію. Во второй половинѣ XIII вѣка мы видимъ цѣлый рядъ крестовыхъ походовъ, которые, какъ и во время Александра Невскаго, направлялись преимущественно въ устье Невы и въ Ладожское озеро. Но походы эти большею частію были отбиты Новогородцами и Ладожанами; а также и сама Карела, озлобленная постояннымъ требованіемъ дани съ двухъ сторонъ (отъ Руси и отъ Шведовъ) и насильственнымъ обращеніемъ въ католичество, иногда платила Шведамъ жестокими пораженіями и истязаніями плѣнниковъ; иногда возставала и противъ Новогородцевъ, но обыкновенно была усмиряема. Возбужденное неудачами съ этой стороны, Шведское правительство по временамъ старалось мѣшать торговлѣ Новгорода съ нѣмецкою Ганзою; запрещало нѣмецкимъ купцамъ возить въ Россію оружіе и вообще желѣзо.

Въ концѣ XIII вѣка въ Швеціи царствовалъ малолѣтній Биргеръ II подъ опекою дѣятельнаго, умнаго маршала Торкеля Кнутсона. Въ 1293 году Шведы вновь завоевали часть Русской Кареліи, и построили крѣпкій городъ Выборгъ въ углубленіи одной изъ многочисленныхъ бухтъ южнаго берега Финляндіи противъ Березовыхъ острововъ; вслѣдствіе чего стали уже твердою ногою въ завоеванномъ краю. Новогородцы пошли было противъ Выборга съ малыми силами, но были отбиты и воротились назадъ. Успѣхъ подстрекнулъ Шведовъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ укрѣпиться въ томъ краю. Въ 1295 году они построили городокъ уже на берегу Ладожскаго озера (Кексгольмъ); на этотъ разъ Новогородцы ударили на нихъ съ большей энергіей, взяли городокъ и раскопали его; при чемъ избили весь гарнизонъ съ его начальникомъ Сигге. Но Шведы упорно стремились къ своей цѣли. Въ 1300 г. самъ маршалъ Торкель Кнутсонъ съ большимъ флотомъ вошелъ въ Неву, и заложилъ сильную крѣпость на устьѣ рѣки Охты. Для этой цѣли папа даже прислалъ ему искусныхъ градостроителей изъ Италіи. Стѣны снабжены были камне-

метательными орудіями. Новый городъ наименованъ Ландскрона («Вѣнецъ земли», какъ называетъ его русская лѣтопись). Кнутсонъ оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Стена. Для Новгорода наступила большая опасность: Шведы отрѣзывали ему великій водный путь въ Балтійское море, и во всякое время могли запереть торговое сношеніе съ Ганзою. Новогородцы поняли эту опасность, и съ своей стороны повели дѣло энергически. Не довольствуясь собственными силами, они пригласили на помощь низовые полки. Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года самъ великій князь Андрей повелъ ихъ на шведскую крѣпость; несмотря на храброе сопротивленіе, она была взята и совершенно раскопана; а гарнизонъ частію избитъ, частію уведенъ въ плѣнъ. Новогородцы такъ высоко цѣнили эту побѣду, что уставили ежегодное поминовеніе русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Ландскроною.

Между тѣмъ какъ Шведы стремились распространить свои завоеванія на все сѣверное прибрежье Финскаго залива, съ рѣкой Невой включительно, т. е. отнять у Новогородцевъ всю Карелу и часть Ижоры; Датчане пытались тоже сдѣлать на своемъ южномъ прибрежьѣ и отнять у Новгорода другую часть Ижоры, а также сосѣднюю часть Води. Если бы и тѣмъ и другимъ удалось, Новогородская земля была бы совершенно отрѣзана отъ Балтійскаго моря и отъ прямыхъ сношеній съ Ганзою. Но и тутъ Новогородцы оказали энергичное сопротивленіе и не допустили Датчанъ перейти на правую сторону Наровы. Съ этими непріятелями въ 1302 г. состоялся миръ, для заключенія котораго новогородское посольство ѣздило въ Данію къ королю Эриху VI. Для обороны Водской области Новогородцы построили близъ Финскаго залива каменную крѣпость Копорье, въ которой еще прежде пытались утвердиться Датчане. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что съ другой стороны, на Невѣ, Новогородцы ограничивались пока уничтоженіемъ шведскихъ укрѣпленій вмѣсто того, чтобы самимъ укрѣпиться въ устьѣ этой рѣки и тѣмъ обезпечить за собой весь водный путь.

Межъ тѣмъ какъ сами Новогородцы вели борьбу со Шведами и Датчанами, Псковитяне отстаивали предѣлы Новогородской земли отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ. Здѣсь кипѣла рѣдко пре-

кращавшаяся мелкая война, сопровождавшаяся небольшими вторженіями съ той и другой стороны, разореніемъ пограничныхъ селъ, уводомъ плѣнныхъ и т. п. Ливонскіе Нѣмцы, также какъ Шведы и Датчане, завистливо смотрѣли на прямыя торговыя сношенія Сѣверной Руси съ Ганзейскими городами и старались захватить посредничество въ этой торговлѣ. Въ концѣ XIII вѣка они вздумали вновь напасть на самый Псковъ. Почти одновременно съ попыткой Шведовъ отрѣзать у Новгорода устье Невы, Меченосцы внезапно подступили къ Пскову, захватили внѣшнее поселеніе или посадъ съ окрестными монастырями (Спасскимъ и Снятогорскимъ), и осадили самый городъ (въ мартѣ 1299 года). Но еще живъ былъ герой Довмонтъ. Не дожидаясь, пока соберется большая рать изъ волостей, или пока прибудутъ на помощь Новогородцы, онъ только съ своей княжей дружиной и бояринъ Иванъ Дорогомиловичъ съ небольшой псковской дружиной ударили на Нѣмцевъ съ такой отвагой и энергіей, что притиснули ихъ къ крутому берегу р. Великой у церкви Петра и Павла, и разбили на голову. Самъ командоръ былъ раненъ въ голову и едва спасся бѣгствомъ. То былъ послѣдній подвигъ престарѣлаго героя. Въ маѣ мѣсяцѣ тогоже года этотъ любимый народомъ князь скончался отъ какой-то болѣзни, свирѣпствовавшей тогда во Псковѣ. Онъ былъ погребенъ въ Троицкомъ соборѣ, также какъ и основатель этого собора Всеволодъ-Гавріилъ; тамъ и доселѣ сохраняется его мечъ. Другимъ памятникомъ его служитъ прочная каменная стѣна, огораживающая дѣтинецъ или внутренній городъ и носящая названіе «Довмонтовой стѣны». Очевидно, онъ много заботился о самомъ городѣ и его укрѣпленіяхъ, и вообще оставилъ по себѣ весьма добрую память ([62]).

XXII.

ДАНІИЛЪ, МИНДОВГЪ И РУСЬ ЮГОЗАПАДНАЯ.

Возвращеніе Даніила. Построеніе Холма. Борьба съ Ростиславомъ. Ярославская битва. Даніилъ въ Ордѣ. Австрійское наслѣдство. Вопросъ объ уніи съ Римскою церковью и королевская корона. Попытка свергнуть иго. Бурундаево нашествіе. Походы на Ятвяговъ. Значеніе Даніила. Литва и Черная Русь. Объединительная дѣятельность Миндовга. Его крещеніе и ловкая политика. Возвращеніе къ язычеству и гибель Миндовга. Смуты въ Литовско-Русскомъ княженіи. Войшелгъ. Галицко-Волынская Русь послѣ Даніила. Отношенія ея къ Татарамъ и Полякамъ. Участіе въ татарскихъ походахъ. Владиміръ Васильковичъ. Выборъ его наслѣдника. Происки Льва Даниловича. Болѣзнь и кончина Владиміра. Отношенія Польскія.

Во время Татарскаго нашествія на Югозападную Русь, Даніилъ Романовичъ съ приближенными боярами удалился въ Венгрію, а оттуда въ Польшу, гдѣ вмѣстѣ съ семействомъ нашелъ убѣжище у своихъ родственниковъ и друзей, Конрада, князя Мазовецкаго, и сына его Болеслава. Послѣдній предоставилъ Даніилу собственный замокъ Вышгородъ, лежавшій въ безопасной, уединенной мѣстности надъ Вислою. Здѣсь Галицкій князь оставался до того времени, когда пришло извѣстіе, что Татары вышли изъ Русской земли и направились въ Венгрію. Тогда Даніилъ и братъ его Василько воротились въ свои земли, гдѣ ожидало ихъ печальное зрѣлище раззоренія и другія перемѣны. Своевольные бояре, пользуясь отсутствіемъ князей, снова забрали силу, и засѣли въ нѣкоторыхъ городахъ, уцѣлѣвшихъ отъ Татаръ. Такъ, воевода, державшій пограничный съ Ляхами Дрогичинъ Надбужскій, не впустилъ князей въ городъ; имѣя при себѣ малую дружину, Романовичи принуждены были пока оставить мятежника въ покоѣ и подниматься далѣе по Западному Бугу. Другой значительный городъ на этой рѣкѣ, Берестье, до того

былъ заваленъ трупами жителей, избитыхъ Татарами, что отъ страшнаго смрада нельзя было въ него войдти. Тоже самое оказалось и въ стольномъ Владимірѣ Волынскомъ. Трупами особенно были наполнены каменные храмы, такъ какъ въ нихъ обыкновенно собирались женщины, дѣти и старики, въ то время какъ способные носить оружіе гибли въ послѣдней битвѣ на городскихъ валахъ. Первою заботою воротившихся князей было очищать города отъ мертвыхъ и созывать остатки живыхъ, уцѣлѣвшіе по окрестнымъ лѣсамъ и пещерамъ, возобновлять храмы и городскія стѣны. На Волыни, благодаря преданности населенія своему княжему дому, довольно скоро водворялся общественный порядокъ и жизнь принимала свое обычное теченіе. Но въ землѣ собственно Галицкой предстояла новая борьба съ боярскою крамолою. Бояре галицкіе, хотя продолжали величать Даніила своимъ княземъ и дѣйствовали отъ его имени, но успѣли самовольно подѣлить между собою земское управленіе, присвоить многіе княжескіе имущества и доходы и окружить себя вооруженною силою. Даніилъ не поѣхалъ въ стольный Галичъ, стѣны и укрѣпленія котораго были разрушены Татарами, а сталъ жить въ своемъ любимомъ, хорошо укрѣпленномъ Холмѣ и отсюда постепенно возобновлять порядокъ въ Галицкой землѣ.

Еще до появленія Татаръ, когда Даніилъ княжилъ во Владимірѣ Волынскомъ, однажды онъ забавлялся ловами на лѣвой сторонѣ Западнаго Буга и на берегу одного изъ его притоковъ увидалъ красивое возвышеніе, покрытое рощами и окруженное тучными зелеными лугами. Онъ спросилъ у жителей названіе этого возвышенія, и узналъ, что оно называется просто «холмъ». Князю весьма понравилось мѣсто, и онъ заложилъ на немъ городокъ, который быстро началъ рости и украшаться. Кромѣ русскихъ жителей князь поселилъ въ немъ многихъ выходцевъ нѣмецкихъ и польскихъ. Съ особымъ тщаніемъ онъ украсилъ главный храмъ, посвященный Ивану Златоусту. По свидѣтельству лѣтописи (Волынской), не вполнѣ для насъ ясному, его главныя арки были утверждены на четырехъ человѣческихъ головахъ, искусно изваянныхъ художникомъ. Три алтарныхъ окна были украшены стеклами римскими (вѣроятно расписанными), а своды покрыты лазурью и золотыми звѣздами (на подобіе

небеснаго свода); два алтарные столба высѣчены изъ цѣльнаго камня; помостъ церкви слитъ изъ мѣди и олова, бока и арки сѣверныхъ и южныхъ дверей выложены бѣлымъ галицкимъ и зеленымъ холмскимъ камнемъ съ узорчатою рѣзьбою какого-то «хитреца» (художника) Авдія; снаружи храмъ испещренъ «прилѣпами» (т. е. рѣзными изображеніями), раскрашенными и отчасти позолоченными; между прочимъ надъ южными дверями изваянъ образъ Спасителя, а надъ сѣверными—Златоуста.

Нѣкоторыя иконы, украшенныя дорогими камнями и бисеромъ, были принесены княземъ изъ Кіева и Овруча, каковы: Спаса, Богородицы, Михаила и Срѣтенія. Первыя двѣ изъ нихъ сестрою князя Ѳеодорою (супругой Михаила Черниговскаго) взяты изъ Кіевскаго Ѳеодорова монастыря; а Срѣтеніе была отцовская икона изъ Овруча. Колокола одни слиты на мѣстѣ, а другіе также привезены изъ Кіева.

Посреди города Даніилъ возвелъ на каменномъ основаніи бѣлую деревянную вежу, съ вершины которой открывался далекій видъ во всѣ стороны. Эта вежа служила сторожевою башнею и вмѣстѣ украшеніемъ для города. Подлѣ нея ископанъ чрезвычайной глубины студенецъ или колодезь, долженствовавшій снабжать водою жителей во время осады. Кромѣ того въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Даніилъ воздвигъ каменный «столбъ» или четырехгранную башню, на верху которой стоялъ высѣченный изъ камня двуглавый орелъ, изображавшій знамя или гербъ его державы. Кромѣ этой башни до нашего времени сохранились остатки другой подобной, стоявшей также внѣ города. Надобно полагать, что онѣ защищали подступы къ городу и входили въ систему внѣгородскихъ валовъ и укрѣпленій. Твердыни Холма были таковы, что во время Батыева нашествія онъ оказался въ числѣ немногихъ городовъ, которые Татары тщетно осаждали и не могли взять. Эта безопасность привлекла къ нему еще болѣе поселенцевъ. Съ особою охотою Даніилъ принималъ сюда разныхъ ремесленниковъ, бѣжавшихъ передъ Татарами, какъ-то сѣдельниковъ, лучниковъ, кузнецовъ и пр. Съ помощью ихъ онъ еще болѣе распространилъ и украсилъ Холмъ, который сдѣлался столицею Червонной Руси на все остальное время Даніилова княженія.

Во главѣ галицкихъ бояръ находились тогда два человѣка, которые въ качествѣ княжихъ намѣстниковъ начали самовольно распоряжаться цѣлыми областями, именно: Доброславъ Судьичъ, «поповъ внукъ» (м. б. одинъ изъ сыновей или внуковъ Владиміра Ярославича отъ попадьи), взялъ себѣ Понизье съ городомъ Бакотой на Днѣстрѣ; а дворскій Григорій Васильевичъ забралъ въ свои руки горный край Перемышльскій. Ихъ самовластіе, а также грабительства ихъ сторонниковъ и слугъ скоро вызвали неудовольствіе и волненіе въ народѣ.

Даніилъ послалъ къ Доброславу своего стольника Якова Марковича съ упреками.

«Я вашъ князь—велѣлъ онъ сказать,—а вы моихъ повелѣній не исполняете и губите землю. Тебѣ, Доброславе, я не велѣлъ принимать черниговскихъ бояръ, а приказалъ раздавать волости галицкимъ, коломыйскую же соль отчислить на меня» (т. е. доходы съ соляныхъ промысловъ Коломыйскаго округа).

«Пусть будетъ такъ»—отвѣчалъ Доброславъ.

Но во время ихъ бесѣды вошли два галицкіе мужа, происходившіе «отъ племени смердьяго», Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ. Они поклонились хозяину до земли. Яковъ удивился и спросилъ, что за причина такого низкопоклонства.

«Я отдалъ имъ Коломыю»—сказалъ Доброславъ.

«Какъ же ты могъ отдать ее безъ княжаго повелѣнія? Вѣдь, коломыйскіе доходы великіе князья раздаютъ своимъ оружникамъ. А эти люди и Вотнина (села) не достойны держать.

«Что мнѣ отвѣчать на это»?—усмѣхнувшись отозвался галицкій намѣстникъ.

Весьма опечалился Даніилъ, когда Яковъ донесъ ему о всемъ видѣнномъ и слышанномъ; но выжидалъ удобнаго случая вновь сломить боярскую гордыню. Вожди крамольниковъ вскорѣ помогли ему собственными несогласіями. Доброславъ, желая погубить Григорія и одному всѣмъ распоряжаться, донесъ князю, что Григорій измѣнникъ. Князь позвалъ ихъ обоихъ къ себѣ. Они явились; но и тутъ не оставляли своей надменности. Такъ, Доброславъ прибылъ на конѣ въ одной

сорочкѣ, т. е. безъ верхняго платья; онъ ѣхалъ, высоко поднявъ голову, окруженный толпою Галичанъ, шедшихъ у его стремени. Оба боярина приносили жалобу другъ на друга, и говорили льстивыя рѣчи князю. Посовѣтовавшись съ братомъ Василькомъ, Данило воспользовался случаемъ: онъ приказалъ схватить обоихъ и посадить подъ стражу. Затѣмъ послалъ въ Бакоту своего печатника Кирилла съ отрядомъ войска, чтобы занять этотъ городъ, «исписать» грабительства бояръ и успокоить населеніе.

Но крамолы галицкихъ бояръ не прекращались. Они были опасны своими измѣнами въ особенности потому, что входили въ союзы или съ иными русскими князьями, или прямо съ внѣшними врагами Руси, болѣе же всего съ сосѣдними Уграми. Они вновь выставили противъ Даніила его племянника по сестрѣ и прежняго соперника по Галицкому столу Ростислава Михайловича Черниговскаго. Къ послѣднему пристали и мятежные князья Болоховскіе, которые не хотѣли подчиняться Даніилу. Ростиславъ подступилъ къ Бакотѣ; но печатникъ Кириллъ отразилъ его. Черниговскій князь попытался переманить печатника на свою сторону; а послѣдній сталъ усовѣщевать Ростислава и укорять его въ неблагодарности къ своимъ дядямъ, Даніилу и Васильку, которые еще недавно пріютили его съ отцомъ послѣ взятія Чернигова Татарами, когда черниговскіе князья тщетно искали убѣжища въ Угріи и Польшѣ. Напрасны были увѣщанія. Ростиславъ ушелъ собирать новыя силы, а Даніилъ обрушился на князей Болоховскихъ. Онъ и братъ его Василько во время Татарскаго нашествія оказали этимъ князьямъ защиту отъ Болеслава Мазовецкаго, который схватилъ ихъ и хотѣлъ ограбить, когда они искали убѣжища въ Мазовіи. По усильнымъ ихъ мольбамъ, Романовичи тогда горячо вступились за князей, и дѣло едва не дошло до войны. Василько самъ поѣхалъ къ Болеславу, просьбами и дарами склонилъ его отпустить князей съ миромъ. Послѣдніе теперь заплатили Даніилу черною неблагодарностію за его благодѣяніе. Онъ въ свою очередь побралъ и разорилъ ихъ города. Между тѣмъ Галичъ снова передался на сторону Ростислава; старый измѣнникъ бояринъ Володиславъ помогъ ему въ этомъ случаѣ, съ условіемъ, чтобы получить должность тысяцкаго въ стольномъ городѣ.

Самъ епископъ галицкій Артемій былъ въ согласіи съ боярами противъ Даніила. Перемышль также передался Ростиславу; ибо и Перемышльскій владыка былъ на его сторонѣ. Здѣсь засѣлъ пріятель Ростислава бѣглый рязанскій князь Константинъ. Но когда Данило и Василько приблизились съ войскомъ, Ростиславъ и епископъ Артемій бѣжали изъ Галича, укрѣпленія котораго, разоренныя Татарами, не были возстановлены. На Перемышль Данило послалъ своего дворскаго Андрея. И здѣсь Константинъ не сталъ ждать непріятелей; ночью онъ ускакалъ, такъ что посланная за нимъ погоня не могла его нагнать. Владыко Перемышльскій также бѣжалъ. Погоня захватила только его гордыхъ слугъ, которыхъ и разграбила, при чемъ разодраны были ихъ бобровые тулы (колчаны), барсуковыя и волчьи прилбицы (чахлы на шлемахъ). Схватили также и словутнаго пѣвца Митусю, который по гордости не захотѣлъ прежде служить князю Даніилу. Очевидно епископы галицкіе имѣли собственную конную дружину, и не были чужды олигархическихъ стремленій боярства; вѣроятно, какъ примѣръ угорскихъ и польскихъ магнатовъ не оставался безъ вліянія на привычки и притязанія галицкихъ бояръ, такъ примѣръ угорскихъ и польскихъ прелатовъ отразился на нѣкоторыхъ галицкихъ епископахъ.

Въ это самое время Татары возвращались изъ Угріи и на обратномъ пути въ степи вновь опустошили нѣкоторыя галицкія и волынскія мѣста; что прекратило на время борьбу Даніила и Василька съ Ростиславомъ (1243 г.). Послѣдній опять удалился къ угорскому королю Белѣ IV.

Послѣ татарскаго погрома король нѣсколько измѣнилъ свою политику. Прежде онъ надменно отказывалъ Ростиславу въ рукѣ своей дочери, теперь же старался обезопасить себя съ востока отъ новаго нашествія Татаръ союзомъ съ русскими и польскими князьями. Одну свою дочь, Кунигунду, онъ выдалъ за князя судомірскаго Болеслава Стыдливаго, а другую, Анну, за Ростислава Михайловича; при чемъ рѣшилъ помочь послѣднему въ его борьбѣ съ Даніиломъ Романовичемъ за Галицкое княженіе. Къ этому союзу присоединился и Болеславъ Стыдливый, ибо онъ враждовалъ съ своимъ дядею Конрадомъ Мазовецкимъ за старшій Краковскій столъ; а Да-

ніилъ и Василько помогали своему союзнику Конраду, и не разъ приходили воевать владѣнія Болеслава.

Рѣшительное столкновеніе двухъ сторонъ произошло въ 1245 году подъ городомъ Ярославлемъ, на берегахъ рѣки Сана. Столкновеніе это любопытно для насъ по своимъ подробностямъ, на которыя не поскупился волынскій лѣтописецъ.

Имѣя вокругъ себя галицкихъ дружинниковъ и получивъ сильные полки отъ короля Белы и Болеслава Стыдливаго, Ростиславъ подступилъ къ Ярославлю; но городъ былъ крѣпокъ, хорошо снабженъ самострѣлами и камнеметными орудіями или «пороками»; въ немъ начальствовали бояре, вѣрные Даніилу и Васильку. Убѣдясь въ необходимости начать правильную осаду, Ростиславъ отошелъ къ недалеко лежавшему Перемышлю, который опять передался на его сторону. Здѣсь онъ собралъ себѣ на помощь окрестныхъ жителей, запасся снарядами, нужными для осады, и, воротясь къ Ярославлю, занялся построеніемъ стѣнобитныхъ машинъ. Такъ какъ осажденные безпокоили его своими пороками, то онъ отодвинулъ лагерь далѣе отъ крѣпости, и окружилъ его валами и тыномъ. Не видя передъ собою противниковъ и вообразивъ, что Романовичи уклоняются отъ встрѣчи въ открытомъ полѣ, Ростиславъ началъ говорить разныя похвальбы, въ родѣ того, что знай онъ, гдѣ найдти Данила и Василька, то поѣхалъ бы на нихъ, хотя бы съ однимъ десяткомъ воиновъ. Между прочими затѣями, сокращавшими скучное время осады, князь устроилъ въ виду города военныя игры или турниръ, на которомъ состязались въ искусствѣ владѣть оружіемъ собравшіеся подъ его знаменами русскіе, польскіе и угорскіе витязи. Самъ Ростиславъ сразился на коняхъ съ молодымъ польскимъ воеводою Воржемъ, но неудачно: конь подъ нимъ упалъ, и князь вывихнулъ себѣ плечо. Случай этотъ сочтенъ недобрымъ знаменіемъ, и произвелъ дурное впечатлѣніе на войско. Но, благодаря ему, мы узнаемъ изъ русской лѣтописи, что военно-рыцарскія забавы того времени не были чужды русскимъ князьямъ и дружинникамъ, по крайней мѣрѣ югозападнымъ.

Между тѣмъ Данило и Василько не теряли времени: изготовляя собственное войско, они послали просить подмоги у

Конрада Мазовецкаго и Миндовга Литовскаго, на ту пору также ихъ союзника. Тотъ и другой исполнили просьбу; но помощь ихъ пришла уже по окончаніи дѣла. Романовичи двинулись на освобожденіе Ярославля отъ осады, отрядивъ напередъ дворскаго Андрея, чтобы извѣстить гражданъ о близкой помощи. Когда войско приблизилось къ Сану, оно остановилось въ полѣ и стало готовиться къ битвѣ; всадники сошли съ коней и надѣли брони; пѣхота также вооружилась (тяжелыя части вооруженія въ походѣ обыкновенно слѣдовали за войскомъ на возахъ). Въ это время надъ полками слетѣлась огромная стая орловъ и вороновъ, на подобіе большаго облака. Они начали играть, и подняли веселый крикъ; клекчущіе орлы красиво плавали въ воздухѣ, распластавъ свои крылья. Хищныя птицы конечно чуяли близкое пиршество; а начальники, ободряя воиновъ, толковали это явленіе добрымъ знаменіемъ. У Даніила былъ отрядъ Половцевъ; подъѣхавъ къ глубокому броду рѣки, они увидали на другомъ берегу стада, принадлежавшія непріятелямъ и никѣмъ не охраняемыя; но безъ княжаго повелѣнія не смѣли перейдти рѣку и захватить добычу, такъ что непріятели успѣли замѣтить опасность и угнали скотъ.

Данило и Василько переправили рать, и тихо, но бодро пошли на Ростислава. Послѣдній съ своей стороны также приготовился къ битвѣ и двинулся на встрѣчу, оставивъ часть пѣхоты у городскихъ воротъ, чтобы воспрепятствовать вылазкѣ осажденныхъ и оборонить отъ нихъ осадныя орудія. Пересѣченная, лѣсистая мѣстность раздѣлила обѣ рати на части. Болеславовы Ляхи встрѣтились съ Василькомъ; а самъ Ростиславъ съ галицкими боярами и Уграми прошелъ какую-то глубокую дебрь и очутился противъ Даніила. Начальникъ передовой Даніиловой дружины храбрый дворскій Андрей стремительно ударилъ на Ростислава; поднялся копійный трескъ, и многіе всадники съ обѣихъ сторонъ попадали на землю. Двадцать отборныхъ мужей посланы на помощь Андрею; но его малочисленному отряду приходилось уже плохо, когда подоспѣлъ Даніилъ съ главными силами, и напалъ на большой полкъ Ростислава. Этимъ полкомъ, состоявшимъ изъ Угровъ, начальствовалъ извѣстный ихъ воевода Фильній; онъ стоялъ подъ хоругвію и ободрялъ

своихъ словами: «Русь храбра только въ началѣ боя; стернимъ первый ихъ натискъ, и они не долго будутъ выдерживать сѣчу». Дѣйствительно Угры выдержали первый ударъ. Одинъ изъ главныхъ русскихъ воеводъ, Шелвъ, былъ сбитъ съ коня; юный Левъ Даниловичъ, порученный охранѣ одного изъ Васильковыхъ бояръ, изломалъ свое оружіе о доспѣхи Фильнія; самъ Данило едва не захваченъ въ плѣнъ. Но онъ пробился назадъ и потомъ съ новой энергіей ударилъ на Фильнія, разстроилъ его полкъ и разорвалъ пополамъ его хоругвь. Угры побѣжали; вмѣстѣ съ ними побѣжалъ и Ростиславъ. Съ вывихнутымъ плечомъ онъ не могъ подавать надлежащій примѣръ въ битвѣ, потерялъ въ ней своего коня, и спасеніемъ обязанъ одному угорскому боярину Лаврентію, который уступилъ ему своего собственнаго.

Данило преслѣдовалъ непріятелей черезъ туже глубокую дебрь. Но онъ безпокоился о братѣ своемъ Василькѣ, ибо видѣлъ только, какъ Ляхи храбро наступали на него, громко возглашая обычный керлешь (т. е. Киріе элейсонъ, или Господи помилуй), и затѣмъ упустилъ его изъ виду. Но вдругъ, выходя изъ дебри, онъ усмотрѣлъ побѣдно развѣвавшуюся хоругвь своего брата и дружину его, гнавшую Ляховъ. Послѣдніе, вступая въ битву, по обычаю времени, осыпали противниковъ насмѣшками, и кричали другъ другу: «погонимъ, погонимъ на великія бороды». Ихъ насмѣшки еще болѣе возбудили мужество Русскихъ. «Вашъ глаголъ есть ложь! Богъ намъ помощникъ!»—воскликнулъ Василько, пришпорилъ коня, и съ такою силою ударилъ на враговъ, что они держались недолго, и побѣжали. Даніилъ сталъ подъ городомъ на могильномъ курганѣ, и здѣсь дожидался брата. Онъ хотѣлъ продолжать преслѣдованіе враговъ; но Василько отсовѣтовалъ, потому что наступала ночь. Въ числѣ плѣнныхъ находился и самъ надменный Фильній, котораго захватилъ дворскій Андрей; а воевода Жирославъ схватилъ извѣстнаго галицкаго измѣнника, боярина Владислава. Оба они, Фильній и Владиславъ, были тотчасъ умерщвлены по приказу Даніила; многіе плѣнные Угры также были избиты. До такой степени дошло ожесточеніе, которое вызвали измѣнники бояре и ихъ угорскіе союзники, губившіе Русскую землю, и столь великодушный князь какъ Данило далъ полную волю своей мести.

Битва происходила наканунѣ праздника Фрола и Лавра, слѣдовательно 17 августа. Не входя въ городъ, Даніилъ, Василько и Левъ остановились въ полѣ въ знакъ своей побѣды. Всю ночь воины съ шумомъ и кликомъ забирали плѣнныхъ и добычу какъ на полѣ сраженія, такъ и въ укрѣпленномъ непріятельскомъ станѣ.

Ярославская битва окончательно утвердила Червонную Русь за Даніиломъ Романовичемъ: присмирѣло и само крамольное боярство. Это было послѣднее покушеніе на Галичъ со стороны Ростислава Михайловича, послѣднее столкновеніе Ольговичей съ Мономаховичами. Ростиславъ и его отецъ, Михаилъ Всеволодовичъ, по своему характеру и по своей дѣятельности заключаютъ собою рядъ наиболѣе крупныхъ представителей энергичнаго и предпріимчиваго рода Черниговскихъ Ольговичей. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ того престарѣлый отецъ стяжалъ себѣ славу христіанскаго мученика въ ордѣ Батыевой. А сынъ провелъ остатокъ своей жизни вдали отъ родины, но впрочемъ посреди родственнаго славянскаго народа. Тесть его король угорскій Бела далъ ему въ удѣлъ зависимое отъ Угріи княженіе Мачву; то была часть Сербской земли на правой сторонѣ Савы и Дуная, съ лежащимъ при ихъ сліяніи стольнымъ Бѣлградомъ. ([63]).

Однако Даніилу не пришлось воспользоваться славою своей побѣды, чтобы спокойно владѣть Галиціей. Неопредѣленныя отношенія Галицко-Волынской Руси къ татарскимъ завоевателямъ послѣ ихъ возвращенія изъ Угріи долѣе не могли продолжаться. Тщетно Даніилъ медлилъ послѣдовать примѣру сѣверо-восточныхъ князей и не ѣхалъ самъ въ Орду выпрашивать у хана ярлыкъ на свои волости. Въ томъ же 1245 году пришло отъ Батыя грозное слово: «Дай Галичъ». Сильно опечалило князя это требованіе. Сопротивленіе тѣмъ болѣе представлялось невозможнымъ, что укрѣпленія галицкихъ городовъ большею частію не были возстановлены. Подумавъ вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ, Даніилъ рѣшился на время покориться и ѣхать къ Батыю. Усердно помолясь Богу, онъ отправился въ путь. Доѣхавъ до Кіева, онъ былъ принятъ тамъ намѣстникомъ Ярослава Всеволодовича бояриномъ Димитріемъ Эйковичемъ. Въ Михайловскомъ Выдубецкомъ мо-

настырѣ онъ собралъ братію съ игуменомъ и попросилъ отслужить напутственный молебенъ. Тутъ же сѣлъ въ ладью и поплылъ къ Переяславлю. Тамъ уже встрѣтили его Татары и проводили къ темнику Куремсѣ. Пришлось подвергаться тѣмъ унизительнымъ церемоніямъ, съ которыми татарскіе воеводы принимали побѣжденныхъ владѣтелей. Когда князь прибылъ на Волгу въ Золотую Орду, къ нему явился одинъ изъ слугъ Ярослава Всеволодовича, и сказалъ: «братъ твой Ярославъ кланялся огню, и тебѣ кланяться». «Дьяволъ говоритъ твоими устами», отвѣчалъ князь. Позвали его къ Батыю, провели сквозь очистительные огни, ввели въ ханскій шатеръ и поставили на колѣна. Ханъ видимо былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго, сильнаго князя, и хотѣлъ привязать его знаками благоволенія.

«Данило!—велѣлъ онъ сказать ему—почему давно не приходилъ? Хорошо, что теперь пришелъ. Пьешь ли наше питье, кобылій кумысъ?»

«До сихъ поръ не пилъ; а нынѣ, если велишь, выпью».

«Ты ужъ теперь нашъ, Татаринъ. Пей наше питье».

Даніилу подали кумысъ. Воздавъ установленное поклоненіе Батыю, онъ отправился на поклонъ къ главной женѣ его. Та оказала ему почетъ: прислала чюмъ (мѣхъ) съ виномъ и велѣла сказать: «Вы не привыкли пить нашъ кумысъ, пей вино».

25 дней Батый продержалъ Даніила въ Ордѣ; за тѣмъ милостиво отпустилъ, утвердивъ за нимъ отцовскія владѣнія, конечно съ обязательствомъ платить дань и выставлять вспомогательное войско. Тяжела показалась гордому русскому князю ханская милость, послѣ того какъ пришлось унижаться передъ варваромъ, становиться передъ нимъ на колѣна и называться его холопомъ. Съ той поры сверженіе ига сдѣлалось его завѣтною мечтою.

Однако подчиненіе Даніила Батыю повидимому сдѣлало галицкаго князя еще могущественнѣе въ глазахъ его сосѣдей; ибо онъ могъ отнынѣ имѣть противъ нихъ татарскую помощь. По крайней мѣрѣ Бела Угорскій, находившійся во враждѣ съ Даніиломъ изъ-за Ростислава Михайловича, теперь самъ у него сталъ заискивать, и самъ предложилъ для его сына Льва руку своей дочери, въ которой прежде отка-

зывалъ. Данило сначала не хотѣлъ мириться съ Белою, бывъ нѣсколько разъ имъ обманутъ. Тотъ прибѣгъ къ посредству русскаго митрополита Кирилла II, которому случилось тогда для своего поставленія ѣхать въ Грецію кружнымъ путемъ чрезъ Угрію; такъ какъ прямой путь Днѣпромъ въ Черное море былъ не безопасенъ отъ Татаръ. Митрополитъ дѣйствительно примирилъ Даніила съ Белою. Послѣдній выдалъ дочь свою Констанцію за Льва; а первый возвратилъ угорскихъ бояръ и воиновъ, плѣненныхъ въ битвѣ подъ Ярославлемъ. Съ этого времени тѣсный ихъ союзъ продолжался почти до самой смерти Даніила. Мало того, такой союзъ повелъ за собою дѣятельное участіе галицкаго князя въ событіяхъ Средней Европы и едва не вовлекъ Галицію въ систему государствъ западно-славянскихъ.

Поводомъ къ этому участію послужилъ вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, т. е. вопросъ о томъ, кому должны были достаться герцогства Австрія и Штирія, когда тамъ прекратилась мужская линія дома Бабенбергеровъ (1245).

Въ числѣ соискателей сего наслѣдства былъ угорскій король Бела IV. Но императоръ германскій (Фридрихъ II) занялъ Вѣну своимъ намѣстникомъ и вообще принялъ въ свое распоряженіе герцогство Австрійское, какъ ленъ имперіи. Бела прислалъ къ Даніилу просить помощи противъ императора, и тотъ дѣйствительно привелъ свое войско. Свиданіе произошло въ городѣ Пожогѣ, гдѣ находились тогда король и послы императорскіе. Вмѣстѣ съ этими послами Бела вышелъ на встрѣчу Даніилу. Нѣмцы съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли на русскіе полки, которые шли бодро, блистая своими доспѣхами и оружіемъ; кони ихъ были покрыты затѣйливой ременной сбруей. Самъ Данило ѣхалъ подлѣ короля, на великолѣпномъ конѣ, одѣтый по обычаю русскихъ князей: на немъ былъ кожухъ изъ дорогой греческой ткани (оловира), обшитый по краямъ и на груди золотою тесьмою; сѣдло, колчанъ со стрѣлами и сабля были искусной работы, изукрашеные чистымъ золотомъ; сапоги изъ зеленаго сафьяна, также съ золотымъ шитьемъ. Король такъ былъ доволенъ, что сказалъ Даніилу: «и отъ тысячи серебра отказался бы за то только, что ты пришелъ ко мнѣ *по русскому обычаю*». Повидимому дѣло не дошло до

битвы, и Данило на этотъ разъ мирно воротился домой. Вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ оставался нерѣшеннымъ до смерти императора Фридриха II Гогенштауфена. Его рѣшили сами земскіе чины Австріи, которые всѣмъ соискателямъ предпочли маркграфа Моравіи Пшемысла Оттокара, сына короля чешскаго Венцеля (въ 1251 г.). Чтобы укрѣпить за собою это избраніе наслѣдственнымъ правомъ, молодой Оттокаръ женился на сестрѣ покойнаго герцога Маргаритѣ, пожилой вдовѣ, и принялъ во владѣніе Австро-Штирійское герцогство. Но между тѣмъ угорскій король объявилъ прямою наслѣдницею племянницу покойнаго герцога Гертруду, и устроилъ такъ, что она отказалась отъ своихъ правъ въ его пользу. Отсюда возникла борьба между Белою и Оттокаромъ, въ которой Даніилъ Галицкій продолжалъ помогать своему свату и союзнику, королю Угорскому.

Чтобы рѣшительнѣе противупоставить Чешскому королю Галицкаго князя, Бела предложилъ Даніилу женить его втораго сына Романа на Гертрудѣ, уже двукратно овдовѣвшей, и вмѣстѣ съ нею получить право на Австрійское герцогство. Даніилъ, и безъ того наклонный къ западнымъ связямъ, позволилъ увлечь себя этимъ, казалось, выгоднымъ для него предложеніемъ. Слѣдствіемъ такого брака былъ походъ Даніила на Чеховъ вмѣстѣ съ другимъ союзникомъ Белы и зятемъ его Болеславомъ Стыдливымъ Краковскимъ въ 1253 году. Союзники вступили въ Моравію и дошли до Опавы (Троппау); но подъ этимъ городомъ потерпѣли неудачу, и ушли назадъ, успѣвъ только варварски разорить страну на своемъ пути. Волынскій лѣтописецъ слагаетъ вину отступленія отъ Опавы то на Ляховъ, показавшихъ слишкомъ мало мужества, то на глазную болѣзнь Даніила, которою тотъ все время страдалъ, такъ что плохо видѣлъ. Онъ простодушно восхваляетъ своего князя за то, что тотъ ради славы и своего союзника воевалъ землю Чешскую; чего не дѣлалъ никто изъ его предковъ, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святой. (Книжникъ забылъ походы Владиміра Мономаха и Олега Святославича съ Болеславомъ Смѣлымъ на Чеховъ въ 1076 г.). Конечно, ни самъ русскій князь, ни его лѣтописецъ не сознавали всей несправедливости этой братоубійственной помощи練 Уграмъ противъ Чеховъ. Но извѣстно, что большин-

ство славянскихъ государей въ то время не отличалось дальновидною политикой, и ихъ союзы съ иноземцами противъ своихъ же соплеменниковъ были частымъ явленіемъ. Съ своей стороны Бела, желавшій пріобрѣсти Австрію для себя лично, весьма мало заботился объ исполненіи своихъ обѣщаній Даніилу, и, когда Романъ Даниловичъ былъ осажденъ Оттокаромъ въ городѣ Нейбургѣ (близъ Вѣны), угорскій король оставилъ его безъ всякой помощи, такъ что Романъ принужденъ былъ тайкомъ выбраться изъ города и уѣхать въ Галицію ([64]).

Родство и тѣсное сближеніе съ западными сосѣдями, т. е. угорскими и польскими государями, частое ихъ посѣщеніе съ самаго дѣтства, большую часть котораго Даніилъ провелъ при ихъ дворахъ—все это не могло остаться безъ вліянія на его отношенія къ католической пропагандѣ, никогда не покидавшей своей завѣтной цѣли: церковнаго подчиненія Руси папскому престолу. Между тѣмъ, со времени понесеннаго униженія въ Ордѣ и наложенія тяжкихъ даней, симпатіи Даніила къ Западу естественно должны были усилиться. Только отсюда сталъ онъ ожидать помощи своему намѣренію свергнуть постыдное иго. Особенно съ той поры, когда попытка его зятя Андрея Всеволодовича Суздальскаго была подавлена, и восточная Русь еще глубже впала въ Татарское рабство, Даніилъ сдѣлался еще болѣе доступенъ мысли о церковномъ подчиненіи папѣ, который по отношеніямъ и понятіямъ того времени только одинъ могъ подвигнуть европейскихъ государей и рыцарство на новые крестовые походы противъ восточныхъ варваровъ. Первая попытка папы Иннокентія IV завязать съ галицко-волынскими князьями переговоры о соединеніи церквей была сдѣлана тѣмъ самымъ монахомъ Плано Карпини, который былъ посланъ папою къ Монгольскому хану. Мы видѣли, что Василько Романовичъ пока уклонился отъ этихъ переговоровъ, ссылаясь на отсутствіе своего брата Даніила. Послѣдній по возвращеніи своемъ изъ Орды не замедлилъ отозваться на папскую грамоту, и отправилъ посломъ въ Римъ одного изъ русскихъ игуменовъ для переговоровъ о борьбѣ съ Татарами и единеніи церквей. Обрадованный тѣмъ, Иннокентій IV отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ лестныхъ для русскаго князя посланій, въ которыхъ имено-

валъ его королемъ, обѣщалъ ему, его брату и сыну покровительство апостола Петра; а вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшилъ принять мѣры, чтобы ускорить подчиненіе себѣ Галицко-Волынской церкви. Такъ онъ назначилъ двухъ миссіонеровъ, доминиканскаго монаха Алексія съ товарищемъ, для постояннаго пребыванія при дворѣ Даніила; архіепископу Пруссіи и Эстоніи поручилъ быть своимъ легатомъ въ Россіи; а Даніила просилъ пользоваться его совѣтами. Чтобы облегчить возсоединеніе Русской церкви съ Римскою, онъ далъ разрѣшеніе русскимъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на заквашенныхъ просфорахъ; кромѣ того по просьбѣ Даніила запретилъ нѣмецкимъ крестоносцамъ и латинскимъ духовнымъ лицамъ пріобрѣтать имѣнія въ областяхъ Русскаго князя безъ его дозволенія, и призналъ законнымъ новое супружество его брата Василька Волынскаго съ своею родственницею (какою-то княжною Дубровскою). Такимъ образомъ, когда въ 1247 году Плано Карпини, возвращаясь изъ великой Орды, вновь проѣзжалъ чрезъ владѣнія Даніила, сношенія послѣдняго съ папой уже имѣли весьма дѣятельный, дружескій характеръ. Даніилъ и Василько усердно угощали папскаго посла, и продержали его у себя восемь дней; если вѣрить его запискамъ, они въ это время созвали родъ собора изъ своихъ епископовъ, игумновъ и бояръ, который разсуждалъ о предложеніяхъ папскихъ и будто бы единодушно заявилъ Карпини о желаніи имѣть папу своимъ владыкой и отцемъ; послѣ чего князья отправили къ папѣ новое посольство.

Возможно, что надежда или лучше сильное желаніе получить помощь противъ Татаръ заставили и часть самаго русскаго духовенства склониться на убѣжденія Даніила и благодушно относиться къ мысли объ уніи съ Римскою церковію. Галицко-волынское духовенство, по давнему и близкому сосѣдству съ католическими землями, могло менѣе чѣмъ какое другое въ Россіи оказать сопротивленія въ этомъ дѣлѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что была и здѣсь партія людей строго православныхъ и нехотѣвшихъ подчиниться Риму. Даніилъ очевидно хитрилъ, тянулъ переговоры и не спѣшилъ открытымъ присоединеніемъ къ Римской церкви, выжидая, чѣмъ разрѣшится вопросъ о помощи противъ Татаръ. Скоро обнаружилось, что всѣ благодѣянія Рима сводятся къ королевскому титулу,

который папа предлагалъ Даніилу. Послѣдній пока отказался отъ этой чести, говоря: «Татарская рать не перестаетъ угнетать насъ: что же я приму вѣнецъ, не имѣя отъ тебя нужной помощи?» Но помощь не являлась. Даніилъ началъ холодно относиться къ папскимъ посланіямъ и ласкательствамъ, оставлялъ ихъ безъ отвѣта и даже выгналъ изъ своихъ владѣній присланнаго вторично латинскаго епископа. Но своякъ его угорскій король Бела, вовлекши Даніила въ вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, постарался помирить его съ папою. Тогда сношенія съ Римомъ возобновились.

Въ 1253 году, когда Даніилъ возвращался изъ Чешскаго похода съ Болеславомъ Стыдливымъ, онъ дорогою остановился у послѣдняго въ Краковѣ; здѣсь явились къ нему послы Иннокентія IV съ папскимъ благословеніемъ, съ королевскою короною и съ обѣщаніемъ подмоги противъ Татаръ. «Непристойно намъ видѣться съ вами въ чужой землѣ», отвѣчалъ имъ Даніилъ. Побуждаемые папскими послами, князья польскіе Болеславъ Стыдливый и Семовитъ Мазовецкій (сынъ умершаго въ 1247 г. Конрада), также и бояре ихъ поддержали папскія настоянія на томъ, чтобы Даніилъ торжественно короновался вѣнцемъ королевскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, ввелъ бы у себя унію. Даже мать Даніила присоединилась къ этимъ просьбамъ. Галицкій князь и самъ не былъ равнодушенъ къ королевскому вѣнцу; но онъ очевидно не хотѣлъ ради одного титула пожертвовать независимостью Русской церкви. Наконецъ онъ далъ свое согласіе, но повидимому съ условіемъ, чтобы папа предоставилъ вопросъ объ уніи обсужденію особаго духовнаго собора; слѣдовательно опять выгадывалъ время, отлагая установленіе уніи до полученія помощи противъ Татаръ. Въ Галицію прибылъ папскій легатъ Онизъ, и совершилъ обрядъ королевскаго вѣнчанія надъ Даніиломъ въ городѣ Дрогичинѣ (въ концѣ 1253 г. или въ началѣ 1254 г.), гдѣ находился тогда послѣдній, отправляясь въ походъ на Ятвяговъ.

Между тѣмъ Иннокентій IV дѣйствительно въ томъ же 1253 году велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Татаръ жителямъ Богеміи, Моравіи, Сербіи (Лужицкой) и Помераніи, а въ слѣдующемъ году поручилъ къ тому же

возбуждать рыцарей Прусскаго и Ливонскаго орденовъ. Но эти воззванія оставались безплодны и обнаружили только упадокъ папскаго авторитета. Притомъ невозможно было и ожидать, чтобы жители отдаленныхъ областей стали усердствовать въ борьбѣ съ Татарами; тогда какъ они имѣли ближайшихъ враговъ. Рыцари орденовъ Тевтонскаго и Ливонскаго имѣли довольно дѣла съ туземными язычниками и особенно съ усилившимися литовскими князьями. Болѣе сильные и болѣе естественные союзники Руси противъ Татаръ были бы Угры, Поляки и отчасти Чехи; но польскіе князья кромѣ частыхъ войнъ съ Ятвягами и Литовцами были заняты своими взаимными спорами и междоусобіями. А короли Угорскій и Чешскій тратили свои силы въ борьбѣ за Австрійское наслѣдство. Иннокентій IV хотя не одобрялъ этой борьбы, въ которой держалъ сторону Оттокара, но не имѣлъ настолько вліянія, чтобы воздержать Белу. Послѣдній же, какъ мы видѣли, вовлекъ въ нее часть Поляковъ и самого Даніила Романовича. Галицкій князь, увлекшійся честолюбивыми видами на водвореніе своего дома въ Австріи и надѣявшійся имѣть въ угорскомъ королѣ сильнаго союзника противъ Татаръ, увидалъ наконецъ, что всѣ эти расчеты оказались ошибочны и что самъ онъ на западѣ тратилъ для чуждаго дѣла свои средства, необходимыя противъ его собственныхъ враговъ на востокѣ. Къ тому же Иннокентій IV, посвящавшій большое вниманіе отношеніямъ къ Татарамъ, умеръ въ концѣ 1254 года; а преемникъ его Александръ IV мало заботился объ этихъ отношеніяхъ, будучи поглощенъ своею борьбою съ Манфредомъ Гогенштауфеномъ, сыномъ императора Фридриха II и наслѣдникомъ его Итальянскихъ владѣній.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Даніилъ Романовичъ конечно и не думалъ исполнять папскія настоянія относительно уніи Западнорусской церкви съ Латинской, и совсѣмъ прервалъ свои сношенія съ Римской куріей; впрочемъ королевскій титулъ удержалъ за собою. Тщетно Александръ IV посылалъ ему укорительныя грамоты и отечески увѣщевалъ возвратиться подъ сѣнь Апостольскаго престола. Очевидно вся эта затѣя объ уніи со стороны Даніила была только дѣломъ ловкой политики, и едва ли онъ относился къ ней серьёзно ([63]).

Подобные примѣры неудавшейся уніи были и прежде. Такъ въ началѣ того же XIII вѣка болгарскій царь Калоянъ обязался передъ папою Иннокентіемъ III ввести унію, имѣя нужду въ союзѣ съ Римомъ, и получилъ отъ папы также королевскую корону; но впослѣдствіи уклонился отъ уніи. Потомъ современникъ Даніила византійскій императоръ Михаилъ Палеологъ, возстановитель Греческой имперіи, тоже затѣвалъ унію изъ политическихъ видовъ, какъ дѣлали позднѣйшіе его преемники во время опасности, грозившей отъ Турокъ. Но латинство не любило помогать православію въ борьбѣ съ варварами. Иногда оно являлось даже союзникомъ магометанъ противъ православныхъ народовъ. (Чему примѣръ мы видѣли и въ наши дни).

Между тѣмъ Югозападная Русь успѣла нѣсколько отдохнуть отъ Батыева погрома. Даніилъ и Василько дѣятельно укрѣпляли города и привлекали поселенцевъ изъ сосѣднихъ земель. Благодаря плодородной почвѣ и довольно развитой промышленности, стали заживать раны Галицко-Волынской Руси. Она снова почувствовала свою силу. Данило, украшенный теперь королевскимъ титуломъ, хотя и обманутый надеждою на крестовые походы противъ Татаръ, сталъ однако дѣйствовать рѣшительнѣй. Съ одной стороны его ободряли слабость и неспособность ближайшаго татарскаго темника Куремсы; съ другой извѣстіе о смерти Батыя и преувеличенный слухъ о нѣкоторыхъ замѣшательствахъ въ самой Ордѣ также побуждали къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, когда Татары стали распространяться по Понизью и баскакъ татарскій вздумалъ завладѣть главнымъ его городомъ Бакотою, Даніилъ послалъ съ войскомъ своего сына Льва, который отнялъ у нихъ Бакоту и взялъ въ плѣнъ баскака. Куремса подступилъ было къ Кременцу, но не могъ его взять. Тогда же одинъ изъ сѣверскихъ князей, Изяславъ Владиміровичъ (внукъ героя Слова о Полку Игоревѣ), съ соизволенія Куремсы завладѣлъ было Галичемъ. Даніилъ послалъ на него сына Романа. Такъ какъ стольный городъ оставался неукрѣпленнымъ послѣ Батыева разоренія; то Изяславъ подобно угорскому королевичу (Коломану) заперся было съ своей дружиной на верху соборнаго храма Богороди-

цы; но на четвертый день принужденъ былъ сдаться отъ жажды.

Начавъ такимъ образомъ открытую борьбу съ Татарами, Даніилъ поспѣшилъ усилить себя союзомъ съ недавнимъ своимъ врагомъ, именно съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, который также ради политическихъ видовъ призналъ себя сыномъ католической церкви и получилъ отъ папы королевскій вѣнецъ, а потомъ разорвалъ съ нимъ свои сношенія. Общая опасность отъ Татаръ сблизила Даніила съ Миндовгомъ, и союзъ свой они скрѣпили бракомъ младшаго сына Даніилова Шварна на дочери Миндовга; а другой сынъ Даніила, упомянутый выше Романъ, получилъ отъ Миндовга въ удѣлъ Новгородокъ Литовскій съ нѣкоторыми другими городами.

Ободренный первымъ успѣхомъ обороны противъ Татаръ, Галицкій король въ 1257 году вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ и сыновьями своими самъ началъ противъ нихъ наступательное движеніе, и отнялъ у нихъ волынскіе города, лежавшіе на верховьяхъ южнаго Буга и Случи, которыми Татары владѣли непосредственно; взялъ землю Болоховскую и распространилъ свои завоеванія на Кіевскую землю по рѣкѣ Тетереву. Между прочимъ онъ сжегъ городъ Возвяглъ на Случѣ (нынѣ Новгородъ Волынскій); а жителей его раздѣлилъ между братомъ и сыновьями за то, что они сначала поддались было Даніилу и приняли тивуна отъ его сына Шварна, но не дали ему тивунить и заперли свои ворота передъ Галицкимъ королемъ. Любопытно, что въ эту смутную эпоху нашлись города, предпочитавшіе непосредственную зависимость отъ Татаръ господству Русскаго князя. Вѣроятно, Татары, кочевавшіе не подалеку отъ тѣхъ мѣстъ, обложивъ эти украйные города извѣстною данью и пощадивъ отъ новыхъ разореній за ихъ покорность, на первое время не вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла, т. е. предоставляли имъ самоуправленіе; а жители или боялись навлечь новые татарскіе погромы, подчинившись возмутившемуся противъ Татаръ государю, или легкомысленно считали возможнымъ процвѣтаніе подъ непосредственною татарскою зависимостію, при отсутствіи княжескихъ тіуновъ и другихъ нелюбимыхъ чиновниковъ древней Руси.

У Возвягла къ отцу, дядѣ и братьямъ своимъ пришелъ Романъ Даниловичъ изъ Новгородка вмѣстѣ съ литовскою помощію отъ Миндовга. Но она явилась поздно: уже городъ былъ сожженъ и жители выведены. Хищные Литовцы, по замѣчанію волынскаго лѣтописца, «какъ псы» начали рыскать по обгорѣлому городищу, и, не находя никакой добычи, вопили: «Янда! Янда!», призывая своихъ боговъ, Андая и Дивериксa. Чтобы вознаградить себя, они на обратномъ пути принялись грабить окрестности Луцка; но тутъ напали на грабителей нѣкоторые воеводы Даніила и большую часть ихъ истребили; при чемъ палъ и воевода ихъ Хвалъ.

Когда Данило и Василько воротились домой и распустили на отдыхъ свою рать, робкій Куремса рѣшился наказать ихъ за возстаніе и внезапно явился подъ Владиміромъ Волынскимъ. Однако онъ былъ отбитъ гражданами, и затѣмъ пошелъ на Луцкъ. Здѣсь Татары поставили порокъ или камнеметное орудіе; но поднялся такой противный вѣтеръ, что камни падали почти на самихъ осаждающихъ; наконецъ и самое орудіе сломалось. Куремса безъ всякаго успѣха ушелъ въ степь, не дожидаясь Даніила и Василька, которые собирали противъ него свои силы (1259). Онъ не съумѣлъ воспользоваться тѣмъ смятеніемъ и переполохомъ, которые произошли по случаю пожара въ Холмѣ. Во время появленія Татаръ у Владиміра Волынскаго, мѣстопребываніе Даніила, городъ Холмъ загорѣлся отъ неосторожности одной простой женщины; пожаръ испепелилъ весь городъ. Пламя было такъ сильно, что ночью его видѣли изъ дальнихъ мѣстъ. Жители ихъ подумали, что Холмъ уже взятъ и зажженъ Татарами; повсюду распространился ужасъ; народъ во множествѣ спасался въ лѣса и дебри, такъ что Даніилъ и Василько долго не могли собрать достаточно войска, чтобы идти на Куремсу. Сгорѣвшій Холмъ и храмы его были вновь отстроены Даніиломъ; при чемъ онъ создалъ и украсилъ новый храмъ во имя Богородицы. Только высокой, бѣлой вежи онъ не успѣлъ возобновить, потому что много было ему тогда хлопотъ съ постройкою и укрѣпленіемъ разныхъ городовъ, на случай новаго татарскаго нашествія. И нашествіе это не замедлило.

Съ утвержденіемъ Кубилая въ великой Ордѣ улеглись смуты на востокѣ, и тогда ханъ Беркай могъ свободно заняться

татарскими дѣлами на западѣ. Онъ отозвалъ Куремсу, а на его мѣсто прислалъ съ новыми полчищами стараго Бурундая, извѣстнаго военачальника Батыева. Опытный Бурундай прежде всего постарался перессорить Галицкаго короля съ Миндовгомъ, союзъ которыхъ и безъ того не былъ проченъ. Сначала онъ обратился на послѣдняго, а къ Даніилу послалъ приказаніе идти вмѣстѣ съ нимъ на Литву. Смутился король Галицкій, и началъ совѣтоваться съ своимъ братомъ и неизмѣннымъ другомъ Василько. Такъ какъ ѣхать къ Татарамъ самому Даніилу значило бы отдать себя въ ихъ руки, то порѣшили, чтобы вмѣсто него поѣхалъ братъ съ галицкой дружиной. Даніилъ проводилъ Василька до Берестья; въ ближнемъ городкѣ Мельникѣ была икона Спаса Избавника; король усердно молился ей, и далъ обѣтъ богато украсить икону, если братъ благополучно воротится. Василько началъ усердно воевать Литву, чѣмъ и заслужилъ одобреніе Бурундая; хотя послѣдній былъ недоволенъ тѣмъ, что Даніилъ не явился лично. Татаринъ достигъ своей цѣли: Литва была разгромлена, и между бывшими союзниками возникла отсюда жестокая вражда. Въ слѣдующемъ году онъ явился снова.

Король Галицкій съ сыновьями Львомъ и Шварномъ и съ боярами своими пировалъ во Владимірѣ Волынскомъ у брата Василька на свадьбѣ его дочери съ однимъ удѣльнымъ княземъ, когда пришли гонцы отъ Бурундая съ словами: «встрѣтьте меня, если вы мирны со мною; а кто не встрѣтитъ, тотъ со мною ратенъ». Опять сильно смутились Галицко-Волынскіе князья, хорошо понимавшіе, къ чему вела эта встрѣча. Собственными силами сопротивляться было бы безполезно; помощи ждать было не откуда. А наиболѣе сильный союзникъ Даніила, король угорскій Бела IV, на ту пору, еслибы и пожелалъ, то едва ли могъ оказать серьезную помощь своему свату. Не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ онъ для рѣшенія въ свою пользу все того же вопроса объ Австрійскомъ наслѣдствѣ собралъ большое войско, призвалъ на помощь нѣкоторыхъ польскихъ князей, нанялъ половецкіе и даже татарскіе отряды. Но, что всего замѣчательнѣе, Даніилъ Романовичъ снова позволилъ увлечь себя въ это предпріятіе и снова неразумно тратилъ свои средства на чуждое дѣло. Есть извѣстіе, что онъ съ своей дружиной

тоже находился въ составѣ угорскаго войска, когда произошла знаменитая битва съ чешскимъ королемъ Оттокаромъ на берегахъ Моравы (въ іюлѣ 1260 г.), битва, окончившаяся пораженіемъ Угровъ и ихъ союзниковъ. Разгромъ былъ такъ великъ, что въ письмѣ своемъ къ папѣ Оттокаръ утверждаетъ, будто онъ могъ тогда завладѣть всѣмъ Угорскимъ королевствомъ, но предпочелъ заключить миръ, оставивъ это королевство какъ необходимый оплотъ Европы противъ Татаръ. Такимъ образомъ не только Угорскій король еще не успѣлъ собраться съ силами послѣ разгрома, но и главнѣйшіе польскіе князья тоже были ослаблены этою битвою; ибо они принимали въ ней участіе, одни на сторонѣ Оттокара, другіе на сторонѣ Белы. Слѣдовательно вмѣсто пріобрѣтенія помощи противъ Татаръ, Даніилъ только потерялъ часть своей рати на берегахъ Моравы. Такимъ образомъ это братоубійственное сраженіе принесло непосредственную пользу варварамъ; а старый Бурундай конечно имѣлъ нужныя ему свѣдѣнія о событіяхъ и положеніи христіанскихъ народовъ Средней Европы.

Подумавъ между собою, братья Романовичи рѣшили, чтобы Даніилъ снова уклонился отъ поѣздки къ Татарскому воеводѣ, а вмѣсто себя послалъ съ братомъ старшаго сына Льва и епископа Холмскаго Ивана. Они встрѣтили Татарина у города Шумска съ богатыми дарами. На этотъ разъ Бурундай принялъ ихъ весьма гнѣвно за то, что Даніилъ опять не пріѣхалъ лично. «Если вы мирны со мной, сказалъ онъ, то размечите всѣ свои города» (т. е. городскія стѣны). Татаринъ хорошо понималъ значеніе и силу этихъ укрѣпленій противъ степныхъ наѣздниковъ. Дѣлать было нечего; Василько и Левъ, находясь въ рукахъ Татаръ, рѣшили исполнить требованіе, хотя бы и не вполнѣ. Левъ послалъ разорить стѣны нѣкоторыхъ галицкихъ городовъ, въ томъ числѣ Даниловъ и свой стольный городъ Львовъ; а Василько велѣлъ разрушить волынскія мѣста Кременецъ и Луцкъ; вѣроятно эти города, отбившіе нападеніе Куремсы, обратили на себя особое вниманіе Татаръ.

Владыка Иванъ, отправленный Василькомъ къ Даніилу, повѣдалъ ему о гнѣвѣ на него Бурундая. Галицкій король устрашился, и поспѣшилъ уѣхать въ Польшу, а оттуда въ

Угрію. Отъ Шумска Бурундай двинулся къ стольному Владиміру и потребовалъ разоренія его укрѣпленій. Василько исполнилъ это требованіе; но такъ какъ разрушеніе стѣнъ такого большаго города потребовало бы много трудовъ и времени, то онъ велѣлъ ихъ зажечь. Всю ночь горѣли стѣны. Бурундай, остановившійся по близости въ селеніи Житани, поутру пріѣхалъ въ городъ, и, довольный видомъ пепелища, принялъ угощеніе отъ Василька на его княжемъ дворѣ. Однако онъ не ограничился сожженіемъ стѣнъ, а велѣлъ еще раскопать и самые валы. Изъ Владиміра онъ пошелъ къ Холму. Но этотъ отлично укрѣпленный городъ, снабженный пороками и самострѣлами, былъ охраняемъ вѣрными боярами, Константиномъ и Лукою Иванковичемъ съ храброю дружиною. Бурундай осмотрѣлъ его съ разныхъ сторонъ и убѣдился, что силою было бы трудно его взять.

«Василько,—сказалъ онъ—это городъ твоего брата, поѣзжай и скажи горожанамъ, чтобы передались».

Для присутствія при переговорахъ, съ княземъ посланы трое Татаръ и переводчикъ. Умный Василько нашелся. Онъ взялъ въ руку нѣсколько каменьевъ, и, подъѣхавъ къ стѣнамъ, началъ громко говорить.

«Константине холопе и ты другой холопе Лука Иванковичъ! Это городъ моего брата и мой. Передайтесь».

Сказавъ это, князь бросилъ на землю одинъ за другимъ три камня, давая тѣмъ разумѣть, что надобно обороняться метательными орудіями, а не сдаваться. Константинъ, стоя на заборалѣ, понялъ мысль князя, и закричалъ ему въ отвѣтъ:

«Уѣзжай прочь, а то пожалуй угодимъ тебѣ камнемъ въ голову; ты теперь уже не братъ своему брату, а его врагъ».

Татары передали Бурундаю слова Василька и отвѣтъ горожанъ. Старый воевода оставилъ Холмъ въ покоѣ. Отсюда онъ устремился съ своимъ полчищемъ и съ тѣми же волынско-галицкими князьями на Ляховъ. Очевидно онъ на этотъ разъ избѣгалъ открытой борьбы съ Русскими, а хотѣлъ разрушить ихъ союзъ съ польскими князьями, какъ въ прошломъ году разрушилъ союзъ съ литовскими. Бурундай прошелъ область Люблинскую, у Завихоста переправился за Вислу и обступилъ Судоміръ. Татары по обычаю окружили весь городъ своими

телѣгами, тыномъ, валами; поставили пороки и начали день и ночь громить стѣны камнями и метать стрѣлами, такъ что защитники не могли показаться на заборалахъ. Три дня продолжалась метательная подготовка (подобная артиллерійской подготовкѣ нашего времени); а на четвертый варвары приставили лѣстницы, ворвались въ городъ и пошли двумя толпами въ разныя стороны, каждая имѣя впереди себя Татарина, несущаго знамя. Послѣдовала обычная картина безпощаднаго избіенія жителей; начался пожаръ; дворы, крытые соломою, распространили его по всему городу; соборная церковь, построенная изъ бѣлаго тесанаго камня, имѣвшая верхъ деревянный, также сгорѣла со множествомъ народа, искавшаго въ ней спасенія. Остатокъ народа, укрывшійся въ дѣтинецъ, сдался на милость варваровъ, былъ выведенъ ими за городъ, и тамъ избитъ безъ всякой пощады. Между тѣмъ отряды, разосланные въ разныя стороны, опустошили Судомірскую область. По словамъ польскихъ лѣтописцевъ, въ это нашествіе былъ разоренъ Татарами и самый Краковъ. Послѣ того Бурундай вернулся назадъ. Цѣль его хотя временно была достигнута; русская помощь, косвенно участвовавшая въ этомъ разореніи, конечно возбудила вражду къ галицко-волынскимъ князьямъ со стороны ихъ прежняго союзника Болеслава Стыдливаго.

Послѣ Бурундаева нашествія король Данило воротился въ свою землю. Разоренныя укрѣпленія городовъ ясно убѣдили его въ своемъ безсиліи свергнуть ненавистное иго. Пришлось снова признать себя данникомъ. Но онъ однако не унизился до новой поѣздки въ Орду; самъ Бурундай очевидно дѣйствовалъ съ осторожностью и политической ловкостью по отношенію къ сильному Галицкому королю и не желалъ доводить его до крайности, такъ что объ отнятіи у Даніила владѣній нѣтъ и помину. Въ этомъ случаѣ Даніилу благопріятствовали тѣже обстоятельства, которыя помогли Александру Невскому отвратить новое татарское разореніе отъ Суздальской Руси, т. е. война, возникшая между Беркаемъ и Гулагу. Эта война вѣроятно и побудила Бурундая послѣ разоренія Судоміра поспѣшить въ Орду.

Межъ тѣмъ обнаружились плоды помощи, оказанной Татарамъ противъ Миндовга. Первою жертвою его мести сдѣ-

лался сынъ Даніила Романъ (бывшій претендентъ на Австрійское герцогство); у него отняли Новгородокъ, а потомъ и самого его убили. Литовскіе отряды начали воевать земли Волынскую и Пинскую и забирать вездѣ большой полонъ. Василько съ юнымъ своимъ сыномъ Владиміромъ нагналъ главный изъ этихъ отрядовъ у города Невеля. Литва, прижатая къ озеру, «по обычаю своему» построилась въ три ряда «за щитами», и встрѣтила нападеніе Русскихъ; но была разбита и частію изрублена, частію потонула въ озерѣ.

Король Данило, не имѣя долго вѣстей отъ брата, ушедшаго въ дальній походъ на Литву, скорбѣлъ о немъ. Вдругъ одинъ изъ его слугъ прибѣгаетъ съ словами: «Господине! какіе-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, а въ рукахъ ведутъ поводныхъ коней». Король вскочилъ и радостно воскликнулъ: «Слава Тебѣ, Господи! Это Василько побѣдилъ Литву». Дѣйствительно, то былъ Васильковъ бояринъ Борисъ, который привезъ королю отъ брата «сайгатъ» (часть военной добычи), состоявшій въ коняхъ, сѣдлахъ, щитахъ, сулицахъ и шеломахъ литовскихъ. Въ печальныхъ обстоятельствахъ того времени побѣда надъ этими врагами Руси не мало оживила духъ южно-русскихъ князей и народа. Между прочимъ князья Пинскіе, подручники Владиміро-Волынскаго, угрожаемые литовскимъ завоеваніемъ, этою побѣдою избавились отъ опасности, и первые привѣтствовали Василька, встрѣтивъ его на обратномъ пути изъ похода съ питіемъ и брашномъ, которыми угощали побѣдителей. Вскорѣ потомъ братья Романовичи съѣхались на сеймъ съ Болеславомъ Стыдливымъ въ пограничномъ городѣ Тарновѣ и возобновили прежнія союзныя отношенія. Имъ удалось возстановить миръ и съ Миндовгомъ ([66]).

Вслѣдъ за тѣмъ погибъ этотъ основатель Литовскаго могущества; но прежде нежели перейдемъ къ нему, скажемъ о предпріятіяхъ Даніила противъ Ятвяговъ.

Одно изъ литовскихъ племенъ, дикіе, хищные Ятвяги своими набѣгами и грабежами на сосѣднія области Руси и Польши, а особенно захватомъ въ плѣнъ многихъ жителей, побудили наконецъ галицко-волынскихъ и польскихъ князей общими силами предпринять рѣшительную и настойчивую

борьбу съ симъ племенемъ, окончившуюся его порабощеніемъ и отчасти истребленіемъ. Въ этомъ отношеніи Данило и Василько докончили дѣло, начатое ихъ предками и особенно ихъ отцемъ Романомъ. Братья Романовичи совершили цѣлый рядъ походовъ въ землю Ятвяговъ. Волынскій лѣтописецъ, повидимому участникъ походовъ, сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какимъ образомъ велась эта борьба. Походы совершались обыкновенно въ зимнее время, когда лѣса и болота ятвяжскія были болѣе доступны.

Зимой 1246 года, еще до возвращенія Даніила изъ Золотой Орды, союзникъ его Конрадъ Мазовецкій прислалъ къ Васильку съ словами: «пойдемъ на Ятвяговъ». Волынскій князь соединился съ Конрадомъ. Союзники дошли только до р. Нура, и воротились по причинѣ великихъ снѣговъ и непогоды. (Въ это-то именно время и встрѣтился съ Василькомъ у Конрада Мазовецкаго папскій посолъ Плано Карпини, когда отправлялся къ Татарамъ). Давно задуманный походъ общими силами состоялся на слѣдующую зиму, уже послѣ смерти Конрада, княжество котораго наслѣдовалъ сынъ его Семовитъ. Данило и Василько послали звать на Ятвяговъ Семовита, попросили помощи и отъ Болеслава Стыдливаго Краковскаго. Сборнымъ мѣстомъ обыкновенно служилъ Даніиловъ городъ Дрогичинъ на Западномъ Бугѣ. Семовитъ пришелъ самъ, а Болеславъ прислалъ своихъ воеводъ Суда и Сигнѣва. Соединенная рать прошла пограничныя болота и вступила въ землю Ятвяжскую. Вопреки уговору и къ великому неудовольствію Романовичей, Мазуры не вытерпѣли, и зажгли первую же ятвяжскую деревню; пожаръ тотчасъ далъ знать всѣмъ окрестнымъ жителямъ о непріятельскомъ нашествіи. Со всѣхъ сторонъ начали стекаться разные ятвяжскіе роды подъ начальствомъ своихъ князьковъ и старшинъ. Ближайшіе изъ нихъ, Злинцы, прислали къ Даніилу съ словами: «оставь намъ Ляховъ, а самъ уходи съ миромъ изъ нашей земли». Они вѣроятно узнали о его неудовольствіи; но конечно получили отказъ. На ночь Русь расположилась въ станѣ неукрѣпленномъ, а войско Семовита, чуя опасность, огородилось острогомъ, т. е. наскоро поставленнымъ тыномъ, наваленными деревьями, обозными телѣгами и т. п. Дѣйствительно, въ эту ночь Ятвяги ударили на польскій станъ, и

начали метать въ него сулицами, головнями горящихъ костровъ, уподоблявшимися во мракѣ молніямъ, и камнями, частыми какъ дождь. Ляхи храбро защищались; но Ятвяги все напирали, стараясь вломиться въ острогъ и схватиться въ рукопашный бой. Семовитъ прислалъ къ Даніилу съ мольбой дать ему на помощь стрѣлковъ. Даніилъ все еще сердился за нарушеніе уговора и потому медлилъ помощію. Однако послалъ нѣсколько стрѣлковъ, которые своими мѣткими стрѣлами отогнали непріятелей отъ польскаго стана. Очевидно, плохо вооруженные Ятвяги не отличались какъ стрѣлки изъ лука; да и сами Поляки имѣли въ нихъ недостатокъ.

На утро союзные князья зажгли свои станы и двинулись далѣе. Впереди шелъ Даніилъ съ Ляхами Болеслава Стыдливаго; за нимъ слѣдовалъ Василько съ Семовитомъ; а бояринъ Лазарь велъ задній полкъ, въ которомъ находился и отрядъ Половцевъ. Между тѣмъ Ятвяги, конные и пѣшіе, собрались въ большомъ числѣ, и потѣснили задній полкъ; тотъ поспѣшилъ соединиться съ середнею ратью. Однако и этой рати пришлось плохо отъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ непріятелей, не смотря на храбрую оборону. Между прочимъ извѣстный своимъ мужествомъ дворскій Андрей, не смотря на удручавшую его болѣзнь, съ копьемъ въ рукѣ понесся на Ятвяговъ, но отъ слабости уронилъ копье, и едва не погибъ. Василько послалъ просить на помощь брата, который успѣлъ далеко уйти впередъ. Даніилъ повернулъ назадъ, разбилъ враговъ и гналъ ихъ до лѣса. Подъ защитою послѣдняго Ятвяги снова вступили въ бой. Одинъ изъ русскихъ оружниковъ, какой-то Ящелтъ, предостерегалъ князей, чтобы они не углублялись неосторожно въ лѣсъ. «Если вы жалѣете насъ, говорилъ онъ, пожалѣйте себя и свою честь, за которую отвѣчаютъ наши головы». Даніилъ послушался его совѣта.

Русь и Ляхи перешли за р. Наревъ и вступили въ самое сердце Ятвяжской земли, сожигая села непріятельскія и забирая въ плѣнъ жителей. Когда нужно было остановиться на отдыхъ, Даніилъ избѣгалъ такихъ мѣстъ, которыя были стѣснены лѣсами и дебрями; а выбиралъ мѣсто чистое и просторное, гдѣ бы Ятвяги не могли внезапно нападать изъ лѣсной чащи и опять въ ней скрываться. Необходимо было

соблюдать всѣ предосторожности, ибо силы Ятвяговъ все увеличивались прибытіемъ отдаленныхъ родовъ; даже сосѣдніе Пруссы подали имъ помощь. На обратномъ походѣ, гдѣ-то между рѣчками Олегомъ и Лыкомъ, рать заблудилась, и не знала куда направиться. Къ счастію попались три Прусса изъ области Варміи; двухъ воины убили, а третьяго взяли въ плѣнъ и привели къ Даніилу. «Выведи меня на прямой путь, сказалъ ему князь, и получишь пощаду». Плѣнникъ дѣйствительно послужилъ хорошимъ проводникомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Ятвяги, соединясь съ Пруссами, хотѣли опять напасть на русско-польскую рать, расположенную станомъ. Но она сама вышла изъ стана и приготовилась къ борьбѣ. Конница и пѣхота наступали, блистая своими щитами и шлемами и двигая цѣлый лѣсъ копій; по сторонамъ шли русскіе стрѣлки, держа въ рукахъ луки со стрѣлами, наложенными на тетиву. Даніилъ разъѣзжалъ на конѣ и рядилъ полки. Видъ этихъ полковъ смутилъ Пруссовъ, и они сказали Ятвягамъ: «Можете ли съ вашими сулицами дерзнуть на такую рать?» Дѣйствительно, враги не рѣшились вступить въ бой и ушли. У города Визны Даніилъ перешелъ обратно Наревъ, и со славою воротился въ свою землю, ведя ятвяжскихъ плѣнниковъ и христіанъ, освобожденныхъ изъ ятвяжскаго плѣна.

Слѣдующій походъ Даніила и Семовита Мазовецкаго былъ предпринятъ въ 1253 г. Когда Даніилъ находился въ сборномъ мѣстѣ, т. е. въ городѣ Дрогичинѣ, то здѣсь, какъ извѣстно, застали его папскіе послы съ королевскимъ вѣнцомъ. Василько на сей разъ не могъ участвовать въ походѣ по причинѣ какой-то язвы на ногѣ, но отпустилъ съ братомъ свою дружину. Во время этого похода отличился мужествомъ сынъ Даніила Левъ. Русская рать захватила селеніе князька Стѣкинта, и Даніилъ расположился въ его домѣ. Левъ съ своими «снузниками» (конниками) пошелъ отыскивать Стѣкинта, оставшагося въ лѣсу и огородившагося срубленными деревьями. Стѣкинтъ съ своими людьми вышелъ изъ лѣса и обратилъ въ бѣгство русскихъ всадниковъ; но Левъ сошелъ съ коня и одинъ вступилъ въ битву; тогда, пристыженные имъ, нѣкоторые всадники воротились на помощь молодому князю. Левъ воспользовался тѣмъ, что

сулица Стѣкинта завязла въ его щитѣ, и поразилъ его мечомъ; убилъ также и брата его и принесъ ихъ оружіе отцу въ доказательство своей побѣды. Побѣжденные Ятвяги прислали къ Даніилу другаго князька своего, по имени Комата, и заключили миръ, давъ обѣщаніе покориться, т. е. платить дань.

Но или они не исполнили своего обѣщанія, или далеко не всѣ ятвяжскіе князья изъявили покорность; только въ слѣдующемъ году король Даніилъ съ Семовитомъ снова предпринялъ на нихъ большой походъ, имѣя при себѣ брата Василька, всѣхъ троихъ своихъ сыновей и еще нѣкоторыхъ подручныхъ князей съ ихъ дружинами. Болеславъ Стыдливый опять прислалъ на помощь Краковянъ и Судомірцевъ. Князья и бояре ихъ на общемъ совѣтѣ просили Даніила, чтобы онъ какъ голова всѣмъ полкамъ, опытный, искусный въ ратномъ дѣлѣ, шелъ впереди, и тогда всякій будетъ стыдиться отъ него отставать. Король принялъ общее начальство и каждому полку назначилъ мѣсто. Самъ онъ съ небольшимъ отрядомъ тяжело вооруженныхъ отроковъ поѣхалъ впередъ, имѣя предъ собою и по бокамъ пути стрѣлковъ; сыновья Левъ и Романъ также пристали къ нему, чтобы не оставлять его одного. Нѣкто изъ ятвяжскихъ князьковъ или старшинъ, по имени Анкадъ, служилъ ему проводникомъ ради того, чтобы было пощажено его село. Дворскому своему съ главною галицко-русскою ратью Даніилъ велѣлъ слѣдовать за собою.

По причинѣ одного недоразумѣнія король едва не погибъ въ этомъ походѣ. При опустошеніи какой-то веси или селенія князь отъ схваченнаго плѣнника узналъ, что ятвяжскіе роды, Злинцы, Крисменцы и Покѣнцы, для отпора ему собрались въ веси, называемой Привищи. Даніилъ тотчасъ послалъ къ дворскому отрока съ приказомъ: «какъ увидишь, что мы ударили на непріятеля, такъ скорѣе гони къ намъ и распусти полкъ, пусть всякій спѣшитъ какъ можетъ». Отрокъ былъ еще молодъ; не понявъ или не разслушавъ хорошо приказа, онъ передалъ его въ противномъ смыслѣ, т. е. велѣлъ не распускать людей и удержать полкъ.

Дѣйствительно, Ятвяги напали на Русскихъ у воротъ Привищъ; но стрѣлками были отражены и вогнаны въ са-

мое село. Даніилъ и Левъ ударили на нихъ съ крикомъ: «бѣги, бѣги!» Ятвяги подались еще назадъ, но посреди веси остановились, и снова начали битву. Между тѣмъ русскіе оружники, т. е. тяжело вооруженная пѣхота, не являются; чтобы не дать времени опомниться, Даніилъ и Левъ съ одними конниками и стрѣлками опять стремительно ударили на Ятвяговъ. Тѣ, не выдержавъ, смѣшались и побѣжали изъ веси чрезъ другія ворота; нѣкоторые повернулись было опять назадъ, но столкнулись съ бѣгущими; произошла давка; попали на какой-то скользкій ледъ и падали другъ на друга. При этомъ одинъ изъ русскихъ воиновъ взялъ изъ-за пояса рогатицу и такъ ловко бросилъ ее въ князя Ятвяговъ, что тотъ мертвымъ упалъ съ коня. Когда дворскій подошелъ съ своимъ полкомъ, Даніилъ встрѣтилъ его гнѣвными словами; но оказалось, что виноватъ былъ гонецъ, исказившій приказаніе. Подошли Василько съ Семовитомъ, и войско расположилось на ночь въ Привищахъ. Забравъ большой полонъ и все имущество жителей, которое можно было захватить, село зажгли и пошли далѣе; пожгли жилища ятвяжскихъ родовъ Таисевичей, Бурялей, Раймочей, села князей Комата и Дора. Попадавшихся жителей брали въ плѣнъ; а кормъ, который воины и кони ихъ не могли потравить, обыкновенно сожигали. Лѣтописецъ говоритъ, что, прежде храбрые, Ятвяги теперь были объяты страхомъ, и старѣйшины ихъ начали приходить съ изъявленіемъ покорности. Первымъ явился нѣкто Юндилъ и сказалъ Даніилу: «Добрую дружину держишь, и велики полки твои». Потомъ приходили другіе, давали заложниковъ и просили мира, умоляя пощадить, не избивать плѣнниковъ.

Не легко было укротить это хищное дикое племя; вѣроятно, обѣщанія покорности и дани плохо исполнялись, когда проходила опасность. Но король Галицкій дѣйствовалъ настойчиво. Отдохнувъ немного, онъ сталъ собираться въ новый походъ; чтобы упрочить покорность Ятвяговъ, необходимо было поставить у нихъ укрѣпленныя мѣста съ русскими гарнизонами. Услыхавъ объ этихъ сборахъ, ятвяжскіе старѣйшины прислали въ заложники дѣтей своихъ и пословъ съ дарами, при чемъ обѣщали королю рубить для него города въ своей землѣ. Даніилъ отправилъ къ нимъ для сбора дани боярина Кон-

стантина, по прозванію Положишило, конечно съ военнымъ отрядомъ. Константинъ дѣйствительно собралъ дань черными куницами, бѣлками и серебромъ. Часть изъ этой дани король подарилъ Сигнѣву, боярину Болеслава Стыдливаго, начальнику вспомогательной польской дружины. По словамъ лѣтописца, король сдѣлалъ это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вся земля Ляшская узнала, что Ятвяги платятъ ему дань. Вѣроятно однако, что часть дани уступлена была Ляхамъ, дабы наградить союзниковъ за помощь и не возбуждать ихъ зависти; ибо тотъ же лѣтописецъ по поводу предыдущаго похода замѣтилъ, что Ляхи уже начинали питать неудовольствіе, такъ какъ Ятвяги покорялись исключительно одному Даніилу ([67]).

Въ 1264 году окончилась многотрудная жизнь галицкаго короля Даніила—жизнь, исполненная великихъ превратностей и постоянной бранной тревоги. Это былъ послѣ Мономаха самый блестящій представитель рыцарственнаго поколѣнія южно-русскихъ князей, со всѣми ихъ доблестями и недостатками. Неутомимый, закаленный въ терпѣніи вслѣдствіе бурной, тревожной юности, беззавѣтно храбрый, всегда готовый сѣсть на коня и смѣло идти на встрѣчу врагу или сопернику, онъ однако въ случаѣ необоримаго препятствія умѣлъ подчиниться ему или уйти отъ опасности; но по миновании ея снова являлся на своемъ мѣстѣ, съ полнымъ сознаніемъ своего высокаго достоинства, и съ новой энергіей, съ прежней настойчивостью принимался за достиженіе своихъ завѣтныхъ цѣлей. Сердечная доброта и благородство не мѣшали ему обнаруживать иногда строгость и даже быть суровымъ, гдѣ требовали того обстоятельства, или гдѣ это было общею чертою современныхъ нравовъ. Какъ политикъ Даніилъ представляетъ смѣшанныя черты хитрости и простодушія, проницательности и недальновидности. Обыкновенно политическую дѣятельность его сравниваютъ съ дѣятельностію его знаменитаго современника Александра Невскаго, который является представителемъ поколѣнія сѣверо-восточныхъ князей, и отдаютъ предпочтеніе политикѣ послѣдняго; основаніемъ для такого предпочтенія служатъ послѣдствія ихъ дѣятельности: съ одной стороны укрѣпленіе и

возрастаніе Руси Сѣверовосточной, съ другой разложеніе и паденіе Югозападной. Но обстоятельства и почва неотвратимо обусловливаютъ дѣятельность каждаго историческаго лица, и никакой геній не въ состояніи создать что нибудь прочное, если онъ идетъ противъ историческаго теченія. Такіе элементы политическаго разложенія какъ крамольные бояре, строптивые удѣльные князья, со всѣхъ четырехъ сторонъ враждебные сосѣди, неотдѣленные никакими естественными границами, а, главное, такое подвижное, привыкшее ко всякимъ политическимъ перемѣнамъ, населеніе,—представляли необоримую трудность создать прочный государственный порядокъ въ Югозападной Руси. Но Даніилъ съумѣлъ вполнѣ осуществить тотъ идеалъ великаго князя, который перешелъ къ нему въ наслѣдіе отъ его предковъ, древнихъ Кіевскихъ князей, и который такъ живо былъ начертанъ Владиміромъ Мономахомъ въ его извѣстномъ поученіи. Благодаря своей настойчивости и энергіи, Даніилъ постепенно укротилъ и бояръ, и удѣльныхъ князей, и въ послѣднее время жизни является дѣятельнымъ главою всей Югозападной Руси; младшіе князья слѣдуютъ за нимъ и повинуются ему. Близкія связи съ западными европейскими государями не могли еще въ то время повліять на измѣненіе древнерусскихъ политическихъ идеаловъ; ибо западъ тогда находился въ періодѣ полнаго развитія феодализма, а на Руси процвѣталъ порядокъ удѣльный, т. е. семейный раздѣлъ земли. Притомъ и въ такой родственной Славянской землѣ какъ Польша, этотъ удѣльный порядокъ также господствовалъ. Слѣдовательно Даніилу не могла придти въ голову и самая мысль объ его измѣненіи. И мы видимъ, что онъ, по старому обычаю, каждаго изъ своихъ сыновей старается надѣлить особымъ удѣломъ, хотя и держитъ ихъ въ полномъ своемъ послушаніи. Справедливость требуетъ поставить на видъ, что если Даніилъ распоряжался силами не одной Галицкой земли, но и Волынской, то этимъ единеніемъ онъ обязанъ былъ неизмѣнной преданности своего брата Василька, который всю свою жизнь при всякихъ обстоятельствахъ оставался послушнымъ и преданнымъ его подручникомъ. Древняя Русь почти не представляетъ другаго примѣра такого продолжительнаго и ничѣмъ ненарушимаго единенія.

Благодаря особенно ихъ постоянному согласію должны были смиряться передъ братьями Романовичами и служить ихъ подручниками довольно многочисленные удѣльные владѣтели Волыни и Полѣсья, каковы князья Луцкіе, Пинскіе, Бѣльзскіе, Свислочскіе и др.

Но это сплоченіе Югозападной Руси въ одно политическое тѣло только и могло держаться такою сильною волею и такою даровитостію, которыми обладалъ Даніилъ. Послѣ него разложеніе ея выступило снова на историческую сцену; однако блескъ, сообщенный ей эпохою Даніила, отражался на ней въ теченіе еще цѣлаго столѣтія. Онъ оставилъ ей въ наслѣдство не одну свою политическую и военную славу, но и значительно по тому времени развитую гражданственность. Извѣстно, что, не смотря на Татарское разореніе, ему удалось скоро залечить нанесенныя раны привлеченіемъ жителей изъ другихъ краевъ, построеніемъ и укрѣпленіемъ городовъ, покровительствомъ промышленности. Въ Галиціи и на Волыни искали убѣжища многіе жители, бѣжавшіе отъ Татаръ изъ Кіевской и Черниговской земли. Даніилъ привлекъ также многихъ переселенцевъ изъ Германіи и Польши. Къ сожалѣнію вмѣстѣ съ этими переселенцами онъ поселилъ въ своихъ городахъ многія жидовскія колоніи. Торговля и промышленность дѣйствительно ожили; но разноплеменный составъ населенія въ свою очередь явился однимъ изъ элементовъ политической слабости, когда приходилось отстаивать независимость Западной Руси отъ своихъ сосѣдей.

*

Между тѣмъ какъ съ одной стороны Пруссаки и Латыши все болѣе и болѣе порабощались оружіемъ двухъ нѣмецкихъ орденовъ, Тевтоновъ и Меченосцевъ, а съ другой Ятвяги падали подъ ударами польскихъ и волынскихъ дружинъ, два остальныя литовскія племени, Жмудь и собственно Литва, начали выходить изъ своего раздробленія на мелкія княженія и общины и собираться въ одинъ народъ, живущій государственною жизнію. Первые шаги къ политическому объединенію и развитію самостоятельнаго государственнаго быта совершились однако не въ глубинѣ литовскихъ лѣсовъ, а на русско-литовской украйнѣ, въ странѣ,

гдѣ были русскіе города и смѣшанное населеніе изъ Кривичей, Дреговичей и Литвы, въ области верхняго Нѣмана съ его лѣвымъ притокомъ Шарою. Эта область, извѣстная также подъ именемъ Черной Руси, составляла удѣлы отчасти полоцкихъ, отчасти пинскихъ и волынскихъ князей, каковы Новогродокъ (прозванный потомъ Литовскимъ), Слонимъ, Волковыйскъ и Городно. Усиленію Литвы на этой украйнѣ, какъ извѣстно, болѣе всего способствовала слабость Полоцко-Кривской земли. Князья полоцкіе, искавшіе союзниковъ во время борьбы за удѣлы и въ войнахъ съ другими русскими князьями, сами призывали литовскихъ вождей, роднились съ ними, и вступали въ тѣсныя связи; чѣмъ проложили пути къ послѣдующему возвышенію Литвы на счетъ Кривской Руси. То силою оружія, то родственными связями съ русскими князьями и принятіемъ православія сосѣдніе литовскіе вожди водворялись въ русскихъ областяхъ, и, подчиняясь русской гражданственности, начинали новое смѣшанное поколѣніе литовско-русскихъ князей. Но болѣе всего помогъ возвышенію Литвы на счетъ сосѣднихъ съ нею русскихъ областей постигшій послѣднихъ Татарскій погромъ. Тогда усилились литовскіе набѣги; не ограничиваясь добычею и плѣнными, многочисленные литовскіе вожди устремились въ разоренныя земли и начали захватывать ихъ въ свои руки. Остатки жителей вѣроятно тѣмъ менѣе оказывали сопротивленія, что имъ приходилось выбирать между Литовскимъ владычествомъ и болѣе варварскимъ Татарскимъ игомъ. Источники не объясняютъ намъ въ точности, какимъ образомъ совершился переходъ почти всей Полоцкой земли подъ Литовское владычество. Извѣстно только, что послѣ Батыева нашествія не одна помянутая Принѣманская или Черная Русь встрѣчается въ составѣ Литовскихъ владѣній; вскорѣ мы видимъ литовскихъ князей въ самомъ Полоцкѣ.

Въ это именно время на Литовско-русской украйнѣ является замѣчательный человѣкъ, положившій начало политическому объединенію Литвы и сосѣдней съ нею Руси подъ однимъ княжимъ домомъ. То былъ Миндовгъ, въ значительной степени обладавшій тѣми политическими качествами, которыми обыкновенно отличаются основатели государственной силы.

Легенды и генеалогическія измышленія позднѣйшихъ книжниковъ затемнили исторію о первоначальномъ возвышеніи Миндовга и его семьи надъ всѣми другими владѣльческими литовскими родами. Мы находимъ его уже во главѣ сильнаго литовско-русскаго княжества, обнимавшаго Литовскую область на р. Виліи съ стольнымъ городомъ Керновымъ и Черную Русь съ ея средоточіемъ Новогродкомъ. Онъ ловко пользуется силами своихъ русскихъ областей, чтобы расширить свое владычество въ собственной Литвѣ, т. е. приводить въ зависимость мелкихъ литовскихъ князьковъ; въ свою очередь силы литовскія употреблялись имъ на то, чтобы подчинять сосѣднія русскія волости, особенно Кривскую землю. Въ стольномъ Полоцкѣ является княземъ его племянникъ и подручникъ Товтивилъ. Смутное время, наступившее послѣ Батыева нашествія, конечно не мало способствовало его успѣхамъ; тѣмъ не менѣе требовалось много находчивости и умѣнья пользоваться обстоятельствами, чтобы создать новое государство посреди многочисленныхъ литовскихъ владѣтелей, безспорно нежелавшихъ потерять свою самостоятельность, и посреди сильныхъ враждебныхъ сосѣдей, каковы два Нѣмецкихъ ордена, князья Мазовецкіе и особенно Галицко-Волынскіе. Миндовгъ понималъ главную опасность, грозившую ему со стороны такого сосѣда какъ Даніилъ Романовичъ, и потому старался жить въ дружбѣ съ послѣднимъ и даже посылалъ ему иногда на помощь свое войско. Даніилъ и Василько, какъ только оправились послѣ Татарскаго погрома, дѣятельно обратили свое оружіе противъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ литовскихъ племенъ, которыя набѣгами своими безпокоили ихъ владѣнія. Одновременно съ побѣдоносною борьбою противъ Ятвяговъ, они, въ особенности Василько, неразъ наносили пораженіе разнымъ литовскимъ шайкамъ. Братья, какъ видно, зорко слѣдили за положеніемъ дѣлъ на своихъ сѣверныхъ предѣлахъ и до нѣкоторой степени понимали возникавшую съ этой стороны опасность для Волынской Руси. Даніилъ не преминулъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ вмѣшаться въ дѣла литовскія и полоцкія, чтобы отнять у Миндовга Принѣманскую или Черную Русь и вообще разрушить созданную имъ государственную силу.

Не только многіе княжескіе роды въ Литвѣ изъ личныхъ видовъ пытались мѣшать объединительнымъ стремленіямъ Миндовга, но и въ собственномъ своемъ родѣ онъ находилъ князей, нежелавшихъ безусловно подчиняться его волѣ; а потому съ свойственною ему жестокостію и неразборчивостію принялся истреблять ихъ всѣми возможными средствами. Однажды Миндовгъ послалъ воевать Смоленскую землю брата своего Выкинта и двухъ племянниковъ, Едивида и Товтивила. Послѣдній княжилъ въ Полоцкѣ, а первые двое повидимому были князьями на Жмуди. «Пусть кто что завоюетъ, тотъ и возьметъ себѣ», сказалъ Миндовгъ; а въ тоже время послалъ съ ними двоихъ воиновъ съ приказаніемъ при удобномъ случаѣ убить этихъ родственниковъ. Но родственники провѣдали объ умыслѣ и бѣжали во Владиміръ подъ защиту Даніила и Василька; Даніилъ былъ женатъ (во второмъ бракѣ) на сестрѣ Товтивила и Едивида. Онъ не только оказалъ имъ покровительство, но и поспѣшилъ воспользоваться ими, чтобы нанести рѣшительный ударъ могуществу Миндовга. Братья Романовичи попытались составить противъ него большой союзъ, въ который должны были войти не только почти всѣ его сосѣди, но и часть Литвы. Они въ изобиліи снабдили Выкинта серебромъ и отправили его поднимать на Миндовга Ятвяговъ и Жмудь. Многими подарками Выкинтъ дѣйствительно склонилъ на свою сторону старѣйшинъ ятвяжскихъ и до половины Жмуди. Въ тоже время Даніилово посольство отправилось въ Ригу склонять къ союзу съ Выкинтомъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, съ которыми Галицкій король находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Нѣмцы, имѣвшіе прежде войну съ Жмудскимъ княземъ, велѣли сказать Даніилу: «многихъ нашихъ братьевъ погубилъ Выкинтъ, но ради тебя заключаемъ съ нимъ союзъ». Они понимали, конечно, что Миндовгъ, успѣвшій уже показать свою силу въ войнѣ съ Орденомъ, гораздо опаснѣе Выкинта, и обѣщали свою помощь. Еще прежде Даніилъ и Василько послали звать своихъ союзниковъ, польскихъ князей, и велѣли имъ сказать: «время вооружиться христіанамъ на поганыхъ; благо они сами воюютъ между собою». Ляхи также обѣщали приступить къ союзу. Даніилъ и Василько начали военныя дѣйствія и побрали нѣкоторые города

Черной Руси. Товтивилъ явился въ Ригѣ и тамъ принялъ католическую вѣру, дабы войти въ тѣсный союзъ съ Нѣмцами. Нѣмцы также начали военныя дѣйствія противъ Миндовга. Между тѣмъ Выкинтъ поднялъ часть Ятвяговъ и Жмуди.

Положеніе Миндовга сдѣлалось критическимъ. Но въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ обнаружилъ свою находчивость. Какъ ловкій политикъ, онъ постарался разъединить своихъ враговъ. Прежде всего отстали отъ союза Ляхи и вопреки обѣщанію не приняли никакого участія въ войнѣ. Далѣе, зная соперничество между Рижскимъ архіепископомъ и Ливонскимъ орденомъ, Миндовгъ вошелъ въ тайныя сношенія съ намѣстникомъ Тевтонскаго гросмейстера или магистромъ Ливонскаго ордена Андреемъ фонъ Стирландъ, задарилъ его золотомъ, серебромъ, конями и пр.; обѣщалъ прислать еще болѣе, если тотъ убьетъ или прогонитъ Товтивила. Магистръ велѣлъ сказать, что для Миндовга существуетъ одно средство избавиться отъ бѣды: это принять католическую религію. Литовскій князь изъявилъ къ тому готовность и пригласилъ Андрея къ себѣ на свиданіе. Послѣдній пріѣхалъ въ сопровожденіи многихъ орденскихъ братьевъ. Князь принялъ гостей съ большимъ почетомъ и угощалъ ихъ весьма усердно. Тутъ былъ заключенъ миръ съ Орденомъ, при чемъ Миндовгъ не только далъ обѣщаніе креститься, но и уступить Ордену нѣкоторыя земли; а магистръ посулилъ выхлопотать у папы для него королевскую корону. Посолъ отъ Ливонскаго ордена отправился въ Римъ вмѣстѣ съ Литовскимъ посломъ, и привезъ отвѣтныя грамоты, въ которыхъ папа выражалъ свое удовольствіе. Иннокентій IV принялъ Миндовга подъ покровительство св. Петра, и поручилъ епископу Кульмскому исполнить обрядъ крещенія и коронованія. Магистръ вновь отправился къ Миндовгу, сопровождаемый блестящею рыцарскою свитою, а также и епископъ Кульмскій съ священниками. Въ стольномъ городѣ Черной Руси Новогродкѣ Миндовгъ и его жена Марта были торжественно окрещены; часть литовской дружины по примѣру своего князя также приняла крещеніе. Затѣмъ епископъ Кульмскій вѣнчалъ Литовскаго князя королевскою короною. Это происходило въ 1251 году.

Такимъ образомъ объединитель Литвы не только избавился отъ опасности со стороны Нѣмцевъ, но, благодаря покровительству папы, получилъ отъ нихъ помощь противъ своихъ остальныхъ враговъ. Онъ щедро вознаградилъ своихъ союзниковъ грамотами, въ силу которыхъ уступилъ Ордену разные округи Литвы и Жмуди; но, кажется, онъ дарилъ Нѣмцамъ тѣ земли, которыя въ сущности не только ему не принадлежали, а напротивъ были съ нимъ во враждѣ.

Товтивилъ вслѣдствіе союза Миндовга съ Орденомъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги къ дядѣ своему Выкинту въ Жмудь. Онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ и Жмудиновъ; получилъ помощь отъ Даніила Романовича и продолжалъ войну съ Миндовгомъ. Когда перевѣсъ оказался на сторонѣ послѣдняго, Даніилъ и Василько, по просьбѣ Товтивила, вновь лично напали на сосѣднія Черорусскія области Миндовга съ своими дружинами, наемными Половцами и подручными пинскими князьями, и начали тѣснить Литовскаго короля. Миндовгъ опять нашелъ средство выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ. Вопервыхъ, дарами и обѣщаніями онъ отклонилъ ятвяжскихъ и жмудскихъ старшинъ отъ Товтивила, такъ что послѣдній долженъ былъ спасаться отъ нихъ бѣгствомъ къ Даніилу. Во вторыхъ, онъ умѣлъ поладить съ пинскими князьями, которые были недовольны своею зависимостію отъ Волынскаго князя, и они плохо стали помогать Романовичамъ въ этой войнѣ. Въ третьихъ, Миндовгъ обратился къ самому Даніилу съ просьбою не только о мирѣ, но и о родственномъ союзѣ, на весьма выгодныхъ для Галицкаго короля условіяхъ. Послѣ личныхъ переговоровъ союзъ этотъ дѣйствительно состоялся при посредствѣ Миндовгова сына Войшелга. Этому Войшелгу отецъ предоставилъ въ удѣлъ часть области Новгродской съ городами Слонимъ и Волковыйскъ. Сынъ во время своего княженія здѣсь отличился необыкновенною жестокостію; русскій лѣтописецъ говоритъ, будто Войшелгъ былъ печаленъ въ тотъ день, когда никого не убилъ. Но вдругъ этотъ свирѣпый язычникъ обратился въ христіанство, крестился по православному обряду, и совершенно измѣнилъ свое поведеніе. Онъ-то и явился ревностнымъ посредникомъ при заключеніи мира и родственнаго союза между своимъ отцемъ и Галицко-Влади-

мірскими князьями на слѣдующихъ условіяхъ: младшій изъ сыновей Даніила, Шварнъ, женился на дочери Миндовга; старшему сыну его Роману (претенденту на Австрійское герцогство) Миндовгъ отдалъ Новгородокъ, а Войшелгъ уступилъ свои города Слонимъ и Волковыйскъ. Такимъ образомъ большая часть Черной Руси переходила въ родъ Галицкаго князя. Мало того, по требованію послѣдняго, Товтивилу возвращенъ Полоцкій столъ. Самъ Войшелгъ послѣ того удалился въ одинъ русскій монастырь (Полонинскій) и тамъ принялъ постриженіе отъ игумена Григорія, который пользовался славою святаго мужа. Движимый ревностію къ новой вѣрѣ, Войшелгъ съ благословенія Григорія отправился паломникомъ на Аѳонъ; но смуты и войны, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ, помѣшали ему исполнить свое желаніе. Онъ воротился, и основалъ собственный монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ недалеко отъ Новгородка.

Даніилъ тѣмъ охотнѣе помирился съ Миндовгомъ, что ихъ сближала общая опасность отъ Татаръ. Галицкій князь конечно надѣялся привлечь Литву къ участію въ задуманной имъ борьбѣ съ варварами. И дѣйствительно, пока Даніилъ имѣлъ дѣло съ Куремсою, Миндовгъ оказывалъ Галицкому королю нѣкоторую помощь. Но преемникъ Куремсы, Бурундай съумѣлъ разъединить союзниковъ, заставивъ Волынскаго князя помогать себѣ во время нашествія на владѣнія Миндовга. Кажется, еще прежде того, коварный Миндовгъ уже лишилъ Романа Даниловича Новгродскаго удѣла. Послѣ нашествія Бурундая Литва возобновила свои набѣги на Волынскую землю; тогда-то Василько одержалъ упомянутую выше побѣду при Невелѣ надъ воеводою Миндовга.

Около тогоже времени Миндовгъ разорвалъ связи съ другими своими союзниками, Нѣмцами. Пока они были ему опасны или нужны, онъ ловко прикидывался ихъ другомъ и усерднымъ католикомъ; но сознавая стремленіе Тевтонскаго и Ливонскаго Ордена къ постепенному порабощенію всего Литовскаго народа, хитрый Литвинъ ждалъ только случая нанести ударъ и воротить Литовскія и Жмудскія области. Прежде жители этихъ областей, возбуждаемые своими мелкими державцами, сами боролись противъ единовластія Миндовга; но когда они испытали насильственное обращеніе въ христіан-

ство, отнятіе земель у туземныхъ державцевъ и раздачу ихъ духовенству и нѣмецкимъ рыцарямъ, вмѣстѣ съ десятиной и другими поборами, то скоро возненавидѣли владычество Ордена и стали обращать свои взоры и надежды на великаго князя Литовскаго. Начались народныя волненія, которыми Миндовгъ не преминулъ воспользоваться. Подъ его тайнымъ руководствомъ произошли движенія въ прусскихъ и литовскихъ краяхъ, зависимыхъ отъ Ордена. Однажды толпа Литовцевъ вторглась въ Курляндію и начала разорять орденскія владѣнія. Отрядъ рыцарей напалъ на нее при рѣкѣ Дурбѣ; но потерпѣлъ совершенное пораженіе вслѣдствіе измѣны Куроновъ, которые ударили въ тылъ Нѣмцамъ. По выраженіямъ орденскаго лѣтописца (Дюисбурга), рыцари въ этотъ день мужествомъ своимъ уподоблялись Маккавеямъ; но не могли устоять противъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Не менѣе полутораста орденскихъ братьевъ и самъ магистръ Ливонскаго Ордена Бургардъ фонъ Хорнхузенъ легли на мѣстѣ (1260 г.) Это событіе послужило сигналомъ къ возстаніямъ Жмуди, Куроновъ, Жемгалы и особенно Пруссовъ. Они принялись разрушать нѣмецкіе замки, истреблять латинскихъ священниковъ и изгонять Нѣмцевъ изъ своей земли, и звали на помощь своихъ братьевъ Литовцевъ.

Тогда Миндовгъ рѣшился выступить открыто. И прежде онъ былъ христіаниномъ только по имени, втайнѣ же продолжалъ приносить жертвы старымъ богамъ и соблюдать всѣ прежнія суевѣрія; а теперь отрекся отъ христіанства и явно воротился къ язычеству, вопреки просьбамъ своей жены. И въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ какъ политикъ, ибо видѣлъ упорство, съ которымъ Литовцы держались старой религіи, а также ихъ нелюбовь къ нему за принятіе христіанства. Миндовгъ самъ пошелъ на помощь возставшимъ Пруссамъ; а другое войско послалъ на польскихъ князей, которые находились тогда въ союзѣ съ Нѣмцами противъ литовскихъ и прусскихъ язычниковъ. Это войско сильно опустошило Мазовію и вывело оттуда множество плѣнныхъ; въ числѣ ихъ находился и Конрадъ, сынъ мазовецкаго князя Семовита, который погибъ въ этой войнѣ. Между тѣмъ и Нѣмецкій Орденъ потерпѣлъ еще нѣсколько пораженій отъ Мин-

довга. Послѣ одной большой побѣды Литвины и Пруссы въ благодарность за нее рѣшились принести человѣческую жертву своимъ богамъ; бросили жребій между плѣнными, и онъ упалъ на одного рыцаря, который и былъ сожженъ живымъ на конѣ въ полномъ вооруженіи. Такимъ образомъ Литва, собравшаяся вокругъ Миндовга какъ своего великаго князя, не только освободила отъ нѣмецкой зависимости Жмудь, нѣкоторыя части Куроніи и Пруссіи, но и потрясла самое владычество соединеннаго Прусско-Ливонскаго Ордена. Только неудачный походъ Миндовга въ Ливонію, когда Новгородцы, вопреки условію, не пришли къ нему вовремя на помощь, и внезапная его смерть избавили Нѣмцевъ отъ дальнѣйшей опасности; а наступившія за тѣмъ неустройства въ литовско-русскихъ земляхъ дали имъ время оправиться и упрочить свое владычество.

Истребленіемъ и изгнаніемъ удѣльныхъ литовскихъ князей Миндовгъ уже явно стремился къ единовластію и самодержавію; даже близкіе его родственники постоянно дрожали за свою безопасность и съ нетерпѣніемъ желали отъ него избавиться. Миндовгъ самъ накликалъ на себя гибель слѣдующимъ неосторожнымъ поступкомъ. У него умерла жена, и онъ послалъ звать на похоронные обряды ея сестру, бывшую за Довмонтомъ, удѣльнымъ княземъ Нальщанскимъ. Когда та пріѣхала, великій князь насильно удержалъ ее, объявивъ, будто покойная завѣщала ему взять ея сестру себѣ въ жены, такъ какъ она будетъ ласковѣе до ея дѣтей, чѣмъ какая либо другая женщина. Довмонтъ горячо вознегодовалъ на такое оскорбленіе, но до времени затаилъ свою жажду мести. Тайно онъ вступилъ въ заговоръ съ племянникомъ Миндовга Тройнатомъ или Тренятою, какъ его называетъ Волынская лѣтопись; послѣдній княжилъ на Жмуди. Къ этому заговору повидимому приступилъ и другой племянникъ, Товтивилъ Полоцкій. Въ слѣдующемъ 1263 году Миндовгъ послалъ свое войско за Днѣпръ на Романа Брянскаго, съ которымъ у него были споры за нѣкоторыя Полоцкія и Смоленскія земли. Въ походѣ долженъ былъ участвовать и Довмонтъ Нальщанскій. Но онъ вдругъ объявилъ другимъ вождямъ, что гадатели не велятъ ему идти; воротился съ похода; съ дружиной своей и другими

заговорщиками внезапно напалъ на жилище Миндовга, и убилъ его вмѣстѣ съ двумя его младшими сыновьями. Старшій сынъ убитаго инокъ Войшелгъ, получивъ извѣстіе о семъ и опасаясь той же участи, убѣжалъ изъ своего монастыря въ Пинскъ. Походъ литовскаго войска за Днѣпръ оказался неудаченъ. Романъ Брянскій въ то время праздновалъ свадьбу самой любимой изъ своихъ дочерей, Ольги, съ племянникомъ Даніила Романовича, сыномъ Василька Владиміромъ. Услыхавъ о вторженіи непріятелей, храбрый Романъ выступилъ на встрѣчу враговъ, побѣдилъ ихъ, и, воротясь со славою, докончилъ брачное празднество.

Великимъ княжествомъ Литовскимъ завладѣлъ глава всего заговора Тренята. Очевидно, дѣло Миндовга не погибло съ его смертію; объединеніе Литвы и части Руси подъ верховною властію великаго князя пустило глубокіе корни. Мы видимъ, что различные князья ведутъ борьбу не только за удѣлы, но и главнымъ образомъ за великое княженіе. Союзникъ Треняты Товтивилъ Полоцкій также имѣлъ притязаніе заступить мѣсто убитаго Миндовга. Тренята послалъ звать Товтивила, чтобы полюбовнымъ соглашеніемъ раздѣлить между собою землю Литовскую; а самъ умышлялъ какъ бы убить его. Товтивилъ пріѣхалъ, но съ тѣмъ же умысломъ противъ Треняты; какой-то полоцкій бояринъ Прокопій донесъ о томъ Тренятѣ, и послѣдній предупредилъ своего соперника, поспѣшивъ отдѣлаться отъ него убійствомъ. Но онъ не долго пользовался властію. Четверо конюшихъ Миндовга отомстили смерть своего господина убійствомъ Треняты, на котораго они нечаянно напали, когда онъ мылся въ банѣ. Тогда на историческую сцену снова выступилъ Войшелгъ. Онъ снялъ съ себя монашеское платье и съ пинскою дружиною явился въ своемъ прежнемъ Новогродскомъ удѣлѣ; эта область приняла его сторону; онъ получилъ также помощь отъ князей Галицко-Волынскихъ, особенно отъ Шварна Даниловича, которому приходился шуриномъ. (Даніилъ около того времени скончался). Шварнъ лично привелъ ему войско на помощь. Войшелгъ вокняжился въ Литвѣ на мѣстѣ своего отца. Къ нему воротилась его прежняя свирѣпость, и онъ предался необузданной мести противъ всѣхъ, замѣшанныхъ въ заговоръ и убійство Миндовга. Ча-

стію они были захвачены и преданы смерти; а частію спаслись бѣгствомъ изъ Литовской земли. Въ числѣ послѣднихъ находился и Довмонтъ, который, какъ извѣстно, бѣжалъ съ своею дружиною въ Псковъ, тамъ принялъ православную вѣру, и потомъ отличился ратными подвигами при оборонѣ Псковской земли отъ Нѣмцевъ и своихъ соотечественниковъ Литвиновъ.

Не смотря на помощь Волынско-Галицкихъ князей, Войшелгу однако не удалось возстановить власть великаго князя Литовскаго въ томъ объемѣ, который она получила при Миндовгѣ. Многіе удѣльные владѣтели Литвы, Жмуди и Кривской Руси снова пріобрѣтаютъ самостоятельность; является нѣсколько старшихъ князей, которымъ подчиняются остальные меньшіе. Такъ во главѣ удѣльныхъ князей Полоцкой и Витебской области послѣ Товтивила находимъ литовскаго князя Герденя, независимаго отъ великаго князя новогродскаго Войшелга. Въ собственной Литвѣ и Жмуди также встрѣчаемъ нѣкоторыхъ независимыхъ князей. Тѣмъ не менѣе мысль о единомъ верховномъ государѣ не заглохла, и мы видимъ со стороны наиболѣе сильныхъ, энергичныхъ князей постоянныя попытки осуществить ее, пока она наконецъ не исполнилась.

Въ тоже время въ средѣ Литовско-Русскаго міра обнаруживается явная борьба за преобладаніе между двумя составными его частями: Литовскою и Русскою. Русская религія, языкъ и вообще русская гражданственность продолжали неотразимо распространяться среди Литвиновъ, особенно между высшимъ классомъ. Но съ своей стороны и Литовское племя выставляло иногда ревностныхъ и энергичныхъ поборниковъ своей народности и старой религіи.

Въ борьбѣ съ соперниками Войшелгъ преимущественно опирался на русскую помощь и на русское населеніе своихъ областей. Отличаясь усердіемъ къ православію и связанный родствомъ съ семьей Даніила, онъ, достигнувъ великокняжескаго стола, естественно старался давать перевѣсъ всему русскому и самое Новогродско-Литовское княженіе ввести въ составъ сосѣдней Руси. Такъ онъ по русскому обычаю призналъ своимъ отцомъ, т. е. старшимъ надъ собою, Василька Романовича, который по смерти Даніила о-

ставался главою всего рода Галицковолынскихъ князей. Мало того, не имѣя собственнаго потомства, онъ усыновилъ любимаго зятя своего Шварна Даниловича; призвалъ его въ свой стольный Новогродокъ, дабы раздѣлить съ нимъ власть и бремя правленія, и объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Спустя немного лѣтъ, Войшелгъ, не смотря на просьбы Шварна, опять покинулъ княжескій столъ, чтобы въ монастырскомъ уединеніи найти успокоеніе отъ своихъ кровавыхъ дѣлъ. Онъ удалился въ Угровскій монастырь св. Даніила, гдѣ снова облекся въ одежду чернеца; еще живъ былъ его престарѣлый наставникъ Григорій, игуменъ Полонинскій; по просьбѣ Войшелга онъ пріѣхалъ къ нему и вновь преподалъ ему правила монашескаго житія (68).

*

Галицкая или Червонная Русь по смерти Даніила раздѣлилась между его сыновьями: Львомъ, Шварномъ и Мстиславомъ. Благодаря уваженію, которое они оказывали своему дядѣ Васильку, теперь старшему въ родѣ Романовичей, продолжалось еще единеніе Волынской и Галицкой Руси и совокупное дѣйствіе противъ внѣшнихъ враговъ. Изъ этого единенія выдѣлялся иногда только Левъ Даниловичъ, отличавшійся пылкимъ, неукротимымъ нравомъ. Получивъ Перемышльское княженіе, онъ завидовалъ брату Шварну, который кромѣ всей сѣверной, т. е. Холмской и Бельзской, части Галиціи пріобрѣлъ еще и все Русско-Литовское княженіе отъ своего зятя Войшелга. Такъ Левъ не принялъ участія въ войнѣ Василька и Шварна съ Болеславомъ Краковскимъ (Стыдливымъ). Конецъ этой войны былъ неудаченъ. Когда сильное польское войско, разоривши Червонную область, пошло обратно домой, Василько послалъ преслѣдовать его Шварна и сына своего Владиміра, и далъ такой наказъ: «не спѣшите вступать съ Ляхами въ битву; но когда, воротясь въ свою землю, они раздѣлятся на части, тогда бейтесь». На предѣлахъ Руси и Польши былъ узкій проходъ, стѣсненный холмами; онъ назывался поэтому «воротами». Едва Ляхи прошли это мѣсто, какъ Шварнъ напалъ на нихъ, забывъ умный совѣтъ дяди и не подождавъ двоюроднаго брата своего Владиміра, шедшаго назади. Ляхи ударили на Шварна и сбили

его передовую дружину; а остальные полки за тѣснотой мѣста не могли подать никакой помощи, и Русь потерпѣла полное пораженіе (1268).

Вслѣдъ за тѣмъ Левъ попросилъ дядю устроить сеймъ во Владимірѣ Волынскомъ съ участіемъ Войшелга. Послѣдній не хотѣлъ пріѣхать, зная, что его кумъ Левъ (у котораго онъ крестилъ сына Юрія) злобился на него за Шварна; но потомъ согласился, положась на охрану Василька. Войшелгъ остановился въ монастырѣ св. Михаила. Одинъ богатый Нѣмчинъ, по имени Марколтъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ Василька, Льва и Войшелга. Послѣ веселой попойки Василько отправился спать домой, а Войшелгъ въ монастырь. Сюда пріѣхалъ за нимъ Левъ и говоритъ: «кумъ, выпьемъ еще». Стали пить. Тутъ пьяный Левъ началъ укорять Войшелга за то, что всѣ свои земли онъ отдалъ зятю, а куму ничего не далъ. Слово за слово; Левъ выхватилъ саблю и убилъ Войшелга. Этимъ поступкомъ онъ положилъ черное пятно и на себя, и на своего дядю, нарушивъ священныя права гостепріимства.

Около того времени умеръ Шварнъ, и Левъ захватилъ его Червенскій удѣлъ; но связь Галицко-Волынской Руси съ Литовско-Русскимъ княжествомъ порвалась. Во главѣ послѣдняго мы встрѣчаемъ одного изъ туземныхъ литовскихъ князей по имени Тройдена, котораго русская лѣтопись называетъ «окаяннымъ, беззаконнымъ и треклятымъ». Братья его исповѣдывали православную вѣру; а самъ онъ остался ревностымъ язычникомъ и повидимому воздвигъ гоненіе на православіе и вообще на русскую народность. Вскорѣ скончался Василько Романовичъ (1271), оставивъ Волынскую землю своему сыну Владиміру и удѣливъ изъ нея Луцкую область племяннику Мстиславу Даниловичу. Не смотря на буйный, завистливый нравъ Льва Даниловича, умный и добродушный Владиміръ Васильковичъ умѣлъ уживаться въ мирѣ съ двоюроднымъ братомъ и тѣмъ поддерживать единеніе Галицкой и Волынской Руси. Благодаря этому единенію, и самое Татарское иго было гораздо легче въ Югозападной Руси, нежели въ Руси Восточной. Князья посылали дань хану; но повидимому не раболѣпствовали предъ нимъ, не ѣздили сами на поклонъ въ Золотую Орду, и не пускали въ свои

земли татарскихъ баскаковъ и численниковъ. Татарскіе ханы очевидно щадили ихъ какъ сильныхъ своихъ вассаловъ и пользовались ихъ вспомогательными дружинами для своихъ войнъ съ другими народами. Снѣдаемый жаждою пріобрѣтенія новыхъ земель, Левъ Даниловичъ самъ вмѣшивалъ Татаръ въ свои войны съ сосѣдями, и не разъ обращался съ просьбою о помощи въ Золотую Орду. Такъ въ 1274 году ханъ Менгу-Темиръ по его просьбѣ отправилъ противъ Тройдена Литовскаго не только татарское полчище, но Романа Брянскаго, Глѣба Смоленскаго и другихъ русскихъ князей; съ ними соединились и волынско-галицкіе князья. Эта многочисленная рать начала воевать земли Тройдена, и пошла на самый Новогродокъ. Левъ Даниловичъ съ Татарами, утаясь отъ другихъ князей, хотѣлъ одинъ захватить столицу Черной Руси, и успѣлъ взять внѣшній городъ; но дѣтинецъ устоялъ; а когда подошли остальные князья, то разсорились съ вѣроломнымъ Львомъ и воротились въ свои земли. Любопытна при этомъ обратномъ походѣ одна подробность, говорящая въ пользу Романа Брянскаго. Зять его Владиміръ Васильковичъ Волынскій звалъ тестя къ себѣ во Владиміръ, прося навѣстить его дочь, а свою супругу Ольгу. Но Романъ хотя и очень любилъ ее, однако отказался. «Не могу покинуть своей рати; идемъ по землѣ непріятельской, кто же рать мою доправитъ домой? Вотъ сынъ мой Олегъ пусть идетъ къ тебѣ вмѣсто меня».

Около того времени множество Пруссовъ, нехотѣвшихъ покориться Тевтонскому Ордену, выселилось во владѣнія Тройдена, и подкрѣпило литовское населеніе въ его княжествѣ. Часть ихъ водворилась въ Городнѣ на Нѣманѣ, а часть въ Слонимѣ. Любопытно, что когда въ 1277 году ханъ Ногай послалъ вмѣстѣ съ своими Татарами волынскихъ и галицкихъ князей вновь воевать Литву, то они осадили Городно, но встрѣтили сильный отпоръ отъ поселенныхъ здѣсь Пруссовъ; послѣдніе ночью врасплохъ ударили на передовую русскую дружину, разбили ее и захватили въ плѣнъ многихъ бояръ. Русскимъ князьямъ удалось овладѣть одною каменною башнею, которая стояла передъ городскими воротами; а затѣмъ они заключили съ гражданами миръ, выручивъ только изъ плѣна своихъ бояръ. Года три спустя, неугомонный Левъ, желая

воспользоваться смертью Болеслава Стыдливаго Краковскаго (1279), хотѣлъ отнять часть Судомірской области у двоюроднаго племянника и преемника его Лешка Казиміровича Чернаго; для чего лично отправился къ хану Ногаю, и выпросилъ у него на помощь татарскую рать. Но и на этотъ разъ ему удалось только разорить Судомірскую область; Лешко Черный далъ храбрый отпоръ, и отнялъ у Льва одинъ пограничный городъ (Перворескъ).

Около того же времени и Владиміръ Васильковичъ Волынскій имѣлъ столкновеніе съ Конрадомъ Семовитовичемъ, двоюроднымъ братомъ Лешка Чернаго по слѣдующему любопытному случаю. Былъ большой неурожай одновременно на Руси, въ Польшѣ и въ Литвѣ. Ятвяги прислали къ Волынскому князю съ просьбою избавить ихъ отъ голодной смерти и прислать къ нимъ жито, предлагая за него что угодно изъ произведеній своей земли, воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ или серебра. Владиміръ снарядилъ въ Берестьѣ судовой караванъ съ хлѣбомъ и послалъ его внизъ по Западному Бугу, а изъ него вверхъ по Нареву въ землю Ятвяжскую. Но разъ, когда суда остановились на ночлегъ подъ городомъ Полтовскомъ (Пултускъ) на Наревѣ, жители напали на нихъ, избили людей, жито забрали себѣ, а ладьи потопили. Это былъ городъ Конрада Семовитовича Мазовецкаго, и Владиміръ потребовалъ отъ него удовлетворенія; Конрадъ отозвался невѣдѣніемъ о томъ, кто и по чьему велѣнію избилъ людей Васильковыхъ. Владиміръ послалъ рать, которая повоевала берега Вислы и забрала большой полонъ. Затѣмъ заключили миръ; Владиміръ возвратилъ плѣнниковъ, и послѣ того до конца жилъ въ большой пріязни съ Конрадомъ.

Вообще въ эту эпоху польскіе, особенно Мазовецкіе, князья находились въ такихъ тѣсныхъ и родственныхъ связяхъ съ Волынскогалицкими, что спорили объ удѣлахъ, заключали взаимные оборонительные и наступательные союзы, мирились и ссорились, какъ будто это все былъ одинъ княжій родъ. Тотъ же Конрадъ, когда года два спустя былъ обиженъ своимъ роднымъ братомъ Болеславомъ, обратился съ жалобою на него къ Владиміру Волынскому. Послѣдній не только самъ пошелъ ему на помощь, но и послалъ звать

племянника своего Юрія Львовича, княжившаго въ Холмскомъ и Червенскомъ удѣлѣ.

«Дядюшка, отвѣчалъ Юрій, радъ бы съ тобою самъ пойти, но некогда мнѣ; ѣду въ Суздаль жениться; съ собою беру людей немного; а вотъ моя дружина и бояре; поручаю ихъ Богу и тебѣ; если тебѣ любо, бери ихъ съ собою».

Дѣйствительно, воевода Юрія Тюйма соединился съ волынскою ратью, которую вели Владиміръ и его старшіе воеводы, именно служебный князь Василько Слонимскій, Жениславъ и Дунай. Замѣчательно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Бояре Конрадовы колебались въ вѣрности ему, и нѣкоторые изъ нихъ находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Болеславомъ. Поэтому гонецъ, посланный Владиміромъ съ извѣстіемъ о своемъ скоромъ приходѣ, употребилъ хитрость, чтобы бояре не предупредили о томъ Болеслава. Когда посолъ явился къ Конраду, окруженному своими боярами, то громко объявилъ, что Владиміръ и радъ бы помочь ему, но нельзя теперь: мѣшаютъ Татары. Потомъ онъ взялъ князя за руку и такъ крѣпко сжалъ ее, что тотъ понялъ, вышелъ изъ комнаты вслѣдъ за посломъ и услышалъ отъ него слѣдующее: «Братъ твой Василько велѣлъ тебѣ сказать: снаряжайся самъ, и приготовь ладьи на Вислѣ для переправы рати; она будетъ у тебя завтра». Обрадованный Конрадъ такъ и поступилъ. Три соединенныя рати, волынская, червенская и мазовецкая, вступили въ землю Болеслава Семовитовича, взяли приступомъ любимый его городъ Гостиный, и съ большимъ полономъ воротились во свояси, отомстивъ обиду Конрада. Эти мелкія войны противъ того или другаго изъ польскихъ государей со стороны галицкихъ и волынскихъ князей нерѣдко повторялись въ ту эпоху; но кромѣ разоренія пограничныхъ областей обыкновенно не имѣли другихъ ближайшихъ послѣдствій.

Недальновидность Льва Даниловича, обращавшагося за помощью къ Татарамъ и старавшагося опереться на нихъ ради своихъ корыстныхъ цѣлей, дорого обошлась Волынской и Галицкой землѣ. Татарскіе ханы пользовались обстоятельствами, чтобы разъединить Русь, Литву, Поляковъ и Угровъ и не допускать ихъ до общаго союза противъ степныхъ завоевателей. Дружба Льва съ Татарами заставила и Влади-

міра Васильковича, подчиняясь ханскимъ велѣніямъ, иногда за одно съ Татарами воевать тѣхъ сосѣдей, съ которыми онъ желалъ быть въ мирѣ или союзѣ. Такъ въ 1282 году оба хана, Заволжскій и Заднѣпровскій, Телебуга и Ногай, предприняли походъ на Угровъ, и велѣли идти съ собою галицкимъ и волынскимъ князьямъ. Тѣ исполнили это повелѣніе; только Владиміръ Васильковичъ не могъ лично выступить, потому что въ то время сильно хромалъ по болѣзни своей ноги; онъ послалъ свою рать съ племянникомъ Юріемъ Львовичемъ. Походъ окончился полною неудачею. Въ Карпатскихъ горахъ Татары заблудились, и подверглись такому голоду, что начали ѣсть человѣческое мясо, и падали тысячами; а когда вошли въ Угрію, то потерпѣли тамъ пораженіе; оба хана только съ жалкими остатками войска воротились изъ этого похода.

Подобная неудача однако не помѣшала обоимъ ханамъ въ скоромъ времени (въ 1285 г.) затѣять новый походъ, на Поляковъ. Въ походѣ опять должны были принять невольное участіе русскіе князья и восточной и западной стороны Днѣпра, въ томъ числѣ конечно волынскіе и галицкіе. Этотъ татарскій походъ особенно тяжелъ пришелся для Волынско-Галицкой Руси. Когда Телебуга приблизился къ Горынѣ, князь луцкій Мстиславъ Даниловичъ встрѣтилъ хана съ дарами и напитками. При дальнѣйшемъ его движеніи тоже сдѣлалъ Владиміръ Васильковичъ; а затѣмъ у Бужковичей, на рѣкѣ Лугѣ, вышелъ съ дарами и напитками и Левъ Даниловичъ; разумѣется, каждый изъ нихъ при этомъ присоединился съ своею ратью къ татарскому полчищу. На Бужковскомъ полѣ ханъ сдѣлалъ смотръ своимъ полкамъ. Отсюда Телебуга двинулся къ Владиміру Волынскому, и остановился въ селѣ Житани. Жители стольнаго города находились въ сильномъ страхѣ и ждали погрома. Главная татарская сила не вошла въ городъ; но многія лавки были все-таки разграблены; Татары особенно забирали у жителей коней. Телебуга двинулся въ Польшу; а около Владиміра оставилъ толпу Татаръ для корма запаснаго конскаго табуна. Эти Татары своими грабежами разорили всѣ окрестности, и самый городъ держался какъ бы въ осадѣ; ибо грабили и даже убивали всякаго, кто осмѣливался показаться въ полѣ.

съѣстные припасы также не могли быть доставляемы въ городъ, и много народа погибло въ немъ и въ его окрестностяхъ въ ту зиму. Телебуга и ордынскій царевичъ Алгуй съ татарско-русскою ратью перешли по льду рѣки Санъ и Вислу, и подступили къ Судоміру; но города не могли взять, а только разорили окрестную область. Между тѣмъ ханъ Ногай шелъ другою дорогой, на Перемышль, и, вступивъ въ Польшу, осадилъ Краковъ, но тоже безуспѣшно. Оба хана, опасаясь другъ друга, не соединились вмѣстѣ, и потому оба, ограничившись разореніемъ беззащитныхъ селъ и незначительныхъ городовъ, воротились назадъ, и тоже разными дорогами. На обратномъ пути Телебуга пошелъ черезъ Галицію, и двѣ недѣли стоялъ около Львова; при чемъ здѣсь повторилось тоже, что было съ Владиміромъ Волынскимъ; Татары избивали, грабили и плѣнили всѣхъ, кто выходилъ изъ города. Кромѣ того много жителей погибло тогда отъ голода и случившихся на ту пору лютыхъ морозовъ; по причинѣ холода Татары особенно отнимали у жителей одежду, и многихъ оставляли нагими. Когда Татары наконецъ ушли, Левъ велѣлъ сосчитать сколько погибло у него народу во время стоянки ихъ подъ его столицею: оказалось двѣнадцать тысячъ съ половиною.

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ потомковъ Романа Волынскаго является въ это время безспорно Владиміръ (въ крещеніи Иванъ) Васильковичъ. При своемъ благодушномъ, правдивомъ характерѣ онъ пользовался привязанностію подданныхъ и уваженіемъ сосѣдей. Онъ особенно выдавался изъ среды современниковъ своихъ любовью къ образованію, прилежнымъ чтеніемъ книгъ и охотою къ душеспасительнымъ бесѣдамъ съ епископомъ, игумнами и вообще людьми свѣдущими. Волынскій лѣтописецъ называетъ его «великимъ книжникомъ и философомъ». Любовь къ книгамъ однако не мѣшала ему быть храбрымъ вождемъ на ратномъ полѣ и страстнымъ охотникомъ. На ловахъ, по словамъ лѣтописца, князь, если встрѣчалъ вепря или медвѣдя, то не дожидался своихъ слугъ, а самъ бросался на звѣря и убивалъ его. Онъ былъ также умнымъ, дѣятельнымъ правителемъ своей земли, и усерднымъ строителемъ укрѣпленныхъ городовъ для ея защиты.

Лѣтописецъ между прочимъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о построеніи города Каменца, напоминающія описанное выше построеніе Холма его дядею Даніиломъ Романовичемъ.

Имѣя мало укрѣпленную границу на сѣверѣ со стороны хищныхъ Ятвяговъ и Литвы, Владиміръ началъ думать, гдѣ бы за Берестьемъ построить крѣпкій городъ. Размышляя о томъ, онъ взялъ книги Пророческія и развернулъ на удачу. Открылась 61 глава Исаіи, и князя поразили особенно слѣдующія слова: «И созиждутъ пустыни вѣчныя, запустѣвшія прежде, воздвигнутъ и обновятъ грады пустыя, опустошенныя въ роды». Князь вспомнилъ, что мѣста по рѣкѣ Лѣснѣ, впадающей въ Западный Бугъ ниже Берестья, были прежде населены; но послѣ дѣда его Романа въ теченіи 80 лѣтъ оставались запустѣлыми. У Владиміра былъ опытный строитель по имени Алекса, который при его отцѣ Василькѣ «рубилъ», многіе города (т. е. строилъ ихъ бревенчатыя стѣны). Князь послалъ его въ челнахъ вверхъ по Лѣснѣ съ людьми, знающими тотъ край, чтобы найти удобное мѣсто для постройки города. Когда такое мѣсто отыскано на берегу Лѣсны, посреди глухихъ лѣсовъ (примыкавшихъ къ настоящей Бѣловѣжской пущѣ), Владиміръ съ своими боярами и слугами самъ отправился для осмотра. Ему понравилось это мѣсто. Онъ велѣлъ расчистить его отъ лѣса и срубить городъ, который назвалъ К а м е н ц о м ъ, по причинѣ каменистой почвы. Онъ построилъ здѣсь соборную церковь въ честь Благовѣщенія, и воздвигъ въ городѣ каменный «столпъ» или башню въ 17 саженъ высоты. Такую же точно башню построилъ онъ и въ Берестьѣ, укрѣпленія котораго обновилъ. Любопытно, что изъ всѣхъ подобныхъ башенъ, построенныхъ въ ту эпоху на Волыни и въ Червонной Руси, лучше всѣхъ сохранилась до нашего времени именно Каменецкая. Она круглая, 16 саженъ въ окружности, имѣла зубчатый верхъ, узкія окна и внизу погреба со сводами. Созидая и укрѣпляя города, Владиміръ, подобно предкамъ своимъ отличавшійся великимъ благочестіемъ, особенно прилежалъ къ построенію и украшенію храмовъ; покрывалъ ихъ фресковымъ росписаніемъ, снабжалъ мѣдными дверями, оксамитными завѣсами и покровами, золотыми и серебряными сосудами, иконами въ золотыхъ и серебряныхъ вѣнцахъ, въ мо-

пистахъ и ризахъ, съ дорогими каменьями и золотыми гривнами, евангеліями и другими богослужебными книгами въ дорогихъ окладахъ. Лѣтописецъ указываетъ устроенные такимъ образомъ храмы Берестья, Каменца, Любомля и особенно стольнаго Владиміра. Нѣкоторыя богослужебныя книги князь списывалъ самъ. Такъ онъ самъ списалъ книгу Апостоловъ для Владимірскаго монастыря свв. Апостолъ, куда кромѣ того отдалъ «сборникъ великій отца своего»; а другой «сборникъ отца своего» положилъ въ Каменецкомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Не ограничиваясь собственными владѣніями, набожный князь дѣлалъ вклады иконами, книгами и прочими церковными предметами и въ другія области. Такъ въ епископскій Перемышльскій храмъ онъ далъ имъ самимъ списанное Евангеліе Опракосъ (служебное) въ серебряномъ съ жемчугомъ окладѣ. Въ Черниговскій Спасскій соборъ послалъ также Евангеліе Опракосъ, писанное золотомъ, окованное серебромъ и жемчугомъ; на верхней сторонѣ этого оклада посрединѣ было финифтяное изображеніе Спасителя.

Сей храбрый, благочестивый, щедрый, правдивый и по тому времени весьма образованный князь обладалъ и сановитою наружностью. Онъ былъ великъ ростомъ, плечистъ, красивъ лицомъ, имѣлъ свѣтлорусые кудреватые волосы, бороду стригъ, говорилъ басомъ и, что особенно было рѣдко, совсѣмъ воздерживался отъ горячихъ напитковъ. Не смотря на его воздержную жизнь, страшная болѣзнь посѣтила Владиміра Васильковича: именно челюсть его начала гнить. Когда эта неизлѣчимая болѣзнь усилилась, многострадальный князь долженъ былъ подумать о своемъ наслѣдникѣ; такъ какъ у него не было собственнаго потомства. Князь и его любимая подруга Ольга Романовна (княгиня Брянская), не имѣя собственныхъ дѣтей, взяли себѣ на воспитаніе какую-то дѣвочку, по имени Изяславу, которую любили какъ родную дочь.

Выборъ преемника для Волынскаго княженія и кончина Владиміра Васильковича послужили предметомъ цѣлаго лѣтописнаго сказанія, весьма любопытнаго по своимъ подробностямъ. Постараемся передать его сущность.

Изъ троихъ родственниковъ, Льва и Мстислава Даниловичей и Юрія Львовича, Владиміръ выбралъ своимъ наслѣд-

никомъ двоюроднаго брата Мстислава Даниловича. Послѣдній отличался добрымъ, привѣтливымъ характеромъ (былъ «легкосердъ» по замѣчанію лѣтописи), тогда какъ другой двоюродный братъ, Левъ, былъ извѣстенъ гордымъ, корыстнымъ нравомъ, и запятналъ гостепріимство Владимірова отца Василька убійствомъ Войшелга. Повидимому и Юрій, сынъ Льва, не многимъ былъ лучше своего отца относительно характера; по крайней мѣрѣ Владиміръ подъ конецъ жизни не благоволилъ къ своему племяннику. Притомъ Мстиславъ уже по распоряженію Василька Романовича владѣлъ частью Волынской земли, именно Луцкою областью, и вѣроятно Владиміръ желалъ, чтобы послѣ его смерти вся Волынская земля опять соединилась въ рукахъ одного князя, сохраняя свою независимость отъ князей и бояръ собственно Червонорусскихъ. Рѣшеніе свое Владиміръ Васильковичъ объявилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда онъ вмѣстѣ съ Телебугою и нѣкоторыми русскими князьями отправился въ походъ на Ляховъ, то дошелъ только до рѣки Сана, и по причинѣ жестокой болѣзни отпросился у хана домой, оставивъ ему свою рать. Но прежде чѣмъ уѣхать, онъ сказалъ Мстиславу Даниловичу:

«Вѣдаешь, братъ, мою немощь и мою бездѣтность; всю свою землю и всѣ города послѣ смерти отдаю тебѣ; отдаю ихъ при царѣ (Телебугѣ) и его рядцахъ (совѣтникахъ)».

Этою торжественною передачею своей земли въ присутствіи и съ согласія хана Золотой Орды князь конечно хотѣлъ съ одной стороны исполнить обязанность татарскаго вассала, а съ другой желалъ обезпечить наслѣдство отъ возможныхъ потомъ притѣсненій со стороны двухъ другихъ родственниковъ, т. е. Льва Даниловича и сына его Юрія. Тутъ же въ татарскомъ станѣ обратился къ нимъ Владиміръ съ объявленіемъ о передачѣ всей своей земли Мстиславу и о томъ, чтобы никто подъ нимъ ничего не искалъ.

«Чего мнѣ подъ нимъ искать послѣ твоей смерти?—отвѣчалъ Левъ.—Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ; помоги Богъ и своимъ (княженіемъ) управиться въ такое время».

Мстиславъ «ударилъ челомъ» Волынскому князю за его милость къ себѣ, и тоже обратился къ Льву съ слѣдующими словами:

«Брате мой! Володимиръ далъ мнѣ землю свою и города; если захочешь искать чего по смерти брата нашего, то вотъ царь и царевичи, молви свое хотѣніе».

На этотъ вызовъ Левъ не отвѣчалъ ни слова; но въ душѣ его конечно кипѣла зависть къ брату Мстиславу.

Больной Владиміръ воротился въ свой стольный городъ. Въ окрестностяхъ его, какъ извѣстно, свирѣпствовали тогда толпы Татаръ, приставленныхъ къ ханскимъ табунамъ. «Сильно досадила мнѣ эта погань», сказалъ князь, и, оставивъ вмѣсто себя епископа Марка заправлять дѣлами, уѣхалъ съ княгинею и «дворными слугами» въ любимый свой городъ Любомль, лежавшій верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ Владиміра; но такъ какъ и здѣсь было безпокойно отъ Татаръ, то поѣхалъ далѣе къ сѣверу, въ Берестье, а оттуда въ хорошо укрѣпленный Каменецъ. «Когда уйдетъ эта погань изъ нашей земли, то переѣдемъ опять въ Любомль», говорилъ онъ княгинѣ и слугамъ.

По окончаніи татарскаго похода на Ляховъ, въ Каменецъ явились нѣкоторые волынскіе дружинники, участвовавшіе въ этомъ походѣ. Князь распрашивалъ ихъ о войнѣ, о здоровьѣ братьевъ и племянника, о своихъ боярахъ и дружинѣ. «Всѣ остались въ добромъ здоровьѣ», получилъ онъ въ отвѣтъ. Тѣже дружинники донесли ему, что Мстиславъ уже началъ раздавать своимъ боярамъ волынскія села. Прискорбно показалось князю, что выбранный имъ наслѣдникъ еще при жизни его уже началъ распоряжаться наслѣдствомъ, и послалъ онъ немедленно къ Мстиславу гонца съ укорительнымъ словомъ. Тотъ прислалъ его обратно съ выраженіемъ самой глубокой преданности и сыновняго повиновенія къ брату, котораго имѣетъ себѣ «аки отца», чѣмъ и успокоилъ больнаго. Послѣдній чувствовалъ себя все хуже и рѣшилъ письменнымъ актомъ скрѣпить свои условія съ Мстиславомъ. Изъ Каменца князь переѣхалъ въ ближній городъ Рай (Райгородъ) и послалъ къ Мстиславу епископа владимірскаго Евсигнея и двухъ бояръ, Борка и Оловянца, съ словами: «Брате! пріѣзжай ко мнѣ, хочу съ тобой обо всемъ учинить рядъ». Мстиславъ не замедлилъ явиться въ Рай съ своими боярами и слугами, и сталъ на подворьѣ. Доложили Владиміру о пріѣздѣ брата. Тотъ призвалъ его, и, вставъ съ постели, при-

нялъ сидя. Согласно съ русскими обычаями вѣжливости, онъ ничего не говорилъ при этомъ о главной цѣли свиданія, и расспрашивалъ гостя разныя подробности о пребываніи его съ Татарами въ Ляшской землѣ и обратномъ походѣ Телебуги. Когда же гость воротился на свое подворье, тѣже епископъ Евсигней, Борко и Оловянецъ явились къ нему, и объяснили, что князь ихъ призвалъ его для того, чтобы учинить ряды о землѣ и городахъ, о своей княгинѣ и воспитанницѣ, и написать о томъ грамоты. Мстиславъ, слѣдуя тѣмъ же обычнымъ пріемамъ вѣжливости и почитанія старшихъ, вновь повторилъ свои увѣренія, что у него и на мысли не было искать братней земли по его смерти; что братъ самъ сталъ говорить о томъ при Телебугѣ и Алгуѣ, при Львѣ и Юріѣ, и что онъ во всемъ готовъ исполнить волю Божью и братнюю. Тогда Владиміръ велѣлъ своему «писцу» Федорцу написать двѣ грамоты. Первой грамотой князь отказывалъ Мстиславу всю свою землю и города и стольный свой Владиміръ. Второй грамотой князь назначилъ по смерти своей супругѣ городъ Кобринъ съ людьми и съ тѣми данями, которыя шли дотолѣ въ княжую казну; кромѣ того село Городелъ съ мытомъ и съ княжими повинностями; при чемъ избавилъ его жителей отъ повинности городовой, т. е. отъ обязанности приходить на стройку или починку городскихъ стѣнъ; но татарщину (свою долю дани татарской) они все таки должны были доставлять князю. Отказалъ княгинѣ еще села Садовое и Сомино, а также построенный имъ на собственное иждивеніе монастырь свв. Апостолъ во Владимірѣ съ пожалованнымъ монастырю селомъ Березовичи, которое князь купилъ у Федорка Давидовича (можетъ быть, у того же писца княжаго) за 50 гривенъ кунами, 5 локтей скарлата (алаго сукна) и двѣ дощатыя брони. Княгиня по смерти вольна, если пожелаетъ, пойти въ черницы (вѣроятно, при томъ же монастырѣ свв. Апостолъ была и женская обитель), а если не пожелаетъ, то «какъ ей любо; вѣдь мнѣ не смотрѣть вставши, кто что дѣлаетъ по моей смерти», прибавилъ завѣщатель.

Когда грамоты были написаны и противни съ нихъ вручены Мстиславу, послѣдній приведенъ ко кресту, и присягнулъ на точномъ ихъ исполненіи, на томъ, что онъ

не отниметъ у княгини ничего изъ завѣщаннаго ей; а также съ клятвою увѣрялъ, что не обидитъ дѣвочку Изяславу, которую, когда придетъ время, не только не отдастъ за кого нибудь неволею, но выдастъ за мужъ какъ свою родную дочь. Урядивши съ братомъ, Мстиславъ пріѣхалъ во Владиміръ, помолился въ соборномъ храмѣ Богородицы, созвалъ владимірскихъ бояръ и горожанъ, равно «Русичей и Нѣмцевъ», и велѣлъ всенародно читать грамоту Владиміра о передачѣ ему всей земли своей и стольнаго города; послѣ чего епископъ Евсигней воздвизальнымъ крестомъ благословилъ его на княженіе Владимірское. Но больной братъ прислалъ подтвердить ему, чтобы до его смерти онъ подождалъ водворяться на Владимірскомъ столѣ, и Мстиславъ удалился пока въ свой Луцкій удѣлъ. Владиміръ на зиму снова переѣхалъ поближе къ стольному городу, т. е. въ свой дорогой Любомль, и тутъ оставался до самой кончины. Самъ онъ уже не могъ удовлетворять своей охотничьей страсти, а разсылалъ только своихъ слугъ на звѣриные ловы по окрестнымъ лѣсамъ и полямъ.

Пришло лѣто. Къ больному пріѣхалъ посолъ отъ мазовецкаго князя Конрада Семовитовича.

«Господинъ и братъ мой!—велѣлъ сказать Конрадъ,—ты былъ мнѣ въ отца мѣсто и имѣлъ меня подъ твоею рукою; тобой я княжилъ и города свои держалъ, и отъ братьи своей оборонялся. А нынѣ, господине, слышалъ я, что ты уже всю землю свою и города отдалъ брату Мстиславу. Надѣюсь на Бога и на тебя; пошли своего посла вмѣстѣ съ моимъ къ брату, чтобы онъ также принялъ меня подъ свою руку и также оборонялъ отъ обиды».

Владиміръ исполнилъ просьбу Конрада. Мстиславъ конечно также отвѣчалъ сердечною готовностію на ея исполненіе; кромѣ того, съ позволенія Владиміра, послалъ звать Конрада къ себѣ на свиданье. Конрадъ поспѣшилъ отправиться въ путь; дорогою заѣхалъ сначала въ Любомль повидать Владиміра и поплакать надъ его болѣзнію; получилъ отъ него въ подарокъ добраго коня, и поѣхалъ въ Луцкъ къ Мстиславу. Послѣдняго на ту пору въ городѣ не случилось: онъ проживалъ въ ближнемъ и любимомъ своемъ селѣ Гаѣ, гдѣ построилъ красивую церковь и богатые княжіе хоромы. Здѣсь Мсти-

славъ, окруженный своими боярами и слугами, очень радушно встрѣтилъ и угостилъ Конрада, обѣщалъ принять его подъ свою руку, стоять за него, честить и дарить также, какъ стоялъ, честилъ и дарилъ его братъ Владиміръ. Затѣмъ Луцкій князь съ честью отпустилъ Конрада, щедро надѣливъ его подарками, въ томъ числѣ прекрасными конями въ богатыхъ сѣдлахъ и дорогими одеждами.

Въ Любомль прискакалъ изъ Люблина гонецъ, по имени Яртакъ. Доложили Владиміру; тотъ не допустилъ его къ себѣ, и велѣлъ княгинѣ распросить, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Яртакъ объявилъ, что князь краковскій Лешко Казиміровичъ (Черный) скончался и что Люблинцы зовутъ Конрада Семовитовича на Краковско-Судомірское княженіе. Больной князь велѣлъ дать подъ Яртака свѣжихъ коней, и тотъ нашелъ Конрада во Владимірѣ Волынскомъ на обратномъ его пути изъ Луцка. Обрадованный Конрадъ прискакалъ въ Любомль, и просилъ свиданія съ Волынскимъ княземъ; но Владиміръ и его не допустилъ къ себѣ, а также велѣлъ переговорить съ нимъ княгинѣ. Мазовецкій князь просилъ послать съ нимъ воеводу Дуная, конечно, съ цѣлью показать Полякамъ свою дружбу и союзъ съ сильнымъ Волынскимъ княземъ. Но или посольство Яртака было дѣломъ только небольшой партіи, или обстоятельства быстро перемѣнились: Люблинцы заперли передъ княземъ ворота и не впустили его въ городъ. Конрадъ остановился въ загородномъ монастырѣ, и отсюда вступилъ въ переговоры съ горожанами, спрашивая, зачѣмъ же они его звали къ себѣ.

«Мы за тобой не посылали, отвѣчали Люблинцы,—намъ голова Краковъ; тамъ наши воеводы и великіе бояре; сядешь въ Краковѣ, и мы твои».

Вдругъ пришла вѣсть, что къ городу приближается рать. Подумали, что это были Литовцы, и всѣ переполошились. Конрадъ съ своими слугами и съ Дунаемъ заперся на монастырской башнѣ. Но страхъ оказался напрасенъ; то была русская дружина съ княземъ Юріемъ Львовичемъ. Люблинская область, населенная по большей части Русскимъ племенемъ, составляла предметъ давнихъ желаній Галицкихъ князей, и Левъ съ сыномъ думали теперь воспользоваться наступившими въ Польшѣ смутами, чтобы захватить

Люблинъ. Повидимому здѣсь тоже была партія, которая звала Юрія. Однако онъ также обманулся какъ и Конрадъ. Люблинцы не только не впустили его, но и явно начали готовиться къ оборонѣ. Нѣкоторые горожане съ насмѣшкою говорили ему: «князь, ты плохо ѣздишь (на войну); рать у тебя мала; придутъ многочисленные Ляхи и причинятъ тебѣ великій соромъ». Юрій долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что разграбилъ, поплѣнилъ и пожегъ окрестныя села, и удалился. Конрадъ тоже со стыдомъ уѣхалъ во свояси.

Обманувшійся въ разсчетѣ на Люблинскую область, Юрій Львовичъ прислалъ къ дядѣ въ Любомль сказать ему:

«Господине строю мой! Богу и тебѣ вѣдомо, какъ я со всею правдою служилъ тебѣ и имѣлъ тебя вмѣсто отца; а нынѣ отецъ мой (Левъ) отнимаетъ у меня тѣ города, которые мнѣ далъ, Бельзъ, Червенъ и Холмъ, и оставляетъ только Дрогичинъ и Мельникъ. Бью челомъ Богу и тебѣ, дай мнѣ господине, Берестье».

Отнятіе городовъ Львомъ у сына конечно было притворное, не болѣе какъ предлогъ просить Берестейскаго уѣзда. Владиміръ отправилъ назадъ посла съ рѣшительнымъ отказомъ, велѣвъ объявить, что онъ не нарушитъ договора съ братомъ, которому отдалъ всѣ свои земли и всѣ города. Волынскій князь не ограничился этимъ отвѣтомъ; безпокоясь о цѣлости Волынской земли и зная доброту Мстислава, онъ снарядилъ къ нему своего вѣрнаго слугу Ратьшу съ извѣстіемъ о просьбѣ племянника, и, взявъ при этомъ изъ своей постели пукъ соломы въ руку, прибавилъ: «скажи брату, чтобы и такой вѣхоть соломы не давалъ никому послѣ моей смерти». Мстиславъ по обыкновенію отвѣчалъ клятвою въ своемъ повиновеніи, и щедро одарилъ Ратьшу. Однако со стороны Галицкихъ князей попытка на счетъ Берестья тѣмъ не ограничилась. Отъ самого Льва Даниловича пріѣхалъ въ Любомль посломъ Перемышльскій епископъ, по имени Мемнонъ. Когда слуга доложилъ о пріѣздѣ владыки, Владиміръ догадался въ чемъ дѣло, и позвалъ его къ себѣ. Владыка вошелъ, поклонился до земли, и сказалъ: «братъ тебѣ кланяется». Потомъ, приглашенный хозяиномъ, онъ сѣлъ и «началъ править посольство».

«Господине! вотъ что братъ велѣлъ молвить тебѣ: дядя твой король Данило, а мой отецъ лежитъ въ Холмѣ у святой Богородицы, тутъ же лежатъ кости сыновей его, а моихъ братьевъ Романа и Шварна. А нынѣ слышалъ про твою великую немочь; не погаси свѣчей надъ гробомъ дяди и братьевъ твоихъ, дай городъ Берестье, это будетъ твоя свѣча».

Владиміръ, какъ великій книжникъ и философъ, много говорилъ съ епископомъ отъ Св. Писанія; а въ заключеніе велѣлъ отвезти такой отвѣтъ:

«Брате и княже Льве! За безумнаго что ли ты меня почитаешь, чтобы я не разумѣлъ твоихъ хитростей? Развѣ мала у тебя собственная земля? Три княженія держишь, Галицкое, Перемышльское и Бельзское, а хочешь еще Берестья. Вотъ мой отецъ, а твой дядя лежитъ во Владимірѣ у Св. Богородицы, много ли ты надъ нимъ свѣчъ поставилъ? Далъ ли ты какой городъ на свѣчу по немъ? Прежде просилъ живымъ, а теперь ужъ и мертвымъ просишь. Не только города, села тебѣ не дамъ».

Всѣ эти происки очевидно раздражали больнаго князя. Однако онъ съ честью отпустилъ владыку, и одарилъ его. Между тѣмъ тяжкія страданія князя все усиливались; хотя онъ могъ еще вставать, но уже челюсть нижняя съ зубами перегнила и обнажилась отъ мяса. По обычаю благочестивыхъ людей того времени князь роздалъ нищимъ и убогимъ значительную часть движимаго имѣнія, какъ полученнаго отъ отца, такъ и нажитаго имъ самимъ, именно золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса; а большія серебряныя блюда, золотые кубки и золотыя монисты матери и бабушки велѣлъ на своихъ глазахъ разбить и перелить въ гривны, изъ которыхъ разсылалъ милостыни по всей землѣ; великіе табуны свои раздавалъ неимущимъ коней, особенно тѣмъ, которые лишились ихъ во время прихода Телебуги.

Настала зима. Чувствуя приближеніе кончины, князь причастился у своего духовнаго отца въ созданной имъ самимъ церкви Св. Георгія. Тутъ въ маломъ алтарѣ, гдѣ священники снимаютъ свои ризы, князь сидѣлъ на стулѣ и слушалъ литургію, будучи уже не въ силахъ стоять на ногахъ. Воротясь въ теремъ, онъ легъ и болѣе не выходилъ. Гніеніе дошло уже до гортани, такъ что больной въ теченіе семи

недѣль не могъ принять пищи и только пилъ по немногу воды. Наконецъ въ ночь съ четверга на пятницу 10 Декабря 1289 года въ день Св. Мины, Владиміръ Васильковичъ испустилъ духъ. Княгиня и «дворные слуги», омывъ тѣло и завернувъ его въ оксамитъ съ кружевами, «какъ подобаетъ царямъ», возложили его на сани и въ тотъ же день отвезли во Владиміръ, въ соборъ Богородицы. Было уже поздно, и тѣло оставили въ церкви на саняхъ. Въ субботу рано поутру послѣ заутрени епископъ Евсигней съ игумнами, въ томъ числѣ Агапитомъ Печерскимъ, отпѣвъ обычныя молитвы, положили тѣло Владиміра въ каменную гробницу. Лѣтописецъ передаетъ при этомъ и самыя причитанья надъ тѣломъ покойнаго супруги его Ольги Романовны, которая особенно поминала его незлобіе и терпѣніе. Кромѣ нея плакала надъ нимъ и сестра покойнаго Ольга Васильевна, бывшая замужемъ за однимъ изъ Черниговскихъ князей. «Лѣпшіе мужи» Владимірскіе плакали надъ нимъ, поминая, что онъ никому не давалъ ихъ въ обиду подобно дѣду своему Роману, и что теперь зашло ихъ солнце и конецъ ихъ безъобидному житію. По слову лѣтописца, плакали о немъ не одни русскіе жители Владиміра, богатые и нищіе, міряне и черноризцы, но также Нѣмцы, Сурожскіе (итальянскіе) и Новогородскіе торговые люди, и самые Жиды, какъ будто послѣ взятія Іерусалима, когда ихъ вели въ плѣнъ Вавилонскій. Съ 11 Декабря до самаго Апрѣля гробъ былъ только накрытъ крышкою, но еще не замазанъ известью; а 6 Апрѣля въ середу на страстной недѣлѣ княгиня и епископъ со всѣмъ причетомъ, открывъ гробъ и совершивъ обычныя молитвы, на глухо его замазали.

Князь Мстиславъ не поспѣлъ пріѣхать къ 11 Декабря, т. е. на погребеніе брата, а пріѣхалъ уже послѣ съ своими боярами и слугами. Совершивъ плачъ надъ гробомъ, онъ началъ разсылать свою засаду (гарнизоны) по всѣмъ городамъ волынскимъ. Но тутъ вновь возникъ вопросъ о Берестейскомъ удѣлѣ. Берестьяне, склоненные Галицкими князьями, учинили крамолу, и едва Владиміръ скончался, послали за Юріемъ Львовичемъ и присягнули ему какъ своему князю. Юрій поспѣшилъ пріѣхать въ Берестье и поставилъ здѣсь свою засаду, также въ городахъ Каменцѣ и Бѣльскѣ. Волынскіе бо-

яре изъявили Мстиславу готовность положить за него свои головы, чтобы смыть соромъ, возложенный на него племянникомъ. Они совѣтовали князю сначала занять собственные города послѣдняго, Бельзъ и Червенъ, а потомъ идти на Берестье. Но «легкосердый» Мстиславъ не хотѣлъ проливать кровь неповинную, и прежде сталъ дѣйствовать на Юрія увѣщаніями, напоминая всѣ предшествовавшія обстоятельства передачи ему Волынской земли покойнымъ Владиміромъ при Татарскомъ ханѣ, съ молчаливаго согласія самого племянника и его отца. Въ случаѣ дальнѣйшаго упорства возлагалъ на него отвѣтъ за пролитіе крови, и объявилъ, что онъ не только самъ снаряжается на рать, но уже послалъ звать къ себѣ на помощь Татаръ. Съ тѣми же рѣчами отправилъ Владимірскаго владыку и къ самому Льву Даниловичу. Послѣдній испугался угрозы Татарами («у него не сошла еще оскомина отъ Телебужиной рати»); увѣрялъ, будто сынъ учинилъ все это безъ его вѣдома, и обѣщалъ послать ему повелѣніе удалиться изъ Берестья. И дѣйствительно послалъ съ такимъ повелѣніемъ своего боярина вмѣстѣ съ бояриномъ Мстислава. Юрій не упорствовалъ болѣе, и со стыдомъ выѣхалъ изъ Берестьенской области, сорвавъ зло на княжихъ дворахъ и теремахъ, которые разграбилъ и разорилъ какъ въ Берестьѣ, такъ въ Каменцѣ и Бѣльскѣ. Между тѣмъ Мстиславъ отправилъ гонца воротить съ дороги своего служебнаго князя Юрія Поросскаго, служившаго прежде Владиміру; этого князя онъ уже послалъ было звать Татаръ.

Мстиславъ пріѣхалъ въ Берестье. Горожане встрѣтили его съ крестами и выраженіемъ своей покорности; только главные заводчики крамолы бѣжали въ Дрогичинъ вмѣстѣ съ Юріемъ, который присягнулъ не выдавать ихъ дядѣ. Изъ Берестья Волынскій князь проѣхалъ въ Каменецъ и Бѣльскъ, также утвердилъ ихъ за собой присягой жителей, и оставилъ въ нихъ свою засаду. Воротясь въ Берестье, онъ спросилъ своихъ бояръ: «А есть ли тутъ ловчее»? (поборъ съ жителей на содержаніе княжей охоты). Ему отвѣчали, что никогда не было. «Нехочу смотрѣть на ихъ кровь (казнить смертію), а за ихъ крамолу на вѣки уставляю ловчее». И велѣлъ своему писцу написать уставную грамоту, по которой ежегодно взималось съ каждой сотни (купцовъ) два

лукна меду, двѣ овцы, пятнадцать десятковъ льну, сто хлѣбовъ, пять цебровъ овса, пять цебровъ ржи и 20 куръ, а съ простыхъ горожанъ четыре гривны кунъ. При этомъ крамола Берестьянъ по княжему приказу была внесена въ лѣтопись на память потомству.

Какъ видно, Владиміръ Васильковичъ не ошибся въ выборѣ своего преемника. Княженіе Мстислава Львовича на Волыни по своему характеру было какъ бы продолженіемъ княженія Владимірова. Онъ умѣлъ сохранить не только миръ съ сосѣдями, но и пользовался уваженіемъ. Между прочимъ литовскіе князья сосѣдней Черной Руси (братья Бурдикидъ и Будивидъ), чтобы укрѣпить миръ съ Волынью, уступили ему городъ Волковыйскъ. Конрада Мазовецкаго онъ не даромъ взялъ подъ свою руку; по просьбѣ его Волынскій князь послалъ ему на помощь свою рать съ воеводою Чудиномъ, которая завоевала Конраду княженіе Судомірское. А старшій братъ его Левъ Галицкій съ своей стороны самъ водилъ свое войско на помощь брату Конрадову Болеславу Семовитовичу, который велъ борьбу съ однимъ изъ силезскихъ князей Генрихомъ Вратиславичемъ за старшее, т. е. за Краковское княженіе. Кромѣ галицкой рати въ этомъ походѣ соединились съ Болеславомъ родной братъ его Конрадъ и двоюродный Владиславъ Казиміровичъ Локотокъ (Маленькій), одинъ изъ удѣльныхъ князей Куявскихъ, впослѣдствіи знаменитый объединитель Польской земли. Союзники подступили къ Кракову, и заняли внѣшній городъ; но внутренній замокъ или кремль храбро обороняли наемные Нѣмцы, оставленные здѣсь Генрихомъ Вратиславичемъ. Этотъ замокъ былъ очень крѣпокъ, весь каменный и хорошо снабженный метательными орудіями, каковы пороки и «самострѣлы коловоротные, великіе и малые». Левъ Даниловичъ, извѣстный своимъ ратнымъ искусствомъ и храбростью, и притомъ какъ сильнѣйшій изъ союзниковъ, принялъ главное начальство; онъ повелъ свою рать на приступъ и велѣлъ тоже сдѣлать Ляхамъ. Но въ самомъ разгарѣ боя, вдругъ пришла вѣсть, что на помощь осажденнымъ приближается большое войско. Левъ пріостановилъ приступъ, началъ приводить въ порядокъ свои полки и послалъ въ поле развѣдчиковъ. Оказалось, что никого не было. Сами союзники Ляхи съ умысломъ распространили ложную тревогу,

чтобы помѣшать взятію города Русью. Тогда Левъ ограничился посылкою своихъ отрядовъ въ собственныя владѣнія Генриха и захватомъ множества плѣнныхъ. Изъ подъ Кракова онъ ѣздилъ на свиданіе съ королемъ чешскимъ Вацлавомъ II, однимъ изъ претендентовъ на Краковское княженіе, и, заключивъ съ нимъ союзъ, воротился домой (1291). Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ умеръ, и Вацлавъ Чешскій былъ призванъ частью польскихъ вельможъ на Краковскій столъ; соперникомъ ему выступилъ Владиславъ Локотокъ, который въ своемъ маломъ тѣлѣ обнаружилъ замѣчательную отвагу и неустанную энергію. Пользуясь этими смутами, Левъ исполнилъ наконецъ одно изъ своихъ давнишнихъ стремленій: съ помощію постоянныхъ союзниковъ своихъ Татаръ онъ завоевалъ у Ляховъ Люблинъ. Но не долго Русь владѣла этимъ городомъ: вскорѣ по смерти Льва Ляхи отняли его назадъ.

Отличавшійся неукротимымъ, буйнымъ нравомъ въ молодости своей, подъ старость Левъ сдѣлался довольно тихимъ и кроткимъ; за исключеніемъ упомянутыхъ столкновеній съ Поляками жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, занимался устроеніемъ своей земли, особенно укрѣпленіемъ и украшеніемъ своего стольнаго города Львова, гдѣ поселилъ много иноземныхъ торговцевъ и ремесленниковъ нѣмецкихъ и восточныхъ (между прочимъ Армянъ и Евреевъ). Дружба его съ Татарами простиралась до того, что онъ держалъ при себѣ татарскихъ тѣлохранителей. Онъ скончался въ 1301 году, оставивъ всѣ свои земли сыну Юрію. Около того же времени умеръ и братъ его Мстиславъ. Тогда Юрій Львовичъ соединилъ въ своихъ рукахъ обѣ юго-западныя Руси, Галицкую и Волынскую. Подъ его же рукою находились князья Пинскіе и нѣкоторые другіе удѣльные князья на Полѣсьѣ и Кіево-Волынской украйнѣ. Въ то же время, по смерти чешскаго короля Вацлава II (1305) Локотокъ достигъ цѣли своихъ долгихъ усилій, сѣлъ на Краковско-Судомірскомъ княженіи, и началъ собираніе Польской земли. А съ другой стороны выдвинулось на историческую сцену столь же обильное послѣдствіями для юго-западной Руси объединеніе Литвы, во главѣ которой явились Витенъ и братъ его Гедиминъ ([69]).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

[1]) Для очерка Кіевской области и города Кіева, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій и личнаго знакомства съ топографіей и древностями, я имѣлъ подъ руками слѣдующія пособія: Митрополита Евгенія «Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи». Кіевъ 1825. Его же «Описаніе Кіевопечерской лавры». К. 1826. Изданныя Фундуклеемъ: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ». К. 1847., «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи». К. 1848. и «Статистическое описаніе Кіевской губерніи». Спб. 1852. Пахилевича—«Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи». К. 1864. Блазіуса — Reise im Europäischen Russland. Braunschweig. 1844. Петцольда—Reise im westlichen und südlichen europäischen Russland. Leipzig. 1864. Гакстгаузена—Studien über die Zustände Russlands. Hannover—Berlin. 1847—1852. Бѣляева—«О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» (Записки Географич. Общества. Кн. VI. 1852). Погодина—«Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи». Т. III. глава 3. Н. Барсова.—«Матеріалы для историкогеографическаго словаря Россіи». Вильна. 1865. Самымъ богатымъ пособіемъ для знакомства собственно съ древнимъ городомъ Кіевомъ и его древностями, а также и съ самою литературою этого предмета служитъ обширный и добросовѣстный трудъ Н. Закревскаго «Описаніе Кіева». М. 1868 г. два тома, съ атласомъ, изданіе Московскаго археологическаго общества. Затѣмъ слѣдуетъ весьма полезное изданіе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ—«Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей». К. 1874 (подъ редакціей профессоровъ Антоновича и Терновскаго). Хорошимъ дополненіемъ къ этимъ изданіямъ являются изслѣдованія софійскаго протоіерея Лебединцева «О св. Софіи Кіевской» и профессора Лашкарева «Кіевская архитектура X—XII вѣка». (См. Труды Третьяго археологическаго съѣзда. К.

1878). «Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ Конецъ»— также Лашкарева (Труды Кіевской духовной Академіи за 1879 г.). «Древнѣйшая въ Россіи церковь Спасъ на Берестовѣ»—Сементовскаго. К. 1877. Кромѣ того упомяну «Кіевскія мозаики»—Крыжановскаго (въ Запискахъ Археолог. Общ. т. VIII. Спб. 1856). Не привожу многихъ другихъ относящихся къ Кіеву и его древностямъ описаній, объясненій, замѣтокъ и т. п., принадлежащихъ, напримѣръ, Берлинскому, Сементовскому, Муравьеву и особенно Максимовичу (См. 2-й томъ его сочиненій К. 1877). А что касается до писателей иностранныхъ, польскихъ и малорусскихъ, преимущественно такихъ, которые были очевидцами многихъ уже исчезнувшихъ теперь остатковъ древняго Кіева, то все существенное извлечено изъ нихъ въ упомянутомъ «Сборникѣ матеріаловъ». (Ляссота, Сильвестръ Коссовъ, Кальнофойскій, Павелъ Алепскій и друг.).

Считаю необходимымъ присоединить слѣдующее замѣчаніе относительно урочища или мѣстности, извѣстной въ лѣтописи подъ именемъ Угорскаго. Уже Шлецеръ въ своемъ Несторѣ (II. 236 стр. перевода Языкова) производилъ это названіе отъ горы, т. е. объяснялъ его угорьемъ. Закревскій такое объясненіе называетъ страннымъ (стр. 191), и стоитъ за обычное производство отъ народа Угры. Это словопроизводство основано на словахъ русской лѣтописи подъ 986 г.: «Идоша угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское; пришедше къ Днѣпру сташа вѣжами». Но такое извѣстіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Съ нимъ обыкновенно связывается представленіе о какомъ-то переходѣ Угровъ изъ ихъ родины отъ Уральскихъ степей на Дунай. Представленіе совершенно ложное. Во первыхъ, Угры, по византійскимъ извѣстіямъ, находились въ южной Россіи и около Дуная еще въ первой половинѣ IX вѣка, и уже прежде 898 года разрушили Великоморавскую державу въ союзѣ съ Нѣмцами. А во вторыхъ, ни въ какомъ случаѣ имъ не лежалъ путь отъ Уральскихъ степей къ Дунаю по правому, нагорному и лѣсистому берегу Днѣпра мимо Кіева. Невозможно также представить себѣ (какъ это дѣлали) и переправу кочевой орды съ лѣваго берега на правый подъ Угорскимъ и стоянку вежами на этомъ обрывѣ, покрытомъ тогда дебрями, притомъ переправу черезъ упомянутую сѣть днѣпровскихъ рукавовъ, притоковъ, заливовъ и болотъ и стоянку дикой степной орды почти въ самой столицѣ сильнаго Русскаго княжества! Нѣтъ сомнѣнія, что

лѣтописное извѣстіе объ этой стоянкѣ было плодомъ мѣстнаго домысла, пытавшагося объяснить названіе Угорское, которое невольно напоминало народъ Угровъ. Здѣсь въ лѣтописи все таже попытка осмыслить мѣстныя топографическія названія, какую мы видимъ въ легендахъ о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ, Лыбеди, Оскольдовой и Дировой могилѣ. Между тѣмъ и доселѣ въ Сѣверной Россіи слово угоръ значитъ крутой, землистый берегъ рѣки (Очерки Рус. Историч. географіи—Барсова. Прим. 33).

Сюда же относится вопросъ о мѣстѣ княжаго загороднаго дворца Угорскаго. Напримѣръ, лѣтопись говоритъ, что въ 1151 г., когда Изяславъ II призвалъ на великое княженіе дядю Вячеслава, то дядя помѣстился на Великомъ дворѣ Ярослава, а племянникъ «подъ Угорскимъ». Этотъ Угорскій дворецъ не знали куда отнести и связывали его съ мѣстомъ Оскольдовой могилы (Закрев. 197). Но невозможно предположить, чтобы княжескій загородный дворъ, для котораго требовался порядочный просторъ, лѣпился гдѣ нибудь на уступѣ горы или внизу у подошвы этой горы, спускающейся почти въ самую рѣку. Мы думаемъ, что Угорскимъ дворомъ назывался въ XII вѣкѣ ничто иное какъ княжій дворъ на Берестовѣ, расположенный на Угорьѣ. Этотъ дворецъ по своему значенію очевидно занималъ первое мѣсто между княжескими загородными теремами, и вообще второе мѣсто послѣ Великаго двора Ярославова въ Кіевѣ. Въ лѣтописи еще упоминаются однажды ворота Угорскія (1151). Но тутъ вѣроятно разумѣлись не ворота самого города, а ворота Берестовскаго двора, который могъ быть укрѣпленъ особою стѣною или валомъ. Возможно, что этотъ дворъ входилъ въ черту какого либо внѣшняго вала, примыкавшаго къ укрѣпленіямъ города. Вотъ мѣсто лѣтописи: «а Коуеве и Торчи и Печенѣзи туда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ, а оттолѣ они и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ воротъ и до Днѣпра». Берестово упоминается здѣсь по сосѣдству съ Угорскими воротами; что ясно можетъ указывать на тождество двора Угорскаго съ Берестовскимъ.

О красотѣ кіевскихъ женщинъ, какъ одной изъ причинъ, по которой Поляки Болеслава Смѣлаго не желали разстаться съ этимъ краемъ, говоритъ Стрыйковскій (I. 165).

[2]) Существуетъ списокъ съ жалованной грамоты Андрея Боголюбскаго Кіево-Печерскому монастырю на городъ Василевъ съ при-

надлежавшими ему владѣніями и угодьями; какъ родина св. Θеодосія этотъ городъ, т. е. княжіе доходы съ него отдаются Θеодосіеву монастырю. Грамота была бы очень важна для знакомства съ положеніемъ этого края въ XII вѣкѣ, если бы она была достовѣрна. Но уже митрополитъ Евгеній, напечатавшій ее, называетъ ее сомнительной, и вполнѣ справедливо. (См. его Описаніе Кіево-печ. Лавры). Однако весьма возможно, что въ основу сего велерѣчиваго и необыкновенно щедраго позднѣйшаго произведенія легла какая нибудь дѣйствительно древняя грамота. Въ ней можно отыскать слѣды этой древности. Между прочимъ она говоритъ о городахъ «Поросскихъ» иначе «Завальскихъ», т. е. лежавшихъ за Стугненскимъ валомъ; упоминаетъ слѣдующіе могильные курганы: Великую Могилу на Бѣло-княжескомъ полѣ, курганъ на Невеселовскомъ полѣ, Перепетовъ и Перепетовку. Любопытно, что всѣ эти четыре древнихъ кургана сохранились до нашего времени. А послѣдніе два удержали свои древнія названія и украсились народною легендою о погребенныхъ подъ ними князѣ Перепетѣ и его супругѣ Перепетихѣ. Курганъ Перепетиха подвергнутъ былъ тщательной раскопкѣ Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; въ немъ подъ обрушившимся сводомъ изъ дубовъ и камней найдены остатки скелетовъ, глиняныхъ сосудовъ, деревянныхъ щитовъ съ металлическими бляхами, стрѣлъ, желѣзныхъ ножей и топоровъ, ожерелья изъ шариковъ, стеклянныхъ, костяныхъ и цвѣтныхъ камушковъ, и нѣкоторыя металлическія украшенія. (См. «Древности», изданныя этою Коммиссіей. Спб. 1846. съ атласомъ).

Мнѣнія о положеніи Торческа весьма разнообразны. По однимъ онъ лежалъ на берегу рѣки Торы, впадающей справа въ Рось въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Этого мнѣнія держались Карамзинъ (къ т. II. прим. 165), Надеждинъ и Неволинъ (см. Изслѣд. и лекціи Погодина. IV. 153). Другіе указываютъ на село Безрадачи на лѣвой сторонѣ Стугны въ Кіевскомъ уѣздѣ (Ревякинъ въ Кіев. губ. Вѣд. 1863. №№. 33 и 34). Къ этому мнѣнію склоняются Пахилевичъ (39) и Барсовъ (200). Послѣднему мнѣнію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи о походѣ 1093 года: князья, идя на Половцевъ, осадившихъ Торческъ, перешли Стугну, и затѣмъ уже встрѣтились съ варварами. Слѣдовательно этотъ городъ лежалъ на правой сторонѣ Стугны. Первое мнѣніе имѣетъ болѣе вѣроятія; но, по смыслу лѣтописныхъ извѣстій о Торческѣ скорѣе

можно его предположить внутри Поросья, т. е. не на правомъ притокѣ Роси, а на лѣвомъ (м. б. на Рутѣ). Впрочемъ въ древней Руси повидимому былъ не одинъ городъ съ названіемъ Торческа или Торцкаго. Относительно положенія кіевскаго Звенигорода также высказывались разныя мнѣнія. Наиболѣе вѣроятно предположеніе кіевскаго профессора Антоновича, который указываетъ на городище близъ села Хотова, въ 15 верстахъ отъ Кіева по дорогѣ въ Васильковъ. («О мѣстоположеніи древняго кіевскаго Звенигорода» въ Древностяхъ Моск. Археол. Общ. Т. VI. вып. I. M. 1875). О положеніи Заруба и Зарубскаго пещернаго монастыря около теперешнихъ селъ Трахтемирова, Зарубницъ и деревни Монастырокъ см. нѣсколько соображеній и указаніе на остатки пещеръ у Срезневскаго въ «Свѣд. и замѣт. о малоизв. и неизв. памят.» 1867.

[3]) Извѣстія русской лѣтописи о Черныхъ Клобукахъ собраны въ Изслѣдд. и лекціяхъ Погодина. V. 181—208; а также въ статьѣ Самчевскаго «Торки, Берендѣи и Черные Клобуки» (Архивъ Калачова т. II. ч. I). Замѣчаніе о наружности ихъ сдѣлано на основаніи мадьярскаго писателя Эрнея, который говоритъ о Печенѣгахъ, поселившихся въ Венгріи: тамъ они имѣли значеніе той же легкой пограничной конницы какъ и у насъ. (См. «О Торкахъ, Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ»—Куника въ Учен. Запискахъ Академіи Наукъ по 1 и 3 отд. т. III. вып. 5). Арабскіе писатели X вѣка также изображаютъ Печенѣговъ (Баджнаки) народомъ длиннобородымъ и усатымъ. (Абу Дулафъ въ «Сказан. Мусульм. писателей» Гаркави, 185). По извѣстію Константина Багрянороднаго (De administr imperio) Печенѣги отличались отъ Узовъ или Торковъ болѣе короткимъ и безрукавымъ платьемъ. Но когда остатки тѣхъ и другихъ смѣшались вмѣстѣ въ южной Руси подъ именемъ Берендѣевъ или Черныхъ Клобуковъ, то конечно съ теченіемъ времени сгладились ихъ различія въ одеждѣ.

[4]) П. С. Р. Лѣт. Пособіями для обозрѣнія Полѣсья и Волыни, какъ и другихъ древнерусскихъ областей служатъ упомянутыя въ 1 примѣч. общіе историко-географическіе труды Бѣляева, Погодина и Барсова, который кромѣ Матер. для историко-географич. словаря издалъ еще «Очерки русской исторической географіи» Варшава. 1873 (на послѣднее сочиненіе см. критику Майкова въ Жур. М. Н. Пр.

1874. Августъ, и Замысловскаго, ibid. 1875 Февраль). Кромѣ того: Географическіе словари Щокотова (6 томовъ) и Семенова (5 томовъ). Списки населенныхъ мѣстъ Рос. имперіи. Тщательно составленный «Учебный атласъ по Русской исторіи» профес. Замысловскаго изданіе 2-е Спб. 1869. Весьма подробная и хорошо изданная въ отдѣльныхъ листахъ «Карта Европейской Россіи»—Военно-топографическаго отдѣла Главнаго штаба. Также «Подробный Атласъ Россійской имперіи съ планами главныхъ городовъ»—Ильина. Спб. 1876. L'empire des tsars—Шницлера. «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», собранные офицерами Генеральнаго штаба. Къ сожалѣнію весьма полезное изданіе этихъ Матеріаловъ прекратилось неоконченнымъ; между прочимъ остались неизданы губерніи Кіевская, Волынская и Подольская. Изъ этихъ Матеріаловъ Полѣсья касаются труды подполковника Зеленскаго—«Минская губернія». Спб. 1864 г. и подполковника Бобровскаго, «Гродненская губернія». Спб. 1863. Г. Бобровскій присоединилъ къ своему труду обстоятельное описаніе городовъ и мѣстечекъ съ ихъ историческими древностями, чего не находимъ у г. Зеленскаго. Для характеристики Полѣсья любопытны также очерки Шпилевскаго и «Замѣтки о западной части Гродненской губерніи» въ Этногр. Сборникѣ Географич. Общества. Вып. 3-й. 1858. Упомянемъ еще «Девять губерній западно-Русскаго края»—Столпянскаго. Спб. 1866. «Опытъ исторической географіи Русскаго міра»—неконченная статья Надеждина (въ Библ. для чт. 1837. т. XXII).

Относительно спорнаго вопроса о положеніи Болоховской области имѣемъ добросовѣстное изслѣдованіе Дашкевича: «Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи». (Въ Трудахъ Третьяго Археол. съѣзда. Кіевъ. 1878. Тамъ же см. рефераты гг. Рогге и Оссовскаго о нѣкоторыхъ раскопанныхъ на Волыни курганахъ). Въ этнографическомъ отношеніи для Югозападной Руси богатымъ пособіемъ служатъ «Записки Югозападнаго отдѣла» Географич. Общества. Кіевъ. 1874—75 г., и «Труды экспедиціи въ Западно-Русскій край», снаряженной тѣмъ же Обществомъ. Спб. 1872. (Югозападный отдѣлъ состоитъ изъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ Чубинскимъ). По естественной исторіи Югозападнаго края много матеріаловъ собрано въ «Трудахъ Высочайше утвержденной при университетѣ св. Владиміра Коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа» (кромѣ многихъ отдѣльныхъ сочиненій по этому предмету). Изъ польскихъ трудовъ важнымъ пособіемъ

для древней западной Руси могла бы служить пользующаяся заслуженною извѣстностью Starożytna Polska Балинскаго и Липинскаго. Три тома. Warszawa. 1843—1846; но къ сожалѣнію въ описаніяхъ древнерусскихъ городовъ почти совсѣмъ отсутствуютъ древнерусскіе памятники, при обиліи извѣстій о костелахъ и другихъ польско-католическихъ или уніатскихъ зданіяхъ и учрежденіяхъ. Затѣмъ слѣдуютъ путевыя и другія замѣтки Поляковъ о Югозападномъ краѣ, которыя при всей скудости содержанія иногда даютъ нѣкоторыя полезныя указанія (въ родѣ «Podole, Wołyń, Ukraina» Przezdzieckiego. Wilno. 1841).

Для нагляднаго знакомства съ нѣкоторыми древностями Волыни служатъ «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ». Спб.. 1868—роскошное изданіе Министерства Внутр. дѣлъ, исполненное по почину П. Н. Батюшкова, въ четырехъ выпускахъ, обнимающихъ Владиміръ, Луцкъ, Острогъ и Овручъ. Къ сожалѣнію, «Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни», издававшійся техниками Волынскаго губернскаго правленія, прекратился на первомъ выпускѣ, заключающемъ древности Острога (Житоміръ. 1868 г.). Разныя рукописныя свѣдѣнія о древностяхъ Волынской губерніи обязательно сообщены автору настоящаго труда волынскимъ губернаторомъ графомъ Подгоричани.

Что касается до отношенія языка древней югозападной Руси къ настоящимъ нарѣчіямъ Малорусскому и Великорусскому, то конечно съ полною достовѣрностью можемъ предположить, что ея народный языкъ (не книжный) былъ ближе къ настоящему Малорусскому нарѣчію. Но вообще историческая сторона этого вопроса остается пока неизслѣдованною; хотя и были нѣкоторыя къ тому попытки. Укажу въ особенности на трудъ Житецкаго «Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія». Кіевъ. 1876. Онъ ищетъ слѣдовъ древнѣйшаго языка югозападной Руси въ Подлясьѣ, т. е. въ области Западнаго Буга, когда-то колонизованной Волынскимъ племенемъ; такъ какъ здѣсь болѣе сохранилось архаизмовъ въ мѣстномъ говорѣ. Мы думаемъ, что для уясненія вопроса о древнемъ южнорусскомъ нарѣчіи должно также обращаться къ языку Угорской, т. е. Закарпатской, Руси, которую считаемъ древнею вѣтвію Червоноруссовъ и Волынянъ. Говоры всей Югозападной Руси въ періодъ соединенія съ Польшею подвергались значительному вліянію Польскаго языка, какъ родственнаго; тогда какъ на Угор-

ской Руси нарѣчіе сохранилось въ большей чистотѣ, будучи менѣе подвержено посторонним вліяніямъ.

Далѣе, мы пока не выдѣляемъ рѣзко нарѣчіе древней Кіевской области изъ общаго состава языка Южной Руси; а считаемъ этотъ вопросъ еще подлежащимъ болѣе точному разсмотрѣнію. Безъ сомнѣнія Кіевское или собственно Полянское нарѣчіе легло въ основу книжнаго русскаго языка на ряду съ церковнославянскимъ; а этотъ книжный языкъ, напримѣръ языкъ Кіевской лѣтописи и другихъ памятниковъ того времени, ближе къ настоящему Великорусскому нарѣчію нежели къ Малорусскому. На это обстоятельство уже указывали Срезневскій («Мысли объ исторіи Русскаго языка), Лавровскій («О языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей) и Погодинъ («О древнемъ языкѣ Русскомъ», см. его Изслѣд. и Лекціи т. VII). Но, повторяю, не надобно упускать изъ виду, что настоящее Малорусское нарѣчіе значительно отошло отъ языка древней Югозападной Руси; чему наглядныиъ примѣромъ служитъ лѣтопись Волынская XIII вѣка, по языку не много разнящаяся отъ Кіевской лѣтописи XII вѣка (которой она служитъ продолженіемъ въ Ипатьевскомъ спискѣ). Если принять мнѣніе Погодина, что Волынская лѣтопись написана на общерусскомъ книжномъ языкѣ того времени, а не на мѣстномъ нарѣчіи, то надобно принять и другое его положеніе, что мѣстное нарѣчіе все таки должно было бы отразиться на этой лѣтописи, какъ оно отразилось на лѣтописяхъ Новогородскихъ.

[5]) Оставляемъ въ сторонѣ незамѣчательные труды ученыхъ иноземцевъ прошлаго вѣка, писавшихъ о Галиціи, каковы: Сумъ, Энгель, Гопе и др. Главными пособіями при изученіи исторіи и древностей, географіи и этнографіи Галицкой Руси служатъ для насъ изданія и труды львовскихъ ученыхъ, каковы: «Историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси» Д. Зубрицкаго. (Съ польскаго оригинала переводъ Бодянскаго. Москва. 1845). Его же «Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества». Три части. Львовъ. 1852—55. Его же Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. L. 1849 (полемическое изслѣдованіе, вызванное польскимъ ученымъ Маціевскимъ, доказывающее распространеніе Червонной Руси на сѣверъ далѣе Вислока). «Галицкій Историческій Сборникъ», изданный Обществомъ Галицко-русской матицы. Три выпуска. Львовъ. 1854—1860. Въ первомъ выпускѣ

изслѣдованіе Антонія Петрушевича «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ». «Науковый Сборникъ», послужившій продолженіемъ названнаго изданія, того же Общества. Двадцать выпусковъ. Львовъ. 1865—1869. Здѣсь особенно любопытны историко-археологическія изслѣдованія того же каноника Петрушевича (Напримѣръ: «Было ли два Галича», въ I-мъ выпускѣ 1865 г., полемическая статья противъ польскаго ученаго Бѣлевскаго, помѣщавшаго другой Галичъ не на Дунаѣ, а въ Словацкомъ краѣ; тутъ же издана грамота Ивана Берладника 1134 г. «Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и ея святителяхъ». 1866. Въ послѣднемъ сочиненіи фактически доказано первоначальное господство православія въ Польшѣ). Тамъ же изслѣдованія профес. Исидора Шараневича («Старинные пути русско-угорскіе черезъ Карпаты и русско-польскіе черезъ Санъ и Вислу» и «Картина краевъ предъ и за Карпатами зъ взгляду па старинну народную коммуникацію» съ указателемъ. 1869 г.). Особыя сочиненія того же Шараневича: «Исторія Галицко-Володимірской Руси до 1453 г.» Л. 1863., нѣсколько выпусковъ о «Стародавныхъ» галицкихъ городахъ и Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker im Altertum und im Mittelalter. L. 1871.

Далѣе, кромѣ помянутыхъ выше трудовъ общихъ или къ Юго-западной Руси относящихся, заслуживаютъ вниманія: «Исторія Юго-западной Руси до половины XIV в.» А. Клеванова. М. 1849. (Пересказъ Ипат. лѣтописи). «Судьбы Червонной или Галицкой Руси» Смирнова. Спб. 1860. «Княженіе Даніила Галицкаго» Дашкевича. К. 1873. «Бессарабская область» капитана А. Защука. Спб. 1862. (Матеріалы собран. офицерами Генер. штаба). Головацкаго: «О народномъ убранствѣ Русиновъ въ Галичинѣ и Сѣверовосточной Венгріи» (Отеч. записки. 1867. №№ 23 и 24) и «Карпатская Русь» (Жур. М. Н. Пр. 1875. Іюнь. Здѣсь авторъ, на основаніи угорскаго лѣтописца XIII вѣка, къ Червонной Руси относитъ и Русь Закарпатскую или Угорскую, когда-то подвластную русскимъ князьямъ). «Этнографическій очеркъ Восточной Галиціи» Циммермана въ Вѣстникѣ Геогр. Общества за 1859. № 8. «О русскихъ поселеніяхъ по Дунаю» Срезневскаго (Изв. Акад. Н. VII. т. 3).

Относительно переселенія или прохожденія Угорской орды сквозь Карпаты въ Паннонію нѣкоторые сомнѣваются, и думаютъ, что Угры распространились въ Дунайской равнинѣ съ юга, со стороны Желѣзныхъ воротъ.

[6]) О прибытіи Андроника къ Ярославу и обоюдныхъ посольствахъ см. Ипат. лѣт. подъ 1165 г. (прибытіе вѣрнѣе отнести къ 1164). О пребываніи его въ Галичѣ упоминаютъ визант. историки Киннамъ (Lib. V.), Никита Хоніатъ (Lib. IV) и Ефремій (р. 178). Подъ 1104 г. Ипат. лѣтопись говоритъ, что дочь Володаря была отдана за византійскаго царевича Олексинича, т. е. за сына императора Алексѣя Комнена. Эта княжна была сестра Владиміру и тетка Ярославу Осмомыслу; вѣроятно, она же была матерью Андроника, и такимъ образомъ онъ приходился двоюроднымъ братомъ Ярославу. Подобное же соображеніе см. у Куника въ Учен. Зап. Академіи по 1 и 3 отд. (Т. II. стр. 715 и 788).

[7]) О Галицкихъ событіяхъ см. Ипат. лѣт. О помощи Романа Византійской имперіи противъ Половцевъ см. Никита Ханіатъ. 691 стр. Бон. изд. и Ефремій. 267. Посланіе епископа Матвѣя къ аббату Бернарду см. у Белевскаго Monum. II. 15. О посольствѣ папы къ Роману у Татищева III, 344. О гибели Романа Татищевъ. ibid. 346. подъ 1205 г. Въ Лаврент. о томъ краткое извѣстіе подъ 1205 г. Польскіе хроники повѣствуютъ, что когда Лешко Бѣлый пришелъ на помощь Роману, чтобы посадить его въ Галичѣ, то галицкіе бояре сильно не желали принять къ себѣ на княженіе Волынскаго князя и предлагали свое подданство самому Лешку, и будто Романъ при этомъ обязался платить дань Лешку. Далѣе описываютъ свирѣпства Романа и его вѣроломство въ отношеніи къ Лешку, которому онъ потомъ не только отказалъ въ дани, но и напалъ на его владѣнія, при чемъ Лешко съ малыми силами поразилъ его большое войско, и Романъ палъ въ сраженіи. Кадлубекъ. Lib. IV (Хроника оканчивается 1202 годомъ) и Богуфалъ параграфы 48, 49 и 55. (Белевскаго Manum. Pol. Hist. II). Велеречивый Длугошъ все это распространилъ, и особенно разукрасилъ послѣднюю битву Романа съ Поляками; присоединилъ къ тому еще предсказаніе Владиміро-Волынскаго епископа Роману о несчастномъ концѣ его несправедливой войны (см. Lib. VI). Наружность Романа описываетъ Татищевъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ полагать вмѣстѣ съ Карамзинымъ, что Татищевъ выдумывалъ подобныя описанія: онъ пользовался тѣми списками лѣтописей, которые до насъ не дошли; между тѣмъ и въ дошедшихъ до насъ нерѣдко находимъ описаніе наружности и разныхъ свойствъ князей.

[8]) Нѣкоторые историки расказываютъ, что главою заговорщиковъ былъ палатинъ Бенедиктъ Бора, бывшій галицкій «томитель» и «антихристъ». Бертольдъ будто бы обезчестилъ его жену въ комнатахъ самой королевы, и это обстоятельство послужило поводомъ къ мятежу. Но другіе историки считаютъ такое романтическое событіе позднѣйшею легендою. Доказательства послѣдняго см. у Майлата Geschichte der Magyaren. I. 138.

[9]) Расказъ о Галицкихъ событіяхъ изложенъ на основаніи Волынской лѣтописи (Ипатьев. списокъ). Кромѣ того находимъ о нихъ нѣкоторыя подробности у Длугоша. Помимо невѣрной хронологіи, онъ иногда путаетъ событія и лица; однако мѣстами дополняетъ наши свѣдѣнія, такъ какъ пользовался и тѣми источниками, которые до насъ не дошли. Между прочимъ изъ его разсказа заимствую извѣстіе объ осадѣ Мстиславомъ прежде Верхняго замка, а потомъ уже храма Богородицы, гдѣ заперлись Угры съ Коломаномъ; тогда какъ по Волынскому лѣтописцу выходитъ, что Мстиславъ послѣ побѣды въ полѣ, вошедши въ городъ, тотчасъ приступилъ къ осадѣ храма, какъ будто княжаго замка и не существовало. Слова Длугоша о предшествовавшей храму осадѣ Галицкой крѣпости или замка (castrum, arx) я именно позволяю себѣ относить къ Верхнему городу. (Петрушевичъ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи о Соборной церкви разумѣетъ подъ этими словами вообще городъ Галичъ; съ чѣмъ едва ли можно согласиться).

[10]) Кромѣ названныхъ выше сочиненій, путешествій, словарей, картъ и прочихъ трудовъ, обнимающихъ Европейскую Россію или значительную ея часть, для Черниговской земли укажемъ еще слѣдующія пособія. «Историко-Статистическое описаніе Черниговской епархіи» (преосв. Филарета). 7 книжекъ, Черниговъ. 1873 г. (См. «Замѣтки» на этотъ трудъ Н. Константиновича въ Запискахъ Черниговскаго статистическаго комитета. Кн. 2. вып. 5). «Черниговская губернія» подполк. Домонтовича. Спб. 1865. и «Калужская губернія» подполк. Попроцкаго Спб. 1864 (Матер. собран. офицерами генер. штаба). «Извлеченіе изъ археологическаго путешествія по Россіи въ 1825 г.» Свиньина (Труды Об. Ист. и Др. ч. III. кн. 1.). «Книга Большаго Чертежа». М. 1846. «Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества» въ 1785 г. и «Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества» въ 1781 г. Пащенка. (То и другое въ Запискахъ

Черниг. стат. ком. кн. 2. Вып. 1—4). «Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества въ 1781 году». А. Шафонскато. (Издан. Судіенко. Кіевъ. 1851). «Древнія земляныя насыпи» Самоквасова (Древ. и Нов. Россія. 1876. 3 и 4.). «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи» его же. (Труды Третьяго Археологич. съѣзда. К. 1878). Въ 1878 году въ Черниговѣ на берегу рѣчки Стрижня въ подмытой почвѣ обнаружились остатки храма, и раскопки, произведенныя Самоквасовымъ, открыли въ нишахъ фундамента большое количество гробовъ. Очевидно подъ этимъ храмомъ находилась усыпальница. Вѣроятно это и была церковь Благовѣщенія, въ которой погребенъ буйтуръ Всеволодъ Святославичъ.

[11]) Пособія для обзора Переяславской земли тѣже, которыя приведены выше. Укажу еще на «Записки о Полтавской губ.» Арендаренка. Ч. III. Полтава. 1852.

Относительно «баннаго строенія», сооруженнаго въ Переяславлѣ епископомъ Ефремомъ, въ первой части Исторіи Россіи (168 стр.) я привелъ мнѣніе Карамзина о томъ, что это была крестильня при соборномъ храмѣ. Обращу также вниманіе на буквальное и болѣе вѣроятное толкованіе этого мѣста лѣтописи кіев. проф. Терновскимъ, который подъ баннымъ строеніемъ разумѣетъ публичныя каменныя бани или термы, устроенныя по образцу византійскихъ; извѣстно, что Ефремъ долго пребывалъ въ Царьградѣ. Это нововведеніе не привилось на Руси: оно не соотвѣтствовало привычкамъ народа въ такой странѣ, гдѣ при обиліи лѣснаго матеріала почти всякая семья имѣла собственную баню при своемъ домѣ. «Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ Древней Руси» Терновскаго. Вып. I. Кіевъ. 1875.

[12]) Пособія для изученія южнорусскихъ степей:

«Екатеринославская губернія» капитана Павловича. Спб. 1862. «Земля войска Донскаго» штабсъ-капитана Краснова. Спб. 1863. «Херсонская губернія» подполковника Шмидта. Спб. 1863. (Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами генер. штаба). Ученые путешественники прошлаго столѣтія: Гмелинъ—Reise durch Russland, 4 части. S. Ptrsb. 1774—1784; Гильденштедъ—Reise durch Russland, 2 части. S. Ptrsb. 1787—1791; Палласъ—«Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства». Часть третья. Половина вторая. Спб. 1788. Въ настоящемъ столѣтіи, кромѣ упо-

мянутаго выше Петцольда, укажу Коля - Reisen in Südrussland. Dresden und Leipzig. 1841. Двѣ части. (Любопытную критику В. Княжевича на эту книгу см. въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Др. Т. I) Укажу еще на книгу Неймана Die Hellenen im Skythenlande. Berlin. 1855.

[13]) Относительно Половцевъ главные источники и пособія см. въ 42 прим. къ I части. Кромѣ того служатъ источниками: путешественники XII вѣка Раби Петахія, XIII вѣка Плано Карпини и Рубруквисъ, участникъ Четвертаго крестоваго похода Робертъ де Клари, историкъ крестоваго похода Людовика IX Жуанвиль, арабскій географъ XII вѣка Эдриси. Пособія: Погодина V-й томъ Изслѣд. и лекцій, гдѣ собраны всѣ лѣтописныя свидѣтельства о нихъ; Бѣляева «О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ» (Записки Одес. Об. Истор. и древ. т. III.), Васильевскаго «Византія и Печенѣги», Успенскаго «Образованіе втораго Болгарскаго царства. Од. 1879. (во 2-й главѣ). О положеніи русскихъ плѣнниковъ въ Половецкой землѣ и выкупѣ ихъ, кромѣ свидѣтельства нашей лѣтописи подъ 1093 г., есть нѣкоторыя указанія въ житіяхъ Евстратія Постника и Никона Сухаго (Памят. Рус. Литер.—Яковлева XCIII и XCV). О содержаніи въ узахъ половецкихъ плѣнниковъ на Руси и выкупѣ ихъ см. «Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ» (Памятники Старин. Рус. Литер. I.). Что нѣкоторые ханы и вельможи половецкіе принимали крещеніе, но продолжали соблюдать языческіе обычаи, указаніе на то находимъ у Рубруквиса въ главѣ X: онъ описываетъ одну половецкую могилу, окруженную конскими чучелами, снабженную кумысомъ и жертвеннымъ мясомъ; а между тѣмъ погребенный въ ней, какъ ему говорили, былъ крещенъ.

[14]) Извѣстіе объ этихъ истуканахъ Рубруквиса см. у Бержерона Vayages faits principalement en Asie. т. I. гл. X. Упоминанія о нихъ встрѣчаются въ Книгѣ Большаго Чертежа. Многія указанія и замѣтки о каменныхъ бабахъ разсѣяны у туземныхъ и иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, Сибири и Прикавказью. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія, въ прошломъ столѣтіи: Фалькъ, Зуевъ, Лепехинъ, Гильденштедъ и Палласъ; а въ настоящемъ: Клапротъ, Дюбуа де Монперё, Спасскій, Гакстгаузенъ,

Терещенко, Кеппенъ, Пассекъ. Разсужденія объ этомъ предметѣ можно встрѣтить въ изданіяхъ Одесскаго и Московскаго обществъ Исторіи и Древностей, Петербургскаго и Московскаго археологическихъ Обществъ, Русскаго Географическаго Общества, Академіи Наукъ, въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, и пр. Подробныя указанія на литературу этого предмета и сводъ всѣхъ мнѣній о немъ см. въ изслѣдованіи графа Уварова «Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ». (Труды перваго Археологическаго съѣзда. М. 1871. Съ атласомъ изображеній). Кромѣ того любопытно указаніе «Объ истуканахъ въ Пятигорскѣ» Филимонова (Вѣстникъ Общества Древнерусскаго искусства. Вып. 11—12. М. 1876).

Мнѣнія о происхожденіи этихъ памятниковъ высказывались довольно разнообразныя. Напримѣръ, Терещенко приписывалъ ихъ происхожденіе Скиѳамъ, Гильденштедъ и Палласъ Татарамъ, Клапротъ и Спасскій Гуннамъ, а Гакстгаузенъ почти всѣмъ народамъ, обитавшимъ въ южнорусскихъ степяхъ, начиная съ Киммеріянъ и Скиѳовъ и кончая Монголо-Татарами. Мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о принадлежности этихъ истукановъ Гуннамъ и даже болѣе древнимъ народамъ основано было на невѣрномъ пониманіи одного мѣста у Амміана Марцелина. На эту ошибку указалъ въ помянутомъ своемъ изслѣдованіи гр. Уваровъ. А именно, Марцелинъ, описывая неуклюжій, но крѣпкій складъ Гунновъ, прибавляетъ, что ихъ можно принять за «двуногихъ животныхъ или за тѣ грубо сдѣланныя изображенія, которыя стоятъ на мостахъ съ перилами» (quales in commarginantibus pontibus effigiati dolantur incompte). Нѣкоторые ученые (Палласъ, Клапротъ, Кеппенъ, Спасскій) толковали это мѣсто «грубо сдѣланными изваяніями человѣческаго подобія на берегахъ Понта Эвксинскаго!» Отсюда и происходилъ ложный выводъ, будто уже въ IV вѣкѣ Амміанъ Марцелинъ зналъ о существованіи каменныхъ бабъ въ южнорусскихъ степяхъ. Слѣдовательно древнѣйшее достовѣрное извѣстіе о нихъ принадлежитъ Рубруквису, т. е. половинѣ XIII вѣка, и мы не видимъ никакихъ основаній приписывать ихъ происхожденіе другимъ какимъ либо народамъ помимо турко-татарскихъ; преимущественно относимъ ихъ къ Куманамъ или Половцамъ, а также къ Татарамъ перваго вѣка ихъ владычества въ Россіи, т. е. до принятія ими ислама. Обычай татарскихъ народовъ ставить каменные истуканы на могилахъ своихъ покойниковъ прекратился конечно подъ вліяніемъ мусульманства, которое не терпитъ язы-

ческихъ изваяній. Любопытно однако, что Османскіе Турки доселѣ на могилахъ своихъ покойниковъ ставятъ каменные столбики, верхушки которыхъ обтесываются въ видѣ чалмы или феса. При всемъ разнообразіи каменныхъ бабъ мы должны предположить, что онѣ принадлежатъ разнымъ вѣкамъ, но одному семейству народовъ, по крайней мѣрѣ одной языческой религіи; ибо ихъ объединяетъ постоянное присутствіе чаши или какого-то сосуда, который держится обѣими руками на животѣ. Можетъ быть, эта чаша употреблялась при жертвенныхъ пиршествахъ, особенно при тѣхъ, которыя совершались въ честь покойника. Такъ можно судить по изображеніямъ на пятигорскихъ изваяніяхъ, которыя представляютъ любопытную смѣсь христіанства съ языческими обрядами. (См. Филимонова упомянутую статью вмѣстѣ съ замѣткою о Сванетіи, гдѣ доселѣ можно наблюдать эту смѣсь христіанской религіи съ жертвенными обрядами). Одинъ изъ пятигорскихъ надгробныхъ памятниковъ, здѣсь приложенныхъ, имѣетъ крестообразную форму (монолитъ изъ песчаника) и со всѣхъ четырехъ сторонъ рельефныя изображенія, въ томъ числѣ крестовъ. Этотъ памятникъ согласуется съ извѣстіемъ Іосафата Барбаро, который говоритъ, что Алане, будучи христіанами, на могильныхъ насыпяхъ клали большую просверленную въ серединѣ плиту, въ отверстіе которой вставляли каменный крестъ, сдѣланный изъ одного куска. (Библ. Иностр. писателей. I. гл. I.). Алане не принадлежали къ Татарскому племени, и типъ этихъ изваяній нѣсколько иной. Каменныя же бабы ближе всего подходятъ къ Монголо-Татарскому типу, и болѣе къ Татарскому, чѣмъ Монгольскому. Истое монгольское племя Калмыки, имѣя въ своихъ степяхъ подобные истуканы, по свидѣтельству путешественниковъ (напр. Гакстгаузена) не оказываютъ имъ никакого уваженія и не имѣютъ никакихъ преданій, съ ними связанныхъ. Плоскій и нерѣдко весьма неуклюжій типъ физіономіи, можетъ быть, частію зависѣлъ отъ твердости камня и неискусства степныхъ ваятелей. Судя по недавнему извѣстію Потанина, прототипы этихъ каменныхъ истукановъ встрѣчаются въ сѣверной части Монгольской степи Гоби.

Каменныя бабы часто были находимы на курганахъ собственно скиѳскихъ; но предметы, добытые раскопками скиѳскихъ гробницъ, ясно доказываютъ, что между ними и этими грубыми изваяніями не было ничего общаго. Эти предметы изящной греческой работы и встрѣчающіяся на нихъ изображенія самихъ Скиѳовъ отвер-

гаютъ всякую мысль о сближеніи ихъ съ каменными бабами. Притомъ извѣстія древнихъ писателей о скиѳскомъ погребеніи не заключаютъ ни малѣйшаго намека на обычай ставить истуканы. Присутствіе послѣднихъ на скиѳскихъ могилахъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что татарскіе народы не только сами насыпали могильные холмы надъ знатными людьми, но и пользовались безчисленными скиѳскими курганами въ южнорусскихъ степяхъ, и хоронили въ нихъ своихъ покойниковъ; а иногда, можетъ быть, просто воздвигали свои статуи на этихъ курганахъ какъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Лѣтописцы наши, ничего незнавшіе о скиѳскомъ погребеніи, повидимому всѣ курганы приписывали современному себѣ степному народу, т. е. Половцамъ. Такъ Новгородская лѣтопись подъ 1224 г. расказываетъ, что передовой татарскій отрядъ, разбитый Русскими, спряталъ своего воеводу Гемябека въ курганъ половецкій; но Русскіе нашли его тамъ и выдали Половцамъ. Извѣстно, что подъ скиѳскими курганами скрываются погребальныя ямы, обдѣланныя въ видѣ комнаты. Искатели золота и другихъ дорогихъ вещей, хоронившихся съ знатными покойниками, издавна научились прокапывать мины въ эти погребальныя камеры, чтобы ихъ обворовывать. Вѣроятно съ помощью одной изъ такихъ минъ или отверстій Гемябекъ спрятался въ скиѳской могилѣ.

Обычай ставить человѣкообразныя изваянія въ память своихъ покойниковъ конечно существовалъ въ Восточной Европѣ не у однихъ турксинхъ народовъ. Кромѣ помянутыхъ Аланъ, встрѣчаемъ его еще у языческой Литвы. Стрыйковскій въ своей Хроникѣ упоминаетъ о нѣкоторыхъ литовскихъ князьяхъ, которые ставили болваны въ память умершихъ родителей; но болваны эти сгнили, потому что были деревянные. Не имѣемъ подобныхъ извѣстій относительно языческихъ Славянъ; но знаемъ, что у нихъ были истуканы, которые не могли сохраниться по той же причинѣ. Въ Краковскомъ Музеѣ древностей находится каменный четырехгранный столбъ, верхняя часть котораго напоминаетъ каменныхъ бабъ съ тою разницей, что у него подъ одною шапкою четыре лица. Говорятъ, что его нашли въ рѣкѣ Збручѣ; польскіе ученые назвали его идоломъ Святовита. Объ этомъ истуканѣ см. Срезневскаго въ Запискахъ Археолог. Об. 1853.

[15]) Мѣстоположеніе Олешья исторіографы обыкновенно отождествляли съ настоящимъ городомъ Алешки, лежащимъ на лѣвомъ бе-

регу Днѣпра противъ губерн. города Херсона. Но г. Бурачекъ, по моему мнѣнію основательно, показалъ несостоятельность этого тождества, и опредѣлилъ положеніе Олешья немного ниже пороговъ, между Александрополемъ и Никополемъ, приблизительно около острова Хортицы или перевоза Кичкаскаго (см. его письмо къ проф. Бруну въ Извѣстіяхъ Русс. географ. Общ. Т. XI. Вып. V.). Такому положенію соотвѣтствуетъ выраженіе Новогородской лѣтописи, по поводу похода русскихъ князей на Калку: «и недошедше Олешья сташа на Днѣпрѣ», т. е. не дошедши немного Олешья. Волынская лѣтопись пополняетъ это извѣстіе, говоря, что Галичане на своихъ ладьяхъ поднялись по Днѣпру до пороговъ, около нихъ встрѣтили русскихъ князей и стали у рѣки Хортицы.

О Русскихъ въ Александріи упоминаетъ еврейскій путешественникъ XII вѣка Веньяминъ Тудельскій (См. у Бержерона 62 стр). Объ Орнѣ говорится въ путешествіи Плано Карпини (153 стр. въ изданіи Языкова). Начиная съ Карамзина, наша исторіографія полагала мѣсто Орны на устьѣ Дона и смѣшивала его съ Азовомъ. Но Френъ указалъ на тождество Карпиніевой Орны или Орнача нашихъ лѣтописей съ хивинскимъ Ургенджемъ (Ibn Fozlan's und anderer Berichte). Это мнѣніе убѣдительно развито Леонтьевымъ въ его «Розысканіяхъ на устьяхъ Дона» (Пропилеи. Кн. IV.). Въ томъ же сочиненіи Леонтьевъ доказывалъ, что Тана лежала на правомъ рукавѣ Дона подлѣ нынѣшней слободы Недвиговки; но мы предпочитаемъ мнѣніе другихъ ученыхъ и между прочимъ Бруна («О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи». Труды перваго Археол. съѣзда), по которому Тана была тождествена съ городомъ Азакомъ, т. е. Азовомъ, лежащимъ на лѣвомъ рукавѣ Дона.

[16]) О дани, которую Половцы брали съ Херсона, Сугдіи и Готіи, свидѣтельствуетъ Рубруквисъ. А договоръ Мануила Комнена съ Генуезцами 1170 г. см. въ Acta et diplomata graeca. Ed. Miklosich et Müller. T. III. 35. Пособія: Фальмерайеръ — Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München. 1827. Финлей — The History of Greece .... and of the Empire of Trebizond 1204—1461. London. 1851. Гейдъ — Die Italiener am Schwarzen Meer. Historische Briefe an Hrn. Prof. Brun. (Melanges Russes. T. IV. 571). Брунъ — «О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи». (Труды перв. Археологич. съѣзда. Замѣтку Ведрова на этотъ докладъ см. ibid.). О принадлежности

Таврическаго Заморья къ Трапезунтской имперіи свидѣтельствуетъ сказаніе о чудесахъ св. Евгенія, патрона Трапезунта. Корабль, нагруженный данями Херсона и Готіи, со сборщиками этихъ даней шелъ въ Трапезунтъ; но вѣтромъ былъ прибитъ къ Синопу. Намѣстникъ города, вассалъ сельджукскаго султана Аладина, разграбилъ этотъ корабль и захватилъ въ плѣнъ трапезунтскихъ чиновниковъ. Отсюда возникла война трапезунтскаго императора Андроника Гида съ синопскимъ намѣстникомъ и потомъ съ самимъ султаномъ (1223 г.). Это сказаніе отпечатано у Фальмерайера Original—Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. Erste Abtheilung. Разсужденіе о немъ Куника см. Ученыя Зап. Ак. Н. I и III отд. Т. II. («Основаніе Трапезунтской имперіи» и «О связи трапезунтско-сельджукской войны съ первымъ нашествіемъ Татаръ. 705—746 стр.). Оно противорѣчитъ тому мнѣнію, по которому уже со взятія Константинополя Латинами, т. е. съ 1204 г. южная часть Тавриды отдѣлилась отъ имперіи и получила своихъ особыхъ независимыхъ владѣтелей, Манкупскихъ, Ѳеодорейскихъ (Инкерманскихъ) и пр. См. Сестренцевича «Histoire du royaume de la Chersonése Taurique» и Тунмана «Die Taurische Statthalterschaft у Бюшинга, 8-е Гамбургское изданіе 1787 г. (на которое ссылается авторъ «Нѣсколькихъ словъ о родѣ греческихъ князей Комненыхъ» Москва. 1854. У меня Гальское изданіе).

«Расказъ католическаго миссіонера доминиканца Юліана о путешествіи въ страну приволжскихъ Венгерцевъ, совершенномъ передъ 1235 годомъ», изданъ въ Vetera monumenta historica, Hungariam sacram illustrata — Ab Augustino Theiner. Tomus primus. Romae. 1859. Подъ № 271. Переводъ этого расказа на рус. языкъ помѣщенъ въ Зап. Одес. Об. И. и Др. Т. V. 998. О странной смѣси христіанства съ язычествомъ у Аланъ или Ясовъ свидѣтельствуетъ также Рубруквисъ (въ главѣ XIII). Что на Тамани въ первой четверти XIII вѣка было возстановлено владычество Черкесъ-Хазаръ и она была соединена съ Зихіей, тому подтвержденіемъ служитъ слѣдующее обстоятельство. Папа Климентъ V поставилъ въ Матригу (Таматарху) архіепископомъ францисканскаго монаха Іоанна «изъ туземцевъ». Спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, Матрига именуется столицею зихійскаго князя Верзахта, котораго папа Іоаннъ XXII въ 1333 году письменно благодарилъ за усердіе въ пользу католицизма. (См. упомянутую статью Бруна «О по-

селеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи» стр. 380 со ссылкою на Mosheim. I. 163. и Сума «о Хозарахъ» въ Чт. Об. Ист. и Др. 1846. № 3 стр. 57, со ссылкою на Raynaldi Annal. eccles. III. 457). Католицизмъ проникъ въ этотъ край конечно вмѣстѣ съ итальянскими торговцами и колонистами; но господствующая церковь здѣсь была греческая; о томъ свидѣтельствуетъ и византійскій писатель Кодинъ, по извѣстію котораго, относящемуся ко второй половинѣ XIII вѣка, архіепископъ Зихіи и Метраховъ (Таматархи) былъ возвышенъ въ санъ митрополита константинопольскимъ патріархатомъ. (De officiis. Ed. Paris. 408). Тоже извѣстіе косвенно подтверждаетъ, что Таматарха или Тмутракань находилась тогда въ соединеніи съ сосѣднею Черкесскою областью, т. е. съ Зихіей.

На существованіе жалкаго остатка Хазарской державы на нижней Волгѣ въ первой половинѣ XIII вѣка указываетъ помянутый разсказъ миссіонера Юліана. Изъ страны Аланъ (Ясовъ или Осетинъ) онъ съ своими спутниками шелъ 37 дней безостановочно по степямъ, пустыннымъ и бездорожнымъ, пока не достигъ «земли Сарацинъ», которая именуется Вела (Vela), и города Бундаза (Bundaz). Къ сожалѣнію онъ не сообщаетъ никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній; а упоминаетъ только, что питался здѣсь милостынею и что туземный владѣтель охотно давалъ ему милостыню: такъ какъ будто бы «и государь и народъ той страны говорятъ публично, что они вскорѣ должны сдѣлаться христіанами и подчиниться Римской церкви». Отсюда Юліанъ съ однимъ сарацинскимъ священникомъ отправился въ Великую Болгарію, въ которой также будто бы жители говорятъ публично, что должны сдѣлаться христіанами и подчиниться Римской церкви. Изъ его скуднаго извѣстія можно только вывести, что сарацинское государство, о которомъ идетъ рѣчь, было бѣдно и незначительно и что господствующая тогда въ немъ религія была магометанская. Названія Vela и Bundaz неузнаваемы по своей искаженности. (Напомнимъ названіе хазарскихъ городовъ Беленджеръ и Хабъ-Нела. См. о нихъ у Хвольсона— Ибнъ-Даста. 52 и 58 стр.).

Извѣстно, что арабскія монеты, находимыя въ кладахъ Восточной Европы, не простираются далѣе первой половины XI вѣка. Это обстоятельство вѣроятно стоитъ въ связи съ распаденіемъ Хазарской державы и напоромъ турецкихъ ордъ, Румановъ и Сельджуковъ. Послѣдніе, завладѣвъ образованными мусульманскими странами Пе-

редней Азіи, еще болѣе затруднили непосредственныя торговыя сношенія ихъ съ Восточной Европой. Къ остаткамъ распавшейся Хазарской державы вѣроятно относится и область приводимаго арабскими писателями города Саксинъ; о ея жителяхъ или Саксинахъ упоминаетъ и русс. лѣтопись подъ 1229 г. (См. Лавр. сп.). Хвольсонъ, сличая разныя извѣстія о Саксинѣ, помѣщаетъ его на рѣкѣ Уралѣ. (Ибнъ-Даста. 63 стр.); но это остается вопросомъ. Говоря о Хазарской державѣ, мы разумѣемъ собственно волжскихъ и каспійскихъ Турко-Хазаръ, которыхъ надобно отличать отъ Черкесъ-Хазаръ кавказскихъ и крымскихъ; послѣдніе были когда-то покорены пришлою Турецкою ордою, а при распаденіи этой державы снова сдѣлались независимы подъ управленіемъ своихъ племенныхъ князей.

[17]) Грамота Ростислава-Михаила вмѣстѣ съ дополнительною по тому же предмету грамотою епископа Мануила напечатана въ Дополн. къ Актамъ Историческ. I. №. 4. Она весьма важна какъ для разъясненія географическаго и экономическаго состоянія древней Смоленской области, такъ и вообще для характера взаимныхъ отношеній церковной и свѣтской власти того времени. Любопытно между прочимъ, что Смоленскій князь въ то время имѣлъ еще притязаніе на какую-то волость, захваченную Юріемъ Долгорукимъ и отошедшую къ Суздальской землѣ: «Суждали Залѣсская дань, оже воротить Гюрги, а что будетъ въ ней, изъ того святѣй Богородицы десятина». Договорная грамота Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ помѣщена въ Собраніи Госуд. грамотъ и договоровъ. Т. II. №. I., кромѣ того во второмъ томѣ «Русскихъ Достопамятностей», съ примѣчаніями Дубенскаго, и въ «Русско-Ливонскихъ актахъ», изданныхъ Археографической коммиссіей, съ приложеніемъ прекраснаго изслѣдованія о ней академика Куника. Эти двѣ грамоты, на ряду съ лѣтописью, составляютъ главный источникъ при очеркѣ древней Смоленской земли. А пособіемъ, кромѣ общихъ приводимыхъ выше трудовъ и путешествій, служатъ между прочимъ слѣдующіе спеціальные труды: «Исторія губернскаго города Смоленска» Муракевича. 1804. «Исторія города Смоленска» Никитина. М. 1848. «Смоленская губернія» штабсъ-капитана Цебрикова. Спб. 1862. (Матер. для геогр. и стат. Россіи). «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи». Спб. 1864. И нѣкоторыя статьи въ «Памятныхъ книжкахъ» Смоленской губерніи.

[18]) Первое извѣстное намъ упоминаніе о Двинскихъ камняхъ встрѣчается въ XVI вѣкѣ у Стрыйковскаго въ его хроникѣ. Онъ расказываетъ слѣдующее. Случилось ему однажды ѣхать въ числѣ другихъ жолнеровъ на стругахъ изъ Витебска въ Динаминде. Тутъ онъ услыхалъ отъ одного дисненскаго купца, что въ семи миляхъ отъ Полоцка ниже на Двинѣ между городами Дриссою и Дисною есть большой камень, на которомъ высѣченъ крестъ «русскимъ способомъ» и славянская надпись: «Вспомози Господи раба своего Бориса, сына Гинвиловаго». Когда стругъ присталъ на ночь близъ того мѣста, то Стрыйковскій самъ ѣздилъ въ челнокѣ смотрѣть его. Онъ объясняетъ, что эта надпись сдѣлана по приказу Бориса Гинвиловича въ память благополучной доставки изъ Лифляндіи Двиною на стругахъ кирпича, алебастра и другихъ матерьяловъ для построенія храма въ Полоцкѣ. (Kronika. I. 241 стр. Варшав. изданія). Другой историкъ Литовскаго края Кояловичъ въ своей Historia Litvaniae со словъ Стрыйковского повторилъ буквально его извѣстіе о той же надписи, переводя ее по латыни: Miserere, Domine, mancipio tuo Boryso Ginvilonis filio. Но извѣстіе Стрыйковскаго оказывается невѣрно, и едва ли онъ самъ хорошо разсмотрѣлъ надпись во время своей вечерней поѣздки на челнокѣ. Сементовскій, секретарь Витебскаго статистическаго комитета, въ сочиненіи своемъ «Памятники старины Витебской губерніи» (Спб. 1867) представилъ рисунки пяти Двинскихъ камней; изъ нихъ на трехъ еще теперь можно читать имя Бориса; на томъ, о которомъ говоритъ Стрыйковскій, надпись очень хорошо сохранилась; но словъ «сына Гинвилова» ни на одномъ камнѣ нѣтъ и слѣдовъ. Онѣ оказались прибавкою Стрыйковскаго. Далѣе свѣденія объ этихъ Двинскихъ камняхъ и Рогвалодовомъ см. въ сообщеніяхъ Кеппена (Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд. Т. Ш. вып. I. Спб. 1855), Платера (Сборникъ Rubon. Wilno. 1842), Нарбута (Витеб. губерн. Вѣд. 1846 №. 14), Шпилевскаго («Путешествіе по Бѣлоруссіи». Спб. 1858), въ газетѣ Виленской Вѣстникъ, подъ редакціей Киркора (1864. №. 56). Гр. К. Тышкевича «О древнихъ камняхъ и памятникахъ Запад. Руси и Подляхіи» (Археологич. Вѣстникъ, издан. подъ редакціей А. Котляревскаго. М. 1867), Кусцинскаго и Шмидта (Труды перваго Археол. съѣзда. LXX—LXXVI) и наконецъ гр. Уварова (Древности Московъ. Археол. Общества. Т. VI вып. 3).

[19]) Главнымъ источникомъ для Полоцкой исторіи служитъ Рус. лѣтопись, преимущественно по Ипатьевскому списку. Стрыйковскій, ссылаясь на какого-то стараго лѣтописца, въ своей Хроникѣ говоритъ, что прямое поколѣніе Всеславичей прекратилось во второй половинѣ XII вѣка; что Полочане ввели у себя республиканское правленіе съ вѣчемъ и тридцатью судными старцами во главѣ; что тогда Полоцкомъ завладѣлъ литовскій князь Мингайло, а сынъ его Гинвилъ вступилъ въ бракъ съ Тверскою княжною и принялъ христіанство; что Гинвилу наслѣдовалъ сынъ его Борисъ, тотъ самый, который построилъ св. Софію съ нѣкоторыми другими храмами и оставилъ о себѣ память на Двинскихъ камняхъ. Борису наслѣдовалъ Рогволодъ—Василій, воротившій Полочанамъ ихъ вѣчевые обычаи, отнятые Мингайломъ; а Рогволоду наслѣдовалъ сынъ его Глѣбъ, со смертію котораго прекратился родъ Мингайловичей въ Полоцкѣ. (Kronika. 239—242). Тоже самое въ Pomniki do dziejów Litewskich. Изд. Нарбута. Wilno. 1846. (Такъ наз. Лѣтопись Быховца). Нѣкоторые писатели, касавшіеся исторіи Западной Россіи, продолжали повторять эти извѣстія до позднѣйшаго времени безъ критическаго къ нимъ отношенія. (Въ томъ числѣ и Августъ Шлецеръ—Allgemeine Nordische Geschichte. II. 37). А между тѣмъ уже Карамзинъ указалъ на ихъ невѣроятность и полную несообразность съ хронологіей (къ т. IV. прим. 103). Двинскіе камни, какъ мы видѣли, окончательно изобличили Стрыйковскаго въ прибавкѣ словъ: «сына Гинвилова». Если принять его свидѣтельство, то выходило бы, что Борисъ строилъ въ XIII вѣкѣ полоцкіе храмы, тогда какъ сынъ его Рогволодъ — Василій княжилъ еще въ XII; ибо камень послѣдняго ясно обозначенъ 1171 годомъ, и т. п. Погодинъ и Соловьевъ также отвергли существованіе полоцкихъ Мингайловичей, равнымъ образомъ Бѣляевъ («Очеркъ Исторіи Сѣверо-Запад. края». Вильна. 1867) и Антоновичъ («Очеркъ Исторіи Великаго княжества Литовскаго». Кіевъ. 1878). Въ доказательство того, что въ первой половинѣ XIII вѣка въ Полоцкѣ еще княжила Русская династія, а не Литовская, прибавлю слѣдующія указанія. Во первыхъ, Генрихъ Латышъ сообщаетъ о полоцкомъ князѣ Владимірѣ, при которомъ совершилось водвореніе Нѣмцевъ въ Ливоніи. Во вторыхъ, помянутый торговый договоръ Смоленска съ Ригою и Готландомъ въ 1229 г.; въ договоръ включена Полоцкая и Витебская волость безъ всякаго намека на какую либо перемѣну въ ихъ князьяхъ. Въ третьихъ, прямое извѣстіе Русской лѣтописи (по Воскресен. и

Никонов. списку) о томъ, что Александръ Невскій въ 1239 г. женился на дочери полоцкаго князя Брячислава. Относительно помянутаго князя Владиміра существуетъ нѣкоторое недоумѣніе. Извѣстія о немъ Генриха Латыша обнимаютъ цѣлыя тридцать лѣтъ (1186—1216); а между тѣмъ русскія лѣтописи его совсѣмъ не знаютъ. Отсюда явилось предположеніе, что этотъ Владиміръ есть никто другой какъ Владиміръ Рюриковичъ, впослѣдствіи князь Смоленскій и великій князь Кіевскій. См. Лыжина «Два памфлета временъ Анны Іоанновны». (Извѣстія Акад. Н. Т. VII. 49). Предположеніе это однако слишкомъ смѣло; Владиміръ Рюриковичъ только родился въ 1187 г. Впрочемъ также мало вѣроятности, чтобы въ Полоцкѣ княжилъ одинъ и тотъ же Владиміръ и въ 1186, и въ 1216 гг. У Татищева подъ 1217 г. (т. III, 403) есть разсказъ о полоцкомъ князѣ Борисѣ Давидовичѣ, и его второй супругѣ Святохнѣ, княжнѣ Поморянской. Святохна, чтобы доставить княженіе своему сыну Владиміру Войцеху, оклеветала передъ княземъ двухъ своихъ пасынковъ Василька и Вячка. Исторія эта кончается возмущеніемъ противъ нея Полочанъ и избіеніемъ ея сообщниковъ Поморянъ. По словамъ Татищева расказъ заимствованъ имъ изъ Лѣтописи Еропкина. Въ помянутомъ выше своемъ разсужденіи Лыжинъ считаетъ весь этотъ романтическій расказъ памфлетомъ, который былъ направленъ противъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны и сочиненъ самимъ Еропкинымъ. Мнѣніе это пока остается вопросомъ.

[20]) «Житіе Евфросиніи» въ Степенной книгѣ. I. 269. Стебельскаго Dwa swiata na horyzoncie Polockim czyli zywot ss. Evfrozynii i Paraskewii. Wilno. 1781. «Жизнь преподобной княжны Полоцкой Евфросиніи»—Говорскаго (Вѣст. юзозапад. и запад. Россіи. 1863. №№ XI и XII). «Памятники старины Витеб. губ».—Сементовскаго, съ изображеніемъ креста Евфросиніи. Надпись на немъ заключаетъ заклятіе, чтобы никто не дерзалъ взять этотъ крестъ изъ монастыря св. Спаса. Таже надпись свидѣтельствуетъ, что для украшенія его употреблено серебра, золота, дорогихъ камней и жемчугу на 140 гривенъ, и что мастеръ его дѣлавшій назывался Лазарь Богша.

[21]) «Минская Губернія» — подполк. Зеленскаго. Спб. 1864, и «Гродненская Губернія»—подполк. Бобровскаго. Спб. 1863 (Матер. для

геогр. и стат. Россіи—офицерами генерал. штаба). «Гродненская Коложанская церковь» (Вѣстникъ Запад. Россіи. 1866. кн. 6.). Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г. подъ редакціей Сементовскаго. Спб. 1868. (съ нѣкоторыми историческими и этнографическими замѣтками). Starożytna Polska Балинскаго и Липинскаго. Том. III. Warsch. 1846.

[22]) Источниками для первоначальной исторіи, религіи и быта Литовскаго племени служатъ извѣстія средневѣковыхъ географовъ-лѣтописцевъ, каковы: Вульфстанъ (который описываетъ Литву подъ именемъ Эстовъ. См. въ переводѣ Дальмана у Шафарика т. II. кн. 3), Дитмаръ Мерзебургскій, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ, Мартинъ Галлъ, Кадлубекъ, Генрихъ Латышъ, Русская лѣтопись по Ипатьевскому списку. Passio S. Adalberti episcopi et martiris и Historia de predicatione episcopi Brunonis cum suis capellanis in Pruscia et martirio eorum. (у Белёвскаго Monum. Poloniae Histor. T. I.). Наиболѣе подробныя свѣденія о бытѣ и религіи Литвы, особенно Пруссовъ, въ Хроникѣ Прусско-Тевтонскаго ордена Петра Дюисбургскаго, писавшаго въ первой четверти XIV вѣка (Chronicon Prussiae. Jena. 1679. Изданіе Христофора Гарткноха, съ присоединеніемъ сочиненія неизвѣстнаго автора Antiquitates prussicae). Изъ писателей XV вѣка довольно свѣденій о Литвѣ у Длугоша, но невсегда достовѣрныхъ (онъ пустилъ въ ходъ извѣстіе о дани вѣниками и лыками, которое между прочимъ повторяется и въ такъ наз. Густынской лѣтописи подъ 1205 г.). Изъ писателей XV вѣка особенно заслуживаютъ вниманія: Лука Давидъ, у котораго подъ руками была лѣтопись Христіана, перваго епископа Прусскаго, Симонъ Грунау, Ласицкій (De diis Samogitarum. Рефератъ о немъ Мержинскаго въ Трудахъ третьяго Археологич. съѣзда), и наконецъ Матвѣй Стрыйковскій — Kronika Polska, Litewska etc (новое изданіе съ предисловіемъ Малиновскаго и Даниловича. Warschawa. 1876. 2 тома). Къ тому же XVI вѣку можно отнести неполную «Хронику Литовскую», извѣстную подъ именемъ владѣльца рукописи Быховца. Изданіе Нарбута. Wilno. 1846. Далѣе пособіями служатъ: Кояловича—Historia Litwaniae. Dantisci. 1650. Изд. Фёрстера. (Онъ сильно пользовался Стрыйковскимъ). Фойгта—Geschichte Preussens. Шафарика—Славян. Древн. Т. I. кн. 3. Обширный трудъ Нарбута Dzieje starozytne narodu Litewskiego. Wilno. 9 томовъ. Первые три тома, относящіеся до

быта, религіи и древнѣйшей исторіи Литвы, изданы въ 1835—1838 гг. Этотъ историкъ послужилъ образцомъ для послѣдующихъ польскихъ писателей о Литвѣ. Изъ нихъ особенно укажемъ Ярошевича—Obraz Litwy. 3 части. Wilno. 1844—1845. и Крашевскаго—Litwa. 2 тома. Warschawa 1847—1850. На русскомъ языкѣ: Кеппена «О происхожденіи языка и Литовской народности» (Матеріалы для исторіи просв. въ Россіи. 1827). Боричевскаго «Свѣденія о древ. Литвѣ» и «О происхожденіи названія и языка Литовскаго народа» (Жур. Мин. Н. Пр. XLII и XLVI). Киркора «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа». Вильна. 1854. Кукольника «Историческія замѣтки о Литвѣ». В. 1864. Бѣляева «Очеркъ исторіи сѣверозапад. края Россіи». В. 1867. Кояловича «Лекціи по исторіи запад. Россіи». М. 1865. Костомарова «Русскіе инородцы» (Рус. Слово. 1860 г.), Гильфердинга «Литва и Жмудь» (2-й томъ Соч.). Миллера и Фортунатова «Литовскія народныя пѣсни». М. 1873. Кромѣ того Гануша—Die Wissenschaft des Slawischen Mythus, im weitesten den altpreussisch-lithauischen Mithus mit umfassenden Sinne. Lemberg. 1842. Шлейхера—Handbuch der Lith. Sprache. Шёгрена Ueber diè Wohnsitze und diè Verchältnisse der Jatwägen. S. Ptrsb. 1858. По поводу Ятвяговъ см. также «Записки о западной части Гродненской губерніи» въ Этногр. Сборникѣ 1858 г. Вып. 3. Упомяну еще неоконченное сочиненіе Венелина «Леты и Славяне» (Чт. Об. И. и Др. 1846. № 4), гдѣ онъ пытается сближать Литовское племя съ Латинскимъ на основаніи языка и религіи, и Микуцкаго «Наблюденія и замѣчанія о Лето-Славянскомъ языкѣ» (Записки Геогр. Об. I. 1867.).

Первоначальная исторія Литовскаго народа пока мало изслѣдована и разъяснена. Польскіе и западнорусскіе писатели XV и XVI вв., особенно Длугошъ, Кромеръ, Матвѣй Мѣховій, Стрыйковскій и авторъ Хроники Быховца украсили ее легендами и учеными разсужденіями о Скиѳахъ, Готахъ, Герулахъ, Аланахъ, Ульмигерахъ и т. п. Между прочимъ во главѣ Литовской исторіи они большею частію поставили сказку о римскомъ выходцѣ Палемонѣ, который съ 500 воиновъ приплылъ на берега Нѣмана, и здѣсь основалъ Литовское княженіе. Его три сына Боркусъ, Кунасъ и Сперо раздѣлили между собою Литовскую землю; но Боркусъ и Сперо умерли безъ наслѣдниковъ, и землю ихъ наслѣдовалъ Кунасъ. Сынъ его Кернъ построилъ городъ Керновъ, гдѣ утвердилъ столицу. Литовская земля раздробилась на удѣлы между его потомками. Подъ вліяніемъ сходной съ

этимъ русской басни о трехъ братьяхъ Варягахъ, польскіе и нѣкоторые русскіе историки Литвы XIX вѣка, съ Нарбутомъ во главѣ, не только дали вѣру сказкѣ о Палемонѣ и его сыновьяхъ; но и начали доказывать, что онъ пришелъ не изъ Рима, а изъ Скандинавіи, какъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и слѣдовательно Литовское княжество, подобно Русскому, основано Норманнами. Отъ Палемона и его сподвижника Довшпрунга (соотвѣтствующаго нашему Оскольду) выведена была генеалогія литовскихъ князей до самаго XIII вѣка включительно. Рядомъ съ легендою о Палемонѣ и его трехъ сыновьяхъ стоитъ еще легенда о двухъ братьяхъ Вайдевутѣ и Брутенѣ, изъ которыхъ первый сдѣлался свѣтскимъ владѣтелемъ Литвы и имѣлъ 12 сыновей, раздѣлившихъ его земли между собою; а второй былъ устроителемъ Литовской религіи и первымъ Криве—Кривейто. Позднѣйшіе писатели и эти миѳическія лица также причислили къ сонму Скандинавовъ.

[23]) Источники и пособія для исторіи и этнографіи Ливонскаго края представляютъ обширную литературу, благодаря въ особенности мѣстной нѣмецкой наукѣ, которая тщательно собирала, издавала и объясняла историческіе памятники края. Между собраніями источниковъ главное мѣсто занимаютъ: Monumenta Livoniae antiquae. 5 Bde. Riga, Dorpat und Leipzig 1835—1847, исполненныя преимущественно трудами Наперскаго. Scriptores rerum Livonicarum. 2 Bde. Riga und Leipzig. 1847—1853. Для начальной исторіи важенъ первый томъ, гдѣ перепечатана латинская хроника Генриха Латыша, обнимающая періодъ отъ 1184 до 1226 г., съ нѣмецкимъ переводомъ и съ комментаріями проф. Ганзена, и рифмованная нѣмецкая хроника Дитлиба фонъ Альнпеке (написанная въ концѣ XIII вѣка) съ переводомъ на новый нѣмецкій языкъ, въ обработкѣ Кальмейера. Затѣмъ извлеченія изъ разныхъ хроникъ у Бунге въ его Archiv für die Geschichte Liv—Esth—und Kurlands. Его же Liv—Esth-und Kurländischer Urkundenbuch; 4 Bde. R. 1852—59. Петра Дюисбургскаго Chronicon Prussiae. Изданіе Гарткноха. Jena, 1679 (также въ Scriptores rer. Prussic.) и Луки Давида Preussische Chronik Изд. Хеннига. 8 Bde Königsb. 1812—1817. Russisch Livländische Urkunden, собранныя Наперскимъ и изданныя Археографическою Коммиссіею при участіи академика Куника. Спб. 1868. «Грамоты касающіяся до сношеній сѣверозападн. Россіи съ

Ригою и Ганзейскими городами». Найдены Наперскимъ, изданы Археограф. Коммиссіей. Спб. 1857.).

Важнѣйшія пособія: Necrolivonica oder Alterthümer Liv—Esth- und Curlands. Von Dr. Kruse. Dorpat. 1842. Russisch — Livländische Chronographie. Von Bonnell. Изданіе Петерб. Академ. Наукъ. 1862. «Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV вв.» А. Энгельмана. Спб. 1858. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv — Esth—und Kurland. Von Otto von Rutenberg. 2 Bde. Leipzig. 1859—1860. Geschichte der deútschen Ostseeprovinzen. Von Richter. 2. Th. Riga. 1857—1858. (Съ указаніемъ на литературу предмета). Свѣденія о литературѣ (именно 1836—1848 гг.) см. у Паукера Die Literatur der Geschichte Liv—Esth—und Kurlands. Dorpat. 1848. Еще «Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ Прибалтійскаго края». Х. Барона. (Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи. II. 1869), а также Bibliotheca Livoniae Historica. Von Winkelman. Zweite Ausgabe. Berlin. 1878.

Относительно почти исчезнувшаго племени Ливовъ любопытно изслѣдованіе академика Видемана «Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ». Спб. 1870. (Прилож. къ XVIII т. Зап. Акад. Н.). Изъ новѣйшихъ сочиненій укажу еще Бунге Die Stadt Riga im Dreizehnten und Vierzehnten Jahrhundert. Leipzig. 1878. Для водворенія Тевтонскаго ордена въ Пруссіи главнымъ пособіемъ служитъ извѣстный трудъ Фойгта Geschichte Preussens.

Хроника Генриха Латыша, служащая главнымъ источникомъ для исторіи водворенія Нѣмцевъ въ Ливоніи, отличается большимъ пристрастіемъ къ нимъ и особенно къ епископу Альберту. По своему простодушію онъ иногда откровенно передаетъ неблаговидныя ихъ черты; но многому очевидно даетъ иной свѣтъ. Между прочимъ по поводу Юрьева Татищевъ пишетъ, что Нѣмцы взяли его съ помощью вѣроломства: они заключили перемиріе съ осажденными; а когда бдительность городской стражи вслѣдствіе того ослабѣла, ночью, подкравшись къ городу, зажгли его, и пользуясь пожаромъ, сдѣлали приступъ. (III. 431). Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе; но оно не противорѣчитъ общему образу дѣйствія Нѣмцевъ.

[21]) Хотя литература о Финскомъ племени вообще довольно обширна; но обработка собственно ихъ исторіи и этнографіи еще

весьма недостаточна. Извѣстія о нихъ находимъ преимущественно у слѣдующихъ писателей, древнихъ и средневѣковыхъ: Тацитъ—De situ, moribus et populis Germaniae. Іорнандъ—De rebus Geticis. Путешествіе Отера и Вульфстана въ IX в. (см. въ Antiquités Russes и въ Monumenta Бѣлевскаго). Константинъ Багрянородный—De administrando imperio. Адамъ Бременскій—De situ Daniae. Русскія лѣтописи. Арабскіе писатели (см. Френа Ibn. Fozslan's und ander. Arab. Berichte). Ибнъ Батута (Defremeri et Sanguinetti). Ибнъ Даста (Хвольсонъ). Скандинавскія саги, особенно Heimskringla (см. Antiq. Russes).

Пособія:

Шлецера Allgemeine nordische Geschichte. Halle. 1771. Лерберга «О Югріи» и «О жилищахъ Еми» (см. его Изслѣдованія. переводъ Языкова. Спб. 1819). Ф. Миллера Der Ugrische Volksstam und Stromsystem der Wolga. Berlin 1837—39. Шегрена Historisch—ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch—russischen Norden. St-Ptrsb. 1861. Здѣсь особенно важны его слѣдующіе трактаты: Bericht ueber die wissenschaftliche Reise zur Untersuchung der finnischen Volkschaften in Russland; Die Syrjänen, ein historisch—statistisch—philologischer Versuch; Ueber die aelteren Wohnsitze der Iemen; Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden russisch; Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker. Труды Кастрена, изданные академикомъ Шифнеромъ: Vorlesungen ueber die Finnischen Mythologie. St-Prsb. 1853. Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker. 1857. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 — 44 S.Pt. 1853. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845 — 49. S-Pt. 1856. Kleinere Schriften. 1862. (Путешествія и письма въ русскомъ переводѣ въ VI томѣ «Магазина Землевѣденія и Путешествій» Фролова. М. 1860. Кромѣ того объ этихъ путешествіяхъ и трудахъ Кастрена см. у Гартвига «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ» переводъ Усова. М. 1863). Шафарика «Славянскія Древности». т. II. Записки о Россіи иноземцевъ, особенно Герберштейна и Олеарія. Путешествія академиковъ прошлаго столѣтія, Палласа, Лепехина, Озерецковского, Гильденштеда, а также венгерскаго ученаго Георги. Thomasson's Finnische Mythologie. Reval. 1821. (Переводъ Хр. Петерсона со шведскаго на нѣмецкій). Kalewala, das National—Epos der Finnen. Gelsingfors. 1852. Собрана докто-

ромъ Лепротомъ. Нѣмецкій переводъ Шифнера. Еще прежде того она передана по французски Лёзонъ Ледюкомъ въ его La Finlande et le Çalewala. Paris. 1845. См. также разсужденіе Шифнера «Сампо» — опытъ объясненія связи между финскими и русскими сказками, особенно Калевалы и Калевича съ Ильей Муромцемъ (Зап. 2 отд. Ак. Н. т. I. 1862 г.). «Заволоцкая чудь» Ефименка. Арх. 1869. (Вслѣдъ за Европеусомъ онъ относитъ эту Чудь къ Угорской вѣтви).

Многочисленные трактаты о разныхъ сторонахъ Финской исторіи, этнографіи и древностей разсѣяны въ слѣд. изданіяхъ: Записки Археолог. Общества (Напр. Эйхвальда « О чудскихъ копяхъ» въ т. VI и Архим. Макарія «Памятники древностей въ Пермской губер». въ т. VIII). Вѣстникъ, Записки и Этнографическій сборникъ Географическаго Общества. (Также отчетъ посланной имъ экспедиціи— «Сѣверный Уралъ». Спб. 2 т. 1855 — 56) «Записки» и другія изданія Академіи Наукъ; изъ множества разсѣянныхъ въ нихъ статей о Финнахъ заслуживаютъ между прочимъ вниманія филологическіе и этнографическіе труды филологовъ Видемана и Шифнера. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Напр. Кеппена «Водь и Вотская пятина» 1851, Европеуса «О народахъ обитавшихъ въ Россіи до Славянъ» 1868, и «О курганныхъ раскопкахъ» 1872 и статья Л. Н. Майкова въ 1877 г. «О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ языка», на основаніи сочиненія Алквиста Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors. 1877). Чтенія Об. Исторіи и древностей при Моск. Универс. (напр. Сума «О Финнахъ» съ датскаго переводъ Сабинина. 1847. №. 9. и Стрингольма «Походы Викинговъ» въ переводѣ Шемякина. 1859 и 1860 гг.). Ученыя Записки Казанскаго университета. Извѣстія Московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (Труды отдѣловъ этнографическаго и антропологическаго).

Труды Археологическихъ съѣздовъ; особенно любопытно изслѣд. гр. Уварова «О Мерянахъ по курганнымъ раскопкамъ» въ Трудахъ Перваго съѣзда (Объ этомъ изслѣдованіи, а также о трудѣ проф. Корсакова «Меря и Ростовское княжество» Казань. 1872. см. П. Д. Шестакова «Родственна ли Меря съ Вогулами» въ Учен. Зап. Казан. Универ. 1873. №. I). Отдѣлу Эстонской Чуди много трактатовъ посвящено въ Vorlesungen Дерптскаго Эстонскаго Общества и разныя монографіи ученыхъ Прибалтійскаго края. Напр: Х. Нейса. Esthnische Volkslieder. Rev. 1850, и Фр. Крейцвальда вмѣстѣ

съ Нейсомъ Mythische und Magische Lieder der Ehsten. S. Ptsb. 1854. Kalewipoeg, eine esthnische Sage въ нѣмецкой передачѣ Карла Рейнталя. Dorpat. 1857. По такъ наз. доисторической археологіи Финскаго сѣвера заслуживаютъ вниманія труды шведскихъ и финскихъ ученыхъ, каковы: Монтеліусъ, Аспелинъ, Алквистъ и др. Любопытна между прочимъ, основанная отчасти на русскихъ источникахъ, диссертація Рейна и Стенбека De Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus. Helsingforsiae. 1829. Множество замѣтокъ о Финскихъ народцахъ разбросано въ неоффиціальномъ отдѣлѣ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей губерній сѣверной и средней полосы, а также въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ». См. также «Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи» Кеппена. Спб. 1861.

Изъ ряда отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ древней исторіи Финскаго сѣвера Россіи, укажу на составившееся представленіе о какой-то самобытной Финской гражданственности, стоявшей когда то на довольно высокой степени въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Біарміи. Представленіе это основалось во первыхъ на разсказахъ Скандинавскихъ сагъ о Біарміи, во вторыхъ на многихъ цѣнныхъ предметахъ, находимыхъ случайно или добытыхъ раскопками, преимущественно въ Пермскомъ краѣ. По моему крайнему разумѣнію означенное представленіе о древней цвѣтущей Біарміи и самобытно развившейся тамъ финской гражданственности основано на нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ и недоразумѣніяхъ. Напримѣръ, разсказъ Хеймскринглы о викингахъ, разграбившихъ богатства, хранившіяся въ святилищѣ Юмалы, отзывается явнымъ преувеличеніемъ относительно захваченныхъ сокровищъ и въ сущности не даетъ пока основательнаго повода предположить существованіе особой, развитой финской цивилизаціи. Монеты и лучшія вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, находимыя въ Пермскомъ краѣ, конечно не туземнаго происхожденія, а добывались съ помощію привозной торговли. Говоря о Біарміи, не надобно забывать существованіе промышленнаго народа Камскихъ Болгаръ, которыхъ торговцы далеко на сѣверъ и западъ распространяли произведенія какъ собственныя, такъ и привозимыя изъ мусульманской Азіи. По всей вѣроятности, племя Зырянъ или Пермяковъ, сосѣднее и отчасти подчиненное Болгарамъ, преимущественно подъ ихъ вліяніемъ развило свой болѣе дѣятельный и промышленный характеръ, которымъ оно значительно отличается отъ другихъ Финновъ. Это - то Пермяцко-Зырянское племя

отождествляютъ съ Беормами или Біармійцами скандинавскихъ сагъ; хотя послѣднія указываютъ собственно на прибрежья Бѣлаго моря, т. е. на страну Заволоцкой Чуди. Замѣчу кромѣ того, что помянутыя извѣстія этихъ сагъ относятся къ XI—XIII вѣкамъ, то есть къ тому времени, когда сѣверовостокъ Европы былъ также посѣщаемъ и русскими торговцами, и русскими сборщиками даней съ туземцевъ; а отъ нихъ наши первые лѣтописцы могли получать современныя имъ свѣденія о народахъ той стороны, и даже о болѣе отдаленной Югрѣ, и, какъ мы видимъ, дѣйствительно получали (напр. расказъ Гюряты Роговича). Но въ лѣтописяхъ нашихъ не находимъ никакихъ указаній на существованіе какого либо Біармійскаго царства или высокой Біармійской гражданственности.

[25]) Главнымъ и богатымъ источникомъ для очерка Новогородской исторіи и общественнаго устройства въ до-Татарскій періодъ служатъ конечно лѣтописи, преимущественно группа лѣтописей такъ наз. Новогородскихъ, Псковскихъ и Софійскихъ. Далѣе слѣдуютъ нѣсколько договоровъ, уставныхъ и дарственныхъ грамотъ, сохранившихся отъ этого періода, каковы: Грамота Мстислава и сына его Всеволода—Гавріила Юрьевскому монастырю, 1130 г. (Дополн. къ Акт. Историч. I. № 2). Уставная грамота Всеволода-Гавріила церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, 1136 г. (Русс. Достопам. T. I.). Уставная грамота князя Святослава Софійскому собору. 1137 г. (ibid.). Двѣ грамоты игумна Антонія основанному имъ монастырю (Истор. Рос. Іерархіи. VII). Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами конца XII вѣка. (Грамоты касающіяся до снош. сѣверозап. Россіи съ Ригою и Ганз. городами, а также Русско-Ливон. Акты. № I)

Пособія укажу особенно слѣдующія: «Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода». М. 1808. (митроп. Евгенія). «Опытъ о посадникахъ Новогородскихъ». М. 1821. Погодина—«Изслѣд. и лекціи» T. V. Соловьева—«Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». (Чт. Об. И. и Др. Годъ 2. кн. I.). Костомарова—«Сѣвернорусскія народоправства». 2 т. Спб. 1863. Бѣляева «Исторія Новгорода Великаго». М. 1864. По отношенію къ Новогородской церкви см. въ исторіяхъ Рус. Церкви Филарета и Макарія. Кромѣ того, Никитскаго «Очерки изъ жизни В. Новгорода». (Правительст. совѣтъ. Ж. М. Н. Пр. 1869. Октябрь, и Св. Иванъ на Опокахъ. ibid. 1870. Августъ). Его же «Очеркъ внутренней исротіи церкви въ Великомъ Новгородѣ». Спб. 1879. Для религі-

озной стороны Новгорода любопытный источникъ представляютъ «Вопросы Кирика Нифонту» (Памятники Рос. Словесности XII вѣка. М. 1821).

[26]) Пособія для знакомства съ древнимъ Новгородомъ и его окрестностями:

Красова «О мѣстоположеніи древняго Новгорода». Новгородъ. 1851. Купріянова: Разборъ сочиненія Красова (Москвитянинъ 1851. XXIII), «Ярославово дворище въ Новгородѣ и находящіяся на немъ церкви съ ихъ достопримѣчательностями». (Памятн. книжка Новог. губ. на 1860 г.) и «Прогулка по Новгороду и его окрестностямъ» (Новгород. губ. Вѣд. 1862). Архимандрита Макарія «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ». М. 1860. (Любопытный разборъ этого сочиненія Стасовымъ см. въ Тридцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ). Его же Описаніе Юрьева монастыря. М. 1862 и «Опись Хутынскаго монастыря» (Зап. Археол. Об. IX). Протоіерея Соловьева «Описаніе Новгород. Софійскаго Собора». Спб. 1853. Описаніе тогоже собора Аполлосомъ. М. 1847. и Метафрастомъ. Нов. 1849. Графа М. Толстаго «Указатель Великаго Новгорода и Святыни и древности В. Новгорода». М. 1862. Аделунга «Корсунскія врата». М. 1834 (въ переводѣ съ нѣмецкаго Артемовымъ). Георг. Филимонова «Церковь св. Николая на Липнѣ». М. 1859. О Спасъ-нередицкихъ фрескахъ см. въ изданіяхъ Прохорова «Христіанскія Древности» и «Русскія Древности». Связанныя съ новогородскими святынями легенды см. въ «Памятникахъ старинной Русской литературы» Спб. 1860. (О побѣдѣ надъ Суздальцами или объ иконѣ Знаменія Божіей Матери, о св. архіепископѣ Іоаннѣ, о построеніи Варяжской божницы и Благовѣщенскаго монастыря, объ Антоніѣ Римлянинѣ и Варлаамѣ Хутынскомъ и пр.). Еще сказаніе о Михалицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ на Молотковѣ, на Торговой сторонѣ; супруга князя Ярослава Владиміровича построила въ немъ каменный храмъ Богородицы. (Новгород. 3-я лѣтоп. подъ 1199 г.). Кромѣ того: Житія Новогородскихъ святыхъ у Востокова въ Описаніи Румянцевскаго музея. № CLIV.

[27]) Для обозрѣнія Новгородской земли, кромѣ помянутыхъ общихъ для Россіи трудовъ Щокатова, Семенова, Барсова, Погодина, Бѣляева и «Списковъ населенныхъ мѣстъ», укажу еще пособія: Миллера—Stromsystem der Wolga, Пушкарева и Гедеонова — Опи-

саніе Россійской имперіи. Т. I. Четыре выпуска, обнимающіе губерніи Новогородскую, Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую. Спб. 1844—46. Бергштрессера — Опытъ описанія Олонецкой губ. Спб. 1838. Дашкова—Описаніе Олонецкой губ. Спб. 1842. Озерецковскаго — Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы. Спб. 1808. Гельмерсена — Чудское озеро и верховья рѣки Наровы (Записки Акад. Н. Т. VII. кн. I. 1865). Купріянова — Матеріалы для исторіи и географіи Новогород. области. (Вѣст. Геогр. Общ. 1852. VI). Его же — Старая Руса (Москвитян. 1859). Латкина — Дневникъ во время путешествія на Печору (Зап. Геогр. Общ. VII). Прохорова — Христіан. Древности. 1864 и 1877 гг. («Стѣнная иконопись въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ»). «Исторія Вятскаго края» —Сост. Васильевымъ и Бехтеревымъ. Вятка 1870.

Что касается до извѣстнаго сочиненія Неволина О пятинахъ и погостахъ Новогородскихъ въ XVI вѣкѣ (Зап. Геогр. Об. кн. VIII), то мы не вполнѣ раздѣляемъ его главное положеніе, что дѣленіе на пятины принадлежитъ собственно Московскому правительству, и отчасти согласны съ его возражателями, напр. Погодинымъ (Изслѣд. и лекціи. Т. V. 338); но признаемъ, что это дѣленіе еще выработалось въ до-Татарскій періодъ; хотя и были уже положены его начатки. Относительно начала Вятской земли см. у Карамзина. Т. III. гл. I. и прим. 31 — 33. и у Костомарова въ I томѣ Народоправствъ ссылку на рукопись Публич. Библіотеки № 103.

Въ 1878 году въ Осташковскомъ уѣздѣ въ погостѣ Стержѣ на верховьяхъ Волги найденъ каменный крестъ съ надписью 1133 года о томъ, что Иванко Павловичъ «почахъ рыти рѣку сю». Это конечно тотъ Иванко Павловичъ, который, будучи новогородскимъ посадникомъ, погибъ въ битвѣ на Жданой горѣ въ 1135 г. Надпись свидѣтельствуетъ повидимому о работахъ, произведенныхъ здѣсь Новогородцами по углубленію русла рѣки, для пользы судоходства. (Крестъ перевезенъ въ Тверской музей).

[28]) Извѣстіе о созваніи Юріемъ переселенцевъ отовсюду принадлежитъ Татищеву (III, 76). Географическія названія указываютъ, что колонизація Суздальской земли шла преимущественно изъ южной Руси. Напримѣръ, города: Переяславль, Владиміръ, Ярославль, Галичъ, Звенигородъ, Стародубъ; рѣки: Трубежъ; Ирпень и Лыбедь—притоки Клязьмы; Почайна—притокъ Ирпени, и пр.

[29]) О стремленіи Андрея къ самовластію см. П. С. Р. Л. VII. 76. и IX. 221. Походы на Болгаръ Камскихъ въ Лавр. Воскресн. Никонов. въ Степен. Книгѣ и у Татищева. О попыткахъ его образовать Владимірскую митрополію, о епископахъ Леонѣ и Ѳедорѣ въ Лаврент. и особенно Никон. Въ послѣдней подъ 1160 и у Татищева III. помѣщено пространное, витіеватое посланіе патріарха Луки къ Андрею о митрополіи. Карамзинъ едва ли неправъ, считая его подложнымъ (Къ Т. III. прим. 28). Житія Леонтія и Исаіи изданы въ Правосл. Собесѣдникѣ 1858 г. кн. 2 и 3; а Житіе Авраамія Ростовскаго въ Памятникахъ Русс. Старинной Литературы. I. Разборъ ихъ различныхъ редакцій см. у Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». М. 1871. гл. I. О построеніи храмовъ во всѣхъ лѣтописяхъ. Сказаніе о принесеніи иконы Богородицы изъ Вышгорода и основаніи Боголюбова см. въ Степен. книгѣ и въ рукопис. житіи Андрея, приведенномъ у Доброхотова («Древній Боголюбовъ городъ и монастырь». М. 1850). Въ числѣ пособій для Андрея укажу Погодина «Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій». М. 1850.

[30]) Убіеніе Андрея какъ бы составило предметъ особой повѣсти. Оно почти во всѣхъ лѣтописяхъ повѣствуется одинаково; но самое подробное сказаніе сохранилось въ Кіевскомъ сводѣ (т. е. въ Ипатьевскомъ спискѣ); въ немъ только и встрѣчается любопытный эпизодъ о Кузьмищѣ Кіевлянинѣ, со словъ котораго вѣроятно и составлена эта повѣсть. Позднѣе оно украсилось еще народнымъ домысломъ о казни Андреевыхъ убійцъ, тѣла которыхъ зашили въ короба и бросили въ озеро, прозванное оттого «Поганымъ». По нѣкоторымъ эта казнь учинена Михалкомъ Юрьевичемъ, по другимъ Всеволодомъ Большое Гнѣздо. Самый расказъ о ней и носящихся по водѣ коробахъ, превратившихся въ пловучіе острова, подвергся разнообразнымъ варіантамъ. Вкратцѣ извѣстіе о казни убійцъ въ Степен. книгѣ (285 и 308), и пространнѣе у Татищева (III. 215) съ указаніемъ на разнообразіе описаній и со ссылкой на Еропкинскую рукопись (прим. 520).

[31]) Источникъ для борьбы Ростова и Суздаля съ Владиміромъ и для княженія Всеволода III—П. С. Р. лѣт. особенно Лаврентьевская; также Лѣтописецъ Переяславля Сузд. изд. кн. Оболенскимъ. О посѣщеніи Всеволодомъ въ дѣтствѣ Византіи въ Степен. кн. 285.

Подробности о его болгарскомъ походѣ въ сводахъ Лаврент. Ипат. Воскресен. Тверск. и у Татищева. Извѣстія ихъ, что суда были оставлены у острова Исады на устьѣ Цѣвки (Цивили), т. е. въ теперешнемъ Чебоксарскомъ уѣздѣ (Татищ. III. прим. 532. Карам. III. прим. 63), это извѣстіе очевидно неточно. Князья не могли такъ далеко оставить позади себя суда и идти далѣе сухопутьемъ. Въ извѣстіи о походѣ на Болгаръ 1220 г. Исады указываются на Волгѣ ниже устья Камы, противъ болгарскаго города Ошела (см. Воскресн.). Кромѣ того въ хронологическомъ отношеніи не всѣ списки согласны между собою. Такъ два старѣйшихъ свода Ипат. и Лаврент. во второй половинѣ XII вѣка расходятся другъ съ другомъ иногда на цѣлые два года. Въ Лаврент. походъ Всеволода на Болгаръ помѣщенъ подъ 1184 г., а въ Ипат. подъ 1182.

[32]) Извѣстіе о непринятіи Всеволодомъ на Ростовскую каѳедру Николы Гречина и поставленіи Луки см. въ Лаврен. подъ 1185, Ипат. подъ 1183. О пожарахъ, о постройкахъ Всеволода и его семейныхъ отношеніяхъ ibid. О второмъ бракѣ Всеволода въ Воскресн. сводѣ. «Объ обрядѣ постригъ» Лавровскаго въ Москвитян. 1854 г. О бракѣ Юрія Андреевича съ Тамарой см. Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. St-Ptrsb. 1849. I. 412 и далѣе. Его же: «Свѣденія о Грузинской царицѣ Тамарѣ въ древнерусской литературѣ». (Учен. Зап. Акад. Н. по 1 и 3 отд. т. I. вып. 4.). «Историческій отрывокъ изъ Грузинской исторіи, переведенный имеретинскимъ царевичемъ Константиномъ» (Альманахъ «Минерва» на 1837 г.) Буткова «О бракахъ князей русскихъ съ грузинскими и Ясынями» (Сѣверн. Архивъ за 1825. Часть XIII). Посредницей въ сношеніяхъ Руси съ Грузіей была вѣроятно Аланія или Осетія; такъ какъ владѣтели осетинскіе съ одной стороны находились въ родствѣ съ русскими князьями, а съ другой съ грузинскими царями. Въ сказаніи о Тамарѣ видимъ, что на бракъ ея съ Юріемъ склонили ее вельможи съ помощью ея тетки Русуданы, вдовствующей осетинской княгини. Сама Тамара по матери приходилась внучкою Осетинскаго князя, и, можетъ быть, находилась въ нѣкоторомъ свойствѣ со Всеволодомъ III. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ бракъ ея съ Юріемъ Андреевичемъ является событіемъ, незаключающимъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

[33]) Любопытно, что эта междоусобная война, столь безславная для Суздальцевъ, едва упомянута въ Суздальскомъ или такъ наз. Лаврентьевскомъ сводѣ. Извѣстіе о ней сохранилось въ Новогородскихъ лѣтописяхъ, подробнѣе другихъ въ Четвертой; откуда перешло въ позднѣйшіе своды Софійскій, Воскресенскій, Тверской, Никоновскій и у Татищева. Въ послѣднихъ событія, особенно Липецкая битва, являются уже весьма украшенными и съ витіеватыми рѣчами дѣйствующихъ лицъ; между прочимъ въ этой битвѣ участвуютъ и такъ наз. «храбры», т. е. богатыри, Александръ Поповичъ съ слугою Торопомъ, рязанецъ Добрыня Златой поясъ и Нефедій Дакунъ (Никон. и Тверск.); слѣдовательно сюда уже примѣшался отчасти и богатырскій эпосъ. Хотя въ Новогородскихъ событія эти расказаны подъ 1216 г.; однако мнѣ кажется достовѣрнѣе стоящій въ Лаврент. 1217 годъ, который болѣе согласенъ съ общимъ ходомъ дѣлъ на Руси и съ нѣкоторыми другими извѣстіями.

[34]) О великомъ князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ см. сводъ Лаврентьевскій и Никоновскій. О его библіотекѣ и занятіи лѣтописнымъ дѣломъ у Татищева Т. Ш. 416 и 446. прим. 601, 602 и 625. Къ числу пособій относится Бѣляева «Великой князь Константинъ Всеволодовичъ Мудрый» (Временникъ Общ. И. и Др. М. 1849 кн. 3). О походахъ Юрія II на Камскихъ Болгаръ и Мордву см. Лаврен. Воскресн. Тверской, Никонов. Татищевъ.

[35]) Новогородскія лѣтописи, преимущественно Первая.

[36]) Кромѣ Амвросія («Исторія Россійской іерархіи») и другихъ общихъ приведенныхъ выше сочиненій по исторіи, географіи и этнографіи Россіи, укажу пособія, относящіяся преимущественно къ верхнему Поволжью или сѣверовосточной Руси: Миллера Stromsystem der Wolga. Berlin. 1839. Гр. Уварова «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» и «Взглядъ на архитектуру XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ» (то и другое въ «Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда». См. тамъ же различныя мнѣнія по вопросу о Суздальской архитектурѣ и Романскомъ на нее вліяніи Даля, Артлебена, Лашкарева и Мансветова). «Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ». М. 1849—Изданіе гр. Строгонова. «Памятники древняго Русскаго Зодчества». М. 1851.—Изд. Рихтера. «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» Мар-

тынова М. 1846. «Христіанскія древности»—Прохорова Спб. 1875. «Памятники древности во Владимірѣ Клязьменскомъ»—В. Доброхотова. М. 1849. Его же «Древній Боголюбовъ городъ». М. 1852. «Исторія Владимірскаго Успенскаго собора». Владиміръ. 1877. «О Переяславлѣ Залѣсскомъ» графа Хвостова. 1823. «Древнія святыни Ростова Великаго»—гр. Толстаго. М. 1860. «Археологическія замѣтки о городахъ Суздалѣ и Шуѣ»—К. Тихонравова. «Исторія губерн. города Ярославля»—протоіерея Троицкаго. Ярославль. 1853. «Взглядъ на исторію Костромы»—кн. А. Козловскаго. М. 1840. «Костромская губернія»—Крживоблоцкаго. Спб. 1861. (Матеріалы—офицерами генерал. штаба). «Опытъ описанія Вологодской губерніи»—Брусилова. Спб. 1833. «Запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ» (въ Свѣдд. о малоизвѣст. памятникахъ. Срезневскаго. 1867). «Описаніе Переславскаго Никитскаго монастыря»—священника Свирѣлина. М. 1878.

[37]) «Исторія Рязанскаго княжества». Д. Иловайскаго. М. 1858.

[38]) Главнымъ источникомъ для знакомства съ Камской Болгаріей въ XI—XIII вв. служатъ наши лѣтописи, т. е. извѣстія о походахъ русскихъ князей въ ту сторону. Къ тѣмъ пособіямъ, которыя упомянуты въ 7 примѣч. къ первой части, должно присоединить Гергарда Миллера—Abhandlung von den Völkern, welche vor Alters in Russland gewohnet haben (Magazin Бюшинга. XVI. 305—320. Halle. 1782) и прекрасный трудъ Шпилевскаго—«Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Казань. 1877. Здѣсь находится и подробное указаніе на литературу предмета. Только мнѣніе его, что подъ Великимъ Городомъ наши лѣтописи разумѣютъ не Булгаръ на Волгѣ, а Бюларъ на Черемшанѣ—это мнѣніе пока ожидаетъ подтвержденій. Упомяну еще «Три надгробныя булгарскія надписи» муллы Хусейнъ-Фейзъ-Ханова. (Извѣст. Археолог. Об. IV. 395). Самое богатое собраніе булгарскихъ древностей находится у г. Лихачева въ Казани. (О немъ см. въ Извѣстіяхъ Петерб. Археолог. Общ. Т. VI. 182 стр.).

[39]) Пособіями для общественныхъ отношеній и учрежденій древней Руси служатъ: Плошинскаго «Городское состояніе Русскаго народа въ его историческомъ развитіи». Спб. 1852. Погодина «Изслѣдованія и лекціи. Т. VII. Соловьева «Исторія отношеній между

князьями Рюрикова дома». М. 1847. В. Пассека «Княжеская и докняжская Русь». (Чт. Общ. И. и Др. 1870. кн. 3). Сергѣевича «Вѣче и князь». М. 1867. (Подробную рецензію Градовскаго на это сочиненіе см. въ Ж. М. Н. Пр. 1868. Октябрь). Бѣляева «Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М. 1879. Лимберта «Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ». Варшава. 1877. Самоквасова «Замѣтки по исторіи Русскаго государственнаго устройства и управленія» (Ж. М. Н. Пр. 1869. Ноябрь и Декабрь). Его же «Древніе города Россіи». Спб. 1870. Его же «Начала политическаго быта древнерусскихъ Славянъ». Вып. I. Варшава 1878. Въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ г. Самоквасовъ доказываетъ несостоятельность прежде господствовавшаго мнѣнія о малочисленности городовъ въ древнѣйшей Руси — мнѣнія, основаннаго на нѣсколькихъ гадательныхъ фразахъ лѣтописца о бытѣ Русскихъ Славянъ до такъ наз. призванія Варяговъ. (Нѣкоторые писатели, по недостатку критики, до того полагались на эти фразы, что самое построеніе городовъ на Руси считали дѣломъ призванныхъ Варяговъ). Любопытныхъ отсылаемъ къ послѣднему сочиненію г. Самоквасова, гдѣ представленъ обзоръ разныхъ теорій «политическаго быта Русскихъ Славянъ» въ эпоху призванія; таковы теоріи: родовая, общинная, задружно-общинная и смѣшанная. Представителями патріархальнаго и родоваго быта являются Соловьевъ и Кавелинъ, общиннаго Бѣляевъ, Аксаковъ и Лешковъ, задружно-общиннаго Леонтовичъ (см. его статью въ Ж. М. Н. Пр. 1874 №№ 3 и 4), а смѣшаннаго Затыркевичъ («О вліяніи борьбы между городами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства въ Домонгольскій періодъ. Чт. Об. И. и Др. 1873). Мы не входимъ въ разборъ всѣхъ этихъ теорій; такъ какъ онѣ болѣе или менѣе исходнымъ своимъ пунктомъ берутъ мнимое призваніе Варяжскихъ князей, считая его историческимъ фактомъ и полагая его началомъ Русской государственной жизни. Даже г. Затыркевичъ, признавая болѣе древнее происхожденіе Русскаго государственнаго быта, въ тоже время какъ-то сплетаетъ его съ призваніемъ Варяговъ и считаетъ Русь выходцами изъ Скандинавіи. Съ своей стороны мы возводимъ начало нашего государственнаго быта, съ туземными русскими князьями во главѣ, ко времени гораздо болѣе раннему чѣмъ эпоха мнимаго призванія Варяговъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ видимъ въ древней Руси существованіе общины и вѣча рядомъ съ дружинно-княжескимъ началомъ, но при явномъ подчиненіи сему послѣднему. (Нѣсколько

моихъ мыслей о происхожденіи государственнаго быта вообще см. въ Извѣстіяхъ Моск. Общ. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи за 1879 г.: «О нѣкоторыхъ этнографическихъ наблюденіяхъ»).

[40]). Отъ помянутыхъ теорій древняго русскаго быта должно отличать еще вопросъ о сельской общинѣ въ древней Россіи, хотя въ полемической литературѣ по этому вопросу онъ нерѣдко смѣшивается съ означенными теоріями. Главными поборниками исконнаго общиннаго устройства крестьянскаго сословія и землевладѣнія являются: К. Аксаковъ (Его Сочч. М. 1861). В. Лешковъ («Русскій народъ и Государство». М. 1858) и въ особенности И. Бѣляевъ (Крестьяне на Руси. М. 1860). Представителемъ противнаго мнѣнія выступилъ г. Чичеринъ (см. собраніе его статей въ «Опытахъ по исторіи Русскаго права». М. 1858). По его мнѣнію происхожденіе Русской крестьянской общины вытекло изъ финансовыхъ установленій, т. е. изъ тягла и повинностей, обусловленныхъ круговою порукою. (Отвѣты ему Бѣляева см. въ Русс. Бесѣдѣ 1857 г.). Довольно много остроумныхъ соображеній выставлено съ той и другой стороны; но обѣ онѣ происхожденіе нашей сельской общины приводятъ въ связь съ мнимымъ происхожденіемъ Русскаго государства и даютъ участіе въ этомъ вопросѣ пришлой варяжской дружинѣ. Сторонники исконной поземельной общины имѣютъ за собою болѣе исторической правды; но они придаютъ ей слишкомъ договорный, юридическій (искусственный), слишкомъ идиллическій характеръ; преувеличиваютъ значеніе и распространеніе въ древней Россіи общиннаго и артельнаго начала. Въ послѣднее время любопытно въ этомъ отношеніи сочиненіе Соколовскаго «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи». Спб. 1877. Онъ отождествляетъ ее съ волостью; но также мѣшаетъ ея исторію съ мнимымъ призваніемъ Варяговъ, и полагаетъ, что прежнее (идиллическое) состояніе сѣвернорусской общины нарушилось съ появленіемъ иноземныхъ князей и ихъ чиновниковъ.

[41]) Бѣляева «Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи». (Времен. Общ. И. и Др. XXII). Прекрасное сочиненіе Аристова «Промышленность Древней Руси». Спб. 1866. Кромѣ лѣтописей, о земледѣліи, скотоводствѣ, рыболовномъ и бортномъ промыслахъ встрѣчаются многія указанія въ Русской Правдѣ, Житіи Ѳеодосія и Па-

терикѣ Печерскомъ, а также въ договорныхъ и жалованныхъ грамотахъ. Напримѣръ, о рыболовныхъ ватагахъ говорится въ договорахъ Новгорода съ великими князьями (Собр. Г. Гр. и Дог. I).

[42]) П. С. Р. Лѣт. Забѣлина «Черты самобытности въ древнерусскомъ Зодчествѣ» (Древ. и Нов. Россія. 1878. 3 и 4). Его же «О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка» (Зап. Археол. Общ. V. 1853). Хмырова «Металлы, металлическія издѣлія и минераллы въ древней Россіи». Спб. 1875. Ровинскаго «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка» (Зап. Археол. Об. VШ. 1856). Буслаева «Общія понятія о Русской иконописи» (Сборникъ на 1866 г. Общества древнерус. искусства въ Москвѣ). «Христіанскія древности и Археологія». Спб. 1863, 1864 и 1871. Изд. Прохорова. Его же «Русскія древности». Спб. 1871 и 1875. «Древности Росс. государства», изданныя роскошно по Высоч. повелѣнію, по рисункамъ акедемика Солнцева. М. 1849—53. «Памятники древняго росс. зодчества». Изд. Рихтеромъ. М. 1851. Кеппена «Списокъ русскимъ памятникамъ». М. 1822. Histoire de l'ornement russe du XI au XVI siecle d'apres les manuscrits. Avec 100 planches en couleur. Paris. 1872—Изданіе, принадлежащее Художественно-промышленному музею въ Москвѣ, предпринятое его директоромъ Бутовскимъ. Своеобразное изящество собранныхъ здѣсь русскихъ орнаментовъ побудило знаменитаго французскаго архитектора и ученаго Віоле ле Дюка принять на себя особый трудъ, посвященный исторіи Русскаго искусства: L'art Russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. Paris. 1877.

Талантливое сочиненіе Віоле ле Дюка, признающее за древнерусскимъ искусствомъ самобытное творчество и рѣшительный перевѣсъ восточныхъ, азійскихъ вліяній и элементовъ надъ западноевропейскими и отчасти надъ византійскими, возбудило оживленіе вопроса о русскомъ искусствѣ и вызвало довольно значительное число возражателей. Между послѣдними наиболѣе заслуживаютъ вниманія: профес. Буслаевъ—«Русское исскусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго» (Критич. Обозрѣніе. М. 1879. №№ 2 и 5). «Русское искусство и архитектура въ Россіи отъ X по XVIII вѣкъ». Спб. 1878. (изданіе гр. Строганова). Аббата Мартынова—L'art Russe (Revue de l'Art chretien. II. série, tome IX). Его же Architecture Romane en Russie. Эти возражатели, хотя и указали нѣкоторыя слабыя стороны труда Віоле ле Дюка, но не могли опровергнуть главныхъ

его положеній; между прочимъ они поддерживаютъ преувеличенное мнѣніе о вліяніи западнаго Романскаго стиля на архитектуру и орнаменты Суздальскихъ храмовъ XII—XIII вв. Изъ числа сторонниковъ Віоле ле Дюка особенно энергично выступилъ авторъ помянутой «Исторіи Русскаго орнамента», Бутовскій, въ своей брошюрѣ: «Русское искусство и мнѣнія о немъ» etc. М. 1879 г.

[43]) Источниками для изученія Русскихъ одеждъ служатъ древнія фрески и рукописи, каковы особенно: фрески Кіевософійскія, Спасъ-Нередицкія, Староладожскія; рукописи: Святославовъ сборникъ, житіе Бориса и Глѣба и др. Пособія: Срезневскаго «Древнія изображенія свв. князей Бориса и Глѣба» (Христіан. Древности. изд. Прохорова. Спб. 1863.), «Древнія изображенія Владиміра и Ольги» (Археологич. Вѣстникъ. М. 1867—68). «Древнія изображенія князя Всеволода-Гавріила» (Свѣдд. и замѣтки о малоизвѣст. памятникахъ. Спб. 1867). Прохорова «Стѣнная иконопись XII вѣка въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ» (Христіан. Древности Спб. 1871), и «Матеріалы для исторіи Русскихъ одеждъ» (Русскія Древности. Спб. 1871). Далѣе для нагляднаго знакомства съ украшеніями русской одежды представляетъ богатый матерьялъ множество разнообразныхъ металлическихъ вещей, добытыхъ раскопками кургановъ или случайно найденныхъ въ землѣ. Кое-гдѣ сохранились между прочимъ и остатки самыхъ тканей. Изъ множества замѣтокъ объ этихъ находкахъ укажу: гр. Уварова о металлическихъ украшеніяхъ и привѣскахъ, найденныхъ въ Мерянской землѣ («Меряне и ихъ бытъ» въ Трудахъ перваго Археологич. съѣзда. То, что авторъ относитъ здѣсь къ Варягамъ, мы считаемъ недоразумѣніемъ и относимъ къ Руси). Филимонова: Древнія украшенія великокняжескихъ одеждъ, найденныя во Владимірѣ въ 1865 г.» (Сборникъ Москов. Об. Древнерус. искусства. 1866 г.). О томъ же владимірскомъ кладѣ см. Стасова (въ Извѣстіяхъ Петерб. Археологич. Об. Т. VI.). Между прочимъ г. Стасовъ замѣчаетъ, что найденные при этомъ остатки шелковыхъ одеждъ отличаются узорами византійскаго стиля, а золотые и позументные имѣютъ затканныя шелкомъ фигуры фантастическихъ животныхъ того же стиля и соотвѣтствуютъ таковымъ же скульптурнымъ изображеніямъ на Дмитровскомъ соборѣ во Владимірѣ (130 стр.). Эту статью дополняетъ замѣтка владимірскаго археолога Тихонравова (ibid. стр. 243). Онъ говоритъ, что въ ризницахъ Владимірскаго Успенскаго собора хранятся лоскутки кня-

жескихъ одеждъ, снятыхъ при открытіи ихъ гробницъ. Между прочимъ въ гробницѣ Андрея Боголюбскаго найдена шелковая матерія съ вытканными на ней узорами, травами и обращенными другъ къ другу львами, которые совершенно сходны съ изваянными изображеніями львовъ на наружныхъ стѣнахъ Дмитріевскаго собора.

[44]) Вопросъ о древнерусской денежной системѣ, при обиліи нумизматовъ и нумизматическихъ коллекцій, имѣетъ у насъ значительную литературу. Назову слѣдующіе труды: Круга «Критическія разысканія о древнихъ рус. монетахъ». Спб. 1807. Казанскаго «Изслѣдованія о древнерусской монетной системѣ». (Зап. Археол. Общ. III.). Каченовскаго «О кожаныхъ деньгахъ (посмертное изданіе. М. 1849). Погодина «Изслѣд. и лекціи». IV, гл. 7. Волошинскаго «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, найденныхъ близъ Нѣжина». Кіевъ. 1853. Бѣляева «Били ли на Руси монету до XIV столѣтія?» (Зап. Археол. Общ. V. онъ рѣшаетъ вопросъ положительно). Его же «Объ отношеніи гривны XII вѣка къ рублю XVI вѣка» (Времен. Об. И. и Др. XXIII). Заблоцкаго «О цѣнностяхъ въ древней Руси». Спб. 1854. Куника «О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I». Спб. 1860. Письма къ нему по тому же предмету Бартоломея и гр. Уварова (въ Извѣстіяхъ Археол. Общ. Т. II и IV). Прозоровскаго «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія (Зап. Археол. Об. XII. 1865). Тщательный трудъ послѣдняго прекрасно выяснилъ систему и цѣнность металлической монеты древн. Руси.

Относительно восточныхъ или мусульманскихъ монетъ VII—XI вѣка, во множествѣ находимыхъ въ Россіи, а также о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ ея съ востокомъ самое обстоятельное сочиненіе принадлежитъ П. С. Савельеву «Мухаммеданская нумизматика». Спб. 1846.

[45]) Важнѣйшія пособія и изданія по исторіи Русской церкви, Русской словесности и просвѣщенія въ до-Монгольскій періодъ: Преосвящ. Филарета Черниговскаго «Исторія Русской церкви». Изд. 4-е. Черниговъ. 1862. и его же «Обзоръ Русской духовной литературы» (Учен. Зап. Ак. кн. III. Спб. 1856). Преосв. Макарія «Исторія Русской церкви» (первые три тома). Іером. Амвросія «Исторія Русской іерархіи.». М. 1807—1815. Т. Барсова «Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою церковью». Спб. 1878. Соловьева «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Рос-

сіи» (Чтенія Об. И. и др. № 6. 1847). Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи». (Чт. Об. И. и Др. 1859. кн. IV и 1861 кн. I и II.). Казанскаго «Исторія монашества въ Россіи до св. Сергія». М. 1854.

Н. Лавровскаго «О древнерусскихъ училищахъ». Харьковъ 1854. Сухомлинова «О языкознаніи въ древней Россіи» (Учен. зап. Ак. кн. I. 1854). «О чтеніи книгъ въ древней Руси» (Правосл. Собесѣдникъ 1858. ч. II). «Памятники Россійской словесности XII вѣка», изд. Калайдовичемъ. М. 1821. Изъ этихъ памятниковъ «Слово Даніила Заточника» издано Ундольскимъ по другой редакціи въ Русс. Бесѣдѣ. 1856. II. и Срезневскимъ въ Извѣст. 2-го Отд. Ак. Н. т. X; а проповѣди Кирилла Туровскаго Сухомлиновымъ во второмъ томѣ «Рукописей гр. Уварова» съ обширнымъ разсужденіемъ «О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго». Спб. 1858. (Первый томъ Рукописей не явился). «Памятники Старинной Русской Литературы», изд. гр. Кушелева—Безбородко. Спб. 1860—62. (Повѣсти, легенды и отреченныя сказанія). Шевырева «Исторія Русской Словесности преимущественно древней». Три тома. М. 1846—1858. Срезневскаго «Древніе памятники Русскаго письма и языка». Спб. 1863. (первоначально въ Извѣстіяхъ Академіи). Буслаева: «Историческая христоматія Церковно-славянскаго и Древне-русскаго языковъ». М. 1861; его же «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». 2 тома. Спб. 1861 (собраніе изслѣдованій и статей, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ). Аристова «Христоматія по Русской исторіи» (до XVI вѣка). Варшава. 1870. Ор. Миллера «Опытъ обозрѣнія Русской словесности» Вып. I. (періодъ до-Татарскій). Второе изд. Спб. 1865. Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». М. 1871. Яковлева: «Памятники Русской Литературы XII и XIII вв.» Спб. 1872. и его же «Древнекіевскія религіозныя сказанія». Варшава. 1875. Хрущева «О древнерусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ» (XI—XII столѣтіе). К. 1878.

[46]) Труды и пособія для изученія вопроса о русскихъ лѣтописяхъ указаны мною въ 1-й части примѣч. 59. Мои соображенія о принадлежности Кіевскаго свода Выдубецкому, а не Печерскому монастырю приведены въ Розыск. О Нач. Руси, въ статьѣ «Еще о норманизмѣ». Мнѣнію объ отдѣльныхъ письменныхъ сказаніяхъ и повѣстяхъ, будто-бы введенныхъ въ лѣтописные своды позднѣе, я по прежнему не придаю широкаго значенія. Напримѣръ, разсказъ

объ убіеніи Андрея Боголюбскаго не считаю повѣстью, отдѣльно написанною неизвѣстнымъ лицомъ; полагаю, что она написана просто Кіевскимъ лѣтописцемъ со словъ очевидца, можетъ быть того же Козьмы Кіевлянина, который былъ въ службѣ у Андрея, оплакивалъ его смерть и укорялъ Анбала. Къ прежнимъ своимъ соображеніямъ прибавлю слѣдующее. Если бы всѣ тѣ части сводовъ, которые у насъ стали считать отдѣльными, писанными повѣстями, были дѣйствительно таковыми, то нѣтъ никакого вѣроятіи, чтобы они дошли до насъ только въ лѣтописныхъ сводахъ; хотя нѣкоторые изъ нихъ навѣрное сохранились бы въ какихъ либо рукописныхъ сборникахъ.

Относительно Новогородской лѣтописи я считаю не только «остроумными», но и основательными соображенія Прозоровскаго въ пользу Германа Вояты, какъ составителя этой лѣтописи (Журн. Мин. Нар. Пр. 1852. Іюль). Возраженія Погодина, считающаго Вояту переписчикомъ, а не сочинителемъ, едвали убѣдительны. (Изслѣдд. и Лекціи Т. V. 342—344). Лѣтописецъ называетъ Нифонта святымъ и притомъ уже архіепископомъ; это показываетъ только, что онъ началъ свой трудъ по кончинѣ Нифонта, вѣроятно при архіепископѣ Іоаннѣ и по его порученію; приближенность Вояты къ архіерейскому дому обнаруживается обстоятельствами его смерти, и нѣтъ основанія предполагать, что лѣтопись должна была вестись непремѣнно священникомъ Софійскаго собора, а не церкви св. Якова или какой либо другой. Точное и довольно подробное извѣстіе о Германѣ Воятѣ подъ 1188 конечно было записано его продолжателемъ, можетъ быть тоже священникомъ церви св. Якова, продолжавшимъ лѣтопись также по порученію архіепископа.

[47]) Что русскія былины получили начало въ эпоху до-Татарскую, см. о томъ изслѣдованія Л. Майкова «О былинахъ Владимірова цыкла». Спб. 1863. Также Погодина «Замѣчаніе о нашихъ былинахъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1870. Декабрь). Послѣдній нѣсколько преувеличиваетъ древность настоящей ихъ формы. Еще болѣе глубокую древность придаетъ имъ Безсоновъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданію пѣсенъ, собранныхъ Киреевскимъ. Любопытно обширное изслѣдованіе В. Стасова «Происхожденіе Русскихъ былинъ» (Вѣст. Европы. 1868. кн. 1, 2, 3, 6 и 7). Онъ сближаетъ ихъ съ сказками восточными (индѣйскими, персидскими, тюркскими); полагаетъ, что эти послѣднія распространились у насъ отъ Татаръ въ

эпоху ига, и вообще отказываетъ русскимъ былинамъ въ туземномъ самобытномъ происхожденіи; съ чѣмъ конечно нельзя согласиться. Наиболѣе основательныя опроверженія эта теорія встрѣтила въ сочиненіи Ор. Миллера «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское». Спб. 1870. (На послѣднее сочиненіе см. рецензію Буслаева въ Ж. М. Н. Пр. 1871. Апрѣль). Въ лѣтописяхъ хотя и упоминаются нѣкоторые богатыри, относимые къ до-Татарской эпохѣ, но только въ позднѣйшихъ сводахъ, составленныхъ не ранѣе XVI вѣка. См. также «Русская поэзія въ до-Монгольскую эпоху» Жданова (Кіевск. Унив. Изв. 1879. Іюнь).

Отрывокъ изъ пѣсни или похвальнаго Слова, сложеннаго въ честь Мстислава Удалаго, Длугошъ приводитъ въ разсказѣ о побѣдѣ его надъ Уграми и изгнаніи ихъ изъ Галича подъ 1209 годомъ. Хронологія его по отношенію къ русскимъ событіямъ, какъ извѣстно, не отличается вѣрностію, и подробности ихъ нерѣдко спутаны; но означенный отрывокъ очевидно заимствованъ имъ изъ источника, до насъ не дошедшаго.

Кромѣ трудовъ, указанныхъ въ 72 прим. къ первой части, литература Слова о Полку Игоревѣ обогатилась послѣ того слѣдующими новыми изслѣдованіями и изданіями: Огоновскаго «Слово о пълку Игоревѣ». У Львові. 1876. («Текстъ» съ «перекладомъ» на русско-галицкое нарѣчіе и добросовѣстными учеными «поясненіями»). Вс. Миллера «Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ». М. 1877. Хотя главная мысль автора (о нерусской народности Баяна и византійско-болгарскихъ книжныхъ образцахъ, которымъ близко подражалъ пѣвецъ Слова) едва ли можетъ найти подтвержденіе; но книжная подготовка пѣвца доказана имъ съ достаточными основаніями. (На что впрочемъ указывалось и прежде, и что особенно развито въ обширномъ, исполненномъ эрудиціи, трудѣ кн. Вяземскаго «Замѣчанія на Слово о П. Игоревѣ». Спб. 1875). Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на изслѣдованіе Вс. Миллера см. Ор. Миллера (Ж. М. Н. Пр. 1877. Сентябрь). Е. Барсова «Критическій очеркъ литературы Слова о П. Игоревѣ» (Журн. Мин. Н. Пр. 1876. Сентябрь и Октябрь). Его же «Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о П. Игоревѣ» (Вѣстникъ Европы. 1878. Октябрь и Ноябрь). Авторъ этихъ замѣтокъ довольно успѣшно отстаиваетъ самостоятельное творчество пѣвца Слова и полную принадлежность послѣдняго Русской поэзіи; причемъ полемизуетъ съ упомянутымъ изслѣдованіемъ Вс. Миллера. Наконецъ

заслуживаетъ вниманія добросовѣстный трудъ А. Смирнова «О Словѣ о Полку Игоревѣ». Воронежъ. 1877 и 1879. (Два оттиска изъ журнала Филологическія Записки; въ первомъ выпускѣ «Литература Слова», во второмъ «Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ»).

Сравненіе Слова о Полку Игоревѣ съ соотвѣтствующимъ довольно подробнымъ разсказомъ Кіевской лѣтописи (по Ипат. списку) подтверждаетъ выше приведенное мною мнѣніе, что напрасно преувеличиваютъ число отдѣльно сочиненныхъ повѣстей и сказаній, вставленныхъ въ лѣтописи. Кіевскій лѣтописецъ на такомъ основаніи могъ бы только взять разсказъ пѣвца и приспособить его къ своему дѣлу; однако онъ излагаетъ свой самостоятельный разсказъ, очевидно также со словъ людей свѣдущихъ.

Свое мнѣніе о существованіи придворнокняжескихъ пѣвцовъ-поэтовъ я высказалъ еще въ 1859 г. (Журналъ Р у с с. С л о в о. Декабрь), по поводу разсужденія Буслаева о Русс. поэзіи XI и начала XII вѣка. Относительно Баяна, воспѣвавшаго Черниговскихъ князей въ концѣ XI вѣка, замѣчу еще, что это имя могло быть и нарицательнымъ, т. е. означало вообще пѣвца (въ родѣ позднѣйшаго бандуриста), и притомъ «вѣщаго» (см. Словарь Востокова подъ этимъ словомъ: «влъхвомъ и баяномъ»).

Что касается до словутнаго пѣвца Митуси, то нѣкоторые считали его церковнымъ пѣвчимъ, напримѣръ Максимовичъ (Основа. 1861. Іюнь). Это мнѣніе совсѣмъ невѣроятно; Митуся случайно захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ со слугами Перемышльскаго владыки и притомъ со слугами-дружинниками; отсюда еще не видно, чтобы онъ самъ служилъ владыкѣ, а не князю, т. е. Ростиславу Михайловичу. Нельзя его считать и вообще пѣвцомъ въ нашемъ, буквальномъ значеніи этого слова (т. е. пѣвуномъ или человѣкомъ, умѣющимъ хорошо пѣть). Таковые цѣнились тогда на ряду съ скоморохами и игрецами, и Даніилъ Романовичъ не сталъ бы хлопотать о томъ, чтобы залучить въ свою службу гордаго Митусю, если бы онъ не былъ извѣстный въ свое время придворный пѣвецъ-поэтъ, прославлявшій князей. Потому-то конечно знаменитый князь и хотѣлъ имѣть его въ своей службѣ.

Кромѣ помянутаго указанія Длугоша, мы находимъ еще въ самой Ипат. лѣтописи указанія на придворно-княжескій эпосъ, т. е. такой, который посвященъ былъ прославленію князей. Отрывкомъ изъ такого эпоса представляется намъ то мѣсто этой лѣтописи, гдѣ описывается начало княженія Романа Волынскаго, подъ 1201 г.

Вѣроятно это отрывокъ изъ поэтическаго Слова, посвященнаго прославленію Романа. Отсюда же мы узнаемъ, что и у половецкихъ князей были гудцы, т. е. пѣвцы, сопровождавшіе свои пѣсни звуками струннаго инструмента. А далѣе, подъ 1251 г. по поводу побѣды Даніила и Василька надъ Ятвягами, лѣтопись замѣчаетъ: «и пѣснь славну пояху има». Ясный намекъ на похвальное Слово князьямъ, сложенное вслѣдъ за побѣдою (аналогія съ извѣстіемъ Длугоша).

[47]) Важнѣйшіе источники о Монголо-Татарахъ и Чингизъ-Ханѣ представляютъ, во первыхъ, китайскіе лѣтописцы. О нихъ см. въ «Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова»—отца Іакинфа Бичурина. Спб. 1829. и въ «Исторіи и древностяхъ восточной части Средней Азіи»—профес. Васильева (Записки Археол. Общ. т. IV. Спб. 1859). Во вторыхъ, персидскій лѣтописецъ Рашидъ Эддинъ. Онъ жилъ при дворѣ монгольскихъ владѣтелей Персіи и написалъ въ началѣ XIV вѣка свой «Лѣтописный сборникъ». Часть его лѣтописи переведена на рус. языкъ профес. Березинымъ. См. Труды восточнаго отдѣленія Археолог. Общества. XIII. Спб. 1868. Еще ранѣе имъ же сдѣлано извлеченіе изъ Рашидъ Эддина о нашествіи Монголовъ на Россію въ Жур. М. Н. Пр. 1854 и 1855 гг. Расказы Рашидъ Эддина о Монголахъ и Чингизъ Ханѣ обыкновенно повторялись послѣдующими мусульманскими лѣтописцами, напр. хивинскимъ ханомъ Абульгази въ XVII вѣкѣ (Его «Родословіе Турецкаго племени» въ рус. переводѣ въ изданіи Березина «Библіотека восточныхъ историковъ», т. II. Казань 1854 г.) и неизвѣстнымъ авторомъ «Шейбаніады» въ XVI в. (ibid т. I. 1849 г.). Сюда же можно отнести извлеченіе изъ Персидской всеобщей исторіи Хайдемира (въ переводѣ Григорьева «Исторія Монголовъ». Спб. 1834). Въ третьяхъ, буддійско-монгольская лѣтопись Алтанъ Тобчи (золотое сокращеніе); издана въ Труд. Витеб. отд. Археол. Общ. VI. Спб. 1858, съ русскимъ переводомъ ученаго бурятскаго ламы Галсанъ Гомбоева. Эта лѣтопись служила главнымъ источникомъ для «Монгольской Исторіи» Сананъ-Сэцена, который подобно Абульгази былъ ханомъ одного Монгольскаго поколѣнія. (Переводъ этой исторіи на нѣмец. языкъ былъ сдѣланъ академикомъ Шмидтомъ. St-Petersb. 1829). Въ четвертыхъ, армянскія. См. «Исторію Монголовъ инока Магакіи. XIII вѣка». Переводъ и объясненія Патканова. Спб. 1871. Его же: «Исторія Монголовъ по армянскимъ источникамъ». Спб. 1873—74 гг. Въ пятыхъ, для изображенія

быта и нравовъ Монголо-Татаръ превосходнымъ источникомъ служатъ европейскіе путешественники XIII вѣка: Плано Карпини, Асцелинъ, Рубруквисъ и Марко Поло. (Voyages faits principalement en Asie. La Haye. 1735). Первые два въ русскомъ переводѣ Языкова («Собраніе путешествій къ Татарамъ»); а Марко Поло въ переводѣ Шемякина (Чт. Об. И. и Др. 1861 кн. 3 и 4. и 1862 кн. 1—4.). Въ шестыхъ, византійскіе историки Никифоръ Грегора, Акрополита и Пахимеръ. (Извлеченія изъ нихъ въ Memoriae Populorum Стриттера т. III, часть 2). Въ седьмыхъ, западные лѣтописцы, напримѣръ Матвѣй Парижскій.

Пособія: Палласа Samlungen historischer Nachrichten ueber die Mongolischen Völkerschaften. St-Ptrsb. 1776. Іакинфа Бичурина «Записки о Монголіи». Спб. 1828. и «Исторія о народахъ Средней Азіи». Спб. 1848. Досона-Histoire des Mongoles. 4 vol. La Haye et Amst. 1834—35. Гаммера Ceschichte der Goldenen Horde Pest. 1840. Вольфа Geschichte der Mongolen oder Tataren. Breslau. 1872. Иванина «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ Монгло-Татаръ при Чингизъ ханѣ и Тамерланѣ». Спб. 1875. Пржевальскаго «Монголія и страна Тангутовъ». Спб. 1875.

Относительно названій «Монголы» и «Татары» источники представляютъ смѣшеніе и путаницу. Повидимому оба названія первоначально относились къ одному племени; при чемъ Монголы считаются какъ бы частью Татарскаго семейства. Мы же употребляемъ эти названія въ томъ смыслѣ, какой они получили въ наукѣ на основаніи дѣленія народовъ по языку, т. е. Татаръ относимъ къ племенамъ Тюркскимъ.

[49]) Полн. Собр. Рус. лѣтописей. Особенно Ипатьевскій списокъ, тождественный съ нимъ Академическій и Новгородская лѣт. Въ Лаврент. сокращено, хотя очевидно это расказъ одного и того же автора. Въ Лаврент. и Акад. Калкская битва приведена подъ 1223 г., въ Ипат. и Новгород. подъ 1224 г. Вѣрнѣе первый годъ. См. Куника «О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ» (Учен. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отдѣленію т. II вып. 5. Спб. 1854. Ibidem его же замѣтки: «О связи Трапезунтско-Сельджукской войны 1223 года съ первымъ нашествіемъ Татаръ на сѣверное Черноморье», «О перенесеніи иконы Николая изъ Корсуня въ Новгородъ въ 1223 г.», «О походѣ Татаръ по Нейбурской лѣтописи и пр.). Его же: Renseignements sur les sources et recherches relatives à la

première invasion des Tatares en Russie (Melanges Asiatiques. T. II. Вып. 5. St-Ptsb. 1856).

О гибели 70 богатырей или «храбровъ» упомянуто въ позднѣйшихъ сводахъ (Воскресенскомъ, Никоновскомъ, Тверскомъ, Новогородскомъ четвертомъ). Главнымъ героемъ сказанія о нихъ является тотъ же ростовскій богатырь Александръ Поповичъ съ своимъ слугою Торопомъ, которые отличались въ Липецкой битвѣ. Сказаніе (помѣщенное въ Тверскомъ сводѣ) баснословитъ такъ. По смерти Константина Всеволодовича Ростовскаго, этотъ Александръ собралъ другихъ богатырей, и уговорилъ ихъ, вмѣсто того, чтобы служить разнымъ князьямъ и въ междоусобіяхъ избивать другъ друга, идти всѣмъ въ Кіевъ и поступить на службу къ великому князю кіевскому Мстиславу Романовичу. Вѣроятно не безъ связи съ этою богатырскою дружиною приведена и слѣдующая похвальба Мстислава Романовича, сказанная при полученіи вѣсти о нашествіи Татаръ: «пока я сижу въ Кіевѣ, то по Яико и по Понтійское море, и по рѣку Дунай саблѣ (вражеской) не махивати».

[50]) О событіяхъ югозапад. Руси см. Волынскую лѣтопись по Ипат. списку. О землетрясеніи и солнечномъ затмѣніи см. Лаврент.

[51]) Для нашествія Татаръ на сѣверную Русь служатъ своды лѣтописей Лаврентьевскій (Суздальскій) и Новогородскій, а для нашествія на южную Ипатьевскій (Волынскій). Въ послѣднемъ расказано весьма необстоятельно; такъ что о дѣйствіяхъ Татаръ въ Кіевской, Волынской и Галицкой земляхъ имѣемъ самыя скудныя извѣстія. Нѣкоторыя подробности встрѣчаемъ еще въ позднѣйшихъ сводахъ, Воскресенскомъ, Тверскомъ и Никоновскомъ. Кромѣ того было особое сказаніе о нашествіи Батыя на Рязанскую землю; оно напечатано во Временникѣ Об. И. Др. №. 15. (О немъ и вообще о разореніи Рязанской земли см. въ моей «Исторіи Рязанскаго княжества» глава IV). Извѣстіе Рашидъ Эддина о походахъ Батыя переведено Березинымъ и дополнено примѣчаніями (Жур. М. Н. Пр. 1855. №. 5). Г. Березинымъ развита и мысль о татарскомъ способѣ дѣйствовать облавой.

[52]) Польско-латинскія хроники Богуфала и Длугоша. Рöпеля Geschichte Polers. I. Th. Палацкаго Dėjiny narodu ceského. II. Его же Einfal der Mongolen. Prag. 1842. Майлата Geschichte der Magya-

геп. I. Гаммеръ-Пургсталя Geschichte der Goldenen Horde. Вольфъ въ своей Geschichte der Mongolen oder Tataren между прочимъ (гл. VI) подвергаетъ критическому разбору расказы названныхъ историковъ о нашествіи Монголовъ; въ особенности старается опровергнуть изложеніе Палацкаго по отношенію къ образу дѣйствія чешскаго короля Венцеля, а также по отношенію къ извѣстному сказанію о побѣдѣ Ярослава Штернберка надъ Татарами подъ Оломуцемъ.

[53]) Источники и пособія для Волжской или Золотой Орды: Хаммеръ-Пургсталь Geschichte der Holdenen Horde. Pesth. 1840. Это сочиненіе, какъ извѣстно, отличается недостаткомъ критическаго отношенія къ своимъ источникамъ. Плано Карпини и Рубруквисъ см. въ собраніи Бержерона Voyages faits principalement en Asie. Haye. 1735. Кромѣ того первый, т. е. Карпини, въ переводѣ Языкова въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ». Спб. 1825. А Рубруквисъ въ русской сокращенной передачѣ Языкова въ Трудахъ Рос. Академіи. Ч. Ш. 1840 г. The travels of ibn Batuta. By Samuel Lee. London. 1829. Извлеченіе изъ этого путешествія относящееся къ Золотой Ордѣ см. въ Journal asiatique. IV serie. XVI. Френа «Монеты хановъ Улуса Джучіева». Спб. 1832. Савельева «Монеты Джучидскія, Джагатайскія» и т. д. въ Запискахъ Археологич. Общ. XII. Саблукова «Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства» въ прибавленіяхъ къ Саратов. Вѣдд. 1844. Березина «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева (преимущественно по ханскимъ ярлыкамъ) въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Археол. Общ. VШ. Спб. 1864. Ламы Галсана Гомбоева «О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано Карпини» (Записки Арх. Общ. XШ). Для Сарая собственно: Терещенка «Четырехлѣтніе поиски въ развалинахъ Сарая» (Жур. М. В. Д. 1847 кн. 9) и его же «Окончательное изслѣдованіе мѣстности Сарая» въ Зап. Акад. Н. по I и Ш отд. Т. II вып. I. Григорьева «О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды Сарая» въ Ж. М. В. Д. 1845. Бруна «О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека» въ Трудахъ третьяго Археолог. съѣзда. Кіевъ 1878. Г. Брунъ полемизуетъ противъ выше названной статьи Григорьева и поддерживаетъ мнѣніе о существованіи двухъ Сараевъ: древнѣйшаго ближе къ Каспійскому морю, около Селитрянаго городка, и позднѣйшаго на мѣстѣ Царева.

[54]) П. С. Р. Лѣт. О перечисленіи Татарами жителей см. Воскресен. сводъ подъ 1246. О клеветѣ измѣнника Ѳедора Яруновича на Ярослава ibid. Въ Ипатьев. подъ 1250 г. говорится, что Татары Ярослава «зеліемъ умориша». Убіеніе Михаила Черниговскаго записано сокращенно въ сводахъ Ипат. и Лаврент. Оно сдѣлалось предметомъ особаго сказанія, которое помѣщено въ позднѣйшихъ сводахъ, Воскресен. Тверск. и Никоновскомъ. Срезневскій замѣтилъ, что сказаніе это «написано современникомъ, впрочемъ по слухамъ, отчасти несовсѣмъ вѣрнымъ». (Извѣстія Втораго Отд. Ак. Н. X. 195). Сопоставленіе его съ краткимъ извѣстіемъ о томъ же событіи у Плано Карпини (изд. Языкова. 85 стр.) подтверждаетъ мнѣніе Срезневскаго. У Карпини говорится, что Михаилъ прошелъ между огнями, но отказался поклониться на югъ Чингисъ хану. Кромѣ того, по Карпини, отъ Батыя приходитъ съ убѣжденіями къ Михаилу, вмѣсто его внука, сынъ Ярослава Суздальскаго. А сказаніе повѣствуетъ, что Михаилъ не пошелъ и между огнями. Вообще оно даетъ событію такой смыслъ, что князь для того собственно и отправился въ Орду, чтобы принять тамъ мученическій вѣнецъ; тогда какъ въ Ипатьев. сводѣ прямо говорится, что Михаилъ поѣхалъ хлопотать о волости. Впрочемъ увѣщанія духовнаго отца и обѣтъ не кланяться идоламъ указываютъ на то, что онъ заранѣе готовился къ мученичеству: ему несомнѣнно были извѣстны обряды, которымъ подвергались въ Ордѣ русскіе князья.

Въ числѣ такихъ обрядовъ Сказаніе, по нѣкоторымъ сводамъ, упоминаетъ о поклоненіи не только идоламъ и огню, но еще какому-то кусту. Именно, въ Воскресенскомъ и Тверскомъ говорится о поклоненіи «солнцу и кусту и идоломъ»; въ Никоновскомъ нѣтъ куста, а упоминаются солнце, луна, огонь и идолы. Въ Ипатьевскомъ же, по поводу пріѣзда Даніила Романовича въ Орду, приводится поклоненіе солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу и умершимъ предкамъ, «водяше около куста поклонятися имъ», и за тѣмъ прямо говорится, что Ярославъ кланялся «кусту», а Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ убиты, потому что «не поклонишася кусту» (535—6 стр. нов. изданія). Гаммеръ изъ этого куста сдѣлалъ какой-то «священный поясъ Маговъ и Индусовъ», по персидски Kesti, поклоненіе которому будто бы заимствовано Татарами Батыя въ Персіи (Gesch. der Gold. Horde. 137), и это чрезвычайно натянутое толкованіе нѣкоторыми принято (напр. у Вольфа 389). Но при описаніи самыхъ обрядовъ, которымъ подвергали иноземцевъ въ Ордѣ, какъ въ рус-

скихъ лѣтописяхъ, такъ и у Плано Карпини говорится только о прохожденіи между двухъ огней (все очищающихъ) и поклоненіи идоламъ или на югъ тѣни Чингизъ хана («Чигизаканова мѣчтанья», какъ выражается Ипатьев. лѣтопись). Карпини, сообщающій о томъ обстоятельное извѣстіе, ни о какомъ кустѣ не упоминаетъ. Нѣтъ ли тутъ какой ошибки, т. е. искаженія первоначальнаго текста? Напримѣръ: вмѣсто куста не должно ли разумѣть жертвенникъ или «костеръ», т. е. все тотъ же священный огонь, занимавшій самое видное мѣсто въ обрядахъ монголо татарской религіи? Или: не стояло ли въ первоначальномъ текстѣ расказа вмѣсто кусту слово «хвосту», т. е. поклоненіе тому конскому или буйволову хвосту, который развѣвался на главномъ знамени Золотоордынскаго хана? Впрочемъ и поклоненіе кусту не есть что либо необычайное. Въ Западной Россіи, именно въ Пинскомъ уѣздѣ до сихъ поръ существуетъ праздникъ куста: на завтра Троицына дня деревенскія дѣвушки выбираютъ изъ своей среды самую красивую, и надѣваютъ на нее родъ платья, сплетеннаго изъ березовыхъ и липовыхъ вѣтвей; она получаетъ названіе «куста», и идетъ впереди, а за нею всѣ дѣвушки попарно. (Памятн. книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г. стр. 80).

Любопытно сравнить помянутые монголо-татарскіе обряды съ такими же очистительными обрядами посредствомъ огня, которымъ подвергались византійскіе послы въ VI вѣкѣ въ среднеазійской ордѣ турецкаго хана Дизавула (Менандра Excerpta de legationibus. Общія черты Турко-Хазарскаго царства, основаннаго на нижней Волгѣ въ VI в., и Золотой Орды Батыевой указаны мною въ Розыск. о началѣ Руси. Стр. 84).

Плано Карпини упоминаетъ еще объ одномъ русскомъ князѣ, Андреѣ Сарвогльскомъ, который около того же времени былъ убитъ въ Ордѣ по приказу Батыеву, вслѣдстіе взведенной на него клеветы, будто онъ выводитъ изъ Орды татарскихъ лошадей и продаетъ ихъ въ другія мѣста. Младшій братъ и вдова убитаго пріѣхали къ Батыю просить, чтобъ ихъ не лишали наслѣдственной волости. У Татаръ былъ обычай брать за себя жену умершаго брата, и Батый приказалъ вдовой русской княгинѣ послѣдовать татарскому обычаю, т. е. выдти замужъ за своего деверя. Напрасно она отвѣчала, что лучше умретъ нежели нарушитъ уставы своей церкви; ихъ обоихъ насильно принудили къ брачному совокупленію. (У Языкова 89. прим. 55). Отсюда впрочемъ нельзя выводить ка-

кое либо общее правило въ отношеніяхъ ордынскихъ хановъ къ русскимъ князьмъ; въ этомъ случаѣ просто выразилось глумленіе варваровъ надъ покоренными владѣтелями. Карамзинъ (т. IV. прим. 62) считаетъ упомянутаго здѣсь князя Андрея сыномъ Мстислава Романовича Кіевскаго (прежде бывшаго Смоленскимъ), погибшаго на Калкѣ: онъ ссылается на одну синодальную лѣтопись, гдѣ сказано, что въ 1245 г. царь Батый убилъ князя Андрея Мстиславича. А можетъ быть это сынъ также погибшаго на Калкѣ Мстислава Святославича Черниговскаго? Послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что Карпиніевъ Сарвогльскій удѣлъ можно сблизить съ Воргольскимъ удѣломъ, о которомъ наши лѣтописи упоминаютъ подъ 1283—4 гг. говоря объ Олегѣ, князѣ Рыльскомъ и Воргольскомъ. Рѣчка Воргола—притокъ Сосны.

[55]) Легенда о Пелгусіѣ, равно и подвиги шести мужей вошли въ сказаніе объ Александрѣ Невскомъ, которое встрѣчается въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ (Новогород. четвертомъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ, Никонов.). Приводимъ эту легенду (по Новог. Четвертой):

«Бѣ нѣкто мужъ, старѣйшина въ земли Ижерской, именемъ Пелгусій; поручена бѣ ему стража морская; всиріятъ же святое крещеніе, и живяше посредѣ роду своего погана суща, и наречено бысть ему имя въ святомъ крещеніи Филиппъ; живяше богоугодно, въ среду и пятокъ пребывая въ алчбѣ; тѣмъ же сподоби его Богъ видѣнію страшну. Увѣдавъ силу ратныхъ, иде противу князя Александра, да скажетъ ему станы, обрѣте бо ихъ. Стоящю же ему при краи моря, стрегущю обои пути, и пробысть всю нощь въ бдѣніи; яко же нача всходити солнце, и услыша шумъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ единъ гребущъ, посреди насада стояща Бориса и Глѣба въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста руки держаще на рамахъ, гребци же сѣдяща аки въ молнію одѣны. И рече Борисъ: «брате Глѣбе! вели грести; да поможемъ сроднику своему Александру». Видѣвъ же Пелгусій таковое видѣніе и слышавъ таковый гласъ отъ святую, стояше трепетенъ дондеже насадъ отъиде отъ очію его; потомъ скоро поѣхавъ къ Александру: онъ же видѣвъ его радостныма очима, исповѣда ему единому, яко же видѣ и слыша. Князь же отвѣща ему: «сего не рци никому же».

Замѣчательную аналогію съ этимъ разсказомъ представляетъ подобная же легенда, которою украсилась побѣда современника Алек-

сандрова, чешскаго короля Пшемысла Оттокара, надъ угорскимъ Белою, на берегахъ Моравы въ 1260 г. Самъ Оттокаръ въ письмѣ своемъ къ папѣ расказываетъ, что одинъ преданный ему благочестивый мужъ, оставшійся дома по болѣзни, въ день битвы удостоился видѣнія. Ему явились покровители Чешской земли свв. Венцеславъ, Адалбертъ и Прокопій; при чемъ Венцеславъ сказалъ своимъ товарищамъ, что войско ихъ (Чеховъ) слабо и надобно ему помочь. (Тургенева Histor. Russ. Monumenta. II. 349).

Хотя составитель Сказанія объ Александрѣ говоритъ, что онъ писалъ по расказамъ отцовъ, а объ Невской побѣдѣ слышалъ отъ участниковъ и даже отъ самого Александра; однако расказъ объ этой битвѣ обилуетъ явнымъ преувеличиваніемъ относительно враговъ. Во первыхъ, въ непріятельскомъ ополченіи кромѣ Своевъ (Шведовъ) будто принимали участіе Мурмане (Норвежцы), Сумь и Емь. Убитыхъ враговъ будто бы было такъ много, что наполнено три корабля одними знатными людьми; а прочихъ, которымъ ископали ямы, было безъ числа. Не болѣе 20 убитыхъ съ Русской стороны слишкомъ тому противорѣчитъ, и показываетъ, что битва вообще не имѣла большихъ размѣровъ. Имя шведскаго вождя обыкновенно не упоминается, хотя онъ называется королемъ Римскимъ (т. е. латинскимъ или католическимъ). Только въ немногихъ сводахъ лѣтописей прибавлено Бергель, т. е. Бергеръ (Новогор. Четверт.). При описаніи битвы въ нѣкоторыхъ спискахъ еще говорится, что тутъ былъ убитъ воевода ихъ Спиридонъ (Новогор. первая); тогда какъ имя Спиридона носилъ въ это время архіепископъ Новогородскій. Что касается до извѣстнаго Фолькунга Биргера, женатаго на дочери короля Эриха, то онъ возведенъ въ достоинство ярла нѣсколько позднѣе, въ 1248 г. (Geschichte Schwedens von Geijer. I. 152.).

[56]) П. С. Р. Лѣт. Лѣтописи упоминаютъ о поѣздкѣ Александра къ Сартаку и походѣ Татаръ на Андрея подъ однимъ годомъ, не связывая между собою эти два событія. Прямое извѣстіе о наговорѣ Александра хану противъ своего брата Андрея находимъ только у Татищева (IV. 24). Карамзинъ считаетъ это извѣстіе вымысломъ Татищева (Т. IV. прим. 88). Бѣляевъ старается оправдать Александра отъ этого обвиненія ссылкою на умолчаніе извѣстныхъ намъ лѣтописей, и повторяетъ мнѣніе князя Щербатова, что наговоръ былъ сдѣланъ дядею Святославомъ Всеволодовичемъ, къ

которому и относитъ слова Андрея: «доколѣ будемъ наводить другъ на друга Татаръ». («Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій». Временникъ Об. II. и Др. IV. 18). Соловьевъ въ своей исторіи полагаетъ извѣстіе Татищева вполнѣ достовѣрнымъ (Т. III. прим. 299). Мы тоже находимъ его достовѣрнымъ, если принять во вниманіе всѣ обстоятельства; Александръ очевидно считалъ себя обиженнымъ послѣ того, какъ Владимірскимъ столомъ овладѣлъ его младшій братъ, вѣроятно употребивъ для того передъ ханомъ какіе нибудь ловкіе извороты.

[57]) Лѣтописи Лаврент. Новогород. Софійск. Воскресен. Никонов. и Троицкая. См. папскія грамоты: къ Юрію Всеволодовичу (Historica Russiae Monumenta. I. N. LXXIII) и Александру Ярославичу (ibid. LXXXVIII).

[58]) Лѣтописные своды Новогородскіе, Псковскіе, Софійскіе, Воскресенскій и Никоновскій. Сказаніе о Довмонтѣ, вошедшее почти во всѣ эти своды (изъ Новгородскихъ только въ Четвертый), относитъ его блистательную вылазку противъ осаждавшихъ Нѣмцевъ къ 1172 году. Но тутъ очевидная хронологическая ошибка. Соображая разныя обстоятельства, мы относимъ данное событіе къ осадѣ 1269 года, о которой своды упоминаютъ вскользь и очень глухо, какъ будто тамъ въ это время не было Довмонта. См. Карамз. къ Т. IV прим. 128. и Ав. Энгельмана «Хронологическія изслѣдованія въ Области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV вв.». Спб. 1858. Между прочимъ см. хронологическое сличеніе съ Ливонской рифмованной Хроникой (стр. 20 и далѣе). Но въ изложеніи событій эта хроника страдаетъ явнымъ пристрастіемъ: напримѣръ по ея словамъ Русскіе будто бы понесли совершенное пораженіе. (Scriptores Rer. Livon. I. 652). Еще см. Боннеля Russisch-Liwländische chronographie. St. Ptrsb. 1862.

[59]) Договорныя грамоты Ярослава Ярославича съ Новымъ городомъ 1265 и 1270 гг. изданы въ Собр. Госуд. Грам. и Договор. I. №№ 1—3. Уставъ о Мостовыхъ невѣрно приписывали Ярославу I; а потому издавали и объясняли его вмѣстѣ съ Русской Правдой. Приводимыя въ немъ имена Кондрата и Ратибора ясно указываютъ на время около Раковорской битвы. Договоръ Новгорода 1270 года съ Нѣмецкими городами и Готландомъ сохранился въ Любекскомъ

архивѣ на Нижненѣмецкомъ языкѣ. Впервые онъ былъ отпечатанъ Лаппенбергомъ въ изданномъ имъ сочиненіи Сарторіуса Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse и въ Codex juris diplomatici Lubecensis; потомъ у Тобина (Sammlung krit. bearb. Quellen der Gesch. des Russ. Rechtes) и Бунге. (Liv-Esth-und Kurländ. Urkundenbuch). Договору 1270 года посвящено прекрасное изслѣдованіе Н. Андреевскаго. Спб. 1855., гдѣ помѣщенъ Нижненѣмецкій текстъ его съ переводомъ на Верхненѣмецкій и Русскій языки. Кромѣ этого трактата въ Любекскомъ архивѣ сохранилась еще договорная грамота Новгорода съ Ганзою и Готландомъ на латинскомъ языкѣ. По нѣкоторымъ признакамъ ее относятъ ко времени между 1209 и 1270 гг., и считаютъ только ганзейскимъ проектомъ договора; на что ясно указываютъ отсутствіе подписей и печатей и такія привиллегіи нѣмецкимъ купцамъ въ Новгородѣ, на которыя едва ли Новгородцы могли согласиться. Онъ напечатанъ впервые Дрейеромъ въ Specimen juris publici Lubecensis. 1762.; потомъ въ помянутыхъ изданіяхъ Сарторіуса и Любскаго Кодекса. Извлеченіе изъ него по русски сдѣлано Карамзинымъ въ прим. 244 къ Т. III. См. о той же грамотѣ въ «Изслѣдованіяхъ» Лерберга. Кромѣ того пособіями для вопроса о помянутыхъ договорахъ служатъ: Круга—Ueber den Vertrag des Fürsten Jaroslav-Jaroslavitsh и пр. vom Jahr 1209. (Forschungen. II Th.). Сарторіуса Geschichte des Hans. Bundes. Бермана De Skra von Nougarden (т. е. уставъ о Нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ), Германа Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches, Розенкамфа Der Deutsche Hof zu Nowgorod. Плошинскаго «Городское или среднее состояніе Рус. народа». Славянскаго «Историч. Обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ». Андреевскаго помянутое сочиненіе. Бережкова «О торговлѣ Руси съ Ганзой», и т. д. См. еще договорную грамоту Александра Невскаго и сына его Димитрія съ Нѣмцами относительно ихъ новогородской торговли въ «Русско-Ливонскихъ актахъ» № XVI.

[60]) О Ѳедорѣ Ростиславичѣ Ярославскомъ и Смоленскомъ въ лѣтоп. Лаврент. Воскрес. Никон. Какъ о Святомъ см. въ Степен. кн. 397 стр. и въ Опис. Румянц. Музея Востоковымъ на 433 стр. Его грамоту къ Рижскимъ властямъ о свободной торговлѣ Смоленска съ Ригою въ 1284 г. въ Собр. Гос. Грам. и Дог. II. № 3. Грамоты къ нему Рижскаго архіепископа въ Русско-Ливон. актахъ. № XXXIV.

О его жалованной грамотѣ Спасоярославскому монастырю въ «Исторіи Рос. іерархіи» VI. 229. Сказанія о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ 1859 г. Мартъ. А отрывки изъ него въ «Исторіи Рус. церкви» Макарія. IV. 339. Разсужденіе о немъ см. у Буслаева «Историческіе очерки Народ. словесности и искусства». II. 159.

[61]) О князьяхъ Ростовскихъ послѣ Батыева разоренія см. Корсакова «Меря и Ростовское княжество» гл. IV. О митрополитѣ Кириллѣ II и его «Правилѣ» 1274 года въ Исторіи Русс. Церкви Филарета II и въ «Исторіи Рус. Церкви» Макирія, IV. Правило это находится въ спискахъ Кормчей. Оно издано въ Русс. Достопамятностяхъ I. 106. Поученія или Слова Серапіона, въ числѣ четырехъ, найдены архіеп. Филаретомъ, авторомъ Исторіи Русс. Церкви и изданы въ «Прибав. къ Творен. св. Отцевъ». М. 1843. Пятое Слово Серапіона найдено профес. Шевыревымъ. См. его «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». II. 36. и «Лекціи» по Исторіи Русс. Словесности. Ш. 34. Ярлыкъ или льготная грамота, 1277 г., данная ханомъ Менгу-Темиромъ при митрополитѣ Кириллѣ II Русскому духовенству объ освобожденіи его отъ всякихъ даней и налоговъ, напечатана въ Собр. Гос. Грам. и Догов. II. № 2. Объ окончательномъ переселеніи митрополита Максима изъ Кіева во Владиміръ см. лѣт. Лавр. Новог. Воскресен. Никонов.

[62]) О баскакѣ Ахматѣ и Сѣверскихъ князьяхъ въ Лавр. Воскрес. Никонов. и у Татищева. О Новгородскихъ и Псковскихъ событіяхъ въ сводахъ Новогородскихъ, Псковскихъ и Софійскихъ. Любопытная грамота шведскаго короля Биргера отъ 4 Марта 1295 года гражданамъ Любека и другихъ ганзейскихъ городовъ о дозволеніи ихъ купцамъ ѣздить въ Новгородъ, но подъ условіемъ не привозить туда оружія, желѣза и стали, издана въ Codex juris diplomatici Lubecensis N. D. CXXXI и у Дрейера въ Specimen juris publici Lubecensis. CLXXIV. Новогородскія Скры или Ганзейскіе уставы Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, а также указаніе на разные ливонскіе и ганзейскіе документы, заключающіе подробности о торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Ганзою и о завистливой политикѣ Ливонскихъ Нѣмцевъ см. въ приложеніяхъ къ помянутому выше сочиненію Андреевскаго.

[63]) Лѣтопись Волынская по Ипатскому списку. Битву подъ Ярославлемъ эта лѣтопись относитъ къ 1249 г.; но хронологія ея, относящаяся къ этой эпохѣ, вообще невѣрна; что ясно изъ сличенія событій съ иноземными извѣстіями о нихъ. На эту невѣрность обстоятельно указываетъ Дашкевичъ въ своей монографіи «Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ». К. 1873. Нѣкоторыя упоминанія о Ростиславѣ Михайловичѣ встрѣчаются въ латинскихъ грамотахъ короля Белы, напримѣръ, по поводу услуги Лаврентія, отдавшаго своего коня королевскому зятю, т. е. Ростиславу (Imago novae Hungariae. Изд. Тимона). О дальнѣйшей судьбѣ этого князя и его семейства см. изслѣдованія Палацкаго «О русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ чешской королевы и родѣ его» (въ переводѣ Бодянскаго въ Чт. Об. И. и Др. 1846. № 3) и Палаузова «Ростиславъ Михайловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ въ XIII вѣкѣ». Спб. 1851. Палаузовъ между прочимъ отождествляетъ его съ тѣмъ загадочнымъ Ῥῶσος Οὖρος, который является у византійскаго историка Акрополиты какъ тесть юнаго болгарскаго царя Михаила Іоанновича и его посредникъ при заключеніи мира съ никейскимъ императоромъ Ѳедоромъ Ласкарисомъ (Acrop. cap. 62); тогда какъ Палацкій полагаетъ, что подъ этимъ Росось Уросъ надо разумѣть сербскаго короля Стефана Уроша. Брунъ въ своей статьѣ «Догадка касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгарскихъ въ XIII и XIV вв.» (Журн. М. Нар. Пр. 1878. Декабрь) болѣе наклоненъ къ мнѣнію Палацкаго.

[64]) Лѣтопись Ипатская. Что Даніилъ уже въ 1245 году отправился къ Батыю, а не въ 1250, какъ это сказано въ Ипат. лѣт., о томъ ясно свидѣтельствуетъ Плано Карпини. Расказывая о свиданіи Даніила съ Угорскимъ королемъ и императорскими послами въ Пожогѣ, Ипатская лѣтопись говоритъ: «Нѣмцы же дивящеся оружью Татарскому; бѣ бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю Руску, бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ» и пр. Татарское вліяніе, а слѣдовательно и татарское вооруженіе не могли еще проникнуть въ отдаленную отъ Золотой Орды Галицкую Русь; для этого нужно значительное время; а Даніилъ только за три года передъ тѣмъ призналъ себя данникомъ хана. Хотя это свиданіе въ Ипат. лѣт. помѣщено подъ 1252 г., но также не вѣрно. Принимая въ

расчетъ участіе въ данныхъ событіяхъ императора Фридриха II (скончавшагося въ 1250), оно происходило ранѣе 1249 года. Слѣдовательно было бы ошибкою принимать буквально помянутое выраженіе лѣтописи о татарскомъ вооруженіи галицкаго войска. Это вооруженіе и сбруя были чисто русскія, хотя и отзывались восточнымъ характеромъ: сношенія съ востокомъ и восточное вліяніе существовали съ незапамятныхъ временъ. Могло быть впрочемъ, что въ войскѣ Даніила находился какой либо вспомогательный татарскій отрядъ.

[65]) Ипат. лѣт. Плано Карпини. Относящіяся сюда папскія грамоты изданы Тургеневымъ въ Historica Russiae Monumenta. Т. I. Вообще все это дѣло съ уніей при Даніилѣ Романовичѣ за недостаткомъ обстоятельныхъ извѣстій остается пока не совсѣмъ яснымъ. Является вопросъ: вмѣстѣ съ коронованіемъ была ли формально принята Даніиломъ унія Червонно-Русской церкви съ Римскою. Одинъ изъ спеціальныхъ историковъ того края Шараневичъ въ своей «Исторіи Галицко-Володимірской Руси» (Львовъ. 1863) рѣшаетъ этотъ вопросъ положительно (стр. 98), т. е. считаетъ несомнѣннымъ, что князь и Галицко-русское духовенство признали унію и подчинили свою церковь папѣ. Онъ основывается на слѣдующихъ словахъ Ипатьев. лѣтописи: «Онъ же вѣнецъ отъ Бога прія, отъ церкви святыхъ Апостолъ и отъ стола св. Петра и отъ отца своего папы Некѣнтія и отъ всѣхъ епископовъ своихъ. Некѣнтій бо кляньше тѣхъ хулящимъ вѣру Грѣцкую правовѣрную и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о воединеньи церкви. Данило же прія отъ Бога вѣнецъ въ городѣ Дрогичинѣ, идущу ему на войну со сыномъ Львомъ и со Сомовитомъ княземъ Лядьскимъ». Здѣсь, хотя и видимъ весьма почтительное отношеніе лѣтописца къ папѣ и къ союзу съ нимъ Даніила, но говорится собственно о коронованіи королевскимъ вѣнцомъ; при чемъ соборъ о соединеніи церквей имѣлся еще только въ виду. (Разсужденіе объ отношеніяхъ къ папѣ см. у Дашкевича. 153. прим. 5).

[66]) Ипат. лѣт. Объ участіи Даніила въ битвѣ 1260 г. на Моравѣ говоритъ Оттокаръ въ своемъ письмѣ къ папѣ Александру IV. Histor. Rus. Monum. II. 348. Объ участіи галицко-волынскихъ князей въ походѣ Бурундая на Судомірско-Краковскую область упоминаютъ и польскіе историки, напримѣръ Кромеръ (De Origine et

rebus gestis Polonorum. Lib. IX). Только онъ ошибочно называетъ при этомъ самого Даніила, который тогда пребывалъ въ Венгріи.

[67]) Ипат. лѣт. Обыкновенно русская исторіографія слегка упоминаетъ о ятвяжскихъ походахъ Даніила. Но мы дорожимъ тѣми подробностями, которыя сообщаетъ о нихъ современникъ и повидимому участникъ ихъ волынскій лѣтописецъ. Въ этихъ подробностяхъ ясно отражается политическая и бытовая сторона того края.

[68]) Ипат. лѣт. Густын. лѣт. Kronika Богуфала и Годомысла Паска (у Бѣлевскаго т. II). Historia Polonica Длугоша. Kronika Стрыйковскаго. Kronika Litewska (такъ наз. Лѣтопись Быховца). Chronicon Livoniae Германа Варнеберга (Scriptores rerum Prussicarum т. II). Livländische Reimchronik Дитлиба Фонъ Альнпеке (Scriptores rerum Livonicarum. т. I). Chronicon Prussiae Дюисбурга. Historica Russiae monumenta. т. I. (папскія грамоты относящіяся къ обращенію и коронованію Миндовга №№ LXXXI—XCIII). Scarbiec diplomatów, posługujących krytycznego Vyjasnienia dzieyów Litwy, Rusi Litewskiej i oscien̄nych im Krajow Даниловича т. I. Wilno. 1860. «Русско-Ливонскіе акты» (См. грамоты касающіяся Миндовга и Гердена).

Относительно событій Литовской исторіи въ данную эпоху изъ всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, русскихъ, польскихъ, ливонскихъ и прусскихъ, самыя достовѣрныя и обстоятельныя принадлежатъ Волынской лѣтописи, которой мы преимущественно и держимся въ своей передачѣ. Ограничиваюсь при этомъ самымъ краткимъ обзоромъ этихъ событій, потому что темный періодъ Литовско-Кривской исторіи до появленія Гедимина остается пока недостаточно разъясненнымъ; въ особенности неясно возвышеніе Миндовга и его рода, по совершенному недостатку о томъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе фантастическая хронологія и генеалогія литовскихъ князей и многіе баснословные о нихъ расказы, встрѣчающіеся особенно у Стрыйковскаго и Быховца и проникшіе отсюда въ позднѣйшую польско-литовскую исторіографію, въ настоящее время уже отвергнуты и отчасти исправлены. Укажу на труды: Боннеля (Russisch—Liwländische Chonographie . S. Ptrsb. 1862), Бѣляева («Очерки исторіи Сѣверозап. края». Вильно 1867), Дашкевича («Княженіе Даніила Галицкаго». Кіевъ 1873) и особенно Антоновича («Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго». Кіевъ 1878).

[69]) Основнымъ источникомъ при изложеніи событій Югозападной Руси во второй половинѣ XIII вѣка служитъ таже Галицко-Волынская лѣтопись, изданная по Ипатскому списку, прекращающаяся 1292 годомъ. Событія этой эпохи очевидно записаны современникомъ, хорошо знавшимъ обстоятельства, и потому подробности имъ сообщаемыя особенно драгоцѣнны. Пособія тѣже, которыя приведены выше.

Въ 1767 г. въ Львовскомъ Лаврскомъ монастырѣ послѣ пожара открыты въ каменной часовнѣ задѣланныя въ стѣнѣ двѣ гробницы, обитыя серебрянными бляхами и украшенныя искусною рѣзьбою; на одной изъ нихъ вырѣзано имя Льва. Серебро перетоплено и обращено на обновленіе монастыря и церкви. («Критико-Историческая Повѣсть Червонной Руси» Зубрицкаго. 63).

Любопытную черту изъ дѣятельности галицко-волынскихъ князей представляютъ построенныя ими каменныя вежи. Кромѣ указанныхъ построеній Даніила и Владиміра Васильковича, Волынская лѣтопись упоминаетъ еще подъ 1291 г. о заложеніи каменнаго столпа въ городѣ Чарторыйскѣ. Нѣкоторыя соображенія объ этихъ вежахъ см. у Петрушевича въ его изслѣдованіи о Холмской епархіи и въ Encyklopedia powszechna (т. V. «Chelmskie wiezy»). Каменецкая вежа, Гродней. губ. Брест. уѣзда, описана у Бобровскаго («Гродненская губернія» т. II. стр. 1047) и у Срезневскаго (въ «Свѣдд. и замѣтк. о м[illegible]звѣстныхъ и неизвѣстн. памятникахъ». Спб. 1867.). По повод[illegible] Телебуги и Ногая на Угрію и Польшу см. Архимандрита [illegible] «Ханъ Ногай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славя[illegible] [illegible] И. и Др. 1868. кн. 3).

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 83. Децина или Дицина есть одна изъ болгарскихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное море. О ней упоминаетъ еще Конст. Багрянород. въ De administr. imperio. Слѣдовательно схватка кіевскихъ насадовъ съ берладниками произошла не въ низовьяхъ Днѣпра, а у береговъ Болгаріи.

Къ стр. 95. Житіе Авраамія Смоленскаго относится не къ XII вѣку, какъ прежде полагали (напр. въ Истор. Рос. іерархіи), а ко второй половинѣ XII и первой четверти XIII вѣка. См. о томъ Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ» 56.

Къ стр. 133. Крещеніе Карелы Ярославомъ Всеволодовичемъ относится къ 1227 году.

Къ стр. 295. Кромѣ преданія о Янѣ Усмовичѣ имѣемъ еще лѣтописное указаніе на двѣ боярскія семьи, возвысившіяся изъ простолюдиновъ: именно, галицкіе Домажиричи и Молибоговичи, которые происходили «отъ племени смердья» (Ип[illegible] подъ 1240 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вор. кф. 128479/1125

2 vols